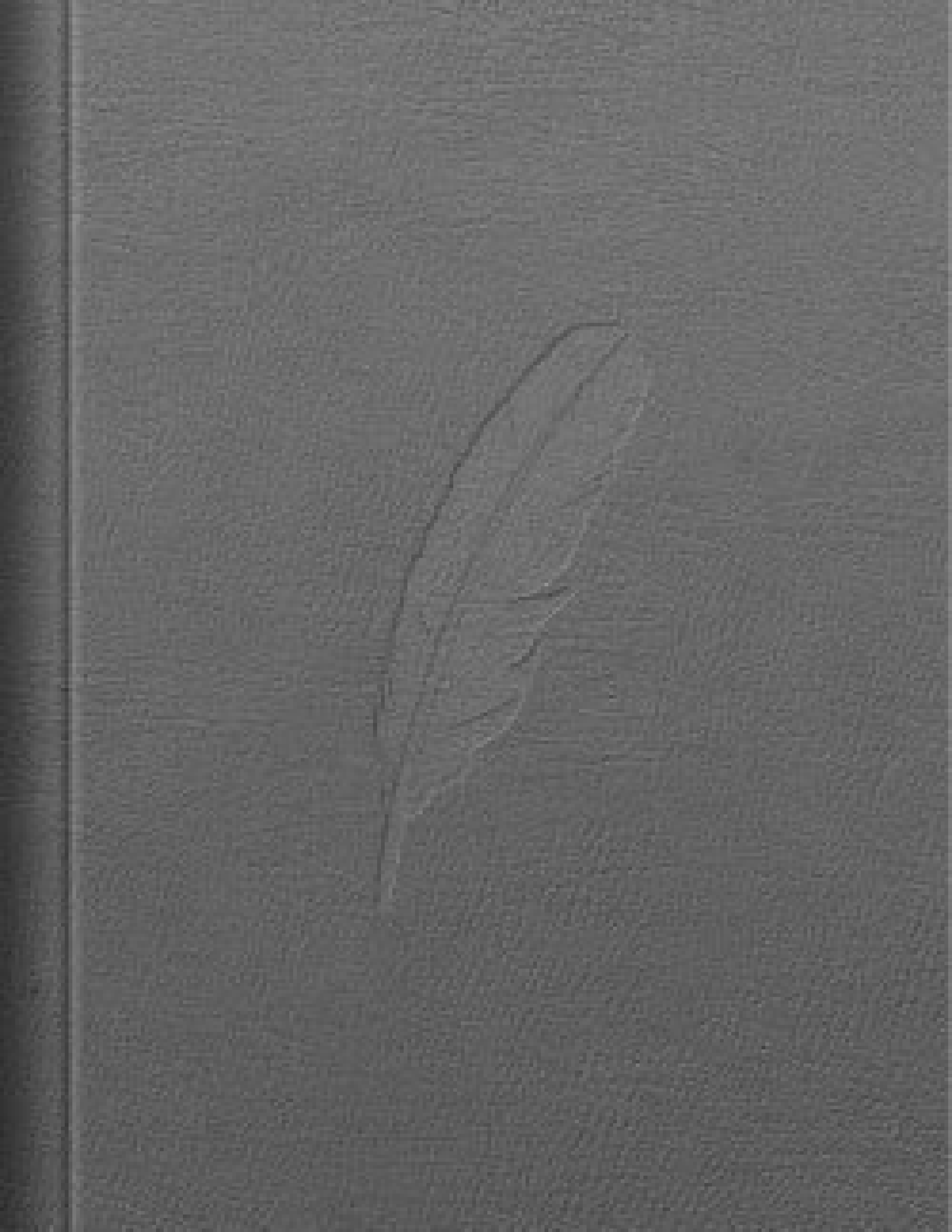

Annotation

Настоящее издание является продолжением книги “Мятеж номенклатуры (Москва 1990–1993 гг.)” и прослеживает дальнейшую судьбу ряда ключевых ее персонажей. Внешне простая задача, которую ставил перед собой автор “Мятежа…”, обернулась значительными сложностями и неожиданными поворотами общей канвы книги. В процессе работы многие наши прогнозы сбывались на глазах, а коррупционеры становились сами поборниками борьбы с коррупцией.

 /источник: http://flibusta.net/b/216052/read /

Савельев А.Н., Пыхтин С

"ПОСЛЕСЛОВИЕ К МЯТЕЖУ. 1995-2000

Книга 2

Предисловие к послесловию

Настоящее издание является продолжением книги “Мятеж номенк-латуры (Москва 1990–1993 гг.)” и прослеживает дальнейшую судьбу ряда ключевых ее персонажей. Внешне простая задача, которую ставил перед собой автор “Мятежа…”, обернулась значительными

сложностями и неожиданными поворотами общей канвы книги. В процессе работы многие наши прогнозы сбывались на глазах, а коррупционеры становились сами поборниками борьбы с коррупцией.

В период 1994–1999 гг. одним из немногих, кто занимался темными делами, творящимися в Москве, — Владимира Кучеренко. Серия его публикаций, книга “Москва — империя тьмы”, содержащая материалы, предоставленные ему свидетелями номенклатурного мятежа, а затем и другие его книги (выпущенные под псевдонимом), многое скажут тем, кто возьмется, наконец, вычищать авгиевы конюшни столичной и всероссийской номенклатуры. Хочется отдать должное мужеству и последовательности историка и журналиста. Его пример вдохновляет и авторов этих строк.

Еще один журналист и общественный деятель, не боящийся пинать московские власти — Анатолий Баранов, работал заместителем главного редактора газеты “Правда-5” (затем, одно время — в ВПК «МАПО»). Его статьи мы отчасти использовали при подготовке книги.

Серьезное влияние на позицию авторов оказало общение с бывшим председателем Краснопресненского райсовета Москвы Александром Красновым. Накал его полемики с Лужковым и прочими выкормышами номенклатуры до 1996 не ослабевал. Краснов атаковал прогнивший и проворовавшийся режим на выборах 1993, 1995 и 1996 годов, в некоторое время существовавшей радиопередаче «На самом деле». Тотальный контроль над прессой вынудил Александра Краснова на время замолчать. Но в 2001 году он снова вывел свою команду «Пресни» против московской номенклатуры, вернувшись в политику главой местной управы. Поддерживая Александра Краснова, мы своей книгой хотели бы выразить солидарность с его позицией, поместив в ней монологи этого смелого и жизнерадостного человека на самые животрепещущие темы. Мы сохранили яркий и своеобразный язык этих монологов, записанных в 1996 году, не стараясь придать им «причесанный вид».

Вслед за Кучеренко, Барановым и Красновым, на гнусные игрища московской и кремлевской номенклатуры мы отвечаем своей книгой и опять бросаем перчатку в номенклатурное мурло. Но не так, как это делает какой-нибудь «отмороженный» демократ, вроде экс-премьера С.Кириенко или наемный крушитель авторитетов вроде С.Доренко. Наши претензии конкретны, ибо нам доподлинно известна

подноготная этой власти и многих, кто сегодня прикидывается патриотами, будучи в недавнем прошлом откровенными и отъявленными врагами России и русских.

Трудности по части подготовки очередной оплеухи московскому чиновничеству были связаны с тем, что критические выступления о деятельности одного из главарей номенклатурного мятежа — Лужкова — были в 1994–1998 блокированы практически повсюду. Многие соучастники мятежа ушли в тень, оставив политическое пространство для нескольких всемогущих персонажей, о которых дурного слова не скажи — объявят врагом демократии или фашистом. Только в 1999, когда Лужков без подготовки сунулся драку за президентский пост, кое-где стали проскакивать критические нотки в его адрес, разрешенные из Кремля. Но в существо дела эта критика никогда не вдавалась, поскольку не могла затрагивать основы режима, созданного мятежом. Мы можем это сделать и делаем в своей книге, стремясь сохранить в истории соответствующие персонажи в их первозданном виде — забрызганными грязью и кровью, со сладострастными ухмылками изуверов.

Подавляющее большинство средств массовой информации в 1994–1999 было угрозами и посулами вынуждено было освещать последние судороги ельцинского режима в самом привлекательном свете, славить на все лады Лужкова и подобных ему, направляя народное недовольство в пространство — без конкретного адреса и адресата, в крайнем случае — на второстепенные и ложные цели. Даже коммунистические издания пришли к тому, что им невыгодно серьезно ссориться ни с Лужковым, ни с Черномырдиным (и его преемниками на посту премьера), ни с режимом в целом.

В 1995 году Лужков и один из его ближайших соратников под предлогом защиты своих чести и достоинства подали иск на книгу «Мятеж номенклатуры». Судебный процесс по надуманному поводу растянулся на два года. Пресса делала вид, что этот процесс для нее неинтересен, а на деле элементарно трусила.

Лужковские юристы в конце концов спасовали перед теми, кто защищал право сказать негодяю, что он негодяй. Усилиями бывших депутатов Моссовета — издателя «Мятежа…» А.Тюленева, адвоката В.Кузина и юриста Л.Иванова — номенклатура на этот раз была

оставлена без удовлетворения. Ну а мы продолжаем свое дело — суд над режимом, породившим Лужкова и ему подобных.

Авторов «Послесловия к мятежу» удручил, но не смирил результат, полученный московским мэром на выборах 1996 года — почти абсолютная поддержка москвичей, сохранившаяся и до 1999. Остается печалиться по поводу слепоты и духовной немощи обитателей столицы, но думать о другом — о будущих поколениях, которым надо будет избавляться от непролазной дури и лжи ельцинского режима. Глаза и души раскроются для правды, когда красть будет нечего — все украдено, а лгать не о чем — все изолгано. Поэтому мы продолжаем свою работу, продолжаем свой суд над передовым отрядом российской бюрократии — московским чиновничеством.

Что касается тематики немосковского характера (в основном о закулисных историях перед выборами и номенклатурной криминальщине), то они глубоко сплетены с историей Москвы. Об этом тоже стоит рассказать. Особенно о показательном процессе деградации «демократического» движения, «демократических» СМИ и их лидеров, почти доконавших нашу страну. Ведь в 1994–1999 гг. в этой сфере жизни произошли порой малозаметные события, которые, тем не менее, можно считать наказанием номенклатурных мятежников или прелюдией перед казнью.

И все-таки, для кого писалась эта книга? — мизерный тираж, никаких надежд всерьез задеть за живое опоенное ложью общество… Как писал Салтыков-Щедрин, которого мы не раз еще процитируем, “общество погрузилось с некоторых пор в такую смуту, что и само не разберет, пьяно оно или трезво. К кому обращаться со словом-то? — вот ведь к какому вопросу пришли. Будь слово самое трезвенное, все-таки найдутся пьяницы, которые перетолкуют его в пьяном смысле: будь то слово самое пьянственное — те же пьяницы будут плескать руками”.

Понимая всю немощь сил правды и справедливости в растрепанном «реформами» обществе, мы уверены, что слово не пропадает даром. Свидетельство тому — огромный интерес к книге «Мятеж номенклатуры» со стороны тех, кто мыслит над судьбой России и чает ее процветания. Нельзя сказать, что этих людей так уж

много, но у авторов «Послесловия к мятежу» их число вызывает удовлетворение.

Конечно, если только политические летописи писать, нам врагов России не одолеть. Но без летописей тоже категорически нельзя вернуть стране достоинство и смысл существования. Быть может то видение событий текущей истории, которое предлагается авторами книги, определенное как «необъективная история современной России», приглянется тем, кто всерьез захочет повернуть страну от нравственного и хозяйственного распада к славе и благополучию. Конспективно мы даем в книге обоснование идеологии русского возрождения, которая изложена нами в других изданиях достаточно подробно, а здесь выполняет роль источника света в конце темного туннеля номенклатурной преисподней.

Мы надеемся, что «Послесловие к мятежу» станет для многих важным источником информации и мировоззренческим ориентиром.

Авторы

Глава 1. Философия московской власти

“Кого ни послушаешь, все на что-то негодуют, жалуются, вопиют. Один говорит, что слишком мало свобод дают, другой что слишком много; один ропщет на то, что власть бездействует, другой — на то, что чересчур достаточно действует; одни находят, что глупость нас одолела, другие — что слишком мы умны стали; третьи, наконец, участвуют во всех пакостях и, хохоча, приговаривают: ну где такое безобразие видано?! Даже расхитители казенного имущества — и те недовольны, что скоро нечего расхищать будет.”

“…как ни обидна глупость, но при известной обстановке она может служить смягчающим обстоятельством. “Постыден, но без разумения” — такой вердикт еще можно вынести! Но ежели вердикт гласит кратко: “Постыден!” — и только по неизреченному милосердию судей не прибавляют: “с предварительно обдуманным намерением” — такого страшного вердикта положительно нельзя вынести!

М.Е.Салтыков-Щедрин

Город чудес в стране дураков

Россию разрывают на части не только недалекие, амбициозные и откровенно враждебные ей политики. Самому их появлению страна обязана тем, что государственность объединяется с хозяйствованием,

производственная организация экономики сливается с политической организацией общества, общенациональные интересы сводятся к интересам партийно-клановой номенклатуры. Дезориентация общества приобретает такие масштабы, что оно готово поверить любому беззастенчивому шарлатану, обладающему даром внушения. Или даже шарлатану без какого-либо дара — лишь бы сыпал обещаниями и кормил свою челядь. Конкурс на причастность ко двору, конкурс на милости номенклатурного барина — вот что совращало население, проспавшего свое будущее и давшее разрушить страну.

Среди деятелей так называемой “новой России”, личности которых обращали на себя особое внимание, особое место занимает господин-товарищ Лужков. Как господин царствующий над десятимиллионным городом, как товарищ принятый на всех этажах власти и в зарубежных клубах богатеев и прохиндеев. Его деятельность отнюдь не ограничивалась мэрскими полномочиями, он — крупнейший приватизатор власти и собственности. Он — крупнейший политический шарлатан и совратитель народа.

Амбиции Юрьмихалыча, подстегиваемые амией льстецов, простерлись так далеко, что к концу 1996 г. ни для кого не было секретом стремление московского градоправителя занять место российского президента, когда оно освободится после завершения карьеры Ельцина. Несмотря на то, что сам Лужков настойчиво отказывался от подобных предположений и не уставал повторять, что они несовместимы с его “этикой” и “моралью”, честолюбивые замыслы мэра были слишком очевидны. Особенно после того, как наш герой оказался не только мэром, но с лета 1996 г. стал еще и законодательствовать в “сенате”. Законодательствовал он шумно, переходя на стиль общения, принятый на стройплощадках и перенесенный затем в мэрские кабинеты. Шум был на публику, которой доказывалась способность Лужкова хамить не только в московских, но и во всероссийских масштабах.

Как бы то ни было, воззрения Лужкова, а не только его служебные поступки или льстивые статьи о его выдающихся качествах, должны быть подвергнуты тщательному рассмотрению. Обществу, в течение десятилетия занимающемуся избранием своих вождей (о чем оно совсем недавно не смело даже мечтать) и делающему, как показывает практика, один нелепый и опасный выбор за другим, необходимо

составить объективное представление о сущности человека, постоянно включаемого в пятерку наиболее влиятельных политиков России. Надо понять его “философию”, чтобы знать, отчего стране так трудно жилось все эти годы.

Будучи на подступах к вершине государственной власти, Лужков сделал два достаточно ответственных заявления, выявившие основные черты его реальной политики с самодовольной прямотой и беззастенчивой откровенностью. В одном из его интервью (КП 08.10.96) говорится: “Недавно я был в Саратове — там собрался весь цвет общественности города. Когда рассказал им о том, что сегодня представляет собой Москва, ее экономика, бюджет и условия взаимодействия с регионами, люди аплодировали. Они были изумлены: многие ведь до сих пор считают, что Москва — это империя зла, нахлебник, чужеспинник, город, который обирает всю Россию. И когда я сказал, что Москва вносит 25 процентов бюджета Российской Федерации, зал загудел. Как так — вся Россия, великая страна, грандиозная территория, 170 миллионов человек — на четверть питается от Москвы? А выходит так — в России всего 17 субъектов Федерации являются донорами”.

Иными словами, Лужков объявлял себя кормильцем всея России! Но за перевиранием реальной ситуации нам видится и еще один важный момент — стиль градоначальника, чье хозяйственно-политическое мышление демонстрирует субъективно-региональный идеализм (или идиотизм?).

Безаппеляционность, превращенная мэром столицы в ораторский прием, имеет и свою оборотную сторону. На это указывает второй документ — письма Лужкова молодым избирателям, расцвеченное лживыми мифами, наполненное показной бодростью.

В зависимости от состава аудитории и от того, находится ли он “среди своих” или трудится для собственной популярности, по одному и тому же вопросу у Лужкова имеются как минимум две — прямо противоположные — точки зрения. Для узкого круга коллег-губернаторов Россия и ее хозяйство “уже угроблены”, для молодежной аудитории она продолжает оставаться “великой страной с грандиозной территорией”. Для участников совещания за закрытыми дверями государство находится в “диком положении”, для публики — праздничное меню из мифов, побасенок и легенд об экономике и

бюджете, после которых провинциальный “цвет общественности города Саратова” разражается аплодисментами, не подозревая, что является участником очередной мистификации, подготовленной в “империи зла”.

Объективный, закономерный характер общественного развития отброшен в сторону. Его сменил откровенный субъективизм. Внушается суеверие, что “руководитель субъекта Федерации” в состоянии снизить или увеличить потребление производственных, энергетических или продовольственных ресурсов, что в его воле превратить “регион” из “дотационного” в “донорский”, что лишь одного его желания достаточно для того, чтобы региональное хозяйство “расслаблялось” или “напрягалось”. “Лучший мэр” (такое звание Лужкову присвоено в какой-то из многочисленных в России империй лжи) убежден, что при необходимости каждый “наместник” в состоянии совершить седьмой подвиг Геракла, и выгрести из Авгиевых конюшен нечто полезное и ароматное.

Рассматривая Москву в качестве своего владения, которым он вправе самовластно распоряжаться, столичный мэр, недовольный теперь политикой правительства России, заявлял, что готов “федеральный город”, подвластный Ельцину, подчинить Татарстану, возглавляемому Шаймиевым, поскольку дипломатичному наследнику булгар удалось превратить свой улус в ассоциированное с Россией государственное образование, выплачивая в общероссийскую казну чисто символические налоги.

Спрашивается, разве порядки, которые пытается навязать обществу Лужков, отличаются от уровня развития, свойственного раннему средневековью, в условиях которого любое государство представляло собой конгломерат практически самостоятельных княжеств с обособленной, замкнутой экономикой? Можно ли найти принципиальное различие между этими заявлениями и тем, что провозглашал в свое время, например, изменник и бунтовщик Дудаев? Быть может лишь то, что “хозяин” Москвы принадлежит к поклонникам феодального, а бывший “хозяин” Чечни — первобытно-патриархального общественного строя. Один, чтобы “приобрести небывалый экономический потенциал”, готов был русскую столицу превратить в татарскую вотчину, другой одну из провинций России —

в “самостоятельное государство Ичкерию” с примитивной родоплеменной системой.

* * *

Оценим теперь мысли Лужкова, создающие картину “экономики, в которой все складывается лучшим образом”.

Экономические схемы, построенные лучшим образом, предполагают, что вместо действительно самостоятельных предприятий, создающих материальные, интеллектуальные и культурные ценности, действует территориальный хозяйствующий субъект во главе с правителем, совмещающим в одном лице власть государя, собственника и управляющего, который считает “своим” все, что находится на “его” земле, и “чужим” то, что находится вовне.

Общенародная собственность на средства производства и естественные природные ресурсы превращается в результате приватизационных манипуляций не в частную собственность юридических лиц, а в собственность территориальных магнатов, правомочия которых можно сравнить разве что с правами феодальных князей средних веков.

Потребность в модернизации общественных отношений благодаря таким энергичным “мыслителям” и “деятелям”, как московский мэр, оборачивается абсурдом, нонсенсом — реставрацией в стране порядков XII века, девиз которых: “вассал моего вассала не мой вассал”, — и таким образом, к неизбежному в дальнейшем распаду на сотни ублюдочных “территориальных образований”, которые даже государствами в государстве можно будет назвать лишь в виде горькой шутки.

Государственная власть из средства защиты граждан превращается в их нещадного эксплуататора, поскольку экономика, организованная таким образом, стремится свести к минимуму количество населения, рассматривая любые расходы на него как непроизводительные издержки, подлежащие изживанию.

Следовательно, когда процесс, о котором мечтает Лужков, будет приведен в действие, то вслед за упразднением Советской России (СССР), а затем “реструктурированием” Российской Федерации начнется обособление первичных территориальных элементов — районов, округов и городов. Что же касается самой Москвы, то ее мэр, наконец-то ощутивший себя независимым и свободным, окажется

перед точно такой же фрондой префектов и супрефектов, которые так же, как и их патрон, начнут скрупулезно считать, какая часть Москвы является для московского бюджета “донором”, а какая “реципиентом”.

Сошедшая с ума вслед за Лужковым и его единомышленниками, страна получит вместо экономики современного типа, к которой оно созрело, к которой стремится, нечто до такой степени архаичное, что по своим характеристикам будет вторым изданием крепостничества, формой модернизированного средневековья со всеми прелестями его общественных отношений, которые могут существовать лишь в одном случае — если в “субъектах Федерации” будет установлен режим беспощадного насилия, откровенной тирании.

Разумеется, в этих экономических условиях ни о каком развитии производительных сил, современных производств, передовых технологий не может быть и речи. На месте единого экономического организма, расширенного до пределов государственных границ Российской Федерации, должны появиться не менее 89 замкнутых “экономических систем”, существующих в режиме автаркии, представляющих собой нечто вроде “поместий”, увеличенных по сравнению со своими предшественниками в сотни и тысячи раз. Регрессивный характер такого типа хозяйствования приведет к достаточно быстрому абсолютному уменьшению населения страны, его деквалификации и дебилизации. Спрос на высококвалифицированные кадры, особенно в сферах науки, тонкой технологии и образования исчезнет сам собой.

Вслед за сокращением экономического и демографического потенциала в сумасшедшей стране объективно сократятся и возможности обороны. С Россией как великой державой будет покончено. Она прекратит свое существование в течение нескольких, если не одного десятилетия и будет так или иначе захвачена мощными соседями.

Таковы в общих чертах неизбежные последствия бюджетно-экономической доктрины, пропаганда которой интенсивно ведется в последние годы. Внешнеполитическая дезинтеграция страны, осуществленная в период президентства Горбачева, и внутриполитическая дезинтеграция, завершаемая в президентство Ельцина, найдут свое логичное продолжение в окончательном

экономическом и государственном распаде России, если только этому процессу саморазложения не будет положен конец.

Россия будет убывать с усилением Москвы (А.Краснов. Мысли вслух.)

Вся страна стремится переехать в Москву. Беженцы из “горячих точек”, оголодавший Север, бандиты из всех уголков страны — все устремляются в столицу. Под обслуживание нарастающей массы городские власти выбивают у федерального центра дополнительные средства, чем привлекают в Москву следующую порцию мигрантов. И так до бесконечности. Если мы не движемся к периферии, то страна сжимается вокруг столицы, государство исчезает.

Россия может прирастать с Сибирью. Если же она прирастает в Москве, то Сибири мы можем очень скоро лишиться. Что мы можем противопоставить китайцам, которых уже миллион сидит в Приморье и еще сто миллионов с вожделением смотрят через границу?

Почему у нас настолько тяжелые отношения у нас с японцами? Японцам, которых на крошечных островах почти столько же, сколько живет нас в России, тесно, и острова, по поводу которых есть хоть какая-то юридическая зацепка, могут стать для них важным фактором развития. Поэтому и нудят: “Отдай острова, отдай острова…” Если бы на Курилах сейчас жило хотя бы десять миллионов населения, и все было переполосовано дорогами, забито предприятиями, кипела бы жизнь как в Японии, никто бы вопроса об их принадлежности не поднимал. А когда там один обтрепанный рыболовный сейнер, да паршивая собака на раздолбанном пирсе, плюс пограничники злые — хуже этой собаки — жрать хотят и смотрят, кому бы в морду дать… Японцы приедут веночки к могилам своих солдат положить, посмотрят и рассвирепеют: на кой ляд вам эти острова, если вы до сих пор живете в наших дотах еще военного времени?

То же касается и Китая. По одну сторону границы миллиардное население, по другую — неосвоенный богатейший край — только руки приложи. Да и границу уже толком никто не охраняет. Вот и текут слюни и слезы — не у милитаристов — у простых людей, охочих до работы. За что им нас любить? За то что нахватали территории, а теперь ни себе, ни другим толку от этого нет?

Когда Россия прирастала Сибирью, ни у кого не возникало вопросов о праве русских занять целый континент. Кто хотел

остановить нас или оспорить суверенитет на пограничных территориях, убедительно получили по зубам. Японцы помнят Хасан и Халхин-Гол, но в сегодняшней ситуации от этого еще больше звереют.

Понятно, что есть геополитические интересы, тут нас учить не надо. Но если не хотим отдавать, надо деньги вкладывать, народ привлекать. А у нас в Москву все стекается, а на периферии — пустые скалы в море и безнадежная тоска.

*** * ***

Деньги — единственная страсть, которую постоянно испытывает руководитель территории, “сидящий на хозяйстве”. Но в отличие от организатора производства, создающего средства за счет развития предприятия, “руководитель территории”, нисколько не заинтересованный в промышленном росте, добывает деньги там, где можно использовать привилегии, где не требуется крупных капиталовложений или же напротив, там, где кто-то намерился вложить деньги и есть административные рычаги выживания из него дополнительных средств “детишкам на молочишко”. Именно поэтому бюрократия Москвы симпатизирует банкам-ростовщикам и покровительствует торговым посредникам, нисколько не заботясь о материальном или научно-техническом производстве, именно поэтому строительные монстры громоздят в Москве фантастически дорогое жилье, безумно шикарные гостиницы и торговые центры, более похожие на выставочные залы. Не беда, что промышленная и научная жизнь Москвы едва теплится, главное — не иссякает поток денег в городскую казну, которую можно без особого напряжения приватизировать.

Если мэр столицы протестует против упорядочения деятельности “челноков”, значит именно с их торгово-посреднических операций легче всего получить разного рода доходы. Отнюдь не случайно относительно “ликвидации рабочих мест” отделываются пустопорожней демагогией, прикрывая фактическое безразличие человеколюбивой ссылкой на государство, которое “все больше и больше выбрасывает на улицу”. Мэр столицы не политик, он предприниматель от политики, заявляющий о себе: “Я хозяйственник!”.

Что обеспечивает доходность от предприятий северной части Тюменской области? Нефть и газ. А предприятий, расположенных в

Башкирии, Татарии, Свердловской, Самарской и некоторых других областях? Их все еще не до конца разбазаренная устойчивость, созданная всей страной в период “плановой экономики”. Отчего Москва, в которой фактически не работают крупные производства, производит такую массу денег? Благодаря банкам-спекуляторам, превратившим ее в город, живущий на грабительские проценты, обирающий и жиреющий за счет всей страны. Тут еще, например, и “Газпром”, который перечисляет в бюджет Москвы, на территории которой нет никаких скважин или крупных хранилищ, налоги — в 1996 году 3,8 млрд. рублей, в 1997 — 7,9 млрд. (МК 01.12.98). Те, кто приватизировал целые отрасли, кормит и территориальную бюрократию — ради стабильности и воровской солидарности. Но и ненавидит ее, стараясь улучить момент, чтобы вспороть жирное брюхо бюрократа-бездельника, выписывающего справки и живущего на этом бесполезном деле.

В борьбе правительства Москвы с правительством России проявляется не столкновение концепций развития, а противоречия магнатов-монополистов. Критика, которая обрушивается на правительство, является отголоском непримиримой вражды, возникшей между отдельными кланами, не сумевшими договориться о принципах раздела страны, собственности и доходов, а значит — и власти.

Деление России на регионы-доноры и регионы-реципиенты не просто абсурдно, а и опасно. Поскольку территориальная неравномерность в распределении хозяйственного потенциала носит объективный характер, нет и не может быть “хороших” и “плохих” областей, краев или городов. Юридическое “равенство отношений”, на которых настаивает г-н Лужков, означает усугубление фактического экономического неравенства, в которое обязательно попадут граждане страны в зависимости от места своего жительство. Вслед за имущественным неравенством возникает территориальное неравенство, зависть населения одного региона к другому, за которыми следуют сепаратизм и политический распад.

Отсюда понятно, что может произойти, если, с одной стороны, “выравнивать экономические условия взаимодействия регионов с государством”, а с другой — расширять и дальше для Москвы и других “регионов-доноров” льготы и преимущества. Не пройдет и

нескольких десятилетий такой политики, как от “грандиозной территории” Российской Федерации останутся отдельные разрозненные клочки. Остальные территории от такого “равенства” разбегутся в разные стороны.

Смехотворна в этой связи ссылка на опыт США времен “великой депрессии”. Рузвельт вводил государственное регулирование, а Лужков ратует за региональное регулирование; чтобы преодолеть кризис; Америка консолидировалась, а Россия распадается на составные элементы; американская элита стремилась к мировому господству, а элита Москвы — к частному благополучию по принципу ede, bide, lude — ешь, пей, веселись.

Лужков не может себе представить, что преодоление общенационального кризиса в экономике зависит от того, насколько решительно будут ограничены гипертрофированные, не обеспеченные реальным богатством денежные доходы столицы. Наоборот, его одолевают проекты, как свести к минимуму доходы конкурентов, всей остальной России, среди которых на первом месте — сырьевые отрасли.

Бюджет (А.Краснов. Мысли вслух.)

Бюджет должен наполняться налогами. Разработанный на основании неких гипотез о поступлении налогов проект бюджета должен уходить в представительный орган для длительной процедуры распределения этих денег. В административно-бюрократической системе иной механизм — распределение денег отдано на откуп одному мэру, которого одолевают отраслевые лоббисты-специалисты. В этой системе действует принцип “кто лучше обманет”. Происходит нечто подобное тому, как вычерпывали союзный бюджет отраслевые министерства типа Минводхоза: “У нас работает масса людей, давайте копать канал!”

Что происходит после того, как бюджет расписан бюрократами? Начинается сбор налогов. Но в этом сборе низовой чиновник совершенно не заинтересован. Сколько ни собери, все уходит в “закрома Родины” — в московский бюджет. Для чего стараться? Все равно приходится выпрашивать деньги у верховной власти — собрал ты их или не собрал.

Чиновнику нужно то ли украсть, то ли прославиться каким-нибудь проектом. Где он возьмет деньги? В городском бюджете? Да кто ж ему

даст! Нужно идти к Юрию Михайловичу со своим проектом, сидеть в приемной. То есть, деньги раздаются не там, где может быть выяснены запросы населения.

В такой ситуации мотив деятельности любого чиновника: “Зачем собирать бабки для города? Пусть пока другие собирают, я буду их выпрашивать, буду сидеть в приемной, где их раздают”. А еще часть денег собирается не в бюджет, а в карман начальнику РЭУ, который всегда может “не заметить” аренду какого-то помещения или существенно ее снизить. А какие слезы текут, когда начальника РЭУ вынимает из собственного кармана деньги на ремонт забора к приезду городского начальства!

Лужковская система крайне неэффективна, у нее КПД как у паровоза. Поэтому Москва собирает 30 % оттого, что могла бы собрать, оттого, что положено собрать.

Что произойдет с топливно-энергетическими отраслями, если “заморозить долги по топливу” и “в разы снизить цены на их продукцию”, как предлагает Лужков? Подчиняясь рыночным законам, нефть, газ, уголь, древесина хлынут за рубеж. Исчезнет сырье даже там, где еще что-то перерабатывается. Безработных будет еще больше, а значит произойдет увеличение числа тех, кто вместо производства будет вынужден заниматься посредничеством. Оказавшись в “армии челноков”, они и увеличат московские доходы. Следовательно, Москва сможет “кормить деньгами” (но деньгами, за которыми нет реального товарного обеспечения) уже не четверть, а треть и даже половину населения страны, превращенного, таким образом, из самодеятельного в призираемое. Единственное неудобство, которое придется испытать столице в прямом и переносном смысле, так это топливо, которое “челнокам” придется привозить на собственном горбу из Турции, Китая и Арабских эмиратов, чтобы не замерзать зимой.

Таким образом, если подвести итог анализу принципов, которые “лучший мэр страны” довел до сведения всех заинтересованных лиц в 1996 году, оказывается, что в политическом отношении они направлены на то, чтобы уничтожить Россию экономически, а в экономическом — чтобы уничтожить ее политически. Политик, публично провозглашавший, что он является сторонником рыночных преобразований и противником прежней, административно-командной системы хозяйствования, в свое время высокопарно назвавший

администрацию Москвы “правительством реформ”, предстает в облике закоренелого реакционера, пытающегося в конце XX столетия воскресить экономические и общественные порядки средневековья.

Перед нами не современный государственный деятель, стремящийся к тому, чтобы когда-нибудь стать “ключевой фигурой в государстве”, а феодальный правитель, которому не терпится превратиться в полновластного вассала при сюзерене, и интересы которого ограничиваются его вотчиной, где он чувствует себя непререкаемым “хозяином”. И слава Богу, что дурь Лужкова не расплескалась по России — это были бы “реформы” похлеще гайдаровских.

*** * ***

“Предел моих устремлений — Москва”, — заявлял г-н Лужков, удовлетворяя не столько любопытство журналистов, сколько успокаивая подозрительность дряхлеющего “монарха”, опасающегося, как бы за его спиной не сложился заговор, в котором честолюбивому мэру столицы может быть отведена решающая роль.

О том, насколько серьезно распространилась в этой среде психология заговоров и насколько далеки ее отдающие нафталином представления от политических технологий, можно судить по тому, как г-н Лужков искренно радуется, что “в их политической жизни” борьба за власть не сопровождается “войной, где противники уничтожают друг друга даже физически”; или демонстрирует непонимание: “какое моральное право имеет человек, который добровольно согласился работать в президентской команде, заявлять о своих претензиях на власть?”

Не предъявляя явных претензий на высший государственный пост, “лучший мэр” считал, что глава региональной исполнительной администрации должен иметь такую власть, которая бы носила абсолютный характер, чтобы она творила чудеса и демонстрировала нечеловеческую силу.

Все, что с таким апломбом декларировал г-н Лужков, представляет собой не демонстрацию глубокого понимания процессов управления современным государством, а откровенное ретроградство. В пассажах “серьезного политика”, каким считался г-н Лужков, сквозил злой политический инфантилизм, прекрасно совмещающийся у него с визгливой риторикой.

Греческий эпос хранит предание о царе Мидасе, прикосновение которого к любому предмету превращало последний в золото. Ничего хорошего из этого не получилось. В Москве существует собственный эпос — о величайшем хозяйственнике с выдающимися, героическими качествами. Не приходится сомневаться, во что могут быть конвертированы эти сомнительные таланты. Если русское общество заинтересовано в самосохранении, развитии, то единственная работа, которую можно поручить современному московскому Гераклу — это деятельность золотаря.

Воплощенное невежество

"Демократизация" в стране привела к тому, что академики стали плодиться как кошки. Даже пара лужковских префектов, вкупе с другими правительственными чиновниками, стала обладателями этого высшего научного титула. Разумеется, не имея никаких на то оснований — не то что авторских монографий, но подчас даже мало-мальски научных публикаций.

Лужков тоже решил приобщиться к науке. Одним из ярких свидетельств тому служит выступление перед студентами РГГУ (историко-архивная вотчина отставного демократа Ю.Афанасьева — большого друга столичной номенклатуры любой политической принадлежности). Студенты и преподаватели истекали слезами умиления услышав невразумительное обоснование "перспектив социально-экономического и политического развития России" ("Эгоизм власти", М.: РГГУ, 1996).

Для нас же изданная стенограмма выступления и ответов на вопросы интересна тем, что позволяет глубже проникнуть в потемки мэрской души, ставшей экспериментальной кухней постсоветской номенклатурной интриги, фабрикой закрепляемых ее политикой суждений.

Вводная часть замечательного документа представляет собой примитивнейший анализ итогов выборов в Государственную Думу в 1995 году, который не рискнула бы поместить на своих страницах ни одна порядочная газета (таковых, впрочем, еще поискать). В этом «анализе» Лужков постарался мягко отстраниться от правительства, получившего на выборах, несмотря на мощное административное и психологическое давление на избирателя, всего около 10 % голосов. Причина тому — ожидание, что Ельцин отдаст премьера

Черномырдина на закланье ради крупиц популярности в свою политическую казну. Лужков не преминул отметить в своем докладе, что около 20 % голосов, полученных блоком "Наш дом…", Черномырдин приобрел в его личной вотчине и татарской республике, которые вели "независимую политику".

Выходит, что больше всего голосов Черномырдин получил именно там, где меньше всего мог управлять ситуацией. Где-нибудь на Канарах он, возможно, мог бы получить еще больше. И вот эта очевидная нелепица брошена теоретизирующим Лужковым в физиономии раззявивших рты студентов и преподавателей РГГУ. При всем при том, разгадка парадокса проста. За НДР больше всего голосов получено там, где политика правительства меньше всего обчистила карманы населения. Не в том, конечно же, плане, что была осуществлена более или менее разумная политика. Просто некоторые территории стали своеобразной метрополией, наживающейся за счет остальной части страны. Вот там довольных начальством больше всего (да и самого начальства — целые полчища).

Отмечая, что провинция голосовала заметно иначе, чем столицы, Лужков полагался на распространение столичного мировоззрения на всю страну. Он явно упустил из виду, что процесс давно уже пошел вспять, что провинция просто наелась «реформ», которые принесли москвичам очередное подтверждение их исключительности (но вовсе не благополучие и достаток). Выборы 1995 года показали, что "красный пояс" территорий вокруг центральных районов страны затянулся в "красную удавку" вокруг столицы.

Впрочем, Лужкову в ближайший период нечего было особенно бояться за свою голову даже в случае победы коммунистов (того, что скрылось после президентских выборов под маской "народно-патриотического" блока). В худшем случае он уйдет на почетную пенсию. Или же останется на хозяйстве, вновь прикинувшись напрочь деполитизированным управленцем. Миф о таком аполитичном хозяине Москвы Лужковым подогревался несколько лет, и так просто чары не рассеются. Но все-таки… Не видеть явную опасность и демонстрировать свое неведение по поводу направления движения политического маятника публично — глупо. Слушать эти нелепицы студентам РГГУ просто стыдно. Но слушали, куда деваться.

То же самое можно сказать и по поводу неуклюжих реверансов в адрес полностью провалившейся команды Гайдара. Говорить, что гайдаровские выкормыши были профессионалами, которые все-таки имели какой-никакой план реформ, а нынешнее правительство — и того не имеет, по меньшей мере некорректно. Ничего они не имели. Малограмотный «доктор» Гайдар вообще ничего не мог «иметь». Импотенция, видите ли…

Бюрократы на хозяйстве (А.Краснов. Мысли вслух.)

Это было еще начало 1991 год до гайдаровского освобождения цен. Продукты просто перестали завозить в Москву. Не везут, и все тут! Как заманить продовольственные товары? Выход бы один — отменить все ограничения вообще, все налоги вообще, всю регистрацию, разрешения на право торговли! Мы приняли решение о том, что каждый человек имеет право торговать на территории района в любом месте в любое время без всяких ограничений. После «прокрутки» этого решения через средства массовой информации, к нам потянулся народ.

Когда пришла весна, стало тепло и появилась опасность осложнений санитарно-эпидемиологической обстановки, мы решение свое поменяли. Приучив к торговле, мы даже смогли ввести налог на очистку территории. На вырученные средства все территории после торговли за ночь приводились в порядок специальными бригадами. Это нормальная форма регулирования! Но она почему-то вызывала страшную ревность со стороны городских властей.

Потом по торговле ударила система торговой наценки. Цены-то отпущены, а вот розничные цены для магазинов — нет. Выясняется, что из нескольких партий колбасы магазинам выгоднее было заказывать самую дорогую, с которой они могли взять большую торговую наценку.

Магазины начали работать как мелкооптовые склады. Все, что туда завозилось из более или менее дешевого товара тут же выносилось с черного хода и продавалось тут же у магазина розничными торговцами. Для них ограничений с наценкой не было.

Тогда мы собрали руководителей крупных магазинов и предложили им отменить торговую наценку при условии, что эта наценка отдельно пробивается в кассовом аппарате. Наценку мы по-нормальному обложили налогом. Всех это устроило.

Мы снова проработали все документы и направили Гайдару. Через две недели выходит постановление правительства, в котором руководителям исполнительной ветви власти областей, краев и республик разрешается освобождать торговлю от ограничения наценок.

Лужков узнал о нашем письме Гайдару — шила в мешке не утаишь. В результате московская пресса разразилась целой серией статей о том, что Краснов хочет, чтобы все товары были дороже.

Прошло еще месяца три. Лужок «въехал» в вопрос и начал «своим» особо доверенным руководителям магазинов давать разрешение на отмену ограничений торговой наценки и хвастался этим. Вот какой феерический выверт произошел! Хвастался тем, что еще недавно всюду поносил!

Можно к этому привести пример с приватизацией такси. Как хвалили ее на все лады журналисты, обслуживающие власть! После этого все таксопарки превратились в сервисные центры, кадровый состав потерян. Восстановить такси сейчас — целая история.

Еще одна забавная деталь — по поводу дизельных такси. Была такая идея у московских властей — купить за рубежом «мерседесы» и использовать их как такси. Тут такая «мудрая» мысль была: мол, бензин, который не используем, мы продадим другим и за счет этого… И это все притом, что цена «мерседеса» в 10 раз дороже, чем «Волги»! Это полная шизофрения!

Вот еще история с мусоросжигающими заводами. Стоит посмотреть подшивку "Московской правды", чтобы обнаружить, что история с этими заводами длится уже многие годы, а воз и ныне там. За границу по поводу этих заводов переездило все московское правительство, все префекты. Каждый раз объявлялось: "Наконец у нас будет завод, который…!". И опять ничего.

Мусоросжигающие заводы — это область хозяйствования. А вот как ты пританцовываешь с Лайзой Минелли, на трапеции болтаешься, литературой балуешься — это из другой оперы, это к хозяйству не имеет отношения.

В своем выступлении Лужков постарался еще раз пнуть временно смотрящего в политическое небытие Чубайса. При этом ему довелось высказать тезис, потом повторенный Ельциным, — если бы не Чубайс, НДР получил бы не 10 %, а 20 % голосов на выборах. Ельцина

околополитические шутники поправили — если бы не Чубайс, то НДР получил бы точно 20 %, а вот если бы не Черномырдин, все 40 %. Лужкова поправить не смогли или не захотели. Скорее всего, Ельцин стал менее опасной мишенью для острот, а Лужкова предпочитали не трогать.

Перейдем к экономическим воззрениям мэра Москвы. В целом их можно отнести к такому антинаучному направлению экономической публицистики как ГАВРИИЛОПОПОВЩИНА (по имени "первого мэра" и псевдогрека Гаврюшки Попова).

Ключевой довод «гаврилопововщины» состоит в том, что государство, дотируя различные слои населения и виды деятельности, недоплачивает гражданам. Выход здесь, по мнению гаврилопоповцев, прост — прекратить дотации и выплачивать гражданам деньги, которые они по своей воле потратят на собственные нужды. В таком случае деньги вроде бы должны пойти туда, где услуги им будут предоставлены лучшего качества. Если же говорить о методе приватизации, то «гавриилопоповцы» (и Лужков) полагают, что приватизированы могут быть лишь приращение дохода и амортизационные отчисления.

Представить себе экономику, организованную подобным образом, можно только в "четвертом сне Веры Павловны". Этот сон не будет иметь никакого отношения к реальной экономике, реальным процессам в ней. Ведь в реальности никакой конкуренции по части качества товаров и услуг сегодня не существует, а при нынешней политике ее не предвидится и в будущем. Может быть в Москве еще удастся найти по соседству магазин почище и с ценами чуть ниже. Да и то вряд ли. Попытка же ликвидировать общественные фонды потребления привела к их полной ликвидации (приватизации чиновниками) без всяких компенсаций. Теми же поповыми и лужковыми, вешавшими нам лапшу на уши еще в конце 80-х. Зарплата от этого не только не возросла, но и серьезным образом сократилась.

Что же касается положения собственника, в реальной жизни он только тогда имеет шанс стать ответственным, когда рискует этой собственностью, а не только "амортизационными средствами". Если владение собственностью носит усеченный характер, никакого желания пользоваться ею рачительно не возникает, как не возникает его и по отношению к уворованной (приватизированной)

собственности, ради создания которой не пришлось шибко потеть. Зато возникает желание варварски и воровски ее эксплуатировать. И вот Лужков, выступая перед студентами, призывал пойти по второму кругу реформ, обманывая себя и других сказками о самопроизвольном появлении "эффективного собственника", смущая публику зарплатой в 400–500 долларов против нынешних 150. Если кому-то все это по душе — его воля дурить себе голову мечтами об утроении зарплаты. Для умственно здорового человека все это — злонамеренное вранье.

Необходимо остановиться еще на одном тезисе Лужкова. Он говорит, что собственники "обменяли власть на собственность" не для расширенного воспроизводства, а для перепродажи и спекуляции. И вроде это по делу, даже самокритично: кто собственность на власть меняет, кто власть на собственность. Но посмотрим на тезис Лужкова внимательнее.

Во-первых, мысль об обмене власти на собственность впервые прозвучал именно в адрес лужковского правительства еще в 1991 году. Тогда Лужков и его команда, проявив явную трусость, не пришли на организованную телевидением дискуссию в театре «Сфера». Интересы московских хозяйственников отстаивала пара Л.Пияшева-В.Миронов, сиротливо пристроившаяся в уголке пустой трибуны (первая — некогда известный журналист, прикинувшийся публицистом, второй — соратник разорителей страны, прикинувшийся депутатом России и Москвы). С трибуны предпринимателей отстаивал интересы Лужкова некто К.Затулин (комсомольские оперативник и внезапный биржевик). Именно в этот момент одним из нас (авторов книги) был выдвинут тезис об обмене власти на собственность. И касалось это именно Лужкова и его тогдашнего патрона Гаврилки Попова. Лужков вторично «изобрел» этот тезис (формально все еще правильный) с задержкой на пятилетку. Такой вот склероз в осознании социально-экономических процессов.

Во-вторых, где это Лужков разглядел "эффективного собственника", откуда ему было бы взяться, если не путем смены хозяина? От спекулянта собственность должна рано или поздно (в наличествующей ситуации, конечно же, поздно и мучительно) перейти к "эффективному хозяину". Что ж тогда критиковать спекулянтов? Ведь без них не будет и собственников! Опять нестыковочка выходит. Уж если захотелось иметь "эффективного собственника", то надо

прекращать воровать. Собственник будет ответственным, когда вор будет сидеть в тюрьме, а изобретатель дурного глубокомыслия — в доме престарелых или умалишенных. Не ранее.

Далее в своем докладе Лужков пользуется любимой идеей своего давнего экономического советника — бывшего депутата Моссовета Кемера Норкина — идеей о ренте за пользование природными ресурсами. Согласно этой идее, предприниматели сырьевых отраслей должны получать прибыль только за счет эффективной организации производства — не более того. Все остальное должны съедать налоги на пользование природными ресурсами, которые должны составлять 60–80 % мировой цены. Мэр столицы наивно (а может быть и с некоторой задней мыслью) предлагал вернуть ренту за природные ресурсы в бюджет государства и тем самым решить практически все финансовые проблемы — проблему зарплаты, проблему неплатежей, проблему оборотных средств предприятий. Ежу понятно, что все это — не более, чем "российская мечта" об экономическом чуде… Не предвиделось условий для такого оборота дела. Напротив, в тот период воровали сырье напропалую. И в Москве им тоже торговали, снимая пенки с завышенного потребления в отопительных системах.

Что оставалось от "умного тезиса" при столкновении с реальностью? Полоумье без просвета…

Говоря о свободе конкуренции, которая "выравнивает норму прибыли", Лужков демонстрировал вопиющее невежество. Ему даже мысли экстра-либерала Дж. Сороса о том, что свободная конкуренция и эффективная конкуренция — не одно и то же, не была известна. К тому же все это никак не клеится с регулированием сырьевых отраслей и усечением прав собственника, на которые рассчитывал Лужков.

Мэр, выступая за свободу конкуренции, говорил о том, что расчет на «доброе» государство безосновательен, а потом вдруг выписывал реверансы в адрес малоимущих, пенсионеров, инвалидов, матерей одиночек, которым, как оказывается, "надо уделять первостепенное внимание". Иначе, будто бы, реформы не будут иметь успеха. Так нужно «одаривать» бедняков или нет, нужно регулирующее воздействие государства или нет? По Лужкову выходит, что нужно и то, и это. Может это и так, да только тогда надо доходить до проблемы «как», отбросив очевидные благоглупости.

Такие случаи "плюрализма в одной голове" известны. Когда у Винни-Пуха спросили, будет ли он есть хлеб с вареньем или с медом, он ответил: "С вареньем и с медом, и можно без хлеба". В сказках такое бывает, в жизни — нет. А если и бывает, то только с печальным исходом — быстро кончаются и варенье, и мед, и хлеб.

Ларечная эпопея (А.Краснов. Мысли вслух.)

Указ о свободе торговли дал свободу ларечникам. Можно было бы ввести эту свободу в рамки, разрабатывая архитектурные проекты под ларечные городки на улицах и площадях столицы. Как бы не так. Три года лепили и лепили — как Бог на душу положит. Теперь уже в третий раз все сносят "под ноль".

Что означал запрет на установку ларьков с указанием "только установленной формы"? Он означал, что чиновники получали взятки сначала за установку ларька неустановленной формы, потом за то, что его не сносили, потом за смену его на ларек "установленной формы" и т. д.

Установленная форма — продукт фантазии чиновника, которому что-то рассказали о рынке и он решил: "А давайте будем ставить вот такие — одинаковые для всех палатки!" Но так дело не пошло и пойти не могло. Большие стеклянные окна, которые пытались навязать торговле, по ночам били и постепенно, несмотря на запреты, ларечная торговля нашла ту форму, в которой она могла существовать. Покупают больше там, где хорошее освещение, где не надо стоять под дождем, где вид самой палатки не отпугивает. Работает регулирующая сила рынка.

Но есть здесь и существенная роль власти. Она может ставить препоны, а может и помогать, сокращая период срабатывания рыночного механизма. Это и есть политическая воля — власть этим вопросом должна заниматься. Сначала надо сесть, подумать, потом собрать экспертов, специалистов, провести совещания, подготовить документы… Если, как это делают московские чиновники, просто сидеть, то политической воли нет, и все идет "само собой" при непротивлении всяким безобразиям.

В некоторых случаях рынок предполагает политическую волю, которая экономит затраты на изобретение простых вещей и сокращает возможности для коррупции. Власть на то и поставлена, чтобы потрудиться и выдать общее решение. Бросив кость, надо отслеживать

процесс, который вокруг этой кости начинает развиваться, кто ее начинает грызть.

Как все это происходит в Москве? Здесь чиновники давят торговлю всерьез. Ларечный бизнес сохранился только там, где имеются огромные потоки людей — у станций метро. В остальных местах ларьков почти нет. Почему?

Дело в том, что магазинное лобби в столице очень сильно и хорошо организованно. Работают они отвратительно. В основном это те же люди, которые работали и в прежние времена. Они привыкли работать на чужом кредитном ресурсе, получая товар с баз и неторопливо его реализуя. Только формально появились новые хозяева. На самом деле это те же коллективы магазинов — те же "тети Маши", что хамили, обвешивали и крали в прежние времена. Дела у них идут плохо, а киоски, что есть вблизи каждого магазина, торгуют споро — у них всегда есть товар, который дешевле, и в магазин мало кто идет за таким же. Руководители магазинов в результате собираются в кучку и идут к Лужкову: "Юрий Михайлович! Надо что-то делать с ларьками!". Для директоров магазинов ларечники — враги отечества, которых надо извести под корень.

Я помню как руководители района обращались к архитектору: "Где можно поставить ларьки?" Ответ районного архитектора, ГлавАПУ: "Нигде! Нет места в районе!" В то же время известно, что всю Москву при здравом архитектурном планировании можно уместить на территории в десять раз меньшей.

Помню как наш зампред исполкома пытался выколотить из районного архитектора схему расположения палаток близ метро "Улица 1905 года". Просто схему! Если все нельзя, то дайте схему как можно, чтобы при каждой установке киоска не бегать подписывать бумажку. Год архитектор не давал эту схему. Потому что мог за свою подпись получать мзду при установке каждой новой палатки.

Когда была борьба с палатками, я пытался поддержать торговлю, потому что товара, доступного потребителю, не было. Тогда Лужков снимал в районе палаток по 50 за сутки, а я ставил за то же время палаток 100. Районные депутаты со своими красными книжечками бросались на технику, которая была задействована против ларьков — руками снимали стропы кранов, пытающихся подцепить очередную торговую точку и увезти с глаз долой.

Я понимал, что если я не упрощу до предела выдачу разрешений на ларечную торговлю, то будут брать взятки. Поэтому руководителю торгового отдела был дан временной норматив на оформление документов — 10 минут. Если ко мне — председателю райсовета — попадал человек, который вибрирующим голосом начинает объяснять почему ему нужно разрешение на торговлю, я сразу брал у него письмо, расписывался и ставил дату и время. Потом говорил: "У вас есть 10 минут чтобы спуститься на один этаж, получить разрешение и вернуться ко мне, чтобы я мог расписаться и поставить печать. Если затратите более 10 минут, я буду считать, что у вас вымогают взятку. Не подводите наших сотрудников". Система работала — ставили каждый день до 100 палаток!

Если два года назад от предпринимателей стон стоял оттого, что затрахали уголовники, то теперь на уголовников не жалуются. Уголовники стали милейшими людьми — берут свой процент и не мешают. А вот от чиновников, которые плодятся бесконечно, спасу нет! Теперь нужна лицензия на вдох, лицензия на выдох и лицензия на промежуточное состояние между вдохом и выдохом. Нужна лицензия на торговлю, разрешение, патент, плюс отдельное разрешение на торговлю вино-водочными изделиями и отдельное — на табак. Потом появляются административно-техническая инспекция, инспекция по качеству, санэпидемстанция, четыре или пять видов милиции… Каждый проверяет отсутствие или наличие кассового аппарата, качество продукции и количество пыли по углам, а заодно проверяет, нет ли возможности забрать у тебя бутылку просто так — "за дружбу".

Второй виток социально-экономической мысли мэра раскручивается по поводу проблемы индивидуализма и коллективизма, давно изученной вдоль и поперек мыслителями всех профессий, которые Лужкову просто не известны. Та точка зрения, которую высказывал Лужков, именно поэтому и оказывалась старой и скучной, да к тому же, разделяемой весьма ограниченными людьми.

Лужков говорил: "Наша задача — пробудить в каждом человеке ясное понимание того, что он и только он является высшей инстанцией, ответственной за собственное благополучие", "…нужно исходить не "из принципа", а "из выгоды". Развитием общества должны править польза, выгода. Личная польза, личная выгода!"

К этому мы снова приведем слова Салтыкова-Щедрина: "Есть множество средств сделать человеческое существование постылым, но едва ли не самое верное из всех — это заставить человека посвятить себя культу самосохранения. Решившись на такой подвиг, надлежит победить в себе всякое буйство духа и признать свою жизнь низведенною на степень бесцельного мельканья на все время, пока будет длиться искус животолюбия".

Далее уж и вообще мэр заговаривается: "То, что человек всегда действует в собственных интересах, не вызывает сомнения".

Это, как говорится, чушь собачья. Мерзавцы и негодяи, в самом деле действуют так всегда, но общество стоит совершенно на других основаниях. Оно не на подлецах держится, а на подвижниках, бессребрениках и героях. "В собственных интересах" под пули в атаку не ходят.

К этому мы снова процитируем Салтыкова-Щедрина: "Шкурный инстинкт грозит погубить, если уже не погубил все прочие жизненные инстинкты. Ужасно подумать, что возможны общества, возможны времена, в которых только проповедь надругательства над человеческим образом пользуется правом гражданственности. Уши слышат, очи видят — и веры не имут. Невольно вырывается крик: неужто все это есть, неужто ничего другого не будет? Неужто все пропало, все? Ведь было же когда-то время, когда твердили, что без идеалов шагу ступить нельзя! были великие поэты, великие мыслители и ни один из них не упоминал, о «шкуре», ни один не указывал на принцип самосохранения, как на окончательную цель человеческих стремлений".

Лужков же как раз и думает, что человеческое бытие добродетельно только в том случае, если добрый сын отечества только тем и занят, что насыщается, переваривает и извергает — все в соответствии с "собственными интересами".

Великий Салтыков предупреждает нас: ежели хоть на миг верх у нас возьмут хлевные идеалы, "мы будем хлеб сеять на камне, а навоз валить во щи", нас просто вша заест! Именно это и происходит. А тем временем из уст Лужкова открыто звучит "крамола против человечества, против божьего образа, воплотившегося в человеке, против всего, что человеку дорого, чем оно живет и развивается".

Личная инициатива, согласно декларациям Лужкова, всегда эффективнее государственного управления. Это обосновывается тем, что личная инициатива связана с личным риском. Жесткие правила этого риска заставляют прыгать с 101 этажа в случае неудачи. И это Лужков считает неизбежным. По его выходит, что лишь риск обуславливает экономическую эффективность.

Это утверждение и рядом не лежало с истиной. Даже для колхозного базара это — бред сивой кобылы. А еще — наглая пропаганда собственного тунеядства — мол, личная инициатива все отрегулирует, а я в сторонке подожду, чтобы не вспотеть. Но и поживлюсь, если что на этой личной инициативе.

Мы можем привести пример крайней экономической неэффективности, основанной на личной инициативе. В условиях "демократических реформ", как известно, расплодилась масса фирм. Множество людей вынуждены были оторваться от производительного труда и спешно осваивать бухгалтерский учет, основы экономики и науки управления, изучать закономерности фондового рынка, а главное — способы обмана государства и ухода от налогов… И это лишь плата за то, чтобы выйти на рынок и обнаружить там пространство, поделенное номенклатурными монополиями и терзаемое рэкетирами. При таком растратном механизме нельзя ожидать возникновения мало-мальски новых товаров, новых технологий, новых орудий труда. Множество мелких самоучек, вынужденных отбросить свое образование, не в силах создать экономическую эффективность. Они создают лишь обстановку экономической деградации, пустой суеты и никчемной растраты творческой энергии.

Лужков изобретает два вида капитала — производительный и паразитический. Первый работает по схеме деньги-товар-деньги, второй занимается перепродажами вроде деньги-сырье-деньги. Причем под «сырьем» Лужков понимает все, что можно присвоить и продать.

Для нас ясно, что сказанное нашим «теоретиком» к экономическим закономерностям никакого отношения не имеет. Есть форма обогащения, опирающаяся на прямой захват национального достояния, а есть производство товаров, услуг и знаний. Это ничего не меняет в схеме деньги-товар-деньги. Вот когда на место «товара» в эту

схему попадают снова «деньги» или слово «власть» — действительно возникает паразитическая система, которая формально не противоречит ей (то есть, власти), а на деле является тем же способом захвата национального богатства, что так «эффективно» применила посткоммунистическая номенклатура. Уж здесь, Юрий Михайлович, предъявляйте претензии к своим уполномоченным банкам, да строительным монстрам, к своей воровской клике. То-то они жиреют, когда хиреет экономика!

Наконец, третий пируэт мыслей мэра — вокруг местного самоуправления. Опять тут кто-то из "литературных негров" пишет Лужкову полную дребедень.

Что такое местное самоуправление для Лужкова? Это избранный москвичами мэр и Городская Дума, "способные принимать самостоятельные решения, не обращаясь к федеральным органам власти".

Действительно, Лужков, получивший свой статус владельца всея Москвы прямо из рук Ельцина отнюдь не праведным путем, и Городская Дума численностью 35 человек, избранная в условиях подавления оппозиционных настроений ничтожным меньшинством населения (не более 12 % москвичей) — вот и все «самоуправление» десятимиллионного города. Сам Лужков немало потрудился, чтобы реальное самоуправление, доступное гражданам, затоптать насмерть, а Гордума, избранная поперек всякого законодательства, с декабря 1994 и вовсе утратила всякие признаки представительного органа, постановив продлить свои полномочия еще на два года. Просто взяла и постановила. А что ей было беспокоиться, если в стране беспредел?

Если принять все сказанное во внимание, Лужков выглядит в одних своих утверждениях примитивным лжецом, в других — глупцом. Отмечая признание мэра в том, что все сказанное им перед студентами РГГУ есть "философия власти в городе Москве", можно заключить, что лишь в названии брошюры со стенограммой умствований Лужкова случайно попалась щепотка правды. Лужков действительно продемонстрировал предельный "Эгоизм власти", предельную ее некомпетентность и лживость по самому широкому кругу вопросов.

Добавим к этому крылатую фразу мэра: "Я бы мог завуалировать, мог бы сказать мягче, но я не привык облекать свои мысли в

удобоваримые формы" ("Новое время" № 52 1996, с. 12).

И вот чем эта нелюбовь к удобоваримости кончается: "Лично себя виню, что несколько лет назад не увидел эту тенденцию страшного развала и не инициировал тогда же создания подобной организации (речь про движение «Отечество» — прим. авторов). Когда развалилась КПСС, я, как и многие, наверное, сказал себе: все больше никакие политические системы для меня не существуют, я делаю свое дело, и идеологии мне искать нечего. В России создался политический вакуум, который заняли гайдары, чубайсы и иже с ними. И мы оказались просто вынуждены заговорить о своей политической организации, потому что страну буквально нужно спасать. Сейчас нужно принимать меры не в режиме спокойных решений, сейчас требуются активные, неотложные "спасательные пояса"" (из выступления в г. Раменское, материалы пресс-центра ОПОО «Отечество», 1998).

В последних словах усматривается попытка уклониться от ответственности и заболтать свою прогайдаровскую, проельцинскую позицию. Мол, "на хозяйственной платформе" пребывал и ведать ничего не ведал. Ложь! Все ведал и сотрудничал с Кремлем, с самым отвратным ворьем, с душегубами и клятвопреступниками как никто — в этом была "философия московской власти" под руководством Лужкова.

*** * ***

В дебилизированном обществе чиновникам демонстрировать свое невежество, оказывается, вовсе не стыдно. В этом деле номенклатура проявляет даже какое-то особое обаяние. Лужков вовсе не одинок в своих попытках положить на бумагу собственное тщедушное жизненное кредо. У него есть последователи и конкуренты в этом деле.

Так, лужковский префект Брячихин (из бывших партийцев районного уровня) все-таки стал доктором экономических наук, не имея за душой никаких научных работ. Формальным основанием для присвоения степени формально стала абсолютно пустая книжка "Сколько власти нужно власти", реальным — должностное положение и распоряжение громадной собственностью Западного административного округа Москвы.

В начале 1995 года Брячихин выпустил еще одну двухсотстраничную пустышку "Власть в городе". По всей видимости,

это "фундаментальное исследование механизмов городского управления" послужит поводом для присвоения академического звания. Ведь в книге сделаны фундаментальные открытия!

Во-первых, открыта принципиально новая система местного самоуправления, которая должна, согласно Брячихину, формировать условия для развития и обострения конкуренции. Как и Лужков, Брячихин не понимает, что обострение конкуренции вовсе не оптимизирует экономику, а самоуправление надо держать от конкуренции подальше. Последнее необходимо в силу того, что смешение самоуправления с конкуренцией дает в виде неизбежного результата коррупцию. Именно таким образом сложилась "философия власти" в Москве, и именно ее Брячихин, сам не ведая того, оправдывал.

Во-вторых, Брячихин полагает, что "в нынешних условиях управленческая деятельность должна приобрети черты некоммерческого предпринимательства".

Это что еще за околесица? — спросит непосвященный читатель. О, это — «мудрость», «философия» московского чиновничества, пытающегося выдавить из себя хоть каплю чего-то нового! Тщетно, тщетно и уже немало лет без всяких надежд на успех очередной попытки. Практика подтверждает полную творческую недееспособность этих «философов». Уж лучше бы они плагиатом занимались, как Лужков, который сделал себя автором пчелиного улья, автором дорожной развязки, автором булочки особой формы и т. д. Вранье — да, но не отъявленная же глупость…

Дофилософствоваться можно и до такого: "Религия — это прежде всего вера. Я могу сказать, что верю в трудолюбие, добро, справедливость. Мне не нужен никакой посредник между верой и мной. Религия — это не опиум для народа, это просто поддержка человека, который не может самостоятельно себя духовно содержать" ("Кто есть кто" № 4, 1999). Надо понимать, что Брячихин — может. Потому и обходится без Бога, пробавляясь социальными и либеральными благоглупостями.

Глупость-то на деле оборачивается бедой. Действительно, параллельно со своими умалишенными изысканиями Брячихин проводит эксперимент по обслуживанию жилья частными фирмами в своем административном округе (МП 11.08.94), а его супрефекта

(бывшего депутата Моссовета) берут с поличным при получении крупной взятки (Ъ-daily, 21.10.94). Так что, номенклатурная «наука» с номенклатурной практикой идут рука об руку по пути абсурда.

Номенклатурные эксперименты традиционно на руку разным пронырливым личностям. Настолько пронырливым, что даже Лужков не вытерпел их наглости и в феврале 1994 создал специальную комиссию по поводу «экспериментов» в Западном административном округе Москвы. По результатам ее деятельности были арестованы взяточники из числа супрефектов и замначальника одного из управлений префектуры. Взятки брали за предоставление помещений под офисы, махинации со строительством гаражей и прочее.

Российский министр внутренних дел А.Куликов как-то раз обнародовал факт, что 70 % площадей, занимаемых госучреждениями, сдается ими в аренду. Деньги в бюджет при этом никто перечислять не собирается, а разница между коммерческой и льготной ставкой аренды зачастую кладется в карман чиновником. И это самый распространенный бизнес московской бюрократии. Ведь наиболее обширный фонд служебных помещений расположен в Москве.

В свое время Моссовет пытался взять под контроль предоставление этих площадей в аренду, наполнить платежами бюджет. Лужков не дал — предпочел наполнять карманы чиновникам-ворюгам. Вот и вся "философия".

*** * ***

Каждый раз когда читаешь «размышлизмы» Лужкова, становишься свидетелем продукта «образованщины» — попытки излагать поверхностно усвоенные или просто случайно подслушанные мысли — в силу своей индивидуальной должностной специфики и поставленной бюрократической задачи. В этом случае так и хочется сказать: "Сударь, вы невежа!".

Лужков, за два года до того, популяризующий самый примитивный и радикальный либерализм, к 1997 году стал патриотом-державником. Вот и в своем выступлении на российско-белорусском форуме (РФ № 5, 1997) он начинает оправдывать "имперские замашки" тем, что наш менталитет никогда не согласится на существование в маленькой стране на задворках Европы. Обрушивается Лужков и на Запад, и на либерал-демократов, ангажированных Западом, и на СМИ,

которые по убеждению Лужкова (вот какое открытие!) не сделали ни одной ошибки в служении силам расчленения страны.

Более того, Лужков вдруг признает, что подавляющее большинство граждан России сожалеет о распаде СССР, а принятая в 1991 году схема СНГ никого не устраивает. (Заметим, что даже принятая тогда схема усилиями таких политиков, как Лужков, была провалена. На ее месте возникло нечто другое — убогое и уродливое «содружество» со строной-обрубком во главе.)

Возникает вопрос, с чего бы это мэр города, который (город, да и мэр) сам более всего кормился с рук Запада и жирел, когда страна приходила в упадок, вдруг бросился осваивать ранее чуждую ему риторику? Что за пружина сработала в «органчике», уже несколько лет говорившем на другом языке?

Ответ прост. Лужков, стремящийся к президентскому креслу, интуитивно почувствовал, что для успеха избирательной кампании надо совершить подвиг. Вот и прикипел московский мэр к интеграционным инициативам президента Белоруссии Лукашенко. А заодно выболтал и свою тайную стратегию.

Суть стратегии состоит в том, чтобы добиться диктаторских полномочий, перенеся московский эксперимент на всю Россию. Внешне формулируется вполне благовидная цель — снижение числа «субъектов» Федерации до 10–12 (тоже, кстати, уворованная мысль — теперь у Конгресса русских общин, несколько лет кряду до того требовавшего того же).

С точки зрения управления это вполне логичный шаг. В других руках и других мозгах он мог бы стать благотворным для страны. Но тут Лужков вспоминает как извел 33 московский района, заменив их 10 префектурами. Вроде тоже положительное действие в целях совершенствования управления. Только за этой внешней стороной, есть еще и истинное содержание — не совершенствование, а слом всей машины управления с целью рассадить по доходным местам своих людей и установить фактическую личную диктатуру. Вот и для России предлагается «укрупнить» субъекты федерации, а по сути — ликвидировать любое народное представительство, как это сделано в Москве. Иначе говоря — воспроизвести номенклатурную систему в самом отвратительно ее виде. Потом на ее месте вырастут, как в Москве, новые ступеньки номенклатурной иерархии — московским

(лужковским) 130 райончикам найдется соответствие и на просторах России.

Стоит ли говорить, что лужковская схема государственного управления чудовищно неэффективна, с точки зрения экономики, предельно антидемократична, да еще лишена и всех преимуществ жесткой диктаторской власти, особенно эффективной в ситуации кризиса для преодоления этого кризиса. Не будучи круглым дураком, Лужков пропагандировал бред, имея целью обмануть, протащить под благовидным предлогом и прикрытием патриотической лексики предельно либеральную схему, уничтожающую последние остатки государственности. Распространяя свой способ правления на Россию, он стремился распространить на нее и все прелести московской экономики — повязанной Западом и насквозь коррумпированной.

Соответственным образом строит Лужков и свои представления о формировании системы власти. Он ее видит примерно так. Самоуправляющиеся сообщества делегируют более высокому уровню власти те полномочия, которое хотят. Причем не навсегда, а до тех пор, пока это выгодно. Это называется системой корпоративного интереса. (А на самом деле — всего лишь грубо перелицованная теория "общественного договора", попытки внедрения которой хорошо видны в плачевном состоянии современной России.) К этой системе примыкает принцип функционирования власти, изобретенный Лужковым, — принцип конкурентного платного служения. Мол, тогда власть не рассматривает общество как источник доходов, а всего лишь находится на службе, на которую ее нанимает общество. Попытки внедрения такого понимания власти мы видим вместе с результатами в условиях коммунистического правления, измучившего страну застоем, а потом уступившего ее по сходной цене наглым и жестоким разбойникам.

Вместе два принципа, изобретенные Лужковым, создают гремучую смесь, призванную взорвать мозги запутавшегося в своих пристрастиях избирателя. Он должен узнать здесь и нечто демократическое, и нечто патриотическое одновременно, а значит — поддержать Лужкова, который, якобы, будет находиться на службе в условиях конкуренции с другими чиновниками. Дудки! При Лужкове никогда и никакой конкуренции не возникало! Ни в экономике, ни в политике.

Кончено все эти теоретические измышления московского бюрократа — бред чистой воды. Но бред вполне осознанный. Лужков осознает, что невежество становится в его руках оружием борьбы за охмурение избирателя и обман политической элиты. Тут Лужкову, пожалуй, нет равных.

Чтобы закрыть тему — картинка, достойная пера. Это Лужков-изобретатель — о чем мы поминали выше. На международной выставке он представил какое-то колесико неясного назначения, объявил себя автором и тут же получил премию. Только между делом мы узнали, что колесико мэр изобрел в составе "большого творческого коллектива". Ну и еще. Лужков, как оказалось, изобрел и круглый улей. Ему невдомек, что медовые колоды испокон века делались круглыми. Теперь, правда, лужковский улей сделан из пластика и пенопласта. Вероятно, за производство этой пропахшей фенолом продукции фирма-изготовитель щедро отблагодарит московского мэра. И за пирожки-расстегаи, которые каждая толковая хозяйка умеет печь, тоже кто-то глубоко поклонился Лужкову. И в карман тоже не забыл конвертик положить.

Выдать свои гнусные изобретения в качестве рецепта спасения — это высший пилотаж! Доказать рабам, что они абсолютно свободы — блестящий ход номенклатурного пройдохи! Не зря многие академии домогаются членства у них московского мэра. Такой талант пропадает…

*** * ***

А вот еще — свеженькое. Образца 1999 года. Когда мэр метил в президенты. И надо было ему показать что-то «свеженькое» — чтоб народ понял и восхитился, признал за своего. Ельцин показывал с ноги ботинки «Скороход» и раз проехался в троллейбусе. А Лужков стал лекции читать — в народном духе. И рассказики пописывать — в том же духе.

Лужков-писатель — это неисчерпаемый кладезь для того, чтобы раздеть эту персону, оборвать с нее фиговы листочки и показать публике действительную натуру.

Наверное самое важное его признание — блатной образ мысли, который будущий московский градоначальник впитал в своем детском дворе. В его память врубились «понятия» воровской среды — до такой степени, что сам того не ведая, Лужков всегда и жил по этим понятием.

Вот в своих воспоминаниях о студенческой работе в одной башкирской «зоне» Лужков передает воровскую «феню». Неподготовленный читатель с трудом уловит смысл, которым сам Юрий Михайлович просто упивается. Он пишет, что с детства "понимал блатнячок", но сокрушается, что все это — "отдельные слова, а не умение думать на жаргоне". Для нас, сирых, блатное сочинение-изложение бесед с тюремным паханом — и есть проявление определенного мировоззрения, "умение думать на жаргоне" и даже желание так думать.

Лужков лишь в конце рассказа пытается ставить себя в оппозицию блатной среде. Но это только в той части, где он говорит о методах теле-войны против его персоны в 1999 году. Все это он объявляет партийно-блатной коалицией против него. А до этого в словах пахана (который на Лужкова произвел вовсе не отталкивающее впечатление), он видел альтернативу режиму, где нет истинной свободы. И отлито это в неслучайную в устах Лужкова фразу, запавшую ему в душу от пахана: "вор — дело фартовое. Тут не бабки важны, философия".

Вот где была смущена душа Лужкова, вот где затаилась страсть к не связанному ничем произволу: "воры не идут ни на какой сговор с властями, не участвуют в социальной жизни, не признают государственной и партийной машины. Они держат свое сообщество, отгораживаясь правилами и запретами, жаргоном и ритуалами. Они существуют как бы в параллельном мире, в другой системе координат, со своим кодексом чести и «правильными» понятиями".

Этот нигилизм врос в сознание предперестроечной номенклатуры: "Бог устроил мир не по вашим законам, а "по понятиям"". Потому и рухнул закон, а за ним — страна.

В общем, Лужков прав: "блатная культура, выпестованная в зоне, была затребована именно властью". Только он заметил это когда телекомментатор, разоблачавший его, "шестерил как типичный сявка". Мы же увидели то же самое со стороны самого Лужкова и ельцинской шайки, в которую он входил", уже в 1991 году. Именно тогда с участием Лужкова началась "война новых законников за блатную утопию. Мечта устроить власть "по понятиям". Сделать зону образцом общественного устройства".

Ложь стала для Лужкова частью натуры. Он даже не замечает, как вываливает на бумагу откровенную чушь: "однажды в конце девяносто

второго года в мой кабинет вошла старушка с авоськой в руке". Кто бывал в указанный период в указанном месте, знает, что никаких старушек там и в помине быть не могло. И не только старушек. К Лужкову не мог бы попасть и депутат, для которого мандат народного избранника открывал множество дверей.

Не зря Лужков назвал свой рассказик «Мистика». Ему померещилось — что-то такое было, но что — мы уже не узнаем. Какая-то «муза» спустилась с потолка мэрского кабинета и нашептала ему судьбу — строить Храм Христа Спасителя.

Все вранье, все! И утверждение Лужкова, что к 90-м годам бассейн «Москва» представлял собой развалины и свалку, и то, что никто не собирался воссоздавать Храм. Дискуссии на эту тему шли не один год, а в начале 90-х у бассейна постоянно шли молебны и крестные ходы. Сам же Лужков тогда планировал восстанавливать не храм, а бассейн. И только мощное движение верующих его остановило. А решение строить храм возникло в голове мэра лишь в 1995 году. И не так, чтобы "как-то вечером" "напроситься на прием к Патриарху", будто бы и не ведающему о планах такого строительства. Боже мой, до какой же степени нужно потерять голову, чтобы рассказывать публике, как ты убеждаешь Патриарха строить храм да еще расспрашивает о подробностях — будто бы сомневаясь в разумности затеи!

Да, видно была какая-то мистическая «старушка», чтобы помочь Лужкову в речи на открытии Храма призвать ее в свидетели, заставить вручить невесть откуда взявшуюся старинную Библию Патриарху и ввести публику в "ошеломление, экстаз, восторг".

Не забудем, что весь этот «пиар» состоялся на излете 1999 года, и был запланирован именно на этап президентской избирательной кампании. Вот там как раз и ужен был экстаз. Ни Храму, ни Церкви экстаз не только не нужен, эта душевная разгоряченность театрализованной сценой им претят, а для зараженных горячкой душ — просто вредна.

Следующий фрагмент "философии Московской власти" открывается для нас с новой стороны предисловием академика Велихова, который, как говорили в свое время умудрился "использовать атом не в мирных и не в военных, а в личных целях". На этот раз физик-академик признался, что "путь науки в таких условиях

слишком долог и тернист", "а действовать приходится немедленно". И таким образом дал карт бланш Лужкову, который в своей "народной смекалке" никогда не полагался на науку. Ему ближе другие методы. Как отмечает Велихов, "Жванецкий объяснял больше, чем экономические науки". Вот и Лужков туда же — к своим "Российским законам Паркинсона".

Позвольте, но при всем этом, Лужков ссылается на Макса Вебера, прочитать которого не всякому гуманитарию дано — не то что выпускнику «керосинки»! Да дело в том, что "научная харизма" все равно оказывается нужно, и литературный негр вставляет имя немецкого социолога в текст, а Лужков его произносит перед аудиторией.

Вот что точно от Лужкова — это хамская строка подонка Губермана против тютчевской, славящей Россию. Лужков сладострастно цитирует Губермана: "Давно пора…три точки… мать, умом Россию понимать". Это родное — от собственного номенклатурного "менталитета".

Лужков пытается выявить "национальные особенности" — в смысле "свойств среды, социального целого". Вот когда выявим — тогда, по Лужкову, поймем (умом! — как говорит Лужков, а не верой, как завещал Тютчев) причины неудачности наших "реформ".

Интересно, как повернулся ум Лужкова, когда он взял в руки машинописную копию "Законов Паркинсона" — "трижды перечитал текст и запомнил на всю жизнь. Он, можно сказать, изменил мой взгляд, дал угол зрения на ситуации, с которыми сталкивался почти ежедневно". Вот, оказывается, откуда "научная харизма" в сочетании с народной смекалкой! Тут невольно поймешь, что на образование надо "наплевать и забыть". Паркинсон — вот гений современности, подобный Копернику и Ньютону. ""Законы Паркинсона" — нечто аналогичное квантовой революции в физике". Именно Паркинсон, по мысли Лужкова, должен заменить либеральных авторитетов Хайека с Фридманом. Этих можно читать. Но по методу Лужкова исключительно после Паркинсона. А все потому, что он ближе к нашей «ментальности», к нашим пословицам. Слушайте Лужкова, господа ученые — доценты с кандидатами! По пословицам надо жить и пословицами управлять — надо, чтобы "подобные истины стали

фактом поголовной грамотности, вошли в школьные учебники". А если не поймут — по матерком их в три этажа.

Но дальше-то, дальше что! Лужков просто про себя, да про себя (хотя вроде как про кого-то другого): "чем больше капитализма и рынка по рецептам Фридмана и МВФ, тем больше российского феодализма на деле. Строили рыночную экономику, а получили «блефономику». Делали свободную конкуренцию, а построили систему, где главная прибыль извлекается не за счет успеха на рынке, а за счет распределения "властной ренты", умения ладить с авторитетами, жить по понятиям и так далее".

Да, нет — все-таки про себя. Потому что Лужков вовсе не критикует безобразия, он их оправдывает «ментальностью». Так, мол, было у нас всегда. Просто это надо понять, а поняв — начать управлять. В смысле "такого управляемого хаоса", где все воруют и, как указывает нам Лужков, получают от этого удовольствие. Это про нас — про всех! (Может спутал автор чего — своих с чужими смешал? Его «свои» — точно крадут все, что плохо иль хорошо лежит.)

Весь свой жизненный опыт, жизненное кредо, опыт участия в ельцинской команде Лужков сконцентрировал в описании такого общества: "Идеальное состояние подобной системы — чтобы был царь, который плохо соображает, которого надо хвалить, опутывать, подсовывать разные кризисы и вообще всеми способами выводить из строя. Чтобы он за все отвечал и не мог сообразить что делает. А под крышей у этого царя-вождя-кумира заниматься своими делами, не по закону, а по понятиям, то есть законам неписаным, которые воплощают единый принцип российского общежития: "Живи и жить давай другим"". Лужков знает, что говорит. И мы знаем. Мы знаем, что они (и он) так живут и так жить хотят.

Вообще лужковские умствования, если говорить серьезно, любого русского человека должно просто оскорблять. Одно дело, когда народ в пословицах высмеивает самого себя, свои пороки (которые вовсе не есть "менталитет"), когда эти пороки (вовсе не распространенные сплошь) смехом и иронией бичуются, другое дело, когда наглый чинуша делает народную мудрость половой тряпкой для своей нечистоплотной «аналитики». У Лужкова по всему получается, что дело не в разорительных реформах, а в русском «менталитете» — мол, не могли реформ при таком народе пойти нормально, и это надо были

видеть наперед. Вот лишь в чем упрек Лужкова гайдаро-чубайсам — не видели наперед, что народ — дрянь: надеется на авось, манну небесную, ленив, вороват и страну свою не любит.

Все-таки Лужков на последок своей лекции успел шаркнуть ножкой: мол, не народ плохой, а страна плохо управляется. А что такое "управляется хорошо"? Лужков прямо-то не говорит. Но проговаривается, формулируя закон тунеядца: "отстроить систему, где все бы работало само собой, почти без вмешательства власти". То есть, чтобы все у нас было и ничего нам за это не было. Но это в перспективе, пока есть опасность ответственности. А до того — закон держиморды и "белокурой бестии": "в нужный момент волевым усилием поперек всего поворачиваешь тенденцию, изменяешь направленность, и люди, оказавшись в таком волевом поле, начинают действовать". А бутерброд уже не падает маслом вниз. На это способны только «центристы». И запишите себе в блокнотик, как делает мэр: "Главное заблуждение науки об управлении — будто вообще есть такая наука". Так сказал Лужков. Хау!

Лганье на глянцевой бумаге

Ложь— слишком мягкое слово для определения качества той информации, которую преподносят московские власти москвичам и гостям столицы в печатном и устном слове. *Лганье*— вот термин, примененный когда-то Салтыковым-Щедриным. Московские власти пробавляются именно лганьем, ежечасно жизнедействуют в этом лганье. Это их способ существования.

В конце 1994 года мэрия Москвы совместно и объединением “Интурреклама” выпустила тиражом 30.000 экземпляров рекламный буклет о работе московской администрации. Это тупое лганье-вранье на великолепных глянцевых страницах, идентичное “творчеству” застойных брежневских лет.

Предваряя парад рапортов, Ю.Лужков обратился к читателям на страницах своей рекламной брошюры. Он заявил вот что: “Новые власти столицы во главу угла поставили интересы человека. Прежде всего надо было приблизить органы управления к людям, организовать действенный и постоянный контроль за выполнением принятых решений”.

Сегодня мы с полной уверенностью можем сказать, что во главу угла мэр и его приспешники поставили интересы стяжателя, мздоимца,

коррупционера — больше никого. Органы управления были несколькими разорительным реформами полностью оторваны от гражданина, органы местного самоуправления уничтожены, Городская Дума превращена в отдел при мэре, городское хозяйство — в рассадник коррупции, должности в администрации — в источник наживы, властная иерархия — в систему круговой поруки.

Лужков представляет дело так, что практически полная приватизация торговли и сферы услуг, а также 50 % приватизация промышленности, принесли городу большую пользу. Жители столицы могут оценить приватизационное безобразие именно как “пользу”. Им кажется, что уровень их благосостояния остался вполне приемлемым, особенно в условиях кризиса. Но в действительности, распродав более половины имущества, мы почувствовали только необходимость туже затянуть пояса, а кое-кто вообще по миру пошел. Что от Москвы осталось нашим детям? Не общая собственность, рачительно наращиваемая отцами города, а неимущее существование, ожидание подачек от власти и милостыни от спонсоров.

Успех Лужкова и его номенклатурной компании будто бы состоит в том, что в столице сосредоточилось более трети из 2000 коммерческих банков. Но вспомним, сколько обмануто ими, сколько еще будет обмануто?.. Сколько криминальных денег отмыто ими, сколько еще будет отмыто?.. В том числе с помощью правительства Москвы, с помощью его уполномоченных банков.

Лужков пишет, что московское правительство поддерживает промышленных предпринимателей, занятых производством. Как бы не так! Взять к примеру строительный бизнес. Здесь происходила не только монополизация рынка полукриминальными монополистами, но и удушение любого конкурирующего с ними предприятия. Власти Москвы не только не осуществляли поддержки независимого предпринимательства, но всячески угнетали его. Кто не верит — пусть попробует открыть свое предприятие и прочувствовать это на собственной шкуре. Или спросить пытавшихся это сделать.

Главное, чем беззастенчиво козыряет Лужков в своей глянцевой брошюре:

— спад промышленного производства в столице менее глубокий, чем в целом по стране;

— кризисные явления практически не получили заметного развития в строительстве, торговле, городском хозяйстве, пищевой промышленности, на рынке труда;

— темпы роста доходов населения и потребительских цен практически совпадают.

Мы опять сошлемся на то, что половина промышленного потенциала Москвы распродана. Может быть именно отсюда создается иллюзия относительного благополучия? Может быть у других дела идут хуже только оттого, что им нечего продать или оттого, что они не торопятся продавать?

В Москве были сконцентрированы ресурсы всей страны, создана мощная и современная промышленная научная база. Сказывается также близость к властным центрам, во многом облегчающая решения многочисленных вопросов. Воспользоваться этим богатством — большого ума не надо. Никакой заслуги Лужкова и его правительства в относительном (весьма относительном!) благополучии Москвы нет. Если распродать вторую половину промышленности Москвы, то может быть Лужков сможет хвастаться своими успехами еще одну пятилетку. А дальше что?

Приведем в дополнение к комментарию факт, опубликованный “Российской газетой” летом 1995. Речь идет об открытом письме Лужкова российскому правительству. Во-первых, Лужков требует для закупки продовольствия 1.4 трлн. рублей под 10 % годовых и 200 млн. долларов под 3 %. Это эквивалентно прямым вливаниям в “бизнес” московского правительства сотен миллионов рублей. Во-вторых, из федеральных фондов выжимается 2 млн. тонн нефти и 2 млрд. “кубов” газа. Это еще одна статья “доходов” номенклатуры — в обмен на политическую стабильность в столице. Наконец, предполагается, что закупка продовольствия для Москвы будет вестись за счет платежей по задолженности иностранных государств Российской Федерации. В долг дает вся страна, а возвращаются деньги одному Лужкову.

Итог всех этих махинаций прежний. Например, такой — за год с августа 1993 г. основные продукты питания в России подорожали в 2.74 раза, а в Москве — в 3.1 раза. В 1996 году стоимость “корзины” из 19-ти важнейших продуктов в Москве превысила 300 тыс. рублей в месяц на человека, что в полтора-два раза выше, чем в целом по

России. Выходит, рапорты Лужкова — форменное вранье, а учитывая их скрытый смысл — именно лганье.

“Конкуренция обостряется, и вследствие этого качественные показатели растут”. Лужков козыряет цифрами зарегистрированных предприятий. Зарегистрировано действительно много. Москвичи поверили словам о рыночной экономике и решили пробовать свои силы. Но сколько из 14000 новых предприятий торговли и сферы услуг на тот момент действовало, сколько из 5000 новых строительных организаций нашло потребителя, сколько из 500 новых автотранспортных предприятий было работоспособно? Учет не велся, ибо он вскрыл бы лживость словес о развитии рыночных отношений в столице. Наиболее удачно адаптировались в столице к “рыночным отношениям” всяческое ворье и жулье — это точно.

Борьба за муниципальную собственность (А.Краснов. Мысли вслух.)

Для предпринимателя в сегодняшней ситуации очень хочется перейти от феодальной раздробленности к абсолютной монархии. Чтобы было понятно, кто есть начальник, и если договорился с ним или его службой, то все остальное решается самостоятельными усилиями. То есть, не возникнет еще какого-то хозяина, который начнет диктовать изменение условий.

Если муниципальный орган (то ли местный представительный орган, то ли глава администрации) говорит “я хозяин на этой территории, и если я принял решение, то так оно и будет”, то это устраивает любого предпринимателя. Когда мы приняли скандальное решение о пространстве и воде в своем районе, ставилась именно такая задача — один хозяин. Поэтому у нас на Красной Пресне и начался предпринимательский бум.

История начиналась смешно. Несколько наших райсоветовских депутатов, которые были одновременно и депутатами Моссовета, как-то приехали с городской сессии и сказали, что необходимо срочно принимать решение в соответствии с Законом, по которому местные Советы (а тогда районные Советы являлись именно местными) могли до 1 июля 1990 года заявить свое право на собственность, находящуюся на их территории. Ажиотаж был серьезный, ибо город мог объявить все своим, и было неясно, как потом отделить свою часть собственности. Нам надо было срочно принимать решение, а потом

передавать крупные объекты в городское или федеральное подчинение.

Мы быстро составили решение, переписав из Закона все, что может быть предметом федеральной собственности. Туда входили понятия “водные ресурсы” и “недра”. Никакого “воздушного пространства”, о котором писали борзые журналисты, там не было. Это была чисто журналистская утка. Никаких своих придумок там не было.

Все началось с криков Станкевича: “Мы сдадим Краснопресненский райсовет в Музей Революции!” Дальше этот треп дошел до Михаила Сергеевича Горбачева, он тоже начал топать ногами.

Приняв нормальное решение, основанное на законе, мы готовы были отстаивать любую его позицию. Я выиграл полтора десятка судебных процессов против средств массовой информации по поводу защиты чести и достоинства — против тех, кто в оскорбительном тоне высказывался в том плане, что я принял решение о воздушном пространстве. Когда я просил предъявить документ, мне отвечали: “Да это всем известно!”. В результате все суды мы выигрывали: в нашем решении воздуха не было, да и решение было принято коллегиально.

Более того, когда мы стали смотреть логику закона, то оказалось, что законодатели не дураки. Оказалось, что в плане экологии, если ты объявил право собственности на воздух, который находится над данной территорией, ты можешь предъявить юридически выверенные претензии по поводу загрязнения воздуха источниками, находящимися вне твоей территории. Мы даже нашли прецеденты, что воздух не только муниципалитетами, но и частными лицами признается частью территории. Это связано и с вопросами солнечного освещения, и с нависающими козырьками зданий и т. п.

Воздух мы оставили в покое, а вот с землей наше решение пришлось как нельзя кстати. Если бы решения не было, никаких юридических оснований для того, чтобы запретить, например, строительство вблизи спальных районов линии высоковольтных передач или разрешить, например, строительство муниципальной стоянки для автомобилей, не было бы. Только в случае муниципальной собственности на землю можно взимать деньги за пользование стоянкой. Иных способов просто нет. Сегодня это произвол.

С водой было сложнее. У нас ее было мало — всего-то небольшое пространство вдоль набережной Москвы-реки. Но с момента принятия нашего решения любой бизнесмен, который в моем присутствии надувал щеки и жаловался, что мы не даем ему развернуться, получал предложение приобрести где-нибудь самый поганый пароходик, встать на набережной радом с "Александром Блоком" и сделать ресторан, гостиницу — все, что пожелаешь. С землей у нас сложно, а тут — никаких проблем! Если человек имел наглость заявить, что он готов к такому обороту дела, то ему вручался арендный договор с оплатой на квартал вперед.

Большинство внешне "крутых" бизнесменов оказывались на поверку болтунами, но проплачивали первый квартал и начинали поиски подходящей посудины. Потом оказывалось, что они "не тянут", место пустовало, а деньги оставались в районной казне. Когда я понял, что это происходит достаточно часто, то я начал сдавать одно и то же место трем, пятерым, двенадцати претендентам. Велик и могуч оказался только один человек, который дошел до того момента, что пригнал илочерпалку и углубил русло для большого корабля. Но и этот потом прогорел. Поставили только несколько небольших барж-корыт.

В результате мы получили возможность проплачивать первый взнос на получение жилья любому очереднику, который решил вступить в кооператив и выйти из очереди. За счет этой аренды мы могли бесплатно вывозить ветеранов в не Бог весть какой, но все-таки приличный, санаторий. Этого не было ни в одном другом районе.

Контролирующие органы все время домогались, откуда у нас деньги. Мы отвечали, что пакуем проданный воздух в пакеты и торгуем им на Манхэттене за валюту.

Поскольку тогда можно было иметь лишь один счет райсовета, то контролирующие органы очень любили Пресня-банк. Контролеры всевозможных ведомств все время спрашивали, на какие счета у Краснова лично есть право распорядителя кредитов. На это им отвечали: "Ни на один!". Мной, действительно, за все время не было подписано ни одного финансового документа. Все документы шли как решения районного Совета или его президиума. Ни одна прокуратура прицепиться не могла.

То же самое с землей. Многие участки мы сдавали в аренду, предлагая любому "крутому" бизнесмену проплатить первый квартал.

Все свои согласования мы гарантировали в любой момент. Те, кто считал, что “ухватил Бога за бороду”, недооценивали силу московской бюрократии, над которой мы тоже не были властны. В конце концов здесь мы тоже стали сдавать одно и то же место два-три раза одновременно. Ни разу между собой интересы застройщиков не столкнулись. Такова была сила московской администрации, которая никому не давала работать.

С недрами был тоже интересный правовой прецедент. У нас на территории располагалось посольство США. А посольства, как известно, обладают правом экстерриториальности. Так вот, понадобилось американцам провести тоннель между старым и новым посольством. Вот тут-то они и натолкнулись на нашу строительную бюрократию. Оказалось, что американцам предлагается один-единственный подрядчик — фирма господина Строева (который позднее в ту же Америку и удрал от грозящей ему тюрьмы).

Мало того, что эта фирма заламывала какие-то астрономические цены (с деньгами у американцев особых проблем не было), она стала предлагать неимоверно большие строки осуществления проекта. Когда я предложил найти тех, кто сделает все быстро и качественно, вся московская строительная мафия взвилась на дыбы — у них из-под носа уводят лакомый кусок! Так этот туннель и не построили.

Приведем еще несколько примеров деятельности московских властей.

Лужков прославился убийственными мерами в области финансов. Так, вмешательство в дела бирж со своим налогом на сделки привело к искажению системы формирования валютных курсов, но не принесло городу существенных доходов. Размещение временно свободных средств правительства Москвы на депозитах коммерческих банков дало последним возможность получить дополнительные прибыли и изъяло у предприятий столицы нужные им финансы. Этот шаг стал демонстрацией бесхозяйственности и непрофессионализма городских властей. Но все это меркнет перед созданием стараниями Лужкова целой криминальной республики, поднявшейся как не дрожжах за счет бесконтрольного и почти бесплатного использования московской собственности.

Напомним читателю, что в 1992–1993 году московское депутаты утроили лужковской номенклатуре настоящее сражение по поводу

сокрытия чуть ли не половины доходной части городского бюджета. Большая часть сокрытия приходилась именно на аренду нежилых помещений и эксплуатации городской собственности (см. “Мятеж номенклатуры”).

По прошествии нескольких лет читаем откровения лужковского вице-премьера О.М.Толкачева (РФ № 8, 1997):

“Когда мы начинали, доход города от аренды недвижимости до 1993 года составлял — в сопоставимых ценах — 40 млрд. рублей. И это тогда считалось много. На следующий годы мы запланировали 250 млрд., в шесть раз больше. А получили 450. В десять раз больше! Откуда, спрашивается? Открылись новые источники? Ничего подобного Эти деньги были в городе, вертелись, но оседали в чужих карманах, а теперь пошли в бюджет. На девяносто пятый год, идя от достигнутого, мы наметили получить 460 млрд. руб., а собрали 970 млрд. руб. Повышали арендную плату? Не без того. Но главное — правильно направили денежные потоки.

В девяносто пятом году собрали триллион девятьсот миллиардов рублей, а в прошлом — 2 триллиона 100 миллиардов. Это лишь аренда. В целом же только от работы с имуществом дополнительно к другим доходам город получил 6 триллионов рублей. Или миллиард двести миллионов долларов”.

Мы видим какие суммы присваивались до 1994 года московской номенклатурой и прикормленными ею недобросовестными предпринимателями. И это только верхняя часть айсберга, высунувшаяся наружу. Выходит, под руководством Лужкова задержка с принятием верных решений составляет где-то 3–4 года. За это время поезд давно ушел и мафиозный слой в обществе укрепился. Вот и приходится московской номенклатуре подпитывать его, служить его интересам.

Скажем более, все те успехи, о которых доложил Толкачев, свидетельствуют лишь об одном: прямое присвоение доходов города отчасти сменилось косвенным — через посредство городского бюджета.

Толкачев похвастался, что Москва получает от собственности в полтора раза больше, чем федеральное правительство со всей России. Питер же собирает доходов от собственности в 25 раз меньше Москвы, если пересчитать на душу населения. Вывод отсюда только один: по

стране продолжается прямая “приватизация” доходов, которые должны были бы поступать в бюджет и из которых должны быть оплачены пенсии и зарплаты. О масштабах этой “приватизации” говорит цифра, на которую в первом квартале 1997 чубайсовское правительство собралось сократить доходную часть бюджета — 100 трлн. рублей.

Симптоматично, что О.Толкачев был избран главой московского отделения “Союза Реалистов”, поддержавшего политику Лужкова, поскольку она соответствует современным нормам нового “демократического социализма” и “соответствует социал-демократической концепции”. В тот же курятник занесло и странноватого редактора “Московской правды”, и бывшего предисполкома Моссовета и предшественника Лужкова В.Сайкина, обретающегося при Лужкове в качестве шефа комитета по делам о несостоятельности, и приличного писателя Ю.Полякова (“Партинформ” № 29, 1997). Занятно, как “новый социализм” можно было совместить с радикально-либеральным бредом московской “философии власти”?

Теперь вернемся снова к глянцевому буклету, прославляющему Лужкова и его невиданные успехи, о которых (ввиду еще больших успехов) позднее говорили так: “тогда мы думали над проблемой, как не оставить город без хлеба”.

Для того, чтобы разоблачить все вранье, набранное отчетливым шрифтом на чудесной бумаге, нужно потратить немало слов. Мы остановимся в дополнение к вышеприведенным примерам еще только на одном — на истории с Северной ТЭЦ.

Лужков в своей рекламной книжке сообщает о дефиците тепла в северных районах столицы, который требовал ускоренного ввода в действие энергетического монстра, и комментирует свое сообщение: “Исполнительная власть столкнулась с сопротивлением “зеленых” и ряда депутатов бывшего Моссовета. Правительству Москвы и мэру пришлось, взяв всю ответственность на себя, принять решение о продолжении строительства ТЭЦ. Холодная зима 1994 г. подтвердила правильность этого решения”.

В этих фразах содержится фантастическая концентрация вранья! Никакого “ряда депутатов бывшего Моссовета” не было. Было законное решение Моссовета, тщательно взвешенное и согласованное

со специалистами. Лужков вовсе не возражал в свое время против этого решения, но в удобный момент саботировал его.

Исполнительная власть вовсе не “столкнулась” с чьим-то там сопротивлением, а элементарно нарушала и нарушает закон (это называется у преступников “брать всю ответственность на себя”), а зима 1994 г. была одной из самых теплых за последние десятилетия.

Потом были очень теплые зимы 1995–1999, во время которых столбик термометра редко опускался ниже 5 °С. Но номенклатура с таким усердием нагревала батареи, что люди мучались от жары. Зато, когда в 1999 году ранняя жара апреля (в течение которого топили просто нещадно) сменилась очень холодным маем, отопление тут же отключили. Три недели московские квартиры промерзали, и только после этого отопление было все-таки пущено — буквально на несколько дней.

В конце 1997 г. Мосэнерго отметило свой юбилей (что-то типа 110-летия выдумали фантасты-завистники лужковского триумфа с 850-летием Москвы). Торжества совпали с сообщением о том, что строительство Северной ТЭЦ спасло от холода около миллиона москвичей, а также о начале создания первой газотурбинной энергетической установки — нового слова в российской энергетике.

Как обычно, в данном случае мы можем зафиксировать чудовищное отставание московской бюрократии от запросов времени. Ведь еще в 1990 году депутаты Моссовета настаивали на том, чтобы бюджетные средства не гробились на монстра Северной ТЭЦ, а были пущены на создание сети газотурбинных установок. Семь с половиной лет опоздания и гигантская растрата городского бюджета, пропущенного в чадливую трубу ТЭЦ, — вот цена, которую платит Москва (а с ней и страна) за некомпетентность и лживость номенклатуры.

Вот и еще одна примета лужковской пропаганды — фотография с рекламой милого сердцу всякого рода самозванцев Мост-банка, без которой глянцевая брошюра обойтись просто не могла.

О рекламе к месту будет сказать, что она не украшала столицу, как утверждал московский градоначальник, а похабит ее. Дело доходит до откровенной порнографии, на остановках рекламируются импортные сигареты и выпивка, иноязычные надписи захватили весь центр Москвы. Только как вызов можно расценить плакатище в защиту

чистоты при полном отсутствии урн и чудовищной загаженности наиболее людных мест. А посмотрите в каком гнусном рекламном окружении стоит памятник Пушкину — ансамбль зданий продажных газет “Московские новости” и “Известия” дополняется “Макдональдсом”, ночным рестораном “Пират”, аршинными иноязычными вывесками “Кока-кол” и “Самсунгов” и ларечным паскудством.

Только когда Лужков соизволил все-таки взглянуть на улицы столице, где котором с его ведома царило это безобразие, пришлось признать, что “за рекламой не видно города”. И поручить сократить число придорожных щитов на 20 %. Города, правда от этого поручения видно так и не стало. А если бы город и выглянул из-под рекламной похабщины, его трудно было бы узнать московским старожилам.

Мы приведем скорбный список умерщвленных памятников архитектуры (данные ВООПИК, “Правда-5”, № 110 (139), 22–29 сентября,1996). Коммерческими структурами, которые получили от Лужкова, под видом “реконструкции” разворованы и разрушены ценнейшие элементы историко-культурных памятников по 2-му Обыденскому пер, 11; 1-му Зачатьевскому пер., 6; ул. Остоженка, 40. Коммерсантами уничтожена мемориальная квартира Сеченова (Сеченовский пер..6, стр.2), последняя квартира Есенина (Померанцев пер., 3), дом Рубинштейна (Сретенка, 17), парк, который сажал Шаляпин (Остоженка), палаты XVII века (Чистопрудный бульвар, 11), целый ряд памятников архитектуры на ул. Сергия Радонежского. По распоряжению Лужкова снесена часть усадьбы Истоминых (Пречистинка,8, стр.3), часть архитектурного комплекса литературного музея Пушкина (Пречистинка, 12), изуродован Гостиный Двор (Ильинка, 3) — несмотря на предупреждения реставраторов часть галерей Гостиного Двора рухнула вместе с надстройкой, которая появилась там по приказу Лужкова ("Итоги" № 1–2, 1997).

Снесены архитектурные памятники по адресам: 1-й Голутвинский, 4, стр.1; Арбат, 48; Лаврушинский 2/12, стр. 1, 2; Кадашевская наб., 18; ул. Тулинская, 1/2; ул. Герцена,17; Никитский бульвар,10/5, стр 1. Нанесен существенный ущерб памятникам архитектуры Новинский бульвар, 25; Остоженка, 37; Цветной бульвар, 25; Садово-Сухаревская, 14; Камергерский пер., 6 (квартира С.Прокофьева); Житная, 6/8… Временем и номенклатурным

бездушием разрушаются дом Черткова (Мясницкая, 7), дом Алябьева (Крелевская наб., 1/9), дом Шаляпина (3-й Зачатьевский, 3) и многое другое.

Лужковский главный архитектор летом 2001 года неожиданно заявил, что московскому правительству нужна земля в центре столицы. Поэтому будут сноситься все старые здания — не взирая на историческую ценность. Мол, реставрация построенных в XX веке заданий слишком дорга — строили их плохих материалов. На месте всего этого “старья” должны появиться современные задания. А что до нелепой эклектики, так в этом, якобы, состоит своеобразие Москвы.

Разорение, которое обрушил на Москву Лужков многократно превысило безобразие советских архитекторов. Этот счищал целые исторические пласты, превращая исторические здания либо в кучу мусора, объявленную к вывозу на свалку, либо в какую-нибудь забегаловку.

Чиновника надо напугать (А.Краснов. Мысли вслух.)

Для того, чтобы процесс развала приостановить и обратить вспять, чиновника нужно сильно испугать. Можно испугать райкомами, можно — расстрельными тройками, можно — депутатами, можно — показательными судами… Причем пугать надо от души! Они должны понять, что чиновничество — обслуживающий персонал.

Нужны показательные суды над высшими чиновниками РФ, которые прослеживают всю цепочку событий: расследование с подробными комментариями к фактам, судебный процесс с изобличением, отсидка с подчеркиванием разницы бытовых условий.

Процесс Чурбанова позитивен — все видели как судят, знали что сидит. Теперь сменил лагерный барак на ореховый кабинет с вертушкой, но это не столь важно — отсидел ведь! Если бы этот процесс был продолжен, испуг чиновничества состоялся бы. Все бы знали, что посадили Иванова, Сидорова, Чубайса, Черномырдина, знали бы за что и как наказали. Все бы видели конфискованные дачки и цифры счетов в разных банках, знали бы откуда и сколько пришло в карман осужденному чиновнику.

Нам не нужны “японские шпионы”, которых тайно хватают и быстро расстреливают в подвале, чтобы не сболтнул лишнего на публичном процессе. Для того, чтобы добиться результата показательные процессы должны быть доказательными, интересными.

Людям должно быть понятно, что деяния, совершенные таким образом и с нарушением таких-то законов будут наказаны так, как это демонстрируется. Преступники при должностях должны знать, что такие деяния начали активно расследоваться в установленном законом порядке и доводятся до исполнения приговора.

Если все будут видеть, что посадили одного, второго, пятого, то на втором десятке эффект будет неизбежен, чиновники притихнут, а бизнес вздохнет свободнее.

В примечательной глянцевой книжечке, к которой мы все время возвращаемся, говорим, есть лукавые строки о поддержке московской прессы и общественных организаций. Конечно же Лужков не пишет, что поддерживает “демократические” издания, главной отличительной особенностью которых является наглость дилетантов и готовность публиковать на своих страницах голые задницы. Что касается партий и движений, с помощью которых исполнительная власть якобы может “в большой степени учитывать интересы жителей Москвы, помогая институту многопартийности, развитию демократических основ жизни”, то это тоже вранье. Нет охоты даже тратить слова по этому поводу.

Лужков и тогда думал и до сих пор думает, что его рассказы про успехи московской администрации — это отчеты перед гражданами. Если разобраться в том, что же он говорит, станет понятно: либо человек ваньку валяет, либо в самом деле слаб на голову.

Например, отмечая завершение 1997 года, Лужков говорит о том, что зарплата в Москве поднялась на 19 %, а цены — всего на 12 %. Это выдается за успех. Но любому здравому человеку ясно, что успех этот напоминает достижение нормальной температуры в среднем по больнице. Так и в Москве — прибавка в зарплате у одних означала обнищание других. Но не будет же в самом деле Лужков говорить о том, что расслоение москвичей по доходам сравнимо разве что с какой-нибудь банановой республикой! Плоть от плоти номенклатуры, он блюдет прежде всего свой мундир. Правды от него не дождешься. А что за вереницей парадных пуговиц? Не черви ли трупные?

Правда всплывает, если сравнить некоторые цифры. Например, в декабре 1998 стандартный набор из 22 продуктов питания, способный обеспечить москвича необходимыми 2300 калориями в день, стоил 560 рублей. В то же самое время пенсия подавляющего большинства

отработавшегося свое пожилых москвичей составляла 450 рублей (ВМ 18.12.08). Не забудем также, что из указанной суммы приходилось оплачивать квартиру, телефон, электричество. Выходит, шло неуклонное вымирание старожилов, вынужденных питаться некачественными и самыми дешевыми продуктами, а также вкалывать как проклятые на дачных участках.

В упомянутом отчете за 1997 год Лужков выдал за успех рост ВВП по Москве на 2 %. Для профанов это можно было выдать за результат усилий московских властей, для профессионала понятно, что эта цифра — результат несложной подтасовки. Достаточно несложных операций с разного рода коэффициентами, чтобы выдать желаемое за действительное. Хорошо еще, что не написали 20 %. Вероятно, готовили такого рода “рывок” к президентской кампании Лужкова, да не вышло. Набрали в рот фальши, а выблевать ее было некуда.

Ну да другие поводы нашлись, чтобы уверенно квалифицировать “философию” московской власти как паскудство и лганье.

Карманная Дума

Не знаем, миф это или действительное событие, но очевидцы рассказывают, что Ю.Лужков, получив в ночь на 13 декабря 1993 года результаты голосования по выборам Московской Городской Думы вне себя выскочил из кабинета и закричал: “Вот х… им, а не Музей Ленина!”.

Имелось в виду первоначальное намерение отдать Гордуме здание Музея Ленина, которое в начале XX века в течение короткого времени занимала та еще Дума. Увидев, что все его ставленники на выборах были провалены, а больше голосов получили всякие там “гайдарята” (и пришлось признать их победу, чтобы сам факт выборов объявить состоявшимся), Лужков решил не отдавать здание столь несерьезной публике. По всей видимости, это было единственным положительным результатам фальшивых выборов после номенклатурного мятежа.

И все-таки Мосгордума не разочаровала Лужкова. Она повела себя очень мирно, очень послушно и даже тихо — так, что москвичи и забыли о ней навсегда. Зато 70 % законодательных инициатив пришлось на московскую администрацию. Дума только проштамповывала все эти “инициативы”, разбавляя их то и дело всякого рода подобострастиями. Бюджет города она ни в коем случае не собралась ставить под контроль, как это пытался делать Моссовет

— за два первых мосгордумских года закон о городском бюджете (теперь согласно ельцинской Конституции можно было принимать именно законы Москвы) не был принят. И номенклатура творила все, что хотела.

Городская дума смогла полностью отказаться от всех контрольных функций по поводу валютного фонда Москвы. Лужков, долго боровшийся с Моссоветом за этот фонд, выиграл дело окончательно — на этот раз ему сдались без боя. Несколько десятков миллионов долларов в год (а по некоторым оценкам — более ста миллионов) стали приватизированным доходом московской группы чиновников.

Положение Мосгордумы емко выразил ее первый председатель, бывший депутат Моссовета из “демократической” его части В.Максимов (“ЭиЖ-М”, февраль 1994): “С Советской властью покончено, мы идем к истинному разделению властей”. Власти эти просто распределили места у кормушки. А стадо осталось одно — со всей его поросячьей моралью.

Под истинным разделением властей прихвостни номенклатуры понимали полное прекращение работы, которая хоть в чем-то беспокоила московскую власть. В.Максимов считал, что задача Думы — разрабатывать нормативно-правовую базу реформ, которые проводит правительство Москвы. Т. е. роль представительного органа сводилась к роли юридического отдела при мэрии, в котором, к тому же, основную часть работы выполняли непрофессионалы — сами депутаты и их добровольные помощники. Ясно, что вся эта “продукция” шла в корзину, а утверждать приходилось то, что несли в Думу из мэрии.

На такую диспозицию Лужков ответил полной поддержкой: “Я был ошеломлен, прочитав в газетах, что правительство Москвы приобрело “карманную” Думу. Это оскорбительно для органа власти. Самостоятельно, активно действующего и, кстати, не все наши предложения поддерживающего. Так было с вопросом о квартплате. Его рассмотрение в Думе проходило тщательно, с тревогой, заботой о москвичах. Материал, представленный департаментом инженерного обеспечения не был принят! Серьезно работает согласительная комиссия, учитывающая замечания Думы” (“Труд”, 17.02.94).

По всей видимости, ошеломление у мэра все-таки вызвало именно то, что его департамент не удовлетворили сразу, и что

“карманная” пресса не заметила выставленные напоказ мизерные разночтения. Да что говорить о совместной работе, если депутатов “карманной” Думы даже на заседания правительства Москвы предпочитали не пускать, а предложение председателя Фонда имущества Москвы В.Бушева (бывшего депутата Моссовета) о переведении Фонда в подчинение Думы (март 1994) вызвало мгновенное отрешение его от должности.

Второй председатель Думы А.Платонов продолжил курс своего предшественника: “Мы пришли на пустое место: наша Дума — первая в Москве после 1917 года, так что до нас вообще был вакуум” (МП, 17.01.95), “Избранная всенародно в ходе конституционных реформ, она была призвана стать первым в истории Москвы органом законодательной и представительной власти” (“Ведомости Московской Думы”, № 1, 1995).

Это вполне в стиле либеральной психологии, приносящей некоторым очень недалеким людям необычайное облегчение и склеротический дух новизны. У тех, кто отказывается от собственной истории (в данном случае — истории представительной власти в Москве), принципиально ничего толкового получиться не могло. Вот и Платонов — карлик по размерам — остался политическим карликом, совершенно никому не нужным.

Занятно, что в том же интервью от думского изцпредседателя прозвучало: “нас вполне устраивают оклады, установленные мэром.” Какое уж тут представительство, если не Дума Лужкову, а Лужков Думе устанавливает оклады!

А вот как оценил работу Гордумы более честный депутат В.Макаров, не лишившийся зрения как иные подобострастные фанаты лужковщины: “Во многом городская Дума представляет собой придаток исполнительной власти. Те законопроекты, которые ей нежелательны, на Думе либо не рассматриваются, либо результат рассмотрения нулевой”. Депутат даже рискнул подать в суд на Думу за отказ рассматривать подготовленной одной из комиссий проект. Суд, разумеется, отказался принять иск (“Ведомости Московской Думы”, № 2, 1995).

После убийства известного журналиста Владислава Листьева и снятия под этим соусом со своих должностей прокурора Москвы и начальника ГУВД Москвы, Дума обратилась к Ельцину с осторожным протестом — мол, надо было сначала провести проверку работы соответствующих органов, а потом принимать такого рода решения, да и закон не худо бы соблюдать. Ельцин не ответил, а Дума не сочла возможным его еще раз беспокоить или подавать иск в суд. Пискнули не по чину, стушевались — и снова в тину своего теплого болотца.

Ввод российских войск на территорию Чечни Дума отметила обращением к правительству Москвы (от 12.12.94) с просьбой “оказать содействие организованному волеизъявлению граждан в связи с ситуацией в Чеченской Республике в рамках встречи депутатов с избирателями”. К этому было прибавлено специальное заявление-протест, в котором продвижение российских войск по российской земле было расценено как “военные действия против чеченского народа, являющегося составной частью народа России”, “сворачивание демократических процессов по всей России, как начало перехода к авторитарному методу управления страной”. То есть, Дума легко поддалась “демократической” истерии, в отсутствии информации объединилась с самыми одиозными политиками радикал-либерального лагеря. Конечно же, как возбудились, так и успокоились — как только получили инструкции от начальства.

Занятна также история с созданием Контрольно-счетной палаты при Думе. Несколько месяцев велась переписка между председателем

Думы и Лужковым по поводу предоставления помещения. Лужков выделил вместо 500 кв. м. всего три комнаты площадью 75 кв. м. — работайте ребята, только мне не мешайте! На этот счет Дума могла принимать любые решения. Реальным и единственным хозяином оставался Лужков, без всякого там разделения властей. Три комнаты — и баста!

За первый год работы Мосгордума приняла всего около 20 законов. Эффективность ее работы можно сравнить с эффективностью работы лишь одной комиссии Моссовета — не более. К тому же большинство законопроектов готовила не сама Дума, а ведомства исполнительной власти. По многим другим параметрам сравнение с работы Гордумы с работой Моссовета дает коэффициент 1 к 10, а то и 1 к 100 (даже при пересчете на одну депутатскую душу).

Зато на исходе 1995 года Мосгордума, опираясь на противозаконный указ Ельцина, приняла решение о продлении своих полномочий на два года дополнительно. Избранная неправым путем, она продолжила свое неправое существование. В ответ группа москвичей (представители "Центристского блока", "Союза обманутых вкладчиков" и т. д.) подала в суд на «самоуправляемых» депутатов с просьбой признать продление полномочий недействительным. Мосгорсуд, провозившись с этим делом (в порядке общепринятого в ельцинской России саботажа) до 24 июня 1997 г., вынес решение: жалобу удовлетворить. Но решение даже не опубликовали, зная, что оно будет отменено. И действительно, поданная (без решения самой Гордумы на сей счет) кассационная жалоба, была моментально удовлетворена. Верховный Суд взял сторону бюрократии, что чуть было не привело к потасовке в зале этого и без того малоуважаемого суда. Возмущенные общественники были урезонены с помощью милиции, внушившей уважение к силе, но не к судейскому крючкотворству, что и рядом с законом не лежало.

Наиболее заметным явлением в деятельности Гордумы первых лет ее существования стало принятие Устава столицы. При обсуждении была использована такая тактика. На заседания приглашались представители только тех общественных объединений, которые не собирались спорить с разработчиками документа. В итоге был принят Устав, изначально и непоправимо порочный. Потом его пришлось править уже при новой российской власти и по велению

Конституционного суда, который много лет никак не мог собраться с силами и проследить повальное нарушение Основного закона РФ в местном законодательстве.

Даже при беглом взгляде на этот московский Устав понятно, что в нем нет даже тени какой-то концепции. Он оказался составлен из нескольких слабо связанных между собой блоков, переписанных из прочих действующих документов, что для маломальского приличия блоки пришлось склеить “глубокомысленными” положениями, не несущими никакой смысловой нагрузки. Но главное — в Уставе отсутствовало понятие о гражданине города Москвы, о коренном москвиче, позабыты близи обязанности администрации и депутатов перед жителями города.

Логичным после этого стало и отсутствие понятия об объединениях граждан и их участии в управлении городом. Установленную Уставом систему самоуправления не только нельзя было считать эффективной, но невозможно было представить себе осуществимой. Потому что дурь бумажную должна была заменять дурь и своеволие московского чиновника. А граждане со своими проблемами должны были поодиночке пробираться в кабинет этого чиновника, готовя то слезливые мольбы, то мзду.

Вот что было в Уставе, так это желание авторов закрепить сложившуюся в октябре-декабре 1993 г. номенклатурную систему власти. Всевластие мэра в этой системе оборачивалось признанием произвола его помощников и разного рода “политкомиссаров”. В такой системе любые представительные органы — всего лишь ширма, а граждане — объект бюрократического манипулирования.

Помимо Устава, все прочие акты Мосгордумы — все как с одной колодки. Мастерят их годами не на заказ избирателя, а на заказ столичной номенклатуры.

Завершив три года своего бесславного существования Мосгордума приняла Закон “О правительстве Москвы” (“Правда” 29.01.97). Как работало правительство до этого момента непонятно. Скорее всего так, как и после него. Зато в этом документе возникли замечательные детали, заказанные мэрией, конечно же, не для украшения документа.

Например, премьером правительства столицы может быть мэр, вице-мэр или “иное лицо”. (Вероятно “иное лицо” планировалось уже

где-то на подходе.) В первых двух случаях назначение происходит без Мосгордумы, в последнем — с ее утверждением. Впрочем, за утверждением, ясное дело, не заржавело бы — утвердили бы как миленькие! Тем более, что мэр может обойтись без утверждение, навесив на своего протеже приставку “и.о.” — как это сделал Ельцин с Ильюшенко, исполнявшим обязанности Генпрокурора, пока него не посадили под следствие за взятки.

Номенклатурное творчество всегда пересыпано всякого рода извращениями. Документ о правительстве тоже не обошелся без этого. Этому самому правительству предлагалось самому за собой организовать контроль по части расходования бюджетных средств города. Кроме того, правительство “организует контроль за эффективным расходованием средств из бюджета города Москвы, из внебюджетных и валютного фондов”. А Думе просто вменялось в обязанность утверждать бюджет, разработанный правительством и представленный мэром. Самостоятельно готовить бюджетные предложения — не моги!

Члены правительства, как сказано в законе, несут ответственность перед правительством за выполнение постановлений правительства. Перед кем же еще, если снять с должности может только мэр! Мосдуме оставлено только право принять постановление о выражении недоверия правительству или члену правительства, да и то “в порядке, установленном законом города Москвы”. Постановили — и будьте довольны, мэр принял ваше мнение к сведению… Если же Дума заметит что-то дурное в постановлениях правительства, то все, что ей позволено — обратиться к правительству со своими предложениями, которые будут рассмотрены в месячный срок, а о результатах (понятно каких) депутатам сообщат.

Точки над “и” ставит положение московского закона, согласно которому “постановления Правительства… обязательны для исполнения… всеми физическими и юридическими лицами на территории города”, а значит и для самой Думы, и для отдельно взятых депутатов.

Для чего принималась вся эта дребедень депутатами — жалкими ошметками последнего акта номенклатурного мятежа, завершившегося в 1993? Да чтобы в 1997 году переизбираться, надо было обеспечить

наследство в виде наручников, которые должны были быть “законными”!

А до этого депутаты пытались спастись с тонущего корабля Мосдумы, участвуя в выборах всюду, где только возможно, или прошмыгнуть в исполнительную власть. В последнем случае “демократы” продолжали традицию своих предшественников — “демократов” из Моссовета. Только в сравнении с Моссоветом в Думе некому было устыдить изменников, предавших своих избирателей. Да избиратели и не помнили о них. А те не напоминали.

Причины отказа замечать и понимать интересы избирателей объясняются просто — сделка купли-продажи между депутатами и московскими властями состоялась еще в 1993 году. Первые платят такого рода “конституциями”, вторые придумывают акции поощрения.

Например, в рамках программы американской помощи развитию демократии вся городская Дума в два приема посетила США. Только два депутата отказались от поездки по этическим соображениям (ВМ, 07.07.94). Другое поощрение от Лужкова — создание муниципального предприятия общественного питания “Петровка” при Мосгордуме для обеспечения питания депутатов и их сотрудников (ВМ, 22.11.94).

Мосгордуме было позволено заниматься всем, чем угодно, лишь бы не мешать мэрии и мэру обстряпывать свои делишки. И вот вместо работы в Думе организуется эдакий постоянно действующий форум самозванных экстрасенсов, ясновидцев, йогов и проч. (“Новая газета”, 24.06.96). Помнится, Моссовет средства массовой информации прокляли за всего лишь одну встречу с народными целителями. Но тогда целители не лезли в политику и имели медицинские дипломы. Теперь же не понятые коммунистами душеведы-диссиденты решили поработать на победу Ельцина в президентских выборах 1996 года. Чем бы мэрское дитя не тешилось, лишь бы не взрослело!

Выборы в мэрскую Думу-97 стали верхом лицемерия и позора. Они проявили как полную организационную несостоятельность московской номенклатуры, так и полную ее безнравственность.

Во-первых, Лужков, как ни старался представить себя всесильным манипулятором, направляющим общественное мнение куда ему заблагорассудится, полностью провалил дело, пойдя на очередной сговор с “демократами”, чтобы вконец не опростоволоситься. Кандидаты “объединенных демократов” и лужковские списки

совпадали почти наполовину. Лужков смог “задвинуть” объединившихся “яблочников”, “гайдаровцев” и “эндээровцев” всего по 3–4 округам, куда ухнули колоссальные средства. В остальных округах с “демократами” бодались предприниматели средней руки. И зря. Результаты выборов надо было знать уже до начала кампании. Никаких случайных людей в Мосгордуме мэрия не собиралась допускать.

Во-вторых, в мэрии схлестнулись три клана, ставящие на разных кандидатов: “левый”, кучковавшийся вокруг “красного” вице-мэра В.Шанцева, “демковский — 1” — оставленный Лужкову в наследство В.Шахновским, спешно ретировавшимся с должности управделами мэрии в “Менатеп”, и “демковский — 2”, делавший ставку на председателя Мосгордумы Платонова (“мэрскую обезьянку”). Грызли эти кланы друг друга отчаянно, но вся конкуренция сводилась к тому, чтобы как можно гибче склониться перед Лужковым.

В-третьих, выборы были фальсифицированы повсеместно. Утром и в течение всего дня избирательные комиссии изнывали от безлюдья — за час приходили единицы. На большинстве участков к 18 часам появилось не более 6-10 процентов избирателей, а к 10 вечера их, якобы, оказалось даже больше 31 процента. Невозможно представить, чтобы в вечернее время, когда на улицах города никого не было, толпы страждущих неведомо каким образом оказались на избирательных участках.

Счетных фантастов подвела погода. Никто не предполагал, что в день голосования резко понизится температура воздуха. И это спутало все карты. Вопреки логике улицы были как никогда безлюдны, а результаты голосования как никогда оптимистичны.

И такие выкрутасы с выборам в Москве повторялись каждый раз, когда приходило время затеваться с этой совсем уж профанированной процедурой. Да и бесполезной для москвичей.

Для того, чтобы убедиться в этой бесполезности, достаточно задать вопрос: можно ли полагаться на достоверность списков избирателей, если их составляет чиновник, находящийся в услужении вышестоящего всевластного чиновника? Не будем лукавить. На вопрос: сколько будет дважды два, ответ по чиновным инстанциям всегда прошелестит одно и тот же — “сколько прикажете!”.

Объективно московская власть была заинтересована в том, чтобы существовал “список Чичикова”. И так как эту власть некому проверить (ее уже более 10 лет никто не ревизовал и не проверял ее деятельность), нет никаких гарантий, что такого списка не существует. По нашим оценкам на каждый округ в самом скромном варианте этот список содержал около 10 тыс. фальшивок. Располагая ими, можно идти на какие угодно всеобщие и “демократические” выборы. Победа обеспечена “на все сто”. И даже больше.

Внедрять указанный список в отчетные документы (фальшивые бюллетени нет смысла изготавливать) было предписано созданным чиновниками 3139 участковым комиссиям, которые по закону должны были быть составлены органами местного самоуправления. А таковых в Москве не было с 1993 года. По этой причине абсолютно проходные кандидаты на этих выборах, типа бывшего председателя Моссовета Н.Гончара, провалились с разгромным счетом, который не мог совпадать со здравым смыслом.

Если рассмотреть официальные итоги выборов в Городскую думу 1997 года, получается следующая картина. Кандидаты, победившие на выборах, в совокупности получили 633,38 тыс. голосов. Абсолютный уровень представительности, таким образом, составляет 9,28 %, относительный — 29,8 %. Налицо дальнейшее падение электоральной базы, которая в 1993 году составляла 11,4 %. Если же наши предположения о фальсификации соответствуют действительности, то в избирательном зазеркалье имелось от 290 до 450 тыс. резервных бюллетеней, (от 8 до 12 тыс. в расчете на каждый округ), используя которые, можно без особых хлопот изменить результаты голосований практически везде.

Впрочем, даже при стопроцентном контроле за результатами выборов проявилась исключительная ограниченность московской номенклатуры. Лужков, владеющий всеми рычагами давления на массовое сознание, не смог организовать элементарную кампанию подготовки к выборам. Опрос, проведенный среди москвичей за несколько дней до официального старта избирательной кампании, показал, что 90 % из них не знает о существовании в Москве такого органа власти как Городская Дума. Официальные агитки появились в транспорте и на транспарантах лишь после того, как большинство

кандидатов в депутаты уже собрали свои подписи, проведя, таким образом, агитацию за мэрию.

Лужковские агитки гласили: “Московская городская Дума — серьезнейший законодательный орган, стоящий на страже социальных интересов москвичей, и горожане уже поняли, что депутат в Москве является значимой фигурой, влияющей на жизнь города. Юрий Лужков”. Доказывать, что эта агитка — типичное вранье, не нужно. Об этом говорят тщедушные цифры явки избирателей к урнам в день голосования, а также вся предшествующая деятельность Лужкова и его соратников. Ведь именно Лужков сократил численность народных представителей до неимоверно малой величины.

Какие же аргументы послужили основанием для того, чтобы после событий 1993 года был резко сокращен количественный состав представительных органов?

В Москве один депутат городского собрания приходится теперь на 195 тыс. избирателей вместо 15,5 тыс., как это было в 1990 году. Увеличение мажоритарного округа более чем в 10 раз разве не означает, что предпринятые изменения, с одной стороны, сделали собрание из 35 членов совершенно управляемым, а с другой — гарантировали, что избранными могут быть только те, кто угоден городской бюрократии или невероятно богат?

Во всяком случае так называемому “среднему классу” москвичей мест в Городской Думе не видать, как своих ушей. Им туда не пробиться, пока страна не проскочит этап прощания со своим либерально-радикальным прошлым, не расстанется с политиками, порожденными этой формой коллективной шизофрении, и не перейдет к строительству национальной формы демократии, чуткой к интересам гражданина.

В национальной демократии не будет той фальши, которую мы видим сегодня на каждом шагу, не будет заискивания элиты перед охлосом, не будет своеволия олигархии и до предела обнаглевшей бюрократии.

Записки придворного холопа

Профессия порой накладывает на человека такой отпечаток, оттереться от которого уже не представляется возможным. Будет человек строить суровое лицо и говорить, что он сейчас всю правду-

матку вывалит, а наружу выйдет дохлый писк лизоблюда, и ничего с этим не поделать.

В начале 1997 г. на прилавках книжных магазинов Москвы поступила пухлая книженция, написанная главным редактором газеты “Тверская-13” А.М.Полятыкиным (в кулуарах именуемым как “полутыкин”). Газета мэрская от рождения, потому ожидать от ее главы больших откровений трудно. И все-таки откровения для любопытного читателя найдутся. Ведь лизоблюды всегда что-нибудь выбалтывают, стремясь угодить своим хозяевам.

Например: “…такие личности, как Юрий Лужков, не нуждаются в улучшении — они хороши таковы, каковы есть, и при улучшении теряют характер, колорит и своеобразие, становятся похожими на всех прочих, а это уже неинтересно”.

“Это из какой оперы?”, - спросит читатель. Ответим: “Это из арии “Записки лакея””. Смотрите в книгу — далее следует множество однообразных страниц о том, как с барином этот лакей чаек попивал, как с придыханием говорил с ним по телефону, как смущенно ждал барина у туалета, как хихикал над барскими скабрезностями, как разглядывал название фирмы, которая выпустила джинсы, обтягивающие задницу барина. Только лакей может вести такие речи: “Ваши познания обширны, а логика мышления и умение убеждать поражают. Я уже не говорю об умении добиваться поставленной цели”.

О литературных художествах во славу Лужкова говорит само название книги “Тореро в кресле мэра”. Настолько колченогое название, что оно прямо прилипает к страницам. Все органично — и содержание, и оформление (златая цепь “на дубе том” — для обложки), и наименование. Тореро? Где же это быки, что бросаются на него? Чубайс, что ли (“великий обманщик русского народа”)? Или Моссовет (“враждебный зал депутатов”)? Ни то, ни другое с быком как-то не ассоциируется. Нет, как не было, никакой арены, где Лужкова кто-то пытается забодать, а он выписывает ногами вензеля и трясет тряпкой перед носом разъяренного противника.

Литература холопьего производства такова, что в ней можно встретить такое образное описание успеха барина: Лужков, мол, бросился в бурную реку и выплыл (то есть, на что-то там решился и что-то там преодолел). И тут вспоминается, что реки на самом деле не

было, была прорубь. В проруби болталось нечто — то ли тореадор с быком, то ли мэр с лакеем, то ли еще что… На фотографиях, в свое время с любовью напечатанных московскими газетами, в проруби болтались жирные телеса Лужкова и Гаврюшки Попова. Они выплыли, утопив надежды и достоинство миллионов людей.

Полятыкин выдал мечту Лужкова, опубликовавшего накануне выборов мэра 1996 года свою книгу с душещипательным названием “Мы дети твои, Москва”. Выдал, поскольку целыми кусками повторил ее в своем опусе, предварив эти куски рассуждением о том, что “каждому хочется в глазах других людей выглядеть лучше, чем мы есть на самом деле, а крупной личности перед лицом истории — и подавно”. То есть, тот Лужков, которого вы видите, которого вы воспринимаете из его прямой речи — не тот, что есть на самом деле. Реальный Лужков своей книги не писал и жил совсем не так, как написано в этой книге. Полятыкин подтверждает это, прямо свидетельствуя о том, что именно он создавал книгу по мотивам бесед с Лужковым под магнитофон. И врали они вдвоем наперебой. Да проговаривались.

Липовый Лужков у Полятыкина талантлив и неординарен, обладает природным умом и смекалкой, моментальной реакцией и способностью ориентироваться в любой обстановке, это надежный, прочный, головастый мужик — смелый, решительный, упрямый и честолюбивый, мыслит трезво, почти безошибочно. Откуда все это взялось? Полятыкин приоткрывает завесу тайны — большевики, мол, долго корчевали все лучшее в нашем народе, да так, что это лучшее осталось только в среде творческой интеллигенции. То есть, сделаем вывод, Лужков — воплощение черт той самой творческой интеллигенции, затащившей Россию на Голгофу сначала в начале века, а потом и на исходе века. Понятно…

Мы согласимся с этим, но не согласимся с той фантастической картинкой, которую начинает рисовать придворный борзописец, увещевая: “…отвлекитесь хоть на короткое время от конкретного и подумайте об абстрактном. Это развивает фантазию и оттачивает мысли, дает возможность не оставаться всю жизнь на кухне. Тогда вы окажетесь ближе к жизни, поскольку жизнь богаче и разнообразнее самой смелой фантазии”.

Полятыкин неуклюже выдал с головой лживость образа своего героя, а значит обнажил его истинный образ. Говоря “здесь все правда”, он как бы подсказал читателю: “Здесь полно лжи”. И внимательный читатель обязательно заметит абсолютно идентичные слова, которые вкладываются в уста Лужкова сначала в 1995 году (с. 29–30), а потом в 1991 году (с. 123–124). Парадоксально, но повторенные дважды слова посвящены способам борьбы с коррупцией, один из которых — “чиновнику надо много платить”. Не сажать за решетку, не сечь посреди базарной площади за взятки, а платить побольше!

Ложь в деталях — просто от непрофессионализма автора, который он не выдавил из себя даже за полтора десятка бет работы в журналистике. Профессионал скрыл бы или закамуфлировал бы свое неблаговидное поведение. Этот — не скрывает.

А вот большая ложь — от убеждений, которые исключительно лакейские: мол, хозяин всегда прав — и когда говорит о профессионализме старых кадров, и когда клянет прежнюю систему. Вслед за Лужковым, Полятыкин принимает такой же хамелеонский образ мышления: и за “Выбор России” голосует (1993), и тут же говорит о “демократической фанаберии” своих любимцев, потом голосует за “Наш дом…” и сообщает, что не верит Черномырдину. А вот пассаж про самого Лужкова: “…он необычайно доверчив и дурят его и ловят на этом, но он упрям и ничему такому не верит”. И “дурят”, и “не верит” — так бывает только при съехавших набок мозгах. Вопрос только, у кого они съехали больше — у Лужкова или у Полятыкина?

Если мы читаем в книге гневные строки о том, что их автор “в комиздания” наниматься не пойдет и “служить самозванцам и ворам” не станет (строки 1991 года), то можно уверенно сказать, что служил таковым до перестройки и продолжил служить таковым в эпоху “демократии”. Просто по особенности характера не заметил этого, и решил, что стал приличным человеком.

Вероятно свое отношение к “демократам” Полятыкин переносит и на Лужкова, который их всячески поддерживал с того момента, как начал заниматься созданием кооперативов. Полятыкин выводит своего героя в другом амплуа. Лужков рассказывает о своей беседе с Гайдаром: “Или ты, говорю ему, идиот, или просто негодяй. На идиота

вроде не похож, значит второе. Если судить по действиям в отношении промышленности и предприятий. Еще немного — и наступит полный крах, хаос, неразбериха”. Так что же вы таились-то, Юрий Михайлович, столько лет! Добро пожаловать в оппозицию! Или Полятыкин снова наврал?

Скорее всего Полятыкин просто более откровенен, чем его патрон. Привык писать без напряжения мозгов и не стесняться дури, которая вылезает из-под коряво понатыканных по бумаге строчек. Он может презрительно вспоминать, что гэкачепист Янаев произошел из комсомольцев, и забывать, что напрямую из комсомола пришли в лужковскую команду Орджоникидзе, Затулин и многие другие. Ему лень проверить, выиграл ли его крестник Скоков избирательную кампанию. Ведь писал про этого человека, мог полюбопытствовать и тогда (1990), и когда готовил текст книги к публикации (в 1996). Лень проверить, был ли ельцинист Л.Шемаев депутатом. Проверил бы — не писал бы чепухи. Ведь ни тот, ни другой выборов не выиграли! Лень Полятыкину узнать, чем же кончился иск Лужкова в суд по поводу публикаций в “Литературной газете” разгромных материалов о хозяине Мосагропрома, будущем мэре. Лень разобраться и в том, с какими флагами и кто ходит на демонстрации. Ведь не было в Москве ни одного митинга где анархисты с черными флагами (чаще — с красно-черными) встретились бы с монархистами с черно-желто-белыми флагами (а не с черно-желтыми, как у Полятыкина).

Вот еще один пример двойного стандарта, происходящего от патологической лени. Угораздило автора в разделе по поводу Сахарова обвинить КПСС в том, что она провозглашала: наций нет, а есть “новая общность — советский народ”. Так против этого Сахаров никогда не выступал, для него наций тоже никогда не было! Для нашего писателя нации есть и лишь в таком ключе: “Самое страшное, что может быть “завтра”, — это призыв национал-коммунистов бить жидов и спасать Россию. А национализм попер сегодня изо всех щелей и страшнее зверя, по-моему, нет”. Тут же выдумки про какие-то погромы в Кашине и Алапаевске, о которых никто не слышал, а автор не имеет привычки уточнять разные непроверенные детали и ссылаться на источники.

Другой бы промолчал, а этот прямо говорит, что мысли его посещают только потому, что нет у него склероза, туберкулеза и сифилиса (с. 304). Вот уж полутыкнул, так полутыкнул! Вероятно, что-

то с мозгом — разжижение или окаменение. Оттого и твердит: я здоров, здоров, здоров… Да уж не болен ли, в самом деле?

Просто чудовищный непрофессионализм с головой выдает в писаниях придворного журналиста московского мэра тот факт, что книга “Тореро…” и лужковская “Мы дети твои, Москва” содержат идентичные фрагменты. В “Тореро…” даже есть эпизод, когда автор просит Лужкова стать его соавтором (с.186). Якобы Лужков остался непреклонным. Но тогда зачем он списал у Полятыкина десятки страниц? Или это Полятыкин списал у Лужкова? В любом случае, вольно или невольно, они стали соавторами. Только первый все время пробалтывается, а второй обычно осторожничает с печатным словом — у него слова непечатные, которые переводят для публики такие холопы, как Полятыкин.

*** * ***

Вот истинная правда, которую Лужков старается умалчивать, надеясь на большое политическое будущее, а Полятыкин выкладывает для всеобщего обозрения. Правда состоит в том, что Ельцин и Лужков — политические братья, воплощения одной и той же болезни. Лужков точно понимает запросы своего политического сродственника и говорит: “Президент должен неуклонно проводить свою линию, не заигрывая с представительной властью — он ей ничего не должен, он избран всем народом”.

Здесь прорывается тайное желание ничем не ограниченной власти, которая по чисто феодальному правилу вольна казнить и миловать без всяких общеобязательных правил. Такая власть “никому ничего не должна”. И не только парламенту, но и народу. С народом тоже можно быть “неуклонным” до следующих выборов.

Лужков говорит: “Только Борис Николаевич при всех его недостатках, я подчеркиваю, может довести дело реформирования России до конца”. И эти слова надо напомнить любому, кто когда-то снова пойдет голосовать за Лужкова или попытается вспомнить его правление добрым словом. Надо понять, что политическое братство разрушителей России состоялось давно, и если что-то делал Ельцин, то Лужков его во всем поддерживал. Они оба доводили Россию “до конца”.

Лужков полностью поддержал все — от Беловежского сговора (“Беловежская пуща спасла Россию от гражданской войны”) до

капитуляции в Чечне (“все Борис Николаевич сделал правильно”) через промежуточную стадию расстрела парламента.

К последнему отнесем интересный эпизод в полутыкинской книжке, где на председателя Краснопресненского райсовета А.Краснова пришли жаловаться к Лужкову ходоки непонятного происхождения. Жаловались на какое-то летучее подразделение и систему “стукачества”. Суть притеснений, в изложении Полятыкина, так и осталась необъявленной. Зато звонок Краснова в приемную Лужкова во время беседы с ходоками удостоился реплики Лужкова: “— Редкостная сволочь все-таки этот председатель! — подытожил разговор Юрий Михайлович. — Создал собственную службу безопасности, платит из районного бюджета 90 тысяч рублей, держит всех в страхе. Представляете, что такое в наше время небольшое, мобильное, тренированное и вооруженное подразделение? Да оно может нагнать страху не только на один район, но и на весь город! — зло, со сведенными губами, закончил Юрий Михайлович”.

Тогда ли Лужков замыслил создать собственные вооруженные силы в виде муниципальной милиции со своими броневиками? Может быть он сердился на то, что кому-то еще пришла в голову такая же мысль? Так или иначе, мы ничего не знаем про бесчинства отряда Александра Краснова, а безобразия лужковской гвардии видели хотя бы в том же 1993 году.

*** * ***

Другая истинная правда книжки Полятыкина состоит в том, что Горбачев для Лужкова всегда был злейшим врагом. Если бы Горбачеву повезло продолжить свои преобразования, как это удалось Дэн Сяопину в Китае, таким как Лужков пришлось бы туго. Не в первую, так во вторую волну посадок за коррупцию пришлось попасть. Увы, Горбачев оказался совсем другим человеком — человеком бесплодных слов и интриг. Он не нашел в себе сил всерьез встать против врагов России. И фактически предал ее.

Полятыкин свидетельствует: “…трудно представить чем закончился бы путь Лужкова в агропроме, если бы не грянули новые времена”. Точно, тюремной баланды Лужкову было не миновать.

Лужков языком Полятыкина говорит: “Я считаю Горбачева прямым виновником развала экономики, ее нынешнего состояния. Это

по его вине — досоветовался — распался Союз и стремительно рассыпалось единое экономическое пространство”.

В этих словах — самая страшная тайна ельцинизма. Свою вину ельцинисты переложили именно на Горбачева, который что есть сил пытался не дать двум экстремистским флангам растерзать Россию. Оба фланга старались стереть Горби с лица земли. Просто чудо, что он так долго продержался у власти. Винить его можно только в одном, что он не стал вешать на площадях всю эту сволочь — торжественно и лицемерно вздымавшую над страной свои партбилеты или лицемерно объявившую себя демократами от рождения и попрятавшую те же партбилеты.

На этот счет книжка про “тореадуру” (раньше “помпадуры и помпадурши” высмеивались, теперь им вылизывают геморрой до мозолей) проболталась: “…коммунисты, если им так угодно сегодня называться, по-моему, вполне нормальные капиталисты, въехавшие во власть на прежних лозунгах, которым поверили наши доверчивые сограждане”.

Вся разница лишь в том, угодно или неугодно коммунистам называть себя коммунистами. В остальном — никаких различий!

Третья правда книги — что Лужкову Моссовет всегда стоял попрек горла. С самого начала, с первой сессии последнего Моссовета, когда Лужков единственный раз в жизни зависел от голосования людей, близких к пониманию того, что есть власть. Лужков навсегда сохранил в себе ощущение враждебности к этой массе людей, волей которых он мог быть лишен номенклатурных перспектив, которые сами могли задать ему непростой вопрос и не принять в ответ набора пустопорожних энергичных фраз. Свою враждебность Лужков запомнил как враждебность к нему со стороны депутатов. И мстил им всю оставшуюся жизнь.

Полятыкин стал орудием этой мести. По-лакейски приняв мнение хозяина за свое, он выставил Моссовету абсолютно бредовый счет за те грехи, которых сроду не существовало. Полятыкин налгал мелко, бессистемно, бесталанно. Поэтому нет нужды разбираться в этих нечистотах. Если собрать по книге все упоминания Моссовета и относящихся к нему фраз, можно обобщенно сказать, что все это — чушь собачья. Не было в Моссовете никакой комиссии “по гласности”, не было победы “демороссов” в райсоветах с преимуществом в 2/3, а в

Моссовете 1/2 (все было наоборот), никогда не отчитывался Лужков перед депутатской сессией и т. п.

Одна лишь деталь подробнее. Полятыкин выдумал такую картинку с первой сессии — жидкий остывший чай в моссоветовском буфете, которого там сроду не было (буфет вообще был в Общественном центре МК и МГК КПСС, что стал потом парламентским центром на Цветном бульваре). Зато с чаем лужковского будуара, заваренным от таких же пакетов, промашки не дал — запомнил. Такая вот лакейская избирательность памяти.

В книге на вопрос Лужкова “Как тебе удалось так быстро переделать статью о власти, что там все переменилось?” автор отвечает: “Так я же профессионал”. Вот так откровенно! Такого рода холопий “профессионализм”, действительно, царит среди лужковской дворни.

Лужков и Полятыкин нашли друг друга не только в ненависти к Моссовету, Горбачеву и народному контролю. Книга переполнена грубостями, отточиями матерных слов и прямо непечатными пакостями. Именно здесь Лужков готов признать за собой “дефектик”: “Никак не отучусь материться, хотя, признаюсь, никогда и не пробовал”.

Дружок Лужкова декламирует ему по телефону похабную частушку про “сладкий фаллос” и мэр его прекрасно понимает. Читателю же будет непросто расшифровать ребус, который номенклатурщики разыграли в полятыкинском сюжете.

Присутствие по соседству строк о молодой супруге мэра делает пакость еще более отвратительной. Хоть бы из приличия опустили бы в книжке упоминание о женщине, о которой только и можно сказать, что она была молода, а потому как-то особенно завлекает Лужкова к домашнему очагу. Игривые намеки могут вызвать у доверчивого читателя предположение, что мэр женат на даме с внешностью и фигурой манекенщицы. Чтобы развеять иллюзии, рекомендуем взглянуть на семейные сцены четы Лужковых в журнале “Лица” (№ 5, 1997) и убедиться, что Юрий Михайлович подобрал себе в спутницы совершеннейшую свою копию.

*** * ***

Есть в книжке картинки с натуры, которые характеризуют Лужкова и его окружение точнее, чем любая критическая зарисовка.

Вот входит к Лужкову управделами Шахновский с огромной папкой бумаг. Лужков ему: “Уйди, Василий”. Шахновский: “Ну тогда в лифте”. Лужков: “В лифте — пожалуйста…”. Что это, диалог “шестерки” с “паханом”? Наверное, именно так. У них так принято. Подчиненный либо холоп и лизоблюд, либо — за порог его!

А вот и еще одна оговорка. Тут рассказ о том как некий провинциал упрашивал полятыкинского дружка о том, чтобы тот отдал ему фотографию, где он снялся с Лужковым. На вопрос “зачем?” провинциал ответил: “Мафии покажу, пусть видят с кем ты, мой лучший друг, сфотографировался…” Сразу понятно, кто у мафии пользуется авторитетом.

Одно небезынтересное совпадение. Студенческого товарища Лужкова звали Витей Березовским. Не Борисом. Но Лужков учился на нефтехимическом факультете и Боря Березовский в конце концов по локоть залез в нефтяные дела, Лужков специализировался на автоматизации производства, и Боря Березовский хоть и учился в лесотехническом, но потом работал по тому же профилю, что и Лужков. Выходит, по одной тропке идут? Дойдут ли к общему финишу вместе — до тюремной камеры?

Вот просто удивительный пассаж по поводу жертв разборки ОМОНа с демонстрантами у Останкино в 1992 году: “…зная отношение Ю.М. к подобного рода эксцессам, убежден: если бы кого-то и пристукнули — никто бы не узнал, труп, как будто живого нарушителя забрали бы в отделение — и только его и видели. Утрируя, я на работе ребятам сказал: омоновцы его так бы пришпилили к телеграфному столбу или к стене, что в течение недели никто бы не догадался, что это труп”.

Вероятно все именно так и было, как рассказал тут садист-журналист. Проболтался, поганец, снова. Были, были трупы; ОМОН убивал по приказу Лужкова и скрывал преступления, как описал это Полятыкин.

И про Храм Христа Спасителя Полятыкин прямо проговаривается: “…невозможно построить такого монстра, не запустив руку в государственную казну.” “Монстр” — это чудовище, “запустить руку в казну” значит — украсть. В переводе с полятыкинского фраза означает: чтобы подсунуть Москве чудовище

под видом Храма, Лужкову пришлось обворовать казну. Опять проболтался, холоп!

Еще одна оговорка. При закладке того же Храма на торжественной церемонии журналист пристает к мэру с лакейским вопросом: “А где вы так научились хорошо держать мастерок?” Лужков отвечает, что сложил несколько фундаментов на дачах у друзей. Но фундаменты не кладут из кирпича, а значит не используют при этом мастерок! То ли журналист сочинил непрозвучавшие слова, то ли Лужков неизвестно где и что складывал своим мастерком. Вообще неплохо было бы найти таких друзей, у которых Лужков служил чернорабочим… Не у Гусинского ли?

Прав автор, в его книге мы имели дело не с человеком, а с явлением. Явлением, включающим в себя физиономии Ельцина, Лужкова, самого Полятыкина, двойной стандарт, матерщину, коррупцию, лакейство, садизм, вранье, непрофессионализм и многое другое. В том и ценность холопьих писаний — в них явление можно разглядеть во всей его мерзостной полноте.

Друг студентов, бедняков, мертвецов

“Друг студентов, малоимущих и мертвецов”, — примерно так был отрекомендован публике автор книги “Мы дети твои, Москва” Ю.Лужков. Именно эти слова прозвучали на одной официозной презентации.

Книга представляет собой весьма посредственную работу, выполненную, как и все, что делает Лужков, с большим внешним блеском и внутренним пороком.

Первый порок состоит в том, что книга наполовину состоит из иллюстраций — фотографий старой Москвы и новостроек. В этот фотомузей вставлены страницы с литературным опусом Лужкова, набранные невероятно крупным шрифтом. Для обеспечения большего объема книги практически каждое предложение опуса отделено абзацем.

В книге Лужкова наличествует обилие исторической информации, которую самостоятельно Лужков ни получить, ни оценить не смог бы. Скорее всего, ему помогали, но помогали явные дилетанты. Изложение исторических фактов ведется бессистемно и бесцельно.

На низкое качество и низкую концентрацию интеллекта в книге указывает использование ранее опубликованных материалов, не

скрепленных какой-либо общей идеей.

И бумага снова уж больно хороша…

Литературный жанр книги Лужкова чем-то напоминает труды Л.Брежнева “Малая земля”, “Возрождение” и “Целина” или Б.Ельцина “Исповедь на заданную тему” и “Записки президента”. Уж не из той же команды “литературных негров” набрал Лужков себе помощников?

Если и из той, то основательно поработать им не удалось. По крайней мере, между занятными детскими воспоминаниями и приглашением на работу в Исполком Моссовета зияет почти полувековой провал. Оно и понятно. Не только Лужкову, но и многим другим персонажам застоя, числящимся сейчас профессионалами в управлении и производстве, есть о чем умалчивать. Расскажешь — стыда не оберешься.

Второй явный огрех книги — неаккуратное отношение к фактам. Они воспроизведены Лужковым такими, какими он решил их запомнить. Вот только многое из описанного им можно проверить и убедиться, что память мэра (как и совесть) серьезно пострадала от той установки (скорее психической, чем политической), которой он придерживается сегодня.

Например, Лужков пишет о своем назначении председателем Исполкома Моссовета на депутатской сессии 26 апреля 1990 года. Достаточно взглянуть в стенограммы, чтобы понять, что у Лужкова действительно что-то с памятью не в порядке. Между тем, ему было легко дать задание своим многочисленным подчиненным, которые без труда извлекли бы стенограмму сессии из архивных анналов. Тогда не было бы очередного обвинения во лжи, которое мы вполне обосновано предъявляем нашему антигерою. Лужков мог бы также подкорректировать историю, обыграв зафиксированные стенограммой слова в свою пользу. Но то ли Лужкову и его борзописцам было лень этим заниматься, то ли избирательная кампания требовала спешного издания душещипательной книжки…

Во всяком случае, согласно стенограмме и воспоминаниям специалистов, можно опровергнуть целый ряд вымыслов Лужкова.

Во-первых не было никакой “отстраненности” представлявшего его депутатам Г.Попова, якобы сославшегося в своем выступлении на “хорошие отзывы”, но сказавшего, что он Лужкова “совсем не знает”. Наоборот, рекомендация была очень теплой. Без этого в тогдашней

ситуации стать председателем Исполкома было просто невозможно. Никакой чужой человек через демократическое большинство Моссовета просто не проскочил бы.

Во-вторых, доклад Лужковым был подготовлен заранее, что не дает ему оснований писать о том, что ему не дали достаточно времени, отпустив всего лишь 12 минут. Впрочем, и впоследствии Лужков не торопился в Моссовет с отчетами о своей работе. Ни одного публичного отчета за все время пребывания на высшем хозяйственном посту столицы Лужков не сделал.

В-третьих, совершенно неверно передается и заданный в тот момент Лужкову вопрос о том, к какой “платформе” он принадлежит, будучи членом КПСС, а также ответ на этот вопрос.

Никогда не объявлялась Лужковым в Моссовете концепция деполитизированного правительства, которую он выдумал для своей книжки. Более того, вся последующая практика этого правительства показывает — руководство Лужкова было политизировано до крайности и всегда оказывалось, что лужковское правительство было ярым сторонником партии ельцинистов, партии номенклатуры.

Лужков пишет, что отстоять старые кадры профессионалов ему сильно помог Н.Гончар, который “с такой решимостью отстаивал каждую кандидатуру, что практически удалось сохранить весь состав опытных руководителей”.

Тут опять ложь — никакой борьбы не было. Зато была закулисная интрига, подробно описанная в книге “Мятеж номенклатуры”. Тогда состав исполкома, вопреки закону и мнению депутатов, был утвержден списком и ни одна персона Моссоветом не обсуждалась, вопреки закону. А вот сговор между руководством Моссовета (Попов, Станкевич, Гончар) и номенклатурой был.

Лужков пишет об удачном прекращении “табачных бунтов” путем введения “рыночных цен” на курево. Это ложь, господин Лужков, опять ложь! Никаких рыночных цен не было и в помине. Было простое изъятие средств из карманов москвичей и введение изуверской карточной системы. Средства от повышения цен поступили не в городскую казну, а во внебюджетный фонд; об их расходовании никто никогда не отчитывался. Наоборот, известны факты чудовищных злоупотреблений (см. “Мятеж номенклатуры”).

Городские деньги (А.Краснов. Мысли вслух.)

В нашей жовто-блакитной газетно-телевизионной реальности (желтая пресса и голубой экран) образ Лужкова — это образ талантливого хозяйственника. На самом деле единственной оценкой крупного администратора является один простой показатель — доходность имущественной части бюджета. Любой налогоплательщик должен жить в зависимости только от этого фактора, но независимо от того, обитает он в столице или в глубинке.

С недавних пор московские деньги лежат в уполномоченных банках. Что такое институт уполномоченных банков? Здесь уже не чиновник занимается предпринимательством, а предприниматель привлекается к чиновничьей работе. Это еще хуже. Это наглядный пример феодальной системы откупов, которые в свое время порождали соляные бунты.

Московский бюджет почему-то выделяет кредиты под закупку продовольствия частным организациям, причем под смешные проценты! Можно себе представить, чтобы Ширак, перед тем, как стать президентом, выдал льготный кредит частной фирме для закупки продовольствия, для “завозной кампании” картошки в Париж? После этого он не только не стал бы президентом, его бы просто за решетку упекли!

Городской бюджет должен иметь весьма ограниченное число расходных статей: на муниципальную полицию, бесплатную медицину, благоустройство, уборку мусора, дороги, коммуникации, строительство бесплатного жилья, бесплатное образование… Все это не исключает дорогих платных услуг: дорогого жилья, платного обучения, платной медицины и т. п. Когда из московского бюджета берут деньги на строительство памятников всероссийского значения, церквей, благотворительность по всей стране (больница в Буденновске или дом для моряков Севастополя), то это преступление, благотворительность за счет тех, кто таких прав московской администрации не вручал.

Вдумаемся в такое событие. Лужков приезжает из Литвы и говорит: “Я выяснил, что в Литве наши товары дороги. Литовские товары в Москве тоже дороги. Мы подписали соглашение, чтобы они там и там стали дешевле”. Представим себе Ширака на месте Лужкова. Невероятно! Ширака бы через полчаса забрали в местный парижский дурдом! Какое твое собачье дело до стоимости товаров, до зарубежья?!

Твое дело чтобы было чисто, чтобы полицейский стоял на углу, чтобы скорая помощь ездила, чтобы пожары тушили, чтоб зелень была…

Есть у бюджета еще одна замечательная сторона — сбор налогов с юридических лиц, которые ведут свою деятельность в других регионах страны. Лужков сбор налогов с таких “лиц” ставит себе в заслугу, а обыватели понимают дело так, будто это его личный успех.

Еще до Лужкова я пользовался тем же способом получения денег и даже хвастался этим. Тогда существовал замкнутый круг: ты не можешь зарегистрировать предприятие, пока у тебя нет юридического адреса, не можешь получить юридического адреса, пока у тебя нет договора аренды, а договора у тебя не будет, пока не будет юридического лица. То есть приходилось либо платить взятку за справку о юридическом адресе без заключения договора (липу!), либо плакать!

Тогда я от имени районной власти сказал: “Юридический адрес по Шмидтовскому, 15 даем всем!” Тогда еще никто не понимал исторического момента, в который “нулевые” предприятия (у которых печать, счет и ничего больше), могут все-таки заработать, не сдохнуть через полгода. Мы поняли, и по Шмидтовскому, 15 образовался самый доходный дом страны. На один день мы готовили 1500–2000 фирм, которые регистрировали. Одним голосованием исполком утверждал их регистрацию и выдавал печати. Московская товарная биржа, Российская товарно-сырьевая биржа, большинство брокерских контор были зарегистрированы именно у нас. А по адресу, который указывался в регистрационных документах — только подвал, заполненный нечистотами. Налоги потекли по юридическому адресу. В результате избытка бюджета Краснопресненского района хватало, чтобы покрыть дефицит бюджетов всех остальных районов Москвы.

Тогда я боялся показывать деньги, которые поступали в район, чтобы город не наложил на них свою лапу. Когда в район кто-то приносил хорошую программу, на сессии у меня спрашивали: “Ну что, найдешь деньги?”. “Найду!” — и депутаты голосовали. Тут же появлялись деньги, которые мгновенно расходовались, не задерживаясь на счету райсовета. В “закрома” ничего не отправляли.

Вся эта система по наследству досталась Юрию Михайловичу.

Почему так недоволен Лужков Брынцаловым? Потому что тот перевел свой юридический адрес в Кабардино-Балкарию, а водку

продолжает разливать здесь. При этом Лужков забывает, что подавляющее большинство зарегистрированных в Москве предприятий зарабатывает деньги в других регионах страны. Золото можно добывать на Колыме, а налоги платить здесь — по юридическому адресу.

Если говорить об эффективности московской власти, то нужно смотреть на эффективность именно муниципальных предприятий типа Мосводоканала или Мосгаза, Москомимущества. Сколько они денег дают? Они убыточные!

А еще надо бы поделить цифру доходов от муниципальных предприятий на число жителей. Тогда получится, что Москва — один из самых занюханных по этому показателю регионов. Даже несчастная Калмыкия, где ничего кроме степи нет, похоже, Москву по эффективности власти все-таки опередит. Калмыкия при 90 % дотации так использует свою крошечную муниципальную собственность, что в пересчете на человека, дает ему больше всех остальных областей и республик.

В Москве народу много, а производят в пересчете на человека в десять раз меньше, чем в Курске. Почему? Потому что воруют с такой свирепой энергичностью, что ничего накапливаться не успевает. Деньги же, которые приходят от предприятий, муниципальных властей не касаются, их заработки и выплаченные налоги — не заслуга какой-нибудь мэрии! Присваивать себе их достижения — все равно что в Краснопресненском районе говорить о своей роли в доходах от хаммеровского Центра международной торговли, который не район строил и не его руководство обслуживает.

Только в том случае можно говорить об эффективном хозяйствовании на муниципальном уровне, когда успешно используется имущественное богатство муниципии — сэкономлена вода, поскольку заварены все свищи, сэкономлен газ, поскольку подтянуты все прокладки и т. п.

С какого бодуна считать Лужкова хорошим хозяйственником? Дается кредит на покупку мусоросжигающего завода — завод не строится, даются бабки на продовольствие — они расхищаются… Огромная собственность вместо колоссальной прибыли дает Москве сплошные убытки. Лужков просто поганый хозяйственник! Из областных хозяйственников хуже не найдешь.

В Москве финансовое положение определяется налогами (они же — поборы, поскольку в феодальном обществе нормальных налогов быть не может) и штрафами. За налоги, собранные на бесплатное здравоохранение, образование, полицию и т. п. построили подвальный магазин на Манежной площади. Потом выясняется, что владеет всем этим какое-то закрытое акционерное общество. Так же за счет московского бюджета финансируется АО “Сити”. Получается перекачивание административной части бюджета в имущественную. А вот в Германии такое безобразие законодательно запрещено, ибо чревато коррупцией. Если на имущественной части так хорошо поработали, что получили прибыль, то из нее можно взять деньги на социальные выплаты. Взять из налоговых денег на расширение имущественного достояния города — категорически нельзя!

Лужков ведет себя как исполнительный директор жилищного кооператива, в котором граждане скинулись на строительство многоквартирного дома, а вместо отчета о выполненной работе получают поздравительные открытки и подарки к Новому году. Для чего мы тебе бабки давали?! Налоги — это те же общественные деньги, которые даются чиновникам для содержания дома престарелых, приюта, пожарной каланчи и т. п. Кто просил памятник Петру I вместо каланчи возводить? Мы на это сбрасывались?

На то и нужна представительная власть, чтобы сказать Юрию Михайловичу: “Ты, брат, куда деньги общественные дел, ты сколько за счет имущества Москвы в казну внес?” По поводу Московской Думы нечего говорить — такую функцию она выполнить не может. У нас суперпрезидентская республика в 10-миллионном городе-государстве, а Дума — просто посиделки “при мэре” без структуры местного самоуправления.

На глянцевых страницах лужковской книжки говорится о бунтах таксистов, которые якобы требовали сплошной приватизации автопарков. Опять вранье! Демонстрация таксистов в 1990 в центре города была связана с серией убийств их товарищей. Приватизацией-то как раз им заткнули рот. Таксисты сами были вовсе не в восторге от затеи, превратившей их в обыкновенных “леваков”, брошенных в условия криминальной конкуренции на привокзальных площадях. Лужков вместе с Поповым не спасали таксопарки Москвы, а уничтожали их размеренно и целеустремленно. Теперь же Лужков

утверждает прямо обратное и пытается возродить умерщвленное им же московское такси за счет города.

Депутаты Моссовета действительно пытались поставить исполнительную власть под свой контроль. Это была одна из их функций, основанная на традиции народного представительства и законах. Лужков же считает, что депутатам этим заниматься нельзя. К этому им добавляется и тезис о том, что депутаты "пытались установить диктат в кадровой политике". Это просто бессовестная ложь. Ни один чиновник не только не был снят с должности Моссоветом, но даже ни одна рекомендация Моссовета не была удовлетворена. Будучи политически ангажированным, Лужков любую критику со стороны Моссовета воспринимал как положительную оценку работе очередного проштрафившегося чиновника.

Многие из чинуш, по уши измазанных управленческой бестолочью прежних лет, сегодня клянут систему, которая якобы вынуждала их работать неэффективно и подличать на каждом шагу. Лужков в этом деле не исключение. Для него главный способ объяснения всех невзгод — неэффективность советской власти. Может быть, он хоть когда-нибудь противостоял этой власти? Ничуть! Наш писатель говорит, что исполком не раз грозил подать в отставку. Это так, да не так. Ни одного заявления об отставке в Моссовет никогда не поступало. Даже Г.Попов оставил мэрское кресло, подав заявление об уходе почему-то Ельцину, который его не назначал.

Они с Лужковым вообще старались пугать своими заявлениями только Ельцина — своего реального хозяина, столь же непримиримого к своим противникам, столь же рьяно презиравшего ослабевший закон. Да еще этими "отставками" удавалось разогревать визгливую "демшизу".

Накануне выборов 1996 года Лужков пишет о трехуровневой системе управления в Москве, которую он якобы создал, переходя от системы районов и микрорайонов к системе префектур и муниципальных округов. Это чепуха. Реальным результатом перестройки системы управления в Москве стала ее криминализация. Публикации на эту тему стали чрезвычайно редкими в столичной прессе (сошлемся лишь на краткий обзор "Москва — город феодалов?" — "Правда России", 11.04.96). В мазохистском

сладострастии журналюги готовы были пятки лизать властолюбивому мэру, не прощавшему самостоятельности и верности закону никому.

Лужков сам признает, что командовать более чем 8-10 подразделениями управленец просто не в состоянии. Но именно такая неуправляемая системы и была им создана. В результате чиновники нижнего и среднего звена получили полную свободу рук для любых нечистоплотных махинаций — лишь бы мэрия была не в накладе, лишь бы Лужкову на любимую мозоль не наступить. Особенно это сказалось в период структурной реформы, проводимой Поповым и Лужковым с целью расчистки номенклатурных мест для своих ставленников. Распределенные на новые должности люди были по гроб жизни обязаны Лужкову своим благополучием — приватизированной властью.

Что касается местного самоуправления, то его Лужков понял как самоуправство. Не зря ради обоснования своего наглого смеха в микрофон Съезда народных депутатов России в 1992 он развернул целую цепочку исторических фактов, поставив себя в конце этой цепочки в качестве олицетворения торжественного финала — верховной представительной власти можно уже не подчиняться, ей можно хамски хохотать в лицо. При этом Лужков снова лжет, заявляя, что его избрали мэром. Как мы говорили выше, мэром-то как раз в 1991 году его не избирали и присутствием в этой должности он обязан лично Ельцину и его банде, цинично попиравшей закон.

И не только хохотать над депутатами мог фальшивый мэр. Мы помним роль Лужкова в октябре 1993. Сам он об этой роли предпочитает помалкивать, обходить щекотливую тему в своих автобиографических заметках. Но мы помним все. Мы знаем досконально за что Лужков должен сидеть на скамье подсудимых, за что его можно приговорить к высшей мере наказания — за измену Родине, за государственный переворот, за человеческие жертвы.

Как и в адрес депутатов России, строил Лужков свою “империю хамства” и по отношению к Моссовету. В книге он прямо рассказывает о своем сговоре с Поповым против большинства Моссовета, о планах создания в городе такого института власти, “который выравнивал бы своим статусом и полномочиями притязания депутатского корпуса”.

Довыравнивались до того, что полностью сравняли с землей народное представительство в Москве, выстроив на его месте

бесхребетную Московскую Думу, о которой просто неприлично говорить в порядочном обществе.

История о противостоянии Лужкова с Моссоветом, которая много чего может сказать лично о мэре, затушевывается в его автобиографиях. Выдумывается миф о том, что депутаты и Лужков "были по одну сторону баррикад", что между ними "на уровне программ расхождений не было". Если бы это было правдой, Лужкову не понадобилось бы потрошить Моссовет и мстить депутатам уже после состоявшегося государственного переворота, в котором он принял активное участие (подробнее об этом см. в книге "Мятеж номенклатуры").

Кстати, о путче 1991 года. Лужков предпочитает не тиражировать в своем новом издании те главы, которые он уже ранее опубликовал. "Там нет ни слова неправды", — говорит он. Но тут же признается, что многое пришлось переоценить за прошедший период.

Выходит, что Лужков уж очень свободно относится к слову "правда", просто не понимает, не чувствует его значения. Для него правда — то, что он полагает и считает выгодным выдавать за правду. Мы же полагаем, что "правда Лужкова" — сплошная ложь.

В своей книжке, например, Лужков роняет мысль о том, что в Москве кто-то (по Лужкову, некие "мы"), якобы, в 1991 боролся за сидящего в Форосе М.Горбачева. Это вранье. Даже люди с весьма чистыми помыслами боролись в те дни совсем за другое, а уж Лужков и его окружение — и подавно. Мы уже говорили о том, что Лужков ненавидел Горбачева всеми фибрами своей номенклатурной души. Потому что без Ельцина у Лужкова не оставалось никаких вариантов судьбы, кроме судьбы уголовника, уличенного в коррупции и измене и заключенного под стражу.

Положительным в лужковской книге является то, что ее автор, не будучи слишком талантливым литератором, все время проговаривается, чем дает обильную пищу для размышлений и выявления скрытых механизмов власти. И на счет Горбачева Лужков сам выкладывает свои тайные мысли.

Один из наиболее ярких моментов, высвеченных Лужковым — его причастность к разрушению Советского Союза. Принимая пост первого заместителя Комитета по оперативному управлению, выполняющего роль союзного правительства, Лужков заранее

определил, что Горбачеву не место во власти, а Силаев лишь имитирует переход к рыночным структурам. Чувствуя свою безнаказанность, порожденную мифом о ключевой роли исполнительной власти Москвы в подавлении путча ГКЧП, Лужков всячески разрушал работу Комитета.

Об этом говорит такая ситуация. Председатель Комитета Иван Силаев трансформирует союзные министерства в концерны и пытается как-то сохранить единый хозяйственный механизм. Лужков, прекрасно зная, что система управления не может быть в один момент преобразована, нагло объявляет, что требует вывода псевдо-концернов из столицы, поскольку они не являются рыночными структурами. Когда Силаев начинает кипятиться, Лужков хамски продолжает: “Если обман не прекратится, мы примем меры, которые находятся в компетенции муниципальной власти. Не будем заключать с этими так называемыми концернами арендные договора…”, “отключим электричество, воду… Не будем принимать в Москве эти псевдоструктуры. Это не рынок, а чистый обман…”

Приведенные слова в любой другой стране — рыночной или нерыночной — были бы расценены как попытка государственного переворота, а столичный мэр был бы тут же арестован или просто пристрелен сотрудниками спецслужб. У нас же деятель, занимающийся подрывом работы высших органов государственной власти и управления, объявляет себя героем и никто ему в этом не смеет перечить. Причем, в полном противоречии с собственной деятельность по рассыпанию общесоюзных структур управления, Лужков ссылается на политические амбиции республиканских лидеров, погружающие страну в абсурд. Да он сам относится именно к такого рода деятелям!

Мы избавимся от противоречия если поймем, что противодействие союзным министерствам было со стороны Лужкова способом расчистить себе место под солнцем. Он прекрасно понимал, что восстановление работоспособности министерств сделает ненужным его высокий пост. Так же враждебны ему были и упрямые попытки республиканской номенклатуры обходиться без Силаева и Лужкова. В этой ситуации, наблюдая за расхватыванием собственности республиканскими властями, Лужков решил стать их ходатаем и подал Силаеву записку о том, что присвоение союзной собственности по

принципу “что на моей территории — мое” — неправомочно. Но с этими мыслями Лужков уже никому не был нужен. Союз был расчленен, и в этом был весомый вклад самого Лужкова.

Не о благе страны заботился лидер московских чиновников, не хозяйственной расчетливостью мотивировалась его деятельность. Это была борьба за власть — нечистоплотная и жестокая, ведущаяся заведомо некомпетентными деятелями, которые умудрялись гадить и стране и себе самим.

Интересно описывает Лужков свои попытки запустить в Москве приватизацию. Все как-то не получалось, неподготовленная к приватизации хозяйственная среда сопротивлялась, насильственные меры эффекта не давали, а Лужков недоумевал — почему это никто не рвется в рынок так, как его любимые кооператоры, уже тогда составившие альянс с уголовным миром и продажной номенклатурой. Потом решили по-простому: если не подадите заявок на приватизацию, выставим ваши предприятия на аукционы. Так вот и был обеспечен процесс, подобный коллективизации: не согласишься воровать — лишим всех прав. И цепной пес был нанят — большевичка от либерализма Лариса Пияшева, которую впоследствии за перегибы и излишнюю откровенность пришлось выставить за дверь.

В своей книге Лужков саморазоблачается и предстает в качестве предельно оторванного от интересов страны человека. Он считает, что в России сложилась “советская цивилизаций”, в которой “чувство священного не начинается собственностью и не кончается ею”.

Это действительно так, только это не “советский”, а русский мотив поведения, признак русской цивилизации. Лужков считает, что это плохо, а потому ставит своей целью “коммерциализацию” народа, которая изуродует этот народ до неузнаваемости. Лужкова не волнует, что пластическая операция не всем приходится по нутру, а ее результат — пасквильная рожа, карикатура на европейца. Ему подавай священное право собственности, сладострастие обладания вещами — причем немедленно, сегодня!

Уродование картины мира, видно, передается по наследству. Лужков пишет, что его сын получил диплом “профессора менеджмента”, а потом приводит суждение этого “профессора” о том, что учесть все факторы ценообразования нельзя, и поэтому, якобы, весь мир напряженно следит за биржей.

Это полная нелепица. Во-первых, есть лишь предельно ограниченный набор биржевых товаров, во-вторых, имеется огромный внебиржевой рынок, в-третьих, есть помимо технического анализа (анализ динамики биржевых котировок) еще и фундаментальный анализ (анализ реального состояния условий производства). То ли “профессор менеджмента” этого не знал, то ли о его знаниях неправильно информирован его отец, поставивший свое незнание во главу угла хозяйственной деятельности. Последнее уж наверняка — полная безграмотность Лужкова в вопросах, которые он имеет наглость поднимать в своей книге.

Из казуса с основами экономики, оказавшимися недоступными Лужкову-старшему, вытекают вполне реальные жертвы безграмотных управленческих решений. Так, Попов с Лужковым, согласно мэрской книге, “создают слой собственников” — объявляют о бесплатной приватизации жилья. Ломясь через законом установленные процедуры, они добиваются того, что москвичи становятся обладателями квартир по принципу “кто где живет, тот тем и владеет”. Слоя собственников от этого, как показала практика, не возникло (да и не могло возникнуть в принципе), зато столичная и российская номенклатура была премного благодарна за бесплатные хоромы в престижных районах.

Мэр московский, как оказалось, вовсе не понимает, почему люди вдруг начинают отстаивать свое право жить на земле предков. Когда ему понадобилось выстроить многоэтажки в Жулебино, он расценил упорное желание людей жить в своих необустроенных усадебках как проснувшееся чувство собственности. Имеющим представление о собственном достоинстве в данном случае заблуждение мэра оказалось на руку — Лужков распорядился построить им тут же неподалеку коттеджи. В других случаях он давил всяческое достоинство нещадно. Только написать об этом он не может и не хочет.

При сносе ветхого жилья москвичей переселяют из обжитого Медведково в новостройки Южного Бутово на другом конце Москвы, утверждая, что закон при этом не нарушается. Потому что, мол, в законе говорится, что такого рода переселения должны происходить в рамках населенного пункта. Получается форменное издевательство. Учитывая, что при этом идет бойкая торговля новыми квартирами в том же Медведково. Таким образом, мэрия просто наживается на разнице в цене между квартирами в Медведково и Бутово.

Лужков пишет о своем идеале управления в переходный период: “выбрать задачу и жестко, насильственно, не считаясь ни с какими иерархиями и процедурами, ее провести”. Но для этого надо еще и голову на плечах иметь, не путать свой карман с государственным и быть человеком чести. Московская номенклатура таких образцов поведения предъявить не в состоянии. Поэтому на практике все происходит иначе. Безголовая власть загоняет людей в тупик, вынуждая одних на безвольную покорность, а других — на непримиримое сопротивление. Если сопротивление упорно, команда московских чиновников изобретает управленческую “находку”. То есть, сами создали проблему, сами же нашли ее разрешение, и сами себя похвалили за это.

Еще один положительный момент публикации книги Лужкова — богатый материал для психоаналитических исследований. Просто на поверхности лежат корреляции между детскими впечатлениями Лужкова и стилем его деятельности.

Мировоззрение нашего героя в детские годы было сформировано его социальным окружением — царившими в его дворе полубандитскими отношениями, беспредельным авантюрным геройством, круговой порукой против “чужаков” и власти. Предъявленная ему таким способом одна из моделей общества зафиксировалась в сознании намертво. Семья здесь не сыграла никакой роли. Мать для Лужкова осталась “мамашей”, упоминаемой без всякого уважения, об отце он и вовсе говорит вскользь. В той же книге по другому поводу у Лужкова звякнула неслучайная, на наш взгляд, оговорка — “ненавидел свою мамашу”.

Босяческая психология и уголовные наклонности стали основой системы “этических ценностей”, о которой говорит Лужков.

О характере московского градоначальника и московской власти в целом свидетельствуют метко произнесенные на представлении книги Лужкова слова певца Кобзона. Он сказал, что презентацией мероприятие называть неудобно, пресс-конференцией — тоже. Поэтому мероприятие предложено было обозначить на воровском жаргоне — “сходняком”.

Пожалуй, все мэрско-московские мероприятия — именно “сходяки”, а результаты их (конечно же реальные, а не нарисованные на мелованных страницах) — разрушение столицы, лишение ее

будущего. Поэтому желание перенести столицу в какой-нибудь другой город у того, кто решит прервать воровскую традицию, будет вполне объяснимым и рациональным выбором.

Цинизм "антифашиста"

Истерия случившаяся с русофобскими СМИ и заразившая мэра Лужкова, а заодно и Генеральную прокуратуру, опиралась всего-то на одну фразу генерала Макашова: “Заберу с собой в могилу десяток жидов. Просто так мы не сдадимся!”.

В том, что брякнул генерал Макашов с трибуны, не было никакой новизны. Что он такого особенного сказал, чтобы раздувать скандал во всероссийском масштабе? Подумаешь, “возьмем с собой в могилу десяток жидов”! Мы такое слышали не раз и знаем, что залихватские высказывания в основном исходят от импотентов. Кто и кого “забрал с собой в могилу”? Других отправлять в бессмысленную бойню — это было. Например, в Останкино в 1993. А вот чтобы кто-то искрошил “десяток жидов” — ни разу.

Новизна здесь была в том, что березовские-гусинские решили проверить некоторых политиков на “вшивость”. Примерно так же, как проверяли их десять лет назад, раздувая ор о фашистской опасности всего лишь на основании драки между писателями и читателями в ЦДЛ. Теперь, как и тогда, политики заголосили, попавшись на дешевую приманку. Сработал все тот же совковый морализм: чтобы тебя считали приличным человеком, надо кривить губу на жидоедов и вопить о “великодержавном шовинизме”.

Некоторые политики с патологической антифашистской “вшивостью” тут же откликнулись и заголосили на все лады. Возглавлял этот кошачий концерт Александр Яковлев — главный антифашист еще при КПСС, который выискивал несуществующие фашистские группы и пугал ими своих коллег по ЦК — мол, в Мюнхене все начиналось с пивного бара, и у нас тоже все это гнездится в пивняках. Но боялась эта публика вовсе не фашистов, а ответственности, которую придется нести за свои пакости, если власть вдруг сменится.

Яковлева до сих пор гложет обида за то, что еще в 1972 за глупую статью об опасности национализма его отправили послом в Канаду, а также за отказ Горбачева преследовать тех, кто распространял в 1987 листовки против Яковлева. Яковлев считал, что если бы тогда Горбачев

его послушал, фашистских организаций не появилось бы. А так — и 1991 у Яковлева стал фашистским. Кругом один фашизм. Только Яковлев — весь белый и пушистый. А что весь в слизи и бородавках — так это временно, по болезни.

В наше время Яковлев организовал Антифашистский конгресс, который так и не вызвал интереса в обществе — ну никак не удавалось доказать отставному партноменклатурщику, что в России фашизм таки есть. Приходилось измышлять загадочные сюжеты — мол, борцов с сионизмом организовало КГБ, “чтобы выпустить из общества пар диссидентства”. А в результате возник, якобы, российский фашизм. Вот Яковлев и побежал к Ельцину — вынудил того подписать пустой указ о борьбе с российским фашизмом, хотя даже в Академии наук затруднились сказать, что это такое. Да и сам Яковлев предложил Ельцину считать фашизмом разжигание национальной розни, пропаганду исключительности одной нации за счет другой, пропаганду войны и насилия. Таковое разжигание, разумеется, относилось не к дудаевым и шаймиевы, рахимовым и гусинским, а к своим бывшим соратникам по партии.

“Уголовщина, освященная идеологией, — эта формулировка подходит как коммунистам, так и фашистам”, - говорил Яковлев. Ну да, в фашистской КПСС Яковлев сделал карьеру, а потом стал выдавать себя за Штирлица: “У нас был единственный путь — подорвать тоталитарный режим изнутри при помощи дисциплины тоталитарной партию Мы свое дело сделали”.

Политической “вшивостью”, как оказалось, болен не только Яковлев с приспешниками. В наиболее острой форме антифашистскую вшивость подцепил Лужков, который в период особо тяжелого припадка антифашизма состряпал гневливое письмо в Госдуму, требуя осудить поступок Макашова — слова про “жидов”. Думские коммунисты-соглашатели долго мялись, а потом все-таки нашли формулу для осуждения “антисемитских высказываний”. В результате Макашов стал поистине народным героем и большим авторитетом у всякого отребья, почему-то приписавшего себя к патриотам. Не то чтобы многим так понравились слова Макашова. Просто СМИ так часто их транслировали и с такой ненавистью комментировали, что большинству стало ясно: Макашов точно свой, хоть и дурак.

Разница между тем, что было десять лет назад и тем, что мы видим теперь небольшая. Тогда телевидение было “красно-голубым”, теперь — “голубовато-красное”. Хрен редьки не слаще — одни делали вид, что они власть, другие — что они оппозиция.

Теперь поменялись местами. “Лица библейской национальности” с тех пор ничего не потеряли, сменив только названия своих должностей, а дураки, пытающиеся быть патриотами, ума не нажили. Последним трудно понять, что жидоедство — это ложная попытка патриота стать националистом. Вот их и водят по ложным путям, как козлов с морковкой — чтобы всю русскую историю представляли как борьбу с жидами или между жидами.

Кое-кто из этих пустомель и дуралеев все еще старается приобрести “голубоватый” оттенок, чтобы их не записали в пещерные антисемиты, другие предпочитают оставаться “красноватыми”, чтобы их не перепутали с персонами иной окраски. Разумеется, тревожность здесь связана с образованием неявной корпорации — они правят, мы орем на митингах, потом меняемся местами.

Коль скоро основным содержанием эпохи стала склока между “красными” и “голубыми”, то это не эпоха “белых” — это не наша эпоха! Мы должны участвовать в ней только с тем, чтобы она побыстрее умерла. А это значит — не лезть в драку, где нет ни одного нашего, где некого защищать и не за что бороться. Наше время впереди.

Действия, предпринимаемые против политического экстремизма, несмотря на всю их кажущуюся обоснованность и интенсивность, носили в 1998–1999 бессистемный характер и неизбежно вели к росту экстремистских настроений. Участие ведущих политиков и СМИ в столкновении с РНЕ демонстрировало мощь и влияние этой весьма слабосильной организации. В результате протестные слои населения рассматривали РНЕ как единственного серьезного и последовательного оппонента власти, а отношение к РНЕ — как тест на глубину неприятия этой власти.

В короткий срок соратнику Лужкова и хозяину НТВ Гусинскому удалось вырастить рейтинг РНЕ от почти неощутимого до очень серьезного — 10 % населения полностью поддерживали РНЕ и еще 20 % поддерживали в основном. Следствием кампании против РНЕ являлось массовое убеждение, выраженное фразой: “чтобы быть

русским, надо стать фашистом”. Создавалось впечатление, что РНЕ исчерпывает собой все русские политические организации. Кроме того, кампания “против РНЕ” строилась таким образом, чтобы создать иллюзию, что именно этой организацией исчерпывается политический экстремизм. Все понятие политического экстремизма сосредотачивалось на русском национальном экстремизме. Другие формы экстремизма игнорировались, хотя практически сплошь носили еще более опасный характер. Пример тому — захват части территории РФ бандитской группировкой чеченских боевиков, а информационного пространства страны — изменниками, пошляками и гомосексуалистами.

Военизированный характер РНЕ ставился этой организации в укор, в то время как среди молодежи популярны были именно организации военно-спортивного типа, а власти (и Лужков — впереди всех) упорно вели демилитаризацию образования и воспитания, убивая одновременно и патриотизм. Неконструктивность антимилитаристского укора прямо противоречила интересам государства, которому предстояло восстанавливать боеспособность своей армии, уважение к ней, возвращать в систему образования основы военно-патриотического воспитания.

Власть, в силу своей некомпетентности, и СМИ, в силу политического заказа со стороны гусинских-березовских, действовали таким образом, чтобы в течение нескольких лет сформировать пантеон героев РНЕ, научить его вести работу в полуподполье (что привлечет молодежь особого рода романтикой), повысить популярность РНЕ среди населения, все более негативно относящегося к официальным кругам, замкнуть именно на эту организацию большую часть политизированных слоев русского населения. Но сценарий сорвался — бежал за границу Гусинский, растрепали партию телеканала НТВ и РНЕ как будто исчезло.

Вопрос о том, чего это Лужков так засуетился по поводу РНЕ и Макашова, объясняется просто. Природное влечение к своим соплеменникам давно проклюнулось в московском мэре. На съезде Российского еврейского конгресса в 1996 Лужков выступил с такими словами: “Организовав этот конгресс, вы сможете сконцентрировать главные цели, которые стоят перед еврейством России, и цели эти абсолютно совпадают с целями нашего общества. Они ни в одной из

своих даже самых малых частей не расходятся со стратегией сегодняшней России… Одними из первых для нас являются евреи… Это не заигрывание, это — стратегия, это наша основная цель" ("Международная еврейская газета" № 2, 1996). Потом Лужков вместе с академиком Лихачевым вошел в состав редакционного совета по изданию в России Талмуда (РФ, № 48–50, 1998 с. 9).

Позднее Лужков построил в центре Москвы "стену плача", бросив вызов не только всей русской истории и русским гражданам России, но и самому иудаизму, всучив ему подделку под действительный памятник, служащий у иудеев предметом религиозного и национального поклонения. Историк В.Махнач на этот счет сказал, что с тем же успехом Лужков мог бы соорудить неподалеку от стены плача также еще и макет священного для мусульман камня Каабы.

Что же до тех, на кого указывал перст "демократической общесвтенности", то здесь образовался замечательный карательный альянс. Министр юстиции Крашенинников и мэр Лужков во всем подыгрывали друг другу, стремясь получить дивиденды и прославиться в качестве антифашистов. Именно от Крашенинникова Лужков получил регистрационное свидетельство в день учредительного съезда "Отечества" (после чего Центризбирком, проигнорировав правило, что "в году не бывает двух одинаковых дат", внес "Отечество" в реестр организаций, допущенных к выборам). Это притом, что другие организации вынуждены были ждать два-три месяца с момента подачи документов в Минюст. Потом Лужков с Крашенинниковым расплатился местечком в своем "Отечестве". Выгнанный за нерадивость со своего поста, Крашенинников стал депутатом Госдумы от "Отечества" и даже председателем Комитета по законодательству, которого он не знал, но наворотить готов был вволю.

В 1999 году в Москве большим тиражом появилась листовка, на которой Лужков с Гусинским мирно беседуют, напялив на затылки иудейские ермолки. Подпись остроумцев: "Вот загадка для детей: кто из этих двух еврей?" А на обороте только цитаты, вроде вышеприведенной.

За президентским портфелем

Президентский марафон для Лужкова, совсем уж согласившегося быть Кацем, начинался при полной атрофии здравого восприятия действительности и предельной неэффективности при создании

партии Лужкова — объединения “Отечество”. Целый ряд обстоятельств, который должен был бы охладить пыл Юрия Михайловича, в силу специфики его натуры и политической судьбы им самим не осознается. И мы высказали на одном из аналитических сайтов эти “прохладные” суждения, когда Лужков еще находился на пике популярности и с трепетом ждал уже, казалось, неизбежного успеха.

Во-первых, Лужков рассчитывал на голоса москвичей, которые оказали ему решительную поддержку на выборах мэра в 1996 году. Но придержать популярного мэра на президентских выборах собирался не всякий его сторонник — зачем делиться своим счастьем со всей страной? Многие москвичи намеревались голосовать за своих любимцев — Явлинского, Лебедя, Черномырдина, а то и за Кириенко с Немцовым.

Во-вторых, Лужкову и тем, кто ставил на него, представлялось, что на московские власти в обществе скопилось меньше всего негатива. Социологические исследования это подтверждали. Но это было обманчивое благополучие. Лужков был наиболее уязвим именно потому, что до сих пор его никто всерьез критиковать не начал. Его имидж еще только пробовался на прочность распространением небылиц про “русский фашизм”, якобы обосновавшийся в Москве. (В качестве альтернативы весьма умно подавались рекламные ролики НТВ, где Лужков в ермолке (кипе) веселится вместе с раввинами.) Серьезный компромат на Лужкова накануне президентских выборов был в резерве готовым к применению в предвыборной кампании.

В-третьих, влияние Лужкова в СМИ резко упало после того, как В.Гусинский, фактически создавший свою информационную империю под покровительством мэра, перешел в более тяжелую “весовую категорию” и получения звания “олигарха” (что при “либеральных” порядках приравнивается к членству в прежнем Политбюро). Теперь Гусинский, ориентированный одновременно и на Черномырдина и Явлинского имел интерес перемыть Лужкову все косточки по НТВ и прославить его конкурентов (чем начал заниматься, чтобы окончательно приручить московского градоначальника).

Что до столичных и центральных газет, то Лужков их не контролировал в той степени, чтобы надеяться монополизировать информационное пространство. Да и в регионах центральные газеты

практически перестали читать. В самой столице чтение газет — скорее развлечение, чем поиск мотивов для решения вопроса о поддержке того или иного кандидата на выборах.

В-четвертых, политический вес Лужкова во многом был основан на его проельцинских позициях, на особых отношениях с одряхлевшим президентом. Стоило Лужкову хоть намеком высказаться против Ельцина и связанной с ним политической линии, государственная бюрократия могла получить команду “фас” и столичному мэру пришлось бы туго. Если же по прежнему оставаться верным ельцинистом, протестные голоса (а их уже большинство) доставались бы кому-то другому.

В-пятых, репутация хорошего хозяйственника была создана Лужковым в основном за счет эксплуатации старой номенклатурной системы управления, которая оказалась более эффективной, чем либерал-демократическая. В то же время, эта система в течение многих лет продолжала расширять пропасть между бюрократией и обществом. Именно поэтому в Москве не было практически ни одной общественной организации городского уровня, а у Лужкова не было опоры вне бюрократической системы. Великолепно пользуясь номенклатурно-бюрократическими методами управления, Лужков был не в состоянии понять, что они абсолютно непригодны в президентской кампании.

Наконец, Лужкову было нечего предложить избирателям, у него не было политического мировоззрения, приличного для публичного оглашения. Хаотичные наскоки (вроде возмущения по поводу действия латвийских властей против русского населения или участие в митинге в Севастополе) скорее вызывали удивление, чем будили у кого-то симпатии. А “народный” стиль лужковских выступлений и писулек совершенно не трогал народ, лишь предлагая интеллектуалам поводы для обсуждения свойств этой совершенно нелепой фальши.

Уже в самом начале борьбы за будущие голоса Лужков потерял значительную часть патриотического электората, который после акции против РНЕ и высказываний против Макашова понял, что заигрывания с еврейскими конгрессами для Лужкова не были случайностью. Коммунисты Лужкова тоже очень точным ходом отрезали от своего электората тестом по поводу памятника Дзержинскому, по поводу идеи восстановления которого Лужков высказался резко отрицательно. От

“реформаторов” Лужков отсек себя по личной инициативе. То есть, “отец нации” из него явно не получался. Вместо одного врага (“реформаторов”) у него появилось много врагов. Здесь он проигрывал даже Черномырдину, а уж Примакову — заведомо. Позднее ему пришлось пойти на альянс с Примаковым и даже признать его первенство в блоке ОВР. Близкий, было, успех сначала пришлось разменять с Примаковым, потом полностью сдать ему президентский проект, и, наконец, сесть в одну лужу на выборах.

Конечно, Лужков мог рассчитывать, что его признают меньшим злом, чем все остальные кандидаты в президенты, негативные стороны биографий которых хорошо известны. Но и у Лужкова тоже был фундаментальный недостаток — его считали столичной “штучкой”, чуть что бегающей в Кремль. Региональные политики были не прочь поживиться за счет Москвы, но перспектива получить Лужкова в качестве президента их пугала. Ведь у Юрия Михайловича не было опыта работы в регионах, его команда за малым исключением — сплошные москвичи. Усиления московского отряда номенклатуры, которая и без того захватила в стране очень многое, никого не прельщала. А потом Путин и вовсе стал бороться с этим спекшимся кублом, выставив против него “питерцев”.

Сильной стороной многих политиков ведущей группы являлся определенный опыт избирательных кампаний. У Лужкова и его команды такого опыта не было. Выборы в Москве — не в счет. В них настоящей схватки на равных не допустили. На президентских выборах такая схватка ожидалась вне всяких сомнений. И вот в эту схватку Юрий Михайлович пошел с прежним окружением, мнящим, что все можно купить или развернуть в нужную сторону чисто административными рычагами.

Другие кандидаты в президенты пользовались услугами независимых профессионалов, испытанных в боях по всей стране. Они не были обременены ни должностными обязанностями, ни сворой бюрократической обслуги. Уже хотя бы по этой причине Лужков проигрывал старт избирательной кампании безоговорочно. Это особенно отчетливо показал процесс создания организации “Отечество”, запоздало и нелепо всплывшего на поверхность политической борьбы. Вздох “Наконец то!” не состоялся. Родилась

обычная партия, судьба которой в лучшем случае — небольшая парламентская фракция. Так вышло — как ожидалось.

В большинстве субъектов Федерации оргкомитеты по формированию региональных отделений “Отечества” и делегаций на учредительный съезд прошли под полным контролем местной администрации. В большинстве из них представители КРО, “Союза труда” и других общественных организаций, откликнувшихся на первый позыв Лужкова, не были допущены в региональные оргкомитеты (так, из 42 делегаций на Съезд за неделю до него КРО и “Союз труда” были представлены только в 16).

Необычайная активность местных администраций была связана с попыткой решить вопрос о персональной политической судьбе того или иного чиновника за счет текущей популярности Лужкова и создаваемого им движения. В некоторых регионах руководство захватили бывшие представители НДР. Занять руководящие должности торопились и те администраторы, которым вскоре предстояло подтверждать свой статус на выборах и требовались и дополнительные финансовые средства, и аргументы в свою пользу. Судьба “Отечества” в целом их ни в коей мере не волновала.

Весьма острые конфликты возникли в тех субъектах федерации, где имело место противостояние между главами администрации разного уровня К моменту проведения учредительного Съезда имелось 24 “конфликтных” региона, где сформировано более одного регионального отделения. В национальных республиках союз с политиками, ущемляющими права русского населения (прежде всего, Адыгеи, Якутии и Татарстана), безусловно, отталкивал от “Отечества” русское большинство. Патриотизм движения в целом становился фикцией. Это и неудивительно, поскольку идеологическая позиция движения с самого начала оставалась неясной в отношении состояния русского народа, а лидер “Отечества” не раз демонстрировался СМИ как участник еврейских конгрессов и ближайший соратник Ельцина.

Таким образом “Отечество” еще до своего рождения было прообразом новой “партии власти” (“Наш дом — Отечество”), несущей на себе всю полноту ответственности за состояние экономики и социальной сферы в регионах и связанной с провальной политикой всего предыдущего периода.

Если излагать предысторию “Отечества” в басенном ключе, то выйдет следующее.

Пошел Ю.М. к Горби и пожаловался: “Меня иностранцы не любят, за социал-демократа не признают”. “Хорошо, — сказал Горби, — нет проблем. Помогу тебе, только возьми на службу шефа моей президентской кампании — Мироненко, а в идеологи Кувалдина с Цыпко. Очень дельные люди. Особенно первый Целым комсомолом руководил”. Так Мироненко приник к телу Ю.М.

Пришел к Ю.М. вице-мэр Шанцев и сказал: “Нам с “левыми” надо дружить. Гарантирую поддержку умеренных коммунистов. Только возьми к себе на службу товарища Мишина. Очень дельный человек. Целым комсомолом руководил”. Так Мишин приник к телу Ю.М., оттеснив Мироненко и многих прочих.

Пришел к Ю.М. Руцкой и сказал: “Что было меж нами, я давно забыл, но мечтаю снова быть вице-президентом. Отдам тебе свою “Державу”, а ты вспомни обо мне, когда время придет, может я окажусь как раз тем, кто тебе нужен”. Подумал Ю.М., кому бы отдать “Державу” с печатью и всероссийским статусом. Оглянулся вокруг и увидел, что рядом самый патриотистый патриот — бывший комсомольский вожак Затулин. Так Затулин прилип к телу Ю.М., оттесняя лидера КРО патриота Рогозина.

Обрадовался было внутренним разборкам вокруг тела Ю.М. молодой профсоюзник, лидер “Союза труда” Исаев, но вдруг обнаружил, что его рядом с Ю.М. как бы и вовсе не стояло. А тут еще и Минюст не хочет “Союз труда” перерегистрировать. Опечалился и задумался Исаев, вспомнил что Шмаков, глава профсоюзной собственности у него хозяин. А потом решил: да ну его, “Союз труда” этот и Шмакова с приклеенной улыбкой. Вот если бы в Кремль пригласили… Послал все это — так и ему место радом с Лужковым нашлось. Надо же было такую жертву чем-то компенсировать.

Пришел к Ю.М. вездесущий центрист Сулакшин и говорит: “Хочу опубликовать от Вашего имени что-нибудь эпохальное”. И тут же на стол Программу политического центризма. Почитал Ю.М. и восхитился — с какими интересными людьми приходится работать! “Гля, — говорит своему другу Евтушенкову — какой документ мне принесли!” Тот отвечает: “Ништяк!” Тут же Ю.М. дал распоряжение разослать Программу во все субъекты Федерации. Так Сулакшин

возбудил в Ю.М. особое доверие. А потом даже диссертацию по центризму защитил.

Пришел к хозяину АФК “Система” Евтушенкову некто N и сказал: “Мы твоим людям не раз помогали. Пристрой теперь ты в свиту Ю.М. умнейшего журналиста — он тебе такого наработает!” Так голубой репортеришка угнездился за спиной Ю.М. вместе с плосколицым пресс-секретарем Цоем, олицетворявшим за правым плечом Лужкова идею дружбы народов. Потом, правда, тот же репортеришка, глядишь, уже работает на Кремль и организует антилужковские выступления на радио. И верно — нет места, не будет и службы.

Пришел к Ю.М. отставной президентский пресс-секретарь Ястржембский (кличка ястреб-женский) и сказал: “Я такой международник, просто отпад. Возьмите меня к себе, я вам всех демократов в поддержку приведу”. Ю.М., желавший давно отправить на покой своего соратника по межнациональным проблемам Бакирова, решил под фанфары отправить его на пенсию, а Ястржембского посадить на его место в правительстве Москвы. Только и этот долго не засиделся. Тоже увидел в Кремле более надежное место.

Что из всего этого следует? Вряд ли так уж случайно вокруг Ю.М. собиралась политическая помойка. Вероятно все дело было в качестве главного персонажа. Настоящая борьба за власть его окружение не интересовала. У этих людей не было идей, зато было страстное желание интриговать или воровать. А от этого всегда тянет помойным духом.

Недееспособность “Отечества” проявилась особенно явно на учредительном Съезде (19 декабря 1998), который был подготовлен отвратительно. Символика избрана советская, да еще в виде “вырезки” из России — РФ как обрубок страны. (Многократно проверено, что взгляд на карту РФ угнетает всех, кто когда-либо видел карту СССР.) Все начало было скомкано. Лужков вынужден был исполнять техническую функцию под неумолкший гул занимающих места делегатов. Доклад Лужкова не содержал никакой новизны. Он говорил уверенно первые десять минут, потом начал ошибаться, особенно при попытках читать текст (обычно для чтения он надевал очки, а тут самолюбие не позволило). Большую часть речи Лужков надрывно вздергивал себя, чтобы обеспечить видимость энергичности.

Остальные выступления не были связаны между собой, да еще на трибуну лезли непонятные люди с кашей во рту и в голове.

На Съезде не было достигнуто даже минимального уровня эмоционального единства. Идейного единства не было тем более. Политические принципы были выхолощены донельзя — ни одного сколько-нибудь примечательного пункта. В целом создалось впечатление, что собрались люди, которые не готовы ни за что отвечать, но не прочь “проехаться” во власть за счет харизмы Лужкова или решить свои частные проблемы.

Комментарии большинства СМИ по поводу Съезда говорили, что создана новая “партия власти”, которая (власть) хочет уйти от ответственности за все, что до сих пор творилось в стране. Причем “Отечество” демонстрировалось как крайне непрочное объединение, состоящее из случайных людей. Киселевские “Итоги” показали три интервью со съезда — певца-бизнесмена Кобзона (который вообще против названия “Отечество” и даже демонстративно вышел из зала во время выступления митрополита Кирилла), эстрадного скомороха Хазанова (который никак не мог вспомнить точное название организации, а через несколько месяцев уже надел кипу и стал председателем еврейской общины Москвы) и эстрадного гавроша Газманова (который “просто заскочил посмотреть что это будет”).

Случайность коалиции, образованной политиками самых разных воззрений, была, действительно, налицо. Если лидер КРО Рогозин ратовал за русскую ориентацию “Отечества”, то либерал Кокошин суетился, доказывая необходимость блока с новы движением экс-премьера-разорителя Кириенко. Но верх брали самые беспринципные. Они готовы были согласиться с любой глупостью — лишь бы она шла от Лужкова и лишь бы за это можно было что-то получить.

Многочисленные прогнозы показывали, что популярность лидера “Отечества” оставалась достаточно высокой, но все аналитики прочили Лужкову место в парламенте, примерно эквивалентное месту фракции НДР. Вместе с тем, Лужков систематически разрушал даже такие нерадужные перспективы, всеми силами показывая избирателям, что он несостоятелен как лидер, на которого можно возлагать какие-то надежды.

Причины утраты движением Лужкова привлекательности для избирателя были заложены еще на стадии его формирования.

Во-первых, движение образовалось слишком поздно, чтобы в нем к выборам успели утрястись внутренние интриги (региональное лидерство, борьба за “близость к телу”, распределение ролей и зон влияния на принятие решений и т. п.).

Во-вторых, с самого начала в “Отечестве” организационные позиции были заняты не общественными деятелями, знакомыми с основами организационной работы в современных условиях и с информационными технологиями, а отставными бюрократами, известными разве что своими провалами — людьми типа престарелых комсомольцев Мишина и Вольского.

В-третьих, с самого начала “Отечество” родилось без каких-либо признаков идеологии. На учредительном Съезде все выступления (включая выступление Лужкова) обходили вопросы мировоззрения, внятного определения образа “своих” и “чужих”.

В дальнейшем образ “Отечества” как объединения государственников начал быстро размываться. Присутствие в нем таких организаций, как “Женщины России”, “Солдатские матери”, таких деятелей, как ельцинист В.Лысенко, спец по “планированию семьи” (то есть, по организации вымирания народа) Е.Лахова, проамериканский спец по ликвидации передовых российских вооружений А.Кокошин, чуайсовско-поповский выдвиженец Е.Савостьянов и др., поначалу незаметное для обывателя, все более очевидным образом демонстрировало генетическую связь “Отечества” с радикал-реформаторами. Подчеркивало эту связь и появление в окружении мэра Москвы бывшего пресс-секретаря президента Ястржембского, которому был передан в пользование канал ТВ-Центр, а также “великого комбинатора” из рекламно-телевизионных кругов Лисовского.

Утрате перспектив способствовали явно провальные акции, предпринимаемые лично Ю.М.Лужковым без всякой подготовки и без “обратной связи”, которая могла бы показать “как не надо делать” и что следует предпринять, учась на своих ошибках. Тупая номенклатура могла помыкать обществом, обманывать его, но не привлекать.

Мощнейший удар по собственной перспективе и перспективе “Отечества” Ю.Лужков нанес коалицией с интернационалом сепаратистов “Вся Россия”. Образ государственника начал превращаться в противоположность. Все потенциальные конкуренты

“Отечества” испытали облегчение, получив основания для разоблачения Лужкова как противника государственного единства России. Более того, демонстративный союз с Шаймиевым и Аушевым сделал присутствие в “Отечестве” патриотических организаций типа КРО или “Державы” просто неприличным. Такого рода организации должны либо умереть в глазах своих идеологических сторонников, либо осуществить жесткие демарши против внедрения в “Отечество” национал-сепаратистов или создания союзов с ними.

Первым среагировал КРО, заявивший, что не собирается блокироваться с сепаратистами и работать на кандидатов, которых в КРО не знают или знать не хотят. Потом от Лужкова отпал Степан Сулакшин, оказавшийся не удел со своим Фондом политического центризма. Наконец, “Держава” предпочла окончательно умереть, но не остаться с Затулиным, намертво приросшим к административному телу Лужкова-Каца.

В общем, из Лужкова и государственника тоже не получилось.

Расчет, что группа губернаторов и “титульных” президентов “Всей России” создаст важный для выборов административный ресурс, прослеживаемый в действиях Лужкова, являлся для российской ситуации явно порочным. Популярность региональных властей чрезвычайно низка, по указке губернатора собирается голосовать крайне незначительная часть избирателей. Эта часть во много раз уступала численности тех, кто воспринимал коалицию “Отечество — вся Россия” как чисто номенклатурную.

Избиратели, увидевшие Лужкова и Шаймиева плечом к плечу поняли, что в “титульных” республиках власть снова отдается целиком и полностью “националам”, с которыми Лужков даже не собирается конкурировать. Разумеется, вся русская оппозиция в этих республиках не стала голосовать за такой блок, хотя в значительной части могла бы поддержать “Отечество” при иной коалиционной политике этого объединения. Те, кто ранее был склонен считать Лужкова “своим среди чужих”, теперь убеждается в том, что ошибался.

Два мощных информационных повода для разрушения собственной электоральной базы (история с РНЕ и союз с Шаймиевым) были дополнены со стороны “Отечества” еще двумя взлелеянными в собственном организме вирусами — вирусом бюрократизма и вирусом идейной неразборчивости. Бюрократия

сожрала зиму и весну 1999 года, в течение которых “Отечество” не провело ни единой общероссийской акции, а идейная неразборчивость породила дикую по своему непрофессионализму программу (собственно программу и пустопорожний манифест к ней). Наконец состоявшийся московский митинг “Отечества” показал, что у движения практически нет массовки — даже в вотчине Ю.Лужкова, а активистам “Отечества” не о чем говорить, и просто уступили микрофон коммунистам. Даже крайне удобная во всех отношениях тема митинга — война в Югославии — не позволила “Отечеству” отличиться. Организация показала себя приготовишкой в политике.

По уровню организационных и информационных технологий, как и по уровню профессионализма в подготовке программных документов, “Отечество” оказалось в лучшем случае на уровне 1991–1992 года. Это проявлялось даже в деталях — в порядке ведения съездов, в способе подготовки документов, в отношениях с региональными отделениями и т. п. По этому параметру даже прежняя “партия власти” НДР выглядела на голову выше.

“Отечество” под руководством Лужкова характеризовалось

— предельно неэффективной организационной системой, непрерывной должностной чехардой и борьбой за место в окружении лидера;

— абсолютным идейным хаосом и отсутствием более или менее связанной политической платформы;

— противоречивой политической линией, формирующей образ “Отечества” как организации недопатриотов и недодемократов;

— внутренним организационным и идейным конфликтом, находящимся в тлеющей стадии;

— отсутствием реального политического лидера, способного к формулированию новых идей и волевому руководству собственной организацией (Лужков ни на идейное, ни на организационное лидерство оказался не способным).

Даже при крайне неблагополучном положении в других политических организациях, положение “Отечества” выглядело просто катастрофическим. Не было буквально ни одного параметра, по которому “Отечество” могло бы доказать свои преимущества. Коммунисты, жириновцы, яблочники, эндээровцы должны были просто благодарить судьбу за такого конкурента-самоубийцу. Лужков с

Шаймиевым могли только скупать голоса. И только за Примакова, как за старую свою любовь, еще могли отдать голоса несколько процентов избирателей. Собственно, Примаков и сделал Лужкову фракцию в Думе.

Лужков, чувствуя, что его организация буквально разваливается на глазах и пудовой гирей висит у него на ногах, начал искать, кому бы ее сбагрить вместе со всеми дрязгами и весьма вероятным провалом. Тут подвернулась отставка правительства Примакова, и Лужков предложил опальному премьеру первое место в партийном списке “Отечества”. Любое поражение Лужков списал бы именно на него, а любую победу присвоил бы себе.

Депутаты “Отечества”, которые, благодаря Примакову, должны были появиться в грядущем парламенте, были обречены предстать в политике в самом жалком виде — еще более нелепом, чем у фракции НДР с 1995–1999. Никакой единой законодательной политики, никакой единой позиции во фракционной борьбе от нее ожидать было невозможно. Так оно и вышло — ни единого пункта предвыборной программы “Отечество” даже не пыталось выполнить. Закон тунеядца, сформулированный Лужковым (см. выше) оправдался. Система действовала без чиновников — сама по себе.

Спас “Отечество” не только Примаков. Кое-какие голос ему удалось урвать только в связи с возникновением Путина и “Единства”, общипавших политический рынок. В жалком состоянии, но барьер для проникновения в парламент был преодолен.

*** * ***

Весной-летом 1999 Лужков проявил свои качества достаточно ярко, чтобы сделать некоторые примечательные наблюдения о его образе мыслей и стиле поведения.

Во-первых, Лужков подтвердил свою номенклатурную репутацию. Это выразилось в том, что он не был уверен в том, что “Отечество” будет поддержано хоть кем-то из мало-мальски известных политиков. Когда в “Отечество” пошел косяк всякого рода отставников, Лужков почувствовал себя чуть ли не патриархом, которому следует заглядывать в рот. После избрания в лидеры “Отечества” Лужков мгновенно побронзовел и стал вести себя в точности как номенклатурный администратор, играя роль

политического начальника, вокруг которого плещутся интриги и ведется соревнование в подобострастии.

Тут было чем гордиться. Политическая помойка наполнялась, например, такими людьми, как Б.Пастухов, — тот самый замминистра иностранных дел, который в буйной молодости был первым секретарем ЦК ВЛКСМ и читал в своем отчетном докладе очередному комсомольскому съезду стихи генсека Брежнева. Потом в Думе-1999 лужковско-кириенковский блок пропихнул Пастухова в председатели комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками. С большим ущербом для соотечественников.

Во-вторых, Лужков оказался человеком закомплексованным и трусливым. Стоило С.Кириенко сказать нечто о “неэффективности московского бюджета”, как Лужков начал грубить, отбиваясь от комариного укуса ударами информационной оглобли. А уж когда состоялось недоразумение с вертолетом (воздушные службы не позволили вылет), на котором он должен был осматривать подмосковные угодья, Лужков просто завибрировал всем телом, рассыпая направо и налево домыслы о заговоре Кремля против Москвы.

В-третьих, Лужков снова продемонстрировал себя как политик совершенно безответственный. Карманная Московская Дума перенесла выборы мэра на декабрь 1999, чтобы дать возможность дорогому Юрию Михайловичу войти в президентскую гонку с защищенными тылами — проиграв президентские выборы Лужков должен был остаться мэром. Но это означало, что “Отечество” рисковало не получить Лужкова во главе списка.

Данное решение Лужков принял ни с кем не советуясь, по сути дела, предав своих соратников. Кроме того, это предательство существенно подрывало образ “Отечества”, которое превращалось в партию Московской номенклатуры, предназначенную для использования в качестве обеспечения мэрских амбиций Лужкова — не более того. Даже если бы Лужков попадал в список “Отечества”, надо было как-то оправдывать одновременные его претензии на мэрство и на парламентскую фракцию.

Казалось бы, Лужков в данном случае проявил себя как личность, стоящая над массой и проявляющая волю к власти. Как бы не так. Лужков явно трусил. Он боялся, что проиграет выборы. Даже когда

Березовский стал стыдить Лужкова малодушной склонностью к двойной игре, Лужков не ответил агрессивно, не нашел аргументов. Наоборот, он совершенно потерял лицо. А усилившееся давление со стороны и вовсе выставило его перед публикой мальчишкой, наложившим в штаны

Когда Лужкову не дали пролететь вертолетом над подмосковными полями, он и вовсе решил, что Кремль готовится к тому, чтобы его основательно “опустить”. Тут еще Кобзону не дали спеть про “Отечество” по первому каналу. “Произвол, произвол…”, - запричитал “крутой” мэр.

Лужков, у которого руки по локоть в крови, заговорил тут о демократии и законности. А еще о морали. А все потому, что Кремль добрался до дел лужковской жены, ворочающей немалыми капиталами под покровительством мужа (маленький такой бизнес — заказ на обустройство стадиона “Лужники” зрительскими креслами). А тут ФСБ еще потревожил столичный общак — этакий пенсионный фонд, который качал деньги для обеспечения достойной старости московской номенклатуры. Ухватили “хвостик” в размере 150 млн. долларов, потянули его и увидели — дергаться стал Лужков.

Кстати, Москву совершенно напрасно считают городом, особым образом заботящимся о пенсионерах. Доплаты к пенсии есть, бесплатный проезд на городском транспорте есть, но все так, да не так. В 1996 году были введены общероссийские льготы для ветеранов труда по оплате коммунальных платежей — пенсионеры могли платить лишь половину того, что должны были оплачивать все остальные. В действительности московская бюрократия 4 года тормозила введение этой льготы, а потом устроила форменное издевательство над стариками. Льготы стали предоставлять только по справкам. Причем, чтобы такая справка была оформлена, в разных инстанциях каждый пенсионер должен был выбить другую справку — о том, что данной льготой в настоящий момент он не пользуется. Миллионы московских пенсионеров гробили здоровье в лужковских собесах и по поводу перерасчета пенсий, в котором каждый чиновник считал своим долгом по-своему трактовать записи в трудовых книжках, максимально сокращая трудовой стаж.

Лужков струсил основательно. Вместо того, чтобы использовать момент для размежевания с “всенародно избранным” и сказать, что

теперь Ельцин для него враг № 1, Лужков предпочел говорить о происках Кремля, ФСБ и Администрации президента. Вместо того, чтобы выступить новым спасителем страны (а этого многие совершенно напрасно от этого проходимца и ждали), он сказал, что готов уступить Примакову первенство на выборах президента. Вместо того, чтобы пообещать наказать сегодняшних мучителей народа, заговорил о необходимости гарантий для Ельцина и его семьи после воцарения нового президента.

Одним словом, Лужков праздновал труса. Его опрокинутое лицо в телеэфире свидетельствовало о полном смятении.

А тут еще любимая журналистка лужковской жены Татьяна Цыба, которая по протекции получила в пользование газету “Россия”, дождалась своего часа и вывалила на страницы своего бездарного издания скандальную выдумку — мол, в президентской администрации хотят разделить Москву, выделив из нее кремлевскую сердцевинку — по Садовому кольцу. Эта земля, якобы, должна перейти в федеральное подчинение.

Выдумала Цыба все это — и ну блажить на все лады. Да еще вместе с репортерами ТВЦ жителей столицы смущать — мол, от их столичного сладкого пирога хотят отрезать самое дорогое — землю со всякого рода министерствами, посольствами и гостиницами. А все для чего — чтобы превратить Юрия Михайловича в Бориса Николаевича образца 1986 года.

Стал Лужков всеми обиженным изгоем. Подобным Ельцину-изгою во всем. В том числе и в выдумках о собственном изгойстве. Не говоря уже о прочего рода подлостях.

И все, все оказалось напрасным! Дьяволу нечем было расплатиться за заложенную ему душу. Ни славы, ни чести — все у Лужкова пошло наперекосяк. В начале 2000 года ввиду обрушившегося рейтинга (до 1–2 %) он отказался от бонопартистских планов по захвату Кремля и с трудом удерживал Москву от нападок своих умножающихся в числе и силе оппонентов. Закат Лужкова стал необратим. Он даже дал добро старинным ельцинским структурам “объединений избирателей” — долго подкармливаемых из Кремля и из мэрии в качестве “народных домов” — на сбор подписей в пользу опустившего его Путина.

В 1999–2000 Россия имела шансы на избавление от ельцинизма. Для этого ей надо было сосредоточиться, напрячь душевные силы, чтобы не пропустить во власть политических двойников Ельцина — прежде всего, Лужкова. И Россия нашла в себе эти силы. Не бог весть из какого источника почерпнула их, но все-таки…

Угробил репутацию Лужкова журналист Доренко, спущенный с цепи Березовским и его околокремлевским кланом. И подобрал-то Доренко сюжеты, которые лежали на поверхности, а шуму было — на всю Россию. Вот как сработала информация, которая доселе оставалась под спудом.

Началось все как-то скромно — с комментариев сообщений зарубежной прессы о том, что Лужков купил скаковую лошадь для себя и двух пони для своих детей. На это Лужков оскорбился, а жена его сказала, что не найдется такая лошадь, которая смогла бы долго вынести тело ее мужа. Действительно, почти стокилограммовый вес "человека в кепке" не очень годится для седока. Который, к тому же, может пройти под конским брюхом не изгибая позвоночника, а вот запрыгнуть ей на спину в состоянии только с какой-нибудь подставки. Лужков с тех пор очень обиделся на Доренко. Но главные обиды были впереди.

Начались показы лужковских восторгов по поводу Ельцина в 1996 и встык — наглые антиельцинские фразы (впрочем, достаточно аккуратные) в 1999. "Лицемер" — это определение Доренко прилепил к Лужкову намертво.

Потом началась история с коммерческими проектами жены Лужкова г-жи Батуриной. Ситуация балансировала на грани уголовного дела, которое замяли только после полного "отжатия" впитавшейся зловонной жижи из вытащенного на свет грязного белья четы Лужковых. А могли бы и посадить. Инициаторы просто не стали загонять Лужкова в угол (еще переворот устроит!), да еще — вскрытия более масштабных безобразий побоялись (как бы самих не посадили!).

Жена Лужкова потом объявила, что будет баллотироваться в депутаты в Калмыкии. Президент Кирсан ей благоволил за то, что ее фирма "Интерэко" была основным подрядчиком при реализации авантюрного проекта строительства "Сити-чез" — воплощенной мечты советского периода о Нью-Васюках. Услуга калмыцкому хану оказалась настолько емкой, что он не только подарил Елене Батуриной

скакуна (жена Лужкова, как оказалось, разбирается не только в строительстве, но и в лошадях, и возглавляет ассоциацию конного спорта), но решил еще подарить ей и депутатский мандат — вместе с депутатской неприкосновенностью (“Мир за неделю”, № 4, 1999). Подарок, правда, не состоялся. Дорогу Батуриной перебежала диктор ОРТ от Березовского и калмыцкой внешностью. Как ни старались убрать дамочку с дороги наездницы, не вышло. Не стала Батурина депутатом.

Потом Доренко взял за жабры Гусинского с его “Мостом” и с особняками в Испании. Доренко обнаружил целую улицу “мостовиков”. А потом была рассказана история про “человека, никогда не видевшего море” — про статую Церетели, за которую скульптору и его другу Лужкову были выделены земельные участки в Испании. Все в оплату транспортировки статуи, которая якобы обошлась в миллион долларов. Грабанули бюджет тихого испанского городка, а документы изничтожили. Городок же, имевший несчастье выбрать вороватого мэра — коллегу Лужкова, расплатился земельными участками.

Как только сведения об этом просочились в прессу, Лужков поспешил отказаться от своего участка. Втихую одних борзых щенков заменили другими.

Наконец, гвоздем программы Доренко стала история с “Мабетэксом”, который потратил почти миллион долларов на строительство и оснащение больницы в многострадальном Буденновске, а также выполнял заказ Лужкова на ремонт зала заседаний правительства Москвы и кабинетов членов этого правительства. Лужков при этом отрекся от “Мабетэкса”, сказав, что к этой фирме не имеет никакого отношения. А глава фирмы обиделся — вся его благотворительность была украдена, приписана Лужковым себе. приписал себе. Это был конец репутации Лужкова.

Международную репутацию Лужкова Доренко ликвидировал методичной разработкой темы с убийством совладельца гостиницы “Рэдисон-славянская” Пола Тэйтума. Из крайне сомнительного дела с массой неясностей Доренко смог выжать максимум пропагандистского эффекта. Московским властям было брошено обвинение — убили и ограбили (забрали себе гостиницу), отдали все на откуп своему чеченскому побратиму Джабраилову. Подействовало без промаха. Кто

захочет теперь знаться с потенциальным заказчиком убийства американского бизнесмена?

Добил Доренко московского мэра историей милых отношений московских властей с сатанистами из секты АУМ, которые благодарили Лужкова за содействие. Поводом к вскрытию этих контактов стала оплошность (или повязанность?) Лужкова — он назначил своим адвокатом в процессе против Доренко члена сайентологической секты и большого друга иеговистов. Истеричная дама дала повод для целого ряда уничижительных репортажей.

Оставалось Лужкову готовиться к пенсии и тюрьме. Президентские выборы 2000 года он проиграл в парламентских баталиях 1999.

В телебеседе (3 декабря 2000 г.) со своим журналистом Попцовым, породнившимся с номенклатурой еще в эпоху раннего Ельцина, Лужков рассуждал о “мощнейшем потенциале “Отечества””, в то время как региональные организации на треть рассыпались, еще на треть не подавали признаков жизни никогда, а на оставшаяся треть искала кому бы продаться. Лужков говорит о членах “Отечества” как о людях дела, которым есть что предъявить. (Будто мы не знаем их дела — разворовывать страну!) Но дел не было. Никаких.

Обиженный Лужков пытался сравнивать свое детище с победившим на выборах скороспелым “Единством” — мол, у “медведей” нет идеологии, их вообще создал Березовский, а кадровый состав и вовсе случаен. Но точно то же самое и у Лужкова — тоже создали организацию на грязные деньги (соответствующее дело по липовой фирме “ВМЦ”, финансировавшей съезд “Всей России” в Питере, просто заморозили в Генпрокуратуре до поры до времени), и состав — чиновный сброд, и идеологии — ровным счетом никакой. Так что, последний вздох “Отечества” отдавал гнилью, как и вся судьба московского мэра.

Лужков говорил о том, что последние 10 лет он рассматривает как катастрофу, время потерь, трагедию. При этом ни тени раскаяния за свои вопли “Ельцин — это наше будущее!”. Не вспомнит как толкал милицию на убийства в 1992 и 1993. Он не желает ничего помнить. Но мы помним и другим будем напоминать.

И не спрятаться Лужкову, растворившись в “партии власти”, отрекшись окончательно от президентских амбиций. Мы достанем его

и на том свете. А на этом — снимем с него шкурку из лжи, вывернем наружу гадкое нутро московской номенклатуры.

Глава 2. Упадок московской вотчины

“Или банки; объявления печатают, заманивают, балансы подводят: “К нам пожалуйте, к нам!” Со всех концов рубли так и плывут! рубли потные, захватанные, вымученные! Попы несут свои сбережения… попы!! И вдруг… трах!! Украли и убежали! деньги-то где же, деньги-то? Украли и убежали! Господи! да, никак, смерть!”

“Рассеять мужицкое упование очень легко, господа. Иногда мужичек совсем уж подносит кусок к губам — и вдруг вместо куска… признательность начальства… Да и признательность-то не ему, а сборщику податей”.

“Порядок вещей” ведал воров простых, смирных и беспрекословных, а попробуйте-ка изловить Мошку и Губошлепова! Первый скажет: “Я не воровал, а только лапу запустил!”; второй: “Я не воровал, а мозгами играл!” А неподалечку и адвокаты стоят, кассационные решения под мышкой держат. Попытайтесь доказать им, что “играть мозгами” — это и есть оно самое: “воровать”.

“В Москве мне одного купца показывали: днем он купец, скобяным товаром торгует, а ночью, в виде цепной собаки, собственную лавку стережет. А наутро — опять купец.”

М.Е.Салтыков-Щедрин

Растрепанное хозяйство

Гавриил Попов на посту мэра, а потом его последователь и наследник Лужков, разваливали экономику Москвы, сделав ее гигантской раковой опухолью, пожирающей ресурсы всей страны. Абсурдная экономическая политика уродовала хозяйственную структуру великого города — сердца России. Лужков и его подопечные хозяйствовали в Москве с невиданной наглостью, попирая здравый смысл. Их наиболее яркие успехи похожи на достижения номенклатурного пиршества во время всероссийской чумы.

Согласно официальным статистическим данным, в 1995 году промышленное производство в Москве снизилось на 30 %, а за январь-февраль 1996 г. упало еще на 15,6 % по сравнению с тем же периодом предшествующего года. Куда ж деваться, если стоимость аренды производственных помещений (в среднем около 150 $ за кв. метр в год,

торговых — 400 $) примерно вдвое превышает стоимость аналогичной услуги в столицах экономически благополучных стран.

Индексы физического объема производства на крупных и средних предприятиях по отраслям промышленности Москвы

в процентах к предыдущему году:

Вся промышленность

1992 — 76

1993 — 88
1994 — 77
1995 — 80
1996 — 70
% к 1991 — 29
Электроэнергетика
1992 — 96
1993 — 103
1994 — 100,7
1995 — 99
1996 — 103
% к 1991 — 102
Черная металлургия
1992 — 68
1993 — 83
1994 — 58
1995 — 83
1996 — 65
% к 1991 — 18
Химическая и нефтехимическая промышленность
1992 — 54
1993 — 74
1994 — 89
1995 — 91
1996 — 73
% к 1991 — 24
Машиностроение и металлообработка
1992 — 91
1993 — 85
1994 — 55
1995 — 60
1996 — 38
% к 1991 — 10
Лесная, дерево обрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность
1992 — 97
1993 — 96

1994 — 91
1995 — 85
1996 — 60
% к 1991 — 43
Промышленность строительных материалов
1992 — 95
1993 — 93
1994 — 98
1995 — 96
1996 — 72
% к 1991 — 60
Легкая промышленность
1992 — 85
1993 — 92
1994 — 54
1995 — 64
1996 — 64
% к 1991 — 17
Пищевая промышленность
1992 — 84
1993 — 105
1994 — 93
1995 — 88
1996 — 94
% к 1991 — 68

(Москва в годы реформ (1992–1996). Краткий статистический справочник, М.: 1997, с. 35).

Из таблицы прекрасно можно видеть насколько дутыми являются лужковские реляции о расцвете Москвы, насколько велики масштабы лжи о хозяйственных успехах московской номенклатуры.

К 1997 стало ясно, что строительный бум, о котором все время твердили журналюги — липовый. В одном месте обрушился целый подъезд строящегося дома, в другом — реконструируемый цех, в третьем — провалилась в преисподнюю целая улица с автомобилем. Вот это точно был БУМ. А строительный был лишь на бумаге.

Москве когда-то еще должны будут аукнуться авральные темпы лужковского “бума”. Халтура обернется новыми жертвами. А вот

жертва, которую Москва уже принесла — это уничтожение ее облика. Специалисты-архитекторы заключили, что год лужковской реконструкции разорял культурное достояние Москвы как одна брежневская пятилетка. По масштабам разорения Лужков, вероятно, приближается к вождю мирового пролетариата — тоже большевик в кепке.

Один из главных лужковских “бумов” — “погреб”, который он вырыл на месте митинговых страстей периода перестройки и “горячей фазы” номенклатурного мятежа. Лужков убухал в магазин-гигант на Манежной площади триллионы рублей. При этом строительство подземного магазина привело сначала к тому, что треснул фундамент Исторического музея, волей номенклатуры закрытый на ремонт более чем на десятилетие. При попытке укрепить фундамент оказалось, что в аварийном состоянии находятся и стены архитектурного памятника. Пришлось спешно перетаскивать ценнейшие материалы в залы бывшего музея Ленина. Причем, все это делалось втихую, чтобы не подмочить репутацию мэра, затеявшего очередную “стройку века”.

Потом выделили какие-то гроши деньги на ремонт из госбюджета. И все равно денег не хватило. В сентябре 1997 г. музей открыли на треть, задолжав различным подрядчикам 2 млрд. рублей. Ценнейшие коллекции гнили в неприспособленных запасниках. А потом чинуши нашли простой выход — открыли в музее ресторан для толстосумов.

Околополитические остряки говорили, что Лужков перенес бассейн Москва на Манежную площадь. Осталось только залить яму водой, а потом на этом месте построят “Храм Лужка Спасителя”. Но в реальности яма на Манежной была элементом налаженной системы воровства. Туда “сливали” ресурсы. А по верху скакали кособокие церетелевские лошади, поливая доверчивых гуляк водицей из-под хвоста.

Такое количество торговых площадей, которые Лужков закопал в центре столицы, никому не было нужно — рядом обезлюдевший ГУМ! К тому же следовало как-то окупать вложенные средства, повышая арендную плату, а значит — и цены на товары. Но кто будет покупать то, что совсем недалеко можно купить дешевле? Выходит, не для торговли все это строилось! И лошади с фонтанами и животными-уродами — тоже для отвода глаз.

Тут, скорее всего, дело в запланированных махинациях с бюджетом, который периодически потрошили по причине “большой социальной значимости” новых объектов торговой инфраструктуры. Вот захотелось Лужкову провести конкурс парикмахеров, городящих на головах манекенщиц пирамиды и вензеля, посвященные 850-летию Москвы — и где же его проводить? Конечно в погребе! На праздник городская казна все равно раскошелится.

Лужков вообще всегда щедр за чужой счет. Он не смущаясь дал своим рехнувшимся архитекторам 7 млн. долларов на изготовление подробного макета Москвы (декабрь 2000). Там и погреб на Манеже, и все циклопические стройки, доящие московский бюджет. Но на кой черт столько денег вбухивать? Да фантазии нет у номенклатуры — вот и все.

Помимо витринно-рекламных прелестей Москва лукжковская имела и “задний двор” — для подавляющего большинства жителей столицы. На макете Москвы это чрево мегаполиса, разумеется, не попало.

В начале 1996 года проверка 400 московских продовольственных магазинов показала, что половина из них работает в антисанитарных условиях, в то время как количество желудочных заболеваний москвичей увеличилось в три раза (НГ 27.01.95). Рассадники заразы были оштрафованы, но положение менялось только в худшую сторону. Приватизация вовсе не позволила передать собственность в руки добросовестного хозяйственника, как о том не уставал говорить Лужков. Она, напротив, порождала чудовищное пренебрежение к потребителю. А потом и к производителю. Торжествовали лишь воры и торговцы — что в нашу эпоху почти одно и то же.

Оставим торговлю и перейдем к самой болезненной проблеме Москвы — к квартирному вопросу, который так портит нравы и побуждает строительную мафию восхвалять усилия московского мэра в жилищном строительстве.

На квартирном рынке усилиями правительства Москвы складывалась замечательная ситуация — к концу 1995 года оказались не проданными миллион квадратных метров жилья (Ъ-daily 23.12.95)! Чиновники не собирались расставаться с собственностью, не изъяв при этом богатой мзды. Разрешилась проблема просто. Правительство

Москвы расплатилось квартирами со своими подрядчиками из той же номенклатуры. Все квадратные метры испарились, будто их и не было.

Строили вроде бы много, но незаселенными постоянно стояло до 1,5 млн. кв. метров готового жилья. Кроме того, очередникам (то есть, москвичам) выделялась лишь пятая часть построенного (например, в 1997 из официально возведенных 3,16 млн. кв. м им причиталось 628,9 тыс. кв. м, а из реконструированных в пятиэтажках 891 тыс. кв. м. очередникам досталось всего 240 тыс. кв. м.) (“Сегодня”, 11.03.98).

Затоварили рынок лужковские строители и по коттеджному профилю — тоже дорого и недоступно никому, кроме воротил, нажившихся на горе народном. В 1994 году продали коттеджей на 20 % меньше, чем построили. Но это не остановило искусственного взвинчивания цен. За 1995 год стоимость квадратного метра лужковского коттеджа возросла в 1.3–1.4 раза. Только обладатели бешеных капиталов, наворованных в той же столице и окрестностях, могли позволить себе такую роскошь.

В плане жилищного строительства интересна история Мосдачтреста (1500 дач и 350 гектаров земли), который был приватизирован по общей воровской схеме: в 1997, доля города была снижена до 30 %. При этом 60 % дачного фонда должны были предоставлять социально незащищенным в течение 10 лет. Что это были за “незащзищенные”, которые доставались элитные дачи советской номенклатуры — неизвестно. Но и этого было мало. Чиновники организовали фальшивую убыточность, объявив 2\3 дач нерентабельными — расходы на содержание выше доходов. (Это притом, что годовая выручка при нормальном использовании дач могла составлять, как призналось руководство Мосдачтреста, до 300 долл. с каждого кв. м. в год!). И снова номенклатуре показалось мало. Отхватили в Серебряном бору еще 25 га для коттеджного строительства (а для отвода глаз создали Фонд защиты этого тотально загаженного и запущенного памятника природы). Нет сомнений, что прибыли в бюджет эти новостройки не предусматривались. Зато роли “прихватизаторов” уже были расписаны. Обычный метод обмана государства — выделение дач чиновникам за льготную плату, которые тут же сдают их в аренду по рыночным расценкам (ВМ 30.03.2000).

Что касается многоквартирного жилья, то московское правительство вечно выставляет эту отрасль городского хозяйства, как

наиболее благополучную. Лужков говорит о том, что за пять лет его хозяйствования в Москве построено 16 млн. квадратных метров жилья — чуть ли не десятая часть всего жилого фонда. “Позвольте, — хочется спросить, — а где же тут подвиг? Если за 50 лет такими же темпами должен обновиться весь жилищный фонд, то это не просто нормальная ситуация, это маловато! А если обнаружится, что все это, хотя бы частично, — еще и подтасовка, которая будет разоблачена с уходом Лужкова с политической сцены, то в пору за голову схватиться”. Архитектурные прелести крупноблочного “лужковизма” мы все имеем несчастье наблюдать и передадим это несчастье нашим детям.

С приватизацией Лужкову выгодно было дать задний ход, разработав систему обмена жилья, принадлежащего одиноким старикам, на денежные субсидии. Так, если старику 75 лет, и он живет один в трехкомнатной квартире, ему позволено было передать жилье муниципалитету с условием пожизненной ренты в 8 минимальных зарплат ежемесячно (РГ 17.01.95). Для правительства дешево и сердито, поскольку рыночная стоимость такой квартиры — за сотню тысяч долларов. Но старики оказались не так просты. Программа провалилась. А “непростота” вылилась в массу криминальных историй, когда “за ренту” стариков гнали на улицу всякого рода бандиты. И все было по закону.

Второй провал связан с субсидиями очередникам на жилье, которым правительство Москвы обещало в зависимости от места в очереди компенсировать затраты на покупку жилья от 5 % до 70 % стоимости. В 1995 году планировалось выставить на продажу таким способом всего около 30 тыс. кв. м. (МК, 04.08.94). По-видимому, в основном для своих. Те компании, которым переводились деньги из городского бюджета по данной программе, старались всеми способами придержать и “крутнуть” их в свою пользу. В 1995–1996 г., а может быть и в предыдущие годы, эта операция приносила личный доход не только строителям, но и распорядителям бюджетных средств. Всерьез развернуть эту программу Лужкову так и не удалось.

Та же картина сложилась и с широко разрекламированной программой ипотечного строительства. На поверку оказалось, что москвичи могли в рамках этой программы свободно инвестировать свои средства только в банковскую систему, которая их только что (в

августе 1998) “кинула” на многие миллионы долларов. Именно банк поглощал первоначальные взносы за жилье и “съедал” проценты по кредиту. Инвестировать непосредственно строительные организации было позволено только привилегированному околономенклатурному слою в несколько тысяч человек.

Ипотека — вообще форменное надувательство. Еще в 1996 г. Ельцин указом учредил программу “Свой дом”, правительство создало АО “Агентство по ипотечному жилищному кредитованию”, а Минфин выделил 450 млн. рублей. За два года выдано было всего пять ипотечных кредитов. На остальное играли в чубайсовскую игру ГКО. Причем за две недели до краха государственной “пирамиды” “свои люди” были предупреждены и деньги спасли. Потратили спасенное на самообеспечение. Так, оклад члена правления Агентства составлял в 1998 г. 10.000 долларов. Они ездили на купленных за казенные деньги “Рено”, “Фордах” и “Мерседесах”. Имея в штате 47 человек арендовали корпус в 1600 кв. м. (МК 15.06.99)

А тем временем специалисты оценивали уголовный беспредел в России по поводу насильственного отторжения жилья в 10.000 смертей (кого убили, кто пропал без вести). По телевидению была показана леденящая душу история об убийце алкоголиков, который позарился на их квартиры, а “нравственную” подоплеку своей деятельности придумал такую — объявил себя “санитаром Ельцина”. Мол, помогает реформаторам избавляться от непотребных людишек, а жилье достается достойным, адаптированным к рынку гражданам. Как видим, вывих мозгов здесь полностью аналогичный гайдаро-чубайсовскому живодерству вместе с лужковским “бумом”.

В 1998 году объем российского ВВП сократился еще на 4,5 %, промышленное производство упало на 9,4 %, объем сельского хозяйства — на 16,7 %. Цены выросли на 67,5 %, реальные доходы населения упали примерно на 15 %. Москва на этом фоне выглядела достаточно благополучно. Чуть ли не вдвое увеличилось совсем уж заглохшее производство автомобилей, на 5,4 % увеличилось производство кирпича, на 10 % — синтетических смол (ВМ, 29.12.98). Больше, правда, похвастаться было нечем. Бюджет города формировался на 50 % от мелкого бизнеса, а крупный приносил доходы только в связи со странным налоговым законодательством, определившим, что налоги надо платить по месту дислокации

центрального офиса. Если бы налоги платили по месту производства, у Москвы осталась бы половина бюджета — не более.

Вот пример из другой важнейшей отрасли — транспортной. К концу 1995 года оказалось, что льготами при оплате проезда на городском транспорте пользовались без малого 0.5 млн. жителей столицы. Ситуация оказалась окончательно абсурдной. Лужков этого абсурда уже не мог скрывать и поэтому устроил на одном из заседаний московского правительства разнос своим подчиненным. Характерной черной этого разноса оказалась прорезавшаяся патологическая черта московского мэра — ненависть к любой форме народного представительства. Из полумиллионной армии “льготников” Лужков выделил восемь тысяч помощников депутатов. Именно эти жалкие тысячи сделались объектом особой ненависти Лужкова. С миллионами ему явно было не разобраться.

Ненависть, смешанная с ложью — вот истинные качества номенклатуры, которую в полной и исчерпывающей мере представлял Лужков. Как раз в проблеме бесплатного проезда это выражено очень ярко. Ненавидели несколько тысяч депутатов и их помощников только потому, что они получали льготы не из рук чиновников. Между тем, в Москве местная номенклатура обеспечила бесплатным проездом 300.000 своих сословных братьев. А это уже существенно даже в сравнении с 8.110.000 пассажиров, из которых пенсионеры и прочие льготники составляли 1.217.000. (“Мир за неделю № 14, 2000, с.9). Мы видим, как много у московской номенклатуры секретарш, родственников и подхалимов.

Кстати, и милиции в Москве столько, сколько не найдешь ни в каком другом городе. По столичным улицам бродили 150.000 милиционеров. Для сравнения, в Лондоне число полицейских — 25.000, в Токио — 36.000, в Нью-Йорке — 40.000. Судя по уровню преступности, московский бюджет содержал не столько борцов с преступниками, сколько саму организованную преступность, получившую в милиции штатные должности, а еще — бесплатный проезд и право обирать мирных граждан на всех углах и совать им в нос стволы автоматов.

С зимы 1996 года московские дороги мэр начал “удобрять” тоннами соли, превращавшей снег в грязную массу. Ядовитая грязь облепила машины и людей, изуродовала внешний облик города и, в

конце концов, привела к крупномасштабной аварии. Соленые испарения в одну из оттепелей замкнули электропровода троллейбусов по всей Москве. 19–21 февраля троллейбусное движение в городе практически прекратилось. А это 900 км. маршрутов!

Московское начальство начало “пудрить мозги”, рассказывая басни про какую-то пыль, которая нарушает изоляцию проводов. Пыли много — это верно. Только появляется она по большей части летом. Да и раньше пыли было не меньше, в подобных катастроф — никогда. Так что врали неумело, убеждая лишь самих себя. Временно сыпать соль на дороги перестали, но следующей зимой город снова был загажен. А от систематического использования соли, как известно, разрушаются несущие конструкции мостов, которые в Москве почти все находятся в аварийном состоянии. Из 307 московских мостов около 100 гроили обрушением в любой момент (“Столица” № 0, 1997).

К 1999 году солевые войны со снегом стали истинным бедствием для столицы. И только тогда мэрские “хозяйственники” начали уговаривать дворники не валить соль грудами, а соблюдать норму и место. Но дворникам рассыпать даровую соль проще, чем скрести лопатами под ногами у людей. Да и чувствуют они слабину начальства, которое одной рукой раздает тонный этой самой соли, а другой подписывает распоряжения об ограничении ее расходования и порядке хранения. Вот и лежали сотни тысяч тонн соли грудами по Москве, раскидывались сверх всякой меры по улицам, превращая снег в грязную невысыхающую жижу, от которой разваливает обувь и стремительно ржавеет транспорт. Ежегодно от этой соли в Москве гибло до 20.000 деревьев.

Интересное продолжение эта история получила зимой 2000–2001 года, когда в обильный снегопад Лужков вдруг распорядился не чистить дороги, потому что идет оттепель и гололедица. Транспорт в Москве просто остановился. А чиновники все ворковали, что 7000 снегоуборочных машин не могут работать из-за того, что автомобилисты бросают машины где попало. Ставший замом Лужкова бывший префект Музыкантский не постеснялся наврать про необходимость вывоза 10.000.000 тонн снега за город, когда его всего-то надо было сдвинуть на пару метров. Да и то не весь, а только попавший на проезжую часть и тротуары. Чиновники нагло обманывали москвичей

Дороги московские мэр всегда представлял публике в качестве своего главного достижения. В книге “Мы дети твои, Москва”, он подробно пишет как развернул работу по асфальтированию улиц. Забыл только об одном. Увеличив объемы работы в 1995 году в полтора раза, Москва оказалась перед угрозой в 1996 году снизить этот объем вдвое — с 20 млн. кв. м. до 10 млн. Выходит, что быстрые результаты не всегда надежны. Лужковские ударные темпы обеспечивались халтурой. Асфальт, положенный халтурщиками лежал в приличном состоянии максимум 3 года. Его клали неровно, заставляя потом москвичей прыгать по образовавшимся лужам. Тем более, что дождевая канализация зачастую не оборудовалась или внезапно обнаруживалась необходимость вновь скрывать мостовую то ли для прокладки кабеля, то ли для ремонта коммуникаций.

Борьба против автомобилистов стала для московской номенклатуры второй натурой. Не только гоняли отовсюду “ракушки”, заставляя горожан чувствовать себя вечно виноватыми, не только мучили гаишными поборами, но и сами хитрили, химичили, выбивая гроши любыми способами и под самыми нелепыми предлогами (как Остап брал деньги “на ремонт провала”). Даже ввели дополнительную плату за бензин, якобы для финансирования экологических программ. Причем нападение было осуществлено, что называется, без объявления войны — в тайне (Ъ-daily 04.12.98).

Природная среда в Москве при Лужкове продолжала съеживаться и вянуть. Масштабное строительство дачных дворцов для толстосумов фактически разрушило 30-километровую зеленую зону вокруг Москвы, образованную еще постановлением правительства 1936 года. 45–65 % зелени в Москве находится в угнетенном и критическом состоянии. Механическая очистка промышленных и бытовых стоков производилась лишь на 30–50 %, из-за утечек в коммуникациях в реки и водоемы Москвы сбрасывалось без очистки до 1\3 бытовых и промышленных сточных вод. Только по официальным данным туда поступало до 1,3 млн. тонн вредных веществ. Выбросы вредных веществ в атмосферу с 1992 года к 1997 году выросли с 1,184 млн. тонн до 1,852 млн. тонн. ПДК в атмосфере Москвы превысили по диоксину азота — в 2,2 раза, по формальдегиду — в 2 раза, по фенолу — в 1,2 раза (“Сегодня” 05.06.98). А в 2000 году московские власти поставили более 2000 “юбилейных” радиоактивных столбов, которые

пришлось потом корчевать — но в основном в связи с угрозой обрушения этих хлипких конструкций.

Дышать в Москве при Лужкове становилось все труднее, купаться вообще нельзя, пить воду из-под крана — тоже. ПДК по тяжелым металлом в московских водоемах был превышен в 9 раз, по нефтепродуктам и взвешенным веществам — в 2 раза. Ниже Курьяновской станции аэрации Москва река содержала 5 ПДК нефтепродуктов, 5–7 ПДК нитритного азота, 6 ПДК аммонийного азота, 2 ПДК органических веществ. Тут плавает техногенный ил, токсичные сине-зеленые водоросли и рыбы-мутанты (“Сегодня” 12.11.98).

Неудивительно, что Москва создает такую среду, что в ней только 15,4 % детей рождается здоровыми (“Сегодня”, 10.03.98).

По части же среды обитания москвичей, мы обратимся еще к одной проблеме — собачьей. Распад всякого контроля за собачьими ордами Москвы и воспитанием их хозяев довел до того, что средний рост и средняя мощность челюстей этих друзей человека заметно увеличились, а вот культурный уровень их хозяев резко упал. Собаки стали бросаться на людей. Оказалось, что в Россию (преимущественно в Москву) из-за границы стали поступать собачьи выродки, которые внешне имеют безупречный экстерьер, но подвинуты психически (оттого и дешевы). И вот этими опасными психами заполняются без всякого ограничения московские парки и скверы, вытесняя оттуда детей, любителей бега, влюбленные парочки и чинных стариков. По подсчетам специалистов в столице обреталось не менее 1,5 млн. собак (по скромным подсчетам чиновников — “всего” 250 тыс.). Из них около 40 тыс. абсолютно диких.

Опасность эпидемии бешенства при такой населенности собачьим отродьем была вполне реальной опасностью, а десятки тысяч искусанных москвичей — конкретным признаком столичной жизни. Институт Склифосовского регистрировал ежегодный рост числа искусанных до тяжелого состояния людей — в 1997 году — 456 человек, в 1998 — 143, в 1999 — 267, в первую половину 2000 — 249. В целом ежегодно в Москве фиксировалось более 40.000 обращений в медицинские учреждения по поводу укусов собак. При этом лужковская номенклатура предпочитала вообще не замечать проблемы, да еще и грабить бюджет, уверяя, что на уничтожение

одной бездомной собаки надо тратить 500 рублей (примерно — одну пенсию среднего москвича). Более дешевый и эффективный (по мнению специалистов) метод стерилизации не использовался вообще, учет владельцев собак был просто развален, а штраф за нанесение увечий составлял для хозяина потенциального убийцы всего 40 рублей.

В 1999 году в Москве было уничтожено 22.000 бродячих собак. Но при этом популяция собачатины не уменьшилась так и осталась. Природу дурными методами народной номенклатуры не переделать, подлую душу московского собаковода — тоже. Городу будет и далее захлебываться в собачьих фекалиях, дети будут шарахаться от бешеного лая, а бюрократы грабить бюджет под видом санобработки территории до тех пор, пока лужковщина царит в столице.

Решение собачьей проблемы в эту мрачную эпоху было подменено фальшивой стерилизацией или “утилизацией” животных. В действительности их отправляли на птичий рынок. И оттуда же брали “для отчетности”. Оттуда же бомжи-“зоофилы” брали собак и специально калечили их, чтобы жалкий вид животных понуждал граждан подавать милостыню. Зоофилы из нью-рашенов тоже удовлетворяли свои живодерские наклонности — использовали бездомных собак для натаскивания бойцовых пород и для “домов любви” своих кобелей. Растленный МК тоже пользовался ситуацией — выдумывая “клубничку” о клубах сексуальных зоофилов.

Интересный факт из столичной жизни. МК публикует “страшилку” о том, что рыжие коты — вампиры и по ночам пьют кровь, высасывая ее из пятки младенца. На следующий день московские дворы украсили кошачьи виселицы.

В лужковской Москве признаки человеческой жизни вытеснялись признаками жизни собачьей. Как-то раз одному из авторов этих строк пришлось предпринять попытку разогнать собак, которые не только прогуливались, но и гадили вокруг могильных плит погибших в Первую мировую войну и расстрелянных во время большевистского переворота (близ Всесвятской церкви, что на Соколе). Но собаки вместе с хозяевами шли стаями, колоннами, шеренгами и им не было конца. Не было конца и номенклатурному беспределу в столице.

Как сказано в Писании, Из таблицы прекрасно можно видеть насколько дутыми являются лужковские реляции о расцвете Москвы,

насколько велики масштабы лжи о хозяйственных успехах московской номенклатуры.

К 1997 стало ясно, что строительный бум, о котором все время твердили журналюги — липовый. В одном месте обрушился целый подъезд строящегося дома, в другом — реконструируемый цех, в третьем — провалилась в преисподнюю целая улица с автомобилем. Вот это точно был БУМ. А строительный был лишь на бумаге.

Москве когда-то еще должны будут аукнуться авральные темпы лужковского “бума”. Халтура обернется новыми жертвами. А вот жертва, которую Москва уже принесла — это уничтожение ее облика. Специалисты-архитекторы заключили, что год лужковской реконструкции разорял культурное достояние Москвы как одна брежневская пятилетка. По масштабам разорения Лужков, вероятно, приближается к вождю мирового пролетариата — тоже большевик в кепке.

Один из главных лужковских “бумов” — “погреб”, который он вырыл на месте митинговых страстей периода перестройки и “горячей фазы” номенклатурного мятежа. Лужков убухал в магазин-гигант на Манежной площади триллионы рублей. При этом строительство подземного магазина привело сначала к тому, что треснул фундамент Исторического музея, волей номенклатуры закрытый на ремонт более чем на десятилетие. При попытке укрепить фундамент оказалось, что в аварийном состоянии находятся и стены архитектурного памятника. Пришлось спешно перетаскивать ценнейшие материалы в залы бывшего музея Ленина. Причем, все это делалось втихую, чтобы не подмочить репутацию мэра, затеявшего очередную “стройку века”.

Потом выделили какие-то гроши деньги на ремонт из госбюджета. И все равно денег не хватило. В сентябре 1997 г. музей открыли на треть, задолжав различным подрядчикам 2 млрд. рублей. Ценнейшие коллекции гнили в неприспособленных запасниках. А потом чинуши нашли простой выход — открыли в музее ресторан для толстосумов.

Околополитические остряки говорили, что Лужков перенес бассейн Москва на Манежную площадь. Осталось только залить яму водой, а потом на этом месте построят “Храм Лужка Спасителя”. Но в реальности яма на Манежной была элементом налаженной системы воровства. Туда “сливали” ресурсы. А по верху скакали кособокие

церетелевские лошади, поливая доверчивых гуляк водицей из-под хвоста.

Такое количество торговых площадей, которые Лужков закопал в центре столицы, никому не было нужно — рядом обезлюдевший ГУМ! К тому же следовало как-то окупать вложенные средства, повышая арендную плату, а значит — и цены на товары. Но кто будет покупать то, что совсем недалеко можно купить дешевле? Выходит, не для торговли все это строилось! И лошади с фонтанами и животными-уродами — тоже для отвода глаз.

Тут, скорее всего, дело в запланированных махинациях с бюджетом, который периодически потрошили по причине “большой социальной значимости” новых объектов торговой инфраструктуры. Вот захотелось Лужкову провести конкурс парикмахеров, городящих на головах манекенщиц пирамиды и вензеля, посвященные 850-летию Москвы — и где же его проводить? Конечно в погребе! На праздник городская казна все равно раскошелится.

Лужков вообще всегда щедр за чужой счет. Он не смущаясь дал своим рехнувшимся архитекторам 7 млн. долларов на изготовление подробного макета Москвы (декабрь 2000). Там и погреб на Манеже, и все циклопические стройки, доящие московский бюджет. Но на кой черт столько денег вбухивать? Да фантазии нет у номенклатуры — вот и все.

Помимо витринно-рекламных прелестей Москва лукжковская имела и “задний двор” — для подавляющего большинства жителей столицы. На макете Москвы это чрево мегаполиса, разумеется, не попало.

В начале 1996 года проверка 400 московских продовольственных магазинов показала, что половина из них работает в антисанитарных условиях, в то время как количество желудочных заболеваний москвичей увеличилось в три раза (НГ 27.01.95). Рассадники заразы были оштрафованы, но положение менялось только в худшую сторону. Приватизация вовсе не позволила передать собственность в руки добросовестного хозяйственника, как о том не уставал говорить Лужков. Она, напротив, порождала чудовищное пренебрежение к потребителю. А потом и к производителю. Торжествовали лишь воры и торговцы — что в нашу эпоху почти одно и то же.

Оставим торговлю и перейдем к самой болезненной проблеме Москвы — к квартирному вопросу, который так портит нравы и побуждает строительную мафию восхвалять усилия московского мэра в жилищном строительстве.

На квартирном рынке усилиями правительства Москвы складывалась замечательная ситуация — к концу 1995 года оказались не проданными миллион квадратных метров жилья (Ъ-daily 23.12.95)! Чиновники не собирались расставаться с собственностью, не изъяв при этом богатой мзды. Разрешилась проблема просто. Правительство Москвы расплатилось квартирами со своими подрядчиками из той же номенклатуры. Все квадратные метры испарились, будто их и не было.

Строили вроде бы много, но незаселенными постоянно стояло до 1,5 млн. кв. метров готового жилья. Кроме того, очередникам (то есть, москвичам) выделялась лишь пятая часть построенного (например, в 1997 из официально возведенных 3,16 млн. кв. м им причиталось 628,9 тыс. кв. м, а из реконструированных в пятиэтажках 891 тыс. кв. м. очередникам досталось всего 240 тыс. кв. м.) ("Сегодня", 11.03.98).

Затоварили рынок лужковские строители и по коттеджному профилю — тоже дорого и недоступно никому, кроме воротил, нажившихся на горе народном. В 1994 году продали коттеджей на 20 % меньше, чем построили. Но это не остановило искусственного взвинчивания цен. За 1995 год стоимость квадратного метра лужковского коттеджа возросла в 1.3–1.4 раза. Только обладатели бешеных капиталов, наворованных в той же столице и окрестностях, могли позволить себе такую роскошь.

В плане жилищного строительства интересна история Мосдачтреста (1500 дач и 350 гектаров земли), который был приватизирован по общей воровской схеме: в 1997, доля города была снижена до 30 %. При этом 60 % дачного фонда должны были предоставлять социально незащищенным в течение 10 лет. Что это были за "незащзищенные", которые доставались элитные дачи советской номенклатуры — неизвестно. Но и этого было мало. Чиновники организовали фальшивую убыточность, объявив 2\3 дач нерентабельными — расходы на содержание выше доходов. (Это притом, что годовая выручка при нормальном использовании дач могла составлять, как призналось руководство Мосдачтреста, до 300 долл. с каждого кв. м. в год!). И снова номенклатуре показалось мало.

Отхватили в Серебряном бору еще 25 га для коттеджного строительства (а для отвода глаз создали Фонд защиты этого тотально загаженного и запущенного памятника природы). Нет сомнений, что прибыли в бюджет эти новостройки не предусматривались. Зато роли “прихватизаторов” уже были расписаны. Обычный метод обмана государства — выделение дач чиновникам за льготную плату, которые тут же сдают их в аренду по рыночным расценкам (ВМ 30.03.2000).

Что касается многоквартирного жилья, то московское правительство вечно выставляет эту отрасль городского хозяйства, как наиболее благополучную. Лужков говорит о том, что за пять лет его хозяйствования в Москве построено 16 млн. квадратных метров жилья — чуть ли не десятая часть всего жилого фонда. “Позвольте, — хочется спросить, — а где же тут подвиг? Если за 50 лет такими же темпами должен обновиться весь жилищный фонд, то это не просто нормальная ситуация, это маловато! А если обнаружится, что все это, хотя бы частично, — еще и подтасовка, которая будет разоблачена с уходом Лужкова с политической сцены, то в пору за голову схватиться”. Архитектурные прелести крупноблочного “лужковизма” мы все имеем несчастье наблюдать и передадим это несчастье нашим детям.

С приватизацией Лужкову выгодно было дать задний ход, разработав систему обмена жилья, принадлежащего одиноким старикам, на денежные субсидии. Так, если старику 75 лет, и он живет один в трехкомнатной квартире, ему позволено было передать жилье муниципалитету с условием пожизненной ренты в 8 минимальных зарплат ежемесячно (РГ 17.01.95). Для правительства дешево и сердито, поскольку рыночная стоимость такой квартиры — за сотню тысяч долларов. Но старики оказались не так просты. Программа провалилась. А “непростота” вылилась в массу криминальных историй, когда “за ренту” стариков гнали на улицу всякого рода бандиты. И все было по закону.

Второй провал связан с субсидиями очередникам на жилье, которым правительство Москвы обещало в зависимости от места в очереди компенсировать затраты на покупку жилья от 5 % до 70 % стоимости. В 1995 году планировалось выставить на продажу таким способом всего около 30 тыс. кв. м. (МК, 04.08.94). По-видимому, в основном для своих. Те компании, которым переводились деньги из

городского бюджета по данной программе, старались всеми способами придержать и “крутнуть” их в свою пользу. В 1995–1996 г., а может быть и в предыдущие годы, эта операция приносила личный доход не только строителям, но и распорядителям бюджетных средств. Всерьез развернуть эту программу Лужкову так и не удалось.

Та же картина сложилась и с широко разрекламированной программой ипотечного строительства. На поверку оказалось, что москвичи могли в рамках этой программы свободно инвестировать свои средства только в банковскую систему, которая их только что (в августе 1998) “кинула” на многие миллионы долларов. Именно банк поглощал первоначальные взносы за жилье и “съедал” проценты по кредиту. Инвестировать непосредственно строительные организации было позволено только привилегированному околономенклатурному слою в несколько тысяч человек.

Ипотека — вообще форменное надувательство. Еще в 1996 г. Ельцин указом учредил программу “Свой дом”, правительство создало АО “Агентство по ипотечному жилищному кредитованию”, а Минфин выделил 450 млн. рублей. За два года выдано было всего пять ипотечных кредитов. На остальное играли в чубайсовскую игру ГКО. Причем за две недели до краха государственной “пирамиды” “свои люди” были предупреждены и деньги спасли. Потратили спасенное на самообеспечение. Так, оклад члена правления Агентства составлял в 1998 г. 10.000 долларов. Они ездили на купленных за казенные деньги “Рено”, “Фордах” и “Мерседесах”. Имея в штате 47 человек арендовали корпус в 1600 кв. м. (МК 15.06.99)

А тем временем специалисты оценивали уголовный беспредел в России по поводу насильственного отторжения жилья в 10.000 смертей (кого убили, кто пропал без вести). По телевидению была показана леденящая душу история об убийце алкоголиков, который позарился на их квартиры, а “нравственную” подоплеку своей деятельности придумал такую — объявил себя “санитаром Ельцина”. Мол, помогает реформаторам избавляться от непотребных людишек, а жилье достается достойным, адаптированным к рынку гражданам. Как видим, вывих мозгов здесь полностью аналогичный гайдаро-чубайсовскому живодерству вместе с лужковским “бумом”.

В 1998 году объем российского ВВП сократился еще на 4,5 %, промышленное производство упало на 9,4 %, объем сельского

хозяйства — на 16,7 %. Цены выросли на 67,5 %, реальные доходы населения упали примерно на 15 %. Москва на этом фоне выглядела достаточно благополучно. Чуть ли не вдвое увеличилось совсем уж заглохшее производство автомобилей, на 5,4 % увеличилось производство кирпича, на 10 % — синтетических смол (ВМ, 29.12.98). Больше, правда, похвастаться было нечем. Бюджет города формировался на 50 % от мелкого бизнеса, а крупный приносил доходы только в связи со странным налоговым законодательством, определившим, что налоги надо платить по месту дислокации центрального офиса. Если бы налоги платили по месту производства, у Москвы осталась бы половина бюджета — не более.

Вот пример из другой важнейшей отрасли — транспортной. К концу 1995 года оказалось, что льготами при оплате проезда на городском транспорте пользовались без малого 0.5 млн. жителей столицы. Ситуация оказалась окончательно абсурдной. Лужков этого абсурда уже не мог скрывать и поэтому устроил на одном из заседаний московского правительства разнос своим подчиненным. Характерной черной этого разноса оказалась прорезавшаяся патологическая черта московского мэра — ненависть к любой форме народного представительства. Из полумиллионной армии “льготников” Лужков выделил восемь тысяч помощников депутатов. Именно эти жалкие тысячи сделались объектом особой ненависти Лужкова. С миллионами ему явно было не разобраться.

Ненависть, смешанная с ложью — вот истинные качества номенклатуры, которую в полной и исчерпывающей мере представлял Лужков. Как раз в проблеме бесплатного проезда это выражено очень ярко. Ненавидели несколько тысяч депутатов и их помощников только потому, что они получали льготы не из рук чиновников. Между тем, в Москве местная номенклатура обеспечила бесплатным проездом 300.000 своих сословных братьев. А это уже существенно даже в сравнении с 8.110.000 пассажиров, из которых пенсионеры и прочие льготники составляли 1.217.000. (“Мир за неделю № 14, 2000, с.9). Мы видим, как много у московской номенклатуры секретарш, родственников и подхалимов.

Кстати, и милиции в Москве столько, сколько не найдешь ни в каком другом городе. По столичным улицам бродили 150.000 милиционеров. Для сравнения, в Лондоне число полицейских —

25.000, в Токио — 36.000, в Нью-Йорке — 40.000. Судя по уровню преступности, московский бюджет содержал не столько борцов с преступниками, сколько саму организованную преступность, получившую в милиции штатные должности, а еще — бесплатный проезд и право обирать мирных граждан на всех углах и совать им в нос стволы автоматов.

С зимы 1996 года московские дороги мэр начал “удобрять” тоннами соли, превращавшей снег в грязную массу. Ядовитая грязь облепила машины и людей, изуродовала внешний облик города и, в конце концов, привела к крупномасштабной аварии. Соленые испарения в одну из оттепелей замкнули электропровода троллейбусов по всей Москве. 19–21 февраля троллейбусное движение в городе практически прекратилось. А это 900 км. маршрутов!

Московское начальство начало “пудрить мозги”, рассказывая басни про какую-то пыль, которая нарушает изоляцию проводов. Пыли много — это верно. Только появляется она по большей части летом. Да и раньше пыли было не меньше, в подобных катастроф — никогда. Так что врали неумело, убеждая лишь самих себя. Временно сыпать соль на дороги перестали, но следующей зимой город снова был загажен. А от систематического использования соли, как известно, разрушаются несущие конструкции мостов, которые в Москве почти все находятся в аварийном состоянии. Из 307 московских мостов около 100 гроили обрушением в любой момент (“Столица” № 0, 1997).

К 1999 году солевые войны со снегом стали истинным бедствием для столицы. И только тогда мэрские “хозяйственники” начали уговаривать дворники не валить соль грудами, а соблюдать норму и место. Но дворникам рассыпать даровую соль проще, чем скрести лопатами под ногами у людей. Да и чувствуют они слабину начальства, которое одной рукой раздает тонный этой самой соли, а другой подписывает распоряжения об ограничении ее расходования и порядке хранения. Вот и лежали сотни тысяч тонн соли грудами по Москве, раскидывались сверх всякой меры по улицам, превращая снег в грязную невысыхающую жижу, от которой разваливает обувь и стремительно ржавеет транспорт. Ежегодно от этой соли в Москве гибло до 20.000 деревьев.

Интересное продолжение эта история получила зимой 2000–2001 года, когда в обильный снегопад Лужков вдруг распорядился не

чистить дороги, потому что идет оттепель и гололедица. Транспорт в Москве просто остановился. А чиновники все ворковали, что 7000 снегоуборочных машин не могут работать из-за того, что автомобилисты бросают машины где попало. Ставший замом Лужкова бывший префект Музыкантский не постеснялся наврать про необходимость вывоза 10.000.000 тонн снега за город, когда его всего-то надо было сдвинуть на пару метров. Да и то не весь, а только попавший на проезжую часть и тротуары. Чиновники нагло обманывали москвичей

Дороги московские мэр всегда представлял публике в качестве своего главного достижения. В книге “Мы дети твои, Москва”, он подробно пишет как развернул работу по асфальтированию улиц. Забыл только об одном. Увеличив объемы работы в 1995 году в полтора раза, Москва оказалась перед угрозой в 1996 году снизить этот объем вдвое — с 20 млн. кв. м. до 10 млн. Выходит, что быстрые результаты не всегда надежны. Лужковские ударные темпы обеспечивались халтурой. Асфальт, положенный халтурщиками лежал в приличном состоянии максимум 3 года. Его клали неровно, заставляя потом москвичей прыгать по образовавшимся лужам. Тем более, что дождевая канализация зачастую не оборудовалась или внезапно обнаруживалась необходимость вновь скрывать мостовую то ли для прокладки кабеля, то ли для ремонта коммуникаций.

Борьба против автомобилистов стала для московской номенклатуры второй натурой. Не только гоняли отовсюду “ракушки”, заставляя горожан чувствовать себя вечно виноватыми, не только мучили гаишными поборами, но и сами хитрили, химичили, выбивая гроши любыми способами и под самыми нелепыми предлогами (как Остап брал деньги “на ремонт провала”). Даже ввели дополнительную плату за бензин, якобы для финансирования экологических программ. Причем нападение было осуществлено, что называется, без объявления войны — в тайне (Ъ-daily 04.12.98).

Природная среда в Москве при Лужкове продолжала съеживаться и вянуть. Масштабное строительство дачных дворцов для толстосумов фактически разрушило 30-километровую зеленую зону вокруг Москвы, образованную еще постановлением правительства 1936 года. 45–65 % зелени в Москве находится в угнетенном и критическом состоянии. Механическая очистка промышленных и бытовых стоков

производилась лишь на 30–50 %, из-за утечек в коммуникациях в реки и водоемы Москвы сбрасывалось без очистки до 1\3 бытовых и промышленных сточных вод. Только по официальным данным туда поступало до 1,3 млн. тонн вредных веществ. Выбросы вредных веществ в атмосферу с 1992 года к 1997 году выросли с 1,184 млн. тонн до 1,852 млн. тонн. ПДК в атмосфере Москвы превысили по диоксину азота — в 2,2 раза, по формальдегиду — в 2 раза, по фенолу — в 1,2 раза (“Сегодня” 05.06.98). А в 2000 году московские власти поставили более 2000 “юбилейных” радиоактивных столбов, которые пришлось потом корчевать — но в основном в связи с угрозой обрушения этих хлипких конструкций.

Дышать в Москве при Лужкове становилось все труднее, купаться вообще нельзя, пить воду из-под крана — тоже. ПДК по тяжелым металлом в московских водоемах был превышен в 9 раз, по нефтепродуктам и взвешенным веществам — в 2 раза. Ниже Курьяновской станции аэрации Москва река содержала 5 ПДК нефтепродуктов, 5–7 ПДК нитритного азота, 6 ПДК аммонийного азота, 2 ПДК органических веществ. Тут плавает техногенный ил, токсичные сине-зеленые водоросли и рыбы-мутанты (“Сегодня” 12.11.98).

Неудивительно, что Москва создает такую среду, что в ней только 15,4 % детей рождается здоровыми (“Сегодня”, 10.03.98).

По части же среды обитания москвичей, мы обратимся еще к одной проблеме — собачьей. Распад всякого контроля за собачьими ордами Москвы и воспитанием их хозяев довел до того, что средний рост и средняя мощность челюстей этих друзей человека заметно увеличились, а вот культурный уровень их хозяев резко упал. Собаки стали бросаться на людей. Оказалось, что в Россию (преимущественно в Москву) из-за границы стали поступать собачьи выродки, которые внешне имеют безупречный экстерьер, но подвинуты психически (оттого и дешевы). И вот этими опасными психами заполняются без всякого ограничения московские парки и скверы, вытесняя оттуда детей, любителей бега, влюбленные парочки и чинных стариков. По подсчетам специалистов в столице обреталось не менее 1,5 млн. собак (по скромным подсчетам чиновников — “всего” 250 тыс.). Из них около 40 тыс. абсолютно диких.

Опасность эпидемии бешенства при такой населенности собачьим отродьем была вполне реальной опасностью, а десятки тысяч искусанных москвичей — конкретным признаком столичной жизни. Институт Склифосовского регистрировал ежегодный рост числа искусанных до тяжелого состояния людей — в 1997 году — 456 человек, в 1998 — 143, в 1999 — 267, в первую половину 2000 — 249. В целом ежегодно в Москве фиксировалось более 40.000 обращений в медицинские учреждения по поводу укусов собак. При этом лужковская номенклатура предпочитала вообще не замечать проблемы, да еще и грабить бюджет, уверяя, что на уничтожение одной бездомной собаки надо тратить 500 рублей (примерно — одну пенсию среднего москвича). Более дешевый и эффективный (по мнению специалистов) метод стерилизации не использовался вообще, учет владельцев собак был просто развален, а штраф за нанесение увечий составлял для хозяина потенциального убийцы всего 40 рублей.

В 1999 году в Москве было уничтожено 22.000 бродячих собак. Но при этом популяция собачатины не уменьшилась так и осталась. Природу дурными методами народной номенклатуры не переделать, подлую душу московского собаковода — тоже. Городу будет и далее захлебываться в собачьих фекалиях, дети будут шарахаться от бешеного лая, а бюрократы грабить бюджет под видом санобработки территории до тех пор, пока лужковщина царит в столице.

Решение собачьей проблемы в эту мрачную эпоху было подменено фальшивой стерилизацией или “утилизацией” животных. В действительности их отправляли на птичий рынок. И оттуда же брали “для отчетности”. Оттуда же бомжи-“зоофилы” брали собак и специально калечили их, чтобы жалкий вид животных понуждал граждан подавать милостыню. Зоофилы из нью-рашенов тоже удовлетворяли свои живодерские наклонности — использовали бездомных собак для натаскивания бойцовых пород и для “домов любви” своих кобелей. Растленный МК тоже пользовался ситуацией — выдумывая “клубничку” о клубах сексуальных зоофилов.

Интересный факт из столичной жизни. МК публикует “страшилку” о том, что рыжие коты — вампиры и по ночам пьют кровь, высасывая ее из пятки младенца. На следующий день московские дворы украсили кошачьи виселицы.

В лужковской Москве признаки человеческой жизни вытеснялись признаками жизни собачьей. Как-то раз одному из авторов этих строк пришлось предпринять попытку разогнать собак, которые не только прогуливались, но и гадили вокруг могильных плит погибших в Первую мировую войну и расстрелянных во время большевистского переворота (близ Всесвятской церкви, что на Соколе). Но собаки вместе с хозяевами шли стаями, колоннами, шеренгами и им не было конца. Не было конца и номенклатурному беспределу в столице.

Как сказано в Писании, “и лицо поколения будет собачьим”…

Показуха и гигантомания

Если же снова вернуться к выставочным экземплярам продукции московской номенклатуры, то давалась она и городу, и всей стране чрезвычайно дорого. Платить за нее приходилось валютой, собранной по всей стране в столичную номенклатурную казну.

В свое время Моссовет пытался поставить под контроль валютные расходы города и всякого рода суперпроекты. Не вышло. После разгона Советов валютный фонд Москвы становится объектом наглого и уже ничем не прикрытого грабежа. По отчету о расходовании валютных средств города (“Правда-5”, 19.12.96) и планам на 1997 г. (“Правда-5” 27.12.96) из этого фонда московская номенклатура черпала ресурсы для своих бредовых проектов:

на культурно-деловой центр

1996 — 15 млн. $

1997 (план) — 30 млн. $

на торговый погреб на Манеже

1996 — 125 млн.$

1997 (план) — 32 млн.$

на мифический центр “Москва-Сити”

1996 — 25 млн. $

1997 (план) — 30 млн.$

на реконструкцию Гостиного двора

20 млн.$

В погребной магазин перед Александровским садом Лужков угрохал 350 млн. долл. Из них 150 млн. — из валютного фонда Москвы, 60 млн. — от прочих акционеров, остальное — коммерческий кредит. Но это была не собственность Москвы, а собственность АО, контролируемого частными лицами.

По той же схеме бешеные деньги, уже вложенные в гостиничный бизнес, требовали новых инвестиций. В 1996 г. в него “вбито” 14 млн. долларов. Зато здравоохранение не получило средств на приобретение оборудования. Лечить нечем, а скоро будет некого… Только туристы из гостиниц будут выходить на опустевшие улицы.

Гигантомания и показуха всегда дает некачественную продукцию. Например, построенный в спешке на Поклонной Горе храм Георгия Победоносца уже через три года потребовал ремонта, поскольку здание было сдано без системы вентиляции и основательно закоптилось изнутри от горящих свечей (“Сегодня” 16.06.98).

Празднование 850-летия Москвы стало величайшим апофеозом столичной показухи. Медалей “В честь 850-летия Москвы” было рассыпано по столице на сумму 1 млрд. 700 млн. рублей. Некоторые получали медаль неоднократно (ВМ 08.07.98). Куда больше пришлось потратить на сам праздник, который мог бы принести прибыль, но не принес, мог бы стать праздником всех москвичей, но не стал.

850 лет Москва отметила номенклатурными мероприятиями — труднодоступным концертом на Красной площади, лубочным апофеозом “совкового” пошиба в Лужниках, бездарным цветомузыкальным концертом рядом с МГУ. Не попав никуда (включая последнее мероприятие, блокированное милицией и доставившее удовольствия не более десятку тысяч человек — при официальной версии в 2 млн.), москвичи устроили сами себе уличные гуляния. Благо, что большинство станций метро в центре было закрыто. Горожане порадовали сами себя песнями под открытым небом и шествием к периферийным спальным районам.

Цвето-световые концерты Лужков решил продолжить. В Москве подсвечиваются около 400 объектов (“Сегодня” 23.05.98). В 1998 году на это было выделено 50 млн. деноминированных рублей, не считая оплаты электроэнергии (всего порядка 10 млн. долларов). Плюс добровольно-принудительные меры подсветки, которые вынуждены предпринимать богатые фирмы и владельцы витрин. Все это радовало глаз иностранца и толстосума. Зато большинство московских дворов было погружено во тьму, в которой уютно чувствовали себя грабители и насильники.

Глобализм Лужкова с течением времени начинал приобретать совершенно болезненные формы.

В планах Лужкова оказалось переоборудование территории в районе смотровой площадки, что напротив главного здания МГУ. Мэр намеревался искалечить Воробьевы горы трехуровневым торгово-развлекательным комплексом с площадью в 200 тыс. кв. м. Причем предполагалось остеклить целый холм, срыв насыпь, сделанную еще в 1947. И все это, по словам Лужкова, “не дороже комплекса на Манежной” (“Сегодня” 11.07.98). И не полезней, заметим.

Болезненный глобализм проявился и в участии Лужкова в строительстве башни из конструктора ЛЕГО. Возвели башню какой-то невероятной высоты, строили 6 дней, затратили без малого 400 тыс. кубиков, чтобы Лужков мог воткнуть последний из них. Это что-то близкое к помешательству, в которое втянуты дети.

К Лужкову тянутся такого же рода гигантоманы, как и он сам, готовые изуродовать город. Некая СП-Групп готовилась построить на углу 1-й Тверской-Ямской и Большой Грузинской офисно-торговый центр площадью 150–170 тыс. кв. м. (“Сегодня” 16.06.98). О традициях городской застройки ни мэрия, ни инвесторы думать и в этом случае явно не собирались.

Межу тем, перед Москвой стоит действительно глобальная проблема, закрытие которой конечно же не столь эффектно для номенклатурных гигантоманов. Это проблема подтопленности до 50 % территории города, приводящей к провалам грунта и опасности обрушения зданий. Кроме того, около 20 % города расположено на карстовых пещерах, которые порой образуются из-за некачественной прокладки коммуникаций. На 30 % территории грунтовые воды подступают к тротуарам (АиФ № 24, 1998), практически всюду фундаменты зданий находятся в неподобающем влажностном режиме. Именно по этой причине происходят провалы грунта, вроде того, который произошел на Большой Дмитровке и едва не привел к человеческим жертвам.

Показуха дорого обошлась москвичам в момент урагана, обрушившегося на столицу в июне 1998. Из 15 тысяч рекламных щитов, установленных в городе, ураган сорвал 462. По этой причине погибли три человека. А ведь еще весной 1997 проверка установила, что владельцы рекламных конструкций полностью игнорируют строительные нормы и правила (“Сегодня” 11.07.98). Но Лужков ничего не предпринял, полагая, что небо над Москвой всегда будет

светлым. Не отреагировал он и на предупреждение синоптиков, оповестивших о надвигающемся урагане за три часа. К борьбе со стихией никто не готовился, граждан средства массовой информации не предупредили. Поэтом ущерб для москвичей был особенно велик. Ну а мэр, как водится, решил свалить вину за свои просчеты на метеослужбу.

Московская номенклатуры сделала даже разрушительный ураган источником доходов. Например, уже на следующий день после непогоды объявлялось, что рухнуло 14 тыс. деревьев (июль 2001). Понятно, что на уборку и вывоз из бюджета списывались огромные средства. А тем временем, пока номенклатура делала деньги, в больницы попали 26 человек, 5 погибли. И все повторилось снова — опять граждане не были предупреждены, опять не были приняты меры против возможных последствий сильного ветра.

Организация Всемирных юношеских игр, предпринятая столичной номенклатурой, поражала не только размахом безвкусицы (к которой, разумеется, спортсмены не имеют никакого отношения), но и широкомасштабным пиршеством в то время, когда страна корчится судорогами кризиса. Плакаты лужковских оформителей кричали: “Москва — открытый мир детства!”. А в это время в столице только учтенных токсикоманов в возрасте от 7 до 10 лет состояло на учете 800 душ (“Сегодня”, 26.06.98). К тому же Москва стала столицей порнографии, в том числе детской. По оценкам специалистов ежегодно доходы изготовителей и распространителей порнографии в Москве составляют 14 млн. долларов. Ежемесячно в столице расходится около полумиллиона порно-видеокассет и компакт-дисков. Более сотни торговых точек получают ежедневную прибыль от этого грязного бизнеса от 5 до 20 тыс. долларов. При этом столичная правоохранительная система сумела за год (2000–2001) привлечь к ответственности всего троих порно-дельцов.

Как и празднование 850-летия Москвы, Всемирные юношеские игры стали играми номенклатуры. Попасть на соревнования было невозможно, поскольку лужковцы решили не возиться с продажей билетов и сделали зрелище бесплатным. Билеты распространяли по разнарядке — как встарь. Детей втянули в глупые и неприличные игры со скандированием и рисованием на лицах российских флагов. Одни и те же “группы скандирования” кочевали с мероприятия на

мероприятие. Это называлось программой “Зритель”. Из выпущенных 1,5 млн. билетов оказались распространенными лишь 1,1 млн., но “лишних билетиков” любители спорта так и не дождались. Кроме того, значительная часть билетов, распространенных по разнарядке, не вызвала у их обладателей желания посетить соревнования. Трибуны даже на финалах оставались полупустыми.

Игры стали зрелищем не для России, а для иностранцев. Российские телеканалы игры практически не показывали. Да и столичное телевидение уделяло им в основном только заполночное время. И не удивительно. Ведь целый ряд соревнований носил явно показушный характер и не удовлетворял мировому уровню. Это касается турниров по футболу, соревнований плавцов, теннисистов, легкоатлетов и др. (ВМ 06.07.98).

Соревнования уложили в неделю, в то время как для нормального их течения требовалось не менее двух недель. Именно поэтому была утрачена зрелищность — в последние дни разыгрывалось по четыре десятка комплектов наград.

Реклама игр была предельно вульгарна и неряшлива. Зато жители престижного района 3-й Фрунзенской улицы получили от показухи все. В кратчайший срок на улице и в ближайших переулках были сменены еще вполне приличные бордюрные камни и асфальтовое покрытие, а газоны заполнили начиненной семенами землей, которая тут же превратилась в аккуратный газон. Несколько зданий сменили цвет. А все потому, что на этой улице расположился исполнительный комитет юношеских игр.

Игры превратились в большую “халяву” для спортсменов Африки, Азии и Океании. Именно они прислали на игры самые многочисленные команды. Скорее для того, чтобы за счет столицы России взглянуть на Москву, бесплатно постричься (за неделю команда парикмахеров обслужила 2000 клиентов) и отведать кулинарных изысков (съедено 200 тонн продуктов).

Еще один пример гигантомании — проект строительства 60 многоэтажных зданий, отданный на откуп некоему ЗАО “Конти” (ВМ 25.05.99), которое навязало чиновникам бессмысленную роскошь. В результате программа сноса и реконструкции пятиэтажек оказалась программой выселения их обитателей на окраины и строительства жилья для приезжих толстосумов.

Второй после Манежа раскоп возник на Курском вокзале. Здесь планировали построить гипермаркет с гаражом на 5000 мест, угробив 150 млн. долларов. Только кризис 1998 остановил эту безумную затею. Но не навсегда Лужков сказал: “Все равно строить будем”. И достроил этот ужасный склеп, который в неокрашенном виде очень напоминал тюрьму.

А вот о чем поведал глава фирмы “Ингеоком”, организующей раскопы под Манежем, Курским вокзалом и “Сити”: “Мы пока создали на Пресне бомбу под всю Москву. Если сейчас остановить стройку — может рухнуть, провалиться, уйти под землю весь Хаммеровский центр” (МК 31.05.99).

Огромный раскоп чреват образованием карстовых пустот, и строительство нельзя останавливать ни под каким видом. А казна пуста. Лужкову даже пришлось идти на поклон в Сбербанк да продать часть ценной московской собственности, чтобы хоть как-то покрыть долги по кредитам, которые в мае-июне надо было покрыть в сумме 100 млн. долларов (НГ 28.04.99).

Между тем, налоги Москвы составляли в 1993 году 16 % общефедеральных сборов в бюджет, в 1999 — 42 %. Соответственные доходы получал и бюджет города. Эта прорва денег, способных стать инфестиционным фондом всей страны, была промотана и разграблена московской номенклатурой, растрачена на политические спектакли и подношения федеральным чиновникам, на шоу для черни и званые ужины для сиятельных трупов…

Гигантомания обернулась не только чудовищными растратами, но и катастрофами. Потому что московская номенклатура под предводительством Лужкова действовала из принципа “после нас хоть потоп”.

Гнездо коррупции

Несколько отдалившись в 1997–1998 гг. от “олигархов” Гусинского, Смоленского и Березовского, Лужков сумел создать собственную олигархическую систему. Главным действующим лицом здесь стал его свояк Владимир Евтушенков (с Лужковым они женаты на родных сестрах).

Инструментом для переплавления вымученных их городского бюджета средств в политические проекты стал холдинг АФК “Система”, возглавляемый Евтушенковым, который много лет по

совместительству руководил всеми научными исследованиями в городе (о чем см. ниже). АФК “Система” настолько развернулась, что стала подминать одно за другим мощные частные предприятия и раскинула свою сеть по важнейшим регионам России. Евтушенков смог потеснить даже таких непотопляемых монстров в московском правительстве, как Ресин, Орджоникидзе, Шанцев. Один из них даже инспирировал несколько ругательных публикаций в адрес “Системы”, но на этом все и кончилось.

“Система” практически накрыла своим прямым влиянием ключевые сферы хозяйства города, которые до сих пор были вне монопольного контроля ближайших соратников Лужкова — машиностроение, пищевая и легкая промышленность. “Система” получить усиление за счет федеральной программы превращения столицы в центр высокотехнологичных производств и науки, принятие которой Лужков пытался протолкнуть через федеральные органы. Проталкивание дало побочные, но достаточно впечатляющие результаты. В 1996 “Системе” удалось получить в трастовое управление контрольные пакеты акций ряда совместных предприятий, принадлежавшие Московской городской сети. Позднее прибраны к рукам ряд предприятий электронной промышленности в Зеленограде, которым удалось при этом спихнуть в школы, ПТУ и разного рода учебные центры устаревшее компьютерное оборудование.

“Система” через свои дочерние предприятия получила льготы по налогам в городской бюджет и особые преимущества пред конкурентами. Именно в период 1992–1996 Евтушенков концентрировал в своих руках денежные ресурсы, расплачиваясь с партнерами широкой раздачей кредитов под символические проценты. По оценкам экспертов в конце концов Евтушенков стал совладельцем более сотни предприятий в разных регионах России.

АФК “Система” была создана Лужковым специально, чтобы тягаться с суперобъединениями типа РАО “ЕЭС”, “Газпром”, ОНЭКСИМ, Роспром и т. п. За 4 года активы “Системы” выросли в 25 раз и достигли 3–4 млрд. долларов, оборот составил 1 млрд. долларов (по другим оценкам — 400 млн.) в год, балансовая прибыль в 1997 г. — 266 млн. долларов. “Система” поглощала все, что могло приносить доход — “Интурист”, “Детский мир”, “Мобильные телесистемы”, бензиновый рынок (МК, 01.12.98). В последнем грабеж

собственности был особенно жестоким. Крупнейшие владельцы муниципальных АЗС находились под контролем “Системы”, Центральная топливная компания при формальном руководстве бывшего министра топлива и энергетики Шафранника тоже находилась под контролем Евтушенкова. Эти структуры, в свою очередь, сплетались с образованиями, возникшими от партнерства с откровенным криминалом — “ИВК” и “Ангстрем”, контролируемыми Сергеем Михайловым (Михась). Солнцевская мафия также действовала через одного из руководителей “Системы” Евгения Новицкого, который не раз был замечен в обществе криминальных авторитетов.

Для выполнения задачи захвата территории уже не только в административном порядке, но и превращения ее в частное владение, было необходимо создать свой медиа-холдинг, чтобы все было “как у людей”. АФК сгребла малочитаемую, но бесхозную “Литературную газету”, реанимировала (хоть и в убогом виде) газету “Россия”, создала бесплатную газету “Метро”, живущую на рекламе. Планировалось дополнить лужковскую телекампанию ТВ-центр еще и созданием сети платного телевидения, охватывающего 70 % территории страны (на что выделялось около 400 млн. долларов).

С лета 1998 года Чубайс наладил закулисные контакты с Лужковым (Ъ, 18.07.98). Особенно тесными были контакты Чубайса как раз с лужковским концерном АФК “Система” (АиФ, № 5, 1999). Внешне они были врагами, за кулисами — соратниками по борьбе против России. К примеру, планировалось совместное участие в приватизации 25 % акций государственного “Связьинвеста”, шло активное сотрудничество в информационной политике. Онэксимовские “Комсомольская правда” и лужковский МК синхронно выполняли задания по растерзанию того или иного политика.

Ввиду захвата крупнейшего государственного монополиста, “Система” стремилась захватить еще и наиболее удобный частотный диапазон для сотовой связи — 900 МГц. Проглотив “Мобильные телесистемы”, получившие в 1993 году от государства данный диапазон при выдаче лицензии, “Система” столкнулась с фирмой “Вымпелком” (“Би Лайн”), которая, как оказалось, 4 августа 1998 получила частоту из рук Б.Немцова (Ъ, 01.12.98). Так на поверхность всплыла закулисная сторона политических конфликтов. Но ненадолго.

“Вымпелком” был встроен в иерархию “Системы” и даже получил подарок — компания первой вышла на рынок США со своими ценным бумагами.

Несколько раньше схема внутренней грызни была отработана в конкурсе на создание московской сотовой телефонной сети, где имитировали конкуренцию кампания “Росико”, входящая в “Систему”, и АО “Московский комитет по науке и технологиям” — исконная вотчина Евтушенкова, на базе которой и выросла “Система” (разумеется, присваивая госсобственность и бюджетные деньги, будучи преобразованной в 1993 в АО из Комитета по науке и технике московского правительства). Позднее “Росико” выбивает из компаний “Комкор” и “Радио-Лизинг” частоты для передачи их мэрии Москвы.

На следующем этапе “Система” оседлала московское телевидение, захватив 67 % компании “ТВ-центр”. Это уже был мощный рычаг для давления на политическую обстановку. Всерьез им начали пользоваться только в 1999 после кадровой чистки и налаживании мало-мальски профессионального вещания.

В обстановке развала после августа 1998 АФК “Система”, поживившаяся на кризисе банковской системы, подбирала все, что “плохо лежит”. “Система” (через свой Гута-банк) скушала солидный и устоявший Промрадтехбанк, бывший уполномоченным банком правительства Москвы (“Время-MN” 03.12.98), после чего Гута-банк перестал интересовать “Систему”, и та в начале 1999 “скинула” большую часть своих акций. Потом “Система” начала заглатывать филиальную сеть рухнувшего “Инкомбанка” — одну из наиболее мощных оргструктур, приносившую банку львиную долю прибыли (ВМ 22.11.99). Параллельно была провернута масштабная афера по перекачиванию средств в “Банк Москвы”, проглотивший через ряд манипуляций средства Мосбизнесбанка, не рассчитавшегося с кредиторами.

Надо отметить плотную связь Евтушенкова с еврейским лобби. Так, в 1992 году под его патронажем создавалась парамасонская организаций “Магистериум” (кстати, с участием “антифашиста” А.Н.Яковлева), для “окучивания” политической элиты. Дочерние структуры “Системы” зачастую возглавляют евреи — например, фирму “Росико” — Леонид Шехтман.

В сравнении с еврейскими кругами связь с криминалитетом была более явной. В декабре 2000 года килеры, вооруженные по последнему слову техники — автоматами Калашникова с глушителями и бронебойными боеприпасами — прямо возле офиса “Системы” напали на машину держателя лужковской валютной кассы И.Орджоникидзе. Машину изрешетили из двух стволов, водителя убили, самого Орджоникидзе тяжело ранили.

Разборка, как выяснилось, произошла из-за планов валютчика построить в пойме Москвы-реки автодром для гонок “Формулы-1” и перенести туда весь игорный бизнес. Стоимость проекта составила около 100 млн. долларов. Заодно, вероятно, заказчики покушения собирались решить и проблему контроля за элитными гостиницами, которые, как и игорный бизнес, находились под контролем Орджоникидзе.

Помимо “Системы”, вторая ножка у финансовой подпорки Лужкова — именно банки, которым после откровенного грабежа вкладчиков при пособничестве из Кремля с августа 1998 перестали доверять граждане, но продолжал доверять Кремль и мэрия, оставившие банкам доходный бизнес от прокрутки бюджетных денег. Наиболее близкие номенклатуре банки “обслуживали” 30 % от консолидированного бюджета страны.

Еще в 1995 году правительство Москвы выкупило контрольный пакет (60 %) банка АКБ “Мосрасчет” и создало Банк Москвы, вошедший в двадцатку крупнейших банков России. Лужков постоянно предпринимал усилия для того, чтобы влияние банка расширялось. Потом возникла АФК со своими банковскими услугами. Монстр стал переплетаться собственными щупальцами и наращивать мощь.

Третий источник могущества “московской группировки” — разнообразные внебюджетные фонды. Имея ежегодно до 400 млн. долларов прямых валютных поступлений, московская группа без особого труда наполняла эти фонды и расходовала их без всякого контроля. Наиболее мощные внебюджетные фонды — валютный и фонд жилищного строительства. (О деятельности московской номенклатуры в этой сфере уже немало сказано выше.)

Средства извлекались из московского хозяйства не только в результате скрытых операций и махинаций номенклатурных “наперсточников”. Брали из бюджета и напрямую. Так, в 1997 на

фундаментальные исследования и содействие научно-техническому прогрессу из московского бюджета было потрачено более 300 млрд. рублей. Между тем, отчеты были предоставлены лишь на 2–3 программы и сумму менее 10 млрд. (ВМ 08.07.98).

Полмиллиарда рублей было выделено группе, занимавшейся поисками библиотеки Ивана Грозного. Группа была распущена, деньги исчезли неизвестно куда. Но это мелочь.

В благотворительный фонд актрисы Быстрицкой было направлено 120 млн. бюджетных денег. Результат — податливость любимицы публики на просьбы участвовать в политических проектах Например, выступление во время выборов в Красноярском крае против Лебедя.

Если же говорить о масштабах воровства через внебюджетные фонды, то они иллюстрируются такой цифрой: в 1996 году бюджет Москвы составлял 44 трлн. рублей, а через внебюджетные фонды было пропущено 16 трлн.

Четвертая подпорка Лужкова — нефтяной бизнес. Еще в 1994 году московские власти привлекли к поставкам на НПЗ такие фирмы, как “Балкар-Трейдинг” и “Альфа-Эко”, ставшие в дальнейшем фигурантами различного рода криминальных сюжетов. Затем, хитрыми манипуляциями НПЗ удалось перевести в муниципальную собственность (что для России вообще уникальный случай).

На 100 % муниципальная Центральная топливная компания (глава — бывший министр топлива и энергетики Ю.Шафранник) “за красивые глазки” получила указом Ельцина в 1997 году 38 % АО “Моснефтепродукт” и АО “Московский НПЗ”. Одному из дочерних предприятий ЦТК ОАО “Моснефтепродукт” принадлежит 67 % емкости всех резервуаров для хранения нефтепродуктов в Подмосковье. В это же предприятие вплетены “Сибнефть”, “ЛУКойл”, “Татнефтегаз”, повязывающие Лужкова с “олигархами” едиными интересами в нефтяном бизнесе. Кроме того, ЦТК имеет также блокирующий пакет акций в учрежденной областями центральной России кампании “Центрнефтегаз”, ведет разведку недр от Сахалина до Подмосковья, участвует в захвате частных автозаправочных станций в столице.

Наконец, Лужков и его подручные, всегда использовали средства города как им вздумается. В 1999 году они также манипулировали городскими деньгами, как и в 1992 — ворошили бюджет, как

собственный карман. Чтобы повысить доплаты к пенсиям — черпнули из статьи бюджета, согласно которой выплачивались детские пособия (34,5 млн. рублей). А ведь были у Лужкова деньги, полученные сверх бюджета! Не стал мэр трогать заветные неподконтрольные средства, укрытые даже от взора своих мосгордумских марионеток. Эти деньги идут, например, на досрочную выплату долгов банку “Овозрождение” (что эквивалентно передаче кругленькой суммы наличными, которую легко вычислить по методу “приведенной стоимости”). Огромная сумма ушла в Департамент продресурсов — давнюю плодоовощную любовь Лужкова (еще с Мосагропрома).

Главный козырь в “относительно законных схемах отъема денег”, которые применяет Лужков со своей шайкой, — постоянное занижение планов по доходам и постоянное недорасходование средств. В 1999 выполнили доходную часть на 128 %, расходную — на 88 %. Например, на закупку медикаментов расходы выполнены на 47 %, на стипендии (радуйтесь, студенты!) на 35 %.

И в дальнейшем Лужков собирался заниматься не конкретными делами, а пускать пыль в глаза. Вывод газовых труб из подвалов планировался в 8 раз ниже нормативной, замена газовых плит — в 17 раз меньше нормативной, замены лифтов — в 5–7 раз ниже, финансирование капремонта отстало от нормативной в 20 раз. Иными словами, Лужков превращал Москву в трущобы (по материалам “Мир за неделю” № 6, 2000 г., с.5). Которые должны были хорошо просматриваться из окон 60-небоскребов, которые мэр планировал расставить вдоль “третьего кольца” столицы.

Есть коррупционные истории и помельче, которые в силу своей мелкости вовсе не становятся слаще.

В 2000 году мэрия организовала очередную кормушку для своих — конкурс проектов некоммерческих и общественных организаций. А чтобы всем было ясно, для кого все это сделано, награждение победителей проводили в зале, где на сцене висела огромная надпись “Отечество”. Да еще отчитались “о проделанной работе” — мол, в Москве зарегистрировано 200 тыс. потенциальных участников конкурса. (Вспоминаются тут слова известного персонажа о 20.000 курьеров). А вот тот факт, что большинство из них влачат жалкое существование, чиновники мэрии умалчивают — ведь им важно представить дело так, будто именно ими созданные фальшивки и есть

общественность города. Остальные нужны только для отчетности, для пыли, которую пускают в глаза.

В период лужковского правления московские школы полностью развалились, за исключением тех, где организована система коррупции. Наиболее наглые коррупционеры (начинающие “брать не по чину”) отдаются в лапы милиции. Например, в 2000 году был арестован директор школы с китайской специализаций, бравший за поступление ученика до 2000 долларов наличными. Где пытались работать честно царила форменная нищета — нищие учителя, дряхлые пособия, облезлые стены и ученики, превращающиеся на глазах в уголовную шпану.

Из 82 городских программ 2000 года утверждение в Мосгордуме прошла только одна, что является грубым нарушение Устава города, написанного чиновниками Лужкова. Даже собственные правила московская номенклатура не умеет исполнить! И даже не хотят. Обнаглели до того, что даже оформить бумаги для прикрытия воровства не хотят — и так сойдет с рук.

Летом 2000 Генпрокуратура указала Лужкову, что на московских чиновников заведено 30 уголовных дел о коррупции. Но Лужков нашелся что ответить — мол, это все не мои люди. Тут все какие-то директора рынков… (Будто эти директора появляются без ведома московской мэрии!) А потом от слов Лужков перешел к делам. Количество скандальных дел против чиновников отчего-то стало стремительно уменьшаться. Так, зампред регистрационной палаты Москвы вдруг отказался от показаний на своего начальника. Вероятно, ему прозрачно намекнули, что могут и голову свернуть. Так заметаются следы преступлений московской номенклатуры — ворье покрывается верховной властью столицы.

Номенклатура на службе мафии

Посмотрим как обстоит дело с противодействием преступникам в московской вотчине номенклатурной империи. Прежде всего, посмотрим на теоретическое обоснование подходов в этой области у подначальных Лужкову чиновников.

Лужков определил свою главную жизненную ценность скорее как криминальный авторитет, а не как общественный деятель: “Быть свободным — это предельно важное для меня обстоятельство. И я всегда мог себе это позволить” (АиФ, № 51, 1996). Но все-таки

главным обоснователем всякого рода политических позиций при мэре Москвы был известный нам по “Мятежу номенклатуры” господин Донцов, широта интересов которого к должностям самого разного профиля чем-то напоминает повадки Германа Геринга.

Как известно, “наци № 2” был одновременно главным лесничим, возглавлял Люфтваффе, да еще имел один из высших партийных постов в НСДАП. Вот и Донцов долго совмещал должность начальника Государственно-правового управления с заботами уполномоченного по делам казачества.

Главный казак мэрии Москвы в первом ноябрьском номере газеты “Россия” за 1995 говорил об универсальном рецепте борьбы с мафией. Вы думаете если Донцов — полковник милиции, то он собирался усиливать правоохранительные структуры? Ничуть не бывало. Он предлагал предпринимателям вступить мафией в конкурентную борьбу!

Давайте представим себе эту картинку. Честные торговцы пытаются конкурировать с вооруженными мафиози при полной безучастности со стороны милиции. Собственно, эту картинку мы можем видеть каждый день с ее наиболее безобидной стороны — дикие цены, некачественные товары и никакой конкуренции.

В этой ситуации ни один честный торговец не может оставаться таковым, ибо против вооруженного вора с кулаками не попрешь, а люди вроде милиционера Донцова и не собираются бороться бандитами. Они наоборот, призывают к умиротворению и наблюдают со стороны, приговаривая: “А что это Александр Васильевич у нас ничего не ест?” Мол, свобода обеспечена, а вы, предприниматели, все никак не хотите воспользоваться ее плодами.

По меньшей мере нелепо в условиях доминирования мафиозных структур предлагать торговцам бросаться на их пулеметы. Это скорее можно расценить как предложение, исходящее от самих мафиози. Мол, “подлазьте поближе к нашим пулеметам”. Или же это предупреждение: “Знайте! Помощи вам ждать неоткуда!”

Блестящее изобретение — вступить с мафией не в правоохранительную, а в конкурентную борьбу! Попробуйте, может выживете!

Вот три примера альянса между преступниками и чиновниками.

Первый пример. Известно, что московский мэр особое внимание уделял развитию сети московских автозаправочных станций. Для этого пришлось даже принять меры против передвижных автозаправок. Это лоббирование частной торговли бензином понятно, но оказывается, что из прибыли в 25 млн. долларов в год примерно 6–8 млн. уходят в криминальные круги и на взятки чиновникам. При этом рентабельность автозаправочных станций в три раза превышает рентабельность аналогичных заведений за рубежом. Не случайно в столице на какое-то время был объявлен сезон отстрела владельцев автозаправок, и номенклатура подгребла этот доходный бизнес под себя.

Второй пример. Обстановка в столице характеризуется тем, что “ни один специалист не берется указать в Москве место, где не ступала бы нога чеченца-мафиози. Наибольший интерес эта община проявляет к центральной части города: тут она “держит” многие гостиницы, сотни магазинов, ресторанов, кафе, коммерческих фирм” (НГ, 16.02.96). Лужков об этом молчок. Интересы-то общие!

Третий пример. Лужковская милиция использовалась как наемники номенклатурно-олигархического альянса. Бывший депутат Моссовета Г.Иванцов, в течение ряда лет работавший как активист московского движения очередников на получение муниципального жилья, был предупрежден о том, что ему не поздоровится, если попытки контроля распределения жилья со стороны движения будут слишком упорными. В конце концов ему сказали: “Ты заказан”.

Поскольку Герман Сергеевич не внял предупреждению, против него была осуществлена ментовская провокация. Около полуночи он был захвачен по выходе после очередного собрания очередников и в наручниках увезен в отделение, где ему рассказали, что сделают с ним все, что пожелают. Отчаявшись запугать общественного активиста, милиционеры инсценировали задержание: сунули Иванцову в карман пачку фальшивых долларов, а во внутренний карман — пистолет “вальтер” с одним (почему-то только одним) патроном. После этого его вывезли на одну из московских площадей, сняли наручники и вытолкнули из машины, чтобы в следующий момент снова заломить руки за спину и приступить к формальным процедурам.

Несколько дней Иванцову пришлось просидеть в кутузке. Его друзья названивали по телефонам и даже устроили пикет протеста. И

здесь помог Н.Гончар, который, надо отдать должное бывшем председателю Моссовета, не отказался от своего былого коллеги, а все-таки поднял трубку и позвонил в отделение. Вероятно, это остановило зарвавшихся провокаторов — Иванцов был отпущен, хотя дело против него все-таки было возбуждено.

Это типичная история того, как лужковская милиция стала прикрытием, “крышей” теневого бизнеса, расхищающего бюджетные средства города.

Один из опальных судей Мосгорсуда так описывал свою службу: “В течение пяти лет я работал в невероятно агрессивной среде. Конечно, существовала судебная власть, но она торговалась с другими властями”. В московском суде “очень часто судья, прежде чем начать процесс, звонил начальству, чтобы спросить, какой надо вынести приговор”. Он рассказал об “особых” делах — касающихся мэра Юрия Лужкова — вести которые поручалось фаворитам председателя суда, в обмен предоставлявшим квартиры и повышения в должности (Le Monde, 12 июля 2001).

Милицейское покрывательство криминально-национальных группировок — серьезнейшая проблема для тех, кто будет восстанавливать город после Лужкова. Благодаря Лужкову, вместо здравой политики карманная Мосгордума рассматривала пустопорожние проекты местных законов о “дружбе народов”. Одновременно политика Лужкова планомерно закладывала будущий конфликт между русскими и прочими национальностями. Предоставляя преимущества диаспорам, Лужков вытеснял русских из всех доходных сфер деятельности. Русские превращались в городскую нищету, которая даже побираться не могла, потому что попрошайничество стало организованным бизнесом цыган и таджиков. (Лужков даже намеревался ввести лицензирование для побирушек — при наличии регистрации в Москве, медсправки, заключения органов соцобеспечения и других документов. У русских нищих требовали справок, у нерусских — мзды.) Колхозные рынки в Москве стали восточными базарами, автосервис и розничная торговля захвачены азербайджанцами. Даже среди глав администрации в практически полностью русской Москве аномально высоким оказалось представительство кавказцев.

На Московских рынках в конце XX века работало около миллиона человек. При этом 20 % работающих были жителями Москвы и Подмосковья, 20 % — жителями других регионов России, а 60 % — иностранцы, преимущественно из Закавказья и с Украины. Попустительство московских властей позволяло пропускать через эти рынки огромные партии товаров по поддельным документам, не платить налоги (мзда милиции и уголовникам всегда меньше налогов), не соблюдать требований качества, подделывать торговые марки и т. д.

Лужков с подельниками полностью разорил общественное питание в столице. Вместо того, чтобы довести до приличного состояния вечно грязные столовые, Лужков просто смахнул их в одночасье. Теперь место общедоступных столовых занимают “Макдоналдсы” и “Пицца-хаты” со своей толкучкой и нерусскими блюдами, готовящих население к массовым желудочным болезням. Попытка составить им конкуренцию в виде сети “Русских бистро” захлебнулась потому, что мэрские чинуши отдали этот бизнес на откуп армянской диаспоре, которая видела как делается прибыль в столице и действовала также — паразитировала на ранее созданных материальных ценностях.

Бизнесмены, видя взаимную любовь чиновников и уголовников, вынуждены приспосабливаться, рассчитывая только на свои силы и пытались переломить ситуацию.

Социальная функция уголовников (А.Краснов. Мысли вслух.)

Сейчас бизнес договорился с бандитами и разговоры о “наездах” бандюков ушли в прошлое. Бизнесмены склонили бандитов принять правила игры, в которых невыгодно разорять тех, кто платит разумные деньги за “крышу”.

По прежним уголовным законам смена “крыши” не приветствовалась. Существовало понятие “криминальный рубль”. На рубле ставили подпись и передавали бандиту как символ зависимости. После этого право сменить “крышу” отсутствовало. Но со временем появился признак развитого феодального общества — “Юрьев день”.

Без функций службы безопасности, которую выполняют бандюки, жить бизнесмену сложно. Нерегулированный рэкет, которого неизвестно когда и откуда ждать, куда как опаснее, чем дополнительный вид налога для охраны, защищающей твой бизнес. Если бизнесмен заключает сделку, и рядом сидит бандюк

определенного уровня, а у партнера — такой же бандюк, то сделка гарантирована от грубого шельмования. В случае накладок, бандюки выясняют отношения между собой. Поскольку без серьезного повода “хлестаться” им неохота, то взаимоотношения нормализуются спокойно.

Если раньше на встречи они ездили стаями на нескольких навороченных машинах, то теперь мода ушла. На встречу приходит один человек, видит другого бандита, говорит что-то вроде “Виделись…” и разговор идет без надрыва. Бандюк никогда не наедет на бизнесмена, если знает, что над ним есть чья-то “крыша”.

Бандиты сегодня начали выполнять важную социальную функцию. Представим себе два акционерных общества, одно из которых перевело другому миллиард рублей за товар, а товар не приходит. Идти в арбитражный суд? Будешь судиться полгода, потом полгода ждать решения высшей инстанции по апелляции, а потом обнаружишь на счету у своего партнера сухой ноль рублей. Никакой ответственности владельцев денег нет, через государство никаких мер воздействия тоже нет.

Бандиты такого оборота дел не признают. Они приезжают и спрашивают: “Кто деньги брал?” Про юрлица разговоров не слушают, а подчас даже не понимают. У них принцип предельно понятен: ты брал деньги, ты и отвечай. Причем разговор не обязательно доходит до угроз или расправы. Приезжают разбираться, допуская, что партнер может быть прав, что у него есть аргументы. Если проблема решена — расходятся с миром, заплатив бандюкам за “стрелку” — плата за посредническую услугу (аналог госпошлины). Так эффективно работает бандитский арбитраж, уступленный криминальному миру государством.

Бандиты начали уже выполнять функцию представительной власти, защищая своих бизнесменов. Если чиновник-беспредельщик начинает есть бизнесмена, стремясь уморить его дело, или думает выдоить больше, чем это возможно, организованные преступники понимают, что отнимают также и у них. Когда они узнают, что их бизнесмен потерял на этом столько, что наемный киллер будет стоить меньше, то они стараются сообщить об этом зарвавшемуся чиновнику.

Недалеко то время, когда бандиты будут выполнять функцию представительной власти в защиту наемных работников. Когда

последние объединятся в нормальные профсоюзы, то “опыт Запада” в области взаимодействия с организованной преступностью будет задействован моментально, и любой директор, который не выплачивает зарплату, ссылаясь на “объективные сложности”, но строит себе трехэтажную дачу, сразу почувствует это на себе.

Ельцин избавился от представительной власти, раздавил местное самоуправление, превратил думцев в шутов гороховых — получи функцию представительной власти в криминальной упаковке. Природа и здесь не терпит пустоты!

Надо сказать, общество не может потерпеть, чтобы бандиты-рэкетиры становились слишком сильны. Да и сам преступный мир никогда не в состоянии исполнять государственные функции в достаточно широких масштабах. Если бандиты усиливаются, они седлают чиновников всерьез. Тогда возникает противоядие в виде эскадрона смерти. Беспредел становится социальным заказом. Появляются и исполнители, которые вне всяких законов криминального или легального мира кончают бандитов где придется.

Люди жадны, жестоки и глупы. Бандюки в этом смысле удивительно жадные, удивительно глупые, удивительно беспардонные и бессовестные. Но они прекрасно понимают, что если ты сегодня наехал на другого бандюка и отобрал у него право контролировать чей-то бизнес, то завтра про тебя может пойти слух, что ты беспредельщик и иметь с тобой дело нельзя. В следующий раз ты попадешься еще под чей-то беспредел, и никто за тебя не заступится.

Бандюки — выдающиеся люди по подлости. Это искрометные, феерические подлецы! Их сила в подлости. Но они знают, что у любой другой силы есть такие же подлецы, которые постараются найти способ, чтобы тебя подставить. Они могут даже сделать вид, что забыли нанесенные обиды, а через полгода просто шлепнут у подъезда.

Все это заставляет преступный мир жить по принципу “нам чужого не надо”. Нарушать сложившееся положение дел может только очень большой соблазн. Тогда могут даже не посчитать это беспределом — ну не утерпел парень!

Ужас в том, что функцию грабителей и душителей бизнеса выполняет государственный чиновник. Чиновников безумно много, с ними договориться по уму крайне сложно, у них не сформировалось

корпоративной этики. Гнет номенклатурных князьков ужасен. Если предприниматель не найдет себе поддержки в лице супрефекта или префекта, ему придется очень туго.

Если бандит беспокоится о судьбе своего бизнесмена, снижает плату за свои “услуги”, если видит, что бизнес загибается, то чиновники — типичные беспредельщики. Они не понимают, что если вымя отрезать, то молока не жди.

Бандитам приходится считаться с чиновниками хотя бы в силу их беспредельности и многочисленности. Они очень ценят контакты с представителями власти, которые способны оформлять всякого рода бумаги, особенно по части легального бизнеса, которым бандюки занимаются все больше. Например, я знал человека, который утверждал, что Михась имел очень тесные отношения с Лужковым, даже сынишка Лужкова работал в его структуре, а сам Михась был посредником между преступным миром и московскими властями.

Может быть все это чиновничье хитромыслие происходит оттого, что вся московская мэрия уже вступила в конкуренцию с группировками организованной преступности и действует по их правилам игры? Только не в области торговли, а в организации системы рэкета?

Действительно, в прессу то и дело просачиваются сведения, говорящие о тесных контактах, скажем, руководства АФК “Система” и криминальных авторитетов. Тут попадается и знакомая по прочим сюжетам фигура Бориса Бирштейна. В документах, полученных швейцарскими спецслужбами, фигурируют суммы в сотни миллионов долларов (см. “Новая газета” № 47, 1998).

Как происходит борьба номенклатуры с другими видами преступности можно было видеть по одной из скандальных передач программы “Времечко”, продемонстрировавшей свободу торговли наркотиками для танзанийских гостей столицы. Лужковская милиция предпочитала умиротворять торговцев вместо того, чтобы искоренять этот отвратительный бизнес. Более того, она готова была терпеть хамские кривляния преступников, устроивших дикарские пляски перед телекамерой и всыпавших тумаков пронырливым журналистам.

А тем временем, в центре Москвы нашим детям почти открыто предлагают покупать пакетики с “наркотой”. При этом столичные власти лишь для вида “шерстят” чернявых приезжих. Ситуация не

меняется — в Москве нелегально проживает более ста тысяч иностранцев (китайцев — около 60 тысяч, афганцев — свыше 15 и около 10 тысяч иракцев). Из их среды сформировалось немалое количество дерзких и опаснейших преступных формирований, которые, по данным МВД, опутали рэкетом каждого второго иностранного бизнесмена, работающего в России.

Номенклатура покровительствует преступникам и в сфере образования. Наряду с вымирающими государственными общеобразовательными школами, не способными подчас оплачивать даже труд уборщицы, пышно расцвели в столице частные школы. К началу 1996 их число перевалило за две с половиной сотни. В таких школах, чаще всего контролируемых криминальными структурами и коррупционерами из высших эшелонов “наробраза”, плата за год обучения составляет до 10 тыс. долларов. Такие школы превращаются в коммерческие предприятия, способ наживы узкого круга околошкольной уголовщины. Авторам известен случай, когда учительский коллектив попал буквально в рабство двум уголовникам, выдаивающим из школы по 100 тыс. долларов в месяц и не вкладывающим в нее ни копейки. Тем же, кто пытался протестовать, быстро затыкали рты угрозами и прямым насилием.

К концу 1999 из 1450 столичных школ только 610 находились в удовлетворительном состоянии, более 50 школьных зданий подлежали сносу. Общая нехватка по школьным зданиям составляла 170 новых школ. При этом финансирование на ремонт школ московскими властями выделялось в течение многих лет на уровне 20–30 % от запланированного (в 1999 — 34 %). Не говоря о том, что сами запланированные суммы были серьезно занижены в сравнении с реальными потребностями города (ВМ 11.02.2000). Лужков и его команда предпочитали тратить деньги на глобальные проекты и шикарные представления для толпы и избранных. Среди последних немалую долю составляли те, кому сидеть бы на нарах или болтаться в петле.

Похоже здесь московская мэрия и бандиты делят сферы влияния, уступая друг другу, а безоружные граждане должны конкурировать с мафией с риском для жизни, либо становится рабами. Но ведь безоружны не только граждане, но и рядовые милиционеры!

Московская программа создания альянса с бандитами высвечивается историей, когда глава ГУВД Москвы Панкратов, ставленник Лужкова, лоббировал вместе с Шумейко назначение на генеральскую должность проходимца Якубовского. Позднее вскрылась причастность Панкратова к деятельности фирмы “Совкувейт-инжениринг”, возившей милицейское начальство по заграницам в уплату за развал оперативной работы. Фирма эта, в свою очередь, тесно связана с историей о незаконном присвоении неким Козленком и его компанией “Голден АДА” драгоценных камней на сумму 180 млн. долларов. Ну а в этой истории на заднем плане маячат фигуры Ильюшенко и Гусинского, намертво вплетенных в кремлевское кубло. Что до начала этой цепочки, то отставка Панкратова не выбила его из лужковской команды. Отставного генерала, схватившего при содействии мэра две незаслуженные генеральские звезды на погоны, Лужков назначил шефом столичной гражданской обороны.

Под видом борьбы с преступностью номенклатура резко увеличила численность внутренних войск. В 9 округах ВВ дислоцировалось 29 дивизий и 15 бригад. По численности личного состава они превышали сухопутные войска. В 1,5 раза возросла по сравнению с советским периодом и численность милиции (МН, № 6, 11–18.02.96).

Может быть они против преступности борются? Ничуть! Если раньше правоохранительные задачи выполняли 2/3 численного состава милиции, то сегодня на обеспечение нужд населения работает лишь шестая часть милицейских сил. Остальные стражи порядка представляют собой скорее резерв для обеспечения безопасности власти. То есть содержатся, скажем, на случай “массовых беспорядков”, охраны государственных учреждений, госчиновников высокого ранга и т. п. Отчасти эту армию приставили к делу в Чечне, и там немало слабо подготовленных к реальной опасности милиционеров полегло. А остальные вовсе не способствовали умиротворению, а скорее разжигали страсть чеченцев к охоте на людей, то и дело теряющих человеческий образ.

Мы видим: низовые звенья правоохранительных органов, руководимых проходимцами и мафиози, связанными с уголовным миром, направляемыми политиками с криминальным сознанием, стремительно теряет профессионализм и нацеленность на защиту

граждан. Трудно винить в этом простого “мента”, зажатого до потери всяческого самообладания между преступниками и полууголовной властью. Любая попытка вернуть себе достоинство, а обществу — служение его благу, нарывается в лужковской системе на жесткое подавление. Так, московский милицейский профсоюз, пытавшийся привлечь внимание к бедственному положению низшего звена милицейских кадров, сразу попал под пресс административного давления. Было запрещено говорить о том, что округа участковых милиционеров примерно вдвое больше, чем возможно контролировать, что участковый может не надеяться на необходимую помощь в критической ситуации — ОМОН воюет в Чечне, а любимая Лужковым муниципальная милиция “пасет” коммерческие киоски.

Мы можем видеть, к примеру, как крутые парни в камуфляже и с автоматическим оружием охраняют въезд на стоянку Парка победы на Поклонной горе. Каждая машина должна остановиться, водитель долго объясняется по поводу наличия мест на стоянке, потом платит (или не платит, если может напустить на себя солидность человека со связями) и паркуется на бесплатной стоянке, созданной специально для посетителей парка.

Удар по кавказцам (А.Краснов. Мысли вслух.)

В Москве все решения Лужкова носят популистский характер.

Например, в московском правительстве вдруг созревает мысль: “А не побороться ли нам с кавказцами?” “А почему бы и нет”, — эхом слышится с мэрского кресла.

Хотелось бы задать вопрос, каковы поступления в городской бюджет денег от штрафования кавказцев на улицах Москвы за отсутствие у них прописки? Цифра просто смешная! Зато есть экономическая эффективность в другой области.

Решением о преследовании кавказцев Лужков автоматически повысил зарплату милиции. А точнее, дал возможность заработать дополнительные “бабки”. Кого приводят в отделение милиции за отсутствие прописки? Тех, кто не хочет платить добродушному милиционеру, всегда готовому пожалеть бедного кавказца за скромную плату. Для криминалитета нет проблем, чтобы оформить все необходимые документы или откупиться по факту проверки документов. Возник дополнительный прикорм милиции и дополнительный потенциал ненависти к москвичам.

Мероприятия московской власти, направленные против преступных группировок, были в 1996 году превращены в бессмысленную кампанию.

Берут, к примеру, мафиозное гнездо, телевизионщики расписывают мужество оперативников и решительность мэрии в борьбе с преступностью… Потом мельком сообщают, что “если следствие не подкачает, будет крупный скандал”. “Сухой остаток” от операции состоит лишь в том, что у хозяев воровского гнезда обнаруживаются некоторые нарушения по части бухгалтерии, и дело списывается в архив.

В другой раз услужливое телевидение расписывает наскок контрольных органов на один из игральных домов. Снова говорится о решительности Лужкова, распорядившегося поставить игорный бизнес под контроль. О реальном результате опять сообщается вскользь — обнаружено несоответствие отчетности установленным правилам. А ведь все эти московские “казино” — лучший из известных инструмент отмывания криминальных доходов.

Феодалы и “братва” (А.Краснов. Мысли вслух.)

Кто представляет на московском уровне феодальный строй современной России? Чиновничество! Здесь скопилась вся сволочь союзного, российского и московского масштаба, а также сволочь районного масштаба и ниже.

Можно прикинуть, что в любом московском районе численность населения так или иначе связанного едиными интересами с чиновничеством составляет 10–15 %. Причем, эти люди структурированы, информированы, состоятельны, в их руках собственность и средства массовой информации.

Вспомним, что на Руси у феодалов были боевые отряды — воеводы с дружинниками. Сегодня функцию дружинников выполняют уголовники, “братва”.

Раньше крестьянин мотыжил землю, а его грабили все, кому не лень, и у кого был железный меч. Наконец, крестьянина прикрепляли к земле и определяли ему, кто его будет грабить, а кто нет. Сейчас в то же положение попадают бизнесмены, которых “братки” берут под “крышу”. Причем здесь налицо элементы раннего феодализма, характерной четой которого была раздробленность.

В наших условиях было бы весьма полезно получить сначала абсолютизм, потом отрубить голову старшему из паханов и построить буржуазное правовое государства, в котором крепостных предпринимателей уже нет, зато есть национальный капитал.

По данным Всемирного Банка только легальная экономика России, скрывающая свои доходы от налогообложения, производит 35 % ВВП (в конце 80-х годов — 4–6 %). Около 500 банков (из 2100) работают целевым образом на сокрытие доходов от налогообложения или на “отмывание” грязных денег. Ряд государственных металлургических монополистов умудрились только за 1994 год продать “налево” продукцию на сумму, превышающую 100 млн. долларов (СР 25.07.96).

Как говорят специалисты, 15 % всех кредитов (не только из государственного кармана) даются за взятки. За взятки можно поступить в МГУ, получить золотую медаль в школе или освобождение от службы в армии, установить на личный автомобиль госномера и проблесковый маячок, прекратить дело в суде или нотариально заверить незаконную сделку. Есть такса на все. Например за каждый год отсидки, скинутый от максимально возможного по соответствующей статье уголовного кодекса, положено уплатить 1 тыс. долларов.

Криминальные доходы только по наиболее крупным преступным синдикатам оцениваются за 1994 год в 2 трлн. рублей. Причем 30–50 % из этой суммы расходовалось на подкуп государственных чиновников. Это давало преступным группировкам возможность контролировать до 70 % выставляемых на продажу предприятий (“Правда” 07.02.96). В 1995, по расчетам специалистов, непосредственно в карманы коррупционеров попало не менее 600 млрд. рублей (АиФ, № 11, 1996). Растущие повсеместно дворцы “бедных” чиновников — свидетельство многократного превышения их расходов над официальными доходами.

А в Москве стреляют уже рядом со знаменитой Петровкой, 38.

Процент раскрываемости угонов автомобилей в Москве составил 4 %. Сто известных правоохранительным структурам преступных группировок действуют в столице почти безнаказанно. Из 74 заказных убийств 1996 года раскрыто только 4. Только в 1997 году было зафиксировано три заказных убийства директоров крупнейших рынков столицы (КП 20.10.97).

Наркотики, оружие, проституция дают такие прибыли, что они вообще не поддаются учету. Так, по самым скромным оценкам, в Москве постоянно работали около 100 фирм, предоставляющих “интимные услуги” с элементами мошенничества. Доход каждой из них составляет около 100 тыс. долларов в месяц. По оценкам к 2000 году в столице “работали” на улице около 70.000 проституток.

Осенью того же года в Москве шла жесточайшая арбузная война. Всюду арбузы стоили примерно вдвое больше, чем готовы были продавать свободные торговцы. Но Лужков позволил развязать в столице поножовщину, в результате чего в подворотнях нашли несколько трупов, а арбузы оказались недоступны по цене подавляющему большинству москвичей.

Криминальный мир (А.Краснов. Мысли вслух.)

Организованная преступность скрестилась у нас из двух течений. Первое — это “синяки” (в наколках) из лагерей, вторые — “качки” (спортсмены). Симбиоз превратился в движение. Его ветеранами являются Монгол, Япончик, Квантришвили — родоначальники организованного рэкета, сформировавшие систему “общаков”, действующую по аналогии с налоговой службой. Это система со своими правилами игры.

В силу специфики образования нашего уголовного мира, то, что у нас называется “организованной преступностью” — для Запада совершенно нетипично. Во всем мире организованная преступность занимается нелегальными видами деятельности: наркотики, проституция, торговля оружием. У нас все иначе.

У тех, кто провел немало дней в местах не столь отдаленных во времена застоя, сформировался свой “кодекс”. Согласно этому кодексу, наши уголовники проституцией заниматься не могут. Они не только не могут заниматься организацией этого “бизнеса”, но даже не могут получать деньги с сутенеров. Это бизнес этнических меньшинств и милиции. Мне известен случай, когда на стоянке большегрузных автомобилей милиция принуждала водителей брать проституток. Стучат палкой в окно: “Бери девку!” “Да не надо мне”. “Бери, кому говорят!”. Уголовникам “западло” заниматься таким делом.

У нас организованная преступность, как это не анекдотично, не занимается кражей машин. “Уголовные крыши” не дружат с угонщиками машин. Если у уголовного авторитета угонят дорогостоящую машину, то его люди, представляющие кто и как мог эту машину украсть, ловят угонщиков “на живца”. Примерно в том же районе ставят примерно такую же машину и “пасут” ее. Когда они ловят “клиента”, то лупят его нещадно, пока не заставят угонщиков вернуть машину и заплатить деньги “за беспокойство”.

Эти отношения с угонщиками похожи на прежнее отношение уголовников к конокрадам. Конокрады были презираемой кастой в преступном мире. Традиция презрения перекочевала в наши дни к угонщикам машин.

Наша организованная преступность не занимается наркотиками. Это удел обособленных кланов, члены которых не являются уважаемыми людьми в организованном преступном мире. Старые поколения преступников балуется наркотой, но перепродажей наркотиков — никогда.

То же касается убийств. В лагерях мокрушников традиционно боялись, но не уважали. “Вор в законе” с “мокротой” старался не связываться. И сейчас к мокрушникам обращаются только когда ситуация крайняя. Тогда используются бригады киллеров, которые не входят в состав уголовных формирований.

Наконец, обычная в остальном мире и особенно известная по Италии семейственность, в нашей организованной преступности не принята. Известные случаи — скорее экзотика.

Наша организованная преступность не собирается оставаться в тени нелегального образа жизни. Наши уголовники уже скупают бензоколонки, магазины, рестораны… Обороты у них уже приличные.

Уровень крупного “вора в законе” доходит до сотни миллионов долларов.

Если брать международную классификацию, то у нас средний спекулянт называется крупным банкиром. Можно даже обозначить единым термином воров в законе и банкиров — “бандир”. Это одни и те же люди с абсолютно идентичным менталитетом, с абсолютно идентичным окружением — служба безопасности рекрутируется из одних и тех же кругов.

Какие могут быть отличия между Смоленским, на которого еще не закрыты дела по хозяйственным преступлениям прежних лет, и вором “в законе”? Его преступления носили куда более серьезный характер, чем у известного московского авторитета Михася из солнцевской группировки, который был посажен на полтора года за то, что пытался получить страховку за якобы угнанный у него мотоцикл. Сравнивая Михася и Смоленского можно видеть — разговор в одной манере, люди вокруг одни и те же. Оба бандиты!

Все это безобразие происходило с участие государственных чиновников, которые сделали преступность одной из статей своих доходов. Как писал и.о. прокурора Москвы Ю.Синельщиков, “госструктурах в ряде мест создана разветвленная сеть поборов. Налицо и распределение ролей: одни определяют, от кого и сколько можно получить, другие подводят к тому, что нужно дать “на лапу”, намекая на неблагоприятные последствия, третьи получают наличные и делят их “по договоренности” с другими участниками сговора” (РФ № 8, 1996).

А вот привлечь к ответственности чиновников, участвующих в преступлениях, крайне тяжело: “Все напоминает существовавшую прежнюю систему, когда без согласия партийных органов мы не могли привлечь к ответственности кого-либо из крупных руководителей. Материалы расследования в отношении высокопоставленного лица обычно становятся известны подозреваемому. Кроме того, неизвестно какими “неведомыми” путями они попадают в печать, в телерадионовости. Именно публикации “вспугнули” Станкевича, и он срочно покинул Россию” (там же).

Что касается Станкевича, то его прегрешения — просто детская забава против того колоссального мздоимства, которое развернулось в недрах номенклатуры. При этом, по свидетельству того же

Ю.Синельщикова, выявляются лишь 1–2 % взяток (в 1994 в Москве выявлено 375 случаев, в 1995 — 337), а каждое пятое дело о взятке нашими ласковыми судьями просто прекращается.

*** * ***

Летом 1999 сотрудники МВД разыграли закладку взрывного устройства в ресторане торгового центра “Охотный ряд” на Манежной. Никто из милиции не обратил внимание ни на машину с дагестанскими номерами, ни на подозрительно ведущих себя ли с типично кавказской внешностью не реагировал. Если бы устройство было реальным, то оно разнесло бы ресторан в щепки, убив несколько десятков людей.

Аналогичная закладка была проведена в ресторане “Патио-пицца”. Обследование устройства московские милиционеры проводили с грубейшими нарушениями всех инструкций. Реальное устройство взорвалось бы у них в руках, уничтожив полсотни посетителей ресторана. (“Мир за неделю” № 4, 1999)

Московская милиция никак не отреагировала на этот тест. На это указывает хотя бы тот факт, участковый милиционер отчитался за проверку дома на Каширском шоссе. Потом дом взорвался. После этого МВД намеревался провести комплексную проверку московской милиции, которая не проводилась девять лет. Лужков лично сорвал эту проверку, обвиняя ее инициаторов в политических интригах. Сотни погибших в результате взрывов Лужков просто проигнорировал.

Нашествие монстров

Храм Христа Спасителя, мемориал на Поклонной горе, раскоп на Манеже, раскоряку на брегу Москвы-реки под видом Петра Первого и многое подобное объединяет автор — Международный центр дизайна Зураба Церетели, которому позволено уродовать столицу лишь потому, что его руководитель чем-то уж очень понравился Лужкову.

Церетели потряс Лужкова тем, что заменил ему Ильича. Ильич висел в Могорисполкоме на громадных полотнах повсюду. Когда пришло время “ильичей” убирать, стены некрасиво обнажились. Церетели вовремя подсуетился и закрыл зияющую пустоту своим панно. Лужков был покорен и отдал Москву на откуп “монументалисту”.

Тот начал с герба столицы, который был заказан Церетели почему-то в США за 80 миллионов рублей — сумасшедшие деньги по тем

временам (см. “Тореро в кресле мэра”). Похоже, это был ответный подарок.

Скандал начался с того, что большой друг Лужкова умудрился сделать из двух исторических персонажей — одного. Приделал к фигуре, подвешенной на парусах непонятного флота и облаченной в испанский костюм, голову Петра I, состряпал две копии и поставил одну в Москве на невероятном постаменте, другую — в испанской Севилье (подробнее см. публикацию в “Русская мысли”, ноябрь 1996, которую Доренко использовал против Лужкова в 1999 году).

Лужков с Церетели явно попал впросак. А всего лишь потому, что в Церетели Лужков увидел самого себя — “производительный человек”, “плодовитый художник” (АиФ, № 51, 1996). Обычно такие характеристики должны сопровождаться еще и определением “от роду — болван болваном”. Но коль скоро Лужкову с Церетели комфортно, то болванство не замечается, делится пополам.

“Уши” этой “дружбы” (а также дружбы жены Лужкова с дочерью Церетели) вылезают по всей Москве в образе архитектурных уродцев (“Итоги” № 1–2, 1997, “Столица” № 0, 1997). Даже если Лужков просто “работает” с архитекторами, высказывая свое мнение. Именно этим мнением Церетели и выигрывает всякого рода конкурсы по переобустройству столицы.

Если вернуться немного в историческое прошлое, то можно вспомнить, что Церетели стал известен в Москве своим “совковым” монументом в виде смеси русского и грузинского алфавита, облепившей фаллическую колонну. Это безобразие было названо “памятником первичному половому признаку”. Вторым пришествием Церетели была Поклонная гора, отданная ему в растерзание и на позор. Последняя история заслуживает отдельного разговора. Мы же лишь вкратце заметим ряд “достоинств” церетелизма, испоганившего святое место русской истории.

Пейзаж на Поклонной позволяет нам невооруженным взглядом видеть все пакости постсоветского стиля. Богиня Ника волей номенклатурного монументалиста оказалась надетой на трехгранный штык невероятного размера, запрещенный международными конвенциями. В окружении языческой богини каким-то образом оказались грубовато сработанные ангелы христианского происхождения. Сама богиня явно откуда-то срисована (например,

очень похожий, почти неотличимый прообраз есть в Севастополе). А у подножия обелиска скачет композиция с Георгием Победоносцем, скопированная один в один с композиции, находящейся у здания штаб-квартиры ООН (НГ, 24.01.96). Змей же под Георгием скорее похож на крупно порезанный батон колбасы.

Мы уж не станем ничего говорить о православном соборе, выстроенном на Поклонной горе и похожем больше на дом культуры. Как и о скульптуре “Домино” (такое имя ей дали народные ценители), изображающей колонну уродцев, в которых надо узнать мучеников концлагерей.

Добавим, что за Поклонную гору Лужков получил от Ельцина премию по литературе и искусству. 2000 солдат обеспечивали мэру эту премию в поте лица воплощая идиотский замысел лиц, лишенных вкуса. Литературой тут не пахло, значит премию вручили за особый тип искусства — “художество” саморекламы.

После Поклонной горы эстетствующее хулиганство было поставлено на широкую ногу. Устроив в погребном пространстве Манежной площади бронзовый зоопарк, по верху Церетели запланировал пустить вереницу русских царей числом почти до сотни. Вместе с Лужковым они решили буквально всю историю заплевать, смешать с монстрообразными животными. Но в последний момент ограничились фонтанами.

И все-таки главным циклом Церетели стал “колумбарий” — статуи Колумба невероятных размеров. Мало кому известен сюжет с дарением Клинтону 126-метровой статуи первооткрывателя Америки.

Президенту США Ельцин подарил маленькую копию, уведомив, что оригинал уже стоит в Майями. При этом российский президент произнес с маразматическим обаянием: “Товарищ Билл, это вам в дар”. Как писал журналист, “Утерлись и чудо света — родосский Колосс (который к тому же служил маяком), и Вавилонская башня. Достоин упоминания в Книге рекордов Гиннеса и тот факт, что этот дар преподнесла самой богатой стране мира нищая Россия” (“Столица” № 0, 1997).

В московском зоопарке, как пишут журналисты, Церетели “соорудил крупную бронзовую композицию “Древо сказок”, представляющую собой ассорти из крокодилов, бегемотов, избушек на

курьих ножках, черепов и грибов-поганок приблизительной общей стоимостью в 60 миллиардов рублей".

Потом состоялся апофеоз — пугающий размерами Петр I, размещенный над Москвой-рекой напротив Храма Христа Спасителя. Стоимость бронзового истукана высотой в 70 метров оценивается в 15–20 миллионов долларов. Виза Ельцина на проекте памятника Петру появилась еще до его представления на художественный совет и прочих согласований.

"Помесь останкинской телебашни с камерой хранения забытых вещей на Казанском вокзале столицы". "Все это вместе похоже на знаменитую фигуру сеятеля облигаций госзайма, стоящего в небольшом тазу, переполненном чемоданами" (в чемоданах надо было угадывать фрагменты Санкт-Петербурга, появившиеся на палубе, попираемой пучеглазым монументом). "В нашем городе давно уже подобным размахом не строили убожеств такого многометрового уровня".

Один архитектурный академиков сказал, что готов собственными руками взорвать петрообразного монстра Церетели. Другой — что церетелевский Петр отражает нашествие игрушек-трансформеров и является самой крупной из них. Потом еще выяснилось, что Петр Ужасный занял место, которое предназначалось для действительно великого искусства — для скульптуры Мухиной "Рабочий и колхозница".

Накануне Нового 1997 года МТК устроило целый телемарафон, который весь был посвящен апологии Церетели и его циклопических уродцев. В этой и ряде предшествующих специализированных передач особое участие принимал ближний боярин Лужкова В.Ресин, славивший "церетелизацию" Москвы.

Монстров Церетели околокультурный бомонд, рассчитывающий на материальную поддержку от Лужкова, сравнивал с Эйфелевой башней, что пугала парижан, потом к ней притерпевшихся. Мол, "стерпится — слюбится", "не мешайте мастеру" и т. п. Кто-то из лизоблюдов подсказал Лужкову определение творчества Церетели — Микеланджело наших дней! Между тем, Церетели — абсолютно косноязычный человек, не умеющий даже грамотно изъясняться по-русски. Он бравирует своими встречами с Пикассо (мол, перенял его почерк), Сикейросом (вероятно, от него получил навыки

монументалистики), Сальвадором Дали (научился тревожиться в ситуации, когда его перестали ругать).

Чтобы как-то оправдать церетелевские угробища, вероятно по наущению Лужкова, журналюги вцепились в скульптора Клыкова. Сначала сослали его памятник Николаю II на свалку в село Тайнинское (где потом он был взорван ублюдками-красноармейцами), потом стали склонять на все лады не Бог весть какую, но все-таки классическую, скульптуру маршала Жукова. Коль Церетели велик, то не только Клыков плох, но и Жуков, оказывается, не так славен.

Впрочем, Лужкову за церетелизм тоже досталось немало оплеух. Поделки, ставшие отличительной чертой номенклатурного разорения Москвы, журналисты метко назвали "гипербижутерией". Подарить их Москве могли только совместные усилия прохвоста и безумца.

Возглавил борьбу с Петром-трансформером некий Марат Гельман, известный своей скандальной галереей, где была зарезана свинья, символизирующая, по мысли организаторов казни, Россию. Позднее в галерее творились всякие безобразия. То прирежут барана, безропотно служившего частью "инсталляции", то порнографическую выставку фальшивого компромата на известных политиков организуют.

Последнее — особая история в политике. Гельман вставил физиономии известных политиков на место голов секс-моделей, позирующих в самых непристойных позах и вывесил эту похабень для истекающей слюнями публики. И никто из политиков морду хаму не набил, даже угрюмый и страшный генерал Лебедь.

Так вот, именно такой "борец за идею" вдруг начал кампанию против церетелевских уродцев. К чему бы это? С течением времени стало ясно, что эта кампания позволяет нажить немалый политический капитал. Дали деньги, чтобы содержать целый журнал, дали деньги на "Русский институт" (какой он, к чертям, русский!), а потом удалось договориться и с Лужковым. Трансформер Петя остался на своем месте.

Памятники идиотизму власти (А.Краснов. Мысли вслух.)

Церетели видит мир так, как он видит. Например, что Петр и Колумб отличаются только головой. Это его личная точка зрения. В остальном он очень продуктивный творец — выдает на гора один монумент за другим. Его задача предлагать свое искусство всюду и интриговать, чтобы получать заказы.

Вопрос возникает к Юрию Михайловичу, который так охотно эти заказы делает, по существу руководствуясь лишь своими соображениями о вкусе. Личные пристрастия, подогреваемые возможностями городской казны, выливаются в столпотворение монументов Церетели в столице. Мэр, переоценивая свои способности понимать что-то в искусстве, навязывает нам за наши же деньги свой вкус.

Церетели тут ни при чем. Вместо него мог быть другой. Ругать Церетели бессмысленно. Слушать Шилова, который получил от мэрии галерею, и теперь хвалит все, что построил в Москве любимец Лужкова, тоже бессмысленно. Все вопросы — к Лужкову.

Речь идет о расходовании бюджетных средств. Есть строка в бюджете на монументальное искусство? Есть утвержденная конкурсная комиссия?

Единолично решения, всерьез изменяющие облик столицы, приниматься не должны. Так же, как не должен был Попов единолично принимать решение о снятии памятника Дзержинскому. У меня тоже нет симпатии к Дзержинскому, но я не взялся бы калечить архитектурно выверенные площади столицы. Тем более, что памятник — живая история, да и стоял на своем месте. Это напоминание о годах репрессий.

Воевать с истуканами (работы Вучетича или Церетели) — занятие недостойное. Иной подойдет к истукану, как плюнет ему в лицо, пнул его, кирпичом кинут — такая сволота был твой прообраз! Или с мумией Ленина воюют. Раньше все ленинистами были, поклонялись мумии всенародно, а теперь вдруг готовы мумию растерзать.

Церетелевского Петра сносить не стоит — затраты слишком велики. Пусть останется памятник идиотизму того времени, когда мэром был Юрий Михайлович. В этом памятнике — его черты. Как и в “мухе не игле” на Поклонной горе, как и в “дереве сказок” в зоопарке, как и в перекошенных зверях на Манеже. Это памятники бездарности номенклатуры — такая была безвкусица.

Пусть Петр постоит, коль скоро москвичи избрали этого мэра. Приезжие тоже пусть смотрят и понимают, что если Лужков станет президентом, то всю страну застроят такими истуканами — вроде бесчисленных “ильичей”. Вместо “ильичей” будут “колумбы” — только головы разные. Каждый субъект федерации получит по своему

“дереву сказок” с пучеглазыми уродцами, каждая столица — “член”, исписанный русско-грузинским алфавитом.

Автомобильные воры и порядочные сенаторы

Когда-то, во времена исторического материализма, абсолютное большинство жителей страны лишь мечтало о приобретении собственного автомобиля, пользуясь преимущественно коммунальным транспортом, считало своими лишь деньги, получаемые в форме зарплаты, плохо понимая, что из себя представляют общественные фонды потребления, и практически не сталкивалось с налоговыми платежами. Налоги для массового сознания представляли собой вещь в себе.

Теперь положение резко изменилось. Автомобилей в личной собственности более чем достаточно. Общественные фонды отменены, а их активы исчезли в жерновах приватизации. Заработная плата, если она выплачивается, для лиц наемного труда превратилась в единственный источник существования. Государство, которое в прошлом прекрасно обходилось без налогов, получая доход от национального имущества, теперь, не имея иных источников, лишь за их счет и живет, точнее говоря — прозябает.

Поскольку автомобиль является вещью, которую невозможно скрыть — транспортным средством, подлежащим индивидуальному учету в органах МВД, он также представляет собой материальное свидетельство благополучного имущественного положения владельца, что в современных условиях превращается в неиссякаемый фискальный источник. Владелец автомобиля должен платить нескончаемое количество прямых и косвенных налогов, по сути дела являясь основным налогоплательщиком страны. Налоговое бремя автомобилиста — сага, некоторые страницы которой мы еще сможем описать. Но она бесконечна, словно Садовое кольцо или МКАД.

Привычки если и не любить, то хотя бы уважать налогоплательщика, русское чиновничество так и не приобрело. Оно по обыкновению рассматривает сограждан в качестве подданных, существующих не иначе как по воле начальства. А раз степень правоспособности граждан предопределяется в РФ мерой дееспособности, которой реально обладает ее бюрократическая каста, то гражданин РФ оказывается величиной бесконечно малой и

безусловно страдательной. Его преимущественно стригут, словно романовскую овцу.

Одним из способов извлечения “золотого руна” для бездонной бочки, именуемой казной, стал налог на перепродажу автомобилей. Обычно он взимается в размере 10 процентов суммы сделки. Формально его должен оплатить продавец, фактически — все зависит от того, как он договорится с покупателем. Хотя, как правило, средства на уплату этого налога приходится платить покупателю. Но дело не в этом.

Уплачивая налог на перепродажу автомобилей, ни продавец, ни покупатель даже не подозревают, что им морочат голову, и что этот налог на ту форму сделки, которую они заключили, вовсе не распространяется. Платить его они не обязаны. Указанный налог относится не к сделкам купли-продажи автомобилей, что имеет место в действительности, а на их перепродажу. Что же касается договора купли-продажи автомобилей, то он не подлежит налогообложению.

Чтобы не перепутать перепродажу автомашины с ее продажей, достаточно одного здравого смысла. Ясно, что предмет и той и другой сделки — автомобиль. Их результат один и тот же — в качестве собственности автомобиль переходит от продавца к покупателю. В сделке купли-продажи и перепродажи цель покупателя неизменна — он обменивает деньги на конкретную материальную вещь, становится ее собственником. При этом не имеет значения, приобретает покупатель автомобиль для эксплуатации в качестве транспортного средства, музейного экспоната, еще не разобранных запасных частей или для последующей продажи третьим лицам.

Различие между этими формами сделок в другом. В данном случае все дело в продавце, в том, что называется субъективной стороной, которая выражается в том, что стремится продавец извлечь из сделки. Если продавец автомобиля, являясь его собственником, не эксплуатировал автомобиль, если, покупая его в свое время, он преследовал цель его продать по более дорогой цене третьему лицу, иначе говоря, если цель, преследуемая при первоначальной покупки — продажа, то автомобиль действительно перепродается. Перепродажа совершается и тогда, когда ей после покупки предшествовало простое перемещение автомобиля в пространстве, например, из Находки в Хабаровск и даже в Москву, где его и приобретают. Если же эти цели в

момент первой покупки продавцом не преследовались, то в случае продажи им машины имеет место не ее перепродажа, а обычная купля-продажа. Значит, в первом случае продавец должен платить налог, во втором — нет.

Таким образом, налог на перепродажу подлежит уплате тогда, когда деньги приобретаются продавцом не от обычной, а от спекулятивной сделки. Субъект данного налога, лицо, которое его должно уплачивать, — автомобильный перекупщик, а не добросовестный автовладелец. Первый покупал автомобиль для продажи, второй, купив в свое время автомобиль, использовал его по прямому потребительскому назначению, во всяком случае не преследуя цели перепродажи.

Однако власти Москвы, как, возможно, и других городов, делают вид, что они не понимают этой простой сущности налога на перепродажу автомобиля. Они, преследуя свой меркантильный интерес, налагают дань на всех скопом, не разбирая, где спекулянт, а где обычный продавец, где перепродажа, а где — продажа.

Спекуляция, как известно, после того как в России были осуществлены известные реформы экономических отношений и внесены изменения в законодательство, больше не носят официально антисоциального характера и не считаются преступлением. Спекулянт теперь не преступник, а добродетельный член общества. Однако, исключив спекуляцию из разряда преступлений, закон установил особый налог на один из видов спекулятивного дохода. Таким образом, сам по себе закон имеет под собой экономическую почву. Противозаконной является практика его применения.

Итак, займемся практикой. Весьма распространенная газета бесплатных объявлений “Из рук в руки” переполнена предложениями о продажи машин. Их десятки тысяч. И каждое такое объявление касается не партий, а всего лишь одного автомобиля. Следовательно, за такими объявлениями не стоят перекупщики. Машины продаются добросовестными владельцами. Но за каждым таким объявлением скрывается противозаконный, ничем не обусловленный побор, принудительное отчисление десятины. В противном случае сделку просто-напросто не оформят нотариусы, а без нотариальных записей машину не зарегистрируют в ГАИ.

Но насколько серьезна цена вопроса? Какова общая сумма налога, поступающая в московскую городскую казну? В 1995 году 11, в 1996 — 21 млрд. руб. Исходя из того, что размер данного налога является (на взгляд авторов — незаконно) десятой частью всех сделок по купли-продаже машин в Москве, это должно означать, что официальная сумма сделок по “перепродаже” машин равнялась в 1996 году лишь 210 млрд. руб.

Позволим себе усомниться в достоверности этих цифр. Если принять среднюю цену подержанной автомашины в 3000 долларов (что, разумеется, является весьма заниженной величиной), то при обменном курсе рубля в 1995 году 5500 руб. за один доллар общее количество проданных таким образом машин будет равно — 1273 единицам. Но так как автомашин в столице примерно 2 200 000 шт. и не менее пяти-десяти процентов из них ежегодно переходит от одного владельца к другому, официальная статистика приводит явно заниженные данные.

Если наши расчеты верны, то в условную рубрику “перепродаж” должно попадать не 1200–1300 “перепроданных” машин, а от 100 до 200 тыс. в год. При этом размер собираемого (разумеется незаконно) налога на “перепродажи” должна составить от 165 до 330 млрд. руб. Разница между официальными и экспертными данными, как мы видим, составляет от 145 до 290 млрд. руб. Что этот сон должен означать?

Возможно, собираемые с “перепродаж” деньги разворовываются, не доходя до городской казны. Но обвиняемых нет. Возможно, часть сделок совершается без надлежащего оформления, но тогда имеет место разгул взяточничества в органах, которые переоформляют и перерегистрирует автовладельцев. И тут обвиняемых нет.

Возможно, большая часть сделок купли-продажи, чтобы избежать уплаты абсурдного налога, оформляется иным способом — например, путем составления продавцом генеральных доверенностей покупателю с правом последующей продажи. Но тогда все бремя ответственности за подобные фальшивые, мнимые сделки должна нести сама власть.

Если, требуя уплаты денег в виде налога, власть обманывает налогоплательщиков, то можно ли обвинять население, когда оно обманывает власть? Печально другое — массовое нарушение законов, становясь нормой жизни, превращает в мошенников и обманщиков

всех граждан. Мы обманываем, потому что власть состоит из обманщиков. Мы воруем, потому что власть обкрадывает нас самих. Так как власть закрывает глаза на то, что мы ее обманываем, закроем и мы глаза на то, что чиновник обманывает нас.

Как бы опасны ни были преступления, совершаемые по службе чиновником, нет ничего гнуснее со стороны власти, как принуждать граждан становится бесчестными. Так создается питательная среда для круговой поруки, в которой процветает и поощряется одна лишь безнаказанность и безответственность.

Когда-то Марк Твен сказал фразу, вошедшую в собрание политических парадоксов. “Если вы стащите булку, вас засадят в тюрьму. Если вы украдете железную дорогу, вас сделают сенатором”. В Москве ежегодно крадется не менее 10.000 автомашин. Если вор, укравший машину, попадается в руки правосудия, его ждет тюрьма. Но здесь же ежегодно под видом одного только налога на перепродажу автомобилей изымается сумма денег, эквивалентная чуть ли не 15.000 автомобилей! Чиновники, которые занимаются этим изъятием, считаются выдающимися хозяйственниками, с которых призывают брать пример по всей Руси великой. И представьте себе — берут. Да еще как берут!

Если общественный закон, открытый знаменитым американским сатириком, соответствует действительности в нашем благословенном отечестве, не составляет труда сделать вывод, кому достаются сенаторские кресла.

Выкрутасы номенклатурных "патриотов"

В 1995–1996 году номенклатурные деятели начали постепенно привыкать к тому, что надо как-то объяснять свое поведение, декларируя заботу о благе страны.

Пример деятельности номенклатурных “патриотов”, который мы хотели бы привести, связан с теми ямами, что изрыт центр Москвы. Перенесенная на Манеж яма из-под Храма Христа Спасителя стала удобным местом для того, чтобы к знаменательной дате 50-летия Победы над фашизмом установить на ее краю памятник маршалу Жукову, который должен был смотреть в чудовищный раскоп.

Торжества по празднованию 50-летия должны были обойтись в 500 млрд. рублей. Денег на это из казны не дали. Но тогда откуда их черпнули? Ведь на спешное строительство комплекса с фаллическим

символом на Поклонной горе было затрачено что-то около половины городского бюджета. Программа праздника общенационального значения была оплачена из кармана москвичей на 80 % (“Сегодня” 07.08.94). Тратили в расчете на компенсации из федерального бюджета, которые поступили не так быстро, как это планировалось. В результате целые отрасли городского хозяйства месяцами сидели без зарплаты.

Из неофициальных источников доходят слухи, что бюджетные растраты коснулись тех служб, которые отвечали за подготовку отопительной системы к зиме. Рядовые работники заволновались. Некоторые начальники решили их поддержать. В результате последних Лужков замучил непрерывными проверками, блокировав и те средства, которые были на счетах. Экономический протест был подавлен в зародыше. Пострадавшие служили полуживым примером для остальных.

Еще небольшой примерчик. Только к праздничку обнаружили, что московские магазины “Ветеран” давно превратились в обычные торговые точки. Сделали вид, что начали исправлять дело, да праздники прошли, и все пошло прежним образом.

В канун 50-летия Победы Лужков решил наделить жильем ветеранские семьи, коих в Москве насчитывалось около 5800. В центральном округе очередников на получение жилья вообще отстранили и предложили квартиры только ветеранам (“Сегодня”, 15.02.95). Неумная политика тем самым столкнула разные социальные слои.

Очень уж винить Лужкова в безобразном отношении к ветеранам и героической истории нашей Родины вряд ли возможно. Это отношение насаждает ельцинизм, его дух и смысл, а Лужков — лишь послушный исполнитель. Опошление нашей Победы — вот стиль ельцинистов.

Приведем лишь один пример появления на отечественном телеэкране фильма “Я — русский солдат” — бездарной поделки, подделки под правду. Быть может, этот фильм можно было бы рассматривать в качестве контраста действительно замечательным фильмам, снятым в прошлые годы. Но тут выявилось и другое — переполненный фальшивыми кровавыми сценами фильм несколько раз

перемежался рекламой с благостными физиономиями, предлагавшими зрителям гигиенические средства. Это вполне демократически.

Так же демократически понимает Лужков свою принадлежность к русским патриотам. В свое время московский мэр выступил с гневным осуждением антирусской политики прибалтийских республик. Но уже летом 1994 года он отправляется в Вильнюс для подписания договора об экономическом и торговом сотрудничестве, оказывая русофобской власти большую услугу, ибо таможенные пошлины делали продукцию экономики Литвы неконкурентоспособной (РВ 12.08.94).

Лужкова принято считать патриотом только потому, что он оказывал помощь Черноморскому Флоту и требовал возвращения Севастополя России. Но, как известно, толку от всего этого было — чуть. Только растравливались украинские шовинисты. Ельцин не раз объявлял, что Севастополь — территория Украины, а Лужков не раз объявлял о безусловной поддержке Ельцина. Когда Лужков попытался предотвратить ратификацию договора с Украиной, то своим провалом он нанес особый вред. До вмешательства Лужкова Договор можно было трактовать как угодно, после провала миссии Лужкова Совет Федерации, ратифицируя Договор, фактически дал ему трактовку: Россия на Севастополь не претендует.

Наконец, приведем еще один факт.

Пока друг Лужкова Церетели заполонял Москву своим псевдоискусством, настоящие культурные ценности уплывали за рубеж. Способствовало этому не только Министерство культуры, создавшее Комиссию по реституции и намеренное раздать трофеи Второй мировой войны всем, кто настойчиво попросит. Став членом Совета Федерации Лужков поспособствовал щедрости министерства, выступив одним из инициаторов отклонения Закона “О культурных ценностях, перемещенный в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации”.

Депутаты Госдумы обвинили Лужкова и ряд других деятелей СФ в том, что они защищают интересы фашистской Германии. По нашему мнению, Лужков и его соратники защищают интересы тех, кто грабит Россию сегодня и продолжает дело тех, кто разорял ее вчера. В этом смысле Совет Федерации и лично Ю.М. продолжили дело фашистской Германии, как продолжили ее Ельцин с компанией в Беловежской пуще.

Через полгода Лужков все-таки одумался (у него, как у динозавра, нервный импульс проходит до головы очень долго) и даже стал инициатором принятия Закона. Он взобрался на трибуну и сказал что-то вроде: “Сейчас мы будем голосовать поименно и посмотрим, кто из нас патриот России”. Патриотами оказались все поголовно. Жаль только, что с такими “патриотами” от России скоро ничего не останется. Тем более, что Ельцин заблокировал введение закона в действие, отправив его на длительное рассмотрение Конституционным судом.

29 декабря 1997 года, выступая в Финансовой академии при правительстве РФ, Лужков объявил “национальной трагедией и позором, когда цели экономической политики России формируются за рубежом”, когда “Альберт Гор и Мишель Комдессю могут позволить или поругать российского премьера Виктора Черномырдина за то или иное решение”. Позвольте, а что же Лужков молчал все это время, когда положение еще можно было изменить? Может быть он осознал свои ошибки в поддержке того бесстыдного режима, что разворовывал и по дешевке расторговывал национальное достояние, авторитет России? Нет, Лужков был и остается плотью от плоти этого режима, а его фронда лжива от первого до последнего слова.

В упомянутом выступлении Лужков вновь вернулся к тому, о чем говорил три года назад — к задаче обеспечения перетока финансов из паразитического сектора экономики в производственный. Но за эти три года для решения этой задачи Лужков не сделал ровным счетом ничего даже на подведомственной ему территории, не выдвинул ни одного мало-мальски проработанного предложения по изменению правительственного курса.

Даже слова Лужкова о своих оппонентах (“Чубайс был автором преступной приватизации, а Березовский — ее пользователем”) выглядят фальшиво, если учесть, что плодами этой приватизации Лужков и сам воспользовался. По крайней мере, он не сделал ничего, чтобы остановить это безобразие. Он сознательно оставил в Москве островок стабильности, чтобы поживиться за счет остальной страны. Москва сама стала паразитическим образованием на теле страдающей от чубайсовщины России.

Как беспрецедентное было расценено многими участие Лужкова в митингах против преследования русских в Литве. Правда, до сих пор

он этих преследований не замечал, как не видел чудовищного геноцида русского населения в других прибалтийских странах, в Казахстане и на территории России — в так называемых “титульных” республиках. О том, насколько далек Лужков от проблем русских, говорит хотя бы тот факт, что именно в Москве начался эксперимент по вкручиванию в мозги подрастающего поколения совершенно превратных представлений о межэтнических отношениях. В школах столицы была развернута целая программа обучения “многонациональности”. Кроме того, в Москве появились 17 (а потом и более — несколько десятков) национально-культурных центров, среди которых не было ни одного русского (годами не регистрировали культурную автономию, учрежденную по закону). Были приняты законы о финансировании землячеств инородцев из городского бюджета и бюджета административных округов, они получали в собственность жилищный фонд и земельные участки, налоговые льготы по сборам и кредитам. Русские организации не получили ничего.

Вот еще одна история, характеризующая, как нельзя точнее, московские власти.

В сентябре 1997 Лужкову было вручено заявление известных деятелей культуры и священнослужителей с требованием убрать из метро рекламу “безопасного секса”. Пакость, действительно, из метро временно убрали. Но потом все постепенно вернулось на круги своя.

Сцены разврата на рекламных щитах столицы можно видеть повсюду. Их воздействие дополняется юношеским журналом “Ровесник” и детскими журналами “COOL”, “COOL-GIRL” или же хамскими поделками типа журнала “Вот так!” с голой задницей на обложке. В такого рода изданиях постоянно появлялись “письма читателей” со скабрезными подробностями, опытами половых извращений и советами как “стопроцентно обеспечить оргазм”. Лужковские прокуроры и следователи с легкостью покрывали извращенцев, нагло попирая право граждан на защиту от извращенцев и развратников (см. публикацию на эту тему в “Русском вестнике” № 1–2, 2000).

22 апреля 1998 по инициативе общественного комитета “За нравственное возрождение Отечества” группа православных священников провела акцию протеста против засилья на улицах

Москвы рекламы, развращающей юношество. Их особое возмущение вызвали щиты, на которых фирма “Органон” рекламировала оральную контрацепцию. Грязная сцена разврата (женщина в откровенной позе лежащая на мужчине) сопровождалась циничной подписью “Секрет ее уверенности…” и “Беременность не наступит”. В непосредственном соседстве со щитами развевались транспаранты: “С праздником Святой Пасхи, дорогие москвичи!”, “Христос Воскресе!”…

Священники и сопровождающие их верующие, вооружившись лестницами и масляными красками, подъезжали к щитам, на которых делали одну надпись “Лужков, ты мэр Содома?”. Москвичи активно поддерживали действия священников, не препятствовали им и стражи порядка. Из нескольких групп, занятых в акции, милиция задержала лишь одну. Правоохранительными органами центрального административного округа Москвы против участников акции было возбуждено уголовное дело по ст. 214 “Вандализм” — “обезображивание внешнего вида сооружения, неприемлемое общественной нравственностью, нанесение непристойных рисунков и подписей”. Столичные развратники поставили дело так, чтобы всякий раз обвинять в разврате тех, кого тошнит от окружающих пакостей.

За всю номенклатуру из американской тюрьмы высказался уголовник Вячеслав Иваньков-Япончик: “Вся моя жизнь — социальный протест коммунистической чуме”. Они так думают, заражая нас своей чумой.

*** * ***

Чтобы прослыть патриотом, Лужкову пришлось заниматься воровством идей. Он, мня себя не только лидером, но и идеологом движения “Отечество”, опубликовал в “Независимой газете” свою программную статью о поддержке зарубежных соотечественников под названием “Куликово поле современной России”.

Данная статья, практически полностью представляет собой плагиат, составленный на основе материалов Международного конгресса русских общин, переданных Юрию Михайловичу и его помощникам в период, когда КРО еще состоял в “Отечестве”. Буквально все программные установки переписаны — требование принять закон “О разделенной нации”, поддержать общинный характер переселения беженцев и вынужденных переселенцев, поставить экономические отношения с соседями в зависимость от

отношения к российским соотечественникам, ввести “налог солидарности” и т. п.

Дело доходит до полного тождества некоторых оборотов, переписанных из программных документов КРО и МКРО. Даже название статьи переползло на газетную полосу из Манифеста КРО 1996 года, где сказано “?inney?aao io ian aaeinoaa ia iiaii Eoeeeiaii iiea — iiea iaoaai aooa”. Лужков пишет попроще: “Для России это своего рода второе Куликово поле, где политические распри неуместны”.

Лужков отнесся к подготовленному для него тексту настолько невнимательно и некритично, что не заметил, что подмахнул материал, в котором предлагается создать (точнее — “подумать о создании”) международного конгресса российских общин. Это при наличии действующего более шести лет Международного конгресса русских общин, о существовании которого он был прекрасно осведомлен!

Игнорирование существования организаций соотечественников — мелкая месть Юрия Михайловича за проявленную к нему нелояльность после того, как “Отечество” пошло на поводу у “Всей России”, составленной преимущественно из тех, кто готов обеспечить нам появление новых территорий, выпавших из России и населенных миллионами соотечественников.

Лужков пытался привлечь симпатии соотечественников прямым самоотчетом о своей деятельности. И что же мы видим? Глава десятимиллионного города, в котором сконцентрированы практически все “ликвидные фонды” страны, пишет о нескольких тысячах учебников для зарубежных русских, полутора тоннах медикаментов, 20 обласканных студентах МГУ из “ближнего зарубежья” и сотне “стипендий мэра Москвы” для прибалтийских студентов-соотечественников. И это все. Список исчерпан.

Впрочем, есть еще один пункт в отчете Лужкова о проделанной работе. Скорее всего, более подходящий для реализации планов шаймиевской “Всей России” по превращению русской столицы в новый Вавилон. Речь идет о насыщении Москвы культурными центрами различных национальностей. Это можно было бы признать благой целью, если бы в Москве угадывались признаки русской цивилизации и власти заботились о сохранении ее традиций. Но пока налицо полное разорение — в области архитектуры, образования и науки, культурной жизни…

В этой связи симптоматично, что в программе блока “Отечество — Вся Россия” не было ни слова о русских, а проблемы соотечественников были затронуты только в обещании принять закон об их государственной поддержке. (Забегая вперед, скажем, что не приняли и даже не пытались прнять). Куда же смотрел Юрий Михайлович? Ведь тут забывчивостью не отговоришься — эксперты КРО в свое время вставляли в программу “Отечества” целый раздел, посвященный соотечественникам. Кто же его выкинул при составлении программы ОВР? Не сам ли московский мэр?

Призывая сплотиться на “втором Куликовом поле”, Лужков забыл, что на “первом” Куликовом поле было две стороны. И сейчас — либо ты под флагами Дмитрий Донского, либо в стане Мамая. Юрий Михайлович разместил “центристский” отряд московской номенклатуры где-то посередине, лицемерно взывая к противоборствующим сторонам и проповедуя плюрализм.

*** * ***

Лужков, играя несколько партий одновременно, ухитрился в 1998–1999 оказаться союзником радикалов в так называемых “внешних сношениях” (по вопросу о Севастополе и Договоре с Украиной) и одновременно вступить с ними в состояние гражданской войны, возглавив поход против русского национального единства под видом борьбы с “Русским национальным единством” г-на Баркашова. Столь противоречивые и совершенно нелогичные на первый взгляд действия московского градоначальника станут понятнее, если мы обратимся к его политической стратегии, связанной с завершением периода “ельцинизма” в истории России и наступлением очередного витка борьбы за обладание Кремлём.

Мэр Москвы, единственного финансово-политического центра страны, если и не по собственной воле, то по воле своего ближайшего окружения, должен был принять в ней самое активное участие. Если Кремль оказался бы под контролем группировки, настроенной недоброжелательно к тому, что представляет собой в действительности г-н Лужков, не поздоровилось бы ни ему, ни тем, кто всё время “ельцинизма” делал гешефты под его покровительством и при его непосредственном участии. Их с неизбежностью ждали судебные процессы и обвинительные приговоры по самым тягчайшим преступлениям. (И до этого почти дошло. Но Путин предпочел

ограничиться лишь малыми жертвами и пойти с Лужкоым на мировую.)

Потому, когда мэр Москвы делал какие-либо решительные заявления, а тем более — когда он от слов переходил к конкретным действиям, надо было стараться увидеть за ними либо оперативные маневры, либо дипломатические ходы, направленные к достижению конечной цели.

Не случайно во время президентских выборов и выборов мэра Лужков и Ельцин в 1996 году заключили между собой прочный союз. Прежде всего были совмещены даты выборов и Ельцина, и Лужкова. Они образуют тандем. Десятки тысяч плакатов, появившихся в Москве, на которых кандидаты на руководящие должности были изображены в дружеском рукопожатии и с надписью “Москва свой выбор сделала” вряд ли будут позабыты. Фактически ни кто иной, как Лужков сделал Ельцина — больного, физически и морально разложившегося старика, готового на любую сделку с врагами России, главой государства, призвав многомиллионную московскую чернь голосовать за “гаранта демократии и реформ”. Призыв не мог не быть услышан: нищий плебс весьма чувствителен к призывам, сопровождаемым денежными подачками.

Теперь настали иные времена. Изображать из себя главу государства и дальше г-н Ельцин возможности уже не имел. Его физическое существование прямо зависело от того, какое указание имеют пользующие его доктора. Что же касается самой власти, то при морально и физически разложившемся человеке, изображающем ее главу, власть с неизбежностью оказывалась в руках авантюристов, великосветских мошенников, родствеников-казнокрадов. Те, кто сделал стремительную карьеру и баснословное состояние на ельцинизме, кровно были заинтересованы в том, чтобы вне зависимости от того, как повернутся дела, ельцинизм продолжался и после Ельцина.

Московский мэр среди столичных влиятельных политиков является самым последовательным ельцинистом. Другие претенденты на власть, такие как Чубайс, разумеется более последовательны и принципиальны в реализации курса ельцинизма. Но у Чубайса и его соратников, нет никакой избирательной перспективы. Значит гарантом продолжения ельцинизма становился именно Лужков, вокруг фигуры

которого должна была развернуться основная интрига. И даже поражение Лужкова означало лишь одно — его усилиями к жизни была вызвана фигура, которой не пришлось доказывать свою лояльность ельцинизму. Зато и Лужкову, и преемнику Ельцина надо было сложить иной “имидж”, которые не напоминал бы о ельцинизме столь уж прямо и непосредственно. Лужков, настоящий фаворит фракции “либералов” и “реформаторов”, должен был предпринять фантастические усилия, чтобы передернуть карты — содрать с себя маску “выдающегося хозяйственника”, заботящегося о Москве, и заменить её маской “патриота”, болеющего за Россию.

Патриотизм, как хорошо известно, последнее прибежище негодяев. (Именно последнее! Для прочих людей — первое или второе.) Политика ельцинизма, приведшая Россию к катастрофе, уничтожившая все средства её развития и защиты, экономику, армию, культуру, уже не может, используя либерально-рыночную риторику, участвовать в политических выборах. Риторика, но конечно же не политика, должна была обязательно измениться. Одну форму лицемерия режим должен был сменить другой формой. Но всё того же лицемерия. Слова, слова, слова, они должны были стать другими — патетическими и привлекательными для простодушных сограждан, изнывавших под гнетом ельцинизма.

В публичной политике, имеющей дело с безмозглой, тупой, малограмотной и жадной человеческой массой, основным капиталом является пропаганда. Не на политической арене, а прежде всего в мире слов надо одерживать победы, устраняя всех потенциальных конкурентов. Место свободного рынка и рыночной свободы в повседневной риторике мэра заняли “Россия”, “статус Севастополя”, “национальные интересы”. Г-н Лужков весьма старательный ученик — решившись на президентский поход под лозунгами “патриотизма”, учился без презрения произносить слово “русские”.

В Москве быть русским и патриотам предосудительно, но в провинции, чтобы иметь популярность, приходится осваивать слова, неуместные в Москве. Чтобы стать в столице России хоть чем-то, требуется, наоборот, продемонстрировать своё презрение к “этой стране”, чем г-н Лужков занимается методично и последовательно всё время своего нахождения на должности градоначальника.

Стараниями городской администрации, которую трудно заподозрить в бескорыстии, больше половины населения Москвы, в недавнем прошлом русского города, — не русские. Здесь, согласно экспертным оценкам, так как статистики больше нет, уже более одного миллиона азербайджанцев, более двух миллионов евреев, примерно два миллиона татар, миллион армян, полмиллиона корейцев, триста тысяч китайцев. Цифры могут поменяться, но стратегию, которую проводит режим, изменить невозможно. В течение срока правления Лужкова, между 1990 и 1999 годами, русские в Москве превратились не только в этническое меньшинство, но и в объект беспощадной эксплуатации и поборов, в русскую бедноту…

Сущность политики ярче всего проявляется в кадровых назначениях. Какой бы ни были те или иные доклады, заявления, интервью, всегда и везде — “короля играет свита”. Кто входит в ближний круг г-на Лужкова? Его внешнеполитическими делами заведовал “поляк” Ястржембский, ещё недавно верный толмач кремлёвского сидельца. Внешнеэкономическими связи были в руках грузина Орджоникидзе, в частности лоббировавшего клан Шеварднадзе. Мелким и средним бизнесом ведал еврей Иоффе. Строительный комплекс, через который ежегодно перетекали миллиарды долларов, — вотчина еврея Ресина. Московские банки, а это около 80 процентов всех денежных потоков страны — были под контролем еврея Шора. Прессой столицы заведовал кореец Цой. Префект центра Москвы — еврей Музыкантский. У мэра было также три штатных советника — евреи Шнейдер, Норкин и Перелыгин, занятие которых являлось тайной за семью печатями целые десять лет. Управляющий делами мэра — украинец Коробченко, чья должность перед этим исполнялась евреем Шахновским, перешедшим в руководство одой из нефтяных компаний. Консультант правительства Москвы — вездесущий “грек” Попов, бывший при Лужкове-хозяине на должности зиц-мэра. Столичным ТЭКом заведовал некий Лапир, транспортом и связью — Корсак, городским развитием — Топельсон, внебюджетными средствами — Краснянский и Штернфельд, строительными ресурсами — Ризель. Многие годы межрегиональные связи Москвы курировал азербайджанец Бакиров, налоги и сборы — еврей Черник.

Субъективно эти и многие другие деятели, возможно, вполне лояльны и к русским, и к России. Но в отношении тех, кто, в силу служебного положения или близости к мэру фактически распоряжается Москвой, её имуществом, финансами и экономическим потенциалом, очевидна объективная кадровая тенденция. Все наиболее важные, выгодные, влиятельные, денежные и хлебные места города были отданы на кормление кому угодно, но только не русским. Такова принципиальная политика того, кто теперь пытается представить перед публикой — “просвещенным российским патриотом”.

Удивительно ли после этого, что кредитные учреждения Москвы находятся в руках еврейских банкиров, воскресивших практику ростовщичества? Их внезапно возникшее богатство, например группы “Мост”, принадлежащей Гусинскому, — результат нищеты абсолютного большинства населения всей страны. Торговлей и транспортом столицы, их базами, магазинами, ресторанами, многочисленными казино, словом всем тем, где можно сделать живые деньги, владеют кавказские кланы и еврейские касты, наживающие огромные состояния. Цены в Москве на все товары — от хлеба до квартир — существенно выше общероссийских. В чьих карманах оказывается разница — очевидно. По некоторым оценкам, чеченскую войну дудаевские боевики оплачивали деньгами, которые добывались чеченскими, азербайджанскими и украинскими группировками, действующими в Москве.

В своих выступлениях, рассчитанных на публику, Лужков неоднократно провозглашал, что “Севастополь должен остаться русским городом”, вызывая тем самым припадки воодушевления у чувствительных обывателей. Было бы гораздо лучше, если бы Лужков подтвердил искренность своей риторики делом — хотя бы сохранил Москву в качестве русского города. Но ждать такого “подвига” от чиновника-феодала, братающегося с Кобзоном и Хазановым, предоставляющего наибольшее благоприятствование для учреждений и организаций Всероссийского еврейского конгресса, возглавляемого тем же Гусинским, спонсирующего постыдную, ретирадную газету “Московский комсомолец”, совершенно бесполезно. Скандальные материалы уголовной стороны кремлевской жизни, которые теперь средства информации, тот же МК, находящийся “под мэром”, делают достоянием общества, не должны обманывать. Московским газетам и

ТВ-Центру просто-напросто дана “отмашка”. То, что было запрещено трогать, можно безнаказанно смешивать с грязью, высмеивать, обличать — наступило время “Ч”, когда надо быть патриотом и отречься от прежних хозяев.

К слову о просвещении. Кому отдано на откуп время на московском телеканале? Прошутинской, чей “Пресс-клуб” превращен в сборище разнузданной и русофобской журналистики. Млечину с его прямо-таки иезуитскими проповедями, заполненными косвенным издевательством над русскими национальными интересами. Ноткину, передача которого на четыре пятых состоит из бесед с “несчастными”, но “выдающимися” еврейскими “интеллигентами”, вынужденными существовать среди русских хамов. Бовину, “по существу” продолжающему морочить голову зрителям в духе своей идейке о “России, которая есть Верхняя Вольта, но только с ракетами”. А между этим мутным потоком разрушительных тенденций, клеветнических инсинуаций и лжи — три или четыре одновременно идущие мексиканские “мыльные оперы”, откровенная пошлятина и бредятина, предназначенная для превращения прилипшей к телевизору паствы, главным образом послушно голосующих стариков и старушек, в толпу идиотов. Сериалы дают тем, под чьим патронажем работает ТВ, не меньше трех миллионов голосов, которые в нужный момент могут оказаться решающими.

О чьём отечестве в своем патриотическом помрачении так энергично пекся г-н Лужков, вопрос вполне риторический. Достаточно трезво, спокойно и бесстрастно посмотреть вокруг. Но вот что приобретает весьма практичный интерес, так это понимание того, какова сущность современного дельца, выдающего себя за “патриота-россиянина”? Как правило, это неприятный даже в эстетическом отношении тип, толстый или лысый, размножение которого происходило и происходит в ядовитой и неприемлемой для русских среде “горбачевской перестройки”, “гайдаровских реформ” и “ельцинизма”. Проявляет себя он как ненасытный кадавр, который должен оболванить, разорить, вытеснить из жизни своего заклятого врага — русского патриота, особенно если он стремится к настоящему русскому объединению. Под простонародной кепкой не так трудно увидеть злобную, болезненно-властолюбивую фигуру г-на Абажа, ожившего персонажа из сказочного “королевства кривых зеркал”.

“Патриотизм” Лужкова как нельзя лучше высвечен в его речи на апрельском съезде “Отечества” в Ярославле (“Россия”, 23.04.99). Он говорил: “Я не понимаю как можно обвинять нынешнего Президента в геноциде русского народа, одновременно не говоря всей правды об одном из самых жестоких режимов в истории человечества — сталинизме, который сознательно уничтожал наиболее образованную, работящую, достойную часть нации”. “Я не понимаю, как можно на пороге XXI века, когда информационные потоки буквально смывают границы между государствами, поклоняться утопической идее исключительности российской цивилизации, противопоставлять державные ценности правам и свободам личности, идею справедливости — правовому обществу”. Он не понимает… потому что не называет авторов того бреда, который сам выдумал. Но Лужков уже допускает, что вместе с критикой сталинизма можно критиковать и ельцинизм, что некий “патриотизм” уже возможен вместе с “правами человека”.

Бредовость лужковских тезисов становится очевидной, если их обратить: не понимаю, как можно говорить о сталинизме, не говоря о сегодняшнем геноциде русского народа; не понимаю, как можно в условиях чудовищных информационных потоков молчать, что они смывают с лица земли Россию и русских. В такой обращенной форме эти тезисы могут быть приняты как патриотические, в лужковской должны рассматриваться как подлая пародия на патриотизм. Но именно эта пародия и есть сущность лживого номенклатурного “патриотизма”, на который только и мог быть способен московский мер, выдавливающий из себя либерал-уголовника на время борьбы за голоса.

Лужков говорит “Наш патриотизм конструктивен, он нейтрален в идеологическом отношении. “Отечество” — это не красная, не белая и не розовая организация. Нас вообще не интересуют какие-либо “измы””. Но потом ведет к совершенно противоположному: “После краха коммунизма не было сделано ничего, чтобы заполнить образовавшийся духовный вакуум, идеологическую пустоту. Пожалуй, сегодня заполнить этот вакуум способна только религия”. “Мы верим, что Церковь сможет стать центром объединения и сплочения здоровых сил, оплотом нравственности и оптимизма”.

Здесь не только явное нарушение логики — нелюбовь к идеологии вообще и одновременно — нелюбовь к идеологическому вакууму. Здесь и явная глупость — идеологизация религии. Ведь никакому истинному патриоту не придет возлагать на Церковь задачи государства. Лужкову приходит.

А вот идеология самого Лужкова. “Россия и свобода совместимы. Это и есть наша национальная идея. Свобода — это демократия, это гарантии личных гражданских прав, от которых мы никогда не отступимся”. И более ни слова!

Любой патриот должен при таких словах сказать: “Шел бы ты, Юрьмихалыч, по холодку к своим дерьмократам”.

Номенклатурным мурлом к церкви

В первом номере “Общей газеты” за 1996 год Лужков предельно откровенно высказался по поводу своего отношения к Церкви и вере. Он умудрился сказать, что он был крещен самим Патриархом, но верующим не является, а не причащается потому, что не может употребить ни грамма вина. “Вот тебе и раз!”, — скажет любой верующий, — “Это как же понимать? Что же тогда называть сатанизмом, если не это?”

Впрочем, данная ситуация вполне вписывается в наметившиеся отношения церковной иерархии Московской Патриархии и номенклатурной иерархии ельцинского режима. Об этом говорит, например, прозвучавшее 1 февраля 1996 года по телевидению заявление Патриарха Московского Алексия II о том, что при Ельцине происходит “второе крещение Руси”. Обрюзгший президент в день своего рождения принял от Патриарха статуэтку, изображающую св. Владимира, прошепелявив: “Как красиво…” и, видать, умилился своей значительности в мировой истории — подумал, что уже равен святому.

Ворье как-то особенно энергично в 1994–1995 гг. стало увиваться вокруг церковных иерархов. Патриарх Московский Алексий II вынужден был косвенно признать смыкание криминала с Церковью: “…негоже священнику принимать какую-либо помощь от лиц, имеющих явно преступные доходы. Пусть лучше храм будет выглядеть небогато, чем украшен на криминальные, “грязные” деньги” (РФ № 8, 1996, с.5).

Надо сказать, церковная иерархия особенно противилась домоганиям криминальных авторитетов. Так, известна история

водружения на православную колокольню колокола с надписью “от солнцевской братвы” (статья и фотография были опубликованы в “Литературной газете”).

В этой связи необходимо вернуться к фигуре С.Донцова. В православной газете “Русь державная” было опубликовано интервью с ним. Была рассказана история, достойная записи в анналах по причине своей удивительной гнусности.

История такая. 2 октября 1993 года Святейший Патриарх, пытаясь спасти мирные переговоры в Даниловом монастыре между сторонниками парламента и мятежниками и избежать крови, решил провести литургию с иконой Владимирской Божьей матери, которую нужно было на время позаимствовать в Третьяковской галерее. Акцию заимствования было поручено от лица мэрии провести С.Донцову. Он понял это по-своему, “по-ментовски” — решил брать силой: “Я плохо спал ночью и меня постоянно преследовала мысль: как правильно поступить? Для себя я решил, что если не удастся убедить музейных работников, то придется делать это с помощью ОМОНА”. И действительно, на утро взвод автоматчиков оказался весомым аргументом. На службе в Богоявленском соборе Донцов с Лужковым рядом стояли на коленях (будто бы это было так, да верится с трудом), а в это время по их воле где-то снаряжали магазины автоматов и загружали боекомплект расстрельщики парламента. Стрельба в Москве началась через полчаса после завершения службы.

Не чувствуя всей мерзости рассказанной истории, Донцов смел рассуждать о том, что передачи у нас все нерусские, газеты — тоже, кругом властвует “бесовской Запад”, совершающий идеологическую и духовную диверсию в России. Но диверсию-то как раз совершали люди вроде Лужкова с Донцовым, а уж Запад им во всем помогал.

Вполне в этом духе мэрский управделами Шахновский стал курировать строительство Храма Христа Спасителя. При этом Шахновский беззастенчиво сказал журналистам, что сам он неверующий, но это ему ничуть не мешает. Что это мешало другим, Шахновский понять был не в состоянии.

Добавим, что Совет по связям с религиозными объединениями при Президенте возглавил в 1996 г. сам Чубайс (пустили козла в огород!), а в помощь ему направили еще одного нашего знакомца по

книге “Мятеж номенклатыр” — Костю Буравлева, лужковского выкормыша, представлявшего на сей раз интересы Минфина.

Строительство Храма развернулось с невероятными темпами — настоящая ударная капиталистическая стройка. Лужков торопился к очередному повороту истории сделать нечто эпохальное, состряпать символ своей духовной и административной мощи. И вот уже в полуотстроенном храме он произносит проповедь. Голос звучит напористо, но без единой мысли. Что-то там про ясные небеса, свидетельствующие о том, что строительство поддержано божественным промыслом. (Помнится, “преподобный” Мун во время дождя говорил, что его подопечных окропило священной водой.) Звенящая бессодержательность Лужкова утомляла и телезритель мог переключить телевизор на другую программу. Там ведущий развлекательной программы вдруг сказал: “По первой программе показывают “В мире животных”, а у нас…”. Торопливо переключивший телевизор на эту программу мог убедиться — действительно, “в мире животных”. Лужков продолжал наставлять паству без тени смущения и смирения — даже в отведенное для трансляции время не уложился.

Если село не стоит без праведника, то храму тоже не стоять, коль прославит нечестивцев. А в Храме Христа Спасителя повесили-таки нужную табличку, которую можно воспринимать как подарок от московской номенклатурной “братвы”. Нужно лет сто молиться, чтобы смыть с храма грязь лужковской стройки.

Глубину номенклатурной “духовности” отражает такой факт. В конце 1995 года в его столичном домене состоялся альтернативный конкурс “Мисс Москва”. Наиболее “женственные” гомосексуалисты столицы отобраны для альтернативного конкурса “Мисс мира”. В 1996 году в Москву зачастили “голубые роксвезды”, о которых с приязнью писали все московские газеты. Наконец, достоянием публики стала передача “Про это” (НТВ Гусинского), в которой обезьяноподобная мулатка в белом парике создавала в телестудии теплую атмосферу для сексуальных извращенцев, гомосексуалистов и проституток. Все это — лужковская Москва.

Образ жизни, пропагандируемый газетными “клоповниками”, мы проиллюстрируем информацией всего одного дня. Телевидение сообщило, что в Москве (не где-нибудь — в Кремле!) готовится

концерт престарелой рок-звезды из Америки, стоимость билета достигает 500$. Второе сообщение — конкурс красоты для детей до 5 лет. Девочкам предлагают почувствовать себя манекенщицами. Такая вот забота о подрастающем поколении… Третье сообщение — о прошедшем эротическом шоу, на котором американские проходимцы показывали публике свои задницы. Наконец, информация о чемпионате по стрельбе пробками шампанского.

В лужковский период Москва постепенно начинала жить по принципу “долой стыд!”. Московские пляжи оккупировали многочисленные нудисты, решившие, что именно их привычки должны доминировать в столице. Со своей наглой развязностью стали они появляться на телевидении, отстаивая право выставлять напоказ свои вислые груди и дряблые животы. Поскольку против нудизма (как и против либерализма и коммунизма) мэрские чиновники не возражали, остальным москвичам предлагалось перемещаться на платные делянки, огороженные властями у загаженных водных пространств.

Свобода разврата и совращения малолетних, установленная в Москве, позволяла беспрепятственно действовать Российской ассоциации планирования семьи (дочерняя структура воинствующей антихристианской МАПС), которая в нескольких школах Северо-Западного округа Москвы начала в 1993–1994 гг. чудовищный эксперимент по обучению школьников сексу — раздачу презервативов, ролевые игры, телеуроки, контрацептивное обслуживание, ознакомление с “эротическим искусством” и т. п. (см. документы, опубликованные в информационном листке православного медико-просветительского центра “Жизнь” № 12, 1997). Разве против этого Лужков хоть раз возразил? Нет! Ведь он не в мэры православной столицы нанимался. Ему ближе был Содом.

Несмотря на заигрывание столичных властей с Московским Патриархатом, правительство Москвы передало собственность РПЦ — строение бывшего Свято-Георгиевского монастыря, что прямо напротив Госдумы — братству самочинной конфессии “Церковь Иоанна (Сергиева)”, “настоятелем” которого являлся Глеб Якунин. Последний получил такой подарок, вероятно, за большие заслуги в деле разрушения России и подрыва Православия.

Надо сказать, что потом московское правительство было урезонено письмом Святейшего Патриарха, но забрать здание у проходимцев не смогло. На их защиту встал сначала арбитражный суд центрального округа Москву, а потом и городской арбитражный суд (“Радонеж”, № 15, 1997).

Приведем еще один конкретный факт, иллюстрирующий нравственный облик московского чиновничества, его истинное отношение к религии и церкви (“Радонеж”, № 7, апрель 1996; НГ 11.01.96; МП 04.01.96). В 1992 году был зарегистрирован приход храма Воскресения в Кадашках. С тех пор московское правительство годами искало помещение для переселения из храма реставрационного центра им. Грабаря. Этого мало. В 1995 в непосредственной близи от храма, несмотря на рекомендации специалистов, был снесен флигель второй половины XVIII века — часть исторической застройки Москвы, а на его месте начала строительство жилищно-офисного комплекса Корпорация развития территорий (КРТ), учрежденная все тем же московским правительством. (Как отмечено в книге “Мятеж номенклатуры”, КРТ стала продолжателем дела Управления коммунальной собственностью Октябрьского района, открывшего в свое время эксперимент по разграблению Москвы.) Здание должно было закрыть фасад храма. Кроме того, строительство сомнительной принадлежности и назначения стало опасно храму — в результате строительных работ колокольня Воскресенской церкви дала трещины и накренилась. Наконец, котлован, как оказалось, был вырыт прямо на кладбище… Все это не смущает ретиво расширяющих номенклатурное строительство московских прохвостов.

Вместо того, чтобы творить новоделы в заметных местах и превращать их в памятники своей гордыне, стоило бы поберечь то, без чего Москва не может быть самой собой. Например, можно было бы отреставрировать вовремя Храм Василия Блаженного, башни которого за время правления Лужкова накренились, мелкие архитектурные детали осыпались, купола потускнели, а кровля протекла. Можно было бы задуматься о судьбе колокольни Ивана Великого. Или наконец-то восстановить Дом Пашкова, который исправно белили снаружи, оставляя внутри полный разгром в течение многих лет.

Кстати, “тоновская тумба” Храма Христа Спасителя накануне ее ликвидации не встретила столь яростной защиты деятелей культуры,

которая была по поводу Сухаревой башни, того же Храма Василия Блаженного или Казанского собора. Так что это еще вопрос, какой из памятников стоит восстанавливать и поддерживать в первую очередь.

В отношении Церкви бесстыдство лужковских выкормышей — “московских комсомольцев” в 1997–1998 гг. достигло каких-то гомерических масштабов. Публиковалась заведомая ложь, оскорбления православных иерархов и церковно-общественных деятелей.

Вот, например, как реагировал МК на нежелание православных участвовать в грязной провокации Кремля с захоронением “екатеринбургских останков”. Некий Сергей Бычков пишет: “Бдительный митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, обладающий безошибочным классовым чутьем, вовремя разоблачил происки жидомасонов из Генпрокуратуры и их зарубежных прихвостней”, “…проходимцы от науки легко приживаются в церковных кругах”.

Этот нравственный урод называет православную газету “Радонеж”, благословленную Патриархом, “голубой”, православных историков — “зоологическими антисемитами”, Русскую Православную Церковь за рубежом — “малочисленной сектантской группировкой”, митрополитов Кирилла и Ювеналия — “кукловодами”. Бычков внушает “козлам”, читающим уродскую газету, что РПЦ, отказалась признать Николая II императором, “отказав ему в последних почестях”, что Всевышний оценил это тем, что ураган сорвал к Новодевичьего монастыря кресты. И тому подобную чушь… (МК 25.06.98).

Тут лечение может быть одно — публичная порка. Но это будет после, когда Лужков перестанет покрывать всю эту сволочь от справедливой расправы, а в обществе будут брезговать читать газеты типа “Московского комсомольца” и распознают в “лужковых” покровителей порока.

*** * ***

Так уж получилось, что авторам этих строк пришлось неоднократно столкнуться с одним из мелких персонажей книги “Мятеж номенклатуры” — бывшим “поповцем” в Моссовете, начальником Мосжилучета (ныне — управление приватизации Департамента приватизации жилья правительства Москвы) при

Лужкове, затем — замглавы Госстроя и лидером непонятно кем созданной Партии народного согласия. Это некий Н.Маслов.

Первая встреча произошла на “круглом столе”, посвященном проблеме патриотического воспитания, где этот чиновник был представлен академиком и выступил с пламенной речью в защиту Русской Православной Церкви. Речь изобиловала лубочным украшательством и искажениями исторических фактов. Господин Маслов выступил также за переосмысление роли Сталина, который “начал открывать церкви”.

Вторая встреча состоялась на заседании Православного политического совещания, где господин Маслов снова не стал обнародовать свой официальной должности, выставив себя политически лидером патриотической партии. Выступление его прозвучало как случайная фальшивая нота, ибо напоминало скорее юдофобский пассаж из репертуара общества “Память” трехлетней давности — о мировом заговоре “иудейской веры”.

Третий след в патриотическом движении Маслов попытался оставить, формируя некое Казачье народное движение, которое должно было стать еще и основой Русского народного движения. К счастью, кроме патологических лентяев, в эту аферу Маслову никого втянуть не удалось, а в мэрии по поводу его инициативы сказали: “Да ведь он сумасшедший!”. (А чего удивляться, если там половина таких?)

Можно говорить о том, что г-н Маслов имел интересы, далекие от Православия. На это указывает дискуссия в печати по поводу торговли АО “Москприватизация” коммерческой информацией о состоянии жилищного фонда, которая собирается за счет городских средств (“Сегодня” 13.09.94). Чиновник Маслов моментально выступил в защиту коммерческой организации, ибо почувствовал подкоп под собственное должностное положение.

Впрочем, чиновники оказались настолько глупы, что в своих гневливых письмах и интервью проговорились. В протоколе производственного собрания АО гендиректор обращал внимание на “факты утечки информации из базы данных собственников жилья и на необходимость принятия самых жестких мер по предотвращению несанкционированной руководством Общества выдачи каких-либо сведений, которые могут представлять интерес при сделках с жильем”,

а через две недели полностью отрицал то, что было записано в протоколе.

К этой истории следует добавить, что только по официальным данным за первую половину 1994 года при сделках с жильем было совершено около 50 убийств, а 2400 человек, приватизировавших и продавших свои квартиры, пропали без вести.

Маслов как политик — скорее всего продукт чьей-то заботливой, но примитивно тупой, бессодержательной “раскрутки”. Об этом свидетельствует изданная в 1996 брошюра “Николай Маслов. Национальный лидер и национальная идея”. Брошюра пересыпана банальностями самого примитивного свойства, ряд утверждений выдает жульнический примитив в образе лидера.

Например, Малов утверждает, что сразу разобрался кто такие “лжедемократы” и вступил во фракцию “независимых” в Моссовете. Это явное вранье. Будучи одним из инициаторов гаврилопоповской приватизации жилья, наш герой полностью следовал в фарватере той политики, которую вели “демократы” в Москве. Только благодаря альянсу со всей этой сволочью, Маслов мог быть избранным председателем депутатской комиссии, членом Президиума Моссовета, а потом пересесть в кресло мэрского чиновника.

Удивительную нечувствительность к фальши проявлял Маслов, утверждая, что его партия объединяет “всех людей доброй воли, для кого возрождение России — личное призвание и долг чести”. Что-то этих “всех” не очень-то было видно… Второе наглое утверждение — о том, что его партия (ПНС) — “единственная, кого всецело поддерживает Русская Православная Церковь”. Может быть потому Маслов так зазнался, что Патриарх наградил его орденом святого Даниила? Ну да, ведь и другим проходимцам в наши годы вешают на грудь церковные и государственные ордена…

К последнему вспоминается обнародованная телевидением история о том как Патриарх походатайствовал об освобождении из мест заключения талантливого иконописца, сидевшего за грабеж. Иконописца освободили, а через несколько месяцев он снова сидел в лагере за разбойное нападение. Жаль что без ордена — тогда картина была бы вполне законченной.

Но то к слову. А по поводу Маслова можно еще привести замечательные подписи под фотографиями этого “лидера” в самых

разных позах. Вот Маслов обсуждает с Патриархом вопросы издательско-просветительской деятельности Церкви, вот он ведет богословские беседы (так и написано!) с митрополитом Питиримом, вот ставит автограф на книге своего дяди схимандрита Иоанна (дядя ему свою подпись завещал?), вот он принимает Почетный Знак Ветерана войны (родившись при этом через 15 лет после ее окончания!), вот выступает на Всемирном русском соборе “в числе ведущих общественно-политических деятелей России, ближнего и дальнего зарубежья”, вот улыбается в обществе кавказского мальчика в майке с изображением физиономии самого Маслова, демонстрируя “дружбу, мир и согласие со всеми народами России”…

Четвертая встреча с Масловым произошла на страницах шикарного рекламного журнала, предлагающего строительные и дизайнерские проекты для тех, кому и миллион долларов — не деньги. Датированный мартом 2001 года журнал представлял нам сорокалетнего Зампреда Госстроя РФ (с 1997). Цветистый журнал посвятил своему любимцу множество высокопарных слов. Главное — польстил многократными реверансами по поводу “высшего уровня”, “высшего ранга”. Кроме того, оказалось, что Маслов, умеющий публично продемонстрировать свое невежество, стал кандидатом богословия и даже “автором солидных трудов по духовным вопросам”, а один из трудов даже рекомендован Министерством образования для изучения студентами. (Вот бы почитать, набраться ума!)

Может быть именно этим и занимался Маслов посреди тунеядствующей чиновной братии — писанием книг о своем священнейшем дядюшке? Ведь за три года все его должностные успехи — это участие в разработке некоей национальной градостроительной доктрины. Где эта доктрина? На испохабленных улицах Москвы, в обветшалых переулках Питера, в окоченевшем Владивостоке..?

Не обошелся рекламный биограф Маслова без вранья — мало ему ласковых слюней про “высший уровень”. В статье пишется, что Маслов стал депутатом Моссовета в округе, “где помимо него баллотировались семь кандидатов, поддерживаемые первым мэром Москвы Гавриилом Поповым”. А между тем, никаких мэров в 1990 году не было, и семерых сразу никто и во сне не поддерживал.

А теперь о том, каким образом возник “высший уровень” у человека, который в студенческие годы предпочитал не корпеть за учебниками, а зашибать деньгу, перекрывавшую заработки родителей вместе взятых. Может быть именно эти источники как раз и помогли Маслову сразу со студенческой скамьи пересесть в номенклатурное кресло 8-го предприятия Мосводоканала и руководить сотнями людей?

Фантастика в судьбе Маслова связана с фантастикой, которую он теперь вносит в биографию своего дяди схиархимандрита Иоанна, который, оказывается, был ясновидцем, предсказал выборы на многопартийной основе и без медицинского образования легко ставил диагноз больным. Последнее, как известно, дело подсудное.

Заключим, что самовыражение номенклатурных лидеров и их придворных биографов чрезвычайно полезно, ибо таким образом дурь каждого из них становится видна. Беда лишь в том, что выпирающая во все стороны номенклатурная дурь не мешает пройдохам делать карьеру и пудрить мозги церковным иерархам.

*** * ***

Расширение возможностей для деятельности религиозных организаций вскрыло глубинный кризис иерархии РПЦ. С одной стороны, РПЦ получила негласную поддержку государства, с другой — оказалась лишенной конкурентных технологий в борьбе за умы.

Церковные иерархи, довольствующиеся скучными нравоучениями в СМИ и требоисполнительством, зачастую подвергалась критике. Тем не менее, критика, исходящая из неправославных кругов, практически всегда носила враждебный характер и рассматривалась как происки недоброжелателей. Критика же со стороны православной общественности всегда была осторожна, ибо православные прекрасно понимают, что излишняя агрессивность может разрушить даже то в Русской Православной Церкви, что еще может послужить основой для возрождения.

Попытка вести разговор о “симфонии” Церкви и государства со стороны православной интеллигенции наталкивалась в период затухания номенклатурного мятежа на глухое равнодушие “синодалов”, больше заинтересованных в “симфонии” между Московской Патриархией и безбожной криминальной государственностью. Помимо участия иерархов РПЦ в достаточно сомнительных политических спектаклях (зачастую в таковые

превращаются, например, разнообразные акции вокруг строительства Храма Христа Спасителя, да и освящение “инаугурации” неправославного президента неправославного государства присутствием Патриарха), известны также скандальные истории захоронения одного из криминальных авторитетов в Псково-Печорском монастыре или дарение одной из церквей опоганенного воровской надписью колокола, о чем уже говорилось.

К этим скандальным историям стоит добавить и ставшую поводом для дискуссии причастность Московской Патриархии к получению спонсорской поддержку за счет продажи табачной и алкогольной продукции. Попытки оправдаться доводами, весьма напоминающими тезис о том, что “деньги не пахнут”, выглядели для широкого общественного (а тем более православно-общественного) мнения крайне неубедительными.

К того же рода явлениям следует отнести и мировоззренческий кризис в Московской Патриархии, попавшей в многолетнее затруднение с выработкой социальной доктрины Церкви, а потом разродившейся подготовленным где-то под спудом весьма слабым документов. Это и не удивительно. Ведь наибольшей популярностью в Московской Патриархии пользуется позиция, согласно которой государство должно быть светским, общество секуляризованным, а Церковь должна сотрудничать с ними “на взаимовыгодных условиях”. Таким образом Церковь становится одним из бюрократических учреждений, ее пастыри — подразделением государственной номенклатуры, подобным идеологическому отделу ЦК КПСС на излете “эры исторического материализма”. Вот откуда такая свобода общения Лужкова с Патриархом.

Анализ роли Московской Патриархии в политическом противостоянии 1991–1996 гг. показывает, что Патриархия была институтом, которым достаточно легко манипулировали власть имущие, а реальный процесс осмысления современного положения Православия велся далеко за пределами келий и кабинетов церковных иерархов — чаще всего в условиях самой ожесточенной политической полемики.

Вспомним, что в августе-декабре 1991 Московская Патриархия оказалась не готовой к развернувшимся событиям “демократической революции”. Ее голос не был слышен. В условиях кризиса октября

1993 г. ситуация практически не изменилась, а может быть даже усугубилась. Патриархия стала игрушкой в руках политиков и существенно подорвала свой авторитет провалом переговоров в Даниловом монастыре и безадресной анафемой в адрес потенциальных организаторов кровопролития. Добавим к этому, что Патриархия не решилась в тот момент на организацию крестного хода к Белому Дому и оставила нескольких священников, находившихся там практически даже без моральной поддержки.

Выборы 1996 года дали возможность Патриархии вновь определить глубину своего воздействия на общество и курс властей. И снова ничего привлекательного в действиях церковных иерархов не возникло. Патриарх достаточно недвусмысленно высказывался в поддержку Бориса Ельцина, ориентировал в его пользу прихожан и приходское духовенство.

Российская номенклатура не только заметила возрождение религиозного чувства в широких слоях российского общества, но и тут же использовала его для наращивания своего политического капитала. Впрочем, например, Лужков с Храмом Христа Спасителя заметно опоздал. Тема восстановления разрушенного большевиками храма и его разграбления существенным образом “выгорела” в общественном сознании. Да и сам нетворческий подход, лишь имитирующий “всенародную стройку” существенным образом погасил энтузиазм православной общественности.

Чиновники, внешне поддерживая Православие, стремились более к нетрадиционным формам мистики. Это вело к поддержке секты “Аум-Синрике” (О.Лобов, секретарь Совета безопасности, старейший соратник Ельцина, вписавшийся затем в московскую строительную мафию и получивший под прикрытием галереи художника Шилова возможность строить огромный бизнес центр напротив Кремля и захватывать землю у Музея изобразительных искусств имени Пушкина), к тому что “духовником” президента становилась экстрасенс Джуна (также учредитель проельцинского “блока Джуны”), Жириновский предоставлял личного адвоката “Богородичному центру” (см. комментарий А.Дворкина, “Радонеж”, № 29–32, 1996), а генерал Лебедь заявлял, что “в церкви такой же бардак, как и в государстве” и что-то вроде “посмотрел я и увидел, что я среди них самый святой”.

Свою лепту во всю эту бесовщину внес Лужков, внезапно предложивший канонизировать “основателя Москвы” Ю.Долгорукого. Причиной для такого предложения была, видимо, находка каких-то костей в Киеве, с некоторой вероятностью принадлежащих князю. Может быть, Лужков решил, что канонизируют “за заслуги перед Отечеством”, приурочивая это дело к какому-нибудь праздничку? Некому было остановить мэра, напомнив хотя бы о том, что Долгорукий не является основателем Москвы, а отмечаемое 850-летие относится всего лишь к одному из первых упоминаний в летописи. Тем более, не нашлось у Лужкова советника, который хотя бы в общих чертах сообщил бы ему на каких основаниях канонизирует Русская Православная Церковь своих святых.

Разумеется, рассчитывать на душевную чуткость и эрудицию самого Лужкова было бы наивно. Немудрено, что Лужков принял сторону Ельцина в конфликте с Православием и одобрил вето на принятый депутатами Закон “О свободе совести и религиозных объединениях”, скорее всего даже не удосужившись прочесть текста Закона.

По сути дела, в России сформировался неявный оккультный альянс представителей различных политических убеждений, объединенных неправославным мировоззрением и рутинной риторикой околоправославного содержания.

*** * ***

В полной мере панельной болезнью были заражены те приверженцы демократического фланга российской политики, что обернуты “мурлом к Церкви”. Пиетет перед церковной иерархией сочетается здесь с невероятным озлоблением против всяческого противления нынешнему курсу властей в отношении к РПЦ и курсу иерархии РПЦ в отношении государства.

Представления либеральных демократов о месте Церкви в государстве характерным образом выразилось, в статье бывшего ответственного секретаря Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ Анатолия Красникова1 (НГ 09.10.96).

Чего только стоят явно провокационные пассажи типа: “… значительная часть православных и околоправославных активистов только о том и мечтает, как бы вернуться в прошлое. “Ястребы” в

рясах с одинаковой готовностью приемлют и дорогую сердцам дореволюционных черносотенцев триаду “православие — самодержавие — народность”, и красные знамена советской власти. Им по пути с кем угодно, лишь бы путь этот вел к созданию новой системы запретов и ограничений, огосударствлению Церкви и клерикализации государства”. Это просто ложь.

Зато вместе с ложью за какой-то особый успех выдается современная политика властей: “Президент предложил им (представителям общин различных религиозных конфессий в Совете по взаимодействию… — авторы) информировать его об отношении религиозных объединений к различным аспектам внутренней и внешней политики государства, а также готовить свои рекомендации по этим вопросам. Ничего подобного Россия не видела за всю свою историю”.

Напряженной политизацией отдает от скорбных строк Красникова о подавленном совместными усилиями государственных и церковных властей “движения русских протестантов, опередившее на несколько десятилетий западноевропейскую реформацию”! Честно говоря, комментировать исторические “открытия” Красникова бессмысленно (Россия, например, у него оказалась у него “раскинувшейся на два континента”).

Но удивительно, что этот невежа полностью совпал с Патриархом, повторив кощунственные слова о “втором крещении Руси”. Это единение вообще характерно — обрушиваться на РПЦ за чьи-то (неизвестно чьи) попытки выделить ее среди других конфессий и благостно цитировать Патриарха, как бы консолидирующегося с Красниковым против “ястребов в рясах” (тоже не поименованных).

Другие авторы (см. “Сегодня” 16.05.96) обвинили российскую интеллигенцию в безверии и указали, что это безверия основной причиной неудачи реформ. При этом утверждается, то христианские ценности “лежат в самом основании либеральных принципов общественной организации и демократических процедур”. Ну это уж просто наглость! Так недолго и духовную литературу к порнографии приравнять.

И околоцерковной порнографии в россиянских изданиях лужковской поры было предостаточно. Не случайна, по нашему мнению, популярность в демократических СМИ такой неординарной

фигуры как заштатный игумен Иннокентий Павлов1, утверждающий, например, что “Слово о полку Игореве” — случайное произведение, якобы заслонившее другие более замечательные литературные памятники и стоящее “в стороне от магистрального пути развития древнерусской литературы”.

Не случаен и факт поддержки очередного всплеска неообновленчества либеральной интеллигенцией, которая получает в ответ активную поддержку неообновленцами их политической позиции. Либеральная интеллигенция и неообновленцы даже по прошествии нескольких лет с яростью обрушивались на попытку принять в 1993 году поправки к Закону о свободе совести, выделяющие особое положение в государстве традиционных конфессий. С тех пор сам Б.Ельцин, наложивший вето на закон, хотя бы внешне изменил свою позицию (см. его предвыборную программу 1996 года), но либералы от православия по прежнему продолжали борьбу за полное равенство всех конфессий, вплоть до совершенно диких.

Суетящиеся вокруг подлейшей власти в период выборов эти люди задавали вопрос: “Чего общего может быть у нравственно здорового православного россиянина с советскими безбожниками?” (протоиерей Николай Ситников, Открытое письмо о. Александру Шаргунову, “Сегодня” 13.06.96). Но сами-то позабывали заметить собственную связь с вселенским негодяйством в лице ельцинского режима.

Протоиерей Александр Шаргунов пытался втолковать: “предательская власть, которая воцарилась в России, под предлогом освобождения от коммунизма поставила нашу страну на грань уничтожения, а наш народ с его религией и культурой — на грань вымирания” (СР, 04.06.96). Но либералы тем и отличаются, что не воспринимают бедствия народов и не понимают где Зло. А оно даже не вокруг, а в душу к ним забралось и свободно разместилось там. Как и у имитирующей православность номенклатуры. Лужков и бесноватый “отец Глеб” в этом смысле — близнецы.

Новый обман с выборами

Зимой 1997 г. в Москве состоялись выборы в городскую думу. Впервые после 1993 года столица окунулась в пучину избирательных интриг, партийный сговоров, финансово-политических сделок. Были даже жертвы — помощник одного из претендентов (который является

к тому же сотрудником Государственной думы) обнаруженный зверски избитым. По слухам рукоприкладствовали вездесущие кавказцы, сопровождавшие мордобой недвусмысленными угрозами в адрес шефа потерпевшего. Впрочем это, скорее всего, не более чем экзотика. Гораздо интереснее стратегическое развертывание противостоящих сил, предпринятое накануне выборов и отразившее в себе все бесплодие и разложение режима номенклатурного мятежа.

Основным фаворитом предвыборных схваток являлась “партия Лужкова”. За восемь лет абсолютного, никем не контролируемого, никому не подведомственного правления столичным регионом “выдающийся мэр” создал необходимые условия для того, чтобы ни при каких обстоятельствах не утратить свой личный контроль над городской администрацией. Главные ресурсы Москвы находятся в его безраздельном распоряжении. Мэр — их фактический собственник: тут и городская казна, и внебюджетные фонды, и теневые ресурсы, накопленные за время всевластного правления… Речь идет о триллионах рублей, так или иначе состоящих в активе лужковского баланса.

По сути дела это инструмент влияния на ситуацию — от откровенной покупки симпатий избирателя (к примеру, повышением пособий старикам или стипендий учащимся, разумеется, по решению правительства Москвы) до какого-нибудь эффектного зрелища, которое можно будет растиражировать в СМИ. Это первый ресурс московской бюрократии, питающий все остальные — прямой подкуп.

Второй ресурс московской бюрократии — подконтрольные, без лести преданные средства информации. Отнюдь не случайно за счет казны города создан мощный телеканал “ТВ-центр”, управляемый мэром, трестировано кабельное телевидение Москвы, поставленное в непосредственную финансовую и техническую зависимость от мэра, сформирован газетно-издательский пул (общемосковские, окружные и районные газеты и журналы, общий ежедневный тираж которых составляет не менее 6–7 млн. экз.), изо дня в день пропагандирующий светлый, исключительно положительный образ мэра и его окружения. Ждать от таких СМИ объективности и беспристрастности, и тем более критичности, конечно же, не приходится — одно промывание мозгов без каких-либо идей или общественно значимых целей.

Третий ресурс — административная система Москвы: десятки тысяч сотрудников городских министерств, префектур и супрефектур, сотни тысяч служащих, чье личное благополучие зависело от того, останется Лужков мэром или нет.

Все, что ни делается в городе самой администрацией или с ее санкции, имеет агитационно-пропагандистскую подкладку. Ведь номенклатуре надо имитировать эффективность, а не работать на благо народа. А раз бесчинство насилия для нее чревато и есть страх нового сталинизма, приходится сооружать систему оболванивания масс.

Поэтому если событие может быть использовано для прославления мэра, вступает в действие аппарат пропаганды, и через ТВ, радио и газеты особым образом интерпретированная информация внедряется в сознание столичных жителей. При этом не имеет значения, соответствует она действительности или является чистым вымыслом — имидж (образ) отца города, вникающего в каждую городскую проблему, повторяясь из года в год сотни тысяч раз, вбит в обывательское сознание крепко-накрепко.

Четвертый ресурс — городская карательная система. Сотни тысяч служащих милиции, госавтоинспекции, спецслужб, секретная агентура, прокурорские и судебные инстанции ориентированы на то, чтобы обеспечивать личную власть Лужкова. Если оболванить не получится, тогда придется пресекать. На этот случай номенклатура содержит своих ландскнехтов, тунеядствующих в ожидании приказа на организацию массовых беспорядков.

Поскольку в сознании чиновничества нет и никогда не было уважения к праву и закону, служить им оно не может и не будет. Бюрократическая система, созданная Лужковым в Москве вопреки конституционным и законным нормам (увы, это так), обслуживает лишь самое себя, следовательно, в период выборов ей не остается ничего иного, как работать на Лужкова, ее единственного гаранта.

Однако все это меркнет по сравнению с пятым ресурсом — плебейским мировоззрением, исповедуемым значительным количеством городских жителей, которое пестуется, подогревается, воспроизводится “партией Лужкова”, а до нее — партийной номенклатурой, из рядов которой вышло подавляющее большинство лужковского клана.

Стиль городской жизни пропитан духом стяжательства, шальных, не заработанных, но украденных денег.

Москва с началом перестройки постепенно перестала быть городом материального и духовного производства. Ее репутация научного, культурного, интеллектуального центра страны — свет далекой звезды, уже погасшей. Внешнее, сугубо фасадное, рекламно-витринное благополучие столицы — мистификация, скрывающая остановленные промышленные предприятия, не работающие НИИ, челночно-посредническую деятельность бывших ИТР, проституцию, наркоманию, в которую вовлечены так или иначе сотни тысяч молодых москвичей, эпидемию повального взяточничества.

Давно не работающая во благо России, Москва коммерсует, спекулирует, барыжничает, словом — умственно вырождается и нравственно разлагается, заражая окружающих своим пошлым образом жизни. Но московскому обществу пришлась по душе такая жизнь. Она его устраивает, следовательно, горожан удовлетворяет и власть, которая является ее символом. Вполне вероятно, что на изменение сознания москвичей повлияли завоз в Москву “лимиты” (вместе с потомками это не менее 3–4 млн. чел) и резкое сокращение в городе доли русского населения.

Поэтому вовсе не случайны результаты тех голосований, которые в 1993 году создали Городскую думу, состоящую на все 100 процентов из членов “партии Лужкова”, независимо от того, к каким движениям приписаны ее члены. Нет основания удивляться результатам парламентских выборов по Москве, предоставившим в 1993 г. мандаты Нисневичу, Ковалеву, Осовцову, Гербер, а в 1995 таким как Борщев, Хакамада, Боровой, Бунич или Макаров.

Победа Лужкова в 1996 году — явление тоже закономерное. Было бы противоестественным, если бы на должность городского головы Москвы был избран, к примеру, университетский ректор, авторитетный общенациональный политик, выдающийся организатор науки. Город, в котором восторжествовал дух наживы, эгоизма, торгашества, а страсть к барышу вытеснила из сознания большинства естественные человеческие чувства, такой город мог избрать своим лидером только г-на Лужкова.

После 1993, тем более 1996, в настроении москвичей не произошло ровным счетом никаких существенных изменений, то по

большому счету выигрыш “партии Лужкова” на предстоящих выборах столичного “парламента” сомнений не вызывал. На ярмарке столичного политического тщеславия ему не было равных.

Тем не менее, Москва — отнюдь не остров, затерявшийся в водах великого океана. Она и лакомый кусок, на который имеются претенденты, и яблоко раздора, возбуждающее зависть и ненависть, и клубок внутренних противоречий, в которых объективно участвует не только Российская Федерация, но и заграница.

Кому могла прийти охота оспаривать у всесильного мэра и фаворита московских избирателей 35 мест Городской думы? С другой стороны — а имел ли сам столичный мэр притязания на все эти места? Позволим себе усомниться в этом. Абсолютная власть всегда создает стимул к объединению тех, кто оказывается за ее бортом. Чтобы властвовать, надо уметь властью делиться. Лужков не умеет. Но не умеет также и эффективно управлять, создавая лишь видимость своего всевластия. За этой видимостью — интриги в “царской” свите и криминально-уголовные кланы на нижних этажах управления.

“Партии Лужкова” не обязательно было претендовать на все места в Городской думе. Достаточно было, если она будет владеть в ней лишь контрольным количеством голосов. Значит, от 17 до 20 мест в Думе “партия Лужкова” могла выбросить на торги политической биржи, предоставив своим формальным конкурентам возможность побороться за их приобретение. Одно это обстоятельство создавало интригу, порождало иллюзию схватки, в действительности усиливая, вне зависимости от ее результата, позиции правящей городом “партии”. И волки сыты, и овцы — целы.

С другой стороны, хорошо известно, что безраздельное владение мэром (и стоящих за ним) столичными финансами, недвижимостью и производственным потенциалом породило его экспансию в другие сферы экономики и политики, вызвав непримиримую войну “партии Лужкова” с рядом российских финансово-бюрократических группировок, таких как “кланы” Черномырдина, Чубайса или Березовского. Жирный кусок собственности является еще и гарантией участия во власти, потеря собственности приводит к утрате власти, ее приобретение власть обеспечивает. Одно благо умножает другое благо.

А раз так, то конкуренты “партии Лужкова” не могли не вступить на тропу войны, то есть они обязаны были реализовать свое

присутствие в “московском парламенте”. Появившиеся в СМИ компроматы, негативная (по сути объективная) информация относительно секретов “московской кухни” не составляют сомнений в том, что война шла всерьез. И так как за столицей РФ давно закрепилась репутация самого коррумпированного и криминального города страны, и именно в Москве сосредоточены основные богатства, которыми располагает Россия, нет сомнений в том, что при желании закулисная, до поры до времени не преданная огласке жизнь г-на Лужкова и его “правительства” может перевернуть представления о них.

Речь идет конечно же не о так называемом общественном мнении. Москва давным-давно избавилась от такого неуместного предрассудка. Правдивая информация о почти что 10-летнем правлении “выдающегося хозяйственника” может повредить Лужкову в Кремле, в регионах страны и вне России. Ну не зря же Кремль так оберегал Тверскую, 13 от любых ревизий и проверок. Значит, было и есть что скрывать. Не случайно в 1999 году так завибрировала вся столичная номенклатура, как только экс-премьер С.Кириенко намекнул, что может вступить в борьбу за мэрское кресло.

Положение вещей таково, что представительная власть Москвы не может состоять из действительно независимых, по настоящему самостоятельных, тем более высоконравственных политиков. Чтобы участвовать в выборах, претенденту надо было продаться как минимум трем видам капитала — денежному, политическому и информационному. Кандидата должны были поддержать банки, авторитетные именно в Москве партийные группировки и влиятельные СМИ. Для них он должен стать своим. И здесь надо иметь в виду следующее.

Московские банкиры третьей или второй “гильдии” (о первой пока умолчим), благополучие которых напрямую зависит от того, как к ним относится столичный мэр, будут выделять финансовые ресурсы лишь тем, на кого укажет руководящий перст. Судьба Тверьуниверсалбанка, руководство которого попыталось иметь собственное политическое суждение, еще долго не будет забыта. Его разорение еще задолго до всех кризисов 1998 — другим наука.

Политические пристрастия московского электората, участвующего в голосованиях, давно известны. Они были в 1995

распределены между сторонниками Явлинского (ЯБЛ — 15 %), Гайдара (ДВР — 12 %), Черномырдина (НДР — 19 %) и Зюганова (КПРФ — 15 %). Поскольку ни один из этих партийных лидеров не рискнул открыто противопоставить собственную политическую программу политике, проводимой мэром, состав кандидатом, список оказался сформированным “демократами” и согласованным, точнее говоря — одобренным, хозяином дворца столичного генерал-губернатора.

Реальным влиянием на настроение москвичей обладают лишь останкинские каналы ТВ (РТР-ОРТ-ТВЦ-НТВ) и несколько “центральных” газет. Самодеятельная агитация через СМИ, листовки, предназначенные для почтовых ящиков, или стенды вдоль городских магистралей, непосредственное общение ни создать известность кандидату, ни изменить мнение о нем не в состоянии.

Те кандидаты, которых регулярно раскручивали по ТВ и в газетах (г-н Платонов, председатель московской Думы, присутствовал на экранах чуть ли не ежедневно), за кого они напрямую рекомендовали голосовать, прошли в городские законодатели. Как показывает опыт выборов 1993, 1995 и последующих годов, чтобы победить, достаточно иметь от 7 до 15 процентов консолидированных сторонников. Хаотичное мнение 85 процентов никого не интересует. Отнюдь не случайно на последних парламентских выборах национально ориентированная политика собрала в Москве лишь 28 % голосов при 49,9 % в провинции. Кроме того, однотуровое голосование давало столичной (как и любой другой) номенклатуре возможность вообще ликвидировать представительство каких-либо иных сил, кроме либерально-западнических или всеядно-холопьих.

Кому бы современный столичный избиратель ни отдал свой голос, Московская Дума оказывается составленной из представителей московской бюрократии и московских банков — наиболее организованных структур современного общества. Ни политические, ни производственные, ни научно-технические, ни военно-промышленные корпорации не обладают ни волей, ни ресурсами, ни лидерами, чтобы провести в Гордуму своих представителей.

Господство во власти аппаратно-партийной номенклатуры, ненадолго прерванное избирательной стихией улицы (в 1989–1993 “с улицы” во власть случайно зашло немало приличных людей, коих

пришлось выбивать оттуда при помощи ОМОНа и танков), сменилось новой олигархической номенклатурой. Москва в этом отношении показывала остальной России дурной пример для подражания.

* * *

Нельзя не поражаться наивности, доверчивости, нелюбопытству, с какими жители России относятся к тому, что происходит в нашем Отечестве.

Значительным примером предельного равнодушия соотечественников к судьбе страны явились как раз прошедшие 14 декабря 1997 года выборы в представительные органы власти федерального города Москва. С одной стороны, внешние результаты голосований, принесшие безоговорочную победу “партии столичной власти”, возглавляемой мэром города. С другой — неотразимые примеры невозможности таких результатов.

И то же? Ничего. Ни строгого анализа, ни скандальных разоблачений, ни бесстрастной правды с той или иной стороны. Тишь и гладь.

Победители не демонстрировали грандиозности своих достижений и ничтожности противников, тщетно пытавшихся противопоставить себя всемогущему хозяйственнику и блистательным демократическим реформам столичного разлива. Ни одного протестующего слова, всхлипа или хрипа от поверженных партий. Они скромно демонстрировали неизбежность и неотвратимость результатов, согласно которым их ничтожность оказывалась настолько грандиозной, что под этими Гималаями их дальнейшие надежды должны быть погребены навсегда. Помалкивали и социологи, владеющие знанием тонкостей избирательных технологий. Вместо профессионального исследования они ограничивались ворожбой, откровенным зубоскальством, отделывались шутками, наводили тень на плетень. Словом, множество явных примеров прямых нарушений и — будто все сговорились набрать в рот воды. Заговор молчания, да и только.

Или дело в другом? Столичных публицистов мог лишить дееспособности мелкий страх. Нельзя, впрочем, исключить, что их оптом и в розницу скупил большой денежный мешок, заинтересованный в том, что произошло. И они на всякий случай затаились в своих информационных норах, выжидая, кому придется

первому нарушить негласное табу. И “пострадать за обчество”… Вероятнее же, что было и то, и другое, а еще — сложившаяся уже стойкая привычка жить “применительно к подлости”.

Нет никакого сомнения в том, что выборы 1997 и их официальные результаты заслуживают хотя бы поверхностного исследования — вопреки заговору молчания.

Итак, городская избирательная комиссия сообщила: выборы состоялись. На участки для голосования явилось 2,11 млн. избирателей из 6,83, проживающих в Москве. Власти пытались убедить всех в том, что чуть ли не 31 % избирателей реализовали свое “активное право”, чтобы образовать региональную и местную представительную власть. Власть, о существовании которой еще несколько недель назад даже не подозревали, вдруг взяли, да и благословили — пусть и третью всех голосов.

Спрашивается, где доказательства, что нас не мистифицируют? Их нет. Есть как раз совершенно иные доказательства.

Известно, что на большинстве участков к 18 часам появилось не более 6-10 % избирателей, а к 10 вечера их, якобы, оказалось даже больше 31 %. Невозможно представить, чтобы в вечернее время, когда на улицах города никого не было, толпы страждущих неведомо каким образом оказались на избирательных участках.

Утром и в течение всего дня избирательные комиссии изнывали от безлюдья — за час приходили единицы. Оказалось, что счетных фантастов подвела погода. Никто не предполагал, что в день голосования резко понизится температура воздуха. И это спутало все карты. Вопреки логике улицы были как никогда безлюдны, а результаты голосования как никогда оптимистичны. При ином климате это разительное расхождение еще можно было бы скрыть, а вот студеною московской зимой — никак!

Согласно последней переписи, состоявшейся в 1989 году, в Москве проживало 9 млн. чел., в том числе 7 млн. избирателей. После этого страна распалась, значительное число жителей столицы, относящиеся к народам, отделившимся от России, должны были превратиться в иностранных граждан, о чём они мечтали, чего вожделели. Не все из них предпочли остаться избирателями в стране, которая уже не признавалась ими своим Отечеством. Одновременно с внедрением нового экономического механизма началось

стремительное вымирание старших возрастов и сокращение прироста населения. Оба эти фактора должны были существенно уменьшить избирательный корпус. Но он в Москве вопреки статистической логике вовсе не сократился.

Если на 12 декабря 1993 года числилось 6987,5 тыс. избирателей, то на 14 декабря 1997–6826,2 тыс. Официально число имеющих право голоса в столице уменьшилось всего-навсего на 161,3 тыс. чел. или на 2,3 %. Цифра явно несуразная.

Здесь уместно повторить незабвенную фразу из “письма ученому соседу”: “Этого не может быть, потому что не может быть никогда”. Чудес не бывает. Следовательно, имеет место фальсификация, оформление мертвых душ. Чеховский “сосед” изобличает гоголевского авантюриста без нашей помощи.

Сколько приписано голосов — вопрос, на который можно ответить лишь приблизительно. Выборочная проверка ряда избирательных участков дала примерно 50-100 приписок. Если принять во внимание, что всего в Москве было создано 3139 избирательных участков, то “ревизская сказка” о численности электората могла вырасти на весьма приличную величину — от 157 до 314 тыс.

Есть ли смысл этим заниматься? А как же! Несуществующие избиратели при крайне малой численности голосов, необходимых для победы ставленников номенклатуры, позволяют манипулировать конечными результатами при оформлении окружных протоколов. Если бы явка избирателей была достаточно высокой, этот метод был бы невозможен. Но отмеченная тенденция прогрессирует. Разочаровавшись в избирательной демократии, народ перестал участвовать в публичной политике.

Расчет дает по 9 тыс. лишних, так сказать, резервных голосов на каждый из 35 избирательных округов. Располагая ими, можно идти на какие угодно всеобщие “демократические” выборы. Победа обеспечена на “все сто”. И даже больше.

Федеральный закон установил, что избирательные списки готовит глава местной администрации. Но в Москве единственным главой местной администрации считается городской мэр. На 9 миллионов жителей — один уполномоченный населением чиновник. Все остальные городские чиновники — его назначенцы, его доверенные

лица, имущественное, должностное, гражданское состояние которых зависит от того, насколько они будут лояльны, аккуратны, мэропослушны.

Вероятно, предусматривая монополию главного муниципального чиновника в этой чисто технической сфере, законодатели имели в виду, что любой глава местного самоуправления избирается населением каждого околотка, посада или слободы? Но в Москве всё иначе, всё не так, как предписано. С 1991 года местное самоуправление ликвидировано и на его месте образованы совсем не конституционные и откровенно незаконные структуры — префектуры и супрефектуры, возглавляемые префектами и супрефектами, назначить или уволить которых столичный мэр может единоличными распоряжениями.

Наделяя местного самоуправленца правом вести избирательные списки, закон оговорил, что местное самоуправление не входит в систему органов государственной власти, автономно и им не подчиняется. Оборотная сторона данного положения заключена в том, что государственная власть не вправе вмешиваться в процесс составления избирательных списков, этот вопрос находится вне сферы ее компетенции. В Москве это конституционное положение проигнорировано. Значит, списки составляются ненадлежащими должностными лицами и им грош цена.

Можно ли полагаться на достоверность списков, если их составляет чиновник, находящийся в услужении вышестоящего всевластного чиновника, в пользу которого он не может не действовать? На вопрос “сколько будет дважды два”, ответ такого чиновника всегда последует один и тот же — “сколько прикажете”.

Объективно московская власть была заинтересована в том, чтобы существовал “список Чичикова”. И так как эту власть некому проверить (ее более 10 лет никто не ревизовал и не проверял), нет никаких гарантий, что такого списка не существует.

Закон установил, что избирательные бюллетени изготавливаются “исключительно по распоряжению и под наблюдением соответствующей избирательной комиссии”. Число бюллетеней может по закону на 3 % превышать количество зарегистрированных избирателей. В итоговом сообщении Московской городской избирательной комиссии скромно не сообщено, какое количество бюллетеней было вообще изготовлено. Приведена лишь цифра

бюллетеней, “полученных участковыми избирательными комиссиями” — 6363044 шт. Но этих данных вовсе недостаточно, чтобы понять, обеспечена ли защита выборов от мошенничества. Наоборот, обеспечена их закрытость.

Излишне задаваться вопросом, есть ли механизм контроля за изготовлением бюллетеней. Такой контроль отсутствует в принципе. Сколько их было изготовлено, какими типографиями, как производилась экспедиция — неизвестно. Их может быть сколько угодно.

Так как нет настоящей гласности в обороте бланков бюллетеней, нет независимого и беспристрастного контроля за каждой технологической операцией, в которых они участвуют, всегда остается почва для сомнений. Сообщается одно, за кулисами выборов происходит другое. Судя по способу отправления власти, принятому в столице, это “другое” — какая-то пакость, непристойность, обман, подлость.

В связи с чем возникает сомнение в том, насколько достоверны, честны и надежны проводимые выборы? Из-за келейности при образовании избирательных комиссий — прежде всего городской и окружных. В сущности, закон отдал формирование таких комиссий на откуп администрации, которую в Москве олицетворяет мэр. Кого он определит, тот и будет их членом. Конечно же формально избирательные комиссии формируются “законодательными и исполнительными органами государственной власти” на паритетной основе, а участковые комиссии — выборным органом местного самоуправления. Но кто же в Москве всерьез может утверждать, что городская, 35 окружных и 125 территориальных избирательных комиссий составлены без самого тщательного просеивания и отбора? Чудаков давно нет. Известно также, что избранный в 1993 году состав Городской Думы был скорее из класса рептилий, нежели млекопитающих. И он во всем следовал за руководящими предначертаниями, изображая угодливую тень, готовую изгибаться и пресмыкаться в любую сторону.

Что же касается 3139 участковых комиссий, которые не могут состоять лишь из “своих”, то здесь имеется ущербность иного рода. В Москве их попросту некому было создавать на законной основе — из-

за отсутствия избранных населением органов местного самоуправления.

Ситуация напоминает порочный круг: нет законных участковых комиссий — нет возможности выбрать местное самоуправление, нет органов самоуправления — не могут быть сформированы законные участковые комиссии. Как, спрашивается, выкрутилась из этого московская власть? Очень просто — она наплевала на федеральный закон, самостоятельно сформировав низовые комиссии. Тем самым, выборы 14 декабря, независимо от того, состоялись они или нет, лишились какой-либо юридической силы — их провели незаконно созданные избирательные структуры. С другой стороны, для официальных результатов безразлично, как на самом деле голосует население.

На выборах, организованных профессионалами своего дела, как и в карточной игре с участием шулеров, никто не пользуется одной колодой.

Существуют ли сейчас объективные условия для всеобщих, равных, прямых выборов органов власти? Еще совсем недавно подобный вопрос был излишним, неуместным и беспредметным. Предельно демократичные избирательные принципы существовали на бумаге, но они игнорировались жизнью. Десятилетиями “граждане” дружно участвовали в голосованиях, но им некого было выбирать. Ситуация резко изменилась в 1989 и 1990 годах, когда привычка, существовавшая десятки лет, была изжита в несколько месяцев. Ничего хорошего из этого не вышло. Руками демократически избранных депутатов, их дружными голосованиями, принятыми законами было разрушено то, что создавалось сотнями лет — национальная общность, территориальная целостность, экономический потенциал, оборонная мощь.

Избиратель стремился к одному, а избранные им в результате всеобщих, прямых, равных выборов при тайном голосовании депутаты — к совершенно другому. Население на собственной шкуре ощутило, что оно одурачено, и сменило всеобщую эйфорию всеобщей апатией. Скорее всего отсюда резкое снижение политической активности и массовое уклонение от участия в выборах. Если в 1989 году в избрании народных депутатов СССР приняло участие почти 84

процента избирателей-москвичей, то в декабрьских выборах 1997 года — официально 31 процент, а реально не более 10.

Оказывается, для того чтобы могли проводиться всеобщие, равные, прямые выборы, необходимы многочисленные предпосылки, которых нет и в ближайшее время не предвидится.

Массовый русский избиратель непрофессионален, неопытен и малокультурен. Он, как правило, толком не знает, кому отдать предпочтение, кто на самом деле может и должен стать его представителем в качестве законодателя. Вместо твердых убеждений и предпочтений он голосует под влиянием минутных настроений, создаваемых телевидением или случайной информацией.

Нет исторического опыта, закрепленного многолетней избирательной практикой. В отличие от многих стран Европы, начавших избирательные процессы во времена карет, парусников и мушкетов, Россия осваивает выборы в эпоху электроники и кибернетики. А это отнюдь не одно и то же. Тут охмурят в два счета!

Отсутствует экономическая и политическая среда, которая формирует всесторонне подготовленного избирателя. Нет социально-экономических классов и профессиональных корпораций со сложившимися интересами, принципами, традициями и кадрами. Нет дееспособных политических организаций, которые бы воспитывали политических деятелей, авторитетных публицистов, убедительных ораторов, конкурирующих между собой в борьбе за общественную популярность.

Не создан еще мощный слой экономически самостоятельных и самодеятельных граждан, для которых судьба власти и государства является и их собственной судьбой, которым есть что терять, если власть окажется в ненадежных руках. Предшествующий период русской истории, так называемая “эпоха строительства коммунизма”, не нуждалась в таких гражданах, фабрикуя из людей послушную рабочую силу и безвольное население.

В этих условиях универсальные избирательные процедуры, если их применять для формирования власти, оказываются средством саморазрушения. Вместо того, чтобы отбирать для общественного служения наиболее способных, профессиональных, подготовленных государственных деятелей, формальными победителями на выборах

становятся отпетые негодяи, уголовники, циники, словом — отбросы общества.

Но не массы определяют, кого избирать. Результат зависит от тех, кто управляет массой дезориентированного, деклассированного, деполитизированного населения. Приобрести голоса при этих условиях — проще простого. Сколько раз пачка “геркулеса”, пакет дешевого чая, бутылка водки обеспечивали выигрыш! И чем дольше существует ничем не ограниченное право голоса всех без исключения, тем меньше шансов, что избирательный формализм принесет положительные плоды. Отсюда победа Мавроди в Мытищах, Лебедя и Коржакова в Туле, Кобзона в Агинске.

Как ни вспомнить пророческие слова Константина Петровича Победоносцева, еще в прошлом веке предупреждавшим русское общество против слепой, наивной веры в “парламентаризм” — “великую ложь нашего времени”: “По теории, избранный должен быть излюбленным человеком большинства, а на самом деле избирается излюбленник меньшинства, иногда очень скудного, только это меньшинство представляет организованную силу, когда как большинство, как песок, ничем не связано, и потому бессильно перед кружком или партией. Выбор должен бы падать на разумного и способного, а в действительности падает на того, кто нахальнее суется вперед. Казалось бы, для кандидата существенно требуется — образование, опытность, добросовестность в работе: а в действительности все эти качества могут быть и не быть: они не требуются в избирательной борьбе, тут важнее всего — смелость, самоуверенность в соединении с ораторством и даже с некоторой пошлостью, нередко действующей на массу. Скромность, соединенная с тонкостью чувства и мысли, — для этого никуда не годится”.

Несмотря на то, что о выборах существует великое множество публикаций и сообщений, как они проводятся на самом деле — знает ничтожное количество людей. Большинство имеет на этот счет весьма смутное представление. Поэтому мало кому приходит в голову подвергнуть сомнению ту технологию, в результате которой несколько десятков человек приобретают возможность действовать в качестве представителей 7 миллионов человек, если речь идет о Москве.

Выше мы попытались доказать, насколько неосновательно предположение, что их можно провести честно и справедливо. Теперь

представим себе, что может произойти, если властям захочется злоупотребить своими возможностями и полномочиями. Что для этого надо сделать.

На предварительной стадии. Сформировать верхние эшелоны избирательных комиссий из преданных и надежных людей. Подобрать подходящих кандидатов, желательно несколько на одно и то же место. Сформировать фиктивные конкурирующие блоки кандидатов, изображая острую политическую борьбу между ними и вместе с тем их очевидное ничтожество. Обеспечить надлежащую информационную поддержку в СМИ, заполняя по возможности все популярные каналы и формируя необходимое настроение в массах. Дать команду по административной и избирательной вертикали, кому должна быть открыта “зеленая улица”. Включить в избирательные списки нужное количество “мертвых душ”. Изготовить неустанные бюллетени.

Накануне и в день голосования. Обеспечить нужное количество подстраховочных голосований — досрочных и выносных (14 декабря потребовалось только официально 136,5 тыс. таких голосов). Оформить необходимое количество действительных бюллетеней за “проходимцев”. Составить протоколы согласно разнарядкам, по возможности не ошибаясь в конечных результатах. Мало ли что…

Итак, нисколько не фальсифицируя голосования на избирательных участках и не преуменьшая количество голосов, получаемых аутсайдерами, система управляемого голосования обеспечивает победу лишь назначенным победителям.

Если рассмотреть официальные итоги выборов в Городскую думу, получается следующая картина.

Кандидаты, победившие на выборах, в совокупности получили 633,38 тыс. голосов. Абсолютный уровень представительности, таким образом, составляет 9,28 процента, относительный — 29,8.

Если изложенные предположения соответствуют действительности, в избирательном зазеркалье имелось от 290 до 450 тыс. резервных бюллетеней, (от 8 до 12 тыс. в расчете на каждый округ), используя которые, можно без особых хлопот изменить результаты голосований практически везде.

Фальсификация, обман, мошенничество были бы крайне затруднены, если бы в голосовании участвовали практически все

избиратели. Подобные эксцессы стали бы невозможны, если бы была обеспечена подконтрольность и прозрачность каждого избирательного этапа — от составления списков избирателей и изготовления и рассылки бюллетеней до всех стадий подсчета голосов и оформления протоколов. Объективность выборов была бы гарантирована, если бы существовала независимая от чиновничества система органов избирательной власти.

Пока ничего этого нет ни в стране, ни в Москве. Следовательно, любые выборы с какими угодно результатами — не более чем хорошо ли плохо организованная мистификация, фарс, победители и побежденные которого заранее известны его действительным организаторам.

Хорошо организованное преступление обычно раскрывается не благодаря профессиональной деятельности уголовной полиции. Преступник чаще всего ошибается в мелочах, поскальзывается на ерунде. Возьмем выборы 14 декабря. Внешне все выглядит благопристойно, законопослушно, если не знать прямых нарушений норм права, и демократично. Но посмотрите повнимательнее, кто прошел, а кто спущен в избирательную канализацию.

Возможно ли, чтобы известный столице политик, каким является Н.Н.Гончар, побеждавший, кстати, в своем округе на всех предшествующих выборах, уступил бесцветному, невзрачному, “никакому” сопернику? Никогда и ни за что!

Можно ли вообразить, чтобы москвичи отдали предпочтение человеку, о существовании которого они узнали за несколько дней до выборов, и чтобы его фамилия была Музыря, Присяжнюк или Лобок? Как бы ни были эти кандидаты хороши в профессиональном и человеческом отношении (не исключено, что они чистые ангелы), но подобное насилие над обывательской эстетикой очевидно. Прекрасные, отличнейшие люди Перерепенко и Довгочхун. Но разве можно жить на свете с фамилией Фердыщенко?

Ни при каких обстоятельства не могут оказаться в победителях жены политиков, связанных во скандальными разоблачениями, дискредитацией, которые основательно или безосновательно стали символом коррупции, шулерства, мошенничества, на ком общество, даже такое, как общество москвичей, поставило клеймо неприкасаемости, неприличия. Вообразить, чтобы в данный момент в

Петрограде могли избрать г-жу Собчак, а в Москве г-жу Станкевич или, допустим, г-жу Ковалеву — супругу бывшего министра юстиции, так же трудно, как и сокрушительный выигрыш г-жи Заславской

Политические пристрастия москвичей общеизвестны, их партийная ангажированность и способность отдавать голоса самым невероятным деятелям от политики, вроде Борового, Хакамады или Гербер привычны. Но чтобы в сущности одно и то же лицо в одном месте срывало банк, а в другом с треском проваливалось, такого быть не может. А здесь провозглашается восшествие звезды Евгения Абрамовича (Бунимовича) и закат звезды Аркадия Николаевича (Мурашева), результаты, которые невозможно совместить на одном политическом небосклоне, с одним городом, с одним днем, с голосованием одних и тех же избирателей.

Но все встает на свои места и приобретает смысл, если избирательная рапсодия играется по одной партитуре, одним оркестром, управляется одним дирижером. Сказанного, будем полагать, достаточно…

Зададим еще некоторыми вопросами общего характера.

К примеру, почему закон допустил снижение планки обязательного участия в голосовании 25 % избирателей? Если приходит каждый четвертый избиратель, выборы считаются состоявшимися. Не приходит три избирателя из четырех — и замечательно. И не приходите! И лежите себе преспокойно дома, отдыхайте, выборы обойдутся без вас! Разве такой принцип обеспечивает представительность законодательной власти? Ничего подобного. Избранные по таким правилам органы власти всегда могут подвергаться шельмованию, вышучиванию. Их легитимность становится неочевидной. Не лучше ли резко повысить уровень обязательного участия (50 % + 1 голос) или установить обязательность участия в голосовании, как это принято в ряде стран, где имеет место абсентеизм или массовое уклонение от выполнения гражданского долга?

Какие аргументы послужили основанием для того, чтобы после событий 1993 года был резко сокращен количественный состав представительных органов. В Москве один депутат городского собрания приходится теперь на 195 тыс. избирателей вместо 15,5 тыс., как это было в 1990 году. Увеличение мажоритарного округа более чем в 10 раз разве не означает, что предпринятые изменения, с одной стороны, сделали собрание из 35 членов совершенно управляемым, а с другой — гарантировали, что избранными могут быть только те, кто угоден городской бюрократии или невероятно богат?

Во всяком случае, так называемому среднему классу москвичей мест в Городской Думе не видать, как своих ушей. Им туда не пробиться пока страна не проскочит этап прощания со своим либерально-радикальным номенклатурным прошлым, не расстанется с рожденными этой формой коллективной шизофрении политиками и не перейдет к строительству национальной формы демократии, чуткой к интересам гражданина. В национальной демократии не будет той фальши, которую мы видим сегодня на каждом шагу, не будет заискивания элиты перед охлосом, не будет своеволия олигархии.

Глава 3. Вернисаж персон особой подлости

“В моих глазах произвол имеет ту выгодную сторону, что он для всех явно несомнителен. Он не может ни оскорбить, ни подлинно огорчить, а может только физически измучить. Никому не придет в голову справляться, правильно или неправильно поступил произвол, потому что всякому ясно, что на то он и произвол, чтоб поступать без правил, как ему в данную минуту заблагорассудится. Так что ежели у произвола и была жестокая сторона, к которой очень трудно было привыкнуть, то она заключалась единственно в том, что ни один литератор не мог сказать утвердительно, что он такое: подлинно ли литератор или сонное мечтание, дунул — и нет его.

Тем не менее для меня не лишено важности то обстоятельство, что в течение почти тридцатипятилетней литературной деятельности я ни разу не сидел в кутузке. Говорят, будто в древности такие случаи бывали, но в позднейшие времени было многое, даже, можно сказать, все было, а кутузки не было. Как хотите, а нельзя не быть за это признательным. Но не придется ли познакомиться с кутузкой теперь, когда литературу ожидает покровительство судов? — вот в чем вопрос”.

М.Е.Салтыков-Щедрин

Два иска к одной книге (Ю.Лужков и С.Донцов)

Чтобы не заниматься бессмысленным делом, большинство москвичей никогда не обращаются в суд. Особенно если по их адресу кто-то отпускает нелестное замечание. Но вот московская номенклатура настолько обидчива, что заводится с пол-оборота. Благо, что суды рассматривают иски чиновников о защите чести и достоинства быстро и эффективно. Для всех прочих граждан иной порядок — долго, неэффективно и практически всегда бесполезно.

Вот например, по поводу главы строительного спрута Москвы Ресина Горбачев в одном из интервью отпускает невинную фразу: “Ресин создает структуры, и он же принимает решения отдать этим структурам все за гроши”. Ресин тут же просит суд защитить его честь и достоинство (“Труд” 01.10.94). Горбачев — мертвый лев с репутацией разрушителя СССР и одного из величайших общественных деятелей (“лучший немец”), владелец скромного помещения в несколько комнат с громким названием “Фонд Горбачева”. Ресин — живой шакал, подлый и свирепый, за ним миллиардные объемы собственности. Суд правильно понимает под кого надо стелиться и пинает дохлого льва, позволяя шакалу истекать сладострастной слюной, а потом публично хвастаться своей победой.

Другой пример. Президент Мост-банка Гусинский страшно обижается на газету “Завтра”, обвинившую его сотрудников в разгроме редакции газеты в октябре 1993. Гусинский требует опровержения и выплаты 100 млн. рублей за моральный ущерб. Уж оппозиционную газету суду никак нельзя было оставить в покое. Но тут, правда, в судебной процедуре были некоторые нюансы. Суд в данном случае просто не поверил, что нищая газета сможет отыскать такую сумму и приговорил ответчика к выплате одного миллиона рублей (“Куранты”, 25.10.94). Но вот что странно, куда более серьезное обвинение “Моста” в том, что он нажился на “черном вторнике”, пополнив свою казну на 14 млн. долларов, прозвучавшее из уст В.Шумейко, получило в ответ лишь вялые оправдания со стороны Гусинского — не более. И никаких судебных исков. Шакал шакалу в горло не вцепится — не известно еще кто из них первым перестанет подавать признаки жизни, и не разорвет ли шакалья стая эту парочку, ослабевшую от взаимной вражды? Этот нюанс показывает: суды только тогда привлекаются в

спор, когда один из противников беззащитен, и судьям нет надобности взвешивать аргументы — они просто оформляют “право силы”. Причем это “право” порой обеспечивается самой процедурой, которую номенклатура сама себе определила.

В октябре 1995 Московское представительство авторитетного журнала “Шпигель” было оштрафовано судом на 1 миллион рублей за якобы порочащую честь и достоинство Лужкова фразу: “Доверенные лица Лужкова разделили между собой крупнейшие городские монополии в сфере строительства, торговли и гостиничном обслуживании”. Новизна состояла в том, что суд прошел не по месту расположения юридического адреса ответчика (в Германии). Тут для Лужкова, как и положено в холопской судебной шарашке, было сделано исключение. И смехотворный повод в рамках этой системы был признан весьма серьезным, чтобы состоялось положительное решение по иску. Разве что “Шпигель” это дробины не заметил — настолько несущественным был для западного журнала ущерб, что даже в ответ, как это принято у журналистов, не нагадили, а просто прошли мимо, презрительно оттопырив губу.

В апреле 1996 года Бутырский народный суд обязал редакцию “Новой газеты” выплатить Лужкову два миллиона рублей и опубликовать опровержение совершенно невинных строк (“Новая газета”, № 31, 1996). Строки, которые оскорбили мэра, были такими: “Работа в Думе не пыльная. Приходи время от времени и исправно одобряй, что предложит Лужков. И приработок обеспечен”. “Мэр… то есть, извиняюсь, вор… вор должен сидеть в тюрьме. Актер — играть в театре. Пирожник — печь пироги. Сапожник — ругаться матом”. В первом случае большие основания имели подать в суд на редакцию думские депутаты, во втором — сапожники. Но оскорбился почему-то Лужков, которого вовсе даже могли не иметь в виду — мало ли в России мэров, а в Бразилии Педров. Но именно ему надо было получить “компенсацию” — солидную сумму.

Вот слова Лужкова о критике в прессе: “…я очень щепетилен до того, что касается чести и достоинства. Обливание помоями в печати образует вокруг моего имени вакуум, я теряю точку опоры, я надломлен, не могу продолжить исполнение обязанностей в полном объеме. Нет, моральный ущерб стоит дорого…” И отдает распоряжение своему юристу: “Ты должен все так подготовить, чтобы

“Правда” выплатила мне ущерб 5 миллионов — пусть они разорятся окончательно!” (см. “Тореро в кресле мэра”). Но ведь это месть, а не возмещение морального ущерба! Значит, и суд — не инструмент справедливости, а инструмент мести. Причем мести мелочной, мести за пустяк. Притом, что осужденная сторона может претерпевать от истца куда более весомые оскорбления!

Лужков вообще человек мстительный до болезненности. Это не должно удивлять — таков родовой признак номенклатуры. Но каков суд! Редакция, усилиями этого суда вынуждена была опубликовать заголовок “Вор не должен сидеть в тюрьме”. К этому надо было бы прибавить “В тюрьме, по правде говоря, должен сидеть судья”. Вор (конечно же не мэр!), пожалуй, для общества менее вреден, чем бесчестный и трусливый представитель закона 1.

В 1995–1996 году автору и издателю книги “Мятеж номенклатуры” тоже пришлось иметь дело в судом, в который поступили иски от мэра Москвы Лужкова и его верного соратника, начальника юридического управления мэрии Донцова. В большей мере нести на себе тяжесть последствий этих исков пришлось издателю, буквально прикрывшему автора своим телом от номенклатурной мести.

Оба иска были совершенно идентичны по форме, а в суд в качестве доверенных лиц приходили должностные лица мэрии. Судьи, при всем нежелании заниматься столь скользкими делами, вынуждены были не только принять их на себя, но еще и устраивать перед судебным заседанием кулуарные встречи за закрытыми дверями с представителями мэрии.

Суть исков была проста. Оба истца одними и теми же словами просили об одном — признать некие сведения не соответствующими действительности, отозвать тираж книги и возместить за счет ответчика моральный ущерб.

Об уровне профессионализма лужковских экспертов говорит хотя бы то, что “отзыв” книги был принципиально невозможен, ибо она не является документом, который хранится в каком-нибудь деле. Тираж книги был распродан, и именно в результате распродажи содержание книги стало известно истцам. Даже если бы изъятие тиража из продажи было физически возможным, такое изъятие означало бы, что вместе с оспариваемыми истцом фрагментами книги читатели

лишились бы и всех остальных фрагментов, которые не оспаривались истцами. Это номенклатурным юристом было понять не под силу.

Жажда мести и безнаказанный кураж настолько затмили мозги бюрократов, что исправленный и дополненный с течением времени иск Лужкова содержал и вовсе абсурдное требование “пресечь действия ответчиков, нарушающие или создающие угрозу нарушения на мои права (так в иске — авторы) на честь, достоинство и деловую репутацию, а именно, изъять тираж книги “Мятеж номенклатуры”, запретить ее последующее переиздание”. Читатель сам может оценить уровень грамотности лужковских юристов.

В иске Лужков пишет, что его честь и достоинство порочат слова предисловия издателя к книге: “…как один из главных могильщиков Моссовета, как яростный противник представительной власти. Этот человек, являющийся живым олицетворением худших черт номенклатурного сановника — грубости, нетерпимости к малейшим проявлениям свободомыслия, презрения к закону, отвращения к демократической процедуре”. Любому здравомыслящему человеку понятно, что здесь выражено лишь мнение — истинное или ложное, судить читателям. Но судить мнение почему-то по воле номенклатурщиков должен был суд, созданный исходно для других целей.

Известен такой факт. Журналист оценил поведение канцлера Австрии как аморальное, конформистское и недостойное. Венский суд удовлетворил иск канцлера и объявил, что “пресса должна сообщать только факты, оставляя оценку самим читателям”. Европейский суд по правам человека в Страсбурге признал, что это решение несправедливо, а журналист имеет право выражать свои мнения и суждения, а таковые не могут соответствовать или не соответствовать действительности. По мнению страсбургского суда, свобода слова означает свободу не только выражать нейтральные или благоприятные мнения, но и шокирующие, вызывающие возражения и даже возмущение (“Известия” 16.11.95). По нашему мнению это верно, если не противоречит общепринятым представлениям о приличиях. Но автор книги и издатель такие нормы не переступали. Их переступал Лужков — о чем, собственно, можно было судить именно из книги.

В ст.7 Гражданского кодекса говорилось, что подлежат опровержению сведения, распространенные ответчиком, если они

порочат честь и достоинство истца — если они лживы, фальсифицированы или искажены. Что же в словах, которые избрал Лужков для судебного иска является фактом, который можно проверить на достоверность?

В виде эксперимента приведем пример (“Тверская-13”, № 49, 1996). Летом 1992 Лужков подписал постановление правительства Москвы (№ 455 от 30.06.92), которым у Союза художников России изымался известный художественный салон близ метро “Октябрьская”. По иску Союза художников арбитражный суд Москвы признал это постановление недействительным (25.07.96), а апелляционная инстанция оставила решение арбитражного суда в силе (19.09.96). Оказалось, что Лужков распорядился чужой собственностью. Это и есть официальное признание нарушения закона нашим антигероем. А теперь сделаем вывод о том, что Лужков не является законопослушным гражданином и предложим ему подать на нас за этот вывод в суд.

Теперь перейдем к иску С.Донцова. Здесь дело несколько сложнее. Донцов предложил опровергнуть такую фразу из книги: “В октябре 1993 г. Донцов руководил разгромом Моссовета и захватом оказавшихся там депутатов”, а также фразу, что он “…готов был брататься с мафией, чтобы невзначай не поплатиться своей шкурой”.

Если указанный в иске факт не имел места, то это еще не значит, что кому-то нанесен ущерб. Допустим, что факта не было. Что же тогда задело Донцова? Может быть он где-либо высказывался против разгрома Моссовета? Нет. Во всяком случае, о фактах его противодействия блокированию Моссовета, изъятию документов, захвату депутатов вооруженными наемниками номенклатуры, либо о словах сожаления на этот счет, до сих пор ничего не было известно. Может быть Донцова и близко не было во время незаконного (что подтверждено прокуратурой) захвата депутатов Моссовета? Тоже нет. Он был на месте событий, и это многие могут подтвердить. Более того, как выясняется, именно в этот день Донцов появился в Моссовете в милицейской форме, которую до этого предпочитал не надевать. К чему бы это? Скорее всего, здесь Донцов хотел соответствовать роли, и это ему удалось — он подчеркнул свою принадлежность к группе вооруженных людей, набросившихся на депутатов. Китель с погонами свидетельствовал, что перед нами не просто сотрудник мэрии, но

также и представитель правоохранительных органов, высокое звание которого обязывает к подчинению. Безусловно, Донцов не должен был давать никаких разъяснений о своей руководящей миссии тем, кого хватали вооруженные люди, с которыми он появился на втором этаже здания Моссовета. О его роли, между тем, участники событий вправе судить по его поведению.

Причастность Донцова к разгрому Моссовета достаточно очевидна. Он являлся руководителем структуры мэрии Москвы, которая имела прямое отношение ко всем происходящим событиям — руководил правовым управлением мэрии. Рабочее место Донцова находилось в здании Моссовета. Таким образом, появившись вместе с бандой вооруженных лиц в служебных помещениях, Донцов соучаствовал в организации безобразного действа, фактического мятежа против действующей представительной власти. И в нормальной системе именно он подлежал бы задержанию и разбирательству на предмет совершения преступления. Но в ельцинской, ненормальной системе подлежало судебному преследования как раз осуждение соучастия в мятеже.

Являясь высоким должностным лицом подразделения мэрии, а также приближенным лицом мэра Москвы Ю.Лужкова (о чем говорит выполнение столь деликатной миссии как переговоры с “ворами в законе”, а также поручение Лужкова об изъятии иконы Владимирской Божьей Матери из Третьяковской галереи с использованием ОМОНа), Донцов не мог без ущерба для своей карьеры устраниться от личного участия в ликвидации представительной власти Москвы. Речь, конечно же не идет о единоличном руководстве. (Лужков ведь тоже не может считаться единоличным руководителем уничтожения Моссовета. Тут и Ельцин свою руку приложил, и целая свора номенклатурных шавок.) Донцов руководил одним из направлений того процесса, который автор “Мятежа…” назвал “разгромом Моссовета”. Оно осуществлялось Донцовым именно в целях препятствия работе Моссовета — прежде всего, депутатского штаба, созданного в сентябре 1993 с целью восстановления конституционного порядка.

Что касается второго эпизода, то в книжке “Мятеж номенклатуры” автор за отсутствием места (да и особого интереса к фигуре Донцова) не стал подробно комментировать свое утверждение, считая, что уже одного факта милой беседы с “ворами в законе” по поводу

налаживания контактов с властями достаточно для того, чтобы сформировать свое мнение целях Донцова. Шкурный интерес чиновника в данном случае лишь иллюстрация распространенного явления — сращивания номенклатуры с уголовным миром.

Понятно, что любой чиновник достаточно высокого должностного положения может стать объектом мафиозного шантажа. Уберегая свою жизнь (“шкуру”) он может идти на всяческие ухищрения. По предположению автора, Донцов в качестве такого ухищрения избрал публикацию обширного интервью о своей встрече с показавшимися ему очень интеллигентными преступными авторитетами. Стремление Донцова наладить взаимодействие между властными структурами и уголовниками автор книги расценил как братание с мафией. Ведь Донцов за мафию в своем интервью хлопотал и даже рассказывал о вполне конкретном деле, по поводу которого договаривался с преступниками.

По мнению авторов, поводом для подобного разговора за ресторанным столиком с представителями уголовного мира мог быть страх перед уголовными миром — страх перед результатами правоохранительной деятельности, которой Донцов должен был заниматься по должности, за которую, по образному выражению, мог “невзначай поплатиться своей шкурой”. Оснований для такого мнения достаточно. Ведь не может считаться случайной готовность Донцова к переговорам с “авторитетами” уголовного мира, да и их готовность к такой встрече. Сам Донцов неоднократного заявлял о том (и об этом со ссылкой на публикацию также говорится в книге), что правоохранительный органы не в состоянии защитить граждан от преступников. Именно эта беспомощность и вызывала, по-видимому, состояние страха.

Резкие оценки в адрес Донцова касаются оценки фактов и поведения. Факт беседы Донцова с уголовниками в ресторане оценивается как “братание с мафией”, предполагаемый мотив — как опасения за свою “шкуру”. Разумеется, оценки автора не могут быть приятными Донцову. Но критические оценки, даже если они высказаны в самой резкой и нелицеприятной форме, не могут считаться моральным ущербом. Тут есть просто вывод, который наблюдатель номенклатурного сговора с бандитами, делает исходя из своих моральных установок. У Донцова они принципиально другие. И

вот эти “другие установки” чиновник пытается навязать суду. Чтобы и судьи тоже в какой-то момент могли перейти черту и сговориться по поводу своей “шкуры”, своей карьеры.

Мы сошлемся еще и на то, что упомянутое интервью не скрылось от оценки другого автора — С.Говорухина, который в книге “Великая криминальная революция” (с.50), быть может иначе, но не менее жестко оценил попытку установления контактов между официальными властями и уголовниками. Говорухин пишет об упомянутом интервью Донцова: “Материал, я считаю, программный. Его можно рассматривать как начало открытой пропаганды в пользу мафии. Доводы все те же: мафия хочет порядка, какой же смысл бороться с мафией? <…> Вывод полковника: с мафией можно и нужно договариваться. Вот ради чего затеяно все интервью”.

К слову, отметим тот факт, что Иваньков-Япончик, по поводу которого беспокоился Донцов в своем интервью, был арестован в США в качестве крупного мафиози, и в мае-июне 1996 года прошел судебный процесс, закончившийся двадцатилетним лишением свободы. Вот что стояло за беспокойством Донцова, этого типичного представителя номенклатурных мятежников. То, чего не сделали российские правоохранительные органы, пришлось делать американской полиции. Да и куда было деваться нашим правоохранительным органам (включая милиционера Донцова), если за права Япончика боролись “правозащитник” С.Ковалев, врач-предприниматель С.Федоров, певец-делец И.Кобзон и просто бандит О.Квантришвили (см. интервью Л.Кислинской, “Правда-5”, № 9, 1997).

Позднее — в июле 2000 — закончилось следствие по делу Япончика уже в России. Было установлено, что он убил в 1992 году двух человек. После отбывания наказания в США Япончик должен предстать перед судом в нашей стране, где его так любили (еще любят?) лужковские чиновники.

По этому поводу оценка другого автора отчасти совпадает с оценкой, которая оказалась столь неприятной Донцову: “Руководитель правового управления московской мэрии Сергей Донцов, озабоченный проблемой недостаточно организованной преступности, решил посоветоваться с московскими “паханами”, как ее организовать. Те порекомендовали вернуть своего лидера Япончика из Америки. Жаль,

что ФБР арестовало его как раз в эти дни. Потеряла свой шанс из-за ФБР и московская мэрия, и идеологи бандитского порядка” (И.Перлов, “Люди с собачьими хвостами”, М.: “Писатель”, 1996.).

Возразим — все так, да не очень. Вовсе никто своего шанса не упустил. Бандитский порядок в стране своих лидеров нашел. Япончик — мелочь по сравнению с Лужковым и Ельциным. Да и Донцов, похоже, весьма авторитетен в тех же кругах, а не в блатных.

Что касается судебных процедур, то хочется снова процитировать любимого нами Салтыкова-Щедрина, который пишет, что не прочь испытать наслаждения отданного под суд при следующих обстоятельствах:

“1) Чтоб процедура предания суду сопровождалась не сверхъестественным, а обыкновенным порядком.

2) Чтобы суды были тоже не сверхъестественные, а обыкновенные, такие же, как для татей.

3) Чтобы кутузки ни под каким видом по делам книгопечатания не полагалось. За что?

Ежели эти мечтания осуществляются, да еще ежели денежными штрафами не слишком донимать будут, (подумайте! где же бедному литератору денег достать, да и на что?.. на штрафы), то будет совсем хорошо”.

*** * ***

С именем Донцова вяжется еще одна информация. На его новом месте работы (после мэрии) — в Главном управлении казачьих войск при Президенте (ГУКВ) — тоже как-то все было неладно и попахивало уголовщиной.

18 июня 1996 покончил с собой заместитель начальника ГУКВ генерал-майор бронетанковых войск Анатолий Волков. Он застрелился из именного пистолета, которым его наградил Ельцин. Причины, по которым генерал расстался с жизнью, никому не известны — предсмертных записок он не оставил или не смог оставить (Ъ-Daily, 19.06.96).

Донцов за месяц до этой странной смерти занял ту же должность, что и ушедший из жизни генерал. А примерно еще через месяц — аккурат накануне второго тура президентских выборов 1996 года, Донцов рассказал о своей концепции возрождения казачества по

телевидению. И это тоже для нашего исследования номенклатурных нравов очень интересно.

Донцову, якобы написавшему докторскую диссертацию по юридическим наукам, понятие “казак” оказалось доступным только в такой форме: “казак — это состояние души”. По Донцову лучшее государственное устройство — “вера в царя и Отечество”. Устройство у него такое… Тоже вполне “юридическая” формулировка. Так что, каков юрист (точнее, какова его “душа”), такова и законность в его исполнении.

Судя по нормативным актам, которые готовились не без участия господина Донцова, законность в “казачьей” интерпретации носила хаотический характер — общей концепции работы по возрождению казачества не просматривалось. Нормативная база строилась от частностей, от лоббистских прихотей разнообразных проходимцев. Так, реестровый учет казачьих обществ первоначально регламентировался в части его организации и лишь потом определялось, для каких целей этот учет ведется. Точно так же принимались документы о переходе казаков на государственную службу, и лишь позднее определялось какие виды государственной службы имелись в виду. До утверждения общей структуры казачьих обществ почему-то утверждался устав Волжского войскового казачьего общества. Казачество в ряде документов рассматривалось то как народ (относится к репрессированным народам), то как сословие (для него формируется целевой земельный фонд), то как совокупность общественных объединений, то как особый род войск.

Все это лоббисты из ГУКВ тащили напрямую президенту, а тот подмахивал не глядя, не задумываясь о вероятных конфликтах между возникающим “сословием” и действующими государственными и общественными институтами.

Проект федерального закона, внесенного в Госдуму Ельциным и рекламируемый Донцовым как единственно возможный, сочетал в себе конфликтные определения казака, как госслужащего, и казака, как члена самоуправляющейся общины, а также ссылки на еще не принятый закон о резерве постоянной готовности Вооруженных Сил и Федеральной пограничной службы. Другим негативным моментом законопроекта и ряда принятых нормативных актов был переход от правовой системы отношений между гражданином и государством к

договорной — общие правила, закон переставали действовать. Законопроект был настолько нелепым, что даже в Госдуме, где большинство привыкло уважение к казачеству считать русской национальной чертой, он не был поддержан.

Донцову в его лоббистской деятельности, в стремлении подложить все казачество под президента трудно было понять, что переход к корпоративному обществу не может быть осуществлен лишь для части граждан, только для одной корпорации. При разработке законодательства и нормативных актов, связанных с казачеством (сословные привилегии вроде принципа “землю за службу” или налоговых льгот), необходимо было предусмотреть защиту корпоративных интересов других слоев населения. В противном случае внутренние напряжения в российской обществе, возникающие в связи с особыми правами казачества, должны были стать еще одним источником нестабильности. Ничего этого в ГУКВ в расчет не принималось. Стремились выбить свое — вот и все. Примерно как это делают бандиты-беспредельщики.

Все-таки с казачеством ничего путного не вышло, и Донцов как-то затерялся в номенклатурных коридорах. Лишь однажды мелькнуло его имя как зампреда Федерального фонда обязательного медицинского страхования (и тут оказался специалистом!), который намеревался сменить место работы и перейти на выборную должность члена Центральной избирательной комиссии (СГ 16.03.99).

*** * ***

Судебные амбиции Донцова иссякли примерно через год, лужковские юристы устали через два с лишним года. Ни в том, ни в другом случае истцам не удалось довести разбирательство до существа дела. Обеспечили поражение номенклатурных юристов бывшие депутаты Моссовета адвокат Виктор Кузин, издатель книги Анатолий Тюленев и общественный защитник Лев Иванов. На лужковской физиономии горит невидимая пощечина, которую эти мужественные люди влепили в номенклатурное мурло.

Любимый банкир и любимый строитель (В.Гусинский и В.Ресин)

В Москве многим известно, что любимым банком Лужкова долгое время был Мост-банк во главе с господином Гусинским, отвечавшим московскому мэру взаимной приязнью. Лужков как-то даже говорил,

что на него давят, заставляя отречься от Гусинского, но он однолюб и никого придавать не собирается.

Мы знаем из биографии Гусинского немного. Тем не менее, можно с высокой долей достоверности утверждать, что генетическая ненависть к России и русским была заложена не только в иудейских корнях будущего банкира, но и в советской истории его семьи. Дед Гусинского был расстрелян в 1937 году, бабка тогда же была арестована и отсидела 9 лет (тот же мотив был и у Лужкова). Заряд ненависти к стране Гусинский получил также оттого, что был изгнан из Московского нефтехимического института (тот же нефтяное пятно, что и в биографии Лужкова!) за неуспеваемость, а потом, крупно проигравшись в карты и безвозвратно одалживая деньги, попался, чудом избежав тюрьмы.

В октябре 1986 г. против Гусинского было возбуждено уголовное дело за присвоение денег мошенническим путем (РГ 07.03.95). Вступившиеся за Гусинского сотрудники уголовного розыска Свердловского района Москвы впоследствии оказались руководителями Бюро информации и безопасности группы “Мост”. Вероятно за то, что они смогли надавить на заявителей и свидетелей, чтобы замять дело.

Свет на подноготную этой истории, возможно, проливает статья в “Уол-стрит-Джорнал” по поводу причастности группы “Мост” к КГБ. В статье утверждалось, что Гусинский принял на работу бывшего заместителя председателя КГБ, начальника 5-го отдела КГБ Филиппа Бобкова (курировал деятельность КГБ в Русской Православной Церкви), а в составе возглавляемого им аналитического отдела “Моста” работает еще 60 бывших сотрудников КГБ. Говорилось также, что “Мост” пытается купить приверженность тех членов парламента, которые противостоят чекистам (что, в общем-то, просто чушь собачья). На газету Гусинский подал иск в августе 1994 года (Ъ, 14.03.95). Последствия иска в данном случае для нас не важны. Важна та аналогия в действиях, которая легко просматривается в сравнении с делом Донцова. И тут, и там правоохранительные органы демонстрировали готовность сотрудничать с криминалом. Суд становился связующим звеном в этой номенклатурно-уголовной солидарности.

В 1986 году Гусинский открыл торговую фирму, потом каким-то чудом получил подряды на реставрацию зданий в центре Москвы (“Кто есть кто” № 7, апрель 1994). В 1988 году Гусинский создал кооператив “Инфэкс”, который давал правовые и финансовые консультации иностранным партнерам (всего-то через два года после финансовых афер и использования права в качестве половой тряпки!). В 1989 г. “Инфэкс” и американская юридическая фирма “Арнольд и Поттер” создали СП “Мост” с равными долями в уставном капитале.

Уже войдя в силу и плотно втершись в доверие московским властям Гусинский стал одним из героев нашумевшей статьи Юрия Щекочихина “Страх” (ЛГ 10.06.92, № 24), где “Мост” упоминался как грандиозная мафиозная структура. Гусинский угрожал подать в суд на Щекочихина за нанесение ему морального и материального ущерба, но ввиду явной поддержки его деятельности Лужковым до реализации угроз не дошел — решил не беспокоиться по пустякам. Да и Щекочихин оказался неопасным — не упорствовал своих “исследованиях” и доводах. Именно такого рода наскоки либеральных журналистов оказались очень полезны для новых финансовых воротил — они не лезли в тему глубоко и лишь давали сигнал опасности. С ними не судиться надо было, а брать на содержание. Это Гусинский понял быстро. И это был второй тип солидарности в новых условиях.

Третий тип номенклатурной солидарности, собственно, наиболее очевиден. Он всюду получает название мафии или олигархии — когда происходит сращивание сомнительных капиталов и их нечистоплотных обладателей с чиновниками, обеспечивающими прибыль на капитал, которую делят совместно.

В знак дружбы с лидером московской номенклатуры Гусинский подписал письмо с протестом против заявления Константина Борового (9 апреля 1992), в котором тот обвинял правительство Москвы во главе с Лужковым в непрофессионализме и коррумпированности. Боровой тоже не упорствовал. После принятия устрашающих поз драки так и не состоялось. На горе стране и народу, номенклатура и скоробогачи быстро погасили внутренние противоречия. Но важно, что в этой ситуации Боровой планомерно пошел под откос, а Гусинский — к разрастанию свой империи. Просто Боровой слишком легко отнесся к олигархическим отношениям — предпочел давить на чиновников, а не затевать совместные проекты. Потому в конце концов превратился в

политического паяца. А Гусинский почти десятилетие оставался крайне успешным членом паразитического слоя, сидевшего на шее России. И даже после стратегического просчета в 1999 года и бегства за рубеж, он остался крайне опасным политическим и экономическим игроком. (Не забудем, что речь идет о злой силе, персонах особой подлости, для которых все умственные способности сконцентрированы именно на негодяйстве.)

Как складывался олигархический альянс Гусинского с московской властью? С будущим главой группы "Мост" и Мост-банка Лужков, как утверждают, познакомился на поприще развития кооперации в Москве уже в 1987. Проработав бок о бок с Гусинским без малого десятилетие, Лужков в интервью "Общей газете" заявил: "Те же, кто хотят, чтобы я порвал отношения с Гусинским, толкают на предательство. И при этом они не задумываются, что сегодня, предав одного, завтра человек может предать и другого. Например, Президента". И тут проскочила примечательная оговорочка, говорящая о том, что для Лужкова президентский проект существовал всегда, и первую скрипку в этом проекте должен был сыграть хорошо проверенный партнер: Гусинский — Президент, Президент — Гусинский…

Приведем весьма характерные рассуждения главы группы "Мост" (ЛГ 10.11.93.): "Я не могу пройти через ваш аппарат, это бесполезно. На сегодня нормативная база такова, что она не заставляет вас принимать или не принимать те или иные решения. Я могу предложить вам следующее: я вас поддержу в какой-то вашей политической деятельности…" "Я уже приводил такой пример: что важнее для мэра Москвы Юрия Михайловича Лужкова — добиться, чтобы в городе реконструировалось жилье, финансировались мелкие и средние предприятия, или получить в качестве подарка "мерседес"? Конечно, первое и второе, но никак не третье: если горожане будут получать квартиры, если будут развиваться предпринимательство, москвичи за него проголосуют, когда он пойдет на выборы; а на "мерседесе" он ездить не будет — на него все будут показывать пальцем. Стало быть, для него выгоднее Гусинский, который строит и обновляет жилье, нежели тот, кто дает взятки". "Через два-три года, я думаю, все, что хорошо для "Менатепа", для "Моста", будет хорошо и для России. Это станет понятной для всех нормой". "В результате

октябрьских событий 1993 г. группа “Мост” понесла ущерб в размере 1 миллиард 700 тыс. Не очень большой. Для группы “Мост””.

Тут опять сплошные оговорки, которые, как оказалось, не всякий волен интерпретировать по-своему. Например, про “мерседес”. С одной стороны, Гусинский говорит не о том, что должен делать мэр, а о том, что ему выгодно. Будет выгодно соблюдать приличия — будет воздерживаться от взяток, изменится ситуация — изменит и свое отношение к взяткам и будет ездить на дареных “мерседесах”. Кстати, Лужков никогда не стеснялся ездить на самых современных машинах, да еще под надежной охраной, которая также помещалась в “крутых” иномарках. Так что, подарки от Гусинского для Лужкова — оскорбительная подачка. Он мог сам кому угодно подарить “мерседес”. Даже стал коллекционером раритетных иномарок. На одну из выставок он приехал на БМВ 1936 года выпуска, якобы подаренном ему женой. И при этом никто не спросил, смог ли Лужков всей своей зарплатой за несколько лет покрыть налог с дарения?

В октябре 1994 г. суд удовлетворил два иска Гусинского о защите чести, достоинства и деловой репутации к газете “Завтра”. Газета поначалу, как уже говорилось выше, должна была выложить 100 млн. рублей, поскольку упоминала, что среди тех, кто развязал братоубийственную бойню в Москве в октябре 1993 г. Гусинский играл особую роль — возглавлял “неформальную армию”, состоявшую из членов военизированного формирования “Бейтар”. Кроме того, утверждалось, что состоялся подкуп лично мэра Юрия Лужкова.

С подкупом, конечно же газета переборщила. Лужков с Гусинским и ему подобными жил душа в душу — им было чем друг с другом рассчитываться и помимо примитивных обменов “мерседесами”. Скорее меж ними не было прямых денежных отношений — чисто деловые, которые давали интегральную олигархическую прибыль в самых разных видах капитала.

Был “Бейтар” или нет — точно не известно. Следствие еще впереди. По нашему мнению, был. Гусинский может сколько угодно утверждать обратное. Возможно у него есть на это основания, но все эти основания — во взглядах Гусинского, которые вскрываются в следующих его признаниях.

Прислушаемся как в упомянутом интервью Гусинский произнес еще пару сакраментальных фраз, связанных с политикой и выборами: “В одной из газет меня назвали ельцинистом. Я действительно ельцинист. Притом, что я не понимаю очень многих шагов президента, я не вижу никого другого на этом посту”. “Мы сделаем все, чтобы поддержать и Затулина, и Борового на выборах”. (Вспомним, что Борового пришлось по просьбе московской номенклатуры клюнуть, но не больно — не до крови).

Поскольку Гусинский — ельцинист, то его активность в 1993 году наблюдалась известно по какому поводу. И результат известен — вокруг Ельцина образовалась толпа соучастников и гора трупов. И Гусинский был среди соучастников. Значит и к трупам тоже имеет прямое отношение. В этом газета, бесспорно, права. К тому же наглое признание о готовности поддерживать чиновников в их “политических кампаниях” просто можно считать прямым признанием соучастия в большой крови, пролитой у Останкино и парламента.

Последняя фраза Гусинского из приведенного фрагмента интервью показывает, что конфликты с самыми одиозными фигурами российской политики для него были всегда делом внешним — эти люди всегда поддерживали неформальный контакт и обслуживали друг друга. Действительно, не только против Борового, но и против Затулина Гусинский выступал вполне открыто. Участвуя вместе с последним в создании группы “Предпринимательская политическая инициатива-92” (осень 1992 г.) в начале 1993 года Гусинский нарушил партнерские отношения, получив от Лужкова права уполномоченного банка правительства Москвы для Моаст-банка и став председателем Совета представителей уполномоченных банков при мэре Москвы. Возникшая склока по поводу приобретения внеэкономических преимуществ, как показала дальнейшая история, последствий не имела. Клевались околономенклатурные дельцы не до смерти.

Политическая роль Гусинского не ограничивалась поддержкой пары невзрачных личностей. Гусинский финансировал избирательную кампанию демократических блоков “Выбор России” и “ЯБЛоко”. Причем “Выбросу” было поставлено условие не выдвигать отдельных его членов на руководящие должности, в частности, Михаила Полторанина, — “потому что он антисемит” (“Столица”, № 44, 1994). Но все это — игры ритуального свойства. Действительно серьезная

игра велась за кулисами. Именно там склонялась чаша весов и формировались условия для всевластия номенклатуры.

В начале 1994 г. Мост-банк (вместе с другими тремя банками), по-видимому за большие услуги в избирательной кампании и эффективное сотрудничество с мэрией и Кремлем, стал уполномоченным банком компании “Росвооружение” (привет от В.Шумейко, которого Гусинский на стал тащить в суд за разглашение тайны одной из своих операций в “черный вторник”, проваливший валютный рынок страны). Эта фирма пользовалась беспроцентным госкредитом в 1 триллион рублей сроком в три года. С учетом инфляции, можно считать, что Ельцин просто подарил банкирам эти деньги, который можно было присвоить уже в конце 1994 года после обвала рубля.

В том же 1994 году стараниями еще одной олигархической группировки — Березовского и Коржакова — состоялась операция против Гусинского под кодовым названием “Мордой в снег”. К тому моменту обнаглевший Гусинский решил, что может разъезжать по центру Москвы с вооруженной до зубов охраной. Служба безопасности президента (Коржаков) решила захватить наглецов у здания мэрии и продемонстрировать ему “кто есть ху”. В ответ Гусинский связался с демо-комиссаром в Федеральной службе контрразведки по Москве и области Е.Савостьяновым, а тот прислал к мэрии свой спецназ. Одному из коржаковцев прострелили бок, и лишь по случайности не было настоящего боя. После этого случая дружок Гусинского в ФСК лишился своего поста, а Гусинский со страху сбежал на несколько месяцев за границу. Позднее, когда Гусинский помирился с Березовским, Савостьянов получил место замглавы Администрации президента по кадровым вопросам и там тоже немало “наработал” (например, подогревая конфликт между губернатором Приморья и подвинувшимся рассудком мэром Владивостока Черепковым, которого Савостьянов лично вернул на оставленный было пост — почти на руках вынес с трапа самолета.) Позднее этот дружок Гусинского стал фрондерствовать и в 2000 году даже выдвинул себя в качестве кандидата в президенты России. Голоса (крохи, но какие уж были), как и планировалось, сдал Явлинскому, на которого работала телеструктура Гусинского — НТВ.

В 1995 году комиссия Госдумы установила, что за Мост-банком числится целая связка нарушений (РГ 07.03.95). В частности, при формировании уставного капитала были нарушены правила, запрещающие вносить в уставной фонд заемные средства. А именно таковыми являлись средства ТОО “Мовис”. Кроме того, без разрешения Центробанка (а такое было необходимым по закону) ТОО “Мовис” и ТОО “Мост-Инвест” внесли в уставной фонд валютные средства. Затем операции Мост-банком осуществлялось без соответствующей лицензии. Противозаконные операции осуществлялись и между группой “Мост” и телекомпанией НТВ, Национальным фондом спорта (известный экспортер водки и пользователь президентскими льготами на этом поприще), СП “Олимпийская лотерея” и др. Крупные средства оказывались за рубежом на длительные промежутки времени. Наконец, выяснилось, что Мост-банк был владельцем федеральной собственности без ведома Госкомимущества.

Несмотря на все нарушения, тогда Гусинский устоял. Все обвинения — “как с гуся вода”. А все по причине эксклюзивных отношений с Ельциным, Лужковым и закулисными лоббистами иностранных держав.

Как уже говорилось, часть денег Гусинский тратил на политику, которая тоже приносила доход определенного сорта. В 1995 он финансировал уже не только “демократов” из “Яблока”, но и КПРФ — замешанный на грязной политике бизнес должен был учитывать возможную смену номенклатурного отряда. Потом политические инвестиции пошли исключительно на гальванизацию Бориса Николаевича. Суммы, полученные от такого рода инвестиций, по нашей оценке, сравнимы с госбюджетом России. Но вор-рецидивист никогда не может остановиться. Ему кажется, что разворовано еще не все, что можно поживиться еще чем-то. И Россия не огорчает своих разорителей. Она раз за разом обнаруживает, что в закромах еще что-то есть, что национальное богатство каким-то чудесным способом воспроизводится и его снова можно растаскивать. Именно по этому грабеж длится — пока грабителя не ставят к стенке.

На столичном полигоне беззакония и произвола Мост-банк оказывался неподсудным субъектом экономики, что давало ему неоспоримые преимущества перед всеми другими субъектами. Можно

было не опасаться и даже поругивать МММ-овские финансовые пирамиды да нахваливать Чубайса: “Я знаю Анатолия Борисовича как человека принципиального и упорного и надеюсь, что порядок будет наведен” (ОГ, № 45, 1994). Ну чем не жизнь, когда можешь словом и делом ласкать самых отвратительных персонажей, снискавших всенародную ненависть!

Нельзя обойти факт избрания В.Гусинского “главным евреем России”. На Российском еврейском конгрессе (НГ, 12.01.96) он был избран президентом. Это событие было освящено “большими друзьями России” — послами США, Германии и Израиля. И, конечно, Лужковым, который отметил вклад евреев в развитие культуры, науки и промышленности (он почему-то забыл торговлю и ростовщичество). Да и “всенародно избранный” не остался в стороне. Он прислал на Конгресс своего представителя Красавченко (как потом выяснилось, специалиста по культуре и искусству, которым он стал после того как расстался с экономическим поприщем, связанным, напомним, с деятельностью Г.Попова), прочитавшего от имени Ельцина приветствие организации, единственным условием вхождения в которую является принадлежность к еврейству, а главной задачей — консолидация еврейских общин. Ну а вице-президентом Конгресса стал бывший депутат Моссовета Александр Авраамович Осовцов, до сих пор значившийся во всех справочниках как русский.

В качестве информации к размышлению, можно заметить, что Конгресс русских общин на своих съездах никаких приветствий от Ельцина никогда не слышал, никаких послов из уважаемых стран не видел, одобрения со стороны Лужкова или его рассуждений о роли русского народа не вкушал. Лишь нужды избирательной кампании заставили Ельцина обратиться с трафаретным телеграфным приветствием к внеочередному Съезду КРО (25 мая 1996). Ну а Лужков в 1998–1999 с КРО заигрывал (ибо больше было не с кем — все партии были расписаны по будущим кандидатам в президенты), но и в Израиль с визитами не забывал летать. По простоте своей, которая все разыгрывалась, а потом стала частью натуры, Лужков порой забывал надеть иудейскую ермолку, но в отместку вдруг начинал заговориьб о том, что Иерусалим — столица Израиля, чем несказанно удивлял весь арабский мир и российского министра иностранных дел, которому надо было все время толковать с арабами о том, что слова

Лужкова не отражают позиции России в целом, и что мы знаем про существование Тель-Авива.

Кстати, Лужков заявил в один из визитов на землю обетованную одну интересную вещь: “Единство евреев России и евреев Израиля создаст такую интеллектуальную мощь, которой не будет равных”. После этих слов Лужкова стоило бы назначить почетным президентом еврейского конгресса. Таковым он, по смыслу его отношений у Гусинским, вероятно, и был.

Не без влияния Лужкова к 1997 Гусинский стал заметной политической фигурой и удостоился чести быть включенным в состав узкой группы банкиров, неизменно приглашаемых на приемы к Ельцину. Между тем, Гусинский на тот момент был скромным главой компании “Мост-медиа” (70 % в личном владении, 30 % — во владении группы “Мост”), известной больше всего тем, что она взяла на содержание впавшего в немилость бывшего президентского пресс-секретаря Костикова. Но это была обманчивая скромность. Гусинский стоял во главе огромной империи, порожденной номенклатурным мятежом и беззастенчивым ограблением страны. И в Кремле это хорошо знали.

Империя Гусинского настолько окрепла в 1997 году, что он стал ссориться со своими партнерами и союзниками, полагая своевременным перераспределить роли. Передравшись с потанинским “ОНЭКСИМ” за захват “Норильского никеля”, Гусинский постарался устроить обидчику тяжелую жизнь. И устроил, напугав Чубайса с Немцовым отлучением от поддержки НТВ. Да еще раздул скандал по поводу книги о приватизации, написанной группой чубайсовских прихлебателей — гонорары явно носили характер взятки или легализации незаконных доходов. Чубайс и его команда в ответ провалили кампанию Гусинский-Березовский в борьбе за приватизацию “Связьинвеста”, которую снова выиграл Потанин. Чубайс демонстративно закрыл свой счет в Мост-банке и способствовал оттоку средств из него (МП 21.11.97).

Гусинский, обвинил Потанина в сделке с правительством по “Норильскому никелю” (Finensial Times, 15.08.97), но сам был не прочь вновь поживиться у бюджетного пирога. Вероятно в развитие спутниковой системы НТВ+ (со свободой порнографии, которая окончательно наступала на общедоступном телеканале НТВ только

поздним вечером), Гусинский получил от Черномырдина очередной подарок за счет страны. 10 июня 1997 г. премьер подписал два распоряжения о целесообразности привлечения кредитов в размере 140 млн. долларов под гарантии правительства России для строительства силами ЗАО “Бонум-1” телеспутника (КП 02.10.97). Эта фиктивная фирма была создана в результате цепочки перевоплощений все того же “Моста”. Фирму возглавил А.Островский (управделами Мост-банка). Кроме того, одним из двух учредителей “Бонума” оказалось ТОО “Стройконтакт”, главой которой был Д.Замани (вице-президент Мост-банка), а главой ТОО “Мовис” (см о нем выше) и главбухом “Стройконтакта” — Л.Цитович, руководящий заодно ЗАО “Дора” и ТОО “Мост-Инвестмент”, учредивших ранее и “Стройконтакт”, и “Мовис”. Такие вот хитросплетения номенклатурного спрута…

Еще в 1994 году гусинские аналитики создали проект некоей идеологии, в которой особое место уделялось монархии, церкви и преемственности с дореволюционной Россией (НГ-религии 16.09.98, с. 10). Лужков нянчился с этой идеей, но быстро охладел. Благие намерения в поганых руках, разумеется, превратились в свою противоположность. К 1997 г. Гусинский решил даже объявить войну Русской Православной Церкви (1997, показ по НТВ богохульного фильма), а потом обрушился на мифический “русский фашизм” (1998–1999). Эти две кампании указывали, что Гусинский собирался добыть политический капитал, а потом обменять его на твердую валюту, щедро поступающую из-за рубежа. На этот раз ставка в игре была очень высока — переделать историю, доказав тлетворность русской Церкви и патологичность русского самосознания, якобы склонного к повтору концлагерей и газовых камер. Это давало бы свободу рук тем, кто намеревался добить Россию, и без того стоящую не коленях. Гусиский получил бы от этого такую прибыль, о которой прежде и мечтать не мог бы. Но не вышло — даже у такого успешного негодяя, сил оказалось недостаточно.

Скандал вокруг демонстрации телеканалом НТВ, находящимся, как известно, в собственности г-на Гусинского, кинофильма “Последнее искушение Христа” не мог завершиться одними лишь словесными заявлениями. Официальный лидер проживающих в России евреев, проигнорировав настоятельные требования главы РПЦ,

понимал, что его поступок выходит за пределы обычного конфликта. Вызывающе показав для широкой аудитории кощунственный фильм, Гусинский знал, что это есть ни что иное, как форменное объявление войны не только Православию, но и всему русскому народу.

Возникает вопрос, почему Гусинский, а в действительности стоящие за ним политические и финансовые силы, решились на открытое столкновение с русским народом?

То обстоятельство, что русским рано или поздно надоест пассивно наблюдать, как их страна переходит во власть и собственность кучки алчных подлецы, не вызывала и не вызывает сомнений. Ситуация из фазы гражданской конфузии должна перейти в фазу открытого протеста, яростного сопротивления. Если взрыв не предотвратить, он сметет в лица русской земли всю ворующую, чавкающую сволочь. Поэтому требовалось обратить потенциальный протест в нечто несерьезное, малозначимое — в безвредный хлопок и свисток. Гусинскому нужно было организовать всероссийскую провокацию, заставив русских, никак не готовых на массовые акции и организованные действия, к хаотичным, смешным, бестолковым порывам. Имея в руках средства информации, деньги, власть, полицейские силы, готовые беспощадно уничтожить любого, на кого будет указано Гусинским, крайне важно было уничтожить или дискредитировать потенциальных вождей предстоящего национального протеста и загнать русских на задворки истории. А для этого нужна была крупномасштабная провокация.

Демонстрация кощунственного фильма стала именно такой провокацией, которая должна была вызвать преждевременный, еще не созревший, не подготовленный общественный протест. И одновременно эта акция была отвлекающим маневром, благодаря которому общественное внимание из области политики и экономики, сфер, где реально решается вопрос жизни и смерти русских как народа, перемещается в область религиозных и культурологических толкований, которые в смятенном сознании всегда неоднозначны и порождают паралич деятельности. Паниковский в таких случаях советовал недалекому Балаганову пилить чугунные гири.

Что с нетерпением ожидал телемагнат? Чего хотели организаторы заговора? Им необходимы были крикливо-бестолковые демонстрации со смехотворно низким числом участников. Провокаторы были бы

удовлетворены, если бы появились истеричные заявления протеста. Лишенные смысла обращения думских политиков еще раз подтвердили бы их неизлечимую импотенцию, выставили бы и без того беспомощный парламент на посмешище. Протестующая улица опять была бы заполнена немощными и политически наивными стариками и старухами, которые понесли бы (как уже привыкли) православные иконы и красные флаги, портреты Ленина и Сталина и портреты Николая Второго. Тогда, верили провокаторы, удастся то, чего не удавалось до сих пор — сделать соучастниками, подельниками бессмысленного бунта церковь и коммунистов, веру и неверие, русских и советских. Попутно вновь можно было бы использовать проверенный метод пропаганды под предлогом разоблачения зреющей, якобы, “красно-коричневой угрозы”.

Таковы были планы. Но им не суждено было состояться. Протест православной общественности оказался значительно мощнее и организованнее, чем чаял “главный еврей”. И, вероятно, именно тогда он решил, что из России надо “делать ноги”, не забывая при этом совершать оплаченные ранее пинки в незащищенные места русского государственного организма.

Гусинский говорил: “Я не боюсь победы “левых”. По сути это ничего не меняет” (Ъ-Daily 14.07.98). Он боялся прихода тех, кто действительно пресек бы его безобразия. Поняв, что “демократы” идут в пропасть, а коммунисты не способны взять власть, Гусинский по инерции делал политику в России на выдумывании фашистской угрозы, а бизнес благоразумно переводил в Израиль.

В 1999 году обнаружились некоторые закулисные интриги Гусинского, который обволакивал московскую власть своим влиянием, точно паук муху. Вице-мэр Шанцев рассказал, что Гусинский настойчиво предлагал ему свои услуги в качестве организатора предвыборной кампании мэра (как предполагалось, Шанцев заменит Лужкова, которому пора было перебираться в Кремль или уходить на покой). Когда Шанцев отказался, Гусинский напечатал о нем пасквиль в газете “Сегодня”, и снова повторил свое предложение с намеком на возможное продолжение диффамации. Шанцев снова отказался и пасквили посыпались один за другим. Но это уже были последние интриги перед закатом карьеры.

К лету 1999 экономические проекты Гусинского начали терпеть фиаско. Деньги на защиту евреев за рубежом стали выделять скупо, программа спутникового телевидения НТВ+ не находила в России потребителя, прочие информационные проекты шли плохо. Дело дошло до того, что НТВ начал крутить рекламные ролики Жириновского, зарабатывая на “русском националисте”. А тут еще в “Газпроме” образовалась антигусинская группа, напомнившая про должок в сотни миллионов долларов, а также что 30 % НТВ принадлежит газовому монстру. Чтобы все это не выглядело как очередной погром, во главе группы формально поставили другого негодяя той же национальности — Альфреда Коха.

Гусинский стал отбиваться, и вынужден был открыть карты. Известный всем факт о том, что “Мост” — одна из финансовых и политических опор Лужкова, был всесторонне признан. Именно информационные средства Гусинского повели кампанию в защиту своего патрона и партнера, еще надеясь на спасения всей олигархической империи.

И все-таки дело Гусинского в России необратимо шло к концу. Уже поговаривали о том, что он подыскивает покупателя его информационного холдинга, чтобы отбыть в неизвестном направлении. А с концом эпохи Ельцина его вообще прижали к стенке — блокировали счета Мост-банка и провели общий милицейский шмон в структурах “Медиа-моста” (как всегда скорее для страху, чем для реального результата). Приходилось расплачиваться за финансирование новоявленного и путающего кремлевские карты нового Гришки Отрепьева и его “Яблока”, за фальшивого кандидата в президенты Савостьянова (пытавшегося скинуть хоть какие-то голоса этой самому Гришке), а также за слежку за политиками силами нанятого за тридцать сребреников “гэбья”. Заверещал, закрутился как вошь на сковородке г-н Гусинский, стал жаловаться Западу на антисемитизм власти… А ты не воруй! Новый олигархический альянс оказался сильнее прежнего и расчищал себе место, освобождая политическое и экономической пространство от прежних “великих комбинаторов”.

В 2000 году Гусинскому пришлось посидеть в Бутырской тюрьме, испытать поддержку “всей прогрессивной общественности”, заступничество мировой политической элиты и добровольный выезд

из России перед угрозой нового ареста. Пришлось телемагнату поселиться в Испании, где его тоже периодически тягали в тюрьму, да отбрехиваться на Кремль через едва живой канал НТВ, почти что вымороченный за долги другой группировке во главе с Кохом, представлявшей на этот раз интересы “Газпрома”.

* * *

Одни номенклатурные оборотни тонули в созданном ими же самими болоте, другие находили твердую почву и продолжали барахтаться в надежде выжить, попирая ногами проглоченных бездной. Один из таких “живучих” — серый кардинал Лужкова, первый вице-премьер правительства Москвы Владимир Ресин. Его роль в разграблении Москвы, мы уверены, еще будет расследована и непременно окажется еще более зловещей, чем роль того же Лужкова и его ближайших приспешников. Потому что реальная власть этого номенклатурного монстра осуществлялась втайне.

Но и таких “серых кардиналов” порой тянет к публичности. И вот такая произошла история. В ноября 1995 г. Ресин оккупировал передачу “Мое кино” (такое вот кино) и ангажировал проституированного ведущего с интеллигентской бородкой. Ведущий, гнусно подхихикивая, подсунул Ресину коробочку с вопросами и тот, якобы случайно, вытянул из нее бумажку по поводу иска московского вице-премьера к Горбачеву. Ресин, как уже упоминалось выше, в свое время решил оскорбиться на строчку в одной из статей экс-президента по поводу того, что Лужков и Ресин возглавляют коррумпированное московское чиновничество.

Тогда Ресин не скрывал своего удовольствия по поводу решения продажного московского суда, удовлетворившего иск о “клевете” (что неверно, ибо клевета — дело уголовное, и тут штрафом не отделаться). Миллион горбачевских рублей Ресин направил на строительство Храма Христа Спасителя. Что ему миллион! Наверное, еще меньше, много меньше, чем для Горбачева. Что ему обмазать грязью этих нечистых денег будущую православную святыню!

Эта история показывает в какой мерзости пребывало московское градоначальство, не гнушающееся самыми подлыми способами саморекламы. И здесь мы снова видим обслугу олигархического альянса — две знакомые фигуры: журналист и судья, которым предписано делать вид, что они представляют некие “ветви власти”. И

вот журналисты дают возможность гусинским и ресиным всласть поговорить о себе на страницах газет, судьи — найти повод для разговоров обывательских и вкусить наслаждение от унижения своих ослабленных противников.

В некотором смысле это даже хорошо — дает обильную пищу к размышлениям. Ведь время такое — скрывать номенклатуре особенно нечего и бояться некого. Но времена меняются. А пока есть возможность пополнять дело о московской номенклатуре новыми страницами и разделами.

Но начнем снова “от печки” — с вопроса о том, как образовался этот персонаж особой подлости?

Происхождение Ресина (как и Гусинского) заставляет вспомнить старый большевистский тезис о “кулацких недобитках”. Действительно, отец Ресина — “голоштанник”, женившейся на зажиточной мещанке и сделавший без всякого образования головокружительную карьеру в советской системе. В 1937 году он готовился пополнить ГУЛАГ, сидел под следствием. Спасло только вмешательство брата, который был замом у самого Вышинского. Всех по делу расстреляли, а Ресина-страшего выпустили и восстановили в партии, оставив на память только вырванные ногти (вот за это месть должна была готовиться из поколения в поколение, а жертвой мести должны были стать Россия и русские). Работал он на высоких должностях — управляющим лесных хозяйством Белоруссии, потом начальником Главлессбыта СССР. Все это создало великолепные стартовые условия для Ресина-младшего.

Ресину сидеть при такой поддержке не досталось. Зато он вдосталь наработался с бывшими зеками — в заполярных Апатитах (и эта зэкоская “закалка” роднит его с Лужковым). Потом в 1965 Ресин вернулся в Москву уже опытным строителем. Правда особого профиля. В 1980 он был первым заместителем начальника Главмосинжстроя. Но строил дома. Как и отец — без образования, но “с большим опытом”. А еще — с номенклатурными связями, которые передал ему папаша, вероятно, вместе с жаждой отомстить и тактикой тайных манипуляций в этой области.

Ресин замечательно сжился с номенклатурными монстрами, с теневой системой “ты — мне, я — тебе”, не изменившейся ни при Горбачеве, ни при Ельцине. Он пережил с пользой для себя

градоначальников Москвы — и Промыслова, и Сайкина. Готов пережить и Лужкова. Ресин всех хвалит, со всеми находит общий язык и независим от формальных хозяев города. И мстит. Как заповедано, не потомкам мучителей своих предков, а русскому народу.

Ресин говорил, что он того же типа, что и Черномырдин. Одного поля ягоды. А Гайдар, по его мысли, был самым подходящим для разрушения. Для этого его и поставили — разрушать. Теперь пришло время таких, как Ресин — "строителей". Гайдар для Ресина — аскет, чуть ли не бессребреник. Этакий милашка-большевик, нанятый для разрушения. Но теперь заигравшегося мальчика просто поставили на место: "Будя! Теперь уж мы и без комиссаров справимся. Теперь никто не помешает". Тем более, что месть в основном состоялась — Россия на коленях.

Еще одно родовое пятно либеральной номенклатуры лежит на Ресине — национальность. И общее свойство, проявившееся в переживаемый нами период. Как и Гусинский, Ресин предпочитал не обходить молчанием свою национальность, хотя племяннице посоветовал не брать семитскую фамилию мужа, а оставить свою — невнятную в этом отношении. И об этом тоже Ресин с удовольствием рассуждает: мол, были, де, времена, когда высшие чиновники считали модным иметь жену-еврейку. А теперь: "Фактически мы русские".

Ресин рассказывает, кто спас Москву от гайдаровской шокотерапии: "Только представьте: 31 декабря 91-го года все коллективы обеспечены деньгами, а 1 января 92-го — не выделено ни рубля! Хоть стой, хоть падай. Собчак пошел на то, чтобы сразу все сокращать, увольнять, свертывать и так далее. А мы через Гусинского, через Шора нашли деньги, нашли кредиты под небольшие проценты, и москвичи просто не заметили, что в стране произошел коренной перелом" (ОГ № 35, 1998).

Москвичи все-таки перелом заметили, хотя наркоз был сильнейшим (надо ведь было держать хотя бы столицу в узде!). Но они не знали, что им пришлось усилиями Попова и Лужкова влезть в долговую кабалу ко всякого рода Гусинским и Шорам, ставшим уже через несколько лет истинными хозяевами страны. Они не знали, что и вся страна стала должником у разного рода финансистов-проходимцев, пригретых и обласканных номенклатурной.

Вот информация от Ресина, достойная того, чтобы быть поведанной Гусинским или того же рода деятелями. Как, например, решаются вопросы с выделением финансов? Думаете через бюджет? Как бы не так! Поднимает трубку Ельцин и говорит Лужкову: “Юрий Михайлович! Помоги, выдели из московского бюджета 80 млн. долларов!” И Лужков выделяет, полагая, что бюджет — это его личный карман, а не общественные средства, где каждый рубль (и доллар) на учете. Благо ему никто поперек слова не скажет — Моссовета ведь нет, а Мосгордума — карманная структура, вроде группы советников, на которую обращать внимания не стоит. Поэтому Лужков продолжает пользоваться бюджетом города, наполняемым под спецмероприятия режима. Потому-то и провели в лужковской администрации прямую телефонную линию к Ельцину…

Но есть и иной механизм, создающий особое положение номенклатуре и защищенный правоохранительными органами. Согласно ресинской самооценке (АиФ, № 49, 1995), “черный кардинал” Лужкова никого никогда не увольняет. Он “создает условия”, и люди сами уходят из его ведомства — независимо от того, частная это структура или государственная. Механизм прост — через лицензии. Захотел — разрешил работать, расхотел — запретил. Так лицензии стали механизмом номенклатурного контроля за частным предпринимательством, которое частным быть уже не могло, поскольку было обложено обязанностью платить мзду и еще благодарить за это номенклатурных беспредельщиков.

Ресин в политике выглядит достаточно наивным. Но всегда точно выбирает позицию. На президентских и мэрских выборах 1996 года Ресин стал доверенным лицом Ельцина и Лужкова одновременно. Номенклатурная банда действовала сообща, “выделяя средства” друг для друга. А необходимым посредником в этом деле для них служили Гусинский или Березовский, которые постепенно становились главными в связке авантюристов.

Политические вопросы такие люди решают просто. Например, Ресин признается, что Манеж заполнили все-таки потому, что здесь собирались оппозиционные митинги. Лужков, выйдя из себя, скомандовал: “Ставьте забор!”. Ресин: “Да ведь проекта еще нет!”. Решили вытеснить митинги археологами. Так Ресин, Лужков и им подобные понимают политику, превращая ее в циничное своеволие.

Какой там закон, если суды все в кармене! Какое там общественное мнение, если журналистика на коротком поводке!

В экономике для номенклатуры — своя политика. Ресин — поборник столичных суперстроек, к которым он питает какую-то ненормальную привязанность, видя архитектурную стратегию именно в том, чтобы понастроить в столице чудищ. Для него долгострой никому не нужного “Сити” — будущий “Манхеттен” посреди Москвы, на который надо непременно потратить 4,5 млрд. долларов (к 1999 не торопясь ухлопали 150 млн. долларов); Храм Христа Спасителя, оказывается, воссоздавали только потому, что “не хотели повторять ошибок наших отцов и дедов”. Мол, потому же и памятник Ленина на Октябрьской площади не снесли. Новый Манеж нравится Ресину со всех сторон — и сверху, и снизу, и с точки зрения экономики, и с точки зрения архитектуры, и с точки зрения культуры. В общем, дичь! В соответствии с лужковской “философией власти”.

Интересен и взгляд на культурные ценности. Вслед за своим патроном, Ресин восхищается церетелевской “Трагедией народов”, которую в народе называют “Домино”, и которую от позора пришлось задвинуть подальше от главных аллей Парка Победы. Разобрать эту гаденькую композицию, правда, не решились — “искусство все-таки”.

Церетелевский медный зоопарк на Манеже Ресину тоже по душе. Хотя и говорили ему: “Что вы над могилой Неизвестного солдата зверинец устраиваете!”. Не внял. Решил, что народу это нравится, а воспитывать его — дело гиблое. Надо “учитывать не навязываемый, а реальный уровень культуры”. Вот и налепил Церетели своих уродцев — согласно реальному уровню культуры и уровню понимания народной души у таких, как Ресин.

В соответствии с таким пониманием жизни и расслабляются закадычные номенклатурные друзья. Как рассказала в одном из телеинтервью мадам Ресина, они собираются на подмосковной даче, заливают глаза алкоголем, переодеваются в балетные пачки и пуанты, разрисовываются дмским макияжем и в таком виде до утра отплясывают и орут дурными голосами.

Чудовища заполняют города России (а Москву — в особенности) потому, что номенклатурная братия ведет соответствующий образ жизни — любит устраивать при закрытых дверях форменный вертеп. Когда же кого-то из них случайно (или нарочно) ловит глазок

видеобъектива, как это случилось с министром юстиции Ковалевым, подобная публика отворачивается от него: мол, до чего дошел! А всего-то разница в том, что про Ковалева стало доподлинно известно то, что про его коллег по номенклатурной касте известно, но недоподлинно.

* * *

Соратников Лужков всегда выбирал с особым вкусом. Вот, например, еще один персонаж — генерал А.С.Перелыгин, доставшийся мэру в наследство от Г.Х.Попова (см. “Подмосковье” 03.03.99).

В феврале 1992 генерал-майор Перелыгин был направлен в мэрию из резерва ФСБ (где он пребывал в должности, равнозначной замначальника ФСБ по Москве и области) для создания МРАЦ “Московского регионального аналитического центра”, имевшего целью сбор и анализ информации для прогнозирования кризисных ситуаций. Но поскольку МРАЦ был создан на базе отдела информации и конъюнктуры Управления делами мэрии, то генерал Перелыгин занялся совсем другим — учреждением коммерческих фирм и незаконной детективной и охранной деятельностью. Он использовал для частных целей не только преимущества своего статуса, но и прямым образом забирался в карман государству.

В конце 1992 года, например, ему удалось за счет городского бюджета организовать коммерческую командировку своих сотрудников в Италию (в интересах российско-итальянского СП), а в 1995–1998 вне всяческих правил и процедур за счет города улучшить жилищные условия себе и своим родственникам. Поменяв неплохую квартиру, где каждый член семьи имел по комнате, на худшую, Перелыгин дополнительно за счет города получил жилье в элитном доме. Кроме того, генерал прикрыл собой своего родственника Ф.С.Перелыгина, задержанного в 1997 с оружием при разбойном нападении. Даже обнаружение у бандита наркотиков не помешало следователю отказаться от возбуждения уголовного дела. (И опять мы видим альянс а-ля Донцов!)

Примечательна также связь Перелыгина с политическими структурами вроде центра ИНДЕМ (информация для демократии), созданным советником Ельцина Г.Сатаровым. Именно сотрудники

этого центра участвовали в акции по облегчению городского бюджета при организации упомянутой командировки в Италию.

Соратники соратников тоже имели возможность облагодетельствовать себя за счет бюджета. Например, Ресин поставил во главу Департамента внебюджетной политики (название-то каково!) некоего Л.Краснянского (не путать с Красненкером, сатрапом Березовского в “Аэрофлоте”). Только в 1998 году департамент вне контроля со стороны горожан построил 800 тыс. кв. м. коммерческого жилья.

Тут мы видим пример явления, который подробнее разберем ниже — монопольное и бесконтрольное использования казны определенной моноэтнической корпорацией.

Семейство паразитов (Березовский и др.)

Удивительная коалиция лиц с фамилиями, которые чаще всего заканчиваются на “-ский”, требует от современного летописца особого внимания к целому ряду широко известных персонажей. Мы конспективно коснемся только некоторых персон из этого паразитического семейства вида “хомо”.

Начнем мы с фигуры Бориса Абрамовича Березовского — сына одного из видных религиозных деятелей еврейской диаспоры, известного больше по кличке “Абрамыч” или “БАБ” — по первым буквам фамилии, имени и отчества.

Этот весьма талантливый персонаж (смотри также “Сказку про сатаненка Борю” в последующих разделах), прежде чем стать акулой отечественного бизнеса и магистром “олигархов”, а также ближайшим наушником президентской Семьи, окончил Московский лесотехнический институт (у них то нефть, то лес на уме!) и сделал себе карьеру ученого в Институте проблем управления, где в 37-детнем возрасте защитил докторскую диссертацию в области прикладной математики (обойдя собственно математику стороной), опубликовал ряд монографий и стал член-корром РАН (1991).

Переломным событием в карьере будущего БАБ стала дружба с АвтоВАЗом, которая образовалась у Березовского еще в 1973, когда он начал внедрять там системы автоматизированного проектирования и программного обеспечения (в те годы, при отсутствии компьютеров — полная профанация). Недюжинные способности к интригам позволили ему уже в мае 1989, когда подавляющее большинство потенциальных

предпринимателей и думать не могло о каком-то бизнесе, стать генеральным директором только что основанного ЛогоВАЗа (вначале это было СП, потом ЗАО холдингового типа) — основного дилера АвтоВАЗа.

С чего бы такая милость от руководства крупнейшего предприятия страны, подставлявшего кровеносные артерии своего детища под паразитические присоски скороспелых авантюристов? А все с того же — номенклатура всегда испытывала потребность в энергичных проходимцах, компенсирующих ее лень и трусость, а также удобных в плане списывания на них всех грехов в случае неудачи. Вот так и складывался симбиоз старой и новой номенклатур, пустивших достояние страны по ветру. Причем сначала старички посылали на рисковые операции других, а потом становились зависимы от облагодетельствованных ими молодых авантюристов вроде БАБа.

Причастность к ПО АвтоВАЗ в номенклатурной табели о рангах говорила о многом. Завод производил до 700 тыс. автомобилей, 300 тыс. продавал за рубеж и обеспечивал, по словам своего руководства, чуть ли не 10 % национального дохода страны (НЕГ 23 ноября 1994). Вот к такому-то источнику приставил БАБ вторую паразитическую присоску — АвоВАЗбанк, который стал таким же типичным порождением номенклатуры, приспосабливающим ее к новым условиям “рыночных реформ” и использующим неоспоримые преимущества перед всеми остальными гражданами России. Старая номенклатура давала под авантюру свои подпорки — финансовый монстр возник из отделения Промстройбанка СССР. А председателем правления гендиректор АвтоВАза Каданников поставил Петра Абрамовича Нахмановича, руководившего до того финансовым управлением автогиганта. Не нужно объяснять, что в лице Нахмановича БАБ встретил почти родного человека — представителя того же подвида “хомо”, что и он сам.

Обслуживая АвтоВАЗ и Камский автозавод, АвтоВАЗбанк стал крупнейшей финансовой структурой, протянувший свои щупальца до Австрии, Люксембурга, Италии, Израиля, Кипра, включившейся в проекты Всемирного банка и Европейского банка реконструкции и развития. Два Абрамыча били дуплетом по российской экономике.

Но главная часть проекта по выкачиванию денег из государственной собственности, — все-таки СП ЛогоВАЗ, учрежденное ПО АвтоВАЗ, Институтом проблем управления и итальянской фирмой Logosystem. Особую роль СП получило благодаря участию профессора Березовского в защите диссертации руководителя "АвтоВАЗтехобслуживания" А.Зибарева, а также причастность к деятельности фирмы жены гендиректора Каданникова.

В декабре 1992 произошла тихая приватизация ЛогоВАЗа, при которой доля старых учредителей сократилась до 10 %. Только после этого в 1992–1993 через ЛогоВАЗ были проданы десятки тысяч автомобилей, что сделало эту фирму (первоначально маленькую и никому не известную) мощной финансовой структурой. К 1994 ЛогоВАЗ — крупный многопрофильный концерн, занимающийся в том числе и реконструкцией зданий.

Помимо сверхприбылей от монопольной торговли автомобилями по обычной схеме, паразитическая структура ЛогоВАЗ активно занималась и "псевдо-реэкспортом" отечественных автомобилей, когда на них оформлялись документы о продаже за рубеж, а затем — об обратном ввозе. На самом деле машины не покидали России. В качестве перевалочной базы использовалась знаменитая подмосковная надувательская фирма "Властелина", предоставлявшая для этих операций свои автостоянки. (Потом Березовского пытались трясти за "отмывку" денег — незаконное предпринимательство, а вот главу "Властелины" после нескольких лет отсидки в следственном изоляторе в 1999 посадили за решетку на 7 лет. Выпустили, правда, через 3 года, позволив продолжить свой подлый бизнес).

Доля БАБ в уставном капитале ЛогоВАЗа официально составляла 7,7 %. Это дало ему возможность нажить немалые средства лично для себя — пока корыстная доверчивость руководства АвтоВАЗа это позволяла. В итоге этой доверчивости ЛогоВАЗ оказался должен АвтоВАЗу 25 миллионов долларов, что и послужило причиной для ряда криминальных разборок.

У АвтоВАЗа тогда обнаружился еще один крупный должник и успешный конкурент ЛогоВАЗа — фирма Лада-Брокер. Так вот, в июле 1993 года в Тольятти был убит прокурор города, отец владельца Лады-брокер (уже примелькавшийся "бизнес-букет" с номенклатурной "розочкой" посредине!), а в сентябре того же года против детища

Березовского тоже началась активная подрывная деятельность. Это был как раз тот период, когда наш “талант” затеял новый финансовый проект — создание Автомобильного всероссийского альянса (AVVA/ АВВА), ставшего типичной “пирамидой”, под обломками которой исчезли средства тысяч доверчивых вкладчиков. Это была третья “пиявка” на тело России, поставленная Березовским. Многим казалось, что таким способом он лечит страну. Особенно тем, кто сам ставил такие же “пиявки”.

Только за один месяц автостоянки ЛогоВАЗа трижды подвергались нападениям. Забросали гранатами и расстреляли из гранатомета московские машинные парки в Крылатском и на Хорошевке. Весной 1994 года с ручки двери по месту жительства Березовского сняли гранату. 7 июня 1994 года он сам был легко ранен в результате взрыва в соседней машине.

Последний эпизод был, по-видимому, уже из другой криминальной схватки. Дело в том, что контролируемый криминальными авторитетами Мосторгбанк продал (по сценарию заранее спланированной операции?) два своих векселя по 500 млн. рублей компании АВВА. Векселя погашены не были, а люди, заключившие сделку от имени Мосторгбанка, скрылись. Березовский, пострадавший от паразитов более мелкого, но едкого качества, решил обратиться в милицию. В то время, когда он ехал на заранее назначенную встречу в РУОП, и произошло покушение на него — одни пиявки пытались растерзать другую. Однако через три дня после этого неудавшегося покушения деньги с процентами (1,2 млрд. рублей) поступили на расчетный счет АВВА (Ъ-Daily, 24.02.95). А еще через некоторое время лидер группировки, контролирующей Мосторгбанк, был убит. Хотя по некоторым данным убийство было инсценировано, БАБ показал, что своим местом-присоской ни с кем делиться не собирается. Для пущего страха он даже пообещал тому, кто предоставит информацию, позволяющую раскрыть личности организаторов покушения, 2 млрд. рублей. Официально эти деньги так и остались у Березовского. Ну а тем временем в Тольятти в течение 8 месяцев 1994 года отправили на тот свет 52 (пятьдесят два!) уголовных авторитета.

Достаточно быстро увидев каковы реальные перспективы его собственных прожектов, Березовский в 1995 начал выходить из игры. Вероятно, сигналом для него стал взрыв 16 июня 1995 года в помещении Объединенного коммерческого банка (учредитель АО ЛогоВАЗ). В сентябре-октябре 1995 появились сведения о возможной продаже Березовским ЛогоВАЗа иностранным компаниям, в связи с его задолженностью, возросшей до 165 млрд. руб. Березовский в этот период предпочел переориентироваться на другие проекты, коих он наплодил своим злым талантом во множестве. Главное — достигло необходимой глубины его сближение с Семьей (близкими

родственниками президента и их друзьями, свалявшимися в единый грязный мафиозный клубок). Присоску теперь можно было ставить прямо на мозг, который вынужден принимать те решения, навеянные шепотом вкрадчивого паразита.

С осени 1993 до июня 1996 Березовский был членом Совета директоров АО АВВА — упомянутого выше амбициозного проекта по развертыванию производства легковых автомобилей в Тольятти, под который безответственно доверчивых граждан призывали вкладывать свои сбережения. За период своего недолгого процветания АВВА успел присвоить 13.5 % акций АО АвтоВАЗ, заключить совместно с АвтоВАЗом и швейцарским отделением Banque National de Paris кредитное соглашение о выделение 150 млн. долларов на свои нужды, собрать с граждан от 30 до 50 млн. долларов (подробнее об этом — в главе “Наперсточники”). Личная доля Березовского в уставном капитале АВВА того периода неизвестна, но оценивается не менее, чем в 10 %. Соответственно, можно оценить и личные доходы, дополнявшие обычные для такого рода дел теневые поступления.

Неформальный альянс представителей паразитического семейства состоялся при создании Общественного российского телевидения (ОРТ).

В свое время (1991) паразиты разных рангов вели телекомпанию “Останкино” к финансовому кризису, чтобы оправдать ее акционирование. Проблему нехватки госсредств дирекция “Останкино” решала просто: редакциям поручили зарабатывать деньги самостоятельно (то есть паразитизм был поставлен на поток). Средства за рекламу рекламодатели переводили на счет “Останкино”, а дирекция отчисляла процент студиям. Гораздо большую прибыль приносили телекомпании неофициальные заказные сюжеты, которые обходились заказчику от $5 до $20 тыс. Большую часть суммы чиновники клали себе в карман.

По некоторым сведениям криминальный фонд “Останкино” был взят под контроль бандгруппой Вячеслава Иванькова (опять тот самый “Япончик”). Есть также основания предполагать, что “крышей” для всех предприятий Березовского служили чеченские бандиты. Впоследствии именно это позволило ему (уже в статусе замсекретаря Совета безопасности) успешно вести переговоры с главарями мятежников в Чечне и устраивать рекламные акции с выкупом

заложников. А еще немного погодя информация о связях Березовского с боевиками, оглашенная руководством ФСЬ, окончательно закрыла для БАБ возможность вернуться в Россию. Но это было потом — после Ельцина.

В 1992 года на “Останкино” возникла коммерческая реклама ($5 тыс. за минуту). Подчас с валютных рекламодателей студии брали деньги как с рублевых, но за эту услугу приходилось доплачивать наличными в теневой фонд. Положение не изменилась и после того, как при “Останкино” появились аккредитованные рекламные агентства — Ргemiег-SV, Video iпternational, и другие. Просто пиявки образовали своеобразную “пищевую цепь” и кормились одна от другой. В конце цепи непременно был государственный организм, из которого откачивали финансы для жизнеобеспечения пиявочной колонии.

Здесь всплывает фигура еще одного типа из семейства “хомо” — Сергея Лисовского, владельца компаний Ргemieг-SV, Лис`С, и др., а позднее — также 51-го частотного канала ДМВ. Этот замечательный персонаж не раз потом попадался на глаза публике в скандальных новостях.

В 1993 году Premier-SV контролировал своим кровососущим хоботком первый, пятый и шестой телеканалы, Video International — второй, третий и четвертый. Капиталец делали на “мыльных операх”, разбавляемых рекламой. Стоимость рекламного времени в этих киноподелках в несколько раз превосходила цену их проката. Наркотик “мыльниц” делал граждан нечувствительными к зависимости от паразитов.

Первые проникновения на телевидение Березовский осуществлял еще в бытность руководителем ТК “Останкино” А.Н.Яковлева. Втершись в доверие к одному из столпов “демократической” пропаганды, Березовский совместно с Лисовским создают в июне 1994 компанию “Реклама холдинг” (Premier-SV, “Максима”, “Остер”, ЛогоВАЗ-пресс, ИнтерВИД, Video-iпternational, “Останкино”), монополизировавшую рынок спекуляций эфирным временем. Доходность такого бизнеса (с учетом средней рыночной цены эфирного времени на первом канале в 20–30 тысяч $ за минуту) оказывается в тот период просто астрономической. Паразитический проект превратился на достаточно длительное время в самый

настоящий насос, перекачивающий огромные суммы в частные состояния.

Открыто Березовский объявился на телевидении в конце 1993 — начале 1994 года с рекламным агентством ЛогоВАЗ-пресс и далее активно стал лоббировать идею “народного телевидения” (вслед за раскруткой аферы с “народным автомобилем”). Чиновники-демократы прикинулись, что делать тут нечего — выделенные госсредства составили на телевидении лишь четверть необходимого (остальное рассовывалось по карманам), и в ноябре 1994 Ельцин подписал Указ о создании ОРТ. Березовский “только согласовал интересы людей, которые принимали решения”, чем и добился на ОРТ ведущего положения.

Состав учредителей нового паразитического инструмента, по словам БАБ, определялся так: ими должны были стать “солидные компании, заинтересованные в создании нового телевидения и стабильных условий для развития бизнеса в России”. Многих Березовский, что называется, женил заочно, включая соответствующие фирмы в состав учредителей. Например, глава “Менатепа” Михаил Ходорковский говорил, что Березовский сообщил ему о вхождении в состав учредителей ОРТ по телефону, а президент “Столичного банка сбережений” Александр Смоленский в интервью “Московским новостям” заявил, что Березовский просто пришел к нему, показал Указ от 30 ноября 1994 года, в котором Смоленский записан в качестве акционера ОРТ, и отказываться было уже поздно.

Лукавят, стервецы, или Березовский, действительно, был столь пронырлив? Одно ясно — мы сталкиваемся на ОРТ уже с целым выводком из паразитического семейства.

Скрытые действия по формированию команды совладельцев ОРТ конечно же были, а цель их состояла с том, чтобы корпорация паразитов никому не уступила доходного проекта. В результате из состава учредителей был выпихнут “Инкомбанк”, с которым, как отмечал БАБ, договориться не удалось. Потом из состава акционеров пришлось выйти “Ассоциации независимых телепроизводителей”, в которую входили ВиД, RenTV и ATV. Раздувшиеся пиявки, образовавшие уже целую гроздь, отпихивали от источника доходов тех, в ком не узнавали своих собратьев.

С 1994 года Березовский стал первым заместителем председателя Совета директоров АОЗТ “Общественное российское телевидение” (ОРТ), сосредоточив в своих руках финансовое управление (восемь коммерческих организаций, среди которых ЛогоВАЗ, владели 49 % акций ОРТ).

В начале 1995 года в рекламном бизнесе начался спад. Это было связано с обвалом пирамид вроде “Хопра” и МММ, войной в Чечне, появлением президентских охранников у Мост-банка, слухами об отставке ряда телечиновников “демократического призыва” и слиянии Московского телеканала с 2х2, а также запрещением рекламы табака и алкоголя на телевидении. Только в январе 1995 Premier-SV “потерял” (в смысле, недоворовал) $ 2,5 млн. Началась демпинговая распродажа рекламного времени “Независимым информационно-рекламным альянсом” (НИРА), выкупившим долю “Останкино” в “Рекламе-холдинг”.

Березовский тем временем вел себя как собака на сене, не пуская на ОРТ рекламные агентства и сохраняя место для своей паразитической грозди. Агентства предложили Березовскому создать при ОРТ структуру, аналогичную “Рекламе-холпинг” (49 % акций которой имело бы агентство Premier SV). В ответ руководство ОРТ объявило об отмене рекламы с 1 апреля. Убытки (недоворовство) от запрета на размещение рекламы на ОРТ в период с 1 апреля по 1 августа 1995 года должны были составить не менее 100 млн. долл. Через два дня был убит гендиректор ОРТ Владислав Листьев.

Пытаясь рассеять подозрения на свой счет, Березовский говорил, что убивать Листьева тем, кто преследовал на “Останкино” финансовые интересы, просто не имело смысла (100 млн. долларов — не в счет!). Листьев, мол, отвечал в ОРТ за вещание, и никаких денежных вопросов не решал. “Да и человек-то, — говорит Березовский, — он был небогатый. У настоящих телемагнатов денег было куда больше”. Это он говорил, вероятно, про альянс пиявок из семейства с фамилиями преимущественно на “-ский”.

От следствия Березовского и других теледельцов спасло личное участие в их делах Черномырдина и Коржакова. А в июне 1995 Лисовский, остававшийся ближайшим партнером Березовского, стал генеральным директором АОЗТ ОРТ-реклама. Пора было бы задать вопрос: кому было выгодно убийство Листьева? Но очевидный ответ

не к кому было адресовать. Потому что выгоду получила и коррумпированная власть.

Тем временем для финансирования ОРТ Березовский “выбил” 189 млрд. руб. из бюджета через Комитет по информационной политике Госдумы (тогда в ней доминировали “Выброс” с ПРЕСом и продажная фракция ЛДПР), а в сентябре 1995 года обратился во властные структуры за предоставлением из госбюджета еще 100 млрд. руб. на те же нужды. Тогда же Березовский стал акционером (26 % через ЛогоВАЗ) Московской независимой вещательной корпорации (МНВК, телеканал “ТВ-6 Москва”) и, поставил под свой контроль “Независимую газету” (через Объединенный банк). Его присоски уже покрывали все тело страны. Куда ни сунешься — всюду щупальца БАБ или его единокровных соплеменников.

Все это удачно сочеталось с политической деятельностью. В начале 1995 Березовский заявил о том, что телевидение будет играть доминирующую роль на выборах, но на этот раз ни Жириновскому, ни коммунистам эфир свободно предоставляться не будут, т. к. “с агрессивным врагом надо и себя вести агрессивно”. Конечно же обманул. Да и всегда пугал лишь для виду, примеряясь только, к кому бы еще из пугливых присосаться.

Березовского лишь слегка пожурили за волюнтаризм, но оставили в покое, потому как мозг нации с помощью присосок БАБ пожирал тело нации и наслаждался своим временным благополучием. Именно поэтому в мае 1995 года премьер Черномырдин предложил Березовскому стать распорядителем финансов правительственного избирательного блока “Наш дом — Россия”.

По данным газеты “Известия”, БАБ с марта 1996 года стал спонсором президентской избирательной кампании генерала Лебедя. Поддержка Лебедя была частью противостояния Березовского и помощника президента Виктора Илюшина группе вице-премьера Сосковца, охранника Коржакова и других. В комментариях по первому туру выборов один из соратников Ельцина прямо признался: “Благодаря Березовскому частота появления Лебедя на ОРТ достигла частоты появления Бориса Николаевича Ельцина”. Ну а в 1998 г. Березовский открыто поддержал Лебедя в борьбе за кресло губернатора Красноярского края, добившись благосклонности

президентской Семьи и “прищемив” действующего губренатора В.Зубова по линии Администрации президента.

В 1996 помогал Ельцину в избирательной кампании и другой член паразитического семейства — Гусинский, отмывавший грязные деньги в кампании презиеднт-96 и получивший в оплату весь четвертый канал телевидения (“Правда”, 29.04.97). Но Березовский все-таки оставался близ Ельцина первым и любимым проходимцем, которого ненавидели, все время пытались спихнуть, но боялись все члены паразитической корпорации.

В 1996 Березовский торопился изничтожить Каржакова как политическую фигуру, которая могла стать источником серьезного компромата на него. Кое-что на этот счет Коржаков приоткрыл в своем телеинтервью после отставки (см. “Совершенно секретно” № 11, 1996): “Недавно один очень крупный бизнесмен сделал круглые глаза, когда узнал, что я действительно от Березовского никаких денег никогда не брал. Как же так, мол, Березовский же неоднократно брал крупнейшие суммы денег, в том числе у него, говоря, что это для службы безопасности и, в частности, для самого Коржакова. Да, в один из моих дней рождения я принял от него в подарок ружье. Очень дорогое. В другой раз — фотоаппарат, тоже дорогой, около тысячи долларов. Но потом, когда он мне предложил дружить с Гусинским (перед этим три года уговаривал меня убить его), я понял, что у нас ничего не получится, и публично вернул ему его подарки, чтобы нас ничего не связывало”.

Дальнейших подробностей не последовало, поскольку опального Коржакова избрали в депутаты в Туле (на место сдавшего депутатский мандат Лебедя, перешедшего тогда в ельцинскую администрацию), и он снова мог торговать своим компроматом в закулисных политических интригах.

Связями в правительственных кругах БАБ активно пользовался, организуя поддержку своих проектов или давление на конкурентов. Зачастую поддержка высшего государственного чиновничества лишь имитировалась, создавались мифы, воздействующие на тех, кто должен был принимать решения, выгодные Березовскому. Создавался миф о всесильном Абрамыче, который буквально гипнотизировал царя-Бориса.

Достаточно глубокие связи имел Березовский на международном уровне. В сентябре 1995 года Березовский вместе с министром науки РФ Салтыковым встречался с приехавшим в Москву финансовым аферистом всемирного масштаба Дж. Соросом. Часть встречи носила закрытый характер. После этого Березовский передал на развитие российской науки 1,5 млн. долл. в созданный Соросом в России специальный фонд. Две пиявки из одного семейства быстро поняли друг друга и объединили усилия.

Еще одна тайная пружина политического влияния Березовского — связи по линии еврейской общины. Известно, что в декабре 1995 года произошло сближение Березовского с О.Бойко и Гусинским. Указывает на это тот факт, что ими совместно были приобретены квартиры в Лондоне на Альберт Роуд. Инициатором сделки, скорее всего, выступил Гусинский, который располагал связями в российском посольстве в Англии и имел возможность обойти имеющиеся ограничения по покупке недвижимости и легализации грязных денег. Некоторые эксперты высказывали мнение, что на скандальной сделке по продаже за бесценок арабскому шейху принадлежавшей России недвижимости в Лондоне в числе ряда высокопоставленных пиявок нажился и Гусинский.

Впрочем, не все так гладко было в корпорации паразитов. Известно, что Березовский в свое время “продавил” решение о переносе финансовых счетов “Аэрофлота” из МОСТ-банка в свой родной АвтоВАЗбанк. Может быть именно это обстоятельство позволило засуетившемуся осенью 1996 года Коржакову огорошить публику информацией о том, что Березовский заказывал ему убийство Гусинского и добывал на последнего компромат с апреля 1996. Будто бы ярой ненавистью воспылал Березовский и к Лужкову, и к Лисовскому, и даже к певцу Кобзону (“Новая газета”, № 37, 1996). Скорее всего пиявки просто пытались скрыть свой альянс, чтобы он до поры до времени не слишком уж бросался в глаза.

Упомянутый банк являлся уполномоченным банком по финансированию государственных программ и обслуживанию спецэкспортеров (то есть, официально признанных пиявок), имел широкую сеть филиалов, был совладельцем АвтоВАЗа, КАМАЗа, Ульяновского авиазавода “Авиастар”, и др. С помощью тогдашнего вице-премьера Сосковца банк получил контроль над всеми финансами

компании “Аэрофлот — Российские международные авиалинии”. Скандальная смена гендиректора “Аэрофлота” в 1996 связывается экспертами с банком “Менатеп” (опять корпорация!), который якобы принимал меры по подготовке к установлению своего контроля над “Аэрофлотом” в предвкушении его приватизации. Деятельность же Березовского была обусловлена его помощью банку, который помог расплатиться ЛогоВАЗу с долгами АвтоВАЗу, выдав крупный льготный кредит. В результате более крупная пиявка установила свою присоску — БАБ поставил “Аэрофлот” под свой контроль.

По данным следствия через созданные в Швейцарии компании “Форус” и “Андава” с 1997 года было проведено не менее 715 млн. долларов аэрофлотовских денег, часть из которых похищена. Именно эта история сделала Березовского невозвращенцем, который из-за границы требовал справедливости, но ехать в страну боялся, чтобы не попасть на тюремные нары. Из безопасного зарубежья, покрывавшего всех наших авантюристов, БАБ сделал подарок терпящему бедствие партнеру Гусинскому, предоставив НТВ “технический кредит” в размере 50 млн. долларов.

Связь Березовского с “Менатепом” и другими партнерами по корпорации прослеживается и в нефтяном аспекте его бизнеса (о котором мы поговорим в главе “Наперсточники”), и в попытках внедрения в металлургическую отрасль.

В нефтяной отрасли корпорация действовала предельно эффективно. Это касается, например, инвестиционного конкурса по Тюменской нефтяной кампании, в котором планировалось продать 40 % государственного пакета акций. Условия конкурса были сформулированы таким образом, что победить в нем должен был только Альфа-банк, возглавляемый бывший гайдаровским выкормышем Петром Авеном (из тех же пиявок!), а формально — его приятелем Фридманом. По условиям конкурса, в нем можно было участвовать лишь владея активами ТНК на сумму 88 млн. долларов. “Чисто случайно” эти условия мог выполнить только Альфа-банк. По этому поводу не сошлись интересы гендиректора ТНК В.Палия и председателя Совета директоров Ю.Шафранника (бывшего главы Минтопэнерго). Бунтующий гендиректор направил Ельцину письмо с обвинениями против Шафранника, а также председателя ГКИ

Альфреда Коха (которому корпорация паразитов обязана особо сладкими воспоминаниями).

Вмешательство прокуратуры позволило участвовать в конкурсе еще ряду компаний, но Альфа-банк все-таки выиграл эту битву, хотя ему пришлось выложить вместо 185 млн. долларов за пакет акций целых 810 млн. ("Рынок нефтегазового оборудования СНГ" № 7, 1997, с. 7). Но, как известно, эти деньги вполне могли поступить из государственного кармана. Именно так обстояло дело с продажей акций компании "Связьинвест", в которой деятельное участие принял Альфред Кох и Дж. Сорос. Здесь операция была настолько явной, что Кох лишился своего доходного поста во главе Госкомимущества, а результаты конкурса были поставлены под вопрос. С помощью элементарной махинации мошенники извлекли из одного государственного кармана 2 млрд. долларов, переложили их в другой карман, после чего оказались фактическими владельцами всей телефонной сети России. Мошенничество было прикрыто шумными реляциями о том, что за счет продажи "Связьинвеста" государство смогло расплатиться с долгами перед армией. Ну а пиявка-Сорос, угробивший в "Связьинвест" почти миллиард долларов, оказался в проигрыше после падения курсовых котировок, связанного с мировым кризисом.

О том, насколько плотная и жестокая борьба ведется корпорацией против "чужих" (иной крови) конкурентов за фасадом ельцинского режима, говорят убийства в Москве трех автозаправочных магнатов и последовавший за этим кратковременный бензиновый кризис летом 1997. К такого же рода событиям можно отнести и убийство заместителя гендиректора и коммерческого директора компании "Дрофа", которая не без участия ловких махинаторов сумела завладеть 80 % рынка производства российских учебников — отрасли, которая в силу своей специфики должна быть чисто государственной. Так что убийство Листьева — просто наиболее заметное звено в цепи бесконечных варварских разборок торговцев краденым, наперсточников и ростовщиков.

Корпорация плотно опекала и опекает своих выдвиженцев из пиявочного молодняка и обеспечивает контроль над ними, как бы они не ссорились меж собой.

Так, будущий скоропостижный премьер Кириенко, в бытность президентом нижегородского банка “Гарантия”, прошел семинарский курс по управлению в сайентологическом Хаббард-колледже, а затем направлял туда на учебу своих сотрудников. Такого рода курсам, как правило, предшествует процедура “одитинга” — публичной исповеди, в ходе которой от участников семинара требуют детального рассказа о своей личности и подробностях биографии, включая самые пикантные. Эти признания, записанные на магнитофон, используются для шантажа.

Кстати, в докладе ФСБ, опубликованном 1995 г., указывалось что Хаббард-колледж проводил психологическое тестирование сотрудников ряда оборонных предприятий, осведомленных в государственной тайне. Интерес секты к предприятиям стратегического назначения (в том числе к военным НИИ) подкреплялся огромными суммами, которые перечислялись участниками семинаров, становящихся агентурой хаббардистов.

Возвращаясь к паразитической корпорации, надо сказать о феноменальной пронырливости и изворотливости ее членов. Об этом достаточно повествует история с вице-премьером Максимом Бойко, который оказался вовсе и не Бойко, а самым настоящим Шамбергом (МК 08.10.98). Не выяснено доподлинно, но вполне вписывается в общую схему и прямое родство Бойко с расстрелянным по делу Еврейского антифашистского центра начальником Совинформбюро Лозовским (отсюда — общий мотив мести, распространенный в этой среде), наличие “грин-кард” — вида на жительство в США (у прочих встречается двойное гражданство), и, наконец, фамилия родителей Шамберг. Причем родители, как оказалось, давно эмигрировали в США, а отец вице-премьера преподает в специализированном институте ЦРУ.

Такая же пронырливость обнаружилась и у БАБ. После назначения Березовского в Совет Безопасности разгорелся скандал по поводу его израильского гражданства, факт принятия которого Березовский поначалу даже не стал отрицать, вознамерившись победить в перепалке в стиле: “Сам дурак!”. Возвращенный на ОРТ диктор Доренко решил устроить обструкцию газете “Известия” за ее сомнения в лояльности иностранного гражданина интересам России. Доренко даже решил похвастаться тем, что в его жилах не течет ни

капли русской крови. Будто это достоинство какое! Сам Березовский в интервью передаче “Итоги” расценил выступление “Известий” как антисемитское.

Главный редактор “Известий” Голембиовский (из той же корпорации) ответил блестящей фразой: “Вообще надо быть полным идиотом, чтобы, зная репутацию “Известий”, заподозрить нас в антисемитизме”. Из этого ответа следует, что есть как бы “наши евреи” и “ненаши евреи” — одни в “Известиях”, другие — в Совете Безопасности. Но это ложное следствие. Корпорация все равно одна! Просто в ней идет постоянная борьба за место для собственной присоски — вот и все.

Примечательное свойство этой истории состоит в том, что Березовский поначалу просто оспаривал право кого бы то ни было поднимать вопрос о его гражданстве и пристегивать этот вопрос к проблеме отправления государственной службы. Израильского гражданства Березовский поначалу не отрицал, а потом постарался повернуть дело так, будто он получил это гражданство почти что не по своей воле. Именно это поведение изобличило Березовского в том, что он прекрасно понимал: двойное гражданство явно демонстрирует невозможность в рамках государственной должности соблюдать (не то что защищать!) национальные интересы России.

Состав корпорации, о которой мы ведем речь, откровенно выдал известный столичный журналист (и также член корпорации) Радзиховский. В газете американской газете “Новое русское слово” от 16 января 1996 г. он написал:

“Евреи сегодня составляют огромную часть российской элиты — художественной, интеллектуальной (это, впрочем, всегда было в течение последнего века), а также политической и коммерческой. Политики: Жириновский, Явлинский, Чубайс, бывший министр иностранных дел Козырев и новый министр тех же дел Примаков, министр экономики Ясин, помощники президента Лифшиц, Сатаров, губернатор Нижнего Новгорода Немцов, первый премьер правительства Москвы Ресин, знаменитый генерал Рохлин и т. д. С некоторой натяжкой включен и Гайдар. Такое изобилие евреев было абсолютно немыслимо в течение последних десятилетий.

Евреи составляют огромную часть ранней капиталистической элиты страны. Почти все крупнейшие банки Москвы возглавляют

евреи. Банк “Столичный” — Александр Смоленский, Мост-банк — Владимир Гусинский, “Менатеп” — Михаил Ходорковский (в прошлом — второй секретарь московского горкома комсомола), “Российский кредит” — Виталий Малкин, “Альфа-банк” — Петр Авен и Михаил Фридман… К числу крупнейших предпринимателей относят того же Владимира Ресина — короля московского строительства, а также скандально известного певца Иосифа Кобзона, постоянно обвиняемого в связях с мафией, Бориса Березовского и других. Одним словом, евреи сегодня в России, после 20 лет непрерывной эмиграции молодых и самых энергичных из них, оказались сильнее, чем 20 лет назад. Больше того, рискну предположить, что евреи имеют больший удельный вес в русской политике и бизнесе, чем в политике и бизнесе любой христианской страны” (цит. по публикации в “Правде-5” от 22–29.11.96).

Действительно, здесь все переженились. СБС и “Менатеп” помогают Березовскому покупать “Сибнефть”, “Мост” ссужает деньгами “Менатеп” для скупки Восточной нефтяной кампании, ОРТ помогает СБС переломить общественное мнение и подготовить широкомасштабную торговлю землей под контролем Смоленского… Потом все это кубло пытается купить себе Черномырдина в качестве кандидата в президенты, создавая под эти цели суперконцерн “Юкси” — ходорковский “Юкос” и березовская “Сибнефть” (“Русский телеграф” 20.01.98).

Кубло на некоторое время переориентируется на Лебедя. Ведь Черномырдин без премьерского кресла — пустое место, а новый премьер Кириенко (Израитель) с вице-премьером Немцовым по правую руку — уже и без того активные сотрудники из того же паразитического кубла.

Заметим, что говоря о паразитической корпорации, нам не пристало скатываться до примитивной юдофобии. Причастность к еврейской диаспоре — еще не повод для обвинений в измене Родине. Вполне возможно (хотя и чрезвычайно сложно) единение любого еврея с русской культурой, с русскими национальными интересами. Поэтому в пассаже Радзиховского мы видим другое — некую декларацию о единстве перечисленных лиц (среди которых наверняка найдется хотя бы один совершеннейший нееврей) в определенном

политэкономическом проекте. Вряд ли все из названных Радзиховским лиц в этот проект вписались, но большинство — бесспорно.

Вероятно, публикуя столь вызывающие строки, Радзиховский не только хотел взбесить юдофобов, но и инициировать процесс объединения тех, кого он перечислил, в спаянную группу, корпорацию, “теплую семейку” потрошителей страны. Но не вышло. Правительственные кризисы 1998 года растрепали единую команду. В предчувствии дележа власти одни побежали с тонущего корабля, другие начали сдавать своих соратников потенциальным правителям. Корпорация, было дело, поползла по швам.

После кризиса августа 1998 г. Березовский стал упорно формировать свой политический имидж, представлять себя в качестве главного антикоммуниста. Отсюда и информационные кампании против правительства Примакова. В октябре 1998 США он искал поддержки и сулил падение правительства и возвращение Черномырдина с “реформаторами” к декабрю. Собирался даже создавать собственное движение (разумеется, социалистическое!) и даже начал было размещать заказ на партию “под ключ”. Лебедя пришлось бросить — оказался слабеньким и слишком податливым на вкрадчивый правительственный окрик.

В ответ по Березовскому начали бить правоохранительные органы, получившие прямые инструкции как от Примакова, так и от московских властей. ЛогоВАЗом заинтересовался Антимонопольный комитет, предъявив перечень нарушений на 100 страницах. Встряхнули Лисовского. Наконец, ставленников БАБа погнали из “Аэрофлота” и начали разбираться с их делами.

Главный березовский кадр, толкущийся в руководстве “Аэрофлота”, - Красненкер (стопроцентный кард корпорации!) работал в свое время с Березовским в одном институте (помогал писать диссертацию), потом оказался незаменимым в ЛогоВАЗе, наконец был пожалован собственной делянкой для кормления и почти вошел в корпорацию за то, что благодаря его стараниям пара фирм, ведущих дела за рубежом и учрежденных Березовским, снимала пенки со всех договоров “Аэрофлота”. Прознав про это, президентский зятек Окулов, обнаруживший, что из-под него по факту почти вынули кресло, вышиб Красненкера, прикрыв лавочку. Березовский от ответственности за

своего протеже публично отказался. Но красненкеры не тонут, как и березовские.

Одновременно налоговая полиция обыскала офис “Сибнефти” (с Абрамовичем во главе) и намекнула, что нашла все, что собиралась найти. Придавили налоговики и беспредельно наглого дружка корпорации — Лисовского, дополнив его обиды, полученные во время избирательной кампании в Дзержинске (листовки о причастности к убийству Листьева) еще и разгромом в офисе. Наконец, Лужков, договорившись с Чубайсом, избрал себе мишень Березовского, которого все настойчивей обвинял в развале работы исполнительных служб СНГ (тогда БАБ был пожалован постом главы Исполкома Содружества). Совместными стараниями многих сил и кормушки на посту исполнительного секретаря СНГ Березовский лишился.

На время достали спецслужбы и банкира Смоленского по делу 1992–1993 года, когда по фальшивым авизо из банка “Столичный” в австрийский банк ABN Amro Bank AG только по одной операции утекло 25 млн. долларов. Один из участников аферы — руководитель джамбульского коммерческого банка Лев Нахманович (у них и на фамилии дефицит — не только на отчества) — был арестован и начал давать показания. Но дело прикрыли, следователя уволили. Возобновили дело только в 1995, но Смоленский на попытки пригласить его к следователю не реагировал. Забеспокоился член корпорации только когда Интерпол нашел Нахмановича, и тот в тюрьме снова начал “колоться”. Оказалось, что финансовые документы подчищал чуть ли не сам Смоленский. И банкир сбежал за границу “на лечение”, чтобы не быть арестованным.

От Березовского отшатнулись Ходорковский (почувствовавший лапы друзей Березовского на своей вотчине — “Юкси”), потом Гусинский (решивший, что может не церемониться более с конкурентом в информационном пространстве) и чубайсовский Потанин (отнесший крах ОНЭКСИМа и грозящую конфискацию зарубежных вкладов на счет интриг Бориса Абрамыча). Наконец, от Березовского отстранилась Семья, заподозрившая, что президентский фаворит тщательно записывал на магнитофонную пленку ее самые интимные разговоры (исполнитель по пьяни выболтал эту информацию, в результате чего последовали стремительные действия спасающей последние остатки приличия Семьи).

И все-таки супер-олигарха хоронили рано. Даже после оскорбительной отставки из СНГ Березовский посмел тявкнуть на президента, которому, действительно, уже не на кого было опираться — кругом одни пиявки. Может БАБ и потерял на этом сотню-другую миллионов долларов или недополучил такую сумму, уступив ее другим расхитителям, но осталась дьявольская пронырливость. Он сумел воспользоваться своим особым положением в Семье. Вместо тюремной камеры, которую уже готова была открыть для него Генпрокуратура, выдав санкцию на арест, Березовский получил полностью подконтрольное правительство Степашина, где его ставленники заняли все ключевые посты, и соратника по корпорации Волошина БАБ утвердил в кресле главы президентской администрации. И с полным правом хозяина положения стал городить политический проект "консенсуса общества справа". Только место у ушка ельцинской дочки-Танечки на время сдал в аренду своему кошельку — руководителю "Сибнефти" Роману Абрамовичу.

Этот самый Абрамович долгое время был агентом по покупкам недвижимости и оплате отдыха Семьи — всякие там виллы, яхточки… Потом — оседлал правительство (в лице первого вице-премьера Аксененко в правительстве Степашина). Потом роль зиц-председателя постепенно переросла в роль фактического владельца. И Семья, и "Сибнефть", и административный контроль над всей энергетикой страны постепенно сосредоточились в руках Абрамовича (МК 02.06.99). Закончилось это потом губернаторством на Чукотке — своеобразной добровольной ссылкой на период затихания дел Березовского.

Ну а Генпрокуратуру ельцинисты смогли обезглавить, как ранее обезглавили все прочие правоохранительные структуры и спецслужбы. Дело против Березовского завяло, санкцию на арест Смоленского тоже отменили, дело ушло на доследование, чтобы быльем порасти.

Корпорация снова склонила голову: пахан БАБ вернулся, снова придется жить "по понятиям", аппетит умерить и высасывать страну хором, а не врозь. В качестве компенсации за причиненные неудобства БАБ скушал 6-й канал телевидения. И сказал про своего холопа Доренко, который был назначен промывать мозги: "Неважно что он говорит. Важно, что он напрямую воздействует на зрителя. Это божий дар".

Но на этом история не кончилась. Пахан решил наказать всех, кто не вступился за него. А еще — вспомнил старые обиды. Березовский назвал Лужкова суетливым человеком, а в интервью собственному каналу ОРТ сказал, что “Лужков — это кровь”. Заодно состоялся информационный “наезд” на гусинские НТВ и “Мост-медиа” как экономически несостоятельные структуры, погрязшие в долгах.

Гусинский через свой НТВ выложил свой козырь — компромат на Волошина. Оказалось, что Волошин был посредником между жульническим банком “Чара” и жульническим АВВА. Обе структуры нажились за счет доверчивых граждан, пополнив капиталы будущих олигархов — прежде всего, Березовского.

Черномырдин откомментировал это так: “Сцепились два еврея. На это смотреть противно. И говорить тоже. Делом надо заниматься!”.

Русский человек отреагировал бы иначе: “Наконец-то они сцепились. Значит нам будет легче!” Пусть легче стало ненадолго — пока корпорация восстанавливала свою потрепанную Путиным колонию. На первые роли выходили Авен с Фридманом, которые теперь владели Администрацией Президента, и другие фигуры.

Мелкий негодник с большим потенциалом (В.Шумейко)

Владимир Шумейко, в свое время добравшийся до поста председателя Совета Федерации, однажды прославился заявлением о собственном большом потенциале. В московских (а может быть, и не только) политических и кухонных тусовках стали про него говорить: “О! Шумейко — это тот, у которого огромный потенциал!” Имели в виду, конечно, не потенциал политической прозорливости. Все почему-то решили, что Шумейко самоуверенно проговорился о своем сексуальном потенциале.

Но на счет сексуального потенциала гипотез мы строить не будем. Лучше посмотрим на книжку, которую В.Шумейко представил публике. Книжечка в две сотни страниц, набранная шрифтом для домохозяек, называется “Российские реформы и федерализм” (М., “Славянский диалог”, 1995).

Мотив для написания книжки, по всей видимости, был один — пишут же другие! И вот команда угрюмых клерков заскрипела перьями (застучала по компьютерной клавиатуре). Вышло нечто… Впрочем, быть может, все было как раз наоборот. Представим себе веселых молодых людей, которые решили выдать “продукт” в виде текста,

который читать просто невозможно. Не потому что слишком сложен, а потому что непроходимо туп.

Один фантаст придумал антиутопию, в которой ускоренное потребление товаров достигалось комплексом разусовершенствований: не успел новые часы на руку пристегнуть, как они уже превратились в желеобразную массу. Может быть именно на это был направлен интеллект творческого коллектива под общим именем "В.Ф.Шумейко"?

Короче говоря, работа удалась. Цель — не высказать ни одного ясного суждения, никого не задеть и не похвалить — достигнута.

Хотя одно суждение, все-таки есть. Вот оно: "Будет ли реализация предлагаемой в книге системы конкретных действий безболезненной, бесконфликтной? Конечно нет. Не приведет ли она к углублению тенденции к "суверенизации" — в одних случаях, и к "централизации" — в других? Да, вполне вероятно. Однако других способов демократизации России я не вижу". Не видит Владимир Филиппович. И спасибо на этом — если бы увидел, мог бы не пережить.

Кстати, о "потенциале". Как-то раз приехал в Москву известный живописец, скульптор и авангардист широкого профиля и советского происхождения — некто Михаил Шемякин. Настолько известный, что высшие государственные чины не смогли не прийти на всего выставку, совмещенную с театральным представлением. Отсиживающие в первом ряду чины тупо смотрели на бродящие по затемненной сцене фигуры в черных плащах и длинноносых белых масках. В один прекрасный момент плащ одного из персонажей был широко распахнут, и первым рядам, в которых сидел Шумейко, был продемонстрирован муляж "потенциала" громадных размеров.

Оставалось загадкой, решил ли Михаил Шемякин подсунуть этот "потенциал" специально для самодовольных номенклатурных физиономий, или же это было высшее проявление западного искусства. Разрешение этого ребуса пришло через несколько лет — в 1999, когда Шемякин вступился за Лужкова, образ которого ядовитый журналист Доренко увидел в одной из шемякинских скульптур. Речь шла о скульптурной композиции уродов (похожих на церетелевских монстров, расплодившихся по столице), которые окружали маленькую девочку и олицетворяли человеческие пороки. В одном из них Доренко признал московского мэра. Действительно, очень похоже. Если бы

Шемякин признался, что Лужков был прототипом этого монстра, тогда его можно было бы подозревать в ловкости (подсунут очередной “потенциал”). Но, поскольку он открестился от предположений Доренко, то, скорее всего, уроды — это шемякинский вид искусства, искусства нагадить и объявить это культурным достоянием. Вроде “домино” Церетели, испохабившего Поклонную гору.

*** * ***

Несмотря на высокие посты и влиятельность, признаваемую журналистами и экспертами, выводящими разнообразные рейтинги, Владимир Шумейко вечно непопулярен. И непопулярен вовсе не из-за малозначительности своих умственных способностей, а в силу чисто эмоционального отторжения, граничащего с омерзением.

По всей видимости это идет еще с 1990 году, когда наш герой стал в парламенте сначала членом фракции “Коммунисты России”, а в конце 1991 — начале 1992 года членом одновременно двух далеко отстоящих друг от друга фракций: “Радикальные демократы” (сторонники реформ по Гайдару) и “Промышленный союз” (“конструктивная оппозиция”).

Шумейко, оказав большие услуги Б.Ельцину в период избирательной кампании 1991 (в качестве его доверенного лица), получил в виде награды пост руководителя Комиссии ВС РФ по предоставлению иностранным фирмам прав разработки нефтяных месторождений на сахалинском шельфе, а еще пост руководителя антикризисной комиссии, созданной в первые месяцы проведения экономической реформы и Комиссии по законодательному обеспечению Указов Президента РСФСР. Не покладая рук служил Шумейко хозяину, обеспечивая его экономическими подпорками. За это в июне 1992 г. он назначен первым заместителем Председателя Правительства России. В этой должности Шумейко курировал вопросы развития российской промышленности, усиленно лоббировал интересы номенклатуры в процессе обвальной приватизации. Он говорил: “При приватизации доля акций руководителей должна быть весомой, тогда они будут заботиться об эффективности предприятий. Какой конкретно это доля должна быть, надо пробовать и находить оптимальный вариант. То же самое — с налогами, ценами, кредитными ставками. Правительство должно постоянно

прислушиваться к жизни. Для этого необходим механизм обратной связи” (РГ, 01.05.92).

В обстановке обострения взаимоотношений между депутатским корпусом и Президентом, Шумейко говорил: “Представим на мгновение: импичмент состоялся, за отставку президента высказалось большинство. Но ведь президента избирал народ, а не депутаты, которые, опираясь на лживое решение Конституционного суда, решили поставить себя над народом. Собственно, у нас больше нет Конституционного суда, он скатился в политиканство и судить больше не вправе. Поспешное его решение, принятое с целым рядом грубейших нарушений закона об этом суде, теперь проясняет многое. В частности, то, что осуществляется общий сценарий отстранения президента от власти. Тем не менее этот суд и этот съезд могут вынести любые вердикты, однако президент реагировать на них не должен и не станет” (“Известия”, 26.03.1993).

Раскручивая совместно с другими номенклатурными деятелями маховик мятежа, Шумейко объявляет что “в процессе принятия новой Конституции Администрация Президента Ельцина намерена применять только правовые методы. На референдуме подтверждена законность власти только Президента”. Это была явная, но выгодная многим ложь.

Шумейко выступает за принятие Конституции сбродом под названием “Конституционное совещание”: “Администрация Президента России не согласится с решением КС, если он признает незаконными действия Президента в связи с процедурой принятия новой Конституции” (ИТАР-ТАСС, 18.05.1993). “Не согласится” означает на языке номенклатуры “не будет исполнять”, да еще “припомнит” кому следует.

Ложь вообще стала для Шумейко своего рода визитной карточкой. Об этом достаточно подробно можно было прочесть в малотиражной “Левой газете” (№ 3, 1994).

Еще в 1991 году, будучи первым замом Хасбулатова в Верховном Совете РФ, Шумейко высказывал опасения на счет попыток свалить все грехи на парламент (ИТАР ТАСС, 25.11.91), а через полгода в должности вице-премьера говорил о противоречиях между правительством и парламентом.

В дальнейшем Шумейко подтверждал не раз свою лживость тем, что отрицал спад в производстве, объявляя разговоры о нем “политическим блефом”. В интервью японской “Санкэй синбун” (19.11.92) он плотно консолидировался с Е.Гайдаром и даже обещал не остаться в кабинете министров, если Гайдар, исполняющий обязанности премьера, уйдет в отставку. По доброй воле, как оказалось, Шумейко уйти был не в состоянии. Говорить правду — тоже.

Участвуя в реорганизации органов управления Шумейко требует их резкого сокращения (06.10.92), а через пару месяцев (17.12.92) на заседании правительства ратует за увеличение численности центрального аппарата министерств и ведомств.

На пресс-конференции 19 марта 1993 г. Шумейко говорит о том, что “никто в правительстве России не рассчитывает на западную помощь”, а 31 марта в Риме заявляет: “Может быть, вчера, для стран Запада было еще рано оказывать помощь: они должны были убедиться, что Россия достаточно основательно встала на путь демократических преобразований. Но если сегодня такая помощь не опоздает, то завтра может быть уже поздно”.

Коль скоро Шумейко готов был во всем поддерживать Ельцина (включая нарушения Конституции), то оставить такого политика без поддержки “демократы” не могли. После временного отстранения Шумейко от должности по причине обвинений в коррупции, “Демроссия” выступила с заявлением (03.09.93), в котором говорилось: “не так-то много в высших эшелонах власти сильных, преданных рыночным реформам хозяйственников, чтобы разбрасываться ими по первому навету реакционеров, озлобленных принципиальной позицией В.Ф.Шумейко и его работой по организации и проведению апрельского референдума, наконец, его растущей популярностью; опасающихся первого вице-премьера, как человека, способного через несколько лет выступить в роли кандидата на президентских выборах”.

После выхода пресловутого указа Ельцина № 1400, Шумейко втолковывал журналистам, что речь не идет о роспуске Верховного Совета и Съезда народных депутатов (чуть позже он говорил о необходимости “не перейти грань между роспуском и разгоном парламента”), обещал, что Федеральное собрание сможет назначить

выборы президента. Шумейко сообщал журналистам, что переговоры с Белым домом будут продолжаться, что в МВД нет гранатометов и тяжелых пулеметов, которые якобы заготовлены защитниками парламента. Все это тоже было форменное вранье.

В процессе обострения противостояния между путчистами (Ельцин-Черномырдин) и защитниками Конституции (парламент), Шумейко заявлял, что не может быть и речи о “нулевом варианте”, при котором будет восстановлено положение, имевшееся до выхода ельцинского указа. Потом он требовал “применения более жестких санкций в отношении Александра Руцкого и бывших народных депутатов, игнорирующих указ Президента”, ратовал за “решительное реагирование на проявления несогласия с Указом Президента России”. Придет время, и эти подлые слова Шумейко придется напомнить.

После октябрьского переворота Шумейко заявил (13 октября 1993), что не намерен выдвигать свою кандидатуру на предстоящих выборах. И опять солгал. Лживость обеспечила ему и поддержку избирателей Калининградской области — в основном за счет того, что он привез им, пользуясь своим служебным положением, ельцинский указ о свободной экономической зоне. Впрочем, тогда контролировать подлинность объявленных результатов голосования было некому.

Став после переворота “министром пропаганды”, Шумейко объявил, что закрытие газет — “издержки первых дней”, и предложил “во имя обеспечения спокойствия и порядка” перейти на систему самоцензуры. А коль скоро он считал СМИ — способом формирования государственной идеологии, то можно было понять в каком ключе СМИ должны были “самоцензурироваться”.

Тогда же Шумейко объявил, что государственная идеология должна строиться на идеях патриотизма, духовности, культуре, законности. Именно это направление мысли попытался зафиксировать своей предвыборной программе 1993 года блок “Выбор России”. Но кто же поверит патентованным вралям? Патриотизма “Выброса” никто даже не заметил, а над шумейкинскими рассуждениями о пользе конституционной монархии откровенно потешались.

Шумейко с 1993 носился с идеей правящей партии демократов. После выборов 1995 он попытался создать движение “Реформы — новый курс”, которое призвано было аккумулировать весь финансовый потенциал избирательной кампании “демократов” на выборах

президента. Но головной организацией РНК стать не удалось, и первоначально раздувшееся от финансовых вливаний движения, испустило дух, подобно воздушному шарику. Чубайс сумел перехватить у Шумейко инициативу, подсказав Ельцину фразу о демократах — “куда же они денутся”, и экономию затрат, выделяемых только на избирательный штаб.

* * *

В мае 1993 года Шумейко был обвинен в коррупции вице-президентом Александром Руцким, а затем заместителем Генерального прокурора Николаем Макаровым. И основания для этого были.

Проходимец Д.Якубовский передал в прессу запись своего телефонного разговора с неким Бирштейном, в котором последний предлагал Якубовскому дать компромат на Шумейко. Согласно стенограмме, после того как Шумейко подписал распоряжение о проверке фонда “Возрождение”, Руцкой и Хасбулатов “решили ударить по нему”. Вице-президент Руцкой попросил Бирштейна, чтобы тот уговорил Якубовского “отдать Шумейко” (АиФ, июль 1993 г.). Вероятно, было что отдать.

Фирма “Теламон”, на счет которой по указанию Шумейко были переведены 15 млн. долларов, была создана при участии Якубовского, который работал внештатным советником вице-премьера. За 10,2 миллиона долларов три фирмы (ВАМО, “Теламон” и “Честер” — последняя принадлежала бывшему Главному государственному арбитру РФ Гребенникову) взялись поставить оборудование для завода по производству детского питания, который был куплен за 1,7 миллионов долларов. 9,5 млн. долларов, по подсчетам экспертов, пропали.

Те самые эксперты “Союзэкспертизы” при Торгово-промышленной палате, которые установили, что в деле о “детском питании” было совершено мошенничество, были затравлены: один из них слег в больницу с инфарктом, другой — уволился “по собственному желанию”. Два следователя, которые вели дело, были от него отлучены, один также уволился на все четыре стороны (КП, 04.11.94).

В начале сентября 1993 Шумейко был одновременно с Руцким временно отстранен Указом Президента от исполнения своих обязанностей до завершения следствия по выдвинутым против них

обвинениям в коррупции. Затем состоялся октябрьский путч ельцинистов. Прокуратура, ввиду угрозы прямых политических репрессий со стороны мятежников, отказалась от выдвижения обвинения в адрес Шумейко, а потом он был восстановлен на своем посту — сразу же после подписания Ельциным Указа о новых выборах, роспуске Верховного Совета и Съезда народных депутатов.

Шумейко полностью поддержал указ Ельцина о роспуске парламента и высказался против любых компромиссов с депутатами, заявив, что президент и правительство "действуют строго в рамках закона". Именно Шумейко принадлежит предложение об отключении в здании парламента света, воды, газа. Это предложение было высказано им публично перед журналистами, а исполнено Лужковым.

Будучи назначенным Ельциным в период октябрьского мятежа заодно еще и министром печати, Шумейко ввел негласную цензуру, утверждая, что редакторы газет в этот период заменяли свои материалы белыми пятнами "в целях саморекламы". Журналисты попрание их священных прав запомнили.

В июне-октябре 1993 года Шумейко стал одним из создателей блока "Выбор России", вторым в списке кандидатов блока в Государственную Думу. Однако в последний момент он предпочел баллотироваться в Совет Федерации. Причем баллотировался не у себя в Краснодаре, где получил в свое время кредит доверия на парламентских выборах, а почему-то в Калининградской области. Трудно сомневаться, что это решение было согласовано с Кремлем и основано на определенных гарантиях, включающих, надо полагать и обещание поста спикера верхней палаты парламента.

Во время избирательной кампании Шумейко обеспечивал шулерскую процедуру принятия новой Конституции, был председателем правительственной комиссии по проведению всенародного голосования по проекту этой самой недо-конституции. Продолжая свою погромную деятельность в период избирательной кампании, Шумейко требовал от Центризбиркома наказать избирательные объединения, которые "открыто призывают голосовать против проекта Конституции", и предложил "снять с регистрации" КПРФ, ДПР, а Гражданскому союзу и "Яблоку" сделать "последнее предупреждение".

Без особых проблем внедрившись в Совет Федерации, Шумейко снова получил от Ельцина свою долю при номенклатурном дележе власти. Под давлением президентских и правительственных структур он был избран председателем Совета Федерации. Повторные голосования в течение нескольких дней перемежались закулисными уговорами депутатов высшими должностными лицами, в которых принимал личное участие премьер Черномырдин.

Как лицо, занимавшее в течение двух лет один из ключевых постов в государстве, Шумейко несет ответственность за профанацию интеграционных процессов в рамках СНГ (Шумейко — Председатель Совета Межпарламентской ассамблеи СНГ) и разложение российской государственности (с мая 1994 — член Совета Безопасности РФ). Понимая, что поворот истории совершается неумолимо и давать отчет о своей деятельности придется, Шумейко, пытаясь продлить традицию беззакония, решительно высказался против проведения в 1996 году выборов в Совет Федерации и предложил продлить “хотя бы еще на один срок” полномочия Президента Ельцина. Все это также должно быть учтено на будущем процессе против персон особой подлости, среди которых место Шумейко — в первых рядах.

Оставив в декабре 1995 депутатскую суету, Шумейко решил заняться политикой и организовал движение “Реформы — новый курс”. Главная задача состояла в том, чтобы движение превратилось в базу массовой поддержки Ельцина на предстоящих президентских выборах или во время беспорядков по срыву выборов.

Из программы движения можно почерпнуть совсем немного: “Современная Россия освободилась от пут административно-командной системы, сковывающей политическую и духовную свободы, инициативу и предприимчивость людей. Доказавшими свою универсальную значимость объявляются принципы: правовое государство, федерализм, демократия, многообразие форм собственности и хозяйствования, рыночные отношения”.

Шумейкинское движение полагало, что “национальный патриотизм не может служить общероссийским государственнообразующим, сплачивающим фактором в таком многонациональном государстве, как наше”. “Общероссийский государственнический патриотизм не противоречит национальному патриотизму — русскому или татарскому, якутскому или

осетинскому…” Далее всю эту дребедень можно было не читать — и так все ясно.

Негодяи, как уже отмечалось к книге “Мятеж номенклатуры”, предпочитают сбиваться в стаю. Одна из сходок шумейкинского РНК показала именно это. Вокруг “политика с большим потенциалом” замелькали мафиозные “казачки” в незаслуженных побрякушках. Если “мартыновский” Союз казаков (с репутацией “красных”) предпочел продать себя клану Черномырдина, то “ратиевские” (с репутацией “бандиты”) отдались Шумейко. Сошлись родственные души!

На этой сходке нашлась подмена для “бесноватого Глеба” (Якунина). Место дежурного политического священника занял игумен Иннокентий Павлов, известный своей яростной поддержкой расстрела парламента и требованием “никому ничего не прощать”. (В узких церковных кругах игумен известен не только этим, но и другими предельно неправославными суждениями, а также еще и пьянством.) Здесь игумен с трибуны окрестил всех голосовавших на декабрьских выборах за КПРФ “зюганатом” (имелось в виду, что все остальные — просто “электорат”).

Все это не повысило шансов Шумейко на серьезные политические перспективы. Создав на громадные деньги (откуда они — понятно!) разветвленную организацию, Шумейко все-таки не смог сделать ее генеральным подрядчиком избирательной кампании Ельцина в 1996 году. Его просто отставили в сторону. Возможно шумейкинские доводы против выборов показались Ельцину и Чубайсу созвучными с доводами Коржакова, попавшего в немилость и выгнанного взашей чуть позже.

Пример обидчивости Шумейко воспринял, вероятно, от Лужкова. Отставленный по всем статьям “политик с большим потенциалом” потащил в суд думского активиста Виктора Илюхина лишь за то, что тот помянул Владимира Филипповича где-то рядом со словом “коррупция” (“Правда России”, 14.11.96). Шумейко, как и Лужков, требовал от суда признания себя абсолютно законопослушным гражданином, а также сатисфакции в 20 млн. рублей. Между тем, имеются документы, свидетельствующие, что в бытность вице-премьером, Шумейко подписывал всяческие “льготы” разным там СП и прочим коммерческим организациям. Борзыми щенками или

наличными брал за это Шумейко — нам не ведомо. Ясно только одно, задарма такие вещи не делаются.

Например, имя Шумейко связано с историей вывоза из России чистой катодной меди под видом скульптурной композиции, изображающей Колумба (дался же им этот Колумб!) и направляемой в дар США. Другая история — с продажей 5 тыс. автоматов Калашникова “добрососедской” Литве. Наконец, связан Шумейко и с историей знаменитой фирмы-махинатора “Властелина”, умыкнувшей у вкладчиков около триллиона рублей.

Трудно сказать какую роль сыграл Шумейко в криминальных историях. Нет сомнения только в одном — с крахом ельцинизма Шумейко и его сообщникам сидеть на скамье подсудимых. С одной стороны — за государственные преступления, с другой — за использование государственного кармана как своего.

Черту под оценкой роли Шумейко в политике и шумейкинских перспектив подвел кривобоко растущий лидер Лебедь, оказавшийся способным на выдвижение вполне прямолинейных истин: “Проходимец — он и есть проходимец”. Подтверждая такую характеристику, Шумейко нагло заявил в телеэфире: “Меня интересует только пост президента или премьера”. До премьерства и президентства дело не дошло, но в союз с черномырдинским “Нашдомом” Шумейко втерся со своим дутым РНК уже к лету 1997.

В 1998 году Шумейеко попытался облобызать вступившего в политику пограничного генерала А.Николаева, который по наивности готов был подписывать коалиционные соглашения с кем угодно. Шумейко выступил на очередной коалиционной тусовке с саморазоблачительной речью, каясь во всех грехах, а потом, одумавшись, сделал все, чтобы его выступление не попало в видеоряд, заснятый тележурналистами. Николаевцы тоже одумались, обнаружив вдруг, что шумейкинаская РНК в регионах регистрировалась исключительно как коммерческая структура ТОО, пускающая в оборот украденные у страны деньги.

Последние председатели или имитаторы после власти (Г.Попов и Н.Гончар)

В книге “Мятеж номенклатуры” много страниц было отведено личностям председателей Моссовета — Гавриилу Попову и Николаю

Гончару. Моссовета не стало, но оба эти персонажа еще продолжают “коптеть” в политическое небо в надежде на очередной взлет карьеры.

Попов в это смысле менее удачен. Все-то у него идет прахом. Он как-то даже с тоской пожаловался, наблюдая за московским мэром: “Лужков умеет дать по морде. Это его преимущество передо мной” (“Новое время” № 52 1996, с. 12).

Написал Попов толстенную книгу “Снова в оппозиции” (М., “Алактика”, 1994), да книжка не раскупалась. Любому проницательному читателю ясно, что дело тут было не в оппозиционности автора, а в демонстрации готовности продать свою душу очередной номенклатурной касте. Коль скоро в номенклатурную касту не берут, то хоть в оппозиционной (псевдооппозиционной), быть может, место найдется.

И все-то в этой книге Попов поперепутал. С памятью у него все “не Боже мой”. И со зрением тоже. Из всего Моссовета, которым он то ли руководил, то ли помыкал, Попов вспомнил только Елену Котову, да и то как свою бывшую студентку, которой поповская протекция на пост главного приватизатора Москвы не помогла — пришлось подбирать более циничные кадры. Которые, в отличие от Котовой, знали, что взятки и коррупция есть (Котова убеждала, что их нет), и готовы были принять это как должное.

В памяти у Попова остались главным образом те, на кого он смотрел снизу вверх, кого боялся или кому прислуживал. Попов переврал все — начиная с докторской степени Лужкова, кончая самым мрачным эпизодом сдачи интересов Москвы номенклатуре. Попов делает вид, что не было никакой борьбы, что в демократическом Моссовете чуть ли не единодушие царило. Особенно на первых порах. Мы-то знаем, что все было как раз наоборот. Вообще, можно сказать, что у Попова нет ни одного правдиво описанного эпизода. Да и сам мемуар — скорее описание всех своих безобразий, понаделанных в политике и во власти, с совершенно позитивной точки зрения, всех действий — как бесспорно обоснованных и успешных. А главное — ложь в названии книги. Попов никогда к номенклатуре в оппозиции не был, наоборот, всегда ратовал за союз с ней. Так что и возвращаться ему было некуда. Он просто сидел в номенклатурном болоте по уши, но не желал этого признавать.

Читателей у поповских писаний становилось в тот период все меньше. Снова погружаться в теоретические построения Попова мало кому хотелось. Они уже наскучили своей “простотой” в огромных и бессмысленных статьях (см. например, тезис об использовании криминальных денег через “штрафные батальоны” или измышления на тему сельского хозяйства — ВМ 23.11.95).

Стал Попов социал-демократом, войдя в блок с множеством мелкотравчатых полу-социалистов, полу-демократов, да вот не удалось найти общего языка со своим старым дружком А.Яковлевым, который тоже решил единолично оседлать социал-демократического конька, а потом пошел в избирательный блок радикал-либерала Гайдара и вконец затерялся среди мелкопартийной дребедени.

Руководил Попов отступным наследством, полученным от Ельцина в виде Международного университета. Да что-то не заладилось, и старые друзья не смогли оберечь его от суда. Высший арбитражный суд признал недействительным договор продажи в 1992 г. Попов-фонду собственности КПСС (Ъ-Daily, 08.09.95). Тогда лужковское ФХУ за смехотворную сумму (21.1 млн. рублей) продало частному предприятию Попова дом отдыха в Кунцево, три дома с жильцами на Ленинском проспекте и другие здания. Реальная цена была занижена ориентировочно в 10 раз!

Впрочем, Попову нечего особенно горевать. За прошедшее время он с лихвой покрыл свои расходы доходами от эксплуатации зданий. Да и не стали у него отнимать всего — частный университет тоже неплохое обеспечение старости.

Осенью 1995 года Попов переживает очередную политическую молодость. Разрушив своим явлением социал-демократический блок (настоящие социал-демократы оказались за бортом избирательной кампании), он начал таскать по стране лидеров Социнтерна. Заодно было воссоздано полумертвое Вольное экономическое общество, на очередном съезде которого объявился премьер Черномырдин. Вероятно именно благодаря такому покровительству Попов умудрился присвоить себе всю славу исторического Вольного экономического общества, объявив себя владельцем организации, которой стукнуло 230 лет. Но здесь его опять ждал провал — ничего серьезного после шумного форума не осталось.

Выставив себя в качестве социал-демократа на выборах 1995, Попов получил право обклеить трехметровыми плакатами со своей физиономией центральные улицы Москвы. Он надеялся, что москвичи будут вспоминать о нем с ностальгией. А “для имиджу” отрастил меньшевистскую бородку.

Ностальгии не наблюдалось, а бородка выглядела крайне демонически и подталкивала чутких юнцов к тому, чтобы пририсовывать на плакатах чертовские рожки. Опять провал.

Теоретические изыски Попова в 1996 году приобретают совсем уж абсурдный характер. Даже далекому от политики человеку вполне было понятно “кто таков мсье Попов”, чтобы не обмануться, например, его предложением восстановить систему Советов в низовом звене управления (АиФ, № 16, 1996). Тому, кто разваливал Советы всеми силами, теоретически обосновывал этот развал (книга “Что делать?”) как-то уж совсем неприлично было говорить об их эффективности.

Отдавая дань моде, Попов заговорил о том, что Россия все-таки должна быть ориентирована на свои национальные интересы (“Россия” № 12, май 1995). Но реально это все выливалось у него в воспоминания о якобы собранных вместе со средствами на строительство храма Христа Спасителя деньгах на мечеть в честь погибших в 1812 г. татар-мусульман. Как тут потомственному федерасту (о федерастах — смотри особую главу) не истечь ностальгической печалю о том, что на Поклонной горе не успели построить еще три храма — надо полагать, мечеть, синагогу и католическую кирху. И видели этого плачущего по межконфессиональности большевика люб\ди того же пошиба. Потому позднее все-таки храмовую сумятицу на Поклонной горе Лужков организовал, немного, правда отодвинув синагогу с мечетью на задворки.

Нельзя не привести фразу Попова, сказанную им на очередном Съезде партии РДДР: “Национал-патриотизм неприемлем для нас — последовательных интернационалистов” (“Партинформ”, № 21, 1996). Тут, как говорится, сразу ясно “откуда ноги растут”. Большевизмом от поповцев несло за версту, их стали сторониться. Да и вообще присутствие Попова в политике к 1996 году стало как-то уж совсем неприличным.

Тем не менее старый персонаж был еще вхож на телевидение. Его вытаскивает на передачу господин Познер, предложивший порассуждать о том, можно или нельзя давать взятки. Попов в этой ситуации был непреклонен — взятки давать не только можно, но и нужно. Ведь это дает возможность предпринимателю “делать дело”. Если взятка не дается, то дело погибает, а дело — превыше всего. Ясно какое это было у Попова “дело” и с кем. Суду остается только выяснить, в каких размерах. И дать соответствующий срок.

Моралисту, вроде Попова, освоить здравый подход к предпринимательству просто невозможно. Он будет отстаивать право проходимцев творить свои грязные делишки и рушить основы государственности. “Демократическое” телевидение дает ему такую возможность. Те же, кто постарается вернуть России достоинство и честь, будут вынуждены изолировать такого рода моралистов от общества или забивать им в глотку надежный кляп.

Судите сами. Задает Попову ведущий в телепередаче (МТК, 17.12.96) вопрос о том, насколько корректно чиновнику брать взятки, а Попов начинает спорить, отстаивая право бюрократа на воровство. Он говорит: “Весь опыт моей жизни показывает: пока чиновник не будет получать зарплату, соответствующую результатам его деятельности…” Потом: “Через государство деньги до хорошо работающего человека дойти не могут”. Вот и выходит, что Попов считает, что брать взятки не только не грешно, но даже чрезвычайно полезно для страны. Весь опыт его жизни показывает, что иначе работать нельзя. Практика у человека по этой части была обширная.

Исходя из своего опыта жизни Попов оценивает и историю с его соратников Сергеем Станкевичем: “Где вы видели взяточника, который давал бы расписки?” Попов, видать, расписок не давал. Ну а раз Станкевич дал расписку в получении 10.000$, то Попов готов тянуть его в суд и там устанавливать истину. Приезжай, говорит, Сергей Борисович, тут компетентные судьи все рассмотрят и оправдают, коли невиновен.

Мы же прекрасно знаем какая “истина” устанавливается в наших судах. Это “истина” воров и мерзавцев. Ведь до судей деньги через государство тоже не доходят, и они находят их в другом месте. Правда, все еще продолжают жаловаться на маленькую зарплату.

Не только беднягу Станкевича готов Попов притянуть к суду. Когда ему напоминают о Беловежском сговоре, он вспоминает о своей причастности к развалу страны и начинает оправдывать свои поступки тем, что, мол, в Беловежье были те, кто много чего насоветовал Ельцину — Козырев, Бурбулис, Шахрай… А в Москве были российские депутаты, которые почти единогласно ратифицировали Беловежский сговор.

О своей скромной миссии в разрушении страны Попов умолчал, но не утерпел и вспомнил добрым словом о "сахаровском" проекте Конституции, в котором предлагалось поделить страну границами на десять лет, а через десять лет провести референдум об их сохранении или отмене. Этот чудовищный план даже после пяти лет нечеловеческих унижений для всех бывших граждан Советской России и развала ее огрызка — Российской Федерации — вызывали у Попова приязнь, и исходя из нее он снова готов был вывалить кучу столь же "конструктивных" предложений.

Например, Попов просто требует, чтобы даже в Москве были открыты украинские и еврейские школы. Мол, никто у москвичей не спросил, в каких школах они хотят учить своих детей. Или вот по поводу Севастополя — Попов объявляет, что два часа обсуждал эту проблему с Лужковым (монополизировавшим право защищать колыбель русского флота), и добился "консенсуса" на предмет того, что речь может идти только о переговорах с Украиной, и больше ни о чем. Вообще воевать за независимость и целостность страны Попов считает нецелесообразным. Действительно, это же не его страна!

Наконец, Попов выдал методологию своего "научного" подхода: "Я, как ученый, не могу решать частные вопросы — вопрос о Севастополе без вопроса о Крыме, вопрос о Крыме без вопроса об Украине…" Такой подход психологически понятен. Попов сам признается, что участвовал в разработке политического курса Ельцина, но не смог выработать какой-либо альтернативы разрушению страны. Мы знаем больше — он не только не пытался его выработать, но и всячески способствовал тому, чтобы такой альтернативы не возникло. Потому Попов и прячется сегодня за "общие вопросы". Ведь вина его конкретна, поступки — конкретны, соответствующие уголовные санкции — тоже будут конкретны.

Хвастаясь перед читателями газеты выходом книжки ““От… “до”. Россия, путь к социал-демократии” (“Правда-5”, 08.02.97), Попов обнаружил своих хозяев. Оказалось, что его работы приметили в США и до такой степени полюбили, что выпустили в свет восьмитомник бессмертных мыслей, которые в России читать просто никто не желает.

Рассказал Попов и историю открытия университета, который стал для него доходным местом и запасной посадочной площадкой после мэрских будней: “В свое время президент Буш решил открыть для русских университет бизнеса в Америке. Я же предложил Горбачеву открыть его в России, а американцы, если захотят, пусть помогают ему профессорами и деньгами”. Под эту идею Попову дали на откуп “цековские” дачи в Кунцево-2 (включая дачу Брежнева), аренда которых долго обеспечивала его зарплатой. К этому добавляется еще и плата от “бедных студентов” — по 8 тысяч долларов в год. Чьи это дети, хочется спросить? Если они способны выплачивать Попову такие суммы, то с какой стати ему дают снимать пенки с собственности, которую он не создавал?

В том же интервью Попов демонстрирует склеротическую забывчивость, утверждая в одном и том же пассаже, что считает социалистическую идею “наиболее прогрессивной и подходящей для России” и что “государственный социализм не поддается усовершенствованию”.

Выболтал Попов и еще одну истину: за то, что Ельцин поставил премьером Гайдара и его команду (Шохин, Авен и другие), специально подготовленную на международных экономических семинарах, ему было обещано тридцать миллиардов долларов. В данном случае тридцать миллиардов оказались теми тридцатью сребрениками, за которые Ельцин продал страну.

О Попове тоже кое-что выболтано. Например, что никакого заявления Попова на имя президента об уходе с поста мэра не существовало. Пошел к Ельцину, поговорил. Ельцин, по полятыкинско-лужковской интерпретации ("Тореро в кресле мэра") выразился на счет желания Попова уйти в тень нецензурно. И дело было обстряпано.

И все-таки Попов хитрее тех простаков, которые, будучи пойманными за руку, начинают лепетать о том, что они "выполняли приказ", что "их вынудили", что "время было такое"… Попов будет настаивать на том, что он — ученый, имел право на заблуждение и рассматривал только общие вопросы. Мы же в книге "Мятеж номенклатуры" доказали, что это — вранье. Все-то он знал, все понимал. И сидеть в тюрьме должен наравне со всеми — наравне с гнусными уголовниками и ворами, номенклатурными персонами особой подлости.

Вот и сейчас Попов продолжает то и дело выставлять свои интеллектуальные извращения напоказ — авось кто купит. Например, в "Вечерней Москве" (13.03.98) развивает идею о благостности второй ваучеризации — мол, ваучеризируем землю, и многие старушки смогут прожить свой век в достатке за счет продажи своего гектарчика. (Любой, не сошедший с ума гражданин, прошедший первую ваучеризацию, давно понял, что именно таким образом его собираются "обуть" еще раз, и не все эти уговоры, конечно же, не поддастся).

Попов то и дело напоминал о себе, как о борце с коррупцией. Так, он пытался прикрыть своими публикациями увязшего в хищениях генерала Кобеца (НГ 05.08.98). Мол, если он чего и украл, то трудящихся это не коснулось. То есть, коррупция, если деньги поступают в грязные руки не напрямую из бюджета — просто невинная шалость, внутреннее дело преступного мира, в которое правоохранительным органам и соваться негоже. Попов инструктировал коррупционеров: надо брать мзду не деньгами, а

заводами и оформлять сразу же договоры о приватизации — тогда все будет законно.

Накануне выборов 1999 года социал-демократическая горячка снова ударила в голову Попова. Он даже начал создавать какой-то там блок и набивать московскую прессу своими застарелыми глупостями (ВМ 12.05.99). Даже перепечатывал статьи о Смутном времени десятилетней давности и старинные фотографии, на которых его демонические наклонности еще не были столь рельефно выписаны на лице (ВМ 05.05.99). В реальности Попов безобразно оплыл жиром, в чем можно было убедиться по трансляции его дикого выступления в программе “Наш Гайд-парк” (31 канал, 04.06.99). В этом выступлении он вновь объявил, что 17 августа 1998 на месте политиков вывел бы к Белому дому тысячи людей, которые стояли бы там, пока не арестованы были бы банкиры, члены правительства и руководство Центробанка. Где есть такой дурак, кто уверует в эти глупости?

Сказочник продолжал бубнить свое: создадим, мол, Народный фронт из союзов дачников, охотников и профсоюзников, а авангардом ему поставим социал-демократов или “зеленых” — тогда жизнь наладится. А чтобы в эту чушь кто-то поверил, Попов гипнотизирует слушателей модными рассуждениями о том, что Россия не может быть средней державой, потому что от этого развалится на куски, а кремлевская власть и оппозиция — плоть от плоти бюрократии, Ельцин и Зюганов — оба на одно лицо.

Что ж вы, Гавриил Харитонович столько лет таились? Почему бы не сказать об этом лет семь-восемь назад? Нам ясно, почему. И почем.

У нас нет никакого желания препарировать очередную коллекцию идей, подобранных Поповым где-то на помойке и приобщенных к той помойке, которая всегда заполняла его голову. Нам главное снова предупредить читателя: если вы увидите, что Попов или подобный ему умник рассказывает как он не соглашался с чубайсовской приватизацией или ельцинской демократизацией — плюньте ему в глаза за вранье.

*** * ***

У Николая Николаевича Гончара все обстоит несколько по-другому. Все ж таки побывал сенатором от Москвы, а потом победил на выборах в Думу-95 — это вам не гаврилопоповское наукообразие!

В 1994 году Гончар имел такой политический вес, что мог открыто лоббировать в Совете Федерации интересы группы Лужкова. Тогда Москву планировалось сделать экспериментальной зоной с льготными условиями налогообложения.

О результатах поповских экспериментов мы уже знаем достаточно. Теперь вот экспериментами решил заняться Лужков. Экспериментировать, так экспериментировать — на самом значительном экономическом субъекте! Ведь Москва конкурировала за первое место по массе собранных налогов с Тюменью. То-то золотое дно растрясем, если нам особый статус на этом дне обеспечат! — планировали лужковские номенклатурщики.

Тогда Гончар выступил с целой связкой проектов, касающихся бюджета, приватизации, распределения функций между московскими и федеральными властями. Но у него нашлись серьезные противники. Закормленной Москве никто не хотел давать еще что-то. Иначе с жиру просто взбесится. Но главным противником своих инициатив был все-таки сам Гончар. Он просто не умел трудиться, систематически работать с документами.

Авторам довелось познакомиться со всеми выступлениями Гончара в Совете Федерации и в Госдуме за 1993–1997 гг. В этих выступлениях нет ни единой светлой мысли, они беспробудно скучны, практически лишены какой-либо аргументации и являются лишь призывами поддержать или не поддержать какой-то законопроект. Чудовищно большую долю в речах Гончара занимают замечания по регламенту ведения парламентских заседаний.

Гончар был председателем Комитета Совета Федерации по бюджету, финансовому, валютному и кредитному регулированию, денежной эмиссии, налоговой политике и таможенному регулированию, но занимался вовсе не общегосударственными вопросами. Мы можем говорить об этом, поскольку результаты в этой области налицо…

Часто в своих инициативах Гончар получал поддержку со стороны председателя СФ Шумейко. Шумейко неоднократно говорил о своем согласии с Гончаром. Именно Гончар, в качестве приближенного к власти, в паре с Шумейко занимался решением вопроса о численности и составе аппарата Совета Федерации и даже выступал по этому вопросу на заседании палаты (Стенограмма 3 февраля 1994 года). В

1996 Шумейко “расплачивался” с Гончаром через свое влияние на компанию “Росвооружения”, чье руководство было причастно к формированию нелепого “пробелорусского альянса” во главе с Гончаром. Таких лидеров выдвигают только тогда, когда требуется заведомо провалить все дело. И Гончар на этот раз оправдал ожидания — задвинул проблематику русско-белорусского воссоединения на второй план текущей политики.

Гончар очень активно протаскивал в СФ закон, который предполагал сохранить до конца 1995 года льготы на экспортно-импортную деятельность, в том числе и для Федерации спорта. От имени комитета он предлагает одобрить очередной закон, который предусматривает ряд налоговых льгот для добытчиков драгкамней и драгметаллов и для коммерческих банков, а также налоговые льготы для Сбербанка и других финансовых структур. Так Гончар подтверждал свой статус обслуживающего персонала номенклатуры. Если надо какому-то непотребству придать удобоваримый вид и выдумать хоть какие-нибудь аргументы в его защиту, то по этой части надо обращаться к Гончару. Он хорош в качестве марионетки и говорящей головы.

Гончар вечно был готов обслужить ельцинское правительство. В его выступлениях звучали знакомые по Моссовету нотки: “Основной мотив, по которому члены комитета считают необходимым внести такой проект решения, следующий: да, бюджет неудовлетворительный, да, действительно, основные задачи, сформулированные в нем, не решаются (и дальше все то, о чем мы говорили здесь с вами на наших заседаниях, а мы трижды возвращались к этому вопросу), но если мы не примем бюджет, ситуация для целого ряда регионов и для страны в целом сложится значительно хуже, чем в противном случае. Вот такая аргументация” (Стенограмма 15 марта 1994, с. 40).

Дело доходило до откровенного лизоблюдства: “Прошу подумать о следующем: может быть, нам принять решение о том, чтобы вопросы Виктору Степановичу Черномырдину, который будет у нас выступать, задавать заранее в письменном виде” (Стенограмма 15 марта 1994 года, с.10). Это прорывается вне всякого контекста, без участия в каких-либо предшествующих обсуждениях — явно по просьбе премьерских холопов.

В 1995 г. Гончар становился все респектабельней и респектабельней, уже не слезая с экранов телевизора. Трагедию в Чечне он снова использовал, чтобы выйти на публику с “красивым”, но совершенно нереалистичным и нелепым предложением. Гончар предлагал “отрезать” от Чечни два района, а по поводу отделения остальной части от России — провести всероссийский референдум. Необходимость такого шага обосновывалась тем, что “чеченцы не захотели жить с нами”. Раз не хотят — подавай им наши земли!

Ну а разговоры о референдуме — намеренная уловка. В сложившейся обстановке никто не стал бы проводить референдум, тратить время и средства на очевиднейший вопрос. Зато Гончар мог натешиться — даже карту специальную для публики нарисовал, чтобы нарезать по ней российскую землю для интернационала бандитов, скопившегося под командованием Дудаева.

Один из “разочарованных демократов” так оценил деятельность Гончара вокруг чеченского конфликта: “Вообще, если не вслушиваться в то, что Гончар говорит, а просто любоваться его вечной выражающей государственную озабоченность морщинкой на лбу, его хоть в президенты выбирай, ну а если вслушаться…” (“Куранты”, 06.12.95).

На представлении книги “Мятеж номенклатуры” бывшим депутатам Моссовета Гончар выглядел крайне располневшим и неряшливым (“манной каши стало больше” — отметил про себя автор “Мятежа…”, вспоминая название соответствующей главы).

Узнав, что в книге о нем написано немало (глава “Политик из манной каши”), Гончар, вероятно, разумно расценил, что антиреклама — тоже реклама. Но купив два экземпляра книги и прочитав несколько страниц, настолько разволновался, что выходя к трибуне чуть не упал, а речь сказал совершенно бессвязную. Автору “Мятежа…” даже стало жалко своего бывшего начальника и где-то как-то коллегу. Хоть и предателя.

И все-таки Гончар выправился. Похудев за лето 1995 на 12 килограмм, он оказался похожим на Жириновского, что позволило занять пост вице-президента Ассоциации авиастроителей (при полном незнании специфики этого производства). Когда в передаче “Наедине” Гончара спросили, почему он перестал критиковать правительство, он ответил, что у него есть твердые принципы и стремление к компромиссу является одним из них. То есть принцип таков: в

отношениях с правительством не иметь принципов. Обсуждение в этой передаче проекта бюджета на 1996 год показало, что принципов действительно не существует.

Вместо того, чтобы признать, что все настолько разворовано, что впору проводить экспроприацию, Гончар убеждает граждан, что каким-то образом можно будет компенсировать ликвидированные Гайдаром сбережения. Легковерные пусть верят. Кое-кто верил.

Очевидно с помощью авиапромышленных ресурсов Гончар сумел замечательным образом устроить свою избирательную кампанию. Связи и деньги позволили освоить новые избирательные технологии.

Дело обстояло, по всей видимости, примерно так. Готовясь к предвыборной кампании шустрые аналитики наших спецслужб состряпали компьютерную программу, с помощью которой можно было в Москве по фамилии или адресу найти телефон человека. Всем желающим эта программа была продана по сходной цене в виде фрагментов, соответствующих избирательным округам. Команде Гончара — тоже. Люди Гончара подключили к программе психологов. Потенциальным сторонникам нашего героя звонили домой и спрашивали, знают ли они что-либо о деятельности Гончара в Федеральном Собрании. Получив в 99 % отрицательный ответ, они выдавали отработанный текст, содержащий элементы психологического программирования. В том случае, когда психологу удавалось вступить в диалог и выяснить имя и отчество (в компьютерной программе имелись лишь инициалы), ему платили 3000 рублей за звонок. В остальных случаях — по 500 рублей. В последствии имя и отчество были использованы для того, чтобы отправить по адресу простодушного избирателя специальное именное послание и окончательно растрогать его.

Вот как Гончар объяснял причины своей победы на думских выборах: “В выборах я участвовал как независимый кандидат, среди моих конкурентов были и коммунисты и демократы. Но люди отдали предпочтение мне, потому что голосовали не за идеологию, а за человека, которого хорошо знают. Быть во фракции — это значит подчиняться определенной дисциплине, в том числе и при голосовании. А я не хочу это делать по указке “кукловодов”, ради каких-то партийных или фракционных интересов. У меня есть свои обязательства перед избирателями. Я не причисляю себя ни к

оппозиции, ни к сторонникам нынешней власти. У меня есть своя позиция, исходя из которой я действую” (“Труд” 30.07.97).

Став депутатом Думы, Гончар имел реальный шанс подняться на новую ступень своей политической карьеры. В январе 1996 года Гончару “грозило” стать спикером нижней палаты парламента. Закулисные переговоры позволили в предварительном варианте выдвинуть “независимого” Гончара, имевшего репутацию человека, способного управлять большими депутатскими массами.

Мы смеем надеяться, что на депутатов некоторое воздействие оказала книга “Мятеж номенклатуры”, показавшая какой это был руководитель и как он управлял. Впрочем, в большей мере против Гончара сыграло, как ни странно, президентское лобби — фракция “Наш дом…” и глава фракции А.Беляев. Из кремлевских апартаментов эти люди получили однозначное поручение выдвигать другого “специалиста” — Ивана Рыбкина, который не менее Гончара отличился в “управлении депутатскими массами”.

Депутаты не забыли недавние издевательства Рыбкина на этом же посту в предыдущем созыве и хорошо знали, что Гончар — тот же Рыбкин, только, как говорится, вид сбоку. Избрали в результате коммуниста Селезнева, который сразу же объявил, что не собирается ввязываться в конфронтацию с исполнительной властью. Быть может, это такая спикерская болезнь — предавать тех, кем руководишь? Гончар тоже ею был болен и готов был заболеть вновь. К счастью, благодаря Ельцину, остался относительно здоров и мог снова поправляться.

Гончар с течением времени научился “делать” политику из ничего и, что особенно удивительно, без всяких последствий при неизменном провале любой его инициативы. Гончар создавал словесные мини-сенсации, которые приковывали к нему внимание, а потом быстро забывались. Создавался образ активного политика, хотя никто не помнил в чем же эта активность выражена. МК, например, все время называл Гончара “известным реформатором”. Правда, никто не знал что же это он реформировал.

После неудачи со спикерским постом Гончар стал уходить в тень. Не совершив ничего примечательного, в 1996 он выпал из первой сотни политиков России (рейтинг НГ), потом снова попал в этот рейтинг в 1997, потом снова выпал… Что же касается реального

рейтинга Гончара в политике, то в 1996 г. он пал настолько, что даже “Независимая газета”, будучи обязанной Гончару как бывшему председателю Моссовета — учредителю газеты, удосужилась опубликовать поздравление Николаю Николаевичу с пятидесятилетием размером с почтовую марку и на последней странице.

Будучи оттертым в тень, Гончар снова старался представить себя бедным и несчастным: “Квартира у меня государственная, зарплата за прошлый год, как у депутата, 41 с небольшим миллион рублей. Плюс была еще премия к пятидесятилетию. Дач и земельных участков не имею. Автомобильного и другого транспорта — тоже. Долго думал, нет ли у меня воздушного транспорта, но потом остановился на дочкином велосипеде. Но есть у меня недвижимость — в наследство от отца, контр-адмирала Николая Федоровича Гончара получил я кооперативный гараж. В 1968 году отец заплатил за него 2 тысячи рублей” (“Правда-5”, июль 1997).

Черту под темой, посвященной обсуждению судьбы последнего председателя Моссовета на теневом витке его карьеры можно было бы подвести одной примечательной историей.

Была такая телевизионная передача “Persona-grata” в которой особо смелых политиков и предпринимателей подвергают различного рода психологическим тестам. На один из таких тестов напоролся Гончар.

Перед Гончаром тестирование проходил какой-то бизнесмен, показавший замечательные результаты, но заслуживший по параметру “дисциплинированность, готовность следовать установленным правилам” характеристику “раздолбай”. Экспрессивность характеристики показывала, что персона набрала чудовищно низкие баллы по этому параметру. Так вот, Гончар, как выяснилось, набрал еще более низкий балл и стал “раздолбаем” вдвойне. Ведущий передачи так примерно и сказал: “Вы, Николай Николаевич, оказывается, тоже раздолбай!”

Пытаясь отбить столь нелицеприятную характеристику, Гончар начал мямлить что-то по поводу того, что всякие там правила в нашей стране не столь уж хороши, чтобы их выполнять. Но факт остался фактом — Гончар был выявлен как “раздолбай” и будет жить с этим до гробовой доски.

Кстати, все подобные инсинуации психологического тестирования обесцениваются простым соображением. Дело в том, что они выявляют лишь природный потенциал человека, не учитывая его волевой деятельности. Человек может быть трижды “раздолбаем”, преодолевая, тем не менее, своей волей это природное естество. И, надо отметить, Гончару иногда все-таки удается свое “раздолбайство” преодолевать. Так что, не расслабляйтесь, Николай Николаевич!

“Голубой” канал НТВ тоже использовал Гончара в своих целях. Зная болезненную струнку в душе Николая Николаевича — выступать с проектами референдумов — враги России привлекли его к кампании против воссоединения Белоруссии и России. В гнусной клеветническом шабаше “кисельних новостей” Гончар смотрелся неплохо — такой осторожный, призывающий к миру, к действиям в соответствии с законом… Одно только ясно — Гончар был (возможно по доброй воле) участником спектакля, разрабатывая вариант “утопить в прениях по процедуре” если вариант прямого шельмования не пройдет. Другой вариант — продемонстрировать слабосильность сторонников воссоединения, которые не смогли собрать и 2-х млн. подписей для того, чтобы вынудить власти провести референдум.

Вероятно с горя от очередной размолвки с горячо любимым Лужковым, Гончар создал движение “Народное единство” — очередную профанацию общественной организации, коих в российской демократии насчитывались к 1997 году тысячи. Суть этой организации вполне откровенно выражена в заявлении, написанном в ночь перед учреждением самим Гончаром: “Мы очень разные. Мы принадлежим к различным конфессиям, а некоторые из нас атеисты. Мы принадлежим к различным политическим движениям, а многие не входят ни в одно из них. Нас объединяет понимание того, что у народов Белоруссии и России общее будущее…” (“Партинформ” № 29, 1997). Оказалось, что референдум по объединению двух государств — единственная цель организации. Как жить после объединения для ее организаторов было уже неважно.

Да, впрочем и референдум-то Гончар собрался готовить вполне липовый — фактически опрос “Поддерживаете ли Вы объединение..?”, который не может породить никаких юридических последствий. Если бы Гончар предпринял хоть какие-то усилия для сбора подписей за такой референдум, то мы могли бы считать его честным дураком. Но в

том то и фокус, что никаких подписей Гончар не собирал, а просто привлекал внимание к своей персоне, пытаясь перехитрить общественное мнение.

Фигуру Гончара с февраля 1997 г. начали “раскручивать” по московскому телевидению с нескрываемой целью — сделать из него председателя Мосгордумы (выборы должны были состояться в конце года), который по должности становится депутатом Совета Федерации, а там глядишь — и председателем СФ. Номенклатуре нужен был верный слуга, опытный манипулятор — путь даже и раздолбай. Готовили его на всякий случай — авось пригодится.

Реанимировать Гончара мог только Чубайс, начавший против Лужкова очередную большую интригу и изыскавший для этого большие деньги. Гончар должен был стать главой Московской Думы, для чего надо было провести своих людей хотя бы в десятке округов. Начав эту кампанию, Гончар нарвался на ответные меры людей Лужкова. И надорвался.

В середине октября 1997 помощник Гончара Богданов, занимавший ключевую позицию в избирательной кампании блока Гончара, подвергся нападению, был зверски избит. Ломая ему кисть руки, бандиты посоветовали не соваться не в свои дела. “Московский комсомолец” представил нападение, как дело рук чеченцев, на экономические структуры которых люди Гончара, якобы, собирали досье. Скорее всего, эту версию подбрасывали специально для того, чтобы скрыть “московский след”. Дело в том, что пострадавший помощник никогда не был “человеком Гончара”, а всего лишь за большие деньги разворачивал сбор подписей и всю избирательную стратегию.

Гончар, волей случая оказавшийся в центре антилужковской интриги, получил в наследство от канувших политических эпох целую команду политических трупов, которых пришлось включать в список своего блока на выборах в городскую Думу — отставных демократов Ларису Пияшеву и Андрея Нуйкина, пару отбросов из партии Лебедя, пару бывших моссоветовцев… При помощи хитромудрых менеджеров, вышедших из гнезда ДПР, Гончар тогда “съел” московское отделение “Яблоко”, а потом явился пред очи Явлинского с предложением о дружбе и сотрудничестве. Но хитрый Явлинский гордо отказался — слишком очевидна была ненадежность Гончара.

Поскольку политическое наследство, прихваченное Гончаром, оказалось из числа раздаваемых для бедных родственников, его хватило только на избирательную кампанию. Усилиями Лужкова ни один представитель сброда, собранного Гончаром, в Мосгордуму не прошел. Не выиграл выборы и сам Гончар, хоть и был “стопроцентно проходным”. А все дело в том, что московский мэр постарался напомнить всем, кто собрался посягнуть на его вотчину, простое правило — важно не как голосуют, важно кто считает. А считали, разумеется, люди, неравнодушные к Лужкову.

По поводу отношения Лужкова к своим конкурентам на мосгордумских выборах один из демократических борзописцев, ставший на время соратником Гончара, вспоминал: “Почти с первых дней предвыборной кампании и буквально до последнего Лужков (вопреки категорическому запрету должностным лицам и органам исполнительной власти участвовать “во всех формах предвыборной агитации”) лично поносил и дискредитировал нас, бедных… Гончар слыл у него “пустоцветом с высокими политическими амбициями” и “путаником”. Он заклинал москвичей “остановить” столь опасного для Москвы “честолюбца”. А всех нас вкупе именовал рвущимися в Думу сомнительными людьми с криминальным прошлым, нечистой совестью и замыслами захватить Думу в целях разворовывания бюджета” (“Мир за неделю” № 15, 1999).

Впрочем, нас грызет одна мысль… Если посмотреть на биографию Гончара пристальней, то провал его команды на выборах закономерен — что бы не послужило причиной этому провалу. Победа противоречила бы сложившейся линии судьбы Гончара. Вот и подумаешь ненароком о том, не было ли тут со стороны самого Гончара прямого содействия, не вел ли он дело к своему поражению заранее? Не для того ли упаковал он в свой блок Нуйкина, Пияшеву, Денисенко и др.? Может быть Гончар и хотел выиграть выборы, но не смог переступить через себя, не смог противостоять заложенной в него программе номенклатурной солидарности…

В 1999 Гончар искупался в лучах чужой славы, вовремя среагировав на безобразия вокруг отставки Генпрокурора Скуратова. Пока думские депутаты неторопливо занимали свои кресла в зале заседаний, Гончар, от которого давно перестали ждать какой-либо активности, почти в стиле Жириновского начал выкрикивать

требование провести голосование о поддержке решения Совета Федерации, отклонившего отставку Скуратова. Столь же глуха осталась к призывам Гончара политическая публика, слушая призывы голосовать за импичмент в мае 1999. Много шума из ничего — это стиль Николай Николаевича. Отработал номер, прокричал или пробубнил свое, закрыл рот — и задание выполнено.

Скандал вокруг Центробанка заставил Николая Гончара снова сыграть на публику. После того, как зарубежные аудиторы установили, что Центробанк чист и честен, а миллиарды долларов в фирме "Фимако" хоть и полежали, но не исчезли, Гончар обратился к журналистам с такими словами: "Геращенко считает нас всех дураками". Ответил Гончару бывший шеф ЦБ Дубинин, назвав депутата "человеком с богатой фантазией". А еще Дубинин привел анекдот о человеке, который убежденно заявляет: "У нас все воруют. По себе сужу".

Гончар просто продолжал "мелькать", пытаясь попасть в информационные потоки в качестве правдолюбца-одиночки, все правдолюбие которого ограничено словами, которые он сам торопился побыстрее забыть, чтобы заучить и высказать новые. Это был его "потолок".

Прибавление: По прошествии лет Николай Гончар уже не вызывает тех эмоций, корторый отпечатались в этом тексте. Встретившись с Николаем Николаевичем в Госдуме, я обнаружил, что не имею к нему неприязни. Напротив, в переполняющей Думу бесовщине Гончар выглядел вполне благопристойно. Хотя бы потому, что не ввязывается в подлое дело, когда зовут на трибуну доказывать, что черное — это белое. Все прежние «наезды» на Гончара со стороны Лужкова или Дубинина понятны: он боролся за место в политике, против него тоже боролись. Гончар держался в рамках приличий, а его задирали совершенно бесстыдные люди. И задрали. Торжествовать по этому поводу нет никакого резона.

Глава 4. По пояс в крови, по горло во лжи

"*…отсутствие идеалов и бедность умственных и нравственных задач, эта низменность стремлений, заставляющая колебаться в выборе между Шиллером и городовым, очень существенно и горько отзовутся не только на настоящем, но и на будущем общества, — в этом не может быть ни малейшего сомнения. Время, пережитое в*

болоте кляуз, раздоров и подвохов, не пройдет безнаказанно ни в общем развитии жизни, ни перед судом истории. История не скажет, что это было пустое место, — такой приговор был бы слишком мягок и не согласен с правдою. Она назовет это время ямою, в которой кишели бесчисленные гадюки, источавшие яд, которого испарения полностью заразили всю атмосферу. Она засвидетельствует, что и последующие поколения бесконечно изнывали в борьбе с унаследованной заразой и только ценою мучительных усилий выстрадали себе право положить основание делу человечности и любви".

М.Е.Салтыков-Щедрин

Фальшивые слезы некрофилов

Людей убивают. В России это стало обыденным делом.

В столице убивают чаще чем где бы то ни было. Это тоже мало кого удивляет и возмущает. Уж по крайней мере, никто не дергается в конвульсиях от вида брызг и луж крови, которые попадают на телеэкраны из криминальной хроники, из репортажей о Чеченской войне, с видеокассет. Никто не вздрагивает и от газетных или телевизионных живописаний насилия. Даже полностью сгоревший вместе с пассажирами троллейбус посередь Москвы становится предметом беспокойства только на два-три дня. Выходит постановление об ограничении передвижения по городу цистерн с огнеопасным наполнением — и бюрократическая машина успокаивается, демократическая пресса умолкает, и все идет прежним манером.

Журналистов и политиков тоже иногда убивают. Не чаще, чем солдат, предпринимателей и бандитов. Легкая печаль проходит по рядам пишущей братии, и она спокойно смыкает ряды. В октябре 1993 г. убили несколько журналистов и несколько сот безоружных граждан. Ни власти, ни прокуратура, ни пресса в этом особой трагедии не усмотрели. Все пообвыклись и продолжили в меру спокойную жизнь посреди подлости и нарастающего запустенья.

Но вот срабатывает взрывное устройство в редакции газеты "Московский комсомолец", убит журналист Дмитрий Холодов1. Затем происходит нечто непонятное — обвал публикаций, заявлений, пресс-конференций, телерепортажей. Рядовая трагедия нашей жизни превращена в дело государственной важности. Почему бы это?

Еще вчера на страницах многострадального “Московского комсомольца” можно было глумиться над смертью соотечественников, а сегодня уже нельзя принимать даже единичную смерть иначе как всероссийское потрясение. Еще вчера как бы и не было никакой коррупции в высших эшелонах власти, а теперь говорится, что коррупция всюду. Еще вчера, если кто-то из высшего начальства “кое-где у нас порой” делал что-то незаконно, то уж непременно это было легитимно и способствовало благотворным реформам и демократии. И вот после убийства Холодова “кое-где” обрело реальную форму и умывающийся слезами редактор “Московского комсомольца” объявляет, что теперь-то он начнет писать всю правду, а в смерти журналиста виноваты армейское руководство и ФСК. Еще вчера “Московский комсомолец” с наглостью шута поливал грязью слабосильных врагов власть имущих, а сегодня он замахивается на ближайшее окружение “всенародно избранного”.

Нравственная революция? Ничуть не бывало! МК как был, так и остался грязной газетенкой, лгущей напропалую, ее редактор — таким же лизоблюдом и трусом, каким был всегда. Тут и доказывать нечего — газета говорит сама на себя, предлагая глядеть на окружающий мир как бы через задницу. Уточним: через демократическую задницу.

Не успел остыть первый всплеск эмоций по поводу смерти журналиста, как ситуацию подогрело убийство популярного телеведущего и генерального директора ОРТ Владислава Листьева. С 1 апреля 1994 должно было вступить в силу решение Листьева об отстранении фирм “Реклама-Холдинг” (ЛогоВАЗ, Березовский) и Премьер-СВ (Лисовский) от монопольной перепродажи рекламного времени первого телеканала. Потеряли этих фирм и контролирующих их криминальных группировок должны были составить около 100 миллионов долларов. 3 марта в 21.15 Владислав Листьев был убит в подъезде собственного дома. Истекающего кровью несчастного нашли соседи, которые и вызвали “скорую помощь”. Милиционеры засуетились, но никого не поймали. Расследование быстро зашло в тупик, созданный влиятельными силами.

И опять мы будто вернулись в осень 1991. Судорога пронзила “демократическую общественность” снизу доверху. Если “низы” ощетинившихся работников “Останкино” буквально смели с должности телевизионного политкомиссара А.Н.Яковлева, то “верхи”

использовали момент, чтобы слегка припугнуть заносчивого Лужкова и ослабить его окружение — какие, мол, безобразия творятся в столице!

Наказали, конечно же не безвинных, но виноватых в совсем другом. Да и экзекутор — “президент всех россиян” Ельцин — был главным организатором и даже символом веры всех этих виновных в криминальном беспределе лиц. Именно ему было выгодно разводить шумиху вокруг смерти, чтобы оправдать затраты ощутимым политическим эффектом.

Впрочем, оговоримся, что один безвинный все-таки был. Для того, чтобы оправдаться перед журналистами, требующими доведения до конца следствия по убийству В.Листьева, демо-прокурорами изобретается мнимый подозреваемый. Подозреваемого задерживают и сажают. Ведущий следствие прокурор (просто прокурор, без всяких “демо”) получает “сверху” (от любимого Ельциным, но впоследствии обвиненного во взятках, и.о. Генпрокурора Ильюшенко) задание доказать, что именно этот несчастный и есть убийца. Прокурор упирается, его отправляют в незапланированный отпуск, а затем отстраняют от дела. Принявшему дело новому прокурору снова ставится задание доказать виновность безвинно сидящего в тюрьме человека… Как известно, в таких случаях общаться в камере с уголовниками можно годами.

Третья смерть, о которой тоже много (но недолго и бесполезно) говорили, — смерть известного предпринимателя и общественного деятеля Ивана Кивелиди, отравленного какой-то гадостью. На этот раз смерть уже не была столь помпезно обставлена. Всего неделю пошумели-повздыхали средства массовой информации и снова принялись за свое повседневное паскудство, надругательство над жизнью и смертью.

На внеочередном конгрессе предпринимателей, которому пришлось избирать новое руководство “Круглого стола бизнеса России”, говорилось прямо: “Мы дошли до предела: мы даже не мыслим себе жизни без возможности применения насилия. Когда мы слышим, что один крупный банкир угрожает другому — это не вызывает отторжения. Смерть любого из нас, даже если причиной станет простуда, ни у кого не оставит сомнений в том, что это дело рук

наемных убийц.” (Президент АО “Мосэкспо”, О.Киселев, Ч&Л, № 15, 1995).

Заказчики безадресных взрывов (А.Краснов. Мысли вслух.)

У нас есть “дело Холодова”, “дело Листьева”… А еще Мень, которого убили уж восемь лет назад не пойми за что. Тут все к услугам публики — даже личное кураторство расследования президентом. Или вот криминального авторитета Наума рядом с Петровкой 38 завалили. Вопят: “Это вызов общественному мнению!” Афганцев взорвали на кладбище — тоже против конкретных людей все устраивалось.

Но есть куда более ужасные и тихо исчезнувшие из поля зрения политиков и журналистов взрывы. С точки зрения социального сознания, куда более существенными являются безадресные взрывы. Они не становятся менее значимыми оттого, что там погибли никому неизвестные люди. Кто вспомнил о них, кто назвал их в ряду самых громких дел хоть раз?

Всем ясно, что Листьева убили за “бабки”. Он что-то там не поделил и получил пулю. Может быть даже и заказа-то на убийство не было, а был заказ на решение проблемы. Проблему решили вот так — завалив конкретного человека за конкретного дела.

Холодов тоже был конкретной жертвой. Ведь не стали же взрывать весь вокзал сотней килограммов тротила!

Безадресные взрывы говорят каждому гражданину: тебя могут разорвать в клочки просто так, даже если ты никакого отношения к криминальным разборкам или политическим проблемам не имеешь. Ты зашел на вокзал справить нужду и попал под обрушившийся потолок.

Несмотря на колоссальную значимость взрывов, которые произошли перед выборами, они толком не расследуются или не становятся объектом пристального внимания прессы, как это мы имеем в случае смерти Холодова и Листьева. Более того, эффект шока используется. Уже через полчаса после взрыва в метро начинают вопить: “Это красно-коричневые, это им выгодно дестабилизировать..!” Это же тот же поджог Рейхстага! У меня никаких иллюзий нет по поводу того, кто этот взрыв организовал. Это дело власти. Именно поэтому после выборов все закончилось. Ни уголовникам, ни чеченцам это не надо. Было бы надо — обязательно сообщили бы, что причастны к этому делу.

Отметим, что террористы, выполнявшие задачу власти — наши совки! Они взрывали и уязвлялись совестью. Взрывали вагон метро, который уже идет в парк — народу не битком. Взрывали троллейбус, только что высадивший всех на конечной остановке. Вот такие гуманные мерзавцы! Это не итальянские мясники, что взорвали вокзал в Болонье, угробив 200 ни в чем не повинных людей. Наши мучаются — работу выполнил и сердце щемит, убил и переживает, взорвал и уговаривает себя, что это его жизнь заставила, а сам он не хотел.

Надо сказать, всякая кампания, развернутая вокруг единичной смерти в море других смертей, выглядит фальшиво и постыдно. Как-то уж больно заинтересованно организован весь этот поток возмущения и фонтаны слез перед заблаговременно развернутыми телекамерами.

Мгновенно всплывающая в таких случаях официальная (или общепризнанная) версия случившегося наводит на мысль, что события подобного рода ждут с нетерпением — сюжет все-таки!

Именно так сподобились отметить убийство демократки Галины Старовойтовой. Только на этот раз никто в политическую версию уже поверить не мог. Хоть сначала и поговорили о происках коммунистов, но как-то быстро обнаружилось, что Старовойтова везла в Питер сумки с деньгами на избирательную кампанию. Об этом знали ее соратники, один из которых ее и сдал уголовникам. Любопытно также, что наличие денег у Старовойтовой упорно отрицал ее спутник, симулировавший тяжелое ранение, но в реальности только упавший в обморок при первом же выстреле. Его не убили — это тоже странно. В таких случаях гуманистов не нанимают.

А вот генерала Рохлина убили — и версия была сразу бытовой и нелепой до предела. Якобы собственная жена прикончила лидера одного из оппозиционных движений из его же именного пистолета. И тут можно с полной уверенностью говорить, что убийство было политическим. Если бы это было не так, то бытовую версию СМИ сразу бы отбросили.

Зададим себе традиционный вопрос: кому это выгодно? Ответив самим себе, мы найдем без всякого расследования истинных виновников смерти Холодова, Листьева, Кивелиди, Старовойтовой. Не биороботов-исполнителей, а именно виновников — тех, кто планировал последствия этой смерти.

Кто больше других получил от этих смертей? Это мы видим по составу публики, использовавшей повод для появления на телеэкране и на страницах газет. Публика представлена так называемыми “демократами” и “новыми русскими”. Они как-то сразу определяют, что эти смерти — политические убийства, направленные против “нарождающейся” (который уже год!) российской демократии. Что ни кровавая разборка — все против демократии! А может быть это демократия так расправляется с теми, кто использует ее для поживы? Заодно, конечно, жизни лишаются и вовсе невинные люди.

Вот в Чечне — сколько убийств тех же журналистов, а пафос обличения у их соратников какой? Прекратить войну в Чечне! Не бандитов выловить и наказать, а прекратить этих бандитов истреблять! Что ж тогда удивляться, что журналистов убивают и убивают.

Пока бандиты будут вооружены и организованы, а газеты будут пропагандистами и организаторами их побед, трупы журналистов будут на совести тех же журналистов, пока предприниматели будут делать “бабки”, используя рэкет, мошенничество, подлоги — их будут “мочить” свои же. Те и другие — просто соучастники. Но почему от этого должны страдать случайно попавшие под бандитские пули люди?

Или вот хоронят банкира. Родственники рыдают, а соратники по цеху — хорошо если хоть чуточку печальны.

В большинстве своем финансовые воротилы провожают своего собрата в последний путь как бы отбывая служебную обязанность. Они прекрасно знают насколько банковский капитал сросся с криминальными структурами, что бандиты служат телохранителями, банды служат “крышами”. Ну а смерть — это свидетельство профессионального провала. Все равно, сам ли Кивелиди проглотил ядовитую гадость, сведшую его в могилу, или кто-то ему ненавязчиво помог. Ну а коль так, то смерть финансиста будет у нас делом обычным — настолько, что и опечалиться порой не успеешь.

Нет ничего удивительного в том, что к веренице убийств прибавляются убийства правительственных чиновников. Летом 1997 Чубайс потерял своего верного соратника — главного приватизатора Санкт-Петербурга. Вице-губернатор второй столицы среди бела дня был расстрелян из автомата. Его похороны были полностью идентичны похоронам какого-нибудь мафиози. Вполне в духе

“крестного отца” Чубайс высказался на этих похоронах: “Мы достанем всех. Мы или они”. У гроба толпились другие члены клана — Егор Гайдар, Альфред Кох, Сергей Беляев, местный раввин. Разумеется, никого не достали и не нашли.

Кстати, этот иудейский клан напрямую связан с московским мэром, который много сделал для победы на губернаторских выборах в Питере В.Яковлева, который не стал противиться тесному сотрудничеству с Маневичем, хорошо известным в качестве доверенного лица Чубайса, который в свою очередь слыл врагом Лужкова.

Возвращаясь теме заказных убийств, оставим сожаления по поводу ушедших из жизни чиновников и бизнесменов и зададимся куда более важным вопросом: кто ответит за случайные невинные жертвы?

Пока смерть по одному поводу (обычно криминальному) будет использоваться по другому поводу (обычно политическому), пока смерть будет служить поводом для растравливания ненависти, готовой сконцентрироваться на первой попавшейся цели, она — мощный инструмент в политической борьбе. Кому-то (ясно кому!) каждый очередной всплеск ненависти чрезвычайно выгоден. В момент финансовой дестабилизации, Чеченской войны и предвыборного вранья нужно отвлечь население чем-то ярким и знакомым. Вот и развернули пляски дикарей вокруг погребальных костров. Мистический ритуал помогает сплотиться против общего врага, который, быть может, к данной смерти и не имеет никакого отношения. В общем — политическая бесовщина посреди погребальной процессии.

Такую же бесовщину устроили, впрочем, и коммунисты на похоронах генерала Льва Рохлина, убитого, вне всякого сомнения, по заказу Кремля. Но ельцинская свора, конечно же, в этой истории была еще отвратительнее ампиловских старух. Шкурники из прокуратуры не постеснялись изобразить, будто бы жена подкралась к спящему мужу и хладнокровно двумя выстрелами погрузила его в вечный сон.

Некрофильская увлеченность плясками смерти — вот истинная причина шума вокруг гибели журналистов и предпринимателей. Желающих поучаствовать в остросюжетном представлении немало — сколько работников пера и телекомментаторов кормятся вокруг этого!

Чувство остроты ощущений испытывают и сами потенциальные жертвы. Их некрофильская привязанность к смерти дорого стоит и окружающим. Но это некрофилов мало волнует. И выход один — посадить их за решетку и лечить, лечить, лечить…

Кое-кто из этих персон с невыраженными симптомами садо-мазохизма, проявляющих порой особую резвость в погоне за смертью, остановить уже никогда не представится возможности. Часть их, агитировавших против государственного единства, сгинула в межэтнических конфликтах. Другая часть, покрывавшая “демократическое” беззаконие, теперь тонет в рыданиях по поводу родных и близких, уничтоженных криминальным беспределом. Третья, бросившаяся в 1993 году по призыву Гайдара защищать “демократию”, сначала нарвались на омоновские пули, потом на беспросветную нищету, подвигающую к суициду.

Пляска смерти поддерживает сама себя, душа человеческая сгорает в ней, замещаясь легкостью освобожденного разума. Вы поставляете обществу свой образ мыслей — оно возвращает вам трупы. Вы усиливаете кипение своего возмущенного разума — трупов становится больше. Вы заходитесь в истерике от негодования, и тут убивают кого-то из близких. Может пора заметить какую-то связь? Может быть стоит усомниться в искренности всхлипываний комсомольца Павла Гусева, фальшивой решительности Ельцина в борьбе с преступниками? Может хватит использовать смерть и горе для злого зубоскальства?

Сегодня мы с уверенностью можем сказать, что обладатели второй древнейшей профессии с “демократическим лицом” являются основными союзниками номенклатурного мятежа, средой для подготовки идеологов уголовной смердяковщины. Именно вы бесчувственно готовили убийство своих коллег и многих других наших сограждан. И вы же ищете сочувствия?

Во многом благодаря высокому авторитету у российских реформаторов обладателей этой “древнейшей демократической профессии” у нас при взрывном росте преступности “блестяще” работает комиссия по смертной казни — в 1993 году из 56 человек, приговоренных к смертной казни помилованы 55, в 1994 — 149 из 153, в 1995 — 152 из 154 (Правда-5, № 28, 1995). Ну а в 1999 Ельцин скопом помиловал 700 самых отпетых подлецов. Усилиями

“гуманистов” смертная казнь, вопреки законам и общественному мнению, у нас просто отменена.

Безнаказанность преступников дорого обошлась для простых граждан. Чеченские террористы разгуливали по столице, совершенно не беспокоясь усилиями милиции, привыкшей гонять бабусь, торгующих зеленью у метро.

Самым страшным, но далеко не единственным, эпизодом в походе террористов против оставленных государственной властью граждан, стал взрыв в пешеходном переходе на Пушкинской площади 8 августа 1999 унес жизни 19 человек, 105 человек были ранены, многие стали инвалидами. Лужков распорядился восстановить движение по переходу к утру. В результате вместе с мусором были сметены и все улики. Потом эксперты говорили, что огненная вспышка сделала поиск улик невозможным — они сгорели. Но опытные сотрудники спецслужб привели примеры, когда даже при взрыве самолета в воздухе удавалось добыть ценный материал для следствия. Лужков просто позволил преступникам скрыться.

Убийцы и насильники ходят по улицам российских городов, будучи абсолютно уверены в том, что их зверства не будут наказаны полной мерой. Зато все мы, наши дети приговорены и ходим под страхом внезапного исполнения этого приговора.

* * *

После президентских выборов и возобновлении ударов по чеченским бандитам в Москве подряд прозвучали два взрыва в троллейбусах. К этому моменту криминальные взрывы уже никого не удивляли и особенно не волновали. Обычность насильственной смерти — вот признак Москвы конца тысячелетия.

Что касается нашумевших убийств, тем же летом 1996 года в прессе промелькнуло сообщение, что Д.Холодов являлся некоей “рабочей моделью” для спецслужб. В его окружение спецслужбы внедряли своих сотрудников и отрабатывали методики сбора информации.

Одна из версий гибели Холодова состоит в том, что он вышел на связующее звено между расхитителями Западной группы войск в Германии и казанской преступной группировкой. Эту версию сформулировал депутат Госдумы Сергей Шашурин (МК 14.11.96), который заявил, что из ЗГВ были доставлен нелегальный самолет с

оружием, включая 150 автоматов. Эти автоматы были переданы органам внутренних дел, а затем оказались в распоряжении казанской и московских криминальных группировок. Два таких автомата с номерами ЗГВ, как уже документально доказано, были подброшены сотрудниками МВД в багажник автомашины С. Шашурина и ему пришлось проходить длительную процедуру разбирательства в следственных органах.

За неделю до убийства Д.Холодова Шашурин передал свои сведения в официальном заявлении генералам МВД, посетившим его Казанском следственный изоляторе. Однако руководство МВД не только не приняло никаких мер, но утаило этот документ. В дальнейшем министр внутренних дел Ерин воспрепятствовал расследованию убийства Холодова.

Для расправы с Холодовым были использованы казанские бандиты. Не случайно В.Ерин, его первый заместитель И.Узбеков и многие другие высокопоставленные сотрудники МВД связаны с казанскими делами, а бомба, от взрыва которой погиб Холодов, хранилась на Казанском вокзале Москвы.

Вампиры и вампирши

Равнодушие к смерти у основной массы населения современной России и чесоточное стремление к смерти у значительной части “образованцев” дополняется еще и всеобщим оправданием всякого рода изуверств.

В 1993 году российская общественность достаточно равнодушно восприняла информацию о том, что столичные медики торгуют человеческими органами, вывозя их за рубеж. Много лет пытался привлечь внимание к изуверскому обращению к пострадавшим в катастрофах людям бывший депутат Моссовета А.Мироненко (см. развернутую статью в “Новой газете” № 22, 1996). Тщетно. Даже православная общественность обратила внимание на эту проблему только в 1997 году.

Примерно та же реакция была и на леденящие душу кадры в программе “600 секунд”, где демонстрировали изувера, хранящего в морозильнике младенческие трупы.

Столь же вялая реакция общественности последовала и в начале 1996 года на демонстрацию фильма об изготовлении медицинских

препаратов из расчлененных недоношенных младенцев в московском Международном институте биологической медицины.

Как стало известно из материалов, переданных российским тележурналистом немецкой кампании “Шпигель-ТВ”, этот институт ведет чудовищные операции, вынуждая женщин на стимулированные роды за два месяца до нормального срока, превращающие вполне сформировавшихся новорожденных в “биоматериал”. “Биоматериал” шевелит ручками и ножками, но его заворачивают в полиэтилен и заталкивают в морозильник. При этом у женщин берут письменное согласие на расчленение рожденных ими детей.

Вместо того, чтобы сразу арестовать вампиров в белых халатах, государственные органы выжидают нашей с вами реакции. Пока адекватная реакция запаздывает, вампиры и вампирши организуют специальную коллегию Министерства здравоохранения, которая сразу объявляет, что не позволит дискредитировать отечественную медицину. И действительно не позволяет. Только вместо медицины защищены у нас оказываются именно вампиры.

Вспоминаются эксперименты над людьми в фашистской Германии, тоже направленные на то, чтобы за счет людоедства обеспечить выживание тем, кто служит людоедам. Вспоминаются и опубликованные ранее показания очевидцев, наблюдавших за тем, как разбирали на “запчасти” живого человека в японской секретной лаборатории времен войны. Здесь человека перед разборкой “гуманно” усыпляли наркозом.

Наши “гуманисты”, подучившиеся у “демократов”, открыли способ объявить богоугодным делом самое гнусное преступление, которое только можно измыслить.

Они объявляют, что ловят сачком трупы младенцев перед мусорным ведром. Если бы им было выгодно, то они размахивали сачком и перед крематорием. Им нет дела до очевидных аналогий собственной деятельности с самыми изуверскими экспериментами инквизиторов и гестаповских садистов. Правящему режиму тоже нет дела до царящего в медицине воровства и беспредельной бесчеловечности. Ворон ворону глаза не выклюет. Эти падальщики слетелись на разлагающееся тело нашей страны, пищи хватает всем…

Тут есть еще одна сторона дела. Вампиры пользуются тяжелым социальным положением в стране и распадом нравственности. Два

этих фактора вместе позволяют находить женщин, готовых за плату совершить детоубийство. Медики-вампиры привлекают к сотрудничеству нравственно нестойких или вконец разложившихся людей, считающих возможным зарабатывать деньги, продавая душу дьяволу.

Как и всякая другая гнусность, медицинский вампиризм привлекает иностранных проходимцев. Там их преступная деятельность по временному омолаживанию организма за счет эмбриональных тканей запрещена. Только в России и Китае можно заниматься такой изуверской практикой. Но если в Китае живет такое количество населения, что лишь нравственный аспект должен останавливать чудовищное надругательство над человеком, то в России другая ситуация. В вымирающей стране, в условиях демографической катастрофы убиение младенцев — двойное преступление. Это преступление медиков и правителей, это преступный союз между ними.

Вопрос в том, до каких пор все мы — люди далекие от особых клиник, дорогостоящих лекарств, правительственной системы — будем терпеть надругательство над нашим миром? Сколько нам терпеть речи о нравственности, исторгаемые помойными ямами их ртов?

Расчеты Менделеева и других великих умов прошлого столетия показали, что к концу нашего века в России должно жить полмиллиона русских. Куда делись 350 миллионов? Такую потерю ни войнами, ни репрессиями не объяснить. Объяснить ее можно такими цифрами. В России на 1000 женщин приходится 76 абортов (в Голландии, например, только 5). За год совершается 3 млн. абортов. Это же война с собственным будущим!

Мы не говорим о том, что одной из первых акций парламентской демократии в России была отмена налога на бездетность. Теперь расплачиваемся тем, что ежегодно численность русских сокращается на миллион человек. (Кстати сказать, средняя продолжительность жизни в Москве на 7 лет меньше, чем по России.) Конца-края этому процессу не видно. Поэтому в будущем веке мы будем своей малочисленностью провоцировать алчные замыслы тех, кто сильнее нас.

Если уж русские решили вымирать окончательно, то, может быть, и вовсе перестать плодить потомство, которому в будущем ничего не светит? По-видимому, именно на это и рассчитывает наша продажная номенклатура. Это было бы для нее лучшим свидетельством могущества вроде взрыва нейтронной бомбы — населения нет, а материальные ценности присваиваются кучкой негодяев.

В ту же сторону действуют и всякие подлые организации, завезенные к нам вместе с порнографией и СПИДом. Главная из них — Российская ассоциация планирования семьи. РАПС — организация, порожденная аналогичной организацией, название которой в буквальном переводе несет несколько более откровенный смысл — Международная федерация ограниченного родительства.

На деятельность РАПС из бюджета были выделены немалые средства, чтобы разрабатывать программы снижения рождаемости. Они добились своего, а некая мадам Прилепская, президент Российского общества по контрацепции на юбилейной конференции РАПС так и сказала: “Призывающие повысить рождаемость в России забывают о проблеме перенаселения в мировом масштабе. Нам не нужен прирост. Нам нужны здоровые дети”. Гендиректор РАПС Гребешева и вовсе объявила о необходимости принудительной стерилизации безработных. Под эти бредни правительство выделило деньги на создание 200 центров “планирования семьи” по всей стране (программа “Планирование семьи” — часть ельцинской программы “Дети России”). Это вдобавок к 52 филиалам РАПС и 43 филиалам общества по контрацепции.

Всю эту мразь пригрела под своим крылом лидер липового движения “Женщины России” Е.Лахова, насобачившаяся с необычайно легкостью рассуждать с телеэкрана о проблемах контрацепции и половом воспитании и стремящаяся оседлать нездоровое стремление некоторых эмансипированных персон делить политиков на партии по половому признаку. Именно она стала главным “толкачом” законопроекта “О репродуктивных правах граждан”, долженствующем развернуть широкомасштабное наступление на деторождение и пропаганду абортов.

Под покровительством Лаховой в рамках “Планирования семьи” разрабатывались программы полового воспитания, которые можно расценить только как попытку растления подрастающего поколения.

Подросткам предлагалась информация о гомосексуалистах, некрофилах, проституции, о пользе мастурбации, эротическом фетишизме и т. п. Заказав такого рода программы, Министерство образования разослало их в школы. Кое-где все это безобразие начали внедрять с первоклашек, а Институт социологии РАН разработал для малолетних специальные анкеты со 150 чудовищными вопросами на тему “Что ты знаешь о сексе?”. Когда общественность подняла шум, руководство института прикинулось, будто оно тут не при чем.

В ноябре 1997 г. РАПС провела акцию-тест: открытие секс-трамвая, который должен был курсировать по Москве и обучать старшеклассников “безопасному сексу”. Лужковская номенклатура, зная слабость московского мэра к мадам Лаховой (она лично участвовала в акции) даже сняли с занятий учащихся ПТУ — чтобы обеспечить массовость.

К счастью тест показал относительную устойчивость москвичей к лозунгу “Долой стыд!”. Прохожие остановили лаховский трамвай, а кто-то баллончиком с краской начертал на нем слово “бордель”. От разгрома бордель спасли лужковские менты (“Русский вестник”, № 1–2, 2000).

РАПС — звено агентурной сети борцов с родом человеческим. Именно они записывают в программу ЮНЕСКО “Здоровье и образование” бесстыдные строки, которых говорится о необходимости “все мировые ценности объединить в одну, чтобы православный, католик, буддист или кришнаит распространяли средства контрацепции и обучали их применению”. Именно с их подачи президент США Клинтон выражает удовлетворение тем, что Америка помогает “женщинам во всем мире предупреждать миллионы незапланированных беременностей”, проявляя “заботу о самых бедных семьях на планете”.

Нам надо не упустить тот факт, что Лахова оказалась близкой соратницей Лужкова по “Отечеству”, разрабатывала часть программы этого малоприличного движения по проблемам семьи. На заседании программной комиссии “Отечества” Лахова приняла как оскорбление утверждение, что русских в России более 80 %. Она полагала, что уже умертвила с помощью своих “технологий” достаточно русских младенцев, чтобы русские не поминали о своей роли в создании России.

Вполне в том же духе отвратительного цинизма действовала и семья Ельцина. Огромные деньги выбрасывались лишь ради того, чтобы “первая леди” перерезала очередную красную ленточку и сказала несколько банальностей в телекамеру.

Например, в Москве был открыт первый хоспис — заведение для неизлечимых раковых больных. На этот последний приют, рассчитанный на 25 персон, было потрачено 9 млрд. рублей. при этом на одного больного должны были расходовать 1.5 млн. рублей, а зарплата рядовых сотрудников должна была составлять где-то 200 тыс. рублей. Очевидно, что здесь “проводы в последний путь” организовывались для неслучайных клиентов и за счет тех, кому помощь необходима для продолжения жизни. Предельно лживо прозвучали слова, что пребывание здесь не будет привилегией избранных.

Вампиризм — общий признак и кремлевской, и московской власти, порожденной в эпоху “демократических бурь”. Он проявляется не только в физическом издевательстве над плотью, но и в издевательстве над душой. Доказательство тому — московские учебники, которые начали снабжаться жутковатой иллюстрацией — осклабленной физиономией Лужкова, выполненной в красно-желтых тонах, а также разного рода реверансами в адрес московского мэра. В одном из предисловий можно увидеть две фамилии — Лужкова и Лермонтова. А на уроках учителям предложено задавать детям вопрос: “Заботится ли Лужков о москвичах?” и требовать “правильного” ответа — как во времена советского патриотизма требовали от неокрепших душ выражения признательности партии и правительству.

Наперсточники

Некрофилия в качестве нормы жизни навязывалась российской обществу. Если раньше можно было как-то обособиться от разного рода лиц с садистскими наклонностями, то гайдаро-чубайсовкая экономика перемешала жулье с простыми гражданами. Вторые вынуждены были жить по правилам первых — слушать их песенки по всем телеканалам, шарахаться от их шикарных машин, платить им и продаваться тоже им…

Известно, если сел играть с шулерами, не плачь потом, что обчистили дотла. Этой бытовой истины народу хватало, чтобы худо-бедно поддерживать свое благосостояние. Но вот пришла перестройка,

демократизация и либерализация — и этой бытовой истины стало как бы недостаточно. “Пудрить мозги” начали столь изощренно, врать так нагло, что удержать что-либо в карманах стало почти невозможно.

Если наперсточники на столичных улицах продержались где-то год-полтора, удовлетворив потребность узкого слоя доверчивых и рисковых граждан в щекочущих нервы развлечениях, то шулерские методы экономической ограбиловки вошли в нашу жизнь прочно и надолго.

Кто таков шулер-наперсточник сегодня? Во-первых, это политик-лжец, который обещал одно, а делает другое (за что и получает “соответствующее вознаграждение”). Во-вторых, это чиновник высшего звена, которому плевать на своих сограждан, и который не торопится вводить санкции за шулерство, наблюдаемое повсюду невооруженным взглядом (за что тоже получает “соответствующее вознаграждение”). В-третьих, это мелкий чиновничек — тот жучок-червячок, который сидит-восседает в системе распределения. Но уже не на узлах товарного распределения, а в финансовой системе. Государство прочно защищает его права. Этот-то жучок и приносит “соответствующее вознаграждение”, приобретаемое им в рамках закона (того самого, “демократического”, о коем чаяли диссиденты-шестидесятники). Себя жучок тоже не забывает — богатеет невероятно. При скромнейшей зарплате ездит в дорогой “иномарке” и загородную виллу в три этажа строит, в отпуск в круизах пропадает, а детей отправляет учиться в зарубежные колледжи. И никто ему в глаза сегодня не плюнет, никто за шиворот не возьмет и отчета не потребует о том, отколь деньги на все эти красоты.

Деньги и их заменители (А.Краснов. Мысли вслух.)

Я плохо представляю, как в нашей экономике можно, вложив доллар на год, рассчитывать вернуть его с прибавкой хотя бы в один цент. То, что его можно пропить, проесть — понятно. А вот какого ума должен быть человечище, чтобы, будучи затраханным налогами, вложив доллар в производство, получить в конце года дополнительно к нему еще один цент.

Пожалуй, единственная прибыльная отрасль — вскрытие месторождений и вывоз сырья в обмен за завозную кампанию бумажной “капусты”. Тут к концу года на вложенный доллар можно

получить два, закрыв глаза на то, что через чудовищную брешь за границу хлещет поток нефти.

Наши монетаристы при этом умудряются делать глубокомысленные выводы о том, что инфляция подавляется прекращением печатания денег. Про то, что наплодили всякие ГКО, море векселей и других заменителей денег, да еще ввез немеренное количество зеленых бумажек, молчат! А ведь все это работает как деньги, только хуже! Какое же это подавление инфляции, если, как только не хватает рублей, тут же переходят на доллары.

Если была бы эмиссия денег, то за выпущенную продукцию любой смог бы получить деньги. Вместо этого ему подсовывают вексель. Это значит, что кто-то заработал на выпуске ценной бумаги, кто-то получил за операцию его продажи. Производственник в делах финансовых институтов — лопух. Он умеет доски строгать, а в области финансов его дурят все подряд. Поскольку, пока дело дойдет до ликвидной наличности, завод дай Бог получит половину от выплаченных ему денег. Возникает целая инфраструктура, которая ничего не делает, только продает эти векселя.

То же самое и с долларом происходит. Здесь мы финансируем паразитическую инфраструктуру, а там — напрямую бюджет господина Клинтона. Он нам резанную бумагу, мы ему — сырье. Мы стали крупнейшими держателями долларовой наличности. Кажется ее уже и в США меньше, поскольку там предпочитают пользоваться пластиковыми карточками.

Вопрос, почему правительство не пойдет на эмиссию? Ведь за выпущенные рубли можно постепенно скупить доллары (не спеша, не создавая ажиотажа) и представить целый состав валюты в уплату за наши долги Западу — подавитесь! Вот обиделся бы Клинтон, вот бы рожу скривил! Это все равно что прийти к Мавроди и получить с него деньги за “мавродики”. Клинтону пришлось бы всю эту бумагу в топках спалить. У него вся экономика пошла бы псу под хвост. А Мавроди просто послал бы такого “доброхота” к такой-то матери, как посылал без всякого труда много раз.

У нас рубль — внутренне конвертируемая валюта. Заменить доллар на рубль для экономики безвредно. Нам главное — не пускать доллар в свой денежный оборот. А разницы для экономики нет никакой — обслуживается она рублевыми бумажками или

долларовыми. Обмен долларов на рубли даже формально денежную массу не увеличивает. И Клинтону нечего обижаться. Он-то нам эту массу “капусты” уже впарил! Так что, будьте добры, получить обратно.

Первый, наиболее скромный вариант грабежа — разнообразные бесплатные завтраки и безвозмездные подарки. Без-воз-мезд-но, то есть даром! Да кто ж не купится на дармовщинку! И пошли веселые граждане к избирательным участкам, воздавая хвалу сильным мира сего, обещавшим обратить камни в хлебы, воду в вино…

Это шулерство — средней руки, политическое. Раз-другой использовал и придется погодить, иначе не поверят вновь, ибо дурь не успеет накопиться в мозгах народных. Но через политику открываются пути к настоящему шулерству. От политических авантюр надо лишь вовремя перейти к экономическим. Тут только успевай поворачиваться: были сбережения на сберкнижках — как корова языком слизнула (в качестве насмешки правительство постановило возместить убытки тем, кому за восемьдесят), были общественные фонды потребления — сгинули без следа, был золотой запас государства — не стало. А стоило только в 1990–1991 году подтасовать кое-что, поднамудрить. Например, подделать всего пару бюллетеней при голосовании кандидатур на пост председателя Верховного Совета РСФСР (в чем признался режиссеру Говорухину автор этой авантюры).

А после — чего ни хватишься, всюду дыра от бублика, всюду будто Мамай прошел. Только в офисах прохлада от кондиционеров и евро-ремонтом все блистает. В все потому, что с признаками прежней — пусть не очень веселой, но понятной — жизни политэкономические шулеры расправились быстро и принялись свои шулерские игры насаждать во всероссийском масштабе.

Делается, например, так. Нарезаются полоски цветной бумаги, называются новым словом “ваучер” и за небольшую плату раздаются гражданам. На бумажке написано 10000, а плата всего 25 рублей, потому и берут с охотой. Гражданину — бумажку, шулеру — собственность. Сыграли эту партию до конца — ко всеобщему удовлетворению (опять же некрофильского свойства). Граждане прозрели потом, стали возмущаться, да поздно уже. От политического изобретения под названием “свободный рынок” шулеры уже перешли к экономическим изобретениям.

Пришли в нашу жизнь и такие игры. Нарисовали бумажку, назвали “акция” и стали продавать доверчивым гражданам и зазевавшимся хозяйственникам с “рыночным” мышлением. Не беда, что акция — вовсе не акция, а производная ценная бумага (свидетельство о депонировании), или того хуже — какой-то “билет Мавроди”, никакими законами не предусмотренный.

Хитрецы добились, чтобы простецы принесли свои денежки и сыграли с ними (хитрецами) в игру “котировка” или “купля-продажа на вторичном рынке”. Пока бумаг у хитрецов много, они готовы и сами котировать акции, и на бирже обеспечивать активный рост стоимости своих бумаг. Как только у простецов удается выкачать необходимую сумму, котировки резко падают, а то и вовсе прекращаются. Многим поверившим в “свободный рынок” приходится снова сдавать свои акции хитрецам по бросовой цене. Тем же, кто рассчитывал на дивиденды, придется покориться решению владельцев контрольных пакетов акций (те же шулеры) о необходимости направить все средства “на развитие”. Тому же, кто все-таки кое-что получит, придется немало удивиться тому, что обещанные 1000 % годовых исчисляются не к вложенным (и проиндексированным) средствам, а к номиналу, а номинал при изменившихся в десятки и сотни раз ценах — гроши. Им в лучшем случае достанется на руки не более банковского процента (а иногда и очень сильно менее). Это называется “собственник” или “партнер”. А супердемократы-недоэкономисты назвали это “нормальным народным капитализмом с человеческим лицом”. Так вот, эти человекоподобные награбили у населения никак не меньше 50 трлн. Рублей — в ценах до 1996 (впрочем, это сумма на порядок, а то и два, не дотягивает до того, что уворовано у граждан руками гайдаро-чубайсовской своры).

Делается, например, так. Аферист-экономист Березовский, благодаря своей невиданной пронырливости, втирается в доверие к руководству крупнейшего производителя легковых автомобилей — Авто ВАЗ. Он убеждает недалекого гендиректора (оттого потом его и взяли в правительство), что пора раскручивать идею “народного автомобиля” и собрать у алчущего вцепиться в баранку персонального средства передвижения населения деньги. Выделяются средства на массированную рекламную кампанию. Народ, что называется, сдает валюту. Выпущено 37 миллионов акций Автомобильного

всероссийского альянса (АВВА) номиналом от 10 тысяч до 10 млн. рублей. Указом президента альянс освобождается от налогообложения прибыли, уплаты акцизов и таможенных платежей, автогигант тоже освобожден от всех налогов за поставку продукции для альянса. Альянс также становится первой российской фирмой, которой Минфин разрешает выпуск ценных бумаг "на предъявителя" — те самые свидетельства о депонировании акций (СДА) — да еще не по единой цене, как полагалось по закону, а по котировкам. Это давало возможность проводить массовые операции без регистрации сделок.

Экономический эффект, исчисляемый как рост доходов проходимцев, от деятельности альянса с обезьяньим именем был невероятным. Удалось даже прокормить целую свору государственных чиновников. А потом чиновники, регистрировавшие проспект эмиссии альянса, просто стали чиновниками АВВА (даже включая заместителя гендиректора АВВА).

Лишь позднее по стопам Березовского пошел Мавроди и другие любители наживы за счет простодушных граждан. Жулье, по всей видимости, объясняло себе причину своей наглости тем, что простодушие "хуже воровства", а значит — жулик лучше, чем тот, кто купился на его наживку.

Для "обувания" дурачья из промышленных магнатов отцы-основатели АВВА выбили и для АвтоВАЗа особый режим приватизации. Хоть АвтоВАЗ по своим масштабам и должен был приватизироваться на всероссийском чековом аукционе, все было сделано так, чтобы распределить дармовую собственность среди своих. Тольяттинский аукцион позволил захватить огромные пакеты акций автогиганта махинаторам из АВВА (13.5 %, позднее — 29 %) и МММ-инвест (10.6 %).

Для мало-мальски грамотного специалиста несбыточность проекта АВВА была совершенно ясна. Собрать на строительство первой очереди машиностроительного завода порядка 300 млн. долларов в стремительно нищающей стране было невозможно. Но на время доказать всем, что мираж может обернуться реальностью удалось — дурачья всюду хватало. Правительство тоже прикинулось, что поверило Березовскому. Видимо, тоже не без пользы для себя. Зато с ужасными последствиями для страны.

Когда финансовые аферы других “комбинаторов” начали осыпаться как осенняя листва, акции АВВА тоже стремительно потеряли в цене, нанеся своим владельцам существенный материальный ущерб. Инициаторы этой аферы, разумеется не относились к тем, кто остался в накладе.

Собранные 30 млн. долларов Березовский решил направить на развитие автомобильной промышленности Финляндии, где и начали в 1996 году собирать штучные образцы “народного автомобиля”. Выпустили их может штук двадцать, а то и двести — показали всем, а потом все как-то забылось, ушло на второй план. Народного автомобиля никто и в глаза не видывал, зато появился “олигарх” Березовский со своей шпаной.

Дивиденды дуракам, купившим акции в период бума, разумеется никто выплачивать не собирался. Мало того, акции АВВА оказались замешанными в деле печально известного банка “Чара”, облапошившего чудовищное количество своих сограждан. По представлению суда счет этого банка был заморожен.

Видимо, пытаясь как-то сбить накал страстей, руководство “Чары” сделало 11 ноября 1994 довольно оригинальный ход, объявив, что теперь клиенты банка могут получить причитающиеся им выплаты в виде облигаций АО АвтоВАЗ и акций АО Автомобильный всероссийский альянс. При этом “Чара” заявила, что выплаты облигациями АО АвтоВАЗ производятся только клиентам, сделавшим вклады на сумму более 4,5 млн. рублей, а остальные клиенты банка получат по своим вкладам акции АО Автомобильный всероссийский альянс. При этом “Чара” оценивала их в $5, в то время как их биржевой курс был на тот момент чуть выше 5,5 тыс. руб. То есть одни фальшивки сменили другими при полном непротивлении властей.

Есть, надо отметить, акции все-таки более солидные, обеспеченные собственностью и даже интересами крупных промышленных воротил. Это акции топливно-энергетического комплекса, энергетической системы, акции добывающих предприятий, транспортных монстров и пр. Но эти акции распределяются среди своих. В крайнем случае, их уступают иностранным инвесторам (среди них тоже немало хитрецов и подлецов).

Как тут “обувают” всю страну интересно посмотреть на примере создания нефтяного холдинга “Сибнефть”, который вошел в

лидирующую группу крупнейших нефтяных фирм мира.

Образование “Сибнефти” стало абсолютной неожиданностью не только для профильного правительственного ведомства — Минтопэнерго, но, что самое главное, и для государственной компании “Роснефть”. “Роснефть” не без основания рассчитывала заполучить “Ноябрьск-нефтегаз” и Омский НПЗ в свой состав — постановление правительства об этом уже было “на выходе”. Но этим планам не суждено было свершиться, и исключение двух нефтяных “звезд” нанесло серьезный и практически невосполнимый удар по экономическому потенциалу “Роснефти”.

27 ноября 1995 Борис Ельцин подписал указ “Об управлении и распоряжении акциями открытого акционерного общества “Сибирская нефтяная компания”, находящимися в федеральной собственности. В тот же день, когда был подписан указ, вышло информационное сообщение Госкомимущества о проведении залогового аукциона по акциям АО. Стартовая цена пакета — 5100 млн. “Ноябрьскнефтегаз” ($130 млн. за 51 % акций) и Омского нефтеперерабатывающего завода ($55 млн. за аналогичный пакет).

Несмотря на то, что первой в списке претендентов на победу в залоговом аукционе стояла та же “Роснефть”, государственной компании не удалось взять “Сибнефть” под контроль. Победителем аукциона стала “Нефтяная финансовая компания” (НФК) (кредитор — “Столичный банк сбережений” Смоленского, гарант — банк “Менатеп” Ходорковского), предложившая государству кредит в размере 100 млн. 300 тыс. долларов при стартовой цене лота в 100 млн. долларов. Заявка “Инкомбанка” не была допущена к участию в аукционе под надуманным предлогом, аналогичным тому, который был использован при выпихивании его из состава учредителей ОРТ.

Необходимо отметить, что учредителями НФК являются Объединенный банк и ООО “Вектор-А”. Владельцами первого являются АвтоВАЗ, АвтоВАЗбанк и ЛогоВАЗ, а второго — сама “Сибнефть”. Все под контролем Березовского. Мало того, победа в аукционе была обеспечена деньгами Омского НПЗ и “Ноябрьскнефтегаза”, входящих в холдинг “Сибнефть”. То есть налицо ситуация криминального сговора — переложили деньги из кармана в карман, а получили в собственность колоссальную кампанию.

Второй примечательный факт этой истории — убийство директора Омского НПЗ, которого прочили в директора “Сибнефти”. Ехал человек мимо холодной сибирской реки и вдруг вздумал искупаться. Через сутки его извлекли из воды и поставили диагноз — острая сердечная недостаточность. Все сделали вид, что в это поверили.

Наконец, примечательным фактом является образование “группы дружественных инвесторов” “Сибнефти”, в которую, помимо предприятий “Сибнефти” и НФК, вошли Объединенный банк, Русский индустриальный банк, Столичный банк сбережений, Нефте-комбанк. Вместе с перечисленными выше структурами все это спекается в какое-то паучье гнездо.

Для чего все это делается — почти не скрывают. Средства массовой информации открыто говорили, что вся история с “Сибнефтью” разыграна для обеспечения избирательной кампании Бориса Ельцина. О масштабах соответствующих выплат можно судить хотя бы по тому факту, что за время держания залога НФК выудила из “Сибнефти” только по балансовой прибыли порядка 1.1 трлн. рублей (“Правда-5” № 18, 1997).

А вот схема ухода от налогов, доступная лишь тем, кто продал душу Чубайсу.

Норильский горно-металлургический комбинат, выпустивший в 1996 году продукции на 10 трлн. Рублей, оказался должником по налоговым выплатам на 1.5 трлн. рублей (на май 1997). Как говорится, где деньги, Зин? Оказывается, с осени 1995 контрольный пакет акций РАО “Норильский никель” принадлежит ОНЭКСИМбанку, само РАО по договору является агентом по реализации продукции комбината, а значит, фактически распоряжается продукцией по своему усмотрению и решает, выплачивать ли партнеру какие-либо деньги или нет. Благодаря ОНЭКСИМбанку оказалось возможным игнорировать Указ Ельцина № 1212 от 18.08.96 о перечислении всех полученных агентом денег на счет партнера в течение трех банковских дней. Из своих 10 трлн. в 1996 комбинат получил только 100 млрд. А чтобы окончательно замести следы, РАО “Норильский никель” заводит себе еще одного партнера — ЗАО “Интерросимпекс”, через которого реализует свою продукцию. Контрольным пакетом опять-таки владеет ОНЭКСИМбанк” (см. “Казначей ВМ”, 25.06.97).

Коль скоро мы упомянули банковские депозиты, то немного и о них.

Наслушавшись известий о крахе всяких там компаний, русский простец несет свои деньги в банк. В обмен ему дают договор с указанием, что банк может пересматривать процентную ставку по депозиту. Если доверчивый клиент и замечает эту запить, то рассчитывает, что его вовремя уведомят, и он сможет подыскать своим деньгам более доходное место. Не тут то было! Об изменении ставки (разумеется, в сторону уменьшения) клиент узнает только в момент получения жалких процентов. То-то обрадуется! (Хотелось бы тут недобрым словом помянуть сверхсолидный НГС-банк, что в Москве близ Центробанка располагался. Но близость тут не в надежности и порядочности, а в другом — оба учреждения были инструменты наперсточников.)

Банковская система России — монстр, выживающий из страны все соки. Крупные банки (около трети банков) аккумулировали 86 % бюджетных средств, 94 % депозитов, 86 % средств предприятий, 90 % всех банковских активов. Но реальное кредитование граждан и предприятий находилось на чудовищно низком уровне и составило 11 % от ВВП (в Германии — 113 %, в США — 119 %, в Японии — 193 %, в Румынии — 24 %, Словакии — 41 %, Чехии — 98 %). Удельный вес ссуд населению составил всего 2,4 % (в США 10 %, в Германии — 15 %). Банки занимались преимущественно спекуляциями с бюджетными деньгами. 76 % всех инвестиций банков приходились на государственные ценные бумаги — ГКО, ОФЗ и пр. Значительная часть банков работала на нелегальный бизнес, преступность, занималась “отмывкой” грязных денег и переправкой капиталов за рубеж. Из 1496 банков около 400 были напрямую инкорпорированы в организованную преступность (ВМ, 29.12.98).

Мы уж не будем объяснять того, что чем хуже работает банковская система, тем выгоднее банкам. Чем медленнее ведутся расчеты, тем больше средств для собственной финансовой деятельности получают банки. Потому то их и расплодилось так много. Крупные предприятия стремятся обзавестись собственным банком, чтобы не давать снимать пенки со своих прибылей кому-то постороннему. Ну а созданный банк сразу же старается залезть в карман бедному нашему гражданину. На случай же каких-то особенно

разорительных авантюр можно просто стать банкротом. Как, например, Московский городской банк, прославившийся свой простой и эффективной рекламой — мол, МГС — устойчивый банк.

Следующее изобретение — рынок государственных краткосрочных облигаций (ГКО). Тут и бумагу резать не надо. Все пошло через компьютерный учет. Государство начало брать в долг у предприятий временно свободные средства под проценты, смущая их высокой ликвидностью и солидной доходностью этих “ценных бумаг” на специально организованных торгах. Построили пирамиду: со старыми вкладчиками стали рассчитываться вновь поступившими средствами. Пирамида завалилась аккурат через год. Как раз к осени, когда нужны были средства, чтобы под новый урожай расплатиться со старыми долгами. Вот и обобрали госчиновники доверчивых вкладчиков: сыграли на бирже на понижение курса ГКО и вынудили сдать их по низкой цене (деньги-то свободными бесконечно быть не могут!). Но тогда завалили как бы наполовину — только для того, чтобы обобрать мелких вкладчиков, которые и не знали как манипулируют их деньгами. Окончательно пирамида рухнула в августе 1998. Причем тут охнула вся страна. Потому что под видом страшного крушения рынка банки ограбили всех своих вкладчиков и клиентов. Украденные деньги при полном непротивлении властей перекачали в новоиспеченные банки.

Теперь международное шулерство. Нарисовали зеленую бумажку, назвали “доллар” и привезли в Россию. Очень много привезли! А из России за эту бумагу пошли такие потоки сырья, что мировой рынок им поперхнулся и стал понижать цены. А у нас гуляют туда-сюда потоки зеленой бумаги. Простецы, желающие в валюте сохранить свои деньги от инфляции, вынуждены окунаться в эти потоки и снова напарываться на шулеров. То старинную бумажку подсунут, которую никто потом на рубли менять не согласится, то устроят колебания курса и цен… И называется это “конвертируемостью рубля”.

“Демократы” очень стараются, чтобы этой игрушки у них не отняли. Право такое придумали — право на владение твердой валютой! Только ждите момента — шулерская реквизиция не за горами. Не дадут же вам, в самом деле, от инфляции спастись! В августе 1998 была только репетиция реквизиции.

И вот всю эту катавасию с акциями-неакциями, резаной бумагой, дутыми уставными фондами, липовыми ставками депозитов и прочая, прочая… назвали модно — “фондовый рынок”! Международный валютный фонд посоветовал.

Нет, авторы не против банков, ценных бумаг и валютных операций! Авторы против шулерства, когда банками называются меняльные конторы с криминальными наклонностями, ценными бумагами — цветные фантики, а государством — воровскую малину.

“Малина” действовала, например, так. “Финансовый гений” замминистра финансов Вавилова изобретает такой инструмент, как Облигации внешнего валютного займа. В результате государство сдавало свои средства под 25 % годовых, а заимствовало под 100 %. На этом ОНЭКСИМбанк и “Менатеп” “наварили” миллиарды долларов, что потом позволило Вавилову затратить невероятную сумму на выборы в освободившемся округе депутата Госдумы в Алтайском крае (оценочно — 50 млн. долларов). Там, правда, его “наказали”, что позволило прокуратуре продолжить следствие по его душу.

Еще один инструмент воровства — обмен векселями между Сбербанком и банком “Национальный кредит”. Векселя первого были высшей категории надежности, векселя второго шли по цене бумаги, ибо крах банка ожидался со дня на день. Запрограммированный крах “Национального кредита” стоил сбербанку, а вместе с ним и всем гражданам России 100 млн. долларов. И как с гуся вода — никто из чиновников не то что на плаху не лег, даже не икнул.

Для полноты картины мы должны еще вспомнить историю руководителя Национального фонда спорта (НФС) Б.Федорова (хоть разница и невелика, не путать с бывшим министром финансов, в последующем — главой налоговой службы, а с недавних пор — гайдаровца-“праводельца”). Весной 1996 года он был арестован по надуманному обвинению в хранении наркотиков, а потом отпущен на свободу. Для стороннего наблюдателя было вполне очевидно, что это предупреждение чиновников, с которыми, по всей видимости, не поделились “левыми” доходами.

В течение достаточно длительного времени НФС возглавлялся одним из ближайших сподвижников Ельцина — Шамилем Тарпищевым, который пользовался замечательной “спортивной” льготой по ввозным пошлинам на спиртное и курево (а потому и стал

основным импортером зарубежного зелья), а также особым расположением начальника Главного управления охраны М.Барсукова (позднее — начальника ФСБ) и начальника службы безопасности Президента А.Коржакова.

Вырученные от льгот средства — миллионы долларов (Фонд откачивал из госказны по 20 млн. долларов в месяц). Спорту они, разумеется, достались лишь в некоторой малой доле. Не случайно после ареста Федорова на его место в период избирательной кампании попал полковник из ельцинской службы охраны Стрелецкий, пока и того не прогнали Чубайс с компанией. Этот, видать, тоже не очень точно знал потребности своего хозяина и его дворни. Но обиделся сильно и даже вслед за Коржаковым книжку про кремлевских шулеров написал. Прочли обе книги все, кому не лень. Прокуроры — тоже. И снова жулье никто давить не стал. Знаем, мол, что воруют, знаем кто и как, да вот только пахан верховный не велит трогать, дабы демократию в стране блюсти.

Поскольку надуманное обвинение, использованное ельцинистами против своего собрата из НФС, начавшего допускать вольности, провалилось, его из тюрьмы-то выпустили. Зато через несколько дней подослали убийцу. Наемник прострелил несчастного почти насмерть, а потом пытался добить ножом. Бедняга чудом выжил и попытался скрыться за границей в одной из клиник, кляня за все своего предшественника и патрона — Тарпищева.

Как отмечалось в книге “Мятеж номенклатуры”, негодяи все время сбиваются в кучку и случайных людей меж ними нет. Это подтверждает и разоблачительная публикация о связях ельцинских телохранителей со “спортивными” капиталами, а также с криминальными кругами, оперирующими миллионами долларов (“Новая газета”, № 25, 1996). После таких материалов должны следовать посадки крупных чиновников, всяких там генералов, скоропостижно найденных в демократической капусте. У нас же наперсточники отделываются легким испугом. Да и то, если только газеты читать не разучились.

Примечательна и связь НФС с банков “Национальный кредит”, который по сходной цене был сдан Федорову одним из “демократических” финансистов — концерном “Олби”. Заодно передавались и функции незаконного финансирования политики.

Федоров таскал каштаны из огня для Ельцина миллионами долларов. По свидетельству Стрелецкого, на докладной Ельцину об ущербе государству от деятельности НФС в размере 1,8 млрд. рублей, “всенародный” без подписи и даты выскреб искалеченное словечко “поже”. То есть, дал Федорову карт-бланш, оставив решение его судьбы на время “поже”. А “поже” Федоров вдруг умер, унеся с собой немало тайн о финансировании режима и грабеже страны.

Избирательная кампания Ельцина в 1996 году стала просто золотым дном для махинаторов, которые получили полную свободу рук для незаконных махинаций. По свидетельству того же Стрелецкого, Альфа-банк, “Российский кредит” и ОНЭКСИМ сумели в этот период перегнать за рубеж более 100 млн. долларов. Расходы на кампанию Ельцина при этом уже к 23 мая 1996 составили 300 млн. долларов (из которых тоже немало прилипло к рукам наперсточников). В дальнейшем вскрылся и механизм “перегонки” — биржевая система, которая позволила Чубайсу в свободное от работы время (пауза, в которой он не числился в правительстве) легализовать солидную сумму.

Иной вариант — это фальшивые кредиты. Например, СБС-агро (Смоленский) выдал кредит “на развитие гражданского общества” фонду “Гражданское общество”, возглавляемому бывшим чубайсовским пресс-секретарем и героем истории с “коробкой из-под ксерокса” Евстафьевым. Разумеется, кредит был не для того, чтобы возникали какие-то общественные структуры, способные контролировать власть и иметь собственное независимое мнение. Во время выборов, как становится ясно из публикации стенограммы тайного разговора Илюшина с Чубайсом, рядом с Белым домом можно было в любой момент арестовать 15–20 человек с сумками, набитыми незаконными деньгами.

Примечательно и другое околоспортивное действо — обращения ряда спортивных клубов в поддержку Ельцина на президентских выборах. Мы имеем в виду футбольные клубы — московский и владикавказский “Спартаки”, волгоградский “Ротор”, питерский “Зенит”. Решиться на такой позор спортивные герои, олимпийские чемпионы могли только ради одного — ради выживания своих клубов. Нет ли тут невидимой руки истинных хозяев Национального фонда

спорта? Или все-таки герои спорта не так уж мужественны, когда дело касается гражданских поступков?

Наконец, последнее изобретение ельцинистов — Государственная налоговая служба, которая вовсе не пополнением бюджета, как выяснилось, занимается. Как показала проверка, средства Централизованного фонда развития ГНС расходовались таким образом, что “шишки” центрального аппарата ГНС смогли обзавестись весьма просторным жильем, оплатив его из средств налогоплательщиков (“Правда-5”, 18.12.96). Первый заместитель руководителя ГНС нагрел бюджет на сумму более полумиллиарда. Другой заместитель умудрился “приватизировать” более миллиарда и стремительно уволился из ГНС. Без законных оснований улучшил свои жилищные условия 61 работник аппарата ГНС. Лишь трое из них сдали государству свои старые квартиры, остальные переоформили их на родственников.

Мало того, ГНС оформило договор со строительной фирмой “Люкон”, которая должна была построить квартиры для сотрудников уважаемой службы. На деле же выделенные деньги в корпорации “Люкон” прокручивались в пользу проходимцев в течение трех лет — более 2 трлн. рублей. Аналогичный договор был заключен с АО “Викюр”, которая в течение двадцати месяцев “крутила” около 5.5 трлн. рублей.

А теперь обратимся к наперсточникам столичным.

Одна из привилегированных вотчин империи Лужкова — все те же банки, сформировавшие свой капитал на торгово-посреднической деятельности и сомнительных финансовых операциях с государственными средствами. Именно стараниями Лужкова и криминальных кругов Москва стала центром банковской деятельности, высасывая из страны все, что позволяли произвольные трактовки закона и активная (и отнюдь не благотворительная) поддержка высшего чиновничества.

Лужков опирался на такие банки, как “Менатеп”, Технобанк, “Национальный кредит” (до его кризиса в 1995), “Столичный”, “Орбита” и др. (не говоря уже про всем известный “Мост”). Среди 400 московских банков всегда найдутся те, кто не просто сговорчив, но готов на все, лишь бы деньги из бюджета города исправно поступали на его счета и использовались для приобретения прибыли.

Примером услуги Московского правительства частной структуре может служить передача “Инкомбанку” земельного участка в 6 га на 49 лет, совместно с требованием к прежнему владельцу — ФСК — возместить затраты по незавершенному строительству. Когда в 1996 году конкуренты “Инкомбанка” стали с использованием Центробанка распускать слухи о его близкой неплатежеспособности, Лужков взял своего любимца под опеку. “Инкомбанку” пришлось раскошелиться на 5 млн. долларов, перечислив их на строительство Храма Христа Спасителя. Такая внушительная акция благотворительности может быть объяснена либо очень удачной закулисной сделкой, либо найденным способом “отмывания” теневых доходов.

Тем временем, в газете “Вашингтон таймс”, ссылаясь на секретный доклад ЦРУ, пишет, что 25 крупнейших российских банков связаны с деятельностью криминальных структур. Поздравим с этим достижением криминал-демократов московского правительства.

Помимо Лужкова в аферы наперсточников, как хорошо видно из книги Стрелецкого “Мракобесие”, был погружен и В.Черномырдин вместе со своим ближайшим окружением. Например, отказ ЧВС ввести в налоговую базу операции по продаже алюминиевого сырья стоили бюджету 25 трлн. рублей. Но это, как говорится, другая история, требующая своего исследователя. Или просто следователя.

Не стоит и говорить, что все вышеприведенные истории — лишь вершина того айсберга, основная масса которого скрыта под толстым слоем лживой газетной публицистики, ворохом законов, указов и постановлений.

Наперсточники нагло грабили страну. Но, увлекшись добычей, они не замечали, что топор уже занесен над их раскормленными загривками. Раз за разом этот топор опускался и журналисты говорили об очередных “разборках”. Потом головотяпство происходило все чаще и чаще. Наступала эпоха, когда отвечать приходилось не перед милостивым к преступникам законом, но — своей головой.

Топливно-энергетическая олиграхия

В самом конце 1997 года Правительство Российской Федерации поручило федеральному министру топлива и энергетики г-ну Кириенко заключить договор доверительного управления акциями РАО “Газпром” в количестве восьми миллиардов двухсот восьмидесяти пяти миллионов семьсот двадцати девяти тысяч пятьсот

пятнадцати штук (8.285.729.515 тыс.), составляющих 35 процентов от общего количества выпущенных акций этого “юридического лица”. Поскольку каждая акция Газпрома имела номинал в 10 рублей, треть “номинальной” стоимости активов Газпрома исчислялась в кругленькую сумму, составляющую почти 83 миллиарда рублей “эпохи реформ” или 83 миллиона рублей в масштабе наступившей с 1 января 1998 года “эпохи стабилизации”.

По поводу “Газпрома” Президент РФ издал указы № 399 от 20 марта 1996 года и № 478 от 12 мая 1997 года, а Правительство приняло постановление № 1603 от 19 декабря 1997 года. Такое внимание со стороны высших властей понятно — речь шла об управлении самым мощным в финансовом отношении предприятием государства, монополии, приносящей больше всего доходов казне и акционерам.

Договор, которым определялось, как надо управлять самой крупной корпорацией РФ и кому, уместился всего лишь на пяти с половиной страницах. Его оформили со скоростью курьерского поезда — на другой день после того, как вышло правительственное постановление. Значит, оно было не настоящим документом, а формальностью, на которую надо было только сослаться. А договор был приготовлен заранее и ждал лишь подходящего момента, чтобы его подписали.

Что тут нас насторожило? Правительственное постановление так и не появилось в “собрании законодательства”, где должны публиковаться все без исключения нормативные акты, начиная с законов и кончая распоряжениями Правительства. В “собрание”, где можно прочитать даже самые мелкие правительственные акты, относящиеся к ничтожным событиям (издание за 1996 год содержит 11504 стр. мелким шрифтом, за 1997 — 10672 стр.), не нашлось места решению, определяющему благополучие или неблагополучие страны.

Но если познакомится с содержанием причины, породившей договор, не удалось, то сам договор не составил тайны.

Оказалось, что доверительным управляющим Правительство избрало не начальника “Газпрома” г-на Вяхирева как частное лицо, о чём, не имея на то никаких оснований, писали все газеты и электронные СМИ, а само российское акционерное общество “Газпром”. Г-н Вяхирев в этом “обществе”, как известно, являлся председателем правления. Таким образом, Правительство в качестве

держателя акций, для того чтобы влиять на правление “Газпрома”, назначило “доверительным управляющим”, призванным контролировать правление, это же самое правление. Стало быть получается, что Правительство в действительности, вместо того чтобы сохранить свое влияние на “Газпром”, утратило это влияние. Оно de facto передало долю государственной собственности из своего управления в управление той самой структуры, которой должно было бы управлять. А правление “Газпрома”, заключив этот договор, в действительности избавилось (или попыталось избавиться) от посторонней опеки, приняв полномочия на… самообладание. Оно теперь, если и надзирал Вяхирев, то за самим собой.

Более абсурдной управленческой ситуации, чем та, которая сложилась между Правительством РФ и РАО “Газпром”, трудно представить. И, тем не менее, таково содержание договора, если иметь в виду его участника, взявшего на себя роль “доверительного управляющего”.

Ещё большее удивление вызывает то обстоятельство, что в качестве второй стороны договора выступает Правительство РФ. Оно обозначено сразу в двух качествах — “учредителем управления” и “выгодоприобретателем”.

Как известно, в трастовом договоре, предметом которого всегда должно являться конкретное имущество, учредителем управления может выступать лишь его собственник. Спрашивается, обладает ли Правительство РФ правомочиями собственника в отношении имущества Российской Федерации? Ответ очевиден — нет, не обладает. Собственником имущества Российской Федерации является сама Российская Федерация, иначе говоря — нация в целом. Именно так сформулированы статьи 123–127 Гражданского кодекса. Что же касается Правительства РФ, его министерств и ведомств, даже палат Парламента и Президента РФ, то они лишь пользуются государственным имуществом для осуществления своих полномочий, но не в качестве собственников, а в качестве, если угодно, квартирантов. Даже Кремль, так называемый Дом правительства на Краснопресненской набережной, кварталы Старой площади, здания в Охотном ряду, Барвиха, Горки-9 и т. д. и т. п. — это резиденции, имущественные комплексы, в которых размещаются органы государственной власти, обеспечивающие их материальными

условиями. Но всё это богатство отнюдь не собственность этих органов.

Вопреки столь очевидным положениям, обусловленным природой государственной (то есть общенациональной) собственности, анализируемый договор, помимо того, что он заключён ненадлежащими лицами, содержал положение, согласно которому выгодоприобретателем по нему является не Российская Федерация — собственник государственного имущества, — а “учредитель управления” — всё то же Правительство РФ. Поскольку выгодоприобретатель в трастовом договоре одновременно не может быть и “учредителем управления” (см. ст.1012 ГК), Правительство РФ присвоило это звание себе, надо полагать, по недоразумению. Называясь сразу и тем и другим, оно демонстрировало, с одной стороны, юридическую некомпетентность, с другой — признаки новой формы душевной недуга — раздвоения личности “юридического лица”.

Если говорить серьёзно о содержательной части договора, то складывается впечатление, что члены Правительства не понимали разницы между управлением предприятием как определённым хозяйственным комплексом, предназначенным для производства определённых товаров, материальных ценностей или услуг, и “управлением акциями”. Очевидно, что управлять акциями “Газпрома” и управлять “Газпромом” как “имущественным комплексом, используемым для осуществления предпринимательской деятельности” (ст. 132 ГК) — суть принципиально разные вещи. Отождествлять их так же нелепо, как если бы считать синонимами понятия “милостивый государь” и “Государь Император”. Но договор составлен был таким именно образом, в связи с чем возникало смешение “квадратного” и “зелёным”.

Так например, правление “Газпрома” — это исполнительный орган Акционерного Общества. Оно управляет. Но не акциями “Газпрома”, а имущественно-производственным комплексом “Газпрома”. Правление не собственник Общества, а его управляющий, отвечающий за результаты своих действий (или за своё бездействие) перед собственниками РАО, точнее говоря — перед собственниками его акций. Но если брать “Газпром” как акционерное общество, управляет им не “правление” во главе с г-ном Вяхиревым и даже не

органы государственной власти, а “общее собрание акционеров”. Именно в их число и должен входить “доверительный управляющий” с пакетом акций, который даёт ему 35 % голосов на этом “собрании”. Из указанного договора следует, что Правительство РФ доверило “правлению” выступать в “собрании акционеров” не в качестве управляющего, ответственного и подотчётного “общему собранию”, а в роли “акционера”. Функции, принадлежащие разным субъектам права, которые не могут совмещаться и совмещение которых не допускается законодательством (в противном случае неизбежны злоупотребления), тем не менее, оказались совмещенными, причём сделано это не “солнцевскими”, “иерусалимскими” или “вашингтонскими” братками, а исполнительной властью РФ — его Правительством.

Итак, под одним названием “Газпром” скрывается и предприятие, и собственность, которые свидетельствуют, что перед нами экономическое явление, обладающее двойственной природой. Что в таком случае подразумевают под управлением не предприятием “Газпром”, а его акциями? Как правило, здесь имеются в виду полномочия, связанные с принятием решений по следующим вопросам: (а) изменение устава общества, принятого при его образовании, (б) изменение его уставного капитала, (в) избрание членов совета директоров и ревизионной комиссии, (г) образование исполнительных органов общества, (д) утверждение годовых отчётов, бухгалтерских балансов, счетов прибылей и убытков, (е) распределение прибылей и убытков, (ж) реорганизация или ликвидация общества.

Ничего подобного в договоре обнаружить невозможно. Нет ответа на вопрос, какую политику должен от имени Правительства осуществлять “доверительный управляющий”, что он, управляя акциями, должен конкретно делать в течение срока действия договора (с 20.12.97 по 1.03.99 гг.)? Об этих прозаических вещах, которые и должны составлять сущность трастового договора, в нём нет ни пункта, ни строчки, ни слова, ни намёка.

Зато там содержится пункт, согласно которому “доверительный управляющий”, словно он является не иначе как “главнокомандующим” и ему принадлежат функции исполнительного органа “Газпрома”, должен реализовать Указ президента РФ от

28.04.97 г. № 426. Этим Указом “одобрены” Основные положения структурной реформы в сферах естественных монополий.

Но надо руководствоваться не всеми этими “положениями”, а только разделом “задачи структурной реформы в сферах естественных монополий”. Чем не приснопамятные времена “партийного руководства” народным хозяйством? Только должности и организации звучат иначе, по-современному, в рыночной, так сказать, интерпретации. Вместо “генсека” — “президент”, вместо Политбюро — Правительство, вместо Мингазпрома — просто “Газпром”, вместо отрасли народного хозяйства — “акционерное общество”. Но суть дела осталась прежней. Она нисколько не поменялась. И это ещё не всё.

Как раз по тем вопросам, которые и должен выполнять “доверительный управляющий”, в договоре специально оговорено, что он по ним “не вправе голосовать акциями без письменного согласия учредителя управления”. Вот тебе раз! Что это за договор о доверии, в котором между строк читается: “Не доверяем вам и шагу ступить, г-н Вяхирев, со всем вашим правлением”.

Следовательно, от главного условия совершения договора доверительного управления — доверия учредителя управления к доверительному управляющему — ничего не остаётся. Напротив, подписав его в такой редакции, стороны недвусмысленно констатировали, что между Черномырдиным и Вяхиревым, Правительством и “Газпромом” господствовали подозрительность и полное недоверие.

Значит, когда договор с помпой и под пламенем “юпитеров” подписывался, когда произносились речи и поднимались бокалы с шампанским, имелось в виду что-то совсем другое. Надо было не навести порядок в самой деньгодобывающей отрасли страны, а, вероятнее всего, избавиться от назойливости критиков, обвинявших в конце 1997 года Чубайса, Немцова, Черномырдина и прочих “писателей” в расточительности, некомпетентности, бездеятельности, злоумышленности и кумовстве.

Тогда стоял шум по поводу принятия бюджета на 1998 год. Ельцина заставили или упросили появиться в Думе. И уже не в виде “Савла”, грозящего Парламенту кулаком, а, превратившись на несколько минут в “Павла”, он уговаривал депутатов быть паиньками и не шалить. И они не шалили, а словно завороженные, дружно

проголосовали за бюджет, которому суждено было так и остаться “рулоном туалетной бумаги”.

Договор был нужен не взаправду, а понарошку. Под видом серьёзного документа создавалась некая видимость, информационный повод, фикция. “Вы хотели определённости. Получите её. Вам не хватало договора. Вот он, с пылу с жару. Вы подозревали нас во всех смертных грехах, предусмотренных “уложением об уголовных наказаниях”. Ничего подобного: мы правим, чтобы было хорошо. Вы подозревали нас в сговоре за вашей спиной. Отнюдь. Между нами полная открытость, а эта конвенция — символ нашего братского единства. Вы верили тому, что дни Вяхирева сочтены, и со дня на день его ждёт отставка. Как бы ни так. Не дождётесь. Лучше его у нас никого нет и не будет”.

Таким образом, договор о доверительном управлении “Газпромом” — имитация властной деятельности. Он ничего не значил. Он ничего не изменил и не улучшил в положении ни страны, ни газовой промышленности, ни государственного бюджета. Г-н Вяхирев как управлял “Газпромом”, словно феодал, так и продолжал управлять им. Как держал г-н Черномырдин контрольный пакет, именуемый акциями, в собственных руках, так и продолжал его держать, никому не доверяя и не передоверяя. Как оставалось для публики неизвестным, что кому должно принадлежать в газодобыче и газопереработке, так и теперь всё покрыто туманной дымкой.

Однако есть в договоре и содержательная, меркантильная сторона. РАО “Газпром” должен получать вознаграждение в размере “2 процентов от сумм, полученных выгодоприобретателем в виде дивидендов по акциям” Что возмещается — работа, риск, ответственность? Из текста видно, что возмещается не деятельность, а “неудобства”, обязанности, которых в действительности нет никаких, имитация, синекура. Но в каких абсолютных величинах выражаются эти проценты?

В 1994–1995 годах на долю государственных акций начислили 378 млрд. рублей дивидендов, из которых на возмещение “трастовых неудобств” было израсходовано почему-то 144 млрд. Сверх того на “техническое перевооружение “Газпрома” — частной, а не государственной компании — Правительство, никогда не отличавшееся щедростью, пожертвовало 189 млрд. государственных

средств. До государственной казны тогда дошло примерно 40 млрд. руб. — десятая часть того, что должно было поступить. По данным за 1996 год сумма дивидендов на госпакет акций “Газпрома” существенно снизилась, составив 189,4 млрд. руб. Но два процента от этой суммы — почти 4 млрд. руб. Таким образом, государственный бюджет за три года (1994-96) из 567 млрд. руб., которые можно было получить из доходов “Газпрома”, получил не более 225 млрд. И после этого из месяца в месяц обществу вешают лапшу на уши, лицемерно стеная по поводу нерадивости промышленности, которая не “платит налогов”. Потому, якобы, нет средств для финансирования армии, пенсионеров и другие бюджетные расходы.

Здесь же речь идёт не о налогах, а о коммерческих доходах казны, которых лишилась страна из-за закулисного сговора власти и промышленников. Правда, в 1995 и 1996 годах, как известно, были выборы, за которые надо было платить, а чтобы платить — надо было изыскать непересыхающий финансовый источник, который, кажется, и был найден партией власти в лице “Газпрома”.

Но вернёмся к договору. Одной стороной в нём является “РАО “Газпром”. Оно должно выплачивать вознаграждение доверительному управляющему. Кто является доверительным управляющим? Тот же РАО “Газпром”. Выходит, “Газпром” должен платить вознаграждение самому себе. С точки зрения платёжной техники вместо выплаты вознаграждения совершается удержание двух процентов на счетах “Газпрома”. Правительство — доверитель управления, получает не всю сумму дивидендов, а на два процента меньше.

За этим невинным, на первый взгляд, пунктом скрыт банальный приём уклонения от налогообложения. Правительство, которое в данном случае выступает в качестве тривиального собственника, хотя таким и не является, должно фигурирует как юридическое лицо. Значит, оно налогоплательщик. Но, занижая причитающиеся от “Газпрома” — как РАО — платежи на 2 процента, оно не уплачивает с них налоги. В свою очередь “Газпром”, не оформляя бухгалтерские проводки и не показывая полученные 2 процента дивидендов как доход, тоже не уплачивает налоги. Если приведённые выше цифры не изменят своего порядка, лишь за одним этим условием скрывается неполученная бюджетом сумма порядка 5 млрд. руб.

Можно ли после таких приёмов, которые применяют для собственного неправомерного обогащения министры и дельцы, ворочающие сотнями миллиардов, преследовать отдельных нарушителей налогового законодательства, у которых в руках — жалкие обесцененные миллионы? И можно ли сажать на правёж мелкую сошку, если за те же самые действия акулы предпринимательства выходят сухими из воды?

Но этими перлами договор не ограничивается. Обратимся к мерам ответственности. Что грозит “доверительному управляющему”, если он нарушит свои обязанности и пренебрежёт своими правами?

Приводим ответ на этот вопрос из договора дословно: “Все действия, совершенные Доверительным управляющим в нарушение настоящей статьи, не влекут юридических последствий”.

Какая прелесть, эти наши реформаторы! Какой шедевр вышел из-под пера г-на федерального министра! Какой замечательный юридический образец для подражания изобрело Правительство РФ! Один пункт договора наделяет управляющего некими правами и обязанностями. Другим пунктом эти обязанности фактически аннулируются. Третьим пунктом за роль репродуктора, повторяющего реплики “учредителя управления” не пользующийся никаким доверием “доверительный управляющий” получает вознаграждение, исчисляемые миллиардами. И, наконец, на сладкое, управляющему даруется всеобщая индульгенция — от всех грехов по управлению акциями, которые он может совершить. Рахат-лукум, да и только.

Правда, на это авторы договора могут возразить: “Вы ничего не понимаете. Речь идёт не об авансовом списании всех грехов за недобросовестное выполнение обязанностей доверительного управляющего. Имелось в виду совершенно другое — недействительность решений, принятых “общим собранием акционеров” с учетом голоса доверительного управляющего, если он голосовал, не имея на то полномочий Правительства”. Возможно, так хотели. Но получилось с точностью до наоборот. Вместо того чтобы выгородить “Газпром” от неправомерных действий управляющего, на практике выгородили управляющего от ответственности за любые действия. И получилась восхитительная нелепость — сапоги всмятку.

Наконец, несколько слов о “реквизитах сторон”. Они тоже весьма интересны. Интересны тем, что в договоре, за исключением почтового

адреса, ничего не указано. Отсутствует главный признак, подтверждающий дееспособность и состоятельность контрагентов — банковские счета. Если же в тексте договора, по общему правилу гражданского права, отсутствуют обязательные реквизиты, его нельзя признать состоявшимся. На этом можно, пожалуй, покончить с текстом договора и перейти к контексту.

В действительности договор свидетельствует о более важных вещах. Он ставит под вопрос состоятельность самих участников договора, их компетентность, солидность, квалифицированность, добросовестность, наконец.

С РАО все понятно. Эта корпорация, трестировавшая по сути дела целую отрасль национальной промышленности, оказалось вне общественного и государственного контроля. Газпром автономен, независим, транснационален. Он оказывает властвующему в государстве режиму неоценимые услуги и за это получает от него противозаконные привилегии, оформляемые фиговыми листами, вроде сомнительного и по форме и по содержанию договора о трасте.

Совсем непонятно происхождение “Газпрома” как хозяйственно-производственной монополии, его трансформация из государственной в частную организацию, законность появления на экономическом небосклоне России. Разумеется, уже никому не приходит в голову оправдывать разрушение экономического потенциала страны под видом его приватизации. И если с кого и надо будет начинать деприватизацию, то первым в этом списке должен значится “Газпром”.

Однако больше всего вопросов возникает в отношении Правительства и природы трастовых договоров, которые оно заключает направо и налево. Правомерно ли отдавать государственную собственность в доверительное управление, вот в чём вопрос.

Что по этому поводу можно почерпнуть в законодательстве? Конституция РФ в этом отношении прямо устанавливает, что управление государственной собственностью является обязанностью Правительства РФ. Из этого следует, что вне зависимости от того, как складываются экономические обстоятельства или каких взглядов придерживаются те или иные политики на вопросы экономического развития, Правительство РФ не имеет права кому-либо передоверять свои полномочия по управлению имуществом до тех пор, пока оно является государственным. Правительство не может отказаться от

исполнения обязанностей, возложенных на него Конституцией точно так же, как и другие государственные органы власти. Президент не вправе передоверять никому исполнение своих обязанностей, Парламент — своих. Это аксиома, опровергать которую могут лишь глупцы или изменники.

И Гражданский кодекс, на который мы уже ссылались, в этом отношении вполне логично определяет договоры доверительного управления как форму сделки, в которой инициатором и стороной может выступать лишь действительный собственник. А так как никакой орган власти по отношению к государственному или муниципальному имуществу не является его собственником, получается, что эта собственность вообще не может быть предметом договоров доверительного управления. Государственной и муниципальной видами собственности вправе управлять только орган государственной власти либо местного самоуправления непосредственно. Иначе говоря, государственной и муниципальной собственностью не может распоряжаться и не может управлять никакой “доверительный управляющий”.

Однако управляющий, даже если в этом качестве выступает Правительство РФ, не собственник и не может, само собой разумеется, распорядиться государственным имуществом как собственностью. Как, в таком случае, следуя духу и букве действующего права, Российская Федерация может распорядиться принадлежащим ей имуществом — предприятиями и ценными бумагами, дворцами и усадьбами, произведениями искусства, золотом, бриллиантами, лесами, землёй и т. д.?

Каждый раз, когда в этом возникает необходимость или целесообразность, оно должно выразить по каждому такому “имущественному комплексу” государственную волю. Единственной формой такого волеизъявления является федеральный закон.

Если речь идёт о собственности области, края, иного “субъекта федерации”, её распоряжение должно найти правовую форму в “законе субъекта федерации”. Соответствующим образом должно поступать и в отношении муниципальной собственности: чтобы распорядиться ею, требуется принятие правового акта органом местного самоуправления. Все остальные формы, преобразующие статус государственного или муниципального имущества, выражающиеся в односторонних актах

Президента РФ, Правительства РФ, глав региональных или местных администраций по природе своей незаконны и, по сути, являются преступными акциями злоупотребления доверием. Они, в свою очередь, не порождают никаких правоотношений, за исключением неизбежной и неотвратимой реституции.

Что же касается заключённой между министром Кириенко и предприимчивым газопромышленником Вяхиревым сделки от 20 декабря 1997 года, то в силу изложенных выше причин она должна быть признана неконституционной, незаконной и юридически ничтожной со всеми вытекающими из этого печального факта последствиями.

*** * ***

Всем и каждому сегодня ясно, что гайдаро-чубайсовская приватизация была откровенным и наглым грабежом национального достояния. Но мало кому известно, что не меньший ущерб стране наносил и наносит иной процесс — процесс перетекания госсобственности в частные руки, организованный внешне вполне законно, в соответствии с опытом Остапа Бендера, знавшего сто “относительно законных” метода отъема денег.

Этот процесс начался еще с кооперативного движения, когда правящая номенклатура начала создавать при крупных предприятиях небольшие фирмы, снимающие пенки с тех экономических проектов, которые вело предприятие-донор. Обогащалась за счет такого рода паразитических структур узкая группа лиц. Затем (после 1991 года) доминирующим способом присвоения госсобственности стало смешение государственного и частного имущества. Игра с превращением и перевоплощением одних юридических лиц в другие привела к тому, что появилась та самая группа “олигархов”, деятельность которой мы можем сегодня воочию наблюдать. Тогда же возник политический бизнес — каждый член гайдаровского правительства без всякой приватизации смог присвоить себе тот или иной кусок госсобственности.

Помимо указанных, есть еще три очень эффективных метода “отъема денег”. Первый — заимствование у государства средств для того, чтобы покупать пакеты акций государственных компаний. Второй — неплатежи, которыми можно оправдать все — и деловую непорядочность, и невыплаты зарплаты, и невыплаты в бюджет.

Третий — подкуп представителей государства в частно-государственных акционерных обществах частными владельцами крупных пакетов акций. Все три метода предполагают формирование олигархического альянса между государственной бюрократией и вышедшими из ее среды “олигархами”.

Конец 90-х годов XX века в этом плане представляет собой неуклонный “отъем” у государства Россия последних крупнейших государственных компаний — “Газпрома”, “Лукойла”, РАО ЕЭС. Эти предприятия-монополисты еще числятся как государственные, но уже практически не работают на бюджет. Зато отношения межу ними и множеством паразитирующих на госсобственности фирм и лиц образуют тесный клубок, нити которого опутали всю страну. Только по итогам 1997 г. граждане России все вместе задолжали ТЭКу 454 млрд. рублей.

Клубок олигархов сплетается из взаимопроникновения капитала, который числится за государством, но используется в частных целях. К началу 1998 года картинка складывалась такая. Главный добытчик российского газа “Газпром” находится на 11 месте по добыче нефти, совместно с “Лукойл” владеет банком “Империал” (по 12,5 % акций), совместно с “Лукойл” рассматривал возможность покупки “Роснефти” (100 % госсобственность). У РАО “Газпром” основной должник (до 40 % долгов, порядка 35 млрд. рублей) — предприятия электроэнергетики, преимущественно подконтрольные РАО “ЕЭС России”. В то же время долги потребителей перед ЕЭС оцениваются в 100 млрд. руб. (до 50 % — бюджетные организации). В СМИ такая же картина: “Газпром” связан с группой “Мост” через НТВ (владеет 30 % НТВ, переданными в доверительное управление “Мост-Медиа”), “Лукойл” — с группой ОНЭКСИМ через совместное владение газетой “Известия”. Вместе “Газпром” с “Лукойлом” связаны через банк “Империал” и журнал “Профиль”.

Топливно-энергетические “олигархи”, опираясь на сложившуюся систему власти, высасывают последние соки из российской экономики, фактически паразитируя на среднем классе, разоряя мелкий и средний бизнес, опустошая казну.

Возьмем, к примеру, все тот же “Газпром”. Относительно законный отъем денег у госбюджета “Газпрому” облегчает тот факт, что из 40 % газпромовских акций, закреплены в федеральной

собственности, 35 % переданы в доверительное управление самой компании. Часть акций оформляют связи топливно-энергетического клубка с госчиновниками и прочими “олигархами”: 5 % у — Мингосимуществу, 0,9 % — у Российского фонда имущества, 2 % — у иностранцев, 15,7 % — у российских юридических лиц (что это за лица никто не знает, но есть основания считать, что к ним причастны структуры Березовского и Потанина). 10 % “Газпром” выкупил как бы сам у себя, показав, что образованное государством юридическое лицо может использовать часть своих (государственных) средств, чтобы выкупить у государства же часть собственности. Остальные акции — у мелких собственников, не имеющих никаких прав в управлении кампанией: 15 % — у членов трудового коллектива, 5 % переданы народам Севера (чем это эти народы так отличились по сравнению с остальным населением России?).

Кстати, по первоначальному договору о доверительном управлении акциями правительства с “Газпромом”, последний имел право выкупа большей части государственного пакета акций по номинальной стоимости (12–16 млн. долларов) при рыночной стоимости в 5–7 млрд. долларов. Подписание этого договора (теперь измененного) можно считать крупнейшей финансовой аферой, которая едва не привела к огромному ущербу нашей стране. В случае продажи государственного пакета акций России был бы нанесен прямой ущерб. Сегодняшняя ситуация наносит не меньший ущерб, но в косвенной форме.

Теперь возьмем РАО ЕЭС, которое сформировано примерно по тому же принципу. Госпакет акций — 54 % (треть — в управлении регионов). Олигархические связи обеспечиваются 30 % акций у иностранных акционеров и 8,5 % у Национального резервного банка (дочерняя структура “Газпрома”). Остальное — у полумиллиона бесправных граждан России, которым от доходов РАО вряд ли чего-нибудь достанется. Если кто-то вознамерится разобраться, как используется вверенная руководству РАО (Чубайсу или любому другому “распорядителю кредитов”), то в офисе случится очередной пожар. Оперативные учения в этом предприятии—ведомстве состоялись в 1998. Бухгалтерия была поглощена пламенем, как только там появились проверяющие из Счетной палаты.

Почему правительство Кириенко в 1998 г. вцепилось в “Газпром”? Во-первых, у правительства практически не осталось прибыльных отраслей. Нечем наполнять бюджет, ибо большая часть госсобственности, способной приносить прибыль, разворована. А это чревато преждевременной отставкой или полным крушением всего политического режима Во-вторых, “нижегородским мальчикам” правительства Кириенко-Немцова хотелось бы повторить успех “чикагских мальчиков” Гайдара-Чубайса — присвоить себе часть госсобственности. Но оказалось, что это не так просто.

Вместо того, чтобы полностью владеть инициативой и назначать в госконцерне того руководителя, который сегодня необходим, еще правительство Черномырдина поставило дело так, чтобы Р.Вяхирева практически невозможно было снять. Он неизменно мог иметь большинство в Совете директоров, консолидируя с помощью разного рода ухищрений пакет акций, больший, чем у правительства. Это означает, что госпредприятием управляет человек, чьи интересы расходятся с интересами государства (точнее — сегодняшнего правительства, которое должно отстаивать интересы государства).

В конце концов “Газпром” и иже с ним сломали правительство — сумели не только избавиться от ГКО накануне финансового кризиса в августе 1998 и отказа правительства Кириенко платить по своим долгам, но и свалили само правительство, немало нажившись на последующей кадровой чехарде.

Кстати, следует отметить, что попытка не платить по долгам была для правительства авантюрой, которая могла кончиться либо отставкой, либо присвоением огромных финансовых ресурсов, выделенных России для того, чтобы иностранные инвесторы могли сбросить ГКО и уйти с российского финансового рынка. Правительство же решило оставить выделенные деньги в России. Разумеется, мощные механизмы мирового финансового управления пришли в движение и Ельцин отправил кабинет Кириенко в отставку.

Некоторые политики полагают: что хорошо для “Газпрома” (“Лукойла”, РАО ЕЭС и т. п.), то хорошо для России. Это ложное утверждение (как и то, что развал “естественных монополий” пойдет на пользу экономике). Оно может стать верным, если государство вернет себе контроль за стратегическими отраслями производства.

В феврале 1996 г. министр МВД Куликов утверждал на заседании правительства, что доля государства в топливных отраслях составляет всего 40 %. Контроль за этой стратегически важной частью экономики фактически утрачен.

Действительно, например, нефтяная отрасль просто захвачена кланом паразитов. “Юкос” — у Ходорковского, “Сибнефть” — у Швидлера, “Роснефтегазстрой” — у Мазура, “Тюменская нефтяная компания” — у Кукеса. Мы не знаем, кто из лиц со славянскими фамилиями еще не под колпаком у этого сброда. Что до г-на Кукеса, то он 17 лет работал в США (НГ — фигуры и лица № 6, март 1999), и вряд ли там обрел любовь к России.

Что до правительственных чиновников, то они действуют та, как один из членов паразитической семейки Яков Уринсон. В бытность замминистра экономики он участвует в выбивании из Международного банка реконструкции и развития 250 млн. долларов на реконструкцию угольной отрасли. Параллельно выпрашивается довесок на 20 млн. долларов для некоей общественной организации “Реформуголь” — якобы на пропаганду реформ в угольной промышленности. Обе суммы исчезают бесследно, как только поступают в Москву (июль 1996). Первую находят через полгода и отправляют доворовывать в регионы, вторую даже не ищут — договор составлен так, что контроль расходования займа невозможен (“Сов. секретно”, № 6, 1998).

Отметим, что и превышение государственной доли в акционерном капитале топливных кампаний до 50 % мало чего добавляет, если власть состоит сплошь из воров и изменников. Частные владельцы крупных пакетов акций всегда могут направить часть своей прибыли на “подмазку” чиновника, контролирующего принятие решений со стороны государства. Как известно, чиновники не останавливаются в том случае, если для получения тысячи долларов нужно втоптать в грязь миллион долларов государственных средств.

Сложившаяся система олигархического грабежа страны может быть преодолена лишь следующими мерами:

1. Частный и государственный капитал должны быть строго разделены. Должны существовать либо на 100 % государственные предприятия, либо полностью частные. Иное — открытое попустительство коррупции.

2. Чиновник не должен иметь право владеть акциями своего предприятия или предприятий-учредителей, получать какие-либо доходы помимо зарплаты. Иначе мы будем иметь таких чиновников, которые обеспечат себе баснословные состояния с помощью “относительно законного отъема денег”. Например, личное состояние главы “Газпрома” оценивается журналом “Форбс” в 1,1 млрд. долларов, состояние главы “Лукойла” — в 1,4 млрд. долларов. Другой пример — затраты на личное содержание недавнего главы РАО ЕЭС Б.Бревнова — месячная зарплата с учетом разного рода выплат — 22 тыс. долл., частная поездка в США за счет предприятия — 520 тыс. долл., обустройство дачи — 387 тыс. долл., ремонт квартиры -150 тыс. долл.

3. Должна быть запрещена благотворительная деятельность госпредприятий. Благотворительность — дело частное. Иначе такие предприятия будут заниматься благотворительностью за наш счет. Например, “Газпром” в 1997 году истратил на эти цели 35 млрд. руб.

4. Государство, выдавая лицензию на тот или иной вид деятельности, должно давать гарантию добропорядочности владельца лицензии. Все, пострадавшие от недобросовестной коммерческой деятельности (включая разного рода вкладчиков), должны страховаться государством. В противном случае население будет хранить сбережения в чулках или годами судиться с мошенниками.

5. Невыплата зарплаты на госпредприятии или неуплата налогов должны расцениваться как должностное преступление. В противном случае “относительно законный отъем денег” у государства будет продолжаться.

Миазмы политического трупа

Третий номер “Собрания законодательства Российской Федерации” проинформировал об Указе г-на Ельцина, изданного 15 января т1998 года за № 15: “В связи с обращением Президента Республики Татарстан принять предложение Управления делами Президента Российской Федерации о безвозмездной передаче в собственность Республики Татарстан загородного хозяйства “Истра” (посёлок Петрово-Дальнее Красногорского района Московской области), находящегося в ведении Управления делами Президента Российской Федерации. Правительству Российской Федерации

оформить передачу указанного загородного хозяйства в установленном порядке” (курсив наш).

За этим лаконичным и, казалось бы, малозначительным фактом в действительности скрываются весьма серьёзные обстоятельства. Речь не идёт только лишь о нескольких десятках гектаров подмосковной земли, которая оказывается в собственности одной из сепаратистских региональных группировок (хотя и это немаловажно). Проблема в другом. В природе власти, существующей в стране, в политическом режиме, олицетворением которого являются герои этого пресловутого указа — гг. Ельцин и Шаймиев.

Определимся для начала с предметом “безвозмездной передачи”. Что это — имущество, вещи, неимущественные права, предприятие? Нет. Передано “загородное хозяйство”, то есть, надо полагать, Татарстану досталась некая совокупность земельных угодий, дворцов, особняков и построек, машин и инструмента, рабочего скота и… работающих в хозяйстве наёмные работников. Разве без рабочей силы мёртвые вещи что-либо значат? Они никому не нужны. Поэтому, если к “хозяйству” приписаны ещё и жилые дома с огородами, даже если они, так сказать, частные, то “переданы” и эти дома, а заодно и те, кто в них живёт.

Передано “хозяйство”. Но что можно называть хозяйством в наше время?

Конечно же, это не сельскохозяйственное предприятие, вроде колхоза или совхоза. Эти категории принадлежат ушедшей эпохе. Вряд ли “загородное хозяйство” можно отнести и к предприятию. Предприятием согласно ст. 132 Гражданского кодекса следует считать “имущественный комплекс, используемый для осуществления предпринимательской деятельности”. А в Петрово-Дальнем, как и по всему Рублёвскому шоссе, предпринимательства не сыскать днём с огнём. Там отдыхают и блаженствуют сильные мира сего.

В законах нет юридических лиц типа “хозяйство”. Закон использует иные правовые термины — производственный кооператив, хозяйственное товарищество либо общество, унитарное предприятие, но отнюдь не “хозяйство”. Значит, с юридической точки зрения, г-н Ельцин передал в “собственность Татарстана” то, “чего не может быть”. А раз так, то это “нечто”, не имеющее правовой определённости, “передать” г-ну Шаймиеву — президенту республики

Татарстан — невозможно, если конечно же не следовать лозунгу феодального высокомерия: “государство — это я”. Тем не менее, нечто по имени “хозяйство” предписано “передать”.

Что подразумевает закон под этим термином, обозначающим обязательство? Существует ли вообще такой вид обязательства?

Если обратиться к всё тому же ГК, то окажется, что в нём этого “вида обязательства” нет. Даже если термин “хозяйство” является всего лишь неким синонимом “юридического лица”, им можно было бы распорядиться. Но распоряжение над ним могло произойти не иначе как в предписанных законом формах. Его можно было бы, не нарушая закона, продать, заложить, арендовать, в конце концов даже “ликвидировать”, но не совершить над ним акт “передачи”. Ибо в гражданско-правовом смысле никто не имеет права совершать над тем или иным объектом, независимо от того, в какой форме он существует и кому принадлежит, действия, не предусмотренного законом. Следовательно, г-н Ельцин в качестве должностного лица учинил действие, которое не могло быть официально совершено.

Теперь пришёл черёд заняться полномочиями президента. Вправе ли Президент осуществлять по отношению к федеральной собственности правомочия собственника (а дело может идти именно о собственности такого рода)? Может ли он, к примеру, распорядиться продать завод, потратить бюджетные деньги, чтобы купить порт или причал, обменять один корабль на другой, подарить или “передать” хозяйство? На все эти вопросы, под каким бы соусом они ни подавались, существует только один ответ: “Конечно же, нет!” Таких полномочий у президента как должностного лица нет и не может быть. Почему? Потому что даже в своей резиденции или на даче он не хозяин, а квартирант, чей срок проживания в лучшем случае — восемь лет. Даже Император Всероссийский, при заполнении листа переписи 1897 года назвавший себя “хозяином земли Русской”, и тот не был в состоянии совершить такие сделки. Он являлся собственником лишь в отношении имущества, принадлежащего лично ему.

Чем, в таком случае, может распоряжаться президент? Одними лишь государственными денежными суммами, выделенными на его содержание в законе о федеральном бюджете и, следовательно, переданными в его распоряжение. Обычно это называется цивильным листом. И только.

Таким образом, в качестве президента г-н Ельцин может делать только то, что прямо записано в Конституции или в соответствующих законах. Он глава государства, но не его собственник. Он верховный главнокомандующий, но он не может демобилизовать армию. Он вправе назначать или увольнять министров, но не в его власти принять решения об изменении правового статуса хотя бы одного предприятия, даже если оно имеет статус унитарного или казённого. Президент имеет право подписать или не подписать закон, но ему не позволено нарушить хотя бы одну строчку из тех законов, которые им самим подписаны.

Поставим вопрос иначе. Быть может, если президент не обладает полномочиями собственника в отношении федеральной собственности, ею может распорядиться правительство РФ? Именно правительству г-н Ельцин поручил “оформить передачу” хозяйства “Истра” в “собственность Татарстана”. Ничего подобного. Правительству согласно Конституции (ст. 114) и закону о Правительстве (ст.14) принадлежит лишь право “осуществлять управление федеральной собственностью”. Оно может передать то или иное федеральное имущество из сферы управления одного министерства в другое, но оно не может его продать или подарить, разрушить или “ликвидировать”. Значит, оно не вправе решать вопросы, которые принадлежат собственнику.

Кому же, в таком случае, принадлежит право распоряжаться федеральной собственностью, когда речь идёт об имуществе? Ответ на этот вопрос содержится в ст. 125 Гражданского кодекса. От имени РФ (подчеркнём, не своим именем, а именем Российской Федерации) приобретать и осуществлять имущественные права и обязанности вправе лишь органы государственной власти — “в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов”.

Здесь мы вынуждены остановиться. Из-за неряшливости законодательства, которое не даёт возможности понять, какие из ныне

существующих властных органов соответствуют статусу “органов государственной власти”, а какие таковыми не являются. По крайней мере из текста Конституции (ст. 71) следует, что “федеральные органы государственной власти” и “федеральные органы исполнительной власти” — не одно и то же. Если это так, то даже министерства и ведомства не могут наделяться правом распоряжаться государственной собственностью. Они могут ею только оперативно управлять.

Как же в таком случае можно, соблюдая общие принципы права, распорядиться государственной собственностью? По всей видимости такие распорядительные акции можно оформлять лишь согласно разовым федеральным законам (парламент и президент представляют интересы собственника — нации в целом), инициированным Правительством РФ (управляющим).

Если предмет, которым распорядился г-н Ельцин — не имеет надлежащей правовой формы, если само распорядительное действие не находится в системе правового регулирования, если распорядитель не обладает правом на действие, которое он совершает, занимая государственную должность, как это следует называть? С точки зрения уголовного права данное деяние недвусмысленно относится к преступлению. Чиновник, какую бы должность он ни занимал, если он превышает свои полномочия или злоупотребляет ими, он преступник, которым должна заняться уголовная юстиция.

Какие деяния могут быть инкриминированы участникам “передачи” федеральной собственности в “татарскую”? В области преступлений против собственности: мошенничество (ст. 159), присвоение или растрата (ст. 160), даже грабёж (ст. 161). Преступления против государственной власти: злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285), их превышение (ст. 286) и присвоение (ст. 288). Такой вот букет вырастает из только одного президентского указа.

Однако г-н Ельцин может продолжать свою деятельность по разделу РФ на множество “хозяйств” и их “безвозмездной передаче” в собственность своим многочисленным друзьям и приятелям. Народ, проголосовавший за Конституцию, предложенную в декабре 1993 всё тем же г-ном Ельциным, бережёт своего “всенародно избранного”. Во-первых, он “обладает неприкосновенностью” (ст. 91), а во-вторых, никому, кроме Бога, неподсуден (ст. 93). Следовательно, уголовная

сторона, при всей её очевидности, должна быть, хотя бы на время, предана забвению. Она неактуальна.

А вот социально-экономическая сторона открывается в самом неприглядном виде. Созданный в результате “великой демократической реформы” строй оказался новым изданием грубо-примитивного феодализма, переполненного, как ему и положено, откровенным произволом, абсолютизмом. Тех, кого официально именуют на иностранный манер президентами, в действительности приобрели права владетельных особ, которые в своих вотчинах могут делать всё, что им угодно.

Одаривать землями, имуществом, деньгами, даже людьми фаворитов и приближённых. Отнимать и то, и другое, и третье, если их владельцы окажутся в опале. Сводить счёты и выяснять отношения со своими вассалами, не брезгуя ни применением наёмной армии, ни обменом подвластной территории между новоявленными удельными князьями. Разгонять неугодные парламенты, заключать в тюрьмы удачливых конкурентов, закрывать глаза на очевидные преступления, если их совершают “свои мэры, губернаторы или карманные президенты”. Не соблюдать ни одного закона, считая себя выше права и справедливости. И воровать, воровать, воровать без удержу и счёту, следуя известному девизу Людовика XV — после нас хоть потоп.

Крайне отрицательно относясь к тому, что на протяжении 10 лет исходит от г-на Ельцина, всё-таки, справедливости ради, надо помнить, что он отнюдь не первый, что у него есть предшественники, его “товарищи по партии”. Сразу же после того, как произошёл Октябрьский переворот, Ульянов-Ленин предоставлял направо и налево “независимость” княжествам, царствам и губерниям, находившимся в составе России, предполагая, что со дня на день наступит мировая революция, которая сотрёт с лица земли всякие границы. Когда же проект “всемирной республики труда” пришлось положить под сукно, именно его настойчивости мы обязаны тем, что единая и неделимая страна Россия (которая с 1918 года официально называлась РСФСР) было растащена на восемь “этнических уделов” (социалистических советских республик) со своими правительствами, законами, компартиями и иными псевдогосударственными атрибутами.

Несколько позже Джугашвили-Сталин по причинам, которые находятся вне здравого смысла, отхватил большую часть территории

ампутированной к тому времени РСФСР, произвольно оформив из неё пять “союзных республик” и дюжину “автономных”, создавая на воссоединённых землях новые “союзные республики”, закладывая тем самым под национальное и территориальное единство тысячелетнего государства мины необыкновенной разрушительной силы.

Хрущёв, в свою очередь, начал свою карьеру премьера тем, что отказался от части территорий, находящихся во владении России, в пользу Китая и Финляндии, а затем стал передавать целые области из одной “союзной республики” в другую, нисколько не заботясь о последствиях. Один Крым, которым распорядились, словно вещью, чего стоит!

Шесть лет Горбачева у кормила власти — непрерывная цепь предательств переродившейся и выродившейся партийной номенклатуры. Она разложилась до такой степени, что изменила всем национально-государственным интересам страны. Вряд ли в мировой истории можно найти хотя бы подобие столь очевидной, сознательной измены на таком уровне. Изменниками оказались главы республик, высшие партийные чины, министры, генералитет, парламент страны и парламенты республик.

На счету г-на Ельцина подвигов такого рода нисколько не меньше. Беловежский сговор — не импровизация, как пытаются представить дело теперь его клевреты. Ему предшествовали, к примеру, сердечные соглашения с этношовинистами Прибалтики в 1990–1991 годах — задолго до ГКЧП. Затем юридическое уничтожение территориального единства РСФСР в марте 1992 под видом так называемого Федеративного договора, по которому Российскую Республику превратили в Российскую Федерацию, состоящую, якобы, из 89 “субъектов”, в которых созданы по 89 “элит”, президентов, парламентов, законодательств, а проще говоря — банд, каждая из которых готова разорвать Россию на мелкие части и пустить каждую из частей в распыл: не своё, не жалко, на их век хватит!

*** * ***

День 29 января 1998 года должен войти красной строкой в анналы отечественной экономической мысли. Речь идет о признании не соответствующими Конституции любых норм права, где установлено какое-либо различие между наличным или безналичным рублём.

В “Российской газете” опубликовано официальное письмо Б.Н.Ельцина палатам Федерального собрания, в котором президент сообщает, что он отклонил один из принятых законов, и предъявляет “городу и миру” соответствующие аргументы. Причина, побудившая г-на Ельцина высказаться столь радикально, состоит в том, что в принятом законе, относящимся к изменению установленного ранее налога на “покупку иностранных денежных знаков и платёжных документов, выраженных в иностранной валюте”, предусматривается налогообложение только тех операций по покупке наличной иностранной валюты, которые оплачиваются наличными рублями.

Г-н Ельцин пишет: “Таким образом, устанавливается фактическое неравенство при осуществлении одних и тех же операций с использованием наличных и безналичных рублей. Неравенство же наличного и безналичного рубля по своей сути не соответствует смыслу статьи 75 Конституции Российской Федерации, установившей, что “денежной единицей в Российской Федерации является рубль”, и приводит к юридическому закреплению существования вместо единой “денежной единицы” двух “денежных единиц”, обладающих разной покупательной способностью”.

Таким образом, существовавший в течение многих десятилетий принцип деления отечественной валюты на наличную и безналичную, а также принцип придания им различного правового статуса, рухнул.

Гарант соблюдения Конституции 1993 года, лишь в этом качестве обладающий правом подписания или отклонения законов, принятых парламентом, Ельцин признал в принципе неконституционными любую норму права, административный акт, исполнительный приказ или практику деятельности органов власти, физических и юридических лиц, если они вводят или применяют различный режим для этих форм “российского рубля”. Более того, чтобы окончательно исключить любую возможность вольного толкования сказанного, а заодно демонстрируя тонкое знание вопроса, г-н Ельцин добавляет: “Кроме того, в результате предлагаемых Федеральным законом изменений, с одной стороны, юридические лица освобождаются от уплаты налога при покупке наличной иностранной валюты (если покупка осуществляется за безналичные рубли) и при получении наличной валюты в погашение депозитов, открытых в рублях, что сокращает налогооблагаемую базу, а с другой стороны, увеличивается

ставка налога при тех же операциях, осуществляемых в основном физическими лицами. То есть фактически увеличение налога перекладывается на плечи граждан, при этом крупнейшие продавцы и покупатели наличной валюты — юридические лица освобождаются от налога при оплате наличной валюты безналичными рублями”.

Из текста следует, что признано недопустимым не только делать какую-либо разницу между наличной и безналичной формами национальной валюты, но и между физическими и юридическими лицами, которые ею пользуются. Правовой режим различных видов и форм валют не может быть различным ни при каких обстоятельств.

Налицо ещё один переворот в стране — на этот раз в денежно-валютных отношениях. В результате не могут применяться никакие указы президента, постановления правительства, приказы и инструкции министерств и ведомств, судебные решения, в которых прямо или косвенно устанавливаются ограничения или преимущества в отношении оборота рубля, в зависимости от того, имеют они наличную или безналичную форму.

Что, спрашивается, следует из этого?

Отныне никто не может отказать в приёме или отправлении платежа только на том основании, что не соблюдена предписанная “неконституционными указами, постановлениями и инструкциями” формы, в которых платёж выражен. Стало быть, физические и юридические лица правомочны самостоятельно определять форму оплаты. Недопустимы предписания, как это делалось до сих пор, чтобы юридические лица (предприятия, организации, учреждения) производили платёжные операции только в безналичной форме, а физические лица — преимущественно в наличной. Антиконституционны все правила, направленные на то, чтобы диктовать субъектам гражданского оборота обязательные формы, в которых может быть выражена национальная валюта. Лишаются юридической силы все указания, связанные с ограничениями на использование наличных рублей, когда дело идёт о оборотной или кассовой наличности.

Тем, кто имеет дело с практикой денежных расчётов, должно быть понятно, что произошло бы с финансовыми потоками в результате реализации объявленного переворота в денежно-финансовой сфере. Началась бы ожесточённая борьба между банками и фискальными

службами, с одной стороны, и коммерческими группировками — с другой. Первые должны были бы протестовать и игнорировать, вторые — настаивать на неукоснительном исполнении.

Слава Богу, всех этих безобразий не состоялось. Но мы должны заметить, что имеем дело не с мнением какого-нибудь недалекого должностного лица, а с позицией “гаранта Конституции”. Сколько же дури должно быть у этого “гаранта”, чтобы городить нелепицы, от которых одно средство — сделать вид, что их на свете просто не существует и продолжать жить по-старому.

* * *

В правительственной “Российской газете” 31 января 1998 появился текст заключения Б.Н.Ельцина, в котором отклоняется разработанный в Государственной Думе законопроект “О выплате пени в связи с нарушением сроков выплаты заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и других социальных выплат”.

Что Кремль вне всякого сомнения не будет ни инициировать, ни поддерживать, ни тем более подписывать подобные законы, в этом не было никаких сомнений. Социальная доктрина “партии власти”, получившей большинство на последних президентских выборах, состояла в том, чтобы до предела минимизировать роль государственных институтов, в том числе законов.

После того, как большую часть рабочих мест приватизировали и передали в частную собственность, а цены оказались брошенными на произвол судьбы и вознеслись “главою непокорной выше Александрийского столпа”, увеличившись примерно в 10000 раз, кризис денежного оборота и массовая задержка на месяцы и годы всех видов социальных выплат — явление неизбежное. Так как стоимость основного капитала в номинальном отношении многократно возросла, а накопленные за десятилетия в отраслях реальной экономики оборотные средства превратились в прах, промышленность была поставлена на колени и оказалась в финансовой кабале созданных президентом процентщиков — Березовских, Гусинских, Смоленских и иже с ними.

Впрочем, все это не было Божьей карой. Безобразия были осуществлены планомерно, последовательно и целеустремлённо. Превратить 90 % населения РФ в нищих, поставить и их на колени в грязь, придавить угрозой реального голода, создать армию

безработных, заставить десятки миллионов унижаться и просить, как величайшую милость, подаяние всё у тех же Смоленских, Гусинских, Березовских и иже с ними — сладкая мечта номенклатуры, превратившейся в слой скоробогачей.

Вот только в чём нельзя упрекнуть “всенародноизбранного”, так это в обмане. О том, что все лишатся личных денег, что общенародный характер собственности на средства производства будет ликвидирован, что вместо реального богатства каждому будет вручена бумажка на предъявителя с непонятным названием “ваучер”, что безработным окажется каждый пятый, что предприятия остановятся и окажутся грудой никому не нужного металла — обо всём этом страна была предупреждена ещё в 1991 году. Но все почему-то были уверены, что при разделе страны и собственности каждому достанется жирный кусок — равная доля богатства, разделенного на всех. Голосами рабочих и крестьян, пенсионеров и домохозяек был избран именно г-н Ельцин. К тому же народ одобрил его страсть к разрушениям на референдуме в апреле 1993 — он согласился на его самовластное правление. Этот же народ дал ход его проекту Конституции на референдуме в декабре 1993. Наконец, все тот же, но уже основательно помордованный, народ летом 1996 вновь избрал Ельцина себе в президенты.

Теперь, когда из горькой чаши “реформ”, казалось бы испито всё, цель реформаторов близка, как никогда, а в Думе, этом скопище политического разврата, возникают сомнительного свойства законопрожекты, которых даже рассматривать неприятно, появляется инициатива, чтобы в какой-то мере стимулировать своевременную выплату заработанного, начисленного, назначенного. Так нет же, г-н Ельцин проявляет непреклонность истового либерального реформатора!

Вот как объясняется невозможность установления штрафных платежей за задержку выплаты зарплаты: “В проекте федерального закона не учитываются особенности формирования фондов оплаты труда в организациях, финансируемых за счёт средств соответствующих бюджетов, например федерального. Задержка поступлений средств из федерального бюджета, несомненно, повлечёт за собой задержку выплаты заработной платы работникам конкретной организации, финансируемой из данного источника, однако в таком

случае вины самой организации в этом нет. Следовательно, выплата пени… может быть произведена только из средств федерального бюджета. А это означает, что при отсутствии в федеральном бюджете на соответствующий финансовый год средств на указанные цели выплата пени будет производиться за счёт сокращения расходов по другим статьям расходной части бюджета, что в свою очередь может негативно сказаться на реализации тех или иных социальных программ”.

А вот аргументы, по которым можно не выплачивать пенсии и пособия: “Средства, расходуемые на пенсионное обеспечение…, аккумулируются в Пенсионном фонде РФ, при этом сами пенсии назначаются соответствующими органами исполнительной власти, а их выплата производится предприятиями связи либо отделениями Сбербанка РФ. При этом задержки выплаты пенсий возникают зачастую в результате решений о повышении размеров пенсий без учёта реальных возможностей Пенсионного фонда”.

Наконец, дана причина, из-за которой отфутболиваются санкции за несвоевременную выплату пособий. Этим занимается ещё одна контора — Фонд социального страхования, но он и вовсе ни при чём: “Нарушение выплаты пособий может возникнуть только по причине отсутствия у страхователя достаточных сумм страховых взносов, формируемых из средств, идущих на оплату труда, то есть не по вине организации (которая производит выплаты пособия)”.

Итак, куда ни кинь, везде солидные обстоятельства, благодаря которым штрафовать некого и не за что.

Незадолго до смерти, столкнувшись с невероятным бюрократизмом им же самим созданного госаппарата, В.И.Ульянов-Ленин произнёс запомнившуюся фразу: “Формально правильно, а по существу издевательство”, И потребовал у своих помощников наказания виновных. В нашем случае издевательство остаётся, но “формально правильным” даже не пахнет.

Посмотрим на проблему с точки зрения одного только права. Работник, состоящий с работодателем в отношения трудового договора, должен добросовестно выполнять свои обязанности, А каковы обязанности работодателя перед работником? Своевременно выплачивать зарплату! При нарушении этих условий должны следовать санкции. Если виноват работник, его можно уволить, если

виноват работодатель — он должен выплатить компенсации. При этом работнику всё равно, из-за чего нет выплат. За это должна отвечать администрация организации. Казалось бы, всё ясно. Но г-н Ельцин предлагает считать трудовой договор не двусторонней, а односторонней сделкой — обязанности возникают только у работника. Что же касается администрации, то ей выписана индульгенция. Раз источником является бюджет — с него взятки гладки. Государство не считает нужным нести никаких обязательств по своевременности платежей, снимая одновременно любые формы ответственности и с организаций, если они выполняют не частные, а государственные заказы.

Таким образом, в письме г-на Ельцина содержится ещё один важный намёк: предприятиям реального сектора экономики дают понять, чтобы они перестали заключать подряды на выполнение заказов, финансируемых из средств бюджета. Для иностранцев или частных заказчиков — в первую очередь, заказы же на нужды собственного государства — никогда и ни за какие коврижки. Такова суть политики “реформаторов” — и молодых, и тех, из кого сыпется песок.

Смехотворна причина невыплаты пенсий — их уровень слишком (подумать только!) высок. Пенсии перестают платить, так как некие злоумышленники “повышают их размеры”, а Пенсионный фонд не располагает необходимым количеством банкнот. “Нас должно быть меньше”, - говорил в таких случаях ранний Жванецкий.

Г-н Ельцин почему-то считает, что при временном отсутствии средств в Пенсионном фонде он не в состоянии воспользоваться льготным кредитом Госбанка или обеспечить выплаты пенсий за счёт эмиссии. Если следовать за логикой президента, избранного, кстати, именно голосами пенсионеров, если в этом фонде не окажется средств, пенсионеры вообще должны скопом “заставить себя уважать” по причине голодной смерти. Конечно, зачем им тогда какие-то “пени”!

При таких взглядах президента на зарплату и пенсии вспоминать ещё и необходимость ответственности за несвоевременные выплаты социальных пособий даже неприлично. Зато очень даже вовремя и жестко собираются штрафы и пени, которые нещадно дерут с граждан, если они, канальи, посмеют не вовремя оплатить, к примеру, какой-нибудь коммунальный платёж. Попробуйте задержать оплату телефона

— тут же он будет отключен, и придётся оплачивать “будто бы” его новую установку.

Так как за г-на Ельцина и его “социальную политику” активно проголосовало (придя на избирательные участки) 40 и пассивно (оставшись дома) 35 миллионов человек, поделать ничего нельзя. Снявши голову, по волосам не плачут. Поэтому, завершая наш реквием, воспользуемся словами г-на Ельцина: “Учитывая изложенное, предлагаю снять проект федерального закона с рассмотрения”. И добавим: “Снять с повестки дня все жалобы, охи и вздохи те, кто на свою голову выбрал такого президента и до сих пор позволяет ему измываться над собой”. Аминь.

*** * ***

В начале своей политической карьеры Ельцин всячески кичился близостью к народу — демонстративно проехал две остановки на трамвае, продемонстрировал журналистам ботинки фабрики “Скороход”, иногда обедал в рабочей столовой — и тем заслужил всенародную любовь. Ради чего он так мучался, для чего искал народной любви стало ясно довольно быстро. Оказалось — ради феноменальных по роскоши апартаментов, шикарных выездов, загородных вилл, но главное — ради возможности без счета тащить из казны для себя и своих ближних родственников.

Книжка “Записки президента”, создаваемая в поте лица приближенными к Кремлю журналистами, вышла кособокой и прибыли большой не принесла. За рубежом тиражи не расходились. На открытый счет поступило всего около 100 тыс. долларов. Но потом оказалось, что счет пополнился не весть откуда взявшимися 5 миллионами “зеленых”. Потом придворный олигарх купил для президента виллу в Ницце за 25 млн. долларов, дочке Тане понравилось коллекционировать платиновые часы, зятю отошел пополам с Борей Абрамовичем Березовским “Аэрофлот”, любимый глава администрации поделил с БАБом телекампанию ОРТ (КП 24.09.98) и т. п.

Последняя информация, ставшая известной, благодаря бывшему ельцинскому охраннику Коржакову, и озвученная любителем такого рода сенсаций депутатом В.Илюхиным, вызвала комментарий замглавы президентской администрации (по совместительству — любимца Лужкова и протеже Чубайса) Е.Савостьянова: “Что касается

акций ОРТ, то здесь никакого криминала нет. Президенту передавались права на них только на срок исполнения им своих обязанностей. Можно сравнить эту передачу с получением служебного жилья. После ухода с госслужбы человек квартиру обязан сдать” (“Сегодня” 26.11.98).

Как сдают госквартиры чиновники мы знаем хотя бы по истории с чубайсовским протеже Беляевым. Но это не единственный случай присвоения. А ОРТ — просто один из наиболее ярких примеров. Это кладезь для получения незаконных доходов в течение всего периода “исполнения своих обязанностей”.

Нет, не сдаст Ельцин своему преемнику ни гроша. Все, что вычерпано им лично, его Семьей, его ближайшими и отдаленными соратниками, его сторонниками и просто ворьем — все это останется у них. На страже украденного у нашей страны и простоватого (и вороватого) народа будут стоять иные правительства и государства, в которых на десятки и сотни миллиардов долларов накуплено имущества, возникшего в результате организованного ельцинистами воровства.

Для нас может быть одно утешение — кого не успеем поймать, заклеймить плевком, кого поймаем — подвесим за гениталии для всеобщего одобрения. Можно еще пустить по следу особо шустрых расхитителей мастеров с ледорубами. Но это так — экзотика. В целом придется признать, что народ наелся ельцинизма вдосталь — вывернул свои карманы по доброй воле, сдался мерзавцам без сопротивления, стал предателями для своей страны. Ни жалеть, ни спасать этот сброд не стоит. Надо ждать, когда из этой кучи нечистот пробьется, наконец, расточек новой человеческой общности, которой можно будет без стыда присвоить звание “русская нация”.

Ворье на войне (Чеченский эпизод)

Ограбление России и русских режимом Дудаева началось по воле российских властей, предпочитавших не замечать, что перечисленные средства из федерального бюджета на выплату пенсий в Чечне расходуются совсем не по назначению. До марта 1993 г. в Чечню успели перекачать 2.5 млрд. рублей.

Как оказалось, преступность и борьба за “суверенитет” — это просто одно и то же. В 1993 году Дудаеву пришла помощь из Эстонии. Изъятые из обращения российские рубли самолетом были

переброшены в Грозный. Только первым рейсом было доставлено 18.2 тонн денег. Финансовая провокация со стороны Эстонии осталась безнаказанной. Сепаратисты объединяли свои усилия в деле ограбления России.

Российские чиновники тоже внесли в это дело свой вклад.

Ничем иным, как попустительством российских властей, было извлечение преступным режимом Дудаева денег со счетов Российских банков по фальшивым чекам и авизо. Сумма хищений составила примерно четыре триллиона рублей (по другим данным — четверть бюджета страны). По данным МВД к уголовной ответственности за операции с фальшивыми авизо было привлечено более 500 чеченцев, а еще 250 чеченцев находились в розыске.

Деньги переводились не только по фальшивым документам, но и открыто. Так, Кредо-банк в 1994 году перевел в Чечню $700 тыс., а потом еще $650 тыс. И это в тот момент, когда преступная сущность режима и криминальное использование любых финансовых источников были очевидны практически для всех, кто принимал подобного рода решения. Кстати, Кредо-банк известен нам, как одна из первых коммерческих структур, финансировавших Ельцина еще до того, как он сам стал назначать себе придворных банкиров. То есть и там, и тут банк действовал, скорее всего, из идейных соображений. Не то что банкир Смоленский (банк “Столичный”), тоже нагревший руки на этих самых авизо. Его интересовала прибыль и только прибыль.

Немалая часть из ворованных триллионов осела в карманах российских чиновников, остальная позволила Дудаеву содержать сильную армию, умело встретившую русских солдат в конце 1994 года в Грозном.

В особенности можно отметить деятельность московских чиновников, позволявших чеченцам вкладывать огромные суммы, полученные преступным путем, оплаченные жизнями людей, в экономику города. Ворье чиновное смыкалось с открытым бандитизмом. Москва наполнялась чеченскими бандами и огромным количеством вывезенного из Чечни оружия.

Кремль не воспользовался даже внутричеченскими разборками 1993 года, предпочитая бороться с собственным парламентом, как это делал Дудаев. В то время, когда противники Дудаева в Грозном организовали бессрочный митинг, Ельцин выступил со своим

ОПУСом, подготавливая разгром российского парламента. Ему было не до борьбы с бандитизмом — от воевал со своей страной.

За четыре месяца ведения боевых действий в Чечне общероссийский уровень фальшивомонетчества снизился примерно на треть. Причина тому — пресечение целой индустрии изготовления фальшивых денег в Чечне. После штурма Грозного груды фальшивых купюр, которые можно было перемещать лишь бульдозером, неторопливо рассеивал ветер. В иной ситуации их развеяли бы в самом начале производства. А пока Ельцин воевал с Россией, бандиты сумели напечатать горы фальшивок.

В началом восстановительных работ в Чечне механизм хищений заработал с новой силой. Только предварительные расходы на восстановление (в первые четыре месяца 1996 г.) составили 2 трлн. рублей. Это при том, что ведение боевых действий российскими Вооруженными Силами было профинансировано государством лишь на треть. Эти деньги, как и деньги на восстановление Грозного, после двух штурмов в 1996, можно считать по большей части похищенными.

За 1995 год доходы, полученные правительством Завгаева составили всего 95 млрд. рублей, российские инвестиции в бюджет Чечни составили почти триллион (МК 11.03.96). По уточненным данным в 1995 году Чечне было выделено 6,8 трлн. рублей, а в 1996 году планами правительства России предусматривалось выделение 16,2 трлн рублей и 1 млрд. долларов (“Сегодня”, 17.04.96). Так Чечня стала не только фактором нестабильности, но и черной дырой для российских финансов. Там, где природа и история положила быть пустыне, трудом русских должна была возродиться цветущая страна — заповедник бандитизма и живодерня для тех же русских.

А вот как расходовались дудаевцами украденные деньги.

Проведение митинга на площади перед президентским дворцом 7 сентября 1995 года обошлось Дудаеву в 500 тыс. долларов (РГ, 2.04.96). Единовременное вознаграждение боевика при заключении контракта колебалось от 500 до 5000 долларов, “суточные” достигали 800 долларов. Особенно ценились наемники, воевавшие в Карабахе, Абхазии, Афганистане и Боснии. Расценки за уничтожение живой силы примерно таковы — от 200 долларов за убитого российского солдата, до 1000 — за офицера. Отдельные расценки установлены за уничтоженную или выведенную из строя технику федеральных войск.

* * *

По данным чеченских источников за 1992 год по нелегальным каналам из Чечни было вывезено 4031 тыс. тонн дизельного топлива, 1631 тыс. тонн бензина, 125 тыс. тонн осветительного керосина, 43 тыс. тонн технического масла. Нефтепродукты спихивались за рубежом по демпинговым ценам — на 20–25 % ниже среднемировых. Ни главный производитель нефтепродуктов завод “Чеченингнефтепродукт”, ни республика в целом за все это ни деньгами, ни товарами ничего не получила.

Чечня для России была скорее не источником нефти, а центром нефтепереработки. Сюда перекачивалось большое количество нефти — Грозненский НПЗ получал в три раза больше нефти из других регионов, чем от местной добычи, что и составляло основу хозяйственного благополучия Чечни. Производство товаров народного потребления составляло всего лишь 25 % производства. Остальное брали через “отхожие промыслы” — организацию частной коммерции и бандитизм. Нефть была “стартовым капиталом” чеченского мятежа и важным элементом российского теневого бизнеса.

Политические верхи России, поставившие себе задачу полного развала страны, активно содействовали Дудаеву. Несмотря на неконтролируемое развитие событий в Чечне, туда продолжала поступать нефть от продажи которой выручались средства на укрепление бандформирований. Правительство Гайдара разрешило перекачать в Грозный около 20 млн. тонн российской нефти. Эта и другие незаконные нефтяные операции дали Дудаеву и его окружению около миллиарда долларов. Часть этих денег была в частном порядке вложена в недвижимость и банки за рубежом. По данным депутата Госдумы РФ от Чечни генерала Ибрагима Сулейменова в течение 4 лет правления в Чечне Д.Дудаева из республики ежегодно вывозилось 22 млн. тонн нефти, средства от продажи которых шли на личные счета Дудаева (“Интерфакс”, 12.04.96).

Убытки, принесенные режимом Дудаева в 1991–1993 гг. только нефтяной отрасли, составили не менее 4 трлн. рублей. Тут был налажен конвейер хищений со специальной системой сокрытия посредников. Расплата за поставленную нефть производилась с добывающими предприятиями за счет потребителей приобретенной в Чечне нефтепродукции. При такой системе замести следы оказывалось

очень несложно. Минтопэнерго России качало нефть Дудаеву из Сибири до мая 1993 года, а дагестанская нефть поступала практически до начала боевых действий. Только в июле 1993 г. неторопливый “специалист по межнациональным отношениям” С.Шахрай направил президенту Ельцину записку о целесообразности прекращения поставок нефти в Чечню (“Россия”, № 32, 1995).

Нефть и нефтепродукты Дудаев продавал в ближнее и дальнее зарубежье, пренебрегая какими бы то ни было правилами квотирования и лицензирования. Тем более, что бланки нефтяных лицензий получили необходимую форму защиты от подделок только в 1993 г. Это был спланированный саботаж номенклатуры, наживавшейся на выкачивании ресурсов за рубеж вместе с Дудаевым.

По данным Минтопэнерго квоты на экспорт нефти давались Дудаеву и в 1992, и в 1993, и в 1994 году. Причем в 1994 году квоты оказались на 65 тысяч тонн больше, чем в 1993 году (“Кавказский край”, № 32, 10–17.08.95).

Общий доход от незаконных нефтяных операций, по некоторым оценкам, составил примерно 25 млрд. долларов. А у дудаевского “миротворца” Масхадова, столь любимого российскими журналистами, была даже собственная нефтяная вышка. Именно поэтому им санкционировалось подписание мирных соглашений местного значения в Ножай-Юртовском районе. Но в конце марта 1996 года федеральные войска уничтожили вышку Масхадова (НГ, 10.04.96).

Деньгами, вырученными от продажи нефти, украденной совместно российскими чиновниками и чеченскими бандитами, были оплачены поставки оружия, которым встретили головорезы Дудаева российскую армию в Грозном, которое использовали террористы Басаева и Радуева против мирных граждан. Между тем, Гайдар на заседании “комиссии Говорухина” объяснял необходимость поставок нефти бандитам очень просто — мол, надо было обеспечивать нефтепродуктами посевную кампанию на Северном Кавказе.

Чеченская “самостоятельность” была выгодна не только российской номенклатуре. Влиятельные международные силы стремились овладеть выгодами транзита азербайджанской и казахской нефти. Так, правительства Грузии, Азербайджана и Турции весной 1996 подтвердили намерение транспортировать эту нефть через порты

Грузии и Турции, но не через Новороссийск, куда через Чечню должен был пройти нефтепровод.

Ранее американские нефтекомпании, работающие на каспийском шельфе Азербайджана заявляли о том, что маршрут нефтетранзита через Россию (Каспий — Чечня — Новороссийск) не имеет альтернативы. Вместе с “самостоятельностью” Чечни и чеченской войной альтернативы появились. 1.5 млрд. долларов — вот цена, которую могли получить Грузия и Турция за транзит в обход России (“Век”, № 13, 1996).

Не случайно, выходит, дудаевцы проводили свои наиболее дерзкие операции именно в момент обсуждения нефтяными компаниями США и другими заинтересованными сторонами маршрутов экспортного транзита каспийской нефти.

*** * ***

В руки авторам попались копии документов (трудночитаемые ксерокопии, подобранные среди развалин правительственных зданий Грозного), свидетельствовавшие о расхищении средств, выделенных на восстановительные работы в Чечне.

Вот решение Арбитражного суда ЧР (дело № А-77-49-96) от апреля 1996, удостоверяющее факт приобретения филиалом “Алан” АО “Плоды” объекта незавершенного строительства. Из решения следует, что в сентябре 1991 г. на волне демократизации-приватизации данная организация заключила договор аренды недостроенного предприятия с правом последующего выкупа с Минсельхозом республики. 23 января 1992 г. выкуп состоялся, государству было выплачено 4.774.800 рублей, но оформление в собственность почему-то отложено до полного завершения строительства.

Договор купли-продажи от 29 мая 1996 г. перемещал недостроенный завод быстрозамороженной продукции из частной собственности филиала “Алам” АО “Плоды” (написание названия филиала в разных документах почему-то отличается, хотя речь идет об одном и том же) в государственную собственность. Казне это стоило 38600 млн. рублей. Со стороны государства покупателем выступило Госкомимущество Чеченской республики. Реализован ли договор, неизвестно, но его замысел прозрачен — дешево забрать у государства и дорого ему же продать.

Вот дело, похожее как две капли воды на предыдущее (дело № А-77-43-96 от 22 мая 1996). Теперь факт собственности по отношению к объекту незавершенного строительства установлен по просьбе Республиканского Центра культуры и творчества Госкома ЧР по профтехобразовани. В республике война, все архивы Центра сгорели, а сам Центр существует, демонстрирует симптомы юридического лица.

Наконец и вовсе удивительный комплект документов. Первый из них — распоряжение правительства ЧР за подписью С.Хаджиева № 462-р от 19 сентября 1994 (аккурат накануне войны), которым создается “исходя из предшествующих достижений футбольных команд Чеченской Республики” республиканский футбольный клуб “Эрзу”. Госкомимуществу ЧР поручалось передать на баланс клубу стадионы им. У.Ахтаева и У.Садаева, а также базу отдыха “Чишки”. 28 сентября того же года уже был подписан договор о купле-продаже стадиона им. Садаева, согласно которому Госкомимущество ЧР приобретало его у футбольного клуба за 1680 млн. А еще через год 23 октября 1995 г. за подписью того же С.Хаджиева появляется постановление № 733 “О выкупе стадиона им. У.Садаева у ФК “Эрзу””. Минфину ЧР пришлось раскошелиться на те же 1680 млн. рублей.

А теперь несколько историй из КРУ Минфина (МК 17.12.96).

В январе 1996 г. оказалось, что Минфин Чечни вместо расходования средств на пенсии и компенсации, образовал бюджетный остаток в размере 142 млрд. рублей. Эти “лишние деньги” были розданы в виде кредитов и беспроцентных ссуд. Сроки прошли, а 2/3 средств (без малого 100 млрд.!) так и не возвращены в бюджет. Примечательно, что поживиться здесь удалось ряду московских фирм: АОЗТ “Костер”, ТОО “Раст-Маркет”, ТОО “Миро-Трайд”.

К августу 1996 г. Минсельхоз ЧР получил 108 млрд. рублей (кто пашет-то во время войны!?). Удалось установить, что 38 млрд. израсходованы не по назначению. Минсельхоз ЧР переводил деньги фирмам, задолженность списывал на нижестоящие предприятия, которые либо ничего не получили, либо могли легко списать исчезновение материальных ценностей на войну. Например, загнал Минсельхоз 2 млрд. на покупку семенного картофеля. Часть его просто выбросили, остальное то ли не дало всходов, то ли вовсе не

было посеяно. (Поди ж ты, еще и зарплату за посев выплатили с премиальными!) Тем временем замминистра — “женщина сказочной красоты” — за государственный счет шикарно “представительствовала” в Москве, да еще построила домик в Грозном сметной стоимостью в 849 млн. рублей, из которых половину выплатила подрядчикам Дирекция по восстановлению и строительству агропромышленного комплекса Чечни.

Ну а строительный “бизнес” и вовсе сделал для себя войну золотым дном. Поганым роем облепили бюджетный источник разнообразные строительные фирмы. На восстановительные работы поставляли списанные и испорченные материалы, строили тяп-ляп (все равно разрушат!), а то и вовсе не строили — что трудиться, коли все равно разбомбят. Если же не разбомбят, то всегда можно найти энтузиаста среди военных, чтобы “освежил” якобы восстановленное здание парой прямых попаданий.

Мэр Москвы, увидевший, что президент успешно перенес операцию на сердце, и в ближайшее время “патриоты” в правительственных кругах востребованы не будут, поторопился отправить в Грозный делегацию с богатыми дарами и обещаниями в ближайшее время безвозмездно оказать материальную помощь на сумму 13 млрд. рублей (“Градские вести”, 20.11.96).

Немало помогла мэрия Москвы и пройдохам из пресловутого Комитета солдатских матерей, в котором мачехи перегрызлись за начисленную им врагами России “альтернативную Нобелевскую премию” в размере 83 тыс. долларов, а потом организовали коммерческое предприятие под названием “Земной поклон”, в котором при финансовой поддержке Союза мусульман предполагалось на костях погибших воинов устроить многодневный карнавал (КП 28.05.98). Позднее Лужков пригрел дезертирских матерей в своем “Отечестве”, где они стали играть не последнюю роль.

Вот таким образом и уплывали российские деньги в бездонную криминальную прорву. И верно отметил один из наблюдателей, что воевать перестали только потому, что исчерпались источники доходов, связанные с войной. С какого-то момента мирные технологии обворовывания страны оказались более эффективными. То-то засуетился свежеиспеченный специалист по национальной безопасности Борис Березовский! Суетился он и на посту

исполнительного секретаря СНГ. И как-то все норовил попасть в Чечню или вокруг Чечни построить какой-нибудь экономический проект.

Как мы помним, финансирование Чечни проводилось премьером Черномырдиным, а политическое обслуживание бандитов обеспечивалось “демократами”. Когда террористы захватили в Буденновске женщин и детей, прикрывшись ими как живым щитом, переговоры с ними вел сам премьер. В результате 120 трупов мирных российских граждан остались неотомщенными. Не отомщены оказались и российские солдаты, которых в условиях одностороннего перемирия чеченские бандиты убивали в течение всего 1995 года каждый день. В это время посланцы Черномырдина вели бесконечные беседы с убийцами по поводу урегулирования “конфликта”. И позднее Чечня была переполнена заложниками и русскими рабами. И все это оплачивал Кремль.

* * *

Кириенковский вице-премьер В.Христенко (после правительственных пертурбаций августа 1998 оставленный замминистра финансов, а потом снова угнездившийся в вице-премьерах) как-то прислал в Госдуму ответ на депутатский запрос, посвященный проблеме выплаты вынужденным переселенцам из Чечни задолженностей по зарплате, пособиям на детей и компенсаций за утраченное жилье и имущество. В ответе говорилось, что задолженность по зарплате должна выплачиваться теми организациями и предприятиями, которые допустили указанную задолженность. Таким образом, пострадавшие от войны люди должны, по мнению В.Христенко, обращаться по этому вопросу либо в захваченные боевиками учреждения, либо самостоятельно искать правопреемников предприятий, уничтоженных в результате войны. Правительство, непосредственно причастное к развязыванию войны и ее последствиям, иметь отношение к возвращению гражданам заработанных ими денег не собирается.

В.Христенко писал, что “в 1997–1998 годах в соответствии с федеральными законами о федеральных бюджетах на соответствующие годы средства на выплату ежемесячного пособия на ребенка в Чеченской республике учтены при расчете финансовой помощи субъектам Российской Федерации в виде трансферта”.

“Задолженность по выплате пособия должна быть погашена по прежнему месту назначения и выплаты пособия, т. е. по прежнему месту жительства”.

Иными словами, вынужденным переселенцам из Чечни предлагалось искать выделенные правительством деньги там, откуда пришлось бежать под угрозой смерти. Но вряд ли нашелся хоты бы один человек, который согласился действовать в соответствии с рекомендациями вице-премьера. А это значит, что переведенные в Чечню бюджетные деньги были с ведом правительства использованы по усмотрению бандитского режима Масхадова.

Вице-премьер указывал, что беженцы, прибывшие в Стравропольский край из Чечни в 1997–1998 годах не могут пользоваться порядком назначения и выплаты компенсации за утраченное жилье и имущество, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 30.04.98 г. № 510. Но поскольку иных путей компенсации не существовало, а правительство, вместо того чтобы решать проблемы, отделывалось ссылками на собственные же постановления, беженцам оставалось считать свое переселение блажью, а утраченное имущество и жилье — подарком изгнавшим их бандитам. Правительство Кириенко отказывалось от ответственности за продолжающийся геноцид гражданского населения (преимущественно русских) на территории Чечни, от помощи тем, кто страдал от этого геноцида.

Продемонстрированный в ответе вице-премьера В.Христенко уровень цинизма можно считать традиционным для режима, которое многие годы держался за счет народа и перекладывает тяжесть своих ошибок (а выражаясь прямо — преступлений) на плечи простых людей. Пока ворье процветало на войне, номенклатура доказывала гражданам, что делает все возможное для борьбы с бандитами и обеспечения социальной защиты.

Например, шеф МФД Рушайло объявил, что вытаскивать заложников из чеченского плена “должны только профессионалы”, а вмешательство депутатов последним только мешает. Оно и видно, “профессионалы” работали не покладая рук несколько лет, договаривались с бандитами, выкупали, обменивали на уголовников, а численность заложников не уменьшалась, оставаясь на уровне 800-

1000 человек. Такой вот совместный бизнес номенклатуры и чеченских бандитов.

* * *

Чечню финансировали из госбюджета. Из этих денег Масхадов финансировал не только банды, но и выплачивал денежные компенсации семьям погибших террористов.

Возглавляемое Чубайсом РАО ЕЭС ежедневно перекачивало в Чечню 2 млн. кВт электроэнергии. При этом деньги за электроэнергию чеченцы не платили с 1995 года и долг перевалил где-то за 30 млн. долларов. Чубайс объяснял свою лояльность к боевикам тем, что якобы, только правительство могло принять решение о прекращении поставок электроэнергии.

Примерно такую же сумму подарил чеченам “Газпром”, закачивая в Чечню бесплатный газ.

Минфин только за первое полугодие 1999 перечислил в Чечню сумму, эквивалентную 6 млн. долларов. В соответствии с принятым Думой законом о бюджете. В ту же прорву посылались ежемесячно около 2 млн. долларов пенсионных денег, которые до пенсионеров, разумеется, не доходили (“Мир за неделю” № 5, 1999).

Вот откуда у чеченских бандитов оказались деньги на новейшее вооружение, содержание огромной массы живодеров, одетых, обученных и накормленных.

Моральную поддержку боевикам оказывал все тот же генерал-предатель Лебедь. Он говорил: “Любой чеченский командир… никогда не стал бы выбрал бы в качестве целей простых и безвинных людей” (“Мир за неделю” № 5, 1999). Это после взрывов в Москве и нападения на Дагестан, после захватов сотен заложников и жесточайших издевательств над ними.

Для того, чтобы доказать свои нехитрые умопостроения, Лебедю приходится лгать и изворачиваться. Сравнивая чеченскую войну с Кавказской, он говорит, что Чечня и Дагестан в XIX веке были единой территорией. Эти оправдывается стремление боевиков иметь “окно” к Каспийскому морю. На деле в XIX веке ни единой Чечни, ни единого Дагестана и в помине не было. Были княжества и горские сообщества, воюющие между собой.

Лебедь лжет о кавказской войне, утверждая, что русские “после 49-летней войны приняли имама Шамиля, отвезли его в Калугу и

предложили ему там гарем. Ему дали звание офицера царской армии и создали для него “дикую дивизию”. Таким образом проблема была решена”. Все это, разумеется, гомерическая чушь. Русские, в действительности, сначала перебили бандитов, загнали их в горы и пленили Шамиля. Никакого гарема, офицерского звания и шамилевской дивизии не существовало. Все это бред воспаленного ума, помутненного предательством.

Поддерживали бандитов и сепаратисты из клана Шаймиева. Показателен хотя бы скандал по поводу того, что в одном из татарских медресе готовили боевиков в помощь чеченским мятежникам.

Помогали бандитам и московские власти. Не только выхаживанием чеченского криминального бизнеса прямо в столице — под стенами Кремля, в подвалах Манежа. Москва стала центром пропаганды предательства своей собственной армии. Здесь из подлежащих призыву 52 тыс. человек осенью 1999 планировалось призвать в армию только около 5,5 тыс. (“Мир за неделю” № 5, 1999).

Лично Лужков встал на защиту террористов, когда началась операция по уничтожению банд в Дагестане и Чечне. Он говорил: “Федеральному центру нужна была быстрая победа. Эта победа обернулась практически катастрофой. 200 тыс. человек, среди которых большинство так же ненавидит террористов, как и мы в вами, оказалось беженцами. Остальные 200 тыс. ждут своей участи. Мы в данном случае по существу развернули операцию на против террористов, а против Чечни, чеченского народа. Мы этими действиями сплотили очень разрозненное чеченское общество опять вокруг террористов” (ВМ 17.12.1999).

Заметим, что все это говорилось тогда, когда уже были известны факты чудовищных зверств боевиков, когда среди “беженцев” десятками вылавливали боевиков, когда перелом в боях уже наступил. И одновременно, в тот момент, когда Ельцин все еще мог по науськиванию Шаймиева и Лужкова ударить в спину своей армии и заставить ее отступить.

Здесь подлые замыслы номенклатуры, паразитирующей на разложении российской государственности, очевидным образом смыкаются с мерзостью “творческой интеллигенции”, страстно желающей России быстрой гибели. В концентрированной форме эта позиция была сформулирована Сахаровым, чью неизвестную запись

1970 года опубликовала лужковская газетка “Вечерний клуб” в период решительного наступления на чеченские бандформирования: “Вне зависимости от нашего отрицательного отношения к выступлениям сепаратистов, к их политическому лицу и международным связям, мы в любом подобном вопросе выступаем с принципиальных позиций права наций на самоопределение вплоть до отделения; мы можем считать отделение нецелесообразным (эта точка зрения разделяется всеми прогрессивными силами, она высказана также Генеральным секретарем ООП), но никогда не одобрим попытку бороться с сепаратизмом военными средствами, которые приводят к бессмысленной гибели многих людей, приводят к последствиям во сто крат более тяжелым, чем отделений той или ной провинции…”.

Теперь мы точно знаем весомость этих строк, пропитанный кровью будущих жертв Чеченской войны — заложников чеченских казематов, истерзанных в чеченских застенках русских солдат, похищенных детей, взорванный в своих квартирах мирных жителей.

Ельцинизм с нечеловеческим лицом

Ситуацию в стране нетрудно определить по физиономическим достоинствам ее предводителя. По лицу Ельцина образца 1994–1999 гг. можно было видеть, что страна смертельно больна, что попраны самые элементарные нормы нравственности, но костюм власти по прежнему выглядит безукоризненно и демонстрирует высочайшее благосостояние облегаемого им тела. Опубликованная Ельциным декларация о доходах (см. комментарий А.Баранова, “Правда-5”, 03.06.97) — дополнительное подтверждение тому, что номенклатура одновременно бесится с жиру и уверяет граждан в том, что живет очень скромно.

Президентская супружеская пара, как свидетельствует из декларации, владеет собственностью без малого 1 млрд. 200 млн. рублей, а доход ЕБН в 1996 году составил 243 млн. рублей. Из этих цифр можно заключить, что в течение 6 лет президентства бедный Ельцин почти ничего не тратил, только накапливал. Если же вспомнить, что за этот срок зарплату ему приходилось поднимать неоднократно (инфляция, господа!), то и вовсе получается, что покупательная способность президента с годами сильно упала. Между тем, у Ельцина, по всей вероятности, были специальные поставщики, готовые себе в ущерб продавать президенту весьма недешевые товары.

Так, личный “БМВ” Ельцина оценен в 12 тыс. долларов при реальной стоимости не ниже 20 тыс., личная дача площадью 452 кв. м. на участке в 4 га в престижном районе оценена в 200 тыс. долларов при реальной стоимости не менее нескольких миллионов долларов. По утверждению Ельцина его доходы составляются из зарплаты (на тот момент — 10 млн. рублей) и процентов по вкладу в Сбербанк, который является гонораром за книги. Выходит, что проценты в 1996 г. составили не менее 123 млн. рублей, что означает размещение вклада в размере никак не меньшем миллиарда рублей.

Благосостояние номенклатуры, по всей видимости, — один из главных показателей состояния страны. Скорее всего, рост его тождественен разорению народа. Это можно подтвердить цифрами и фактами, которые не допустят иных трактовок. Наглая ложь на счет стабилизации и даже некоторого оживления “капиталистического хозяйства” России без труда опровергается этими цифрами, которые можно взять напрямую из официальных справок и сводок.

Вот сравнение состояния на начало обвальных реформ начала 1992 со “стабилизацией”, обнаруженной Ельциным во время своей избирательной кампании в 1996 (справка депутатской группы “Напродовластие”, Госдума):

	1-й квартал 1992	1-й квартал 1996
Выработка электроэнергии, млрд. кВт-ч	298	258
Добыча		
нефти, млн. т	101.2	72.7
газа, млрд. куб.	168	160
угля, млн. т	92.6	71.1
Выплавка		
чугуна, млн. т	11.5	8.8
стали, млн. т	17.3	12.0
Производство		
автомобилей, тыс. шт.	252	193
тракторов, тыс. шт.	36.6	4.0
комбайнов, тыс. шт.	10.7	0.56
пиломатериалов, млн.м.куб.	11.9	5.9
бумаги, тыс. т	1057	605
цемента, млн. т	17.4	5.1
ткани, млн. кв. м	1832	364
обуви, млн. пар	69.3	8.4

Валовой внутренний продукт упал в 1996 г. до уровня 50.7 % к уровню 1990 года, производительность труда снизилась до 56,9 %, реальная зарплата — до 41.2 %, покупательная способность на душу населения снизилась с 3,09 прожиточных минимума до 2,02, а пенсия до 0,99.

Отмена квотирования и лицензирования экспорта нефти привела к резкому скачку цен на нее на внутреннем рынке. За 1995 года рост цен на нефть для потребителя составил 2,5 раза, а в целом по топливу — в 2,9 раза. При этом цена бензина для российских автомобилистов оказалась в 1,92 раза дороже среднемировых.

Ценовый беспредел царил и в других сырьевых отраслях. Черные металлы в России оказались в 1.5–2 раза дороже, чем на мировом рынке, пропилен дороже на 67 %, никель — на 21 %, алюминий — на 10 %.

Ко всему этому добавилась проблема разведки новый месторождений. С 1993 года прирост разведанных запасов практически по всем видам минерального сырья (исключая уголь и железную руды) был ниже объемов добычи. При объеме добычи нефти в 1995 году в 307 млн. тонн разведка составила всего 191 млн. тонн.

В 1995 году продолжилось обрушение российской промышленности. Доля убыточных предприятий возросла на 7 %. Транспортные перевозки сократились на 12 % при росте тарифов в 2.5–3 раза.

В 1995 году собран самый низкий урожай зерна за последние 30 лет. Продукция пищевой промышленности сократилась на 9 %, легкой промышленности — на 31 %, машиностроения — на 10 %. (“Правда” 07.03.96). В 1996 г. продукция сельского хозяйства сократилась еще на 6 %, хотя казалось, что дальше сокращаться уже некуда.

При всех социальных и экологических бедах общемировые расходы на вооружение достигли 800 млрд. долларов в год, что соответствует половине доходов всего населения. США запланировали потратить в 1996 году по этой статье 267 млрд. долларов (примерно на четверть меньше прежнего). Это потому что военно-промышленный потенциал России упал с 80 % от потенциала США (в СССР) до 12 %. Америка сказала “демократам” “большое спасибо” и готова была кормить их мелкими подачками из сэкономленных сумм.

При всем при том, Россия вовсе не рассматривалась американцами в качестве дружественной страны, которую удалось переделать на свой лад. Поверженного соперника, скорее всего, постараются добить. Мешает этому только еще уцелевший кое-где ядерный щит.

В 1995 году продолжалась грабительская приватизация, доходная для ворья и иностранных авантюристов. Собственность сдавалась им за бесценок. К началу 1995 года 500 крупнейших предприятий России стоимостью в 200 млрд. долларов были проданы за 7.2 млрд. Аналитики оценили, что крупнейшие российские заводы (типа Уралмаша, Челябинского металлургического, Кировского механического, Челябинского тракторного) продавались по цене небольшой хлебопекарни или колбасного цеха. В результате было расхищено около триллиона долларов.

Приватизация была настолько “эффективной”, что госсобственность таяла буквально на глазах. Оказалось, например, что СССР владел за рубежом 29 тысячами объектов стоимостью в 120 млрд. $. Российская Федерация обнаружила, что у нее осталось всего 2,5 тыс. объектов стоимостью 2,5 млрд. $ (СГ 17.10.98). То есть 98 % нашей зарубежной собственности было просто разграблено беззастенчивым чиновничеством.

В 1996 году приватизация была практически завершена, 12.793 предприятия перешли в руки частных лиц. В 22 субъектах Федерации приватизировано более 98 % предприятий. В 1996 году от приватизации рассчитывали получить в бюджет 12,4 трлн. рублей, реально получили лишь 1.4 трлн. Оставшиеся у государства 30.5 тыс. предприятий и пакеты акций в 3 тыс. АО в 1996 году принесли доход всего в 120 млрд. рублей. (РФ № 8, 1997). Фактически при попустительстве властей в 1996 г. было завершено разворовывание национального достояния.

Ельцинисты порушили самые высокотехнологичные предприятия ВПК. К концу 1997 г. 80 % предприятий, конструкторских бюро, научных институтов ВПК были заморожены. Правительство представило в Думу бюджет на 1997 г., в котором доля финансирования гражданской науки оказалась всего 2.6 %, несмотря на то, что в законе ясно сказано: “не менее четырех процентов расходной части федерального бюджета”. Зато Россия стала источником интеллектуальных ресурсов для остального мира. Еще в конце 1994 года Служба внешней разведки докладывала, что объем закупленных Западом у России технологий таков, что НАТО учредила для их обработки целую программу. Результатом обработки станут, надо полагать, новые системы оружия, направленные против России.

В этом плане характерен такой пример.

В результате двух аварий при запусках разведывательных спутников находящийся на орбите “Космос-2320” остался без смены и вышел из строя. Россия потеряла последний разведывательный спутник оптико-электронной разведки и лишилась последней возможности контролировать соблюдение договора о сокращении стратегических вооружений. Что же касается фоторазведки, в которой у России было некоторое технологическое преимущество, то с лета 1996 г. Главное разведывательное управление приступило к продаже ЦРУ фотопленок из своего архива. (“Известия”, 15.11.96).

К этому добавим еще один факт.

Как выяснилось, подставные российские фирмы скупили у нашего правительства 37 % авиакосмического комплекса. Причем скупали самое лучшее — Тушинский машиностроительный завод (космические корабли “Буран”), Воронежское авиапредприятие (ИЛ-86), “Люлька-Сатурн” (космические двигатели), МНПК “Авионика” (системы управления военно-авиационной техникой), КБ “Аэросила”, авиационная корпорация “Рубин”, МПО им. Румянцева и т. д. 26 ведущих оборонных предприятий попали под полный или частичный контроль американской фирмы “Ник энд Корпорэйшн” (тоже, вероятно, подставной). Акции наших лучших предприятий российские чинуши спустили за бесценок — за 51.1 млн. долларов, а в США они были оценены в 54.5 млрд. долларов (РФ, № 3, 1997).

Программа приватизации на 1998 г. предусматривала продажу 35 % акций НПО “Автоматика” (системы наведения баллистических ракет подводных лодок, военные компьютерные системы); 25 % акций НПО “Геофизика” (разработка высокоточных систем управления крылатыми ракетами); 35 % акций завода “Авангард” (уникальные зенитные комплексы С-300); 25 % акций МАПО “МиГ” (уникальный истребитель-бомбардировщик Су-34); 35 % акций Новосибирского авиационного ПО и 35 % акций Рязанского приборного завода (база для производства многоцелевого истребителя Су-37, самолета XXI века); 25 % акций Нижнетагильского вагоностроительного завода им. Кирова (крупнейший в мире производитель танков). Причем продажу “блокирующих” пакетов акций планировалось осуществить по бросовым ценам (“Интерфакс-АиФ”, № 38–39, 1997).

Налицо государственное преступление, уже нанесшее чудовищный ущерб национальной безопасности. Кто за него ответит?

Посмотрим как “черономырдизация”, наступившая вслед за “гайдаровщиной”, отозвалось на социальном положении граждан, придавленных ельцинскими “реформами”.

К началу 90-х годов доля мирового дохода беднейших слоев населения уменьшилась с 5 до 1.4 %. Соотношения уровней доходов богатых и бедных увеличилась с 13:1 в 60-х годах до 60:1 в наши дни. Пятая часть жителей планеты использует 85 % всех благ и ресурсов, а 1.3 млрд. живут в беспросветной бедности. Около 700 миллионов постоянно недоедают. По прогнозу Всемирного банка, к концу столетия их число может возрасти еще на 200 млн. Рост этот, надо полагать, будет во многом за счет обнищания России (“Правда-5”, № 3, 1996).

В России 3 % богатейших граждан получают более 60 млн. рублей в месяц. Это “новые русские” Из них десять процентов имеют доход свыше 376 млн. Почти все богатеи с такими доходами живут в Москве. Слой состоятельных людей, доход которых составляет от 5 до 50 млн. рублей в месяц, — примерно 10–15 % населения (“Правда”, 06.01.96). Остальные — сплошная нищета, считающая рублишки до получки или месяцами ждущая, когда же им государство выплатит доги по зарплате. По данным Госкомстата в 1996 году соотношение доходов 20 % самых богатых и 20 % самых бедных составило 45 % к 6.5 % всех денежных доходов населения (РФ № 3, 1997). Поскольку значительная часть доходов богатых сегодня скрывается путем личного пользования имуществом предприятий, этот разрыв в реальности еще больше.

Показатель	Уровень необратимой катастрофы	Показатель для России
Падение ВВП (%)	30-40	более 50
Доля импортных продуктов питания (%)	30-35	40-50
Доля в экспорте продукции обрабатывающей пром. (%)	40	12
Доля в экспорте высокотехнологичной продукции (%)	ниже 10-15	1
Доля науки в ВНП (%)	2	0.32
Децильный коэффициент	10:1	17:1
Уровень бедности (% населения)	10	20-40
Отношение числа родившихся к числу умерших	50:50	50:63
Потребление алкоголя (л/чел)	8	16-18
Уровень психических патологий (на 100 тыс. жителей)	284	280
Уровень поддержки правительства (%)	60	35-40

(“Правда” 07.02.96, EIR № 9, 1997)

По оценке всемирной организации здравоохранения, государство должно выделять на здравоохранение не менее 6 % валового продукта. При этом Западная Европа расходует 10 %, США — 13.5 %, а Россия — 1.5 %. Надо бы при этом еще учесть, что ВВП за время реформ похудел в 2 раза. Так что вспышки чумы, холеры и прочих забытых болезней для нас не должны быть неожиданностью.

В пересчете на душу населения расход на здравоохранение в США составляет около 3 тыс. долларов в год, в Западной Европе — 1–1.5 тыс. долларов, в России — менее 50 долларов. (“Правда России”, 25.01.96). Куда мы катимся заботами реформаторов?

Ниже мы приводим таблицу, демонстрирующую переход большинства граждан России к положению физического вымирания.

Потребление основных продуктов питания, кг/год на душу населения:

	1985	1990	1995	норма
Мясо и мясопродукты	61.4	75	51	78
Молоко и молокопродукты	323	386	240	405
Рыба и рыбопродукты	18.2	20	10.7	17.7
Хлеб и хлебопродукты	115	119	135	133
Картофель	110	106	117	104

К этому мы добавим ежегодную убыль населения на миллион (русских — на миллион двести тысяч), три миллиона ежегодных

абортов, распад 856 браков на 1000 заключенных браков (1995).

Итогом варварского отношения к гражданам России, изощренной формы геноцида, примененной ельцинистами, является снижения продолжительности жизни в 1995 году у мужчин — до 57 лет (1982 — 62 года), у женщин — до 71 года (1985 — 74 года).

Если в 50-е годы в России рождалось 2.8–2.9 млн. детей, то в 1993 — 1.38 млн., 1994 — 1.41 млн., в 1995 — около 1.4 млн. Если для нормального воспроизводства численности населения необходимо иметь коэффициент суммарной рождаемости на уровне 2.14-2.15, то в России он составил 1.4. Страна просто вымирала, особенно в русских областях. Из 37 миллионов детей России 25 млн. оказались больны. Что до этого ельцинистам?

Наука в прежней России была в почете. Циолковский на учительское жалование построил двухэтажный особняк и содержал большую семью. В 1957 году в СССР зарплата профессора в четыре раза превышала среднюю зарплату в промышленности. Потом номенклатура начала плодить свою бесталанную профессуру и прожрала достояние прежних лет. Соответственно упала и зарплата ученых и преподавателей, которым платили едва ли выше уровня физиологического выживания.

В 50-е годы у молодежи СССР специальными методиками замерялся коэффициент интеллектуальности. По этому коэффициенту наша страна разделили второе-третье место с Канадой, уступив только США. В 80-х годах мы откатились во третий десяток, в 1989 — на 52 месте (“Русский восток” декабрь 1996). А все потому что в 1950 мы тратили на образование 10 % национального дохода, в 1992 — 2.5 %.

Российская наука только в 1990–1994 гг. потеряла 650 тыс. ученых, лишившись 15 % профессоров, 10 % доцентов. Несколько десятков тысяч самых ценных для страны ученых выехало за рубеж и работает на благо других стран.

За 1991–1995 численность работающих в науке и научном обслуживании в Москве упала от 900 тыс. чел до 425 тыс. (“Обратная связь”. Москвичи о социальной сфере, бизнесе и правопорядке. № 12, Комитет по телекоммуникациям и средствам массовой информации правительства Москвы, 1996). При этом число докторов наук в науке сократилось в полтора раза, число кандидатов — почти в четыре раза. В 1995 году выпущено вдвое меньше аспирантов, чем в 1989. Кроме

того, уровень диссертаций, фонтанирующий, скажем, из Академии госслужбы был просто катастрофическим. Там обслуживали скорее запросы номенклатуры, стремившейся добавить к своим регалиям еще и научные звания.

* * *

Растратив казну в политических баталиях, добившись сохранения в президентском кресле мощей Бориса Ельцина, номенклатура к концу 1996 года обнаружила, что даже продажа золотого запаса страны не дает возможности погасить долги по зарплате в размере 43 трлн. рублей и долги по пенсиям в размере 14 трлн. (“Правда”, 31.10.96).

Пенсионный Фонд оказался инструментом ворья и казнокрадов (“АиФ № 46, 1996). За 4-й квартал 1995 года и первое полугодие 1996 года ПФ “нерационально израсходовал” 667 млрд. рублей. Бесследно исчез из ПФ казенный автомобиль “Волга”, да еще на 8 млрд. компьютеров и прочего имущества. Задолжав пенсионерам 16 трлн. рублей, ПФ ведет строительство стоимостью 2 млн. долларов в Подмосковье и 16.6 млн. долларов в Москве.

Механизм казнокрадства здесь очень прост. ПФ и его отделения учреждают банки и превращают их в партнеров, прокручивая в своих банках деньги, предназначенные для выплаты пенсий. Например, ПФ перечислил учрежденному м самим Республиканскому социальному банку 384.7 млрд. рублей “не предусматривая получения какого-либо дохода”. А этот самый банк дает кредит АМО-банку под 2 % годовых, а через неделю занимает деньги у него же под 65 %.

В некоем АОЗТ “Гарант-Инвест” ПФ четыре года без всяких дивидендов хранились 500 тыс. долларов и 3 млн. рублей (положенных туда еще до взлета цен в 1992 г.). В Карелии за счет ПФ были приобретены квартиры 21 чиновнику Фонда. Несмотря на то, что ПФ имел своих 13 машин, за обслуживание еще 2-х платил полмиллиарда в год Управлению делами Президента РФ.

Поразительно, но ПФ оказался негосударственной структурой и на его чиновников не распространяются меры, применяемые к госслужащим, не предполагает ответственности за должностные преступления.

Весьма примечательна в плане близких, но еще не начавшихся следственных разбирательств фигура управделами Администрации президента П.П.Бrородина, который оказался в центре внимания

публики, когда стали известны масштабы затрат бюджетных денег на ремонт Кремля и правительственных зданий, а также возникли подозрения в коррупции при определении победителей тендера на выполнение этих работ.

В передаче “Подробности” (23.03.99) Бородин предстал в образе барина, которого зря потревожили по пустякам. На предположение о том, что именно от него исходит инициатива снятия Генерального прокурора Скуратова, начавшего распутывать дела о коррупции вокруг кремлевского ремонта, Бородин, не подбирая слов, высказался в том плане, что если бы ему понадобилось снять Генпрокурора, то никаких проблем с этим у него не было бы, ибо Совет Федерации полностью зависит от него — и обслуживание здания, и ремонт, и снабжение. Мол, с губернаторами всегда договорился бы.

Это, конечно же, наглость. Но совсем не наглость номенклатурного чиновника должна привлекать наше внимание, а масштабы его деятельности. Структура УД АП не только обслуживает и строит все ключевые государственные здания (на Бородина работают 150 личных подчиненных, 200 фирм и 100 тыс. работающих). УД проводит ежегодно до 4–5 тыс. “операций” по улучшению жилищных условий госчиновников, строит по 2000 квартир стоимостью 300–900 тыс. долларов каждая (в сумме — примерно на 1 миллиард долларов!). Один только ремонт Кремля обошелся нищей стране в 340 млн. долларов. При этом, как признался сам Бородин, в силу важности объектов, на одного работающего человека приходится десять наблюдающих за ним.

Получив такую кормушку, Бородин, естественно, души не чает в своем патроне, которому только и подчиняется. Он говорит о том, что Ельцин — порядочный человек, и вокруг него, якобы, работают только порядочные люди. Судя по приведенным цифрам, эти “порядочные люди” ежедневно и весьма энергично разоряют страну.

Страна подыхала, как забитый камнями мамонт, а чиновники, загнавшие ее в ловушку, жирели, обворовывая и без того тощий бюджет. В 1995–1996 гг. щедро финансировалось строительство жилья для чиновников: 215 млрд. рублей для Управделами президента (ранее выбивали средства под ремонт Кремля), 12 млрд. — для Минфина, 2,5 млрд. — для Миннаца, Минэкономики и Госкомстата, 4,5 млрд. — снова для Управделами, 19 млрд. — снова Миннацу и Минэкономики,

20 млрд. для Аппарата правительства… Бюджетными деньгами подкармливались нужные фирмы. Например, банк “Стратегия”, возглавляемый братом министра Уринсона. Именно через него финансировалось строительство дома со сметной стоимостью в 15 млн. долларов. (ОГ № 35, 1998).

А вот еще нераспутанный клубок, свалявшийся вокруг кириенковского министра сельского хозяйства В.Семенова, который появился в правительстве путем, в свое время использованным Гайдаром, — в результате набора на высшие посты всяких недоспециалистов. Вот и Семенов, всю жизнь проторчавший в номенклатурном совхозе “Белая дача” и обслуживавший барский стол ЦК КПСС, попал сразу на руководство аграрным сектором всей страны и пробыл там год.

Ладно бы, набрался человек опыта, как-нибудь и справился бы. Но за Семеновым тянулся шлейф люберецкой братвы, которая помогала ему “обувать” доверчивых предпринимателей. (Так, нам довелось беседовать с предпринимателем, которой обеспечил “Белой даче” выгодный контракт на поставку кирпича, но был оставлен без прибыли и разорен, да еще зверски избит, чтобы не повышал голоса.). Одно время Семенова даже охраняли 12 автоматчиков, послуживших веским аргументом в криминальных разборках. А еще Семенов намеревался бежать за границу, в случае обострения отношений с правоохранительными органами или бандитами. Заблаговременно он переправил дочку в Канаду (якобы в бесплатный колледж!), сам подал документы для оформления вида на жительство. Да тут подоспело назначение в правительство — стал Семенов недосягаем ни для бандитов, ни для милиции, ни для обманутых им людей. Кстати, в процессе приватизации “Белой дачи” Семенов получил 0,25 % акций, а потом сумел довести свой пакет до 20,5 % (КП 06.03.99).

Коль скоро у нас не берут под белы руки таких персон, как Бородин или Семенов (а также десятки им подобных), как должны вести себя менее осторожные, менее умные, более склонные к риску чиновники рангом пониже? А вот так, как ведут — выметают богатства страны “под ноль”. И все-таки, если первую категорию номенклатуры режим не дает рассаживать по камерам, то “середнячков” иногда щиплет.

Например, в августе 1995 года был арестован замминистра ВЭС Андрей Догаев, причастный к контрабанде в 1992 году медного лома на сумму 300 тыс. долларов, а также к деятельности фирмы “Балкар-Трейдинг”, только за весну 1994 г. прокачавшей 2,5 млн. тонн нефти на сумму 100 млн. долларов, которая пошла на избирательную кампанию будущего президента Украины Леонида Кучмы. Через месяц был арестован глава фирмы Петр Янчев. В феврале 1996 г. был задержан по подозрению в получении взятки бывший и.о. Генпрокурора Ильюшенко, связанный с фирмой “Балкар-Трейдинг” деловыми и семейными узами (“Новая газета”, № 30, 1996).

Чего не может номенклатура, хотя и хочет иногда, так это остановить криминальный беспредел, ужасный рост тяжких преступлений. Ведь и номенклатурщикам иногда приходится ходить по улицам.

Тем временем, война уголовщины против народа достигла угрожающих масштабов. Каждый восемнадцать минут в России совершается убийство или покушение на убийство. За 1995 год правоохранительными органами взято в производство без малого 40 тыс. умышленных убийств. Ежегодно гибнут около 70 тысяч человек, большая часть которых становится жертвами преступлений. Почти 15 тысяч исчезают бесследно — поиски их родственниками и правоохранительными органами ни к чему не приводят. Закрыв глаза, можно представить себе эту гору трупов — апофеоз войны, которую номенклатура позволяет вести на территории России.

Наконец, как обстоят дела с теми, кто подирает за номенклатурным ворьем? Застуканного по мелочи, ожидает ужасная судьба.

По данным Общественного центра содействия реформе уголовного права количество заключенных на 100 тыс. населения находятся на таком уровне:

в начале XX века — в конце XX века

Россия 60 — 780

Австрия 100 — 53

Англия и Уэльс 53 — 72

Бельгия 167 — 35

Дания 67 — 47

Нидерланды 70 — 31

Норвегия 49 — 47
Франция 78 — 47
Швейцария 120 — 54

Налицо абсурдная система, в которой при уровне преступности в 3–8 раз ниже, чем в развитых странах, количество заключенных на 100 тыс. населения несообразно велико. Расходы же на содержание мест заключения равны расходам на здравоохранение. И это при жуткой антисанитарии и продовольственных пайках, вызывающих в тюрьмах повальную завшивленность, туберкулез и дистрофию.

За сто лет количество убийств в мире возросло в 13 раз, в России — всего в два с половиной раза. Зато средний срок наказания в виде лишения свободы за это время возрос с 2-х месяцев до 5-ти лет. Если в 1917 году 2/3 заключенных содержалось в отдельных камерах, то сейчас большинство заключенных содержится в камерах на 15–20 человек с нарушением всяческих санитарных норм.

К 1992 году 15 % (16 млн.) взрослого населения России прошли через тюрьмы и лагеря, за три последующих года было арестовано еще 1.6 млн. человек. Тенденция сохраняется.

Выходит, арестовывают не тех. Если б начать с Кремля, то может быть и не пришлось бы забивать тюремные камеры до отказа.

* * *

Концентрированный итог деятельности Ельцина и его соратников был подведен в попытках начать процесс импичмента, который Госдума готовила несколько месяцев и с позором провалила в мая 1999.

Вот вкратце обвинения, которые специальная думская комиссия сформулировала в адрес Ельцина:

Организация заговора с целью захвата государственной власти, выразившаяся в заключении вопреки действующему законодательству и воле народа, выраженной на референдуме 17 марта 1991 года Беловежских соглашений, повлекших за собой расчленение страны. Соучастие в этом процессе других высших должностных лиц и, в частности Верховного Совета РСФСР, ничуть не умаляет вины самого Б.Ельцина.

Организация по сговору с другими лицами насильственного захвата власти в сентябре-октябре 1993 г., сопровождавшееся грубым попранием Конституции и гибелью сотен людей. Налицо заговор с

целью захвата власти, превышение служебных полномочий с применением оружия и умышленные убийства при отягощающих обстоятельствах.

Грубое превышение должностных полномочий при принятии решения о применении вооруженных сил на территории Чечни, повлекший за собой гибель сотен тысяч людей и тяжелые последствия для населения и для международного престижа страны. Необходимость подавления бандформирований, захвативших власть в республике никоим образом не оправдывает произвол и применение негодных методов такого подавления. Тем более, что применению вооруженной силы предшествовал период явного пособничества бандитам, безнаказанно попиравшим права граждан и российский суверенитет в 1991–1994 гг.

Государственная измена, выразившаяся в политике, направленной на удовлетворение геополитических интересов США и нанесении тяжелого ущерба национальной безопасности России. Российская армия фактически разрушена. В общевойсковых соединениях насчитывается всего 12 полков постоянной боевой готовности, в вооружениях преобладают устаревшие образцы, в ВВС исправными являются только 55 % боевых самолетов, в ВМС 75 % стратегических подводных крейсеров требуют немедленного ремонта, моральный дух армии разрушен безденежьем и отсутствием смысла службы.

Геноцид российского народа, выразившийся в целенаправленной и корыстной политике резкого ухудшения условий жизни большинства граждан ради создания привилегированного слоя крупных собственников, служащих опорой режиму. Результатом геноцида стало сокращение в 1991–1997 гг. численности населения РФ на 4,2 млн. человек и необратимые процессы, приводящие к 2015 году к сокращению населения еще на 8,6 млн. человек. Россия вымирает под пятой античеловеческого режима в муках и позоре: реальные доходы населения в течение всего периода правления Б.Ельцина падают, госаппарат всячески способствует деятельности преступных финансовых и олигархических группировок (вспомним ограбление населения в результате либерализации цен в 1992, расхищение общенародной собственности во время приватизации, разрешенное воровство десятков фирм-”пирамид”, изъятие сбережений населения после августа 1998).

Обсуждение выдвинутых обвинений достаточно ясно выявило позицию ведущих политических сил.

Фракция НДР не только резко выступила против каких-либо попыток отрешить Б.Ельцина от должности, но фактически выполнила работу администрации президента — подготовила развернутые возражения, суть которых сводится к объявлению выдвинутых претензий юридической несостоятельными и противоречащими народному волеизъявлению на выборах 1991–1996 гг. Даже блестящая речь лидера фракции В.Рыжкова, попытавшегося перед голосованием приобщить к ельцинизму фракцию КПРФ (что было вполне справедливо в любой другой обстановке), никак не оправдала заступничество, противное подавляющему большинству населения, включая даже антикоммунистов.

Фракция “Яблоко” (в особенности ее представители в Комиссии, выступившие с особым мнением по каждому пункту) признала в целом выводы Комиссии, но отказывалась видеть возможность юридических следствий из этих выводов. “Яблоко” ставило лишь вопрос о политической ответственности Б.Ельцина, полагая, что в его действиях нет состава уголовного преступления. Фракция яблочников голосовала только за пункт обвинений по Чечне, да и то не в связи с виной Ельцина за проигранную войну, а в связи с тем, что боевиков начали бить “не по закону”.

Наиболее вычурной была позиция руководства КПРФ, которое использовало работу Комиссии в качестве политического аргумента в политическом торге. С одной стороны, лидеры КПРФ в ущерб целенаправленной работе на результат все время срывались на ругань (которая, как известно, “на вороте не виснет”), с другой — проявляли чудеса иезуитской изворотливости, дабы в рамках посиделок во имя согласия между властями выторговать для своих правительственных ставленников особые полномочия.

С декабря 1998 года работа Комиссии намеренно затягивалась, коммунисты все время ждали особо удобных условий для себя. И дождались. Выгодными условиями для коммунистической фракции оказались такие, при которых импичмент не прошел, но голосов за него удалось набрать много.

Такое положение оказалось по душе и Лужкову, который несколько раз для разный аудиторий многозначительно повторил:

“Импичмент не прошел, но оценка состоялась. И об этом власти нужно задуматься”. Вероятно и сам Лужков задумался о своей ответственности за активное соучастие в разорении страны.

* * *

Приведенные выше цифры и факты — прямое свидетельство преступлений ельцинского режима. Номенклатура, сменив коммунистическую маску, продолжала уничтожение собственного народа.

Говорят, что на вопрос о том, можно ли построить социализм на практике, канцлер Германской империи Бисмарк ответил: можно, но делать это надо в стране, которую не жалко. В России конца XX столетия осуществлялся процесс, который в своих главных чертах был попыткой строительства иной, чем социализм, социально-экономической системы. Обычно ее называют капитализмом. Делается этот новый строй такими методами, что ответ железного канцлера невольно переносится и на сегодняшнюю российскую действительность. Капитализм, оказывается, в современную эпоху тоже можно построить. Но опять-таки в стране, которую не жалко.

И все-таки к концу эпохи ельцинизма возникло то почти неуловимое ощущение перемен, которое почувствовали почти все. Мздоимцы и проходимцы, наперсточники и ворье, казнокрады и предатели, вампиры и врали — все зашевелились, завозились в ставших неуютными креслах. Они почуяли беду, опасную близость расплаты… Нам бы не хотелось обмануть их ожидания.

Палача сюда!

Базарная интеллигенция

Когда произносятся высокопарные, бессмысленно-благодарственные речи по адресу интеллигенции, чем-то напоминающие раздумья Васисуалия Лоханкина, то надо иметь в виду, что за пределами МКАД таковых особей найти непросто. Если сословие интеллигентов еще и водится в стране, то местом ее обитания является по преимуществу московский асфальт, дачные поселки в непосредственной близости от нее и отдельные немногочисленные колонии выходцев из России в землях обетованных — на Гудзоне, Сене, Темзе, Рейне и Иордане.

Что же касается остальной России, то интеллигентов в том смысле, который имеет в виду обыденное сознание, фактически нет.

Если относить к этой категории людей с дипломами о высшем образовании или так называемых работников умственного труда, то их грязная роль в разрушении страны до такой степени постыдна и омерзительна, что не приходится удивляться тому, что по-видимому последний широко известный интеллигент России, живший в XX веке, Л.Н.Гумилев, незадолго до своей кончины, публично проклял русскую интеллигенцию и отрекся от нее.

Русская история завершает двадцатое столетие замечательным и крайне прогрессивным явлением. Она наконец-то расстается с русской интеллигенцией как с самостоятельным классом, физическому существованию которого приходит конец. Ее замещает качественно новый антропологический вид — интеллектуалы, владеющие главной современной производительной силой — интеллектом.

Однако, исчезнув по сути дела как вид в провинции, интеллигенция все еще продолжает свое рептильное существование в Москве, составляя значительную часть ее жителей.

Каким Богам она поклоняется? Какие идеи владеют ее сознанием? Что предлагает она обществу, испытывая тщеславное, но ни на чем не основанное чувство превосходства?

Она поклоняется барышу, хотя и не признается в этом. Сущность ее сознания воплощается именно в поклонении золотому тельцу, культе денег, превратившихся из материального богатства в тривиальную цветную бумажку с изображением президентов США. Причем интеллигенты, когда им не удается самим овладеть этими цветными бумажками, из кожи лезут вон, чтобы другие вставали на колени перед властью спекулянтов, воров и изменников, набивших карманы “зеленкой”.

Общественный идеал столичной интеллигенции — все доступные ее воображению виды и формы мошенничества, измены, нравственного разложения и цинизма. Ее кумиры воплощены в образах, словно сошедших с офортов Босха и рисунков Гойи — “защитник гражданских прав” С.Ковалев, “русские офицеры” Юшенков и Воробьев, “символ красоты” Хакамада, “образец изящества” адвокат Макаров, “знаток земледелия” Черниченко, “истинные русские патриоты” и одновременно завсегдатаи всех демократических фуршетов Гербер, Осовцов, Боровой, Нисневич, Бунич. Именно им московские избиратели доверяли места на скамьях

Государственной Думы и Совета Федерации. Они олицетворяют собой Москву, они и есть современная Москва.

Лучше других сущность столичной интеллигенции выражает, по видимому, В.Новодворская, призывавшая в 1991 году на митингах к убийству Горбачева “рукой народного мстителя”, а в 1993 в одной из своих публикаций в “Московской правде” заявившая: “Если для того, чтобы стереть с лица земли коммунистов, фашистов и империалистов, нужно стереть с лица земли эту страну вместе со всем ее населением, — мы не дрогнем и благословим свою собственную погибель. Когда-то наши предки подожгли Москву, чтобы не оставить ее врагу. Сегодня есть средства не оставить врагу всю Россию”.

Те демократы из “творческой” интеллигенции, что были попроще, не высовывались с такими откровенными декларациями, а предпочитали наниматься на службу номенклатуре. Для таковых придумали название — партия “зеленых” (в смысле, “зеленых баксов”).

Пожалуй, наиболее крупной покупкой для номенклатуры стал известный режиссер и актер, монархист и традиционалист Никита Михалков. Сняв свой худший фильм “Утомленные солнцем”, он решил ангажироваться в “партию начальников” — блок “Наш дом — Россия”. Своим авторитетом он помог всякому ворью пробиться в парламент, а сам отказался от депутатского мандата. Вместо него депутатское кресло занял кто-то из нижней части партийного списка НДР. Ко всему прочему Михалков заявил, что не видит иного президента, кроме Ельцина (ВМ 06.01.96). Это действительно — его президент. Он выбрал себе именно такого монарха.

Тут понятна подоплека. Она состоит в том, что “художнику дали работать” и тем самым поймали на крючок. Михалкову фактически дали ввязаться в дела Фонда культуры, который он возглавил то ли по глупости, то ли по злому умыслу1. Фонд на глазах стал разваливаться, огромные средства, еще не поступив на счет Фонда, исчезали бесследно (будто бы отданы в траст банку). Ельцин (или Черномырдин) спас Михалкова тем, что объявил о преобразовании Фонда из общественной организации в “некоммерческую”. Преобразование покрыло все безобразия (НГ, 17.02.96).

Умер политик, умер и художник — это закономерно. Войдя раз в политику, из нее уже не выйдешь по собственному желанию. Платой за

такой выход может стать творческая смерть или грязные пятна на репутации. Так стало с Михалковым. Фильм “Утомленные солнцем” оказался пошлым перепевом прошлых замечательных лент (“Неоконченная пьеса для механического пианино” и “Обломов”) и не продвинула к пониманию сталинизма ни на шаг. После всего, что стало известно о том периоде, фильм — просто подлое вранье. Зато правительственные мафиози отметили “успех” своего собрата-интеллигента ретроспективой всех его фильмов и шумным праздником в честь 50-летнего юбилея, превращенного в пропагандистский вечер НДР. К этому добавился приз на Каннском кинофестивале — тоже двусмысленный.

Те, кто способен оценивать кинопродукцию не по голливудским стандартам, могут, положа руку на сердце, сказать, что в Каннах фильм Михалкова получил приз именно потому, что он вписался в представление о нашей истории, которое хотят иметь о нашей стране сильные мира сего на Западе. В этом представлении, как и в фильме, нет ни слова правды.

Скажем более. Постперестроечная киношная элита оказалась ровным счетом не в состоянии высказать правду о сталинизме. Единственный фильм на эту тему, достойный уважения — “Холодное лето 53-го”. Все остальное — примитивная ложь. И бездарнейший фильм полу-поэта и гражданина мира Евтушенко о похоронах тирана, и бредоподобная поделка “Завещание Сталина”… Все это паскудство годилось разве что для избирательных кампаний 1995–1996.

К слову, Москва усилиями Лужкова и его компании сначала избавилась от кинотеатров, а потом и от привычки ходить в них. Когда ту же заокеанскую дребедень можно потребить через телевизор “забесплатно”, покупать чудовищно дорогие билеты никто не хочет. Вот так и идет процесс — кинотеатры переходят в руки нечистоплотных дельцов, билеты дорожают, репертуар опошляется, люди все меньше ходят в кино, кинотеатры пустеют и закрываются. Залы заполняются в лучших случаях на 1/20. А Михалков всюду получает почести. Правда, с некоторых пор его наградили еще и парой яиц, пущенных меткой рукой рисковых юнцов, не побоявшихся тумаков от михалковской дворни.

Вернемся к прочей интеллигенции, к коей лучше всего подходит ленинское определение: “интеллигенция — это не мозг нации, а

дерьмо”.

Накануне выборов президента 16 июня 1996 года свою квалификацию в самой древнейшей профессии подтвердил кинорежиссер Эльдар Рязанов. Он с той же подобострастностью побывал дома у “всенародно избранного”, что и в апреле 1993. Давние друзья, освоившие торговлю собственной совестью и нашей Родиной, нежно облобызали друг друга и сделали это лобызание общедоступным, благодаря телевидению.

А вот другой пример, показывающий что примитивный антикоммунизм делал с людьми чудеса. Например, в беседе известного телеспикера Караулова с придворным комиком Юрием Никулиным первый, чтобы перейти к нужной для него теме, задал такой вопрос: “А к вам в цирк фашисты ходят?” Никулину вопрос показался странным, но Караулов тут же подкрепил фашистов коммунистами и предложил разрешить вопрос, каким образом народ, воевавший с гитлеризмом, терпит союз фашистов с коммунистами? Нет сомнений, Караулов прекрасно знал, что на выборах коммунистов никакие фашисты не поддерживали. Как раз даже наоборот. Русское национальное единство Баркашова, которое в некоторых кругах принято считать фашистским, активно поддержало Ельцина и даже грозило помочь исполнительной власти в подавлении беспорядков. Национал-большевики под руководством Э.Лимонова тоже высказались в пользу Ельцина. Уже на финише избирательной кампании свою любовь к Ельцину подтвердило движение “Память”. Так кто же поддерживает фашистов, и кого поддерживают фашисты? С этой глупостью интеллигенты лезут к интеллигентам, а также к случайным жертвам. Им бы про фашизм поговорить — хлебом не корми!

Со столичной интеллигенцией вообще случилось что-то страшное. Какая-то болезнь. Она сдавалась номенклатуре перед любыми выборами просто пачками. В состав Совета черномырдинского “Нащдома” вошли известные актеры Баталов и Калягин, директор Пушкинского музея и директор “Эрмитажа”, президент Академии наук и президент Академии госслужбы… В период президентской кампании, наряду с многими и многими любимцами публики, без стыда стал доверенными лицами Ельцина актер Олег Янковский. Он последовал совету, данному одному из его

героев: “Присоединяйтесь, граф!”. Герой Янковского оказался более стоек, актер же подтвердил, что его профессия не может быть уважаема, каких бы уважаемые образы она не порождала…

Потом вся эта публика была сконцентрирована в Совете при президенте по культуре и искусству (Указ № 1434 от 14 октября 1996 г.). Тут и Марк Захаров, записной “демократ”; тут и припавший на старости лет к сапогу хозяина Ролан Быков со своим Фондом; тут и Галина Волчек с обласканным властями “Современником”; и Юрий Корякин, вошедший в историю не своими литературными опытами, а фразой “Россия, ты что, сдурела?!”; тут и Никита Михалков, и Булат Окуджава с Эльдаром Рязановым, и Михаил Ульянов с Геннадием Хазановым; тут и пара физиков — Велихов с младшим Капицей (большие специалисты по культуре!) и, наконец, Зураб Церетели, вице-президент Российской академии художеств со своими “художествами”. Возглавил Совет при себе самом сам Ельцин, а в секретари записал гаврилоповоского выкормыша С.Красавченко.

Просто прелесть что за интеллигенты развелись в России после перестройки! Был вроде порядочный и не бесталанный человек, а стал — типичный ублюдок.

Например, смотрим мирную беседу корреспондента с “котом Матроскиным”, который вдруг, вспоминая свое прежнее амплуа, на глазах превращается в Шелленберга. Краснея лицом и металлизируя голос он заявляет, что молодые люди, с которыми он общается, выбрали эту Россию и никакой другой страны им не надо. А вот Дума, по мнению обладателя покрытой пигментными пятнами физиономии, принявшее решение о денонсации Беловежского сговора, пытается диктовать этой самой молодежи в какой стране ей жить. И это свидетельствует, якобы, о каком-то дьявольском упоении властью, о предельной наглости.

Хотелось бы спросить у этого неплохо устроившегося в жизни “мэтра” (благодаря постоянной поддержке Ельцина и Лужкова), с чего он взял, что “золотая молодежь”, проституирующая вокруг него, отражает взгляды всей молодежи России? Может быть кто-то референдум проводил на счет поддержки разорителей страны? Или эта проституирующая публика вместе со своими нравственно сгнившими мэтрами чует “что народу надо”?

На эти вопросы ответы ясны. И мы можем сказать Олегу Табакову: “Врете, сударь! Тут дело в интересе — примитивном и поганом, в чистогане, в подачках, которые получаются исправно”. Мы еще должны ткнуть паяца в физиономию его собственным сыном, который не весть на какие деньги (наверное, на студенческую стипендию) приобрел целую сеть ресторанов. Или это тайное золото ельцинистов, к которой табаковская семейка так плотно прильнула, когда это было выгодно?

Вот ведь гнусь какая — хотят пакостничать ежедневно, да еще порядочными людьми себя считать, давать уроки нравственности всем встречным и поперечным! Как же они все надоели…

Интерес, о котором мы говорим, проявился, например, в том, что упомянутый театр “Современник” за лизоблюдство главного режиссера театра перед “всенародно избранным” получил от последнего миллиард рублей “на покупку зрительских кресел”. Ну какая же здесь мораль? Может нам как раз представляют примеры антиморали? Точно, так оно и есть.

А вот для также помянутого поэта в прошлом и “гражданина мира” в настоящем (кстати, достигшего своего идеала благополучия в роли преподавателя частного американского колледжа) Евгения Евтушенко дело вовсе не в подачках. Тут, похоже, психическое расстройство на почве длительного пребывания за границей. “Антикоммунячная” поэма Евтушенко “Тринадцать” — просто бред помешанного, опубликованный “Литературной газетой” скорее в интересах клинического опыта. Тут не надо быть врачом или знатоком поэзии. Отклонение от нормы столь велико, что заметно невооруженным взглядом. Главное в этом бреде — воспевание ельцинизма, который тоже является своего рода болезнью.

“Граждане мира” просто млели от маразматического президента, олицетворяющего для них свободу. Такой вот кривобокий у них символ… Нельзя было без острого чувства стыда смотреть как этот символ устраивал собственный бенефис на сцене “Ленкома” под предлогом награждения артистов к 70-летию театра. Артистическая богема смотрела на разболтавшегося кумира увлажнившимися от почитания глазами. Отвратительные сцены, когда Ельцин целовал об себя режиссера Марка Захарова, а славный актер Леонид Броневой

припадал к всенародно избранному телу, аки к родной матушке, вызывали в зале лишь умиление. У нас — омерзение.

Но всей этой мерзости либеральной публике мало. Она старается присвоить себе души тех, кто отошел в мир иной, не поклонившись грязной власти, не перепачкавшись во лжи.

Мы приведем лишь один пример.

Перед нами статейка некой либеральной дамы из “Новой газеты” (27.10.97). Повод для ее публикации — 75-летие со дня рождения недавно скончавшегося артиста Папанова.

Что можно вспомнить о замечательном артисте? Сыгранные в театре и в кино роли. Особенно в кино. От “Приходите завтра”, снятого в 1961, до “Холодного лета 53-го года”, появившегося в 1987. Все они перед нашими глазами, их не надо извлекать из запасников Госфильмофонда. Здесь трудно, практически невозможно солгать. И без сомнения талантливый артист, и его герои все еще перед нашими глазами. И, скорее всего, надолго. Тем не менее автору и газете неймется. Юбилей использован как повод для желчного злословия, параноидальной фальсификации и ролей Папанова, и времени, в которое он перевоплощался.

В сатирической комедии Гайдая “Бриллиантовая рука” Папанова, оказывается, некая неведомая сила “заставляла грубо “комиковать”. Отношения между Папановым и “советскими режиссерами” якобы носили характер “эксплуатации”. Предмет эксплуатации критикесса углядела в “интеллигентности” актера, сочетающейся с “фельдфебельской внешностью”, что было (?) типичным для образов “положительных рабочих и водителей такси”. При этом ни с того ни с сего Папанову, игравшему самые разные роли, приписывается амплуа “комика”.

Роль комкора Серпилина в “Живых и мертвых” (1963) дает искусствоведу-либералу возможность изложить свое понимание Великой Отечественной войны. Для газеты г-на Явлинского Россия, одолевшая самое страшное в ее истории нашествие — “бездарное государство”. А вынесший в эти годы обязанности главы государства, верховного главнокомандующего и лидера нации Сталин, “трус, скрывавшийся в кремлевском бункере”. Погибших русских солдат походя именуют “солдатским мясом”, которое за просто так этот негодяй, отсидевшийся за стенами Кремля, “бросил в ненасытную

пасть вермахта, под бомбы “Люфтваффе”, под колеса моторизованных частей”. А Папанов, как утверждается, воплощал в фильме не талантливого военачальника, стремившегося нанести немцам максимальные потери и победить, а “муку и вину”.

“Белорусский вокзал” показывают по разным каналам ТВ несколько раз в год. Бухгалтера Дубинского, образ которого создал Папанов, вряд ли надо представлять. Так вот, в руках автора статьи педантичный, скромный, честный и твердый служака, который требует от своего начальника-демагога точного исполнения законодательства, когда тому надо, чтобы его нарушили, оказывается “насмерть перепуганным “гражданкой” (т. е. мирной жизнью) бухгалтером”, который “робеет перед начальником”.

Помните тот эпизод в фильме, когда его герои оказываются в квартире медсестры, наскоро готовят более чем скромный стол, вспоминают боевое прошлое, поминают командира, на похоронах которого были утром? Чувства переполняют их, заставляют плакать. Для автора “Новой газеты” слезы героя Папанова — лишь предчувствие, “что один за другим они скоро уйдут не из кадра, уйдут вообще”.

Фильм “Берегись автомобиля” (1964) оказался притчей, он позабавил, но не предупредил. Над образами тестя-барыги и зятя-фарцовщика, созданными Папановым и Мироновым, в то время зритель добродушно посмеивался, сочувствуя честному вору Деточкину, а не невезучим мелким жуликам, у которых угнали автомобиль. Теперь эти отрицательные образы — герои нашего времени. Жизненная философия куркулей и пижонов взяла верх. Но киновед вместо разъяснения конкретного фильма впадает в сослагательные пророчества. “Что было бы, если бы Папанов в наши дни снимался в “фарсе о “новых русских”?” Кстати, либералы так ненавидят русских, что современных дельцов-спекулянтов, которые грабят Россию, именуют не иначе как новые “русские”. А русские с доверчивой глупостью повторяют эту пакостную кличку, их всех оскорбляющую.

Так вот, в чем ответ либерала: “Папанов своего куркуля непременно бы вывел на отвратительно режиссированный анпиловский митинг под красным знаменем, прикрывающим зарытую

в огороде кубышку”. Н-да, тут обсуждать нечего, эта болезнь не лечится…

Наконец, “Холодное лето”. Яблочно-либеральный экстаз достигает высшей точки. Кипит критический разум, призванный в который раз обличить мрачные годы сталинщины и бериевщины. Ложь хлещет из всех щелей.

Расконвоированный, вышедший из лагеря на поселение герой Папанова превращен в горячечном воображении критикессы в “члена похоронной лагерной команды”. Человек, сохранивший в многолетнем заключении и чувство собственного достоинства, и веру в справедливость, и способность постоять за себя и других называется “лагерным придурком”. Несмотря на то, что в фильме есть сцены, в которых герой Папанова искренно мечтает вновь вернуться к своему любимому делу, критику-либералу мерещится: “он и свободе-то не видит повода радоваться”.

Герой Папанова заставляет Лузгу (артист Приемыхов) вспомнить, что он капитан-разведчик и потому банде, захватившей остров, надо дать бой. И он погибает в бою с оружием в руках, погибает, потому что даже против убийц не может действовать из засады. Но автору “Новой газеты” такой финал не подходит. Она не замечает подвига. Ее вдохновляет образ кладбища. Кладбищем для таких авторов является вся Россия. “Приемыхов закапывает Копалыча, хоронит чеховское никчемное, потому что в этом мире действует только ветхозаветное или блатное: “око за око” или “умри ты сегодня, а я завтра””.

В таких случаях принято говорить: в огороде бузина, а в Киеве дядька. Для русских подобное отношение к искусству и одному из его выдающихся деятелей, сохранившего честь, в отличие от большинства своих соратников по цеху, — кощунство, достойное презрения.

Впрочем, каково яблоко, такова и яблоня.

*** * ***

В качестве крайне симптоматичного примера, мы приведем здесь позабытую историю раскола Театра на Таганке.

Спайка “деятелей культуры” и властей, не брезгующих криминальщиной, сложилась как традиция в период сталинский репрессий. В дальнейшем эта традиция закрепилась настолько, что даже диссиденствующие “свободные художники” всего лишь только ждали своего часа пасть в объятия сильных мира сего. Считая, что

настрадавшись они должны сторицей получить от победителей прежнего режима, они становились необычайно капризны и требовательны ко всем, кто не мог им слова сказать поперек.

Примечательная в этом плане история раскола Театра на Таганке раскрывающая образ столичной интеллигенции эпохи ельцинизма.

В годы застоя этот театр был отдушиной интеллигенции, пытавшейся найти в запутанных аллегориях спектаклей этого театра закамуфлированную критику режима. Руководил театром верующий член КПСС Ю.Любимов — верующий одновременно и в “светлое коммунистическое далеко”, и в Иисуса Христа. Вера в Бога и вера в коммунизм позволяли сочетать умеренную оппозиционность с умеренной номенклатурной правоверностью. И стричь купоны там и сям.

В 1991 г. надобность имитировать веру в КПСС отпала. Зато появилась нужда приобщиться к “рыночным отношениям”. И Любимов в тайне от актерского коллектива сговаривается с мэром Москвы Г.Поповым о своеобразном контракте, где признанный мэтр должен был наделяться приоритетным правом покупки театра с привлечением иностранного капитала. Все работники театра должны были заключать контракт уже с самим Любимовым.

Когда актерам стали известны закулисные интриги, разразился скандал. Любимов не пожелал объясняться с ними. С этого началось противостояние. Все сомневающиеся были объявлены врагами Любимова. В опалу попал и Николай Губенко, немало сделавший для возвращения Любимова на родину и сохранения театра. Пригретый на Западе мэтр решил оставить при себе 15–20 послушных оруженосцев, а остальных вышвырнуть на улицу. Причем практически вся работа лбимовской группы должна была сосредоточиться за рубежом, а московское здание назначено было пополнять фонд зарплаты арендными платежами посторонних организаций. Это означало смерть театра.

Обе стороны конфликта стали апеллировать к самому президенту Ельцину. Ельцин ответил почему-то Лужкову, отписав ему: как решит общее собрание, так тому и быть. 23 сентября 1992 г. на общем собрании произошло выделение из Театра на Таганке театра “Содружество актеров Таганки”. За разделение театра тайным

голосованием высказалось подавляющее большинство трудового коллектива театра.

К конфликту был подключен Моссовет, поскольку театр был муниципальной собственностью. В апреле 1993 г. после долгих проволочек и закулисных согласований “Содружество актеров Таганки” получило самостоятельный статус (учредителем театра выступил Президиум Моссовета, а Малый Совет своим решением провел разграничение имущества).

“Случайные депутаты” (по выражению Любимова) разрешили было конфликт. Но началась затяжная тяжба из-за помещений. Снова вмешался Моссовет, который отдал в полное хозяйственное ведение “Содружеству…” “новую” сцену, оставив любимовской группе “старую” и малую” сцены.

Все как бы в конце концов утряслось. Но у товарища-господина Любимова оказался покровитель — мэр Лужков. При его поддержке Любимов многократно атаковал судебные инстанции на предмет собственности театра. Арбитражный суд Москвы раз за разом подтверждал права “Содружества…” (решения 29.06.93, 28.01.94, 20.04.94, 26.05.94). Аналогичную позицию заняли и Высший арбитражный суд (решение 15.12.93), и Генеральная прокуратура. Тогда просто так переступить закон все эти инстанции были не в силах.

Обилие решений объяснялось форменной войной, которую вели против актеров два номенклатурных сотоварища с демократическим лицом — Любимов и Лужков.

Лужков пытался опротестовать решение Моссовета о разделе театра. Даже верный мэру Мосгорсуд не смог признать его законоподобную казуистику основанием для отмены депутатских решений.

Дважды правительство Москвы постановляло выгнать непокорных актеров (02.11.93 и 28.04.94), “Содружество…” было отлучено от дотаций, которыми пользовались другие городские театры. Городская Дума образца 1993 года, составленная в результате мэрских подтасовок (см об этом в “Мятеже номенклатуры”), отказалась принять на себя функции учредителя, которыми ранее пользовался Моссовет.

В условиях войны театр практически не мог работать. А тем временем Любимов во время своих кратковременных визитов на родину проводил репрессии: сдавал сцены театра в аренду, увольнял недовольных, отменял готовые спектакли. Обнаглевший замдиректора Театра на Таганке (письмо от 23.11.93) потребовал от директора “Содружества…” “освободить незаконно занимаемое Вашими людьми помещения” на основании “Постановления Правительства г. Москвы, которое отменяет решения всех судов и отменяет все дела, находящиеся в настоящее время в производстве (!!!). Далее следовали угрозы применить силу. И применили. Любимов не побрезговал вызвать ОМОН, чтобы не пустить своих бывших друзей в театр

Верные иностранному капиталу Лужков и Любимов планировали создать на базе уникального театра некий Международный экспериментальный центр искусств. Активно способствовало номенклатурной коалиции наглого администратора и капризного режиссера ельцинское Министерство культуры.

И все-таки Моссовету удалось отстоять права тех, кто не хотел плясать под дудку ополоумевшего в своем стремлении набивать карманы “зеленью” режиссера. Огромную роль сыграли в этом зампред Моссовета Ю.П.Седых-Бондаренко и замечательный актер и режиссер Николай Губенко. “Содружество…” выдержало. Но это была одна из последних побед. Нечисть шествовала по стране, пожирая судьбы одних и репутацию других.

* * *

Считается, что интеллигенция — хранительница культуры. Может быть когда-то так оно и было. Но не в период номенклатурного мятежа, не в момент, когда интеллигенция вылизывала номенклатуре нижнюю часть спины до мозолей.

Приведем пример, которого вполне достаточно для того, чтобы хвататься за пистолет, когда интеллигенция приближается к национальному достоянию или вообще выдавливает из себя хоть слово о культуре.

В начале декабря 1997 года московские телеканалы произвели серию информационных залпов о печальном состоянии, в котором оказалась Третьяковская галерея. Объект всероссийского значения, где сосредоточены баснословные коллекции произведений искусства, оказался без охраны. Нет денег, чтобы содержать милицейские посты,

чтобы выплачивать заработную плату милиционерам. Последние, вместо выполнения гражданского и служебного долга, вынуждены подрабатывать, подряжаясь в услужение финансовым авторитетам, так сказать браткам. Праведная истерия в эфире, нагнетаемая в течение нескольких дней, завершилась пресс-конференцией, на которой несколько директоров московских музеев обличили федеральную власть (сиречь Чубайса и примкнувшего к нему Черномырдина) во всех смертных грехах. Там же находился в качестве председателя думского комитета по культуре и г-н Говорухин, подтверждавший одним только присутствием самые мрачные прогнозы криминальной революции. Но вслед за этим наступила тишина, которая кажется весьма многозначительной. Как будто чья-то цель оказалась достигнутой.

Картинная галерея, основанная купцами Третьяковыми, общеизвестна, даже если кто-то и не сумел или не захотел побывать в ней. Все-таки она была в ремонте более 10 лет, и за этот срок выросло целое поколение, которые не могли увидеть шедевров русского искусства. Зато привычной стала информация о том, что любая часть национального достояния может стать объектом хищения, контрабанды, порчи по халатности или надругательства полоумных русофобов (как, скажем, случилось с “Данаей” в Эрмитаже). На фоне только что начавшегося “книжного дела” (главными героями которого являлись приближенные президента, не погнушавшиеся смехотворными гонорарами в 90 тыс. долларов США за ненаписанные произведения) пустая казна главной картинной галереи страны могла лишь добавить порцию народного гнева по отношению к очередным “кремлевским мечтателям”.

Если в хорошо известном романе “Остров сокровищ” попугай, восседавший на плече пирата Сильвера непрерывно повторял “пиастры, пиастры, пиастры”, то наши правительственные попугаи, посаженные на административные шестки президентскими указами, могут без устали повторять другую философическую мелодию — “нет денет, нет денег, нет денег”. Но все дело в том, что деньги есть и в больших количествах. Они сконцентрированы в бездонных фондах, которыми распоряжается лично президент, выращенный им молодняк хищников-реформаторов, финансовые банкиры-олигархи,

предприимчивые уголовники. Стоит лишь оглянуться по сторонам, чтобы убедиться в том, что сотни тысяч состояний уже существуют.

Но это, так сказать, общий взгляд на вещи, когда имеются в виду деньги вообще. Если же покопаться вокруг Третьяковки и в ней самой, то окажется, что нарисованная картина финансового краха, в котором оказалась Галерея, более чем преувеличена.

Дело в том, что за несколько дней до криков о помощи, с которыми на телеэкраны выскочили руководители Третьяковки, в ее здании посетители могли обнаружить подметное письмо — и в залах, и на подступах к ним, и даже в общественных туалетах. В письме анонимные авторы, скрывшиеся за псевдонимом “коллектив Государственной Третьяковской галереи”, приводили факты, которые доказывали — денег куры не клюют.

Вот его текст, приводимый с незначительными купюрами:

(…)“Под эгидой Третьяковки пристроились различные организации и фирмы. (…) Проводятся многолюдные ночные банкеты. Деньги за аренду — наличные. (…) Спрашивается, куда идут деньги трех десятков спонсоров? (…) стоило затеять миллиардный ремонт крыши на Крымском валу, как заместитель директора приобрел “жигули”, Аветисянц — помимо “жигулей” — отремонтировал за счет Галереи трехкомнатную квартиру (…) и дачу. (…) с мая 1995 по декабрь 1996 по одному (…) договору № 32–95 от 18.04.95 было присвоено или растрачено на “техническое обслуживание и мелкий ремонт светотехнических установок Инженерного корпуса и Основного корпуса 1.191.111.108 руб. (…) Судя по приложениям к договору (…) в здании Третьяковки, открытой в 1995 г. после реконструкции 28 инженерно-технических работников, включая шоферов, каждый день ремонтируют светильники. Какие “услуги сторонних организаций” понадобились в Лаврушинском переулке на сумму более 700 миллионов в год? Ведь обслуживанием и текущим ремонтом (…) должен заниматься отдел электротехнического оборудования, в котором по штатному расписанию 98 человек. Только в службе освещения и светотехники 60 человек. (…) В 1997 г. под такой же фиктивный договор предусматривается уже 960 млн. руб. Выделяется 720 млн. на обслуживание электросилового оборудования и 360 млн. на очистку люстр. На обслуживание систем кондиционирования и вентиляции, систем пожарной сигнализации,

хладоснабжения предусматривается соответственно 1800, 1500 и 840 млн. руб. Эти средства отнесены к “постоянно действующим договорам”. Но техническое обслуживание и текущий ремонт должны выполнять (…) соответствующие службы главного инженера. По штатному расписанию только в Лаврушинском пер. 396 работников. На содержание их регулярно из бюджета выделяют деньги. Поэтому привлечение подрядных организаций необоснованно, требует больших дополнительных финансовых затрат и представляет широкие возможности для разного рода махинаций и хищений.

Привлечение подрядных организаций, деньги по липовым договорам — прямой интерес непорядочных руководителей ГТГ.

Проводится планомерная и целенаправленная политика по уничтожению собственной инженерной службы с перспективой передать все работы (…) подрядчикам.

(…) На наших глазах продолжаются банкетные пьянства в вечерне-ночное время на Крымском валу. Здесь не нужны посетители, экскурсии. Главное, есть наличная валюта. Всевозможные банки (столы на 400 чел.) куражатся с курением и горячительными напитками да 4-х утра. Вместе с верхними эшелонами власти ГТГ гостей обслуживают наши пожарные и милиция. И никому нет дела, что подобное творится в хранилище произведений искусства. (…)

Казалось бы, перед нами свидетельство обычной грызни начальников, не поделивших жирный пирог, склоки подельников, анонимка обиженных и обойдённых, на которую официальные лица или правоохранительные органы не вправе обращать внимание. Но вот выдержки из служебного письма, с которым один из заместителей генерального директора Третьяковки обратился в Государственную Думу:

“Генеральный директор (…) заключает договоры с коммерческими фирмами в ущерб интересам Третьяковской галереи, усугубляя и без того существующие серьёзные финансовые проблемы. Так, заключен договор с (…) ЗАО “Артсервисцентр” о сдаче в аренду 1000 кв. м площади по адресу: Крымский вал, 10 по цене 220 тыс. руб. за кв. м площади в год, что составляет около 37 долларов США.

Один кв. м. выставочной площади в той же галерее стоит 2 доллара в день. В год 720 долларов. Банк (…) арендует площадь в этом здании по 600 долл. На 1 кв. м в год. Таким образом, аренда 1000 кв. м

в год должна составить от 600.000 до 720.000 долл., в не 37.000 долл., которые галерея получит по договору.

В такой тяжелой ситуации подписание договора по столь мизерной цене говорит либо о полной некомпетентности директора, либо о банальной взятке.

Другой пример также наводит на размышление.

В музее Голубкиной (входит в объединение) с 1994 г. АОЗТ (…) занимает 400 кв. м площади, не внося в кассу галереи ни копейки. В музее срочно необходим капитальный ремонт системы отопления и канализации, охранной и пожарной сигнализации. На каких условиях договорились два директора, (…) неизвестно. Известен факт — в галерею деньги не поступают.

Бюджетные средства расходуются не должным образом. Примером тому является финансирование охранной фирмы “Гарант”. Договора на 1997 год с новыми подрядчиками заключаются на невыгодных для галереи условиях.

Так, вместо АО (,), которое обслуживало охранную и пожарную сигнализацию за 50 млн. руб. в месяц, заключается договор с АО (…), где эта работа стоит уже 160 млн. руб. в месяц.

Работу, которая выполнялась сотрудниками отдела главного энергетика, теперь будет выполнять ТОО (…) за 1600 млн. руб.

Ремонт окон фирма (…) или (…) готовы были выполнить за 60 млн. руб… Договор заключен с АО (…). Цена 441 млн. руб. (…)”

Мы не публикуем имен администраторов и наименования предприятий, которые упоминаются в письмах. Нельзя исключить, что отдельные факты изложены недостоверно, а оценки их деятельности предвзяты. Для того чтобы обвинять, надо иметь убеждение, что информация, которое здесь приводится — соответствует действительности. Но пока не проведено расследования, такого убеждения быть не может. Вместе с тем, есть уверенность в другом: следствия всегда имеют причины, частности подчиняются закономерностям.

Можно ли сохранить культуру, если разрушено государство? Можно ли защитить от воров предприятие (даже если его название — Государственная Третьяковская галерея), когда разворовывается вся страна? Если казнокрадством заражены самые верхние этажи власти, может ли оставаться честным её частица? Ответы на этот счёт очевидны.

Что же касается скандального снятия милицейской охраны, навязчивого рекламирования отсутствия денег, то здесь не стоит заблуждаться. К проблемам самой Третьяковки данная информационная интервенция отношения не имеет. Как известно, чтобы скрыть преступление, надо организовать, устроить, спровоцировать другое, более тяжкое. Причины, по которым у организации, финансируемой из бюджета, отсутствуют средства, могут быть самые экзотические. Это может быть интрига против генерального директора, место которого решил занять какой-нибудь заместитель министра, приятель Шабдурасулова, иностранный резидент или агент больших денег, скрывающийся в тени. Дефицит могла организовать сама дирекция Галереи, чтобы создать объективную причину, на которую можно списать все что угодно, например, уже состоявшее хищение произведений искусства из запасников. Как знать, быть может эта история является эпизодом глухой вражды московских властей с “российской”? У Черномырдина и Чубайса денег на Галерею нет, а у Лужкова, как всегда, есть.

Передайте Третьяковку из федеральной собственности в московскую, и средства появятся как из рога изобилия.

Строить версии можно до бесконечности, и каждая из них может оказаться правдивой. Скорее всего, истиной окажется что-то еще более подлое.

Свидетельства из помойной ямы (Коржаков и Костиков)

Современные летописи приобретают особую остроту, если их действующие лица, также как и авторы, еще не покинули этот бренный мир, и они продолжают находиться на политической арене. Тогда мы становимся свидетелями невероятных разоблачений, жертвами которых оказываются самые безупречные репутации, а их скандальными участниками — то удачливые политики, то солидные финансисты, то популярные генералы.

Короли, как правило, оказываются голыми, герои — несостоятельными, народные трибуны — продажными. Кумиры, восхищавшие истеричные толпы поклонников, в своей закрытой от посторонних глаз жизни предстают проходимцами, алкоголиками, извращенцами и казнокрадами. И это в лучшем, так сказать, случае, поскольку за каждым таким негодяем в мантии государственного деятеля скрывается либо предательство, либо заговор, либо убийство.

*** * ***

Автор одной современной летописи — отставной генерал Коржаков, явивший миру книгу объемом в 25 печатных листов, имеющую двусмысленное название “Борис Ельцин: от рассвета до заката”.

И автор, и главный герой, и большинство других персонажей книги — люди широко известные. Все они так или иначе принадлежат (или в самом недалеком прошлом принадлежали) к тому общественному слою, который оказался на самом верху власти примерно в 1990 году. С одной стороны перед нами хроника, описывающая события, которым автор был свидетелем (а зачастую и участником), с другой — повседневность придворной кремлевской жизни “от рассвета до заката”.

Вроде бы все это или подобное было описано, представлено, изображено — Болдиным, Попцовым, Костиковым и другими. Благодаря множеству свидетельств, широкой публике хорошо известно и о купании в Москве-реке возле Николиной горы, и о мертвом часе в

Шенноне, и о дирижерском экстазе в Германии, и о столь естественном (ну приспичило же!) отправлении малой нужды возле авиационного шасси. Но это все были разрозненные слухи, полуправда. А тут — свидетельство из первых рук!

Герой книги, подобно Фоме Опискину, знает Россию и Россия его знает. Русское общество, осведомленное о своем многолетнем кумире во всех или почти всех подробностях, демонстрирует ему тем не менее поразительную преданность, раз за разом давая возможность Ельцину и ельцинистам оставаться в московских кабинетах власти, что бы они ни делали со страной и в стране.

Несмотря на это почти слепое обожание, которое демонстрирует публика, книга Коржакова вызвала бурю негодования как раз там, где, казалось, должны были хранить дипломатическое молчание. Ведь язык, тем более в политике, предназначен для того, чтобы скрывать свои мысли. Но молчание в России зачастую опаснее, чем слова. И вот то одно, то другое “демократическое” издание, вроде “Московского комсомольца”, “Новой газеты”, “Московских новостей” или “Огонька”, либо публикует гневную отповедь, либо благородно негодует, либо иронизирует, либо натужно шутит по поводу книги Коржакова. Примечательно, что главный предмет всех этих критических публикаций — отнюдь не герой книги, а ее автор, посмевший (каналья этакая!), рассказать некоторые эпизоды из жизни своего… Нет, ИХ “хозяина”.

Для “демократической” клаки двухзвездный генерал Коржаков, возглавлявший охранное президентское ведомство, штатная численность которого по разным оценкам составляла от 20 до 50 тыс. человек, всего лишь выскочка, лакей, президентский холуй. Но это теперь. Пока он исправно нес службу, пока был слепым орудие в руках Ельцина, Березовского или Чубайса, его терпели и даже принимали в своем “демократическом” обществе. Стоило ему, еще находясь в штате и фаворе, предпринять самостоятельные действия, показавшиеся опасными для семьи президента и ее ближнего круга, как он был тут же изгнан ими без какого-либо сожаления. Мавр, сделавший свое дело (единственная его заслуга, как они полагают — это действия генерала по захвату Дома Советов России 4 октября 1993 года), должен уходить молча, скромно, незаметно, навсегда.

Что же такое рассказал и показал очевидец, чтобы заслужить у своих бывших соратников лютую ненависть?

Прежде всего замечательны многочисленные фотографии, мало кому известные и никогда у нас не публиковавшиеся. На них практически нет трезвых людей. Бани и пленэр, пикники и застолья, рыбалка и пляж, теннис и охота, приемы и похмелье — такова многотрудная жизнь “всенародно избранной демократии” с повадками Ельцина и его домочадцев, министров и егерей, обслуги и дворни.

Десятки обязанностей, возложенных на президента Конституцией, которые никому нельзя перепоручать, законодательствование, предполагающее личное изучение президентом сотен и тысяч страниц текстов ежедневно, служебное общение с министрами, губернаторами, политиками, дипломатами, главами многочисленных государств мира, банкирами, предпринимателями, деятелями религии и культуры, наконец все то, что именуется в официальной прессе “работой с документами” — все это, как следует из труда Коржакова, есть мираж, фикция, иллюзия.

Мы не видим ни в тексте книги, на фотографиях Ельцина за исполнением своих должностных обязанностей. Книга и перо, серьезный собеседник и вдумчивый консультант, “мозговые штурмы” и рабочие совещания, чтение или размышление — сюжеты, которых нет и не может быть возле человека, для которого автор был не только самым доверенным помощником, но и членом Семьи, другом, ставшим в буквальном смысле “кровным братом”. “В знак верности” Ельцин и Коржаков по-мальчишески “дважды резали руки и смешивали кровь” (с.223).

Если же внимательно и неспешно всмотреться в лица и сцены, которые попали в объектив и застыли в кадрах книги, то обнаруживается нечто объединяющее. Объединяет их постоянное присутствие алкоголя на столах и следы опьянения на физиономиях. Читателю не найти в них главного, что должно отличать членов высшей государственной администрации от большинства так называемых простых граждан, — интеллекта, признака напряженной умственной работы, общей культуры в конце концов. Все, кто оказался в объективе фотоаппарата (а позируют они с видимым удовольствием), находятся в расслабленном состоянии “кайфа”, полученного от уютного времяпрепровождения. “Кайф” лежит печатью на лицах и

фигурах вне зависимости от возраста и государственного ранга, изобличается в костюмах — майках, шортах, трусах или пижамах. Хари вместо лиц, телеса вместо тел! Не каждодневный труд во благо Отечества, а непрерывный отдых, изнурение едой, вином и весельем изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год — вот их образ жизни.

Перед читателем оказываются не высшие должностные лица страны, вот уже 10 лет находящейся в состоянии все углубляющегося, изматывающего кризиса, а теплая кампания ни в чем себе не отказывающих дачников, которым не до чего нет дела, вся страсть которых уходит на то, чтобы наслаждаться дармовым достатком и казенной роскошью.

Текст книги приобретает, таким образом, не самостоятельное, а вспомогательное значение, оказывается в действительности всего лишь подстрочным комментарием к фотографиям, который завершает общую картину духовно-нравственного и общественно-политического разложения режима.

Вот несколько наиболее запоминающихся и ярких примеров.

1987 год. Ельцин выступил на пленуме ЦК КПСС, чуть позже на пленуме Московского горкома, где неожиданно “признал прежнее поведение ошибочным, покаялся перед партией”. Оказывается, Ельцин заболел и в тот день, когда проходил второй пленум, был в больнице. “Перед отъездом врач влил в Ельцина смертельную дозу баралгина”, после чего он “перестал реагировать на окружающих и напоминал загипнотизированного лунатика”. В таком состоянии и выступал. Врач, Д.Д.Нечаев, о котором идет речь, затем стал личным врачом Черномырдина. Автор книги вскользь замечает, что “вся семья ненавидела этого человека”, а Ельцин, увидев его раз вместе с Черномырдиным, “просто остолбенел” (с.65–66). Вот только почему-то автор запамятовал написать о насильственной смерти Нечаева в 1994 году, тайна которой так и остается за семью печатями.

1991 г. Незадолго до начала первых выборов президента в РСФСР Ельцин колеблется — кого избрать вице-президентом? Первый кандидат — Бурбулис, “выдававший себя за проницательного психолога, интеллигентного философа”. Но он все сам испортил. Живя в подмосковном Архангельском, там же, где и семья Ельцина, он однажды, находясь в кампании с женой и младшей дочерью своего шефа, “во время тоста начал материться”, а затем “от спиртного ему

сделалось дурно, и он, особо не стесняясь, отошел в угол комнаты и очистил желудок, а затем как ни в чем не бывало продолжил тост” (с.120–121).

Тайная вечеря в Вискулях, так называемый “беловежский сговор”. В каком состоянии были три политика, прозванные зубрами, когда они принимали решение развалить “союз независимых государств”? Вся “троица”, свидетельствует Коржаков, была разгорячена “беловежскими” напитками” (с.128). Так вот спьяну и принимали решения.

События августа 1991 года. Ночь с 20 на 21 в подвале Белого дома. “Там нас ждал накрытый стол”, - вспоминает автор, — было человек 20, включая Лужкова с женой, мэра Москвы Попова”. “Горячих блюд не подавали, жевали бутерброды, запивая их либо водой, либо водкой с коньяком”. Застолье было настолько горячим, что Попов так “захмелел”, что его “двое дюжих молодцов… еле вынесли под руки…, а уборщицы жаловались, что с трудом отмыли помещение после визита Гавриила Харитоновича” (с.95–96).

Сразу после “судьбоносного августа”. Горбачев и Ельцин назначают теперь высших чиновников СССР сообща, так сказать, дуэтом. Кого определить на КГБ? “Единодушно” сошлись на Бакатине. Коржаков пишет: “Потом многие думали, что именно Бакатин по своей инициативе разрушил одну из самых мощных спецслужб мира. Но это очередное заблуждение. Он просто добросовестно выполнил поставленную перед ним “историческую” задачу” (с.117–118).

Книга Ельцина “Записки президента” приносит большой доход. Как гонорары оказываются в распоряжении автора бестселлера? Их “черным налом” “тысяч по шестнадцать долларов… ежемесячно приносит литературный обработчик мемуаров” В.Юмашев, теперешний глава президентской Администрации. Ельцин “складывал деньги в свой сейф” (с.136–137).

Эпопея с московской квартирой Ельциных в доме на Рублевском шоссе. Соседями президента стали не работники “кремлевской больницы”, для кого он строился, а самые близкие соратники, особо нуждавшиеся в улучшении жилищных условий — Шахрай, Сосковец, тот же Юмашев, Грачев, Черномырдин, Тарпищев, Лужков, Барсуков, Ресин, Гайдар. Баранникову здесь дали квартиру, но после “сделки с совестью”, якобы совершенной осенью 1993 года, отобрали, и эту

квартиру получил верный Ерин. Сатирику Задорнову отказать не могли, так как у него “был очень плохой район” и “в подъезде пьяницы туалет устроили”. Казанник “уже мебель на 80 тысяч у.е. привез в одну из квартир”, но в связи с амнистией “для участников событий 93-года повел себя странно, подвел президента, Ельцин ему в квартире отказал” (с.140–146).

Нереализованный в марте 1993 года “ОПУС” — особый порядок управления страной. Планировалось арестовать Съезд народных депутатов РФ, если он проголосует за выражение недоверие Ельцину. Но как это сделать? Отключить в Кремлевском дворце, где он тогда заседал, свет, воду тепло и канализацию. Выкурить депутатов из помещений хлорпикритом, расставив на балконах канистры, поскольку “противогазов у парламентариев нет”. Вынести их из зала и на автобусах увезти куда-нибудь подальше. “Борис Николаевич утвердил план без колебаний” (с.158–159).

Но не пришлось план реализовывать: нужного количества голосов для “импичмента” не набралось. И тогда “все собрались в белой столовой, на третьем этаже. Там были Черномырдин, Грачев, Илюшин, Баранников… Посидели минут сорок, выпили за победу, хорошо закусили и мирно разошлись” (с.160).

Почему Хасбулатов и Ельцин стали из друзей врагами, откуда такое противостояние, расстрел здания парламента, сотни жертв? Да потому что однажды Руслан Имранович совершил “роковую бестактность”. В сауну, где находился и Ельцин, он пригласил своего массажиста. “Я уже знал, — пишет Коржаков, — Хасбулатова он долго терпеть не станет” (с.155).

Подготовка государственного переворота в начале сентября 1993. Все буднично, спокойно, размеренно — проблемы решаются на даче с охотой, сауной, ужином. Составлен документ с известным номером 1400. “Указ одобрили все”, он “никому не показался ни антиконституционным, ни экстремистским” (с.155–156).

Как вел себя Ельцин в ночь с 3 на 4 октября 1993 года? Оказывается, “часов около одиннадцати он пошел поспать” (в этот момент “мятежники” штурмовали Останкино). Ночью, когда выяснилось, что и Грачев у себя в здании Минобороны спал, ничего не предпринимая, Ельцина “пришлось разбудить”, съездить в Министерство обороны, “выбить десять танков”, принять “решение о

штурме”, после чего, вернувшись в Кремль, “Борис Николаевич опять заснул в задней комнате” (с.166–170).

После того как Белый дом был расстрелян и сожжен, а “главарей мятежа” сдали “с рук на руки в Лефортовскую тюрьму”, Коржаков с Барсуковым, “приехав в Кремль на доклад, Президента не застали в кабинете”, так как “он был в банкетном зале”. Коржаков пишет, что “с удивлением обнаружил, что торжество в честь победы началось задолго до победы и уже подходит к концу” (с.198).

Как происходило пиршество победителей, начавшееся по объяснению кремлевских официантов “с четырех часов дня”, когда автор “делал самую неприятную работу”? Мемуарист скуп: военачальникам “налили до краев по большому фужеру водки”, Грачев “сиял с рюмкой в руке”, Филатов был “пьяненький”. Получив от Барсукова на память “личную трубку Хасбулатова”, Ельцин ее “швырнул в угол с такой силой, что глиняная вещица разлетелась на мелкие кусочки” (там же).

Накануне президентских выборов Ельцин решил назначить вице-премьера Сосковца руководителем избирательной кампании. Коржаков возражает: “А как же правительство? Он же один из немногих, кто там по-настоящему работает!” Ответ Ельцина: “А мне наср… на это правительство, мне главное — выборы выиграть” (с.320).

За несколько месяцев до президентских выборов 1996 года Березовский наставляет Барсукова, начальника ФСК: “…если вы не понимаете, что мы пришли к власти, то мы вас просто уберем. Вам придется служить нашим деньгам, капиталу” (с.289).

Чуть позже в разговоре с Черномырдиным Коржаков говорит о словах Чубайса, которые он сказал тому же Барсукову: “Если этот президент не будет выполнять того, что мы ему скажем, то поменяем президента” (с.367).

После задержания коробки с полумиллионом долларов на КПП Дворца правительства, связанного с этим скандала и публичного заявления Чубайса о том, что это “заговор” против демократии, а он к этим деньгам отношения не имеет, между Чубайсом и Г.Рогозиным, замом Коржакова, состоялся такой разговор. Чубайс: Георгий Георгиевич, попроси, чтобы мне деньги вернули. Это же мои 500 тысяч. Рогозин: Как же так, Анатолий Борисович!? Вы же сказали, что

эти деньги подкинули. Чубайс: Ты же сам понимаешь, что это не так (с.21).

О нравах “команды реформаторов”, борцов за демократию, врагов тоталитаризма и прочая, прочая, прочая можно сказать одним словом — пьют. Вот несколько примеров для восстановления аппетита.

Ельцин после “странного путча” 1991 года выгоняет Горбачева из Кремля. Совещаются. “Они часа три заседали в кабинете, им подавали для расслабления коньячок и кофе” (с.129).

То что предшествовало Шеннонскому инциденту. Находясь в Вашингтоне, во время завтрака с Клинтоном Ельцин “опустошил несколько бокалов”, оказавшись в самолете, отметили “очередную дипломатическую победу”, при этом, как пишет летописец, “выпили совсем немного” (с.205, 208–209). Ночью, в полете, находясь над Атлантикой, за три часа до запланированной встречи в Дублине, Ельцин “встал, упал, описался”. Жена нашла его “лежащим без движения” (с.209). Дальше разворачивается такая сцена. Коржаков находит своего патрона “неподвижно лежащим на полу, с бледным, безжизненным лицом”, приподнимает, подлезает снизу (а ведь там моча!), заползает с телом на кровать. Диагноз врачей — сильный сердечный приступ или микроинсульт (с.210). Что было дальше в аэропорту — всем известно. Роль президента пришлось исполнить Сосковцу.

Берлин 30 августа 1994. Эвакуация (в сущности бегство) русских войск из Германии. Ельцин прибыл с официальным визитом. Утром “Борис Николаевич уже устал”, “расслабился перед церемонией”. Нашатырь, парикмахер — “шеф вроде протрезвел”. Но днем “солнце пекло, как в пустыне”. Затем возложение венков и парад. “Во время обеда он выпил много сухого вина, а солнце усиливало действие напитка”. В результате — “президент резвился: гоготал сочным баритоном, расковано жестикулировал и нес откровенную ахинею”. С чего бы это? Потому что на параде “наши воины маршировали несравненно лучше солдат бундесвера”. Апофеоз — под улюлюканье и вопли немецких зевак Ельцин начал “музицировать около мэрии вместе с оркестром полиции Берлина”, что выражалось сначала в дирижировании “палочкой”, потом в пении дурным голосом куплетов из “Калинки-малинки” (с.211–219).

Вот Коржаков с Барсуковым принимают своих “американских коллег” из секретной службы охраны президента США — Боурона и Гриффина. Русское сало, мясные деликатесы, “каждый выпил граммов по семьсот” (с.225).

Коржаков встречается с Явлинским. “Я предложил выпить шампанского. За два часа мы выпили бутылки три” (с.248). Еще одна встреча “примерно за год до выборов”: “я достал бутылку водки…” (там же). То-то Явлинский в последние годы обрюзг, приобрел вид сильно пьющего человека.

Поездка Ельцина в Красноярск. Экскурсия по Енисею на трехпалубном теплоходе. Пресс-секретарь Костиков, находясь “в подпитии”, конечно же “не мог не дурачиться”. Команда Ельцина Бородину, Барсукову и Шевченко: Костикова за борт! Команда тут же выполняется. Затем человеколюбивый приказ “шефа”: немедленно угостить Костикова, чтобы не простудился (с.253–254).

Решается вопрос о том, кого назначить начальником ФСК. Выбирают Барсукова, приглашают на обед. “Ельцин приказал принести бутылочку” (с.275).

Если Ельцин, делится автор наблюдениями, “хотел выпить”, он “приглашал кого-нибудь из доверенных людей на прием. Встречи Ельцина с Черномырдиным, например, всегда заканчивались для Ельцина необходимым расслаблением”. И здесь же: у Виктора Степановича мат был нормальным языком общения (с.303, 309). Помнится, кто-то из демократов говаривал, что Ельцин мата не любил и всегда кривился, если Горбачев в его присутствии “проходился по матушке”. Теперь ясно, что это было форменное вранье. Ясно также, почему и у Черномырдина, и у Ельцина иной раз нормальные русские слова не проходят сквозь глотку — не хватает привычных оборотов с тюркскими корнями и русскими приставками и суффиксами.

Бывали дни, когда “президент вызывал кого-нибудь из дежурных в приемной и приказывал: “Иди и купи” (с.304). Еще один пассаж. “Не дать водки вообще, увы, было невозможно. Даже после шунтирования, несмотря на строжайший запрет врачей, Наина Иосифовна проносила супругу коньячок” (с.304).

Блиц-поездка Ельцина в Грозный накануне выборов в 1996 году. Лобов, представитель Ельцина в Чечне, “устроил в Ханкале

потрясающий обед. Столько яств на приеме в Кремле не отведаешь” (с.314).

Пихоя, спичрайтер Ельцина, составлявшая ему речи, заглядывает как-то в президентский буфет. “Она, видимо, уже отметила чей-то юбилей и пребывала в слегка хмельном состоянии” (с.321).

Шумейко и Баранников выколачивают из Коржакова визу на проекте указа о назначении “генерала Димы” (скандально известного Якубовского) координатором правительства по всем силовым структурам: “Мы выпили коньяка бутылки четыре” (с.378). Генерал-Дима был нужен Шумейко в качестве гаранта немалой пожизненной ренты. Шумейко готовил себе местечко за границей с окладом в 1 млн. долларов в год. Заметим, что в 1998 Шумейко швырял деньгами в разного рода круизах и ругает Ельцина в прессе. А должен был бы сидеть на нарах.

Весной 1995 года Коржакову сделали операцию по поводу грыжи. Через день его посетил Ельцин: “приехал в пять, уехал около одиннадцати”. Что же там делал президент в течение шести часов? “Прямо в палате накрыли стол. Пришлось выпивать” (С.392).

Ельцин встречается с Кучмой в подмосковном Старом Огареве. Накануне президентских выборов на Украине. “После ужина уже обоих пришлось в прямом смысле сначала поддерживать, а Кучму потом и выносить. Шеф же, выходя из дома, не удержал равновесия и полетел головой вперед, прямо на дверной косяк” (с.393).

Увидев Коржакова уже после его отставки на хоккейном матче, Черномырдин уединился в комнате отдыха, где “выпил одну за другой четыре рюмки водки” (с.386).

Однако пьянство, в волнах которого вместе со своим принципалом постоянно пребывает президентское окружение, не отменило еще одного качества, существовавшего на Руси издревле. Помните вещее слово историка Карамзина, сказанное почти два века тому назад, — воруют. Воруют, не просыхая, и пьют, не останавливая казнокрадства, воровства, мошенничества, злоупотребления властью.

В 1992 году Ельциным улучшали жилищные условия, предложив представительскую квартиру Горбачева — апартаменты в шесть комнат. “Спальни французских королев поблекли бы рядом с будуаром Раисы Максимовны… Спальный гарнитур из карельской березы с

изящной инкрустацией… потом перевезли на личную дачу Ельциных” (с.136).

О даче Ельцина в Барвихе-4: “Огромная территория огорожена. За забором — речушка, мостики, сады, детские площадки, вольер для собак”. “Наина подозревала, что Раиса всю мебель с казенной дачи куда-то вывезла” (с.139). Из Барвихи вскоре съехали, когда увидели, что из себя представляет Огарево, в котором один лишь главный дом — роскошный особняк с царской обстановкой (с.140, 232).

Сколотив некий кондоминиум единомышленников для заселения дома на Рублевском шоссе, Ельцин устроил “коллективное новоселье в Доме приемов на Ленинских горах. Весело было. Все пришли со своими семьями. Прекрасно поужинали. Играл президентский оркестр, и мы танцевали. Поздравляли друг друга с удачным бесплатным приобретением” (с.146).

Не понравился президентский Ил-62, доставшийся от Горбачева — ни роскоши, ни комфорта в отделке салона. Пришлось Управлению делами в 1993 году выделить полмиллиона долларов. Самолет-таки не приняли — отсутствовал отдельный президентский санузел. Отделали в Швейцарии другой самолет — Ил-96 (с.206–207). За ценой, по обыкновению, не постояли. Да и кому считать-то?

Дочь Ельцина Татьяна Дьяченко. Самая сильная черта — “обожает подарки”. Березовский преподнес ей сначала “Ниву”, потом “Шевроле” (с.284). И приняла, и возможно, не только от него.

Начальнику аналитической службы Группы “Мост” и телеконцерна НТВ Ф.Д.Бобкову, в прошлом — зампреду КГБ СССР, Гусинский выплачивает “десять тысяч долларов в месяц” (с.296). В год это составляет не менее 0,7 млрд. рублей. Неплохо устраиваются господа чекисты, очень неплохо! Что же касается баснословного состояния Гусинского, то его происхождение — “народная” приватизация, это мы уже знаем.

Коржакову поручено контролировать финансовые дела избирательной кампании. Он пишет: “если бы в штабе так открыто и нахально не воровали, никакого скандала, связанного с деньгами для избирательной кампании Ельцина, не случилось бы” (с.325). То есть, воровать надо, но только без наглости — и все будет шито-крыто!

Накануне первого тура президентских выборов Ельцин устраивает в резиденции в Старом Огарево банкеты с командой

Чубайса. Туда приглашаются Гусинский, Березовский, Малашенко, Сатаров и др. Дочери Ельцина Татьяне, пишет Коржаков, “хотелось показать себя хозяйкой, принять этих деятелей за казенный счет как можно роскошнее” (с.327).

Мелкий штришок в этом заливном блюде бывшего “борца с привилегиями”. Когда переехал из Свердловска в Москву, “сразу выхлопотал для семьи Лены” — старшей дочери — “отдельную жилплощадь” (с.354).

Для тех, кто интересуется распорядком жизни, привычками или характером Ельцина, представим их в предельно конспективном виде: спать ложится в десять вечера; в час ночи пробуждается; днем после обеда засыпает; проснувшись ночью и надев “тоненький японский халат”, “куролесит” (с.202). Любит вкусно и обильно поесть, обожает жирное мясо, “свинину предпочитает жареную, с ободком из сала”, “баранину просит сочную, непременно рульку”(с.302). Капризен, замечания выражает злобным тоном, вечно ноет (с.319). Обожает разговоры о себе (с.320). Телевизор не смотрит, газет не читает (с.328). Случаются “приступы безудержного сочинительства” (с.332). Если выпивает на жаре — становится агрессивным (с.334). Танцевать не умел никогда (с.357). Млеет от комплиментов (с.208). Предельно пунктуален (с.237).

Словом, книга Коржакова не оставляет никаких сомнений в том, что Ельцин — глубоко и неизлечимо больной человек, страдающей (и достаточно давно) множеством серьезных недугов. Он инвалид с детских лет. Всем известно, что отсутствие трех пальцев на левой руке — не результат какого-нибудь ординарного несчастного случая, а результат баловства с взрывателем, из-за которого погиб другой ребенок. У него “травмирована спина” (с.152), он наполовину лишен слуха, так как одно ухо у него совсем не слышит (с.78), он перенес пять инфарктов (с.248, 274–275), причем наиболее серьезный из них был за несколько дней до второго тура президентских выборов 1996 года (с.298, 319). Незадолго до первого тура выборов здоровье его резко ухудшилось (с.333). В итоге, история Ельцинских болезней — это “четыре увесистых, толстых тома, сантиметров по пятнадцати каждый” (с.202). Но главная болезнь, надо думать, пришлась на голову.

Отсюда серьезные основания полагать, что главный герой “свидетельских показаний начальника Третьего отделения канцелярии

его величества” не мог участвовать в президентской кампании 1996 года, по крайней мере во втором туре выборов, из-за так называемого медицинского критерия, установленного ст.92 Конституции РФ 1993 года. Впрочем, это может быть отдельной темой, заслуживающей специального расследования.

Жанр, который использован автором разобранной нами книги, обязывает читателя быть предельно осторожным. Их нельзя отождествлять. Котлеты отдельно, мухи — отдельно. У читателя не должно создаться впечатления, что Коржаков сам по себе заслуживает какого-то уважительного отношения. Отнюдь. Это человек, не случайно оказавшийся в свите Ельцина. Описывая гнусности, связанные с политикой режима, он ничуть не раскаивается, что непосредственно участвовал в деятельности, которую невозможно ни понять, ни оправдать, ни простить. Пособнику очень трудно выдать себя за свидетеля, потерпевшего, тем более за прокурора или судью.

Его книга, таким образом, не показание, которое можно принимать на веру. Там многое отсутствует, отдельные эпизоды искажены, имеются двусмысленные намеки, понятные лишь посвященным в кремлевские тайны.

И все-таки есть в книге два абзаца, которые можно привести почти полностью. Во всяком случае в них можно найти ключ к внутреннему авторскому миру.

“После августовского путча мне казалось, что России выпал счастливый лотерейный билет. Такие выигрыши бывают в истории раз в тысячу лет. Власть почти бескровно перешла в руки демократов, вся страна жаждала перемен. И Ельцин действительно мог использовать этот “золотой” шанс… У него было все, чтобы грамотно провести реформы, предотвратить коррупцию, улучшить жизнь миллионов россиян. Но Борис Николаевич поразительно быстро был сломлен всем тем, что сопутствует неограниченной власти: лестью, материальными благами, полной бесконтрольностью… И все обещанные народу перемены свелись, в сущности, к бесконечным перестановкам в высших эшелонах власти. Причем после очередной порции отставок и новых назначений во власть попадали люди, все меньше и меньше склонные следовать государственным интересам. Они лоббировали интересы кого угодно: коммерческих структур, иностранных инвесторов, бандитов, личные, наконец. Да и Ельцин все

чаще при принятии решений исходил из потребностей семейного клана, а не государства” (с.359).

Заканчивается книга платоническим диалогом автора с хозяином, в котором отставленный генерал сводит счеты со своей бывшей жизнью: “…надоели все эти мистификации и про ваше здоровье, и про интенсивный труд во имя Отечества. Раньше мы с вами думали. что обманываем людей ради продолжения реформ, ради демократии… А нынче ясно, что все это вранье нужно лишь вашей семье да горстке людей, приватизировавших власть…” (с.394).

* * *

Наверное не стоило бы читать, а тем более анализировать труд другого ельцинского прихлебателя — бывшего пресс-секретаря В.Костикова “Роман с президентом”. Сладенькое название предвещает какую-нибудь мерзость. Но такова участь летописцев — читать надо.

Эта книжка смахивает на упражнения графомана по сравнению с яркими воспоминаниями телохранителя Коржакова. Да и пишут почти об одном: Костиков — с умолчаниями и недомолвками, Коржаков — открыто.

И все-таки, в отличие от Коржакова, Костиков был тем, кто мотивировал деятельность президента, формировал его мировоззрение. Телохранитель, если и пытался подталкивать Ельцина его на отдельные поступки, так и не смог стать его “вторым Я”. Костикову Ельцин поддался, а потому книга пресс-секретаря помогает проникнуть в потемки президентской души.

В Кремле все знали, что Костиков пишет книгу. Ходили и боялись. Кто припугнуть пытался, кто подольститься. Даже Ельцин боялся вышвырнуть Костикова взашей. Но и рядом с собой держать было страшно — вдруг еще чего-то чего лишнего узнает, да понапишет об том. Налил на прощанье фужер коньяку и назначил Костикова послом в Ватикан.

Костиков, судя по его книге, оказывается осведомленным скорее о застольях, чем о содержании деятельности “команды Ельцина”. Как и Коржаков, он все больше пишет о том, кто и сколько мог выпить, кто был допущен к президентской сауне и т. п.

Милые шуточки были приняты в среде “приближенных к телу”. В качестве намека на скорое назначение в Ватикан, как рассказывает Костиков, ему подарили карикатурную фигурку молящегося монаха.

“Когда фигурку слегка поднимали, из-под сутаны выскакивал огромных размеров член радикально-фиолетового цвета”. (с.15). Таким образом, по свидетельству пресс-секретаря мы можем представить себе атмосферу дворцовых скабрезностей, так слабо сочетающихся с задачами государственного служения.

Костиков пишет, что президент осознавал себя воссоздателем величия России, но тут же оговаривался, что воссоздавалась пустая помпезность, что пар уходил в “Президентские фанфары”, написанные специально для обозначения явления президента народу (с. 129). Вместо упорной работы на благо страны, Ельцин то и дело “брал тайм-аут” и ожидал “когда прорежется внутренний голос” (с. 128), “когда либо эксперты дадут вразумительный анализ или совет, либо его самого “осенит”” (с. 186). Государственное служение у Ельцина заменялось составлением списков приглашенных на приемы в Грановитой палате и согласованием меню (с.130).

То же касается и алкоголя. Холопьим удовольствием praванивает от строк о том, как Костиков вкусно ел и пил при дворе своего хозяина: “А вот вина, как правило, [подавали] плохие. Французские или итальянские вина на президентских приемах, как правило, не подают, и, наверное, правильно делают. Но свои хорошие вина оказались за границей, в ближнем зарубежье. Запасы же кончились. Когда в кремлевских подвалах еще оставались запасы от щедрот Советского Союза, подавали прекрасное молдавское каберне. Но потом и оно кончилось. Разливают красное с экзотическим названием “Царское”. Но это порядочная дрянь. Кто его придумал, я просто не знаю. Того, кто убедил президента, что это хорошее вино, я бы заставил пить уксус. Хорошо, что снова стали подавать водку. В 1992 году, когда я только начал работать в Кремле, водку не подавали — видимо, по инерции трезвенных лигачевских времен. Впрочем, всегда можно было мигнуть знакомому официанту, он, спрятавши бутылку под хрустящую салфетку, нальет стопочку-другую. Благо, что закуска, будто специально изощрена под графинчик “беленькой” (с. 131–132).

Так может писать только крепко пьющий человек, такие слюни, такой утробный стон, такие задушевные строки могут исходить только от человека, упившегося своим сладострастием.

В ельцинском окружении сложилось благодушное отношение к пьянству. Костиков рассказывает как на церемонии подписания

Договора об общественном согласии к президентскому столику рвался Жириновский с целым ящиком водки, а когда его не пустили, начал раздавать бутылки всем подряд (с. 32–33). Пропрезидентские политики, наравне с оппозицией, расхватывали дармовую “огненную воду”. Да и в прочих случаях рюмки, судя по книге Костикова, опрокидывались по любому поводу.

Костиков рассказывает как “рабочая группа” готовила послания президента. Было принято “вознаграждать себя небольшим застольем”. “После нескольких рюмок водки человек становится откровеннее и разговорчивее. Да и, попросту говоря, надоело все время держать себя за язык.” Холопы играли своих господ, распределяя между собой их роли и произнося от их имени тосты (с. 11). Ельцин относился к этой братии именно как к холопам. Он практически никогда не благодарил за выполненную работу. Холопы ублажали себя сами — говорили друг другу приятные слова (с. 101).

К этому упомянем еще одно место в мемуаре бывшего пресс-секретаря. Костиков пишет как Ельцин и польский президент Валенса соревновались кто кого перепьет, а дворня, наблюдающая за этим, переживала про себя: “Да закусывай же, закусывай, Борис Николаевич!” Потом Костиков признается, что в тяжелой ситуации “хочется по-шкиперски хватануть стакан рому. Но в России, как известно, в почете другие напитки…” (с.162). Вот и получается “Ельцин со стаканом, Ельцин с бутылкой, Ельцин “вприпляс”, Ельцин с раздобревшим лицом после дегустации кумыса в Калмыкии…” (там же). Одним словом — алкоголизм чистейшей воды. Ладно бы один такой затесался в госаппарат, а то — целая команда мастеров закладывать за воротник.

О чревоугодии, которое удовлетворялось в Кремле за государственный счет и говорить не приходится. Костиков со сладострастием описывает приемы и не удерживается даже от того, чтобы не опубликовать меню. Вероятно он полагает, что это кого-то может интересовать, что для истории меню представляет собой ценное свидетельство.

Не удивительно, от нездорового питания и непомерного употребления алкоголя лицо у Ельцина оплывало. Психологи посоветовали не демонстрировать физиономию президента на телеэкране, заменяя телеобращения радиовыступлниями (с. 163). К

радиообращениям Ельцин таки перешел, но не отказал себе в удовольствии нести в массы свой светлый образ. Поскольку самостоятельно удерживать определенную эмоциональную окраску своих выступлений он уже не мог, референты подчеркивали в листочках слово “улыбнуться” и делали дубли, когда он забывал состроить из останков своего лица нечто добродушное (с.165).

“Роман с президентом” свидетельствует, что в Кремле царила политическая интрига, и ничего по существу не предпринималось ради судьбы страны, разрешения ее проблем.

Костиков пишет о том, как Ельцин без зазрения совести запускал руку в карман государства ради того, чтобы поднять свой авторитет среди чиновничества: “В период первых своих поездок по стране уже в качестве президента России он брал с собой сотни миллионов рублей, чтобы “сделать подарок трудящимся”. Ездил, как отмечает Костиков, все больше по “личным друзьям” (с.120). Поездки эти проходили “по канонам “партхозактива””. “Считалось, что в поездках он узнает много нового и интересного, слышит голос правды и голос России. Но это была совершеннейшая чепуха” (с. 121).

Практически исключив из повествования истории о принятии важных государственных решений, Костиков остановился разве что на том, как Ельцин торговался с японцами из-за островов. Японцы не хотели давать сто миллионов долларов, Ельцин не хотел отдавать острова даром — вот и вся игра, которой Костиков попытался придать вид психологического противостояния.

“Блестящая фраза”, которую подкинул Костиков Ельцину для выступления перед американцами, симптоматична: “Сегодня свобода Америки защищается в России” (с.56). То есть, прямым текстом говорилось, что Ельцин защищает интересы американцев. Прочувствовать смысл произнесенной Ельциным фразы, ее автору оказалось не дано. Самому Ельцину — тем более.

Самое поразительное в людях типа Костикова и Ельцина состоит в том, что они считают себя русскими. Костиков говорит про Ельцина — “это русский человек, русский патриот”, “более русского человека, чем Ельцин, даже по физиономии, найти трудно”. Про себя и своих соратников: “Мы, русские, живем, чтобы работать”. Как тогда понимать откровение: “Гайдар для Ельцина был вторым “я””? (с.157). Гайдар — тоже русский? Тогда мы кто? Нет, тут надо для себя вполне

и однозначно определиться: либо они русские, либо мы. У нас все разное — вплоть до мелочей. В том числе и физиономических.

Костиков вряд ли отдает себе отчет, что описывает команду Ельцина с неприязнью. Он пишет о шефе Министерства иностранных дел: “Козырев той поры был одной из “священных коров” на демократическом пастбище”. Качество другого своего коллеги по “пастбищу” — тихого первого помощника В.В.Илюшина — оценены так: “Виктор Васильевич предпочитал не высказывать идей, не формулировать предложений. Как правило, он присоединялся к мнению президента” (с.83). Про получившего недавно одну из высших государственных наград режиссера Марка Захарова Костиков пишет, что этот представитель “творческой интеллигенции” на совещаниях президентского “мозгового центра” постоянно требовал “раздавить гадину” — Верховный Совет (с. 73.). Понятно, за что он получил орден из рук президента.

Костиков изобличает сам себя, как автора антифашисткой истерии, бурно реагирующего на каждую бабку со значком Сталина или на распространение “откровенно фашистских изданий”. Всюду ему чудилась “тень нового мирового порядка”. Причем, этот страх в команде Ельцина был всеобщим. Большинство сугубо гражданских советников Ельцина ходило с пистолетами под мышкой (с. 21). Такая вот детская непосредственность людей, которых охраняют десятки профессионалов. Не могут отказать себе в способности пальнуть в кого-нибудь. Вероятно, по той причине, что улица для них наполнилась неприязнью к “соучастникам режима”. Незнакомые люди высказывали Костикову (значит, и многим другим) все, что думают, а один раз пресс-секретаря чуть не поколотили. (с. 29–30).

Костиков до небес превозносил организационные достоинства Фронта национального спасения. Это показывает его полную профессиональную несостоятельность. Он принимал пустышку за серьезного противника, бездарей — за талантливых организаторов. С такого рода аналитическими способностями — лучше моль ловить в президентских кабинетах, как это делали другие, менее словоохотливые помощники Ельцина (с. 215).

Обострение политической ситуации, как выясняется из “романа”, в тот период организовывали, помимо Костикова, еще Бурбулис, Полторанин, Чубайс и Козырев, которые “вынуждены были идти на

нарочитый политический эпатаж, чтобы привлечь внимание к остроте ситуации” (с. 121) заявлениями о возможности государственного переворота. Начали они свой гадостный спектакль еще в октябре 1992 года. После пресс-конференции, рассчитанной исключительно на Ельцина, последний своим указом распустил оргкомитет ФНС, и этим противозаконным актом только подлил масла в огонь. Кстати, это был тот самый момент, когда Ельцин с Чубайсом и Гайдаром вывалили в народ море фальшивых свидетельств на право собственности — ваучеров.

Костиков выбалтывает подробности ельцинского путча 1993 года, фактически совершая ценные для будущего следствия признания в том, что вооруженное свержение законной власти было заранее подготовлено и осуществлено при участии значительного числа представителей столичных СМИ и “творческой интеллигенции”.

Отрадно и то, что ложь Костикова не вышла за пределы привычных журналистских штампов, повторяемых из года в год в оценках событий октября 1993 года. Значит страх разоблачения остается, как остается и страх расплаты. Ведь не случайно мимоходом признается дутость власти “демократов”: “Если бы не контроль над силовыми структурами, который президент взял на себя после 1991 года, то, боюсь, политическую борьбу за власть демократы в 1992–1993 годах проиграли бы. Тот факт, что в октябре 1993 года президенту все-таки пришлось прибегнуть к “последнему доводу королей”, и вывести к Белому дому танки, в сущности, говорит о том, что политическую партию мы проиграли” (с.84).

Вся книга бывшего пресс-секретаря представляет собой описание закулисной борьбы с конституционным строем и установление единоличной власти Ельцина — личности деградирующей, злобной, ставшей инструментом предельно бесстыдных и подлых людишек. Но что обиднее всего, книга подтверждает наше знание о том, что Ельцин — тряпка и трус, развалина в физическом, интеллектуальном и духовном отношении. Не победить его в политической схватке могли только совершенно неспособные к организации и дисциплине люди, не имеющие мировоззренческого стержня.

Таким образом, главный вывод, ради которого стоило читать “Роман с президентом”, состоит в том, что нынешний режим и оппозиция стоят друг друга — они принципиально недееспособны и

не нужны России. Пришло время иных политических сил, новой генерации политиков и общественных движений.

Вторая казнь

Проведенное властями современной России захоронение “екатеринбургских останков” — это продолжение того преступления, которое состоялось в доме купца Ипатьева. Выстрелы в последнего российского Императора отозвались в ельцинской России.

Прежде всего, захоронение — это предательство потомков династии Романовых, которых на церемонии похорон участвовало более полусотни. Большинство из которых не говорит по-русски, служит интересам других государств и не имеет никакой связи с Россией. По хорошему, всем этим людям должно быть раз и навсегда заказано появляться в России.

Надо отметить, что ветвь Кирилловичей, в лице великой княгини Марии Владимировны и ее семьи, отчасти реабилитировала грех оторванности от России и грех заискивания перед кремлевскими демократами. Неучастие Кирилловичей в церемонии захоронения в условиях организованного Кремлем и НТВ массового психоза, как и пунктуальное следование законам имперского престолонаследия, у здравых людей может вызывать только уважение. К сожалению, и здесь восприятие большинства искажено — тычут в глаза нерусским происхождением (будто императоров когда-нибудь назначали, следуя чистоте крови, а не династическим законам о престолонаследии!), клятвой Георгия в Иерусалимском храме (будто он в синагоге принимал присягу!)… Известно для чего чернь требует от подвижников святости — чтобы распять.

Действия властей по организации “похорон последнего царя” во всех элементах совпадает со злодеянием большевиков, равнодушие большинства населения — с предательством Государя в начале века. Тожество ситуации дополнено и тем, что мистическим образом к повторному предательству Государя оказался причастен разрушитель Ипатьевского дома — Борис Ельцин. Какая-то неведомая сила втянула его накануне “похорон” в путешествие в Ипатьевский монастырь (что сопровождалось ураганом, пронесшимся над Кремлем). Петля исторического парадокса замкнулась в удавку, наброшенную на шею России.

Первейшим организатором похорон стал Борис Немцов — представитель моноэтнического правительства, ставший председателем Госкомиссии, работавшей при закрытых дверях и организовавшей всякого рода препятствия для высказывания мнений, отличных от того, которое было заказано этим самым правительством.

К похоронам оказался причастен известный коммунистический идеолог, профессиональный провокатор и патентованный предатель Александр Яковлев — первый гробокопатель (1964 год), потом изобретатель “русского фашизма”, а с недавнего времени — поклонник церкви Муна. Кстати, именно в 1964 комиссией, возглавляемой Яковлевым, были затребованы документы из уральского архива, исчезнувшие сегодня бесследно. Вероятно тогда же исчезли и документы, привезенные в столицу расстрельщиком Юровским, и закрытая для исследователей “История уральского ЧК”, где расстрелу Царя была посвящена целая глава.

Кстати, А.Н.Яковлев, выпертый с телевидения озлившимися после смерти Листьева журналистами, был вдобавок к этому вполне однозначно изобличен в предательстве России. Офицерами госбезопасности по этому поводу было опубликовано открытое письмо (“Правда России”, 21.12.95).

Известно, что в 1995 году Генпрокурор Ильюшенко и питерский мэр Собчак (оба убежденные “демократы”, оба уличены во взяточничестве) пытались прекратить следствие по делу об убийстве Царя и его семьи. Известно также, что и главный “специалист по останкам” Немцов относится к той же группировке, что и оба упомянутых субъекта. За ним тоже причастность к последствиям “демократических реформ” и нижегородскому делу о растраченном государственном кредите (“дело Клементьева”).

Президент Ельцин появился на похоронах, хотя и собирался устраниться от этого мероприятия. Без него — главного заказчика — фарс был бы неполон. Действительно, те, кто убивал Царя и его семью, должны были олицетвориться в новых персонах, чтобы еще раз совершить свое черное дело, пытаясь закрыть проблему окончательно, закопать ее на веки веков, не признав своей вины ни в чем. Надо было, чтобы гнуснейший представитель большевистской номенклатуры произнес в этом фарсе ключевые реплики о злодействе, в котором он сам принял деятельное участие.

Симптоматично, что на церемонии похорон рядом с президентом стоял академик Лихачев — бывший соловецкий вертухай и действующий придворный академик, а за правым плечом маячил “яблочный” думец Борщев — страстный борец за права “нетрадиционных религий”, причисленный к лику “правозащитников” в компании Глеба Якунина. Иных примечательных персон рядом с Ельциным не было. Даже, те, кто пришел то ли полюбопытствовать, то ли засвидетельствовать близость к власти, сторонились “демократического президента”, как зачумленного. Через головы толпящейся челяди поглядывал на процедуру режиссер Михалков, а генерал Лебедь, по законам жанра, обошел храм с тыла и взял его штурмом — через заграждения — хотя с фронта ему ничего не препятствовало.

Ценно, что в нашей стране есть шут, который, дразня правителей своими выходками, проговаривает за них всю правду, доводит до логического конца их недодуманные инициативы. Действительно, самым откровенным образом отметил похороны “старого режима” Жириновский, устроивший в Думе попойку для потерявших представление о чести морских офицеров — с распеванием дурными советскими голосами “Боже, Царя храни!”

Таким образом, мы можем вполне составить нравственный портрет тех, кто торопливо закопал “екатеринбургские останки”, надругавшись над памятью народной и русской историей.

Организованная группой лиц экспертиза, якобы доподлинно установившая принадлежность екатеринбургских останков, для русского человека не может быть признана законной и достоверной. Дело в первую очередь не в оценке работы тех, кто проводил генетическую экспертизу. Дело в доверии к власти, которая все это организовала. Если нет веры организаторам, то как можно доверять нанятым ими экспертам?

Большевики, по всей видимости, все-таки боялись ответственности. Именно поэтому не состоялся намеченный Лениным суд над Николаем II. Именно поэтому приказ о расстреле пришел в виде телефонограммы, авторство которой установить невозможно. Наконец, именно поэтому для грядущего расследования были расставлены “ловушки”, в которые попали и следователи прокуратуры,

и оставлена агентура, продолжившая “дело Ленина” и обеспечившая фальсификацию современных экспертиз.

На присутствие в государственных органах тех сил, которые убили Царя, говорит тот факт, что “демократическая революция” открыла архивы только для своих. Дали поработать над материалами только Волкогонову и Латышеву, а написанные ими книги были использованы только для одного — для борьбы наследников февральского предательства против наследников октябрьского переворота.

Заметать следы вторично взялись сегодняшние наследники чекистского интернационала. Правительственная комиссия, внезапно возглавленная Немцовым — выдвиженцем Ельцина и участником организации расстрела Белого дома в 1993 — как стало известно, была создана как раз для того, чтобы выполнить политическую установку Кремля — закрыть вопрос. С самого начала следствие 1991–1998 гг. полностью укладывалось в рамки чекистской дезинформации 30-х годов. Версию о злонамеренной подтасовке материалов оно принципиально не рассматривало. Иными словами, мы сталкиваемся с продолжением обмана и соучастием в преступлении.

Вполне вероятно, что кремлевской агентуре диктует волю некий внешний центр силы — те, кто заинтересован, чтобы Россия никогда не предъявила претензии истинным организаторам расстрела, а также не вознамерилась вернуть вклады, золотой запас и зарубежную собственность Российской Империи.

Примечательно, что еще до всяческих экспертиз извлеченные из раскопа останки были объявлены царскими. В дальнейшем экспертиза проводилась вне всякого контроля, образцы могли быть подменены в любой момент, в работу беспрепятственно могли включиться представители западных спецслужб и т. д. Очевиднейшие факты просто не брались во внимание.

Гробы для захоронения “екатеринбургских останков” сделаны так, что открыть их невозможно. Ельцин и организаторы похорон хотели, чтобы вопрос был закрыт раз и навсегда, обеспечить условия, когда задумавшего провести повторную экспертизу можно будет обвинить в кощунственной эксгумации.

Фактом захоронения проблема выяснения всех обстоятельств убийства последнего Российского Императора не снята. Наоборот,

обстоятельства захоронения есть величайшее оскорбление русской истории и русского народа, за которое организаторы похорон должны ответить сполна. Вопрос об обстоятельствах гибели Царя и фальсификации этих обстоятельств — дело грядущего следствия судебного разбирательства, а не многократно дискредитировавших себя политиков, доказавших свою ненависть к России.

Сторонники “демократической” версии гибели царской семьи говорят, что вопрос Священного Синода РПЦ о ритуальном характере убийства бессмысленен, ибо даже в известном деле Бейлиса не удалось доказать, что у евреев такого рода убийства вообще практикуются. (Кстати, оговорка о евреях возникла сразу же, как только был поставлен вопрос о ритуальном характере убийства. С чего бы это? За язык никто не тянул…) Между тем ритуальные убийства и цареубийства известны с древнейших времен. Прежде чем возникли замещающие жертвы, цари древней Индии и Греции твердо знали день своей кончины (неизбежной или весьма вероятной), а всякого рода вампирические ритуалы даже стали популярными в наше время за счет кинематографической чертовщины.

Не забудем того факта, что убийство Царя готовилось многие годы. Для целого поколения революционеров цареубийство стало вожделенной целью. Причем, убийство Царя было тожественно убийству России — к этому стремились либеральные “образованцы”, профессиональные революционеры, народовольцы, искровцы, марксисты, эсеры и прочие, прочие, прочие.

Версия о том, что в сейфе у Ленина стояла заспиртованная голова Николая II не лишена оснований. В начале XX века спиртовать части человеческого тела в “просвещенных” кругах не считалось чем-то особенным. Заспиртованные головы преступников могли быть вещдоками еще до 1917. При большевиках в Москву присылались, например, заспиртованные головы убитых главарей басмаческого движения. Вполне возможно, что из кремлевских подвалов голова царя перекочевала сначала в захоронение на Коптяковской дороге, а потом стала “образцом” для экспертизы.

Возможен и другой оборот дела. Якобы изъятые из захоронения, а потом возвращенные туда в 1979 году два черепа могли на самом деле изыматься из какого-то другого источника. (Кстати, тогда костная мозоль на одном из черепов была зафиксирована — оставшаяся от

удара самурайского меча во время визита Николая II, а потом почему-то исчезла.) В этом случае можно говорить об использовании останков в ритуальных целях, а далее — в целях фальсификации следствия.

Результаты работы экспертов, проводивших генетическую экспертизу, не просто недостоверны. Сам порядок организации экспертизы говорит о нарочитой подтасовке. Пробы для экспертизы брались без свидетелей и без описи. Сама экспертиза проводилась почему-то за рубежом. Под заключением американских и британских экспертов стоит лишь подпись эксперта Павла Иванова. Иностранные исследователи ограничились описанием методологии экспертизы в специальных статьях, предпочитая не делать никаких заключительных выводов.

Версия с сожжением части трупов убиенных членов Царской Семьи заставляет задуматься, не была ли попытка имитировать сожжение намеренным способом повести следствие по ложному пути? Если трупы не удалось сжечь до конца или их сжигать вообще не собирались, то где они? Не используются ли они по сю пору в качестве ритуальных предметов в сатанинских культах?

Такого рода предположение выглядит вполне основательным, если учесть торопливость, выявленную организаторами похорон “екатеринбургских останков”, не пожелавших считаться с тем, что значительная часть православных верующих почитает Николая II как святого. Объявление останков неизвестного происхождения останками Николая II должно вынудить верующих к почитанию их в качестве мощей. Между тем, если эти останки являются псевдомощами, то подмена равнозначна невольному соучастию в игре инфернальных сил. Вот во что нас стараются втянуть организаторы похорон!

Мы не можем исключать ритуальной версии убийства Царя. Во-первых, убийство Царя и его семьи произошло в обстановке, когда превратить его в ритуал не представляло особого труда. Во-вторых, причастность большевистской власти к организации убийства говорит в пользу именно ритуального характера расправы. В-третьих, подозрительная связь между расстрельщиками и нынешним политическим режимом (бесспорная, с политической точки зрения, и весьма вероятная, с точки зрения единства задачи — убийства России) может означать, что ритуал творится до сих пор.

* * *

Да, жить в помойной яме или даже на расстоянии чувствовать ее удушливые миазмы омерзительно. Однако ж, живем. Меньшинство корчится в муках, большинство, в силу угасшего обоняния, испытывает лишь легкий дискомфорт. И тем, и другим стоит подумать о том, чтобы из человеколюбия и естественного стремления к чистоте завалить смердящую яму вместе с ее обитателями и заровнять, оставив лишь на память лишь летописи, да инструкцию против распространения помойной заразы.

Азиопские хроники — 1997

РТР.ОРТ.НТВ. Телевизор прекрасное средство общения. Его критики, видящие в программах самых разнообразных телекомпаний одну лишь политическую порнографию, не ведают, до какой степени ТВ правдиво. На протяжении 6 месяцев мы чуть ли ежедневно имеем возможность благодаря ТВ убедиться, что г-н президент вот-вот выздоровеет и приступит к выполнению своих должностных обязанностей. Выздоровление приобрело хронический характер. Кто бы мог подумать, что в наше злосчастное время еще есть люди, которые могут выдержать такой продолжительный прессинг врачей и при этом сохранить надежду остаться в живых. 10.01.97.

РТР. Показан в Рождественские дни банкет московской финансово-политической элиты, учредившей “Фонд согласия и примирения”. Г-н Познер нудно спрашивал, а гг. Черномырдин, Гурченко и др. томно и многозначительно отвечали. Они ели и пели, разговаривали и обменивали вещества. Певица Зыкина мучилась на сцене, сострадая кому-то или чему-то, — оказывается, “благородству России”. Отрадно, что певица — принципиальный участник политический тусовок — после 5 лет реформ ощутимо похудела. 11.01.97.

НТВ. Г-н Гольдман (его почему-то называют Гульдиманом), представляя в РФ так называемое ОБСЕ, бесхитростно сообщил, что передал от 300 до 350 тыс. долларов США чеченским мятежникам для проведения на контролируемой ими территории так называемых выборов. Благодаря ТВ об этом деянии, предусмотренном уголовным законодательством, узнали все. Все, но не исполнительная власть РФ. Она даже не дернулась. Оказывается, можно получать деньги из-за границы для политических мероприятий. Теперь можно. 11.01.97.

ОРТ.НТВ. Порадовал премьер. Во-первых, оказалось, он прямой потомок династии Романовых. Так прямо и сказал — мы потомки Петра Великого. Разумеется, людям доверчивым могло померещиться, что речь шла о делах. О каких делах? Современные правители Руси вернули страну к допетровским пределам. Так что тут преемственностью и не пахнет. Значит, речь шла о природном родстве. Не пресекся род романовский. И второе. Как раз когда г-н Гольдман мило сообщал о попрании российского суверенитета, премьер как ни в чем не бывало сообщил, что главное дело России — организовать в Петрограде очередные Олимпийские игры. 11.01.97.

ОРТ.РТР.НТВ. Если бы не телевидение, разве можно было собрать в одну информационную программу сообщение из Приморья о веерном отключении тепла и электричества и о заседании правительства, озабоченного элитарными видами спорта. 11.01.97.

МНТК. Кто бывал в Москве и оказывался на Серпуховской площади, непременно обращают внимание на дом, выходящий торцом на площадь как раз напротив станции метро. Торец не имеет ни дверей, ни окон. И когда-то давно на нем было выполнена мозаика. Она изображает стилизованные фигуры двух мужчин и женщины с большой надписью поверху — “Мы строим коммунизм”. Став частью здания, панно пережило все “антикоммунистические” катаклизмы. Но власть бдит. В течение нескольких лет к панно был прикреплен стенд некого частного предприятия с надписью большими буквами “А мы строим великую Россию”. В 1996 году панно задрапировали каким-то плакатным изображением в духе Остапа Бендера и Кисы Воробьянинова. Наверху появилась надпись “Согласие и примирение”. Недавно то ли ветер, то ли недоброжелатели сорвали бумажное прикрытие и на какое-то время опять взору предстали три строителя коммунизма. Над крышей дома развивались остатки текста о “примирении”. Теперь торец прикрыт аляповатым изображением герба Москвы. 11.01.97.

НТВ.РТР. На протяжении пятидесяти дней в Белграде так называемая оппозиция организует митинги, распаляя главным образом молодых людей. Спрашивается — кто платит за всю эту музыку? Ответ очевиден. Другое — где были эти сторонники “демократической” Сербии, когда шла война против их собратьев в Сербской Крайне и Республике Сербской? Они сидели в ресторанах и

кафе, ловили кайф. Никто не пошевелил даже пальцем. Никто не стал волонтером. А теперь они беснуются на улицах. Для чего? Чтобы изнутри разгромить Югославию. Чтобы отделить от Сербии Черногорию. Чтобы превратить Сербию в клиента большого западного брата. Раскручивают истерию. 11.01.97.

РТР.ОРТ.НТВ. Откровенные комментарии обозревателей ТВ о протестах США и Турции по поводу контракта о продаже русских ракетных комплексов правительству Кипра. Такое впечатление, что на ТВ сидят служащие ЮСИА, нанятые для того, чтобы поливать грязью Россию. Ребята честно отрабатывают свой хлеб. 11.01.97.

МНТК.НТВ. Заметки фенолога — если Лужков не сходит с экранов — быть новым президентским выборам. 11.01.97.

РТР и НТВ начали показывать генерала Лебедя. Репортаж с малолюдного собрания военных пенсионеров. На трибуны генерал выглядел устрашающе. Говорил нечто невообразимо непонятное. Должно понравится женщинам, которые смотрят телевизор. 11.01.97.

На РТР генерал Грачев. Изображает из себя приличного человека. Ни грана покаяния за бездарное проведение афганской операции. Специалист по выводу войск. Пацифист. Жена-еврейка, которую ему сосватал певец-предприниматель Кобзон. Афганистан, наркотики, дружба с бизнесменами, отличная репутация. 11.01.97.

НТВ. Программа “Панорама”. Ненавязчивая реклама марихуаны и гомосексуализма. Оказывается, марихуана — обезболивающий препарат. Ведущий — журналист Овчинников, извлеченный из небытия. 11.01.97.

На РТР рекламный фильм о человеке, которого многие знают как Лужкова, немногие — как Каца. Снят “Союзом щит” во главе с Московченко. Безудержное обливание елеем, в котором участвовали Гусман, Дейч, Рязанов, актер Михайлов, Никольский, его зам, глава пограничников Николаев. Блестящее отсутствие известных политиков и общественных деятелей. Мэр — милейший человек, труженик, близок к народу, его любимец. Прямо-таки второй Бухарин. Забыто активное участие в развале СССР, в трех государственных переворотах, организация избиений нескольких демонстраций в 1992, постыдное поведение на протяжении всего 1993, вызывающее неисполнение с 1990 любого закона, самоуправство под покровительством Ельцина, присвоение городской казны, доходов и

собственности. Не хватает ревизии деятельности этого “своевременного человека” с 1986, чтобы всем стало ясно, что из себя представляет московский мэр. Делается третий идол после идола Горбачева и идола Ельцина. 11.01.97.

НТВ.ОРТ. Беспорядки в Софии. Организатор, по-видимому, старый президент Желев и новый — Стоянов. Хулиганствующие “демократы” с благословения полиции разгромили здание парламента. Погромщики требуют досрочных парламентских выборов, т. к. правительство формируется парламентским большинством, которое у социалистов. Готовят “мягкий” государственный переворот. Очевидно, что при полной недееспособности власти в РФ НАТО добивает последних потенциальных союзников России. Впрочем, в XX веке Болгария трижды предавала Россию. 11.01.97.

НТВ пропагандирует руководителей чеченских мятежников — прежде всего Яндарбиева, Масхадова и Басаева, продолжая свою принципиально русофобскую работу. Не удивительно, так как владельцем НТВ является лидер Конгресса евреев России банкир Гусинский, который одновременно является и банкиром г-на Лужкова-Каца. Недавно последний заявил, что готов за счет строительных мощностей столицы восстанавливать Грозный, если ему передадут средства из федерального бюджета. Губа не дура. 11.01.97.

ТВ-6. Программа “Обозреватель” вытащила на экран генерала Лебедя. Человек, не сомневающийся, что станет президентом, не смог ответить ни на один вопрос. Устрашающее косноязычие. Заявил, что у него нет денег, но если кликнет, то будут. Из соратников назвал лишь шахматиста Вайнштейна, взявшего фамилию Каспаров. Хорош спаситель России. Крайне неуважительно высказался о министре обороны, кандидатуру которого несколько месяцев назад прославлял. Вряд ли он толком знает, что из себя представляет вне шахмат г-н Вайнштейн: то же, что Кобзон за пределами сцены. 12.01.97.

ОРТ. Шахрай, вспоминая прошлое, заявил, что до 1993 года поправки в Конституцию использовали как метод борьбы за власть. Он же и использовал, находясь в партии Ельцина. Публика, наверное, уже забыла, что именно Ельцин начиная с 1990 года вместе с большинством Съезда народных депутатов вносили поправки сотнями. Не смогли поделить табачок, когда разошлись интересы, после чего Шахрай в кампании Ельцина совершил государственный переворот.

Теперь он изображает из себя представителя президента в Конституционном суде. Сидит в синекуре и откровенно врет. 12.01.97.

РТР. Правительство распорядилось заменить в РФ русские почтовые конверты на евроконверты. Казалось, что здесь особенного? Особенность в мировосприятии. В Европе мысль человека идет от частного к общему, в России — наоборот, от общего к частному. Поэтому у нас писать адрес, начиная с фамилии и заканчивая указанием страны, нелогично. Вводя евроконверты, власть и здесь насилует русское сознание. 12.01.97.

ОРТ. Гусман в программе “Тема” использует лишь “своих” — Кобзона, Каца (Карцева), приятеля Бюльбюль-оглы из Баку, старца Игоря Кириллова. Последний выглядел приживалом. Все это было представлено как встреча православного русского Нового Года. Гусман глумливо вспоминал, что “мы все жили в одной стране”. Сам же активно принимал участие в ее разрушении. 13.01.97.

РТР. Возле “Дома правительства на Краснопресненской набережной” пикет “бастующих учителей”. Оказывается, им тоже не платят зарплату. Бодрое сообщение — представителей пикетчиков приняли “домушники” и 3 часа вели переговоры. Учителя Москвы, подкармливаемые от щедрот московского городничего, играют роль штрейкбрехеров. Но главное дело в другом — чему учат эти учителя — потому что вся мразь, всплывшая в последние годы — продукт воспитания и образования учительства. Их не волнует, чему они учат и кого они фабрикуют. Они действуют, как шахтеры — путь развалится страна, лишь бы нам было тепло и чисто. Пикет так хорошо смотрится, что невольно возникает вопрос — кому выгодная эта забастовка. Ясно, что это провокация для того, чтобы дискредитировать правительство. 13.01.97.

ОРТ. Гнуснейшие комментарии относительно провокаций в Вильно в 1991 году, которые могли бы написать и на “Голосе Америки”. Злорадное удовольствие оттого, что удалось развалить Государство Российское. 13.01.97.

НТВ. Пока Гусман праздновал православный Новый Год на ОРТ, на канале Гусинского некий Разбаш вел разговор в “Часе пик” с доктором наук Спеховым о медленном умирании русской науки. Спехов на днях прекратил очередную голодовку протеста — у него

боли в сердце, — а Гусману впору садится на голодную диету. 13.01.97.

НТВ. Повтор передачи “Старые песни о главном”. Песни 30-40-50 годов озвучены так называемыми популярными исполнителями сегодняшнего дня. Все сделано для того, чтобы опошлить тексты песен и время, когда они создавались. 13.01.97.

ОРТ. Министр Куликов заключил соглашение с “министром” внутренних дел дудаевцев Махашевым о борьбе с уголовщиной. Таким образом, принципиальность генерала Куликова, еще совсем недавно метавшего в горских бандитов громы и молнии, проверена на прочность. Порядочные офицеры в подобных случаях либо уходили в отставку, либо стрелялись. Генерал поступил проще — он реабилитировал бандитов. 14.01.97.

РТР. Концерт, поводом которому послужило 275-летие создание в Государстве Российском прокуратуры. Прокуроры и их женщины, щедро показанные операторами, блаженствовали и веселились. Чему? Подобного беззакония не было со вменен Шемяки. Какое отношение “новая Россия” имеет к России Петра I? Никакого. Кощунственный праздник и неуместный концерт. 14.01.97

РТР. Помощник Ельцина по правовым вопросам Краснов перестал бриться и превратился в подобие попа-расстриги. 14.01.97

НТВ. Не проходит дня без появление на канале Гусинского генерала Лебедя. Теперь показан его прилет во Франкфурт-на-Майне. Генеральша в богатой, кажется соболиной, шубе. Это в Европе-то, где нет морозов. Генерал катастрофически толстеет. Из Германии он поедет в Вашингтон на церемонию введения в должность Клинтона. Приглашен. Очередной, после Горбачева и Ельцина, любимец “свободного мира”. 14.01.97.

НТВ, ОРТ. Генерал Лебедь обрушил свой гневный рык на проект решения, появившийся в Думе, относительно прекращения полномочий Ельцина в связи с болезнью. Он, видимо, уже забыл, что сам неделю тому назад призывал “дедушку” уйти в отставку по болезни. Но что позволено быку, то не позволено Юпитеру. 14.01.97.

ОРТ. Пресс-служба Ельцина сообщила, что ее патрон в очередной раз вот-вот поправится. Он два часа работал с документами. Какими? Зачем? Что из этой работы воспоследовало? У нас такая Конституция, что требует от занимающего высшую должность не менее 20 часов

непрерывной и интенсивной работы. Уже 7 месяцев в РФ нет президента. И ничего. 14.01.97.

НТВ. Безопасный Рыбкин и защитник прав чеченского народа С.Ковалев обсуждали, как проводить выборы в “Чечне”, чтобы не нарушались законы. Крокодиловы слезы о “беженцах”, которым не дают возможности проголосовать за одного из трех или четырех паханов, претендующих на должность “президента независимой Ичкерии”. 14.01.97.

РТР. Министр юстиции Ковалев заявил, что Россия готова установить такие права для “субъектов федерации”, которых свет еще не видывал. Очевидно, что власть, сидящая в Кремле, готова на любую сделку с этническими или территориальными сепаратистами, лишь бы усидеть “у кормила”. Такого фарисейства и цинизма еще не было. 14.01.97.

ОРТ. Представитель Ельцина в Думе Котенков договорился до того, что “по болезни” прекратить полномочия может только тот, кто не в состоянии выполнять обязанности президента. Такова, якобы, Конституция. Итак, даже если президент окажется в состоянии комы, невменяемости, тяжелейшей травмы и т. д., он все равно должен издать указ о собственном увольнении “по состоянию здоровья”. Бред сивых меринов из президентского окружения. Несут околесицу от страха. 14.01.97.

ОРТ. Какие прекрасные люди управляют Россией. Культурой — Шабдурасулов, госимуществом — Кох, финансами — Лифшиц, госадминистрацией — Чубайс, экономикой — Ясин, внешними делами — “Примаков”, оборонпромом — Пак, транспортом — Цах, трудовыми отношениями — Меликьянц, безопасностью — Березовский, столицей — Лужков-Кац, прокурорами — Скуратов, в премьерах — Черномырдин. В политике, по благословению русского народа, одни гоголевские и щедринские типы. 14.01.97.

НТВ. ОРТ. Несколько раз прокручено интервью с Жириновским, в котором сын “женщины и юриста” выдвигал себя на премьерство. Специально организованное шутовство, в котором Ельцин сравнивался с Гинденбургом, а Жириновский — с Папеном или Шлейхером. Нам не нужен Гитлер, — сказал г-н Ж. с серьезной миной на лице. Главный либерал-демократ нарочно озвучивает правильные мысли, чтобы их

опошлить. Это его роль в фарсе, который разыгрывают для публики, чтобы она и дальше пребывала в невменяемом состоянии. 14.01.97.

НТВ. Ежедневно в комментариях и репортажах высмеивается сама идея об объединении РФ и Белоруссии. Лукашенко изображается методами монтажных трюков вторым Жириновским. Ни одного серьезного и авторитетного ученого, специалиста, общественного или политического деятеля, которых допускали бы до экрана. Мельтешение одних только “шестерок” от политики и журналистики. 14.01.97.

НТВ. В Минводах круг казачьих атаманов с участием сатаненка Бори из Совета безопасности. Боря побратался с казаками и присоединился к их требованию о вооружении. “Иначе я в этой администрации работать не буду”, заявляет иудей Боря. “Любо, любо”, - скандируют ряженые в старинной казачьей амуниции. Есть сведения, что под него усиленно копают его же сородичи из земли обетованной. Тем более, что компромата на Борю возы. Его дни, по-видимому, на государственной службе сочтены. Поэтому мог и пошутить в казачьем кругу. Его словам грош цена. 15.01.97.

ОРТ. НТВ. Лицемерные комментарии с участием “нового чеченца” С.Ковалева о “выборах” в мятежных горах Кавказа. Готовят мнение обывателей, что на юге все успокаивается и с бандитами можно договориться. Требования казаков о передаче трех районах в состав Ставропольского края и оружии так смонтированы и так откомментированы, что угроза миру теперь исходит не со стороны чеченских банд, а со стороны безоружных ряженых мужиков. 15.01.97.

НТВ. Руководители чеченских бандформирований категорически отказались признавать голосования на территории пребывания беженцев. Позиция русских должна быть простой — выборы, кто бы их ни проводил, есть фарс. Бойкот. Непризнание. Территория так называемой Чечни на самом деле — это земли Терского казачьего войска. 15.01.97.

ОРТ. РТР. НТВ. Открытие сессии Госдумы. На фоне тенденциозного видеоряда идут пристрастные комментарии тележурналистов или ведущих новостей: Селезнев сказал, Илюхин сказал, и т. д. Что происходит в парламенте в действительности — зрителю не сообщается. Если и дают кому слово — так это Жириновскому или Боровому. 15.01.97.

ТВ-5. В передаче “Событие” гнуснейшие рассуждения о стоимости спасения рыбаков, которых уносит в море. Вместо того, чтобы критиковать власть Петрограда, которая игнорирует естественную потребность прибрежных жителей порыбачить на льду, какой-то негодяй от авиации призывал огородить берега Финского залива и Ладожского озера колючий проволокой. На Ельцина тратятся миллиарды, возят кардиологов черт знает откуда, хотя свои медики лучше. Это не считается расточительством. А сколько тратят на спасение рыбаков — тут же сообщают, что затраты идут “за счет налогоплательщиков”. 15.01.97.

ОРТ. Передачи Познера “Мы” и “Человек в маске” навязчиво пропагандируют воинствующий либерализм, то есть полное отчуждение гражданина от своего Отечества. Его главная задача состоит в прививке зрителям чувства неприязни к России, с которой русский должен находится в состоянии постоянной войны, судится с нею, подозревать ее, не доверять ей. Русский как агрессивный сутяга — таков идеал Познера. 16.01.97.

РТР. Продолжается специально организованная забастовка учителей. Бросили работу преподаватели, после общения с которыми вырастают особи, ненавидящие свою страну. Разве такие учителя не опаснее, чем раковые клетки. Платить зарплату этим мерзавцам — вот где настоящее преступление. От этой генерации духовных растлителей требуется избавится, как от заразы. Они превратили школы России в духовные лепрозории. 16.01.97.

НТВ. Приручение русского телезрителя к уличным беспорядкам на примерах Белграда и Софии. Самоочевидно, что центры по дестабилизации восточнославянской цивилизации приступили к новому этапу “Войны за советское наследство”, использую полностью разложившееся население столиц Сербии и Болгарии. Главный удар будет нанесен, конечно же, по Минску. Недаром во время демонстраций в ноябре там действовали бандеровцы из УНА-УНСО. Операция будет повторена, чтобы не состоялось объединения РФ и Белоруссии и начата скорее всего в феврале-марте. Все ТВ непрерывно дискредитируют Лукашенко. 16.01.97.

ОРТ. Человек, который именуется “Батурин”, объявил о сокращении контингентов русской армии на 600 тыс. чел. Карательные силы, наоборот, наращиваются. Об этом на ТВ ни звука. В 1997 году

дееспособность русской армии окончательно исчезнет. Русские офицеры предали родину: они безразлично бездействуют. 16.01.97.

НТВ. Анекдот, наполненный кровью: правозащитник С. Ковалев будет наблюдать в “Чечне” за демократическим характером “выборов”. 16.01.97.

МНТК. Единственная русская передача на всем столичном ТВ — “Русский дом” Крутова. Генерал Лобанов дал Рыбкину уничтожающую характеристику. Это ничтожество конечно же позорит власть России. Призыв к Ельцину самоотречься от власти. Услышан не будет: они любят не власть в себе, а себя во власти. И поэтому “комплекс Герострата”, который свирепствует в рядах организаторов трех государственных переворотов, неизлечим. 16.01.97.

РТР. Поездка Лужкова в Севастополь по поводу сдачи еще одного построенного дома для офицеров флота. Верноподданический комментарий — дом построен на деньги московского правительства. Это ложь. Деньги являются собственностью города Москвы. Они принадлежат городской казне. Чиновники, а мэр всего-навсего чиновник, не вправе ими распоряжаться по собственному усмотрению. Они могут действовать лишь в соответствии со сметой расходов, утвержденной Городской думой — представительным органом власти москвичей. Но власть в Москве узурпирована Лужковым, и он, куражась, тратит средства города произвольно. Таким образом, вместо того, чтобы прославлять Лужкова, его необходимо привлечь к уголовной ответственности по подозрению в должностных злоупотреблениях. Что касается жилых домов, которые строятся в Севастополе за счет средств города Москвы, то они становятся собственностью Украины — оказываются подарком от Лужкова Кучме. Сама же поездка московского мэра в Крым — откровенная провокация на фоне Совещания премьеров стран СНГ. В свите Лужкова замечены шуты от политики и искусства — Затулин, В.Лысенко, Московченко, Абдулов, Апина. 17.01.97.

РТР. Комментарий по поводу требования казаков о их вооружении сводится к тому, что казаки не желают отдавать чеченцам земли по левому берегу Терека. Тем самым внушается мысль, что правый берег Терека России уже не принадлежит. Владельцы государственного ТВ — откровенные сторонники чеченских мятежников. Они —

сообщники государственных преступников, но эти преступники в законе и во власти. 17.01.97.

ОРТ.РТР.НТВ. Совещание стран СНГ находит сдержанное отражение на ТВ. Очевидно, что Содружество так и не состоялось, несмотря на 789 подписанных соглашений. Бывшие руководители КПСС — Алиев, Шеварднадзе, Каримов и Ниязов отказались подписывать итоговые документы встречи. Черномырдин делает вид, что все замечательно. Блиц-визит Лужкова в Севастополь, где он сделал провокационные заявления о принадлежности России только Севастополя, сделает и Кучму врагом Москвы. 17.01.97.

РТР. Министр внутренних дел Куликов отказал казакам в вооружении. Замечательна аргументация — если мы вооружим казачество, то чеченцы их всех уничтожат. 17.01.97.

ОРТ. Длинный благожелательный репортаж о митинге сторонников Черепкова во Владивостоке, демонстрирующих против губернатора Ноздратенко. Ноздратенко против передачи русской территории Китаю под видом демаркации границ. Митингующие требовали отставки губернатора. Прокитайское мероприятие и антирусская политика ТВ. 18.01.97.

ОРТ. На карте Югославии территорию Черногории отделяют от Сербии. Приручают зрителя к распаду союзного России государства. То же самое при демонстрации карты Северного Кавказа, на которых "Чечня" отделена от РФ. 18.01.97.

НТВ. Многочисленные аварии систем инженерного обеспечения городов и производственных предприятий. Дело не в нерадивости персонала или случайностях, о чем толкуют в комментариях. Разрушена система жизнедеятельности всего национального хозяйства. 18.01.97.

ОРТ. Поразительная беспомощность министра обороны в отношении движения НАТО на восток. "Пусть расширяются, но мы против". Именно эту слякотную фигуру Лебедь в пору своего "помпадурства" продвигал на министерскую должность. 18.01.97.

РТР. Черномырдин заявил, что на олимпийскую рекламу Петербурга в качестве кандидата на игры 2004 года будет выделено столько денег, сколько потребуется. А требуется более 11 трлн. руб. Губернатор города заявил, что Петербург заражен олимпийскими играми и только об этом и мечтает. "Зрелищ, зрелищ, зрелищ", - такова

потребность современной черни, которая выбирает себе в начальники таких специалистов по организацию пиров по время чумы, какими являются Ельцин, Лужков и Яковлев. 18.01.97.

НТВ. Благожелательный показ демонстрации мелких торговцев-перекупщиков на центральном рынке в Минске. Повод — решение администрации рынка о выделении торговых мест непосредственно сельскохозяйственным предприятиям, что должно снизить цены. Журналисты, разумеется, все вывернули наизнанку, выдавая спекулянтов за борцов с “диктатурой Лукашенко”. Опустившиеся старухи, нанятые перекупщиками, с заранее написанными плакатами против Лукашенко. 18.01.97.

НТВ. Уголовные дела о налетах чеченских банд на Святой Крест (Буденновск) и Кизляр, оказывается, прекращены Прокуратурой РФ еще в сентябре прошлого года. Басаев, Радуев и члены их банд тем самым признаны законопослушными гражданами РФ. Таким образом, отныне грабить, бандитствовать, насиловать, убивать, вооружаться, свергать законно созданные власти не является в РФ уголовным преступлением. Молодец Скуратов — око государя Ельцина, держит нос по ветру. 18.01.97.

ОРТ. Телеканал Березовского руками Доренко дал критический анализ деятельности Лебедя. Последний показан как самодур и недалекий человек, который, к тому же, еще и врет на каждом шагу. Скандальная информация о том, что генерала на торжества по введению Клинтона в должность пригласил один из сенаторов в частном порядке, а не официально — как заявил Лебедь в Бонне. Итак, клан Березовского против Лебедя, клан Гусинского — за. Березовский в союзе с Черномырдиным, Гусинский — с Лужковым. Кстати, показан эпизод все с того же казачьего круга, в котором г-н Березовский, находясь в президиуме, крестился на православную икону. 18.01.97.

ОРТ. Более точное наименование программы Прошутинской — женщина-иудейка и мужчины-иудеи. Встретить русского в этой передаче практически невозможно.19.01.97.

ОРТ.РТР. Муссирование вопроса объединения Белоруссии с РФ. Политики и журналисты упражняются в злословии и интриганстве. Особенно старается клуб Явлинского, именующий себя партией. Они навязывают своекорыстный подход, запугивая непомерной “ценой интеграции”. Любимов, Сванидзе, Гончар и иже с ними стараются

представить дело таким образом, что речь идет о таком же точно процессе, какой имеет место в западной части Европы. Это ложь. Нельзя попасться на удочку интеграции. В действительности у нас речь может идти только о воссоединении. 19.01.97.

ОРТ.РТР.НТВ. Беспардонное вранье по всем каналам о событиях января 1990 года в Баку и января 1991 в Вильно и Риге. Повторяются инсинуации о, якобы, неправомерных действиях войск и органов правопорядка. Провокаторы-шовинисты и бунтовщики-погромщики представлены в виде невинных жертв. Фарисейство о том, что виновные до сих пор не наказаны. Выгораживается клика Горбачева, которая вместо беспощадного подавления местного сепаратизма поощряла и провоцировала его своей бездеятельностью и безволием. 20.01.97.

НТВ. Продолжение дискредитации Лукашенко. Сначала информация о коррупции Сосковца и его связях, в том числе через Тарпищева, с еврейскими мошенниками и бандитами, присвоившими алюминиевые заводы. Через день “утка” о том, что Лукашенко назначает Сосковца премьер-министром Белоруссии. После этого гнуснейшие комментарии Шушкевича, подписанта Беловежских соглашений. Затем невнятное опровержение. Сегодня подленький комментарий о привлечении в правительство Белоруссии некоторых функционеров ЦК КПБ. При этом скромно умалчивается, что команда Лужкова переполнена людьми со Старой площади: Никольский — 2-й секретарь ЦК АзКП, Брячихин и Шанцев — секретари ЦК КПРФ, Орджоникидзе — член ЦК ВЛКСМ, и т. д.; у Ельцина — члена Политбюро — Примаков и Яковлев — члены Политбюро ЦК КПСС, Черномырдин — член ЦК КПСС. 20.01.97.

ОРТ. Чубайс, поздравляя в Казани Шаймиева с 60-летием, отметил его ценный вклад в сохранение единства России. В действительности политика Шаймиева разрушительна. В 1990 она спровоцировала распад России (СССР). Юбиляр один из организаторов Ново-Огаревского процесса, ратовавший за придание автономиям союзного статуса и провозглашавший “суверенитет” Татарии. Политик, мечтающий об уничтожении России и внедряющий в сознание казанских татар ненависть к русским. 20.01.97.

МНТК.ОРТ.НТВ.РТВ. Продолжение предвыборной президентской компании. МНТК и РТР раскручивают Лужкова, ОРТ

— Черномырдина, НТВ — Лебедя. Генерал оказывается наиболее управляемой, зависимой, несамостоятельной политической фигурой, не имеющий ни собственных финансовых ресурсов, ни организационных структур, ни интеллектуальной поддержки. Поэтому именно он становится фаворитом США, ФРГ и еврейского капитала Израиля, представителем которого является Гусинский (председатель Конгресса евреев России). Ельцин еще не освободил кресло президента, но уже покинул политическое поле. 20.01.97.

ОРТ. Инициатива Илюхина рассмотреть в Думе нормативный акт о порядке прекращения полномочий президента в связи со стойкой утратой им трудоспособности оказалась для корпорации журналистов полной неожиданностью. Замечательным образом он и Исаков, руководитель Правового управления Думы, обвели высокомерных и недалеких репортеров вокруг пальца. Последние сначала убедили население в том, что Ельцин неизлечимо здоров, и теперь все понимают, что предмет думского законопроекта почву имеет. Недаром Шохин, потеряв голову от страха, что проект имеет шанс набрать нужное количество голосов, стал пугать думцев новым государственным переворотом, если они поддержат Илюхина. 21.01.97.

НТВ. Безудержный восторг по поводу заключения Чешско-Германского соглашения. Прага признала депортацию немцев из Судет после 1945 года аморальным актом. Бонн принес извинения за оккупацию Богемии и Моравии Германией. Чехи в XX веке трижды предали Россию, а значит и самих себя. 21.01.97.

РТР. Повтор вчерашнего интервью Лужкова Киевскому ТВ, который уже демонстрировался по МНТК. Главная тема — принадлежность Севастополя Российской Федерации. Лужков, разумеется, использует город для раздувания своей известности в глубинке. Он явно торопится, и его поездка была связана не со сдачей дома, а лишь нескольких секций дома. В действительности Севастополь — часть России, а не созданной партией Ельцина РФ. Мэр Москвы демонстративно подчеркнул, что он не подчиняется Правительству РФ, что выше него только Ельцин. К несчастью, мало кто понимает, что может произойти с Россией, если Лужков окажется на месте Ельцина. В интервью он сокрушался по поводу того, что милиция Севастополя избивала демонстрацию стариков. В 1992 году по его приказу избивали демонстрации пожилых москвичей трижды, а

во время государственного переворота именно Лужков обеспечивал блокаду Дома Советов России и избиение тех, кто собирался вокруг него из чувства солидарности с парламентом. 21.01.97.

ТВ-5. Передача, в которой престарелый Лихачев рассуждал обо всем. Бормотание о том, что в результате революции 1917 года “к власти пришла серая масса”, а теперь в России “перевелись люди”. Маразм крепчал. 21.01.97.

НТВ. Оппозиционные фракции Думы обвинили Чубайса в уклонении от уплаты налогов с личных доходов, которые исчисляются сотнями тысяч долларов, которые были им получены в период президентской кампании, и потребовали его увольнения от должности. К несчастью для страны, такие обвинения можно предъявить каждому чиновнику. Все они ходят под десятками статей Уголовного кодекса, начиная с г-на Ельцина. 21.01.97.

ОРТ. Министр Шойгу (МЧС) заявил о катастрофическом износе оборудования нефтепроводов. Страну ждут многочисленные катастрофы. Шойгу обычно не врет 21.01.97.

НТВ. Текст письма Ельцина Лукашенко так и не опубликован, что дает ТВ повод для продолжения спекуляций. По-видимому в действительности письмо направлено не для ускорения процесса воссоединения, а для его принципиальной невозможности. Ельцин, в частности, потребовал приватизировать все крупные предприятия Белоруссии, то есть отдать контроль над экономикой и этого края международному капиталу. Лукашенко вряд ли на это пойдет. Таким образом, объединение откладывается до тех пор, пока не сменится хозяин в Кремле. Поблагодарим за это гг. Чубаса и Черномырдина. 22.01.97.

ОРТ.НТВ.РТР. Строев (СФ) и Куликов (МВД) хором выступили против вооружения русских жителей на Северном Кавказе, прежде всего казачества. Аргументация ублюдочна: если русских вооружить, то их чеченцы вырежут; вооружение русского населения приведет к войне на Кавказе. Такое впечатление, что они не понимают, что все туземные горские племена уже вооружились, что чеченские племена находятся в состоянии вооруженного мятежа, что почти 1 млн. русских уже изгнано, что не менее 100 тыс. русских убито кавказской сволочью, что там осуществляется геноцид русских, что ни Вооруженные силы, ни органы правопорядка не обеспечили защиту

русских. Следовательно, лишение русских оружия для самозащиты обрекает их на уничтожение. 22.01.97.

ТВ-5. Ссылка на мнение бывшего фаворита Ельцина Илюшина, который теперь является вице-премьером, о том, что социальный взрыв неизбежен. Нашему бы теляти… События последних трех-четырех лет показали, что русские неспособны на гражданские поступки. Они не только безмолвствуют, но и хронически бездействуют. Что делает сын, когда глумятся над его матерью? Он наказывает обидчика. Что делают русские, когда издеваются над Россией? Они присоединяются к негодяю. 22.01.97.

РТР.ОРТ.НТВ. Если верить ТВ, то вся РФ состоит из Москвы и Чечни. Остальные города и веси появляются на телеэкранах лишь по случаю каких-либо неприятностей — катастроф, убийств, скандалов. Если информация из провинции дискредитирует Россию, ее тиражируют с явным удовольствием. Все каналы ТВ стараются убедить зрителей, что в “Чечне” все спокойно, как некогда в Багдаде по ночам. 23.01.97.

НТВ.МНТК. Вновь фарисейские измышления по поводу сотни квартир в год, выделяемых в Москве для депутатов парламента. И это на фоне массовой распродажи миллионов квадратных метров жилья инородному и иногороднему ворью, которая превращена Лужковым в норму. 23.01.97.

НТВ. Заявление Попцова о предполагаемом акционировании РТР. После присвоения ОРТ Березовским, Чубайсом, Яковлевым и К°, в РФ возможно все, что угодно 23.01.97.

ОРТ.РТР. Черномырдин оценил обсуждение Госдумой проблемы болезни Ельцина как неконституционный. А когда он участвовал в государственном перевороте в сентябре 1993, - это было конечно же конституционно. 23.01.97.

ОРТ. Родионов (МО) бросил перчатку Батурину (СО) относительно военной реформы. Секретарь СО предпринял поездку по военным округам, чтобы организовать их руководителей против военного министра. 23.01.97.

РТР. Интервью с Лукашкнко. Долг РФ Белоруссии 840 млн. долларов, а Белоруссии — РФ 200 млн. Лукашенко имеет компромат на большинство высокопоставленных чиновников РФ, которые он еще не передал Ельцину, но обещает это сделать. Лукашенко дал понять

коррупционерам в Москве, что они у него в руках. Здесь он все-таки ошибается. Кража миллиардов делает жулье неуязвимым. 23.01.97.

РТР. Рассмотрение в Госдуме проекта решения о прекращении полномочий Ельцина по состоянию здоровья. Представитель Ельцина Котенков и Явлинский оказались в одной связке — они высмеивают саму постановку вопроса. Партия Ельцина смертельно боится представить дело в его истинном свете. Что делать, если на должности президента окажется неработоспособное лицо? В данном случае фракцию КПРФ не в чем упрекнуть, кроме формы — необходим закон, а не постановление. 24.01.97.

РТР. Бюджетная суета в парламенте. Принятие в первом чтении закона о бюджете развития на 1997 год. Речь идет на самом деле о ничтожной для РФ сумме — трех миллиардах долларов. Все тот же г-н Я преподносит дело, как способ фракции КПРФ присвоить эти деньги, почему-то говоря об одном млрд. Но на самом деле проблема не в беспочвенных обвинениях г-на Я. Разве может быть “бюджет развития”, если страна не имеет плана развития? 24.01.97.

ОРТ. Доренко под видом понедельной аналитики занялся рекламой кандидатов в “президенты Чечни” — Басаева, Масхадова, Удугова. Демонстративное пренебрежение бывшим “поэтом” Яндарбиевым — Чубайсовско-Березовские штучки. Все каналы ТВ ставят “чеченские выборы” на первое место. Чубайсовщина пробилась в злобном предложении Доренко — после скандала с уклонением Анатолия Борисовича от налогов — проверить доходы депутатского корпуса. 25.01.97.

ТВ-6.ОРТ.НТВ.РТР. Постоянное возвращение к теме, которую именуют так: расширение НАТО на Восток. Убеждают, что РФ не в состоянии предотвратить этот процесс. Вранье. Для России есть лишь проблема вхождения государств Восточной Европы во враждебный ей военно-политический блок НАТО. С позиции силы возможно все — но в Кремле нет воли использовать силу. 27.01.97.

НТВ. Черномырдин заявил, что Ельцин “возвращается в строй”. Очевидно, что “в строй” будет возвращен “вечно выздоравливающий и недееспособный человек”. 27.01.97.

ОРТ. Известный в прошлом в качестве “правозащитника” Щаранский появился в Москве членом правительства Тель-Авива и тут же появился в передаче “Час пик”. Ранее его принял Лужков. Какое

трогательное внимание к бывшему уголовнику и шпиону, а теперь министру промышленности Израиля. 27.01.97.

НТВ. Опала министра по делам “тенниса” Тарпищева, фаворита Ельцина, сопровождается назначением ранее отстраненного от должности Федорова, вице-президентом Фонда спорта. Это тот самый Федоров, который давал скандальные интервью и на которого совершались покушения. 27.01.97.

РТР. ТВ-5. Все чаще на ТВ происходит информационная “раскрутка” нижегородского губернатора Немцова, одного из членов “клуба друзей Лужкова”. Ничего полезного для России этот деятель, конечно же, не причинил, кроме вреда. Кто не помнит его истеричный вопль, обращенный к Черномырдину во время государственного переворота в октябре 1993 — “давите, давите их, Виктор Степанович, уничтожайте быстрее”. Немцов является, как ни странно, новым теплым другом Руцкого, которого, вероятно, так же будут раскручивать, но не раньше, чем избирательная кампания окажется неизбежной. Престарелому, запенсионному Лужкову необходимо подходящее окружение. Чем-то все это напоминает троицу 1995 года — хозяйственника Скокова с Лебедем в форме и вечно молодым Глазьевым слева и справа. 27.01.97.

ОРТ.РТР.НТВ. Главное событие в РФ, если верить ТВ — “выборы президента Чечни”. Ельцин и правительство унизили, оскорбили, дискредитировали страну, которой они, якобы, руководят. Ничего подобного. Российской Федерацией управляют басаевы и масхадовы — только с разнообразными кликухами и псевдонимами. Посмотрите на телеэкран и поймете, кто заказывает музыку у этих негодяев. 27.01.97.

ОРТ.НТВ.РТР. Все станции львиную долю времени отводят “выборам в Чечне”. Работают не только чеченские, но и московские и западные деньги. Умысел состоит в том, чтобы представить фальшивку в доброкачественном виде. Недопущение беженцев к выборам и участие в них членов мятежных банд делает всю эту кровавую демократию омерзительной. 28.01.97.

НТВ. Масюк и Глускер, корреспонденты этой гнусной, вражеской по отношению к России телекомпании, одна из “Чечни”, другой из Давоса каждый день занимаются неприкрытой клеветой на страну пребывания. После такой деятельности можно понять состояние

Гиммлера, который хватался за револьвер от одного только слова “культура”, если за нею стояла такая же сволочь. 28.01.97.

ОРТ.РТР. Ясин, министр экономики, заявил, что русская экономика находится в плачевном состоянии. Но главное не в этом. Главное — что первопричина экономического краха в демократических процедурах, в многочисленных голосованиях. Россию разорила демократия. Каков хлюст? 28.01.97.

РТР. Незаметное принятие бюджета на 1997 год Госдумой в четвертом чтении. Принят голосами Жириновского, Беляева, Зюганова и Рыжкова. Явлинский против из-за склочного характера. Очевидный сговор Черномырдина с Зюгановым и Жириновским. Предпосылка для будущих предвыборных сговоров. КПРФ и ЛДПР не могут без Правительства, а правительство нуждается в политическом обеспечении, чтобы заполучить голоса многочисленного плебса. 28.01.97.

РТР.ОРТ.НТВ. Продолжение фальсификаций событий в Терском крае (Чечне). Особенно старается ТВ Гусинского. Масхадов изображается как вполне достойный и легитимный “руководитель Чечни”. Селезнев принял участие в признании Масхадова, поучаствовав в программе “Герой дня”, вступив в дискуссию с “вице-президентом Чечни”. Этот субъект развязно доказывал, что “Чечня является субъектом международного права”. Досадно, что даже оппозиция смирилась с безграничной конфедерализацией РФ и ее постепенном распадом. Все таки все они одного поля ягоды. 29.01.97.

НТВ. Щаранский на пресс-конференции по поводу расчленения СССР заявил, что это “наша общая победа”. В комментариях нет необходимости. 29.01.97.

РТР. Ельцина показали в течение нескольких минут, но не в эфирном исполнении. Старость не радость. Больная старость несовместима с исполнением государственной должности. Впечатление от внешнего вида и поведения Ельцина — не жилец. Туманов, этот клеврет Ельцина, председатель Конституционного суда, уходящий в отставку, произнес несколько успокаивающих фраз. Кажется, “двор” принял решение пропускать через Ельцина под софитом разных циников, вроде Туманова, чтобы демонстрировать “выздоравливающего дедушку”. Не поможет. 30.01.97.

ТВ-5. Передача с Собчаком. Дифирамбы работоспособности, образованности, компетентности и, что самое смешное, честности г-на Чубайса. Честность Чубайса — это перл. 30.01.97.

МНТК. Еще раз порадовал “Русский дом” Крутова и его постоянный собеседник генерал Ларионов. Корректный и потому беспощадный разбор событий на Северном Кавказе. До мятежа на этой территории проживало примерно 500 тыс. избирателей. Война унесла примерно 100 тыс., изгнано более 300 тыс. Но оказалось, что избирателей — опять 500 тыс. Это не может быть, потому что не может быть никогда. Убеждение, что Чечня отпала, что вслед за этим такой же процесс охватит Дагестан и Ингушетию. Генерал Аушев был все эти годы тыловой базой дудаевщины и теперь проводит постоянные пресс-конференции, на которых клевещет на Россию. Вот кому давала возможность выслужиться вся эта коммунистическая мразь в последние 10–20 лет существования СССР. Ни одного приличного генерала или адмирала на действительной службе. Мародеры в звездах. 30.01.97.

ОРТ.РТР.НТВ. До безобразия пустой день. Значит, что-то надо было скрыть от обывателя даже в предельно извращенной, фальсифицированной форме. 31.01.97.

НТВ. Показываются митинги Анпилова и съезд РКРП Тюлькина. Анпилов призывал советскому человеку захватить улицу по примеру Белграда и Софии. Тюлькин, напротив, заключил, что рабочие неспособны на политические действия и могут заниматься лишь экономическими требованиями. 01.02.97.

НТВ. Рекламная передача о Немцове — губернаторе Нижегородской области. Спортсмен, летчик, домосед, семьянин, любитель домашних животных, кровь с молоком. Ни пятнышка, ни царапины, ни одной ошибки. Доступен и мудр. О действительной роли Немцова в установлении власти олигархии, о его участии в госперевороте 1993 года, о его воеводстве в области. 01.02.97.

ОРТ. Передача Гурвича и Новоженова “Старая квартира” о 1948 годе. Авторы-евреи, ненавидя страну, в которой они живут и мучаются, строят представление о прошлом с одной только точки зрения “необоснованных репрессий”. Главные герои — осужденные работники искусства Фрид, Козин и погибший Михоэлс. Им отвели четверть времени. Затем сессия ВАСХНИЛ по биологии. Если верить

тому, что неслось с экранов, Лысенко и стоящий за ним Сталин были озабочены только тем, чтобы уязвить память евреев-биологов — Вейсмана и Моргана. Узнав, что Мендель не еврей, они перестали упоминать его имя. К сожалению, в этой лживой передаче участвовали артисты Васильева и Зельдин, ветераны-футболисты и другие добропорядочные лица. Вряд ли они понимали, на кого работали. Но фальшивку опровергали съемки улицы, человеческие лица тех времен. 01.02.97.

НТВ. Ельцину исполнилось 66 лет. Спи спокойно, дорогой господин президент. 01.02.97.

ТВ-5. Передача “Еще одна Россия” показывает ингуша Аушева, помогавшего чеченскому мятежу и превратившего Ингушетию в тыловую базу Дудаева, в качестве положительного руководителя, перспективного политика. С приходом Яковлева на должность губернатора Петрограда ТВ-5 становится органом этнических и региональных сепаратистов, возглавляемых Лужковым. 02.02.97.

НТВ. Ельцин поздравил Масхадова с победой. Кремль фактически признал этого главаря мятежников законным руководителем одной из русских территорий. Длящийся позор продолжается во все увеличивающимся объеме. 02.02.97.

РТР.ОРТ.НТВ. Блиц-визит Ширака к Ельцину. Приехал, обнюхал и уехал. Никто не скрывает, что президент Франции выполнил миссию нотариуса или священника при соборовании. 02.02.97.

Глава 5. Расплата для негодяев

“С некоторым страхом я спрашиваю себя: ужели же не исчезнут с лица земли эти пустомысленные риторы, эти лицемерствующие фарисеи, все эти шипящие гады, которые с такою назойливою наглостью наполняют современную атмосферу миазмами смуты и мятежа?”

“Север потемнел и покрылся тучами, из этих туч нечто неслось на город, не то ливень, не то смерч. Полное гнева Оно неслось, буравя землю, грохоча, гудя и стеня и по временам изрыгая из себя какие-то глухие, каркающие звуки. Хотя Оно было еще не близко, но воздух в городе заколебался, колокола сами собой загудели, деревья взъерошились, животные обезумели и метались по полю, не находя дороги в город. Оно близилось, и по мере того как близилось, время останавливало бег свой. Наконец земля затряслась, солнце померкло…

Глуповцы пали ниц. Неисповедимый ужас выступил на всех лицах, охватил все сердца.

Оно пришло.

В эту торжественную минуту Угрюм-Бурчеев вдруг обернулся всем корпусом к оцепенелой толпе и ясным голосом произнес:

— Придет…

Но не успел он договорить, как раздался треск, и бывый прохвост моментально исчез, словно растаял в воздухе.

История прекратила течение свое.”

М.Е.Салтыков-Щедрин

Отбросы демократии

Вся история ельцинской команды — история непрерывных абортов. Все, кто когда-либо приближался к телу всенародно избранного, в конце концов попадали в политические отбросы. В какой-то момент желающих испытать такого рода судьбу стало совсем мало и Ельцину пришлось копаться на собственной помойке, вытаскивая оттуда всякую пакость. Так он собрал избирательный штаб для выборов-96. Но начнем эту печальную историю издалека.

С самого начала “радикальных” реформ Ельцин использовал команду Гайдара для разрушения всего и вся. Единственным “островом стабильности” должны были остаться сырьевые отрасли. Гайдар этого не понял, не понял, что разрушать надо не все, кресло под Борисом Николаевичем надо оставить в покое. Именно поэтому Ельцин, неожиданно придя на совещание Правительства, отстранил от должности министра топлива и энергетики Владимира Лопухина. Вместо него министром в ранге вице-премьера был назначен глава “Газпрома” Виктор Черномырдин. Этим была пресечена демонополизация газового хозяйства и создан источник средств для неофициального финансирования режима.

Уже в апреле 1992 года Ельцин представил Черномырдина в качестве кандидата на пост премьера. Несмотря на второй рейтинг по предварительному голосования (первый — Скоков, пятый и последний — Шумейко), на заключительное голосование Ельцин вынес кандидатуру Черномырдина. Эта кандидатура была с радостью поддержана депутатами, испытавшими облегчение, избавившись от Гайдара. Рано радовались. Черномырдин продолжил дело Гайдара, усугубив его беспрерывной номенклатурной возней по поводу

растаскивания собственности и фантастической накачкой пустых денег в разваливающуюся экономику. Мы получили “гайдарономику с черной мордой”.

Ельцинские отставки очень часто имели оборотную сторону. Отъявленные ельцинисты всегда всплывали где-то в других номенклатурных структурах. Например, в 1992 года ушел в отставку С.Шахрай, чего-то не поделивший с допущенными близко к президентскому телу старыми номенклатурными соратниками Ельцина. Это не помешало опальному министру вернуться в правительство в 1993 году, заняв пост вице-премьера и министра по делам национальностей, создать проельцинскую партию ПРЕС. Правда, министерского поста Шахрай очень быстро лишился и был в опале в должности вице-премьера без портфеля, курируя комиссию по борьбе с наркоманией. Позднее таким беспортфельным чиновником стал Абудлатипов, тоже болтавшийся при Ельцине в качестве чемодана без ручки — и нести нельзя, и бросить жалко.

Шахрай пытался извлечь пользу из своего униженного положения, стараясь прослыть правдолюбцем. Это подтолкнуло его к выходу из черномырдинского блока “Наш дом…” вместе со своей партией. Поскольку никто Шахраю не поверил, ему пришлось уйти из правительства по собственной воле на должность одинокого депутата (в 1995 ПРЕС выборы с треском проиграл).

Второе пришествие Шахрая с политической помойки состоялось в конце 1996 г. Оплачивая интимные услуги в избирательной кампании, Ельцин назначил Шахрая своим официальным представителем в Конституционном суде, приравняв его ранг к рангу заместителя главы своей администрации. Как всегда это была должность звучная, но придуманная для мелкой швали. Потому с этого поста Шахрая снесло в политическое небытие уже совсем легко — первым же сквознячком из Кремля.

Похожая история произошла с маршалом Шапошниковым, которому мировая закулиса по гроб жизни будет обязана за разрушение Советской Армии. Когда президент попытался ввести особый порядок управлении в марте 1993, “серый кардинал” и шеф Совбеза при президенте Ю.Скоков выступил с неподходящих позиций и ушел в тень, чтобы плести козни против оппозиционного движения, разлагая его изнутри в ожидании реабилитации. На его-то место и

позвали продажного маршала. Только Верховный Совет не утвердил его в этой должности. К тому же сыграла свою роль взаимная неприязнь с ельцинским любимцем министром обороны Грачевым.

Пришлось Шапошникову заняться оппозиционной деятельностью — стать соратником “отца российской демократии” Г.Попова в его Движении демократических реформ, и демонстративно вспотеть на ниве борьбы за ельцинскую “демократию”. В качестве приза Шапошникову в конце концов достался “Аэрофлот”, точнее — его остатки. Позднее и “Аэрофлот” отняли — компания отошла ельцинскому зятю Окулову, которого как мальчика обирал и обдуривал хитро-подлый Березовский.

Вместо Шапошникова на пост секретаря Совета безопасности назначается старый ельцинский “дружок” Олег Лобов, а в правительство на место последнего возвращается Егор Гайдар. Снова комбинация из игры в “пятнашки”, которая вылилась в совершенно бездарную и безответственную деятельность СБ в Чечне, а потом — в перемещение Лобова опять в правительство на пост вице-премьера. Единственным успехом Лобова в СБ стала чрезвычайно эффективная деятельность в России секты “Аум Синрике”, которой дружок Ельцина особенно благоволил. Ну а на других постах он был незаметен до такой степени, что пропал из правительства почти незаметно.

Незаметное исчезновение — удел только части соратников Ельцина. Ценой “заметности” после отставки обычно было участие в какой-нибудь чрезвычайно неблаговидной деятельности.

Например, после отставки министра юстиции Николая Федорова очень быстро избрали президентом Чувашии. Пришлось из государственного человека быстро превращаться в участника сепаратистского заговора и блокироваться с тем же Скоковым и его федерастами из Союза народов России. Логично, что во время войны в Чечне Федоров издал антиконституционный указ, согласно которому чувашские солдаты должны были служить только в Чувашии. Другими подвигами Федорову прославиться не удалось.

Окончательно расправлялся Ельцин только с профессионалами спецслужб и силовых структур государства. Равнодушно приняв отставку от министра безопасности Виктора Баранникова, обвиненного в коррупции (может быть потому, что не столь рьяно боролся с Хасбулатовым и депутатами), Ельцин уже больше не

вспоминал о нем. Баранников “всплыл” лишь в октябре 1993, не сыграв, впрочем, существенной роли в поддержке защитников Конституции. Вероятно потому, что был болен и жить ему оставалось недолго. Генерал тихо скончался, забытый “верхами” и почитаемый “низами” спецслужб.

Поставленный на его место профессионал Николай Галушко тоже не оправдал доверия и был отстранен от должности после октября 1993. Затем, место занял пожарник Степашин, погоревший на бездарных операциях в Чечне. Но этот субъект не зря выбирал себе в молодости путь пожарного замполита — сказалась живучесть, выработанная на этой незавидной ниве. Обсидев все министерские должности в силовых структурах, он в конце концов очутился в кресле премьера.

Пожалуй единственной добропорядочной отставкой из ельцинской команды может похвастаться только Сергей Глазьев. Чувствовавший себя неуютно в правительстве, готовящимся к перевороту 1993, терпевший притеснения от тупого и наглого Шумейко, Глазьев ушел с министерского поста в знак протеста против указа № 1400 о поэтапной конституционной реформе. Позднее он подвел итог ельцинизму в книге “Геноцид”.

Среди сохранивших какое-то приличие к моменту отставки и после нее были министр печати Б.Миронов и шеф ГКИ В.Полеванов. Первый слишком уж явно начал проводить свою идеологическую линию, а потом и вовсе согласился именоваться фашистом, если того требует любовь к Родине, а второй заявил о возможности реприватизации, после чего не сумел и пальцем шевельнуть против чубайсовской банды.

Переворот октября 1993 стал концом карьеры нестойкого генерального прокурора В.Степанкова, старавшегося угодить “и вашим, и нашим”. На его место временно попадает Алексей Казанник, выписанный из Омска и казавшийся Ельцину верным по старой памяти (слава Казанника состоялась в момент, когда он “уступил” Ельцину свое место в Верховном Совете СССР). Но Казанник не стал фабриковать расстрельные дела по защитникам Конституции и удалился в отставку. Тем не менее, отставку Казанника добропорядочной не назовешь. Очень уж гнусными были условия, в которых он воссел на свою должность.

Вместо Казанника на пост Генпрокурора пришел услужливый А.Ильюшенко, которого парламентарии так и не утвердили в этой должности. Ильюшенко оставался “и.о.” вплоть до своего ареста осенью 1995 по подозрению во взяточничестве.

Здесь мы должны процитировать документы. В назидание другим взяточникам.

Из материалов уголовного дела (цит. по материалу, опубликованному в газете “Социалистическая Россия” № 1, февраль 1997 г.):

"14 сентября 1993 г. Ильюшенко получил от Янчева взятку в размере 9 миллионов 474500 рублей в помещении СП «Балкар-Трейдинг» и АО «Балашиха-Лада», завуалированную под договор купли-продажи автомашины ВАЗ-21099. При фактической стоимости машины 12 миллионов рублей Ильюшенко уплатил за нее только 2 миллиона 525500 рублей. Автомобиль был куплен и оформлен на имя его жены Ильюшенко Т.В…

В период с 30 декабря 1993 г. по 13 января 1994 г. Ильюшенко была получена автомашина ВАЗ-21093 (фактическая стоимость 14 миллионов четыреста тысяч рублей) без какой либо оплаты…

12 апреля 1995 г. Ильюшенко купил два новых джипа "Гранд Чероки" (общей стоимостью 360 миллионов рублей) за сорок миллионов. За счет СП «Балкар-Трейдинг» (90 миллионов 47 тысяч 84 рубля) джипы доставили на самолете в г. Красноярск, его родной сестре Орловой О.Н. и родному брату его жены Мочулову Н.В., на которых и оформили документы…

26 мая 1994 г. Ильюшенко получил ВАЗ-21099 (фактическая стоимость 18 миллионов 419 тысяч 400 рублей) за 4 миллиона 964 тысячи 200 рублей. Машина была оформлена на его супругу, Ильюшенко Т.В.

В июне 1994 г. Ильюшенко дал указание одному из заместителей Генерального прокурора РФ обратиться от имени прокуратуры Московской области с имущественным иском на сумму 59 миллиардов 316 миллионов 423 тысячи 920 рублей в Самарский областной арбитражный суд в интересах СП «Балкар-Трейдинг» по имущественному спору между указанным СП и Акционерным обществом «АвтоВАЗ», чем причинил существенный вред государственным интересам, незаконно освободив таким образом

Янчева от обязательной уплаты госпошлины в сумме 5 миллиардов 931 миллион 642 тысячи 392 рубля за рассмотрение иска в арбитражном суде…"

Из допроса Вулъфова А.З.: "Получилось так: сумма, которую я передал Ильюшенко, составляла 7,5 тысяч долларов США за рояль. 10 тысяч долларов — я оплачивал по счету мебель, сколько-то денег, примерно 10–12 тысяч долларов США, я давал Ильюшенко Татьяне Владимировне для оплаты ремонта… Всего я передал Ильюшенко примерно 40–45 тысяч долларов США."

Из справки: "Официальная зарплата А.Ильюшенко как начальника Контрольного управления составила: с марта по декабрь — 1993 г. — один миллион 842 тысячи 946 рублей 37 копеек; с января по март 1994 г. — один миллион 254 тысячи 45 рублей 48 копеек. В должности и.о. Генерального прокурора: с февраля 1994 г. по октябрь 1995 г. — 30 миллионов 528 тысяч 55 рублей".

Не оправдал доверия Ельцина и глава Останкино В.Брагин, обвиненный в успехе на выборах 1993 партии Жириновского. Правда, обвиненный не по делу. Сделано для победы Жириновского было много самим Ельциным.

Коллективные отставки из околоельцинских кругов начались в 1994. Почти хором вышли из правительства первый вице-премьер Гайдар, министр финансов Б.Федоров, министр социальной защиты Э.Памфилова, требовавшие продолжения шоковых реформ. Они явно перегнули палку, стараясь быть “святее папы римского”. Ельцин предпочел “предсказуемого” Черномырдина и всю свору ворья, роящегося вокруг него.

Последний квартал 1994 года снова был отмечен экономической дестабилизацией и серией отставок. Гнев Ельцина по поводу “черного вторника” пал на главу Центробанка Виктора Геращенко, и.о. министра финансов Сергея Дубинина, вице-премьера и министра экономики Александра Шохина (обеспечившего сдачу Гусинскому канала НТВ, а также “повесившего” на правительство ряд убыточных нефтяных контрактов). Вслед за ними был вышиблен из правительства председатель Госкомимущества — упомянутый выше Владимир Полеванов, неосторожно заговоривший о проверке законности чубайсовского беспредела.

Так Ельцин поочередно чистил вокруг себя то ряды радикалов, то умеренных.

Чеченская война собрала богатый урожай в ельцинском окружении. Добровольно покинули свои посты министр юстиции Ю.Калмыков и заместитель командующего сухопутными войсками Э.Воробьев. После бездарных действий “силовиков” в Буденновске “полетели” со своих постов вице-премьер Н.Егоров, упоминавшийся уже С.Степашин, министр внутренних дел и расстрельщик Белого Дома В.Ерин. Чудом сохранили свои посты министр обороны и секретарь Совета безопасности. Но, видать, Ельцин побоялся остаться совсем уж ни с кем.

Уходящие в отставку страдали только отчасти. Так, В.Ерин стал заместителем директора Службы внешней разведки, Н.Егоров — сначала помощником президента, потом главой ельцинской Администрации (до июля 1996), Степашин превратился в начальника департамента по связям с силовыми структурами в Аппарате Правительства РФ и занялся своей докторской диссертацией. Позднее он снова был “брошен на Чечню” в качестве секретаря черномырдинской комиссии, а потом угнездился в кресле министра юстиции. Всплытие Шохина неожиданно состоялось через участие в черомырдинском блоке “Наш дом…”, превратившем его в думского вице-спикера. Полеванов сразу занялся политикой, создал свою партию, которая по своей немощи в конце 1995 растворилась в шумейкинском РНК, а потом и РНК растворилась вместе с самим Полевановым.

Дольше всех отъявленных демократов продержался в министерском кресле А.Козырев, ставший для оппозиции символом предательства интересов России и даже прозванный за рубежом “мистером ДА”. Его репутации не помогли великодержавные нотки, которыми он пытался покрыть свою дипломатическую линию на разбазаривание авторитета России на международной арене. На место Козырева пришел недавний главный разведчик России Е.Примаков, который, пожалуй, воспринял от Козырева только линию усидчивости. Досидел до момента, когда кризис сработал в его карьере в качестве подкидной доски — в 1998 был “подброшен” в премьеры, а через полгода изгнан “за ничегонеделанье”, чем вызвал к себе всенародную любовь.

Пришла расплата и к С.Филатову, которого вынудили оставить пост главы президентской Администрации и заняться предвыборной кампанией Ельцина в качестве ложной мишени для критики — какими-то там “Народными домами” (публичными, надо полагать). После выборов на его долю Ельцин не выделил ничего, кроме этих “домов”, придуманных для мелких политических побирушек. Но и там Филатов не прижился — очень уж неприлично было даже сидеть радом с ним. Мало того, что этот ноющий старец всем надоел в Кремле, за ним потянулся шлейф криминальных дел. Например, Стрелецкий в совей книге “Мракобесие” говорит о связях Филатова со Ставропольской бандитской группировкой, а также с израильской разведкой.

Реально в 1996 избирательными делами стал заниматься А.Чубайс, с шумом отставленный из правительства после выборов-1995. С мотивировкой: “Если бы не Чубайс, НДР набрал бы не 10 %, а 20 %”. Как шутили остряки, собирались освободить заложников в Первомайском, а освободили Чубайса.

Вышибли и Филатова, и Чубайса, надо отметить, после скандальной статьи первого секретаря посольства США Т.Грэхема (НГ 22.11.95), в котором последний говорил о клане “западников, сгруппировавшихся вокруг главы администрации президента Филатова и первого заместителя премьер-министра Чубайса, власть которых основана на контроле над Государственным комитетом по имуществу и связях с международными финансовыми организациями”.

Вслед за Чубайсом “до кучи” были выброшены министр сельского хозяйства, министр транспорта, глава комитета по оборонным отраслям промышленности, глава комитета по драгоценным металлам. Накануне выборов Ельцин демонстрировал “политическую волю”, точно Остап Бендер, жертвуя тяжелые и легкие фигуры направо и налево. Все ждали в какой момент Ельцин сдаст премьера. Это должно было стать главным аргументом, когда все остальные аргументы уже исчерпают свою силу. Но не тут то было. Процесс пошел в обратную сторону.

Началось с того, что Чубайс в тайне от общественного мнения стал главным финансистом избирательной кампании Ельцина, продавшись Гусинскому с Березовским одновременно. Использовав появление на посту секретаря Совета безопасности генерала Лебедя, Чубайс сумел организовать удар по своим конкурентам в ельцинском окружении. “Антипартийная группа” Сосковца-Коржакова-Барсукова (первый вице-премьер, начальник Службы безопасности президента, начальник ФСБ) была после первого тура выборов президента-96 разгромлена в одну “хрустальную” ночь — под хруст костей конкурентов за место у изголовья агонизирующего режима. Чубайс выступил в качестве глашатая победы, поддержав решительность Ельцина и сговорчивость примкнувшего к нему Лебедя, которые только важно надували щеки, делая значительный вид.

После скандала “с коробкой из-под ксерокса” и перед вторым туром выборов-96, несмотря на то, что Чубайс врал с телеэкрана

самозабвенно (мол, не было никакой коробки, никаких денег), ему было мягко указано, что рыжая физиономия с чертами пройдохи на телеэкране неуместна. (см. воспоминания В.Стрелецкого, “Правда-5”, № 23, 1997 и его книгу “Мракобесие…”). Зато сразу после выборов Чубайсу досталась президентская Администрация, плюс право согласования всех без исключения президентских бумаг. Избирателям, да и многоопытным политикам, в грубой форме дали понять, что их снова крупно надули. Надули, надо сказать, поделом — не садись играть с шулерами!

Генерал Лебедь, назначенный в период выборов секретарем Совета безопасности, стал причиной рапорта об отставке министра обороны Грачева, который был даже обвинен в попытке организации ГКЧП-3. Но как и данные о ГКЧП-2, информация оказалась липовой. Заговор, якобы предотвращенный Лебедем, в действительности представлял собой сборище в кабинете министра обороны, где сошлись близкие министру генералы, чтобы с горечью поговорить о непостоянстве Ельцина и коварности Лебедя. В своем кругу выражались без обиняков. Вот за это несколько дней спустя всех их и отстранили от должностей. Грачев, правда зацепился у кормушки — стал государственным представителем в компании “Росвооружения”. Толку, правда, от него было мало, потому что все, чему научился Грачев на министерском посту — это дарить направо и налево бинокли, пистолеты, кортики, ружья и т. п.

А потом наступила очередь заместителя министра обороны генерала армии Кобеца — героя обороны-1991 и штурма-1993 Белого дома. В причастности к коррупции обвинил его генерал Рохлин — герой штурма Грозного-1994, депутат Госдумы от правительственной фракции НДР. Телевидение продемонстрировало публике дачу-дворец и лживые утверждения генерала о том, что дача у него всего одна. Тут же выяснилось, что это не так, что он оформил дачу-дворец на имя своего родственника. Выяснилось также, что в ближнем Подмосковье высшее армейское командование понастроило свыше 300 дач стоимостью в среднем по 500–600 тыс. долларов за каждую (АиФ № 17, 1997). Учитывая, что оклад многозвездного генерала не превышал 500–600 долларов в месяц, он также попал в отброс, перекочевав с больничной койки в Лефортово. Обвинили, впрочем, генерала в пустяке — во взятке размером в 300 тыс. долларов.

Ельцин уравновесил жертву Кобеца снятием Министра обороны и начальника Генштаба “за безделье”. Как сообщают всезнающие аналитики, министра обороны генерал-армии Родионов до конца отстаивал свою позицию, согласно которой сокращение армии может происходить только с выполнением всех законных обязательств государства перед военнослужащими. Когда Ельцин на Совете обороны не дал Родионову прочесть свой доклад, а начальник Генштаба счел неэтичным делать в такой обстановке свой доклад, “всенародно избранный” вспылил, а Родионов прилюдно послал его “на три буквы” (все-таки не в глаза, а в сторону — как бы пробурчал что-то, хотя и вполне внятно). За это и поплатился должностью вместе с начальником Генштаба.

Представитель моноэтнического правительства, секретарь Совета обороны Батурин торжествовал: теперь национальная безопасность будет в его руках и можно на время избавиться от страшного сна, в котором его мажут дегтем, вываливают в перьях и гонят по улице поганой метлой. Слишком радостный вид предопределил быстрый конец и в его карьере. Зато в космос за государственный счет слетал. Довелось свинье небо посмотреть. Толку для страны, конечно, этот полет не принес. Только что-то хрюкнуло на орбите.

Присвоить Батурину еще и звание Героя России (как обычно это делали за первый полет) за экскурсию стоимостью в несколько сот тысяч долларов — это было уже слишком. Дали ему только орден мужества. Зато казахский пахан Назарбаев удружил любимцу — наградил его орденом с диким для русского уха названием “Достык”. (Ельцин, кстати, в своем Указе перекрестил батуринского космического поводыря полковника российской армии Мусабаева в гражданина Казахстана и наградил орденом “За заслуги перед отечеством) (Ъ № 50, 1999).

В 1994–1996 гг. постепенно дела о коррупции стали раскручиваться правоохранительными органами. Если раньше кланы коррупционеров удавалось прихватывать лишь на косвенным образом связанных с основным сюжетом эпизодах, то “выгорание” мятежа довело все дело до противостояния тех, кто большую часть страны уже разворовал и теперь начал драку за остатки, готовя для конкурентов тюремные камеры. То есть тюрьма начала “светить” всем, кто когда-либо касался высших сфер ельцинской политики.

Сначала в сети попался замминистра МВЭС А.Догаев (о чем уже писалось), потом ниточка следствия потянулась к любимому ельцинскому и.о. Генпрокурора, который тоже сел под следствие о взяточничестве. Вторую “рыбку” следственные органы пытались вытащить через заместителя гендиректора Федерального управления по делам о несостоятельности (ФУДН) П.Карпова (арестован 25 июля 1996 г.), который в свое время был заместителем П.Мостового, зампреда Госкомимущества, впутанного в уголовное дело по поводу приватизации “Лензолота”, а по большому счету — со всей приватизацией “по Чубайсу” и самим Чубайсом. По причине избирательной кампании “рыбешка”-то села за решетку, а вот “рыба” — ушла до поры до времени. Пока не обнаружилось “писательское” дело Чубайса и его подельников.

Потом наступило время для скандалов иного рода. Первым героем стал прежде незаметный министр юстиции В.Ковалев, зафиксированный на видеопленку с голым задом (и передом) во время безобразной банной групповухи в компании нескольких девиц. Местечко тоже было не случайное — сауна, избранная местом встреч солнцевских уголовников (“Прада-5” 24.06.97). Министра выперли, назначив на его место все того же Степашина. Найти лучшую кандидатуру из засаленной номенклатурной колоды было невозможно. Ну а старую “кандидатуру” с течением времени упрятали в тюрьму. Судили до изнеможения. Ковалев только бессильно грозил кулаком из-за стальных прутьев.

Для ельцинского окружения с 1996 г. обычной была предельная нестабильность. Любимца могли сегодня похвалить, а завтра отправить в отставку. Так произошло с шефом ГКИ Кохом (бежавшим с поста в связи с очень уж очевидным содействием ОНЭКСИМбанку в приватизационном конкурсе по “Связьинвесту”), шефом компании “Росвооружения” Котелкиным (тут же пересевшим в кресло замминистра МВЭС) и многими другими.

Кстати, первого уличили в получении от зарубежной фирмы (как потом выяснилось, со стороны ОНЭКСИМбанка) гонорара в 100 тыс. долларов за еще неизданную и заведомо никому не нужную книгу. Оказалось, что даже рукописи книги никто не видел. Когда Московская прокуратура начала расследование данного удивительного факта, Чубайс объявил, что знает Коха 10 лет как человека честного. Более

несостоятельной рекомендации трудно было себе представить — когда патентованный лжец называет кого-то честным, то это свидетельство о заведомой лживости рекомендуемого. Ну Кох и не таился за этими рекомендациями — быстро слинял в США и откуда обильно полил грязью свою бывшую Родину. Больше народу русскому он ничем и не запомнился — только журналистскими пакостями: мол надо взять российские ядерные силы под контроль морпехов США.

Чуть позднее (ноябрь 1997) “книжный скандал” вымел из системы власти еще нескольких соратников Чубайса, а сам Чубайс лишился поста министра финансов. Ельцин на этот счет сказал: “Чубайс поклялся мне, что 95 % гонорара отдаст на благотворительные цели. При таких условиях я оставил его, потому что у нас сейчас трудно найти специалиста такого уровня.” (НГ 29.11.97).

Действительно, большего “специалиста”, чем сам Ельцин, способный пообещать любому все, что угодно, на тот момент во власти не было. Вот если бы Чубайса застали голым в бане с девками, тогда можно было бы поискать других специалистов. А тут — всего лишь закамуфлированная взятка… Чтобы снимать с должности специалиста по аферам всероссийского уровня эта причина оказалась недостаточной.

Что касается Коха, то его прокуратура более всего шерстила не за “писательство”, а за квартиру, бесплатно полученную им от ГКИ в 1993. “Коммерсант-дейли” писал, что за квартиру в 51 кв. м. жилой площади Кох уплатил чужих денег всего 12 тыс. долларов, а потом (опять же на чужие деньги) ремонтировал это жилье в течение 9 месяцев. Да и другие сотрудники ГКИ (и по совместительству — соратники Чубайса) поживились немало. У АО “Эксиком” они за счет государства накупили себе новых квартир. Один начальник отдела получил сразу две квартиры. В эту же компанию попал и Сергей Беляев (новый шеф ГКИ), честное и открытое лицо которого потом долго было визитной карточкой думской фракции “Наш дом — Россия”. Причем Беляев отличился еще и тем, что вскоре продал свою квартиру. Вышло, что в его карман перекочевали живые деньги.

Что же до книжечки Коха о “распродаже империи”, то она должна была выйти в США. Препятствий к тому не было — Немцов даже походатайствовал, чтобы подследственного Коха отпустили в Америку, несмотря на следствие о получении взятки. Но вот сами американцы

оценили книгу весьма недвусмысленно. Один из ученых сказал, что в книге материалов — на одну небольшую статью, а объем пришлось доводить до приличного уровня путем увеличения шрифта и широких полей.

Целую порцию чиновников отставил Ельцин в конце августа 1997 г. Намеревавшийся съездить на экскурсию в космос за государственный счет Ю.Батурин был лишен председательства в Совете обороны, созданном в противовес Совету безопасности при Лебеде, а теперь упраздненного под горячую руку "за ненадобностью". Лишился поста министр культуры Сидоров, фигура которого стала одиозной даже для Ельцина.

Впрочем, на свободные места в номенклатуре тут же подбирались никуда не годные персонажи, не раз доказавшие свою полную непригодность к работе. На пост министра культуры назначена дама, допустившая установку в Санкт-Петербурге памятника Петру I работы загран-"россиянина" Шемякина, оскорбляющему любого человека, имеющего представления о приличиях. Курировать вопросы обороноспособности назначен А.Кокошин — завсегдатай Института США и Канады, наплодившего немало американских резидентов из своей среды. Позднее (1998) Кокошин стал секретарем Совбеза, а своим замом сделал В.Михайлова — занудливого профессора, провалившего, все, что было возможно на посту министра по делам национальностей (который он вновь получил в 1999). Потом обоих пинком убрали. Первого подобрал Лужков, второго — Абдулатипов (потом сам оказался без портфеля, который отнял у него Михайлов).

В конце 1997 г. Ельцин отправил в отставку директора Федеральной пограничной службы генерала-армии Николаева, который не захотел идти на поводу у грузинско-российской спиртовой мафии и отказался отодвинуть погранпост вглубь территории России даже несмотря на личное указание президента. Элементарная профессиональная порядочность вызвала гнев "всенародного", как это обычно с ним случалось, если он видел профессиональное отношение к делу, не связанное с холопьими ужимками.

Потом Николаев стал депутатом Госдумы. Напрасно ряд конкурентов по округу (тот же генерал Родионов) обвиняли его в нечестной игре. Лужков Николаева, действительно, поддержал. Но на этом вся помощь кончилась. Разошлись, как в море корабли. В

помойку “Отечества” Николаев не пошел. Вместо этого создал очередную социалистическую партию — Союз народовластия и труда.

Постепенно Ельцин избавлялся не только от профессионалов, но и ото всех, кто когда-либо был допущен в его ближайшее окружение — Коржаков, Костиков, Филатов, Сатаров… Последний, утершись от плевка, заключил сразу после отлучения от должности помощника президента, что это отлучение — “свидетельство стабилизации”, ибо в таких умных людях, как он, отпала необходимость.

Обычно на следующем повороте судьбы бывшего царедворца ожидало обвинение к коррупции, использовании своего служебного положения в целях личного обогащения. Мало кто сомневался, что это справедливые обвинения. Только вот вслух их начинали произносить лишь после того, как у отставных ельцинистов появлялись конкуренты, позарившиеся на богатство, приобретенное воровским путем.

Обманувшего всех и вся Черномырдина вместе с его стабилизацией (по народному — “стабилизец”) Ельцин выставил к апрелю 1998. Правда, половину черномырдинского правительства подобрал мальчик-колокольчик Кириенко. Чубайсу в виде отступного отдали как всегда самый жирный кусок — РАО ЕЭС. Да и других не обидели.

Но вот уже и кириенковское правительство с самого начала поползло по швам. За отсутствие сбора налогов отправился в отставку придурковатый глава Госналогслужбы Починок, только и успевший пошить себе китель с четырьмя большими звездами и спрятать невероятного размера уши под невероятного размера фуражку. Его место занял полузабытый Б.Федоров, слегка поистаскавший свою амбициозность после провала расчетов на президентское кресло. Вскоре отставленный, он попытал счастья на выборах губернатора Подмосковья, но интереса не вызвал ни у кого.

Потом под стражу был взят глава Госкомстата с двумя заместителями. После обыска на троих было изъято 1,5 млн. долларов наличными. Оказалось, что все цифры статистиков, долженствующие подтвердить стабилизацию — полная “туфта”. А нетрудовые доходы получены главными статистиками за исправление цифирок в пользу разного рода коммерческих структур.

Потом выяснилось, что и сам Кириенко начинал свою профессиональную деятельность с жульнических лотерей, а также с финансирования “исследований” экстрасенсорного воздействия при производстве нефтепродуктов.

Новое правительственное кубло полетело ко всем чертям поле очередного экономического провала — 17 августа 1998 года, когда либералы в который уже раз ограбили всю страну, повалив “пирамиду” государственных краткосрочных обязательств (ГКО). Но на этот раз грубили уже не только нищих, но и тех, кто хоть что-то мог накопить. А еще досталось иностранным спекулянтам. Их тоже раздели. В общем, “демократы” начали драться меж собой. Потому и правительства стали менять раз в полгода.

Сменившая мальчиков-колокольчиков команда Примакова не смогла очистить правительственные коридоры от мерзавцев. Остались на своих местах все “силовики”, охраняющие Ельцина от народного гнева, остались кириенко-чубайсовские кадры Генералов (ТЭК) и Семенов (Агропром). Поэтому отставка кабинета Примакова весной 1999 уже никого не удивила и не огорчила. На этот раз кириенковские остатки подгребли и выкинули. Зато новый премьер Степашин начал возвращать предыдущую генерацию прохвостов. Починок снова натянул свой китель со звездами (вместо лужковского Бооса, расхваленного Примаковым), снова в вице-премьеры (теперь даже во “вторые первые” вице-премьеры) вернулся В.Христенко.

Кстати, в прошлом Христенко отличился на посту вице-губернатора Челябинской области. Он оказался первооткрывателем “книжного бизнеса”, став соавтором книжечки “В поисках пропавших вкладов” — сборника официальных документов в 88 страниц. Выпущена брошюрка была Фондом защиты частных инвестиций, которому на издание 10 тыс. экз. было выделено из бюджета 50 млн. рублей. Книгоиздательской фирме заплатили 36,5 млн. (примерно в полтора раза больше обычной цены), на 7 млн. выписали премии сотрудникам Фонда. Остальное пропало неизвестно куда, как и примерно 20 млн. рублей от реализации брошюры. Но это — мелочь, ибо в Фонде, соучредителем которого был Христенко, бесследно исчезла половина от выделенных ему 670 млн. (“Сов. секретно”, № 6, 1998).

Чехарда в правительствах Ельцина показывает, что ставленники разорителей России даже без всякой смены власти руководят министерствами и ведомствами лишь до определенного момента, в который их выдворяют восвояси и либо снова берут в правительство, либо заводят уголовное дело. То есть, последний выход из правительства все-таки должен заканчиваться уголовным делом.

Кабинет в Доме правительства превращается в преддверие тюремной камеры. Мы вас всех там рады видеть, господа! После отставки с нетерпением ожидаем переселения туда и самого Бориса Николаевича.

Если читатель полагает, что авторы кровожадно мечтают о расстреле или иной публичной казни гайдаровцев и ельцинистов, то он ошибается. Для этих людей достаточно посидеть в колонии общего режима пару лет (разумеется, с конфискацией имущества), а потом быть лишенными права занимать какие-либо управленческие должности и выезжать за рубеж.

Они конечно же устроятся в этой жизни достаточно комфортно — такие уж прохиндеи. Ну да пусть их, лишь бы не гадили во всероссийском масштабе, ограничиваясь своим семейным уровнем.

Грызня и любовь

Демократическое единство направлено против своей собственной страны, поэтому грызня в стане “демократов” всегда на пользу России. Послемятежные годы состоят сплошь из этой грызни.

Почему, казалось бы, глотки друг другу рвать? А вот в чем дело — несмотря на замыслы “демократов”, Россия упирается, не желает вымирать. Вот “демократы” и валят друг на друга вину за не слишком выдающиеся успехи в развале государственности, страшась кары от этой самой государственности.

Единство “демократов” уже к 1994 году проявляется лишь в одном — в чувстве удовлетворения от расстрела российского парламента. Пальму первенства в антигосударственной деятельности у них перехватили “чернорыбкины” и “рыбкомордины”, а потом клан “Чубче” (Чубайс-Черномырдин). За преступную деятельность полагалось теперь получать деньги из государственного кармана. (Что не исключало обильных поступлений из других источников, но было как бы признанием больших заслуг по части изобретения всяческих мерзостей.) До этого “демократов первого призыва” не допускали —

знайте, мол, свое место! “Демократы” лишь огрызались по мелочи, не забывая вовремя тереться о номенклатурные ботинки.

В конце 1995 года нам в руки попалась книга “Реванш” (Реванш. Недопереворот. М.: “Литература и политика”, 1994), изданная центром РФ-политика. Эта была малоизвестная и редкостная коллекция яростных антиноменктаурных текстов — любопытный образчик демократической шизофрении. Только полным сумасшествием можно объяснить утверждения о том, что расстрел парламента в 1993 г., предпринятый Ельциным, был в полном соответствии с волей народа. Это бред воспаленного мозга, утратившего рассудок. Еще одно проявление бреда в том же источнике — объявление Ельцина единственным демократов в России, который, якобы, со всех сторон обложен номенклатурными заговорщиками разнообразных типов.

В этом кромешном бреду радикал-демократы действительно едины. В остальном же “демократы” приобрели стойкую привычку грызть друг друга, а не посылать проклятия безадресной номенклатуре.

Так, первый демократический экс-мент Москвы А.Мурашев обозвал своего коллегу толстого адвоката А.Макарова “человеком нечистоплотным”. Соратник “демократов” Ю.Гусман определил К.Борового “заведомым предателем, который нас сто раз обманывал”, а также высказал нарекания в адрес “Вовы Боксера”, продолжавшего свою практику швондеровского манипулирования демократическими старушками (“Партинформ” № 34, 30.08.95).

Старый наш знакомец Мурашев попался еще в одной истории. В феврале 1997 годы максимальная концентрация всей этой мрази образовалась в сгусток, назвавший себя кретинически-вычурно “Анти-АнтиНАТО” (“Партинформ”, № 7, 1997). На пресс-конференции этой организации давний “деморос” А.Мурашев сказал: “Для демократических сил России НАТО никогда не было враждебной организацией.” Фразу министра иностранных дел Примакова “Мы проиграли холодную войну” прокомментировал другой инициатор демтусовки К.Боровой: “Нет, мы ее не проиграли, мы ее выиграли вместе со странами Запада.” С.Ковалев тоже брякнул в том же духе: “угрозы со стороны НАТО не существует”, “история существования этого объединения не обнаруживает ни одного примера экспансии”.

За пять лет блуда “демократы” совсем потеряли осторожность. Ну нельзя же так откровенно! Прямо гордятся пособничеством НАТО и готовностью способствовать подрыву независимости России!

А вот и Боровой с Новодворской нашли друг друга на другом поприще — вдвоем оказалось куда как удобнее плеваться желчью во все стороны. Первый стал защищать вторую от демократии на смехотворном процессе о “разжигании межнациональной розни”. Оба просто слюной изошли, так обрадовались дури правоохранителей ельцинского режима. Десятки благосклонных интервью были им обеспечены. Восторг блестел в глазах. Потом тот же восторг воспроизводился на выборах, когда Боровой с Новодворской вытанцовывали кренделя на глазах базарной пьяни и распевали матерные частушки. Все это паскудное “общественное телевидение” тиражировало в качестве рекламных роликов избирательной кампании.

Чего только не рассказывают о популярной политической персоне Новодворской! Один постоянный слушатель радио сказал, что Новодворская потрясла его обещанием въехать в Госдуму в голом виде на гинекологическом кресле, если ее изберут в депутатки. Избиратели, по всей видимости, были так испуганы предполагаемой картиной, что решили повременить предоставлять Новодворской такой шанс.

Зато у Борового сбылась “мечта идиота”. Он доконал нестойких московских избирателей своей настойчивостью. Да, впрочем, они за последнее десятилетие уже привыкли голосовать за всякую шелупонь, с восторгом говорящую всякие скабрезности.

Тот же блудливый восторг светился в глазах Г.Якунина во время бесстыдной сцены в Государственной Думе, когда один из депутатов (Н.Лысенко), доведенный до кипения постоянным мельтешением не по чину одетой рясы, содрал с псевдосвященника увесистый крест и огрел им “святого отца” поперек спины. Якунин с бесовской ловкостью вцепился ноготками в физиономию своего оскорбителя. Телекамеры навечно запечатлели это братание и вечный позор российской “демократии”.

Гнев депутата не удивителен. Ведь Якунин всюду совался со своей оппозицией Московской Патриархии. Он выступил даже на митинге украинских нацистов, объявив Московскую Патриархию “сатанинской сектой”. Рясу-маскхалат “ретивый Глеб” так и не снял. Может быть, бить надо было на крестной цепью, а велосипедной?

А вот другой пример бесстыдства в блудливой любви одних нравственных калек к другим. В 1995 году прославился Жириновский, получив от Грачева погоны подполковника. Почти день в день подполковничьи погоны получил и Ю.Лужков. Они таким образом выражали любовь друг к другу, продолжая позор русской армии.

Если готовящийся в отброс Грачев наградил Лужкова званием, то политические отбросы демократии наградили его бранью — вполне в духе междумократической грызни. 26 июня 1997 г. состоялась пресс-конференция правозащитников ("Хельсинская группа" в лице Л.Пономарева, "Мемориал", центр им. Сахарова и пр.), где Лужкова обвинили в том, что он ведет "антиконституционную, шовинистическую кампанию, направленную против беженцев", что "в Москве создана обстановка ксенофобии и нетерпимости, которую, пользуясь средствами массовой информации, постоянно поддерживает мэр Юрий Михайлович Лужков", что "в публичных выступлениях Юрий Лужков допускает бездоказательные обвинения в адрес людей, бежавших в поисках убежища в Россию" ("Партинформ", № 28, 1997).

С чего бы так разбушевались правозащитники, до сих пор души не чаявшие в московском мэре? Да просто в это время в банке пауков началась настоящая война — клан Чубайса-Немцова начал давить клан Черномырдина-Лужкова (плюс Гусинский с Березовским). Вот и потребовались услужливые правозащитники, готовые нагадить одним врагам России, чтобы удовлетворить других ее врагов и заработать на этом свои грязные сребреники.

Впрочем, с Лужковым не только собачились, но и торговались. Грызущиеся между собой "объединенные демократы" печалились, что мэрия пытается отобрать у них на московских выборах 15 мандатов из якобы принадлежащих им по праву 31-го. Это обсуждалось на заседании секретариата политсовета гайдаровский партии накануне голосования.

А кроме того оказалось, что из среды "яблочников" вырвались слова о том, что они, дескать "всегда осуждали партию Гайдара-Чубайса за бесчеловечные и безграмотные реформы", что главный московский НДР-овец обрушился на "яблочников" и призвал не голосовать за А.Мурашева, что газеты оказались в руках финансовых воротил, отказывающихся сотрудничать с ДВР, зато выплачивают И.Голембиовскому 30.000$, а О.Лацису — 20.000 $ зарплаты, а также

переманивают сотрудников из партийного журнала “Новая политика”, положив им по $1,5–2 тыс. ДВР-овцы этого делать не могут, поскольку не способны подобно Явлинскому выплачивать по 20.000 $ за радиоэфир. (Информационный бюллетень общественно-политической жизни, Вып. I, декабрь 1997, Управление президента РФ по вопросам внутренней политики.)

В реальности все эти обиды были связан с тем, что финансовые потоки стали обходить “демократов” стороной, а после “книжного дела”, в которое вляпался Чубайс и три его дружка, из ДВР побежали даже проверенные временем активисты.

Не только на Лужкова обижались. Обижался и сам Лужков — да еще как! В условиях надвигающейся избирательной кампании 1996 года Лужкова сильно обидел мэр Санкт-Петербурга, заявив, что только он, Собчак избран вполне демократическим путем. Что до Лужкова, то, по словам Собчака, тот был назначен Ельциным после отставки Г.Попова с поста мэра, а не избран (НГ 07.02.96). Лужков выступил с опровержением (НГ 16.02.96), заявив, что приступил к обязанностям в силу правил, которые вынуждали его к этому. Согласно этих правил, якобы, вице-мэр выполняет обязанности мэра, если последний по каким-либо причинам не может выполнять своих обязанностей. За такие причины Лужков выдал добровольную отставку Попова. Но это явная ложь. Лужков предпочел забыть баталии вокруг своего назначения (см. “Мятеж номенклатуры”), да и доводы рассудка — ведь Лужков до 1996 мэром Москвы не избирался!

Как бы там ни было, Лужков отправил в Питер своих “технологов”, которые начали валить Собчака, играя в пользу обалдевшего от такого оборота дел В.Яковлева. Самому Собчаку не помогли подметные письма, ни политическая цензура в СМИ, ни полемический напор.

Расплата для негодяев, как мы видим, наступала постепенно. “Тюрьма и сума” маячили где-то впереди, следствие уже шло. Поэтому-то Собчак предпочел ретироваться в Лондон и даже ради празднования своего 60-летия не рискнул посетить проклятую им родину.

А потом Собчак вдруг умер, не успев в новую эпоху поруководить в Администрации президента — от, как говорили, четвертого инфаркта. Чубайс тут же обвинил в смерти Собчака от сердечного

приступа бывшего генпрокурора Скуратова и бывшего ельцинского охранника Коржакова, а также питерского губернатора Яковлева и бывшего пресс-секртаря Ельцина Вощанова. Вот такая любовь среди демократов, которую потом называли “травля”. Действительные причины смерти кончено же к “травле” отношения не имеют. Переживал Собчак опасность оказаться за решеткой — это точно. Только инфаркты у него было все сплошь симуляциями. Об этом написала калининградская газета “Новые колеса” и перепечатала питерская “За русское дело” (№ 6, 2000). На этот счет приведены свидетельства паталогоанатомов. Кроме того, сообщены были и действительные обстоятельства смерти “отца российской демократии” — традиционная для такого рода деятелей баня с “русалками”. Так что, не мог Собчака травить Скуратов. Того тоже застукали без штанов. Только, в отличие от бывшего адвоката Собчака, прокурор выжил и даже попытался быть политиком — как и бывший бесштанный министр юстиции Ковалев. И них, у юристов, вероятно, так принято — по достижении определенных должностных высот оказываться на публике без штанов.

Понятно почему грызня в демократическом лагере шла непрерывно. Дело в том, что “демократов” просто перестали замечать, настолько жалки они стали. В 1997 г. отметить годовщину “августовского путча” пришли к Белому Дому несколько десятков человек. Телевидение искало хоть кого-нибудь из тех, кто прибыл сюда именно как на праздник, а не на тусовку “боевых друзей”. И нашло. Им оказался “ни к чему непричастный” Шабад, которого даже пронырливые тележурналисты перестали узнавать в лицо, а потому и сунули в эфир.

В марте 1999 состоялся съезд партии “Демократическая Россия” — жалкое посмешище для “демшизы”, о котором бывший соратник демократов В.Выжутович опубликовал уничижительный материал в “Известиях” (10.03.99). Оказалось, что на лидерство в этой организации претендовали политические трупы Собчак и Станкевич (последний даже предложил открыть зарубежное представительство для деморосов), направляя своим соратникам “письма издалека” — из загранки, где они скрываются от российского правосудия. Но в результате почетным председателем посмертно была избрана Галина Старовойтова, что само по себе говорит о глубине маразма, в котором

находилась “Демроссия”, контролировавшей некогда треть российского парламента и две трети Моссовета. Сопредседатель движения Л.Пономарев сам оценил собственные перспективы: “Дело дохлое…”.

Дело не только дохлое, но и тухлое. И в этой тухлятине начинают копаться следственные органы, выворачивая на свет Божий всяческую пакость, долженствующую доказать отныне и до веку: “демократы” в России — это скопище лжецов и прохвостов.

Например, добралась прокуратура до одного из первых героев эпохи ельцинизма — до Тельмана Гдляна и его “альтер эго” экс-следователя Иванова. Они оказались замешанными в мазутном деле бывшего владивостокского мэра Черепкова, который из бюджета города перечислил по рекомендации соратников Чубайса в никому не ведомую фирму “Грант-Н” 2,85 млн. деноминированных рублей. Из этой суммы 450 тыс. оказались во Всероссийском фонде прогресса, защиты прав человека и милосердия, соучредителями которого были Гдлян и Иванов. Кстати, выяснилось, что г-н Иванов получал в качестве помощника мэра Владивостока 1200 долл. в месяц. Но даже эти деньги не были отработаны. Мазута города не получил. Зато Черепков, взбаламутив все Приморье своим нежеланием оставлять кресло мэра, исчез в неведомом направлении прямо с больничной койки (по методу Собчака) (МК 05.05.99).

Надо сказать, что Гдлян в свое время демонстрировал те качества демократического порядка, которые на заре перестройки еще не были ясны. За 6 лет работы по “хлопковому делу” в Узбекистане его группой было арестовано около 200 человек. Но ни одно дело так и не было направлено в суд. Позднее, пользуясь депутатской неприкосновенностью, Гдлян и Иванов отказались помогать следствию и не явились ни на один допрос. А 30 августа 1991 — сразу после “путча” — Генпрокурор СССР незаконно закрыл “хлопковое дело”. Не туда ли было списано “золото партии” при участии Гдляна с Ивановым? А может быть это “золото” было использовано в качестве первоначального капитала номенклатурного бизнеса последующих лет?

Другой пример из той же корзины с набором из криминала и властолюбия. Бывший главный московский контролер В.П.Миронов накануне парламентских выборов 1999 года вдруг вспомнил, что один

из политических холуев Лужкова на прошлых вбыорах был его конкурентом и устроил массовую подделку подписных листов. Он утверждал, что нынешний начальник избирательного штаба по фамилии Боос в 1995 году подделал более 80 % подписей. Кроме того, В.П.Миронов обвинил в сговоре изготовителей фальшивых листов для голосования с судом и прокурором. В общем, обидели отставного демократа до такой степени, что не стерпел он, возопил после четырех лет душевных мук. Теперь требовал справедливости и надеялся на нее, внимая процессу политического изничтожения Лужкова и его команды по центральным телеканалам.

Мы уверены, что всех этих собчаков рано или поздно выведут на чистую воду, чтобы без всякого усилия даже самый простецкий житель нашей страны воочию убедился, что разговоры о борьбе за демократию и воровство друг без друга просто немыслимы. Если человека можно назвать “демократом”, то одновременно надо иметь в виду, что очень скоро можно будет назвать и “вором”.

*** * ***

И снова о демократическом единстве. Будучи уязвленным упреками со стороны своих хозяев, “московский комсомолец” П.Гусев ни с того ни с сего начал униженно извиняться перед министром обороны П.Грачевым, которого газета оскорбила заголовком “Вор должен сидеть в тюрьме, а не быть министром обороны”, а также наименованием “Пашка-мерседес”. И вот, Гусев в телепередаче в прямом эфире рассыпался в извинениях перед генералом как раз накануне суда над журналистом, опубликовавшим “оскорбительную” статью (если можно оскорбить правдой, столь редкой для МК). Через несколько дней после абсурдного приговора суда (осуждение на год лишения свободы и одновременная амнистия в связи с 50-летием Победы), МК опубликовал статью с другим издевательским заголовком: “Павел Сергеевич — мерседес” и подзаголовком “Вор должен сидеть в тюрьме (Г.Жеглов)… а не быть министром обороны”. Зачем же тогда нужно было так унижаться? Ответ прост: Гусеву унижаться не привыкать. А что до ненужности, с кем не бывает, — перебдел. Но спина уже привыкла прогибаться, и болевых ощущений Гусев не обнаружил.

Убогий редактор “любимой газеты президента” долго пытался отмыться от последствий невнятной фразы совершенно выжившего из

ума Ельцина: “…рупор коммунистов “Московский комсомолец””. Вместо того, чтобы просто посмеяться над склеротическим президентом, Гусев решил покритиковать его помощников, заявив, что те неправильно определяют для президента характер тех или иных изданий.

Павел Гусев в тот период действительно прикинул, как бы это снова пересесть с одного паровоза на другой — теперь на патриотический. Ему довелось вести пресс-конференцию Конгресса русских общин. Но после конференции П.Гусеву поступило столько упреков в неверности (может быть, доходило и до угроз), что пришлось опровержения публиковать. Но об этом мы расскажем ниже.

Особенно решительно “демократы” поливали друг друга помоями по поводу умиротворения в Чечне. Здесь отличился газетный погромщик А.Нуйкин, полоскавший по чем зря “партию мира” (подборка статей в брошюрке “Испытание Чечней” без выходных данных, но с явной нацеленностью на выборы-96 — неприкрытой апологетикой Ельцина и соответствующим тиражом). Именно Нуйкин констатировал: “Демократическая Россия” в итоге оголтелой антиельцинской, продудаевской позиции ее вождей вообще бесславно сошла со сцены. Льву Пономареву пришлось переквалифицироваться в управдомы (на эту роль его взяла к себе “Хельсинская группа” правозащитников из дома Сахарова), так и не добившись, чтобы Президент начал исполнять его ультиматумы. А вот Г.Старовойтову крах ее любимого движения чрезмерно не расстроил, ибо на его костях она все же сумела прошмыгнуть в депутаты и, весьма довольная собой, чуть ни каждый день начала объяснять с телеэкрана как нам жить дальше.

На “истратившего сто чернильниц во славу демократии” в ответ сыпались тоже нелестные характеристики. Мистер Боксер даже сказал, что Нуйкин стал писать как Нина Андреева. Ошибся Боксер. Нуйкина сравнивать с Андреевой смешно! Лучше со сталинским прокурором Вышинским. Да и не “стал”, а всегда так и писал. Только раньше это было выгодно Боксеру, а теперь — не очень.

Сам Нуйкин, правда, тоже сильно заблуждается на счет своих оппонентов. Он вопрошает: “Откуда взялось у моих друзей-”миротворцев” при оценке неимоверно сложной противоречивой ситуации столько несгибаемой самоуверенности,

безапелляционности, нетерпимости, даже враждебности к любой другой позиции, доходящие не просто до нежелания слышать, спорить, опровергать, но даже до нежелания самим думать о том, за что они, вроде бы, голову готовы положить на плаху? И это при том, что в их рядах интеллектуал сидит на интеллектуале, аналитик на теоретике!”

Нуйкин так утомился в боях за “демократию”, что своих не узнал — тех, с кем его связывает общая интеллектуальная убогость, общая безнравственность и общее преступление — измена.

Милые бранятся — только тешатся. Накануне президентских выборов Ельцин про “демократов” сказал: “Никуда они не денутся”. И даже не стал обсуждать с ними каких-либо условий поддержки своей кандидатуры. “Демократы” действительно никуда не делись и пошли, кривляясь и оправдываясь, голосовать за Ельцина.

“Демократы” не послушались своего “духовного отца” С.Ковалева (получившего такой статус за десятилетнее сидение в тюрьме), который на съезде гайдаровской партии по поводу Ельцина сказал прямо: “Давайте называть вещи своими именами: мы сейчас ответственно принимаем решение поддерживать лжеца и убийцу. Ну, пускай, вынужденного убийцу, пускай не очень успешного лжеца.”

Неплохая характеристика для персоны, с которой связали свою судьбу так называемые “россияне” (не русские, конечно!).

Именно эти пассажи взял на вооружение во время выборов Г.Явлинский, сочетая их с рассуждениями о том, что Ельцин не пошел на компромиссы. Действительно, как это так — убийца и лжец не идет на компромиссы! Непорядок!

А вот теоретический пассаж, который автоматически ведет “демократов” к роли половой тряпки или помойного ведра. Этот теоретический пассаж мы снова берем из сочинений Нуйкина — “мощный старик, отец русской демократии” утверждает, что сотворять себе кумира из нравственности не стоит. А все потому, что кумира нельзя сотворять “ни из чего”, а математические и экономические решения не могут быть нравственными или безнравственными.

Точнее проявить симптом душевного расстройства “демократии” трудно. Путая Божий дар с яичницей, “демократы” всегда либо погружаются в безголовое морализаторство, либо безбожно упрощают стоящие перед ними задачи и демонстрируют приверженность к холодным цифрам. Оттого то у них фракция “идеалистов” выглядит

дураками, фракция “реалистов” — негодяями. Если же глядеть на все это безобразие со стороны, то идиотизм и негодяйство одинаково присущи и той, и другой фракции. Дерутся только за место у корыта.

Итог всей этой демократической непристойности можно подвести словами еще одного любителя чернильниц — Л.Радзиховского. Этот экземпляр “демократа” отличается тем, что не может не ужалить в самое больное место даже своего братца по борьбе с Россией.

Радзиховский пишет: “Почти все демократические партии в 1996 году дошли до состояния политических маргиналов. Их жалкая позиция во время выборов Президента полностью сводилась к увесистой формуле Ельцина: “Да куда они денутся!” Точно, никуда не делись. Говорили-говорили, а как дошло до дела, то (по известной формуле из кремлевских предшественников Ельцина) — “прибежали как миленькие”. Этот подвиг благонамеренности, при всей его иррациональной оправданности (только б не было Зюганова!), не увеличил доверие и симпатии избирателей, хотя и они никакой другой стратегии предложить не могли. предложить не моли, но и “это” кушать — тоже не хочется” (“Правозащитник” № 2, 1996).

Не хочется, а нажрались до икоты, — продолжим брезгливую мысль Радзиховского, вполне обоснованно испытывающего отвращение к режиму Ельцина, опирающемуся на страх и беззаконие. Только этот чистоплюйчик не стесняется говорить о том, что Россия “стала свободной страной”. Если уж стала Россия свободной — то уж только для всяческой сволочи.

Тут стоит привести откровение уральского губернатора Э.Росселя, быстро сменившего маску оппозиционера на подобострастную ухмылочку “нового русского” с ельцинистским душком. Россель довел до сведения общественности, что если разбираться в источниках материальных поступлений российских граждан, то надо пересажать половину страны. Лучше всех простить — предложил губернатор, бессовестно соврав. (Точно также соврал и А.Лебедь на губернаторских выборах в Красноярском крае в 1998).

По нашему мнению не просто посадить, а физически уничтожить требуется чрезвычайно узкий слой предельно наглых и безнравственных субъектов. Публичной казни достойны, может быть, один — два. Остальные пять-шесть тысяч — на лесоповал. Если не успеют друг другу перегрызть глотки. Например, по поводу кампании

“Сибнефть”, вокруг которой в 1997 г. хлестались прочубайсовские ОНЭКСИМбанк и “Альфа-групп” против структур Березовского, или по поводу газет “Известия” и “Комсомольская правда”, отбитые чубайсовскими структурами у черномырдинских.

Что касается тех, кто хочет приобщить всю страну к своим пакостям, они и затаиться-то не в состоянии — саморазоблачаются на глазах у публики. Их и судить-то смешно — уж больно убоги! Они-то надеются, что в случае чего “заграница нам поможет”, и можно будет войти в историю мучениками… А их просто в шею или пинком под зад отправят восвояси.

Политический стриптиз. Классика (А.Янов)

Без понимания одной очень политической болезни, трудно понять историю современной России. Особенно если судить по всякого рода публикациям.

Околодемократическая профессорская мафия, защитившая диссертации на марксизме, а потом наплодившая кучу вздорных академий (теперь все — академики!), вызывает у нас особое презрение своим предельно далеким от науки стилем мышления — далеким до болезненности.

Начитаются эти академики в своих каморках-кабинетах всяких “хабермасов”, понапишут по этому поводу чепухи и давай впихивать эту чепуху во все щели информационного пространства! Если текст удовлетворяет сленгу “московских комсомольцев” — публикуют в газетах, если вообще бред нерусский — в ученых журналах пропечатают, если это к тому же еще и “нетленка” — ищут спонсоров и издают шизофренические книги.

Как-то раз одному из нас пришлось написать отзыв на книгу большого друга российской демократии (точнее, того, что у нас можно было бы назвать “реальной демократией”) Александра Янова (А.Янов “После Ельцина”, М., 1995). Книга, вызывая обморочную скуку при чтении, была все-таки любопытна как произведение “предельного демократа”, безоговорочно усвоившего все симптомы той политической болезни, о которой мы ведем речь. Эту рецензию мы и приведем здесь.

Труд известного советского доктора исторических наук, “специалиста по русскому национализму”, известного американского ученого не относился к числу научных, как и подавляющее

большинство творений призванных под знамена ельцинского режима интеллектуалов (с позволения сказать). Но в ряду псевдонаучной публицистики книга “После Ельцина”, бесспорно, была трудом фундаментальным, а по стилю — классическим. Поэтому мы попытаемся посмотреть на эту книгу как на своего рода подделку (проще — вранье) — достаточно примитивную и малоинтересную по содержанию, но занятную, как пример укоренившегося у либеральной публики способа сойти с ума.

Книга Янова настолько бесхитростна, что может расцениваться как саморазоблачение почти непристойного характера. Непристойность самим Яновым конечно не замечена, но со стороны видна практически в любом вираже его мысли, любом описанном им эпизоде.

Начнем с того, что книга названа Яновым совершенно неправомерно, хотя и объяснимо — “После Ельцина”. Неправомерность вполне закономерна и вполне в духе “реальной демократии”. Не о постельцинской России пекутся наши “демократы” и Янов, как их представитель. Их Россия и его Россия — это Россия Ельцина. После Ельцина для Янова и либералов гайдаро-явлинской выделки России нет, а точнее — не должно быть. Для Ельцина Янов не находит ни идейных, ни политических преемников. Даже либералы становятся для него врагами, как только они начинают выступать против Ельцина (например по поводу Чеченской войны). Янов критикует даже Запад, который более обеспокоен своими сиюминутными интересами и не собирается безвозмездно помогать Ельцину. И тех, и других Янов пугает “имперским реваншем”, протягивая руку за подаянием в пользу ельцинизма.

Главный аргумент для нагнетания такого рода страхов — это антизападная позиция идеологов национал-патриотов и их “психологическая война” против ельцинизма. По первой позиции Янов совершенно прав, по второй — абсолютно лжив.

Антизападные настроения — бесспорный факт, но они конечно не означают стремления к уничтожению Запада. Антизападничество состоит в том, что Россия на своей территории должна считаться только со своими интересами, а всякие попытки отстаивать здесь чьи-либо еще интересы должна рассматривать как предательство или диверсию. Янов в явном виде такой принцип не отвергает, но в

истории России видит лишь два ценных периода — период большевистского переворота и период ельцинизма. Все остальное для него — мрак военной империи. Именно этим Янов разоблачает близость российского либерализма и большевизма как радикальных противников русской государственной традиции.

Верный большевистской методе разрушения российской государственности, Янов призывает на Россию судьбу Германии и Японии — фактическую оккупацию, национальное унижение. Он пытается оправдать эту судьбу нынешним экономическим развитием этих стран, но забывает доказать, что экономический расцвет бесспорно следует за оккупацией. Забывает, поскольку доказать это невозможно!

Забывчивость Янова не случайна. Ведь чуть ли не главной задачей для Запада он полагает разоружение России, которое гарантирует Запад от опасности “ядерного реваншизма”. То есть безъядерный реваншизм для Янова уже не страшен — его можно будет взять голыми руками.

Янов очевидно лжив, когда говорит о психологической войне, якобы вяжущей мысль либералов, запуганных “реваншистами”. Если и есть психологическая война, то именно со стороны либерального лагеря, поставившего себе на службу средства массовой информации. Соотношение сил здесь 1 к 100. Янов же подсчитывает никому не известные “фашистские издания” и выдает их за реальную силу.

О злонамеренности Янова в вопросе о соотношении сил в борьбе идеологий говорит тот факт, что он сам становится элементом пропагандистской кампании, ведущейся “демократами” несколько лет к ряду. Янов говорит об опасности “военно-националистического путча”, о “русском Гитлере”, о “ядерном реваншизме”… Здесь злонамеренность самого низкого пошиба — злонамеренность, связанная со своими эгоистическими устремлениями. Как и российские либералы, Янов нагнетает истерию, чтобы выклянчить у Запада средства на собственное существование.

Метод этих побирушек всегда абсурден. “Психологической войне”, “лжи реваншистов” Янов предлагает противостоять “убедительными картинами великого европейского будущего демократической России”, но сам таких картин не предлагает. Он то упрекает Запад в том, что ему рынок в России дороже, чем демократия,

то обрушивается на Дж. Сакса за то, что тот говорит о неприемлемости недемократического пути к рынку — мол, надо видеть ту “психологическую войну”, которая ведется “реваншистами”. Вместо того, чтобы говорить по существу об эффективности “шоковой терапии” реформ, Янов обосновывает ее благотворность тем, что на апрельском референдуме 1993 года “народ не отказал Ельцину в доверии”.

Янов пытается зафиксировать свою особость, отличимость от дураковатых российских “демократов” лишь тем, что предлагает ясной антироссийской позиции Запада альтернативу в виде “политики соучастия”, сводящейся к поддержке “пятой колонны”, и дипломатической благожелательности к антинациональному режиму (чем антинациональней, тем благожелательней). Но с этой идеей он абсолютно никому не интересен, ибо обе позиции в реальной политике США без труда совмещаются. Когда “пятой колонне” в России жилось несладко, Янов использовался Америкой для того, чтобы блажить во все горло “Русские идут!” На русском языке это должно было звучать особенно убедительно. Сейчас такого рода услуги можно получить даже в Кремле, и Янов стал неинтересен.

Читаешь Янова и думаешь, наивен или прикидывается? Неужели доктор исторических наук не понимает, что “бритоголовые бандиты” не приходят к власти сами собой, что их нанимают с определенной целью? Неужели историк может называть демократией февральский переворот 1917 года в России? Неужели здравый человек может всерьез можно говорить о новом Пирл-Харборе, грозящем американцам со стороны России? Неужели аналитик может всерьез говорить о том, что в России возможен фашистский путч, после которого всех евреев посадят в концлагеря? Это бред или напускная шизофрения?

Так или иначе, своей книгой Янов полностью дезавуировал себя как историка. Историк никогда на заявит, что Иван Грозный говорил языком Баркашова, что СССР — единственный из членов антигитлеровской коалиции продолжил после войны агрессивную политику, что Жириновский сочетает “либеральный пафос Данилевского с политической технологией Гитлера” и продолжает традиции исторического славянофильства, что Франция живет по Вольтеру и Дидро. Историк не позволит себе профанно излагать и

критиковать труды Льва Гумилева на десяти куцых страницах, даже если и не разделяет его основных идей.

Трудно придумать более эффективный метод самоуничижения в качестве политического аналитика, чем тот, которым пользуется Янов. Он ставит в книге не научные, не политологические задачи. Что-то процитировав, он только и способен вымолвить: “Смотрите! Вон они какие! Караул!”. Остается голый испуг, хаотическая рефлексия — не более того.

Особенно нелепыми, жалкими выглядят попытки копировать при создании портретов лидеров патриотического движения психоаналитический метод Э.Фромма. В результате Янов разоблачает только свое ущемленное самолюбие, раздражение не принявшим его Шафаревичем, не оправдавшим надежды Кургиняном, отказавшимся от превращения “из фашиста в антифашисты”, чуть не выставившим его за дверь Жириновским, упрямым и парадоксальным Прохановым, неожиданно демократичным Зюгановым… Кстати, с перспективами Жириновского Янов попал пальцем в небо. Он утверждал, что Жириновский станет основным соперником Ельцина на президентских выборах, хотя любому аналитику в России было понятно, что это не так.

Вместо критического разбора взглядов своих оппонентов, он говорит о необходимости их маргинализировать, “защитить от них умы россиян”, доказать Западу “насколько серьезна угроза русского фашизма”. Это значит, что предлагается только голое политиканство — ничего более.

Сфабриковав химеру “веймарской России”, Янов в совершенно извращенном виде подает образ могильщиков “веймарской демократии”. Он рассматривает фигуры национал-патриотов вчерашнего дня, разбирает идеи тех, кто не способен к реальной борьбе за власть политическую и власть над умами. “Страшилка” “русского фашизма” у Янова становится пустышкой. Он отмечает неумную конкуренцию лидеров и “партизанщину” национального движения, подмечает несовместимость “правых” и “левых” идеологий на примере Русского национального собора и Фронта национального спасения. Янов пугается этой пустышки и не замечает, что историческую перспективу имеет вовсе не коммуно-патриотическая коалиция, а союз осознающей свои интересы власти с идеологами

русского прорыва, которые зачастую предпочитают научную деятельность играм вокруг политики.

Наиболее убедителен Янов именно в тех разделах, где неожиданно для самого себя доказывает абсолютную беспочвенность российского либерализма. Без поддержки Запада у него, по словам самого Янова, нет ни политических, ни интеллектуальных, ни материальных ресурсов. Так чья же это политика — насаждение либерализма в России? Янов отвечает на это прямолинейно — это политика Запада, стремящегося уничтожить своего соперника. Выходит, что российский либерализм несет в себе имманентный признак антигосударственности.

Все, кому не по душе политика Запада, коррумпированность ельцинского режима, предательская позиция либералов, для Янова — “реваншисты”. Возводя политическое противостояние в России во вселенский абсолют, Янов говорит, что вся Россия представляет собой линию фронта между демократией и национализмом. Эта позиция справедлива только при оговорке — противостояние происходит между псевдодемократией, которую Запад предлагает в качестве технологии саморазрушения своим соперникам, и национализмом, которому Запад препятствует в других странах, опасаясь резкого повышения их конкурентоспособности.

Прав Янов в том, что не Ельцин является главным противником для “реваншистов”. Он сам пишет: “В Кремле возник слабый, но прото-демократический и на удивление проамериканский режим.” То есть, все-таки Запад — главный источник политического противостояния, хотя реальное столкновение происходит между российскими либералами и русскими националистами.

Отметим, что коммунистическая оппозиция сегодня играет на поле националистов, паразитируя на природном патриотизме и государственном инстинкте граждан. Профанируя национальную идею, коммунисты оказывают огромную услугу ельцинистам, “пятой колонне”, в хвост которой они пристраиваются.

Для Запада коммунисты в России не опасны. Книга Янова, в которой о коммунистах практически ничего не говорится — тому подтверждение. Ведь именно коммунистам обязаны российские либералы своими успехами. Они ведут оппозицию по ложному пути, таскаются с поблекшими лозунгами и символами, вместо того, чтобы

выдвигать новые идеи. Потому-то эффективной становится пропаганда вроде: “Придут коммунисты — корову отберут”.

Янов высказывается против антирусских позиций на Западе не потому что они антирусские, а потому что они опасны поражением либералов в России. Здоровая реакция национального организма на откровенные попытки его разрушить представляется опасной для интересов Запада. Но Янов не замечает, что инициирует практически идентичную реакцию русского самосознания на беспрерывное обсасывание темы юдофобии (“антисемитизма” — в терминологии Янова).

Еврейская тема для Янова становится какой-то болезненной. То он пытается завязать разговор с евреями о “русской идее” (те шарахаются от него, как от зачумленного), то вынуждает их признаться в ожидании нового Холокоста (для Янова “список Шиндлера” куда длиннее, чем “русский список”!). Если где-то разгромлено еврейское кладбище — Янов готов вопить о фашизме, требовать антифашистских манифестаций и заявлений государственных деятелей. Но Янов будет молчать, как рыба, при разрушении русских воинских кладбищ в Восточной Европе, при осквернении русских могил в Прибалтике, при разорении сербских кладбищ. Алогичность и злонравность такого подхода, так или иначе, становится ясной даже для обыденного сознания.

Как раз кстати Янов признается, что он против всяких “традиционных ценностей”, всяких “национальных культурных ценностей”. Желчное брюзжание вызывают у него даже неуклюжие попытки части российских либералов хоть в чем-то продемонстрировать самостоятельность — говорить о национальном своеобразии, о приверженности национальным интересам…

Если русских Янов просто игнорирует, то к евреям у него, действительно, какое-то болезненное влечение. В своей книге он то рассказывает еврейские анекдоты, то выискивает по страницам сочинений своих оппонентов что-то антиеврейское, то пристает с беседами о политике к поэту Иосифу Бродскому (выделяя его именно как еврея, а не как поэта), то любовно перечисляет все случаи юдофобии в публичной политике последних лет (как их, оказывается, мало!), то, вместо исторических концепций Артура Шлезингера, замечает лишь его еврейскую принадлежность… По поводу

последнего можно заметить, не интересуясь его нижним бельем, что “Циклы американской истории” — неплохой материал, оппонирующий Янову с его вздорными антиимперскими филиппиками.

Наконец, Янов повторяет в собственном варианте миф о жидо-масонском заговоре. Только у него мировой заговор творят фашисты. Он считает Россию “даром небес для международного фашистского капитала”. Это жанр ненаучной фантастики.

Имеется в книге жалостливая история о том, как Янов не стал крупным общественным деятелем. Она была внутренним делом “демократов”, пока Янов не рассказал об ней на страницах своей книги — как ему все налгали, говоря о готовности поддержать инициативу создания международного Комитета Согласия для оказания поддержки “молодой российской демократии”, “веймарской России”.

Янов не нужен никому. Янова не хочет знать ни Ельцин, ни Шаталин, ни Шеварднадзе, к которым он обращался со своими идеями о “политике соучастия”. Он их жаждет, они его нет. Похоже, что даже политические майклы-джексоны вроде И.Хакамады (написавшей предисловие к книге Янова вроде как из милости) особенно его не привечают. У тех и других и без Янова есть свое “соучастие”, им посредники не нужны.

Янов не нужен ни евреям, ни юдофобам, хотя и пытается разговаривать и с теми, и с другими. Первые его боятся (как бы не засветил их перед вероятными погромщиками), вторые, вероятно, презирают. Он страшно обижен на всех, кто не признал в нем великого ученого и общественного деятеля. Америка-то признала! Только Янов не видит, что это признание в прошлом, что Билл с Борисом и без него большие друзья.

Янов ослеп без потери зрения. Он смотрит через океан на Россию и не видит ее, не понимает ее. Проглядев все глаза в своих тщетных попытках подогнать действительность под содержание собственной головы, Янов перестал видеть что-либо даже у себя под ногами. Он не знает ни Запада, ни России. Он не видит неприличности своих саморазоблачений — этакого демократического стриптиза. Его опусы интересны только тем, кто хочет сам пугаться и других пугать. В крайнем случае — коллекционерам политических патологий.

Академический маразм (Д.Лихачев)

Есть в “активе” российского либерализма и еще один старичок-боровичок, отличный от прочих подобных тем, что по слабости начал подписывать разные малоприличные воззвания, а потом еще что-то залопотал против попыток выразить национальную идею, будто вспомнив, что не все еще сделал в своей жизни.

Академик Лихачев, которому исполнилось 90 лет, так отреагировал на вопрос, относящийся к необходимости для русской нации “единой консолидирующей идеи”:

“Все это крайне опасно!.. Нигилизм разовьется. Государство должно быть деидеологично. А вооруженное какой-то, пусть самой правильной идеологией, оно опасно, потому что становится нетерпимым к чужой идеологии. В государстве должно быть много идеологий. Так же, как не должно быть одного ислама. Почему Русская Православная Церковь потеряла столько своих приверженцев? Потому что в ней видели воплощение императорской государственной идеологии. Самодержавие и православие не должны быть рядом. Государство пусть стоит с алебардой на площади и следит, чтобы не грабили подданных.

Если не хватает своих идей — пожалуйста, приобретайте “за свой счет” чужие, заимствуйте. Но стоит ли пренебрегать собственным богатством? У нас есть блестящие философы, у нас живопись, музыка, близкие к религии. Когда я слушаю “Хованщину” или “Град Китеж”, меня охватывают почти религиозные чувства. Но когда я вижу: весь первый ряд в театре заполнен людьми, украшенными орденами, эполетами, с кортиками воинственными, восхищающимися одномерностью идеологии, идущей со сцены, я легко представляю их марширующими по улице. Разве это не так? Поэтому я противник любой идеологии — сегодня она таит в себе страшную опасность… Всякая идеология ведет к деспотизму” (“Век” № 46, 1996 г.).

Простим почтенному старцу, который является специалистом в области языкознания, что он на десятом десятке своей жизни отождествляет идею с идеологией, национальную идею с государственной идеологией, что после 80 лет господства в России марксизма-ленинизма он позволил себе такое обобщающее умозаключение: “всякая идеология ведет к деспотизму”.

Но “простить” не означает “согласиться”.

Если бы академик развил свои размышления по указанному предмету, то он наверняка вспомнил, что точно такую же позицию занимал двумя столетиями ранее генерал Бонапарт, ставший императором Наполеоном I. Для г-на Лихачева французский император “тоже тиран — но умница, потрясающе образованный человек”. Потрясающе образованный капитан артиллерии, сделавший за 10 лет необыкновенную карьеру, считал любую идеологию опасной для империи, а идеологов — своими злейшими врагами. Означает ли принципиальное отрицание идеологии со стороны Наполеона, что во Франции отсутствовал деспотизм? Ничего подобного. Деидеологизированность наполеоновского режима ничуть не препятствовала тому, чтобы он являл собой пример откровенной, принципиальной, последовательной деспотии.

Государство может быть деидеологизированным, как первая французская империя, и одновременно находится в условиях деспотического режима, следовательно, не исключено и противоположное соотношение — народовластие в условиях идеологизированности. Одно никоим образом не препятствует другому.

Если оставить за скобками духовную жизнь общества, останется одна только технология господства одной части общества над другой. В технологическом отношении власть в государстве ничем не отличается от власти в банде или воровской малине. Стоит избавить картину общественных отношений раннего средневековья от поэтических и романтических красок, появившихся на живописных и литературных полотнах в эпоху Возрождения, получится ничем не прикрытое насилие, власть, которая использует силу в качестве своего единственного аргумента. Бароны, герцоги, графы и тому подобные субъекты, заполонившие Европу, представляют собой на современном языке главарей какой-нибудь солнцевской, люберецкой или чеченской группировок.

В какой момент предводители средневековых вооруженных банд перестали быть обыкновенными грабителями, насильниками и убийцами? Как только их внутренний мир оплодотворили духовные формы и прежде всего религиозные. В подлинном смысле этого слова Европа вновь вступала на путь цивилизационного развития, после того как прекратила свое существование Западно-Римская империя, лишь

когда европейское рыцарство приняло участие в крестовых походах, событии, целиком опиравшимся на духовные идеалы, после которых историю новых европейских народов можно уподобить истории идей, а не истории криминальных деяний.

Отношения, свойственные варварскому периоду развития, становятся на путь цивилизованных отношений, а обыкновенное насилие превращается в государственные отношения, как только общество приступает к освоению духовного мира человека, как только оно начинает жить не только материальными, но и духовными интересами.

Разве идеи сами по себе угрожают человечеству? Общество обречено на “нигилизм”, если, сосредоточившись лишь на материальной стороне жизни, оно попытается исключить область идеальных интересов. Человек, который не исповедует “идеологию” — дикарь, нация без “национальной идеи” — сброд. Такой оборот дела действительно “крайне опасен”, поскольку его результатом является регресс, движение вспять.

Не надо далеко ходить, чтобы увидеть последствия “деидеологизации”. Страной без господствующей идеи, но с множеством “идеологий”, является современная Россия. При этом г-н Лихачев никак не может понять, что все то, что его ужасает в современном положении страны, ее культуры, является закономерным результатом игнорирования властью национальной государственной идеи, которая пока что неестественно терпима к “чужой идеологии”, а также появление граждан, разум которых не обременен никакой “идеологией”. С мнением почтенного мэтра, названного в связи с его юбилеем в “демократической печати” ни с того ни с сего “совестью нации”, спорить бесполезно, поскольку ни одно из его умозаключений не соответствует природе общественного и прежде всего русского развития.

“Не бойтесь множества идеологий, но страшитесь, если в России появится национальная идея”. Такова суть академических откровений, активно внедряемых в сознание русского общества. В этом стоит разобраться подробнее.

Интервью академика, с которого мы начали, имело редакционный заголовок: “Русский человек по-детски доверчив”, что не соответствовало самому тексту. Г-н Лихачев говорил о “страшной

доверчивости русского человека”, считая ее “национальной чертой” русских, которая постоянно заводит их в тупик, вызывая не “бунт и революцию, а лишь робкие сетования”.

Академик отстал от действительности по крайней мере на восемь лет. Он не заметил, что в России идет революция, что русские давно отказались от робких сетований, приступив к решительному преодолению отжившего прошлого (хотя помути и вляпались в демократию). В отличие от мифического пролетариата, которому нечего было терять, русские могут потерять шестую часть мира, освоенную ими за более чем две тысячи лет своего цивилизационного развития. И если им что-то и мешает, так это недостаточная радикальность в действиях, отсутствие ясного понимания цели революции и ее стратегии.

Пройдя лишь первоначальный, в значительной степени разрушительный этап, русская революция неизбежно преодолеет собственные недостатки, а заодно опровергнет высокомерно-покровительственные суждения о русской недоразвитости и неполноценности. На очереди ее новая фаза, которая помимо того, что она приобретет созидательный характер, одновременно станет и периодом утверждения ценностей русской национальной идеи, реализация которой превратит Россию в лидера XXI столетия.

Поэтому новая национальная Россия должна без какого-либо сожаления отправить на историческую свалку все, что мешает ей развиваться, и прежде всего советы впавшей в детство “народной совести” с замшелыми баснями о “государстве, стоящим с алебардой на площадях и следящим, чтобы не грабили подданных”.

Мерзавцы (С.Ковалев и др.)

Либеральная интеллигенция в образе старичков с детскими глазами… Нет ничего подлее ее! Чеченская война показала это отчетливо, в подробностях.

Например, Булат Окуджава, в свое время испытавший “эстетическое удовлетворение” от наблюдения горящего парламента России, дополнил либеральный катехизис еще одной “мудростью”. Во время событий в Кизляре-Первомайском он заявил, что из Чечни надо немедленно вывести войска и “постоять с непокрытой головой в знак покаяния” (“Взгляд” 12.01.96). По его мнению, убийства и зверства боевиков не только не должны быть отомщены, но вместо этого

бандитам нужно предоставить свободу действий. Бандиты, по мнению Окуджавы, должны были посмотреть и на нелепый акт покаяния тех, кто пытался взять их за руку и привлечь к ответу за безобразия. Вот тогда бы слезливый песенник снова испытал бы “эстетическое удовольствие”!

Впрочем, нравственное уродство, явленное Окуджавой на излете жизни — еще не предел. Среди мерзавцев, нашедших “благовидный” предлог для предательства, всегда найдется самый что ни на есть отвратительный. Первенство в таких случаях сочетается с замечательным хамелеонством. Именно подобным хамелеонством отличался С.Ковалев, прикинувшийся, как и Окуджава, безобидным старикашкой, которого грешно обижать.

Уполномоченный по правам человека С.Ковалев (до начала 1996 г.) не замечал страданий русского народа в Чечне, предпочитая проводить в 1993 году конференцию о нарушениях прав человека на Кубе. В октябре 1993 г. “уполномоченный” обозвал защитников российского парламента уголовниками и отказался распространить на них свою правозащитную миссию. Зато уж, когда война начала перемалывать дудаевскую гвардию, “отец демократии” встал на защиту врагов России — убийц и насильников. Это у него называется “защита прав человека”. Мы знаем теперь этого подлежащего защите “человека”, можем себе его представить — этакого маньяка-убийцу, с вымазанным кровью ухмыляющимся лицом.

Если в свое время Горбачев был объявлен “лучшим немцем”, то Ковалева стоило бы назвать “лучшим чеченцем”. К этому подталкивают результаты социологических опросов, выявивших отношение к политическим лидерам, непосредственно причастным к событиям на Северном Кавказе (см. Социальная и социально-политическая ситуация в России: анализ и прогноз. Первая половина 1995 г. — М.: Academia, 1995.). Ковалев в этой войне оказался большим чеченцем, чем сам Дудаев. (Позднее той же славы удостоился и Александр Лебедь.) Он наравне с Дудаевым стал национальным героем бандитской республики и расплатился с бандитами сполна, поставив имя гнуснейшего из гнусных преступников Шамиля Басаева рядом с именем Робин Гуда. За это враги России наградили Ковалева “орденом чести”.

Известно телефонное обращение Ковалева к Ельцину, подобострастно призывающего “вырвать страну из порочного круга циничного, отчаянного, кровавого вранья”. (Как мило, два лжеца говорят между собой о недопустимости вранья!) Ковалев призывал на Россию гнев Запада, пугал Ельцина тем, что “развязавшим войну силам” он скоро не будет нужен (можно подумать, что не Ельцин эту войну развязывал!), звал людей на митинги. Его мерзости тиражировало радио и телевидение, печатали миллионными тиражами газеты. И никто не заткнул глотку негодяю, вслух не назвал Ковалева предателем…

Только однажды летом 1995 г. Ковалев в телеэфире встретился с адекватной реакцией — в телебеседе один на один с председателем Конгресса русских общин Дмитрием Рогозиным. “Наследник Сахарова” надеялся на свое отеческое обаяние и неотразимость стариковской немощи. Но Рогозин не дал правозащитнику ни одного шанса выглядеть прилично. Любому, посмотревшему передачу было понятно — Ковалеву утроили публичную порку. И пороть было за что. Пока Ковалев пакостничал, изобретая новые и новые антирусские пассажи, Рогозин организовывал в Ставрополе координационный центр по работе с русскими беженцами из Чечни, помогал русской общине Грозного, выступал против оскорблений русской армии.

Просто удивительно с каким упорством, изобретательностью и изворотливостью Ковалев стремился нанести максимальный ущерб собственной стране! Вот, например, Ковалев собрался в Чечню вместе с делегацией ОБСЕ, прикатив вместе с ней в аэропорт Чкаловский. Будучи совершенно уверенным что его в самолет не пустят (места в самолете расписаны заранее), Ковалевым заблаговременно были подготовлены видеокамеры и даже открытое письмо Президенту — не пущают, мол, забижают главного правозащитника! Ковалев не постеснялся вытащить из кармана это письмо и сунуть в объектив телекамеры (“М-К” № 5, 1995). Наглая операция “рояль в кустах” смотрелась замечательно. Если Ковалев собирался лететь в Чечню, то почему он притащил с собой письмо, если не собирался — для чего приехал на аэродром? Нам-то понятно для чего…

Единственное полезное для страны дело Ковалева (полезное, разумеется, невзначай) — оттяжка с вступлением России в Совет Европы, являющийся инструментом вмешательства

транснациональных сил во внутренние дела суверенных государств. Ковалев выступил на Парламентской Ассамблее Совета Европы с критикой действий России в Чечне и почти на год заморозил решение о вступлении России в Совет. Ковалев считал, что "Россия нуждается в давлении" ("М-К" № 5, 1995). Он хотел, чтобы Россию еще раз унизили и добился своего. В конце концов в Совет Европы Россию приняли, ибо уж очень наскучила всем антироссийская риторика российских политиков.

В начале 1996 года Ковалев вышел из состава президентского совета, заявив, что Ельцин и Зюганов — одно и то же. (Раньше, можно подумать, он этого не видел!) Помощник президента Г.Сатаров назвал это бегством с корабля. Как известно, с корабля первыми бегут крысы. На этот раз с президентского корабля бежали, помимо Ковалева, Е.Гайдар, С.Алексеев и О.Лацис.

Последний из упомянутых тоже интересен нам в качестве "правозащитника". Прожив в КПСС целую жизнь — 33 года, Лацис объявил, что не видит ничего более страшного, чем приход к власти Зюганова (передача "Один на один" 25.01.96). Если он отрекся от своего коммунистического прошлого, от своей жизни, то от привычной лживости, как и все прочие "правозащитники", избавиться не смог. Проведя аналогию между октябрьскими событиями 1993 года и событиями с захватом заложников в Кизляре в 1996, Лацис, тем не менее, посчитал, что в первом случае невинных жертв не было, а во втором — в изобилии. Маразматический ум не мог уловить, что не было никаких "боевиков Макашова, сжегших Останкино".

Эти мифические боевики, по мнению Лациса, принципиально отличались от боевиков Радуева тем, что им ничего прощать нельзя. Их требовалось расстреливать танковыми орудиями даже в том случае, если они засели в здании парламента, разделив его с депутатами, женщинами и детьми. Вторых расстреливать было невозможно из-за неизбежности невинных жертв. Если во втором случае жертвы были недопустимы, что в первом, как оказалось, "ни один депутат не получил ни одной царапины", а "убитых зевак" еще не понятно на чей счет надо отнести.

Возвращаясь к фигуре Ковалева, хотелось бы отметить историю, которая произошла с этим "другом чеченцев". Представьте себе скромного ученого и изможденной физиономией и подслеповатым

взглядом из-за дешевеньких очков. И вот этот отец российской демократии, оказывается, регулярно упражняется в стрельбе из ружья и играет с наперсточниками на тысячи долларов в азартные игры. Выходит, перед нами двойник Паниковского (мнимый слепой) и Корейко (тайный миллионер). Кому, скажите, из добропорядочных граждан придет на ум участвовать в лотерее у метро и азартно поднимать ставки до 2300 долларов? А вот этому “отставной козы барабанщику” на ум пришло. Да еще по пути на стрельбище. Такой вот гуманист и чистюля…

Кстати, другой гуманист-антифашист Е.Прошечкин — тоже, как оказалось, любит стрелять из ружья (“За Отечество”, № 3, май 1999). Но об этом субъекте мы расскажем подробнее чуть позже. А пока — о других “гуманистах”.

Известен факт, когда “правозащитники” принесли в комиссию С.Говорухина стреловидную начинку специальных снарядов, утверждая, что именно это запрещенное международными соглашениями оружие применялось федеральными войсками в Чечне. Но, во-первых, снаряды такого типа были захвачены бандами Дудаева вместе с армейскими арсеналами, а во-вторых, принесенная начинка снарядов была в смазке и явно не использовалась. Ослепленные ненавистью к собственной стране “правозащитники” ни того, ни другого видеть и знать не желали. Здесь такая же интеллигентская шизофрения — ковалевщина.

Разбирая предательскую деятельность “правозащитников”, нельзя упустить из виду так называемый Комитета солдатских матерей.

О масштабах практической деятельности Комитета говорит сообщенный на пресс-конференции 10 октября 1995 факт, что Комитетом курировалось всего около десятка дел “отказников”, осужденных на 1.5–2 года дисциплинарного батальона, и два дела осужденных условно. Масштабы деятельности явно не соответствовали социальному явлению. Вероятно именно поэтому Комитет занимался в основном политической деятельностью — воззваниями, демонстрациями, пресс-конференциями, встречами с государственными деятелями и прочее.

Осенью 1995 года деятельность Комитета была подкреплена зарубежной премией мира Шона МакБрайда. Делегацию Комитета, пригласили в Германию для вручения премии, где ему также была

предоставлена возможность рассказывать гадости про свою страну, разъяснять почему война в Чечне является преступной.

В результате переговоров с различными общественными объединениями Германии выстраивалась следующая цепочка: общественная организация России разъясняет нечто общественным объединениям Германии для того, чтобы те оказали влияние на свое правительство, а оно — на правительство России. Таким образом, речь доходит до того, что с помощью российской организации обосновываются санкции против самой России.

Согласно заявлениям Комитета, в 1995 году воевать в Чечне отказались около 2000 военнослужащих срочной службы и около 500 офицеров. Часть из них самовольно покинула расположение своей части и скрывалась. В этом случае возбуждались уголовные дела по ст. 246 УК РФ, предусматривающей наказание до 7 лет лишения свободы. Представители Комитета отказывались признать дезертирство преступлением и требовали принятия “политического решения” о том, что солдаты имеют “право не применять оружие против собственного народа”. Да и судя по составу Комитета, он фактически объединял не солдатских матерей, а матерей этих самых дезертиров или солдат, пострадавших от неуставных отношений.

В связи с этим и основная направленность деятельности Комитета — содействие родителям, предпринимающим усилия для избавление своих сыновей от службы в армии. Основным аргументом Комитета, оправдывающим это занятие, стала ссылка на опыт царской армии, от службы в которой освобождали единственного сына. Если вернуться к подобным правилам, ясно, что армия будет способна защищать страну. Но это не принималось во внимание Комитетом. Им вообще ничего не принималось во внимание, за исключением собственных эгоистических интересов (ранее мы уже рассказывали о похождениях активистов этой подлой организации).

Комитет все время своего существования был занят не столько вопросами общественного контроля за условиями службы в армии, сколько способствовал расширению дезертирства и нравственному разложению. Об этом говорят такие факты, как содействие побегам своих детей из частей и распространение среди солдат настроя “выжить любой ценой”. Речи о службе Родине вообще нет! О солдатах представители Комитета говорят не как о мужчинах, способных

принимать решения, а как о “мальчиках”. Можно предположить, что их дети так и не повзрослели, но при чем тут исполнение гражданского долга?

Нельзя не упомянуть об одной оговорке, которая прозвучала на упомянутой пресс-конференций Комитета. Одной из участниц ток-шоу было сказано, что Комитет “получал полную поддержку в Чечне от боевиков”. Соответственно полная поддержка оказывалась и боевикам. Именно за такого рода поддержку (больше не за что) Комитет летом 1996 года рассматривался в качестве объекта для присуждения Нобелевской премии мира. Признание особых заслуг Комитета в антироссийской деятельности не состоялось, зато Комитету вручили альтернативную премию — нашлись “добренькие дяди”, люто ненавидящие Россию.

Снова вернемся к фигуре гнуснопрославленного Ковалева, к его некрофильским наклонностям.

В начале 1995 Ковалев отметился чудовищным обращением “К матерям России”, где смаковал ужасы войны, глядя на нее из дудаевского бункера: “Руины города Грозного завалены трупами. Это трупы российских солдат. Их грызут одичавшие собаки. Эти обглоданные останки были чьими-то сыновьями — я от всей души надеюсь, что не вашими. В сыром темном бункере лежат раненные. Это российские солдаты, попавшие в плен. У иных из них началась гангрена. Они тоже чьи-то сыновья. (…) Кто-то из вас получит сообщение о том, что ваш сын пропал без вести. Не верьте. Он лежит не улице в Грозном, и его грызут собаки. Или он умер от сепсиса в чеченском плену.”

Заметим также, что рядом с Ковалевым по чеченским бункерам обретался и г-н Борщев — защитник всякого рода свободы распространения сатанизма, думский “яблочник”.

В одной из последних передач 1996 г. Ковалев выступил перед московскими телезрителями в милой беседе с Б.Ноткиным. Сергей Адамович и Борис Исаевич мило пикировались, вывалив на телеэкран немало любопытных умозаключений.

Оказалось, что Ковалев обязан своим появлением в эфире лично мэру Москвы и остается сетовать только на то, что стенограммы его словоизлияний не попадают в прессу. Оказалось, что “мы живем не в России, мы живем в мире”. Оказалось, что номенклатура, терзающая

страну, вовсе не виновата, а виноваты как раз все остальные, поскольку не хотят становиться гражданским обществом. Оказалось, что заложников в Буденновске, убивали не бандиты Басаева, а федеральные войска.

Кажется после всей этой пакости уже не скажешь ничего гнуснее. Но нет, нашлось еще кое-что — открытое и наглое обожествление “миссии” Ковалева. Ноткин сказал: “если выбросить то, о чем говорит Ковалев, то надо выбросить и Библию” (это был пересказ разговора с Шахновским: “Ты знаешь, Вася…”), а сам Ковалев отличился еще более сногсшибательным выводом: “Права человека — это высшее достижение европейского христианства”. Дальше можно было легко строить цепочку: Ковалев — “Сахаров сегодня” — Христос.

С оценкой деятельности Ковалева на тот момент все было предельно ясно, а вот для Ноткина беседы с разного рода предателями сказались на карьере. Пригласил он в студию генерала Лебедя в период резкого спада его популярности, а тот возьми, да и брякни, что лучшим политиком в России считает Лужкова. Такая рекомендация от развенчанного кумира — медвежья услуга. Руководство испугалось и решило укоротить Ноткина, временно убрав его из эфира. Тот стал хорохориться: “Да я с самим Лужковым на дружеской ноге!” Лужкову все передали слово в слово, и он резюмировал: что у нас, молодых ведущих не хватает? Так Ноткин был отстранен от тела мэра за излишнее усердство.

Заканчивая этот парад мерзавцев (точнее их передового отряда), отметим, что наши СМИ переодевают одни и те же персоны то в подлецов, то в святых. Для них это почти одно и то же. А потому и сами мастера телевизионных метаморфоз всегда выглядят пакостно. Мы уже кое-чему научились за период тотального вранья, начатый где-то в 1991 г., и признаем в иных персонажах, напяливших белые одежды, омерзительных пресмыкающихся, прикинувшихся людьми.

Демокрад (Е.Прошечкин)

Еще один правозащитный зверинец — Московский антифашистский центр (МАЦ) — был создан в далеком 1989 году. Очевидец свидетельствует: то была инициатива шести человек, которые уже на следующий день заявили на одном из демократических сборищ о том, что их организация объединяет тысячи сторонников. Бессменным руководителем вышеозначенной организации, никогда не

насчитывающей более нескольких десятков столичных бездельников, являлся странноватый человек по фамилии Прошечкин. Деятельность его всегда была предметом шуток. Долговязого антифашиста даже окрестили в Крошечкина и “главного антифашиста страны”.

До 1997 г. о деятельности МАЦ было известно только одно — в сотрудничестве с агентством “Панорама” МАЦ выпустил два справочника: “Политический экстремизм в России” и “Национал-патриотические организации России”. Справочники, изданные за счет зарубежного фонда с сомнительной репутацией, были призваны продемонстрировать, что в России любой патриот является экстремистом или даже фашистом.

В 1997 г. в ряд изданий патриотического направления поступили материалы, изобличающие МАЦ как контору “Рога и копыта” с политическим оттенком. Материалы поступили, по всей видимости, из недр мэрии, которой вконец надоел чудаковатый депутат Мосгордумы Евгений Прошечкин, намеренный снова получить депутатский статус на очередных городских выборах.

Из документов и приложенной к ним пояснительной записки стало ясно следующее.

В 1994 году префектом Центрального административного округа Москвы А.И.Музыкантским этой организации было предоставлено помещение площадью 150 кв. метров по адресу: ул. Петровка, 22 — неподалеку от городской Думы. За три года доступа в “штаб-квартиру” МАЦ не имел ни один из ее членов, кроме самого Прошечкина и его зама Виктора Дашевского. На все вопросы со стороны членов Совета организации в течение трех лет следовали неизменные ответы: там ведется ремонт. Впрочем, один раз членам МАЦ все же удалось проникнуть в это помещение, и с удивлением увидеть, что ремонт давно закончен, а в комнатах сидят неизвестные им люди. Объяснение этой загадке состояло в том, что в свое время Е.В.Прошечкин просил А.И.Музыкантского выделить помещение отнюдь не для антифашистской деятельности, а для коммерческой. Соответствующая бумага гласит, что на базе МАЦ, предприятием “Прогресс” и группой депутатов Мосгордумы создана некая “исполнительная дирекция" с целью подготовки и курирования работ о согласовании "5-10 проектов" (в т. ч. строительства бизнес-центра “Вест”), на определенных условиях, поставленных американскими партнерами:

банком “Экспорт-Импорт” и некоей фирмой “Оверси Привата Инвестмент”, которой руководил знакомый Прошечкина, некий господин Шейнкман. Коммерсанты спрятались под вывеску общественной организации только для того, чтобы платить за аренду по льготным расценкам.

Судя по некоторым другим документам, вывеской МАЦ Прошечкин пользовался для прикрытия коммерческих проектов не раз. Например, согласно “Приказу № 4к” четыре “сотрудника МАЦ” (из которых реально в МАЦ числится только сам Прошечкин) были на 10 дней откомандированы в Израиль. Вероятно поводом была антифашистская деятельность, целью — нечто иное.

Более полутора лет (1995–1997) МАЦ активно «кормится» американскими грантами, предоставляемыми под модную тематику "борьбы с экстремизмом". На деле же никакой «борьбы» не велось, зато в искусстве "пудрить мозги" американцам (а как мы увидим далее, и не только им) господин Прошечкин поднаторел до виртуозности. Так, согласно его отчетам филиалы МАЦ были открыты в Калуге, Екатеринбурге и Уфе. На деле же ни одного из этих филиалов не было в природе, что, впрочем, не мешало "главному антифашисту" их регулярно снабжать и финансировать. В Уфу, например, согласно отчетам, "отправили компьютерную технику". Куда эта техника отправилась на самом деле, ведомо только самому господину Прошечкину. Достоверно было известно, что по крайней мере один из «отправленных» компьютеров мирно стоит на квартире свояченицы (сестры жены) "главного антифашиста".

Первый транш американского гранта (примерно одиннадцать тысяч долларов) был целиком израсходован на покупку компьютерной техники и зарплату различным людям за "работу с грантом" (каков характер этой работы, совершенно непонятно). Из отчета, представленного МАЦ в 1996 году, следует, что примерно тысяча долларов исчезла неизвестно куда. Впрочем, впоследствии выяснилось, что она была поделена между людьми, "работавшими с грантом": самим Прошечкиным, его замом Дашевским и его помощником Г.И.Мозисом (не числящимся в МАИ вообще).

Второй транш гранта был получен из-за океана "на издание газеты" Прошечкин и К° действительно издали небольшим тиражом нулевой (технический) номер некоей антифашистской газеты,

впоследствии признанный никуда не годным даже самими ее создателями. На этом, собственно, целевые расходы и кончились. Часть денег (около двух миллионов рублей) пошла на непонятные поездки непонятных людей, не являющихся членами МАЦ (видимо, сотрудников той самой "исполнительной дирекции") в Воронеж, Орел и Екатеринбург.

На всю оставшуюся часть гранта лихой антифашист понакупил "изделий бытовой химии". Трудно себе представить, какое такое отношение к “антифашистской деятельности” имеют электрофумигаторы, средства против тараканов, таблетки дня смыва унитазов и тому подобные гигиенические средства, на сумму около восьми миллионов рублей. Вот документ: письмо директору ООО «ГОЭМ» господину Аракеляну А.Б. о том, что в платежном поручении была ошибка, и счет за бытовую химию составляет 7.940.612 рублей. При этом в подписи г-н Прошечкин именует себя не председателем МАЦ, а его директором.

Видимо позавидовав американцам, в июле 1996 года мэрия Москвы выделила миллиард рублей “на антиэкстремистскую деятельность”. «Освоив» эту немалую сумму, Прошечкин подробно отчитался перед председателем Комитета общественных и межрегиональных связей Правительства Москвы о "выполненных работах". В том числе за издание сборника "Политический экстремизм в России' — 355 млн. 660 тыс. рублей, сборника "Национал-патриотические организации в России" — 246 млн. рублей, на завершение фильма «Ненависть» — 24.365.000 рублей. В отчет вошла также загадочная выставка "К прошлому возврата больше нет', которая, видимо, проводилась где-то в глубоком подполье, ибо следов ее (а также якобы истраченных на ее организацию 12,6 млн. руб.) обнаружить не удалось. Как не удалось и найти следов "плакатного календаря" на 38 млн. рублей, который по отчетам должен был выйти в декабре 1996-го.

В декабре 1996 года Главный контролер-ревизор по городу Москве направляете письмо № 10-390 на имя Председателя Мосгордумы В.М.Платанова "О нерациональном расходовании бюджетных средств". Выясняется следующее: во-первых, на издание сборников по антиэкстремистской политике потрачено 528 млн. рублей (а не 601 млн. 660 тысяч); фильм «Ненависть», на «завершение»

которого Прошечкин якобы потратил более 24 млн., на самом деле не снимался вообще, зато часть указанных средств израсходована на запись интервью господина Прошечкина; 22 млн. рублей длительное время находились в распоряжении ООО "Метроном'; из якобы выпущенных 10.000 экземпляров антифашистских сборников готовы только 5000, причем 4000 так и лежат мертвым грузом в МАЦе.

Кроме того, выделенные мэрией 355 млн. бюджетных рублей на издание одного из справочников, как оказалось, на выпущенное издание потрачены не были, да и сам МАЦ тут выступил только в качестве посредника. В качестве основных авторов справочника указаны А.Верховский, А.Папп и В.Прибыловский — все как один сотрудники агентства "Панорама'. Открывается сборник кратким предисловием Евгения Прошечкина, утверждающего, что “Настоящий сборник издан благодаря организационной и финансовой помощи Московского антифашистского Центра”. Из такого утверждения можно было бы наивно заключить, что деньги на издание появились вовсе не от мэрии, а чуть ли не из личного кармана "главного антифашиста". Однако, в сборнике подробно расписано, кто именно какую главу сборника писал (ни одного сотрудника МАЦ среди авторов нет). Непонятно во всей этой истории в чем же выражалась "организационная и финансовая помощь" МАЦа и г-на Прошечкина, а также куда девалась треть миллиарда рублей из бюджета Москвы, за которые Прошечкин благополучно отчитался?

Загадочного фильма "Обыкновенный фашизм: второе дыхание", на съемки которого из запланированных 90 миллионов горбюджетных денег в 1996 году потрачено 65 млн. (и запланировано было потратить в 1997 году еще 43 млн., что в сумме будет уже не 90, а 108 миллионов!), также не существует. К его съемкам даже и не приступали. Та же печальная судьба постигла и мертворожденный дискуссионный клуб "Политический экстремизм в России", организация которого совместно с культурным центром "Красные ворота" была анонсирована лидером МАЦа. Клуб, на организацию которого якобы потрачено 40 миллионов, создан так и не был.

Зато, как выясняется, “антифашисты” нашли золотую жилу в области законотворчества. Согласно одному из документов, получивших хождение в 1997 г. среди противников Прошечкина, последним в качестве заказчика заключен договор с собственным

заместителем по МАЦ. Предмет договора — проект новой редакции статьи 280 УК РФ (наказующей за фашизм) объемом 3 страницы, “Экспертное заключение” на те же 3 страницы (сам написал, сам же и экспертировал?), и "Пояснительная записка о необходимости данного закона" (так в тексте!), на те же три странички. Итого за девять страниц печатного текста по 3,7 млн. руб. за каждую страничку. Акт сдачи-приемки работ по договору № 3/97 от 18 июня 1997 года утвержден Руководителем аппарата Мосгордумы П.Н.Шарыкиным.

Проект “Программы финансирования работ по антиэкстремистской политике на 1998 год", вышедший из недр все того же МАЦа и направленный, надо думать, опять в мэрию Москвы, предполагает затраты из бюджета в размере 1300 миллионов рублей, не считая “увековечения памяти репрессированных”, на которое испрашивается еще полмиллиарда дополнительно, "сверх плана”. Вероятно, именно эти сверх-планы подорвали терпение чиновничества, которому недоело оплачивать растущие аппетиты бездельников.

Не вдаваясь в подробности, Прошечкина исключили из “списка мэрии” на выборах в городскую Думу (1997). Потеряв статус, “антифашист” потерял и прибыток. Пришлось ему “переквалифицироваться в управдомы”, для чего сбрить бороду и сильно прибавить в весе — чтобы не узнали кредиторы.

Вторая молодость у Прошечкина наступила ближе к выборам 1999. О нем вспомнили в “Отечестве”, начали публиковать рекламные материалы — явно в расчете сыграть на антифашистском пафосе.

Обратимся теперь к “Панораме”, с которой так тесно сотрудничал МАЦ. Повод — публикация В.Прибыловским в газете “Экспресс-хроника” (20.12.97) гаденькой статьи, касающейся авторов и их коллег по аналитическому СВР-центру.

Господин Прибыловский, пользуясь какими-то грязными слухами, наделил нас и наших друзей теми чертами, которыми обладают, по всей видимости, лица из его собственного окружения. Нам приписана и продажа подписей на выборах президента в 1996 году, и незаконное получение 100 тыс. долларов на московских выборах 1997 г. и еще много всяких мелких подлостей. Этой статьей, как и сотрудничеством с Е.Прошечкиным, г-н Прибыловский дискредитировал сам себя,

привел к нулю свой авторитет специалиста по сбору и анализу политической информации.

Добавим к этому, что данные, оказавшиеся под обложкой “Политический экстремизм в России” наполовину собраны нашим хорошим знакомым, который в списке авторов не поименован вовсе. Вероятно именно благодаря этому незаметному труженику сборник получился вполне профессиональным. О профессиональной пригодности к такого рода работе самого Прибыловского приведенные выше факты говорят вполне однозначно.

Почему г-н Прибыловский вдруг решил наброситься на знакомых ему людей, которые никаким боком к его работе не относились? Мы полагаем, что здесь уместны несколько гипотез. Первая состоит в том, что это был упреждающий удар, в связи с тем, что нам стали известны изложенные выше факты о работе МАЦ. Вторая говорит о том, что удар — попытка отомстить за то, что мы в свое время воспротивились покупке интересной, но малопрактичной и крайне дорогой компьютерной программы “Лабиринт”, содержащей разностороннюю политическую информацию.

В любом случае, мы воздаем должное и МАЦ, и “Панораме” как структурам, способным на разного рода подлости и обслуживающим интересы таких персон, как С.Ковалев, или же зарубежных ненавистников России.

Герои мятежа

Не только историки-”демократы” Янов, Лихачев и Лацис занимались в постмятежной действительности извращением истории. Но проходит время и история расправляется со своими подлецами. Не минует чаша сия и героев номенклатурного мятежа. Они врут, а им уже никто не верит.

Скажем, книжка Ельцина “Записки президента”, где описываются события октября 1993, выпущенная тиражом 15 тыс. экземпляров, не была раскуплена. Цена 15 тыс. рублей была снижена до 9 тысяч, но книжка так и продолжала валяться на полках магазинов. Второй тираж, выпущенный в 1996 (не менее миллиона экземпляров) пришлось раздавать даром. И то не брали — не хотели марать рук. Та же судьба постигла и официозную книгу об октябрьских событиях, выпущенную “демократами” из администрации Ельцина. Заведомое вранье даже даром никому не удавалось всучить.

Герои мятежа пытались переписать историю — городили сотни статей, писали мемуары, но им все равно не верил никто.

Например, Гайдар всю свою предвыборную кампанию 1995 года построил на тезисе о том, что коммунисты концу 1991 года оставили страну без золотого и валютного запаса, нагрузив Россию еще и многомиллиардным долларовым долгом. На самом деле хозяйство он принимал тогда вовсе не от коммунистов, а от ставленников “демократии” И.Силаева, Г.Явлинского и Ю.Лужкова, о роли которых теперь не принято вспоминать. Кроме того, стоит спросить Гайдара, почему он так упорно молчал четыре года? Ведь расхищение национального богатства в особо крупных размерах — дело, пахнущее не одним приговором к высшей мере наказания. Объяснение простое. Дело в том, что Гайдар вместе со своей командой занимался ровным счетом тем же самым — расхищал то, что не расхитили. И именно в особо крупных размерах.

Гайдар суетился и искал виновников общенародного бедствия потому, что приближалось время его личной ответственности. Приговор “высшего судии” был уже понятен, дело оставалось за приговором суда земного. Гайдар понимал, что последний для него неотвратим. Вот и искал, на кого бы свалить ответственность.

Извращение исторических фактов стало дурной традицией “демократической” России. Уроки большевиков в этом деле полностью восприняты “демократами”. Они продолжали насаждать эту традицию через средства массовой информации, которые и через три года, и через пять лет после трагедии в Останкино в октябре 1993 года продолжали говорить о каком-то штурме и приписывать гибель своих коллег мифическим боевым дружинам “красно-коричневых”.

По той же традиции устроенная Лужковым расправа над мирной демонстрацией 1 мая 1993 года описывается как уличные беспорядки, организованные коммунистами, которые “громили все на своем пути”. Эту же ложь повторяет, например, известный историк-“лениновед” А.Латышев (“Рассекреченный Ленин”, М.: Издательство МАРТ, 1996, с.18): “О том какие события произошли в результате нападения вооруженных ножами, заточками, дубинками демонстрантов на милицейское охранение, широко известно.”

Если ложь для журналиста — профессиональный порок, то для историка — позор. Даже малая ложь вызывает недоверие ко всем

последующим попыткам высказать правду. Тем более, что вся эта смесь правды и лжи, как оказалось, финансировалась из тех средств, что ельцинисты умыкнули на избирательную кампанию 1996 года (см. смету расходов “из компьютера Лифшица” в газете “Русский курьер”, № 3, 20–27 декабря 1996).

Проезжая вдоль бесконечных заборов на одной из подмосковных электричек, мы несколько лет могли видеть одну и ту же надпись, которую некому и незачем было стирать: “Ельцин — лжец”.

Вот слова из газеты “Президент” (№ 15, 1996), которых упомянутая надпись тоже касается: “Так было во время первомайских праздников, когда кто-то из толпы направил грузовик на сотрудника милиции Владимира Толокнева и убил его. Так было, когда Руцкой приказал штурмовать Останкино, и озверевшие люди стали грузовиком таранить стеклянные окна цокольного этажа, стрелять по милиционерам”.

Что касается убийцы омоновца в первомайские праздники 1993, то его не искали именно потому, что бессмысленно искать того, кто не прячется. Если бы подобная задача была поставлена, преступника нашили бы где-то совсем недалеко от правительственных структур. Но это преступление утонуло в массе злодеяний ельцинского режима.

Одно из преступлений мы, впрочем, можем убрать в архив. Нам довелось встретиться с человеком, участвовавшим в инсценировке похищения В.Анпилова сразу после первомайских событий. Он сообщил, что нападение милиции на лидера “Трудовой Москвы” во время одной из демонстраций, отягощенное переломом ребра, тоже было инсценировано. Точнее — выдумано. Ни перелома, ни похищения просто не было.

Домыслы о “штурме Останкино” — тоже инсценировка. Но только не такая безобидная. Вопрос об авторах этой инсценировки — более серьезный и требующий в будущем подробного разбирательства с воссозданием события в следственном эксперименте. Но одно ясно уже сейчас — никакого штурма не было, как не было и стрельбы по милиционерам. Единственный милиционер, как оказалось, погиб не от холостого выстрела из гранатомета (как мы писали в “Мятеже номенклатуры), а от такой пули, которую он мог получить только от своих. Кстати, эта смерть очень похожа на ту, что вынудила группу “Альфа” в те дни все-таки принять участие в действиях в Белом доме.

Пуля попала в шею между каской и бронежилетом. Об этом подробно пишет автор книги “Анафема” (по разумным причинам скрывший свое имя).

С момента сдачи текста книги “Мятеж номенклатуры” вышел в свет целый ряд книг, которые дают дополнительную информацию о событиях 1990–1993 гг. в Москве. Появился целый ряд воспоминаний очевидцев — Руцкого, Воронина, Челнокова и др. Но это все-таки очень бледные произведения по сравнению с “Анафемой”. К тому же все прочие книги носят явно апологетический характер по отношению к собственной роли в октябрьской трагедии.

У “демократов” тоже особенно нечего читать по поводу путча 1993 года. Разве что завиральные “Записки президента”. Вранье, уже набившее оскомину, поблекшее и истаскавшееся в своей убогой литературщине тиражируется новыми и новыми порциями, но от этого не становится правдой.

Правда глаза колет. Поэтому “демократы” бросаются рушить выставку в Думе, посвященную октябрьской трагедии. Попавшая в Думу по недоразумению госпожа Старовойтова натравила на стенды с информацией и фотографиями своего рохлю-помощника, который, обрадовавшись, сообщил о своем подвиге в телекамеру. Расплата пришла сразу. “Герой” получил звонкую пощечину перед той же телекамерой.

К событиям 1993 года авторов возвращает надпись, сделанная на стене дома, вдоль которого часто лежит путь одного из них: “Лужков — убийца!” Эта надпись, сделанная мелом, в течение пяти лет достаточно отчетливо читалась любым прохожим. Это тоже нечто вроде длящейся пощечины, а одновременно и — приговор.

Герои мятежа все-таки по достоинству будут оценены историей. Вот и Генеральная прокуратура обнародовала некоторые промежуточные результаты расследования “Второй октябрьской революции”. Официальная цифра погибших возросла на этот раз до цифры “не менее 150”. (То что удалось разыскать 926 единиц огнестрельного оружия — это на совести Генпрокурора. Под сурдинку можно было нагрузить дело массой оружия — вплоть до тяжелой артиллерии.) Кроме того, в особое производство выделено 30 дел об убийствах и 466 по избиениям и ранениям (Ъ-Daily, 08.09.95).

Главного дела только не завели — на Ельцина и Лужкова. Но со сменой режима за этим дело не станет.

В ноябре 1995 г. четыре лжеца из числа участников мятежа 1993 г. удивительную провели пресс-конференцию. На этой пресс-конференции журналисты не задали ни одного вопроса! А пресс-конференция была посвящена “круглому столу” под хитрым названием “Октябрь 1993: война и мир”. Так вот, на пресс-конференции ослабший по всем статьям А.Брагинский (бывший вице-премьер у Лужкова и бывший же депутат послепутчевой Госдумы) говорил, что в октябре 1993 г. Руцкой назначил себя президентом, что образовалась опасность прихода к руководству криминальных сил, что загипнотизированные люди готовили бутылки с зажигательной смесью, что при захвате здания мэрии сторонники парламента применили газ, а “уголовные по виду элементы били людей дубинками”. Другой враль-демократ А.Нуйкин говорил, что мятеж парламента начался еще в августе 1993 г., что в октябрьских событиях “ни один парламентарий не получил ни царапины”, что “депутаты взяли в руки оружие и пошли убивать мирных людей”, что сегодня нам грозит новый путч, в результате которого может быть установлен тиранический и террористический режим.

Слушая все это, можно было подумать, что перед нами просто больные люди. Их лечить надо, а они в парламентах заседают. Ведь этот параноидальный бред как раз и был причиной расстрела Белого дома в 1993 г.! Пока эти сумасброды могут на что-то влиять, представляться журналистам, повторный расстрел вполне возможен.

А влиять они еще могут. Об этом говорит такой факт. В центре города (Кривоарбатский пер.) московское правительство отвело 0.06 га для Московского общественного комитета российских реформ (ВМ 01.06.94). Возглавляют комитет известные персоны — Пономарев и Старовойтова. Смогли, видать, выбить подачку. Но времена для радикал-демократов наступили тяжелые. При всем своем политическом влиянии, деньги на застройку им пришлось искать самим. Не нашли, Комитет умер. А если бы в этой своре, алчущей крови, кто-то был заинтересован? Тогда бы деньги нашлись.

Нет, господа, только лечить, лечить и лечить…

Кстати господин Брагинский, полюбившийся Лужкову за физико-математическую степень, не попав в очередной состав Госдумы,

оказался председателем Научного Совета Москвы. Из этой позиции он попытался вернуться в политику, инициировав создание общественно-просветительского движения “Правопреемство”. Основная идея тут состояла в том, чтобы порушить всю правовую систему, объявив ее советским реликтом. Мол, надо возвратиться в февраль 1917 г., восстановить правовую преемственность, а пока объявить любые действия государства 1917–1993 гг. неправомочными. К счастью эта квази-монархическая инициатива не вызвала интереса ровным счетом ни у кого и мирно угасла.

Брагинский, совсем тронувшись умом, выпустил за рубежом свои воспоминания о 1993, где описывает как ему скрутили руки не чем-нибудь, а специальными наручниками с шипами. Этими наручниками его, якобы, пытали в застенках Белого дома.

Еще один эпизод вымирания помоечных демократов связан с именем уже не раз нами помянутого В.Борщева, который в Моссовете руководил комиссией по делам религиозных организаций, пользовался репутацией честного диссидента и помогал передавать храмы верующим. Когда на заседаниях Президиума Моссовета оставленный там в арьергарде супердемократ А.Осовцов (звавшийся русским до тех пор, пока не сел рядом с Гусинским в качестве зампреда по Еврейскому конгрессу) старался склонить его к поддержке совсем уж гнусных решений, Борщев надрывным голосом отвечал: “Ну не могу я, Саша.” И воздерживался от голосования. Хотя чаще все-таки эта “сладкая парочка” действовала совместно.

Это дурное влияние продолжилось в Госдуме, куда первый попал при поддержке “Выброса”, а второй — “Яблока”. Там Борщев окончательно сломался — ездил одемокрачивать то Солженицына, то Дудаева, а в период президентской избирательной кампании обрушился с яростным возмущением в адрес тех, кто посмел в вестибюле Думы организовать выставку, посвященную октябрьским событиям 1993 года.

Свое диссидентское прошлое господин Борщев вспомнил и 28 января 1995 года, когда многочисленные микроорганизации “правозащитников” собрались, чтобы подписать петицию против войны в Чечне. Они вознамерились по опыту большевиков создать пацифистское объединение, подписав Соглашение против “преступной войны”.

Среди подписантов особенно велика была концентрация бывших депутатов-демократов последнего Моссовета. Борщев подписался за Думскую фракцию “Яблока” и движение “Яблоко”, массивный (“гусский” по анкете) Осовцов — за фракцию “Выбор России” и гайдаровскую партию ДВР. Попался в подписанты и безнадежный эколог-демократ А.Фролов, и экологическая дама преклонных лет Н.Торчинская, и соцпрофовский активист В.Мохов (на сей раз от непонятной партии “Левша”), и древняя поповская соратница И.Боганцева… Не обошлось без псевдопопа Глеба Якунина и “пахаря газетных полос” Ю.Черниченко, которые не в Моссовете, так в Верховном Совете утверждали “реальную демократию”.

Они могут писать и подписывать все, что угодно. Но мы то помним все и знаем цену из чистоплюйства.

Это чистоплюйство не помешало Якунину, Борщеву и им подобным пользоваться поддержкой иностранных сект, получать от них гуманитарную помощь для поднятия своего авторитета среди избирателей. Наконец, Борщев превратился в ключевую антиправославную фигуру в Госдуме, подрывая все попытки депутатов и общественности поставить предел преступлениям сектантов. Борщев, например, выступил в суде в защиту секты иеговистов (“Радонеж” № 9-10, 1999). Этому он научился у Якунина, полюбившего секты именно за их ненависть к общему врагу бесноватых либералов — к Московской Патриархии (подробнее — см. в книжке Д.Гриднев. Кто такой Г.Якунин. М.: “Палея”, 1995).

Деятельность подобного рода людей наводит на мысль, что христианский призыв к прощению врагов эти люди не только не слышат (чаще всего считая себя при этом христианами), но не собираются прощать за давностью лет ни врагов, ни общество в целом. Они испытывают садистическое наслаждение, нанося вред своей Родине, они мстят народу за свои прежние невзгоды. Чуя друг друга издалека, они сбиваются в стаю — все эти якунины, борщевы, новодворские, боннэры, ковалевы, старовойтовы, шабады… Имя им — легион.

Приведем еще один документ из серии комариных писков “управляемой демократии”. Широко известные в более чем узких кругах отечественного “демократического движения” общественники поведали “городу и миру” о том, что ими создан “оргкомитет нового

гражданского движения”, в связи с чем они, подражая коронованным особам, опубликовали “манифест”. Один из “либеральных” печатных органов (“Новая газета”, № 21, 1997), войдя в положение кающихся грешников несостоявшейся “демократии”, даже привел его избранные места, возможно, не без тайного умысла, чтобы таким изощренным, иезуитским образом посмеяться над лишенными смысла потугами демократической дворни. Среди подписантов значились Хельсинская группа, Комитет солдатских матерей, наш старый знакомый Л.Пономарев, значившийся как сопредседатель несуществующего Общественного комитета российских реформ, какие-то там “свободные профсоюзы” и другие — целая инвалидная команда “демократов”.

О чем печалятся “народные витии”, что тревожит их исстрадавшуюся совесть, какие проблемы собираются в очередной раз взвалить на свои могучие плечи подписанты, на полном серьезе именующие себя “общественными деятелями”? Очутившись после своего турпохода во власть на обочине, пребывая в политическом захолустье, они сообщают обществу о том, что открыли сущность современной русской жизни. Им после восьми лет “перестройки” и “реформ” наконец-то стало очевидно, какой политический режим и экономический строй сложились в стране. У них открылись глаза, после чего руки, по привычке, сами собой потянулись к перу, перо — к бумаге, и вновь потекли обращения и заявления, как в старое доброе время.

Оказывается, в “стране складывается опасная политическая ситуация”. Что стряслось? Что мы, темные, не знаем, а они, в отличие от нас, знают? Внемлите: “в центре и особенно на местах закрепляется полицейско-олигархический режим”. “Усиливается полицейский произвол”. У общества нет “никаких средств”, чтобы воздействовать на “местную администрацию” и “карательные(?) органы”. У политических бомжей стиль неизменен. Их всегда раздражали не бандиты, грабители, убийцы и воры, а силы правоохраны.

В “манифесте” публикуется одна безграмотная фраза, после которой невольно хочется ввести цензуру. Вот она: “Свобода слова сегодня гораздо более ограничена, чем в 1990–1992 годах”. Мы же рассматриваем указанный период как время словесного недержания, глумления над здравым смыслом газетного хулиганья.

Либералы и рыночники, проклинавшие в свое время общественную собственность, молившиеся, подобно паломникам на мощи, на частную собственность, стенают по поводу того, что “крупнейшие средства массовой информации… контролируются властью или финансовыми структурами”. Им не приходит в голову, что если владельцы власти и денег не овладеют крупнейшими СМИ, то они скорее раньше, чем позже, окажутся и без денег, и без власти. Ну не прощелыгам же и голодранцам, вроде авторов “заявления”, владеть телевидением, в самом деле!

Копируя прошлое и пытаясь эксплуатировать изжившие себя мифы, поистаскавшиеся “друзья народа” кликушествуют: “все больше граждане России осознают необходимость самим добиваться выполнения чиновниками… Конституции РФ и законов”. Политическим юродивым невдомек, что населению “новой России” (их России — Россиянии) глубоко наплевать и на Конституцию, и на законы, и на чиновничество. Оно выживает без их участия. А все эти три “общественных ингредиента” предпочитают, в свою очередь, никогда не пересекаться и никак друг другу не мешать. “Живи и жить давай другим”, - говорят они сами себе, не обращая внимание на комариный писк “массовой опоры демократии”.

Чем пытаются разжалобить читателя авторы “манифеста”? Состраданием к их нравственным мучениям, душевным метаниям и финансовым исканиям. Они разочарованы! Но кто сейчас не разочарован в “этой стране”? Их обманывали! Покажите, кого не обманули за эти 10 лет? Их “использовали”! Но миновала ли кого-нибудь чаша сия? Они “потеряли веру”! Да была ли у них вера-то? Они залезли в грязь, в которой сидят по уши! Кому не знакомо это гигиеническое чувство?

Приобщившись к общедоступными вопросам и сомнениям эта братия словно бы доказала сама себе, что ничем не отличается от “нормальных, честных людей”, которые теперь не живут, а “борются за выживание”. Но разве в этом дело? Конечно же нет! Главный побудительный стимул, толкнувший инициаторов “нового гражданского движения” заявить о своем существовании, до боли прозаичен. Публицистический пафос — присказка, риторика для отвода глаз. Сказка состоит в том, что “подписанты” после всего того, что совершили для разрушения ненавидимого ими “старого режима”,

вместо благодарности, вместо того чтобы почивать на лаврах, “барахтаются в нищете и страхе”.

Вот почему новый строй “жесток и античеловечен”, а его лидеры награждаются званиями “примитивных карьеристов” и “воров”. Карьерист, как известно, это наглец, занявший хлебное место, которое вы предназначали для себя. А вор — это негодяй, не поделившийся с вами награбленным. Вот она, причина горечи, источник пафоса, повод для стенаний — обделили, отодвинули, оттерли — от пирога! А раз так, то обществу предлагается еще раз начать все с самого начала, поставив в качестве новых народных трибунов этих вышедших в тираж “правозащитников”. Им невдомек, что о их существовании уже никто не помнит, что их имена никому не интересны, что их прошлая и настоящая деятельность не вызывает иного чувства, кроме брезгливости и отвращения.

Что же касается призывов “начать политическую реформу снизу”, то они насквозь фальшивы и лицемерны. О какой правозащитной деятельности могут толковать люди, десятилетиями злоупотреблявшие правом и восторгавшиеся тем, как их недавние кумиры от бюрократии попирали законы страны, в конце концов расстреляв в упор конституцию из танковых орудий под их истерично-визгливое одобрение? Какие “свободные профсоюзы” могут создать профессионалы “свободных профессий”, отиравшиеся на русофобствующих западных радиостанциях, фабрикующие инструкции для дезертиров и изменников? О каком “местном самоуправлении” вправе говорить пособники тех, кто в течение четырех лет, предшествующих государственному перевороту 1993 года, чуть ли не ежедневно требовал разгона Советов — настоящих органов местного самоуправления, созданных благодаря свободным выборам 1990 года?

Фальшью и лицемерием дело отнюдь не ограничивается. В свое время эти “общественные деятели” штурмовали высшие государственные институты. Их манили перспективы, вдохновляли высоты власти. Теперь же, когда “дело сделано”, они призывают население страны начать все с начала — спуститься в котлован, чтобы “с фундамента строить новое здание”. В действительности же перед нами довольно примитивная попытка предохранить “жестокий и античеловеческий режим” от какой-либо реальной опасности со

стороны одураченного, обманутого, а потому стремящегося к восстановлению элементарной справедливости общества. Его гнев, таким образом, пытаются канализовать, измельчить в бессмысленных, иллюзорных “механизмах реальной демократии”.

Господам из новоявленного Оргкомитета, прежде чем соглашаться на такую грубую, провокаторскую по сути работу, не мешало бы вспомнить, чем заканчивалась в России карьера гапонов и зубатовых. Вот того самого мы им и желаем в финале политической карьеры.

*** * ***

Мы хорошо помним апофеоз мятежа — кровавый ельцинский пир…

“Я помню все, что видел и слышал в те два дня. Или почти все.

Помню как утром 3 октября, ничего такого не подозревая, шел собирать материал о демонстрации: обычная работа. И как толпа, проламывая один за другим милицейские кордоны, дошла до Белого дома. И дебильное ликованье: “Мужики, победа!” И крик Руцкого: “На Останкино!””

Помню первый залп из окон телецентра, и стук пуль о плиты площади, и собственное удивление: “Неужели не холостые?…” И как девчонка лет пятнадцати, которой мы пытались перетянуть продырявленное бедро вчетверо сложенным бинтом, просила не снимать с нее штаны… Понять, что условности кончились и началась война, на которой надо выжить, — на это нужно время.

Помню как тащили мужчину, раненного, как показалось, в бедро, и как спустя несколько дней случайно узнал: прострелено было не бедро, а мошонка.

Помню пламя в окнах первого этажа техцентра и мысль: неужели такое возможно от каких-то жалких бутылок с “коктейлем”?

Помню охоту на репортеров: человек, с видеокамерой и никелированной стремянкой, сияющей в свете фонарей, и фонтанчики пыли от пуль отмечают его путь.

Помню крик Черниченко с балкона Моссовета: “С волками иначе не делать мировой, как снявши шкуру с них долой!” И рев толпы.

Помню перестрелку между крышами на углу Садового кольца и Нового Арбата и толпы непуганых идиотов, глазеющих на небывалый спектакль — войну с доставкой на дом. Танки лупят по Белому дому, и зеваки встречают каждый выстрел аплодисментами и радостными

воплями: “Ура!”, “Бей по гадам без промаха!”, “Да здравствует демократия!”.

Помню: полдесятка камуфлированных “качков” делают во дворике котлету из прохожего, и под аккомпанемент его криков солдатик с автоматом на перевес выталкивает нас на улицу: “Все в порядке, его никто не тронет!”

Помню, как слушал и записывал рассказы пострадавших об избиениях и пытках в милицейских отделениях.

Помню запоздалый, дней через несколько, ужас. И долгое, долгое чувство, будто обмакнули головой в парашу…” (А.Таврицин, “Новая газета”, № 24, 1996).

Мы не знаем, простил ли Руцкой смертоубийство в центре Москвы, подружился ли он с Лужковым после того, как выиграл губернаторские выборы в Курске и приехал засвидетельствовать свое почтение московскому мэру с флягой водки. Мы не знаем, почему он в одном из телеинтервью рассыпался в похвалах Ельцину и объявил, что на грядущих выборах (2000 года) будет голосовать за него.

Страшная трансформация Руцкого ему самому, похоже была не заметна. Он говорил: “Представляете, что значит, когда прямой наводкой с расстояния сто метров бить калибром 125 мм из пушек по зданию, где находятся люди? Знаешь, что от них оставалось? Я все это видел, размазанное на стенах и потолках. Я когда в это здание захожу, у меня все время дискомфорт. Пять лет прошло, но когда я сижу там в приемной министров и вице-премьеров и жду… Никому не понять моего состояния! Я же все помню, кто где лежал, убитые, разорванные тела” (Ъ, 01.10.98).

Нет, это не тот вид памяти, который делает душу чище. Это забвение всего. Ведь прямо тут же Руцкой говорит о том, что главная его ошибка состояла в том, что надо было настоять на встрече с президентом. Он и с Лужковым по телефону тогда разговоры на эту тему вел. Теперь, когда ему выделили Курскую вотчину, стал и Ельцину и Лужкову кланяться в пояс — только что руки не лобызал. А тогда, в октябре 1993 Руцкой подписывал указа за указом, включая тот, что предусматривал смертную казнь для поддержавших Ельцина.

Мы не знаем, чем объяснил Жириновский соратникам свой подарок организатору расстрела безоружных людей в Останкино Лысюку. ВВЖ вручил убийце ни много, ни мало — автомобиль. А мы

помним за что Лысюк получил звание Героя России, за что спецназ “Витязь” пользуется особым благорасположением Кремля.

Мы не знаем, что побудило газету “Завтра” написать о Лужкове: “Наш народ не злопамятен, он, возможно, мог бы простить Лужкову кровь. Простить — за сотрудничество с Московской Патриархией, за его помощь русским художникам из Академии Глазунова, простить его за заявления о том, что Чубайс видит в русских недоумков”.

Лужков и сам Лужков пытался оградить себя от возможных и близких уже преследований за 3–4 октября 1993. В очередную годовщину накануне парламентских выборов (1999) по ТВЦ показали передачу, в которой утверждалось, что в Белом Доме канализация и свет были отключены Ельцины. В то же время доподлинно известно, что это был один из главных вкладов Лужкова в совершение государственного переворота. Мы уже не говорим об участии в штурме парламента лужковской милиции и боевиков его евро-патрона Гусинского.

Мы не забыли и не простили.

Впрочем, помним не только мы, но и другая сторона. Хотя, там предпочитают говорить о другом. Сохраняя единство в ненависти к России, там грызутся по поводу того, кто у кого сколько украл и кто лучше понимает, что такое демократия. В 1997 г. они продолжали искать тех, кто не давал им телекамеры для съемок “штурма”, они продолжали восхвалять зашедшуюся в истерике артисточку, вопящую, что “нас надо защитить от этой чудовищной Конституции”, и пеняют “взглядовцам” на то, что они предложили разойтись по домам.

Разве что только неутомимый журналист-скандалист Минкин пощипал “героев” мятежа за чувствительные места (“Новая газета” № 34, 1997):

“Министр обороны, по словам президента, лучший, награжденный стограммовой золотой личной медалью Ельцина (из каких средств?), был презираем военными и штатскими, прославился позорной кличкой Мерседес, обещанием покорить Чечню за два часа и циничными словами о мальчиках, умиравших (по его бездарности) с улыбкой на устах.

Премьер Гайдар на прощание наскреб три процента голосов.

Слова “Чубайс” и “ваучер” стали почти ругательствами.

Политический советник президента Станкевич (лжец и взяточник) сбежал за границу.

Вице-премьер Полторанин до сих пор не объяснил, кому и за сколько ушло гигантское здание в Берлине.

Вице-премьер Лобов проходит по делу АУМ Синреке (якобы передавал секте технологию изготовления отравляющего газа зарин, примененного сектой в токийском метро, а также вынуждал военных тренировать сектантов на закрытой военной базе спецназа — Прим. авторов).

Своего бывшего заместителя по Верховному Совету и своего вице-президента Ельцин обстрелял из танков.

Его вице-президент собирал на соратников компромат чемоданами.

Его генпрокурор состряпал дело против вице-президента. Один — вышел по амнистии, другой — сидит под следствием.

Ерин, Бурбулис, Барсуков, Шумейко, Шахрай, Коржаков, Филатов, Ильюшенко, Грачев, Егоров, Рябов, Сосковец, Черномырдин, Хасбулатов, Руцкой — ведь это паноптикум. Ведь невозможно вспомнить ни одного светлого, умного, честного лица.

Точь-в-точь как плакаты с портретами членов Политбюро и кандидатов в члены. Как ни старались художники — на нас мертвыми глазами смотрели гладкие, холеные монстры".

Справедливости ради отметим лишь, что сам Минкин как раз и создан из той самой попахивающей кашицы "ума, чести и совести нашей эпохи" — эпохи "демократии": потявкать и свалить в туман, не задевая живых и всерьез опасных монстров.

"Демократическую" оценку событий 1993 г. можно рассматривать как сожаление о том, что крови было пролито мало, что Москву на завалили трупами, которые можно было бы снимать и снимать на пленку, а потом обвинить в убийствах тех, кто никогда не держал в руках оружия. Напившись крови в Чечне они на некоторое время успокоились, но снова и снова возвращаются к прежней теме. Им нужна кровь. Наша кровь — кровь русских людей.

Диагноз тут ясен. Люди, имеющие отношение к телевидению болеют общей болезнью — некрофилией, отягощенной ненавистью к России. Лечить этих уже точно бесполезно. Когда у России достанет сил, им следует выделить специальную резервацию, предварительно

отобрав острые предметы, чтобы эти внешне интеллигентные люди не занялись каннибализмом. Для них это дело привычное.

История подвела все мнения об октябрьском мятеже к единому знаменателю. Заверять “общественность” в благотворности расстрела парламента уже становится просто неприлично. Большинство если и не понимает что это не так, то чувствует фальшь этих заверений. Для того, чтобы оценка деяний Ельцина как подлейших преступлений стала повсеместной, осталось совсем немного — достаточно ухода с политической арены самого Ельцина. Вместе с ним осыплется и вся официозная мифология. Эта мифология рассеялась даже у тех, кто слал снаряд за снарядом в Белый дом, успокаивая себя соображениями о верности приказу.

Вот что говорил офицер, начинающий понимать что такое честь только через пять лет после своего преступления:

“Врагу не пожелаю такого. С одной стороны — присяга, устав, приказ, а с другой — считай, что киллер на танке. Заказное убийство. Может, того самого депутата, в которого стреляли, я и избирал…”

“Понимал, что творим что-то неладное. Ведь стреляем в своих, русских… Я и сейчас твердо убежден — того побоища можно было избежать. Ведь и у президента, и у депутатов не задница же вместо голову! Неужели по хорошему нельзя было договориться? Мы перед всем миром себя опозорили. И еще: стыдно служить в армии, которой управляют дегенераты…

Когда стояли на мосту, по внутренней связи периодически с механиком разговаривали. Он не меньше моего переживал. Говорит: “Командир, шкурой чую, загнали нас по верхнюю губу в говно, от которого не скоро отмоемся”…”.

“Потому я даже счастлив, что сегодня у меня нет наград “за образцовый расстрел российского парламента”. “Если бы еще раз попробовать Чечню задавить — лучше туда бы поехал”.

И, наконец, на вопрос “если завтра Верховный главнокомандующий все же прикажет дивизии вновь “восстанавливать в Москве конституционный порядок?” ответ был таков: “Хрен ему. Дураков больше нет. Для этого есть другие войска, а мы уже под самую завязку этого дерьма нажрались. Но если кто-то из наших выйдет, то стрелять не будет. Бьюсь об заклад”.

Несмотря на резкость выражений все тут — изобличение в том, что развращение армии продолжается. Продолжается служба под руководством дегенератов. Отмываться от дерьма никто не собирается. Более того, готовы подставить под поток этого самого дерьма других.

Как уже говорилось, “наш” убийца — сентиментален. Убивает и комплексует, страдает, а потом эти страдания корреспонденту изливает…

Кстати, сентиментальность наталкивается на официальную линию МВД, согласно которой в каждом московском отделении милиции висят биографии милиционеров, которым посмертно присвоены ордена, за “восстановление конституционного порядка” вокруг Белого Дома. Убитые своими, они до сих пор числятся жертвами каких-то загадочных “боевиков”.

События в у мэрии и у “Останкино” 1993 года расследовала сотня следователей из самых разных регионов России. Руководитель следственной бригады, ссылаясь на гриф “секретно”, ограничился заявлением, что каждый случай гибели или ранения людей был полностью и объективно расследован, что, якобы, и стало основанием для амнистии всех участников событий. Таким образом, истинная подоплека событий пока лежит под спудом и ждет своего часа, чтобы расставить политические фигуры не по рангу, а по достоинству.

Что касается нравственно стороны вопроса, то на данном этапе тема октябрьской трагедии, по-видимому, исчерпана. Истина установлена вполне отчетливо и преступники известны. Поэтому в настоящем издании мы не будем уточнять детали, не нашедшие отражения в книге “Мятеж номенклатуры”. Уточнения сделают те, кому после разгрома ельцинизма будут доступны архивы спецслужб.

Азиопские хроники — 1998

Гусинизм в действии

Газета “Сегодня” выступила в поддержку строительства Исламского центра в столичном Теплом Стане, утверждая, что мусульманам негде молиться. Мусульман, по данным газеты, в Москве и Подмосковье 4,5 миллиона. Приведенная цифра является безусловной ложью и завышена минимум в десять раз. Цель же лживой публикации — обострить конфликт между мусульманами и немусульманами, представить дело так, что против Исламского центра выступают “плохие националисты”.

Между тем, против строительства Исламского центра, деньги на который выделяет Саудовская Аравия и мусульманские экстремисты, в свое время выступал глава духовного управления мусульман.

Мусульмане, как известно, бывают разные. Для одних Россия — Отечество, для других — враждебная страна. Последние легко договариваются с еврейскими банкирами типа Гусинского не только против России, но и против своих единоверцев.

КС защищает интересы Израиля

Конституционный суд России недавно закончил разбирательство с бывшими гражданами СССР и России, выехавшими на постоянное место жительства в Израиль. Права граждан Израиля на получение российских пенсий признаны, а мы имеем возможность увидеть, какие проблемы интересуют наших конституционных судей в первую очередь. Мы можем быть уверены, что при таком внимании к правам граждан Израиля, права граждан России никогда не будут соответствовать тому, что пишется в законах и Конституции.

Телелганье

Летом 1998 шахтеры со своими посиделками на рельсах надоели власти, не способной как-то справиться с этой напастью. В связи с тем, что силовые меры грозили десятикратно увеличить число сидельщиков и пикетчиков, Кремлю пришлось поднимать против шахтеров общественное мнение. По разнарядке каждая телекампания, например, выдала в эфир сообщение о том, что шахтеры не пропустили поезд с больными детьми. Разумеется, никто не видел этих детей и об их болезнях не справлялся.

А между тем забастовщики начали понимать, что блокировать надо не пассажирские и торговые магистрали, а магистрали административные, по которым перемещается грабящая нас власть. Близ очередной (девятой или десятой?) президентской дачи в Шуйской Чупе одичавшие от невыплат зарплаты коммунальщики намеревались перекрыть движение транспорта. И деньги у администрации тут же нашлись. Шахтерам надо бы перенять опыт.

Лечение от русофобии

Небезызвестная Елена Масюк после многомесячной отсидки в чеченском плену (за что от лица кремлевской камарильи дали медаль), похоже отчасти излечилась от русофобии. Теперь она делает репортажи о страданиях русского населения в Таджикистане. Например, про “бабушку Ульяну, которую изнасиловали два то ли таджика, то ли узбека”. Таджикские власти объявили Масюк персоной нон-грата, а российские “спонсоры” организовали переезд бабушки

Ульяны в Москву. Где были спонсорские пожертвования, когда из Таджикистана пришлось бежать полумиллиону русских, остается неизвестным.

Прозрение чиновника

Генеральный прокурор Скуратов в программе “Час пик” признал, что отмена уголовной ответственности за употребление наркотиков была ошибкой. Цепь такого рода “ошибок” превратила Россию в производителя и потребителя наркотиков. Вместе с выбором “пепси” новое поколение заставили сесть на иглу.

Вторым актом прозрения стали слова шефа МВД Степашина и премьера Примакова о том, что преступников надо устранять физически. Мы полностью согласны, но полагаем, что эффективнее всего начать с Кремля и Старой площади. Вот уж кто действительно “уничтожает женщин и детей” интенсивнее уголовников!

Экс-зам Рохлина — это кто?

“Новая газета” много внимания уделила персоне Александра Морозова — бывшего заместителя Генерала Рохлина по ДПА.

Мы имели дело с Александром Морозовым осенью 1996 года, когда этот молодой коммерсант приехал в Москву с Кипра для того, чтобы получить поддержку в издании русской патриотической газеты. Тогда некоторые эксперты СВР-центра помогли Морозову, безвозмездно написав для него ряд статей, которые и были опубликованы во вкладке кипрской русской газете “Русский курьер” (дайджест российской прессы), а также в подготовке интервью с президентом Белоруссии. Небольшие тиражи газеты (весьма неряшливо сверстанной, зато на розовой бумаге) были распространены в Госдуме, где Морозов и нашел себе политического патрона, а интервью с Лукашенко было показано в программе Сванидзе, что открыло Морозову двери в самые высокие кабинеты. На этом сотрудничество с СВР-центром прекратилось, оставив неприятный осадок. Ни благодарности, ни оплаты труда эксперты не дождались.

Теперь Александр Морозов пытается сформировать собственное политическое лицо, используя для этого тему убийства генерала Рохлина и свою информацию на этот счет. По нашим представлениям, личные качества господина Морозова — импульсивность, непостоянство и дилетантство — снова оставят тех, кто ему доверится, в полном “хопре”.

Сексуальная озабоченность как фактор политики

Президенту США Клинтону пришлось по воле народа проходить унизительную процедуру выяснения вопроса о домогательствах, имевших место с его стороны в адрес какой-то белодомовской секретарши. Клинтон поначалу беспомощно пытался отвлечь американцев проблемами поставок военных технологий Ирану, но его избирателей больше интересовал состав неких следов, оставшихся на платье секретарши (она хранила это платье со следами чуть ли не год!). В конце концов, президент США вынужден был признать, что его отношения с секретаршей были “недопустимыми”. Значит до этого он врал под присягой! — обрадовались падкие до сенсаций американцы.

Им бы наши заботы! У нас и не таких пакостей не стесняются.

Кстати, американские бомбардировки Судана и Афганистана сразу же приобрели название — “сексуальные”, а исламисты (например, ичкерийский вице-президент) объявили Штатам третью мировую войну. Объявить-то объявили, только руки коротки. Так что придется расплачиваться за “недопустимые отношения” с секретаршами жизнями своих единоверцев.

Что до России, то здесь отличился обласканный Ельциным и Клинтоном губернатор Аяцков, который после встречи с президентом США заявил в телекамеру, что завидует Монике Левински (той самой секретарше). После такого смелого заявления губернатор получил в политических кругах кличку, созвучную со словом “пылесос”.

Политический труп еще смердит

Александр Яковлев впервые, как передало НТВ, заявил о необходимости захоронения мумии Ленина. Мотив у старого пройдохи один: ведь похоронили же Николая II!

Таким образом, можно считать, что Яковлев проговорился: “екатеринбургские останки” захоронили с целью нанести оскорбление всем, кто с уважением относится к памяти последнего российского Императора. Ведь обозначенный из уст Яковлева мотив относится к действию, имеющему целью нанести оскорбление всем почитателям Ленина. Оскорбили одних, теперь надо ситуацию уравновесить и оскорбить других — вот логика Яковлева.

По мнению аналитиков из СВР-центра, освободить Красную площадь от кладбища можно очень просто. Достаточно построить в

ленинских Горках фрагмент кремлевской стены и копию Мавзолея-капища в масштабе один к одному и перенести туда тело вождя мирового пролетариата. Там все поклонники Владимира Ильича смогут отправлять свой культ безо всяких препятствий. И Яковлев тоже угомонится. Для надежности надо бы еще подготовить камеру со звуконепроницаемыми стенками.

Не поделили Ислам

В Чечне началась местная разборка между уголовником Масхадовым и террористом Хаттабом. Последнего обвинили в том, что он насаждает радикальный исламизм — ваххабизм. Этим очень изумились ваххабиты в Дагестане, а в Ингушетии Аушев запретил ваххабизм своим президентским решением. Заодно последний перевел более лояльных имамов в разряд госслужащих, положив им жалование из бюджета республики (кстати, дотируемой из федерального бюджета почти на 100 %).

Последнее означает, что русские вправе требовать финансирования из бюджетов русских субъектов Федерации деятельности православных священников.

Режим продолжает выполнять “интернациональный долг” в Африке

200 российских летчиков отправились в Анголу для участия во внутренних разборках. Говорят, что заплатят им неплохо. Вопрос, из каких источников снова финансируется “интернациональный долг”? И каким боком этот “долг” обернется для России?

ФСБ подыскали начальника, Минюст нашел себе работу

Ельцин к “антифашистским” кадрам относятся с большой трепетностью.

Накануне летнего кризиса президент убрал от руководства ФСБ генерала-армии Ковалева, заменив его полковником Путиным (дистанцию от майора до полковника сей господин прошел в ультракороткие сроки, преимущественно прислуживая в Администрации президента), представляющим собой собчачье наследство, вывезенное Чубайсом из Петербурга.

Режим всегда готов был заменять спокойных профессионалов послушными комиссарами, готовыми действовать по принципу “чего изволите”. Генерал Ковалев пострадал, по всей видимости за то, что не сумел найти в России “русского фашизма”. Зато шеф Минюста из

сладенькой команды Кириенко во всех правительственных передрягах даже не поперхнулся, ибо нашел-таки “русский фашизм”.

Как оказалось, искать надо не в Кремле, а по поручению Кремля. Это сильно затруднило дело министру Крашенинникову, но он нашел таки фашизм — в газетах. А еще затолкал в тюрьму молодого парня, побившего американского негра-морпеха в уличной драке. Судье-азербайджанцу, ведущему процесс, поручено повторить успех десятилетней давности — осудить парня по мракобесной статье о расизме.

Между тем, министр юстиции с видимым удовольствием объясняет по телевидению, что купил себе гитлеровскую книжку “Майн кампф” — вот она фашистская опасность! Юристам велено искать основания для запрета такого рода покупок. Тем более, что министр уже “отоварился”.

Оккупационная армия тренируется на российской территории

Под видом отработки совместных действий армий США и России в условиях оказания помощи при стихийных бедствиях под Владивостоком проведены совместные маневры. Жители Владивостока помешали провести маневры в черте города.

Аналогичные маневры недавно проведены на Черном море. Вооруженный американо-украинский десант имитировал “оказание гуманитарной помощи при стихийном бедствии”. Опасаясь волнений граждан, организаторы маневров перенесли их из-под Севастополя в Одессу, а Россию убедили поучаствовать в своих игрищах несколькими боевыми кораблями, прикрыв тем самым явную антироссийскую направленность мероприятия.

Пожалуй, русским пора создавать отряды самообороны. Российская армия уже не принадлежит России. Ею командуют из Вашингтона.

Флот России уничтожается за счет США

Штаты и скандинавские страны финансируют уничтожение 157 российских атомных подводных лодок. В российском бюджете на это денег нет, как и на строительство современного подводного флота. Казна разворована. Теперь Кремль позволяет разворовывать подлодки, годность которых к службе определяют наши стратегические противники.

Кремль и Вашингтон топят российский космос

Немцов, еще будучи членом правительства, объявил о выделении средств на ликвидацию станции “Мир”, обслуживание которой (как и всей космической отрасли) финансировать, якобы, невыгодно. Зато у Кремля нашлись деньги, чтобы снарядить на орбиту бывшего секретаря Совета обороны и ельцинского помощника Ю.Батурина. За наш с вами счет он съездил в космос, да еще получил гонорар в 30 тыс. долларов. После этого должен поступить сигнал “топить” “Мир” в океане.

Тот факт, что раньше космической станции “утонул” сам вице-премьер Немцов (вместо космоса занялся проблемами местного самоуправления), ничего не меняет. Ведь “топить” вполне еще работоспособную станцию надо для того, чтобы международная станция “Альфа” оказалась на орбите вне конкуренции. Кремль в этом вполне согласен с Вашингтоном, интересы которого стремится обслуживать.

США и Кремль продолжают любить чеченских убийц

В Штатах был с распростертыми объятиями принят враг русского народа и российского государства бандит Аслан Масхадов. Выступая перед американскими мусульманами он сказал: “Мы гордимся тем, что на территории Чечни нет и не будет ни одного российского солдата”. Пока в Кремле сидят предатели, Масхадову всегда будет чем гордиться, а российский премьер будет ездить к бандиту на переговоры. Среди посетителей Масхадова уже перебывали и Черномырдин, и Кириенко, и Примаков. Отметились также некоторые кандидаты в президенты. Особенно часто гостил в Чечне Лебедь.

Шаймиев штампует воров в законе

Главный татарстанец Шаймиев ныне действует по принципу Остапа Бендера — “брать деньги за провал, чтобы не слишком проваливался”. Шаймиев распорядился брать поборы с любой машины, которая оказалась в Татарии, но зарегистрирована в другом регионе. Созданы летучие отряды “экологистов”, вышедших на большую дорогу.

Заем пошел по ветру

Нас долго убеждали, что заем у МВФ возьмут не для того, чтобы тратить, а лишь для пополнения резервов ЦБР. Но как только первая порция долларов поступила в Россию, ее тут же расписали на оплату

долгов по зарплате. Зарплаты не выдали, деньги исчезли, а правительство объявило себя банкротом.

Мы прекрасно знаем как здорово научились чиновники красть деньги, убеждая, что они пошли на прокорм граждан. Знаем на чей прокорм пошел заем после обрушения финансовой системы России. Кредит снова “скушали” карманы правительственных коррупционеров. Дело Гайдара-Чубайса живет и побеждает. Эстафетную палочку погубителей страны Ельцин на время вручил новому дуэту Кириенко-Немцов, а потом снова хотел отдать Черномырдину, при котором ворью жилось вольготно и весело. При Ельцине и нынешний премьер Примаков вряд ли сможет урезонить обнаглевшее ворье.

Кстати и на бирже к займу МВФ отнеслись вполне адекватно. Котировки акций еще до всякого кризиса продолжили падение, крупные капиталы, предупрежденные о предстоящем крахе бежали с российского рынка. Акции и ГКО спихивали за бесценок и покупали валюту, пока рубль не рухнул. Ну а в результате кризиса были разовым образом перераспределены более 100 млрд. долларов. В основном за счет выворачивания карманов простых граждан.

Хочется порадоваться за рухнувшие банки, финансы которых экспроприированы. Урок банкирам: не ищите среди ельцинистов да гайдаровцев политической опоры. Продадут и обчистят до нитки при первой же возможности!

Клементьев в тюрьме, Немцов — в пути

Как известно, первый пытался стать мэром Нижнего, но оказался в тюрьме по старому делу. По тому же делу проходил и Б.Немцов, который был главным вдохновителем и организатором получения и растраты льготного целевого кредита. Впрочем, недалеки те времена, когда подельщики получат одинаковую оценку своих “заслуг”. Из правительства Немцов все-таки вылетел. Следующий пункт назначения — тюрьма.

А пока опившийся русской крови экс-реформатор приглашен воротилами МВФ на “мозговой штурм” по вопросу: давать России деньги или нет, скостить русским выплату процентов в 1999 году (17,5 млрд. долларов) или доконать их.

Якутам подарили 700 млн. долларов

Правительство решило возобновить строительство Вилюйской ГЭС, в которое вбухано 700 млн. долларов. Решено передать

замороженную стройку в руки алмазной мафии, изъявшей из госсобственности эту высокодоходную отрасль вместе с территорией Якутии, где российские законы давно не действуют.

К евреям за поддержкой

Швейцарские банкиры, в руках которых полвека находились счета нацистских преступников, выразили готовность выплатить с этих счетов более миллиарда долларов компенсации пострадавшим от нацизма. Пострадавшими признаны только евреи. Русские, потерявшие в войне с германским фашизмом больше всех и более всех вложившие в Победу, не получат ничего.

Вероятно рассчитывая на щедрость швейцарских банкиров и отчаявшись добиться расположения депутатов Госдумы, В.Черномырдин посетил 2 сентября 1998 года Еврейский конгресс под председательством В.Гусинского. Если ранее его симпатии к евреям ограничивались умозаключением: "Если я еврей, то что мне стесняться! Но я не еврей.", то на этот раз Черномырдин выступил с развернутой похвалой евреям за их огромный вклад в мировую и российскую культуру.

Ничего подобного на съездах Конгресса русских общин мы не видели. Здесь Черномырдин не присутствовал, не выступал и о роли русского народа ни слова не вымолвил. Вероятно, русские не имеют такого веса среди финансистов и в правительственных кругах, а значит Виктору Степановичу можно без зазрения совести сменить этническую принадлежность. Мы поддержим это, признавая полное право Черномырдина и его соратников быть евреями и не стесняться.

За поддержкой к евреям обратился и Зюганов, серьезно испугавшийся компании, возникшей вокруг жидоедского высказывания генерала Макашова. Причем глава российских коммунистов поехал ради этого в Германию. Получил же он, в отличие от Черномырдина, полный отлуп. Главный немецкий еврей потребовал исключения Макашова из КПРФ.

Кремлевские воры

Развал финансового рынка страны, вне всякого сомнения, был спланированной акцией, от которой поживились те, кто вовремя получил необходимую политическую информацию. Это, прежде всего, еврейские банки и приватизированные целиком отрасли,

превратившиеся в РАО “Газпром” (Черномырдин-Вяхирев), РАО ЕЭС (Чубайс) и “Лукойл” (Алекперов).

Российские банки поплатились за свой космополитизм и любовь к кремлевскому ворью. У них просто отняли все. Теперь ельцинские чиновники предлагают вкладчикам разоренных банков перевести свои вклады в Сбербанк, обменяв их на рубли. При этом ясно, что даже свои рубли удастся получить не раньше, чем будут напечатаны триллионы новых денег, а цены взлетят в несколько раз. Таким образом, либералы-западники второй раз ограбили население. Причем на этот раз ту его часть, которая невероятными усилиями смогла выжить в условиях экономики воров и демократии проходимцев и образовала мало-мальские запасы в виде вкладов в банках или рублевых “заначек”.

Генерал-предатель спелся с бандитами

В 1996 году Лебедь был отстранен от руководства Советом Безопасности в связи с информацией тогдашнего министра внутренних дел А.Куликова о попытке создания незаконных вооруженных формирований “Русский легион”. Сегодня из окружения бывшего соратника Лебедя В.Петрова становится известным, что еще в тот период между Лебедем и Басаевым существовала договоренность об использовании в критической ситуации “лежащих на дне” боевиков из чеченских криминальных формирований, действовавших на территории Москвы и Московской области.

И вот в августе-сентябре кризисная обстановка, похоже, становится реальностью, и Лебедь, без всякого сожаления бросив на произвол судьбы поверивших ему красноярцев, отправляется в Грозный и участвует в очередном антироссийском шабаше.

Разумеется, Лебедя встретили с распростертыми объятиями. Ведь кризис в России — шанс для чеченских лидеров усилить свое давление на федеральные власти (по поводу бюджетных субвенций, по поводу компенсаций на восстановление разрушенных во время войны объектов и т. п.), а то и протолкнуть на верхние этажи этой власти своего человека. Лебедь как будто создан для этой миссии.

Мало кто из действующих политиков, претендующих на власть в постельцинской России, обладает возможностью предъявить силовой аргумент. Лебедь такую возможность имеет. Вероятно, именно

поэтому в кризисной ситуации он решил “освежить” контакты с чеченскими головорезами.

ЧВС не простил

Черномырдин не стерпел заявления Лужкова о готовности принять участие в президентских выборах. Виктор Степанович, со свойственной ему непосредственностью промямлил: “Раньше Лужков был за демократию, а теперь идет на союз с коммунистами…” Разумеется, Черномырдин спутал Лужкова с самим собой. Это как раз Черномырдин с думскими коммунистами жил душа в душу, это им он обещал ввести в стране экономическую диктатуру. Теперь Черномырдин собирается быть кандидатом в президенты от всех демократов. И замечательно, ибо мы знаем все о способностях самого Виктора Степановича, и о тех самых “демократах”, которые и раньше помогали режиму распинать Россию.

Лужков ответил — в долгу не остался. Назвал ЧВС “политическим пенсионером”. Как в воду глядел — Черномырдина начали сдавать все его соратники. Даже родная фракция в Думе стала готовить пинок, чтобы освободиться от своего создателя.

Ордена для иностранцев и маразматиков

Традиция награждать своей волей высшими государственными орденами всех, кого ни попадя, пошла от Брежнева и закрепилась у Ельцина. Стоило появиться новому высшему ордену России “За заслуги перед Отечеством”, как “всенародно избранный” повесил его на грудь президента Франции. Причем не 3-ю степень, как положено по статусу ордена (следующую степень не дают без предыдущей), а сразу 1-ю.

Оружейник Калашников получил тоже сразу 2-ю степень ордена. Его заслуги, хоть и оценены с нарушением статуса ордена, но все-таки нам известны. А чем перед Россией отличился Миттеран? Может быть он перед Ельциным отличился? Но тогда недурно было бы знать в чем же и убедиться, что за это надо ордена давать, а не плевать в физиономию.

Недавно Ельцин наградил академика-демократа Лихачева орденом св. Андрея Первозванного. Якобы за исследования по древнерусской литературе. На самом деле — за присутствие на похоронах останков из екатеринбургского раскопа. Без Лихачева президенту было бы не с руки присутствовать на кощунственном

мероприятии. Получил “кот ученый” “златую цепь” за успешные похороны русской истории.

Второй грудью, на которую Ельцин повесил орден русского святого, был казах Назарбаев — один из самых гнусных русоненавистников, изводящий русское население Казахстана под корень, дающий “поганые” названия русским города. Потом грудь снова пришлось подставлять все тому же Калашникову, превращенному в новогоднюю кремлевскую елку, на которую “всенародно избранный” вешает побрякушки.

Оппозиция болеет, как выяснилось, той же заразной кремлевской болезнью. Ко всякого рода медалькам недавно был добавлен Орден Сталина, который г-н Проханов повесил на грудь г-ну Макашову — видать за удачно ввернутые слова про “жидов”.

Телевизионщики бьют челом в ноги Ельцину

Правительство РФ (конечно же не без участия президента) решило предоставить телекомпании ВГРТК невиданные льготы и административные права. Очевидно, что цель создания еще одного медиа-холдинга — обеспечить третий президентский срок Ельцину или первый — его преемнику, призванному окончательно добить страну.

Все прочие телекомпании ждали, что из барской мошны им тоже что-то перепадет. Но бюджет уже настолько разворован, что для них у Ельцина ничего не нашлось. И телекомпании застонали, стали взывать к хозяину, требуя “честной конкуренции” на рынке телеуслуг. (Что же они раньше-то молчали, получая льготы и привилегии?). И Ельцин распорядился: все должно быть согласно Конституции. Что это означает мы уже хорошо усвоили…

Гибкие спины не обеспечили благоденствия — потрошить “четвертую власть” стали еще рьянее. На ОРТ судебные исполнители описывали мебель, налоговики нагрянули с обыском к оэрэтэшному рекламщику Лисовскому. У последнего задержались дольше, ибо имущества было больше — трехэтажный особняк, да двухэтажный дом для прислуги и охраны, потом прибыл случайный курьер с “малой коробкой из-под ксерокса”, набитой баксами.

Блокада

Телевидение по распоряжению “сверху” блокировало показ пресс-конференции противников Черномырдина и потенциальных

участников патриотического блока — С.Бабурина (РОС), Д.Рогозина (КРО), А.Исаева (“Союз труда”), В.Илюхина (ДПА) и других. Прозвучавшее на пресс-конференции заявление грозило испортить всю обедню и сорвать коммунистам и правительственным коррупционерам закулисный торг. И не удивительно, ведь участники пресс-конференции отвергли кандидатуру Черномырдина в качестве премьера безоговорочно и предупредили думских комбинаторов об ответственности за очередной обман народа.

Аналогичным образом гусинисты-березовисты блокировали информацию о соглашении между КРО (Д.Рогозин) и “Союзом народовластия и порядка” (А.Николаев). Между тем это соглашение весьма симптоматично. КРО приобрел в союзники сильного генерала со слабым голосом и четырьмя звездами, против которого слабый генерал со зверским голосом и двумя распухшими звездочками прапора — просто мальчишка.

Наконец, отснятый камерами всех каналов съезд движения Николаева не был показан нигде.

Сепаратисты в почете

Встреча Черномырдина с любимыми губернаторами накануне рокового для него голосования в Думе показала, на кого он ориентируется. В кабинет и.о. премьера собрались самые объявленные сепаратисты — Аушев, Рахимов, Шаймиев и прочие расчленители страны. Очевидно Черномырдин собирался расплатиться с сепаратистами, которые обещают всячески поддержать его. Заявившись в качестве кандидата в президента, Виктор Степанович не постесняется обещаний поделиться с единомышленниками кусками русской земли.

Симптоматично, что в конце 1998 года Черномырдин пошел на поклон к мусульманам, где жаловался: “Сначала говорят: бей жидов. Потом скажут: бей татар. Что же тогда получится?”

Этот разоритель нашей страны за всю свою гнусную карьеру ни разу не вспомнил о русском народе.

Три истерики подряд

Шум вокруг высказывания Макашова: “Заберу с собой полдюжины жидов” был организован евреем Гусинским и евреем Березовским. Они чудесным образом подняли популярность туповатого генерала, повторившего в очередной раз то, что говорят

всюду и везде — включая оппозиционные митинги. На этот раз ракурс, видать, был особенно удачным. Появился повод для того, чтобы потребовать политических преследований по статье 282 УК РФ о разжигании межнациональной, расовой и религиозной розни. Появился повод для того, чтобы потребовать запрещения компартии. (И пес бы с ней, да только до кучи запретили бы и все остальные).

Увидев, что фокус с Макашовым не прошел и даже имеет прямо противоположный эффект, гусинисты-березовисты решили подвигнуть президента-маразматика на репрессии иным методом — вынули из заначки апрельский ролик с откровениями офицеров ФСБ, которым якобы давались задания на похищение и убийства людей. Чекисты, пряча глаза, рассказывали Доренко как и кто их склонял к противозаконным действиям, сваливая все на генерала Ковалева. Когда действующий шеф ФСБ взял сторону последнего, ОРТ заткнулось и даже сняло с эфира очередной ролик с откровениями, ставшими ненужными. Тем более, что Ельцин из состояния анабиоза снова не вышел.

Третий скандал был связан с убийством патентованной демократки Старовойтовой, приконченной то ли за мешок денег, который она везла в Питер для обеспечения победы своих соратников на городских выборах, то ли “по счетчику” за неуплату долгов по прежним махинациям такого сорта. Старовойтову попытались превратить в мученицу за идею, чья смерть якобы открывает вереницу политических убийств. Демократическая пресса и телевидение неистовствовали как в августе 1991 и октябре 1993. Но и на этот раз общество осталось глухо к всероссийским завываниям, а президент что-то там подписал, не приходя в сознание.

В последнем случае оказалось, что спутник Старовойтовой (“верный Руслан”) симулировал ранение и прятался в больнице, обманывая следствие, а потом уехал за границу. Демократические соратники Старовойтовой тоже всячески уклонялись от сотрудничества. Оказалось также, что во время убийства исчезли сумки, в которых находилась куча “зеленых” — около 900 тыс., а сама Старовойтова оказалась учредителем более 30 коммерческих фирм, занятых “обналичкой” и другими столь же “достойными” операциями.

Жулье пошло направо

После того, как Лужков объявил себя центристом, Чубайсу и Черномырдину ничего не оставалось делать, как объявить себя правыми. Но нам вполне ясно, что это не правые, а просто воры, и места им в политике нет. Когда все встанет на свои места, такого рода “правые” окажутся на лесоповале или на Лобном месте.

Последнее обстоятельство делает для настоящих правых объединение всех демократов чрезвычайно выгодным. Не надо будет искать их по городам и весям. Будут брать по спискам. Первые в списке Чубайс с Гайдаром, Кириенко с Немцовым и Сысуев с Аяцковым.

Политическую (как и половую) принадлежность последнего еще предстоит уточнить. Для прочих присоединившихся к указанным персонам это право также будет гарантированно.

Журналистика и измена Родине

Мы уже привыкли к тому, что демократическая журналистика мало чем отличается от проституции. Разница только в том, что первая более опасна — все время жаждет крови.

У журналистской сволочи есть даже интернациональная организация — Международный комитет защиты журналистов. Если вы предаете Родину на страницах газеты, вы можете быть уверены, что за вас вступятся добряки из-за океана. Они защитят ваши права человека — пусть это будет стоить тысячи трупов ни в чем не повинных людей.

Этот самый комитет, например, присудил премию известному белорусскому агенту ОРТ Шеремету, а еще раньше русофобствующим Митковой и Масюк.

Когда Шеремета не выпустили из страны, в дело вмешался Госдеп США. Но президент маленькой, но гордой Белоруссии Лукашенко плевать хотел на хозяев журналистской мафии.

Мирный атом кроют матом

Ставленник Березовского министр атомной энергетики Адамов, как выяснилось, является большим поклонником канадских атомных реакторов, за строительство которых в России он собирается расплачиваться электроэнергией. За кордон пойдут стерильные киловатты, у нас будут оставаться ядерные отходы. А еще останутся омертвевшие производственные мощности, хотя они способны производить реакторы не хуже канадских и по вдвое меньшей цене.

А еще министр Адамов создал целую систему совместных предприятий в закрытых городах, причастных к разработке атомных технологий. Торговля драгоценными отечественными разработками идет полным ходом. Атомщики в шоке, но пока в состоянии только ругать власти.

Политическую помойку назвали “Отечеством”

Надежды на то, что Лужков сформирует патриотический блок, рухнули. Московский мэр не только соскреб в свое движение кремлевские отбросы вроде Ястржембского и Савостьянова, но еще и предпринял ряд акций — против РНЕ (противоречащий Конституции запрет проводить съезд в Москве) и против Макашова (письмо в Госдуму). А еще Лужков сказал “фас” своим СМИ, чтобы они отыгрались на Илюхине, повторившем “подвиг Макашова”.

Стратегической линией Лужкова, по мнению аналитиков, теперь является не демократический патриотизм, а ельцинизм без Ельцина. Не случайно в качестве партнера “человека в кепке” все более просматривается Явлинский. Последний обрабатывает американских хозяев, в то время как мэр экспортирует свои улыбки немецким социал-демократам. В качестве патриотов при таком раскладе должны проходить Кобзон, Ресин и раввин Шаевич, приглашенный на съезд “Отечества” и приехавший, несмотря на законы еврейской субботы. К ним можно добавить и г-на Затулина, которому Лужков повелел забрать у Руцкого движение “Держава” и быть патриотом. Тот так и сделал, посадив рядом с собой богохульника Севастьянова.

Если агентура демократов вынудила Лужкова отмежеваться от сионофобов, то “красные” проинвентаризировали его взгляды путем выдвижения требования о возвращении “железного Феликса” на Лубянку. Реакция Лужкова многое сказала “левым” избирателям, и их уже не убедят увещевания Затулина, что НПСР и “Отечеству” надо быть ближе друг к другу.

Красные идут!

Думские коммунисты решили подставить ножку Лужкову, рекомендовав московским властям восстановить памятник Дзержинскому на Лубянке. Лужков не мог пойти на это, а значит, должен был выглядеть в глазах симпатизировавших ему коммунистов “не вполне патриотом”. Коммунистам тут же подыграло телевидение. Хором все телеканалы устроили очередную истерику. Выдумали и

вооруженные “красные бригады” (Киселев), и интригу КПРФ с целью захвата власти (ОРТ и РТР).

На этот раз Ельцин “восстал” со смертного одра — на три часа. За это время разгромил свою администрацию, уволив ее главу с двумя замами и застращав до дрожи всех остальных. Дрожали руки и у самого Ельцина, когда он ткал пальцем в своих соратников и буравил их пулеметными гнездами своих глазок. Со страху, нагнанного телевидением, Ельцин подчинил себе все структуры, в которых есть хоть какой-то “силовой” компонент, и вернулся в Центральную клиническую больницу — из психдома, зовущегося Россией, в тишь палаты особой важности. Оставшимся на свободе поручено бороться с экстремизмом и коррупцией. Поскольку трогать Семью при этом возбраняется, то чиновникам опять нечего делать.

Власть снова “собрали в кулак” — в кулак без мозгов. Собрали, чтобы снова нанести удар по стране, еще не оправившейся ни от 1991, ни от 1993, ни от августа 1998.

Не заметили…

В России с 1996 года действует мораторий на смертные казни. Но законодательство пока не изменено и около 1000 осужденных к высшей мере ждут своей участи. В Мордовии, к примеру, есть особая тюрьма, где на счету полусотни заключенных полторы сотни трупов. Каждый уповает, что Ельцин выполнит требование Европейского Союза и отменит смертную казнь.

Цивилизованно выкрутиться из положения предложил спикер Думы Г.Селезнев. Его идея состоит в том, чтобы для особо опасных преступников восстановить каторгу. СМИ хором выступили против. Им нужно, чтобы Россия умылась кровью после большой амнистии. Кремль, похоже, держит в запасе тот же аргумент, который применил в свое время Берия, — глобальную амнистию для подонков всех мастей.

Чужой

Солженицыну стукнуло 80 лет. Демократы отметили это событие телефильмами. Все прочие (а их большинство) скорбно промолчали. И вот почему.

Солженицын, сложившийся как писатель-почвенник, свое творчество превратил в месть. Как и многие другие, он мстил коммунистам, “а попал в Россию”. За рубежом “Архипелаг…” вышел совокупным тиражом в 18 млн. экземпляров. И это была единственная

информация о нашей стране. Это была “малая правда”, ставшая Большой Ложью.

Сделав месть смыслом своего творчества, Солженицын умер и как писатель, и как общественный деятель. Именно поэтому его возвращение на родину ничего не дало — только поток банальностей, повторение задов патриотической мысли, тезисов пятилетней давности.

На Солженицына надеялись, думали, что он станет патриархом русского сопротивления демоническому геноциду… Не вышло. Солженицын устарел и остался рабом своей мести, что следует из его брошюры “Как нам обустроить Россию”, выпущенной демократами тиражом в 27 млн. экземпляров. Он и сам это понял, оказавшись снова в добровольном затворничестве.

Лишь одно обстоятельство позволяет не зачислять Солженицына в отряд пособников преступного режима — он ничем не обозначил такого пособничества и отказался от награды, которую Ельцин собирался повесить на шею писателю.

Раскрутка

Телевидение и пресса “раскручивают” Явлинского, стараясь максимально нарастить его шансы на выборах 1999. Локальный успех уже есть — “яблизация” Питера. Вой по поводу того, что криминал идет во власть имел успех. Граждане как-то позабыли, что криминал уже давно там. Перестал Чубайс маячить перед глазами, вот и запамятовали…

Два “технолога”

В Питере все безобразия, связанные с избирательными технологиями, относят на команду гражданина Кошмарова, известного в узких кругах тех, что он активно поработал на нынешнего питерского градоначальника Яковлева. На сей раз некоторые придумки Кошмарова были применены на широкую ногу. А потому и были обречены на провал. Только наивный мог не заметить намеренных пакостей — например, регистрации кандидатов-двойников.

Между тем, надо вспомнить, что изобретение двойников произошло в 1995 году. Околоельцинский “блок Джуны” на парламентских выборах поставил в первую тройку Александра Ивановича Лебедя — двойника настоящего Лебедя из блока КРО. Затея удалась, а авторы ее известны. (Впрочем, известен и вполне

удовлетворительный результат. Не будь двойника, скоковский КРО был бы в Думе вместе с “настоящим Лебедем”. А что есть последний теперь мы знаем очень хорошо.)

Гражданин Кошмаров был направлен кремлевскими махинаторами в Красноярск противостоять Лебедю и делать из его соперника Зубова “крутого” на губернаторских выборах. “Крутизна” из Зубова, действительно, перед вторым туром голосования поперла, да только в нее никто не поверил. Мямля озверел как-то неубедительно и оттого выглядел еще более жалким.

Второй “технолог”, о котором в последнее время тоже заговорили что-то уж слишком бойко, — П.Щедровицкий. Программа правительственного канала “Совершенно секретно” сделала целый фильм про этого философа от политики, представив его “белым и пушистым” во всех отношениях. Мы тоже знакомы с этим “талантом” по выборам в Красноярске. Мсье Щедровицкий за две недели перед первым туром голосования в оперативном порядке развалил кампанию Зубова, заставив активистов собирать социологическую информацию.

Так что, на выборах дурной академизм подчас оказывается не лучше отъявленной пакости. Антилебедевская пакость нежданно сыграла на пользу стране, антилебедевский академизм нанес ей (в Красноярском крае) чувствительный урон.

Бедный Сорос

Как выяснилось, Дж. Сорос потерял в России 2 млрд. долларов. Обычно он “обувал” всех, а тут его “обули”. Под впечатлением Сорос издал книгу “Кризис капитализма”, где посетовал на глобализацию мировой экономики. Мол, не знаешь в какой момент у тебя из кармана деньги начнут выгребать. Займешься “алхимией финансов” в одной части света, а в другой разразится какой-нибудь кризис и обчистит тебя до нитки…

Познер на позорище

Известный своими душещипательными передачами президент телевизионной академии Познер пригласил как-то побеседовать о межнациональных отношениях штатных русофобов Абдулатипова и Зорина (первый — министр от сепаратистов Кремля, второй — депутат РФ от демократов Чечни). Все их глупости он переплюнул одной своей фразой: “В конце XX века любить или не любить человека по национальному признаку — позорище”.

Пожелаем же Познеру внуков-негритят…

Искали коробки из-под “ксерокса”

Налоговики-полицейские выпотрошили офис околокремлевского рекламщика Лисовского. Надеялись найти там пару-тройку коробок, подобных той, которую этот субъект выносил из Белого дома в период избирательной кампании 1996 года. На этот раз улов был невелик, а вся демократическая общественность (к которой на этот раз присоединился и мэр Лужков) начала лаять на налоговиков, нарушающих права человека. Будто у нас права всех остальных граждан соблюдены по букве Конституции.

Одинокое раскаяние Быкова

Глава совета директоров КрАЗ А.Быков, активно помогавший А.Лебедю стать губернатором, раскаялся в своих действиях и повинился перед журналистами в своей ошибке. Это первый прецедент такого рода. До сих пор не покаялся ни один предприниматель, финансировавший Ельцина, Гайдара, Ченомырдина и пр. Если вспомнить о гибельном состоянии страны, то гибель отдельных предпринимателей от рук бандитов, порожденных этим режимом, или гибель их предприятий не должна вызывать у нас особого сочувствия. Эти люди ни в чем не раскаялись. Они до сих пор кормят всю эту демократическую шпану, разоряющую страну, радуясь, если их приглашают на банкет по поводу успеха очередной махинации.

В действительное раскаяние предпринимателей мы поверим, когда они начнут вкладывать ресурсы в русское дело — в русские издания (тиражи которых сегодня смехотворны), русские политические объединения, в русскую науку.

Четыре головы на сундук мертвеца

Нет, даже головы европейских сограждан, отрезанные чеченскими бандитами, не заставили “мировую общественность” вздрогнуть. А было от чего всколыхнуться. Реконструкция событий говорит о том, что чеченские боссы заказали развертывание в Грозном системы мобильной телефонной связи стоимостью в 300 млн. долларов, а когда работа была выполнена, почли более выгодным укокошить исполнителей, чем расплачиваться с ними.

Русский мат на еврейском НТВ

Телеканал НТВ, ведущий вещание одновременно на Россию и Израиль, с некоторых пор снял запрет на употребление в эфире

ненормативной лексики. Сначала была многократно тиражирована цитата из Макашова, содержащая слова “жид”. Потом для пущего нагнетания истерии НТВ дает цитату из Макашова в момент штурма мэрии в 1993 году. Наконец, утверждая традицию, НТВ дает без звуковых купюр оперативную съемку операции по освобождению французского заложника из лап чеченских бандитов.

Таким образом, непристойность становится признаком не только развлекательных программ НТВ, но и программ политических.

Глава 6. Театр номенклатурного абсурда

“Видеть целый сильно организованный литературный лагерь, утверждающий, что всякое проявление порядочности в мышлении равносильно разбою и мошенничеству, что идеалы свободы и обеспеченности суть идеалы анархии и дезорганизации власти, что человечность равняется приглашению к убийствам — право, это такое гнусное зрелище, перед которым не устоит даже одеревенелое равнодушие. А между тем это зрелище проходит перед нами каждый день, и, к удивлению, оно единственное, которое пользуется присвоенною зрелищам сценической постановкой. Каждый день из лагеря хищников, предателей, пустосвятов и проститутов раздаются распутные клики, готовые задушить в обществе всякие признаки порядочности. Каждый день из растворенных хлевов вопиют голоса трихинных пристанодержателей, угрожающие, проклинающие, требующие пропятия… Спрашивается: ужели не следует как можно громче объяснять обществу, что эти мерзкие вопли — не что иное, как лганье и проституция? Нет, именно следует каждодневно, каждочасно, каждоминутно повторять: ложь! клевета! проституция! Повторять хотя бы с тем же однообразием форм и приемов, которые употребляются самими клеветниками и проститутами. Повторять, повторять, повторять.”

М.Е.Салтыков-Щедрин

Анекдоты как двигатель реформ

Слова, как известно, могут становиться материальной силой. Слова, которые вызывают сильные эмоции — в особенности.

Анекдоты — сильное снадобье для уставшего от рутины организма. Повторяясь в тысячах интерпретаций, они оставляют неизгладимое впечатление у особенно восприимчивых интеллигентов.

Содержание уже забыто, а впечатление остается и воздействует на мировоззрение и поведенческие реакции.

Хоть и писал Щедрин, что смеяться надо со смыслом, а не только в силу одной бессовестной смешливости, серьезное отношение к анекдотам — дело опасное. Для размягченных некрофилией мозгов — в особенности.

Дело в том, что современные российские реформы делались и делаются людьми, жизненные установки которых вполне можно представить в виде совокупности небольшого числа анекдотов. Они только по виду не зависят от анекдотов, а на деле — увлечены анекдотическим содержанием собственного рассудка и черпают оттуда (скорее всего безотчетно) основания для своих поступков, а подчас — и докторских диссертаций.

Несколько классических примеров внедрения анекдотов в сознание реформаторов мы и приведем.

Хохма № 1 (“Стратегия выживания”)

Мы смогли бы решить наши проблемы, если бы объявили войну Швейцарии, а на следующий день капитулировали и сдались в плен.

Этот анекдот не просто классика, а вполне всерьез принимаемая многими установка. Дело дошло до того, что один известный писатель, полвека назад воевавший с фашистами, теперь объявляет о том, что лучше было бы, чтобы Гитлер тогда нас победил.

Не удивительно, что подобная установка достигла военных, которые заранее капитулировали перед США, переместив прицелы своих ракет с конкретных целей в абстрактный эфир. Не удивительно, что российские спецслужбы начали сдавать свою агентуру (например, дело Эймсов). Не удивительно, что вдохнувшие ядовитых испарений “демократии” российские ученые начали сдавать врагам России стратегические секреты.

“Капитулировать, так капитулировать! — читайте книжки предателя родины Резуна-Суворова, смотрите на его наглую физиономию по первой программе телевидения в передаче “Час пик”! Мы рождены, чтоб анекдот сделать былью!” — вот кредо тех, кто отправлял государственные полномочия в период номенклатурного мятежа.

Хохма № 2 (“Рецепт Сидорова”)

Сантехник Сидоров попал в тюремную камеру за то, что при ремонте сливного бачка сказал: “Тут надо менять всю систему”.

Ссылки на порочность системы стали для российской интеллигенции (конечно же “творческой”!) главным поводом для проведения реформ. Определив государство, в котором доводилось жить, как тоталитарное, а систему — как административно-командную, некоторые интеллектуалы решили, что способны на развалинах “тоталитаризма” построить нечто совершенно новое — “демократическое”. Истолковав по-своему заявление сантехника Сидорова, они принялись “менять”.

Разрушение тогда многим было выгодно и реформаторов не передавили сразу, оставив это удовольствие “на потом”. Когда же от разрушения надо было перейти к становлению того, что смутно грезилось в мечтах, оказалось, что на месте разрушенного нельзя создать ничего нового. Интеллектуал-демократы начали причитать, что реформами управляют “не те” люди, что эти вообще против реформ. Скулеж шел как раз накануне больших разборок с той шушерой, оставленной для расправы.

Кстати, один из современных западных (а значит весьма уважаемых доморощенными либералами) мыслителей — Карл Поппер, называл то, что у нас определено как “Рецепт Сидорова”, “холизмом” (от английского слова whole — весь, оптом). Холисты соглашаются на реформы только глобального масштаба, а тонкое регулирование общественных процессов им не по душе. Раньше холистами в России были большевики, теперь либерал-демократы. И тем, и другим история, похоже, уготовила одинаковую участь — участь более жестокую, чем участь слесаря Сидорова. В определенный момент на них просто объявляют охоту.

Хохма № 3 (“Изобретение Петровича”)

Слесарь Петрович помог секретному КБ решить вопрос с обеспечением необходимой прочности крыльев нового бомбардировщика. Там где крылья обычно ломались, он просверлил цепочку отверстий, сославшись на многочисленные опыты с туалетной бумагой, которая никогда не рвется вдоль прорезей. Оплата за изобретение составила две бутылки водки (эквивалент одного ваучера).

Команда Гайдара, похоже, именно изобретение слесаря Петровича решила применить для макроэкономических процессов. Когда все-таки крылья реформ обломились (не важно по прорезям или в другом месте), стали ссылаться на то, что дырок в крыльях насверлили маловато. Ведь бумажные эксперименты говорили: надо следовать слесарю Петровичу с максимальным усердием!

Может быть оплата не соответствовала изобретению? Все-таки дать каждому реформатору по своей кормушке оказалось делом накладным. Если верхушке реформаторов удалось “изыскать” вознаграждение (кому личную корпорацию, кому персональный институтик, кому банк…), то рядовым “слесарям” осталось лишь ссориться за посты в “Выборе России”.

Хохма № 4 (“Цена реформ”)

Сегодня за рубль дают 200 г колбасы, завтра будут давать по морде.

В одном из вариантов эта хохма сводится к фразе: “На тебе три рубля и ни в чем себе не отказывай!”

Насверлив дырок в российской экономике, в которые утекли сбережения граждан и громадная собственность, мы получили такую инфляцию, что российский рубль стал одной из самых мелких монет в мире. Даже после деноминации в 1000 раз подать нищему рубль, действительно, опасно. Особенно если этот несчастный — беженец с Кавказа (“ми нэ мэстные, ми сами бэжэнцы”). Можно действительно по физиономии схлопотать.

Хохма № 5 (“Профессионализм”)

Сантехник Степаныч, вылезая из сточного коллектора и отряхиваясь от налипшего дерьма, поучает своего стажера: “Учись, Петруха, а то так и будешь всю жизнь в колодец ключи подавать!”

Жить в дерьме и поучать других — любимое дело российского либерального интеллигента и чиновника-казнокрада. В отличие от сантехника Степаныча, они поучают, не вылезая из дерьма. К тому же Степаныч умеет хотя бы гайки крутить, а эти — просто “дерьмократы”.

Яркий пример — правительство Гайдара-Черномырдина, которое называло себя “правительством профессионалов”. Степаныч стал Виктором Степановичем, забыв трудовые навыки, но унаследовав атмосферу прежнего рабочего места и любовь к поучениям.

Хохма N5 (“Пятый пункт”)

На собеседовании во время приема в институт абитуриент на ломаном языке заявляет: “Мама — чуваш, папа — чуваш, а я русский”.

Дохихикались над чукчами, евреями и хохлами до такой степени, что забыли что такое “русские”. Зато появились сибиряки, уральцы, амурцы и прочие, как бы уже не считающие себя русскими. Что уж говорить об украинцах и белорусах, поторопившихся отмежеваться от русских своими суверенитетами! Страна расползлась под смешочки на кусочки, нация развалилась на этнические обломки, воспряли “титульные нации”, не имевшие в свой дороссийский период ни государственности, ни высокой культуры, а иногда и письменности.

Мы предлагаем читателю дальше продолжить изыскания и убедиться в том, что анекдоты стали реальностью нашей жизни. Если слесари и сантехники, посмеявшись над очередной хохмой, шли крутить свои гайки, то политически озабоченные интеллигенты делали бородатые шуточки своей жизненной и политической программой. Теперь и те, и другие анекдотов уже не сочиняют и не рассказывают. Сама жизнь стала дурным анекдотом.

Ну не анекдот ли, что премьером страны в течение шести лет разрухи был человек с фамилией Черномырдин, проведший детство в деревне Черный Острог за воровством зерна с колхозных полей и овощей с соседских огородов, а также же разведением голубей на вырученные от этого бизнеса деньги?

Если читатель думает, что все это выдумки, то ошибается. Свидетельство мы почерпнули в милой телепередаче, которая между прочим поведала, что Чубайс в детстве был учеником-паинькой, исправно постигавшим основы марксизма-ленинизма, а Немцов развлекался в школьные годы тем, что закручивал свои “фестивальные” волосы рожками и в ответ на возражения учителей брился наголо.

Как же избавиться от напастей, которые несут в себе анекдоты? Может запретить их всех разом, а “сильно грамотных” шутников — по лагерям? Пожалуй, тут подходит другой рецепт: нельзя допускать к управлению государством тех, кто шуток не понимает, кто сам себя и нашу страну превращает в пошлый анекдот.

Демократический туризм

“Шизофрения косит наши ряды”, - порой вздыхают уставшие от хлопот деятели самых разных политических партий. В самом деле, здравые люди рано или поздно предпочитают делать карьеру где-то в другом месте, а концентрация ушибленных политикой в борющихся за власть группировках неуклонно повышается.

“Демократические” организации продолжают существовать как раз за счет ветеранов своего движения и поэтому больше других страдают психическими болезнями.

Нам довелось убедиться в этом во время визита в Таджикистан в качестве общественных наблюдателей на президентских выборах 1994 года в этом обломке некогда единой страны конца. Поскольку официальный статус членам прибывшей из Москвы делегации предоставлен не был, свободного времени было в избытке, и вместо наблюдения за выборами можно было понаблюдать за представителями “демократов”, прибывших с нами в одном самолете. Члены движения “Выбор России”, которых сюда вместе с родственниками, знакомыми и друзьями приехало без малого сотня (от прочих — менее полудюжины), вели себя совершенно экзотически.

Для того, чтобы читатель смог понять эмоции авторов, приведем несколько путевых заметок.

Не успели “демократы” вселиться в гостиницу “Таджикистан”, как на пустующем информационном стенде появилась наклейка “Выбора России” и какие-то неряшливые объявления. Не получив статуса официальных наблюдателей на выборах (срок оформления давно прошел), “демократы” начали готовиться к сидячей забастовке у таджикского Центризбиркома. Бомжеподобные фигуры “наблюдателей от России” (неряшливые, скандальные, шумливые) метались по Душанбе с весьма решительным видом. Они успокоились только после предоставления им автобусов для экскурсии по кишлакам.

В минуты тягостных ожиданий по поводу очередной информации о грезившемся статусе официальных наблюдателей (вот-вот дадут!) в фойе гостиницы то и дело возникали забавные диалоги. Вот старушка — божий одуванчик — доверчиво сообщает своему собеседнику, указывая на кого-то из попутчиков: “Вы знаете, это человек с совершенно недемократическими взглядами. Таких стрелять надо!”. А вот подвинувшийся на политике старичок с уверенностью очевидца рассказывает как он сидел в танке, стрелявшем по Белому Дому. И тут

же следует признание о том, что ветеран-демократу во многом нравится Гитлер.

В Таджикистане даже накануне выборов обстановка была неспокойной: ночью постреливали и взрывали бомбы террористы. Несмотря на это, “демократов” волновали вопросы такого типа: не пора ли Таджикистану перейти на арабскую вязь (будто тут за плечами сотни лет повальной грамотности!), судоходны ли местные реки, каковы цены на урюк и дыни, как соблюдаются права оппозиционных политических партий и т. п. Об этом они с одинаковым простодушием интересовались у водителя автобуса и кандидата в Президенты.

Престарелые “демократки”, по прибытии в Таджикистан, тут же превратились в мешочниц, накупив на первом подвернувшемся базаре полные авоськи фруктов. Таджики испугано шарахались от этих типично московских фигур, отягощенных непомерным хозяйственным грузом.

Полное недоумение у местных жителей вызывала среднероссийская физиономия, торчащая из таджикского халата. Это в местный костюм обрядился один из “наблюдателей”, который одинаково нелепо смотрелся и на улице, и в ресторане. В ресторане же замечательным московским колоритом выглядели тапочки и домашние халаты активисток “Выбора России”, привыкших заниматься политикой в кухонном наряде.

Мы направляемся из аэропорта в гостиницу. Полнотелый таджик входит в автобус с “десантниками” из Москвы и набирает воздух в легкие для того, чтобы сделать какое-то сообщение. Тут же на одном из передних сидений автобуса приподнимается какой-то мелкий демократический фюрер и по-холуйски визгливо кричит тошнотворно базарным голосом: “Минуточку внимания!”. Но толстячок раздумывает что-либо говорить, и от этого гадливое ощущение от еще звенящего в ушах крика только усиливается.

Группа “демократов” из Антифашистского центра жует таджикские семечки, по свойски поплевывая шелухой на мостовую. Демократическая старушка делает замечание любителям старинной российской привычки и получает в лоб хамский вопрос: “А вы, собственно, кто?” Старушка уязвлена — она никто, но быстро находит ответный ход. Отойдя на безопасное расстояние она тихо, но внятно произносит в адрес оскорбителя: “Вы фашист!”.

Во время нашего пребывания в Таджикистане один из “демократических” активистов попытался захватить власть в группе своих соратников. Умыкнув из-под носа главного “выборосса” основные документы, он умудрился провести трехчасовые переговоры с послом России. Посол так и не смог понять, кто же из прибывшей делегации главный, и готов был говорить со всеми, лишь бы навязчивые “десантники” угомонились.

Приведенные заметки как нельзя лучше характеризуют ту публику, которая скапливалась в “демократических” организациях, имитировала массовую поддержку режима, заполняла вакансии помощников демократических депутатов.

Прибыв в воюющую нищую страну, “демократы” стремились воспользоваться случаем и вкусить всех прелестей своего положения: на дармовщинку поесть плову и дынь, накупить дешевых фруктов, проехаться по экзотическим местам, поболтать со словоохотливыми аксакалами, в промежутках потрепать нервы русскому послу, а вечером основательно заложить за воротник. Несколько раздосадованных корреспондентов, которые тоже оказались в делегации, позднее написали об этом язвительные статьи. Нашим же коллегам и нам самим пришлось испытать чувство стыда за то, что мы имеем отношение к людям, которые не умеют себя вести и ни коим образом не чувствуют ответственности за Россию, которую они собрались представлять в Таджикистане.

Лидеры “демократов” полностью соответствовали сформированной ими делегации. Посылая в Таджикистан своих нелепых активистов они лишь подтвердили, что безответственны вплоть до мелочей.

Кстати, известный “демократ” Л.Пономарев обижается, когда его приписывают к демшизе и напоминает, что когда-то был доктором физико-математических наук. Собственные соратников по митинговым страстям он в минуты просветления описывает так: “…зомбированная толпа, безумные глаза, сумасшедшие выкрики… Меня от этих митингов тошнило” (“Известия” 10.03.99).

Да нет, братцы! Вы — плоть от плоти этой демшизы, вы — ее больной мозг, они — ваша смрадная глотка.

Поход привидений на призраков

Во времена Клавдиев Первая Римская империя испытывала исключительно духовную жажду, решив все остальные проблемы современности. По крайней мере, если верить свидетельским показаниям Матфея, Марка, Луки и Иоанна, именно поиски истины не давали покоя ни аристократии, ни плебсу. Иисус, названный Христом, претерпел муки, потому что не ответил на вопрос прокуратора Иудеи Пилата — что есть истина?

Впавшую в состояние примирения и согласия демократическую Россию также волнуют лишь один исторический вопрос. Что есть фашизм? — спросил у науки ее прокуратор Б.Ельцин. И, не получив внятного ответа, лишил академических мужей бюджетных средств для существования. Поскольку прокураторы всех времен и народов отличаются необыкновенной твердостью и неукротимостью, судьба действительных членов и членов-корреспондентов фактически предрешена. Им не миновать своей Голгофы.

Но если у Иисуса среди его 12 учеников не нашлось ни одного, который бы решился его спасти, то в отношении “ученых мужей” обнаружились влиятельные защитники. Московская Гордума в официальном порядке решила избавить “узников науки” от распятия, спешно утвердив закон города, в котором языком права удовлетворено любопытство г-на Ельцина и других борцов с фашизмом.

Гора пала с плеч. Отныне все могут с абсолютной точностью узнать, что есть фашизм. Оказывается, это не идеология, не доктрина, не философское учение, не политическая программа, не государственная практика и даже не историческое прошлое. Отнюдь! Фашизмом считается лишь перечисленная в упомянутом законе символика, атрибутика, вещественные знаки невещественных отношений. Таким образом, фашизм не нуждается в понимании, достаточно, если вы его увидите или о нем услышите. Фашизм не имеет никакого отношения к словам или мыслям, он примитивен, словно цвет или звук. Фашизм не заключен в монографиях, трактатах, жизнеописаниях, словом — в книгах, его удел — изображения. Фашизм не универсален, он составляет привилегию Германии и Италии. Право интеллектуальной собственности на фашизм признано лишь за двумя политическими организациями — “национал-социалистической партией Германии” и “фашистской партией Италии”.

Но в наше время, исчезнув повсеместно, он сохранился лишь в столице Российской Федерации. Поскольку Москва первой официально провозгласила борьбу с проявлениями фашизма, она тем самым доказала, что является его центром. С какой стати? Потому что “на территории г. Москвы продолжается безнаказанное изготовление, распространение и демонстрация нацистской символики”. Поздравим господ избирателей с такими законодателями. Не будь их, никогда бы не догадаться, в каком зловонном месте приходится жить москвичам.

Итак, испанский фалангизм, португальский салазаризм, венгерский салашизм, румынский, словацкий, французский, английский и иные разновидности поклонников гг. Гитлера и Муссолини и их союзники реабилитированы в юридическом смысле. Посрамлены все, кто предполагал или утверждал, что в 20–40 годы это явление приобрело всемирный характер. Франко и Салазар, Пэтен и Хорти, Тисо и Квислинг, Павелич и Антонеску, Рюти и Мосли не имеют отныне к фашизму никакого отношения. Они не менее добропорядочны, чем Сталин и Черчиль, Рузвельт и Де Голль, Тито и Свобода.

Что теперь считается “фашизмом”? Нацистская символика. Является ли она сама по себе объектом фашизации? Ни в коем случае. Состав преступления состоит в их “изготовлении, распространении и демонстрации”. Так о чем же в таком случае идет речь?

Обратимся к сути дела — признакам фашизма, вещественным знакам, с которыми отныне придется бороться, не щадя живота своего. Закон суров, но это закон.

Борьба с цветом. Женщинам и мужчинам, склонным к пестрому костюму, придется изучить колористику государственных флагов. Надеть красную блузку, черную юбку и белую шляпку отныне небезопасно, точно так же, как и красную юбку, белую блузку и черную шляпку. Ничего не поделаешь, таковы цвета государственного флага Германии времен нацизма. Зеленое и белое тоже запрещено по соображением, относящимся к Итальянскому королевству. Коричневых тонов на всякий случай рекомендуется избегать. Само собой, что запрет относится ко всему, что может быть выкрашено.

Борьба со значками. Всем, кто имеет счастье проживать в Москве или находиться в ней проездом, придется пройти курс немецкой и итальянской нумизматики. Знатокам значков Германии и Италии

между 1919 и 1945 годами придется поработать, чтобы вооружить московских стражей порядка ориентировками с описаниями или изображениями “фашистских значков”. Не обойтись без массового издания буклетов и распространения их среди населения. Ведь в правовом государстве “незнание закона не освобождает от ответственности”. Сесть могут все.

Борьба с униформой. Если в вашем доме имеются брюки, шорты, гимнастерки, безрукавки, шинели, пилотки, фуражки, шапки, шубы, юбки, сапоги, башмаки, ботинки, ремни, портупеи и все другие “атрибуты” взрослой и детской одежды — избавьтесь от них как можно быстрее. Уверяем вас, не пожалеете и даже будете благодарить. Пошейте хитоны, сарафаны, шаровары, онучи, ватники, сплетите лапти. Они вам пригодятся.

Борьба с приветствиями. Зарубите себе на носу — никого не приветствуйте. Никак. Ни рукой, ни ногой, ни головой, ни взглядом. Если не управляете конечностями, привяжите руки и ноги к туловищу. Германские нацисты и итальянские фашисты, черт бы их побрал, как себя только не приветствовали. Как древние римляне, как добродельные европейцы и как азиопские варвары. Гитлер здоровался с Муссолини за руку и даже целовался с ним, скотина! Не целуйтесь. Даже в загсе. Могут не так понять и арестовать на месте бракосочетания.

Борьбы с паролями. Тем, кто проходил действительную службу, известно, что паролем может быть любое слово. Помните: пароль “у вас продается славянский шкаф?”, отзыв — “с тумбочкой”. Пока не поздно, переходите на азбуку Морзе или освойте язык печенегов. Говорят, г-н Семаго, известный коммунист-предприниматель и депутат Госдумы, может научить. Знание — сила.

Борьба со свастикой. Если вы полагаете, насмотревшись художественных фильмов о войне, что свастика представляет собой изображение креста с загнутыми концами, рано или поздно вас накажут. Концы можно загнуть направо и налево, как под прямым, так и под тупым или острым углом. Но все это мелочи по сравнению с тем, что предстоит властям в борьбе с нею. Придется разрушить несколько сотен старинных московских зданий и церквей, в интерьерах или на фасадах которых выполнено это постыдное изображение. Придется сжечь половину православных икон. На них нарисована свастика.

Придется разорвать отношения с другими православными странами, а заодно с Индией, Ираном, Китаем и Монголией. У них свастика встречается на каждом шагу. О книгах можно и не вспоминать. Как дальновиден был несправедливо репрессированный общественным мнением полковник С.С.Скалозуб!

Борьба с вениками. Поскольку основателя итальянского фашизма угораздило обратить внимание на ликторские пучки древних римлян и сделать их символом своей партии, придется мужественно отказаться от главного орудия производства дворников. Конечно, на некоторое время столица свободной России погрузится в нечистоты, а париться в банях придется без веников. Швабры, метлы и все остальное, хотя бы отчасти похожее на “фасцию”, - в костер. Да здравствует антифашизм, возвышающийся на мусорных кучах!

Борьба с жестами. На всякий случай не жестикулируйте. Учитесь сдержанности. Вырабатывайте новый стиль. Помните, пока жив человек, он общается, следовательно, может пропагандировать фашизм. Как существовать, не общаясь, великая тайна есть. Кто в состоянии уехать за пределы Московской кольцевой автодороги, эмигрируйте, кто не может — запасайтесь продуктами, чтобы уйти в подполье. Если останетесь в живых, напишите воспоминания. Пригодятся.

Борьба с “т. д.”. Плох тот закон, в котором дается исчерпывающий перечень составов преступления. Изготавливать, распространять и демонстрировать то, чему московский законодатель не счет возможным дать названия, но тем не менее установил ответственность, говорит о его высокой квалификации. Наконец-то борьба с призраками фашизма в Москве приобрела трансцендентную, изотерическую форму. Запрещается даже то, чего не может быть. Непостижимо, непознанно, неведомо… но наказуемо. Люди, будьте бдительны!

Есть ли слова в русском языке, которыми можно отблагодарить авторов столь эпохального закона? Таких слов, разумеется, мало. Нормативная лексика бледнеет перед величием общественного подвига, совершенного фюрером (дуче, вождем) Московского антифашистского центра — его инициатором и по совместительству депутатом, членами Мосгордумы и мэром, который этот акт подпишет. После того, как закон вступит в силу, вряд ли кому-нибудь удастся избежать уплаты штрафа от 20 до 100 минимальных зарплат или

исправительных работ на срок до 2 месяцев, или административного ареста до 15 суток. Заблаговременно готовьте деньги и вещи, господа-товарищи. Фарисеям и антифашистам из МАЦ — скидка.

Федерасты и педералисты

Разговоры о федерализме — одна из самых любимых тем политиков современной России. Сепаратизм — тоже одно из политических увлечений, за которое принято только слегка журить. Федерализм и сепаратизм являются признаками одновременно “окончательных демократов” и “титульных лидеров”. У первых это пошло от идей академика Сахарова, из коих ни одна не доказала своей жизнетворности, зато многие стали знаменем разрушителей и расчленителей России. У вторых это просто способ существования. О чем им еще говорить, если не о правах национальных меньшинств.

Впрочем, и “демократы”, и “этнократы” больны одной болезнью — ненавистью к исторической России, русофобией. Потому они и сбиваются в стаю в таких объединениях как движение “Реформы — новый курс” (В.Шумейко), Конгресс национальных обществ России (околошумейкинский КНОР), “Сенежский форум” (Р.Абдулатипов), Союз народов России (Ю.Скоков), Союз национальных и патриотических организаций (окололебедевский СПНОР) и проч. Потом эти стаи перерождаются в орды, пытающиеся навязать России вместо нормальной государственности какой-то “квадратный трехчлен”. Эти федерасты и педералисты пытаются выдать свои фобии и филии за норму, а норму представить чем-то постыдным.

Кстати сказать, концепция национальной политики России оказалась разработанной “сенежскими” евразийцами и озвучивалась руководителем Миннаца (НГ 04.06.96). Это уже официальная сдача страны политическим меньшинствам, что не лучше меньшинств сексуальных.

А полуофициальная сдача состоялась еще в Конституции 1993 года. Писавшие ее либо не знали России, либо намеренно унижали ее, включая в текст положение о “многонациональности”, в то время, как русских в России было больше, чем французов во Франции и англичан в Англии. Разорив страну и расстроив правовую систему, “демократы” во главе с Ельциным объявили о необходимости приведения местного законодательства в соответствии с Конституцией в течение трех лет.

Это указывает на размах правового произвола и полную недееспособность ельцинистов в вопросе о государственном единстве.

Интересно сравнить политические установки федералистов европейского и американского образца с установками российских федерастов. Вот, к примеру, известный федераст "сенежского" образца Р.Абдулатипов. Он пишет о том, что есть такие народы, духовная жизнь которых заторможена (НГ 18.04.96). Причем, это дает им преимущества приспособления, устойчивости, предсказуемости. Отсюда возникает рациональность поведения, неагрессивный национализм и замкнутость на индивидуальном эгоизме, а все это вместе дает благополучие. Тут, якобы, национальность и гражданство сближаются, становясь равноправными элементами общества и национально-этнического самосознания. Другого рода явление обнаруживает Абдулатипов в российском варианте национального самосознания. Для него здесь возникает эмоциональный тип, характерный для молодых наций, который ведет к ложному представлению о собственной самобытности, к агрессивности. Здесь, декларирует Абдулатипов, "здорового национализма" нет, как не может быть здорового радикулита или холеры. Ну а в Концепции национальной политики Абдулатипов прямо записал: "решительная война против агрессивного национализма". То есть война России против самой России.

К этому добавим еще и фразу Абдулатипова, прозвучавшую по радио "Свобода" примерно так: "Российская Федерация антиконституционно становится православным государством".

Мы прекрасно видим русофобский дух этой позиции и попытку подменить норму — здоровое стремление к укреплению собственной нации — патологией. Следствием такого теоретического построения является российский федерализм (федеразм, федерастизм, федерастия), который, в отличие от европейского и американского, не предполагает единого общенационального мировоззрения, а следовательно, не отличим от сепаратизма, расчленяющего страну по этническим улусам.

Именно поэтому оказывается, что федерализм в России (политический, философский и проч.) ничего общего с разделением властей "по вертикали" (то есть с определенной долей самостоятельности низовых звеньев управления) не имеет.

Федерализм стал политикой удельного суверенитета, конкурирующего с суверенитетом центрального правительства.

Акакий Акакиевич из гоголевской “Шинели”, отягощенный еще и нерусским происхождением — вот источник федерализма. Именно этот персонаж напоминает нам Рамазан Абдулатипов, вышедший в люди из акушерско-фельдшерских курсов и комсомольской философии. Темы его диссертаций особенно проясняют тщедушность “маленького человека” из национальной глубинки: "Личность в системе национальных отношений развитого социалистического общества" (кандидатская по философии, 1978) "Национальные отношения развитого социалистического общества (духовно-нравственные проблемы функционирования и развития)" (докторская по философии, 1985).

“Маленького человека” на любом посту (а Абдулатипов гулял по коридорам ЦК КПСС, а потом — “демократических” правительств как у себя дома) всегда отличает непреодолимая пошлость. Абдулатипов не понимал, что приличному человеку негоже принимать орден-самоделку "Святого Константина Великого" из рук Зураба Церетели, даже если титул ордена похож на джигитский — "за подвижничество и рыцарский дух, который проявляется во всех их деяниях". Ему невдомек, что со стороны беготня то в Социалистическую партию трудящихся (1992), то в Партию российского единства и согласия (1993), то в Союз мусульман (1995) выглядит просто пакостно. Ему не понять сколь пошло звучит его “я человек с гор” и бабье кокетство кавказским происхождением, нарочитым акцентом, искажениями падежей и окончаний русского языка. Наконец, реакция Абудлатипова на грязную историю вокруг Генпрокурора Скуратова в 1999 просто выходит из ряда вон. Верхом пошлости можно считать заявление Абудлатипова, что Скуратову надо принять ислам — мол, тогда и проблем с адюльтером у него не будет. Так оскорбить Скуратова, так нагло извратить каноны ислама мог только законченный пошляк.

Тут важно понять, что пошляк-мусорщик, пошляк-сутенер, пошляк-журналист еще не так опасны, как пошляк на государственном посту. Федерасты-пошляки на государственной службе строят свою политику так, чтобы вывести контролируемые ими территории из состава России вместе со всеми богатствами. Причем игнорируется тот факт, что богатства эти возникли или были открыты усилиями

России в целом при самых незначительных заслугах “титульного” этноса в этом деле. Ну а педералисты просто души не чают в меленьких государствицах и крошечных народцах, ради которых не жалко умертвить русский народ, его историю и его государственность.

Другой формой российского федерализма является попытка отделить экономически более успешные регионы от тех, чье экономическое положение требует постоянных дотаций (с таким предложением, в частности, выступал мэр Москвы Ю.Лужков). Сторонники экономической самостийности регионов прекрасно понимают, что системный кризис в России не позволяет провести такого отделения. Если бы оно все-таки состоялось, в обособленных успешных регионах сразу бы возникло расслоение, воспроизводящее этот системный кризис. Поскольку такое понимание имеется, то можно считать лживость — одним из главных симптомов нашей доморощенной федерастии.

Приведем позиции лишь некоторых ученых, разрабатывающих благодарную ниву сепаратизма (Евразийский проект: реальности, проблемы, концепции. Клуб “Реалисты”, информационно-аналитический бюллетень № 16, 1996.).

Представитель Ассамблеи тюркских народов СНГ заявляет, что мир идет к делению на три составляющие — западный мир, традиционно-мусульманский мир и тюркский мир. Причем, именно тюркский мир считается евразийским. На этом основании говорится о ведущей роли Турции и о необходимости вхождения русского общества (прежде всего 25 миллионов оказавшихся за пределами России) в тюркское. Другой представитель упрекает Россию в том, что она “рассекла тюркский мир на две части” и мешает тесной связи между родственными странами — Татарстаном и Турцией.

Глава общества историков-архивистов Татарстана вспоминает, что Казань к России добровольно не присоединялась и не видит более серьезной проблемы, чем строительство памятника защитникам Казани в 1552 году. Татарский академик М.Усманов обвиняет русскую интеллигенцию в русоцентризме и европоцентризме, считая, что евразийская идей — что-то вроде палочки-выручалочки, о которой забывают, когда трудности остаются позади. Казанский историк Э.Тагиров прямо предлагает отказаться от идеи единой и неделимой

России и перейти к концепции “конфедеративного федерализма” (федерация с элементами конфедерации).

“Конфедерастам” вторит известный своим социологическими фальшивками перед выборами 1995 г. профессор Д.Ольшанский. Он усваивает, что евразийство — есть способ дезинтиграции России и принимает это как должное. “Прорыв Татарстана” в отношениях с Россией Ольшанский рассматривает как начало конфедералистского обустройства страны. Русофобским измышлениям вторит и директор Института Дальнего востока РАН М.Титаренко, который исходит из принципа равенства культур, составляющих культуру России. Русская культура здесь выступает в роли элемента, смешавшегося с тюркской и другими культурами. Именно эта смесь и называется “общенациональной идеей”.

Ну а директор Института востоковедения Р.Рыбаков и вовсе огорошил: “…нет ни Востока, ни Запада, нет славянофилов. Это понятия прошлого. Есть люди на планете Земля. И то, что у нас до сих пор существует Европа центристская, американо-центристская и даже азиато-центристское восприятие мира, — все это от недомыслия. Должно быть только общечеловеческое”. Интересно, чем там занимаются в Институте востоковедения — уж не общечеловеческими ли ценностями? Какой стыд…

“Мягкую версию” евразийства предлагает профессор А.Панарин, считающий, что в России существует не русская цивилизация, а славяно-тюркская. Он говорит: “Я так ответил бы русским националистам: ни русской воли, ни русского интеллекта, ни русской культуры, ни русского государственного характера не будет без тесной связи России с мусульманским миром”. Он доходит до утверждения, что “государственную волю славянам в значительной мере привили татары”.

Итак, мы видим, что наши федерасты и педералисты ведут к тому, чтобы понастроить на этнографической карте России как можно больше бастионов. Причем, в первую очередь бастионы строятся против русской России. Если в концепции национальной политики России признается “естественным, важным и плодотворным для государства сохранение и развитие всего многоголосья языков, культур, верований, и традиций”, то федерасты уверяют, что Россия “была, есть и будет системой нескольких цивилизаций” (НГ 01.06.96).

Федерализм для России — это кровь и забвение национальных интересов. Однажды в интервью газете «Труд» Абудлатипов сказал: "Патриотизм — это любовь к своему народу, а национализм — это ненависть к другому народу". Между тем, этот пошляк не брезговал встречаться с террористом Басаевым и обсуждать с ним проблемы финансирования восстановительных работ в Чечне: “Два дня назад в Грозном я сидел напротив Басаева, и он говорил, давайте объединять усилия в борьбе с бандитами. (Смех в зале). И ничего смешного в этом нет. Кто виноват, что так сложилось? Да, другого сегодня не дано. Партнеров не мы выбираем. Или Аллах дал, или — Масхадов. Но и с Басаевым надо работать, если это ведет к миру” (“Новые Известия”, 14 января 1998).

Кстати в октябре 1997 года еще один федераст — президент Ингушетии Аушев — прославился своей дружбой с душегубом Басаевым. Последний приехал к Аушеву на день рождения с подарком — пистолетом иностранного производства. Приняв этот подарок (и зарегистрировав его “в установленном порядке”) Аушев совершил акт государственной измены, подтвердив, что все подобные персоны не только пошляки, но и подлецы.

Десятилетие насаждения концепции, которую Ельцин принял, а Абдулатипов со своими сторонниками интенсивно воплощали в жизнь, стоила России тяжелейших испытаний. При этом Абдулатипов прямо объявлял: “Политикой в исполнительной структуре должен заниматься один человек. Его фамилия — Ельцин. Остальные чиновники обязаны заниматься порученным делом по претворению в жизнь законов России, указов президента и решений правительства” (Новая газета-Понедельник, 25.01.98).

Почему федерасты и Ельцин живут душа в душу ясно из воспоминаний Бембулата Богатырева — бывшего народного депутата РСФСР. Он рассказывал, что по настоятельной просьбе соратника Ельцина Михаила Бочарова, семь депутатов из Чечено-Ингушетии отдали свои голоса за Ельцина на выборах председателя ВС РСФСР и обеспечили ему столь необходимую победу, хотя Михаил Горбачев и Доку Завгаев очень просили чечено-ингушских депутатов не делать этого. Накануне дня решающего тура голосования Михаил Бочаров сказал депутатам: "У нас 528 голосов, и больше неоткуда их брать. Необходим 531 голос для избрания Бориса Ельцина на пост

председателя ВС России. Единственная депутатская группа, которая это может сделать, — чечено-ингушская. Отдайте нам, пожалуйста, 5–7 голосов, и я от имени Ельцина ответственно заявляю, что чеченцы, ингуши и все репрессированные народы будут полностью реабилитированы". В подтверждение своих слов Михаил Бочаров поклялся на золотом кресте. Переступая через все прочие клятвы, Ельцин этой клятве не изменил.

Именно под прикрытием Ельцина формировалась в России антигосударственная коалиция “националов”. В откровенном и бесстыдном виде эта коалиция проявила себя, например, в Москве на Всероссийской конференции “Проблемы и перспективы развития российского федерализма” (19–20 января 1998 г.). Группа, сложившаяся вокруг тогдашнего вице-премьера правительства Р.Абдулатипова и тогдашнего министра РФ по делам национальностей и федеративным отношениям В.Михайлова, продемонстрировала недвусмысленное стремление к дальнейшему разложению государственности России, созданию на территории РФ паразитических анклавов, разрушению правовых основ федерации и институтов центральной власти. К этой группе недвусмысленно примкнули не только представители этнических меньшинств, но и председатель Конституционного суда РФ М.Баглай. Его умиротворенная позиция перед лицом массового нарушения Конституции и резкая критика в адрес тех, кто стремится преодолеть правовой кризис и укрепить Федерацию, демонстрировали утрату как профессиональных качеств, так и нравственных ориентиров. Дискуссия на конференции показала, что представители этнических группировок объявили открытое наступление на центральные органы управления, пугая их примером Чечни, выторговывая себе дополнительные правовые и экономические привилегии. Несостоятельные политические деятели, не способные поправить положение в своих республиках и автономиях стремились переложить всю ответственность за это на Центр, а бремя экономического кризиса — на русских.

* * *

Модной болезнью, как оказалось, был болен и Александр Лебедь. Пытаясь предстать перед избирателями защитником, разрабатывая свое военное происхождение, Лебедь взял в 1996 году для

интеллектуальных упражнений в прессе проблему национальной безопасности.

Будучи зависим от подосланных Чубайсом либеральных теоретиков, он нагородил по избранной теме целый огород малопотребных публикаций. Под видом обоснования некоего нового подхода к системе безопасности, нового видения перспектив российской государственности была изложена программа дальнейшего разрушения России. А произошло это потому, что Александр Лебедь вместе со своими консультантами, пишущими ему статьи, использовал термин «империя» как идеологему, которая, впрочем не имеет под собой никакой идеологии, но используется в качестве объекта агрессивных выводов, наподобие тех, что делал Рейган в адрес “империи зла” ("Сегодня" 26.04.96).

Рассматривая термины «монархия», «империя», «республика» как этикетки, Лебедь тут же отдался игре в эти этикетки, увлекшей его вплоть до полной атрофии критического чувства по отношению к своим построениям. Вполне в духе «этикеточного» понимания имперской формы политики, генерал увидел в империи лишь необузданный процесс «пожирания» чужих территорий. Такое понимание возможно лишь при полном игнорировании русской истории. Только в качестве нарочитого издевательства можно понять и тезис Лебедя о том, что большевистское государство стало высшей формой проявления имперскости России. Представлять слом всего строя русской жизни в результате нескольких этапов предательства (от прямой измены Родине до вытаптывания русской культуры) в качестве органичного завершения имперского строительства — значит вовсе не понимать что есть существо национальной безопасности, что необходимо защищать от разнообразных угроз.

Между тем, вполне очевидно, что объектом защиты является определенный уклад жизни, обеспечивающий нации долговременную стратегию успеха, достойного существования и сохранения своей вселенской миссии. Представлять тягчайшее преступление против России в качестве перехода к последней стадии тупикового пути развития, отождествлять имперскость с интернационализмом — значит вовсе ничего не понимать.

Будучи логичным в своем заблуждении, Лебедь изыскивал в качестве обороняемого политикой национальной безопасности объекта

некую новую этикетку. Вслед за своим консультантом В.Найшулем, А.Лебедь провозглашал курс на национальное государство. Причем, настолько своеобразное, что таких, пожалуй в мире не сыскать. Изобретенное Лебедем национальное государство столь близоруко, что отказывается видеть естественное и повсеместное различие людей по этническим и расовым признакам. И нация тут строится просто — прикинулся своим, и тебя обязаны признать своим. Такая вот нация — без традиции, без истории, без этнического ядра. Федерастия навыворот.

Русская нация в трактовке Лебедя ничуть не отличается от евразийской нации, выдуманной на исходе века такими политическими персонами как Р.Абдулатипов, В.Шумейко, Н.Назарбаев, С.Шахрай, Ю.Скоков, а также к великому сожалению и такими авторитетными учеными как Н.Моисеев, А.Панарин и другие.

Лебедь считал, что ассимиляция русской нацией других народов произойдет сама собой. В этом случае в России действительно должна сформироваться какая-то славяно-тюркская смесь. Многие эту смесь уже давно заметили, повторяя оскорбительное "потри русского — найдешь татарина". Но для того, чтобы поверить во все это, хотелось бы видеть хотя бы один пример указанной ассимиляции. Может физиономия Лужкова или самого Лебедя об этой ассимиляции свидетельствует? Возможно… Но скорее всего, свидетельство тому — мировоззренческий вывих, наблюдаемый у подобных персонажей.

Действительно, примитивное понимание наиболее устойчивой формы государственного правления у Лебедя состоит в том, что если нет территориальной экспансии, значит нет и империи. Значит вовсе не имперской политикой является доминирование на товарных и финансовых рынках СНГ, не имперский подход демонстрируется культурной экспансией? Это все, по Лебедю, политика национального государства, экономящего силы, чтобы не тратиться на удержание “чужого”.

А что же это такого “чужого” увидел Лебедь в Российской империи? Может быть территории Средней Азии, окультуренные и индустриализированные русскими? Поди ж ты, и Прибалтика, вдруг возникшая как геополитическое явление только в XX веке — тоже чужое? Наконец, и Украина с Белоруссией, заселенные субэтносами русского народа (в другой терминологической трактовке — этносами

русской нации) — тоже чужое? Дальше — больше. Чужими оказываются и Чечня, и Татарстан. А за ними проглядывают в качестве чужой земли Башкирия, Якутия, Калмыкия и т. д. Что же остается у России нечужого? Какой-то обглодок из чисто русских областей!

За Лебедя договаривал Найшуль ("Сегодня" 27.05.96). Он полагал, что полиэтнические государства должны разбиться на монокультурные национальные государства. Что это значит для России — вполне понятно. То же, что для СССР — Беловежский сговор.

Лебедь демонстрировал незнание реальной ситуации в созданных большевиками республиках. Он полагал, что большевики передали республикам какие-то права и тем обеспечили успешность своей имперской политики. Помилуйте, какие такие права? Это не те ли, которыми воспользовались демократы для разрушения СССР? Но до этого момента кому бы в голову пришло реализовать записанное на бумаге?

Политика большевиков была имперской лишь по виду. На деле она опиралась на дурной миф о дружбе народов и плодила антиимперскую интеллигенцию в республиках, стремясь к реализации теоретического постулата о выравнивании уровней культурного и экономического развития. Кризис российской государственности привел к тому, что эта интеллигенция потребовала себе политического бытия. Поэтому «демократы» вовсе не пресекли линию большевизма, а продолжили ее на свой лад, использовали в своих целях. И у тех, и у других “модная болезнь” наблюдалась в самых острых формах, переданных по эстафете Абдулатипову, Лебедю и другим.

Найшуль за Лебедя (или Лебедь под руководством Найшуля) говорили о неизбежности болезненной рецепции выработанных в иной культуре норм «дальнего» взаимодействия между людьми. Будто в русской культуре таких норм не было! Кабы так, не было бы побед на Куликовом, Бородинском, Прохоровском поле, не было бы России. Доказательством того, что «дальний» порядок в России имелся и имеется, является само существование русского народа. Вот только всяческие инокультурные рецепты, насильственно навязанные русским в последние годы, подрывают этот дальний порядок…

Для того чтобы не смешаться со всей этой радикально-демократической камарильей, которая будет проклята в веках, Александру Лебедю надо было бы защитить самого себя от прохвостов

с умными физиономиями и тупиц в погонах, обложивших его лестью со всех сторон. Только прогнав их в шею можно было вступать в бой с номенклатурными интриганами и коррупционерами, изобретая нестандартные ходы для воссоздания системы национальной безопасности России. Лебедь предпочел иной путь. Он смешался с тупицами и проходимцами, став плотью от плоти этого симбиоза. За абсурдной идеологией последовала абсурдная политическая практика и бесславный конец “прапорщика с распухшими звездами”.

*** * ***

Госдума осенью 1998 провела парламентские слушания по теме “О концепции к разработке государственной программы национально-культурного развития”. Вниманию собравшихся был представлен проект закона о национально-культурном развитии русского народа, разработанный лидером Конгресса русских общин, депутатом Госдумы Дмитрием Рогозиным. Главные пункты проекта содержали положение о том, что русские являются государствообразующим нардом России, а также закрепляли за русским народом статус разделенной нации. С резкой критикой проекта выступил один из близких соратников абдулатипо-михайловского кубла директор Института этнологии и антропологии РАН им. Миклухо-Маклая Валерий Тишков, заявивший, что ни одно из высказанных предложений не должно выйти за рамки слушаний и войти в законодательство.

В чем же причина столь яростного противодействия ученого мужа (мы все учились понемногу…) достаточно очевидным и ясным всякому разумному человеку предложениям?

Во-первых, следует вспомнить, что В.А.Тишков — неизменный советник Ельцина по межнациональным отношениям, а одно время — глава Госкомнаца. Именно ему мы обязаны насаждением той национальной политики, которая разрушала и разрушает российское государство.

Пример Тишкова показывает, что гуманитарное “мозгоблудие” не столь безобидно, как может показаться на первый взгляд. Академическая ученость порой скрывает мракобесов, готовящих теоретическую базу для русоненавистников и сепаратистов. Именно такого рода псевдонаучные теории в течение последних лет используются Кремлевской администрацией, Миннацем (пока его не

разогнали), правительственной Комиссией по делам соотечественников (под руководством Христенко) и другими государственными органами.

Во-вторых, Тишков опирается на тихий саботаж в самой Госдуме, где нет ни малейших ростков национального самосознания. Ни один закон, напрямую связанный с проблемами русского народа, не принят. Здесь левые и правые думцы едины, образуя неявную, но сплоченную коалицию. Благодаря этой коалиции Институт этнологии и антропологии стал головным для думского Комитета по делам национальностей.

Тишков предлагал из всех государственных документов вычищать идеи национального возрождения, национального развития, национальных интересов и вместо них усиливать индивидуалистическую лексику. Он выступает против групповых прав в пользу индивидуальных, но на поверку выходит, что он не доволен лишь групповыми правами, предоставленными русским (например, казачеству). Во всех прочих случаях Тишков, наоборот, стремится к преимуществам для нерусских. И эти преимущество возникают — льготы “титульным республикам”, национально-культурным автономиям, народам Севера, репрессированным народам, малым народам и т. д. и т. п.

Радикально настроен Тишков против предоставления какого-либо статуса зарубежным соотечественникам, считая попытку внесения соответствующего законопроекта провокацией. Русские, скажем, на Украине, как считает Тишков, должны сами заниматься проблемой сохранения русских школ и не рассчитывать на помощь России. В обоснование приводится довод о том, что русские якобы голосовали за суверенитет Украины. Но нам достаточно хорошо известно, каков был вопрос того самого референдума и уровень его легитимности. Вопрос тогда не предполагал выхода из состава Союза, а правовых последствий у референдума не было и не могло быть. Таким образом, Тишков, намеренно искажая факты, покрывает разрушителей страны. Причем, эта радикальная позиция встречает прочную поддержку со стороны президентской администрации и равнодушие со стороны парламентского большинства.

В-третьих, псевдонаучные откровения Тишкова со вниманием встречаются не только на западе, где издаются его монографии, но и

среди сепаратистских группировок в “титульных” республиках.

Одно изобретение Тишкова особенно понравилось сепаратистам и интер-нацистам всех мастей — тезис о многокультурности России. Еще в апреле 1997 года в своем очередном выступлении в Госдуме г-н Тишков обосновывал своим тезисом идею ущемления избирательных прав русских, требуя от них при баллотировке на высшие государственные посты во “внутренних республиках” знания, наряду с государственным языком, одного-двух “титульных” языков. Разумеется, в таком случае русских на соответствующих постах не будет никогда, ибо русские предпочитают учить европейские языки и осваивать высокую культуру.

В начале 1998 года в Совете Федерации прошла конференция, посвященная проблемам федерализма. Одним из негативных признаков данной конференции стало проявление антироссийской, антирусской агентуры в государственных органах. Наукообразие их выступлений, как оказалось, всюду подкреплялось разработками Института этнологии и антропологии. Звучали призывы к введению на Руси двуязычия, двукультурия, внутреннего двойного гражданства, “федерализации и плюрализации”. В очередной раз проявила себя антигосударственная коалиция этнической номенклатуры, представителей этнических меньшинств в центральных органах власти и разного рода “ученых”, плодящих псевдонаучные теории.

На слушаниях в Госдуме, посвященных “русскому вопросу”, Тишков заявил, что русский язык не является собственностью русского народа, а русскую культуру создавали также и “этнически нерусские”. Конечно же, русские не настолько глупы, чтобы требовать платы за “прокат” своего языка. Наоборот, мы всегда рады тому, что с нами разговаривают на нашем родном языке. Что же касается термина “этнические нерусские”, то в нем просто сквозит “академическое” мракобесие, вопреки которому известно, что русскую культуру создавали именно русские люди. Этнической родословной тех, кто верой и правдой служил нашему Отечеству, не принято было интересоваться. Тишков, вопреки своим теоретическим установкам на “россиянство” (“у Россиян есть Россия”), пытается разобщить русских людей глупой подозрительностью и склонить их делить свою общую культуру на “этнически русскую” и “этнически нерусскую”. Он

полагает, что Россию создали не русские, а чуваши, татары, украинцы, якуты и евреи (НГ 28.08.1998).

От заявлений Тишкова просто за версту разит утробной русофобией. Он полагает, что никакого геноцида русских в “ближнем зарубежье” нет, а физическое насилие наличествует только в Таджикистане. Это бесспорная и сознательная ложь.

Вопреки действительности Тишков утверждает, что Россия успешно развивается. На одной научной конференции он привел такой научный довод: “Никакой статистики не надо. С самолета хорошо видно сколько новых крыш появилось вокруг крупных городов”. Примерно на таком же уровне “научности” находятся и другие утверждения Тишкова. Он считает, что русские в России не выпирают, а просто “уменьшаются численно” как, например, в Швеции. Т. е. демографическая катастрофа должна восприниматься с тем же равнодушием, какое демонстрируют некоторые (далеко не все!) европейские политики.

Когда слушаешь или читаешь Тишкова (например, сборник статей "Очерки теории и политики этничности в России", выпущенный в свет издательством "Русский мир" в 1997 году), то поражаешься, насколько глубоко разрушена отечественная наука, коль скоро такой путаник занимает кресло директора академического института. Разброс суждений просто поражает. То обсуждается судьба каких-нибудь индейцев навахо, то говорится, что этничность — это игра, то высказывается сожаление, что термин "нация" расписан у нас по народностям, то говорится, что нация — это политический лозунг, а не научная категория или что нация отличается от племени только тем, что у нее есть армия. Дело доходит до того, что этнос объявляется выдумкой, а нацию предлагается забыть навеки.

Как большой успех своего Института г-н Тишков преподнес на упомянутых слушаниях издание энциклопедического справочника, в котором с плюшкинской скрупулезностью собраны справки обо всех народностях и всех религиозных сектах — вплоть до микроскопических и экзотических. Удивительно, что Академия наук финансирует такого рода коллекционирование в условиях национального бедствия.

Отвечая на выпады В.Тишкова, Дмитрий Рогозин в статье, опубликованной в "Независимой газете", дал отповедь академическим мракобесам: "Время для ликбеза кончилось. Решать "русский вопрос" и урегулировать межнациональные конфликты, а также давать всякого рода заключения на законопроекты, должны те, на чьей репутации нет грязных пятен, приобретенных вместе с ответственностью за бедствия, обрушившиеся на народы нашей страны, в особенности — на русский народ. Вряд ли г-н Тишков относится к этой категории".

В дополнение хотелось бы внести предложения в адрес Академии наук. Поскольку институт Тишкова стал настоящим рассадников антигосударственных и антирусских теорий, его следовало бы переименовать в Институт национальных меньшинств и прикладной русофобии.

Ну а что делать русским? Остается только ждать национального лидера, который загонит за колючую проволоку и федерастов и педералистов с педерастами и гомосексуалистами. Русским политикам надо помогать друг другу и не вступать в уличные браки с

отморозками и извращенцами, коих даже среди кандидатов в президенты оказался почти что каждый первый.

Пассажир последнего купе

Авторам хотелось бы написать сценарий по известной работе известного политика “Последний вагон на Север”. Поводом для экранизации может быть один фрагмент этой работы, содержащий фантастическую картинку — противники нашего известного политика погружены в вагон, отбывающий куда-то к холодным морям, описывается публика, наполнившая этот вагон.

Оттолкнувшись от этого сюжета и соответствующего ему текста, попытаемся представить себе что происходит на съемочной площадке воображаемого фильма…

— Повторяю задачу! В кадре поезд “Москва-Анадырь”, красный фонарик на последнем вагоне, главный герой впрыгивает в отходящих состав. Начинаем отсюда — главный герой идет по вагону. Где опять этот Вольфович! Текст выучил?! Тогда вперед! Приготовились! Главный герой пошел… Мотор!

— “Что это за человек притулился на нарах у двери?…это пятнистый реформатор…нобелевский тракторист, политический Чикатило… Снятся ли ему кровавые мальчики…? Не хотелось ли ему, как Иуде, повеситься на дереве после предательства партии, взрастившей на своей груди змею?” Не он ли виноват в том, что еду я в этом грязном вагоне со всяким сбродом, не он ли соблазнил меня своей демократизацией…?

— Стоп!! Дубина, ты опять текст перепутал! Давай снова со “змеи”! Мотор!

— Да, да…на своей груди змею. “А кто сопит на верхних нарах? Это “великий идеолог”… Штамповал идеологические клише для Брежнева, снабжал ими Горбачева, ну а закончил свою карьеру при Ельцине — телевизионным “крестным отцом”. Это по воле его соратников стал я главным героем сатанинского спектакля, названного “реформами”, любимым персонажем “волшебного ящика” для дураков. Потому и попал в вагон к этому сброду…

— Стоп!! Чего ты несешь! Что тебе сказано выучить?! Забыл, так в бумажку погляди! Ладно, лишнее вырежем… теперь давай про Плохиша. Внимание, герой пошел по вагону! Мотор!

— “Что за человечище занял своим животом целое купе? По знакомому поросячьему чмоканью узнаем бредуна-экономиста… О чем бормочет во тьме этот страшный круглолицый мальчик..? В следующем купе народу как сельдей в бочке — персонажи без имен — с воровскими кличками “Шахрай”, “Чубайс”, “Бурбулис”…чем дальше, тем больше чудовищ. Сатанист Якунин в черном маскхалате, сиамские близнецы Немцов и Явлинский, ведьмы Боннер и Гербер, неугомонные жабы Старовойтова и Новодворская, денежный мешок Гаврила Попов, псевдогенералы, бородатые проповедники, парижские беллетристы-гомосексуалисты, юмористы-проститутки и картавые журналисты. Паноптикум! Видение Иеронима Босха!”

— Стоп! Ты че разошелся? Слюни утри! Босха-то хоть раз видел? Ну все равно, неплохая импровизация. Особенно про страшного мальчика… Теперь к последнему купе и заканчиваем. Готов? Мотор!

— “Кто сидит в последнем купе — не видно, да и сил уже нет смотреть. Сгинь, сгинь, нечистый!”

— Стоп!!! Дубина, ты что забыл, что это твое купе?! Ну и что ж, что там Борис Николаевич? Как это не пара? Да ты в зеркало посмотри — вылитый он в молодости! Только без слюней. Не бойся, не заразишься! У вас тут у всех одинаковая болезнь.

— “Бесы — вот они, в этом вагоне. Сколько напортачили, сколько испоганили… В корыте стирают русские женщины, на коромысле воду носят из колодцев. Снова лапти, телогрейки, ушанки-шапки…”

— Я сказал стоп!! Ты что, перепил вчера? Какие русские женщины? Ты в зеркало посмотри, да на свою рожу в “Плейбое”! По тексту будешь работать, сволочь?!

— “Сплотились, поверили новым людям, чистым и честным, людям, не получавшим миллиардных взяток, людям, не вравшим и не убивавшим.”

— Погоди, да это же текст Бориса Николаевича! Ах тебе его роль нравится?! Да у нас по этому тексту уже Чирик с Лужком в очереди стоят! Эй, конвой! Уберите его от меня! На сегодня хватит. Черт, слюнями весь вагон изгадил… Дезинфекцию сюда!

Короче, сценарий должен показать — все они из одного вагона, все одинаково больны и заразили этой болезнью российское общество. Болезнь эта — либеральное западничество, представляющее собой один из вариантов большевистского вируса.

Как вылечиться от него? Может быть позвать прокурора, который засадит их всех в места принудительного лечения? Или учредить порольную команду, чтоб на Красной площади этих субъектов отстегать по ягодицам?

Уж во всяком случае Жириновскому должна быть предъявлена его подпись на бланке анкеты, которую он в свое время заполнял при попытке устроиться на работу в Антисионистский комитет, а также свидетели, присутствовавшие при веселых эскападах будущего политика при учреждении еврейского культурного центра “Шолом”. Следовало бы также провести тщательное расследование по материалам, появившимся в прессе и свидетельствующим о патологических наклонностях Вервольфовича по части половых извращений.

Когда-нибудь этого любимца всяческого сброда, опошляющего любую здоровую мысль, пачкающего любую идею, попадающую в его поганую глотку, придется вывести на чистую воду, выставить на позор, а потом отправить — одного или в компании соратников — в общем вагоне за Полярный круг.

Прокурорское око

(фантазия по мотивам сказок Салтыкова-Щедрина)

Старинная история

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был Прокурор, и было у него два ока: одно — дреманное, а другое — недреманное. Дреманным оком он ровно ничего не видел, а недреманным видел всякие пустяки. В общем, только и делал Прокурор, что сажал под арест всех подряд. Например так.

Слышит Прокурор: “Добро казенное и общественное врозь тащат! Чего вы, Прокурор Куролесович, смотрите! Вон они, хищники-то, вон!”

— Где хищники? Кто казенное добро тащит?

— Вон хищники! вон они! Вон он какой домино на краденые деньги взбодрил! А тот — ишь сколько тысяч десятин земли у казны украл!

— Врешь ты, такой-сякой! Это не хищники, а собственники! Они своим имуществом спокойно владеют, и все документы у них налицо. Это вы нарочно, бездельники, кричите, чтобы принцип собственности подрывать! Взять его под арест!

Постепенно Прокурор все тюрьмы крикунами наполнил, а хищники, мздоимцы да казнокрады и прочие подлинные потрясатели основ тем временем у него под сень дреманного ока перебежали и там благодушествовали.

До того накуролесил Прокурор, что даже в сенат его заседать не пустили, а городовой объяснил ему: “Ты вот глядел недреманным-то оком в книгу, а видел фигу, так нынче этаких в здешние места сажать не велено. У нас в здешнем месте теперь так заведено: чтобы и голова, и прочие члены — все чтобы на своем месте было, а глаза и уши — у всех чтоб настежь!”

Но это все старая история. С тех пор в сенатах с проветренными мозгами не принято заседать.

Недавняя история

В некотором царстве, в некотором государстве надумали как-то столичные жители народных заступников выбрать. Сказано — сделано: выбрали, да направили в красный дом заседать. Но не стала клеиться работа у народных заступников, и решили они к народу выйти, рассказать о том, какие препятствия им чиновники ставят во всех начинаниях.

Народу на площади собралось немного. Слушали жители столичные, дивились — ничего в газетах о безобразиях чиновников не читывали, от краснобаев городских не слыхивали. Подивились, сердиться стали.

Тут кто-то главному градоначальнику доложил, что на площади перед красным домом какая-то смута затевается. Сказать надо, что градоначальник отроду имел одно око — дреманное, а другое — недреманное. Вот и посмотрел он из окна палат своих недреманным оком и позвал своего любимого опричника, что чином не вышел, да в усердии преуспел, и приказал взять всех, кто под руку попадется и избранников народных, краснобаев-заступников — в первую голову.

Сказано-сделано. Примчался на площадь у красного дома опричник, что чином не вышел, вместе со своими сподвижниками — усердие показывать. К нему два народных заступника обратились: для чего, дескать, такая рать прибыла?

Сказать надо, что любимый опричник градоначальника тоже имел одно око — дреманное, а другое — недреманное, а народные избранники как раз со стороны дреманной к нему зашли. Не взглянул

на них усердный опричник, только показал своим сподвижникам на одного из заступников-краснобаев, что под недреманную сторону попался, и сказал: “Взять этого!” Тут и стали руки бедолагам выкручивать, карманы как опасным преступникам ощупывать да в участок тащить. С дюжину нахватали, не взирая на пол, возраст и гражданство. Худо-бедно, даже одного иностранца забрали.

Долго ли, коротко ли, а пришлось посидеть народным избранникам в участке. Протоколы на них составили, расписаться велели: мол, бумаги свои важные они только в участке показать смогли, а до той поры ни один опричник не ведал, что дело с неприкосновенными персонами имеет, коих трогать законом запрещено. Возмущались народные избранники, да зря — народ с площади у красного дома разошелся.

На следующий день народные избранники, обидевшись на опричника, что чином не вышел, да в усердии преуспел, потребовали к себе главного полицмейстера. Намедни полицмейстер головой отдыхал после тяжелой партии в шахматы, и сказался ничего не ведающим о беспорядках и бесчинствах опричников. Но обещал разобраться во всем и наказать виновных.

Тут сказать надо, что хоть и было у полицмейстера одно недреманное око, да слезилось все время от усердия, что он на шахматы тратил.

Ждут-пождут народные избранники, да нет никакого толка от полицмейстера — видно оба ока сомкнулись у него окончательно. Решили в суд местный обратиться. Бумагу составили, отнесли куда следует и снова ждут. Истерпелись — стали беспокоиться, свою бумагу разыскивать. Оказалось, что бумага давно туда-сюда между департаментами гуляет без всякой надежды на рассмотрение — как-то все под дреманную сторону начальства попадается. Вместо судебного решения вручили народным избранникам ответ от полицмейстера, в котором тот писал, что бесчинства опричников не было никакого, а было усмирение бунтовщиков, вздумавших покуролесить на площади перед красным домом. Избранников же случайно в сутолоке прихватили. Ведь не показали они сразу свои бумаги важные.

Возмутились пострадавшие избранники: как же они могли свои бумаги показать, коль руки у них были выкручены? Обратились выше по инстанциям. Зря только старались. Тут пошла писать губерния,

повторяя раз за разом то, что выдумал полицмейстер. Даже от опричника, что чином не вышел, да в усердии преуспел, пришла бумага — точь-в-точь переписанное письмо полицмейстера. Какие бы вопросы в своих обращениях народные избранники не задавали — им все теми же словами отвечали, но только на другие вопросы, которых никто и не спрашивал.

Дошло дело до того, что один из избранников в раздражении в суд иск подал на помощника Генерального прокурора, что опять в своем ответе все переврал. Тоже зря беспокоился. Три месяца заявление в суде лежало. Наконец, ответ пришел. Писал судья, что не так народный избранник свои претензии изложил, и поэтому его бумага оставлена без движения.

А тут как раз государственный переворот случился. Все градоначальники, полицмейстеры да опричники, прокуроры да судьи на местах остались, а вот народных избранников поганой метлой прогнали. И за дело — нечего писать — бумагу марать, да государственным людям мешать работать!

Современная история

Случилось это дело опять же в столице.

Решил чиновник по прозвищу Типыч за государственный счет свою контору подремонтировать и на современный лад обустроить. Подчиненных всех уволил, выхлопотал у градоначальника пару миллиардов, витражи заморские заказал, да в подрядчики маленькую строительную артель принял. Знамо дело, из строительных расходов кое-что себе на обзаведение у артели отжимал. Но все как-то мало ему этого казалось. Решил он казенные средства придержать и пустить в оборот на стороне. Тут доходы пошли такие, что прежняя служба и в десятой доле принести не могла! Да беда — артельщики взбунтовались, не захотели даром работать. Стали договор подписанный Типычу подсовывать, да стращать штрафами. Пришлось приструнить мужиков — выставить за ворота, отняв инструмент и запасы строительные. Да еще нажаловался на артельщиков Типыч по начальству: мол, моду взяли денег вперед просить, а работать не хотят.

Начальство Типыча поддержало, усмотрев у артельщиков бунтовщические настроения, и решило, что артельный инструмент должен в залоге быть, покуда не рассчитаются артельщики с Типычем

по его же правилам. Так и сказали артельщикам, что правды пришли искать, да законами и договорами потрясать.

Артельщики, что на Типыча, да на казну горбатились, приуныли — с казенными службами не поспоришь! Решили таки для очистки совести пожаловаться в прокуратуру. Благо дело, в столице вся история приключилась — недалече от ока государева. Отнесли челобитную помощнику прокурора, что невдалеке от типычевой конторы располагался. Помощник челобитную принял, сделал печальное лицо и приказал ждать результатов.

Артельщики в надежде вернуть свой инструмент, да строительные запасы вывезти, приободрились и ждали безропотно две недели. Решили все-таки разузнать о результатах. А в канцелярии им и говорят: “Да вы, грамотеи, не в ту прокуратуру сунулись! Мы уж давно вашу челобитную через столичный департамент на другой конец города переслали”.

“Что ж, — решили мастеровые, — похоже полагается еще подождать”. Подождали еще две недели — опять ничего. Не отдает Типыч инструмент и строительные запасы — и точка, а прокурор никак не объявляется. Решили на другом конце города разузнать у другого прокурора, как же дела обстоят с их челобитной. А в канцелярии им и говорят: “Да вы поначалу в столичном департаменте в канцелярии свою бумагу разыщите!” Забеспокоились артельщики, решили отыскать челобитную в столичном департаменте. К одному столоначальнику сунулись, к другому — нет их бумаги, хоть криком кричи! А тут еще Типыч наседает: “Будете жаловаться — разорю, по миру пущу, да упеку куда следует!” Да еще строительные запасы артельные начал Типыч на ремонт своей конторы расходовать, да артельные ящики с инструментом взламывать, по своим людям раздавать.

Плохо дело, решили мужики, и новую челобитную — уже на другой конец города понесли. Тамошний прокурор им посочувствовал, бумагу взял с печальным лицом и приказал ждать результатов. И до того похож этот прокурор оказался на прежнего помощника прокурора, который вблизи типычевой конторы располагался, хоть и другого полу был, что поняли артельщики — пропало их имущество. Оказалось, что у столичных прокуроров Типыч в стороне дреманного ока удобно устроился, да и недреманное око у этих чиновников слезиться стало —

даже пустяков не видит. Плюнули артельщики в сердцах и разошлись кто куда: одни вилы точить, другие на печи отлеживаться. Покуда очи прокуроров, да очи самого государя дреманностью одолеваются, не впрок артельщикам жилы из себя тянуть.

Ну а через несколько лет с Типычем случилось страшное. Вконец запутали его начальство, да разбойники. Посмотрел Типыч в очередной раз на финансовые бумаги, задумался, снял со стены ружье, приставил к сердцу и спустил курок. Контора его так и осталась недоделанной, деньги казенные исчезли без следа.

Сказка про сатаненка Борю

Жил-был мальчик Боя (по неподтвержденной версии — Беня). Решил он стать ученым. Учась в лесотехническом институте и будучи неглупым малым, решил он заняться проблемами автоматизированных систем управления. Никто не знал что это такое, зато, говорили, дело очень модное. Вот и взялся за него Боря, поскольку в чем-нибудь другом преуспеть не надеялся.

В дальнейшем модная работа была дополнена большой общественной страдой в Совете молодых ученых и специалистов, где можно было делать карьеру независимо от ученых достижений.

По мере погружения в общественные дела, оказалось, что наука Боре как-то существенным образом “пофигу”, а влечет его процесс человеческий — интрига, которую можно было плести, завивая судьбы людей в узелки, добиваясь того, чего не добьешься постижением научных истин. Инженер человеческих душ — вот профессия, которая оказалась Бориным призваньем.

Постепенно наука отошла для Бори на второй план, а на первый вышла борьба за признание особой значимости полученных Борей в общем-то рядовых результатов. Тут и помогли наплетенные повсюду узелки, а также международные связи, которые положены были для заведения молодым ученым, которых Боря с некоторых пор стал курировать.

Постепенно Боря становился профессионалом — творцом в области человеческих отношений. Он понял, что и без всякой науки его признают специалистом во всем, если просто быть немного развязнее — фамильярно хлопать корифеев науки по плечу, говорить им “ты” на людях — среди тех, кто действительно имел авторитет мире науки. Боря, будучи рядовым мэнээсом, со стороны смотрелся

близким приятелем со всяким профессорами и докторам, а также научными начальниками. Он научился превращать мнимые связи в реальные, мнимую влиятельность в действительную. Потом это сильно помогло Боре в бизнесе.

Боря все больше совершенствовал свой демонизм, нарочно подменяя результаты своих достижений презентацией. По его настоятельным просьбам, сопровождаемым легкими гипнотическими сеансами, друзья и коллеги по работе ездили по разным учреждениям, собирая хвалебные отзывы о Бориной работе. В какой-то момент сотрудники института, в котором работал Боря, почувствовали, что он — не простой ученый. Это произошло когда Боря вернулся из короткого путешествия в Венецию, за которое выложил полугодовую зарплату. А в тот период такая поездка была не только слишком дорогим удовольствием, но и немыслимым делом, с точки зрения разнообразных технических препятствий. С тех пор некоторые проницательные люди стали сторониться Бори.

Из мелкого сатаненка Боря стал настоящим демоном — обворожительным в своей непристойности и наглости. Даже внешние данные, крайне незавидные при любой другой судьбе, играли в его пользу. К Боре потянулись те, кто чувствовал в нем родственную душа. С ним можно было обсуждать и творить то, за что среди других можно было получить по физиономии. С Борей можно было не скрывать своих пороков. Наоборот, Боря помогал человеку избавиться от стесняющих позывов совести и выгодно использовать свои пороки.

Талант Бори развивался по мере выстраивания сети связей “ты — мне, я — тебе”. Боря мог увидеть в любом человеке червоточинку и использовать ее. Под Бориным напором многие становились послушным инструментом его воли. Одним Боря “устраивал” зарубежную командировку, другим — выгодные контракты, третьим — уступчивых женщин. Обслуживающие Борины интересы никогда не оставались в накладе — плод, которым искушал Боря, всегда был сладок.

Когда Боря защищал кандидатскую диссертацию, все поддерживавшие его почувствовали ощутимую выгоду, а кто говорил, что Борина тема антинаучна, в конце концов, вынуждены были разбегаться кто куда. Те, кто писал Боре докторскую диссертацию,

получили возможность зарубежных стажировок, остальным же Боря знал как отомстить.

Плетя свою паутину и занимаясь “ловлей душ человеческих”, устраивая дела и обрастая связями, Боря не уставал повторять фразу: “Система не выдерживает”. Его система не выдерживала — пропускала всюду. Туповатые начальники сами забирались в Борины сети, слабли, обволакиваемые его торопливым говорком, и впадали в летаргический сон под его взглядом. Без Бори они уже не могли и шагу ступить.

Нигде не было для Бори серьезного соперника. И стало ему скучно. А тут как раз общественный строй сменился. Пространство раздвинулось для новых свершений.

Воспользовавшись возможностями всеобщей ограбиловки, начавшейся в период “прихватизации”, Боря создал целую команду из себе подобных и окунулся в бизнес. Но, оставляя науку, он напоследок решил обзавестись членкоррским титулом. Из длинного списка кандидатов на открывшуюся академическую вакансию утвержден был только Боря. Не беда, что в конкурентах были настоящие ученые, — Боря раздал нужным людям дюжину “Вольв” и добился вожделенного звания.

Но в пике своей карьеры, Боря попался в лапы еще более крупному демону. Завершив ряд афер, он не утерпел и ввязался в еще одно дело, получив от Большого демона для кормления северокавказскую вотчину и кураторство над вопросами национальной безопасности. Здесь можно было торговать человеческой низостью в невероятных масштабах. Это и сгубило Борю, потерявшего в своем сладострастии всякую осторожность. Боря не заметил, что его демонизм перестал быть достоянием узкого круга лиц. Мерзость всплыла в публичную политику и стала очевидной. По поводу Бориного назначения плевались все — от журналистов и “окончательных демократов” до лидеров оппозиции и глав номенклатурных кланов.

Если раньше Боря умело пожирал мелких демонов, то теперь он сам стал добычей другого демона, игрушкой в его руках. Публичная казнь Бори происходит на наших глазах. Большому Демону выгодно длить ее, с тем чтобы его собственные замыслы были сокрыты. И Демон то выпускал Борю из своих когтистых лап, то снова стискивал

до костной ломоты. Боря постарел и осунулся от такой любви — чувствовал, что прежнюю силу у него Большой Демон высасывает. Иногда даже начинал лягаться. Да только как Большой Демон рыкнет, да как обдаст смрадным дыханием, тут Боря и слабеет. Иногда Боря старался к Демону подластиться. Но Демон, играя, то ласкал Борю, то внезапно наносил ему страшный удар ниже пояса и жутко хохотал при этом.

Показалось Боре, что он спасся, когда Большой Демон решил удалиться на покой и оставить после себя невзрачного на вид демона средней руки. С таким Боря рассчитывал легко справиться. И даже пособил ему против врагов, что, было, засуетились в отсутствие Большого Демона. На пару с демоном-преемником всех рассовали по своим местам и приструнили. И вот тут-то преемник показал, что тренирован Большим Демоном и знает за что Борю схватить. Но стукнув Борю в незащищенное место, Преемник не захохотал, а нехорошо сощурился, наблюдая, как корчится Боря. И тут же ему в другое место. И снова наблюдает.

Поковылял Боря в сторону, завыл, запричитал — думал до смерти забьют. Но нет, Преемник только проводил Борю нехорошим прищуром, когда тот, расправив свои перепонки криво-косо перелетел за океан.

И вот Боря за океаном суетится, все думает, как Преемнику отомстить. Кричит криком, извергая смрад, да слушают все заморские лягушки и тараканы. А Преемник, когда ему напомнили про Борю, снова нехорошо сощурился и спросил: “А это кто?”

Бедный, бедный сатаненок Боря…

Невыдуманная история о Тихом депутате

Долг депутата, избранного в результате прямых выборов, состоит в том, чтобы время от времени отчитываться перед избравшими его глупцами, тем самым напоминая им о своем существовании.

В самом деле, чем, кроме редкого появления в роли статиста в телепередаче “парламентская неделя”, может порадовать народный избранник своих почитателей?

Статьей в газете? Но кто теперь читает газеты, кроме одних лишь журналистов. Газеты превратилась в форму общения газетчиков между собой.

Встречей с избирателями? Из двух-трех десятков чудаков, которые придут на такую встречу, три четверти наверняка нуждаются в жилье, а здесь современный депутат может лишь выразить сочувствие и подмахнуть слезную просьбу. На послание такого рода последует вежливый ответ, пунктуально доказывающий депутату, что его протеже — законченный мошенник, пытающийся запустить руку в казну и без того бедного государства.

Митингом, демонстрацией, пикетом? Участвуйте, если хотите… навсегда загубить репутацию взвешенного, рассудительного политика. Время публичных акций навсегда ушло вместе с верой в них. Общество может снизойти до оправдания подобного дурного тона лишь гг. Жириновскому, Боровому или Марычеву, для которых клоунада превратилась в способ самовыражения. К их выходкам привыкли.

Акциями благотворительности? Разумеется, но не ранее, чем за месяц до начала официальной избирательной кампании, в период которой столь откровенная форма подкупа считается предосудительной и не поощряется законом о выборах, но хотя бы будет замечена.

Можно, заплатив большие, очень большие и невероятно большие деньги, стать на некоторое время завсегдатаем какой-нибудь регулярной телепередачи. Можно даже заделаться ее ведущим, как это делает Гусман. Но тогда необходимы большие, очень большие и невероятно большие криминальные способности и криминальные связи. Пока политиков с талантами такого рода немного.

Не будем гадать и предугадывать. Сама жизнь демонстрирует нам наиболее доверительные, деликатные, обаятельные формы общения. Депутат пишет своему избирателю письмо. Правда, он так погружен в государственные дела и рассеян, что забывает иной раз поставить дату, но подпись, красуясь на своем месте, должна доказать любому скептику, что перед ним добросовестный отчет. Тираж — 200 тыс. экз.

Перед нами действительно письмо, оформленное на бланке депутата Государственной Думы созыва 1996–1999 годов, округ… фамилия… контактные телефоны…

О чем информирует через год после своего избрания народный трибун? В какой фракции он решил делать карьеру профессионального политика? Кто из депутатов является его соратниками, подельниками,

соучастниками? Какой пост в думской иерархии достался автору письма при дележке руководящих портфелей? Что сделал депутат для Отечества? Что сотворил он для народа? Каким образом он расплатился с округом, который доверил ему депутатский мандат?

В эпоху искренности и откровенности было замечено, что лишь глаза — зеркало души. Теперь, когда все грамотны, и поэтому никто не умеет писать, в этом качестве выступают произведения эпистолярного жанра. Они говорят гораздо больше, чем когда-то могли выразить глаза. При этом, чтобы узнать подноготную автора эпистолы, помимо текста, не менее важен подтекст и контекст, которые рассказывают все, что выразил и что не пожелал выразить подписант.

Итак, наш герой вошел в депутатскую группу “Российские регионы”.

Для тех, кому не известна внутренняя жизнь нижней палаты российского парламента, сделаем некоторые пояснения. Нижняя палата делится на две неравные части. Большинство принадлежит определенным партиям, меньшинство не принадлежит ни к одной из них. Большая часть депутатов в Думе руководствуется партийной программой и дисциплиной, подчиняясь партийным лидерам. Они проводят решения и принимают законы. Их представители руководят комитетами и составляют думский президиум. От договоренностей или недоговоренностей партийных фракций зависит, что будет принято или отвергнуто.

Меньшинство, состоящее их себялюбцев, эгоистов, нарциссов от политики, как скандально известных, так и не известных никому, попавшее в парламент благодаря случайному стечению обстоятельств, оказалось вне игры. Их никто не представляет в Совете Думы. Они не могут занять ответственные или влиятельные посты. Они не допускаются к трибуне. Их не видно и не слышно. Они заднескамеечники.

Именно там — на задних скамейках парламента — влачил свое безвестное депутатское существование наш тихий герой — в одной компании с Памфиловой, Хакамадой, Лаховой, Лысенко, Б.Федоровым, Гдляном и еще несколькими тому подобными представителями “многонационального народа Российской Федерации”, которых сам герой не счел нужным упомянуть.

Большая часть этой группы появилась в Думе благодаря экзальтированным избирателям двух российских столиц, что послужило нравственным основанием считаться представителями всех “российских регионов”. Так как они в действительности не представляют ни одну из действительно известных и влиятельных политических партий, они утверждают, что “принадлежат к разным политическим партиям и движениям”. Поскольку им свойственно отсутствие каких-либо убеждений и они, вслед за авторитетными в их среде академиком Лихачевым и американским профессором Яновым, евреем-иммигрантом из России, требуют, чтобы в русском обществе не было ни идей, ни идеологии, то они безапелляционно утверждают, что их объединила “убежденность”. Каждый из членов этой фракции имеет лишь собственные интересы, поэтому они декларируют, что их “основными интересами являются интересы их избирателей — интересы регионов и округов, от которых они избраны”. Что при этом имеется в виду, остается тайной даже для них самих.

Отказавшись от принадлежности к какой-то влиятельной партии, наш Тихий Депутат предопределил свою дальнейшую политическую судьбу. Чтобы иметь будущее, то есть обеспечить себе место и в следующем составе Думы, необходимо представлять в палате интересы какой-нибудь влиятельной группировки, обладающей капиталом. Лишь финансовые ресурсы, а вовсе не голоса избирателей, могут теперь превратить политика-одиночку в кандидата-”проходимца”, имеющего возможность, победив на выборах, пройти в состав Думы.

Тихий Депутат представляет в законодательном органе интересы банков. Он их политический агент, что само по себе не является обстоятельством, которое может дискредитировать. Даже наоборот. Та часть населения, которая избирает деятелей, подобных Хакамаде или Гдляну, связь такого рода возвышает и делает популярными. Подобные деятели противоударны, непотопляемы и всепогодны.

Когда-то в прошлой добропорядочной жизни наш герой являлся профессором, преподавал в университете, публиковал фантастические прожекты из области товарно-денежных отношений. И хотя все подобные экзерсисы относятся к далекому “социалистическому” прошлому, наш депутат все еще считает себя “экономистом, специалистом в области финансов”. Тот факт, что финансовые

отношения в СССР, о которых он имел какое-то чисто теоретическое представление, ничего общего не имеют к финансам в условиях рынка, его нисколько не смущает. Он самонадеянно заявляет вот уже в течение многих лет, что в состоянии писать законы о финансах.

Репутация знатока сделала его в Думе председателем подкомитета. Положение председателя подкомитета не более влиятельно, чем положение рядового депутата, не имеющего никакого положения. Но в конце концов надо же чем-то откупаться от притязаний депутатской группировки, состоящей из деятелей, происхождение которых отождествляется с политическим серпентарием.

Реально вряд ли Тихий Депутат может повлиять хотя бы на одно решение в Думе. Без одобрения какой-либо влиятельной фракции невозможно включить ни одного законопроекта в план разработки и рассмотрения. Но понимает ли большая часть избирателей законодательную технологию? Конечно, нет, и поэтому можно беспардонно надуваться, словно мыльный пузырь, и играть роль влиятельного лица, напоминая бессмертного прощелыгу-самозванца из гоголевской пьесы.

Итак, определившись с политическим лицом Тихого Депутата, перейдем к его депутатской деятельности, тем более, что он сам достаточно откровенно изложил ее в своем письме.

Главный предмет, которому Тихий Депутат отдается в Думе — “банковское законодательство”. Цель своей работы он усматривает в том, чтобы оно “защищало прежде всего интересы граждан-вкладчиков и клиентов банков…обеспечивало устойчивость и надежность банковской системы”. Основным итогом своей 12-месячной деятельности, о которой составлен отчет, он полагает “вынесение на обсуждение Думы законопроекта “О гарантировании банковских вкладов граждан”.

Давно известно, что специалист подобен флюсу, его знания односторонни. Если избиратели посылают своего представителя в парламент, они должны иметь в виду, что там необходим не специалист в той или иной области, а политик. Но русское общество все еще пребывает в заблуждении относительно того, кому можно оказывать доверие, а кого нельзя допускать к законодательствованию на пушечный выстрел. Оно еще не постигло той простой истины, что

политика — тоже профессия, и законы должны принимать не следователи, домохозяйки, предприниматели, писатели, генералы, актеры, бомжи, а профессионалы-политики, понимающие предмет и цель своей деятельности.

Если Тихий Депутат чувствует себя не политиком, а специалистом в одной из нескольких тысяч профессий, карты ему в руки. Пусть, если сможет и захочет, трудится в банке, на кафедре, в органе исполнительной власти. Там, но не в парламенте его место.

Обществу все еще трудно понять, что законодатели не пишут и не должны писать законов. Это дело профессиональных юристов, специализирующих в соответствующей отрасли права и знатоков того вопроса, который подлежит правовому регулированию. Если речь идет о банковском законодательстве, законопроекты в этой сфере должны готовить специалисты Центробанка, Ассоциации коммерческих банков, Минфина и т. п. и высококвалифицированные правоведы, которых должна привлекать к этой работе президентская администрация. В процессе разработки законопроектов целесообразно участие полномочных экспертов влиятельных парламентских фракций, чтобы создавать рабочее взаимодействие с нижней палатой. Тогда появятся гарантии, что закон ею будет принят.

Когда проект закона наконец готов, он подвергается всесторонней экспертизе, устраняющей возможные неточности, пробелы, ошибки и т. д. Поскольку РФ — суперпрезидентская республика, законопроект должен пройти одобрение у президента, ибо без подписи последнего никакой закон не может вступить в силу. Только после этого его можно вносить в Думу для рассмотрения.

Спрашивается, что же остается на долю депутатов, если вся черновая работа делается без них? Неужели Думе, как раньше Верховному Совету СССР, остается роль равнодушной машины для голосования?

Парламент, разумеется, это прежде всего машина голосования. Но, рассматривая законопроект, депутаты должны смотреть на него не с позиции узких специалистов, а с точки зрения общенациональных интересов страны. Депутаты — это олицетворенная мудрость нации, представляющая ее волю и суверенитет, их дело — уметь принимать законы (хотелось бы, чтоб так было). Если депутат автор закона — он перестает быть представителем народа, превращаясь в чиновника,

лишенного возможности подойти к делу объективно (к сожалению, такова жизнь).

Расписывая свое трудолюбие перед избирателями округа, Тихий Депутат в действительности засвидетельствовал, что является непрофессиональным депутатом. В письме, к примеру, ничего не говорится о таких деталях, без которых “закон о гарантиях” остается ничего не значащей бумажкой. Чтобы создать гарантии вкладов, требуются колоссальные дополнительные средства для создания страховых фондов, которых в стране конечно же нет. Депутат-демагог поминает только одно — что его законопроект “поставит заслон на пути недобросовестных банкиров и даст возможность гражданам в случае разорения банка возместить финансовые потери”. О том, что такой возможности в действительности никогда не будет, хранится молчание.

Не решился он и на то, чтобы поведать своим корреспондентам, что не нашел ничего лучше, как по собственной инициативе обратиться к международным финансовым организациям с просьбой о предоставлении займа РФ в размере 1 млрд. долларов США. И о том, что как только о его похождениях стало известно, Минфин дезавуировал зарвавшегося наглеца, напомнив, что международные заимствования — исключительно правительственная прерогатива (“Финансовые Известия” № 114, 19.12.96).

Если бы все депутаты были столь же непрофессиональны, как наш тихий профессионал-финансист, то парламент РФ тут же оказался бы вселенским посмешищем. Но убеждение в непробиваемой наивности и доверчивости избирателя настолько прочно сидит в сознании части политиков, что депутат не счел зазорным демонстрировать свою феерическую глупость, подтверждая ее документально — личным бланком и собственной подписью.

Тихий Депутат считает главной проблемой страны “незащищенность вкладчиков банков и клиентов банков”, той части населения, у которых есть деньги. Его интересует из всех проблем, с которыми столкнулась Россия, лишь “устойчивость и надежность банковской системы”. Поэтому он печется только о банковских законах — об обязательном страховании банковских вкладов, о банкротстве банков, о Сберегательном банке. Складывается впечатление, что Тихий

Депутат представляет в Думе не один из 450 одномандатных округов, а корпорацию владельцев коммерческих банков. Может, так оно и есть…

Кто, в самом деле, может в современных условиях быть клиентами банков? Лишь весьма обеспеченные люди, которых называют “новыми русскими”. Банки не интересуются просто русскими, ведь у них нет десятков или сотен тысяч долларов. Кого на самом деле заботит надежность банковской системы? Финансовую олигархию, монополизировавшую банковское дело в стране. Кого заботят банковские законы? По сути дела они сейчас не нужны никому, кроме узкой группы финансовых магнатов, контролирующих львиную долю отечественного финансового капитала.

Деньги лишь на первый взгляд кажутся настоящим богатством. Но это обманчивое впечатление, особенно после того, как правительства всех стран мира отказались гарантировать золотом банкноты и купюры. Деньги, вне зависимости от того, выражены они в безналичной или бумажной формах, не являются самостоятельной ценностью. Они функционируют в экономических отношениях как информация о богатстве. Уничтожьте реальные богатства нации, и исчезнет предпосылка для существования национальной валюты. Деньги тут же обесценятся, превратившись в макулатуру.

Если в стране нет материальной основы, составляющей действительное богатство, бесполезно заботиться о банковской деятельности или гарантиях вкладов. Тихий Депутат погрузился в банковское законодательство как раз в такой исторический момент, когда происходит разрушение, расточение, расхищение действительного богатства нации. Но эта мелочь его нисколько не интересует. Он предпочитает парить в финансовых облаках наподобие Манилова, постоянно пребывавшего в эмпиреях.

А тем временем, пока Тихий Депутат пользовался депутатскими полномочиями, экономический потенциал страны сократился вдвое, производственные капиталовложения — впятеро. По объему производимого ВВП РФ находится ниже таких стран, как Мексика, Бразилия, Индонезия. Экономика РФ отстала от экономики США в 10 раз, от Китая — в 5 раз, от Германии и Индии — вдвое. Через год экономику РФ обгонит Южная Корея. Если считать производство в расчете на душу населения, РФ опустилась до уровня слаборазвитых государств, таких как Алжир и Панама.

Поскольку финансовая деятельность производна от индустриальной, при столь плачевном обороте дела рассуждения о гарантиях банковских вкладов, о законодательном обеспечении интересов граждан-вкладчиков не только бессмысленны или наивны. Их может позволить себе либо мошенник, либо политик-циник. Разве не известно “специалисту в области финансов”, что лишь в 1995 году реальные банковские активы сократились на 21 %? Что 22 % кредитных учреждения убыточны? Что у 42 % банков объем собственных средств меньше величины оплаченных уставных фондов? Разумеется известны, поскольку эти данные неоднократно публиковались.

В отличие от Тихого Депутата, живущего в иллюзорном мире банковского законодательства, население, чтобы окончательно не разориться, действует прагматично. Только четверть сбережений приходится на банковские вклады и приобретение ценных бумаг. А львиная их доля (60–70 %) идет на покупку наличной иностранной валюты или остается на руках. Для законов, принятие которых заботит нашего героя вот уже почти десятилетие, нет ни предмета, ни подходящих условий.

В течении семи лет, вместо того, чтобы оправдывать доверие избирателей, Тихий Депутат удовлетворяет свое профессиональное любопытство за счет налогоплательщиков. При этом его нисколько не заботит судьба России, которая с такими законодателями стремительно приближается к крушению. То, что делает Тихий Депутат, напоминает рекламу зубных щеток и пасты. Когда уже 40 % населения страны недоедает, телезрителю продолжают навязчиво внушать, что после сытной еды обязательно надо чистить зубы.

Очевидность национальной катастрофы, о которой теперь не говорит разве что абсолютный идиот, остается незамеченной нашим доброжелательным думцем. Его благодушию нет предела. Ничего не замечая и нисколько не заботясь (в качестве члена законодательного органы страны) о положении России, он искренно заявляет, что “главной своей задачей считает работу в округе”. Справедливости ради необходимо заметить, что Москва давно не считает себя частью России и, скорее всего, без какого-либо сожаления, если бы представился случай, избавилась от нахлебницы, которую кормит.

Уверенный в снисходительности населения, Тихий Депутат признается, что “старается как можно чаще встречаться… с вами — моими избирателями”. Он не зря выбран в парламент, поскольку продолжает “регулярно вести прием”. Его переполняет статистика собственного величия: создано “3 общественных центра помощи жителям округа”, организовано “около двух десятков встреч с жителями” и не где-нибудь, а “в больших залах”, “удалось помочь примерно 500 людям в решении крайне важных для них лично вопросов”, наконец “установлен светофор”. Где еще, кроме как в столице, можно найти более человеколюбивого, более добросовестного и более бесполезного политика? Если дело пойдет так и дальше, помощь в личных вопросах получит 2000 человек.

Впрочем, наш герой не так прост, как кажется. Тихий Депутат в 1990 одобрил суверенитет и независимость РСФСР от СССР и тем в меру сил помог в 1991 политическому развалу страны. В 1992 он среди экономических советников г-на Ельцина, и, таким образом, оказал посильную помощь реформам Гайдара-Бурбулиса. В 1993 его фамилия — среди беглецов из Дома Советов России, присоединившихся к мятежу бюрократии. С 1994 он является сопредседателем “Демократической России”, о чем теперь старательно умалчивает. В 1995 подвизается среди лоббистов банковского законодательства. В 1996 “активно участвовал в кампании по выборам Президента России: был членом Координационного Комитета Общероссийского движения общественной поддержки Бориса Ельцина”.

Такова заключительная цитата письма, тонко намекающая на готовность к новым подвигам. Тихий Депутат нисколько не сомневался, что станет депутатом в четвертый раз. Все от того же округа. Москвичи могут пожертвовать Россией, но “специалистами в области финансов” — никогда.

Демократическая пресса

Российская журналистика — что может быть гаже и паскуднее! Все, кто имеет хоть крупицу совести, не в состоянии терпеть этой наглой, липкой мерзости, заливающей страницы газетных страниц. От них до того непереносимо “несет исподним бельем чичиковского Петрушки”, что даже опасный для любого политика Минкин из “Московского комсомольца” бежал, затыкая нос.

Грязь — вот стихия демократической журналистики, дорвавшейся до свободы слова.

Фельетонист Трясучкин, галвред Ноздрев, корреспондент Любострастов, только и глядящие, что бы еще вымазать помоями, во что бы еще плюнуть сочнее — вот свиные рыла, вломившиеся в наш повседневный быт ос своей слюнявой “литературой”.

Наши газеты — это, как говаривал Салтыков-Щедрин, “всероссийские клоповники”, “посевая смуту, они едва ли даже предусматривают, сколько жертв она увлечет за собой: у них нет соответствующего органа, чтоб понять это. Они знают только одно: что лично они непременно вывернутся. Сегодня они злобно сеют смуту, а завтра, ежели смута примет беспокойственные для них размеры, они будут, с тою же холодною злобой, кричать: пали!”

Что такое газеты, кои многие из нас читают ежедневно? Снова обратимся к Салтыкову-Щедрину.

“Внешний вид газеты действует чрезвычайно благоприятно. Большого формата лист; бумага — изумительно пригодная; печать — сделала бы честь самому Гутенбергу; опечаток столько, что редакция может прятаться за ними, как за каменной стеной. Внизу подписано: редактор-издатель Ноздрев; но искусно пущенный под рукою слух сделал известным, что главный воротило в газете — публицист Искариот. Не тот, впрочем, Искариот, который удавился, а приблизительно. Ноздрев даже намеревался его ответственным редактором сделать (то-то бы розничная продажа пошла!), но не получил разрешения, потому что формуляр у Искариота нехорош.

Со стороны внутреннего содержания газета делает впечатление еще более благоприятное. В передовой статье, принадлежащей перу публициста Искариота, развивается мысль, что ничто так не предосудительно, как ложь. “Нам все дозволяется, — говорит Искариот, — только не дозволяется говорить ложь”. И далее: “Никогда лгать не надо, за исключением лишь того случая, когда необходимо уверить, что говоришь правду. Но и тогда лучше выразиться надвое”.

Главные редактора газет становятся у нас прямо-таки крупными политическими деятелями, возомнившими себя в праве судить обо всем, всему давать оценку и даже требовать для себя какого-то особого места в общественной жизни.

“Замечательно, что есть люди — и даже немало таких, — которые за эту тактику называют Ноздрева умницей. Мерзавец, говорят, но умен. Знает, где раки зимуют, и понимает, что по нынешнему времени требуется. Стало быть, будет с капитальцем. Покамест, однако ж, ему везет. У меня, говорит, в тылу — сила, а ежели мой тыл обеспечен, то я многое могу дерзать. Эта уверенность развивает чувство самодовольства во всем его организме, но в то же время темнит в нем рассудок. До такой степени темнит, что он, в исступлении наглости, прямо от своего имени объявляет войны, заключает союзы и дарует мир. Но долго ли будут на это смотреть меценаты — неизвестно. Нет, как хотите, а Ноздрев далеко не “умница”. Все в нем глупо: и замыслы, и надежды, и способы осуществления. Только вот негодяйство как будто скрашивает его и дает повод думать, что он нечто смекает и что-то может совершить. Вся его сила заключена именно в этом негодяйстве; в нем, да еще в эпидемически развившейся путанице понятий, благодаря которой, куда ни глянешь, кроме мути, ничего Пользуясь этими двумя содействиями он каждодневно будет твердить, что все, кто не читает его паскудной газеты — все это враги и потрясатели. И найдутся простецы, которые поверят ему…”.

Что такое наш публицист-демократ. А вот извольте:

“Перед вами русский обыватель, которого нечто беспокоит. Что именно беспокоит? — то ли, что власть чересчур обострилась, или то, что она чрезмерно ослабла; то ли, что слишком много дано свободы, или то, что никакой свободы нет, — все это темно и загадочно. Никогда он порядком не мыслил, а просто жил да поживал (как, например, ваш Пафнутьев), и дожил до тех пор, когда “поживать” стало невмоготу. Тогда он вытаращил глаза и начал фыркать и припоминать. Припомнил нечто из истории Кайданова, подслушал выражения вроде: “власть”, “свобода”, “произвол”, “анархия”, “средостение”, “собор”, свалил этот скудный материал в одну кучу и стал выводить букву за буквой. И что же! на его счастье оказалось, что он — публицист!”

“Всем нынче стало известно, что слово тогда только оказывает надлежащее действие, когда оно высказано горячо и проникнуто убеждением, но что же, кроме совести и основанного на ней миросозерцания, может дать ему эти качества? А так как, по обстоятельствам времени, сделалось уже ясным, что без помощи слова

вселенную уловить нельзя, то нуждающиеся в этой помощи, подыскав подходящего пройдоху, говорят ему:

— Можешь ли ты, пройдоха, за такое-то лакомство, во все колокола звонить, что помои представляют самый целесообразный для человеческого питания корм?

— Могу, — отвечает пройдоха и начинает обдумывать, какую такую совесть надо иметь, чтоб пропагандировать помои.

И непременно найдет, потому что иначе он не напишет ни повести, ни комедии, ни передовой статьи, ни фельетона, ни даже ученого исследования".

И вот эти публицисты-пройдохи, что возымели у нас невероятную способность влиять на настроения, "не чувствуют потребности ни в одной из тех святынь, которые для каждого честного человека обязательно хранить в своем сердце. Нет для них ничего доброго, заветного, так что даже представлением об отечестве в их умах соединяется только представление о добыче — и ничего больше. Все это сообщает их деятельности такой размах, такую безграничность свободы, какая обыкновенному смертному совсем недоступна. С неизреченным злорадством набрасываются эти блудницы на облюбованную добычу, усиливаясь довести ее до степени падали, и когда эти усилия, благодаря общей смуте, увенчиваются успехом, они не только не чувствуют стыда, но с бесконечным нахальством и полнейшею уверенностью и безнаказанности срамословят: это мы сделали! эта безмолвная, лежащая в прахе падаль — наших рук дело!"

Кумиры современной публицистики, имя которым легион, совсем недавно изменившие своим прежним идеалам и ставшие принципиальными адептами нового (новыми только для них) мировоззрения, должны, по всей видимости, оставить от прошлого "суеверия" лишь одну заповедь — веру в свободу печати. В Конституции РФ, ставшей квинтэссенцией их своеобразного правосознания, она изложена в ст. 29 (пункт 5), которая гласит:"… гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается" При этом каждый наделен правом свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (пункт 4).

Хотя конституционное право с декабря 1993 года не знает термина печать и не придает свободе печати характера конституционной

свободы человека и гражданина, но она, безусловно, растворена в более высокой, более значительной категории информации, являясь всего лишь ее частным случаем.

Постольку, поскольку до настоящего времени, начиная с эпохи борьбы за “эмансипацию” от пресловутой 6-й статьи, никто, насколько известно, не посягал на эту свободу, а ограничения касаются теперь лишь способов, благодаря которым она может быть изыскана, получена, передана и т. д., позволим себе встать на иную точку зрения, не совпадающую с общепризнанной или дозволенной к распространению.

Сначала обратим внимание на одну конституционную особенность. Возможно, авторы Основного Закона сознательно заложили ее в упомянутую ст. 29: массовая информация должна быть в Российской Федерации абсолютно свободна; она ничем не может быть ограничена; но обычная информация ограничивается “законными способами”.

Из этого следует, что если свобода массовой информации ничем не ограничивается и законность ее поиска, получения, передачи, производства и распространения не предполагает какого-либо регламентирования, то простая информация, напротив, допускается лишь такими способами, которые предусмотрены и определены законом. Простая информация стеснена перечнем сведений, составляющих государственную тайну. Для массовой информации государственных тайн не существует. В области массовой информации цензура запрещена. Простая информация подцензурна, ибо цензура в той или иной форме, конечно же, содержится в требовании узаконения любых способов ее трансформации с момента появления и до акта потребления.

Массовая информация является особой, специализированной формой информации. Она принципиально отличается от информации, которая возникает при передаче тех или иных сведений от одного человека к другому. Чтобы информация превратилась в массовую информацию, ее должны осуществлять факторами производства — особым средствам массовой информации и наличием особой корпорации, которая профессионально эксплуатирует эти средства.

Статья 29 Конституции, ограничивая свободу простой формы информации, принадлежащей обычным гражданам, представляет

абсолютную свободу массовой формы информации, которая принадлежит корпорации. Таким образом, в отношении информации свобода граждан подменена привилегией корпорации.

Теперь становится понятным, почему корпорация владельцев средств массовой информации (телевидения, радио, газет, журналов и т. п.) так настойчиво боролась за принятие Конституции 1993 года и так упорно стоит теперь на стороне “партии начальников” в ее политической конфронтации с “партией народа”. Эти действия обусловлены своеобразной сделкой, которую заключили между собой цех профессиональных информаторов, установивший монополию на средства массовой информации, и “партия начальников”.

Цех приобрел корпоративную свободу, расплатившись свободой других. Он эмансипировал себя от государства, сделав всех остальных его заложником. Корпорация массовой информации освободила себя от цензуры, отдав на произвол цензуры все остальные виды информации, иначе говоря, сделав подцензурной саму жизнь, все ее проявления, за исключение, разумеется, самой “массовой информации”. Что же касается “партии начальников”, то она приобрела мощного союзника, который профессионально обеспечивает ее власть над обществом благодаря новым средствам контроля, объектом которых является не воля человека, а его сознание.

Некогда власть могла господствовать над человеком только телесно. Символом возвышения государства над человеком была тюрьма. XX век в этом отношении не только гуманнее, но и изощреннее. Власть, чтобы господствовать, стремится овладеть не самим человеком, а человеческим сознанием. Символом такой власти в наше время является телевизионная башня. Чтобы завладеть человеком, его не надо лишать свободы. Для этого надо предоставить свободу средствам массовой информации. Бесполезно устанавливать контроль за тем, что думает каждый гражданин, достаточно нескольких человек, которые контролируют эфир. Поэтому место Петропавловской крепости или Бастилии — этих мрачных символов тирании, господствующих над человеком, занимают теперь Останкинская или Эйфелева башни.

Во времена подцензурной прессы многим казалось, что стоит только отменить этот зримый символ официального подозрения (цензуру), как высоконравственная журналистика оплодотворит

читателя, слушателя или зрителя потоком правды. Думалось, что если в государстве уничтожить цензуру, то само собой государство из безнравственного тут же превратится в нравственное. И в отношениях между властью и гражданами восторжествуют не насилие и обман, а мудрость и закон.

Как журналисты, так и большая часть интеллигенции предчувствовали в свободе печати некий золотой ключик, которым можно открыть ту самую заветную дверь, за которой молочные реки текут в кисельных берегах, — дверь, наглухо заколоченную еще во времена Владимира Ильича и Иосифа Виссарионовича.

Закон о печати (в более широком и современном смысле — о средствах массовой информации), аннулирующий цензуру, стал, таким образом, своеобразным “Карфагеном”, который разного рода растлителям, изменникам и пустословам надо было взять во что бы то ни стало. Этот закон в недавнем прошлом рассматривался в политической надстройке как одно из главных требований оппозиции, наряду с борьбой за упразднение государственных привилегий компартии.

Закон приняли, пресловутую статью отменили. Что же произошло с печатью, как традиционной полиграфической, так и современной — электронной? Стала ли она “зорким оком народного духа”, воплощенным доверием народа к самому себе? Можно ли сказать, что свободные СМИ — это “воплотившаяся культура”, преображающая материальную борьбу в духовную, которая идеализирует ее грубую форму? Превратились ли они, обретя свободу, в такое “духовное зеркало”, в котором народ видит самого себя?

На каждый из этих вопросов, если не лукавить, можно дать лишь отрицательный ответ. За небольшими исключениями практически все средства массовой информации пристрастны, тенденциозны и лживы. Чем дольше они существуют в условиях свободы, тем сильнее проявляется их зависимость. Чем настойчивее они провозглашают свою девственность, тем основательнее убежденность в их грехопадении. Чем больше они агитируют и проповедуют, тем меньше они информируют.

А раз так, то спросим себя: что же произошло в мире массовой информации на самом деле? Отмена формальной, административной цензуры не сделала печать свободной от цензуры вообще. Сменилась

только форма ее зависимости. Функция, ранее принадлежащая цензорам, перешла сначала к самим журналистам, установившим в собственной среде своеобразную охоту на ведьм, а затем она плавно перетекла к собственникам денежного капитала, финансирующего средства информации.

Идеологическая цензура обрела свое новое воплощение в цензуре финансовых магнатов — хозяев информационных холдингов. Господство власти как таковой, власти, воплощенной в институтах партийного государства, дополнилось властью денежных мешков, нанимающих для обработки публики тех самых растлителей, изменников и пустословов, что добились для себя полной свободы самовыражения. Ощущение идеологической цензуры у пишущей и вещающей братии отсутствует, ибо они едины со своими хозяевами во всем. Журналистике пришлось срочно выбирать — или исчезнуть как класс, не имея собственных средств существования, или довольствоваться ролью нахлебницы и содержанки у богатых покровителей. Метафора о второй древнейшей профессии опять стала актуальной. Нравственные качества сословия журналистов оказались сильно преувеличенными. Продавать теперь приходится не рукопись как товар, а себя как товар.

Такова проза жизни, с которой смирились и “бесстрашные” газетчики, и въедливые репортеры, и вездесущие телекомментаторы. Как существовать, а не как писать — таким оказался основной вопрос для журналистов, получивших формальную свободу. Что стало для них гарантией высоких заработков и хорошим тоном? Инстинкты, а не убеждения, беспринципность, а не принципиальность, подобострастие, а не гордость.

Почему такое оказалось возможным?

Скорее всего превращение кичливого номенклатурного гранда, роль которого играла пресса при КПСС, в дичающего и звереющего на глазах мещанина от информации обусловлено двойственным характером средств массовой информации. Этот двойственный характер до поры до времени не проявлялся лишь благодаря экономическим особенностям предыдущего строя.

С одной стороны СМИ — безусловная форма творчества, обособленный вид духовного производства, который не допускает ни бюрократического вмешательства, ни принудительного ограничения. С

другой стороны СМИ — особая отрасль материального производства, которая подчиняется объективным закономерностям, присущим предпринимательству. В этом качестве они должны соответствовать реально существующим экономическим порядкам. Как говорится: с волками жить, по-волчьи выть.

Пока печать, как и все другие отрасли культуры, находилась (скорее номинально, чем действительно) в общенародной собственности, свобода печати сводилась к свободе деятельности журналистов, то есть к свободе творчества. И ограничения печати могли тогда относиться лишь к ограничению субъективной воли автора. После того как печать была подвергнута денационализации, то есть приватизирована, как только она обрела частный характер, свобода печати оказалась низведенной до свободы предпринимательства с использованием средств печати и профессиональных журналистов, а сама свобода в этой сфере духовного производства свелась для журналистов к ничем не ограниченной возможности делать деньги.

Печать как разновидность коммерции фабрикует специфический вид товара — массовую информацию. Этот товар обрел новое качество после изобретения телевидения, продукция которого в состоянии гипнотизировать потребителя, создавая в его сознании представления, не имеющие ничего общего с действительностью. Вся проблема современной свободы печати сводится к пониманию подлинного общественного значения этой отрасли, ее влияния на ход политических процессов, ее способности определять общественное настроение и управлять им, а значит — управлять косвенным путем огромными массами населения.

Борьба за или против свободы печати представляется не разновидностью борьбы за свободу вообще, не стремлением к творческой свободе и, конечно же, не “естественным” желанием свободно торговать массовой информацией как товаром. Она — часть политической борьбы и в этом смысле столь же пристрастна, если не сказать — цинична, как и любая другая форма борьбы за власть.

Следовательно, свобода печати, мечту о которой платонически лелеяло русское общественное мнение, оказалось бессодержательным мифом. В действительности печать вообще не может быть свободной, как не может быть свободной ни одна отрасль общественного

производства, как не может быть свободной ни одна социально значимая профессиональная деятельность. Изображение же существующих ныне СМИ в качестве воплощенной формы гражданской свободы, якобы уже достигнутой в “новой” России, предназначено не для нового “класса всадников”, класса буржуазии, а для успокоения “плебса”. Этот доверчивый слой обывателей потребляет любые информационные фальсификаты, усваивает в качестве собственных любые, в том числе чуждые ему идеи, и его природу никому не удается изменить.

Свободную печать по-настоящему наполняют содержанием творчески и экономически несвободные журналисты. Вместо того чтобы способствовать действительной свободе человека, “свободная печать” служит одним из средств его духовного подавления.

Многомиллионные тиражи газет и журналов, еще несколько лет назад поражавшие воображение, слава Богу, больше никогда не повторяться. Стремление к чтению, приобретшее неправдоподобные по величине масштабы, свидетельствовали не о выздоровлении общества, а о его болезни. Тогда большинству населения вдруг показалось, что существовавшая тогда печать что-то от них скрывала. Все заочно ненавидели цензуру, подозревая этот архаичный признак тоталитаризма в гнусном желании не допустить общества к познанию нечто очень важного, жизненно необходимого.

Но вот уже нет цензуры, и публика обнаружила, что печать, утратив ореол мученичества, является не зорким оком народного духа, как она предполагала, а заурядным способом существования корпорации журналистов. Истинный смысл современной журналистики — быть разновидностью предпринимательства, при котором газета или журнал — тот же товар, который его владельцам надо повыгоднее сбыть.

Впрочем, в отличие от хлеба или колбасы, которые удовлетворяют физиологические потребности, потребление печатной продукции непосредственно влияет на состояние души. Различные сорта или виды колбасы, главные отличия которых — качество и цена, делят людей на социальные группы, которые так или иначе сотрудничают между собой. Газеты же, цена которых как правило одинакова, получив неограниченную свободу печатать все, что им заблагорассудится, способны делить общество на враждующие партии.

Выращивание хлеба объединяет людей в многомиллионные общности, именуемые в биологическом смысле народами, а в политическом — нациями. Изготовление газет или телепередач, напротив, делает их врагами. Отравившись в кратковременный период “гласности” и “перестройки” газетами и телевидением, потерявшими вместе с цензурой и нравственные ориентиры, русское общество представляет теперь огромную помойку, на которой каждый, утрачивая понемногу облик человеческий, выживает в одиночку.

Поскольку процесс деградации, стремительно охватив все стороны жизни, произвел по всей стране эффект разорвавшейся бомбы (не только в метафорическом смысле), первое, что интуитивно сделало общество — оно перестало читать газеты, верить тому, что говорят по телевизору и на радио. Большая часть населения перестала доверять тем, кого еще совсем недавно готово было носить чуть ли не на руках.

Рынок средств газетной информации находится накануне последнего акта невидимой драмы, развязка которой должна привести к окончательной потере популярности таких либеральных изданий, как МК, “Известий” или КП. Мало кто знает, что подписка на самую нечистоплотную в нравственном и политическом отношении газету Москвы упала чуть ли не в 10 раз. Отнюдь не случайно многие жители столицы с удивлением стали обнаруживать в своих почтовых ящиках бесплатные номера этого паскудного чтива. Один из таких скороспелых новоделов, распространяющий “новейшие известия”, готов устроить лотерею среди постоянных читателей, имеющих счастье приобрести 100 номеров этого издания, с денежными призами номиналом в 585 млн. руб. Вот до чего уже дошло. Но чудес не бывает.

Бескорыстие, как хорошо известно, несовместимо с бизнесом, ему, наоборот, свойственно своекорыстие, жажда наживы. Если в почтовых ящиках вы находите бесплатную, вами не выписанную газету, не заблуждайтесь — вас никто не желает бесплатно просвещать. Налицо политическая акция, по сути ничем не отличающаяся от распространения рекламных листовок, которыми обычно усеяны почти все подъезды московских домов. Только в данном случае вместо дубленок, за которыми надо еще куда-то съездить, вам навязывают подленькие идейки, которые доставляют прямо к вашему обеденному столу. Но ведь изготовление и доставка

листовок и газет стоит денег. Затраты такого рода должны окупаться, но не в примитивно денежном, а в политическом смысле.

Стоимость рекламы включается в цены соответствующих товаров. Поэтому навязчивая реклама магазина, торгующего дубленками, входит в их цену. За нее должны расплачиваться конкретные покупатели.

Газеты, распространяемые бесплатно, оплачиваются самими гражданами. Делается это без их согласия либо финансовыми спекулянтами, именуемыми “банками”, чье баснословное богатство, возникшее в течение нескольких последних лет, результат преступлений, либо правительством, произвольно тратящим средства бюджета на свою политическую рекламу в форме газет или журналов.

Итак, взяв в руки то или иное издание, не сочтите за труд полюбопытствовать, кто заказал “печатную музыку”, кто отстегнул миллиарды на читательские призы, которые будет щедро раздавать “Нестор негодяев знатных”. А узнав финансовый источник, нетрудно сообразить, чьим интересам в действительности она служит.

Тогда от лицемерно декларируемой свободы средств массовой информации, верности которой клянутся как раз продающиеся на корню газетенки, не останется камня на камне.

Телепаскудство на русской крови

Вот пример нашей тележурналистики.

Несколько недель РТР (как известно, государственный телеканал, финансируемый за счет госбюджета) демонстрировал документальный фильм “Россия в войне. Кровь на снегу…”, который сделан британской компанией при содействии русских архивов, с участием научных организаций, властных учреждений и общественных деятелей РФ. Среди тех, кто обеспечивал авторов картины материалами и комментариями, значится теперь уже покойный генерал Волкогонов и престарелый академик Лихачев. Последний не только консультировал, но и комментировал отдельные сюжеты как очевидец, житель Ленинграда времен блокады.

Авторы и участники фильма сделали очередную фальшивку, которая должна создать у зрителей впечатление о бедных, несчастных русских, победивших в Великой войне XX столетия по недоразумению, вопреки желанию и деятельности государственной власти страны. Однако нас пичкают не грубой поделкой, не

пропагандистской агиткой, не либерально-демократическим лубком, предназначенным для западного обывателя, не ориентирующегося в событиях и даже географии России.

Для видового ряда авторы фильма добросовестно использовали архивы кино-фото документов. Многие из них русскому зрителю (за исключением молодого поколения) хорошо известны по другим, прежде всего, отечественным документальным лентам. Здесь для них нет ничего нового, необычного. Интерес могут вызвать разве что кадры немецких операторов, снимавших войну по ту сторону фронта. В русском прокате они появлялись сравнительно мало и редко. Но не этим интересен фильм. Обратить на него внимание заставляет закадровый текст, сопровождающий хроникальные кадры. Здесь от добросовестности не остается и следа.

Авторы фильма составили свои комментарии в лучших западных традициях дезинформации времен “холодной” войны (1945–1991). Они не клевещут и не лгут. Они занимаются диффамацией. Их комментариям нельзя приписать характер клеветы. Но правдивым мыслям придается вкус тенденциозности и предвзятости. Авторы сочувствуют русским страданиям, но всю ответственность за них они возлагают на существовавший в России времен войны “режим”, который для них ничуть не лучше, даже хуже гитлеровского. Это не Европа с Гитлером во главе вела против России агрессивную, бесчеловечную войну. Это Сталин вел войну против своих — вот открытие!

Гитлер и Сталин в этом фильме поставлены на одну доску. Сталин для авторов комментариев такой же преступник, как и Гитлер. Все, что делает “кремлевский горец” во время войны — это спасает себя и свой режим, а вовсе не страну, которой он руководит.

Если вдуматься не только в текст, но и в подтекст, то становится очевидным, с какой горечью наши бывшие союзники теперь сожалеют, что логика мирового развития заставила их в 1941 году оказаться в одной компании с Россией. Как они негодуют, что им пришлось через силу, с большим отвращением воевать с Германией и ее союзниками. Как бы им хотелось оказаться в одних окопах, в одном союзе с вермахтом и громить этих проклятых русских. И среди негодующих не только те, но и эти, принужденные жить здесь и непрерывно испытывать душевные муки.

Академик Лихачев, появляющийся в кадре на фоне одного из питерских памятников героям войны, в припадке ненависти к сталинскому режиму, с лицемерным сочувствием к многочисленным жертвам блокады утверждает, что многие жители, оставшиеся в городе, погибли зря. “Зря” — означает здесь “без какого-либо смысла”, “бесцельно”, “по глупому стечению обстоятельств” или вследствие злой воли “своих”. Зряшной гибели, стало быть, можно было избежать. Но армейскому командованию и гражданским властям города и страны было все равно, сколько погибших будет в заблокированном немцами городе. Раз гибли “зря”, значит могли и не погибнуть, перестать сопротивляться, сдать город, к примеру.

Академик до такой степени наполнен ненавистью, что позволяет себе очевидные гиперболы, анахронизмы. Он утверждает, что голодная смерть поразила жителей Ленинграда уже в сентябре 1941 года, то есть через несколько дней после того, как немецкие войска замкнули кольцо окружения вокруг города. Почему такое стало возможным? Потому что, якобы, очутившиеся в Ленинграде сотни тысяч беженцев не имели документов, поэтому бесчеловечная власть не выдавала им продуктовых карточек, следовательно, их умерщвляли не немцы, а свои.

Немцы, по мнению маститого старца, имели в Ленинграде огромное количество агентов — она “знали все, что делалось в городе”, когда как обитатели Смольного и прежде всего Жданов, “не открывали всей правды”. Кому надо было “открывать правду”, может быть врагу? Понимает ли ученый муж, что речь идет о суровом времени войны, а не о научных изысках? Такие вопросы авторов фильма не интересуют. Главная задача — вживить в сознание зрителя неосознанную, интуитивную неприязнь к тем, кто осуществлял высшее государственное руководство СССР во время войны.

Но самое замечательное по злобности свидетельство г-н Лихачев адресует тем, кто работал в Ленгорисполкоме той поры. Он вспоминает эпизод своего посещения городской администрации и не может не заявить, что его там не покормили. “Не дали даже миски супа”. Сами, как он предполагает, ели и пили, а поделиться с ним не захотели. Значит, пожадничали. Какие негодяи руководили — хуже немцев! Если бы немцам не сопротивлялись, если бы город сдали, как французы сдали без единого выстрела Париж в 1940, как бы было

хорошо! Не было бы бесцельных жертв, и академик получил бы свою порцию питательного оккупационного супа.

Показывая эпизоды войны, авторы чуть ли не в каждом своем пассаже закладывают идеологическую мину, демонстрируя желание создать негативное отношение к тому, как русские отражали нашествие.

Вот нам демонстрируют артиллерийский обстрел города. Дикторский текст, озвучание которого подрядился исполнить актер Табаков, комментирует: Гитлер распорядился стереть город с лица земли. В Ленинграде от артиллерии и бомбежек авиации "рушились проспекты". Итак, немецкий фюрер был всесилен, а Сталин беспомощен. Если немцы могли разрушать город целыми кварталами, значит русские не имели средств борьбы ни с артиллерийскими батареями, ни с авиацией. Фильм дает понять, что гитлеровцы делали все, что хотели, и вина за это лежит на сталинском руководстве.

Разумеется, авторы текста лгут — город, превращенный в крепость, нес потери. Но не "целыми кварталами". Осадная артиллерия варварски обстреливала жилые здания, но отнюдь не безнаказанно. Ее действия подавлялись контрбатарейные средства Ленинградского фронта, включая орудия Балтийского флота. И немецкой авиации было неуютно в балтийском небе, как хотелось бы авторам фильма.

Говоря об организации обороны, диктор обороняет как бы между прочим — линия фронта вокруг города установилась благодаря неорганизованному сопротивлению жителей, "сама по себе". Следовательно, невооруженных горожан никто не организовывал. Они были брошены на произвол судьбы. А когда немецкая авиация обрушивала на город зажигательные бомбы, то жители "вынуждены были" становиться солдатами. "Вынуждены были"… Ленинградцы не хотели оказывать сопротивления, но их вынуждали, заставляли. Они противились, отказывались бороться с врагом. Их врагом были те, кто заставлял их тушить зажигалки.

Город с миллионным населением оказался не просто в блокаде и без запасов продовольствия, погибшего в сгоревших от бомбежек Бадаевских складах. (О том, что запасы были созданы, авторы помалкивают). Он оказался к тому же в блокаде суровой зимой. Что же делали ленинградцы, если верить авторам фильма? Они сжигали в

печках, чтобы не замерзнуть, книги и мебель. Диктор утверждает, что это было для них в то время “самое ценное”. Самым ценным для русских было не Отечество, не Россия, не независимость. Они, оказывается, умирали сотнями тысяч за столы и стулья, за кровати и шифоньеры. Какая гнусность даже произносить подобное, г-н Табаков!

Но вот тема ленинградской блокады сменяется темой зимнего контрнаступления русской армии под Москвой. Что слышит зритель? Его уверяют, что контрудар смог состояться лишь благодаря тому, что на фронт были переброшены крупная группировка войск с дальневосточной границы. А эта переброска могла состояться лишь только потому, что агент Сталина в Токио Зорге донес — Япония на Россию нападать не собирается.

Для тех, кто понимает, что такое мировая война, знает, как она велась, очевидно, что перед нами стандартная западная “клюква”, обыкновенный примитив. В сознании западного обывателя война, которую вела Россия — нечто вроде войны с индейцами. Он далек от осознания ее масштабов. Это не массовая трагедия с участием миллионов, а острая игра, в которой изредка кто-то должен умереть.

История великой страны сводится к частностям. Усилия нации оказываются не более важными, чем действия одного агента военной разведки. Не будь донесения Зорге, Сталин бы не перебросил несколько дивизий с Востока на Запад, не будь этих дивизий, не было бы и наступления русской армии в декабре. Случайность спасла Сталинский режим от неминуемого поражения.

Ведь Сталину, слышим мы тут же, “не было свойственно идти на риск”. Он никогда не рисковал. Что это утверждение должно означать для западного, прежде всего американского зрителя? Для американского сознания тот, кто не рискует — трус. Если Сталин никогда не рисковал, значит он был стопроцентным трусом. А трусость заслуживает одного только презрения. Вот что на самом деле скрывается за, казалось бы, незначительной фразой.

По этой извращенной логике судьбу страны определяли не мужество солдат, не трудолюбие людей в тылу, не верность гражданскому долгу тех, кто оказался в блокаде, не талант военачальников. Россию спасла удачная операция ее шпиона. Не будь его донесения, Россия обязательно бы погибла. Документальный

фильм, таким образом, превращается в псевдо-художественный вымысел, исторические факты препарируются в тенденцию.

В действительности, предпринимая наступление под Москвой, русское командование шло на колоссальный риск. Не было никаких гарантий, что в этот раз наступательная операция завершится удачно. Обильный снег и сильные морозы воздействовали не только на немцев и их технику. Холодно было всем. Не было и перевеса в силах и средствах. Вот цифры. Под Москвой перед наступлением вермахт имел 1708 тыс. чел., Красная армия — 1100, у немцев было 13500 орудий и минометов, 1170 танков, 615 самолетов, у русских, соответственно, 7652, 774 и 1000. Как же можно утверждать отсутствие риска, если немцы, обороняясь, имели превосходство в живой силе в 1,5 раза, в артиллерии — в 1,4 раза, в танках — в 1,6 раза! И тем не менее они были разгромлены и отброшены от столицы.

Комментаторский текст, как всегда, старается представить дело таким образом, что и на этот раз Сталину не удалось воспользоваться удачным стечением обстоятельств и в 1942 году ему вновь пришлось отступать.

Демонстрация этого фильма не закончена. Но что и дальше нам будут вешать на уши одну только отравленную враньем лапшу — в этом нет никаких сомнений. На что рассчитывают руководители РТР, отдавая лучшее время выходных дней этой откровенной и злобной халтуре? Они рассчитывают, и не без основания, на невежество и презрение к своей стране наших зрителей, главным образом молодых людей. Большинству русских уже удалось внушить отвращение к войне 1941-45 годов, в которой их деды и прадеды были победителями. Была не Победа, а “кровь на снегу”. Войной руководили не полководцы, ею управлял “тиран” и “трус”. Русские потери были бесцельны — они “гибли зря”.

Дискредитация русской истории — это не только политика руководства РТР. В данном случае оно — лишь деятельный соучастник общей идеологической диверсии, операции по деформированию национальной памяти.

Когда в нации исчезает героическое представление о прошлом своего Отечества, она перестает существовать. То, что Гитлеру не удалось совершать “мытьем”, теперь утвердившийся в Москве режим делает “катаньем”. Но он никогда бы не посмел подобного

негодяйства, если бы не абсолютное равнодушие и безразличие общества, позволяющего мерзавцам и клеветникам глумиться над памятью своих предков.

Факт демонстрации паскудного фильма о наиболее героическом периоде в русской истории XX столетия не означает ли, что существующее в России общество уже никогда не присоединится к словам Пушкина: “клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог ее дал”. Пушкина из общественного сознания вытеснили иные кумиры — доренки, киселевы, познеры, сванидзе, черкизовы. Они теперь душевладельцы русского народа, его кумиры и витии…

Если читателю придет фантазия насладиться рожей торжествующего хама, включите телевизор.

Гримасы политической рекламы

Политика — любимое дело журналистов, реклама — любимое дело политиков, а по поводу политической рекламы можно написать целую летопись, в которой события сгущаются по мере приближения к современности. Попытаемся изложить конспективно.

1989 год. Ельцин падает с моста в реку с мешком на голове, но не тонет, а выныривает из волн любимцем публики. Это плохо подготовленное покушение или удачный акт политической рекламы в стиле “дерьмо не тонет”?

1993 год. Плакат перед референдумом. Надпись цветами российского флага “Ельцин! Ельцин! Ельцин!” на фоне трибун с болельщиками явно нероссийского происхождения. Скорее всего, это болельщики Олимпиады или Уимблдонского турнира — в их руках видны флаги разных государств (кроме российского). Это скрытая ирония художника или сигнал проницательному избирателю?

1995 год. Некто Виденкин получает возможность заявить через телеэкран на всю страну, что готов лично перестрелять в затылок 150 главных врагов России. Доселе никому неведомый авантюрист становится широко известен. Что это, неумный эпатаж или форма политической рекламы, развивающая “находки” Жириновского?

1995 год. Депутат Н.Лысенко в Думе срывает с депутата Г.Якунина крест и лупцует последнего по спине крестной цепью. Обоих многократно показывают по телевидению. Оба еще недавно

полузабытых “политика” остаются премного довольными потасовкой и вниманием средств массовой информации. Что это, случайное безобразие или попытка напомнить о себе накануне выборов?

1995 год. Рекламный календарик движения Б.Федорова “Вперед Россия!”. Под мясистой физиономией лидера непомерно безграмотная надпись “К людям надо помягше, а смотреть на вопросы ширше.” На другом плакате под выпяченным животом Б.Федорова, закрывающим панораму Кремля надпись “Не путай Родину с начальством!”. Возникают сомнения, не этот ли господин с плаката и есть начальство? Или Родина? А за сомнениями вопрос: это реклама с подтекстом или просто глупость?

1995 год. Рекламный календарик Конгресса русских общин. Красивый, как рождественская елка, орденоносец генерал А.Лебедь панибратски облаплен “известным общественным и государственным деятелем” Ю.Скоковым. Тут сразу ясно кто кого пользует. Под фотографией надпись: “Будьте с нами!” Сразу виден плагиат с плаката ДПР образца 1993 года “Лучше с нами!”, по которому вспоминается и вариант антипропаганды, когда к этому плакату подклеивали картинку с распутной дамой и надписью “Лучше со мной!”. Описанная картинка — злая шутка фотохудожника или несвоевременная демонстрация распределения ролей?

1995 год. Партия начальников — движение “Наш дом — Россия!” ангажирует певицу Л.Зыкину для исполнения под музыку бездарного текста, избранного гимном движения. Это чья-то провокация или непрофессиональных рекламный трюк?

1995 год. Рекламные ролики блока “Яблоко”. Актеры истинно арийского вида с холодными глазами говорят в наезжающую на их камеру что-то вроде: “Мы наведем в России порядок!”. Это намеренная игра с целью привлечь чужой электорат или последствия чувства неполноценности по поводу этнической принадлежности лидера блока?

1995 год. Наклейка избирательного блока Станислава Говорухина читается с расстояния так: “Остановите блок Станислава Говорухина!” Только если присматриваться, можно вникнуть в другой смысл: “Остановите криминальную революцию. Блок Станислава Говорухина”. С таким уровнем профессионализма кинорежиссер Говорухин собирался останавливать криминальную революцию?

1995 год. Материал антирекламного характера. Из телевизионного видео-досье извлечены кадры о пьяном коммунисте-депутате, которые хранились там три года. Авторы пасквиля своего дождались — представили дело так, будто все это случилось на днях. Гнусность, конечно, но пьяная морда — явление вневременное и тоже гнусное. Так за пьянство коммунисты или против?

1996 год. Громадный плакат, изображающий Ельцина, пытающегося обхватить руками могучий ствол дерева. Напрашивается аналогия: “два дуба”, “дуболом”, “с дуба рухнул” или “мы с бревном, я — слева”. На крошечном календарике тот же Ельцин подпирает то же дерево задом. Ноги его, что ли, не держат? Пьян он или стар?

1996 год. Плакат КПРФ с экспрессом явно японского происхождения, который разбивает в куски стену, испещренную ругательствами вроде “коррупция”, “нищета” и т. п. Во-первых, кто стену-то исписал? Уж не те ли коммунисты, что разрисовали заборы вдоль подмосковных железных дорог? И почему такая любовь к японской технике?

1996 год. Рекламные наклейки избирательного штаба Ельцина: “Ельцин президент всех россиян” — второе слово заклеено бумажкой с надписью “палач”; “Коммунисты даже не сменили название” — ничем не заклеивается, рассматривается сторонниками КПРФ как агитация в их пользу. Кто за счет казны умудрился поставить подножку избирательной кампании Ельцина, который у нас один до гробовой доски?

А вот еще один замечательный сюжетец. Псковский губернатор, назначенный Ельциным, решил в 1996 занять этот пост уже на выборах. По рассказам, этот чинуша прославился тем, что указал в предвыборном плакате: “Родился в 1956 году. Отец погиб на войне”. Потом секретарши вынуждены были отскребать эту нелепицу со всего тиража плакатов.

Подобные рекламные эпизоды и вопросы к ним можно изыскивать и далее. Но дело в другом. Дело в том, что с 1995 года практически вся политика в России заменена калейдоскопом эпизодов, подобных тем, что приведены выше. Все эти эпизоды преследуют единственную цель — обратить внимание публики на тот или иной персонаж, дать ему некий многозначительный знак. Иным путем

публику уже не проймешь. Без организации рекламных трюков в политике делать нечего.

Казалось бы, что плохого — одни фиглярничают, “строят глазки” избирателю, другие управляют… Но оказывается, что управляющие Россией, чувствуя шаткость своих позиций и пытаясь мобилизовать в свою поддержку общественное мнение, тоже начинают фиглярничать. Управление страной подчиняется клоунскому сценарию, зрелищу.

Последствия профанации политики как для “верхов” общества (правящей номенклатуры, крупных и мелких собственников), так и для “низов” весьма существенны.

Превращают политику в балаган следующие факторы:

1. Свобода средств массовой информации в освещении и комментировании политических событий. Политика становится приложением к этой “свободе”.

2. Абсурдное законодательство, дробящее политические силы в мелки дребезги. Такова, например, история с введением региональных списков, которые в 1995 году внесли полную сумятицу в рейтинги кандидатов избирательных блоков, не попавших в общефедеральную дюжину.

3. Непосредственное участие чиновников исполнительной власти в политических играх. Мировоззрение чиновника-исполнителя не приспособлено для политических идей, стратегических планов. В настоящее время участие чиновников в выборах — метод страховки от привлечения к ответственности за проваленное дело.

4. Отделение науки от государства, а заодно и от парламентской деятельности. Депутат вынужден вместо роли социального эксперта играть роль научного работника, не имея для этого достаточной квалификации.

Требуется сокращение уровня публичности парламентской проблематики (возможности свободно освещать работу парламента, деятельность политиков в средствах массовой информации). Любое упоминание о парламенте, о депутате в средствах массовой информации помимо комментариев к законодательству должно жестко преследоваться, в научной периодике — поощряться. Пресса и телевидение должны быть лишены права превращать государственную деятельность в балаганный спектакль. Зато ни один законодательный

акт не должен приниматься без того, чтобы его не разобрали по косточкам специалисты.

За профанацией политики неизбежно следует профанация государственности. Промежуточная стадия — законодательный хаос, распад законности и разложение зачатков гражданского общества (парламента и самодеятельных организаций граждан). В этой стадии Россия увязла основательно и уже налицо избавление от некоторых признаков государственности. Пора остановиться. Для проявления политической воли осталось, как всегда, очень мало времени.

Парный портрет

Судьбы Лужкова и Явлинского в современной России тесно переплелись. Как бы не казались эти два видных персонажа современной истории нашей страны антиподами, они скорее похожи на две стороны одной медали. Что на языке у одного, то на уме у другого. И наоборот.

Когда пытаешься охарактеризовать Явлинского без пристрастной любви его сторонников, на ум приходят слова не “честный” и “умный”, а “никакой”. Если усилием воли все-таки заставляешь себя ухватить какой-то позитив в его образе, то это напоминает попытку маленький кусок масла намазать на слишком большой ломоть хлеба.

С Лужковым — иное дело. Он начал с “никаких”, а теперь — он и “сильный хозяйственник”, и “сильный лидер”, и “оратор”. В нем напористость, даже наглось — все то, что Явлинский вымучивает в себе. Но есть и обратное. Если Явлинский задавил в себе мальчишескую писклявость и непосредственность реакций, то Лужков хочет быть “широко мыслящим”, “экономистом”, “стратегом”, и тоже вымучивает из себя заунывные “рассуждалки” на макроэкономические темы, разного рода умничанья. Из тупого советского номенклатурщика он стремится стать демократом с душой нараспашку, добиться того состояния, которое Явлинский пытается покинуть. В этом смысле Явлинский и Лужков сближаются в своей театральности, ненатуральности реакций, фальшивости манер.

Вспомним как близки оказались Явлинский и Лужков в 1991 году. Они столкнулись нос к носу в правительственных коридорах и понравились друг другу надолго. Причем, до такой степени, что избрали прототипом для собственного переобустройства именно того человека, с которым имели дело в 1991. Лужков заторопился с

программой “500 дней для Москвы”, которую вынес на обсуждение от имени своего, Московского “правительства реформ”, скроенного по российской же схеме Гавриилом Поповым. Явлинский, напротив, от макроэкономики отошел и попытался заняться “практической работой” — сначала на Лужкова, потом на Немцова со своим “ЭПИцентром”. С тех пор, правда, и тот, и другой не любят вспоминать глупости с 500-дневными авантюрами. Зато уже в 1995 Явлинский руководит разработкой проекта “Московская приватизация”.

Вероятно именно в этот период возникла та пуповина, которая связала столь разных людей — группа “Мост” Владимира Гусинского. А еще — американские партнеры, к которым тот и другой регулярно ездили за советом и одобрением.

Еще одно качество, которое объединило Лужкова и Явлинского — это постоянный отказ от своих же собственных позиций. Только Явлинский сначала выдумывает какой-нибудь тезис или программу, а по прошествии времени обрушивается на того, кто имел глупость этот тезис или эту программу взять на вооружение. Лужков, наоборот, ничего сам не придумывает, а тех, кто пытается ему навязать какой-то план, стремится унизить, чуть ли не изничтожить. Но через несколько лет, глядишь, обруганная и оболганная программа во всей своей полноте начинает воплощаться в жизнь от имени самого Лужкова. У одного обычно нет дел, у другого — мыслей. Отсюда и паразитические повадки.

Явлинский с мучительным для себя усилием выдавил из себя пацифиста. Не до конца, конечно. Но теперь он не кричит с трибуны “А вы, если такой умный, возьми ружье и пойди туда”. Теперь он поддерживает разгром чеченских банд и старается не вспоминать о своих словах в 1994–1996, о своей причастности к подписанию позорного Хасавьюртовского мира. От того периода остались многочисленные оговорки и условия. Лужков же за этот период прошел обратный путь — от всемерной поддержки “всенародно избранного”, что бы он ни делал — до союза с сепаратистами из “Всей России”, которые и тогда были на стороне Дудаева, и теперь — на стороне все тех же бандитов.

Раньше Явлинский не держал себя за язык и то и дело говорил глупости. Теперь его интервью стали настолько бесцветными, что

читать или слушать их просто невозможно. Перед нами актер, натужно играющий важного номенклатурного политика. У Лужкова все наоборот. Раньше он каменел от собственной солидности, а после психологического слова, выплеснувшегося в реве “Ельцин — это свобода! Ельцин — это победа!” (1996), лепит все, что на ум придет.

И Явлинский, и Лужков хотят выглядеть оппозиционерами, но это тоже игра. Оба для власти безвредны и никогда не позволят себе сказать что-то резкое в адрес Кремля. Более того, когда для власти возникает какая-то серьезная опасность, оппозиционность куда-то улетучивается. Так, в январе 1997 Явлинский выступил против вполне вероятного отстранения от должности тяжело больного Ельцина. Лужков тоже проходил этап охлаждения отношений с Ельциным, но постарался сделать это так, чтобы никто ничего не заметил. Теперь он в явной оппозиции и даже говорит, что “верит всему, о чем пишут газеты”, но, заметим, что ни одного резкого слова в адрес лично Ельцина или Путина он не произносит, ни одного принципиального политического тезиса не выдвигает.

Сегодня Явлинский и Лужков признают друг в друге собственные постаревшие отражения. Оба делают ставку на продолжение ельцинизма без Ельцина, оба обижены на власть за отсутствие к ним горячей любви — все же ветераны демдвижения с огромными заслугами перед врагами России…

Оппозиционность Явлинского, как и Лужкова, совершенно не распространялась на финансовую сферу. Явлинский, всячески защищает независимость и бесконтрольность Центрального Банка (соответствующий закон вышел из недр его фракции), систему “уполномоченных банков”. Свои “уполномоченные банки” есть и у Лужкова — вроде “Банка Москвы”, ставшего главным инструментом обеспечения собственного политического проекта для столичного мэра. В “атмосфере нефти и газа” Явлинский и Лужков тоже сближаются — первый лоббирует перевод стратегических месторождений в режим “раздела продукции” с западными инвесторами, второй реально использует топливо в “кругообороте” огромных денежных ресурсов, действуя через могучего посредника, собственного своими руками и для своих людей — Центральную топливную кампанию. Один готов к легализации легких наркотиков,

другой уже позволил каждому третьему старшекласснику столицы приобщиться к дурману.

Путь, который Лужков и Явлинский проходят друг навстречу другу, чрезвычайно опасен для каждого из них. Для первого он чреват впадением в крайнюю истеричность (известно, что его прототип в 1985 году лечился в соответствующем заведении, а в 1991 упал в обморок у трупа одного из ГКЧпистов), второго в конце этого пути обозначилась полная утрата человеческих эмоций и превращение в гипсовую статую. Положительных черт в этой эволюции оба не приобретают, становясь малопонятными и невнятными. Что хочет сегодня “Яблоко”? Какую позицию занимает “Отечество” (или уже “ЕдиОт”? Этого не знает никто, включая ближайших соратников наших персонажей. Складывается впечатление, что им и власть-то не нужна — настолько безыдейны и аморфны все их высказывания и программы.

Для чего, к примеру Явлинский согласился взять себе в поводыри Степашина? Для чего Лужков спрятался за спину Примакова? Как это совместить с безмерной амбициозностью, которую ни тому, ни другому не скрыть? Может быть это трусость?

Валерия Новодворская, известная своим откровенным мракобесием, высказалась как-то о Явлинском: “Я думаю, что, если он станет президентом, это будет большой, может быть, даже незаслуженный подарок для страны. Я думаю, что он постарается вытащить страну на нормальный западный путь. Его превосходит своим демократическим потенциалом, правозащитным героическим имиджем только Константин Боровой”.

Пожалуй, эти слова подходят как для Явлинского, так и для Лужкова. Они готовы устроить для страны “нормальный западный путь” в духе Борового, стать для России очередным “подарком” — этакой миной-ловушкой.

Азиопские хроники — 1999

Кому чего не хватает

Павел Бунич — непотопляемый экономист горбачевского призыва — в одном из своих интервью заявил, что стране не хватает всего лишь нескольких тысяч законов. Ну а самое страшное — это смена политического курса. Одновременно Буничу приходится доказывать,

что он лучше, чем его репутация и к незаконной приватизации комплекса зданий Академии народного хозяйства отношения не имеет.

Как тут не вспомнить бессмертный вопрос Остапа Бендера: “Шура, чего вам не хватает для полного счастья?”. И такой же бессмертный ответ: “Сто рублей”. Через несколько минут раздумий цифра была поднята в 64 раза.

Буничу тоже не нужно ни взятку в карман, ни приватизацию в свою пользу (что было бы гнусно, но понятно), нужно всего-то несколько тысяч законов и ельцинизм на века. Это и гнусно, и глупо — хуже чубайсятины. Но одновременно ясно, что очень скоро окажется, что реальные запросы академика были “покруче”. Ведь ему доводится принадлежать к ордену “Белого орла”, объединившему большинство живодеров, измывающихся над Россией.

Потом все они, как Шура Балаганов, будут вопить, что стащили что-то “чисто машинально”.

Еще один министр…

Прославившийся помывочной историей с солнцевскими девками министр юстиции Ковалев успел стать во главе новой демократической организации “Гражданская солидарность” и тут же сел в тюрьму. Оказалось, что Ковалев вкупе с подельниками присвоил 9 млрд. рублей, перечисленный в фонд при Минюсте, да еще незаконно приобрел и хранил личное оружие. Законопатить Ковалева пришлось, поскольку его влияние в органах было все еще весомым и он весьма успешно оказывал давление на свидетелей и следствие.

Генпрокуратура расписалась в бездействии

По результатам коллегии Генпрокуратуры стало известно, что наша стана входит в десятку самых коррумпированных (только за прошедший год вынесено около 2000 приговоров чиновникам разных уровней). Кроме того, до 30 % правовых актов субъектов Федерации противоречат федеральному законодательству. И в этих условиях прокуроры намереваются брать за шиворот не чиновников, а жалкую кучек экстремистов РНЕ.

Прокуратура столь оперативна, что только после пятилетки воровства начала потрошить Авто ВАЗ, на доходах которого сделал себе капитал Борис Абрамович и сонм подлецов меньшего масштаба. Если только налоги, выплаченные АвтоВАЗом за последние несколько лет составили где-то около 45 млрд. долларов, то уворовано не

меньше. Сколько теперь удастся вернуть в казну? Судя по интенсивности деятельность правоохранительной системы — крохи.

Профанация правоохранительной деятельности продолжается.

КС снова против страны

Конституционный суд вынес очередное решение, разрушительно действующее на российскую государственность. Определено, что приговоры к смертной казни выносить теперь нельзя, ибо нет закона о суде присяжных, который положен душегубам по ельцинской конституции. Теперь можно резать, кромсать на части, насильничать — все нипочем! Ельцин со своим двухлетним мораторием и КС со своим последним решениям твердо стоят на защите жизни самых наиподлейших преступников.

Немцов признался

Бывший вице-премьер Немцов в передаче “Ночное рандеву” признался, что на встрече Нового Года в “Останкино” почувствовал себя сексуальным меньшинством. Осталось догадываться, относится ли Немцов к нетрадиционной ориентации или он слишком традиционен для экстравагантной сексуальности работников телевидения. Впрочем, в той же передаче был поставлен диагноз: Немцов очень и очень похож на одного женоподобного эстрадного певуна. Это дает дополнительный повод поразмышлять.

Второе признание Немцова вычисляется в связи с его инициативами в рамках движения “Общее дело”, которому экс-чиновник предложил выйти в народ с нецензурным лозунгом (мол, Макакашов — “чудак на букву М”). Таким образом, Немцов признал, что слова Макашова о жидах относились именно к демократам и самому Немцову в первую очередь.

Наши долги — это их недостача

Независимая проверка бюджетных игрищ Черномырдина и компании показала, что за шесть лет недостача бюджетных денег составила около 75 млрд. долларов. Еще одна недостача обнаружилась в ЦБ, который перевел 40 млрд. долларов в оффшорную зону какой-то крохотной кампании. Сумма составляет большую часть долгов, которые Россия имеет перед Западом. То есть, долги, висящие на каждом гражданине нашей страны составлены в результате воровства “демократов”, которых столь упорно в течение десятилетия поддерживал Запад.

Вывод таков: мы никому не должны. Западу должны те, кто в последние годы контролировал правительство. Вот у них пусть и забирают все до копеечки.

Снова не приходя в сознание

Ельцин, как отметила одна из телепрограмм, теперь живет в одному ему ведомом мире. В этом мире он говорит с Клинтоном по телефону, грозно предостерегая его от нападения на Югославию. В нашем мире Клинтон ничего такого не припоминает. В потустороннем мире, где пребывает ныне рассудок Ельцина, он может грозить НАТО. В нашем мире Ельцин уже давно сдал все позиции закоренелым врагам России, а самой России уже нечем защищаться. Защищать своих друзей — тем более.

106:25 в пользу предателей

В Совете Федерации состоялось голосование по ратификации договора. Альянс сепаратистов с проходимцами победил. Договор ратифицирован. Если бы не Лужков, то этот договор можно было бы забыть, как забыты десятки соглашений с республиками “ближнего зарубежья”. Но Лужков объявил, что договор навсегда отдает Севастополь России. Значит так тому и быть решили сначала в Госдуме, потом — в верхней палате. Довольны были все — русофоб Кучма, “красный” Строев и “красный” Селезнев, голубая шваль президентской администрации и ужом вьющийся между ними Примаков-Киршблат.

На защите сатанистов

Правозащитная братия выступила на защиту вампиров-сатанистов из Северозадонска, которые, как доказано следствием и признано судом, ритуально умертвили двух человек. Кровопийц защищали в Доме прессы Пономарев и Левинсон. Тут же сидел поп-звезда Якунин, кивая головой, когда дело против сатанистов сравнивали с делом Бейлиса (в котором, кстати, факт ритуального убийства тоже был доказан, хотя исполнитель доподлинно и не установлен). Таким образом политические сатанисты готовы принять от вампиров пущенную вкруг чашу с человеческой кровью.

Готовят террористов

Оказалось, что специалистов по минной войне из Чечни готовят в Германии. Террористы тренируются под видом экспертов по разминированию. Реально они становятся экспертами по

минированию. Немецкие власти смотрят на эти тренировки, проводимые на деньги собственного МИДа, сквозь пальцы, если не благосклонно. Может и нам потренировать, к примеру, группу арабов или скин-хэдов из Германии приемам самообороны и обезвреживания бутылок с “коктейлем Молотова”?

Неповоротливый закон

Только сейчас правоохранительные органы смогли заявить, что банкир Смоленский на пару со своим казахским коллегой украл в 1992 году 32 млн. долларов государственных денег. Банкир тут же скрылся “на лечение” в Вену и оттуда заявил о своей полной невиновности.

Сцепились

Контролируемые Березовским СМИ нанесли по московскому мэру массированный удар. Доказывалось, что московский опыт скорее отрицательный, что Москва — рассадник преступности и политического экстремизма. Но Березовский сам пропустил удар, который уже просматривался в массированных действиях правоохранительных органов против ОРТ, “Видео-Интернэшнл” и в разборках внутри “Аэрофлота”. Борис Абрамыч не смог предотвратить указ Ельцина от отстранении его от должности ответственного секретаря СНГ (причем с убийственной формулировкой почти криминального характера — об использовании служебного положения в личных целях). Не удалось перевести стрелки и на правительство, которое тоже изнемогло под огнем критики березовских журналистов.

Вероятно чашу терпения в системе власти переполнила информация о том, что две дочерние фирмы, куда сливалась львиная доля прибыли “Аэрофлота”, оказались в личном владении “сатаненка Бори”.

Они еще не начинали…

Устами бывшего гайдаровского министра, а ныне банкира, Петра Авена радикал-либералы признались, что либеральных реформ не было. Они, как оказалось, русского погрома еще не начинали. Это все была прелюдия.

Голубые передрались

Чахлая молодежь из национал-большевистской партии решила немного поскандалить на съезде гадаровского “Выброса”. После слов Гайдара о “коричневой харе, выглядывающей из-под красного флага” лимоновцы (чуть более дюжины) стали дружно скандировать “Сталин, Берия, ГУЛАГ”. Но через несколько секунд гайдаровские старички (по трое-пятеро на каждого лимоновца) уже выпихивали тщедушных горлопанов из зала, подталкивая несильными, но многочисленными затрещинами и пинками. Особо ретивые доставили себе удовольствие вывалять какого-то рахитичного юношу в снегу.

Милые бранятся — только тешатся.

Паразиты от кинематографа

Никита Михалков, получивший деньги от “Газпрома” и иностранных инвесторов, снял фильм о русских офицерах “Сибирский цирюльник”, в котором 70 % разговоров проходит на английском языке. Русофобия настолько пришлась по душе администрации президента, что она взяла кредит в миллион долларов, чтобы устроить в Кремле большой праздник с фейерверками и приглашением всех, кто имел и имеет отношение к разрушению российской государственности.

Михалков очень обиделся, когда хулиганы-лимоновцы забросали его тухлыми яйцами на многолюдном форуме (храбро расплатившись за это побитыми мордами). С тех пор Никита, жалея себя перед публикой, напоминает плачущего большевика.

Тухлый бы помидор, да в сахарные губы.

Бал во время чумы

Ко дню защитников отечества в Кремле устроили офицерский бал. В центре кружились изящные пары, составленные из артистов, обряженных в мундиры прошлого века, а по стенкам стояли уставшие и замордованные бескормицей и бездомностью русские офицеры со своими рано постаревшими женами. Их танцам не учили, да и не с чего танцевать, когда служить приходится на развалинах армии. В особенности, когда у тебя ногу оторвало в последней войне, развязанной Кремлем.

Кстати, США выделили 245 млн. долларов на программу уничтожения оружия России. Кто-то может подумать, что это программа утилизации всякого старья. Это не так, хотя бы потому что враг никогда не станет финансировать благое для нашей страны дело.

Подхалимы в лампасах

На фоне обострения обстановки вокруг Чечни министр внутренних дел РФ С.Степашин, не способный до сих пор решить задачу пресечения деятельности бандформирований хотя бы в приграничных с Чечней районах, получает их рук президента Орден мужества. Вместе с другими генералами, рожденными щедрым ельцинским звездопадом, Степашин при получении награды декламировал: “Служу России и президенту!” Нет уж, господа хорошие, или уж служить России или быть подхалимом — одно из двух! Очевидно, что в руководстве силовых структур делают выбор в пользу второго.

Кепка от предателя

Лужкову для укрепления его политического образа (под тайным псевдонимом “Кац”) Гусинский подложил Натана Щаранского — в прошлом изменника нашей Родины, в настоящем — министра торговли Израиля. Предатель предложил мэру натянуть на свою голову его кепку. Лужков помялся, но нарушить сценарий перед уже развернутыми телекамерами не посмел.

Признались, что грабили вместе

Государство в лице Конституционного суда признало, что вместе с банками грабило и обманывало граждан. Самовольное изменение банками процентных ставок по вкладам оказалось противоречащим Конституции. В большинстве случаев такого рода изменение делалось даже без уведомления вкладчика и было очевидным мошенничеством. Эта очевидность признана, когда грабить уже практически нечего — все стали нищими.

Надо отметить, что государство вовсе не отказалось от преступного альянса с банками. Теперь этот преступный альянс осуществляют суды, которые всячески блокируют возвращение банками вкладов населения в соответствии с договорами вклада. Банки, отказавшиеся выполнять свои обязательства перед вкладчиками, продолжают работать как ни в чем не бывало. Их пособники сидят в госорганах и судах. Граждан обманывают вместе. А Конституционный суд признает общегосударственное мошенничество лет через десять — чтобы никому мало не показалось.

На кого мы работаем

США сократили ввоз российского металла на 70 %. Только по этой причине мы узнали, что на нашего стратегического противника в России работало тысячи металлургов. Очень хорошо, что теперь они займутся более благородным делом или начнут снабжать металлом собственную страну и ее союзников.

Самарский губернатор Титов (про которого Черномырдин с трибуны Совета Федерации сказал, что тот вылизал ему затылок до залысины) и украинский президент Кучма договорились о сотрудничестве в производстве военно-транспортного самолета, который, как предполагается, будет использоваться войсками НАТО.

А через неделю НАТО уже бомбил Югославию.

Трупными губами

Министр обороны Сергеев получил личный штандарт — чтобы было чем похвастаться за бесплодно потраченные годы. Неправославный министр при освещении штандарта выслушал слова православного епископа Саввы — “сокрушайте всех врагов народа христианского” — и не поперхнулся.

Потом Ельцин, вручая министру штандарт, промямлил омертвелыми губами что-то на счет “возрождения традиций русского воинства”. Так на бумажке было написано, что перед ним положили. А могли бы написать “армию распустить — лишь бы не было войны”. И произнес бы.

Столица-нахлебница

Статистика свидетельствует, что ранее Москва обеспечивала себя товарами на 70 %, теперь — на 10 %. Производство в столице практически отсутствует. Только тот золотой дождь, что изливается на московский власти, позволяет им создавать иллюзию хозяйственного успеха. Но даже эти шальные деньги используются не во благо, а на всякого рода глупости вроде магазина-подвала на Манеже или церетелевскую дылду, прикинувшуюся Петром I. Для примера: Москву ожидают пожары, подобные тому, который унес жизни более 50 человек в Самаре. Более трети московских задний находятся в состоянии, подобном состоянию здания самарского областного УВД, выгоревшего дотла вместе с людьми.

Два взгляда на ядерное оружие

К концу февраля 1999 Украина закончила уничтожения ядерных ракет СС-19. Порезали на куски и разобрали более 1000 уникальных

комплексов — весь юго-западный щит нашей страны. Теперь Украина — безъядерный прихвостень США, готовый к размещению на своей территории американских войск вторжения, нацеленных против России.

Президент Лукашенко, напротив, высказался за возвращение в Белоруссию ядерных ракет, вывод которых он дипломатично назвал “более чем ошибкой”. Без дипломатии это (как и украинское разоружение) называется преступлением и мы точно знаем кто его совершил и какой кары достоин.

Тявкнул — и в кусты

После похищения в Чечне генерала Шпигуна шеф МВД Степашин выступил с яростным заявлением. Защищая своего “боевого друга” (где это Степашин успел повоевать?), министр обвинил в похищении террориста Басаева, обещал применить “весь комплекс мер”, включая акции против тех, кто финансирует бандитов по всей стране (до сих пор трогать их возбранялось?). В финале беседы с корреспондентом Степашин, тужась произнести что-то суровое, произнес: “Мы генералов на террористов не меняем”. Речь шла о проекте обмена генерала на двух чеченок-взрывниц, осужденных за теракт.

Все, кто ожидал после гневных заявлений и клятв офицерской честью со стороны Степашина скорой расправы с бандитами и бомбардировок их баз, не замедлили получить полное и исчерпывающее разочарование. Как обычно, тявкнувшая собачка, тут же спряталась в кусты и никого кусать не стала. Зато распоясались миротворцы.

Например, программа “Обозреватель” предложила вести переговоры не только с Масхадовым, но и Басаевым, и с Хаттабом, и с иностранными агентами, да еще поспособствовать превращению Чечни во второй Кувейт. Спикер верхней палаты Е.Строев тоже сделал свой взнос: “Всякая война — это безумие!” То есть, пусть нас всех перебьют — так будет разумнее.

А между тем, в Чечню потоком идут федеральные деньги на пенсии и пособия, на зарплату бюджетникам, идет дармовое электричество и нефть. В ответ — ни гроша налогов и поношения России со стороны захребетников. Кремль кормит наших убийц.

Последняя нежность демократа

Бывший министр-демократ (ныне депутат-демократ) Элла Памфилова поделилась со зрителями правительственного телеканала своими соображениями по поводу смысла использования слова “жид”. Она убедительно доказала, что для российских коммуно-антисемитов покойный генерал Рохлин и здравствующий Примаков жидами не являются, как и Маркс с Лениным. У демократов, как можно понять из рассуждений Памфиловой, подход более последовательный. Для них жидов нет, а есть евреи, которые числятся все скопом безусловно как “свои”. Зато среди русских “свои” только некоторые.

Для нормального русского националиста оба приведенных подхода — глупость. У русских есть враги как единокровные, так и инокровные. Тех и других скопом некоторые предпочитают называть “жидами”. Хоть это и не вполне правильно, зато звучит как хлестко. Примерно такое же, как “фашист”. Только менее потрепанно, хотя и не так свежо, как кажется взволнованным патриотам.

Сладенькая политика

Сладенький юноша Кириенко стал завсегдатаем РТР. Чем-то он мил правительственному каналу. Очаровашечка прямо-таки гипнотизирует руководство. А то, что телезрителя от сахарного экс-премьера тошнит, так это ничего — привыкнет. Особенно если сладенького назначат председателем Совбеза, как о том вещует телевидение.

Учат друг друга нравственности

Генпрокурор Скуратов, верой и правдой служивший режиму и клавший под сукно криминальные дела кремлевской верхушки, был застукан (службами Березовского?) на грязной сцене, заснятой скрытой камерой. И начался ор — как с цепи сорвались те, кто по уши вывалялся в нечистотах: Шабдулрасулов (ОРТ) с чувством несгибаемого достоинства говорил о неписаной этике журналистов (у этой сволочи может быть этика?); Жириновский, плюясь и повизгивая, изрыгал обличительные речи против Генпрокурора; Ельцин отправил в Совет Федерации послание, где говорилось, что должность Генпрокурора не совместима с безнравственностью; ельцинский Управделами, уличенный в махинациях при ремонте Кремля, заявил, что Ельцин — образец нравственности и вокруг него работаю только честные люди.

Почему его выгнали

ЧВС через год после своей отставки деланно недоумевал перед журналистами: “Я не знаю что заставило Бориса Николаевича пойти на этот шаг”. Вот прогнали, мол, и закончился пятилетний период относительной стабильности.

Мы же знаем наверняка, почему на месте Черномырдина появилась подсадная утка Кириенко. Достаточно взглянуть на график изменения доходов от ГКО. Последний месяц правления Черномырдина показал, что доходы сменились убытками. Бюджет похудел на полмиллиарда. А с приходом Кириенко пирамида ГКО начала необратимо сыпаться. Подставили маленького… Но народец наш тут оказался не дураком. Полудурком оказался Когда спрашивают его о виноватых, он говорит с уверенностью: “Черномырдин”. И только один из четырех добавляет: “…и Кириенко”.

Все дерьмо

В Екатеринбурге строители метро год работали бесплатно, а потом объявили голодовку, по примеру некоторых шахтеров, оставшись под землей. Через неделю к ним пожаловали местные “братки” и выдали по годовой зарплате, чтобы голодать прекратили. Сговорились. А у выхода из шахты их ждали местные депутаты со счастливыми лицами: “Это наша конкретная работа!”. На следующий день остальные метростроевцы, которым денег не дали, вышли на митинг. Безрезультатно. Снова 40 человек забрались в тоннель и объявили сухую голодовку. “Братки” больше не появлялись. Власти тоже.

Короче — все дерьмо: и власти, и голодовщики, и “братки”. Может это климат такой?

Непойманные воры

Перед выборами началась охота на коррупционеров. Нашли дачку президентской “дочки Танечки”, построенную в качестве взятки, нашли счета в банке “Сидней” (Австралия), на которые утек полугодовой давности кредит от МВФ в 4 млрд. долларов… Говоря, что все это неправда. Но никто в правдивость кремлевских хапуг не верит. Верят в то, что они умело заметают следы: не пойман — не вор.

Сброд и нечто

В связи с бомбардировками Югославии вдруг прорезалась неуемная мода на патриотизм. Особенно буйствуют футбольные болельщики, которые при попустительстве милиции уже загадили все

подъезды в Москве, а теперь получили негласную санкцию нагадить еще и перед дверями посольства США.

Этот сброд, декламирующий стадионную хоровую нецензурщину, для любого русского человека должен быть столь же отвратителен, как и подлые глазки американских политиков, пытающихся с телеэкрана убеждать нас в гуманности крылатых ракет и бомб с лазерным наведением.

Россиянство так и прет

Г.Явлинский, собачась в итоговском телеэфире с Г.Зюгановым буквально заявил: “Настоящим предательством будет посылка в Югославию даже одного добровольца из России”. И понятно предательство чего и какой страны имеет в виду главный Я-блочник. Правильно, он имеет в виду правительство США, но прикидывается, что думает о простом российском народе.

Три поросенка и один дурак

Бомбежки Югославии заставили жирных котов с фамилиями Гайдар, Немцов и Федоров оторвать свою пухлые формы от насиженных кресел и пуститься на ловлю популярности. Их американские хозяева обеспечили высокий уровень приема этих отставных барабанщиков российской демократии. Подергиваясь прослойками жира они учили жить сербов и американцев. Правда их хамские физиономии почему-то все время транслировало наше телевидение.

К этим заплывшим от чревоугодия и прочих пороков персонам добавился губернатор Лебедь, который, как оказалось, профан не только в государственном управлении, но и в военном деле. Ловя момент, он успел первым выбежать на трибуну с требованием оказать Югославии военно-техническую помощь. Когда дотошные журналисты потребовали его объяснить, как это сделать, бывший генерал предложил тащить противоракетные комплексы через три границы и территорию двух враждебных России стран. Между тем, специалисты, под руководством которых разрабатывались и совершенствовались наши противоракетные комплексы объяснили как дважды два, что их разворачивание в условиях беспрерывных бомбежек просто невозможно. Раньше надо было думать.

Ну а дурак продолжал повторять за Жириком слова о том, что война сплачивает нацию. Слова-то верные, только стоит ли для

сплочения чужую войну делать нашей? Разве что для того, чтобы свалить власть, как большевики, использовавшие войну с большой пользой для себя и с большим ущербом для России. Но тогда уж пусть лучше нация сплотится в требовании, чтобы этих “стратегов” скорее бы повязали и отправили на принудительное лечение.

Половой вопрос

Наглядевшись порнухи, политики почувствовали себя мужчинами. Пленка с забавами Генпрокурора Скуратова (или “похожего на генпрокурора человека”) заставила вспомнить о своей половой принадлежности милиционера Степанкова, губернатора Прусака, целую группу депутатов ЛДПР. По их убеждению, Скуратов поставил свою принадлежность к мужскому полу под сомнение, потому что не сказал было или не было с ним то, что запечатлено на пленке. Все они эту пленку видели и, вероятно, что-то там такое усмотрели. Обывателю приходится истекать слюнями и метаться в догадках: “Что же там такое было, если эти политики с репутацией продажных шкур и патологических трусов почли за немужское поведение?”

Игра в поддавки

Прокуратура выписала ордера на арест вороватых олигархов Смоленского и Березовского. Но произошло это только после того, как олигархи съехали из родной страны кто в Швейцарию, кто во Францию. Публичная огласка решения Прокуратуры означает, что олигархов никто в наручники обувать не собирался. Их просто пугают, вымогая деньги под грядущие избирательные кампании, революции и перевороты. Пострадавшие жулики никак не возьмут в толк, что им просто надо настоящую цену за свою свободу назвать, и все будет в порядке — снова начнется любовь с Кремлем, снова откроются для них закрома Родины и бюджетные источники.

Какой позор…

На Пасху Ельцин впервые перекрестился перед телекамерами, тыча пальцами куда-то в подмышки (точно как Жириновский). Большего ущерба Русской Православной Церкви президент нанести не мог. Это ж надо так опозорить!

Вся сволочь

Отставные демократы все оттенков собрались в очередной раз оградить “всенародно избранного” от парламента и процедуры

импичмента. ОРТ проводит специальную акцию под названием “Коней на переправе не меняют”. Тут выплывают из небытия и вечно изможденный Сатаров (пугающий, что поиски виновных приведут к тому, что их в конце концов окажется много миллионов), забытый призрак Лацис (увещевающий, что надо строить, а не ломать, шамкающий что-то на счет безнравственности импичмента), и пивной бочонок Гусман со своими пошлыми шутками, и прорва других мракобесов.

Мы согласны с ними только в одном: коней, действительно, на переправе не меняют. А вот козлов — еще как!

Теневики

Теневая Госдума сегодня — это фракция НДР плюс фракция “Жир”. Очень любят президента и особенно — когда за эту любовь щедро платят. По нашему, стране не до Жира с НДРом. Вранье мы всегда сможем послушать. А вот кто правду будет людям говорить?

Теневой Совет Федерации — это сброд глав республик во главе с татаро-чувашскими сепаратистами, которых Ельцин особо привечает в своих дворцовых покоях. Аппарат этой теневой структуры — это Миннац под управлением Абудлатипова, распорядившегося отлить из металла огромную надпись в фойе своего ведомства: “Мы многонациональный народ”. По нашему — это интернационал мерзавцев. Для них одного не хватает — залпа из огнеметов.

Теневое правительство — это три толстяка: Гайдар, Немцов и Федоров и зайчик Степашка на побегушках в виде первого вице-премьера.

Теневая партия власти — это немцовские старухи, которыми удалось набить целый Колонный зал, чтобы кудрявый пудель провозгласил: “Дело, о котором мечтала вся прогрессивная интеллигенция свершилось: демократы объединились”. Сюда же притащили еще двух свиней на одной веревке — Новодворскую и Борового, плюс лупоглазого пахаря газетных полос Черниченко, воплотившего в своей физиономии всестороннюю немощь российской демократии.

Теневой премьер — это Черномырдин, который просветлел лицом после визита в Кремль, где ему объявлено о статусе преемника. Так и ходит, будто вздернутый за лицевой нерв, — не снимая улыбки.

Вот они — наши теневики! Темную, темную для них!

Надо брести по горло в дерьме

Так считает кумир ранней перестройки юморист Жванецкий. Ему и “Московский комсомолец” читать мерзко, и телевизор смотреть, но и запрещать все эти мерзости он считает опасным. Мол, бредем по горло в дерьме через какой-то там брод и отплевываемся.

Мы видим как они бредут и отплевываются. И говорим: “Ребята! Да ведь через эту реку дерьма мост есть! Что же вы лезете наобум, закрыв глаза туда, где только и можно, что захлебнуться? Да еще говорите, что коней (в смысле Ельцина) на переправе не меняют. Вы уже и с конем утопли по самые брови! Пора одуматься!”.

Нет, они не слышат, продолжают курлыкать свое и пускать вонючие пузыри.

С опухшей рожей

Празднование Дня Победы всегда связано с ожиданием того, что власти, склоняясь перед памятью павших, покаются в своих грехах и вразумятся для более здравой политики. В 1999 году свое отношение к России власть выразила лицом “всенародно избранного”, смотревшего на Красную площадь с трибуны с нескрываемой брезгливостью. Бессодержательная и невнятная речь с подергиванием опухшими щеками и гавкающими интонациями довершали картину. У нормального русского человека она могла вызвать только чувство омерзения и желание что-нибудь подпалить.

Собственно, и парад оказался каким-то фальшивым. По исторической брусчатке шли части с незнакомыми названиями и без боевой истории. Да и сама площадь, отгороженная от страны лужковскими новоделами Казанского собора и Иверской часовни превратилась в казарменный плац при Кремле. Шаг по этому плацу печатала не русская армия, а полицейские зондер-команды.

Продали павших за Родину

Есть близ Волгограда деревенька, в которой немцы соорудили свое кладбище. На нем лежат те, кого русские солдаты вбивали в мерзлую русскую землю, чтобы не дать вбить туда всю Россию. Теперь благообразные старички и старушки, дородные домохозяйки и учительницы деревеньки — типичные избиратели КПРФ — с подобострастием принимают подношения немцев, благословляя создание фашистского кладбища на русской земле. За предательство из кормят, да еще школу новую построили. Теперь есть причина, чтобы

миротворствовать: “А чем простые солдаты виноваты? Это Гитлер виноват”.

Русские в Израиле

Благодаря 650 тыс. выходцам из России в Израиле сменилась власть. Об этих выходцах в Израиле судили так: “За кого русские проголосуют, тот и будет у власти.” Действительно, предателям в России выгодно быть обиженными евреями, в Израиле — борющимися за свои права русскими. Мы то знаем цену этим “русским”. Теперь эту цену предстоит узнать евреям.

Обменяли Примуса на зайчика Степашку

Еще недавно премьеру Примакову в ноги кланялись за то, что он согласился продлить агонию режима и добился относительной стабильности. Но стоило Ельцину повести отечной губой и убрать Примакова в отставку, как толпища недавних почитателей превратились в хулителей. Тут отличились и чувашистый суб-президент Федоров, и тараканистый губернатор-ельцинист Пруссак, и пархатистый Явлинский. Без труда согласились обменять Примакова на Степашина — откровенную агентуру кремлевских разорителей — и думские “левые”. Провалившись с импичментом, они даже и не подумали валить ельцинскую креатуру. Мандат оказался дороже чести.

Зато весь в белом выскочил из-за кулис Лужков, начавший игру ва-банк. Он не только отрицательно отнесся к отставке Примакова (который мэра столицы терпеть не мог), но еще и попытался втащить в свою бюрократическую малину “Отечества” — подставить вместо себя первым в избирательный список, чтобы либо снять пенки с успеха, либо свалить на экс-премьера все неудачи.

Соучастники

Ельцинская комиссия по помилованиям, составленная из любимых президентом писателей-демократов, подготовила 700 дел о помиловании приговоренных к смертной казни мерзавцев — истинного отребья рода человеческого. На другой день Ельцин помиловал всех. Последним — “воронежского Чикатило”, изнасиловавшего и убившего как минимум 8 женщин. За семь лет работы комиссии Ельцин отклонил только 5 ходатайств о помиловании.

Председатель комиссии писатель А.Приставкин кощунственно аргументировал свое решение Нагорной проповедью Христа, а потом

бормотал в телекамеру что-то про депутатские задницы.

Становясь соучастниками самых гнусных преступлений, Ельцин с комиссией освободили от ответственности практически всех, кому не этом свете места быть не должно, а на том свете давно подготовлена чертовская жаровня. В эту жаровню Ельцин с соратниками сядут вместе с насильниками и убийцами. Но желательно еще на этом свете дать им возможность пообщаться со своими собратьями в одной камере.

Пьяная смерть

В Минске власти устроили пивной праздник с концертом. Начавшийся дождь погнал упившихся юнцов в метро, где они и передавили друг друга. Более полусотни трупов осталось на современной Ходынке. Вот что значит потакать запросам черни!

Была ли драка?

Ельцин объявил, что нам с НАТО надо мириться после драки. Но была ли сама драка? Черномырдин с Милошевичем просто сдали Косово бандам албанцев, которые вместе с натовскими оккупантами захватили край. Причем сдали так, что эти банды устроили сербам настоящую резню. Ввод российского батальона на приштинский аэродром был пустым делом, а не дракой.

И чего это все радуются завершению бомбардировок? Разрушена целая страна, бандитизм в Косово цветет пышным цветом, натовская армада топчет чужую землю. Что от этого получила Россия? Статус миротворца-зануды, которому кидают кость? А может быть это также и статус предателя, соучаствовавшего в оккупации Югославии?

Кстати, точнее всех оценил деятельность президентского спецпредставителя Черномырдина некто БАБ — спецпредставитель кремлевской “семьи”. Мол, ЧВС “использовал ноу-хау Лебедя в Чечне” (“Сегодня” 05.06.99). Как точно сказано!

Коленки задрожали

Лужков испугался киндер-сюрприза Кириенко. Стоило только нежному мальчику объявить, что он тоже не против порулить в столице, нынешний мэр завибрировал.

Когда Лужкову не дали пролететь вертолетом над подмосковными полями, он и вовсе решил, что Кремль готовится к тому, чтобы его основательно “опустить”. Тут еще Кобзону не дали спеть про

“Отечество” по первому каналу телевидения. Абзац Кобзону (или Альбац Кобзону?) — это жуткий произвол!

И стал Лужков всеми обиженным — изгоем, подобным Ельцину. Подобным во всем. В том числе и в выдумках о собственном изгойстве. Не говоря уже о прочего рода подлостях.

Кому пишут дураки

Камчатка, оставшаяся без топлива, начала собирать подписи с обращением в мировые инстанции. Пишут русофобам о том, что власти Кремлевские забижают, не понимая, что власти эти и поставлены той мировой закулисой, которая содержит всякого рода международные трибуналы и суды. Дураки, да и только!

Отпраздновали, хамы

Страна холопов весело поглумилась над Пушкиным, использовав юбилей 200-летия со дня рождения поэта. Пушкинские профили испещрили все заборы, а кретины от журналистики писали, что Пушкин “сущностно сродни” нынешним демократам (М.Соколов, “Известия” 05.06.99). Да он бы в этих сифилитиков из пистолета стрелял навскидку!

Не подавись!

БАБ скушал 6-й канал телевидения. И сказал про своего холопа, который будет нам промывать мозги: “Неважно что он говорит. Важно, что он напрямую воздействует на зрителя. Это божий дар”.

И этот “божий дар”, как-то признавшийся, что в нем нет ни капли русской крови, явил себя. Только не на 6-м, а на 1-м канале. А на 6-м в борьбу в водачу брехни в эфир вступил г-н Ястржембский, которые от имени Лужкова заявил, что у него есть управа на БАБ — акции телеканала. Как будто эти акции есть у него лично.

Что ж, путь лаются. Честным людям легче жить будет.

Опущенных еще раз опустили

Ельцин устроил в Кремле офицерскую тусовку из 800 отличников военных академий — только для того, чтобы господа в золотых погонах проорали ему “ура” выпили за его здоровье, а он им по отечески посоветовал: “Боритесь за свои права!”.

Союз грабителей

Российские и московские власти дружно начали наступление на граждан, которых снова обдирают до нитки. Правительство подняло налог на мясо, рыбу, сахар, яйца и ввело требование обязательной

маркировки товаров голографическими наклейками. Московские власти ввели дополнительный 2 % налог с продаж. Торговцы заблаговременно начали повышать цены. За каждый процент роста налогов граждане вынуждены были расплачиваться 10 % увеличением цен на товары.

Пора истреблять

Ко всем безобразиям, творящимся в России, грозит прибавиться эпидемия СПИДа. Поскольку выяснилось, что разносчиками этой болезни являются проститутки (до 10 % носителей) и гомосексуалисты (почти поголовно больные), требуется общенациональная программа по изоляции или истреблению этой нечисти. Если мы не введем для них смертную казнь, то они загадят все пространство, и наши потомки задохнуться в венерических эпидемиях.

Давно пора

МВД наконец-то провело операции бомбометания по базам чеченских боевиков. Обилие грозных слов, конечно же не соответствовало масштабам применения оружия. Нам показали гневного шефа МВД Рушайло, но не показали трупов боевиков.

На бомбардировки общественное мнение России ответило “Давно пора!”. Так считают более 80 %. О недопустимости бомбардировок говорят только около 5 %.

Удивительно, что в сложившихся условиях шеф управления правительственной информации генерал Михайлов считает, что надо оказывать помощь чеченцам в восстановлении народного хозяйства.

Ингушачьи мерзости

Один из “внутренних президентов” — Руслан Аушев объявил, что он не хочет, чтобы воссоединение Белоруссии и России привело “снова к образованию нескольких уровней национальностей, как это было в Советском Союзе”. Расшифровку этой пакости дал другой “внутренний президент” — Шаймиев. Он сказал, что при образовании союза России и Белоруссии потребует для Татарстана такого же статуса в Федерации, как и для Белоруссии.

Иными словами, мятежники снова подняли головы и вмешиваются в наши русские дела. Они не хотят воссоединения русских народов, а в случае воссоединения объявляют о расчленении России и захвате русских земель.

Приговор за это преступление будущее русское правительство России вынесет достойный.

Кстати, Татарстан, на деньги, украденные из федерального бюджета, сформировал собственный золотой запас. Не пора ли произвести реквизицию?

Хаос в стране воров

В России за 1998 год содрано с высоковольтных линий и продано конторам вторсырья 250 тыс. километров провода. Чубайс списал убытки РАО ЕЭС на мелких воришек.

Милые бранятся

Скандал вокруг Центробанка заставил Николая Гончара снова сыграть на публику. После того, как зарубежные аудиторы установили, что Центробанк чист и честен и миллиарды долларов в фирме “Фимако” хоть и полежали, но не исчезли, Гончар обратился к журналистам с такими словами: “Геращенко считает нас всех дураками”. Ответил Гончару бывший шеф ЦБ Дубинин, назвав депутата “человеком с богатой фантазией”. А еще Дубинин привел анекдот о человеке, который убежденно заявляет: “У нас все воруют. По себе сужу”.

Кто с кем

В Зальцбурге, на виду у всей Европы состоялся сговор между воро-демократами из “правого дела”, НДР и Чубайсом. Уже в Москве Черномырдин выдал замысел — попытаться уговориться с Кремлем о том, что теперь эта группировка будет считаться “партией власти”. С присущим ему косноязычием ЧВС сказал: “Власть должна определиться, чего она хотит”.

Ельцин встретился с кланом сепаратистов из движение “Вся Россия” и договорился о совместной деятельности по поводу продвижения в Думу депутатов, угодных Кремлю. Не удивительно, что они нашли между собой общий язык.

В результате кредитного скандала выяснилось, что “Газпром” в предыдущие годы одалживал деньги еврейскому холдингу “Мост-медиа”, которые во много раз превышали залоговую стоимость этой фирмы. Всего “Газпром” загнал “Мосту” 800 млн. долларов, а вместе с прочими структурами (вероятно, подставными) — 3 млрд. долларов.

Таким образом выстраивается цепочка: НДР “хотит” любви Кремля, Ельцин “хотит” “Всю Россию”, та взаимно “хотит” Ельцина.

“Всю Россию” “хотит” и Лужков. Заодно он “хотит” Гусинского с его “Мостом”, а последний “хотит” “Газпром”, ставшим базой для похотливой НДР.

Резюмируем. Все они — из одного кубла: Ельцин, Лужков, Шаймиев, Гусинский, Черномырдин и т. п. Мы должны знать, что это враги России, а значит — наши враги.

Готовят Россию к оккупации

Государственный телеканал РТР начал активную пропаганду среди молодежи против службы в армии. В передаче “Акуна матата” раздобревший на штатовских хлебах журналист Андрей Быстрицкий со своим смазливым сынком убеждали юношей в том, что служить России — гнусная затея. То ли дело завербоваться во французский Иностранный легион!

Кто о чем

Чубайс заверил, что Лужков и Шаймиев для него — не враги, а вполне разумные люди.

Березовский назвал Лужкова суетливым человеком, а в интервью собственному каналу ОРТ сказал, что “Лужков — это кровь”.

Лужков признал, что в результате его деятельности против РНЕ и поддержки со стороны ТВ-Центра и НТВ рейтинг этой организации значительно вырос.

Гусинский через свой НТВ выложил свой козырь — компромат на Волошина, оседлавшего администрацию президента. Оказалось, что Волошин был посредником между жульническим банком “Чара” и жульническим Автомобильным всероссийским альянсом АВВА. Обе структуры нажились за счет доверчивых граждан, пополнив капиталы будущих олигархов — прежде всего, Березовского.

Березовский же ущучил Гусинского тем, что его “Медиа-мост” оказался банкротом, набрав кредитов, не обеспеченных гарантиями. Вероятно, собираясь смыться без расплаты.

Гусинский обидел Березовского и его друга Волошина, Березовский полил помоями Гусинского и его друга Лужкова…

Наконец-то они сцепились!

Нахлебники

Казахстан решил подкормиться от российского космоса. Объявили, что упавшая ракета “Протон” заразила весь Казахстан гептилом — ядовитым топливом. Наши ученые удивились — ведь

топливо практически выгорело до момента аварии, а следы гептила в воде озера, куда упали остатки ракеты, казахские кочевники обнаружить не могли — такой технологии и в развитых странах не существует.

Наглость назарбаевскую российские власти не наказали. Предпочли зачерпнуть денег из бюджета (то есть, из нашего кармана) и дать нашим заклятым врагам. А потом побежали попрошайничать у МВФ.

Отмороженные мозги

Собчак вернулся в Россию после двухлетней добровольной эмиграции с помутившимся рассудком. Он сразу заявил журналистам, что они скрывают от общественности тот факт, что именно он, Собчак, является самым популярным среди демократов кандидатом в президенты-2000.

Бедный Собчак, привыкший жить на широкую ногу, обнаружил, что на Родине ему положили пенсию в 434 рубля. Зайдя в магазин, он понял, что на одну пенсию не проживешь. Значит надо добиваться президентского поста.

Адвокатские кривлянья

В Швейцарии прокуратура возбудила дело против президентского управделами П.Бородина по поводу отмывания грязных денег. Тот нанял адвоката Бориса Абрамовича Кузнецова. Адвокат в свою очередь заявил, что счета в Швейцарии могут быть открыты любому гражданину России без его ведома, а любой руководитель может подписать иноязычный документ, если не в состоянии прочесть текст на незнакомом ему языке.

Утверждения адвоката Кузнецова легко проверить на практике. Много ли у нас людей могут рассчитывать на банковские счета за рубежом? Много ли найдется среди руководителей любого ранга, которые подписывают иностранные документы, не интересуясь их содержанием?

Лучше уж сразу бы сказал, что рыло у его клиента в пуху, чем дурочку ломать.

Провокаторы

Телеканал НТВ договорился с сургутским военно-спортивным молодежным объединением “Беркут” об инсценировании захвата населенного пункта. Дело было в Белоруссии, где отряд тренировался

по приглашению местного предпринимателя. Потом материалы игрового фильма были переданы в правоохранительные органы. Прибывший в с. Николаевка ОМОН (с настоящими автоматами, а не муляжами, как у мальчишек) устроил зверское избиение — вероятно купившись на провокацию энтэвэшников. Гусинский сладострастно потирал свои пакостные ручонки.

Врут, как всегда

Любимая газета Ельцина “Московский комсомолец” выпестовала писучку Татьяну Цыбу, которая по протекции мэрской жены получила в пользование газету “Россия” (была неплохая газета, да вся вышла). По привычке непрерывно врать, Цыба все время ждала момента, когда свое умение применить. И вот теперь, под крышей лужковского “Отечества” она начала кампанию превращения Юрия Михайловича в Бориса Николаевича. Для этого первого должны были сначала сильно обидеть.

Обиду Цыба выдумала такую: мол, в президентской администрации хотят разделить Москву, выделив из нее кремлевскую сердцевинку — по Садовому кольцу. Эта земля, якобы, должна перейти в федеральное подчинение.

Выдумали все это — и ну блажить на все лады. Да еще жителей столицы смущают — мол, от их столичного сладкого пирога хотят отрезать самое дорогое — землю со всякого рода министерствами, посольствами и гостиницами.

Это еще начало. Настоящего бесстыдства следует ожидать ближе к выборам.

Просто трус

Лужков, у которого руки по локоть в крови, заговорил о демократии и законности. А еще о морали. А все потому, что Кремль его начал попугивать — начал с дел лужковской жены, ворочающей немалыми капиталами под покровительством мужа (маленький такой бизнес — например, заказ на обустройство Лужников зрительскими креслами). А тут ФСБ еще потревожил столичный общак — этакий пенсионный фонд, который качал деньги для обеспечения достойной старости московской номенклатуры. Ухватили “хвостик” в размере 150 млн. долларов.

И Лужков струсил. Вместо того, чтобы сказать, что теперь Ельцин для него враг № 1, предпочел говорить о происках Кремля, ФСБ и

Администрации президента. Вместо того, чтобы выступить новым спасителем страны (а этого многие от этого проходимца ждут), сказал, что готов уступить Примакову первенство на выборах президента. Вместо того, чтобы пообещать наказать сегодняшних мучителей народа, заговорил о необходимости гарантий для Ельцина и его семьи после воцарения нового президента.

Одним словом, Лужков праздновал труса. Его опрокинутое лицо в телеэфире свидетельствовало о полном смятении.

Редкий кадр

Русофобку Миткову наконец-то показали в профиль. После этого всякие сомнения в том, что секрет ее “обаяния” один к одному совпадает с секретом “синдрома Хакамады”, снимается. Антропология берет свое, как ни строй глазки.

Поздравили преступника

Предавший офицерскую честь военный журналист Пасько после 20 месяцев отсидки под следствием был приговорен к 3 годам лишения свободы и тут же отпущен по амнистии. Следствию не удалось доказать факт измены, за который писаке грозило 12 лет тюрьмы.

Приговор преступнику государственный телеканал РТР и березовский канал ОРТ сочли оправдательным и предоставили проходимцу Пасько прямой эфир в основных блоках новостей. В приподнятом настроении духа ведущие и преступник обменивались поздравлениями. Мы тоже поздравляем оба телеканала — они изобличили себя в качестве пособников антигосударственной деятельности и обслуживающего персонала уголовников. Как выражаются некоторые правозащитники по поводу своих коллег, “они греют зону”.

Что же вы молчали, сволочи?

Президент Лукашенко объявлен “мировой общественностью” и российской демократической шпаной “нелегитимным”. Потому что два года назад его полномочия были продлены на референдуме до 2001 года, а прежний срок, на который его выбирали истек.

Когда российский парламент пригласил Лукашенко выступить перед ним и Российско-Белорусском союзе, яблизированные интеллигенты во главе с Явлинским и Лукиным начали кривить губы — мол, союзничать будем только с легитимным президентом. За это и

снискали особую любовь западных журналюг и народофронтовского хамья в Белоруссии.

Всю эту сволочь хочется спросить: “Что же вы помалкивали, когда Союза без всяких референдумов разобрали на запчасти а органы власти просто распустили? Что же вы в род воды набрали, когда Ельцин стрелял по парламенту? Что же вы, господа хорошие, молчали, когда Мосгордума продлила себе полномочия на два года? Опять без всяких референдумов!”

Дело ведь не в референдумах. Дело в том, кто и для чего их хочет проводить. Шпана, которой не светит выиграть ни один из референдумов, жаждет их только потому, что от ее тявканья у всякого порядочного человека становится тошно на душе.

Кандидаты на отстрел

Бесстыдство НТВ достиг каких-то гомерических размеров. Извольте видеть, мол, что “югославские власти под видом бомбардировок решили поставить под контроль оппозиционные СМИ”. Бред! Какая может быть оппозиция в условиях войны? В условиях войны могут быть только изменники, которых ставят к стенке. В НТВ этого не понимают. Они не понимают, что в условиях войны против России их никто не будет считать оппозицией. Придет время и всю эту сволочь просто пустят в расход.

Привечают сепаратистов

Правительство России с улыбками встретило президента Черногории, заявившего на днях, что если политика Белграда не изменится, его республика выйдет из состава Югославии. Вероятно именно эта позиция встретила понимание у Степашина, который и с российскими сепаратистами живет душа в душу — даже встречу Ельцина с Масхадовым готовит.

Озабоченный еврей среди теплохладных “россиян”

Премьер Израиля приехал в Москву встревоженным — мол, в России продолжает сохраняться антисемитизм, чего не должно быть в цивилизованном сообществе. Наши управители утерлись — не сказали, что обеспокоены, что в Израиле процветает русофобия, чего не должно быть, если израильтяне собираются ездить в Россию.

После такого рода заявлений и связанной с ним неловкости, израильский премьер поехал встречаться с евреями, принявшими главенство Гусинского — с Российским еврейским конгрессом. А

наши снова утерлись — российские государственные деятели нигде и никогда не встречаются с русскими общинами. В особенности брезгуют они соотечественниками в “ближнем зарубежье”, которых кинули на растерзание русофобам.

Генералы со смещенным центром тяжести

Против вторгшихся в Дагестан дивизии чеченских бандитов российское руководство снова выпустило толстобрюхих генералов, которые не нашли себе лучшего применения, чем распределять гранаты среди бойцов, занявших оборону. Едва таскающий свой живот командующий СКО начал “операцию по вытеснению” тем, что запретил бомбить захваченные села: “Там же люди!”.

Если в МВД говорили об уничтожении бандитов, то министр обороны Сергеев — только о “вытеснении”. Сначала вытеснили из себя честь и совесть, а теперь будут вытеснять бандитов, пока те не подойдут к стенам Кремля.

В Кремле уже заняли оборону, сменив вечно комплексующего за свою бестолковость Степашина на неясного Путина. Этот одинаково разбирается и в войне, и в зерне.

Радуются, что подстрелили хотя бы бандюгу Хаттаба. Невелики успехи! Как тут не вспомнить генерала Шпигуна. Степашин! Где брат твой Шпигун? Не слыхать Степашина…

Тряпку — в наместники

Продолжая тянуть лямку с решением вопроса об итогах выборов в Карачаево-Черкессии, елицинисты поставили во главе этой республики человека с жеваным лицом. Нет, “прожевали” его не в чеченском плену. Он, вероятно, с рождения был таким опущенным. А когда боевики выпустили его после полугода издевательств, он готов был вылизывать им срамные места — так полюбил. Теперь эту тряпичную куклу ставят там, где нужна железная рука и воля.

Лжецы собрались

Под руководством “безвредного” Примакова собрался блок “Отечество — Вся Россия”, которому тут же присвоили аббревиатуру ВОР. Первая тройка блока — Примаков, Лужков, Яковлев — не собирается работать в Думе, но предлагает голосовать за себя. Суетящиеся вокруг этой “особой тройки” холопы поясняют, что эти люди предлагают голосовать за них, чтобы выразить доверие тем, кому они намереваются отдать на растерзание российский парламент.

По поводу Примуса многие полагали, что он не станет надевать себе хомут лужковщины на шею. Говорили: “Он не такой дурак, чтобы связываться с этим проходимцем”. Теперь оказывается, что он именно “такой дурак”.

О чем же мечтают “отечественники” Лужкова? Вот, например, президент колченогого Баш-корто-стана Рахимов полагает, что они вместе добьются установления в нашей стране “демократического федерализма”. То есть пустят на распыл все, что еще осталось от российской государственности. Ну и доказал свое право громить Россию — пресек телетрансляции двух главных телеканалов на захваченной его мурзами территории.

Зона вечной мерзоты

В августе 1999 торжества по поводу “победы над путчем” и “праздника государственного флага” выродились совершенно. В них приняли участие совсем уж потерявшие чувство реальности “баррикадники”. Да и тех набралось человек пятьдесят — не более. Среди этого политического бомжатника военный оркестр смотрелся просто нелепо.

Щекотряс высказался

Егор Гайдар объявил о своем нравственном идеале, сравнивая гибкость позвоночника Владимира Рыжкова и Сергея Ковалева. Второй в глазах Гайдара выглядит совершенно несгибаемым. Действительно, — что поставь, что положи — все равно это будет затвердевший экскремент демократии.

Бедняжка

Лужков, выступая на съезде своего “Отечества” объявил, что власти (какие-то безымянные власти!) потратили на дискредитацию московского мэра и его партии “сумму, которую страшно назвать — равную бюджету целого региона”.

По нашим оценкам именно такую сумму потратил сам Лужков на проведение своего съезда в концертном зале “Россия”. Тут дошло до того, что гостей опрыскивали фирменным запахом “Отечества”.

Что до безымянных властей, то они живут с Лужковым душа в душу, зная, что только этот злобный коротышка-толстячок может обеспечить ельцинизм после Ельцина. Они вместе со своим любимцем ломают перед нами комедию про обиженного Лужкова, который по

государственному каналу дает обширное интервью, блаженно улыбаясь под солнцем, играющим на его голове теплыми бликами.

Линия лжи

Недавно созданная коммерсантами-дистрибьюторами парфюмерии politорганизация “Русская линия” решила вступить в предвыборную гонку. Сначала ее лидер А.Нечаев подкатил со своими услугами к Конгрессу русских общин и даже подписал всякого рода соглашения о совместной деятельности. Но стоило Лужкову поманить пальчиком и показать корм, как “Русская линия” метнулась в “Отечество”. Нечаеву сразу стало не до России, когда посулили приличную прибыль за обслуживание шайки политических проходимцев.

Нашел потерянную Россию

Режиссер Говорухин, долго метавшийся в поисках “России, которую мы потеряли” и обличавший “криминальную революцию”, нашел упокоение в лоне лужковской партии. Последняя, как известно, образовала альянс ВОР.

Теперь понятно, откуда у его сына такая любовь к съемкам расчлененных трупов русских солдат и такой заунывный пафос пацифиста.

Капризничает и кокетничает

Мальчонка Кириенко понял больную душу пожилых демократических дам и начал повсюду хныкать и топать ножками: “Не буду вести сепаратных переговоров! Не буду никого предавать!”.

Тут с одной стороны вспоминаются доводы ЧВС, применяемые по любому поводу: “Так было! Так будет!”. А с другой стороны, быстро вспоминается, кого это Кириенко не хочет предавать. Оказывается Чубайса! К “ржавому Толику” он пристроился на поводок вместе с Пуделем и Хохломадой.

Партия плесени

Кремль, не скрываясь, создал свою партию “Единство” (по кличке “Медведь”), которую возглавил тувинский строитель и комсомольский работник Сергей Шойгу. Прославился г-н Шойгу только тем, что смог освоить большие деньги и создать еще одну силовую структуру — Министерство по чрезвычайным ситуациям. При этом просил для себя звания генерала армии и штат в 122 генеральские должности. По немощи государство смогло дать ему руками Ельцина только генерал-

полковника и звезду Героя России. Сергей Кужугедович выслужил эти регалии готовностью идти за президентом в огонь и в воду. Например, в октября 1993 именно из его ведомства гайдаровским бандитам были выделены 1000 автоматов с боезапасом.

Поскольку приличных юридических лиц для регистрации этой партии в качестве предвыборного блока не нашлось (даже проституированная НДР отказалась от союза с “Единством”), собрали несколько партийных микроорганизмов. Тут и протестанты из РХДП (финансируемые от щедрот пирамидостроителей из фирмы БИНИТЕК), и “общечеловеки” из движения “Рефах” (“Благоденствие”), и движение “Моя семья”, созданная на базе слюнявой телепередачки с тем же именем.

Даже небрезгливые НДРовцы морщились от навязчивого внимания этой кампании, снаряженной губернаторскими амбициями переделить Россию на свои вотчины.

Первую тройку, наполнили борцом-профессионалом Карелиным и генералом-сыщиком Гуровым. Оба мужики в общем-то неглупые. Пока молчат. Первый защитил диссертацию по такой глубокомысленной теме, как защита от броска прогибом. Второй усвоил только одну политическую идею — о необходимости деполитизации Госдумы.

Генерал Гуров, вероятно, мог бы с успехом ловить уголовников. Но он решил заняться политикой без политики — перевернуть всю систему, не прикладывая рук к тому, чтобы писать законы, выдумывая все ту же идеологию, которая каждый раз получается, когда за это берутся махровые номенклатурщики — идеологию общечеловеческих ценностей. Вот что городил генерал Гуров в интервью 6-му каналу: “Всем нам надо одуматься и выбрать в Думу деполитизированных депутатов…”, “Я иду в политику, чтобы участвовать в реформах, а не печь законы…”, “Надо концептуально посмотреть, что нам нужно…”, “Надо с помощью народа провести моральную реформу…”, “Я тут по Бердяеву посмотрел…”.

Непонятно что за докторскую диссертацию защищал генерал Гуров, непонятно как этот борец с оргпреступностью оказался шефом службы безопасности чеченского ТЭПКО-банка (председатель правления банка Руслан Дахаев в 1995 сбежал в США, а в 1996 против него возбуждено уголовное дело за перевод в США бюджетных денег на закупку продовольствия).

Непонятно как успел борец Карелин одновременно поддержать и физическую форму, чтобы десятилетие одерживать победы на мировых первенствах, и умственную состоятельность, чтобы защитить кандидатскую диссертацию — что то там о противодействии броску прогибом. Куда же ему еще и политикой заниматься?

Что до спасателя Шойгу, то Кремль ему не спасти. Особенно через придвинутый микрофон, в который ранее молчаливый рот начинает выбрасывать всякую околесицу. Бедный Шойгу не нашел ничего лучшего, чем подражать Жириновскому. А оттого его клоунская внешность стала еще более шутовской. Оказалось, что генерал-полковник-то бутафорский…

Красные мусульмане

В то время, когда бандит Масхадов пинками гонит от себя имамов, исламских теоретиков пригревает в своих рядах оппозиция. В списки илюхинского (экс-рохлинского) Движения в поддержку армии попал Гейдар Джемаль — известный мусульманский сектант с политическим уклоном. Еврейское НТВ над этим фактов всласть поизгалялось.

Кстати, в редсовет бабуринского журнала “Национальная безопасность” затесался этнический татарин Затулин — по совместительству вылизывающий каблуки (и выше) московскому мэру — большому интернационалисту, другу всех народов за исключением русского.

Жирика укоротили, но не обидели

Центральная избирательная комиссия расправилась с ЛДПР, зацепившись за чисто формальные уловки, чтобы снять Жирика с предвыборной дистанции. Не смогли сломать политически, торговались и рядились за кулисами, а теперь применили “ход конем по голове”.

Жирик, конечно же, обнаглел, наполнив избирательный список криминальными элементами. Но и против него применены самые непристойные методы. Оказывается каждый наш гражданин должен не мерседесы в своих гаражах считать, а помнить когда и где сгнил его единственный “жигуль”. Главным тут становится гаишник, собирающий те данные, которые гражданин о себе собрать не может. И вот эти гаишники-менты оказываются весьма важными персонами при определении кому идти, а кому не идти на выборы.

И все-таки Жиру дали участвовать в выборах, а скандальчик устроили для виду — чтобы привлечь к увядающему кремлевскому паяцу внимание публики.

Мочиловка

В Москве на одном из рынков, захваченных кавказцами, состоялось побоище. В драке участвовало около 200 человек. Наши били ихних. Телекомментаторы, показывая лужи азербайджанской крови, говорили, что идет передел сфер влияния преступных группировок.

На Выборгском ЦБК тоже состоялась драка. Рабочие отбивались от спецназовской банды во главе с судебными исполнителями, пытавшимися захватить предприятие, якобы принадлежащее теперь какому-то забугорному спекулянту. Два рабочих получили пулевые ранения, но выбили со своего завода эту мразь.

На Ачинском глиноземном комбинате работяги вынесли из кабинета проходимца, назначенного Лебедем. Тут решение суда оказалось на их стороне. Но губернатора, за которого эти работяги сами и голосовали В 1998, теперь урезонить крайне трудно.

В Белоруссии состоялась массовая манифестации русофобской сволочи. Они кричали в микрофоны: “Россия — это смерть!” Потом устроили мордобой с милицией. Та сначала дала фору, позволив смести несколько кордонов и отмолотить несколько десятков служителей порядка, а потом погнала демократическую нечистоту по улицам Минска. А вот Госдеп США среагировал мгновенно — не то что милиция. Уже на следующий день американцы легко определили, что оплаченный ими марш был шествием в защиту свободы. И мы согласны с этим — это был марш за освобождение США от всяческой ответственности за подрыв государственности других народов, которые не очень хотят терпеть у себя американскую этническую и политическую помойку.

Кидалы

Лебедь объявил, что в “тараканьих бегах” парламентских выборов не участвует. Соответственно, созданная им Народно-республиканская партия осталась непорочной и окончательно исчезла с политической арены. Последние лебедевцы разошлись по домам, плюясь в сторону своего патрона: опять струсил и предал.

В “Отечестве” Лужков тоже кидает своих холопов направо и налево. Обслужившего программную комиссию “Отечества” депутата В.Лысенко обманули, выставив в его округе (где он уже десять лет депутатствует) кандидатом от ОВР директора Петровско-Разумовского рынка. Еще один “программист” В.Никонов был просто “забыт” и не включен в списки.

Московские “демократы”, обиженные на Лужкова за то, что он не приобщил их к власти и расхищению столичного имущества и бюджета, тоже считают себя “кинутыми”. Так, завсегдатай демтусовок Лев Шемаев объявил, что “Отечество” — это ширма для советской номенклатуры. Чтобы он запел, получив должностишку?

Ограбиловка по-лужковски

Московский мэр, как выяснилось, выстроил больницу в Буденновске не на деньги московского бюджета, а на деньги ставропольского края. Разрекламировав строительство как свою личную гуманитарную акцию, он представил счет на выполненные работы правительству РФ, которое сняло деньги из средств, которые должны были быть перечислены Ставрополью.

У нас и без того готовы верить, что Лужков тратит на благотворительность чуть ли не из своего кармана. А тут еще более обширный м гнусный обман — выставить себя благотворителем за счет благотворимого, да еще получить на этом прибыль (ведь московские строители стоят куда дороже ставропольских). Это гнуснее, чем украсть.

Но и украдено, как выяснилось, тоже было немало. В счет, выставленный правительству РФ, как выяснилось, была включена зарубежная благотворительность. По крайней мере, те средства, которые были выделены фирмой “Мабетекс” (около миллиона долларов), Лужков вписал в счет как собственные траты. Вышло, что помощь этой фирмы Лужковым была просто присвоена. Глава “Мабетекса” г-н Паколли очень обиделся. Но не воровство, а на то, что за его миллион долларов никто даже не поблагодарил, а Лужков вообще сказал, что никакого отношения к “Мабетексу” не имеет. Хотя тот ремонтировал зал заседаний и кабинеты московской мэрии.

Паколли, конечно, обижаться на Россию не стоит. Он настриг тут таких прибылей на ремонте правительственных зданий, что впору благодарственные письма рассылать. (Может, он, кстати, и рассылал —

с пухлыми конвертами.) Но и Лужкову особенно губу кривить ни к чему — оба из одной стаи.

Правдолюб с этакой рожей

По лужковскому телеканалу новую передачу завел себе “московский комсомолец” по фамилии Хинштейн. Другому можно было бы поверить, что взрывы в Москве — не совести Березовского. Но не лицу библейской национальности, физиономия которого, что бы она не исторгала, все равно остается лакейской. Уж очень хочется поверить, что Березовский хотел убить Лужкова и сообщил об этом Коржакову, а тот через пять лет с помощью Хинштейна сообщил нам. Но не верится, не верится, ей Богу!

Вор с вором не поладили

Лужков организовал кампанию против Ельцина. Тут ему с удовольствием стали помогать заокеанские воротилы. Действовали по правилу: “Раньше целились в коммунизм, а попадали в Россию, теперь путь целятся в Ельцина — все равно попадут в Россию”.

Американцы тут же раскрутили скандал с деньгами “русской мафии”, которые отмывались в Bank of New York. Но очень быстро выяснилось, что дела с этим банком имеют как раз сослуживцы Лужкова. Именно московский Москомзайм переправил деньги в этот банк, действуя через “Менатеп”. Причем, перечисленные в начале 1999 года 120 млн. долларов предполагалось использовать на развитие инфраструктуры автохозяйства столицы. Планировали развивать еще в 2000 году, а деньги перечислили через две недели после принятия решения.

Тут не отвертишься — налицо наглое выворачивание городского бюджета и переправка денег за рубеж. Вероятно, для наполнения пенсионного фонда московской группировки во главе с Лужковым.

У кого проблемы с языком

На Съезде славян Адыгеи лидер Конгресса русских общин Д.О.Рогозин в своем выступлении обвинил президента Адыгеи Джаримова в незнании русского языка, а значит — в нарушении продавленного самим же Джаримовым закона о том, что высшие должностные лица республики должны владеть адыгейским и русских языком. Поводом для этого обвинения послужили нападки Джаримова на председателя Союза славян Адыгеи Н.Коновалову. Ее слова о том, что “ласковый теля двух маток сосет” Джаримов с возмущением

интерпретировал примерно так: “Коновалова сказала, что я, панимаишь, у двух телят сосу!” Такую интерпретацию Д.Рогозин назвал “вопиющей аморальностью, демонстрируемой с особым цинизмом”.

Страницы биографии

Журнал “Кто есть кто” (№ 4, 1999) опубликовал биографию Б.Немцова с несколькими занятными эпизодами.

Немцов начал свой путь в политику тем, что прославился неформальным видом на ранних демшизовках, во время которых он влезал на трибуну патлатым Бонифацием (такая была у него кличка) в оранжевых штанах. Так с оранжевой задницей и вписался в демократическую власть.

Знаки отличия обычно липнут к власти. Но Немцова награждать было решительно не за что. Только Патриарх Алексий II улучил момент, чтобы повесить на грудь нижегородскому губернатору орден св. Даниила Московского. Заслуга у Немцова была одна — во младенчестве его, якобы, крестили.

Немцов отмечен тем, что задержал выход указа Ельцина о декларации о доходах высших чиновников только потому, что издал у Лисовского книженцию “Провинциал”. Страшась проверки, Немцов “тормознул” указ и только поэтому не попал в состав очередного “книжного дела”, за которое многие чиновники поплатились постами.

После отставки Немцов с Кириенко наклюкались в белодомовском кабинете до невменяемости и пошли к шахтерам-пикетчикам, сидевшим на Горбатом мосту у Дома правительства. На предложение “налить” шахтеры послали “реформаторов” по матушке.

Бедняки

Все-таки издевательства над политиками, устроенная ЦИКом с нелегкой руки Шейниса (автора донельзя обюрокраченного избирательного закона) дала один неплохой результат — сведения об имуществе и доходах лидеров политических сил. Многие их тех, кто участвовал в грабеже страны напрямую или получал гонорары за теоретическое обоснование этого грабежа, на поверку оказались нищими.

Так, бедный мэр Москвы, как оказалось, едва сводит концы с концами и даже не имеет собственных транспортных средств. Явлинский и вовсе ничего не имеет из недвижимости, хоть

задекларировал за 1998 год почти миллион рублей (около 5–8 тыс. долларов — не так уж много). Нищета этих субчиков просто поражает воображение. Неплохо бы при этом посмотреть не столько на уровень доходов, сколько на уровень расходов. Включая ближайших родственников, на которых переписаны дачи и квартиры, машины и зарубежные счета.

Переговоры с инвалидами

Америка прислала в Москву на представительное международное совещание по проблемам оргпреступности тетку-инвалидку в ранге министра юстиции США. На встрече с нашим премьером Путиным тетка лупоглазила через мощнейшие очки и демонстрировала сильнейшие симптомы болезни Паркинсона, не в силах унять трясучку конечностей.

Вот оно лицо Америки, вот ее мощь, явленная в борьбе с бандитами!

Вонь общественности

Примолкшая было демократическая публика начало снова обличать российские войска, который долбят в хвост и в грибу бандитское гнездо в Чечне. Уже заговорили о каких-то переговорах с Масхадовым, о каком-то чеченском “правительстве в изгнании”… Того и глядишь, пробьет час, и демократическая кукушка в лице Сергея Адамовича Ковалева начнет куковать про права человека. Ему все громче подкукукивают лужковско-гусинские НТВ и ТВЦ. А из-за кордона рассыпаются трелями враги России — радетели прав человека, смачно бомбившие мирных жителей Ирака и Югославии.

Вполне в духе воняющей общественности высказался ельцинский министр обороны Сергеев, который сказал, что в Чечне главная задача его подчиненных — “завоевать доверие чеченского народа”. Вот потому-то из Кремля в три освобожденные района главами администрации назначили только одного русского.

Гнилопатриот

Лужков разразился огромной статьей в “Независимой газете” в поддержку наших зарубежных соотечественников. Мэрские борзописцы списали один к одному всю идеологию Конгресса русских общин и даже преложили такой конгресс создать. В одном только прокололся Лужков — подмахнул статеищу, в которой было написано, что условием нормализации положения русских в “зарубежье” будет

расширение масштабов деятельности инородческой диаспоры в Москве. Пусть, мол, цветут на все лады землячества и культурные центры — все, кроме русских.

Иными словами, Лужков хочет превратить Россию в Интернационал. От этого, как ясно из его статьи, русским станет жить веселей.

Струсили на пару

После долгожданного приговора Арбитражного суда по поводу воровской конторы “Мост”, Примаков с Лужковым решительно струхнули. И действительно, Гусинскому теперь придется платить десятки миллионов долларов, из которых эта парочка намеревалась тратить на избирательную кампанию. Со страху написали письмо Ельцину про его окружение (а то тот ничего не знал!).

Вот что пишут: “Узкая группа лиц, злоупотребляя своим положением, оказывает беспрецедентное давление на избирательный процесс. Ваше окружение открыто демонстрирует заинтересованность в победе лояльных им сил и поражении всех прочих”.

Такое можно нагородить только с перепоя или, действительно, с болього испуга. Даже если “окружение” будет надувать Шойгу как жабу через соломинку, ему не равняться с примаковско-лужковской административной мощью. Да и ЦИК полностью и безраздельно на стороне ОВР. Чего же испугались? Что отлучат от кормушки? Но тогда сразу уж требовали бы пересмотра дела по “Мосту” и просились на прием.

Разгадка в том, что это послание Ельцину парочка составила для нас. Чтобы мы посочувствовали и выступили на защиту этого номенклатурного тандема, забыв как они дурили нас годами в союзе с ЕБНом, на которого нам же теперь пишут донос.

Опять ингушатина

Изменник Аушев снова выступил на стороне чеченских бандитов, обвинив армию, долбящую этих бандитов в уничтожении имущества граждан и в издевательствах над беженцами. Этот патентованный подонок в погонах генерала-лейтенанта и со звездой Героя просто напрашивается на то, чтобы о нем говорили именно так — подонок и пособник террористов.

В реальности именно Аушев устроил беженцам “веселую жизнь”. Казалось бы, какая сложность в организации контрольно-пропускного

пункта и лагерей для приема бегущих от войны? Для Аушева при выплате из федерального бюджета 95 млн. рублей это оказалось непосильной задачей. Из окон своей новой резиденции Аушев видит только новую столицу, построенную за счет особого экономического статуса, предоставленного сообщникам мятежников. Видеть страдания лужей — не для таких субъектов. Зато “левый” бензин чеченские бандиты продавали через Ингушетию даже тогда, когда российская армия уже очищала от боевиков левобережье Терека. Лично Аушев давал чеченским бензовозам “зеленый свет”, а вот против отключения электроэнергии и подачи газа в Чечню бурно и достаточно успешно протестовал.

В НАТО обнаружили вралей

Английский парламент выяснил, что Европе в течение длительного периода врали на тот счет, что в Косово сербы проводят этнические чистки. Натовцы, оправдывая бомбардировки Югославии, говорили о 100.000 якобы замученных, собственные английские спецслужбы о 10.000. Когда Косово оккупировали, туда нагнали трупоискателей, которые, как оказалось, остались без работы. По всем прикидкам они собирались обнаружить не более 2,5 тыс. жертв, но и этих не нашли. Зато из захоронений извлекли массу трупов со следами осколков от натовских бомб, а также сербов, расстрелянных албанскими красными бригадами.

Раздвоение личности

Премьер Путин решил, что народная любовь к нему столь глубока, что он может выступать в двух ипостасях сразу — быть и председателем правительства с одним мнением, и просто гражданином — с другим мнением. Первое мнение ограничилось положительной оценкой министра Шойгу, вторая — сказать, что будет голосовать за него, как за лидера, чей блок поддерживает правительство. Оба признания показывают, что Путин держит нас за дураков, подсовывая нам очередного Петрушку в качестве спасителя России, который и сам не поймет — политик он или министр. Поэтому и путает свой карман с государственным, превратив МЧС в систему предвыборных штабов своего вонючего “Медведя”.

Библейская традиция

Путин, как и все его предшественники решил прогнуть спину перед вереями, организовав сначала съезд еврейских общин, а потом

— встречу с ее лидерами. Сделал он это в порядке предвыборной борьбы, пытаясь размочить монополию Гусинского на выступление от имени евреев. Все было бы хорошо, если бы Путин вспомнил, что живет в русской стране. Если бы вспомнил — начал бы со встречи с лидерами русских организаций. Тем более, что повод был — обсуждение в правительстве Концепции национальной политики. Обсуждение, как и подготовка документа, снова обошлось без русских.

Сами себя высекли

Явлинский вздумал пободаться в прямом эфире с Чубайсом. Этот фрукт для Гриши оказался не по зубам. Чубайс смотрел на “лапулю Гришу” как на дурочка или злобного ребенка — знал, что может прихлопнуть его в момент. Но главное не это. Главное, что Чубайс открыто признался, что выборы 1996 года — фарс. (Вероятно, он знал, что и в 1999 это тоже будет фарс.) Второе признание нам следует считать пророческим. Чубайс заявил, что его с Явлинским повесят рядом вверх ногами.

Отнекиваются

Шеварднадзе дважды поймали за руку, уличив в пособничестве чеченским бандитам. В первый раз перехватили груз на 3000 комплектов военного обмундирования, который шел в Грузию, но конечного адресата там не оказалось. Второй раз был перехвачен груз “экспонатов” — минометы с боеприпасами. И снова в Грузии конечного адресата не было. Можно дополнить эти факты и свободные прогулки чеченских бандюг по приграничным районам Грузии и истерики грузинских политиков по поводу попыток нашей авиации достать их там. В целом необходимо считать режим Тбилиси откровенно антироссийским, а Шеварднадзе — меньшим братом Ельцина, который не менее брата большего жаждет уморить Россию или хотя бы чем-то нагадить ей.

Дурные игроки в роли спасителей России

Выборы русское движение проиграло всемерно и всесторонне. “Спас” мог вывести на выборы радикалов, которым обычно не за кого голосовать, но запугал Кремль погромной фигурой Баркашова. Тот тоже оценил себя в миллион долларов, выдумав историю о том, что такую сумму ему предлагали активисты КРО за поддержку на выборах (кстати, вслед за лужковцем Затулиным, оценившим себя в 800 тыс. баксов). В действительности у КРО были другие плану, о чем

свидетельствует блока с бывшим “яблочником” Болыдревым. “Демократическая” половинка получившегося двуликого Янусу отпугнула русских избирателей, которые предпочли голосовать либо за клоуна Жирика, либо за надежду, что “Единство” будет получше, чем “Отечество”.

Продулись на выборах и такие чванливые лидеры, как Бабурин (РОС) и Илюхин (ДПА). Каждый из них мнил себя спасителем России и обещал сторонникам безусловную победу. Провалились с позором. И поделом — не надо в присутствии коммунистов вымазывать себя разбавленной красной краской, называясь после этого патриотами. Патриоты-националисты эту “краснуху” видят достаточно хорошо и за “розовых” или “бурых” голосовать не станут. А вот “левые” в этом плане подслеповаты — видят только густопсовую коммунячность.

Что же дальше? Остается сдаваться на милость победителей и испросить у них позволения служить России на каком-нибудь завалящем административном посту.

Это рецепт для провалившихся партий. А вот для граждан надо рекомендовать другое — создание новых организаций. Причем чисто националистических — без всяких примесей “розового” или “голубого”, без демократов и коммунистов.

Сюрприз елкина-палкина

ЕБН решил прославить себя тем, что испортил всем новогодний праздник — переименовался из “всенародно избранного” в “первого президента России”. Вместо заздравных тостов всюду на застольях звучали разговоры о предстоящих выборах, перспективах Путина и о том, как Ельцин всем умудрился нагадить.

Вероятно, Ельцин считал, что он становится такой уникальной фигурой — политиком XX века, ушедшим со своего поста в последний день тысячелетия. Дурачок, он не знал, что благодарные граждане еще целый год будут ходить по его политическому трупу и могут сравнять его с землей к истечению 2000 года — чтобы в новом тысячелетии и духу его не было.

Триумф негодяев

В Большом театре раздавали премию “Триумф”. Дают ее обычно деятелям культуры. А тут дали еще и Ельцину — за “триумфальный уход”. В одной кампании с русофобом Василем Быковым, погрозившим России расплатой за уничтожение бандитов в Чечне.

А вот как проводили Ельцина в отставку его бывшие поклонники.

Михаил Полторанин рассказал как дурили коммунистических пропагандистов, собравшихся в Москве на какую-то конференцию в количестве 700 человек. Ельцинисты тогда размножили и раздали фактически всем редакторам районных газет фальшивый доклад Ельцина на каком-то там пленуме. Текст сочинили на ходу, как только появилась потребность в нем.

Малохольный русофоб Ковалев объявил, что исходной целью всех, кто поддерживал Ельцина (и самого Ковалева) было “поломать традицию страны и перевести ее на другие рельсы”. И в этом историческая роль “первого президента России”.

Бывший пресс-секретарь П.Вощанов и бывший министр Козырев рассказали как Ельцин осваивал мировую культуру через рестораны, а к “общечеловеческим ценностям” приобщался в беседах с Рокфеллером (предварительно Ельцину объяснили, что здесь не любят болтовни о “социализме с человеческим лицом”).

Явный сепаратизм

Лужков на инаугурации в качестве вновь избранного мэра столицы поклялся исполнять Конституцию России и Устав Москвы и московские законы. Следовательно, законы России для него ничего не значат. Интересно, что думал по этому поводу стоявший рядом премьер Путин, а также Патриарх Алексий II? Кстати, для чего это последний зачастил по политическим тусовкам? Может денег на отделку Храма Христа не хватает?

Тупицу — в губернаторы

Губернатором Подмосковья, вопреки всем прогнозам и данным социологии, стал лужковский подкаблучник генерал-полковник Громов. Новый генерал-губернатор не пользуется популярностью даже среди участников Афганской войны, потому что сидел в основном по штабам, а прославился выводов войск — нечто вроде Лебедя. Громов известен своим предательством во время распада СССР, когда он командовал Киевским военным округом. Именно он позволил самостийникам захватить ядерное оружие и стратегические бомбардировщики. А вместе с Громовым в качестве вице-губернатора пролез во власть Мень — защитник всякого рода сект и прочего рода меньшинств.

Все говорит о грубой подтасовке результатов, но также и о желании жителей Подмосковья жить в мире с Лужковым. В отместку области, обворованной командой Тяжлова — прежнего лужковского ставленника, предстоит пройти еще один этап обнищания. Ох и натешатся Громов с Менем и лужковцами, ох и поиздеваются над подмосковным дурачьем!

Единственный позитивный момент во всем этой деле — граждане показали, что они в большинстве своем в гробу видали коммуниста-

пропагандиста Селезнева.

Экскурсия на Святую Землю

Ельцин подался в Иерусалим, чтобы там встретить 2000-летие христианства. Под руку отставного демократизатора поддерживал Алексий II, а в свите были Березовский и Чубайс. Неплохая получилась компашка отпускников. Действительно, если есть бабки в кармане, встретить Рождество в иерусалимском Храме Рождества Господня — это круто! Особенно, если даже дадут потоптаться по святым камням, не рискуя получить в лоб за святотатство.

Снова- здорово

Выдвигать Путина в президенты собралась старая сволочная тусовка — чубайсы, шаймиевы, марки захаровы… Неужели мы снова будем обязаны глядеть на эти отвратительные рожи? Доколе!?

Опять ельцинизм без Ельцина?

Война объявлена

На выборах спикера Думы демократы устроили выдающуюся истерику. А все потому, что из-под задниц начали вынимать стулья. Мало им показалось на кучу бывших премьеров и вице-премьеров той доли, которая пришлась на сомкнувшиеся антигосударственные силы — “отечественников” с яблочниками, кириенковцев с шаймиевцами. Даже Примакова они вытолкнули вперед в совершенно несвойственной ему роли — а ля Жириновский.

Важнейшим моментом стало отлучение демократов от Кремля. Они теперь — враги. Значит, у русских патриотов есть надежда, что логика событий вернет Кремлю понимания того что в России надо защищать, а что искоренять. Искоренять — чеченских бандитов и изменников типа кириенок, немцовых, гайдаров, чубайсов, шаймиевых, лужковых, явлинских и прочих.

Аморалист

Березовский предложил политикам вести себя аморально, но по совести. В этой связи он голосовал за коммуниста Селезнева на выборах спикера, а Чеченскую войну предлагает завершить тем, чтобы выпустить за границу главарей террористов, а потом искать их “Интерполом” и судить по международным нормам.

Вот так может заплутаться мысль в бестиализированном мозгу.

Простофиля

Русский генерал-ветеран, комдив Отечественно Петренко поперся в Фонд “Холокост”, где рассказал об освобождении “Освенцима”. Неизвестно о чем он там говорил, но в эфире от его слов оставили только комментарии о применении тяжелой артиллерии (по незнанию) и о том, что Сталин не желал слушать об уничтожаемых в газовых камерах евреях.

Для впавшего в маразм Петренко ситуация безнадежна — ему уже ничего не объяснить. А вот остальным надо знать, что с “холокостовцами” лучше вообще не иметь дела. Все изоврут.

Мирные чеченцы

В Ведено сформированы отряды самообороны из “мирных” бандитов. В прошлую войну (1994–1996) они стреляли в наших солдат, а сегодня утихомирились. Поэтому у них даже оружие не стали отнимать — только переписали заводские номера.

А по-нашему, надо бы их всех — к стенке.

Попрыгунчики

Ястржембский чутко уловил тенденцию и переметнулся от Лужкова к Путину. Посадили чуткого на аналитику. Уж он Путину нааналлизирует…

Собчак пошел служить главным юристом Администрации президента. Так ему рот заткнули, чтобы не выворотил грязи о ленинградской шайке с Чубайсом во главе. Уж он наконсультирует…

Канонизация вождя

Зюганов в день рождения вождя мирового пролетариата объявил, что Ленин захоронен по русской традиции. Так, мол, хоронили русских святых. Забыл только добавить, что святые мощи не потрошили и не превращали в мумию, не выставляли на потребу всякому экскурсанту. Так что похоронен Ленин не по русским, а по фараонским канонам, а выставлен в витрине — по советской непотребщине.

Фальшь

В Страсбурге прошла конференция, посвященная жертвам т. н. Холокоста. Место выбрано не случайно — Швеция за государственный счет выпустила тираж книги о 6 млн. убитых во Вторую мировую войну евреях и пристроила ее практически в каждую шведскую семью. Теперь то же самое намеревается делать вице-премьер российского правительства г-жа Матвиенко, побывавшая на конференции.

А вообще-то в войнах, особенно мировых, убивают не только евреев, как это кажется многим. Русских, например, погибло более 30 мил. И мучили их в концлагерях не меньше евреев. А вот ведь никто не проводит конференций по поводу геноцида русского народа…

Продался большевикам

Сергей Глазьев, пройдя путь от члена гайдаровской команды до руководства КПРФ, накануне президентских выборов начал агитировать православных поддержать Зюганова — мол, тот давно уже не большевик.

Союз православных граждан, куда Глазьев хаживал на заседания и ранее, на своей конференции с большим трудом преодолевал застрявшее в мозгах уважение к своему соратнику, подавшемуся к последователям Свердлова, Троцкого и Берии, к нераскаянным мракобесам. Уж очень сильно было желание сыграть в беспроигрышную игру — поддержать и Путина и Зюганова. Но, как показала практика, такая игра проигрывается всегда и всюду.

Капризиники начали колоться

Либералы никогда не отличались стойкостью во взглядах. Вот и теперь, первыми вернулись в Думу лужковские соратники из “Регионов России”, составленные из татарских ополченцев шаймиева и примкнувших к ним одиноких разбойников. Потом Кириенко чуть не бросился на шею к Путину, который пригласил его побеседовать в президентском кабинете. Змееныш тоже готов прекратить блуд и пасть на грудь родимой власти.

Пугливый бронепоезд

Когда недочищенные чеченские бандиты напали на Аргун и обложили наших на железнодорожном вокзале, подготовленный на такой случай бронепоезд волею командующего железнодорожными войсками спрятался на запасных путях. Солдаты ждали помощи и гибли под огнем превосходящего противника.

Железнодорожным омоновцам пришлось пробиваться к осажденным на открытой платформе. Зато бронепоезд остался как музейный экспонат — без единой царапины.

Дурацкий спектакль

Российские политики в Давосе опозорились перед сливками мирового бизнеса. Из уст одного из восьми сотен заполнивших зал недоумков прозвучал дурацкий вопрос “Что такое Путин?”. Сидящие

на сцене Чубайс, Кириенко, Титов и Касьянов стали переглядываться, пока в зале не возник хохот. С этого момента проблемы России здесь уже никого более не волновали.

Боевые генералы

Раньше у нас в качестве боевых генералов выдавали Лебедя и Аушева. Оба ни дня не командовали воюющими войсками на генеральских должностях, оба потом стали изменниками — проповедниками защиты прав чеченских бандитов и сепаратистов всех мастей.

Теперь у России есть боевые генералы, среди который настоящими военными вождями стали генералы Шаманов и Трошев. Именно под их руководством русские войска вбивали чеченских бандитов в наши землю. Именно они достали Басаева, которому наша мина оторвала ногу, а скоро оторвет и голову. Это их солдаты уложили при попытке выйти из Грозного более 500 бандитов.

Пора быть мужчинами

Путин подписал указ о проведении военных сборов. После десятилетия разрушения системы военной подготовки это первая попытка поставить все на свои места — все мужчины должны участвовать в обороне Отечества и уметь защищать Родину с оружием в руках.

Разумеется, после указа взбаламутилась “общественность”. Телеканалы ТВЦ и НТВ стали всхлипывать о тяжелой доле молодых людей, которым жить бы да жить, а их заставляют учиться военному делу. Поэтому от Путина нужны и другие указы — чтобы заткнуть глотку антигосударственным силам: ноющей интеллигенции и продажной журналистике.

Отреклись

В день рождения всенародного пенсионера ЕБН его бывшие соратники собрались порассуждать о бибисишном фильме “Царь Борис”. Все отреклись от Ельцина. Ни у Саттарова с Афанасьевым, ни у Савостьянова с Вощановым не нашлось для их бывшего хозяина ни одного теплого слова. Они были у него на содержании и ненавидели его, они доказывали стране благотворность ельцинизма и знали, что Ельцин — первостатейный мерзавец. Английский фильм им не понравился, потому что героями этого фильма были не они, а Чубайс, якобы не раз спасавший Россию и от коммунистов, и от диктатуры

самого Ельцина. Нам же он должен показать — на Западе тоже знали, что Ельцин — человек без чести и совести, предводитель воровской шайки, разоритель России. Знали и молчали, знали и давали кредиты. И поэтому должны ответить за все. Россия Западу ничего не должна, Запад должен России. И мы добьемся выплаты долгов за все, что Запад вместе с Ельциным сделал с нашей страной.

Глава 7. Предвыборные трагедии — большие и маленькие

“Мы всегда были охотники полгать, но не могу сказать, что между прежним, так сказать, дореформенным лганьем и нынешним такая же разница, как между лимоном, только что сорванным с дерева, и лимоном выжатым. Прежнее лганье было сочное, пахучее, ядреное; нынешнее лганье — дряблое, безуханное, вымученное.

Дореформенные лгуны составляли как бы особую касту (не всякий сознавал себя достаточно одаренным), вроде старинных “явных прелюбодеев” или нынешних рассказчиков народного быта. Они лгали не от нужды, а потому, что “веселие Руси есть лгати”. Поэтому лганье их было восторженное, художественно-образное и чуждое всякой тенденциозности. Память о лгунах нашей черноземной полосы жива и поднесь; но увы! старые тамбовцы-лгуны постепенно вымирают, а потомки их, пропившиеся и прогоревшие, довольствуются невнятным бормотанием. <…>

Словом сказать, еще немного — и эти люди рисковали сделаться беллетристами. Но в то же время у них не было одно очень ценное достоинство: всякому с первого же их слова было понятно, что они лгут. Слушая дореформенного лжеца, можно было рисковать, что у него язык отсохнет, а у слушателей уши, но никому не приходило в голову основывать на его повествованиях какие-нибудь расчеты или что-нибудь серьезное предпринимать.

Нынче на сцену выступили лгуны малоталантливые, тусклые по форме и тенденциозные по существу.

По форме современное лганье есть ни что иное, как грошовая будничная правда, только вывороченная наизнанку. Лгун говорит “да” там, где следует сказать “нет”, — и наоборот. Только и всего. Нет ни украшений, ни слез, ни смеха, ни перла создания — одна дерюжная, черт его знает, правда или ложь. До такой степени “черт ее знает”, что ежели вам в глаза уже триста раз сряду солгали, то и в триста первый раз не придет в голову, что вы слышите тристапервую ложь.

По существу, современное лганье коварно и в то же время тенденциозно. Оно представляет собой последнее убежище, в котором мудрецы современности надеются укрыться от наплыва развивающихся требований жизни; последнее средство, с помощью которого они думают поработить в свою пользу обезумевшее под игом злоключений большинство.

Дерюжность формы в особенности делает нынешнюю ложь опасною. Она принимает возможность выяснить цели лганья, а стало быть, в устеречься от него. Сверх того, лжец новой формации никогда не интересуется, какого рода страдания и боли может привести за собою ложь, потому что подобного рода предвидения могли бы разбудить в нем стыд или опасения и, следовательно, стеснить его свободу. Раз навсегда сбросив с себя иго напоминаний и уколов, он лжет нагло, бессердечно и самодовольно, так что даже достаточно проницательные люди внимают ему в недоумении или же, в крайнем случае, видя в его лганье простую бессмыслицу. <…>

Нынешний лгун… лжет на всякий случай, но лжет не потому, что у него в горле застряла случайная бессмыслица, а потому, что ложь сделалась руководящим принципом его жизни, исходным пунктом всей его жизнедеятельности. Или, говоря другими словами, он лжет потому, что, по нынешнему времени, нельзя назвать правду по имени, не рискуя провалиться сквозь землю. <…>

Прежде мы лгали, чтобы скрасить правду жизни; нынче — лжем потому, что боимся притронуться к этой правде.”

М.Е.Салтыков-Щедрин

Профанация избирательной системы

“Реальная демократия” в России — это номенклатурный обман, профанация государственного управления, использование государственного механизма и формальных процедур народовластия в личных целях некоего круга лиц. Лживость всех разговоров о демократии хорошо видна на примере выборов народных депутатов.

На выборах, проведенных по законодательству 1990 года уровень поддержки депутата избирателями составлял около 30–40 %, по закону 1993 года — в лучшем случае 15 %, а чаще всего — 10 % от числа избирателей. Если мы добавим к этому существенное усечение прав высшего представительного органа страны, да еще и давно наметившуюся тенденцию к снижению его профессиональных

достоинств от выборов к выборам, обнаружим явный подрыв легитимности режима и перспектив выправления положения в рамках установленных правил.

В сложившейся ситуации не стоит утешать себя тем, что все идет согласно Конституции и законодательству. Под сомнением сама политическая система, порождающая непредставительный и неполномочный парламент. Поэтому лучше все-таки думать над сменой “правил игры”, чем упиваться “романтикой” законопослушности перед абсурдным законом.

Наиболее существенная концентрация абсурда содержится в законодательстве об общественных объединениях и практике взаимодействия с ними органов государственной власти. Политические партии, и вообще любые структуры, которые пытаются выдвигать и разрабатывать концепции общественного развития, разрушаются, так и не став заметным явлением. В результате партии подменяются структурами совсем другого профиля. На сегодняшний день собаководы куда более уважаемы и приемлемы для власти, чем политики. Но стоит ли из этого надо делать вывод, что первым надо отдать в пользование парламент, а последних затоптать как нечто совершенно ненужное?

Несовершенство законодательства об общественных объединениях проистекает из позиции властей, предпочитающих имитировать свое внимание к возведению конструкций гражданского общества. Зарегистрировал Минюст организацию — и с глаз долой, пусть живут как хотят! Даже если все документы — чистейшая липа, даже если ни одного человека в очередной “партии” уже не осталось, даже если вся мощь организации сосредоточена в печати, присвоенной одним из членов организации! Именно поэтому на выборах 1995 никто не стремился проверить реальность той или иной организации, приносящей в Избирком свои фальшивые протоколы о выдвижениях кандидатов в депутаты и формировании избирательных списков. По закону списки кандидатов от избирательного объединения утверждаются на съездах тайным голосованием. Никакого контроля за законным порядком созыва съездов и процедурой выдвижения кандидатов не было.

Так под прикрытием фальшивого статуса продолжалась атомизация общества, обман граждан, полагающих, что они

действительно пользуются правом выбора…

Газета “Коммерсант-дейли” рассказала и о таком поразительном факте. В распоряжение журналистов попал заполненный подписной лист избирательного объединения “Социал-демократы” с печатью ЦИК. Если один подписной лист мог исчезнуть из сейфов ЦИК, то можно с уверенностью предположить, что сейфы ЦИК — просто “проходной двор”.

Государственные “верхи” не обеспечивали разумного отношения к общественным объединениям со своей стороны. То есть власть не собиралась укореняться, искать опору среди граждан, а значит — стремительно деградировала. С 1995 всякое обсуждение законодательства стало дурным спектаклем в условиях разложения политической системы.

Особо стоит упомянуть о полном провале новоиспеченного избирательного законодательства. Прогноз резкого сокращения количества избирательных блоков на выборах 1995 года по сравнению с выборами 1993 года оправдался с точностью до “наоборот”.

Но главное, что профанировало российский парламентаризм “демократического” образца — отсутствие финансового контроля за избирательной кампанией со стороны государственных органов. Выборы были превращены в праздник Золотого Тельца без всяких ограничений. Побеждал не тот, кто прав, а тот, кто смог собрать больше средств.

В 1995 году сумма в сто миллионов рублей, выделяемая денежными мешками на выборы, для кандидата в одномандатном округе была смехотворно незначительной. Откуда появлялись и на что тратились эти колоссальные средства? Избирательные комиссии это не интересовало.

Не секрет, что перед выборами (и даже за долго до их объявления) можно было за несколько миллионов рублей “купить” общественную организацию с общероссийским статусом и правом формировать партийные списки. То есть, можно было из нуля, из политического ничто делать нечто, действительно влияющее на весь расклад политических сил, на развитие страны. Причем, собаководы здесь опасны лишь своей политической некомпетентностью. Более серьезную опасность составляют преступные элементы, купившие место в политике на ворованные деньги.

Тем, кто занимался выборами в 1993 или в 1995 годах прекрасно известно как собираются подписи для выдвижения кандидатов в депутаты. Подавляющее большинство подписей — типичные фальшивки, изготовление которых стало профессиональным делом. За плату вам могут “изготовить” любое количество подписей. Причем в нашей “демократической” системе “изготовленные” подписи мало чем отличаются от “собранных”. Как, например, можно было бы в 1995 году устроить передачу собранных подписей “ДемРоссии” Явлинскому (“Известия” 10.03.99)? Только подделать.

Центральная избирательная комиссия не в состоянии вычислить фальшивки и выловить подделки. Разве что для вида отбросит несколько тысяч подписей сомнительного качества.

За полгода до выборов 1995 ЦИК пугал всех потенциальных участников избирательной кампании обостренным вниманием к финансовой стороне дела. За подкуп избирателя угрожали даже Уголовным кодексом. Но в избирательной законодательстве не оказалось запрета оплачивать работу сборщика подписей. Следить же за тем, чтобы не платили избирателям за подписи, никто и не собирался. Так “рынок” стал элементом избирательной кампании. Началась приватизация политики, разодранной на куски.

Взять хоть тех же демократов. Они зачастую сами не воруют, что позволяет им считать себя порядочными людьми. Но, как известно, использование “грязных” денег не может считаться “чистым” делом. А в избирательной кампании 1995 года грязные деньги использовались в полной мере.

Вот например, господин Борщев — депутат Госдумы от “Яблока” в 1993 и 1995 году (а в прошлом — депутат Моссовета), диссидент, увивавшийся вокруг Солженицына и даже ездивший встречать его на Дальний Восток. Конкуренты Борщева рассказывают (врут, поди!), что бедный диссидент обеспечил всех детей дошкольного возраста в своем избирательном округе зимними сапогами. Детям и их родителям это было, безусловно, приятно. Но вряд ли им было бы приятно узнать, что заплаченные за сапоги деньги почерпнуты из их собственного кармана.

Другой пример. Бедный диссидент и “правозащитник” С.Ковалев заплатил за свою избирательную кампанию по оценкам его оппонентов (эти тоже, разумеется, врут) около миллиона долларов. Кончено не все

выплачивалось наличными. В такую сумму избирательная кампания обошлась бы любому кандидату, будь он на месте Ковалева. Ведь ему бы пришлось оплачивать коммерческий канал телевидения по очень ощутимой цене (Ковалев занимал его по полчаса в день). Конкурент Ковалева О.Румянцев смог выйти в эфир только однажды — всего на десять минут.

“Бедные” демократы просто завалили Москву своими цветными буклетами. В одном из избирательных округов нам довелось видеть цветное изобилие, изданное для избирательных кампаний “демократов” Гусмана и Мурашева. Тираж был впечатляющий — по буклету досталось буквально каждому избирателю. Кто же устоит перед Гусманом, если в его буклете есть все — от адресов и телефонов магазинов и местного чиновничества до кулинарных рецептов.

Избирательная кампания вообще может быть превращена в коммерческое предприятие. Ведь Законом предусмотрено выделение бюджетных средств для каждого блока или объединения. При отсутствии шансов пройти в Думу можно участвовать в выборах не для того, чтобы выиграть, а для того, чтобы присвоить около 2 млрд. бюджетных средств и воспользоваться бесплатной телерекламой. Затраты на фабрикацию подписей сторицей окупались государством, выделяющим немалые средства каждому зарегистрированному кандидату. (Впрочем, за исключением оппозиционеров, которым деньги перечисляли только когда выборы уже состоялись, По этой причине деньги забирали обратно.) Последствия такой профанации политики как для “верхов” общества (правящей номенклатуры, имущественной элиты), так и для “низов” весьма существенны.

Сюда добавляется также ответственность государства по искам пострадавших подрядчиков избирательной кампании, доверившихся неправомочным субъектам (блокам), оформившим фиктивные договоры. К этому подталкивала специальная инструкция ЦИК, предписывающая средствам массовой информации заключать договора с избирательными блоками, которые, не являлись юридическими лицами и не могли, согласно действующим законам, нести ответственность по своим договорам.

Избирательный блок в результате шизофренического законотворчества оказался таким субъектом выборов, который, в отличие от избирательного объединения, не является даже

общественным объединением, и был избавлен от ответственности перед законом с момента завершения выборов. С одной стороны имелись избирательные объединения со своими уставами и регистрационными документами, руководящими органами и всей полнотой ответственности перед законом; с другой — избирательные блоки без уставов и регистрационных документов, полностью освобожденные от ответственности перед законом. Это прямо противоречило Гражданскому кодексу, но “демократам” и их Избиркому до этого дела не было. Им выборы подавай!

За деньги можно вполне справится с избирателем, обработав его рекламными роликами и цветными буклетами. Кроме того, дополнительным ресурсом избирательной кампании становится неполитическая известность. При прочих равных условиях, диктор телевидения или популярный артист легко выиграет выборы у любого политика. Поэтому дальновидные и состоятельные “политики” на время избирательной кампании ангажировали известных персон для своей свиты. Политика тут не при чем. Поэтому и парламент получился что в 1993, что в 1995 к политике не причастный. То есть — фальшивый.

Плата за подпись в ходе кампании 1995 года колебалась в разных регионах страны от 500 рублей до 5 тыс. На излете избирательной кампании в условиях цейтнота расценки поднимались до 10 тыс. за подпись. Платили все кандидаты и избирательные объединения без исключения.

Огромное количество подписей хождением по квартирам или стоянием в пикетах не соберешь. Поэтому фамилии с адресами и паспортными данными добывались в жилконторах, общежитиях, гостиницах и отделах кадров. После этого команда оплаченных “энтузиастов” устраивала конвейер по изготовлению подписей. Некоторые финансово слабосильные партии торговали собственными подписными листами, позволяя переписывать их своим более обеспеченным конкурентам.

Центризбиркому все это было, что называется, до лампочки. Даже несмотря на то, что фальшивые подписи на одном подписном листе оказывались подозрительно похожими и не составляло большого труда их выловить.

* * *

К 1995 году Ельцин уже пережил им же созданный режим и Россия вступила в период постельцинизма — в тягучую стадию подковерной борьбы за наследство, которым никто не хотел владеть, но все хотели разворовать окончательно. Борьба шла за право разграбить то, что не разграбили проходимцы ельцинского призыва.

Политика в этот период окончательно утратила понимание высших ценностей, ее язык становился лживым по определению. Это означало, что людям чести в политике делать нечего. Если, конечно, не превращаться в партизан и не пускать под откос номенклатурные программы.

Следствием профанации стало разложение центров публичной власти, полное недоверие к политикам со стороны населения, неприятие режима культурными слоями общества. Конфликт и очередной передел власти в таком случае просто неизбежен, даже если избиратели будут так же исправно посещать участки для голосования, как это было во времена не столь отдаленные. Правды от политиков все-таки еще ждут. Только от новых политиков, не запятнавших себя сотрудничеством с ельцинистами и коммунистами.

Второе следствие — безнадежный провал парламентаризма, многопартийности, а с ними и всего института права, так или иначе, задающего правила экономической и политической конкуренции. Дальнейшее неизбежное развитие кризиса — замена политики борьбой мафиозных кланов, в которой интеллект и интересы страны ценятся меньше всего. Парламентаризм как инструмент разрешения конфликтов, изучения общества, система организации законодательной деятельности исчезает, покрывается непрерывным “стебом” избранников народа, от которых уже больше ничего другого не ждут.

Третье следствие — ликвидация возможности апелляции к народу, бессилие доводов разума, приводимых политиками. Для населения России исчезает “ощущение” государства как рациональной силы, стремящейся к справедливости и благу народа. В результате народ самоотчуждается от власти, утрачивает правосознание и мотивы к честному труду.

Если перечисленные следствия признаются кем-то явно нежелательными, необходимо определиться, какие же меры нужны, чтобы не допустить их наступления. Никаких других инструментов, кроме политической воли, тут нет. “Верхи” общества должны проявить

волю к самоорганизации и утверждению иных “правил игры” в политике, чем те, которые действуют сегодня. Поняв подлость ситуации и собственную подлость, эти “верхи” должны раскаяться хотя бы внутренне, чтобы не протухнуть окончательно, и приступить к деятельному переосмыслению свой роли в истории России, почувствовать ответственность за ее судьбу.

Избавиться от опасной перспективы полной профанации политики можно использовав то законодательство о выборах, которое действовало на выборах в 1990 году (исключительно мажоритарные выборы, полное равенство кандидатов в средствах агитации, упрощенный порядок выдвижения), а также опыт зарубежных стран (например, установление ценза оседлости для кандидатов, введение денежного залога, который не подлежит возвращению, если кандидат набрал менее 5 % голосов, обволакивание парламента сетью исследовательских центров и пр.).

Необходимо принципиальное изменение отношения к партиям и общественным объединениям в целом. Должен быть введен жесткий контроль, направленный на то, чтобы партии действительно таковыми становились, выдвигали бы политические концепции, пропагандировали их среди населения, профессионально оппонировали правящим силам и отвечали бы перед избирателями за свои официальные предвыборные платформы. Тогда этот процесс происходил бы при содействии государства, под его контролем, была бы известна реальная обстановка с общественной поддержкой режима, а не удобная иллюзия.

Другая необходимость — восстановление единообразного исполнения законов на территории России. Ведь ельцинская Конституция стала фиговым листком для прикрытия наглого сепаратизма и антигосударственных мятежей.

Особенно остро продемонстрировали это выборы в регионах в 1996–1997 гг. Нарушая принцип равенства граждан России, руководство Бурятии, Ингушетии, Коми, Марий Эл, Чечни, Якутии объявили, что избранными в этих республиках могут быть только их граждане. В Якутии, Адыгее, Дагестане, Калмыкии, Карелии, Туве, Алтайском и Хабаровском краях, Амурской, Брянской, Иркутской и других областях был установлен "ценз оседлости", что неплохо для культурно развитых регионов и ужасно для регионов, разложившихся,

пронизанных коррупцией и уголовщиной. Обстоятельство, что для избрания главой республики Саха надо прожить на ее территории 15 лет, может наносить системе власти только вред. Для Адыгеи, Башкирии, Бурятии, Кабардино-Балкарии, Коми этот срок — 10 лет, для Карелии и Хакасии — 7 лет. По Закону России этот срок составлял лишь 1 год ("Век", № 43, 1996).

Ценз оседлости, если и вводить, то только для избирателей, а вовсе не для кандидатов на властные посты. Вместо этого России в республиках и областях номенклатура подсунула свои правила, которые вели к одному — расчленению страны по уделам.

Ну а Центризбирком на любых выборах делал вид, что просто захлебнулся в потоке нарушений российского законодательства, правоохранительные органы самоустранились, правительство отмолчалось. В итоге все “наелись” — получили на выборных постах практически сплошь недееспособных людей.

*** * ***

Есть еще одна проблема, связанная с выборами. В отличие от предыдущей, которая ясна и легко разрешима при наличии желания, данная проблема еще не стала предметом обсуждения и осмысления даже в тех интеллектуальных кругах, которые обязаны ее осмыслить и предложить пути решения.

Практически все внимание как на состоявшихся в 1995 году, так и на первых в истории существования “независимой” Российской Федерации президентских выборах-1996 сосредоточивалось лишь на одном вопросе — за какую партию или за какого кандидата будут голосовать избиратели. Наши аналитики, журналисты, политические деятели, средства информации России в этом отношении мало чем отличались и отличаются от североамериканских, когда подобные выборы происходят в США. Но РФ — отнюдь не США и подобная роскошь для нас выяснения вопроса не о том, как будут голосовать граждане РФ, а о том кто голосует в качестве граждан РФ? Проблема гражданства, на которую в РФ никто не обратил внимание при ликвидации СССР, теперь становится решающей.

Дело в том, что СССР, где существовал институт единого союзного гражданства, не осуществлялось оформления гражданства “союзных республик”. Считалось само собой разумеющимся, что гражданин СССР одновременно является гражданином той “союзной”

республики, на территории которой он постоянно проживает в данный момент времени. Следовательно, русский, приезжая, допустим, из Воронежа в Ригу, а из Риги в Ташкент, оставаясь гражданином СССР, в то же время был то “гражданином” РСФСР, то Латвийской ССР, то Узбекской ССР. Все понимали (в том числе и власти), что “республиканское” гражданство является иллюзией. Так как не существовало “республиканских” паспортов, то не было и реального “республиканского” гражданства. Никто и никогда этого гражданства не оформлял, в этой процедуре не было практической необходимости.

Положение изменилось принципиально, когда на месте СССР образовалось почти два десятка “суверенных” государств, когда прекратилась (была взорвана и растоптана) более чем двухтысячелетняя история “старой России” и началась история “новой России”.

На естественный вопрос, кого следует считать гражданином этого никогда ранее не существовавшего государства, последовала ссылка на “закон” РСФСР от 28 ноября 1991 года, то есть на правовой акт, принятый в условиях, когда “суверенной новой России” еще не существовало, а ее территория представляла собой часть иного государства — Советского Союза (Советской России). В этом “законе” гражданами РСФСР, разумеется, признавались “все граждане… СССР, постоянно проживающие на территории РСФСР на день вступления в силу настоящего Закона, если в течении одного года после этого дня они не заявят о своем нежелании состоять в гражданстве РСФСР”.

Возникла, таким образом, парадоксальная ситуация. “Старая Россия” распалась по этническому признаку — на государства русских, украинцев, молдаван, грузин, армян, казахов, туркмен и т. д., а совместно жившие в едином государстве народы их руководители продекларировали взаимно возникшую, мягко говоря, неприязнь друг к другу и дальнейшую неприемлемость совместного политического развития. Власть “новой России” при этом, как ни в чем не бывало, сохранила ранее действовавший (абсолютно фиктивный), признак приобретения “республиканского” гражданства. Был сделан вид, что при ликвидации СССР (“Старой России”, с 1918 года “советской”) не произошло ничего необычного, в том числе и в вопросе приобретения гражданства в новом (действительно новом!) государстве.

Но как бы власть РФ не игнорировала действительное положение вещей, проблемы возникли сразу же после оформления Беловежских и Алма-Атинских соглашений 1991 г. Оказалось, что власти новых государств не столь наивны, как их российские коллеги. Они сразу же приступили к юридическому оформлению национальной правосубъектности, предоставляя преимущества лишь титульной нации. Поскольку признано существование, к примеру, “суверенного” Казахстана, то это государство и на самом деле должно быть формой самоопределения казахской нации, а вовсе не всех проживающих на территории Казахстана граждан “бывшего” СССР. Еще более последовательными в этом вопросе оказались власти стран Прибалтики. Они немедленно ввели в отношении приобретения гражданства право крови, право, фактически существующее во всех государствах Европы.

После того, как во всех новых государствах, созданных на месте старой России (кроме РФ) стал реализоваться принцип “цивилизованного” права в отношении приобретения гражданства этих государств, оказалось, что русским (и даже всем русскоязычным) в этих государствах жить крайне “неуютно”. Везде они очутились в положении дискриминируемого меньшинства, повсеместно их положение приравняли к положению апатридов, “мигрантов”, “оккупантов”, людей второго или третьего сорта, одним словом — к положению неграждан или неполноценных граждан. Оказалось, что применять механически законодательство о гражданстве, существовавшее в СССР, к гражданству новых государств просто-напросто невозможно. В противном случае политический статус более чем 50 миллионов человек — граждан бывшего СССР — ставится под вопрос.

Однако это обстоятельство во сути дела проигнорировано государственными органами Российской Федерации. Они на протяжении последних лет, в течении всего переходного срока существования властных институтов, созданных в рамках старой России, так и не урегулировали проблему гражданства для новой России. В результате спорным становится легитимность всех так называемых федеральных органов власти, которые должны избираться “гражданами Российской Федерации”, поскольку именно они, в силу

общепринятых международных традиций, являются единственным источником суверенитета.

На практике это привело к следующим противоречиям. Формально право голоса в качестве граждан РФ по закону 1991 года приобрело чуть больше 107 млн. человек — те, кто оказался застигнутым в день распада СССР на ее территории и кто приобрел гражданство РФ по “праву жильца”. Только их учитывают местные органы исполнительной власти и только они включены в избирательные списки.

Следовательно, более чем 50 миллионам человек, которые относят себя к русским или к другим коренным народам территории “новой” России фактически отказано в российском гражданстве, и они отстранены от участия в определении судьбы своего подлинного Отечества.

Народный суверенитет — основной принцип любого современного государства — проигнорирован, так как треть русских по крови и духу отстранены от участия в выборах, так как более 30 млн. избирателей оставлено за пределами избирательных списков. При этом совершенно безразлично, где эта часть русского народа фактически проживает. Поскольку за пределами Российской Федерации их гражданский статус не признается, то они должны быть полноценными гражданами новообразованного “русского” государства, и они должны иметь право и реальную возможность участвовать в выборах органов власти новой России.

Имеется и другая, не менее парадоксальная сторона проблемы “российского гражданства”. Не признавая русскими гражданами более трети русских людей, законодательством признаны в качестве полноценных граждан РФ те ее “жильцы”, которые не считают себя русскими в новой России, а относят себя, и вполне обоснованно, к тем нациям, которые только что или несколько ранее приняли решение о суверенном государственном существовании вне России. Почти 10 млн. человек, заявившие о своей нелояльности в отношении новообразованного русского государства, тем не менее приобрели гражданство этого государства, являясь по сути иностранцами на ее территории. Не менее 7 млн. из них включены в избирательные списки и определяют теперь судьбу России — судьбу страны, к которой они, в лучшем случае, равнодушны.

На самом деле эта часть жителей РФ является и не может объективно не являться “пятой колонной” тех стран, официальные власти которых именно сейчас враждебны России, ибо проводят откровенно антирусскую политику, дискриминируя местное русское население. Спрашивается, есть ли здесь логика?

Поскольку украинцы, белорусы, литовцы, латыши, эстонцы, грузины, армяне, азербайджанцы, казахи, туркмены, киргизы, узбеки, таджики, как народы, разорвали в течении 1990–1992 годов узы национального и государственного единства с русским (великорусским) народом, то какой логикой, спрашивается, можно объяснить, что законодательство РФ автоматически признает представителей именно этих народов полноценными гражданами РФ и предоставляет им право решать судьбу новообразованного русского государства? Ведь именно с Российским государством именно эти народы не желают иметь ничего общего!

Одновременно лишаются российского гражданства собственно русские, а также казанские татары, башкиры и другие представители коренных народов на том только основании, что их постоянное место жительства в день принятия РФ закона о гражданстве в 1991 году было за пределами “административных” границ РСФСР. Такое законодательство не может не быть признано дискриминационным, но не в отношении “чужих”, а как раз в отношении своих. Следовательно, оно оказывается не действительным законом, а форменным издевательством над законностью.

Эта юридическая дискриминация тем более нетерпима и недопустима, что она осуществляется властями РФ “переходного периода” как раз тогда, когда другие новообразованные государства признают своими граждан лишь по “праву крови” вне зависимости от места их проживания.

К сожалению, надо признать, что политика дискриминации в “новой России” русского и других коренных народов не является признаком некомпетентности власти или фактором ее “недосмотра”. Как раз наоборот. “Переходная” власть, и не только законодательная, как можно было бы полагать, достаточно последовательна в своих действиях. В подтверждение этого мнения сошлемся еще на один пример.

Исполнительная власть РФ фактически проигнорировала важнейшее решение Конституционного Суда от 16 мая 1995 года по жалобе гражданина Смирнова в отношении закона о гражданстве. Суд признал считать гражданами РФ всех граждан бывшего СССР, которые родились на территории, входившей на момент их рождения в состав РФ (РСФСР), если они проживали за пределами РФ, но впоследствии вернулись на постоянное жительство в пределы РФ. Таким образом с 16 мая 1996 года количество граждан РФ должно было увеличится не менее чем на 3–5 млн. человек, поскольку Казахстан и Киргизия до 1936, а Таврия до 1954 года являлись территорией РСФСР. От 1,5 до 3 млн. человек так и не было после этого решения включено в избирательные списки, и они не знали, что имеют право участвовать в выборах.

Даже по одному этому основанию выборы как минимум надо было бы отсрочить, чтобы местные администрации смогли осуществить регистрацию “новых” граждан, а избирательные комиссии обеспечить условия для их участия в выборах. Но ничего этого не было сделано.

Какой вывод напрашивается после этого?

Российская Федерация оказалась государственным образованием, в котором не только не были определены ее границы, но где так и не был цивилизованно решен вопрос о гражданстве. В сущности не создано законных условий для того, чтобы можно было формировать полноценные, а не “переходного периода” органы власти и определять пределы суверенности.

Пять лет, прошедших с момента принятия Декларации о государственном суверенитете РСФСР, были истрачены, по большому счету, попусту. Они свелись к изготовлению разнообразного законодательного “мусора”, к демагогии, под прикрытием которых происходило своекорыстное присвоение и расхищение материального богатства достаточно узким слоем “номенклатуры” и той части “жильцов” (а вовсе не граждан), которые теперь получили название “новых русских”.

Следствием всего этого стало фактическое устранение от участия в определении судьбы страны примерно 25–30 млн. взрослых жителей бывшего СССР, которые и по совести и по праву должны являться подлинными гражданами России, ибо принадлежат к ее коренным

народам. Одновременно до 6 млн. человек, которые в сущности являются “гостями”, предоставлено право гражданства и, возможно, именно их пристрастное голосование определяло, кому занимать парламентские, президентское и иные властные места.

Пока более чем трети граждан “новой” России отказано в праве гражданства, у нас нет и не может быть настоящей национальной демократии. Поэтому нет основания и для того, чтобы считать переходный период конституирования “новой России” завершенным, а выборы парламента и президента, региональных представительных и исполнительных властей — подлинно законными и по-настоящему легитимными.

Виртуальная многопартийность

Велико на Руси стремление сделать все “как у них”. Особенно остро это стремление проявилось после падения “железного занавеса”, когда все положительные стороны западных демократий казались ясными, а негатив практически не был виден. Именно в такой обстановке зарождалась российская многопартийность.

На подготовительной стадии перед созданием партий посткоммунистического образца особенной популярностью пользовалась социал-демократическая идея, которую обществоведы достаточно хорошо изучили в прежние времена. Казалось, что в рамках разрешенного “плюрализма” КПСС может позволить рождение только такого типа политических инициатив — родственных собственным программным установкам. Повсеместно создавались партклубы, марксистские, социалистические, социал-демократические и даже большевистские кружки. Высшим пиком общественной активности на этом этапе было создание в начале 1990 г. Социал-демократической ассоциации (СДА), в которую вошло множество известных деятелей “демократического” движения, включая радикальных либералов Межрегиональной депутатской группы.

Очень скоро обнаружилось, что КПСС практически не в состоянии препятствовать появлению самых разнообразных политических воззрений. Страх прошел, публикации, подобные письму Нины Андреевой, после которого ожидались репрессии к инакомыслящим, никого уже не повергали в шок. Наоборот, оказалось, что антикоммунистическая риторика дает любому общественному деятелю шанс попасть в историю или в парламент (что представлялось

как одно и то же). Создатели СДА разошлись по собственным партийным квартирам, формируя организации не на основании какого-либо комплекса идей, а “под себя”.

В 1990 году партийный плюрализм развернулся в полном масштабе. После выборов почти мгновенно политическое пространство по оси “коммунизм-антикоммунизм” было заполнено разнокалиберными организациями. Все их можно было расставить в ряд, различая лишь по признаку лояльности к идеям марксизма-ленинизма. Между тем, идентификация партий по их положению на оси “левый-правый” была чисто внешней и не отражала реальной мировоззренческой ориентации партийных активистов. Программное разнообразие подчас исчерпывалось различиями в пересказах положений “Декларации прав человека”. Самоопределение партийных лидеров происходило скорее не на основании продуманных мировоззренческих установок, а по принципу заполнения одной из пустующих ячеек на оси “левый-правый”. В результате при формальном разнообразии политические группировки отличались друг от друга лишь повадками лидеров, но не идеологией.

Идеологическое однообразие позволяло аморфным движениям вытеснять партии из сферы политической конкуренции, что и было с успехом сделано блоком “Демократическая Россия”. Лидеры этого движения не несли перед ним никакой ответственности, позволяя “массам” поддерживать их “путь во власть”. Такая схема оказалась куда более эффективной, чем партийная, предусматривающая ответственность перед осведомленными во многих деталях членами организации.

По мере того как демократическое движение завоевывало все большее влияние, нарастал и энтузиазм партийного строительства. После провала ГКЧП и ликвидации КПСС одновременно и тихо исчезло движение “Демроссия”, в котором номенклатура уже более не нуждалась. Зато на пике послепутчевого энтузиазма партии демократической ориентации стали получать офисы, учреждать новые и захватывать старые газеты. Но, странное дело, получив ресурсы, российские партии начали стремительно терять авторитет.

Кроме того, с 1991 г. в стране “победившей демократии” основные программные принципы партий-победительниц стали частью правительственной программы или элементами ее

пропагандистского оформления. Партийным деятелям, фактически лишенным права вкусить плоды победы, оставалось лишь заниматься внутренними “разборками” в собственных организациях. Началась эпоха партийных расколов, через которую без ущерба не прошла практически ни одна партия. Это означало еще большее ослабление партийной системы, которую в Кремле могли уже совершенно не замечать. Там складывалась своя партия — “партия Кремля”, “партия власти”, партия новой номенклатуры. Эта неофициально существующая структура, оформленная в большей степени не единством мировоззрения, а единством административной системы и интересом консолидированной бюрократии, в последующие годы в наибольшей степени влияла на расстановку политических сил и их влияние на положение в стране. Сложенная практически полностью их элементов хозяйственных “верхов” прежней номенклатуры и поглотившая наиболее амбициозных лидеров демократического движения, новая номенклатура постепенно превращаясь в своеобразную суперпартию, несущую на себе ряд черт, унаследованных ею от КПСС.

Объединительные попытки в этот период проваливались именно из-за того, что их пытались использовать либо для того, чтобы въехать в Кремль, либо войти в руководство оппозиционных сил, а через него — тоже в Кремль. Проваливается ряд инициатив создания блока некоммунистической оппозиции: Российское народного собрание, блок патриотов Русский национальный Собор (от Зюганова до Стерлигова и Баркашова), блок “объединенной оппозиции” Фронт национального спасения, “центристы” Гражданского союза (от Руцкого до Шумейко).

К 1993 году в стране фактически была восстановлена однопартийная система. С тех пор в публичной политике лишь КПРФ имеет какую-никакую идеологию и социальную базу. Сравним: численность партийных организаций всех демократов вместе взятых в Москве — оплоте и историческом центре демократического движения — в двадцать раз меньше, чем численность парторганизации КПРФ.

Сферы влияния были поделены между КПРФ и кремлевской номенклатурой в октябре 1993 года. А все промежуточные звенья уничтожены. Система местного самоуправления, представительные органы на местах (Советы), способные стать базой для разнообразных политических структур, были выкорчеваны, вырублены под корень.

В 1993–1995 партийная среда окончательно деградировала. Партии “съеживались” в избирательные штабы лидеров общественного мнения, а группировки, организованные на идеологических основаниях, превращались в маргинальные и невлиятельные обломки многопартийности. Парламентские выборы 1995 года особенно отчетливо это показали — был поставлен рекорд по изобилию ранее никому не известных партий-однодневок и движений-призраков.

Маргинализации партийной системы способствовало обновленное после 1993 г. избирательное законодательство, не ставящее никаких преград нарушению равенства условий предвыборной агитации. Несмотря на попытки создания системы контроля за финансированием избирательных кампаний в 1993 и в 1995 годах, все они были скорее имитациями. Реально в избирательных кампаниях беспрепятственно покупались подписи избирателей при выдвижении кандидатов (в том числе и фальшивые, составленные по базам данных коммунальных или правоохранительных служб), журналистские перья, места в избирательных списках. Причем определенный законодательством порядок формирования избирательных фондов и расходования поступивших в эти фонды средств контролировать было некому. Даже возникший уже после выборов 1993 скандал по поводу участия иностранного капитала в финансировании ряда избирательных объединений не привел к каким-либо последствиям. Правоохранительная система действовала по принципу “победителей не судят”.

Фактически только объем финансовых вложений в рекламную кампанию и личная известность кандидатов в депутаты определяли расклад голосов. Конкуренции идей на выборах не возникало. Все сводилось к примитивно простой дилемме: “за реформы” или “против реформ”. После того, как избранные депутаты занимали свои места в парламенте, даже эта дилемма отходила на второй план.

В 1995–1997 в связи с исключительно финансовой формой политической конкуренции общепринятой стала технология “мыльных пузырей”. Эта технология предполагает создание организаций на базе уже существующих структур путем покупки подписных листов, необходимых для официальной регистрации. В дальнейшем никаких

региональных структур не создавалось, и действовал лишь штаб лидера, ведущего непрерывную избирательную кампанию.

Вторая характерная черта виртуальной многопартийности — иллюзия строительства мощных межпартийных блоков. Так, коммунисты, отдавшие победу на президентских выборах своим противникам, создают Народно-патриотический союз России (НПСР), куда входят 150 (!) партий и движений. А.Лебедь, создавая свою Народно-республиканскую партию, говорил о вступлении в нее 50 (!) партий. На либеральном фланге тоже десятками маломощных или мифических организаций непрерывно создаются коалиции. Во всех частях политического спектра организуются союзы “мыльных пузырей”: у демократов — блок “Новая Россия”, ОКДОР, ОДЦ, Коалиция либеральных и правоцентристских партий и движений, Поколение рубежа, РНК и т. п.; у социалистов — СДС, “блок Ивана Рыбкина”, движение “Союз реалистов”; у коммунистов — СКП КПСС, Роскомсоюз, Союз народного сопротивления; у патриотов — социал-патриотическое движение “Держава”, СПНОР. Большая часть этих коалиций рассыпалась.

Еще один признак современной многопартийности в России — бум социалистического строительства. Количество социалистических, социал-демократических, социальных партий превышает все мыслимые масштабы (партии Л.Вартазаровой, И.Рыбкина, М.Шаккума, Ю.Петрова, В.Брынцалова, А.Яковлева, Г.Попова, осколки СДПР, позднее — организации А.Николаева, А.Исаева…).

В зазор между суперпартиями (коммунистами НПСР\КПРФ и “партией Кремля”) пытались внедриться многие общественные деятели, не принятые у тех и других. Даже радикально либеральные взгляды для этих целей отбрасывались — ведь либеральная микропартийность с очевидностью потерпела поражение на всех фронтах, образовав целое кладбище провалившихся политических проектов (ПРЕС, ПЭС, “Вперед, Россия!”, движение “Выбор России”, Федерально-демократическая партия “ДемРоссия” и т. п.). Отсюда и возникает суета в социалистическом секторе, конкуренция между многочисленными “поправевшими коммунистами” и “полевевшими либералами”.

Между тем, несмотря на усилия многочисленных энтузиастов, буферной зоны между двумя суперпартиями не возникло. Это

обусловлено совершенно различным характером их деятельности. Коммунисты стремятся осваивать чисто политические технологии (все менее успешно), а “партия Кремля” — чисто манипулятивные (тоже все менее успешно). Борьбы за умы не возникает вовсе. Скорее возникают внутренние фракции, порождаемые лидерскими амбициями или экономическими интересами: в КПРФ — “ортодоксы” и “традиционалисты”, в “партии Кремля” — “фракция Старой площади” и “фракция Краснопресненской набережной” (позднее добавилась и третья фракция — фракция московской номенклатуры “Отечество”).

В период 1993–1999 г. политическое пространство почти без остатка поделено между двумя суперпартиями — КПРФ и “партией Кремля”, действующими каждая в своей особой зоне.

В борьбе за тотальный контроль собственного пространства каждая из суперпартий действует специфическим образом. Коммунисты стараются монополизировать сферу идеологии, осваивают не столько марксистско-ленинское наследие, сколько идейное наследие антикоммунистов начала века, адаптируют его под себя. По сути дела внутри самого коммунистического движения создается буферная зона, в которую втягиваются ранее идеологически неприемлемые группировки. Так, по технологии “мыльного пузыря” рождается движение “Духовное наследие”, да и сам миф о народно-патриотическом движении — НПСР, мирно почивший уже к лету 1999.

“Партия Кремля”, напротив, делает ставку на технологию — создает рекламные концерны для грядущих избирательных кампаний, формирует сеть непартийных фондов, гуманитарных организаций, обществ защиты прав налогоплательщиков и т. д., патронируемых госструктурами и выполняющих их установку на достижение победы в очередном туре борьбы за власть.

Неприемлемость для “партии Кремля” публичных технологий показывает опыт создания и деятельности движения “Наш дом — Россия”. Относительный успех на выборах 1995 года обернулся для НДР образованием крайне аморфной фракции, вопреки ожиданиям так и не ставшей проводником правительственной политики в Думе. Это не удивительно, поскольку на изначальную недееспособность НДР в качестве политической группировки указывало полное отсутствие собственного политического лица. Как поведал лидер движения “Духовное наследие” А.Подберезкин в интервью “Независимой

газете”, даже программы НДР к парламентским выборам 1995 года готовили его эксперты. (Данное обстоятельство является также яркой иллюстрацией своеобразного симбиоза двух противостоящих друг другу суперпартий.)

То же самое произошло и с инспирированным из Кремля созданием системы “Народных домов”. Предоставленные ресурсы к 1998 по большей части достались организациям, вошедшим в Коалицию либеральных и правоцентристских партий и движений, настроенных к власти более чем критически.

Спокойное отношение к деятельности экстремистских организаций со стороны властей (а возможно и косвенная их поддержка), по всей видимости, объясняется попыткой пробудить у общества симпатии к основной политической линии власти, пользы тоже не принесла. Даже специально разрекламированный в СМИ съезд РНЕ, собравший более тысячи делегатов, не менял ситуацию — опасностью “фашизма и национализма” были озабочены не более 3 процентов граждан России.

Аналогичным образом можно утверждать, что коммунистическая оппозиция неизменно терпит провал при попытках вторгнуться в область административных технологий. Попытка стать “системной оппозицией” привела к потере несколько влиятельных персон, “ушедших во власть”, а заодно была подмочена репутация КПРФ в глазах радикальных противников современного курса Кремля. В полгода исчерпался ресурс правительства Примакова с сильной группировкой “левых”. Кремль легко расправился с ним.

Падение популярности двух суперпартий, по всей видимости, приведет их к необходимости заимствовать пропагандистский материал у социалистов и национал-патриотов, привлекая идеологические заготовки из соответствующих секторов политического спектра. В 1997–1999 такого рода заимствования делались с нарастающей энергичностью. От этого неразличимость “суперпартий” еще более укрепилась.

Утрата властью контроля за привычными ей рычагами, ставшая особенно очевидной после региональных выборов, а также потеря коммунистами перспектив объединить протестный потенциал общества на президентских выборах 1996, породили многочисленные инициативы “третьего пути”.

Ранее такого рода попытки возникали лишь на периферии политической жизни — в движении “Память”, мелких “русских партиях”, микрогруппировках “русских фашистов”… Вместе с тем практически весь маргинальный слой голосующей публики концентрировался на поддержке ЛДПР как наиболее влиятельной организации в некоммунистической оппозиции. Научившись лавировать между двумя суперпартиями, ЛДПР то и дело меняет облик, становясь то респектабельной силой, то свитой шута.

Самый длительный проект “третьей силы” принадлежит Явлинскому, который попытался превратить разнородные региональные организации, составившие движение “Яблоко”, в “демократическую оппозицию”. К 1996 стало ясно, что этот проект не поддержан демократическим движением в целом (которое само находилось в глубоком кризисе) и фактически выродился в одну из мелких социалистических инициатив (соответствующим образом была выстроена программа Г.Явлинского на президентских выборах 1996). В 1999 “Яблоко” выделялось только на фоне полного распада всех прочих “демократических” организаций, оставаясь при этом бестолковым альянсом самых разных людей.

Наиболее заметная попытка игры в “третий лишний” — кампания Лебедя, который умудряется говорить о “третьем пути”, практически ничем не отличающимся от идеологических установок радикальных либералов, объединяя вокруг себя именно таким образом настроенных политиков (наиболее яркой фигурой в этом отношении стал Г.Каспаров, хорошо известный своим радикализмом еще членам ДПР “травкинского призыва” — 1990 г.).

Среди попыток создать “третью силу” есть и вовсе анекдотическая — инициатива В.Шумейко с движением “Реформы — новый курс”, которое в 1997 году переориентировано на создание движения “Россия православная”. Созванное в тайне от православной общественности, оно было нацелено скорее всего на то, чтобы заблаговременно утопить всякие попытки использования православного мировоззрения при решении политических вопросов — точно так же, как были “утоплены” незадолго до того все попытки использования в политике монархических взглядов.

Современная квази-многопартийность в России характеризуется непрерывным дроблением на флангах политического спектра.

Вероятно эти фланги (радикальные демократы, радикальные коммунисты, патриоты-экстремисты) будут пребывать в состоянии раздробленности всегда. Единственная польза от них — формирование среды, из которой мобилизуются наиболее здравые молодые профессионалы, получающие наглядный опыт того, “как не надо делать”.

Признак российской партийной системы — надпартийная деятельность лидеров, вступающих в самые причудливые политические союзы и закулисные соглашения. Мы имеем пример Лебедя, сходившего во власть “послужить”, и изменившего за год свои политические взгляды до неузнаваемости, пример альянса Чубайс-Гайдар (аппаратчик с оппозиционером), пример Жириновского, не раз высказывавшегося в поддержку правительства, пример деятельности фракции КПРФ в Госдуме (предельно жесткая критика правительства и мирные голосования за утверждение председателя правительства и за бюджет в течение 1994–1999) и т. д.

По сути дела на верхних этажах политики происходит формирование слоя лидеров общественного мнения, которые лишены серьезных мировоззренческих различий и не связаны никакими идеологиями. Идеологическая обособленность демонстрируется лишь для публики, становящейся объектом манипуляции.

Поскольку инструментом борьбы за голоса избирателей являются избирательные штабы, то в них основную роль начинают играть не идеологи, а аппаратчики, специалисты по избирательным технологиям. Политические менеджеры становятся движущей силой политики, снабжая лидеров новыми рекламными разработками, планируя их публичные подвиги. Идеология превращается в служебный атрибут технологии.

Сложившаяся политическая система России находится сегодня практически в том же состоянии, в котором она была накануне краха КПСС. Партии, лишенные какой-либо возможности участвовать во власти, вынуждены блокироваться с единственной целью — снести старую систему и попытаться занять более достойное место в условиях нового плюрализма.

В сложившейся ситуации, при непротивлении государства и общества сложившимся тенденциям, заложено полное повторение сценария 1987–1993 гг. Ведь блокирование партий идет снова не по

идеологическим мотивам и даже не исходя из интересов стоящих за партиями социальных и финансовых групп, а “под лидеров”, которые снова не берут на себя никаких обязательств, меняя свои взгляды и лозунги применительно к обстановке, исходя из текущей конъюнктуры.

Пресечь хождение по кругу может только осознание национальной элитой России своих интересов, которым соответствует эффективная система формирования власти в условиях жестко регламентированной партийной конкуренции. Рекламная конкуренция во время избирательной кампании, не затрагивающая проблем общества по существу, ведет только к пустой трате времени и средств и воспроизводству недееспособной власти. Выгоду из этого могут извлекать лишь те, чьи интересы реализуются в ситуации разложения российской государственности, коллапса российской экономики, распада общественного сознания.

Сказка о многопартийности должна кончится вместе со свободой изобретения новых и новых средств психологической “обработки” общества. Из виртуального мира фальшивой многопартийности мы должны шагнуть в реальный мир политических интересов, политических идей, политического выбора.

А пока вместо многопартийности по стране вышагивают блудливые колонные номенклатуры.

Столичная драма

Одна история из разряда “маленьких предвыборных трагедий” достойна того, чтобы быть зафиксированной в летописях и использоваться в качестве классического примера.

Предвыборная кампания 1995 была торопливой по темпам и истеричной по способам агитации. Не успев собрать необходимое число подписей, чтобы быть зарегистрированными депутатами, некоторые не в меру торопливые претенденты начали агитационные мероприятия. Особенно удобно это было делать под прикрытием депутатского статуса.

Одним из таких мероприятий была встреча депутата Госудмы, убежденного, но тихого радикал-демократа П.Медведева с гражданами, организованная под видом обсуждения с избирателями проблемы их переселения из обветшавших пятиэтажек. На встрече оказался бывший председатель Черемушкинского районного Совета г.

Москвы С.Пыхтин (впоследствии тоже кандидат в том же округе от избирательного объединения Конгресс русских общин). Он-то и рассказал авторам книги об этой встрече с нескрываемой иронией. Авторы записали рассказ, а рассказчик по старой дружбе позволил дать аранжировку стенограммы, записанной на магнитофонную пленку.

Мы воспроизведем то, что было опубликовано в газете “Завтра”, убрав редакционную правку, несколько ослабившую иронию С.Пыхтина.

“Депутат Государственной Думы Павел Алексеевич Медведев созвал население своего избирательного в пустующий кинотеатр “Тбилиси”. Мне сам Бог велел там присутствовать, ибо еще в 1992 Черемушкинский райсовет разработал совместно с институтами ГлавАПУ и утвердил программу реконструкции пятиэтажек, чем стимулировал принятие администрацией Москвы специального постановления. Правительство Москвы торопилось закрепить свой приоритет. Бог в помощь — мы ничего не имели против. Для нас было главным решить проблему пятиэтажек и людей, которые в них живут.

Итак, прихожу я в кинотеатр “Тбилиси” и обнаруживаю, что зрителей полон зал. По залу бродят какие-то нетрезвые личности. Один из пьяных даже прорвался к микрофону одним из первых и произнес какую-то невнятную, но очень гневную филиппику, чем развеселил публику. Несмотря на крайне невразумительную речь, экспрессия была замечена и поддержана гулом голосов. Народный трибун, гордый и довольный своим успехом, плюхнулся на кресло возле меня и сказал: “Ну, как я их?”. Я его успокоил, но потом он еще раза два прорывался к микрофону и, наконец, был извлечен из зала сострадательными гражданами.

В общем, вижу я знакомую атмосферу демократических “тусовок”.

Павел Алексеевич Медведев — мягкий интеллигентный человек, профессор, как потом выяснилось, живущий в пятиэтажном доме, за все шесть лет своей бурной политической карьеры ничего путного для себя не приобрел, и теперь желал выступить спасителем народа, мало отличимым от самого народа. Странный, однако, факт — народный избранник за все эти годы не смог приобрести себе автомобиля, в то

время как его помощники это сделать смогли и теперь подвозят своего патрона на встречи с публикой!

Так вот, этот самый человек собрал жителей, чтобы поведать им, что он очень озабочен. Главная проблема, которую сейчас намеревался решать депутат — это отделение тех, кто готов был обменять свою “хрущебу” на удобоваримое жилье где-то у черта на куличиках (в Южном и Северном Бутово), от тех, кто ни при каких условиях не желал трогаться с места, но требовал улучшения жилищных условий. Так избиратели Юго-Западного административного округа Москвы поделились на две партии. Депутат Медведев увещевал партию, не желающую ехать в Бутово, упрашивал стойких жильцов составить списки, в которых были бы указаны фамилия, имя и отчество, место жительства, паспортные данные и другие атрибуты, знакомые всем, кто имеет дело с избирательной кампанией.

Хитрый маневр бдительные граждане тут же раскусили. Не все присутствующие были наивными чудаками и расшифровали драматическую интригу. Поскольку большая их часть поняла в какое мероприятие Павел Алексеевич намеревается их втянуть (может быть в большей степени этого желали его помощники), уже на двадцатой минуте начался отток граждан в направлении тех самых пятиэтажек, о которых говорилось на мероприятии. То есть, публика от такого оборота дела в буквальном смысле “тащилась” — преимущественно из зала.

В зале было огромное количество примелькавшихся по прежним политическим персонажей и зрителей. Были активисты “ДемРоссии”, бывшие депутаты Московского Совета, Черемушкинского и Севастопольского райсоветов. Это были стойкие слушатели, которые не желали покидать зал до полного выяснения всех обстоятельств, до финала. (Один из них в начале собрания гордо сказал мне, указывая на людей: “Ну что, ты видишь — я собрал их!”)

Действие продолжалось. Павел Алексеевич, зная о сносе старых и не очень старых пятиэтажек, обещал похлопотать перед властями, написать прошение или что-то в этом роде. Пусть люди пишут, подписываются, а он будет относить все это куда следует. Но главное — составить списки. Без списков никак нельзя!

Публика вынуждена была реагировать.

Поскольку на встрече с депутатом изначально присутствовало 600–800 человек, среди них, как это обычно бывает, нашлось два десятка тех, кто захотел лично обратиться к депутату через микрофон. Поэтому выстроилась очередь желавших получить такое удовольствие.

Люди выступали долго и подробно. Некоторые излагали обстоятельства своей личной жизни, вспоминали своих предков, детство и юность. Народ, у которого тоже было что сказать, начинал закипать. И вот в этот момент до микрофона добрался активист КПРФ. Он начал с того, что ласково поблагодарил Павла Алексеевича за то, что тот собрал людей и мило поинтересовался, к какой фракции Думы Павел Алексеевич принадлежит.

Павел Алексеевич изменившимся тембром голоса произнес, что он избирался как независимый депутат, но уже в Государственной Думе после определенных колебаний вступил во фракцию “Выбор России”. За это он был удостоен от оратора соответствующих эпитетов. Было сказано, что с Павлом Алексеевичем все ясно, что это он вместе с Гайдаром довел страну до такого состояния. (Как потом оказалось, Павел Алексеевич не просто является коллегой Е.Гайдара по фракции, но и его “духовным отцом”, научным учителем. Те знания, которые его ученик предъявил за последние годы, вряд ли устраивали собравшихся в зал.)

После этого ласковый активист поблагодарил Павла Алексеевича еще раз за убедительный ответ и задал ключевой вопрос. Его интересовало как Павел Алексеевич голосовал за разные законы в Госдуме. Помощник депутата попытался остановить разбирательство и заявил, что это к делу не относится, что зал не хочет все это выяснять. Но зал затаился и с интересом наблюдал чем же закончится очередная сцена. На вопрос пришлось отвечать, особенно в части голосования Павла Алексеевича о законе против коррупции.

Павел Алексеевич пошел пятнами. Дело в том, что депутат Медведев голосовал против этого закона! Сказать об этом вслух он не мог, и конфуз неумолимо надвигался. Без всякой надежды пытаясь увильнуть от прямого ответа, депутат заявил, что голосовал против коррупции. Но на этом его не оставили в покое. Въедливый гражданин клещом вцепился в Павла Алексеевича и потребовал не уходить от ответа: “Вы отвечайте прямо. Вы голосовали за закон или против закона?”

Павел Алексеевич ответил, что это не такой простой вопрос, и он готов после собрания лично побеседовать с въедливым гражданином, готов в личной беседе объяснить ему все тонкости борьбы с коррупцией. Зал засвистел. Последовали эпитеты, комментарии. Было высказано все, что коммунист может сказать о “Выборе России”.

Зал окончательно ожил и забурлил. К микрофону прорвалась какая-то энергична женщина, которая, живописав в преамбуле судьбу своей семьи, сказала, что каждый кандидат в депутаты пытается спекулировать на проблеме пятиэтажек, а мы (она обратилась к залу) как идиоты за них голосуем.

Заговорили о мытарствах последних пяти лет, начали искать виноватых. Вдруг кто-то вспомнил о Станкевиче. Это воспоминание повергло всех в состояние транса. Оказалось, что одна эта фамилия вызывает святую ненависть. Все тут же забыли, что существует Павел Алексеевич, суетящиеся вокруг него помощники, непонятные просители на сцене. Дух Станкевича, его пошлый образ витал над возбужденной публикой.

Я подумал, что если бы Станкевич в эту минуту появился бы в зале, суд Линча был бы восстановлен минимум на пять минут, справедливость восторжествовала бы, и Станкевич был бы торжественно похоронен как жертва демократической революции. Но Станкевич благоразумно не появился.

Так вот. Женщина сквозь шум сказала: “Мы прекрасно понимаем зачем вы нас здесь собрали. Вы думаете мы будем вас поддерживать на очередных выборах?!” Я сидел далеко, но, кажется, комбинация из трех пальцев вознеслась над ее головой. “Мы не такие уж дураки, чтобы в очередной раз попадаться на эту дешевку, чтобы снова наступать на те же грабли!” — звенел гневный голос.

В это время публика, ругаясь и отплевываясь, непрерывно покидала зал. Оставались самые упорные и злые. Павел Алексеевич с опрокинутым лицом что-то лепетал, призывая к спокойствию. Помощники депутата метались по залу как тараканы. Наконец, положение было спасено тем, что рядом с Павлом Алексеевичем появилась женщина, которая представилась как председатель Комитета по переселению. Женщина призывала куда-то записываться, а Павел Алексеевич объяснял, что надо войти в его положение, что он не в силах помочь каждому, зато готов лично писать письма с просьбой

решить проблему. Но это уже никого успокоить не могло. Мечта о будущей светлой жизни в благоустроенном жилище развеивалась, не успев родиться.

В общем, мероприятие срывалось на глазах.

В начале встречи я написал записку Павлу Алексеевичу с просьбой дать возможность выступить, потому что Черемушкинский райсовет занимался проблемами пятиэтажек еще в 1992 году. Естественно, на записку никто не обратил внимание. Тогда я решил тоже встать в очередь к микрофону. Не успел я это сделать, как помощники депутата Медведева меня вычислили и тут же свернули мероприятие.

В это время собравшиеся бросились к начальству. Павла Алексеевича обступила толпа, но места вокруг него не хватало. Может быть поэтому во мне тоже признали начальство. Кто-то спросил, не из префектуры ли я. Я ответил, что не имею чести представлять уважаемое заведение, но меня быстро распознали как бывшего председателя Черемушкинского райсовета и не оставили без внимания. Пришлось отвечать на вопросы.

На какое-то время образовалось два центра притяжения. Но на сцене наметилась драка между двумя женщинами и Павел Алексеевич поспешил стремительно покинуть помещение.

Итак, интеллигентного демократа быстро расшифровали, а мероприятие, выглядевшее как попытка посоветоваться с гражданами по насущному вопросу, было определено ими как предвыборное мероприятие.

Тут стоит добавить еще один эпизод. У депутата Медведева спросили, чем он там вообще занимается в Думе. Павел Алексеевич, как человек честный, ответил, что он делает закон о банках. Граждане, которых “кидали” всевозможные банки и фонды, восприняли эту информацию как личное оскорбление. Но если бы граждане знали, что Павел Алексеевич занимается титаническим трудом исключительно на поприще банковского законодательства уже в течение шести лет — и в Верховном Совете, и в Государственной Думе, они не стали бы вспоминать о Станкевиче и не посмотрели бы на то, что Павел Алексеевич оказался таким чудаком, который при этом все еще живет в пятиэтажке. Они бы расценили это как форму сокрытия доходов, заподозрили бы любителя банковского законодательства в наличии у

него дачи на Канарах, двух десятков счетов в швейцарских банках. Да и что могут подумать люди о Павле Алексеевиче, если о его коллегах по фракции “Выбор России” идет молва, как об отпетых коррупционерах? Ведь именно они завалили закон о борьбе с коррупцией.

Но самое удивительное, что мне удалось узнать, так это то, что в программе Павла Алексеевича, которую он приготовил к очередным выборам имеются потрясающие строки. Там черным по белому написано, что “главная проблема России сегодня — это проблема безопасности сбережений.” То есть люди, у которых нет сбережений, которые распрощались с ними благодаря тому самому законодательству о банковской деятельности, которым занимался Павел Алексеевич, уже не входят в сферу интересов последнего!

Более того, в качестве одного их главных законов, которые Павел Алексеевич собирается пробивать в будущей Государственной Думе, является закон об отмывании денег! Прямо так черным по белому и написано.

Нет, с Павлом Алексеевичем что-то произошло. Он имеет непонятную храбрость уже в третий раз обращаться к обитателям пятиэтажек с предложением избрать его в депутаты — на этот раз на основании склонности лоббировать в Думе закон с каким-то блатным названием!

Павла Алексеевича, как видно, подменили или что-то сотворили с его психикой. Ведь это был один из самых приличных депутатов 1990 года. Или он настолько наивен и доверчив? Но ведь депутат не может быть доверчивым, это противоречит его профессии!

За наивность (реальную или разыгрываемую) придется рано или поздно отвечать.”

Рассказанная история могла бы не иметь продолжения. Но продолжение все-таки состоялось, причем самым непредсказуемым образом. В результате появилась статья, которая была передана в газету “Завтра”, но до публикации дело так и не дошло. Здесь мы воспроизведем эту статью, для которой рассказанная история служит лишь прологом.

“Включая диктофон во время беседы со своим давним знакомым Сергеем Пыхтиным, я не мог предполагать к каким подвижкам в мировоззрении это может привести…

Но сначала о другом.

Мы живем в условиях странной избирательной кампании, в которой противоборствующие стороны стараются друг друга не замечать. Это навевает скуку на избирателя и он вздыхает по тем временам, когда схватки демократов с коммунистами были всерьез публичными, когда сталкивались концепции и программы, ценилось ораторское искусство и владение приемами полемики. Сейчас — не то.

В свое время морское сражение имело своей кульминацией абордажный бой. Два корабля, сцепившись между собой, позволяли своим командам выяснить отношения в рукопашной схватке. Потом расстояние между противниками стало увеличиваться — они стали обмениваться ядрами, позднее — снарядами и торпедами. И наконец дело дошло до того, что авианесущий флот стал воевать не видя своего противника глазами. Палубная авиация и дальнобойные орудия наносили ему ущерб, нащупывая врага в пространстве с помощью специальной техники.

В политике тенденция удаления противников друг от друга была продолжена. Они в конце концов разошлись на такое расстояние, что даже палубная авиация оказалась не в силах добраться до врага. И тогда вся огневая мощь политических флотов была обрушена на океан избирателей. Уже сам избиратель стал главным врагом политиков.

Подвергая избирателя листовочно-газетной и теле-радио бомбардировке, конкурирующие кандидаты уже не вспоминают о своих противниках и могут на презентациях и фуршетах даже не узнать друг друга.

Теперь представим себе, что неумелый политический полководец случайно приблизился к вражеской эскадре и подставил борт. Он, без всякого сомнения, по старой традиции морского боя должен получить в этот борт торпеду или артиллерийский залп.

Представим себе такое развитие событий. Получивший торпеду неудачливый флотоводец радирует флагману вражеской эскадры о том, что поразивший его торпедный катер нарушает современные правила игры, действует варварским архаическим манером и должен быть наказан. При этом флагман, вместо того чтобы добавить к торпедной атаке залп главного калибра, переносит весь огонь на свой же торпедный катер.

На флоте такого быть не может, в современной российской политике — пожалуйста. В истории, которая последовала за упомянутой выше беседой, это и произошло.

История развивалась примерно так. По мотивам беседы с С.П.Пыхтиным мною была написана статья, которая, провалявшись почти два месяца в редакции газеты “Завтра”, вышла таки в № 46 под заголовком ““Хрущебы” как трамплин”. Эта статья стала своего рода рецензией на один из спектаклей политического театра, который разыгрывается в Черемушках.

Суть статьи проста. В одном из кинотеатров этого района столицы была проведена встреча с депутатом Госдумы П.А.Медведевым (будущий “демократический” кандидат на парламентских выборах), а С.П.Пыхтин (будущий кандидат от КРО) поделился впечатлениями об этом событии со мной. Дело в том, что П.А.Медведев решил использовать свое депутатское право встретиться с жителями “хрущеб” для того, чтобы подготовиться к будущей избирательной кампании (дело было еще в сентября, когда сбор подписей еще только начинался). Интрига состояла в том, что плохо подготовленное собрание скорее напоминало митинг, проваливший все надежды П.А.Медведева извлечь из этой встречи какую-либо пользу.

Сочувствуя не столько КРО, сколько С.Пыхтину я постарался дать беседе такую аранжировку, чтобы она выглядела как можно более ироничной и превратилась в “торпеду”, заряженную изрядной порцией сарказма. К этому провоцировал “подставленный борт” П.А.Медведева.

Вслед за статьей последовало событие, которое превратило рядовое явление (каких только статей сейчас не публикуется!) в нечто неординарное.

В нашей истории сложился четырехугольник из трех кандидатов в состав будущей Госудмы (двое из них — действующие депутаты российского парламента) и озадаченного писателя. Страдательное действующее лицо этой истории — депутат Госдумы от московских Черемушек Павел Алексеевич Медведев. Этот тот самый флотоводец, который появляется на сцене с рассказом как его не по правилам бомбят. Второе действующее лицо — депутат Госдумы, один из лидеров КРО Сергей Юрьевич Глазьев, который выскочив из-за кулис дает залп в третье действующее лицо — кандидата в депутаты от КРО

в тех же Черемушках, конкурента первого персонажа Сергея Петровича Пыхтина — и исчезает со сцены, оставив после себя примечательный документ, о котором речь ниже. Наконец, есть некий Андрей Кольев, объявленный между делом журналистом газеты “Завтра”, не являясь таковым в действительности.

Следует добавить, что П.А.Медведев — ветеран руководства движения “Выбор России”, С.Ю.Глазьев — недавно проявившийся лидер Конгресса русских общин, С.П.Пыхтин — один из основателей КРО, а писатель Кольев — беспартийный симпатизант КРО, давний знакомый С.П.Пыхтина, никогда не входивший в штат газеты “Завтра” и не получавший ни от нее, ни от своего знакомца никаких гонораров.

Итак, статья вышла, и наша история перешла в новую фазу.

Очень скоро вслед за статьей в недрах Госдумы появляется любопытный документ за подписью депутата С.Ю.Глазьева, в котором он уведомляет П.А.Медведева, что с большим сожалением узнал о “некорректном поступке” некоего С.П.Пыхтина, опубликовавшего в газете измышления по поводу честности П.А.Медведева. Мало того, С.Ю.Глазьев (КРО) за своей подписью выдал П.А.Медведеву (“Выбор России”) индульгенцию, уведомив его о том, что тот является бесспорно честным человеком. С.Ю.Глазьев уведомил П.А.Медведева еще и о том, что С.П.Пыхтин безусловно будет наказан силами избирательного штаба КРО.

Итак, главный калибр КРО бабахнул по своим. Доброжелатели принесли копию замечательного документа С.П.Пыхтину, тот для верности осведомился у С.Ю.Глазьева о достоверности подписи под документом, и, получив подтверждение, поведал действительному автору “измышлений” А.Кольеву о последствиях его творческой активности.

Дело вовсе не в том, что С.Ю.Глазьев читал статью (или вовсе не читал, а поверил на слово честнейшему П.А.Медведеву), скорее всего, между таких строк. Можно ли назвать “измышлениями” описание какого-либо события (пусть даже весьма своеобразное) или предположения (пусть даже несправедливые)? Ведь речь в статье шла только о том, что у фракции “Выбор России” достаточно дурная репутация. Нюанс один — репутация П.А.Медведева и репутация “Выбора России” до этой статьи были разными, после — начали в чем-то сближаться. Только и всего!

Действительно, знает ли сегодняшний избиратель, что скромнейший и честнейший П.А.Медведев долгое время входил в группу экономических советников Ельцина, являлся “духовным отцом” и учителем Е.Гайдара, потом был сопредседателем движения “Выбор России” и председателем Московской организации этого движения, членом фракции “Выбор России” (впоследствии отошедшим от фракции в связи с ее позицией по Чечне)? Вряд ли. Даже в среде политизированной публики о депутате и экономисте Медведеве вспоминают с трудом, путая его с однофамильцами. Вместе с тем, как-то нужно же ему разделить меру ответственности за политику “Выбора России”, к которой П.А.Медведев имеет непосредственное отношение!

Может быть именно страх ответственности, о которой без обиняков говорится в напугавшей П.А.Медведева статье, и вынудил его обратиться за помощью к С.Ю.Глазьеву? Его испугало, что в газете опубликованы результаты голосования его, П.А.Медведева по поводу борьбы с коррупцией, компенсации задержек при выплате зарплаты, порядке индексации пенсий, ассигнований на научные исследования, об увековечении Дня Победы…

Ладно бы нашелся чудак, попросивший удостоверить его честность — это еще куда ни шло. Но нашелся и другой чудак, который выдал такое удостоверение в письменном виде на бланке народного депутата и снабдил его исходящим номером! Окститесь, Сергей Юрьевич! В том же округе против С.Пыхтина и КРО выступают и другие достойные кандидаты, которым бы тоже для уравнения шансов надо выдать индульгенцию — остроумный кавээновец и депутат Юлий Гусман, оригинальный философ и телепублицист Сергей Бурлацкий и прочие. В чем П.А.Медведев честнее их, почему лидер КРО дает отпущение грехов только ему?

Это те вопросы, которыми я был угнетен, испытывая определенное уважение (хотя и с некоторым критическим оттенком) ко всем упомянутым персонам и эпизодическим фигурам. Может быть все дело в том, что Гусман с Бурлацким просто не имели повода зайти к Глазьеву за получением бумаги, подобной той, что была направлена Медведеву? Впрочем, почему же только к Глазьеву? Найдутся и другие авторитеты, выписывающие справки о честности и добропорядочности. Только к ним не ходят и не требуют таких

справок, ибо честность и порядочность не совместима с подобного рода справками.

Размышления над этими вопросами привели меня к неутешительным выводам. Ведь налицо осуждение Конгрессом русских общин той практики, которая в течение нескольких лет реализовалась “Выбором России”, его сторонниками, а в особенности — руководством. И вот две внешне противостоящие друг другу политические группировки оказывается давно уже подружились через своих лидеров!

Через комплиментарную пару Медведев-Глазьев легко выстроить очень короткую цепочку комплиментарности, например, от Гайдара к Скокову, от Чубайса к Лебедю. И все это проявилось уже потому как один из лидеров противостоящих блоков пожаловался другому на нижний чин, после чего нижний чин был приговорен к экзекуции. И не просто приговорен, а приговорен с помощью специального указа со всеми реквизитами официальной бумаги! Причем суть “неблаговидного” поступка нижнего чина в этом документе не обсуждалась.

Оказывается, несмотря на конкуренцию, два антагонистических предприятия вполне могут договориться через свое начальство, образовав номенклатурную коалицию против собственной массовки. Оказывается, политическая элита уже спеклась в единый конгломерат и П.А.Медведев, несмотря на свою принадлежность к противоположному политическому лагерю, считается в КРО милейшим человеком, деятельность которого чрезвычайно полезна Отечеству. Он не находится в списке КРО только потому, что это трудно было бы объяснить избирателям. В остальном же — единомышленник и соратник! Только наивный кандидат Пыхтин, не менее наивный писатель Кольев, да опубликовавшая статью газета “Завтра” не вписались в сложившуюся коалицию и вызвали небольшой переполох и приключения на свою голову.

Выходит, что политическое противостояние — это спектакль для дураков, решивших, что им предоставляется возможность выбирать. В действительности, кого бы они не выбирали, все это будут люди из одного и того же теста! Уважаемый Сергей Юрьевич Глазьев, как оказалось, даже готов цензурировать политические статьи в пользу политических оппонентов КРО! (Вот теперь-то и становится

понятным почему столь скучно проходит избирательная кампания, почему нет живого столкновения доктрин, концепций, программ.)

Все это вынуждает автора статьи про П.А.Медведева, навеянной беседой с С.П.Пыхтиным, снять все упоминания про честность и интеллигентность первого. Если С.Ю.Глазьев дал справку П.А.Медведеву о его честности, то тем самым он эту честность (да и мужское достоинство) своего протеже как раз и поставил под сомнение.

Тут вспоминается пассаж Бориса Ельцина, который как то похвалил “умницу Скокова” за то, что тот слова дурного про него не сказал. Теперь понятно почему. Ведь точно так же, по тем же причинам Сергей Глазьев слова дурного не скажет про Павла Медведева!

Как же должен чувствовать себя Сергей Пыхтин, поверивший в искренность лидеров КРО, когда поддержка его сопернику приходит именно от этих лидеров? И какова роль Кольева, попытавшегося направить полемические стрелы против противников близкого его сердцу КРО? Оказывается КРО в этих стрелах не просто не нуждается, а категорически заинтересовано чтобы их не было.

Итак, Андрей Кольев поддерживал КРО, считая, что это вполне самостоятельная сила, и противостоял всем фрагментам “Выбора России” (как бы они не назывались), а тут получается, что они сговорились. Какой после этого должен быть сделан вывод?

Вывод только один. Я не могу больше никого поддерживать. Даже несчастного С.П.Пыхтина, игра которого при таком раскладе в Черемушках заведомо проиграна. Политическая элита не включает в свой сговор подобных людей.

Младший офицерский состав в потешных боях разнообразных блоков обречен на уничтожение и политическое небытие. Элита уже давно определилась со своими интересами и только нижние чины, которым вход на верхние этажи власти закрыт, еще пытаются вырабатывать политические доктрины, формировать многопартийность и участвовать в политических боях всерьез.

Мне жаль младший обслуживающий персонал российской политики, я ему искренне сочувствую. В этот персонал входим все мы — избиратели, и нас мне тоже очень жаль.

Так давайте же пожалеем друг друга, обнимемся как братья, за кого бы мы не голосовали — за “Выбор” или КРО, за НДР или ЛДПР, за КПРФ или за “Женщин России”. Между этими блоками нет никакой разницы! Они срослись вершинами, а нас заставляют устраивать сражения у подножия. Между нами тоже нет никакой разницы. Если мы не будем затрагивать тему политики, не будем наивными исполнителями воли политической верхушки, мы вполне можем быть друзьями!”

Итог таков. Сергей Пыхтин выборы проиграл, депутатом в злосчастном округе снова стал Павел Медведев, а Сергей Глазьев провалился на выборах вместе с КРО. В этой ситуации хотелось бы спросить Глазьева словами Тараса Бульбы: “Ну что, сынку, помогли тебе твои ляхи?”

Глазьев на некоторое время попытался устроиться при генерале Лебеде, который пошел в гору на президентских выборах усилиями штаба Ельцина-Чубайса. Когда один из въедливых корреспондентов поинтересовался у генерала, как он чувствует себя в окружении руководителя своего избирательного штаба из движения “Наш дом…” А.Головкова и изобретателя ваучеризации В.Найшуля, Лебедь, имея в виду Глазьева, сказал (“Партинформ”, № 24, 1996): “Я не против того, чтобы при головном честнейшем человеке были и люди немного других взглядов”.

Вероятно 1996 году был для Глазьева переломным. Его мировоззрение в результате личных неудач сменилось. Доказательство тому — книжка “Геноцид”, в которой бывший либерал по косточкам разносит стратегию российских реформ Гадйара-Черномырдина. Вероятно именно сменой мировоззрения следует объяснять сближение Глазьева с православными общественными организациями в 1997–1998, а также возвращение в КРО в конце 1998 года. Последнее, правда, можно расценить и как чисто конъюнктурный шаг, ибо в этот момент КРО выступал как соучредитель лужковского “Отечества” и на горизонте забрезжили перспективы победить на выборах в Думу по списку этого объединения. Потом отношения у КРО с “Отечеством” расстроились, а Глазьева ни в штаб-квартире КРО, ни на заседаниях руководящих органов никто не видел.

Добавим, что немного погрешили против истины, подозревая в Ф.Бурлацком порядочного человека. Этот деятель в застой

консультировал Л.Брежнева, в период перестройки писал “классические” марксистские книжки (вроде “Основ марксизма-ленинизма”), потом обхаживал Г.Попова в передачке, финансируемой “Мост-банком”, а во время президентской избирательной кампании 1996 года объявил, что лучше мириться с меньшим злом и поддерживать Ельцина, а не коммунистов. С привычным цинизмом заявлял философ об “огромной внутренней эволюции”, которую якобы прошел Ельцин.

Гаврилопоповскую передачу Бурлацкий использовал также и в личных целях — для примитивной саморекламы и многословного “ответа Пыхтину”, покритиковавшему его в одной из газет. Его конкурент по избирательной кампании своей передачи не имел, но это неравенство возможностей как-то не взволновало избирательную комиссию. Впрочем, “ляхи” не помогли и Бурлацкому. Депутатом он тоже не стал.

Как выбрать человекоподобного политика?

Политические замыслы “партии власти” в современной России чем-то похожи на австрийское стратегическое планирование времен Наполеона — первая колонна, вторая колонна… Если во времена КПСС с верой в свою необоримую мощь номенклатура шла в бой огромной неорганизованной кучей, то теперь выстраивается колонны, чтобы втащить во власть всякую нечисть и не дать шансов нормальным людям.

На выборы 1995 года были выстроены три таких колонны.

Первая колонна в 1995 году была образована движением “Наш дом — Россия” — правительственной группировкой, обрабатывавшей граждан на изъятые у них же деньги. “Мы выходим из тени”, — говорил премьер В.Черномырдин, лидер движения.

Обычно “выходят из тени” известно кто — разбойники. Для битвы в чистом поле подобные шайкообразные формирования малопригодны. Это было видно хотя бы по непроходимому косноязычию и безосновательности идеологических установок широкомордых номенклатурщиков, объявивших нашу родину своим домом. Но сами мордатые главари просто неуничтожимы!

Приведем в качестве примера неуничтожимости одного из генералов черномырдинской армии — губернатора Подмосковья Тяжлова. Кроме раскатистого “р” (уж не из чувства ли

неполноценности?), напористого размахивания кулачком — “нам нужны пррофессионалы, умеющие рработать!”, показать ему было в общем-то нечего. (Какие это профессионалы, мы хорошо знаем. Они, пожалуй, двух строк грамотно не напишут, не то, что хозяйством управлять!) Зато Тяжлов умеет сочинять стишки для начальства и не смущается произносить их с трибуны. Что-то колченогое с подобострастной фразой “газуйте, Черномырдин!”.

Тут стоит вспомнить прототип — первого секретаря ЦК ВЛКСМ товарища Пастухова, который, уже будучи в этом высоком чине, читал с трибуны Кремлевского Дворца на комсомольском съезде юношеские стихи Брежнева, якобы отысканные любознательными комсомольцами в старых газетах. Позорище было еще то! И ничего, карьеру Пастухов этой гнусностью себе не поломал — стал первым заместителем министра иностранных дел!

Неуничтожимость лидеров первой номенклатурной колонны гарантируется солидарностью шайки — никому пропасть не дадут. Разбитая к 1999 вдребезги НДР никак не потянула на дно того же Черномырдина, который успевал заниматься и благотворительностью, и дипломатией, и проблемами газовой отрасли.

Вторая колонна 1995 года — блок спикера Думы И.Рыбкина. Это была типичная ложная цель, пустышка, “ложняк”. Тут номенклатура применила старый способ обмишурить противника — зажечь костры в пустом лагере, совершая в это время обходной маневр.

Тут и другой метод срабатывал — если нельзя остановить, то нужно возглавить. Рыбкин возглавил разные полупустые организации и утопил их вместе со своим блоком. Телевизионный ролик “Голосуйте за Ивана” с говорящими коровами помог самому Рыбкину приобрети депутатский мандат — и только. А за ликвидацию конкурентов Рыбкину дали пост секретаря Совета Безопасности и возможность выпустить большими тиражами свои речи, запись которых не велась разве что в отхожем месте. Интеллектуальное содержание речей — соответствующее.

В 1999 такого рода “ложняков” усилиями Администрации президента было нашатмповано в избытке и во всех секторах политического спектра. “Слева” в качестве альтернативы КПРФ объявился блок Тулеева, в номенклатурная сердцевина породила “Голос России” и “Всю Россию”, потом пошли потоком какие-то

партии пенсионеров, женские конгрессы, социал-демократы всех мастей…

Третья колонна номенклатуры в 1995 году, как это ни покажется кому-то странным, была составлена Конгрессом русских общин под командованием отставного гендиректора Ю.Скокова. Сюда сбежались из первой колонны номенклатурщики средней руки (которым не по чину читать стихи с трибуны), предвидящие неизбежный передел власти. Им вполне подошла организация, из которой Ю.Скоков выскреб всю начинку, оставив только вывеску. Скоков тоже утопил всех — и активистов КРО, поверивших в перерождение старого номенклатурного волка, и ДПР с С.Глазьевым, и многие другие структуры поплоше.

Точно также сыграл свою роль провокатора Ю.Лужков со своим “Отечеством” — заманил каждой твари по паре (начав с патриотов из КРО и “Державы” — чтобы не испугались демократического зверинца и не разбежались), а потом дал понять, что рассчитывать они могут только на платоническую любовь московского мэра, у которого уже все коврижки расписаны по голодным ртам московской номенклатуры. Поэтому от Лужкова отвалился сначала КРО, наученный горьким опытом прежних лет, потом Фонд политического центризма большого лужколюба Степана Сулакшина…

Кто в 1995 или 1999 мог претендовать на роль Наполеона, способного разгромить эти три колонны? Среди “демократов” таковых просто не было. У них свои колонны, свои замыслы и своя “междемократическая” грызня в любовном треугольнике Гайдар-Явлинский-Немцов (или какой-нибудь Б.Федоров). Среди невнятных “центристов” капризные С.Федоров и С.Говорухин не смогли вынести друг друга чем окончательно сняли свои команды с предвыборной дистанции. Жириновский свою наполеоновскую роль уже сыграл в 1993. Генерал Руцкой, корчивший Наполеона несколько дней в 1993, утратил непобедимость, перессорившись буквально со всеми — при совершенно “белой” программе 1995 года руцкисты из “Державы” представляли собой плохо обученные отряды ополченцев под знаменами “розового” оттенка.

В 1995 антиноменклатурную роль попытались сыграть коммунисты. Что-то наполеоновское проглянуло в лобастой физиономии Геннадия Зюганова, напихавшего в коммунистическую

программу много здравого (что, впрочем, там и погибло, перепачканное марксизмом). И все-таки не было тут наполеоновского блеска — из за спины Зюганова выглядывали такие убогие “фейсы”, что оторопь брала, а номенклатурная колонна Ельцина казалась не такой уж убогой. К 1999 эти люди были уже совершенно не способны к серьезной драке и опутаны заукулисными обязательствами перед номенклатурой.

Рассчитывать, что из небытия вдруг появится какая-то фигура, способная осуществить наполеоновский план разгрома номенклатурных колонн, всерьез не приходилось. И парламент 1995–1999 образовался как малоспособное к чему-то собрание, в котором тонула любая талантливая индивидуальность и напрочь отсутствовала стратегия победы — если не над номенклатурой, то хотя бы над тотальным беззаконием.

И все-таки хочется помечтать. Хотя бы о том, что именно сегодня где-то складывается крепкая команда, которая на следующих выборах выбросит ко всем чертям надоевшую колоду политических перестарков.

* * *

Выборы ставят перед теми, кто готов идти на избирательные участки проблему: кому отдать свой голос. Какие критерии формируют предпочтения? Обычно избиратель действует наугад. Мы же хотим предложить ему подумать о собственном выборе, прежде чем отдаться на волю эмоций, которые, как показывает практика, легко навязываются средствами информации.

Можно встать на пессимистическую точку зрения, что избирателю никогда не известно истинное лицо тех, за кого он проголосует. Носителей высокой репутации не так уж много. Но много ли нам надо? Чтобы сформировать дееспособный парламент, нужно по одному на полмиллиона взрослых, обладающих правом голоса граждан. Разве не отыщем?

Выбирать приходится чаще всего исходя из биографических данных или из программы кандидата.

Если предположить, что необходимо выбирать деятелей, а не их программы, то подход тут простой. Если кандидат в депутаты не смог представить избирателю свою репутацию, за него не следует голосовать. Это значит, что он скрывает свою биографию или не знает,

что именно в ней свидетельствует в пользу его доброго имени, то есть не имеет представление о “добре” и “зле”.

Нам конечно же мешают “герои” телевидения, которые одни только и допущены к тому, чтобы им сделали авторитет. Поэтому и голосуют часто просто за известных людей, за эти говорящие головы, — исходя из принципа: на безрыбье и рак рыба.

Телевидение вполне способно создать миф о том, что женственнее Хакамады или умнее Черномырдина никого нет. А происходит это только от того, что эта дама и этот господин получили возможность профигурировать на телеэкране во всех ракурсах и во всех интерьерах. Для неискушенного зрителя они могли показаться умными, как когда-то казался Г.Попов или С.Станкевич.

Телевидение способно сделать и из Явлинского подобие профессора Доуэля. Любимцу владельцев ТВ делать ничего не надо — только рот открывать. Изобретать что-то умное не надо — повторяй себе одно и то же. Опровергать тебя никому не позволят.

Это, кстати, очень удобно — не иметь туловища. Говорящая голова функционирует в автоматическом режиме. Произносить можно все что угодно — любой фразе можно придать невероятную значимость. Не важно, что словарь говорящей головы не богаче, чем у Эллочки Людоедки. Десяток банальностей — вполне достаточно для “имиджа”.

Политическая и пропагандистская системы сейчас существуют в таком виде, что авторитет не имеет местного значения. Говорящие головы или дамы в интерьерах толкуют только о глобальном. Местной власти, местной проблематики, местных независимых газет для граждан не существует. Люди должны довольствоваться общением с назначенными им в наказание чиновниками и потому предпочитают от этого общения уклоняться. А как раз этого чиновнику и нужно, — чтобы никто над душой не стоял и не мешал преследовать шкурные цели, эксплуатируя свое доходное место.

В Москве, например, есть только мэр! В редких случаях в кадр попадают люди их его свиты. Какое-нибудь расплющенное в лепешку лицо г-на Цоя — большого специалиста по средствам массовой информации и связям мэрии с этими средствами.

С некоторых пор, правда в столице появились местные газетки. Но и там — одно лицо власти. Какой-нибудь Фазиль Морданович — и

баста.

Местная система информации становится приложением местного же властного клана. Дело доходит до того, что население не знает, к кому обратиться по простейшему житейскому поводу. Гражданам своими услугами не досаждают ни ЖЭК, ни отделение милиции. Нет ни народного контроля, ни участкового, ни прокурора, ни сантехника… Подобные структуры живут как бы сами по себе. Как говорил один одесский юморист, главное — процесс!

Итак, мы видим, что выбор не программ, а людей — дело сложное, основательно замутненное всяческой кривдой и рекламными выкрутасами.

С выбором на основании программ дело обстоит еще хуже. Ведь крайне трудно проверить, собирается кандидат выполнять обещанное или только делает вид, что озабочен проблемами населения. Недоверие к авторам различных политических программ — дело нормальное, потому что написать логичную, выверенную программу может каждый десятый политик. Поэтому проблема состоит не в том, чтобы выбрать правильную программу, а в том, чтобы выбрать правильных людей с правильной программой. Они, исходя из компактного набора критериев, определяется по ходу дела в нашей непрерывно меняющейся обстановке. Их главная задача — провести наш корабль сквозь бури.

Какой курс у этого корабля? Этого сейчас, во время социально-экономического шторма, не может сказать никто. Следовательно, выбирается не программа (мало ли что можно написать на бумаге!), а команда и капитан. Для преодоления стихии бессмысленно строить программы.

Участвуя в выборах сегодня, мы должны сказать, какая должна быть власть.

Тут возникает три требования принципиального характера, которым должен удовлетворять кандидат в депутаты, чтобы ему можно было отдать свой голос.

Тезис первый — власть должна на всех уровнях принадлежать гражданам и осуществляться избранными представителями граждан. Вытекающее из этого следствие состоит в том, что с господством и произволом бюрократии необходимо покончить. То, что у нас происходит в последние годы — это мятеж бюрократии, бунт

чиновничества. Это они вышли из-под контроля, а не простые люди, которые контроль за собой не потеряли! Они по-прежнему хотят спокойно, без излишеств и фантазий, без революций и потрясений, жить по-человечески. Поэтому те, что будет представлять во власти граждан, должны обладать способностью подавить теперешнее беснование бюрократии. Самим бюрократам — не место во власти. Чиновник, пропагандирующий себя за счет бюджета, собранного из средств граждан — просто вор, и относиться к нему надо соответственно.

Второй тезис — власть всегда в долгу перед своим народом. Отсюда вывод — власть должна осуществляться для народа (точнее — нации), а не народ существовать для власти. Вопрос должен стоять так: этот кандидат будет использовать народ в целях захвата и удержания власти или народ будет использовать своего представителя для разрешения неизбежных социальных противоречий и защиты общенациональных интересов?

Нам надо прийти к старой формуле — депутат слуга народа. Сомнение в репутации политика следует трактовать в пользу пострадавшего, а чаще всего пострадавшим бывает у нас именно народ.

Так как люди во власти не только следуют законам, но и создают их, от политика требуется нечто большее, чем гражданское послушание. Критерий тут другой — наличие или отсутствие доверия. Голосовать за подозрительных типов нельзя ни под каким видом! Только абсолютно прозрачная биография может становиться поводом для того, чтобы отдать свой голос ее обладателю.

Третий тезис, на который надо опираться, выбирая людей, а не программы, состоит в том, что целями власти должны быть порядок, справедливость и достаток. Речь должна идти не о законности, демократии или других отвлеченных понятиях — тертые политики трактуют их вкривь и вкось. В России испокон веку живут не по закону, а по справедливости, не по праву на собственности, а по праву на достаток, не по абстрактным принципам западной демократии, а по требованиям русского социального порядка.

По народным обычаям критерии порядка, справедливости и достатка скромны. Нас не роскошь влечет, но скромная, достойная жизнь. Нас привлекает не педантическое буквоедство, а элементарная чистота на улицах, организованность в учреждениях, защищенность от уголовщины. Нас не суд присяжных и пышный парламентаризм прельщает. Мы ждем минимальной ответственности от предпринимателей и хотим видеть представление о должном от чиновников. Мы не ожидаем, чтобы нам мгновенно был представлен газон, подстригаемый вот уже триста лет. Но хотя бы урны в метро и на автобусных остановках расставьте! Мы не хотим жить на помойке!

Если мы совместим представление о человеке, которому можно доверять на основании данных его биографии, то от него в качестве, кандидата в депутаты, можно потребовать стремления к порядку, справедливости и законности, к подавлению произвола чиновничества, а также понимания своей миссии как служения. Кандидат в депутаты должен совмещать данные, свидетельствующие о его высокой репутации, с пониманием своих общественных задач.

Только за такого кандидата стоит отдать голос. Он подобен вам, но лучше, а значит — защитит ваши интересы.

* * *

Накануне президентских выборов 1996 года в России с особой остротой стоял вопрос о том, какое будущее предопределяет поддержка того или иного кандидата на этот пост. Выбирая Президента страны мы имели редкую возможность поставить над собой человека с практически диктаторскими полномочиями. Поэтому национальное бытие — от глобальных вопросов государственного строительства до элементарных проблем бытового благополучия — связано с личностным потенциалом того, кто должен был взойти на политический Олимп в результате выборов.

Естественное желание каждого избирателя, концентрирующееся в коллективную волю, состоит в том, чтобы избрать для себя настоящего лидера, защитника и хозяина страны. Россия ждет и жаждет национального лидера, а его все нет и нет. Отсутствие национального лидера в течение многих лет подрывает духовный и культурный потенциал страны, размывает национальную идентичность населения России, дезорганизует трудовую мораль. Национальная идея, лишенная конкретного человеческого образа, перестает

восприниматься. Важнейшая задача президентских выборов — вернуть Национальной Идее видимый и ощутимый образ.

Утрата национального лидера в России всегда была связана с наступлением Смутного времени и крайне болезненным преодолением естественных в жизни любого государства кризисных периодов. Наиболее жестоким потрясением было для России разрушение монархии и убийство Николая II и его семьи. Доказательство права Ленина на роль национального лидера обернулось страшной гражданской войной. Второй раз в XX веке национальное лидерство было утрачено Хрущевым. После него лишь на небольшие промежутки времени роль "отца нации" смогли сыграть Горбачев (1985–1989) и Ельцин (1989–1991).

Какие же политики имели реальные шансы быть избранными, насколько серьезными были их претензии на роль национального лидера? Разобравшись в этих вопросах, мы в другой раз быстрее поймем кого мы собираемся выбирать, по каким правилам нам предлагают это делать, что мы можем получить в результате?

Политическое «меню» в 1996 году было очень скудным. Если правящий режим мог выставить для участия в «забеге» лишь Ельцина или Черномырдина, то оппозиция способна была ответить всерьез лишь фигурами Зюганова, Жириновского, Явлинского и Лебедя.

Предвыборные программы кандидатов вчерне можно было увидеть в программах соответствующих избирательных боков недавних парламентских выборах, а программные установки Ельцина и его команды почерпнуть из президентских посланий. Но предвыборные программы кандидатов практически ничего нового не принесли — ни новой мысли, ни нового образа.

Нетрудно убедиться в том, что Ельцин и Жириновский в своей политической практике не стремились особенно следовать высказанным мировоззренческим установкам, программы Явлинского и Черномырдина были похожи на правительственные предложения — не более того, а Зюганов и Лебедь имели за душой практически только эклектичные программы, в которых нельзя было разобраться.

В связи с тем, что более или менее связные идеологии не появляются лишь в связи с выборами, а кристаллизуются годами и усилиями многих умов, надежды на появление во главе государства лидера со сформировавшимся воззрением на будущее страны уже в

самом начале президентской гонки не было никакой. Оставалось только уповать на здравый смысл и верно направленный творческий потенциал будущего президента России. Но был ли он у тех, кто годами не мог сформулировать, что же он предлагает стране? Ясно было, что Ельцин упорствует в том, чтобы продолжать разрушение, а остальные хотят приостановить этот процесс. Как — неизвестно.

Впрочем, и избиратели толком не знали, что они хотят от политиков. Просто всего хорошего — вот и все требования. Кроме того, предпочтения граждан в значительной мере носили иррациональный характер и были направлены лишь на перспективу мести за состоявшееся унижение. С другой стороны, им противостоял прагматический мотив — стремление избежать мести. Сначала мстить хотели коммунистам, потом — “демократам”. И в первом, и во втором случае ориентация на перспективу, на идеи, ценности практически отсутствовала.

Наиболее соответствовал роли мстителя в 1996 году образ Зюганова, который с большим трудом осваивал навыки народного трибуна, произнося злые слова с каменным выражением лица. Негативным фактором его избирательной кампании стало и качество стоящей за спиной коммунистического лидера команды, взгляд на которую сразу порождал вопрос: "А не будет ли хуже?". Пугал образ старого мертвенного Политбюро, которое кроме мести, действительно, уже ни на что не годилось. Да и отомстить могло вовсе не обидчикам народа, а самому народу.

Наиболее сильной фигурой, способной уберечь от мести, являлся в глазах поживившихся в период реформ граждан, очевидно, Ельцин. С активным началом избирательной кампании оказалось, что Ельцина рано списали как публичного политика. Оказалось, что и без всяких способностей можно быть политиком, если заставить себя превратиться в марионетку. Вместе с тем, ряд факторов показывал, что защита Ельцина не может быть долговременной и надежной. Он слишком часто повторял, что он в прекрасной форме, а это порождало подозрения, что с формой-то как раз и не все в порядке. Наконец, роль «хозяина» не выдерживалась, происходили срывы на политический радикализм: Ельцин публично сожалел о том, что его оппоненты не сидят в Матросской тишине, говорил, что «коммуняк» он не допустит.

То есть, срывался на мотив мести и обострял противостояние в обществе.

Потенциальным защитником от мести мог числиться в глазах избирателей и Явлинский, в образе которого запечатлены некоторые воспоминания о возможности новых идей и новых людей во власти. Но Явлинский тщательно затаптывал собственное своеобразие, стараясь выглядеть сверхволевым и респектабельным политиком. Явно переигрывая, он смотрелся озлобленным, переутомленным, чванливым, мало на что способным. К тому же его программа — безадресное послание, разработка экономических мер для не понятно какой страны. В этой программе не было человеческого измерения, она походило на само лицо ее автора, приобретшее болезненный вид.

Лебедь для большинства избирателей был неясен, ибо сочетал в своем образе и черты мстителя, и черты защитника от мести. Стараясь выглядеть все-таки защитником и умиротворителем, он имел очень неустойчивые перспективы. Кроме того, ему не удавалось избавиться от "рентгеновского взгляда" и "металлического голоса", которые, впрочем, удачно камуфлировались профессионалами рекламных роликов. Негативным фактором для Лебедя было и отсутствие квалифицированной команды идеологов. Генералу фактически нечего было предложить по части программных разработок даже на уровне ритуальных обращений к избирателю. Уже в процессе избирательной кампании Лебедю пришлось взять полный комплект услуг у либералов, чем и вовсе запутать и самого себя, и своих соратников.

Жириновского ненавидели и обожали за одно и то же — политический эпатаж, профанацию политики. В этом он был очень похож на большинство средств массовой информации. В то же время, Жириновский в своей кампании оставался крайне прагматичным и не предпринимал ничего лишнего. Он знал, что шансов у него нет и стремился запомниться избирателям именно в качестве мстителя, потрясающего наручниками с парламентской трибуны. Этот образ серьезно поможет ему на любых других выборах.

Специальные социологические исследования говорят о том, что для Ельцина в качестве кандидата в президенты преимущество перед остальными кандидатами заключалось в готовности к использованию силы, для Черномырдина — в опыте хозяйственного руководителя, для Зюганова — в стремлении учитывать интересы простых людей, для

Явлинского — в честности, для Лебедя — в умении и готовности говорить правду. Но все это были оценки по абстрактным параметрам — не более того.

Появлению национального лидера мешала больше всего профанация политической системы, крайняя бедность политического «меню» и отсутствие разговора с избирателем и оппонентами по-существу. “Голосуй или проиграешь!” — какое тут существо? Избирательная компания была связана исключительно с разворачиванием рекламных идей, а не смысловых конструкций и реальных программных разработок. В конкуренции рекламных идей были погребены вопросы, связанные с существованием России в XXI веке. Это указывает на промежуточный характер выборов президента в 1996 году.

Настоящее самоопределение России с достойными кандидатами на президентских выборах еще впереди.

Коалиция лиц с неумытой репутацией

(Б.Ельцин и Ю.Лужков)

Выборы мэра в Москве в 1996 проходили одновременно президентскими. Тем самым снова был использован "метод паровоза", изобретенный в свое время Г.Поповым. Только на этот раз локомотив избирательной кампании Лужкова в большей степени тянул выдохшийся паровоз избирательной кампании Ельцина.

Лужков точно сформулировал свое кредо ("Президент", март 1994): "Одна любовь — Москва, одна любовь — жена, одна любовь — Президент". Трижды однолюбец — это оригинально! Кроме того, на счет жены можно было бы промолчать, женившись второй раз неравным браком на молодой даме преклонных лет, на счет Москвы — как бы не предъявили счет за такую «любовь», на счет президента — просто глупо (любить начальника — обязанность чиновника, но говорить об этом вслух — это уж слишком!).

Вся Москва была увешана плакатами с изображением пожимающих друг другу руки Ельцина и Лужкова. Еще до голосования надписи на них гласили "Москвичи свой выбор сделали". Москвичи, обращая внимание на этот плакат, украшавший чуть ли не каждый столб, говорили: "Хорошо висят!"

В одном из телеинтервью Чубайс проговорился, что сбор подписей для кандидата в президенты Ельцина, был практически

провален. За три дня до окончания срока сдачи подписей положение смог выправить Лужков, заявивший потом, что пришлось усердствовать почти так же, как это было перед открытием мемориала на Поклонной горе. Так работают только от большой любви или от страха за то, что придется отвечать за такую “любовь”.

Впрочем, не так уж далеко простирается любовь к Ельцину в его собственном окружении, чтобы даром собирать за него подписи. Именно Лужков сделал огромную услугу Ельцину, материализовав эту далеко небескорыстную любовь.

Бог шельму метит, как говорят в народе. Вот и Ельцин в 1996 начал свою избирательную кампанию голосом Генсека КПСС Л.И.Брежнева, вещающего из преисподней. Это выступление было отмечено тем, что президент предложил в случае своего поражения на выборах положить на рельсы уже не себя самого, а Россию. Акцией же самовозложения на рельсы, которую он обещал в случае снижения уровня жизни, Ельцин назвал апрельский референдум 1993 года. Это конечно же ложь, как и практически все, что говорил Ельцин избирателям. Никаких последствий для него этот референдум иметь не мог.

Коль скоро Ельцин сказал, что на рельсах он уже успел полежать на апрельском референдуме, то он косвенно признал, что своих предвыборных обещаний не выполнил и ходит теперь с отрезанной поездом головой. Судя по тому, что произносила эта голова, она действительно была нетвердо прикреплена к плечам и основательно протухла.

Такая жуткая картинка не всякому придется по душе. Более оптимистично сравнение Ельцина с монитором компьютера, который показывает то, что заложено в системном блоке, стоящем под столом. Показывает этот монитор плохо, неразборчиво, поскольку сделан из бутылочного стекла. Зато системный блок изготовлен по стандартам IBM и по заказу Чубайса.

Многим помнится картинный жест Ельцина в 1991, который, стоя на танке, эффектным хлопком раскрыл сложенный вчетверо листок. Своих слов даже в момент торжества у него не было. В 1996 году слов у него тоже не было. Все свои запальчивые речи он произносил, считывая текст со специальных электронных экранов, которые очевидцы этих захлебывающихся энергичным пустословием речей,

могли и не замечать — Ельцин навострился ловко косить глазами. К журналистам же он выходил с незаметным микрофончиком, вставленным в ухо. Почти не понимая что у него спрашивают, Ельцин, как попка-дурак, повторял за суфлером, блуждая вокруг отсутствующим взглядом и делая неестественные паузы.

Когда же Ельцин воспроизводил изобретенный Горбачевым метод общения с народом (вхождение в толпу подготовленных бабусь или женщин преклонных лет, оттесняемых многочисленными охранниками), он нес бессвязную чепуху, которую в теленовостях препарировали, составляя из обрывков видеозаписи нечто пригодное для очарования всей страны.

Хуже всего у Ельцина выходило, когда он отрывался от текста или не мог пользоваться услугами суфлера. Например, у него на встрече на каком-то заводе вырвалось игривое приглашение перезнакомить обитателей близлежащей ткацкой фабрики и военного училища. Президент посчитал, что от этого будут рождаться дети. Но он не знал, что ткачихами работают женщины, которым за 40, а курсанты, как на подбор — не старше 20. Вот вам и взгляд на жизнь через бутылочное стекло!

Для того, чтобы набрать очки в президентской гонке Ельцин решил сыграть на самом больном — на выплате зарплаты, которую его правительство умыкнуло у миллионов людей. В течение марта 1996 практически все средства были перечислены в региональные бюджеты. Вывод отсюда простой — гражданам необходимо добиваться ежегодного переизбрания президента, который ежегодно же будет возвращать им долги. Если соответствующую поправку удастся провести в Конституцию, то стоило бы не забыть о процентах, которые должны набежать на задержанную сумму.

Ельцин и его команда применила все возможные средства для того, чтобы не разбить голоса своих сторонников. К примеру, телевизионным работникам и журналистам прямо намекали на то, что они могут пострадать, если хоть как-то упомянут конкурентов Ельцина в своих сообщениях. Режиссеру Говорухину, ставшему доверенным лицом Зюганова, не дали выступить перед телезрителями, объявив его ролик "мракобесием".

Запрет не касался только фигуры Зюганова, подавить которую не было ни сил ни желания — эта фигура сама себя подавляла, отбивая у

граждан охоту за нее голосовать.

Антикоммунизм продолжал составлять главный ресурс ельцинской пропаганды, а анализ показывал, что во втором туре Ельцин может победить только Зюганова. Лебедь или Явлинский не оставили бы ему никаких шансов.

Не случайно из многих инициативных групп, занимавшихся сбором подписей за кандидатуру Ельцина, последний выбрал своих старых соратников — своего бывшего уполномоченного по Москве "окончательного демократа" Камчатова, Льва Шемаева с испитым лицом, президента фонда «Содружество» С.Трубе, пропагандировавшего Ельцина через газету «Позиция» еще в 1989, и прочих подобных персон, соединившихся в одну команду.

Ельцин и Зюганов — близнецы-братья. Так считали не только представители «белой» оппозиции ельцинизму. С таким тезисом выступила и Е.Боннер перед парижской русскоязычной публикой ("Век", № 21, 1996). Явлинский, воспользовавшийся в своей президентской кампании поддержкой "окончательных демократов" — Боннэр и С.Ковалева, тоже поначалу вторил им: "Только непорядочные люди могут голосовать за Ельцина", "Ельцин — гарант отсутствия всяких гарантий". Позднее он смягчил свою позицию, надеясь на благосклонность власти при формировании нового правительства. И получил во время ельцинско-черномырдинского триумфа: "Кто такой Явлинский, что он сделал? Программа 500 дней? Знаем, проходили. Хорошо, что не дошли". Этим вопрос об участии Явлинского в правительстве был закрыт.

Не только передемокраченным демократам, но и не слишком заинтересованным наблюдателям было достаточно очевидно, что Ельцин на практике решил реализовать в предвыборной кампании программу Зюганова. Ельцин направо и налево раздавал миллиарды, заключил мирное соглашение с чеченскими бандитами и, объявив что мир в Чечне восстановлен, уволил досрочно с армейской службы тех, кто воевал в "горячих точках" или был призван на 1.5 года (несколько сот тысяч человек покинуло армию, укомплектованную только наполовину).

Предвыборная кампания Ельцина нанесла хозяйству России колоссальный ущерб. Вот лишь часть обнародованных расходов Ельцина на предвыборную кампанию ("Век", № 21, 1996, с.3):

— Екатеринбург — миллион долларов кондитерской фабрике и медикаменты на 250 млн. рублей местной больнице;

— Краснодар — 18 млрд. рублей на жилой дом для ветеранов, товарный кредит на 5,1 трлн. рублей сельхозпроизводителям, 800 млрд. рублей землепользователям на приобретение земли;

— Волгоград — 10 млрд. рублей для научной библиотеки;

— Ахтубинск — спортивный самолет ЯК-52 в подарок спецшколе ВВС;

— Красноярск — компьютерный класс в подарок одной из школ;

— Воркута — 133 млрд. рублей финансовой помощи угольной промышленности, понижение железнодорожных тарифов на 40 %, 9 млрд. рублей на летний отдых детей шахтеров;

— Архангельск — 40 млрд. кредита под 20 % годовых деревообрабатывающей фабрике (при обычных ставках не менее 100 %);

— Свердловская область — 3 млрд. рублей на завершение строительства роддома, 5 млрд. — на реконструкцию госпиталя для ветеранов;

— Кострома — 2.4 млрд. на завершение строительства общежития.

И прочая, прочая, прочая… Вроде бы все это — для людей. Но не забудем, что сразу за выборами начались повальные невыплаты зарплаты. То есть, граждане были подкуплены Ельциным за их же деньги.

Всего с 15 апреля по 29 мая 1996 из "Резервного фонда президента" и других бюджетных источников выплачено под рекламные подвиги Ельцина около триллиона рублей с гаком. Но это только прямые выплаты. Есть еще затраты на избирательную кампанию и посулы из бюджета, которые тоже фантастичны по своим размерам.

Все это привело к тому, что пришлось к началу июня «опустить» Центральный банк России на 5 трлн. рублей, что эквивалентно дополнительной эмиссии пустых денег. Впрочем, и сам ЦБ напечатал 13 трлн. рублей ("Сегодня" 11.06.96). Вероятно, именно такова цена, которую Россия заплатила за избирательную кампанию Ельцина. Но это только первый взнос, вершина финансового айсберга. Общая

растрата, произведенная Ельциным из бюджета России оценивается, примерно в шестьдесят триллионов рублей.

Что касается обещаний, Ельцин копировал не Зюганова, а Жириновского. Он не скупился и лгал без перерыва. Причем в любом раскладе Ельцин не собирался уступать власть. Хранитель тела “всенародно избранного” Коржаков свидетельствовал, что с коммунистами велись закулисные переговоры о переносе выборов: мол, власть все равно не отдадим, переносите выборы решением Думы.

Чего только не наобещал Ельцин в своей предвыборной кампании. Он обещал, что социальная защищенность граждан в течение ближайших лет будет на уровне ведущих европейских стран, что к 2000 году в армии служить будут только контрактники и т. д. и т. п. Как беззастенчиво пишет Коржаков, “обманывали ради реформ и демократии”.

Мы уже слышали байку про рельсы, на которые Ельцин собирался улечься в случае снижения уровня жизни в России. На этот раз поверить Ельцину мог только полный дебил. Таковых нашлось немало, но большинство все же только сделало вид, что поверило, объясняя себе и окружающим свое неприятие коммунистов. Обещанную им зарплату наивные избиратели будут ждать еще долго. Особенно шахтеры, которым сразу после выборов пришлось объявить массовую голодовку.

Зато Америка не только поверила в Ельцина, но и открыто поддержала его кредитами, выделив режиму непосредственно в предвыборный период более миллиарда долларов, а буквально накануне голосования — еще 330 млн. долларов.

К этому был добавлен куш в 3 млн. долларов от российских банкиров, предназначенный для финансирования деятельности Чубайса и его группы, включая дочь Ельцина Татьяну Дьяченко, которой не терпелось разделить лавры с Раисой Горбачевой. Об этом рассказывал в одном из интервью Борис Березовский, считавший себя главным организатором всех побед объединенной команды ельцинистов и финансистов (“Правда-5”, 1–8.11.96).

Любовь Америки к Ельцину понята. При нем на руках российского населения оказалось как минимум 20 млрд. долларов — больше, чем где-либо. При таком количестве денег, находящихся за

рубежом (2/3 всей зарубежной долларовой наличности), США не страшна никакая эмиссия — выпуск ничем не обеспеченной зеленой бумаги. К таком выпуску они и приступили опять же в период избирательной кампании 1996 г. в России.

Понятна любовь к Ельцину со стороны всяческого жулья. Ведь 20 % всех долларовых купюр являются поддельными. При том, что внутрироссийский долларовый оборот составляет сотни миллиардов, фальшивки можно легко менять на товар.

Понятна и любовь к Ельцину со стороны президентов постсоветского пространства. Крах ельцинизма в России означал бы для них личный политический крах. Поэтому все эти бесенята единодушно поддержали российскую "демократию".

У всех сторонников Ельцина влечение к нему не было бескорыстным. В ряде средств массовой информации был опубликован реестр расходов Ельцина, почерпнутым его командой из государственного кармана (например, "Русский курьер", № 3, 20–27 декабря 1996, с. 16–18). Из этих данных следует, что разворовано по меньшей мере полмиллиарда долларов.

Полмиллиона долларов передано Фонду «Согласие» (И.Рыбкин), столько же на прокат фильмов Михалкова, 800 млн. рублей — совершенно выродившемуся к тому времени движению "Женщины России", 1.7 млрд. рублей — "Гражданской инициативе", 850 млн. рублей казачкам, движению "Выбор России" (П.Медведев) — 100 млн. рублей, партии «ДВР» — 249 млн. рублей, движению "Вперед, Россия!" (Б.Федоров) — 150 млн. рублей, Российской объединенной промышленной партии (Вольский) — 250 млн. рублей, Конгрессу национальных объединений России (КНОР) — 100 млн. рублей, ПРЕС (Шахрай) — 250 млн. рублей, 100 млн. рублей «Демроссии» (Л.Пономарев), гаденькой газетенке «Президент» 500 млн. рублей, российской партии социальной демократии — 250 млн. рублей, несуществующему Союзу "Живое кольцо" — 310 млн. рублей, 1 млрд. рублей — Союзу землевладельцев, 15 млрд. — липовому Российскому воинскому братству, 145 млн. рублей — Союзу журналистов. В итоговой калькуляции указана общая сумма финансирования Общественного движения в поддержку Президента (ОДОП) — 48,667 млрд. рублей. На культурно-массовые и общественно-политические мероприятия избирательной кампании Ельцина из казны

потрачено еще 83 с лишним миллиарда рублей, на социологические исследования — 34 миллиарда, на "поддержку регионов" — без малого 160 млрд.

НТВ выплачено 78 млн. долларов, ОРТ — 169 млн. долларов "закрыто налоговыми освобождениями", «Интерфаксу» — 250 тыс. долларов. Общая сумма затрат на электронные СМИ — 336.813 млрд. рублей, на остальные СМИ — 77.291 млрд. рублей. Только на рассылку полиграфической продукции (540 тонн) выделено аж 4.6 млрд. рублей.

Есть тут и такая замечательная запись: "Празднования 12 июня (Пономарев Л.А.) Пришло от Филатова. Б-215 от 02.05.96. Направлено на согласование с Лисовским". Не в процессе ли этого согласования выносились из дома правительства полмиллиарда долларов, вокруг которых разгорелся целый скандал уже в июне 1996?

Есть и другие именные проекты. Например, на "спецпроект Шахновского" выделено почти полмиллиона долларов, на "проект А.Козырева" — четверть миллиона долларов, Осталось неясным, реализован ли не отринутый сразу проект организации сеансов А.Чумака (вероятно тоже в политических целях) ценой в 1.6 трлн (!) рублей.

Все это изобилие цифр некоторые хидромудрецы пытались представить как фальшивку. Мол, все изготовлено шутами под предводительством Марата Гельманом, которые выставили этот продукт в качестве произведения искусства на тему “Компромат. Сделай сам.” В пользу того, что это была хитрость, нейтрализующая утечку информации, говорит тот факт, что в документе нет ни одной ошибки. Фамилии, суммы, любимые инициативы составитель должен был знать досконально.

Есть и другое подтверждение достоверности указанного документа. Несколько раз в нем упомянут Национальный фонд спорта, вокруг которого позднее разгорелся скандал и криминальщина. Откуда взял НФС деньги для финансирования избирательной программы Ельцина видно из таких данных ("Новая газета № 27, 29 июля — 4 августа 1996):

Данные из закрытой справки таможни за 1995 г.

Крупнейшие импортеры табака млн. $ млн. шт.

НФС 284.7 40.2

Московское представительство
АО "Нефтяная компания Эвихон" 44.7 4.0
ГП ВЭО «Технопромэкспорт» 0.6 2.6
АООО "Игры доброй воли-94" 19.0 2.2
Федерация хоккея России 4.2 1.4
ТОО «Акция» 12.8 1.4
Фонд 50-летия Победы 11.1 1.0
АОЗТ «Нова» 2.8 0.9
ООО «НФС-Нева» 7.3 0.9
"НФС-плюс" 6.8 0.8

Крупнейшие импортеры водки
НФС 200.6 159.4
ООО «НФС-Нева» 75.3 42.6
Федерация хоккея России 13.4 15.2
Олимпийский комитет России 4.6 3.5
Проф. футб. клуб «Ротор» 2.9 3.1
АООО "Игры доброй воли-94" 1.8 0.8
Российский фонд инвалидов войны в Афганистане 0.1 0.15

Крупнейшие импортеры крепких спиртных напитков
НФС 100.4 56.3
Проф. футб. клуб «Ротор» 47.0 11.8
ООО «НФС-Нева» 26.2 11.4
Федерация хоккея России 7.4 10.9
АООО "Игры доброй воли-94" 3.2 2.0
Олимпийский комитет России 1.8 0.7

Все это «спортивное» изобилие проистекает из Указа Ельцина № 1973 от 22 ноября 1993 г.: "товары, импортируемые в РФ и предназначенные для обеспечения и проведения международных спортивных соревнований… освобождаются от уплаты таможенной пошлины, налога на добавленную стоимость и акциза". Только для финансирования "Приза «Известий» НФС поназаключал столько контрактов, что налоговые освобождения составили около 1 млрд. долларов. Реально же на турнир было потрачено 2,37 млн. долларов. Возникающие было разбирательства гасились и.о. генпрокурора А.Ильюшенко, которого потом пришлось арестовать. Но даже последующая отмена таможенных льгот указом от 6 августа 1995 г. не коснулось НФС.

Так ковалось реальное "золото партии" ельцинистов, позволившее ей победить в фальсифицированных выборах 1996 г. Одного из “кузнецов” — бывшего главу НФС и ельцинского партнера по развлечениям на корте — Тарпищева, которого стало неприлично держать вблизи верховной власти, пригрел у себя Лужков. Якобы в качестве бесплатного советника. Обычно такого рода советники получают широчайшие возможности, чтобы повышать свое благосостояние, не расписываясь в ведомости за получение зарплаты.

Возникшие в ходе избирательной кампании скандалы следует отнести, вероятно, к типу конфликтов, которые могли иметь место между "партией Бормана" и "партией Гиммлера". В российской ситуации это были "партия Коржакова" и "партия Чубайса".

Дрались они между собой жестоко. Об этом свидетельствует публикация стенограммы беседы Чубайса с первым вице-премьером Илюшиным и зампредом Администрации президента Красавченко (МК 15.11.96), по поводу которой разгорелся было скандал, да утих — никаких сил затолкать проходимцев за решетку у осторожных парламентских горлопанов не было.

Затишье в правоохранительной системе не смогли сломить даже слова Чубайса: “Я же говорю, что тут язык абсолютно однозначный. Только в лоб ему сказать, что либо заткнитесь, ребята, либо посадим. Все. У нас материалов столько с документами, что хватит лет на 15 каждому. Про все воровство, про все убийства, про всю кровь, которая за ними стоит. <…> Если с любым из нас что-то происходит, мгновенно эти материалы публикуются. Схему я лично проработал до мельчайших деталей, сделал два месяца назад, потому что знал с кем имею дело.”

Операция Чубайса чуть не сорвалось. Он сам испугался им же затеянной интриги. Судя по стенограмме, предполагалось даже эвакуация его ближайших компаньонов Лисовского и Евстафьева через Финляндию в Турцию с использованием музыканта-демониста Ростроповича, машину которого не должны были трогать при пересечении границы.

Спасло лишь то, что в операцию оказалась втянутой дочь Ельцина Татьяна Дьяченко. Чубайс успел к Ельцину до Коржакова с Барсуковым и выложил два аргумента: предвыборный штаб может мгновенно прекратить работу, под ударом одновременно и

избирательная кампания, и семья президента. Вереница персон, оказавших в этот период воздействие на слабую психику Ельцина, была оглашена Коржаковым, давшим после своей отставки скандальное телеинтервью: Березовский, Гусинский, телекомментатор Киселев, губернатор Немцов.

Ельцинская избирательная кампания стала парадом паскудства. В его поддержку выступали скопом целые трудовые коллективы, целые отрасли. Журналисты и вовсе обезумели. Хорошо еще, что масса населения в значительной мере дебильна. А то бы вменили с помощью СМИ такую шизофрению, что не приведи Господь.

Антикоммунистическая истерия в поддержку Ельцина достигла небывалых высот. Крестьяне говорили, что у них коммунисты могут отобрать коров, журналисты заверяли, что снова начнутся массовые расстрелы,

На политиков во время выборов напала последняя стадия безумства. После первого тура, в котором по данным Центризбиркома с небольшим перевесом вперед вышел Ельцин, политики, ранее проявлявшие самостоятельность мысли, заговорили о необходимости правильного выбора, опасности разворота общества вспять от демократии (будто ее где-то видать). Даже вдова Дудаева (мнимая?) благословила убийцу своего мужа (и убийцу русских солдат, сложивших голову в Чечне) на победу в президентских выборах.

Социологи вообще превратили свою профессию в аналог психической патологии. Например, известная проправительственная служба ВЦИОМ объявляла, в прессе, что в первом туре Ельцин превзойдет Зюганова на 12 %, а в Центризбирком те же исследователи сдавали данные о победе всего тремя процентами.

Перед вторым туром прогнозы были еще фантастичнее. К прогнозистам присоединился корифей всех наук — Ю.Лужков. Во втором туре он предрекал победу Ельцину 10–12 процентами, а в Москве заблаговременно обещал своему хозяину перевес в 4 раза.

Средства массовой информации начали распространять провокационные слухи о том, что люди запасают крупы, спички и сахар, а ожидающие победы коммунистов администраторы, мол, тайно начали печатать талоны на такого рода товары.

Все сплошь ссылались на "последние 70 лет", забывая о последних пяти. Наконец, Ельцин всенародно был объявлен конем,

которого на переправе, как известно, не меняют.

Переправа, переправа… Как писал Твардовский, "кому — память, кому — слава, кому — темная вода". Пять лет шла эта переправа и троянский конь, упершийся в берега апокалипсического Хроноса, стоит — ни тпру, ни ну. Ни жить не дает, ни умереть достойно.

* * *

Программа Лужкова на мэрских выборах 1996 года была немудреной. Он постоянно повторял на разного рода собраниях одно и то же — тезисы из книги "Мы дети твои, Москва" да из бюрократических отчетов его чиновников — без конкретных цифр.

Если излагать предельно коротко, то позиция Лужкова сводилась к следующим тезисам (МН, № 13, 1996):

— утверждение самоуправления в качестве заказчика у городских властей и в виде иерархической системы (то, от чего все предшествующие годы Лужков бегал, как черт от ладана),

— перенесение налогов с производителя на потребителя и собственность (то, чего в рамках московских решить невозможно принципиально),

— проведение приватизации ради выгоды, а не ради политических принципов (вопрос о выгоде понимается Лужковым крайне своеобразно — см. раздел "Воплощенное невежество"),

— подавление паразитического капитала (последнее теоретическое нововведение Лужкова более чем сомнительно, см. там же).

И это все. Более подробная программа, опубликованная в ряде газет — интерпретация лжи, ранее опубликованной на глянцевой бумаге. Даже очень заинтересованному читателю освоить эту бюрократическую писанину крайне затруднительно — слишком уж низок интеллектуальный уровень ее создателей. Обычная номенклатурная брехня.

За эту пустышку Лужкова выдвинули на уже занимаемый им пост продажные московские профсоюзы. Лужков, разумеется, не стал отказываться от этой чести.

Профсоюзные активисты обосновали свое решение так: "Лужков обеспечивает главное — чтобы в городе было тепло и ходил транспорт". Сразу вспоминается идиллия коммунистического недалеко

в интерпретации известного комедианта: "Трамваи ходют, посуду принимают — жизнь идет."

Лужков на встрече со своими холопами в институте нефти и газа по поводу своего согласия баллотироваться на пост мэра привел слова Остапа Бендера: "Как порядочный человек, теперь я уже не могу не жениться". Мэр забыл, что Остап был жуликом, чтящим уголовный кодекс лишь до той степени, в которой этот кодекс мог контролировать его деятельность. Поэтому его цитата — снова чисто фрейдистская оговорка. Разорив Москву, мэр уже "не мог не жениться".

Другая блестящая фраза мэра, прозвучавшая в выступлении: "Если мы будем все время долбить фундамент, то у нас рано или поздно поедет крыша". Естественно, под "поехавшей крышей", подразумевалось сумасшествие. Относя фразу мэра на него самого, мы все-таки не утверждаем, что он сошел с ума. Мы лишь доказываем, что его поведение предельно непрофессионально и безнравственно. Это тоже вариант "поехавшей крыши". Пожалуй даже более опасный для общества, чем простое сумасшествие. А все от того, что все время долбит “фундамент”.

Лужков взял себе в вице-мэры старого номенклатурного волка от КПСС — префекта Шанцева (политическая кличка "Павлиныч"). Видать, Лужков не хотел отстать от Ельцина, умудрившегося в период избирательной кампании восстановить в статусе государственного флага красное знамя (под видом "знамени Победы", которое, впрочем, является уникальным экземпляром и не подлежит размножению даже в условиях политического словоблудия). Не забыл Лужков и услуг коммунистической фракции Моссовета, которая все время его существования (1990–1993) занималась тихим саботажем сначала во главе с А.Брячихиным (ставшим префектом у Лужкова), а потом — во главе с В.Шанцеваым (тоже получившим пост префекта).

Гарантированное вице-мэрство Павлиныча по-видимому вызвало повышенный интерес к нему со стороны криминальных структур. В начале июня 1996 на него совершено покушение. Радиоуправляемое взрывное устройство попортило не только костюм, но и нашпиговало тело немолодого двойника Лужкова мелкими осколками. "Все эти выборы…", — промолвил с досадой «Павлиныч», очнувшись.

А выборы шли своим чередом. Покалеченный Шанцев оказался очень удобен. Лужков сразу выдумал байку про «левацкие»

группировки, а его завхоз Шахновский, исполняющий то и дело обязанности политкомиссара, объявил журналистам, что все это «происки». Чьи происки — всем как будто было ясно. Но вот свидетельство о том, что Шахновский якобы в момент взрыва оказался на собственном балконе, став очевидцем покушения, заставляет сомневаться в ясности.

Господин Шахновский был в то время одним из членов избирательного штаба Ельцина. «Вхожесть» в такие круги достигается двумя факторами — этнической принадлежностью (которую в некоторых случаях подобные персонажи готовы сменять на пару судимостей) и умением подавать теннисные мячи. Вторым искусством Шахновский овладел вместе с другими "молодыми да ранними" на теннисном турнире для привилегированных проходимцев "Большая шляпа".

Когда же в московском метро прозвучал взрыв, унесший четыре жизни (кстати, среди фамилий раненных парадоксальным образом почти не оказалось русских фамилий), у Лужкова никаких сомнений не осталось — он заявил о связи взрыва с предвыборной ситуацией. Только кому этот взрыв был нужен? Уж не Ельцину ли с Лужковым? По крайней мере, никто другой никаких дивидендов от этого взрыва не получил.

Кто кого взорвал. (А.Краснов. Мысли вслух.)

Взрыв взрыву рознь. По политическим мотивам могут и персональное покушение заказать. Может быть, Зюганов в период выборов тоже мечтал, чтобы Тулеева “завалили”. Поэтому Ельцин берег Тулеева больше, чем собственную жену.

По поводу взрыва тела Шанцева — все вопросы к Лужкову. Другого заинтересованного в этом взрыве человека найти крайне трудно. Скорее всего, Шанцев это прекрасно понимает. У человека, которого взорвали, чувства обострены до предела, и от него трудно скрыть истину. Лужков тоже это понимает. Так и живут.

По поводу взрыва Лужков выразился привычным жаргоном, сказав, что в связи с возможным поражением у некоторых "очко играет". Здесь, правда, самым неравнодушным оказался именно Юрий Михайлович.

Об этом говорит хотя бы тот факт, что к вечеру того же дня Лужков истерически орал на митинге "Россия!!! Ельцин!!! Свобода!!!".

Казалось, что он, срывая голос, старался, вымолить у истории пощаду, а у своего патрона — благосклонность. Он не понимал, что одно с другим не вяжется принципиально.

С этого момента любой криминал в стране приписывался коммунистам, "рвущимся к власти". Когда убили мэра Жуковского, глава подмосковной администрации Тяжлов тут же припаял этому делу политику. Хотя было известно, что новоизбранный мэр до того вел далеко не стерильную коммерческую деятельность.

Тем временем клуб любителей Лужкова, оккупировавший московские телевидение радовал жителей столицы байками о том, что Лужков в течение рабочего дня озабочен одной мечтой — отправиться домой и вымыть своих дочек. И невдомек «лужколюбам», что эту байку Лужков рассказал сам про себя несколько лет назад. За это время дочки, поди, выросли.

Другой довод, звучащий как одобрение, — о стабильности команды Лужкова. Оно и понятно. Старые номенклатурные связи, полученные еще в период борьбы за коммунизм, обязывают мэра и сегодня. Отсюда и вывод: коммунисты нам не угрожают, они нами правят.

На единственной пресс-конференции конкурентов Лужкова, показанной по телевидению, Александр Краснов назвал и мэра, и президента ворами. Краснов был бы полностью прав, если бы уточнил, что речь идет не о примитивных кражах, а о наглом разбойном казнокрадстве, производимом не глазах у равнодушной публики. И казнокрадство это — не стыдливое влезание в карман государству, а нахрапистое, с сознанием своей правоты растаскивание страны многолюдной шайкой.

Такого рода воровство можно сравнить с одним экспериментом, показанным по телевидению. На заполненной людьми остановке автобуса здоровый детина не скрываясь открывал сумочку зазевавшейся дамы, вынимал оттуда бумажник, прятал его в свой карман и спокойно удалялся. Скрытая камера запечатлевает реакцию окружающих. В единственном случае «вора» хватают за шиворот. В остальных вариантах окружающие после паузы изумления толчками «оживляют» зазевавшуюся даму, направляя ее в сторону «вора» — догоняй, мол, защищай свою собственность. Вот так и к расхищению

казны относятся — догоняй, мол, ментошка, со своей дубинкой вон ту банду, что до зубов вооружена и только что банк грабанула.

Краснову заявить о воровстве позволил, по всей видимости, также тот факт, что на кандидатский счет Лужкова средства были перечислены городскими бюджетными организациями — департаментом строительства, Главснабом и Мостепло. Сумма перечисления составила 126,5 млн. рублей ("Сегодня" 14.06.96). Пролужковские журналисты, отговорились тем, что эти суммы выплачены вовсе не из бюджета, а из внебюджетных фондов. Нам же остается только добавить, что внебюджетные фонды как раз и стали с 1992 года основным инструментом чиновничьего воровства, ибо наполнялись, как и бюджет, из карманов москвичей, а растрачивались бесконтрольно и в интересах бюрократии.

Мы добавим к этому еще и премию в 100.000 $, которую Лужкову вручила подставная фирма, созданная, видать, именно для того, чтобы провести конкурс "Мэр России — 95" и обеспечить в конкурсе победу московскому мэру. К кругленькой сумме прибавили еще и золотого болвана — символ, напоминающий золотого тельца, которому поклоняется московское чиновничество и ворье всех оттенков.

К растратам Лужкова можно отнести и 85 млн. рублей, потраченных для рассылки писем молодым избирателям. Но это траты только на конверты. Еще пришлось задействовать базу данных спецслужб, которая давала возможность обратиться к каждому по имени и отчеству. Ну а Ельцин тем же макаром рассылал открытки ветеранам и пенсионерам, давно забывшим уважительное отношение к себе. Сердца этих людей на минуту растаяли, и они поплелись голосовать за Ельцина. Наутро, разумеется, болела голова, а в душе оставался привкус предательства.

В период выборов Москву увешали плакатами "Москва свой выбор сделала", на которой Ельцин и Лужков пожимают друг другу руки. Стоимость плаката оценивается примерно в 1000$, стоимость аренды рекламного столба на месяц — примерно во столько же. Несколько тысяч плакатов по Москве дали рекламный эффект на миллионы долларов. Откуда такие деньги в разграбленной стране?!

Феодалы проводят выборы (А.Краснов. Мысли вслух.)

Выборы 1990 года были проведены без давления денежных мешков, без информационных кампаний. Все дальнейшие выборы не

носили характера свободных выборов.

Первые выборы президента РФ и мэра Москвы были объявлены таким образом, что срок для агитации был всего две недели. Это теперь всем понятно, в результате отсутствуют равные условия для кандидатов.

Потом была история с блокадой выборов после того, как Попов ушел со своего поста, а Лужков противозаконно воссел на его место. Финансирование выборов, объявленных Моссоветом, было пережато Лужковым, которому помогали бюрократы российского уровня.

Я тогда, в 1993 все имеющиеся ресурсы пускал на то, чтобы выборы состоялись, чтобы создавалась иллюзия, что предвыборная агитация уже покатилась. Цель была не выиграть на этих выборах, хотя я был все-таки сравнимой величиной рядом с Лужковым — я мог бодаться с ним, по крайней мере, в области информационных ресурсов. Главное, что сам Лужков эти выборы тогда не выиграл бы. Поэтому и заблокировал их.

Потом вообще равных выборов не было. Даже по тиражам собственных деклараций. Полностью равенства быть не может, поскольку разнятся индивидуальные способности, да и невозможно полностью проконтролировать использование средств на избирательную кампанию. Но когда официально созданы такие условия, при которых один вкладывает в выборы сотни миллионов долларов неконтролируемых денег, а остальные не обладают даже сотой частью финансирования и информационных ресурсов фаворита, то это не выборы, это имитация — киношная показуха.

У Лужкова были тысячи качественных плакатов по всей Москве, масса скрытой и прямой рекламы по центральному телевидению. Среди кандидатов в мэры только у Лужкова была возможность за последние три года потратить порядка 100 млн. долларов на создание своего имиджа. А все, что дали в 1996 сделать за счет избирательной комиссии мне — это десятиминутная передача по кабельному телевидению, которое смотрит ничтожная часть населения, да крохотная публикация в газете типа “Экстра-М”, которая вышла уже после того, как выборы состоялись.

Выборы — это процедура с соблюдением правил равноправной конкуренции. Поэтому настоящих выборов мэра у нас не было.

Киношность выборов мэра в 1996 была во всем — привлечение каких-то актерских шутов, театральных паяцев, деятелей культуры, концерты на Красной площади… Никакого разговора по существу просто не было. Конкуренция по поводу того, кто громче крикнет! Я этих выборов, их результатов не признаю.

Зюганов здорово просчитался, когда признал итоги президентских выборов. Он мог бы сказать: “В этих виртуальных выборах, выдуманных под Ельцина, выиграл тот, кто был записан в победители по сценарию. В реальности были не выборы, а имитация, кино про выборы с заранее известным финалом.”

Если из Дома правительства выносят коробку с полумиллионом баксов, ясно, что это не основная касса выборов. Ясно, что эти деньги ни в какие легальные фонды не лезут, ясно, что это деньги беззаконные. Это даже хуже, чем если бы эти деньги были просто украдены из бюджета. Ведь если они внебюджетные, то кто-то получил приличные льготы, чтобы освободить их от контроля, а значит, немалую часть оставил для себя. То есть, бюджет пострадал еще больше, чем от прямого воровства! Уотергейт — смехотворная вещь по сравнению с этим полумиллионом долларов, который таскали туда-сюда.

Больше всего на выборы воздействовали нетематические передачи, к которым больше всего доверия и которые больше всего смотрят. Например, идет сюжет “Пожар в Хабаровске!”. Дают комментарий: “Скорее всего, это зажгли коммунисты, но смелые пожарники ликвидировали опасность и сказали, что все равно проголосуют за Ельцина.” Или сюжет: “Мы с удивлением выяснили, что сторонник Зюганова изнасиловал женщину, а тот, кто его задержал, сказал, что он за Борис-Николаича”.

Я не люблю коммунистов, но изображать, что у них рога, копыта и кровью налитые глаза, а “Ельцин такой молодой и юный — как Гайдар, что шагает впереди” — это не из правил демократических выборов. Подобные выборы в мире никому не нужны. Это пустая трата денег. Лучше просто их сэкономить и объявить пожизненное правление тех, кто сегодня у власти!

В феодальном обществе вообще не может быть выборов. Это просто праздник под названием: “Смотрите как вы все сейчас дружно за меня проголосуете”. Выкатывают бочку вина на площадь и

спрашивают: “Кого сегодня будем выкликивать нашим царем?”. Ну конечно нашего князюшку!

От феодализма эта система отличается только тем, что сотовые телефоны появились.

Как уже говорилось, в своей избирательной кампании Лужков использовал "метод паровоза". Плакаты, сделанные совместно, шли за счет избирательной компании его патрона или вовсе за счет бюджетных средств на наглядную агитацию. Остальным кандидатам пришлось довольствоваться дыркой от бублика и рукавами от жилетки. Городская избирательная комиссия (опять же контролируемая Лужковым) не дала кандидатам в мэры ни гроша. Ну а накоплений конкурентов Лужкова не хватило бы, чтобы покрыть даже 1 % тех возможностей, которые задействовал для саморекламы Лужков.

* * *

Итоги выборов 1996 г. известны. Но многим неизвестно, что подтасовки на выборах не только были, но и носили определяющий характер.

Прямых свидетельств мы не имеем и не собираемся их придумывать. Их и не может быть. Цена таких свидетельств куда больше цены жизни или чести людей, которые могли ими обладать. Мы имеем только косвенные свидетельства.

Первое косвенное свидетельство о массовых подтасовках состоит в том, что в ряде регионов процент голосов, поданных за Зюганова, упал во втором туре по сравнению с первым. Локальное проявление этой закономерности и специфичность регионов, в которых она проявилась (Татарстан, Дагестан и т. п.) чрезвычайно подозрительна. Тем более, что электорат Зюганова очень дисциплинирован и устойчив, а между турами не случалось ничего сверхординарного, что заставило бы зюгановцев, уже участвовавших в первом туре голосования, остаться равнодушными к исходу второго тура. Общая недостача голосов составила здесь более 500 тысяч.

Второе косвенное свидетельство связано с тем, что пополнение электоральной базы Ельцина могло происходить в основном за счет "третей силы" — голосов Лебедя, Явлинского и Федорова. В ряде регионов этот потенциал был подозрительно перекрыт прибавкой голосов за Ельцина. При том, что явка на избирательные участки не

только не возросла, но даже немного упала, общее превышение разумной цифры составило более 700 тыс.

Наконец, третье, самое существенное свидетельство. Оно основано на не раз звучавшем предположении аналитиков (в том числе и президентских), что увеличение явки на избирательные участки дает Ельцину дополнительные голоса. Если же построить зависимость прибавки голосов "за Ельцина" от первого ко второму туру выборов от прибавки активности избирателей, то прибавка голосов “за Ельцина” от первого ко второму туру в регионах России происходила практически вне зависимости от явки избирателей. Это противоречит рациональному тезису о том, что повышение явки связано с активизацией достаточно благополучных слоев общества, которые более склонны к сохранению сложившегося положения. Смущает также и резкое повышение числа голосующих в ряде регионов.

Для тех, что считает подтасовки в процессе выборов трудно осуществимой операцией, отметим, что нет ничего проще, чем просто подделать протоколы избирательных комиссий субъектов федерации. Для этого придется задействовать в операцию не более тысячи человек. А то и просто заменить одну компьютерную дискету на другую.

О том, что именно такой способ подтасовки имел место, говорят свидетельства очевидцев, наблюдавших за процедурой передачи документов избирательной кампании. Участковые избирательные комиссии заставляли предоставлять в окружные комиссии незаполненные копии протоколов с подписями членов комиссий и печатями, далее вся схема корректировалась в соответствии с теми «нормами» подтасовки, которые были спущены «сверху» — вот и все.

В данном случае известная сталинская фраза "неважно как голосуют, важно кто подсчитывает голоса" получила в технологии «демократов» новое воплощение "неважно как голосуют, важно кто предъявляет результаты голосования". Считать могут кто угодно и как угодно.

Но дело не только в подтасовке, которая, скорее всего, носила лишь страховочный характер и предполагала гарантированный перевес в 10–15 %. Дело еще и в технологии оболванивания масс и обрубании перспектив для соперников.

Стратегия борьбы за высший государственный пост со стороны команды Ельцина оказалась чрезвычайно эффективной. Без этого надуть тщедушный рейтинг в 6 % было совершенно невозможно.

Как это делалось?

Во-первых, на ранней стадии был снят с дистанции Черномырдин, олицетворявший собой устойчивость власти и опыт хозяйственного и государственного руководства. В результате в лидирующей группе кандидатов Ельцин остался единственным обладателем этих признаков, как бы присвоив себе политический капитал блока "Наш дом…".

Во-вторых, команде Ельцина удалось блокировать Явлинского, который и сам успешно проваливал свою избирательную кампанию неудачными клипами и слабо аргументированными нападками на власть.

В-третьих, в процессе избирательной кампании наиболее удачным образом был разыгран двуполюсный вариант политической интриги, чрезвычайно выгодный для именно для Ельцина. Как мы уже отмечали, избирателям был предложен рациональный мотив поддержки Ельцина, связанный с защитой от бессистемной мести коммунистов и связанной с этим общей нестабильностью. Зюганов фактически подыграл кампании Ельцина, пытаясь выставить себя миротворцем и все время оправдываясь.

В-четвертых, Ельцину удалось создать образ объединителя, перехватив объединительную инициативу у Зюганова. Скажем более, Зюганов просто опоздал со своими инициативами коалиционного правительства, вполне возможными еще в январе-марте 1996. Стратеги КПРФ, находясь под влиянием результатов парламентских выборов, просто не оценили фигуру А.Лебедя.

В действиях команды Зюганова легко распознавалось и желание прикрыть доминирование КПРФ мифом о народно-патриотическом блоке. В таком блоке заметно эффективнее Зюганова мог бы выполнить роль лидера даже аутсайдер президентской гонки олимпийский герой Юрий Власов.

Как и в некоторых спортивных состязаниях, для команды Зюганова сложилась ситуация, в которой ему была бы присуждена только «чистая» победа. Для этого требовался определенный риск, непрерывный "прессинг по всему полю", на который у КПРФ духа не

хватило. В команде Ельцина, наоборот, разумный риск присутствовал и приносил дополнительные очки. В целом команда Ельцина чутко уловила перелом в настроении электората, желавшего уже не политических рисков, а стабильности вплоть до контрреформ.

На выборах победила не идеология (программы кандидатов в президенты, как отмечалось многими, были чрезвычайно близки), а технология. Наполовину она была обеспечена раскручиванием невероятной кампании "промывания мозгов", на которую ухнули по разным оценкам от 20 до 30 трлн. рублей. Вторую половину обеспечили прямые подтасовки в ходе выборов. В итоге народ опять надули.

Беда обманутого народа еще и в другом — в повальной политической проституции всех, на кого этот самый народ мог рассчитывать. На этот счет известный «демок» Л.Радзиховский с поразительным бесстыдством писал: "…я сам одним из первых и вполне откровенно сказал — нет-нет, надо срочно "ложиться под власть", деваться некуда. А если в процессе этой работы удалось подмолотить деньжат, да еще постонать от наслаждения — так это замечательно, можно лишь поздравить! И те, кто морщат носы, — они-то и есть фригидные завистники" ("Огонек", № 28, 1996).

Русское горе от столичного ума

Своеобразие Москвы состоит прежде всего в том, что политическое мнение ее населения ни разу за весь период “реформ”, если верить официальным источникам, не совпадало с мнением остальной России. Отчетливо показывают это цифры голосований, порожденные референдумами и выборами.

Спросим себя, вследствие каких обстоятельств могло возникнуть подобное противоречие? Что послужило его источником? Можно ли рассматривать сложившееся различие точек зрения Москвы и России положительным фактором развития или же его продолжение является источником, а может и первопричиной кризиса?

Но сначала приведем некоторые цифры, характеризующие полярность, противоположность политических и экономических ориентаций жителей Москвы с одной стороны и провинциальной России с другой.

Если положительно на вопрос о “сохранение СССР” высказался на референдуме в марте 1991 года 71 % всех избирателей РСФСР, то в

отдельно взятой Москве — только 50 %. Большая часть москвичей (если к голосовавшим отрицательно приплюсовать и тех, кого судьба России не интересовала) была убеждена и заинтересована в желательности развала Российского государства. Она фактически состояла в “партии”, которую тогда возглавили Сахаров и Бурбулис, Г.Попов и Ельцин, Старовойтова и другие тому подобные политические экстремисты.

Альянс московского населения с этим политическим лагерем состоялся задолго до событий так называемой перестройки. Те и другие лишь нашли в этом процессе друг друга. Их объединило общее чувство — равнодушие, безразличие или ненависть к России (СССР).

Тогда же решался вопрос о введении поста президента РСФСР — в Москве положительно проголосовало 78 %, в Российской республике в целом — 70 %. Москва со всей определенностью была настроена на активное противостояние не просто надоевшему всем горбачевскому руководству, которое еще совсем недавно она же готова была носить на руках. Своим голосованием столица давала санкцию на уничтожение политического единства. Из чего следует подобный вывод? Из того очевидного факта, что наличие двух президентов и двух правительств в одном городе неизбежно порождало конфликт между ними и должно было рано или поздно завершиться открытым, непримиримым столкновением.

Поэтому не случайно при избрании президента РСФСР Ельцин в Москве набрал 72 %, когда как по РСФСР в целом у него оказалось 57 % голосов. Но если Россия ошибалась в своих предположениях, то Москва знала, что делала — она шла на конфликт вполне сознательно.

И в дальнейшем столица и страна, Москва и Россия, космополис и русская национальная провинция расходились во мнении. На плебисците по доверию органам власти РФ, состоявшемся в апреле 1993, за доверие Ельцину голосовало 75 % москвичей (по РФ -59 %), одобрили политику “реформ”, начатую годом раньше, 70 % (по РФ — 53 %). Относительно досрочных выборов президента “за” высказался только 21 % и 32 % по РФ в целом.

Ельцин как политический деятель и его экономическая политика, уже превратившая большинство граждан РФ в нищих пролетариев, тем не менее пользовались большой популярностью. Большинство,

особенно в Москве, еще надеялось урвать себе от общенационального пирога жирный кусок.

По отношению к российскому парламенту, оказавшемуся в итоге в оппозиции Ельцину и его курсу, Москва незначительным большинством, но требовала переизбрания — за это голосовал 51 %. Страна же в целом сохранила к депутатскому корпусу доверие: за досрочные всеобщие парламентские выборы высказалось 43 % избирателей.

Ситуация не изменилась и после государственного переворота в сентябре-октябре 1993 года. Большинство москвичей радовалось, что Дом на Краснопресненской набережной публично, с телевизионным репортажем на весь мир расстрелян и сожжен. Они приняли конституционный проект Ельцина 70 % голосов. Общий результат голосования по РФ, согласно сведениям избирательной комиссии Рябова, составил за конституционный проект Ельцина 55 %.

Отметим при этом, что почти что все независимые аналитики подвергали эти общие цифры аргументированной критике и утверждали, что имела место целенаправленная фальсификация. По их расчетам выходило, что проект конституции не набрал необходимого относительного большинства и, следовательно, считать его принятым не было никакого основания.

Состоявшиеся тогда же выборы в Государственную Думу дали результаты, подтверждающие всю предыдущую историю. За партии, поддержавшие распад страны и государственный переворот (ВР, ЛДПР, ЯБЛ, ПРЕС, ЖР) проголосовало 70,5 %, в целом по РФ они тоже получили ощутимое большинство — 61 %.

Приведенные здесь данные будут еще более разительными, если представить их в сопоставлении Москвы не с РФ в целом, а с провинциальной Великороссией. Применив такую методику, мы увидим, что столица и остальная Россия — это две разные страны, между интересами которых — пропасть.

Приведем в качестве примера данные парламентских выборов декабря 1995 года, и президентских выборов июня 1996 года. Тогда наметился некоторый перелом в настроении избирателей, что немедленно отразилось в итоговых данных.

При выборах депутаты партий прозападной и, следовательно, антирусской ориентации получили в Москве 67 % голосов, в

провинциях — лишь 17 %. Соответственно, патриотический, национально ориентированный электорат составил в столице примерно 30 %, в провинциях более чем вдвое больше — 64 %. На выборах президента противостояние, как известно, достигло предельно обостренной, истеричной формы. За Ельцина и других прозападных кандидатов в столицах голосовало 72 % избирателей, в провинции 50 %, за патриотически ориентированных кандидатов проголосовало в столицах 28 %, в провинции, естественно, также 50 %.

Следовательно, неоднократные голосования, проводившиеся на протяжении восьми лет, продемонстрировали не консолидацию так называемого российского общества, а его конфронтацию, обособление в нескольких противоположных фракциях — коммунистов, либералов и националистов. По данным Н.Петрова, использовавшего принятую в корпорации “российских политологов” терминологию, в 1995 году каждая из этих идеологий имела в обществе соответственно 53, 21 и 24 процента сторонников (см. “Парламентские выборы 1995 года в России”, Московский центр Карнеги, Научные доклады, вып.9, М., 1996, с.19).

Если же оперировать региональными результатами голосований, опираясь на разделение избирательного корпуса согласно границам так называемых “субъектов федерации”, то общая рассогласованность общественного мнения приобретает форму игрушечного калейдоскопа или вид вдребезги разбитого большого разноцветного стекла. На этом основании заведомо необъективная, предвзятая социология создает фантастический образ Великороссии, распавшийся в ее представлении на “красный пояс”, “Красное Черноземье”, “Национальный Северный Кавказ”, юг Сибири как “бастион коммунизма” и так далее.

Однако сумбур в мыслях, различие политических пристрастий или экономических интересов, проявляемый в политических голосованиях, не тождественны расколу общества, не сводятся к нему. Линия раскола проходит в действительности не между регионами страны, не в ее отдельных этносах или разнообразных социальных или религиозных группах. В наиболее отчетливой форме он существует, но лишь между столицей и остальной Россией. Если и имеет место раскол общества, то его граница совпадает с МКАД, физически отделяющей многомиллионный московский мегаполис, влюбленный в Ельцина и

Лужкова, от шестой части мировой суши, которые к этим двум деятелям относятся более чем критически.

Простая констатация данного факта абсолютно недостаточна. Следует понять, отчего он произошел и какую угрозу может представлять. Для этого надо разобраться что происходило с населением Москвы?

Лет десять тому назад наибольшее раздражение в общественном мнении, наряду с привилегиями высшего партийного чиновничества, торговым дефицитом повседневных потребительских продуктов и отсутствием свободного доступа к гражданским правам, вызывало представление о засилии во всех сферах жизни многомиллионных масс бюрократии. Несколько лет в прессе мелькала цифра в 18 млн. этих “изгоев” общественного возмущения. Одно их упоминание могло возбудить общественный протест. Парадокс состоял в том, что больше всего это благородное чувство имело распространение как раз там, где столь презираемый класс имел наибольшую популяцию, где его концентрация превышала все мыслимые пределы. Москва кипела негодованием против расплодившегося племени социальных паразитов, не подозревая, что сама чуть ли не на четверть состоит из них самих. Когда наступил непродолжительный период многочисленных демократических митингов, заполнявших то площадку для отстоя машин в Лужниках, то Манежную, то Триумфальную площадь, оказывалось, что среди их участников различного рода столоначальников было не меньше, чем представителей племени младших научных сотрудников.

Чиновники оказались умными бестиями — не имея возможности предотвратить общественный протест, они постарались его возглавить. Из памяти многих людей до сих пор не изгладились картины громких протестов, возглавлявшихся то ректорами и директорами, то секретарями горкомов и райкомов, то, кто бы мог представить, членами и кандидатами в члены Политбюро ЦК КПСС. В конце концов во главе похода против бюрократического засилия оказались отпетые бюрократы. Результат не замедлил сказаться.

После того как “революция” победила и ненавистная “империя зла” была повержена, чиновничество, вместо того чтобы депопулировать, выросло, словно на дрожжах. На этот процесс не повлияли ни уменьшение территории и населения страны, ни

сокращение экономического потенциала более чем в четыре раза, ни роспуск вооруженных сил наполовину. Удельный вес чиновничества в столице РФ отнюдь не снизился, — он вырос, увеличившись чуть ли не в четыре раза по сравнению с 1989 годом.

Не удивительно, что для размещения чиновников не хватает ни союзных, ни республиканских административных зданий. Поэтому “офисы” плодятся, как грибы после дождя. Чего стоят многочисленные фешенебельные комплексы банков, или дворец Газпрома, или объявленная недавно программа возведения нового здания парламента. Двадцать тысяч курьеров, представление о которых гипнотизировало образованное русское общество на протяжении многих десятилетий, — жалкая цифра на фоне грандиозного и повсеместного торжества номенклатуры. После одержанных ею побед Москва является столицей не России или Российской Федерации. Она фактически превратилась в столицу торжествующего чиновничества, самодовольной бюрократии, дорвавшейся до абсолютного, ничем не ограниченного, непосредственного господства.

Производство материальных и духовных благ, которое является единственным реальным базисом самой жизни, давно превратилось в непереносимое бремя, несовместимое со столичным статусом. Вместо того чтобы производить, москвич посредничает. Значительное количество инженерно-технических специалистов, еще недавно служивших в многочисленных научных учреждениях и оборонно-производственных организациях, переквалифицировались в мелких торговых экспедиторов. Москва, которую в недавнем прошлом упрекали в том, что она выполняла для центра страны функцию перевалочной продовольственной базы, теперь всего лишь заменила “пищу” “одеждой”. Колбасные, мясные, сервилатные электрички сменились грузовыми фурами и автобусами, вывозящими с так называемых “ярмарок” промтовары в ближнее и дальнее Подмосковье. Москва оказалась промежуточной перевалочной базой, живущей за счет торговых наценок, которые в условиях своекорыстного разгула представляют собой не нормативный, а спекулятивный доход.

Если же вам придет желание выяснить, кто все еще участвует в целесообразной производственной деятельности, то кажется, что рабочие места в городе заняты турками, молдаванами, украинцами,

белорусами, “лицами кавказской национальности” и другими тому подобным человеческим материалом.

Подобно древнему Риму, все виды удовольствий столица свела к двум — хлебу и зрелищам, но не просто свела, а преуспела в них. Зрелищ и хлеба в Москве хватает с избытком. Пока русская провинция нищает, превращаясь в депрессивную часть земной суши, ее столица купается в роскоши, демонстративно опровергая классические эпитеты, которыми в прошлом ее награждали поэты и писатели России.

Следует признать, что Россия больна не окраинами, а своей столицей. Необходимо констатировать, что в стране произошло поражение ее главного политического органа — мозга, вследствие чего вышла из строя и центральная нервная система государства. Политические действия, данные о которых были приведены выше, лишь свидетельствуют о симптомах болезни, подобно тому как показания градусника — о повышенной температуре.

Есть две теоретически возможные стратегии лечения. Первая из них состоит в том, чтобы (по примеру Петра Великого или большевиков образца 1918 года) перенести столицу России в более благоприятное в духовно-нравственном отношении место страны. Этот метод маловероятен. Для его осуществления необходим национальный лидер, обладающий неограниченной властью и здравым смыслом. Вторая стратегия значительно радикальнее. Она предполагает “хирургическое вмешательство” — освободительный поход, аналогичный тому, что совершило земское ополчение в 1612 году. Земское войско, как известно, вымело из столицы “новых русских XVII века”, а заодно и пытавшийся их защищать вооруженный сброд, съехавшийся тогда со всей Европы для утверждения на Руси “общечеловеческих ценностей” (конечно же не бескорыстно).

“Москва, как много в этом звуке для сердца русского слилось, как много в нем отозвалось…”. Теперь ничто не может отозваться в русской душе при произнесении названия столицы РФ. Ничего, за исключением чувство горечи и стыда. Москва перестала быть русским городом. Она является раковой опухолью, разлагающей организм русского общества и русской государственности.

Упал-отжался, взлетел-вляпался

Согласившись в 1996 на союз с Ельциным и пост секретаря СБ Лебедь, как кур в ощип, попал в политическую интригу. Влип с разбега в заранее подготовленное дерьмо.

То, что мы так неэстетично назвали, проистекает из закулисной интриги "группа Чубайса" против "группы Коржакова-Барсукова и примкнувшего к ним Сосковца". Первая группа была отстранена от кормушки лишь по причине раздражения Ельцина за слишком слабый результат черномырдинского «Нащдома» на парламентских выборах. Чубайс — хитрая бестия — не стал сопротивляться и разоблачать своих противников. Он тихо и покорно ушел в тень вместе с невидимыми нитями финансовых махинаций, позволявших извлекать колоссальные средства на политику.

Вице-премьер Сосковец, которому поначалу было поручено организовать сбор подписей за выдвижение Ельцина кандидатом в президенты, как хозяйственник старого образца, решил, что достаточно команды — и все пойдет как по маслу. Не тут то было!

Чубайс выдержал паузу, что называется, до упора. Всего за несколько дней до провала всей операции, он позволил уговорить себя взять бразды финансового управления избирательной кампанией Ельцина в свои руки. Техническую работу за привлеченные Чубайсом финансы выполнил, как ни странно, его давний оппонент по вопросу о способе ведения приватизации Ю.Лужков.

На следующем этапе команда Чубайса, успешно организовав блокирование информационных и финансовых каналов избирательного штаба Лебедя, стремившегося собрать подписи для регистрации кандидатом в президенты, подготовила заносчивого генерала к своим услугам. Промаявшись январь-февраль 1996, Лебедь был готов принять комплексную поддержку от посланцев Чубайса. С 4 апреля 1996 года они начали формировать из смутного мифа о подвигах генерала четкую рекламную конструкцию.

Прежний штаб Лебедя остался не у дел. Теперь вокруг него появился экстра-демократ спичрайтер Л.Радзиховский 1, упомянутый теоретик чубайсовского пошиба В.Найшуль (его даже Гайдар назвал радикалом), специалист по избирательной кампании «Выброса» и «Нащдома» А.Головков, разные психологи, имиджмейкеры и прочая сволочь (от слова "сволакивать"). Избирательная кампания пошла как по маслу. Лебедь стал привычной фигурой и в прессе, и на

телевидении. Качество почти во всем (за исключением, быть может, реальной программы) было — экстра класс. Третье место в первом туре выборов Лебедю было накануне голосования предсказано практически всеми аналитическими службами. Обойдя Явлинского по голосам почти вдвое, Лебедь оказался истинным героем толпы.

Сразу после выборов состоялось соглашение Ельцина и Лебедя об объединении программном и политическом. Чубайс к этой ситуации готов. Он наносит упреждающий удар против своих противников в ельцинском окружении.

По наущению Чубайса (а может, по торопливой дурости) один из генералов Генштаба сообщил Лебедю, что окружение Грачева склоняет того к демонстрации силы. Лебедь «съел» эту информацию (стенограммка грачевской "тусовки") и принял меры по подавлению «ГКЧП-3». Генерал приехал на командный пункт Московского военного округа, "встретил там достойнейших людей" и за 20 минут успел отправить в войска телеграмму-шифровку. В телеграмме констатировалось назначение Лебедя главой Совета Безопасности и помощником Президента по безопасности, сообщалось об отстранении от должности Грачева (формально тот все же подавал прошение об отставке, которое было удовлетворено, а не просто выставлен за дверь, как многие хотели бы)1. Ко всему этому было предложено заниматься плановыми мероприятиями и "казенных денег на телеграммы соболезнования не тратить — взыщу!".

Уже через двое суток Лебедю пришлось заявить, что слова о попытке переворота были шуткой, и его поняли слишком прямолинейно. Но еще через короткий промежуток времени все названные в первоначальном заявлении Лебедя генералы были сняты со своих постов. Вот тебе и шуточки! Лебедь-то шутил, а вот пенки снимали другие — Чубайс со своей камарильей.

По нашему мнению, Грачев и его сподручные слишком трусливы, чтобы предпринимать действия, чреватые лефортовской камерой. Генералы и секретарши просто заходили попрощаться и прочувствовать настроение — вдруг патрон планирует вернуться, а его отставка — лишь эпизод в предвыборной кампании (как у Чубайса). Незадолго до того в прессе было опубликовано анонимное письмо офицеров Генштаба, которых застращала, замучила Елена Агапова — пресс-секретарь Грачева. Не смогли бравые офицеры сладить с

фавориткой министра. Потому даже к опальному начальнику побежали засвидетельствовать почтение.

В вечернем интервью по поводу случившегося Лебедь, каменея лицом, сообщил, что любой мятеж, "ввергающий страну в кровавый хаос", будет жестоко подавлен. Но успокоил всех не Лебедь, а Черномырдин, разыгравший перед журналистами искреннее удивление: “Какой переворот? Не знаю никакого переворота!” К полуночи любителям политических интриг стало казаться, что Лебедя выставляют дурачком. Но на следующий день вся история получила забавное продолжение.

На этот раз снова сработала команда Чубайса, то ли подстроившая Лебедю западню заранее, то ли воспользовавшись его простоватостью. Объектом провокации на сей раз стали телохранители Ельцина — Коржаков с Барсуковым. Им подкинули информацию о том, что из Белого дома в коробке из-под компьютера некие лица будут выносить полмиллиона долларов неучтенных средств. Взяв их с поличным можно будет уличить команду Чубайса в сокрытии этих средств в личных целях и вновь занять доминирующее положение у сапог хозяина.

Служба безопасности Коржакова заглотила крючок. Вечером 19 июня были задержаны Сергей Лисовский — продюсер избирательной кампании Ельцина, и Аркадий Евстафьев — бессменный помощник Чубайса.

Имя первого из них так или иначе связывали с коррупцией на телевидении и убийством Владислава Листьева. Второй был известен лишь в узком кругу лиц как создатель роликов, посвященных ваучерам, и еще как "рука Чубайса" в средствах массовой информации. Он уже однажды был использован в качестве подсадной утки, которую поймала охрана В.Полеванова, сменившего по протекции все того же Коржакова на посту председателя Госкомимущества все того же Чубайса. Полеванова тогда выставили мракобесом, как теперь самого Коржакова, и быстро отправили на покой.

Коржаков попался на простейшую уловку. О неучтенных средствах Ельцину, похоже, было известно. Они предназначались для программы "Голосуй, а то проиграешь!", в которой корифеи эстрады выступали якобы совершенно бесплатно, проявляя к Ельцину число платонические чувства. На самом деле “творческая интеллигенция”

получала “черным налом” за каждый совместный концерт по расценкам бенефиса. Деньги мошенническим путем изымались из казны с участием первого замминистра финансов Г.Кузнецова, который был “кассиром” штаба Ельцина.

В этой истории маразматического президента подменяла его супруга, которая до смерти запугала шефа ФСБ М.Барсукова, потом по телефону обрабатывала вступившего в игру Лебедя (отказавшись позвать к телефону супруга). Мелькнул в этой истории и выкормыш московской демократии Е.Савостьянов, сменивший кабинет начальника московского ФСБ (шапка была не по Сеньке, уровень которого — прораб) на кабинет зама Чубайса. Этот первым начал трясти коржаковских подчиненных с целью выяснить, на кого эта команда насобирала компромат.

После разоблачения Коржакова и его соратников в махинациях с целью срыва избирательной кампании Ельцина (а чуть ранее — в склонности к силовым решениям проблем политического противостояния), Чубайс выступил на пресс-конференции в поддержку Ельцина, ни сном, ни духом не знающего обо всей этой интриге. Общественное мнение было готово к роли, приписанной Лебедю Чубайсом, предшествующей историей с ГКЧП-3, от которой генерал начал открещиваться. Чубайс такой трактовке развиться не дал, хотя сам все время трусил и боялся, что Ельцин может переиграть все его планы.

Таким образом, Чубайс решил главную проблему выборов. Вместо того, чтобы стать объектом публичной показательной экзекуции, он сам примерным образом наказал своих противников. Именно они замахнулись на демократию, именно Лебедь остановил этот замах. Так Чубайс нейтрализовал сценарий предвыборной кампании, по которому нацеленный на борьбу с коррупцией Лебедь должен был арестовать (или наказать как-то иначе) как раз Чубайса, известного каждому своими воровскими ваучерами.

Последнее как раз дало бы голоса Ельцину во втором туре за счет дополнительного всплеска популярности Лебедя. Вместо этого Чубайс убедил президента в том, что логичнее и полезнее для целей избирательной кампании разгромить антидемократическую фракцию в своем окружении. А заодно «опустил» Лебедя, развенчав образ неподкупного генерала в глазах избирателей. В действительности все

это на выборах не давало никаких преимуществ, ибо постельничих ненавидели лишь "окончательные демократы", коих в России — ничтожные доли процента. Зато существенным образом меняло судьбу самого Чубайса.

Спасенная Лебедем демократическая общественность запомнит как страшный для номенклатуры генерал превратился в ощипанного гуся, вляпавшись в дурную историю. После всего этого надо потратить не один месяц (если не год), чтобы отмыться и вновь приобрести горделивую осанку.

Есть подозрение, что Лебедь вляпался в союз с номенклатурой все-таки не во время выборов, а гораздо раньше. Об этом свидетельствует такой фрагмент интервью в «Правде-5» (№ 16, 1996).

Корр.:"В Москве существует своего рода Бермудский треугольник: мэр Лужков, «Мост-банк» и газета "Московский комсомолец". На вашем столе лежит книга "Мятеж номенклатуры", где целая глава посвящена мэру. Почитав ее, лишний раз убеждаешься, что Лужков и Черномырдин делают одно дело, что никакой национальной буржуазии нет и не может быть, как нет и национального капитала. И вот пресс-конференция Скокова и Лебедя, которую ведет главный редактор «МК». Похоже, что могущественный треугольник превратится даже не в четырехугольник, а…"

Лебедь:"Мне бы не хотелось, чтобы вы натягивали эту шкурку на кисель. Я поясню что произошло, а потом судите, что к чему. Книга, которую вы назвали, действительно, лежит на моем столе. Вообще на нем много чего лежит, что приходится читать, изучать. При всем при этом, я пока не готов рассуждать о наличии треугольника и о моем к нему отношении.

По поводу пресс-конференции и того, что треугольник во что-то там превратился… Создалась достаточно странная коллизия. Была оговорена пресс-конференция в Доме журналистов. Предполагалось, что вести ее будет Дмитрий Рогозин, который умеет это делать. Когда приехали на место, нас встретил главный редактор «МК» Павел Гусев. Лично у меня к нему вражды нет. Прошли в зал, и Гусев занял место во главе стола, сам, без согласования взяв на себя роль ведущего. Не скандалить же перед десятками телекамер!"

Если в сентябре 1995 Лебедь был наивен, то в июле 1996 — далеко нет. Полистав книгу "Мятеж номенклатуры", он знал на что

идет, когда объединял свои усилия с мэром Москвы в борьбе с преступностью. Лишь крутой оборот событий в Чечне вынудил Лебедя организовывать совместные патрули милиции с бандитами не в Москве, а в Грозном.

Лужков в своих высказываниях по поводу Лебедя был откровеннее и, в каком-то смысле (весьма условном), честнее. Чувствуя в Лебеде соперника, московский мэр уцепился за его промах в Чечне и постоянно ненавязчиво напоминал публике об этом промахе.

Например так, внешне миролюбиво Лужков говорил о поступке Лебедя: "Первый несоответствующий интересам России шаг был сделан Лебедем, подписавшим Хасавюртовские соглашения, в которых нетрудно прочитать заявку на выход Чечни из состава России, на ее государственную независимость. Потом это было поддержано Черномырдиным и Чубайсом, и с тех пор в Чечне пошло укрепление власти сепаратистов, боевиков. Они стали вести себя как победители." (АиФ, № 51, 1996).

Лебедь вел себя иначе, отделяя Лужкова от остальных, определяя его как “лучшего представителя хозяйственной номенклатуры”. Это было проявлением болезни, которую Лебедь подцепил от чубайсовской команды. Не случайно при учреждении лебедевской Народно-республиканской партии генерал в докладе практически не пользовался риторикой патриотов. Он уже не был патриотом, маска с его лица осыпалась, как старая краска с забора.

В 1997 году Лебедь полностью поменял взгляды, пригласив в соратники Гарри Каспарова, который широко известен как чемпион мира по шахматам, а в узких кругах — как радикальный демократ. Впрочем, это скорее Каспаров пригласил генерал-предателя и профинансировал очередной тур его рекламной кампании.

После неудачи Каспарова в состязаниях с компьютером дело Лебедя тоже пошло прахом. В конце концов он попался на примитивную спецоперацию чубайсовско-немцовской команды, расчищавшей себе пространство. Лебедю подсунули на подпись статью, в которой без труда узнавалась работа одного из авторов “Независимой газеты”. “Известия” с удовольствием опубликовали плагиат, а потом разыграли смущение и стыд за генерала.

А чуть раньше Лебедь доехал до жизни такой, что отправился в Чечню поздравлять главаря бандитов Масхадова с победой. Мало того,

что пожелал Масхадову “здоровья и ослиного упрямства”, еще и папаху чеченскую напялил на себя. Как пошутили журналисты, на “Аллах акбар, Александр Иванович!” ему надо было бы ответить: “Воистину акбар!”

Якшаясь с головорезами, Лебедь пытался выставить себя в качестве борца с преступностью. При этом объектом его критики стал шеф МВД А.Куликов. 9 июля 1997 суд признал утверждение А.Лебедя о том, что Куликов является “крестным отцом” организованной преступности несоответствующим действительности, и постановил взыскать с зарвавшегося обличителя 5 млн. рублей за моральный ущерб (“Партинформ” № 28, 1997). Симптоматично, что свое заявления Лебедь сделал, находясь в Америке. Может быть в России духу у него для подобных слов не нашлось?

Противоречия для вляповшегося в некрасивые дела генерал-предателя — ничто, а для избирателей — все-таки кое-что. Рейтинги Лебедя с 1996 года сползли к нулевой отметке. Ну да что за беда — малые рейтинги, когда можно купить целый кусок русской земли. Кремль за неоценимые услуги уступил в 1998 году Лебедю Красноярский край.

Выборы губернатора в Красноярском крае оказались событием неординарным. Оказалось, что на победу Лебедя в Красноярском крае делают ставку влиятельные силы федерального уровня, включая структуры Администрации президента. Для победа Лебедя открывала новые возможности в борьбе с конкурентами за контроль над ресурсами, для других это был способ показать организационную несостоятельность своих конкурентов на рынке избирательных технологий (в последние годы это дело стало очень прибыльным), для третьих — попыткой связать руки одному из весьма перспективных претендентов на президентское кресло.

Помимо действующего губернатора Валерия Зубова, в Красноярском крае было достаточно достойных кандидатов на высокий пост. Лидерство Зубова, отличавшегося мягкостью характера, интеллигентностью манер и слабостью команды, не было бесспорным. Его отношения с собственной администрацией, с руководителями районов и крупных промышленных предприятий нельзя считать безоблачными. Между тем, появление Лебедя в крае означало, что выборы будут происходить не из восьми зарегистрированных

кандидатов, а из двух. Приходилось выбирать между Зубовым и Лебедем. Остальные кандидаты, несмотря на обоснованность претензий на власть, в сложившейся ситуации не имели никаких шансов быть избранными.

Но не это стало отличительной особенность кампании в Красноярском крае. Эту кампанию можно считать беспрецедентной по размаху агитации и лживости, которой она была переполнена. Выборы были отмечены грубыми провокациями, насилием и грязными измышлениями о конкурентах. Главным источником всего этого стал штаб кандидата в губернаторы Александра Лебедя.

Кроме того, на выборах в Красноярском крае проявился феномен, обычно скрытый за фасадом административных задний и массивными дверями чиновников. Страх с самого начала кампании начал расползаться по краевой администрации, глава которой — губернатор Валерий Зубов — стал на выборах главных конкурентом Александра Лебедя. Чиновники были убеждены, что в случае победы Зубова их всерьез преследовать не будут, а вот от Лебедя достанется всерьез, особенно тем, кто помогал Зубову или хоть слово сказал против генерала. Поэтому работа в поддержку Зубова не началась, а текущая хозяйственная деятельность стала все более замирать.

Оказалось, что местная администрация не имеет ни одного стратегического партнера для проведения предвыборной агитации — телеканала или газеты, которые можно было бы постоянно использовать. У Лебедя же такая опора была — телеканал ТВК (руководимый лебедевским соратником из движения “Честь и Родина”), газета “Красноярский комсомолец” (скуплена на корню после того, как поместила критическую статью-размышление над книгой бывшего пресс-секретаря А.Лебедя), “АиФ на Енисее” (переполнена заказными материалами), а также миллионные спецтиражи чисто лебедевских газет “Честь и Родина”, “Красноярский край”, “Красноярский курьер”, которые начали издаваться именно для целей избирательной кампании.

Против Лебедя по собственной инициативе работали лишь одна местная телекомпания “Прима-ТВ”, вещающая лишь на часть Красноярска, да газета “МК в Красноярске” с тиражом всего 20 тыс. экземпляров. Остальные ждали инвестиций за каждый материал по рекламным расценкам (примерно по 500-1000 долларов за газетную

полосу и до 650 долларов за 30 секундный телевизионный ролик). Средства массовой информации оказались на поверку коммерческими предприятиями, работающими на тех, кто может больше заплатить. Лебедь смог заплатить не просто больше, а гораздо больше, чем все его основные конкуренты вместе взятые.

Система власти в Красноярском крае была парализована страхом не только по поводу предвыборной деятельности Зубова, но и перед лицом массовых, наглых нарушений всех норм и правил ведения избирательных кампаний. Ни милиция, ни спецслужбы, ни краевая избирательная комиссия ничего не делали, чтобы пресечь криминальные методы ведения избирательной кампании. Край просто был отдан на растерзание уголовникам, которые вели состязание за губернаторского кресло на основе своих понятий о справедливости. Например, страх не дал властям пресечь выпуск тиражей газеты “Красноярский край”, содержащей откровенную клевету. Правоохранительными органами был изъят лишь один из пяти 850-тысячных тиражей, а источники финансирования издания так и не были установлены. Несмотря на то, что в газете указан адрес редакции, совпадающей с адресом штаба Лебедя, представители последнего заявили, что газета к нему прямого отношения не имеет, как и тысячи цветных плакатов с изображением Лебедя, которыми были оклеены крупные города края.

Избирательная кампания в Красноярском крае характеризовалась тем, что избиратели знали Лебедя лишь по сообщениям СМИ, которые, собственно, и создали миф о Лебеде-герое. Незнакомец, окутанный ореолом славы, попал, по сравнению с действующим губернатором, в весьма выгодное положение. Ему в крае никто не мог предъявить претензий, никто не мог опровергнуть его самооценок и разоблачить лживость рассказов о самом себе.

Так, миф о своей роли в августе 1991 года Лебедь создал под лозунгом: “Я солдат, а не палач”. Рассказывалась история о том, что кто-то предлагал ему стрелять в толпу, а он отказался. Симпатии избирателей, разумеется, такая позиция привлекала, да только рассказанного Лебедем в действительности не было. Наоборот, известно, что Лебедь так и не понял, что же происходило в Москве, и выполнял все, что ему говорил П.Грачев.

Миф второй касается того же периода и содержит объяснение, почему Лебедь, пробыв в компартии 19 лет, будучи делегатом XVIII съезда КПСС, перестал иметь дело с этой партией. Мол, люди у нас в стране были хорошие, а система власти КПСС плохая, вот она и рухнула, когда все от нее отказались — ни один секретарь не встал на защиту своего обкома или райкома, не появился ни один партизанский отряд приверженцев коммунистической идеи… Но что сам-то наш герой делал? Он ведь тоже не ушел в подполье…

Самый важный для Лебедя миф — миф о его приднестровском подвиге, о том, что он “остановил войну”. Этому мифу противоречат факты. Например данные о времени приезда Лебедя в Приднестровье. Он появился в зоне конфликта, когда боевые действия фактически были прекращены. Никакой войны он не останавливал.

Во время встреч с избирателями Лебедю постоянно задавали вопрос о политической коалиции в Ельциным, которая состоялась в июне 1996 года между двумя турами президентских выборов, а также о передаче голосов Ельцину во втором туре голосования. Лебедь уверял, что никакой передачи голосов организовать невозможно, а во власть он шел лишь ради того, чтобы добиться мира в Чечне. Между тем, известно, что в 1996 году Лебедь говорил Ельцину: “Сработаемся!”, а также соглашался с тезисом об объединении политических программ. Более того, социологические данные показывают, что до первого тура голосования в1996 году из сторонников Лебедя собирались голосовать во втором туре за Ельцина менее процента, а после приглашения Лебедя в Кремль — около 45 %.

Миф об “остановленной войне” в Чечне Лебедю удавался менее удачно. Ему все время говорили о беженцах, военнопленных и подвергающемся геноциду русском населении. Генерал парировал тем, что после Хасавюрта ему не дали реализовать разработанный план, и он просто “выполнил свой долг. солдата-профессионала перед неучами-пацанами”. Он говорил о том, что в соглашениях с Масхадовым важным было лишь объявление об откладывании вопроса о статусе Чечни, а остальное — “муть”.

В избирательной кампании Лебедь предпринял попытку доказать, что он не бросил наших солдат в Чечне. Все газеты обошли фотографии вызволенного из плена в период выборов красноярца прапорщика Огаркова (“Мне недавно доложили, что вытащили 28-го”).

Но при тщательном разборе ситуации выяснилось, что это была акция чисто агитационного свойства. Если бы прапорщик не имел родственников в Красноярске, то шансов на освобождение у него не было бы никаких. Впрочем, эти подробности донести до сведения избирателей в условиях предвыборной горячки и доминирования “лебедят” в прессе было невозможно.

Олег Маковеев, председатель русской общины Чечни, специально приехав в Красноярск, рассказал красноярцам о реальных результатах “миротворчества” Лебедя. В ответ “лебедята” постарались оскорбить Маковеева в печати и на встречах с избирателями выставить его сторонником войны. А ведь дом Маковеева в Чечне взорван боевиками, несколько его ближайших соратников по русской общине захвачены в заложники, сам он мыкался по чиновничьим кабинетам в поисках защиты для 50 тысяч русских, все еще проживавших в Чечне, и помощи тем 300 тыс. русских, которые изгнаны оттуда.

Именно Олег Маковеев в одном из переполненных залов бросил в лицо генерал-предателю обвинение в сотрудничестве с бандитами. Лебедь закипел, увидев сочувствие собравшихся к форме и смыслу обвинения. Маковееву лебедевская челядь начала выкручивать руки, а сам генерал прошипел: “Из тебя хороший штрафничок получится!” и едва сдержал замах готовой ударить руки.

Полковник В.Алкснис, которому можно предъявить любые претензии идеологического порядка, но усомниться в честности которого нет причин, рассказал красноярцам историю о том как Лебедь выдал имена бывших сотрудников рижского ОМОНа, на который велась охота спецслужб. В ответ “лебедевцы” постарались сорвать пресс-конференцию Алксниса, а потом и прямой эфир на местном телеканале (сначала угрозами сотрудникам телестудии, потом — перерубанием кабеля).

Активисты движения “Женщины Приднестровья”, активные участники событий 1992 года и последующей борьбы за независимость ПМР пытались рассказать красноярцам о том, что Лебедь — всего лишь одна из эпизодических фигур этого процесса, и беззастенчиво приписывает себе несовершенные подвиги. Сторонники Лебедя пытались силой сорвать пресс-конференцию приднестровцев и организовать травлю по телеканалу ТВК. Лебедь же назвал этих женщин “профессиональными плакальщицами”.

Представители ведущих общественных объединений Тулы, поддерживавших в свое время Лебедя, обратились к красноярцам: “Не наступайте на наши грабли!”. Депутаты законодательного собрания Тулы начали процесс лишения Лебедя звания почетного гражданина города. В ответ “лебедята” распространили через прессу брань в адрес оппонентов и домыслы о том, что туляки по-прежнему любят и уважают Александра Ивановича.

На Конгресс русских общин и его лидера, депутата Госдумы Дмитрия Рогозина лебедевцы тоже обрушились с оскорблениями, которые даже пересказывать неприлично. Лебедь лично рассказал перед телекамерой грязный анекдот по поводу своего бывшего соратника. В эфир бросалась информация о якобы имеющихся документах, согласно которым некие госчиновники докладывают о необходимости выделить Д.Рогозину 50 тыс. долларов. Расчет был на то, что во временные рамках избирательной кампании судебное разбирательство по данному поводу уложиться не могло.

Развенчивать ложь Лебедя во время избирательной кампании было крайне трудно, ибо любая правда о его действительных шагах истолковывалась как попытка недобросовестной агитации, зачастую блокировалась или превратно комментировалась в СМИ при полном непротивлении со стороны властей. Огромные материальные ресурсы были брошены на то, чтобы поддержать образ Лебедя-правдолюбца, Лебедя-героя, Лебедя-“крутого мужика”. Какую газету не открой — всюду Лебедь или его фанаты, всюду недобросовестная критика губернатора Зубова.

Напластования лжи, созданные СМИ в течение нескольких лет прорвать было крайне трудно. На это Лебедь и рассчитывал. Исходя из собственных понятий о чести, он опирался на привычку ко лжи, уже сформировавшуюся в публике независимо от политических пристрастий.

Лебедь понимал, что выдать себя за экономиста ему не удастся. Вместо этого приходится показать, что генерал без всякого труда заткнет за пояс любого: “Назовите фамилию экономиста, который где-то обеспечил успех?” Ясно, что рядовому избирателю не под силу ответить на такой вопрос, как и на многие другие. Например, на задачку генерала “Назовите хотя бы один закон, по которому кому-то конкретно стало жить лучше?”. Отсутствие ответов на встречах с

избирателями не означало, что такого рода вопросы столь уж сложны. Специалист мог бы ответить на них без труда. Но микрофон держал в руках Лебедь, телекамеры снимали именно его.

Второй тезис Лебедя в области экономики связан с тем, что Запад, якобы, вынужден вкладывать деньги в Россию только потому, что боится превращения ее в большую Колумбию. Мол, для того, чтобы удержать Россию “в цивилизованной плоскости” Запад раскошелится: “Боитесь — будете платить”. Кое-кто этому поверил, считая, что инвестиции — это такое чудо, от которого производство вдруг оживет и зарплату начнут платить вовремя. Между тем, слову Лебедя в мировой экономике, вопреки его уверениям, никто не верит. Таких профанов нет. Верят государственной политике и профессиональной добропорядочности. Первую генерал не контролирует, вторым не обладает. Но это его не смущало. Как говорил сам генерал, “выборы — это война, а на войне обманывать не только можно, но и нужно”.

Последнее обстоятельство объясняет, почему Лебедь уверял, что ему под силу в течение полугода создать “цивилизованное законодательство”, “обеспечить цивилизованные условия для банков”, почему он говорил, что в состоянии компенсировать потери доверчивых вкладчиков земляными наделами (по квадратному километру тундры в крае выделить можно, но кому она нужна?), акциями предприятий (это тех, которые годами не выплачивают дивидендов?), товарами народного потребления (они что, достанутся Лебедю-благодетелю бесплатно?).

Лебедь заразился от своих чеченских друзей анекдотической поговоркой: “Кто кого обедает, тот того и танцует”. Эту поговорку он выдал на встрече с жителями Дивногорска в порядке обоснования права энергетиков платить за электроэнергию меньше, чем другие. Шутки шутками, но может быть все-таки полагается выплачивать нормальную зарплату, а не обещать льготы? Может тогда селянам раздать зерно и мясо, металлургам — прокат, врачам — лекарства и т. д.? Пусть получают бесплатно, а потом обмениваются — вот это будет экономика, основанная на справедливости!

Всеми этими экономическими “идеями” Лебедь изобличил себя, как профана. Для того, чтобы заболтать свою профессиональную непригодность к губернаторской службе, он твердил: “У нас ничего не понятно. Не разобрались в инвестиционной деятельности, не

обеспечили разграничения полномочий… Где законодательство, где гарантии инвесторам, где закон о губернских программах, где цивилизованное предпринимательство?..” Ему-то, действительно, было непонятно… Непонятно было и избирателям, и они смекали — генерал “свой”, похожий на недоумевающую толпу. Именно образ “своего” интересовал Лебедя и его штаб, а не предложение каких-то планов подъема экономики.

Принцип управления у генерала простой: “Я найду решение, специалисты его обоснуют, я приложу волю, чтобы воплотить его в жизнь”. Здесь все очень “по-нашему”. Профан выдумает решение, придворные специалисты объявят его гениальным и единственно верным, а потом всем объяснят, что решение будет выполнено при любых условиях. Где-то это мы уже видели? Был у нас корифей всех наук, много кровушки из народа повыпил… Неужели новый ему на смену шествует? И действительно, лозунг Лебедя: “Нужна твердая рука, опирающаяся на закон” вызывает массу аналогий. То у Лебедя законов нормальных нет, то он на закон опираться собирается, то в полгода все законы хочет сменить…

Разрешение парадокса Лебедь, кажется, нашел. В двойной морали. Он без зазрения совести рассказывал, что его кампанию финансируют “немного жулики”, а потом заявлял: “Не могу позволить себе нарушать закон в силу своей оппозиционности. Если бы за мной что-то было, давно бы уже раскопали”. Этот парадокс тоже вполне укладывался в то состояние “шизофрении общественного сознания”, которое не обошло Красноярский край стороной.

С чем Лебедь собирался во власть было видно лишь внимательному наблюдателю, способному отсеять из выступлений генерала шелуху, шутки-прибаутки, солдатский юмор и игру со зрителем.

Например, можно увидеть противоречивость взглядов Лебедя на тех, кем он собирается управлять его отношению к людям. Он то объявляет каждого избирателя личностью, которую трудно заставить что-либо сделать против ее интересов, то утверждает, что национальный вид спорта “литрбол” уже вывел из строя 60 % населения.

Говоря о крахе системы в 1991 году, генерал вдруг заявляет, что все люди тогда были честными, что система рухнула просто потому,

что всем надоело ее подпирать. Неужели за семь лет люди из честных стали сплошь ворами? Что-то не верится. Как не верится и в отсутствие сил, которые в 1991 году боролись не столько с системой, сколько с Россией и намеренно рушили ее, рассчитывая нагреть на этом руки.

Впрочем, что же удивляться генеральским парадоксам после заявления: “Нас все в мире считают за воров, мошенников и идиотов. Мы все без исключения — воры. Все — воры. Только одни воруют понемногу, а другие… Если может жить без зарплаты, значит ворует.” Что же тогда от своих соратников требовать? Они же тоже относятся к категории “все”, да к тому же оказываются вблизи генеральских “серых денег”, которые вместо поступления в бюджет тратятся на политику — отчего же не распорядиться ими “как все”, как сам генерал?

Вообще, что касается людей, то они в лебедевской системе управления — лишний элемент. Людей можно и нужно селекционировать — убежден генерал. Как он это делает? Об этом хорошо известно из книги его пресс-секретаря А.Бархатова, которого Лебедь на одной из встреч обвинил в получении за свою книгу 170 тыс. долларов то ли гонорара, то ли взятки (генерал не уточнял, пугая слушателей массивность самой цифры). Соратников, которые не дают из себя веревки вить и не воздают генералу президентских почестей, он вышвыривает вон, снабжая кличкой “детей лейтенанта Шмидта” и обвиняя в “сшибании кредитов” от его имени — мол, склонны к воровству.

Своим бывшим соратникам по КРО он тоже “повесил” финансовый должок. Он утверждал, что за провал КРО на выборах 1995 года его лидерам было заплачено 5 млн. долларов. Но ведь Лебедь тогда входил в число лидеров КРО! К тому же есть данные о том, что он сам получил 5 млн. долларов от “Инкомбанка” (“Афанасий-биржа”, № 10 (Тверь) март 1998). Так “он украл или у него украли”? Впрочем, какая разница, если “все воры”..?

Еще две нестыковки, доступные проницательному наблюдателю, относятся к вопросу национальному и вопросу конфессиональному, которые Лебедь то и дело затрагивал на выборах.

“В России масса полукровок — говорит Лебедь. — Сам — полу-хохол, полу-русский”. А потом: “Я не варяг. Я русский, я из России.

Это все моя земля”. Так русский или полу-хохол? Если остановиться на втором, то почто же генерал недобрым словом вспоминает своего бывшего соратника Скокова, который заявлял, что “русских нет, а есть хорошо забытые евреи или плохо забытые татары”?

На тему веры и религии Лебедь городит чудовищную, с точки зрения верующего человека, ересь, намереваясь, по примеру одного из московских префектов, на одном участке построить храмы основных конфессий. Тут и обоснование: “Бог один на всех, только имена разные.” (Остается передать привет экуменистам всего мира!) Зато в прямом эфире местной телекомпании Лебедь на вопрос “Верующий ли вы?” отвечает: “Я крещеный, православный…” Следуя другим утверждениям генерала, можно было бы в окончание фразы добавить: “…но неверующий”.

В потоке пропаганды явные проколы Лебедя и его истинные цели не были заметны. Только после усилий экспертов из КРО удалось очистить видеозаписи выступлений Лебедя от шелухи и выделить главное в одном из контрпропагандистских роликов: “Задача стоит в том, чтобы обвалить власть как в 1991 году.” “Необходимы структуры, которые подхватят падающую власть”“Горбатых будем выпрямлять” “Осталось выиграть выборы”… Беда в том, что избирателю, отчаявшемуся в своих ожиданиях хоть каких-то разумных шагов от власти, как раз такой “герой” и нужен был. Отчаяние заставляло людей выбирать по принципу “чем хуже, тем лучше”, “мне будет плохо. а им — еще хуже”.

И у тех, кто стоял за Лебедем, во время кампании нервы сдали. После того ушата грязи, который вылил на Зубова в программе “Время” С.Доренко, не осталось сомнений в том, что за плечами Лебедя стоит Борис Березовский. Не осталось сомнений в том, что выборы превращены в грязную возню. Редкая по наглости смесь лжи и злости, вылившаяся на Красноярск 12 апреля 1998 с контролируемого Березовским канала ОРТ, перепачкала и Лебедя, и Зубова. Компромат на Лебедя, который якобы был изготовлен штабом Зубова, Доренко не постеснялся огласить на всю страну: генерал “писается в постель” и это подтверждается данными ЦРУ! Вот таким методом возбуждалось у избирателей сочувствие к генералу.

Демарш Доренко в Красноярске сразу был истолкован как игра Березовского. На этот счет штаб Лебедя сделал опровергающее

заявление, которое было тут же нейтрализовано выступлением самого Березовского в программе “Герой дня”. Борис Абрамович прямо заявил о своей поддержке Лебедя. Прокол был налицо, но были и явные положительные моменты в использовании возможностей ОРТ.

Нет сомнений в том, что невзоровский фильм “Чистилище” был показан именно к выборам в крае, “Кавказский пленник” — за день до голосования. Бездарность первого фильма и лживость второго беззастенчиво использовались Лебедем. Полностью укладывается в кампанию Лебедя и многосерийный “Ермак” (штабисты Лебедя с самого начала кампании старались напялить на своего героя костюм исторического героя и даже выдумали факт, что у Ермака была двойная фамилия Лебедь-Ермак), и говорящее название фильма “Не стреляйте в белых лебедей”.

После провала доренковской акции с энурезом, очередная программа “Время” была, правда более сдержанной в отношении Красноярского края, хотя и содержала слезливую и полностью лживую историю о деревне Бирюса в 50 дворов, несколько лет живущей без электричества. Рядом с Красноярской ГЭС. Вину Доренко, разумеется возложил на губернатора Зубова, а заодно выразил несгибаемую уверенность в победе Лебедя. Проверка показала, что репортаж в доренковской передаче — стопроцентная ложь. Между тем, “домашняя заготовка” пролебедевского телеканала ТВК предполагала реакцию на фразу местного жителя: “Если Лебедь привезет нам три цистерны солярки, мы все за него проголосуем”. За два дня три бензовозы с плакатом “Честь и Родина” прибыли. Камеры ТВК были развернуты заблаговременно, чтобы выплеснуть на телеэкраны очередную порцию лжи.

В последние дни перед выборами один из федеральных телеканалов упорно крутил ролик, посвященный выходу журнала “Итоги” с фразой “Генерал Лебедь отказывается от войны компроматов”, что было прямой ложью. Накануне первого тура голосования Красноярск был наполнен невероятным количеством материалов с самыми грязными измышлениями. В почтовые ящики разбрасывались листовки о том, что Зубов состоял на учете в психиатрической больнице и являлся гомосексуалистом, от его имени распространялись листовки о немедленной выплате всех долгов по зарплате до 20 апреля (дата появления листовки — 23 апреля), о

введении платы за остановку городского транспорта, о выплате пенсий за счет сокращения армии и т. п.

Лебедь использовал слабость правоохранительной системы и пошел на простую уловку для того, чтобы не быть стесненным в привлечении финансов на изготовление агитационных материалов и пропагандистские мероприятия. Штаб Лебедя отказывался признавать своими практически все тиражи распространяемых в крае листовок и газет, а также пикеты, в которых платные агитаторы распространяли материалы “за Лебедя” на каждом углу.

Команда Лебедя стремилась создать неопасный, почти благостный образ генерала, но криминальный стиль все время прорывался наружу. Состоялась целая серия полубандитских выходок с перерубанием кабеля телекомпании “Прима-ТВ”, насильственным захватом сотрудников штаба В.Зубова с тиражом листовок (под предлогом того, что в листовках указан заниженный тираж), откровенные оскорбления в адрес тех, кто пытается рассказать о том, каков на само деле Александр Лебедь. Сам генерал на встречах то и дело пользовался тюремной лексикой.

Поражала массированность грязной пропаганды. По оценкам наблюдателей, на каждого избирателя края агитационных и контрагитационных материалов, работающих в пользу Лебедя, приходилось 4–5 единиц. В Красноярске работало 120–150 пикетов в поддержку Лебедя (каждый пикетчик получал 100 рублей в день, каждые десять пикетов обслуживал микроавтобус). Им противостояли всего 10–15 пикетов КРО, против которых непрерывно проводились силовые акции и провокации. Все заборы и стены города ежедневно заклеивались полноцветными плакатами Лебедя, где он изображен с распростертыми руками над лозунгом “Это моя земля!”. В целях “пропаганды” штаб Лебедя пользовался даже раздачей водки.

Заметим, что по закону каждый кандидат мог использовать на агитацию не более 417 тыс. рублей из своего предвыборного фонда. Правоохранительная система и избирательная комиссия, как это было и в прежние времена, ограничивались лишь грозными заявлениями. Фантастическое по размаху нарушение избирательного законодательства оставалось безнаказанным.

К сожалению, в грязную игру Лебедю удалось втянуть в свою игру целую плеяду артистов. В роликах лебедевцев агитировали за него В.Соломин, А.Петренко, С.Светличная, А.Панкратов-Черный, Л.Дуров, Жженов, Жариков и другие. Аргументы, нарезанные из достаточно длинных интервью, были оставлены исключительно эмоциональными: “Он честный. Я ему верю.”. Апофеозом такого рода агитации стал визит в Красноярск знаменитого французского актера Алена Делона (известного еще и гомосексуальными склонностями), который приехал в Сибирь якобы только ради того, чтобы поздравить “своего друга” — с которым познакомился два месяца назад — с днем рождения. Избирателям внушалось: для Лебедя нет задач невыполнимых.

Когда встал вопрос, откуда у Лебедя деньги на кампанию, он начал ссылаться сначала на гонорары за книги, потом на некий “банковский пул из шести средних банков”, наконец, говорить, что деньги на кампанию ему дает собственная партия, в которой есть люди, умеющие уходить от налогов и приносить “серые деньги”. В качестве оправдания такого подхода Лебедь стал то и дело заявлять: “У нас все воры”. Или вот такой пассаж: “Пофамильно никого не назову, потому что они, как и все в этом зале — немножко жулики и к ним завтра придет прокурор”. Не случайно Лебедь характеризовал тех, кто воевал против бандитов так: “Кто был в Чечне — сволочи и жертвы одновременно. Людей нет.”, а вот о боевиках отзыв был иной: “Уровень благородства чеченских полевых командиров выше, чем у сторонников наведения конституционного порядка”.

Итоговый автопортрет Лебедя: “Я не умею ни врать, ни воровать.” Красноярцы, неискушенные в “избирательных технологиях”, почти захлебнувшиеся в водопаде лжи, поверили в это.

В современной России мы видим практически сложившийся альянс между авантюристом Березовским и авантюристом Лебедем, который подобен альянсу между Гитлером и промышленными магнатами периода Веймарской республики в Германии. Навязывание Березовским представлений о том, что Лебедь будет “уравновешивать президентские амбиции Лужкова”, являются недобросовестной подтасовкой. Устремления Лебедя лежат вне плоскости законной конкуренции на выборах. Его метод — наращивание массового психоза, дестабилизация обстановки, приход к власти на волне искусственно возбужденных страстей.

Масштабы финансирования избирательной кампании (оценочно около 15 млн. долларов только в первом туре) говорят об иностранных источниках средств на ее ведение. Не случайно непосредственно перед началом кампании Лебедь посетил США и встречался с Бжезинским, для которого расчленение России является задачей всей жизни.

Есть основания считать, что Лебедь выдвигается в качестве лидера всех сепаратистских течений России. В случае победы Лебедя в Красноярском крае противостояние Центру со стороны национальных республик будет дополнено противостоянием Центру одного из русских регионов, который сможет объединить вокруг себя все заинтересованные силы в других русских регионах. возникнет коалиция национал-сепаратистов и региональных сепаратистов.

Действия Лебедя и его штаба показали, какого рода команда действовала в Красноярском крае и будет выносить своего кандидата к власти на президентских выборах. Они говорят о порядке, но несут только хаос и страх. Они говорят о чести, но давно забыли что это такое. Они говорят о неподкупности и законности, но используют в избирательной кампании “серые деньги” и “серые методы”. Сила этой команды основана на объединении политического и финансового авантюристов, на неспособности власти противопоставить их деструктивной стратегии что-либо конструктивное.

Административная революция

Даже когда из администрации президента донеслись вкрадчивые слова о происшедшей в результате выборов революции, в столь эпохальное событие мало кто поверил. Между тем, революция все-таки состоялась. Парламентские выборы показали, что эпоха Ельцина преждевременно (или наконец-то) закончилась, и Россия усилиями власти оказалась в совершенно

незнакомой для себя ситуации — накануне масштабных контр-реформ, которых у нас не было несколько десятилетий.

Главная интрига выборов сложилась как-то сама собой. Москва, всегда бывшая витриной победившей демократии, не могла не порождать политических амбиций у сплоченной группировки столичной олигархии. Ее лидер Лужков всегда был необъявленным преемником Ельцина, наиболее влиятельным персонажем президентского окружения. Единственное, чего не хватало Лужкову, чтобы оправдать свои претензии на ведущую роль в политике России — своей партии. Летом 1998 она сложилась на базе региональных отделений Конгресса русских общин и отчасти — профсоюзных активов Союза Труда, а потом обросла местным чиновничеством, которому никакие общественные структуры не были нужны. КРО и некоторые другие организации из лужковского “Отечества” ушли, СТ вместе с другими предпочел в нем раствориться. Образовался мощный конгломерат, поглотивший к тому же кремлевскую заготовку к парламентским выборам — движение “Вся Россия”.

После побега “Всей России”о конфронтация Лужкова с Кремлем была неизбежной, и Лужков, ободренный еще и поддержкой Пимакова, сам пошел на обострение. Но Лужков просчитался — Кремль уже подготовил чрезвычайно простую и эффективную технологию противодействия столичной группировке. В условиях неизбежного поражения тандему Примаков-Лужков Администрация президента нашла единственно верный ход — доверилась политическим менеджерам, которые ее и спасли, переместив незаметно для других своих клиентов в постельцинский период. Поэтому Лужкову и всей его контр-элитной инфраструктуре пришлось бороться с ветряными мельницами — сначала с безответным Президентом, потом — с безответным Березовским и ехидным Доренко. Тем временем, блок “Единство” набирал и набирал очки, не испытывая никакой конкуренции со стороны ОВР и прочих участников предвыборной гонки.

Таким образом, действия Лужкова, который слишком рано ушел со старта, спровоцировали эту самую “революцию”, главным содержанием которой стало не соревнование на дистанции, а первенство у финиша за счет своеобразного “туннельного эффекта”. “Единство” прошло по “тоннелю” первым, затем подтянулись СПС и блок Жириновского.

Общий итог выборов показал, что постельцинская эпоха уже наступила, а “старые” партии умерли или агонизируют. КПРФ испытала последний пароксизм, “Яблоко” едва зацепилось за край пропасти, в которую неизбежно падает, ЛДПР превратилась в камерную проправительственную марионетку. Успех сопутствовал новым образованиям — чем больше новизна, тем больше успех. Главным оказался

не материал (идеи), а образ (имидж, PR-концепция и пр.), не деньги (у НДР их было не меньше, чем у ведущих блоков), а мощность контролируемых информационных ресурсов.

Постельцинская Россия, как уже ясно многим, характеризуется резкой авторитаризацией власти, которая объявляет себя хозяином всех госресурсов и готова защищать свою собственность, как минимум, методами промывания мозгов. Вероятно, есть готовность и к более крутым мерам. Методичное добивание чеченских мятежников — тому доказательство.

Вторая характеристика постельцинской России — готовность населения принять авторитарную власть и ее пропагандистские методы. Насыщение информационного пространства архетипическими символами (“Медведь” — второе имя блока; “Спаситель” — мифическое имя лидера блока, руководителя Министерства по чрезвычайным ситуациям и т. д.) оказалось важнее идеологических предпочтений.

На авторитарный подход указывает хотя бы история со «Спасом», снятым за нарушения, которые оперативно придуманы Минюстом. Аналогичные нарушения, например со стороны организаций, образовавших «Единство», просто проигнорированы. Между тем, у объединений, ставших носителем для блока Шойгу, порой нет просто и десятка региональных отделений, а в ряде случаев — только печать в кармане лидера.

Избирательное применение правовых норм и переход власти от манипулирования собственностью к манипулированию сознанием и отказу от имитации демократических условий политической конкуренции демонстрирует появление силы, которой страна нужна целиком. Не уделами и отраслями, доставшимися тому или иному клану в кормление, а именно целиком — иначе источники богатства иссякнут.

В этих условиях обиды на центральную власть, которая решала задачу изничтожения контр-элиты (имевшей отчетливо проявленные антигосударственые задачи) и блокировала все мешающие ей политические проекты, вряд ли уместны. Беда “старых” партий состоит в том, что они не узнали новой эпохи, которая уже была на дворе и требовала совершенно иных технологий в борьбе за место в политической элите.

В связи с задачами административной революции, законодательство о выборах подошло как нельзя кстати. Глубокая бюрократизация правового сопровождения избирательного процесса обеспечивалось не только включением в “старый” закон циковских инструкций, но и новым нормотворческим восторгом. Фактически с помощью ЦИК можно было пресечь существование любого избирательного объединения. “Взвешенное” состояние отразилось на энергичности полемики, которая либо была

излишне осторожной и миролюбивой, либо велась из позиции “сбоку”, чтобы не затронуть судьбу какого-либо объединения.

Такое положение дел более всего было выгодно крупным объединениям, которые имели ресурсы для содержания огромного аппарата, занимавшегося обеспечением абсурдных требований закона. Но и здесь штабы просто выматывались до полуобморока, чтобы ублажить чиновников ЦИК.

Крупные блоки вообще не замечали “малых сих”, предпочитая жаловаться друг на друга за использование государственных ресурсов. Так, особенно циничным выглядят обличения “проекта Доренко” со стороны лидеров ОВР. Обвиняя некую “власть”, они позабывали, что сами представляют точно такую же власть и точно также (хотя и в меньших объемах) пользуются государственными ресурсами для своей избирательной кампании.

Подавление мелких конкурентов путем лишения их ресурсов (изданий, эфира и т. п.) было на этих выборах не менее циничным, чем на предыдущих. В то время, когда страна ждала дискуссии по поводу самоопределения, ОРТ объявляло цену рекламы в 40.000$ за минуту эфира, а дебаты показывало в “несмотрябильное” утреннее время. Телекомпания “Россия” пошла еще дальше, запрещая к показу неугодные ей ролики и заменяя тем самым суды. Зато обе телекомпании с последовательной регулярностью рекламировали блок “Единство”, высасывая из пальца информационные поводы и натужливо пытаясь выдавить из лидеров этого блока хоть какие-то связные мысли.

Точно так же действовали и подконтрольные группировке Лужкова телекомпании. Известен произвол президента Башкирии, запретившего транслировать передачи первого и второго телеканалов. Малоизвестен, но показателен другой факт — телекомпания “Московия” предложила каждому блоку выступить в “бесплатном” эфире в течение 52 секунд и заплатить за подготовку к эфиру по 120 долларов. (К этому вспоминается как на городских выборах 1993 года кандидатам в Мосгордуму предоставляли на радио 30 секунд для изложения биографии и 40 секунд на изложение программы.)

Таким образом, дойти до избирателя могли только те, кто получал бесплатные возможности выступать в передачах, формально не относящихся к предвыборным. Этот ресурс нельзя было компенсировать никакими средствами агитации, кроме акций “от двери к двери”, которые могла организовать только КПРФ.

Более равноправной оказалась ситуация в газетах, которые, с одной стороны, не были слишком привлекательны для политических конкурентов,

а с другой, требовали от избирателя хоть каких-то интеллектуальных усилий. Последнее обстоятельство обесценивало ангажированность печатных изданий, которые не могли вынудить читателя к чисто эмоциональному выбору, подобно тому, как это делало телевидение. Печатным изданиями приходилось подбирать крохи доходов и славы, уступая во всем телевидению. Наиболее удачным газетным проектом можно считать беспрерывную рекламу по телевидению обложки журнала “Эксперт” с физиономией Кириенко. В остальном роль прессы свелась либо к простому “обозначению территории”, либо к обслуживанию телевизионных проектов (ссылки, обзоры прессы).

Региональную специфику ресурсных преимуществ в избирательной кампании можно считать вторым по важности фактором, обеспечившим своеобразие прошедшей избирательной кампании. КПРФ, став “узким местом широкого патриотического движения” на этот раз хватило только на клеветнические кампании против конкурентов своих выдвиженцев в некоторых регионах, контролируемых “красными” губернаторами. ОВР обеспечил себе преимущества (и, вероятно, не только угрозами увольнений инакомыслящих, но и подделкой результатов выборов) в Москве, Татарии и Башкирии. В столице, к примеру милиции было отдано распоряжение начать охоту на граждан, пожертвовавших деньги в избирательные фонды. Дело дошло до засад и ночных посещений.

Прошедшие выборы стали золотым веком журналистики, которая получила за 2–3 месяца годовую норму “живых” денег. Помимо официально введенного тройного тарифа на политическую рекламу (в сравнении с коммерческой), огромные суммы были поглощены в рамках так называемых “пиаровских” проектов. По неофициальным данным “черным налом” были оплачены передачи с участием лидеров ведущих избирательных блоков на общую сумму в 3 млн. долларов, перешедших из рук в руки только при посредничестве агентств (в среднем — по 500.000 долларов на блок). Так, получасовая вечерняя беседа с популярной ведущей стоила на одном из ведущих каналов от 15 до 30 тыс. долларов наличными.

К этому следует добавить масштабные траты наличными на содержание штабов в центре и в регионах, на закупку компьютерной техники и аренду транспорта, на оплату распространителям печатной продукции и многое другое.

Невероятные деньги, постоянно находящиеся в обороте, послужили поводом для выдумок о покупке кандидатов в депутаты, которых якобы вынуждали покинуть блок ОВР. К.Затулин объявил цену за свою персону в 800 тыс. долларов. Его примеру последовал лидер РНЕ А.Баркашрв,

оставленный за бортом избирательной кампании и привлекший к себе внимание заявлением о предложении в 1 млн. долларов за поддержку КРО.

Бриллиантовый дым, тем не менее, был не той концентрации, как о нем думают. Не менее половины избирательных блоков мало уступали итоговым победителям по части финансов. Беда лишь в том, что они пользовались устаревшим представлением, оставшимся от предыдущих выборов, что деньгами можно “проломить” себе место в Думе. Оказалось, что ни за какие деньги победить на этих выборах без санкции власти (центральной или региональной) нельзя.

С точки зрения идеологии, административная революция означала, что произошла всеобщая “консерватизация” политической среды. Ранее запретные слова о возрождении России, укреплении государственности, наведении порядка и т. д. стали просто общим местом любого политического выступления. Даже недавние ненавистники какого-либо государственного порядка переписались из разрушителей в спасителей, позаимствовав у своих самых яростных оппонетов значительную долю идейных принципов. Слова “патриот” и “государственник” стали привлекательными буквально для всех партий и блоков. Даже “русский вопрос” на этих выборах внезапно заинтересовал многих (при том, что ведущие политические блоки возглавлялись нерусскими людьми).

Вместе с тем, усвоенные на уровне лозунгов идеологические ориентиры подавляющим большинством участников выборов не расшифрованы в конкретных программах. Принципиальные моменты политического противостояния в кризисном обществе, как и полагается, оказались непроявленными в публичной политике, но сохраненными для закулисных боев.

Вопросы бытия страны с народом никто из ведущих блоков обсуждать не захотел (быть может, кроме Солженицына, выпущенного в эфир НТВ только за похвалу Примакову). Всегда и всюду презентировалось наличие политической или экономической программы, но не сама программа, не ее принципы, не какая-либо интеллектуальная традиция (что все-таки имело место на заре горбачевской перестройки).

Сообразно идейной бедности оказались бездарными и те рекламные проекты, которые только по виду были успешны, а по сути рассеяли идеологическую определенность электората. Например, Явлинский стал конкурировать с КПРФ за голоса стариков, а СПС пытался охватить молодежь. При всей пустопорожности рекламы “Единства” серьезных конкурентов по части политической рекламы у него не было.

Сразу после выборов ВЦИОМ провел опрос, определивший в частности современное состояние идеологических предпочтений

сторонников различных блоков.

КАКОЙ ПАРТИИ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИЛЕ ВЫ СЕЙЧАС СИМПАТИЗИРУЕТЕ?	КПРФ	Медведь	ОВР	Яблоко	СПС	ЛДПР
Демократам	1,4	26,2	28,2	45,3	50,8	33,9
Коммунистам	89,2	5,6	17,0	3,3	4,5	11,7
Патриотам	0,7	9,0	9,9	7,4	4,6	16,2

Из приведенных данных видно, что преимущества в борьбе за власть получили те силы, сторонники которых с трудом определяются в привычных идеологических “координатах”. В этих координатах готовы мыслить около половины избирателей (причем более половины из этой группы — приверженцы коммунистов).

Чем меньше определенности по части привычных идеологем, тем больше перспектив, поскольку электорат способен воспринимать новые идеологические установки. Пожалуй, определенность-то уже есть, только ее пока в явном виде боятся артикулировать. Если в опросы внести, скажем, идентификацию по признаку “государственник”, то неопределенность, скорее всего рассеется. Причем, под “государственником”, как показали выборы, избиратели понимают тех, кто поддержан властями (государством) и готов им служить.

Если судить о политической ориентации избирателей по более дифференцированной схеме, то стоит обратить внимание на данные, РНСИП (апрель 1999):

Приверженность идеологии	Доля сторонников
“радикального рынка”	7.2%
“центризм” (сочетания всех идей)	16.6%
“социал-демократическая”	5.2%
“коммунистическая”	10%
“русский национализм”(самостоятельный путь развития)	15.6%
иные идеологии	0.8%
не привержены никакой идеологии	44.6%

Мы снова видим, что почти половина граждан не определяется в своих политических ориентациях, но из приведенных данных можно понять внутреннюю структуру электоратов новых парламентских партий (часть коммунистов оказываются социал-демократами или националистами и т. д.),

а также возможную перегруппировку сил по идеологическим предпочтениям.

Как отмечает Л.Г.Бызов (Политическое сегментирование электората и идентификация участников избирательного процесса, “Политический маркетинг” № 8, 1999), обсуждая приведенные данные, только около трети коммунистов являются собственно “левыми” — сторонниками приоритета социальной справедливости. Значительно прочнее среди них ориентация на консервативно-государственнические ценности (укрепление государства, наведение порядка). Аналогичным образом дробился и “демократический” электорат.

Действительно, на выборах, как нетрудно было видеть, помимо привычных идеологических позиций, возникали странные идеологические “смеси”, из которых наиболее существенной стала смесь “демократической” и “государственнической” риторики — “Единство”, ОВР, СПС. Любопытно было бы проследить, какие ценности среди избирателей этих блоков побеждают, если сталкиваются государственнические и либеральные ориентации?

Если исходить из того, что переворот в мировоззрении населения так или иначе закрепляется в публичных организационных формах, то следует ожидать либо адаптации идеологических разработок получившими кредит доверия политическими группировками, либо их быстрого краха (по типу НДР) и прихода к власти новых политических сил. Знание этого продемонстрировано правительственными кругами в создании Центра стратегических разработок, возобновляющим процесс разработки Национальной доктрины России, прерванный одной из чисток в Администрации президента.

Воля к власти у группирующихся вокруг Путина проявилась в достаточной мере уже самим фактом уничтожения итогов номенклатурной революции — подавлением лужково-примаковского блока ельцинистов, разгром мятежников в Чечне, восстановлением разумной военной доктрины с возможностью применения ядерного оружия первыми, жесткими нотками в диалоге с Западом, за которыми угадывалось изменение политики, и т. д. Поэтому с закатом номенклатурного мятежа, с завершением задач административной революции следует ожидать мероприятий консервативной революции: антишоковых контр-реформ.

Азиопские хроники — 2000

Всюду лезут общечеловеки

Победа в Австрии национал-консервативной Партии свободы, которая в коалиции с народными консерваторами сформировала правительство, вызвала шквал совершенно наглой пропаганды в «российской» и западной

прессе. Было объявлено о том, что Австрия чуть ли не вернулась ко временам нацизма. По началу осторожное россиянствующее телевидение распоясалось не меньше, чем их коллеги из Израиля, чей посол убрался из Австрии к себе домой. США и ЕС требовали нарушить австрийскую Конституцию и не пускать националистов в правительство. А наше дурачье стало на все лады склонять Путина к осуждению итогов австрийских выборов. Пока ничего путного из этого ора не вышло. И славненько!

Пилят сук, на котором сидят

Кучма с демократами разорил свой парламент. Если у нас капризники просто устроили себе каникулы за народный счет, то в Киеве “демократы” образовали свою коалицию большинства вне парламента, избрав нового спикера и поделив руководящие посты. Этот противозаконный шаг был поддержан Кучмой, который и сам законов соблюдать не привык.

Открытие узких глаз

Аман Тулеев, став претендентом на президентское кресло (которого ему все равно не видать), вдруг прозрел и обнаружил, что государство у нас устроено не так, что управлять 89 субъектами невозможно. А потому, мол, надо субъекты объединять, а губернаторов — назначать. Старая идея, не раз высказанная Конгрессом русских общин, дополнена поистине иезуитским довеском — “объединять и назначать” Тулеев отнес не к Москве и Питеру и не к национальным республикам. То есть, предложил еще раз курочить Конституцию, не меняя ничего в принципе.

Как с писаной торбой

Журналюжная братия до дыр истрепала языки по поводу гражданских прав сотрудника иностранной радиостанции “Свобода” Бабицкого, которого задержали в Чечне за сотрудничество с бандитами. Последние предоставили Бабицкому и еще семерке отважных инородцев фотографировать трупы русских солдат с выколотыми глазами. Когда Бабицкого обменяли на пленных русских солдат (потом выяснилось, что не обменивали, а просто отпустили), журналюги всех мастей во главе с Явлинским просто взвились от негодования. Мол, гражданина даже с его согласия нельзя менять на солдата. Раньше десятками меняли самых отпетых уголовников — и все молчали. И понятно почему. Плевать они хотели на русского солдата. Им Бабицкий — милее всего на свете. Потому что они сами такие же бабицкие — стопроцентные отморозки.

Хакамадячье бабье

Русфобская передача “Акуна матата” (РТР) пригласила на дискуссию “Кому нужна эта война” (в Чечне) худенького студента в очках, которого за его взгляды надо было унизить и заставить раскаяться, сказать, что он больше не будет ненавидеть кавказцев. Но парень оказался стойким — не

поддался на визг и оскорбления подсадных соплячек с трибун, на снисходительные уговоры главы госкомитета по молодежной политике (к сожалению, с фамилией Деникин). Молодец, Серега! Нам тоже русский мальчик ближе, чем чеченская девочка. Мы тоже знаем, что кровь не у всех одинаковая.

Чьи это игры?

Общественность заволновалась в связи с осуждением русских летчиков в Индии. Не заметили, что эти летчики вовсе не русские, а латвийско-подданные. Трое из них приняли «российское» гражданство только в тюрьме. Кроме того, летчики участвовали в поставках вооружений сепаратистам. По пути из Прибалтики (куда, кстати, поставляют вооружение США — недавно для 4 тысячной армии Эстонии бесплатно отгрузили 40 тыс. автоматических винтовок М-14) эти ребята сбросили груз с оружием (якобы не зная, что творят). За это и получили пожизненное заключение. Не понятно, почему к этой проблеме прониклась вниманием Русская Православная Церковь? Дома что ли дел не хватает? Кому выгоден этот холодок между Россией и Индией, возникший сразу после того, как Путин объявил Индию стратегическим партнером? Или тут опять провокация — как с захваченным в Персидском заливе русским танкером (частной принадлежности), который, не ведая что творит (тоже? Sic!), перевозил контрабандную нефть из Ирака?

Не жильцы

Демократическая общественность умылась слезами. На похоронах Собчака его надменная жена падала в обморок, Путин сидел с заплаканным лицом, Чубайс говорил, что-то энергичное (точно как на похоронах своего любимца и спеца по госсобственности Маневича), а поток благодарных питерцев судачил о том, что “умерла наша надежда” (точно как на похоронах Старовойтовой). Нам все это почему-то напомнило еще и похороны Свердлова. Того замучили враги пролетарской революции, этого — затравили Скуратов с Яковлевым и Вощанов с Коржаковым (по словам Чубайса, с высоким подтверждением со стороны Путина). Так крал ли покойный или не крал? У нас сомнений нет. Все они таковы.

Шустрик

Есть такие люди, которые при любых правителях выдаются за образец мудрости и авторитета. Так, к Федору Бурлацкому взывают сегодня по поводу того, стоит ли обращаться в суд с целью пресечь показ порнографии и всякого рода пошлости по телевидению. Создатель действующего закона о СМИ и обладатель рабоче-крестьянского псевдонима (в свое время это нужно было для пропаганды марксизма-ленинизма) заявил, что это бессмысленно, и все, чем располагает общество для влияния на СМИ, — это

социологические опросы. Второй проныра — малоизвестный кандидат в президента и ближайший гаврилопоповско-ельцинский соратник г-н Савостьянов. Этот тоже приобщился к созданию “новой Конституции”. Только вот звания заслуженного юриста вместе с остальной шарашкой не получил, потому что имел юридического образования. Зато получил генеральские погоны, когда из Кремля ему отписали должность начальника ФСК по Москве и Подмосковью, а заодно — обязанность обслуживать банкира Гусинского. И вот этот проныра теперь уговаривает “демократическую общественность” голосовать против бюрократов Путина и Зюганова. Провокаторам-проходимцам мешок на голову и кирпич на шею!

Под зад

Лучше бы в морду. Тележурналистов погнали, когда они попытались организовать съемку наших убитых в Чечне солдат. Получив пинок и недвусмысленную угрозу навалять еще, журналюги нажаловались начальству, представив ситуацию как “избиение”. Они никак не могут понять, что их вмешательство в вопросы жизни и смерти — предельное хамство. Они считают, что можно тыкать объективом в лица убитых в бою, в их развороченные пулями и осколками тела и все это показывать несчастным родителям в новостях. Они думают, что несут кому-то важную информацию, когда снимают лицо матери, только что узнавшей о гибели сына.

Пиночет надул Лондон. Лондон рад

Захватив Пиночета на больничной койке, английские радетели прав человека решили, что достали экс-диктатора и смогут устроить судилище — чтобы самим считать себя святее Папы Римского. Рано радовались. С течением времени стало ясно, что суд будет явно не в пользу западной Фемиды, а крики “правозащитников” делали ситуацию просто неприличной. Вымотав сами себя, власти Великобритании объявили Пиночета полумертвым и отправили назад в Чили. Тот принял игру, но, вернувшись на Родину, как ни в чем не бывало поднялся с инвалидного кресла и пошел, улыбаясь и помахивая рукой ликующей толпе сторонников.

Пинг-понг русофобов

Хозяин медиа-империи Гусинский организовал на своем радиоканале “Эхо Москвы” выступление главаря чеченских бандитов Масхадова и тут же сам тиснул во французской “Монд” свое интервью с уверенным требованием “отпустить Чечню”. Это безобразие сомкнулось с провокацией НТВ и мелкой баварской телестудии, смонтировавшим видеопленку о “зверствах российской армии в Чечне”. Поскольку две случайности вместе со всеми предыдущими “случайностями” — явный признак закономерности, можно сказать, что Гусинский на сегодня стал прямым

исполнителем информационной войны против России. Кроме тюрьмы этому карточному шулеру (кто не знает — таково начало “предпринимательской” карьеры Гусинского) пожелать нечего.

Гаденыш высказался

Родовой демократ Юшенков, услышав, что Путин “не исключил возможности вступления России в НАТО”, заявил: “Еще пару таких высказываний, и я буду голосовать за него”. Вот и славненько. Поскольку Путин еще и против расширения НАТО на восток, то США придется двигаться на запад, где они и упрутся в радушно открытый Дальний Восток с Юшенковым в кандалах.

Не жильцы — 2

Сначала съехала крыша у Хинштейна, потом за Собчаком на тот свет отправился Артем Боровик, попавший в авиакататсрофу вместе с чеченским делягой. Сходства с “собчачьим” вариантом тут было два: 1) деятели прежней эпохи в новых условиях теряли жизнеспособность и элементарное везение; 2) родственники и соратники усопших превращали смерть в рекламное мероприятие, безотчетно следуя своим некрофильским наклонностям, проявленным в прежней эпохе. Как-то совсем уж гнусно выглядели интервью Генриха Боровика, пустившего в свою квартиру журналистов уже через несколько часов после известия о гибели сына.

Наши павшие

В Чечне в районе селения Улус-Керт геройски погибли 84 десантника под командованием подполковника Марка Евтюхина, не пропустивших полуторатысячную банду в Дагестан. Они сначала выстелили ущелье трупами бандитов, а затем — вызвали огонь артиллерии на себя. В живых осталось всего 6 человек. Телевидение показало одну из вдов с годовалым ребенком на руках. В отличие от мегер т. н. Комитета солдатских матерей, эта женщина была прекрасна и в своем горе. Она сказала, что не будет удерживать своего сына, если он захочет пойти по стопам отца. Вот на таких женщинах, а не на дезертирских защитницах, держится Россия. Телевизионщики понятно почему предпочитают ковыряться в своих болячках не иначе, как под пристальным вниманием телекамер.

Ублюдок

Рекламный ролик. Солдаты отстреливаются от наседающих боевиков. Один из них: “Я тебе говорил, что надо за экономиста голосовать — за Явлинского! Мы бы тогда их по-другому сделали”. Врать Гришка Отрепьев может еще долго. Пока у Гусинского деньги не кончатся, пока власть не перейдет от слов (которых теперь по поводу того и другого проходимца сказано уже много) к делу — к тюремной лечебнице для больных некрофилией и русофобией.

Война будет

Весь мир готовится к войне. В «Молдове» при аховом экономическом кризисе разрешена свободная продажа стрелкового оружия гражданам. В «Эстонии» гранатометы и автоматы лежат под койкой у каждого резервиста. Мы тоже воюем — но только своей северо-кавказской “грудиной”. Страна в целом не умеет ни стрелять, ни выживать на поле боя.

Отчего мы такие бедные?

От простоты душевной… Опрос, проведенный в благополучной Швейцарии показал, что там 60 % населения считает себя антисемитами. А все потому, что еврейское лобби начало потрошить швейцарские банки под видом компенсации за Холокост. Благополучную Швейцарию еще только хотели начать раздевать, как в ней поменялись настроения. Нас же в порядке компенсации за коммунизм единородцы Гусинского обчистили до нитки, а антисемитов у нас — крохи. Может оттого и живем по уши в грязи и вместо щей дерьмо лаптем хлебаем?

Кого любит НТВ

Телеканал НТВ явно небезразличен к поклонникам бесноватого Адольфа. Так уж строится подача материала о шествии латышских фашистов. Его представляют как солидно организованное многочисленное шествие. А вот альтернативные пикеты русских жителей Латвии с протестами подаются как “группа в несколько человек”. Этой группе, разумеется, на НТВ слова не дают (хорошо хоть на ОРТ дали), зато поклонникам эсэсовцев — пожалуйста! Ну что поделаешь, если НТВшники любят фашистов больше, чем русских… Кстати, и чеченцев они тоже любят. Не случайно все время показывают плакаты “Русские вон из Чечни!”, которые заставляют держать беженцев (чаще — детей) полоумные агенты боевиков. Плакаты уже замусолились, так часто их достают, чтобы сунуть в камеру НТВ. И еще на тему любви. Комментатор Киселев как-то очень трогательно попросил телезрителей посмотреть очередную передачу “Куклы”. “Поверьте, это очень смешно!” — заявил Киселев. А показали просто фантастическую порнографию. Нечто про публичный дом, в котором бродят персонажи, похожие на известных политиков. Это выглядело не смешно, а как-то особенно пакостно.

Тушите свет

Надоело Путину чувствовать у себя за спиной подобострастное дыхание московского мэра, и он уступил навязчивому стремлению Лужкова подружиться. Местом примирения была выбрана строящаяся станция московского метро. Но, как только лужковско-путинская свита втянулась под землю, потух свет. Путин вынужден был прижаться к группировке с видеокамерами, которые были единственным источником света. Пришлось

отвечать на дурацкий вопрос об отношениях с Лужковым. “Вы хотите, чтобы я похвалил Юрия Михайловича? (мысль работает: “Что бы такое сказать?”) Я сделаю это с удовольствием (“Что же такое выдумать, чтобы было не очень высокопарно?”) В Москве в некоторых местах (ой!) достигнуты серьезные успехи. Некоторые объекты могут на долгие годы служить памятником (ой!) деятельности Юрия Михайловича…”. В общем, получилось предупреждение всем: если эти двое сговорятся — тушите свет. Будут строить сами себе памятники.

Поздновато прозрели, Станислав Сергеевич!

Кандидат в президенты и по совместительству кинорежиссер Станислав Говорухин на этих выборах лишился слепоты и обнаружил, что в политике все делается за очень большие деньги. А ведь можно было бы прозреть и пораньше. Например, наблюдая за кампанией блока ОВР, куда Говорухин вступил все-таки в полном сознании, хотя некоторое возрастное беспамятство могло не позволить ему вспомнить избирательной кампании Лужкова в 1996. Но в 1999-то он видел, как ОВР скупает эфиры и заклеивает Москву цветными плакатами? Или он думал, что все это делается даром? Или считал, что каждому плакату цена копейка? Нет, нельзя принять прозрения Говорухина за чистую монету. Либо он наивен, как ребенок (что вряд ли), либо обида на сильных мира сего, не давших ему денег на выборы, заставляет его с особой яростью трепать Явлинского, которому деньги дают и иностранные фонды, и отечественные негодники. Впрочем, и на этом спасибо, Станислав Сергеевич. Мы готовы аплодировать, когда Вы макаете этого недоноска мордой в дерьмо.

США подложили Европе балканскую Чечню

Во время вторжения НАТО в Югославию по этой европейской стране было выпущено 2000 крылатых ракет. Бомбардировки НАТО осуществлялись с применением ядерных наполнителей, заражающих местность. Под бомбами погибло более 2,5 тыс. человек. Разрушена практически вся экономическая инфраструктура. Налицо геноцид. После вторжения НАТО Косово покинули более 300 тыс. сербов. В столице Косово Приштине из 45 тыс. сербов осталось не более 200. Гуманитарную помощь оказывают из расчета суммы на год, равной затратам на день бомбардировок. Налицо гуманитарная катастрофа. За истекший после оккупации Косово год произошло более 800 убийств на межэтнической почве. Большинство убитых — сербы. Албанцами разрушены 63 православных храма — почти все. Налицо геноцид. На территории Косово действует прототип Масхадовского режима — многочисленные вооруженные банды албанцев, стремящихся к продолжению войны. Они

занимаются поставками наркотиков, оружия и проституток для всей Европы. Создан бандитский анклав, охраняемый войсками НАТО.

Цинизм журналистов

ОРТ раскручивает скандал о подкупе мурманской журналистки, которой какой-то представитель Жириновского за освещение визита лидера ЛДПР в Мурманск дал 1000 долларов. Дамочка прикинулась овечкой и предварительно сбегала в ФСБ. Передачу денег засняли, но представителя Жириновского почему-то упустили. Журналюги явно хотят сделать вид, что тех десятков миллионов долларов, которые без всяких деклараций перекочевали в их руки из рук политиков на парламентских и президентских выборах, просто не было! А ведь они были, были! 1000 долларов для телевидения — вообще не деньги. Там за минуту в эфире в самое завалящее время надо такую сумму класть в карман ведущему! Когда же мы наконец заткнем им поганые глотки и перестанем слушать это наглое и ежечасное вранье?

С потным лбом

Место на телеэкране, как магнитом, привлекает всякого рода ничтожества. Вот и начальник Госстроя с труднопроизносимой татарской фамилией и повадками полового устроил пресс-конференция — всего лишь для того, чтобы пожаловаться на взятки (которые приходится давать при регистрации частных построек, не взирая на чины) и заявить, что дотировать из бюджета обслуживание жилья таких богатеев, как Жириновский, нецелесообразно. Бестолковость такого рода пресс-конференций наводит на мысль, что они заказываются только с одной целью — в преддверии формирования правительства попасть на глаза начальству. Причем непременно со вспотевшим от энергичности лбом — пусть даже за этим лбом угадывается крайне скудное содержание “серого” вещества.

Ассамблея уродов

В ельцинскую эпоху Россию насильно запихнули в Европейский союз, а депутатов вынудили ходить на поклон на Парламентскую ассамблею СЕ. Теперь наша страна должна терпеть издевательства собранных со всей Европы “правозащитников” вроде придурочного лорда Джада, которому место в психушке, или председателя ПАСЕ Рассела Джонсона, который с большим удовольствием беседует с чеченскими убийцами, чем с нашими парламентариями. Об уровне развития последнего говорит тот факт, что только в апреле 2000 года он обнаружил, что пленных русских солдат чеченские бандиты расстреливают, и по этому поводу пригрозил Масхадову, что “прервет с ним отношения”. А пока боевики чувствуют себя среди правозащитников вполне комфортно — лучше, чем в Чечне. Один из этих ублюдков набросился на нашего депутата с криками: “Пристрелю!”. В Чечне

его самого бы тут же пристрелили, а тут — только за руки придержали. Если на сессии ПАСЕ наших депутатов просто выставили за дверь, лишив права голоса и объявив ультимативное требование замириться с террористами до лета, то в ООН дело до этого пока не дошло. Зато к нам направляют с делегациями таких же отморозков, как и лорд Джад — например, верховного комиссара ООН по правам человека Мэри Робертсон, которая никак в толк не возьмет, почему ей все время говорят о преступлениях террористов, когда ей надо знать только о нарушениях прав человека со стороны русских военных. Они с Джадом в Грозный только и ездили, чтобы получить впечатления, подкрепляющие их лицемерные выпады против России. В Косово они предпочитают не ездить.

Чем занимается прокуратура?

Боевой офицер полковник Юрий Буданов сломал шею чеченской снайперше, погубившей немало русских солдат. За это его арестовали, ранив при задержании, обвинили в изнасиловании и преднамеренном убийстве “беззащитной девушки”. Потом оказалось, что и девушка не была беззащитной, и изнасилования не было, но полковник все равно сидит с уголовниками. На кой черт нам такое правосудие? Может оно посадит Буданова в одну клетку к Радуеву и Темирбулатову? Нет, в нормальном государстве наши офицеры ломали бы им шеи, и не испытывали бы при этом никаких нравственных неудобств или ментовского интереса.

Вот что написал отец “пострадавшей”: “Да, Буданов совершил тяжкое преступление. Виновный арестован, идет следствие. Мы надеемся, что виновный понесет суровое наказание. Но нам надо жить дальше, и только вместе, помогая друг другу, мы сможем освободиться от террористов, наладить мирную жизнь. Ислам — мир терпеливых и любящих, он учит нас быть великодушными, уметь прощать ради создателя нашего Аллаха. Мы считаем, что нельзя путать всю российскую армию с такими, как Буданов, как нельзя смешивать весь чеченский народ с террористами. Мы делаем шаг навстречу друг другу”. Они сделают шаг, потом еще шаг, потом появится новый Дудаев. Нет уж, лучше мы будем отождествлять всю русскую армию с Будановым, а всех чеченцев — с террористами. По крайней мере до того момента, пока в Чечне кто-то хранит по подвалам оружие.

Теодор, не хлопай Россию по плечу!

Глава Московской высшей школы экономики и социальных наук Теодор Шанин — подданный Великобритании специалист по русскому крестьянству еврейского происхождения (естественно, по происхождению Шанина, а не крестьянства). Его раздражает в России грязь в общественных туалетах и отсутствие культуры компромиссов. Грязь мы тоже не любим, но компромиссы с теми, кто потрошит Россию — тоже. Шанину легко говорить

про русскую грязь и неуживчивость. Он ведь не чувствует себя хоть в чем-то причастным к трем интервенциям Европы против нашей страны в XX веке (две мировые и одна “холодная”). Он может сколько угодно называть английский колониализм “странным явлением”, но мы его чуем на своей шкуре — как индусы в прошлом веке. “Умом Россию не понять” — так не нравится Шанину, что он спрашивает: “А чем понимать, задницей, что ли?”. У кого что есть. У Теодора — задница, у России — вера (“в Россию можно только верить”).

Второй Израиль

Израиль потребовал внести в символику Международного Красного Креста не только красный крест и полумесяц, но и Звезду Давида. США тут же поддержали это требование, объявив, что в случае его невыполнения перестанут выплачивать свой взнос в эту организацию. Теперь мы точно знаем, кто правит в США

Сатанизм шагает по стране

Вот что происходит, когда люди при власти кичатся своим атеизмом или “многоконфессиональностью”. В г. Тура Красноярского края сатанистом-кришнаитом совершено ритуальное убийство православного священника отца Григория Яковлева. Верная рука баптистов направила руку убийцы, вооруженную сначала заточенным электродом, а потом перочинным ножом, которым подонок отпиливал голову бездыханному телу. Потом он обнёс голову ритуальными кругами вокруг аналоя и водрузил в алтаре на Святое Евангелие.

Любовь через пупок

“Любовь по-американски” — фильм, получивший все мыслимые и немыслимые “оскары”. Его рекламируют у нас, рисуя пупок во всю стену с романтическим цветочком. А делов-то в фильме — измена мужа с подружкой дочки. Примитив, пошлость, непристойность. Это, братцы, Америка. Такие они люди. Им бы лечиться, а они нам в учителя навязываются.

Заразная болезнь — ненависть к своей стране

Путин взял в помощники очередного недоэкономиста — Илларионова. Тот возьми, да и брякни: проблемы утечки капиталов за рубеж у нас нет. Мол, будем правильно себя вести, тогда капиталы потекут обратно. Мысль, прямо скажем, достойная недоумка Гайдара. Не дай Бог, Путин подцепит эту заразу — можно будет снова Ельцина в президенты выбирать.

Любовь втроем — опыт демократов

На экранах появился давний герой ранней перестройки — Ю. Чурбанов, осужденный за взятки на 12 лет, отсидевший 7 и с полным сознанием своей непорочности проживающий в “демократической России”.

“Не было никаких бриллиантов, никакого золота, — говорит плод сношений тяни-толкая Гдляна-Иванова с кучей жира по фамилии Адвокатмакаров. — А что носила жена, так это ее дело”. И сочувствуют бедолаге несчастные корреспонденты НТВ, и очень не любят Гдляна, требовавшего для Чурбанова смертной казни, и очень любят Макарова, порушившего большую часть обвинения. Тогда, помнится, и Макаров прославился своей правозащитной удачей (светился весь своими масляными глазками!), и Гдляна чуть не на руках носили. Оба стали примерными демократами. Теперь к этому же отряду примкнул и Чурбанов. Типичный диссидент. Всем бы диссидентам у него поучиться. На должности кочегара какой-нибудь сибирской или приполярной колонии. И чтоб Гдлян с Макаровым уголек подтаскивали.

Умеют торговать чужим добром

Больше ничего. Наши “братские”-среднеазиатские республики за прошедшие годы полностью распродали свою оборону, оставленную им в наследство Россией, ужавшейся до “Эрэфии”. Потом это оружие всплывало в Чечне, Ираке, Афганистане, Таджикистане. Вице-президент Киргизии лично распродавал лучшие образцы оружия. Несколько десятков вертолетов “толкнул” по бросовым ценам. Вероятно, после задушевных бесед с Дудаевым. А еще прямо в топку гражданской войны в Таджикистане бросил 150 тыс. автоматов Калашникова. Из них потом убивали и стращали русское населения, которое от этого всей полумиллионной численностью в товарных вагонах съехало в Россию. Теперь киргизский вице-президент сидит в тамошней тюрьме, а за его судьбу очень беспокоятся Госдеп США и ОБСЕ.

Наши таланты

ФСБ арестовала народного умельца, смастерившего уникальное подслушивающее устройство, которое легко подключается к любому телефону с любого другого телефона. Вместо того, чтобы дать умельцу премию в сотню тысяч долларов и принять на работу, его начали трамбовать в тюремную камеру. Так дураки делают себе имя на растаптывании умников.

Нрав инородцев

Переселенец-чеченец враз порешил отца с матерью, дядьку и двоих несовершеннолетних братьев. У них так принято, — объяснил убивец. Мол, детей надо было убить только потому, что после “отсидки” они бы достали своего братца-живодера. Удивляет тут не беспримерная жестокость, а спокойствие, с которым русские люди допускают, чтобы инородческие традиции существовали у них под боком. Например, в Центральной России или в Москве. В столице русские терпят власть, которая создает условия для

нашествия цыган со всего света. Цыгане торгуют наркотиками и попрошайничают, чиновники через милицию стригут купоны, а русские — расплачиваются деньгами, ворованными и посаженными на иглу детьми, собственными жизнями.

Хватит трусить

Гусинскому предъявили претензии по поводу присвоения им госсобственности на 10 млн. долларов (а попутно — два заказных убийства в руководстве “Русского видео” и взятка в миллион долларов ее главе). Речь идет о широко распространенном способе “приватизации” госимущества путем создания цепочек из акционерных или долевых компаний, в которых доля государства быстро сокращается. Пальма первенства здесь явно не у Гусинского, которому путь от карточного шулера до главы мощнейшей фабрики лжи помог пройти Лужков. Если не носить розовых очков и не талдычить о том, что “преступником назвать человека может только суд”, то надо прямо сказать, что гусинских наплодили Ельцин, Гайдар, Чубайс, Черномырдин и Лужков. Именно эти деятели системным образом создавали сеть преступных сообществ, разоряющих Россию. Пока суд не приравнял их к самым отвратительным убийцам-садистам. Но мы уже приравняли. И ждем только конкурса на выбивание табуреток из-под этих патентованных висельников.

Котлован либерала

По каплям просачивается информация о безобразиях, творимых либералами в хозяйстве регионов страны. Один из примеров — котлован самарского губернатора Титова, который отрыли по его приказу для раковой лечебницы. За котлован заплатили полмиллиона долларов — неслыханная цена! Ладно бы лечебница заработала. Нет, уже 7 лет под бдительным оком либерала Титова стройка хиреет без надежд хотя бы извести буйство бурьяна среди разрушающихся стен.

Баданье ягнят

Московский завод “Кристалл” стал ареной конкуренции Лужкова и Березовского. Лужковский директор Свирский, будучи снят с должности акционерами, остался на своем посту, поскольку агенты мэрии распропагандировали трудовой коллектив и не пустили на завод вновь назначенного директора Романова из “Сибнефти”. Два волка предпочитают открытой грызне баданье своих туповатых протеже.

Родить и продать

“Московский комсомолец” регулярно публиковал объявления типа “усыновим вашего будущего ребенка” и “приглашаем для вынашивания нашего ребенка”. И вот только теперь — через несколько лет — этот сатанинский промысел начали замечать. Оказалось, что уже много лет

действует цепочка перепродаж детей, которых доставляют через Узбекистан и Молдавию в США. Приглашают и напрямую в Америку, чтобы там родить, получить деньги и выметаться восвояси. Здесь привлекает внимание не только криминальная сторона дела и долговременное равнодушие к ней правоохранительных структур, но и единство менталитета МК и американцев. Это ведь совершенно больные люди. Если всю Америку на принудительное лечение не отправишь, то “московских комсомольцев” можно и нужно изолировать от общества, дабы зараза не распространялась.

Любя себя

Никита Михалков вновь занял 1-й канал телевидения слюнявым фильмом о своей дочке, которую он с детства заставлял говорить глупости, а сам их глубокомысленно комментировал и разбавлял правительственной хроникой. Бедная девочка то и дело плакала — то по детским мелочам, то после кончины бабушки, то от предстоящей разлуки перед отправкой на учебу за границу (sic!). И в этих слезах Михалков всегда находил что-то важное, чтобы сунуть в лицо дочке кинокамеру и умучить ее вопросами. Все это должно было создать значимость не безвестной девчонке, но самому Михалкову. Перед фильмом автор давал обширные ответы на глупые вопросы, упивался неприкрытой лестью ведущего и фальшиво вибрировал голосом, говоря о “счастье нужности людям”. И тут возникает какая параллель. В фильме автор с грустью показывает первые шаги шлягерника-педераста на эстраде, указывая, что теперь он имеет возможность обеспечить трансляцию своего дня рождения по первому каналу телевидения. Но ведь и сам Михалков теперь любим теми же, у кого педерасты в почете… Кстати, к чему бы это Михалков поехал на юбилей к русофобу Назарбаеву?

Страсти по Гусю

Пока подлюка сидел в тюряге, многое было сказано гадостей про нашу страну. Главный довод — мол, не положено таким людям сидеть в Бутырке — не для таких (олигархов, к тому же, евреев) строили этот клоповник. Но главное за всех сказал Явлинский. Он прямым текстом объявил, что арест олигархов — это разрушение страны. Его “страна” — это кишение свободных от совести общечеловеков и изведение под корень русской цивилизации. Для нас надежды на сохранение страны связаны с прямо противоположным — с уничтожением криминальной шайки, в которой Гусинский с Явлинским занимают не самое последнее (но и не первое) место. Поэтому, что против них — значит за нас, а что за них — против нас.

Как “опустить” президента

Шаймиев и Рахимов пригласили Путина на сабантуй. Точно так же они обрабатывали и Ельцина. Ведь это только Сталин был способен сегодня

дуть водку со своей братвой, а завтра — подписывать всей этой братве смертные приговоры. Теперь вожди измельчали — их покупают за рюмочку, за девочку… Им подсовывают “для колорита” тюбетейки, кипы и другие ермолки — чтобы “был как мы”, “был наш”. И — незаметно уздечку в губу. Вот Путин на сабантуе дарит детям подарки, выпивает, танцует. И не замечает, что его уже взнуздали. Что теперь скажешь Шаймиеву, который далеко послал Генпрокуратуру, заикнувшуюся о необходимости приведения татарской Конституции в соответствие с общефедеральной?

Дурят дураков дураками

Ельцин попытался дать потомкам казаков привилегии вроде ветеранских, полученных “афганцами”. И там, и там пошел криминал — пришлось притормозить. Потом кинули казаков в политику, соблазнив бесполезным госреестром (сегодня уже 600 тыс. нарегистрировали!). Опять не в дугу — дурь одна. Теперь пришел Путин. И тут снова нашлись специалисты по казачьей дури. Нагнали лампасников — полный Кремлевский дворец — и давай создавать из этого сброда общественно-политическое движение “Казаки России”. И ведь снова толку не будет — одна дурь для дураков.

Играют в наивность

В Лондоне показали документальный фильм о чеченских заложниках — “Рынок рабов”. Реакция: а почему нам об этом раньше ничего не рассказывали? И рассказывали, и показывали, и делегация российская в пресловутом ПАСЕ оставила жуткую кассету об издевательствах бандитов над русскими и нерусскими… Их опять не информировали! Точно так же, как и о преступлениях албанцев в Косово. В ПАСЕ даже не постеснялись признаться, что прекрасно осведомлены о зверствах чеченцев. Но они не видят здесь связи с проблемой прав человека. Вот если бы этих общеевропейских парламентариев подвесили бы за гениталии в чеченском зиндане — тогда другое дело. А тут русских режут на ленточки — какая может быть связь? И действительно, какое нам дело до “прав человека”? Это для европейских шкурников придумано, не для нас. Ну вот и не надо ходить на совет нечестивых и убеждать их, что мы права человека хотим уважать. Не хотим и не будем. Мы должны точно знать, что простой народец в Европе мало чем отличается от нашего — так же легковерен и туп. Политики и журналистская сволочь — тоже как наши. Лгут и подличают точно также. А все потому, что стали общечеловеками-гуманоидами. Как только теряют чутье своего рода и племени, теряют и совесть, и способность ощущать боль за страну, за граждан, терзаемых в застенках бандитов.

Бандит бандиту о бандитах

Кремль назначил бывшего бандита Ахмада Кадырова главой администрации Чечни. Раньше у него у самого была банда, теперь будет сразу несколько банд — другие банды уже готовы переметнуться к нему от бандита Масхадова. И теперь Масхадов обращается к своим бандитам, чтобы не брали пример с тех бандитов, что решили бандитствовать под началом Кадырова, чтобы верно служили своему бандитскому делу. Пока бандиты под руководством Кадырова делят технику, скот и семена, направляемые им в помощь из России, а также восстановленные элеваторы и будущий урожай, бывший генерал Казанцев ставит задачу: армия в чеченском вопросе должна отойти на второй план. Теперь, мол, надо думать о политических и экономических решениях. После разорения хозяйства Северокавказского военного округа и провороненной агрессии против Дагестана, Казанцев теперь вздумал учить экономике и политике.

Торгаши против воинов

На Алтае чинуши попытались отключить электричество в ракетной дивизии стратегического назначения. Комдив Свидерский приказал своим бойцам захватить четыре подстанции. Чинуши нажаловались Кремлю. Генералу дали по шапке. А от имени власти выступил Чубайс, сказавший, что за любой товар надо платить, что военные использовали “неприемлемые способы”. Ну а что Чубайс мог еще сказать, коль его самосознание сформировано за прилавком торговца цветочками. Рыжий просто не в состоянии понять, что государственная миссия в том и состоит, чтобы не заниматься перекладыванием денег из кармана в карман, не превращать госструктуры в торгово-посреднические фирмы, а чиновников — в торговцев помидорами. Чубайс — просто больной, его лечить надо. А вот генералу Свидерскому следовало бы вынести благодарность от лица Министерства обороны и от Верховного главнокомандующего. Увы, Путин оказался не на высоте положения и предпочел не заменить, что генерал спас престиж Вооруженных сил и достойно защитил национальные интересы России.

Дохлый шакал

Ельцин превратился в персонаж светской хроники — вроде вдовствующей императрицы. Губернатор Россель обеспечил визит Ельцина в Екатеринбург (пес вернулся на свою блевотину) по императорскому разряду, телевидение на радостях осветило каждый шаг пенсионера, озвучило каждую его невнятную реплику, которые он так и не научился доводить до конца. Для телевидения глупость и гнусность — дело повседневное. Но что Россель-то тут искал, какой популярности? Зачем добровольно макаться в дерьмо? А вот зачем. Россель, активно присоединившись к антипутинской коалиции губернаторов, активно

использовал “всенародно избранного” для организации давления на нового президента.

Последняя взятка

Черномырдина убрали с поста председателя правления РАО “Газпром”, выплатив ему 350 тыс. рублей отступных. Вероятнее всего, эта цифра — только для отвода глаз. В конвертике Виктору Степановичу принесли, скорее всего, раз в десять больше — за боевые заслуги. Чтобы и на дворец, и на дворню хватило, и на прокорм семейства.

Уморят всех

Министр экономического развития и торговли — должность странная. То ли торговля каким-то образом обеспечивает развитие, то ли экономика — будущее торговли. Но нашим либералам не привыкать — и не такие дела заваливали. Пошел на эту кособокую должность Герман Греф, состряпавший экономическую программу путинизма, в которой выдуман какой-то “социальный контракт”. В переводе — “общественный договор”, который понимается как “борьба с бедностью”, становящаяся “основной национальной проблемой”. Судя по предшествующей практике либералов и личной практике Грефа, мы должны это понимать как объявление о тотальном уничтожении 90 % населения России. Ну а коль скоро речь о “национальной проблеме”, то мы должны ясно понять, что уничтожать будут именно русских. Пора либо с Грефом что-то делать, либо заготавливать гробы.

Негры — чемпионы Европы

Сильнейшей футбольной сборной стала команда Франции, в которой наиболее заметные игроки — либо негры, либо алжирские арабы. Второй по мастерству весь чемпионат выглядела команда Нидерландов, в которой также ведущую роль играли выходцы из Африки. Похоже, Европа повторяет судьбу Америки. Здесь тоже все больше негров становятся “национальными героями”, сталкивая представителей коренного населения со спортивных пьедесталов. Не за горами время, когда черные, латиносы и китайцы начнут занимать ключевые позиции и в политике. Глава ООН уже щеголяет гуталиновой смуглостью.

По стопам Дудаева

Пособник бандитов Руслан Аушев подтвердил свою репутацию врага России, предприняв меры к срыву выборов депутата Госдумы в Ингушетии. После снятия судом ставленника президента Ингушетии, руководители избирательных комиссий республики, контролируемые Аушевым, отказались выполнять свои обязанности. Показательно, что Аушев демонстративно отказался от участия в совещании, которое Президент России провел в Моздоке с целью пресечения терактов на Северном

Кавказе. Вероятно, тому, кто эти теракты планирует, неудобно обсуждать их пресечения. Точно также как и зачинщику очередного мятежа — проводить честные выборы.

Измена всюду

Министр Печати Лесин личным участием обеспечил продление лицензии каналу ТВЦ. Именно его голос стал решающим после того, как голоса конкурсной комиссии поделились поровну между телекампанией “Вид” и ТВЦ. Таким образом, Лесин сыграл в пользу Лужкова (предварительно между ними состоялась продолжительная беседа). То есть — против Путина. ТВЦ позволено снова подыгрывать НТВ в деле разрушения российской государственности. Измена гнездится и в Думе. Коммунисты горой встали в защиту губернаторов-феодалов. Не желая расставаться с ельцинизмом, с расставленными на всех углах депутатскими кормушками, они стремятся не допустить поступления налоговых сборов в бюджет государства, не дать реформировать верхнюю палату парламента, отправив губернаторов заниматься своим делом в регионах. Таким образом, коммунисты соревнуются с либералами за нанесение России наибольшего ущерба.

Гадливый Назарбай

Президент Казахстана за последнее время отличился целый рядом удивительных по своей лживости и наглости высказываний. Будучи лично причастным к разрушению единства страны, Назарбаев заявил, что плакал, когда распался Советский Союз. Будучи инициатором геноцида русского населения Казахстана, Назарбаев сообщил, что намеревается стимулировать переселение русских в Россию. Мол, Россия заинтересована в дешевой рабочей силе. Наконец, Назарбаев посмел “сделать вклад в строительство Храма Христа Спасителя” — выстелить казахским камнем дорожку перед входом. Вместе с Лужковым они сделали немало, чтобы превратить православный храм в интернациональную стройку и “украсить” стены храма золочеными табличками со своими именами и именами других христопродавцев, а также своей шкодливой рукой нарисовать крестик на фресках.

Интернационал педерастов

В Риме геи и лесбиянки устроили шествие, насчитывающее 200.000 извращенцев. Пожалуй, в Италии это наиболее влиятельная партия. В России эта партия не менее влиятельна, но пока устраивает митинги под видом защиты свободы прессы.

Надежда на “дядю”

В русском обществе почему-то крепки совершенно беспочвенные надежды на заграницу, которая нам непременно поможет. И вот Путин

просит канцлера ФРГ Шредера списать с России долги СССР. Шредер отвечает, что Россия — не страна третьего мира, чтобы прощать ей долги. И он прав. Только к этой правоте надо вспомнить, что в 1946-49 годах западногерманские власти в сотрудничестве с США недовыплатили по репарациям около 88 млрд. долларов. Эта сумма с лихвой покрывает русские долги, которые сделали состояния выкормышам Чубайса и Черномырдина. Почему-то в России до сих пор сильны симпатии к Франции. Но вот происходит история с захватом русской собственности и арест счетов дипломатических представительств в этой стране. А все потому, что французский суд почему-то стал радеть за права жульнической конторы "Нога" швейцарского происхождения. Наглость судебно-полицейской системы простерлась столь далеко, что накануне встречи "большой восьмерки" в порту Брест было арестовано наше парусное учебное судно "Седов" — крупнейшее в мире, часть национального достояния страны. Этот акт должен о многом сказать русским. Что же до наших долгов, то России давно пора вступить в права зарубежной собственности Российской Империи, которая только в Палестине оценивается в 100 млрд. долларов по ценам начала века. Пора предъявить также претензии на русское золото, украденное в разное время странами Антанты и Японией. Но для всего этого Россия должна вступить во владение духовными ценностями Российской Империи, стать по-настоящему русской страной. "Эрэфии" никто ничего не должен, это она все должна. Россияне обречены на нищету и плевки в физиономию со всего света. Русские, напротив, имеют все шансы на достаток и уважение. Выбор только таков: либо быть русскими, либо холопьим отродьем.

Из Высоцкого делают Рабиновича

В рамках акции "20 лет без Высоцкого" комментаторы-демократы пытаются сделать из его диссидента: мол, раз Высоцкий называл свою квартиру трехкомнатной камерой, то это означает, что вся страна — тюрьма, а творчество несвободно. Аналогичным образом высказался украинский аналог Гусинского: "То, что Гусинского выпустили — еще ничего не значит. Просто его камера увеличилась до размеров страны". Фамилия этого аналога — Рабинович. Что до свободы творчества, то оно после снятия запретов свелось к выступлениям на русских подмостках всякого рода ублюдков — например, американского сатаниста, о котором известно, что во время одного из представлений он откусил голову живой курице.

Пугальщики

Нас пугаю авторитаризмом, а мы только и ждем, кто бы этих пугальщиков рассадил на нары. Ельцинский аналитик Г. Сатаров заявил, что в случае усиления давления на олигархов, вся экономическая система

“посыплется вплоть до лавочников, где мы покупаем молоко и памперсы”. Да, памперсов понадобится немало — чтобы аналитики прежнего режима не ходили с мокрыми брюками. Лавочники же двумя руками проголосуют, чтобы казнокрады и обслуживающие их аналитики сели в тюрьму. Памперсы по такому случаю выделят бесплатно. Лично Сатарову — двойную пайку.

Просвещенье через безголовье

Русские военные до сих пор не возьмут в толк, что чеченцы на русских непохожи. Если у нас зовут в гости, то вряд ли собираются убивать. У них это — в порядке вещей. И сказки про обычаи горского гостеприимства — из другой жизни. Два русских подполковника, которым никто не рассказал про коварство чеченцев, решили, что огромный их труд по восстановлению Ведено защитит их вместе с хозяином свадьбы, куда их зазвали. Итогом были две отрезанные головы, которые через несколько дней подбросили в расположение воинской части, где служили несчастные подполковники. Этот пример — другим наука. Пора бы уже хоть чему-то научиться. Тем временем миротворцы повязали по рукам и ногам генерала Шаманова, который совсем уж собрался на гражданку, раз кремлевские политики считают, что отрезанные головы не требуют ответных мер. Может быть, нам начать резать головы миротворцам? Иначе как их лечить от дури?

Их плюрализм

В Америке президентские выборы обещают превратиться в противостояние русофобов и семитов. Республиканцы считают, что им Россию надо прижать к стенке своей системой ПРО (чем, вероятно, очень будет рад г-н Грызлов из “Единства”, весело покатавшийся на слоне во время предвыборного съезда партии Буша-младшего). Демократы выдвинули в дополнение к Альберту Гору (любимцу Черномырдина) кандидатом в вице-президенты лицо библейской национальности, о котором сообщили, что оно блюдет еврейскую субботу, но голосует за поставки вооружений Саудовской Аравии. Ну — типичный… У нас таких и в Думе, и в правительстве, и среди журналистов — хоть отбавляй.

Их надо перебить всех до единого

После взрыва на Пушкинской площади в Москве состоялся другой взрыв — возмущения русских против чеченских бандитов. Телефонный опрос в весьма умеренном с точки зрения патриотизма Санкт-Петербурге дал 95 % поддержки самым жестким мерам против чеченцев на всей территории России. А в столице у пунктов переливания крови выстроились трехчасовые очереди желающих бесплатно отдать кровь жертвам террора. В ответ представитель временной чеченской администрации, некий Бено, провел пресс-конференцию, на которой объявил, что выведет на улицы

Москвы 100.000 чеченцев, которые потребуют либо признать независимость Чечени, либо обеспечить им такие же права, как и другим гражданам. Вопрос: кто кого?

Дошел до ручки

Режиссер Говорухин прошел свой творческий путь от “России, которую мы потеряли” (обеспечившей победу Бени Ельцина на выборах Председателя ВС РСФСР), через фильм и книгу “Великая криминальная революция”, дружбу с московским ворьем из “Отечестве” до объединения с одной из самых одиозных фигур нашей страны — с Беней Березовским. Объединению способствовало присутствие писателя-диссидента Василия Аксенова, давно забывшего, что такое Россия, и представления о надвигающемся авторитаризме. Таким образом, борец с коррупцией и мафией, борец с чеченским терроризмом и ельцинизмом открыто перешел в стан врагов русского народа.

Вредительство

Атомная подводная лодка “Курск” с пятилетним сроком службы (новенькая!) бездвижно и безмолвно со всем экипажем легла на дно Баренцева моря в условиях небоевого столкновения с неопознанным объектом (напоролась то ли на американскую подлодку, то ли на мину второй мировой войны, то ли была торпедирована в упор тихим морским охотником). Вопрос: кто построил эту драгоценную по затратам, но слепую и хилую железяку? Как вышло, что надежда и опора нашей обороны теряет связь раньше, чем погиб весь экипаж? Как это чудо техники плавает в море, не видя, что у нее под носом? Наконец, что это за флот, который всеми имеющимися силами не может ни поднять лодку, ни пристыковаться к ней спасательным аппаратом? Наконец, о чем до сих пор думал командующий Северным Флотом (тоже был слеп, как и его лодка, и способен только гальюны обнюхивать — как в недавнем репортаже о нем), генеральный конструктор и тьма контролеров всех инстанций? Не пора ли этих лиц вызвать на сцену и прилюдно — во всероссийском телеэфире — спросить: вы почто Родину предали?

Путин не имеет никакого права списывать неудачу спасательной экспедиции тем, что моряки погибли до того, когда им могла быть оказана помощь. А если бы не погибли? Тогда им пришлось бы десять дней сидеть в кромешной тьме, в холоде, без пищи и воды, под огромным давлением — ждать когда норвежские водолазы откроют люки. При той организации спасения подлодки, которую наблюдала вся страна, экипаж погибал в любом случае — независимо от исходных обстоятельств. И это повод не для “тщательного расследования”, а для полного пересмотра всей

государственной системы, в которой нищета армии, бесстыдство олигархии и подлость СМИ являются правилами.

Гори-гори ясно

Наркотический шпиль Останкино перегрелся и занялся пожаром. Потоки мерозости, отравлявшие сознание граждан, стали дымом, отравляющим атмосферу. На краткий период мы вздохнем свободнее — Москва и область на время избавлены от ядовитых смесей, приготовляемых самыми отпетыми врагами русской цивилизации. Кончились передачи “зеленых кирпичей” (пачек валюты), кончились гнусные информационные кампании против армии, кончились благоглупости популярных русофобов… Чем больше сгорит этого поганого имущества, тем лучше.

Последний патрон

Истерпевшиеся за время вынужденного безмолвия русофобы включились с новой силой в процесс заполнения эфира всякого рода мерзостями. Чуя свой последний час, они торопятся сказать и в адрес власти все самое гадкое. Гусиный Кисель дошел до того, что выпустил в эфир мат в адрес Президента России. В ту же качель кинулись и гнусномольцы — самым крупным шрифтом и самым черным цветом кинули в читателя: “Порол ли Ельцин Путина?” видать, в Павла Гусева у самого задница готова зардеть от розги.

Опять все списали на фашистов

Безобразия на футбольных стадионах стали правилом, а не исключением. Но вот очередное побоище на столичном “Динамо” было выдано за разгул некоего “фашизма”. Якобы, бесчинствовали не болельщики, а некие “наци”, стремящиеся сорвать матч нашей национальной сборной, а заодно — надавать зуботычин омоновцам (которые сами охочи зуботычины раздавать). Все это ложь. Просто власти и журналисты стараются закрывать глаза на подготовку боевых дружин буквально во всех спортивных дисциплинах. Олимпийские герои становятся криминальными авторитетами (вспомним недавний арест нашего чемпиона Тихонова, обвиненного в подготовке заказных убийств), футбольные клубы — рекрутскими центрами для бандитской сети. Вопрос, кому это выгодно?

Глава 8. Куда идет Россия?

"Мы переживаем время суровых, но бесплодных поучений. Все как будто проснулись от пьяного сна и впервые встретились лицом к лицу с какою-то безнадежностью, почти фантастическою действительностью. Отсюда — всеобщее изумление и страх, потому что бросившийся в глаза хаос не вызвал в нас решимости разобраться в нем, не указал на необходимость отделить следствия от причин, согласовать накопившиеся жизненные противоречия и установить отправные пункты для будущего

жизнестроительства, а только пробудил какое-то спутанное чувство, которое овладело умами с неудержимою силой".

"Годы уходят, а общественная мысль не только не просветляется сознательным отношением к предстоящим жизненным задачам, но все больше и больше запутывается в массе бесплодных околичностей. И, что всего хуже, всецело проникается угрюмостью, нетерпимостью, человеконенавистничеством. Фраза, с какою-то удручающей правильностью, сменяется фразою, и притом в такой качественной постепенности, которая ввиду фразы новоявленной, заставляет с сожалением вспоминать о фразе предыдущей, только что признанной несостоятельною".

М.Е.Салтыков-Щердрин

Наследство мятежников

Разложение власти происходит у нас на глазах. Власть и вся политическая система полностью недееспособны — что в исполнительной ветви, что в законодательной, что в "партии власти", что в "системной" оппозиции.

Власть уже не в состоянии скрыть развратный образ жизни, который ведут высшие государственные чиновники. Внутренняя возня в борьбе за место у кормушки раскачивает административную пирамиду и из нее в общество вываливаются ошметья грязи.

Бывший президентский охранник в своей книге приоткрывает дверь в этот мир блюющих и рыгающих рыл, "голубых" нежностей и отвратительных придворных интриг. Президентский пресс-секретарь с детской непосредственностью описывает свой "роман с Ельциным" — как они сговаривались о проведении той или иной кампании лжи, как пьянствовали и скабрезно шутили в кругу приближенных. Нам то показывают через замочную скважину голого министра юстиции с девками, то предлагают рассказы такого же рода девиц об оргиях с участием "второго первого вице-премьера" Немцова, то рассылают всюду кассету с "лицом, похожим на Генпрокурора", кувыркающимся в обществу двух шлюх, то печатают гомерические пакости о похождениях Жириновского, покрывающие стократно цинизм его интервью "Плейбою"…

Всей правды в подробностях мы не знаем и не узнаем никогда. Но нам достаточно правды о том, что вся эта власть развратна, какую бы личину она не пыталась на себя напялить — личину Черномырдина с обликом старого номенклатурного барина, личину Кириенко с нежным обликом мальчика-отличника или личину дряблощекого и вечно смущенного Степашина.

Власть не в состоянии скрыть повального мздоимства, царящего в высших этажах правительства. Газеты и мемуары отставных очевидцев

постоянно доносят сведения об использовании служебного положения тем или ином соратником Ельцина, Черномырдина, Чубайса. То и.о. Генпрокурора за проход в “Белый дом” берет пылесосами и мебелью, то руководителя Госкомстата с сотрудниками сажают под следствие за подчистку каких-то цифр… Нам не узнать кто и сколько брал в Белом доме, на Старой площади, в Кремле за мелкие и крупные услуги для разного рода авантюристов. Но нам достаточно известного, чтобы быть уверенным, что во власти мздоимство — правило, а не исключение.

Власть не в состоянии скрыть чудовищное казнокрадство. Плоды его усеяли Подмосковье дачами-дворцами, зарубежные счета — миллионами долларов, украденных у страны. Кто и сколько украл мы в точности не узнаем. Но и того, что уже известно, достаточно, чтобы быть уверенным: если человек был причастен к распределению бюджетных денег или каких-нибудь торговых квот, значит он заведомый мошенник. Ведь без гроша в кармане из правительства ушли считанные единицы (Глазьев, Полеванов, Миронов, Николаев, кто еще?).

Кризис привел к тому, что власть уже не в состоянии соразмерить свои аппетиты с возможностями общества. Власть обожралась до заворота кишок, но остановиться не может. Правительство, независимо от персонального состава, продолжает упорно твердить, что денег у него не хватает. Конечно, если столько красть, то не хватит ни на школы, ни на медицину, ни на армию, ни на науку.

Внутренняя свара в “верхах” по поводу права проглотить еще один кусок народного достояния приводит к тому, что “железный занавес”, окутывающий власть, то и дело приоткрывается, и мы видим кусочек той мерзости, в которой пребывают те, чьи рейтинги рассчитывают социологи и кто чает народной любви на выборах. Чтобы мы не считали их всех участниками мерзости, на растерзание общественному мнению сдают самых слабеньких. Но этих “слабеньких” сдано уже столько, что образ того мира, что прикрыт расползающимся по швам “железным занавесом” уже ясен.

Это раньше особо въедливых приглашали пройти за этот занавес, чтобы дать себя уговорить, проникнуться мыслью, что увиденное — не воровство, не разврат, а нормальная жизнь людей, озабоченный счастьем подданных. Теперь любопытных стало так много, что под их напором занавес могут сдернуть целиком и выворотить под ноги скрытую доселе преисподнюю, в которой самых отвратительных пороков никто не стесняется.

Да и приобщившихся к развратной власти — всяких там “отставных” и “бывших” столько, что они уже не умещаются за занавесом, и их то случайными телодвижениями выпихивают в публику то с мемуарами, то с

новыми идеями спасения Отечества. Традиционный интерес ко всякого рода извращениям образует вокруг этих персон временное скопление публики, жаждущей подробностей. Но потом этот интерес спадает — ничего нового узнать не удается, все знакомо, набило оскомину. А прокуратура копит и копит дела, ждет момента, когда будет снят кремлевский политический пресс, чтобы рассадить каждого на достойное место.

Образ то ли новой опричнины, то ли нового НКВД маячит над разложившейся властью и грозит материализоваться — к удовлетворению всех, кому надоело жить на помойке, организованной этой властью в нашей стране.

Страна наша все еще велика, уже не обильна, но порядка в ней как не было, так и нет. В ее пределах бушует настоящая социально-экономическая и общественно-политическая революция, которой удалось пока что разрушить все до основания, ничего не создав взамен. Впрочем, не революция заставляет удивляться, а ее неопознанность современниками. Для громадного большинства жителей России (с 1922 по 1991 называлась Советским Союзом) она также неизвестна, как НЛО.

И это несмотря на то, что за истекшие годы все перевернулось, не оставив от прошлого и следа. Выброшен на историческую свалку экономический механизм, благодаря которому приводился в движение мощный народнохозяйственный комплекс страны и целая межгосударственная система, объединявшая почти треть мира. Распалась производственная структура населения, основу которой составляла обобществленная собственность на средства производства. Разложились почти что все ранее существовавшие общественные институты — партия, профсоюзы, творческие организации, женские и юношеские движения, а также система отношений, которая связывала их в единое целое. Наконец, самораспустились парламент и правительство, органы безопасности и дипломатические учреждения, армия и флот, все общегосударственные институты, что обеспечивали единство исторического организма, называемого российским государством.

Русская нация и государственность превратились в невидимый град Китеж, исчезнув из виртуальной и информационной реальности. Отдельные элементы, впрочем, все еще продолжают существовать в некоторых своих проявлениях, но одновременно и не существуют, подвергшись извращенной мутации. Но здесь заключена лишь одна, внутренняя, сторона дела.

Русские революции никогда не совершаются сами по себе, без сильного внешнего катализатора. Так было во времена Смуты, так произошло в начале XX столетия, не обошлось и теперь без самого активного влияния заграницы. Она и теперь “помогла нам”.

Каждый раз против России велась война на уничтожение. Четыре века тому назад ее измотали, обескровили и разорили в Ливонской войне и непрерывных набегах крымско-татарской орды. В начале XX века она вынесла на своих плечах бремя Восточного и Кавказского фронтов первой мировой войны. Теперь Россия пожинает горькие плоды Холодной войны, которую “первый мир”, объединившись, вел на протяжении сорока лет, спровоцировав системный кризис внутри страны.

И каждый раз ахиллесовой пятой России оказывалась не ее недостаточная военно-экономическая мощь, не отсутствие или дефицит ресурсов, а слой властвующих, предававший собственное государство и собственный народ (нацию).

Теперь важно понять, может ли русское общество найти силы, чтобы избежать общего падения, способно ли оно не только преодолеть кризис, но и восстановить утраченное? Или же суждено ему пройти скорбным путем Первого и Второго Рима?

Сначала надо все-таки осознать, что Россия предана в “холодной войне”, а не проиграла ее. Властвующая номенклатура разочаровалась в собственной стране и не нашла ничего лучшего, как сдаться, предав ее стратегические интересы.

Не обошлось, конечно, без агентов влияния, изменников и подонков. Но главное состоит не в этом. Властная номенклатура — аппарат партии, генералитет и клан так называемых хозяйственников — исчерпала свой потенциал. Она так и не смогла преодолеть самоотчуждение от исторической природы страны, не стала национальной элитой, не изжила в себе интернационалистскую, то есть принципиально антирусскую идеологию. Причина поражения заключается в том, что Россия была во владении советской, коммунистической, интернационалистской, но не русской власти.

Итак, если Россия потерпела поражение, она, следовательно, находится в состоянии побежденного, а ее враги — в положении победителя. Из субъекта исторического процесса она превратилась в ее объект. Не граждане России и тем более не ее властные учреждения определяют политику страны. Она навязывается ей со стороны. Для этого используются государственные органы, которые де-факто существуют на ее территории и не собираются оказывать этому давлению какого-либо сопротивления. Главные рычаги влияния на настроение и поведение общества и отдельных индивидов, которые обеспечивают стратегические цели победителей, это властные институты, средства массовой информации и денежный капитал, действующие на русской территории.

Что происходит в этих условиях с массовым сознанием? Увы, оно ухитрилось пройти мимо главного содержания всего исторического периода, последовавшего за 1945. Россия была все это время в состоянии войны, но ее население находилось и продолжает находится в блаженном неведении. Оно, словно “человек в футляре”, повторяет одну заповедь: как бы чего не вышло.

Тем не менее, чтобы правильно действовать, обществу необходимо прежде всего адекватно оценить сложившуюся ситуацию, не строя никаких иллюзий. В Вискулях и Алма-Ате (Верном) в декабре 1991 подписывались не акты о создании СНГ и упразднении СССР, а новый Брестский мир. Собирались там не столько полномочные представители законной власти, сколько “суженные” составы Политбюро и ЦК КПСС. Артиллерийский расстрел, которому подверглось здание русского парламента в 1993, был своеобразным отмщением за штурм берлинского Рейхстага в 1945. Режимы, существующие в пределах суверенной территории Государства Российского в настоящее время, это всего лишь подобие режимов Виши во Франции в 1940-44, “социальной республики Сало” в Италии в 1943-45, усташей в Югославии в 1940-44 и т. п. Агрессивные планы национал-социализма и фашизма в отношении России реализуются США и странами НАТО, которые взяли реванш за ее глобальную победу в Великой Отечественной войне.

Теперь о внутреннем положении. Побежденная Россия искусственно расчленена на своеобразные зоны управления, в которых образованы администрации, ориентирующиеся на страны-победительницы. Неважно, чью волю они выполняют — Германии, США, Турции или Румынии. Что бы они ни делали или декларировали — их сущность сводится к коллаборационизму.

Главная задача, решаемая победителями, сводится к тому, чтобы не допустить воссоединения единого национально-территориального организма, противопоставить обособленные части России друг другу, разорвать единство хозяйственного, экономического, культурного, языкового и т. д. пространства. Властные, денежные и информационные институты в связи с этой задачей монополизированы антинациональными олигархиями и, как правило, переданы в управление иностранцев. Эксплуатировать, разорять и лгать — такова их цель.

В сообществах, расчлененных по этническому принципу, реализуется под видом неких рыночных реформ экономический механизм по образованию вопиющего имущественного неравенства. На одном полюсе создается узкий слой компрадорских этнических верхушек, на другом — доведенное до состояния нищеты плебс. Их непримиримая борьба должна

поглотить всю энергию протеста, чтобы победители могли постоянно изображать “арбитров” и “миротворцев” под провокационным лозунгом “лишь бы не было войны”.

Как это будет происходить на пространствах России — уже продемонстрировано в Югославии и Терском крае (Чечня), которые использовали в виде учебных полигонов. Россия, в которой постепенно будет создано состояния войны всех против всех, окажется зоной постоянного присутствия стран НАТО под видом сил ООН, ЕС, ОБСЕ и т. п.

Поэтому кризис экономики, падение производства, сокращение рабочих мест, безработица, прекращение развития науки, вымирание населения, культурная деградация, русофобия в образовании, ликвидация военно-технического потенциала и усиление внутренних полицейских сил, предумышленное создание условий для распространения СПИДа — все эти тенденции не только не будут изжиты, но приобретут хронический, постоянно расширяющийся и углубляющийся характер. В конечном итоге дело должно свестись к обезлюживанию всего русского пространства, полной люмпенизации и дебилизации остающихся в живых и прекращению существования русской цивилизации как таковой.

Атлантическая цивилизация не просто одержит победу над Русской цивилизацией, но и уничтожит ее. Разумеется, такую задачу невозможно выполнить даже за несколько лет. Ее можно решить в течении пяти-семи десятилетий. Во всяком случае к концу XXI века от России не должно остаться следа ни в материальном, ни в духовном мире.

Таковы перспективы России, если сохранятся векторы ее регрессивного развития, если общество будет и дальше, позабыв об общенациональных задачах, разрываться между социальными и либеральными стереотипами, которые в одинаковой степени дезорганизуют и демобилизуют массовое сознание, создавая иллюзорные, фантастические картины либо прошлого, либо будущего.

Либеральная система ценностей разлагает национальный организм общества, превращая его в случайную совокупность эгоистически мыслящих и действующих индивидов. Своекорыстие и жесткий индивидуализм, доведенные воспитанием, образованием и телевидением до крайней степени, становятся единственными стимулами, которые руководят людьми, обработанными наркоидеями “прав человека”.

Национальный организм заглушается и коммунистической системой ценностей, которая, как показала практика, сводит все виды человеческих потребностей и интересов к примитивизму, потребительству, бездуховности. Национальная общность игнорируется, подменяясь пресловутыми социальными “правами”. Гражданское мировоззрение, превращающее

каждого в активного члена общества, оборачивается мечтаниями об удовлетворении физиологических потребностей “трудящихся”. У них, как известно, нет и не может быть отечества.

Единственный ресурс, который еще находится в арсенале русского общества и еще не использовался им в борьбе за национальное самосохранение, состоит в мобилизации национального сознания и национальной воли, в русской национальной самоорганизации.

Не случайно внешние враги России и их агенты внутри страны так страшатся русской истории, русской национальной идеи, русской философской мысли, русского образования, русского искусства, словом всего того, что составляет фундаментальную основу русской цивилизации. Инициативы по русской национальной самоорганизации блокируются особыми мероприятиями. Прежде всего созданием карикатурно-фарсовых политических и общественных структур и деятелей, дискредитирующих русский национализм, за который, в провокационных целях, выдаются этноцентризм, этносепаратизм и этношовинизм.

Не первый раз Россия оказывается на краю цивилизационной пропасти, преданная своим правящим слоем. Но до сих пор находились средства для самосохранения и самоспасения. Всегда выручала революционная и патриотическая энергия экономически и политически передовых слоев общества. В Смутное время (1604–1613) страна была спасена дворянством и мещанством, уничтожившим власть переродившегося боярства. В начале нашего века (1905–1935) Россию спасло ремесленное крестьянство, уничтожившее власть либеральной бюрократии и космополитов-интернационалистов.

Что в состоянии остановить теперь процесс бессмысленного и беспощадного хаоса и навести порядок в стране? Решительные действия современного передового слоя русского общества, владеющего главной производительной силой нации — интеллектом. Кто способен утвердить власть русской научно-технической элиты и превратить государственную машину в орудие для достижение национальных целей?

На это способны инженеры и офицеры, предприниматели и организаторы производства, учителя и ученые, квалифицированные индустриальные работники, класс интеллектуалов и производителей. Именно союз русского национального капитала и русского национального интеллекта может подхватить власть, которая вываливается из рук номенклатурных мятежников, и спасти страну от разрушения и небытия.

Нищета национальной буржуазии (А.Краснов. Мысли вслух.)

Как ни странно, Брынцалов, которого все не любят как низкокультурную личность, дурака, хама, представляет национальный

капитал. Он здесь производит и льет свою водку по бутылкам. Он свой, он налоги платит здесь, нравится или нет нам сам Брынцалов и ферейновская водка.

Наоборот, человек симпатичный, говорящий по-английски, широко образованный Явлинский — это представитель интересов какого угодно капитала, только не национального. Когда он начинает “толкать” закон о разделе продукции, я вспоминаю, что я геофизик и что месторождения одно от другого отличаются как небо и земля.

Если бы пришел человек и сказал, что будет добывать золото из морской воды (что вполне возможно), то почему бы ему нет предоставить часть побережья для строительства завода, коль скоро воды в океане очень много, а процент от полученного золота будет попадать в казну. Здесь закон в нашу пользу. Есть другой вариант — месторождение под названием Гохран, где лежат слитки золота. И вот появляется человек, который готов изготовить дубликат ключа, открыть хранилище и уступить нам слитки, взяв себе всего-то 30 %. Там и тут золото. Точно такая же разница может быть и с месторождениями.

Национальная элита еще не сложилась, иначе на политической авансцене и среди предпринимателей мы бы видели не отдельных персон, а множество. Это было бы мощное движение. Это было бы движение, объединенное в ассоциации, снабженное политическими структурами, политическими лидерами. Сейчас мы видим, что у феодалов есть достаточно яркие личности, у компрадоров — тот же Явлинский, мы видим достаточно интересные фигуры у “левых” (профсоюзов, левых партий). Они изначально отоварились, приобрели опыт управления.

Национальная буржуазия пока ничего не может. У нее пока есть деньги, чтобы потратить их на шубу жене, машину, охрану, загородный особняк. Но даже с организацией производства, долговременной арендой дело заходит в тупик, не говоря уже о политических интересах. Даже просто выйти с пачкой денег и похваляться ими — уже нельзя. Чуть покажешь богатство, и ты уже беззащитен перед преступниками.

Показателем буржуазного общества является власть капитала. Березовский, например, велик лишь до того момента, пока его не щелкнули по носу. Он прет в зампреды СБ, что казалось бы бизнесмену уж совсем ни к чему. Национальный капитал давно бы нашел на эту должность порядочного и преданного стране профессионала. А тут должность отдается для проведения каких-то коммерческих проектов, которые иным путем не пропихнешь.

Сегодня слишком сложны нормальные пути зарабатывания денег. Поэтому банкир, который отлучен от бюджетных денег, разоряется. Если

каждый полгода меняются налоги, работать нормально невозможно. Национальная буржуазия даже против этого безобразия не может консолидироваться!

Итоги десятилетки развала

Деньги, сами по себе, не абсолют, а ценность сугубо относительная, прямо зависящая от того, насколько, с одной стороны, эффективно и мощно национальное хозяйства, с другой — здорова ли духовно, физически и политически сама нация. Без экономической и политической составляющих нет и не может быть полноценной национальной валюты, настоящих денег. Поэтому, когда с рублём происходят потрясения, чаще всего их источник находится не в отвлечённых от жизни сферах финансово-банковских отношений. Они всегда обуславливаются неблагополучием, коренящимся в политическом и хозяйственном организмах нации.

Что же происходит с нашей политикой и экономикой, если русская национальная валюта оказывается такой ненадёжной? Что так сильно влияет на состояние рубля? Приведём мнение по этому поводу международного дельца Сороса, имеющего, как известно, свои интересы в России: “Российская экономика страдает от бездарного управления. Предприятия переправляют прибыль в оффшор на Кипр, не платя своим рабочим зарплату, не платя за потребление газа и электричества, не платя налоги. Прежде всего, вам нужно навести порядок в собственном доме”. А некий влиятельный эксперт, вращающийся во властных коридорах, считает, что “мы очень маленькая, бедная, неразвитая страна, и сегодня Россия в лучшем случае — четверть от того, чем был СССР”.

Ясно, г-дам либералам хочется внушить русскому сознанию, что понятие Россия сопоставимо с такими понятиями, как Люксембург, Бельгия или Верхняя Вольта, но в отличие от настоящего Люксембурга — еще и “бедным и неразвитым”, а в отличие от Верхней Вольты — “с ракетами”. А внушив и убедив в этом русских варваров, реализовать давнюю параноидальную мечту врагов России, суть которой в том, чтобы раздробилась она на множество рахитичных государственных образований.

Разнообразным противникам России реализация подобной идее никогда не удавалась как они ни старались. Ни во время великой Смуты начала XVII века, ни в период Северной войны начала XVIII столетия, ни после неудачной для Российской империи Восточной войны XIX века, первой настоящей мировой войне Европы против России, ни во время Великой русской революции начала XX века, ни во время нашествия на Советскую Россию Европы, объединённой германским Третьим рейхом. Всегда и русская нация, и национальная элита России были готовы к тому, чтобы

встретить во всеоружии вызов истории вместо того, чтобы безропотно подчиняться ей.

И теперь, вопреки стараниям либералов-космополитов и этношовинистов-сепаратистов по превращению её в “пространство”, Россия обладает необходимыми материальными и интеллектуальными ресурсами, чтобы быть супердержавой, чтобы предстоящее столетие оказалось русским веком всемирной истории. Но, не строим ли мы очередные воздушные замки? Отнюдь.

Россия фантастически богата даже в её современных псевдогосударственных пределах. Согласно данным отделения экономики РАН, общая стоимость совокупного национального богатства РФ (недра, леса, промышленность, инфраструктура и т. д.), оцениваемого в долларах США, равна 320–400 трлн. Лишь 15–20 процентов этого богатства вовлечено в процесс производства, стало реальным богатством нации. Значит, действующая экономика, участвующая в производстве, эквивалентна 48–80 трлн. долларов или, в расчёта на одного жителя РФ, — от 320 до 530 тыс.

А сколько производится с помощью этого потенциала? Если верить статистике, ежегодно создаётся валового национального продукта (ВНП) в размере 446 млрд. долларов или, опять же в расчёте на одного жителя, — примерно 3 тыс. в год. (Для сравнения: объём ВНП США равен 7580 млрд., Японии — 4607, Германии — 2354 млрд. долларов. И это при том, что США обеспечены богатством на душу населения в 2 раза хуже, чем в РФ, Германия — в 6 раз, Япония — в 22 раза).

Следовательно, финансово-экономический кризис в РФ имеет принципиально иные причины, нежели те, о которых трубят либеральные политики и журналисты. Дело не в недостатке ресурсов или отсутствии эффективного собственника. Неэффективно управление национальным богатством. О каком эффекте может идти речь, если этот показатель не превышает 0,6 %. Приватизированные производства, доставшиеся фиктивным собственникам, ещё менее эффективны, чем национализированные. Большинство предприятий бездействует. Значит, национальным хозяйством как объектом расширенного воспроизводства вообще никто не управляет. Более того, действия хозяйственной бюрократии сократили чуть ли не вчетверо объёмы производства, одновременно разрушив его технологически.

Ничуть не лучше и государственная бюрократия, бездарными действиями добившаяся политического распада государства, на месте которого теперь влачат жалкое существование несколько десятков политических режимов, живущих заёмными подачками МВФ.

Предъявляя суровый счёт бюрократии, нельзя вместе с тем оставить без внимания и поведение русского народа, который демонстрировал на протяжении последних десяти лет фантастическое безразличие к судьбе своего отечества. Кто и что разрушили государство Российское и русскую национальную экономику? Массовое равнодушие, с каким было воспринят заговор против единого и неделимого государства. Корыстный азарт десятков миллионов в афёрах с ваучерами, финансовыми пирамидами и другими спекуляциями, которые вместо ожидавшегося личного обогащения принесли разорение.

Соучаствуя в приватизации, каждый житель страны навсегда отказался и от доли в общенациональной собственности стоимостью не менее 3 миллионов рублей, а тем самым и от права на потенциальное богатство, которое в расчёте на каждого оценивается не менее чем в 12 миллионов. Большая часть населения Российской Федерации превратилась в пролетариев и люмпенов, отчуждённых от реальной политики и от реального богатства. Как тут не привести слова того же Сороса: “Неужели русские так глупы?”. Как ни вспомнить горькое пушкинское — “мы ленивы и нелюбопытны”. Удивительно не то, что произошел кризис системы, а что она не обрушилась гораздо раньше.

И что же в сухом остатке? Режим в агонии. Финансы, жившие спекуляциями, обанкротились. Экономические механизмы прекращают свое существование. Оборонный комплекс не в состоянии обеспечивать национальные интересы страны. Государственный аппарат заражен антипатриотизмом, этнической и региональной клановостью и насквозь коррумпирован. Россия стоит перед угрозой продовольственного шантажа. “Индекс человеческого развития” РФ в 1998 году по продолжительности жизни, душевым доходам и уровню образования, ставит её на 72 место в списке из 174 государств в одном ряду с Оманом (71 место) и Эквадором (73 место). Сверхдержава отброшена на задворки человечества.

И в тот момент, когда необходимы сплочение нации, мобилизация общества к борьбе за существование, “верхи” демонстрируют предельную неспособность к активным действиям по спасению страны, патологическую алчность, готовность к любой форме предательства национальных интересов. Официальные власти и оппозиция то и дело вступают между собой в постыдный сговор, жертвой которого становятся русская нации и государство Российское.

Прожитое нашей страной десятилетие принято называть перестройкой, реформами, трудной дорогой к демократии, обретением свободы, катастрофой, системным кризисом. Какие только термины и дефиниции не применяются, кроме понятия, пожалуй, лучше всего описывающего

происходящее в России, и потому чуть ли не запрещенного, табуированного — революция. А ведь речь идёт не о государственном перевороте, военном мятеже или дворцовом заговоре. Революция, в какую бы эпоху она не происходила, как утверждал забытый ныне публицист, повивальная бабка истории.

Когда экономические порядки превращаются в препятствие для дальнейшего развития, она устраняет их с исторической сцены и устанавливает на их место другие, более эффективные. Если господствующий социальный слой становится тормозом в экономике и политике, она безжалостно отодвигает его из ложи и партера на галерку, предоставляя руководящие высоты новому правящему слою. Она предаёт забвению одни моральные истины и этические правила и предписывает исповедывать другие нормы. Словом, революция не реконструирует общественное здание, а возводит новое на расчищенной для этого строительной площадке.

Альтернативой любой революции (ещё раз уточним — не путча, не заговора и не мятежа) является, не эволюция или реформы, а лишь духовно-нравственная, социально-экономическая и общественно-политическая катастрофа.

Словом, или общество осуществляет всеобщий переворот, спасающий нацию ценой её собственных титанических усилий, называемых революцией, или, бездействуя, она обрекает себя на прозябание и распад. Сейчас, когда завершается лишь первая фаза революции, связанная с отрицанием, если угодно — погребением предшествующих форм общественной жизни, можно лишь констатировать, насколько происходящие в стране изменения глубоки, серьезны и последовательны. Отметим самые важные моменты текущего периода русской истории.

Первое. Взорваны отношения обобществлённой собственности, управление которой являлось привилегией государственных институтов власти. Идёт процесс утверждения иных, частнособственнических экономических отношений, при которых функция управления становится прерогативой финансистов. Отсюда первая задача, которая стоит перед русской нацией, — не отрицать новые финансово-экономические институты, а реально овладеть собственностью и финансами, вокруг которых и развиваются основные события.

Второе. Предыдущее так называемое “советское” общество, находившееся под контролем партийной номенклатуры, упразднено. Новая социально-экономическая общественная структура обретает чётко выраженную природу, классовую, внутренне противоречивую и конфликтную, но вместе с тем способную динамично развиваться.

Ключевое направление здесь — обеспечить русское доминирование в социально-экономических отношениях, где решающее значение принадлежит интеллекту — главной производительной силе XXI века.

Третье. Изжита доктрина марксизма, претендовавшая на роль единственного морального и научного авторитета для русских. Убогий обскурантизм коммунистической идеологии сменяется не заимствованными западно-либеральными прописями, как может показаться, а русской национальной идеей. На место официального атеизма, являвшегося составной частью марксизма, становится традиционное для России мировоззрение, опирающееся на религиозные основы коренных народов страны, где безусловной доминантой выступает православие. Отсюда ещё одна задача русских — обрести веру, а значит и уверенность в завтрашнем дне, превратиться из объекта истории в её активный, деятельный субъект.

И наконец, очень важное обстоятельство — новая русская революция разрушает архаичные этнические перегородки, разделявшие изначально единую страну на множество псевдогосударственных образований. Государство множества народов, насильственно лишенное национального признака, на семь десятилетий утратившее даже своё настоящее название, превращается постепенно в единое и неделимое государство русской нации, что, разумеется, не может не вызывать антигосударственных мятежей со стороны этнических верхушек, самым ярким из которых стала дудаевщина. Стало быть, русским необходимо взять власть в стране, которая принадлежит им по праву и по справедливости, то есть привести характер власти в соответствие с национальной природой страны.

Судьба русских зависит только от одного — увидят ли они современные события в истинном свете, поймут, что это не чуждый им политический переворот, что это их революция, их шанс, захотят ли и смогут ли они овладеть её властными, экономическими, финансовыми, духовными рычагами, или, как это уже, к сожалению, неоднократно бывало, уйдут в раскол, оппозицию, диссидентство, в отрицание мерного хода русской истории, уступая принадлежащее им чужакам, иностранцам и иноверцам. Если поймут — станут господами положения, не поймут — проиграют и будут перемолоты в её жерновах.

И ещё одно замечание. Происходящее на одной шестой земного шара не результат чьих-то интриг, так называемой подрывной деятельности спецслужб, предательства отдельных государственных деятелей. Все эти домыслы и фантазии. В таких странах, как Россия, революция может произойти лишь в силу внутренних закономерностей, объективных противоречий, которые возникают в самом русском обществе и обусловлены особенностями его самобытного развития. Поэтому русским надо

постараться понять объективный характер истории, тот факт, что человеческое развитие, не исключая и русского национального и государственного развития, подчиняется естественным законам в той же мере, как развитие природы — законам физики, химии или биологии.

Катастрофы случаются тогда, когда общество, вместо того чтобы следовать естественным и общественным законам, начинает их игнорировать.

Теперь уже не так важно, вследствие какого стечения обстоятельств русское общество в середине 80-х годов не захотело или не смогло жить по-старому. Старого строя, старых порядков, прежних систем ценностей больше нет и никогда не будет. Значит, русским людям надо захотеть жить по-новому, обратить новые условия существования в свою пользу, не оказаться в дураках у судьбы, а решительно и твёрдо взять её в свои собственные руки. И для этого им, как воздух, необходимы национальное единения, братское отношение друг к другу независимо от каких-либо социальных, имущественных или иных отличий, наконец, традиционное русское дружелюбие, сочувствие, сострадание.

Россия, потенциально самая богатая естественными ресурсами страна мира, нуждается в воссоединении, заселении и освоении. Чтобы это дело было обеспечено, среди русских должен восторжествовать принцип — быть всем вместе и заодно, — и тогда никто и ничто не устоит перед ними.

Зревшие в “советском обществе” кризисные процессы в конце 80-х, по крайней мере формально, ликвидировали прежний политический режим партийной олигархии, власти партийного аппарата, сменив его “властью немногих”. Но при этом институты государства, государственная машина оказались разрушены. На их развалинах выросло множество уродцев, тщетно пытающихся изобразить из себя государства. Конечно, ими управляют не кухарки. Но в основном, увы, — мошенники, казнокрады и изменники. Если же ни первые, ни вторые и ни третьи, то — наверняка — равнодушные циники. Не верится? Есть сомнения? Но разве такое утверждение не подтверждается стремительными административными взлетами молодых, бездушных карьеристов из “вольноотпущенников” и “ташкентцев”, вроде гг. Чубайса, Немцова, Коха, Кириенко или Задорнова?

Сильнейшее испытание приходится переживать общественному сознанию. Распавшись на множество противоположных, враждующих, несопряженных фрагментов — оно существует как предрассудок, замкнувшийся в этнический, имущественный, профессиональный, идеологический кокон, наполовину варварский, наполовину криминальный. Каковы внутренние причины протекающего процесса? Неужто всё дело в

неприемлемости для России демократической формы правления, власти народа?

Болезнь столетия

Отношения, существующие между большими группами людей, именуемых народами, мы называем этническими. Если в государстве существует более одного коренного народа, а таких государств в современном мире абсолютное большинство, то секрет его стабильного, устойчивого развития заключается в том, насколько разумно оно устроено.

Главное, что должно заботить современных политиков, заключается в том, чтобы предотвращать какие-либо межэтнические конфликты внутри государства и иметь волю для их подавления, если они, тем не менее, возникают.

Вся история последних 200 лет вращалась вокруг передела мира между политическими общностями и строительства национальных государств. Маркс, исхитрившийся разглядеть бродящий по Европе призрак мирового коммунизма и предсказавший эпоху социальных революций, оказался никчемным пророком-софистом. Нас он интересует не сам по себе, а лишь вследствие роли, которую сыграл в судьбе России XX столетия. Он не увидел процесса строительства наций. В свою очередь, принципы, на которых было сооружено государственное здание, названное Советским Союзом, представляли собой демонстративное пренебрежение “техникой государственной безопасности”. Его возводили “марксисты”, бредившие мировой революцией и классовой борьбой, но оставшиеся равнодушными к “национальному вопросу”, отождествив нации с классами и приписав им качества, присущие народам.

Обычно коммунистов во власти обвиняют в недооценки кибернетики, психоанализа и генетики. Для самом науки такое пренебрежение со стороны власти, возможно, носит характер тривиального высокомерного невежества. Но в конце концов здесь можно и наверстать упущенное, мобилизовав ресурсы и интеллект. Но нельзя наверстать упущенное время.

Режим, создавший СССР, прошел мимо двух наук, которым, как оказалось, нет цены — этнологии и политологии. Первая изучает отношения между народами, вторая — между нациями. Лишь используя их законы, можно построить современные государства, подобно тому, как современное здание можно создать лишь на основе владения секретами архитектуры, инженерного дела и человеческой психологии.

Тот факт, что “конструкция” СССР просуществовала 70 лет и ухитрилась выдержать испытание Мировой войной, скорее всего должно быть отнесено к парадоксам истории. Оно не вписывается в общую парадигму исторического процесса, а опровергает ее. В то время, как

остальной мир консолидировал многочисленные народы земли, формируя из них нации, в Советской России и ряде других стран, оказавшихся после 1945 в зоне его влияния, сложившиеся нации превращались в конгломерат народов.

В чем заключены основные ошибки, допущенная в конструкции Советской России? В целом комплексе противоречий, которые содержатся в самом “проекте” и в том, как он реализовывался. Их предпосылки можно найти в далеком прошлом — в дворянском либерализме власти, проявившемся в царствование Александра I (1801–1825). Автономия, предоставленная Финляндии и Русской Польше, черта оседлости и самоуправление, дарованные евреям, скрытое поощрение нигилизма и масонства, обернувшееся мятежом в декабре 1825.

Февральский заговор 1917, в котором объединились либеральное дворянство, республиканский генералитет и социализированная буржуазия, не ограничился свержением монархии. Он привел власть к хаосу и утрате ею способности государственного управления. Как только власть в России исчезла, оказавшись в руках никчемных болтунов, вроде Керенского, начался ее этнический и территориальный распад.

Реакции разложения оказалась тем более интенсивной, что она была спровоцирована в условиях тяжелейшей мировой войны, действиями германской, австрийской и турецкой агентуры в тылу, распространением пораженчества с помощью социал-демократов.

Впрочем, все эти факторы были не определяющими, а второстепенными. Главная проблема заключалась в другом. В России к началу XX века не сложилась русская нация. Население Империи все еще состояло из совокупности народов. Процесс образования наций только начинался. Сами народы, входившие в состав государства Российского постепенно, по мере его территориального расширения, находились на различных ступенях развития, исповедывали различные религии, принадлежали к неоднородным расовым, антропологическим, культурным и языковым группам. Институты власти служили не России, а монарху, считавшемуся ее олицетворением. Основная часть жителей вела сельский образ жизни, принадлежа к сословиям крестьян, дворян и духовенства. Даже горожане в своей основной массе представляли собой крестьян-ремесленников, а русские города — особую форму сельских усадебных поселений, мало чем отличавшихся от сельского быта и не имевших ничего общего с городами европейского типа. Буржуазия в собственном смысле этого слова отсутствовала. Следовательно, не было ни человеческого материала, ни производительных сил, ни соответствующих идей, благодаря которым возникают и создаются нации.

Не будем забывать, что русские народы на несколько веков моложе главных народов Европы, где нации возникли в XVII–XIX вв. Этот процесс сопровождался не только слиянием народов, что имело место в Италии или Германии. Скандинавия непрерывно распадалась. Агония Австрии и Османской Империи продолжалась все XIX столетие.

Словом, для кризиса Российской Империя имелись все необходимые предпосылки. Недоставало лишь разложения власти, чтобы страна оказалась в состоянии "бессмысленного и беспощадного русского бунта", что на языке образованной публики именовалось "социальной революцией" или "гражданской войной". Заговор, уничтоживший власть императора и верховного главнокомандующего в самый разгар мировой войны, открыл дорогу и бунту, и революции, и гражданской войне. Но та самая власть, крах которой разорвал и разорил страну могла, обязана была страну спасти и сформировать русскую нацию.

Особенности, в которых протекала гражданская война 1918–1922, заставили центральную власть, оказавшуюся у большевиков-коммунистов, использовать для победы малые народы России, расплачиваясь предоставлением этим народом политической автономии в земельных уделах. Белые, пытавшиеся оказать новой власти сопротивление и состоявшие главным образом из русских, имели против себя в качестве противников инородцев (башкиры, татары, горцы Кавказа) и иностранцев (евреи, китайцы, венгры, чехи). Гражданская война, таким образом, приобрела характер не социального или религиозного, а межэтнического и межнационального конфликта, отягченного чрезмерным засильем еврейского элемента.

Когда война закончилась, оказалось, что большая часть России — это "союзные", "автономные", "народные" и тому подобные республики (коммуны, округа и т. п.) с собственными законами, правителями и властными кланами, состоящими, само собой разумеется, из инородцев. Пришлось изобретать СССР, интриги вокруг которого достаточно отчетливо прослеживаются в дискуссиях среди руководства РКП и в партийной публицистике. Написанного в то время вполне достаточно для того, чтобы исчезли всякие иллюзии относительно того, почему военно-хозяйственная диктатура должна была пойти на нарочито-вызывающий децентрализм в государственном устройстве.

Суть идеологии, которую исповедовал режим, заключалась не только в показном пролетарском интернационализме. В качестве своего главного врага он рассматривал никогда не существовавший "великодержавный русский шовинизм".

По крайней мере до 1936 Советская Россия представляла собой страну, в которой официально отрицалась предшествующее историческое развитие и все русское подвергалось беспощадному запрету и уничтожению. Запрещалось преподавание истории, она фальсифицировалась “исторической школой Покровского”, искоренялось православие, уничтожались храмы и русская архитектура, переименовывались города и улицы, преследованию подвергалась русская интеллигенция, она выселялась из столиц, усиленно создавались инородческие руководящие кадры, которым прививалась ненависть к русскому. При желании можно продолжить этот список “мероприятий”, в результате которого должен был возникнуть новый человеческий вид: вместо русского так называемый “советский человек”.

Не приходится удивляться, например, тому обстоятельству, что академик Сахаров, родившийся в 1922, исповедывал антинациональные, русофобские взгляды. Он так воспитывался не только семьей, но и школой, институтом, самим обществом. В его воспоминаниях можно найти признание, что впервые он услыхал слово “русский” только в 1937.

Ситуация несколько изменилась накануне войны 1941 и продолжала колебаться в сторону национального строительства вплоть до 1953. Перечисление общеизвестных фактов можно опустить. Затем эта тенденция окончательно прекратилась, сменившись идеями “дружбы народов”, “социалистического содержания в национальных формах”, “новой исторически сложившейся общности людей”, “общенародного многонационального государства”, “строительства материально-технической базы коммунизма”, “развитого социализма” и тому подобных чисто схоластических конструкций. Марксистско-ленинские схемы, являвшиеся теоретической основой управления, превратившись в догмы, перестав развивать как науку, так и практику. В конце концов государственные институты СССР рухнули под давлением внутренних обстоятельств. Они не выдержали нагрузки. Что именно послужило их падению?

Обобществление всего хозяйственного комплекса не превратило его элементы в один “концерн” и не допустило членов общества к присвоению той части процента на основной капитал, который должен реализовываться в качестве фонда личного потребления. Вновь созданный “концерном” валовой внутренний продукт, представляя собой общественный фонд, не распределялся между производственным населением в соответствии с принципом трудового участия.

Режим на протяжении всего периода своего существования так распределял (через фонды и лимиты) и обменивал (через цены и дотации)

материальные ресурсы, что перекачивал их большую часть для потребления из русских территорий, где они создавались, в инородческие, где они потреблялись. Благодаря такой политики в русском населении постепенно утрачивалась экономическая потребности в общенациональном хозяйстве. Чем мощнее оно становилось, тем меньшая доля ею произведенного доставалась русскому населению. По сути дела в СССР реализовывался экономический закон абсолютного и относительного обнищания русских и обогащения инородцев.

Чем больше сил тратилось русскими в производстве, тем меньшая доля произведенных продуктов возвращалась им в виде предметов потребления. Соответственно в зонах преимущественного проживания инородцев происходил противоположный процесс. Чем меньшая их часть вовлекалась в непосредственное производство, тем большая доля средств потребления оказывалась в их распоряжении. Например, в течении десятилетий на трудоемкий картофель, производимый в русских территориях, цена за кг. составляла 0,1 руб., а за нетрудоемкие цитрусовые, производимые в Закавказье инородцами — 3 руб.

На протяжении последних 30 лет, предшествующих падению “коммунистического” строя, косвенные формы неэквивалентного обмена, дополнились формами непосредственной эксплуатации. На инородческих провинциях страны развертывались новые производственные мощности, для работы на которых из русских территорий специально завозилась рабочая сила, которую в дальнейшем, в процессе и после распада СССР, подвергли еще и политической дискриминации (промышленные комплексы Эстонии, Латвии, Литвы, Татарии, Башкирии, Азербайджана, Узбекистана, Казахстна, Якутии и т. д.).

Центральная, Северная, Северо-Западная части России, Урал и Сибирь обезлюживались, разорялись, спивались и вымирали, когда как инородцы Прибалтики, Бесарабии, Украины и Новороссии, Кавказа, Закавказья и Туркестана накапливали денежные и материальные средства и усиленно размножались. Возникло имущественное неравенство не только между отдельными территориями, но и между отдельными этносами. Русские всегда оказывались в положении бедных продавцов и бедных покупателей, а инородцы — богатых продавцов и богатых покупателей.

Таковы в общих чертах были экономические предпосылки, создававшие нестабильность. Они усиливались благодаря этнополитическим факторам.

Официальная декларация в начале 70-х о создании общенародного государства и новой, советской общности людей, проживающих в пределах СССР, не сопровождалась какими-либо государственно-правовыми мерами. Союзные и автономные республики не упразднялись. В Конституции 1977 года сохранилась норма о свободном выходе “союзной” республики из состава СССР, превращающая, таким образом, государство в конфедерацию временного типа. Поскольку против СССР с 1948 велась странами НАТО Холодная война, подобная конституционная норма создавала возможность взрыва противника изнутри, открывала “легальный” способ выращивания внутри СССР “пятой колонны” Холодной войны.

Коммунистическая доктрина, взятая на вооружение властью после 1917, и требовавшая, с одной стороны, “диктатуры пролетариата”, а с другой — постепенного “отмирания” государства, так и не реализовалась. Теория, которая требовала для коммунистического проекта высшей формы развития производительных сил и всемирного масштаба реализации, доказывала недопустимость эксперимента в масштабе отдельно взятой страны, но эксперимент над страной и сотнями миллионов людей тем не менее проводился. Поэтому, оказавшись во враждебном окружении, обобществление хозяйства не превратило ее в “хозяйство-государство”. Страна все время своего существования продолжала оставаться “государством-хозяйством”, то есть сначала государством, и во вторую очередь — хозяйством.

Этнополитические отношения, которым не придавалось значения, оказались более важными, чем экономический базис. Поскольку теория, формально составлявшая символ веры Советской России, в действительности была выброшена с “парохода современности”, как и “безнадежно устаревший” Пушкин, беспристрастную науку должна была сменить схоластика, “служанка богословия”. Пропаганда, воспитание и образование, труды и монографии твердили о преимуществах базиса над надстройкой, а в жизни надстройка диктовала свои условия базису. Политика господствовала над экономикой, уровень сознания определял, каким должно быть бытие, народы и нации сокрушали сословия и классы. Маркс продолжал оставаться великим, но это было величие фантаста, создавшего отвлеченную от реальности утопию.

Хозяйственно-экономическое развитие, опережавшее по темпам остальной мир, вместо того, чтобы стирать внутригосударственные перегородки, лишь укрепляло их. Различия между народными привычками, образом жизни, языком, культурной ориентацией нисколько не исчезали, а по мере развития общего, специального и высшего образования усиливались.

Чем дальше от своего революционного триумфа находилась правящая партия и чем ближе она оказывалась к своей официально декларируемой цели, тем меньшим авторитетом пользовалась она в обществе, и тем слабее она сама верила в правильность своего дела, выискивая различные хитроумные способы, чтобы подвергнуть ревизии “основы марксизма-ленинизма”.

Корень проблемы состоял в том, что посеянные в первые годы существования строя зубы дракона дали обильные всходы. За 60 лет сменилось и было воспроизведено три поколение руководящих кадров, которым навязчиво прививали идеологию “национальной интеллигенции” с комплексом ненависти к “русскому”. Пятая колонна внутри правящей номенклатуры создавалась вне зависимости от того, велась или не велась “холодная война”. Такова была генетика политической системы.

Капитализм, как известно, по мере развития выращивает и умножает силы своего могильщика — пролетариата. Практика пока что не подтвердила столь смелое теоретическое предположение. О могильщике России, насколько известно, теории не разработано, но ее успешно заменила практика. “Коммунистический режим” позаботился о нем в результате своего развития, возвышения и гибели.

Как только “национальные территории” России обеспечили себя благодаря безумной экономической политики первоначальным капиталом, достаточным для самостоятельного государственного плавания, “национальная номенклатура” тут же проявила “пунийскую верность” и покинула своего великорусского “донора”. Для такого маневра “национальный экипаж кораблей” готовился давно. А “донору” на все, в том числе и на себя, было наплевать…

В новом тысячелетии

(пессимистический прогноз)

Спады и взлеты бывают в истории любого государства. Нашествия врагов извне или случайная недееспособность власти

составляют те флуктуации в истории народа, которые подавляются его внутренней энергией, потенциалом жизнеспособности. Причем, эта энергия не всегда тратится на то, чтобы уравновесить негативные явления. Чаще всего преодоления полосы неудач идет путем уступок в одной области и неожиданного прорыва в другой.

Современная история России характеризуется провалом практически по всем направлениям. Общим местом стало утверждение, что такого провала в условиях мирного времени не знала еще мировая история.

Положение усугубляется тем, что интеллектуальные «верхи», церковная иерархия, научное сообщество России не только не готовы найти рецепты преодоления кризиса, но совместно с правящей номенклатурой предпочитает блокировать серьезный поиск таких рецептов. Мыслящая часть населения, не замолив старых грехов, вошла в новую полосу нравственной деградации и порока.

Поскольку в течение последнего десятилетия политика демократических реформ вместе с разговорами о правовом государстве, правах человека и рыночном рае обнаружила себя отвратительным воплощением мифологии, заменившей пусть ложный, но все же светлый миф "коммунистического далеко". Новый миф оказался не годен для того, чтобы быть хоть немного привлекательным даже для тех, кто цинично использует его в своих собственных интересах. Именно поэтому режим, возникший на развалинах горбачевского "социализма с человеческим лицом", отрицает самого себя.

Вместе с тем, состояние отрицания не может быть преодолено просто исходя из непривлекательности социальной мифологии «демократии». Здесь требуется прорыв в понимании целей такого преодоления. Кому такое преодоление необходимо? Речь идет о том, чтобы обеспечить легитимность некоторой формы общественного бытия (для большинства еще совершенно не выясненной). И не по юридическим законам, а по законам истории. Какая Россия сможет обосновать свое право на существование в XXI веке?

Поставив столь общий вопрос, мы порождаем целую цепочку проблем, связанных между собой. Отбрасывая многочисленные боковые побеги в системе вариантов развития, можно сформулировать главную идею, соответствующую пониманию российского

традиционализма. Эта идея состоит в том, что будущее России может быть связано только с восстановлением прерванной истории русской цивилизации. Прерванной в феврале 1917 года и породившей непрекращающуюся цепочку самоотрицаний и утрат, невосполнимых потерь и варварского расточения жизнетворческого потенциала нации.

Предательство, обморочно охватившее все российское общество в феврале 1917, не осуждено и не преодолено в народном сознании. Но предательство это не отпускает, не дает забыть себя. Оно заставляет воспроизводить себя раз за разом. Оно воспроизведено разрушением ипатьевского дома, в котором был расстрелян последний император, и мистической связью этого акта с первым всенародно избранным президентом России. Оно неявно повторено в нарочито публичном заявлении Патриарха Алексия II о том, что при Ельцине происходит второе крещение Руси.

Православная Церковь — быть может единственный институт, который мог бы сохранить стержень русской цивилизации — превращается в нечто подобное культмассовому заведению. Вместо покупки дорогого билета в кино можно пойти бесплатно в церковь, вместо посещения психотерапевта — успокоить себя молитвой, вместо разговоров о судьбе России обсудить околоцерковные сплетни. Тем временем, церковная иерархия удовлетворена внеобщественным характером церковного народа, чьи политические воззрения оказываются совершенно теми же, что и у наиболее гнусных разрушителей России.

Церковь становится разменной картой в политических играх. Номенклатура отвечает Церкви по-своему — включением православных ритуалов в систему отправления власти. Она готова даже к насмешкам, к тому, чтобы чиновников, стоящих в церкви со свечками и не умеющих лба перекрестить, называли «подсвечниками». Они знают, что священники не рискнут указать им ни на безбожие, ни на преступления перед Богом и людьми. Ставленники режима, чувствуют подобострастную готовность церковной иерархии «подстелиться» под нее лишь за причастность к отправлению властных процедур, за внимание со стороны власть имущих, за право поболтать с ними о судьбах мира в элитной баньке.

Для номенклатуры оказывается возможным быть "православными неверующими" как Лужков или Лебедь. В связи с этим стоит задаться

вопросом, отчего все-таки последняя надежда на возвращение русским собственной истории на глазах ускользает — Церковь становится инструментом, обслугой номенклатуры? Скорее всего, здесь сказывается та психологическая закономерность, согласно которой предатель больше всего ненавидит преданного — свидетеля его низости. Если под прессом КПСС можно было делать вид, что материальных предпосылок для покаяния (а следовательно и действий по преодолению исторического грехопадения), возникнуть не может, то при «демократах» пришлось определяться.

Определились таким образом, что пошли на прямое содействие безбожной номенклатуре, разрушающей очаги творческой духовности, зачеркивающей будущее русского народа. Отсюда и обмолвка Патриарха с предложением убрать с Красной площади погост, поскольку на погостах негоже проводить рок-концерты. Может, надо было сказать, что убрать бы поначалу рок-концерты?

Точкой отсчета в сверхновейшей истории стал либеральный, а потом и люмпенский, переворот 1917 года, неизбежным следствием которого было выкорчевывание не только царской фамилии, но и всего духовного строя русской жизни. С этого момента бытие России пошло вкривь и вкось. Моральное уродство всенародного предательства собственной истории, предательство Отечества влекло за собой уродство общественного бытия, уродство воспитания и образования. В результате новый советский тип человека обрушил государственность, в которой сам же и вырос. При этом народ не безмолвствовал, как в былые времена. Он аплодировал очередной живодерне. Потому и нищета его не вызывает сочувствия, свойственного хирургам перед операцией, — одно лишь публицистическое лицемерие самозванных знахарей.

В условиях предательства власть утратила божественную санкцию и стала строиться в публичном проявлении по воле холопьего произвола, а в закулисном — по воле олигархических групп. Начиная с февраля 1917 года до сегодняшнего момента формирование власти происходит без учета как предшествующей, так и будущей истории. Именно поэтому система власти остается антирусской, антиисторичной, принципиально неэффективной. Именно поэтому мы от мнимого величия в нищете оказываемся без всякого величия и снова в нищете. Именно поэтому власть в Российской Федерации, как и

ранее в СССР, — не что иное, как способ разрушения общества, способ убийства истории и культуры народа.

Налицо явная деградация государственной функции поддержания культурной идентичности социума, особенно обострившаяся с приходом к власти «демократов». Вспомним, что советский режим при всем его безбожии как-никак заботился о культурном уровне своих граждан. Классическая русская литература выпускалась ежегодно огромными тиражами и ее все равно не хватало, театры работали в самых захудалых городках, библиотеки, краеведческие музеи были повсюду. Добавим к этому песни, находящие отзвук в душе народа, фильмы, любимые всеми, настоящую литературу… Сейчас все это вытеснено форменным паскудством в духе "Московского комсомольца". Вот чего не хватало, оказывается, советскому человеку — задницы в половину газетной полосы!

Все это порождает ностальгию по КПСС/СССР, по такому понятному брежневскому «застою» с его иллюзиями медленного нарастания благополучия и обеспеченной стабильности. Эта ностальгия, тем не менее, ничуть не приближает к истине, к восстановлению исторической перспективы. Коммунистическая (как и почти всякая иная) оппозиция власти не лучше самой власти. Все эти лидеры «левых», «центристских» или «жириновских» партий составляют затертую колоду, которую по-хорошему надо выбросить в мусорное ведро. Ведь никто из них заведомо не способен убрать задницу с газетных полос. Для них воля большинства (того, что они называют "народом") священна, а для этого большинства священна свобода всяческого свинства. Что же тогда ожидать от оппозиции, кроме продолжения «демократического» курса на историческое самоубийство?

Если посмотреть на фигуры, действующие на политической арене России, становится очевидно, что все они начинали свою политическую карьеру почти одновременно. Вернемся в 1991 год. Ельцин уже тогда был Председателем Верховного Совета (а затем — и Президентом) России. Зюганов — одной из ключевых фигур в Компартии РСФСР, Лебедь — героем августовского «путча» и популярнейшим боевым генералом, Лужков — хозяином Москвы (под “крышей” Г.Попова), Явлинский — знаменитым автором программы "500 дней", отвергнутой Горбачевым, и т. д. Никто из действующих

лиц сегодняшней политической возни новичком в политике отнюдь не является. Именно это обстоятельство и заставляет искать "будущих лидеров нового тысячелетия" в среде действующих сегодня молодых политиков.

Из кого нам предстоит выбирать национального лидера (или антинационального прохвоста)?

Первая, и самая очевидная фигура — некогда "официальный преемник" Бориса Ельцина. Таковым может стать дряблый Степашин, о котором публике мало что известно, и который один только может выступить гарантом продолжения “демократических реформ” и благополучия ельцинской Семьи. Его слабость в том, что гражданам давно и основательно обрыдли всякого рода продолжатели ельцинизма без Ельцина. Особенно если в облике своем они несут черты смущенного воришки, который не может глаз поднять, о чем бы его не спросили, и руки все время складывает на нижней части живота, ибо больше их деть некуда.

Вторая фигура, снискавшая всеобщую любовь — экс-премьер Примаков, которые дал стране надежду, что она может вскорости быть проветрена от ельцинзима, очищена от наиболее гнусных последствий номенклатурного мятежа. Но Примаков стар и не склонен к большой драке. Его надо на престол вносить на руках. А вот с самими руками — большая проблема. Проведают в Администрации президента, чьи это руки, — так стукнут, что мало не покажется.

Третий претендент, засидевшийся в засаде и несколько подзабытый Александр Лебедь. Он — молодой; у него есть самое главное, что нужно кандидату — личная харизма; по его казарменным байкам скучают. Но бесспорные преимущества могут погаснуть в трясине Красноярского края, который Лебедь не только не смог озолотить, но и затолкал к кризис еще глубже. Вспомним, сколь популярен в народе в 1992 году был Александр Руцкой — боевой генерал, умница, решительный политик, человек действия, сходу решавший все проблемы. Никто и не мог предположить, что в недалеком будущем его ждет необходимость искать доходного места в Курской губернии и лебезить перед своими недавними убийцами… У Лебедя получилось наоборот — сначала было доходное место в Совете Безопасности, потом побледнение харизмы, да еще красноярский криминальный шлейф.

Другая достаточно очевидная фигура — предыдущий "официальный наследник престола", нижегородский губернатор Борис Немцов, стремительно ставший соратником Чубайса и так же стремительно выкинутый из правительства. Назначение на пост вице-премьера в марте 1997 дало ему возможность обустроить механизмы наполнения будущего избирательного фонда и беспрерывно занимать телеэкран своей физиономией.

Потом, правда, Немцова потеснил нежный Кириенко, научившийся гавкающим интонациям у Явлинского и Киселева. Кроме того, многие помнят, что вступление Немцова в политику для него "опущением" — Жириновский перед многомиллионной аудиторией телезрителей выплеснул ему в физиономию стакан апельсинового сока. Этот эпизод еще не раз всплывет на телеэкран.

Со своим заявлением, что на посту вице-премьера он не будет лгать и брать взяток, Немцов, попал в нехорошую историю. Ежели такое заявление было правомочно, то работать Немцову довелось в правительстве, где подобные заявления делать не принято. Зато принято непрерывно обещать. И Немцов стал обещать так, как не обещал никто. Это впечатляет — не брать взяток!

Наконец, еще один перспективный кандидат от номенклатуры, способный прорваться в кресло президента последним рывком дряхлеющего организма, — московский мэр Юрий Лужков — человек, переплюнувший все мыслимые рекорды "единодушной поддержки" на демократических выборах. Почти никому в постсоветском политическом пространстве (кроме, разве что, Сапармурада Туркмен-Баши, да татарстанца Шаймиева) еще не удавалось получить поддержку 90 % голосов избирателей.

Секрет популярности Лужкова — в имидже деполитизированного "мэра в кепке и руковицах". Вот только этот имидж крепко портит воспоминание об истерической поддержке Ельцина во всех возможных позах, о кавалерийских наскоках на проблему статуса Севастополя, о неведомо как сложившемся мнении о нем в народе: "Да, ворует, знаем, что ворует. Зато нас, москвичей не забывает!".

Влиятельность Лужкова велика во всех звеньях российской номенклатуры. Его слабое место — постоянный страх перед Кремлем, который взаимно боится Лужкова, способного, по мнению ельцинистов, скрутить всех в бараний рог без различия чинов и

званий. Напрасно боятся. Лужков — молодец среди овец. Да и ясный ум на седьмом десятке — не его достоинство.

В тени Немцова одно время совсем бледно выглядел Григорий Явлинский. Хотя кремлевская многоходовка “съела” его избирателя, шанс вновь накопить силы у него остается. Особенно потому, что Немцов испортил себе лицо похлебкой, потребляемой из общей миски правительством Чубайса-Черномырдина.

Остается на политической сцене и "великий комик перестройки" Владимир Жириновский. Он по-прежнему будет мешаться под ногами у всех, не имея шанса на победу. Он напортит и Лебедю, и Зюганову, и Лужкову, а также напомнит Немцову его унижение. Народ любит, когда в лицо важным персонам летят плевки. Сам народ доплюнуть не может, поэтому с одобрительных хохотом сочувствует придворному шуту, чьи плевки иногда достигают адресата.

Конечно под ногами у всех будут путаться “кудреватые шумейки, мудреватые шахрайки”, “мартина-шаккумы” и прочие, невероятными усилиями отдирающие у чужого электората по полпроцента. Увы, клинические случаи не означают прерывания финансирования. Пока в России совершеннейший сумасшедший вполне может заработать немалые деньги и потратить их на какую-нибудь глупость — например, на заведомо никому не нужный политической проект.

В целом взгляд на демократический путь развития России говорит о том, что на нем мы не встретим ни одного светлого персонажа, ни одного признака оздоровления страны. Сохранение прежних тенденций в политике будет означать только затягивание болезни, от которой Россия находится при смерти уже несколько лет. Это ужас без конца и края — толкотня и сговор между “левыми” и “правыми”, между “красными” и “голубыми”.

По-нашему, все это надо одним усилием выплеснуть за ворота — в выгребную яму истории.

Перед концом русской истории

То обстоятельство, что политическая ориентация людей не зависит от их социального положения, становится самоочевидным. Уже никто, даже фанатики марксизма, не рискуют напрямую увязывать потенциальные возможности той или иной политической организации с ее классовой принадлежностью.

Если обратиться к результатам различных общенациональных выборов, окажется, что голоса избирателей распределяются вопреки пропорциям производственной структуры общества. Его деление на рабочих, крестьян и интеллигенцию, традиционное для всех статистических справочников, с 1989 года утратило какую-либо познавательную ценность. Для того, чтобы разобраться в том, каким образом формируются электоральные (избирательные) группировки, требуется не классовый, не партийный, не религиозный и даже не этнический критерий. Понять и на этом основании правильно прогнозировать политическое развитие РФ можно лишь при условии, если рассматривать современное “российское” общество под углом зрения доходности и имущественного положения его слоев.

Благодаря ваучерной приватизации и политическому расчленению страны общественное богатство, находившееся де-факто в совместной собственности нации, оказалось отчужденным от большей части населения. При этом совсем не важно, что изъятие имущества у ее владельцев носила неэквивалентный, безвозмездный, мошеннический характер. Никто никого не обманывал, так как почти каждый был рад обманываться.

Массовое сознание, как бы это ни показалось странным, было готово на нечестную игру. Дело в том, что к тому времени в обществе была начисто изжита потребность в коммунистической организации собственности и возникла страстная жажда в ее частной, эгоистической форме. Против денационализации не возражали ни “партия коммунистов”, ни “класс-гегемон”. Большинство испытывало потребность сыграть с государством в рулетку, вполне допуская любой, даже невыгодный результат, почему-то считая, что уж он-то никогда не будет среди неудачников.

В споре Парламента РСФСР с Президентом РСФСР, возникшем на рубеже 1991–1992 годов относительно метода приватизации, ваучеры на предъявителя победили именной чек, разумная осторожность была повержена коммерческой лихорадкой, рыночное жульничество восторжествовало над честностью и правом. Даже на референдуме весной 1993 года, когда социально-экономические последствия так называемых экономических реформ приобрели зримый облик, азартных игроков среди избирателей оказалось существенно больше, чем благоразумных сторонников реформ, и

“партия радикал-либералов” с Ельциным, Чубайсом и Гайдаром во главе торжествовала победу.

Таким образом, не только частная собственность была обречена сменить общенародную, но и становилось неизбежным, что в результате приватизации меньшинству достанется все, у большинства же не будет ничего. Поскольку такой оборот дела предполагал принципиальное отрицание законности, общество вынесло смертный приговор и демократической организации власти, олицетворением которой были образованные в 1990 году Советы, власти, для которой законность является предпосылкой существования.

Равенство стартовых возможностей в новом экономическом механизме хозяйствования хотя и декларировалось, но исключалось в принципе. Общество должно было сразу приобрести чрезмерное неравенство в размере доходов и распасться на противоположные, враждебные по своим интересам группы, предопределив тем самым последовавшую за этим непрерывную череду экономических кризисов и государственных переворотов. В результате старое общество с уравнительной системой социально-экономических отношений, не предполагавшей возможность появления классового антагонизма, добровольно прекратило свое существование, сменившись обществом буржуазно-капиталистического типа.

Теперь в РФ возникла новая социальная общественная структура, основу которого составляет заведомо полярный уровень доходов. К средине 1996 года сложилась следующая картина. Примерно 7 процентов населения превратилось в пролетариат, лишенный всяких средств к существованию, очутившийся на социальном дне. Эта группа представляет собой класс абсолютной нищеты, по-русски — босяков. Слой общества, у которого динамика доходов существенно отстает от роста потребительских цен, и, следовательно, он находится в состоянии обнищания, достиг 68 процентов. У 24 процентов жителей материальное обеспечение растет быстрее, чем цены, и они могут быть отнесены к новому среднему классу. И лишь 1 процент населения действительно обогатился в результате денационализации собственности, присваивая себе более 30 процентов всех доходов, составив тем самым новый высший класс, иначе говоря — класс “новых русских”.

Говорить о том, что 75 процентов было одурачено “бандой Ельцина”, как это делают некоторые “крайне левые”, не приходится. Три четверти населения страны, которые должны были оказаться проигравшими, добровольно приняло участие в заведомой махинации под названием “народная приватизация”, отметая с порога все аргументы, которые изображали ее в истинном свете. Заявления политиков, расчеты экономистов, статьи и выступления публицистов, заранее предупреждавших о действительном характере последствий приватизации по Ельцину, были голосом, вопиющим в пустыне. Поэтому в стране нет ни обманщиков, ни обманутых. Каждый знал, на что он идет и чем рискует.

Трансформация социально-экономической структуры общественных отношений обуславливает и коренное изменение политической системы РФ. Одно вытекает из другого. Партийные программы, идеологические или философские концепции, соответствовавшие прошлым этапам развития страны, не имеют отныне никакой перспективы. Они столь же архаичны, как и смешны.

Всеобщие выборы парламента в 1995 и президента в 1996 годах отчетливо показали, насколько неосновательны претензии левой и правой оппозиций на власть, если они пытаются манипулировать воспоминаниями о прошлом, а не воспоминаниями о будущем. Выборы, в то же время, продемонстрировали эффективность новых лозунгов и технологических приемов мобилизации электората, если они опираются на новую социальную структуру населения, учитывая новую систему ценностей и интересов этих слоев.

К примеру, высший слой общества, класс “новых русских”, составляющий только 1 процент населения, на выборах получил 10 процентов голосов избирателей. Новому среднему классу, составляющему в обществе 24 процента, удалось получить примерно 30 процентов голосов, что, впрочем, является слишком слабым утешением. Единственный, кому досталась роль аутсайдера, оказался новый низший класс, получивший лишь 30 процентов голосов, имея 68 процентов в составе электората. Большая часть русского общества, как следует из этих цифр, разоряется не только в экономическом, но и в политическом смысле слова, составляя своеобразный плебс, у которого нет сил изменить что-либо в своем положении.

Нам уже доводилось писать о принципиальной несовместимости экономической стратегии, избранной вставшим на путь буржуазно-капиталистических отношений обществом, и политическими технологиями, которые привели к власти чиновников-коррупционеров, финансистов-ростовщиков, генералов-мародеров, предпринимателей-казнокрадов, политиков-предателей.

Органы власти, которые должны были бы всеми силами обеспечивать стратегические интересы России внутри и вне ее границ, действуют так, словно они представляют комитет по ликвидации России. Половина территории, населения и экономического потенциала уже не принадлежит стране, власть от них добровольно отказалась. Остатки России, названные Российской Федерацией, раздроблены на 89 квази-государств со своими президентами, правительствами, парламентами и законами.

Большая часть предприятий РФ либо не функционирует, либо работает вполсилы, разоряясь и попадая в финансовую кабалу иностранного капитала. Финансовая система полностью разложилась и вовсе не исключено, что наступающей зимой ее ждет катастрофа. Вооруженные силы и службы общественной безопасности утратили бое- и дееспособность. Сухопутные войска РФ имеют лишь одну полноценную дивизию; страна, таким образом, абсолютно беззащитна против любого внешнего врага. Этот скорбный для каждого русского список можно продолжать и продолжать…

Во всяком случае понятно, что власть, представляющая интересы лишь 1 процента населения и игнорирующая основополагающие интересы 99 процентов, может быть устойчивой только в одном случае — если эти 99 процентов не представляют действительной силы, если они разобщены и раздроблены.

Может возникнуть возражение — ведь существующий режим имеет поддержку и в среднем классе, экономическое положение которого улучшается. Подобное возражение неосновательно. Экономическая стабильность руководителей предприятий, мелких предпринимателей, рабочей и интеллектуальной элиты, из которых состоит средний класс, ничем не гарантирована. Более того, настойчивое продолжение политики правительства г-на Ельцина, основную роль в котором выполняют гг. Черномырдин, Чубайс, Лужков, Кох, Лифшиц, Златкис, Ясин, Мелекьянц, Березовский,

Батурин, Мостовой и т. д., не оставляет русскому среднему классу никакой надежды. В не таком уж далеком будущем 24 процента должны разориться так же, как и 75 процентов в недалеком прошлом. Это лишь вопрос времени.

Поэтому в долгосрочном стратегическом отношении между средним и низшим классами русского общества нет принципиальных политических противоречий.

Противоречия заключаются в объективном несоответствии современной ситуации в стране архаичным партийным структурам; в буржуазном характере нового общественного строя и коммунистической форме, в которую облачилась значительная часть оппозиции, лидеры которой утратили способность к диалектическому мышлению.

Разве не ясно, что развитие социально-экономических и общественно-политических процессов управляется объективными законами. Они не подчиняются произволу отдельных индивидов. Сила, которой обладают “новые русские” состоит в том, что они овладели одной стороной процесса — меркантилизмом, преступной страстью к стяжательству; их бессилие в том, что они не способны придать капитализации страны форму национальной революции.

Буржуазно-капиталистическая фаза развития имеет созидательное начало лишь в том случае, если она дополняется национальным составляющим. Латинская Америка в Новом Свете, Арабский мир в Средиземноморье и Австро-Венгрия в Европе — яркие примеры того, что может произойти, если в странах, вставших на путь капитализма, не осуществляется национальной революции; все они распались, превратившись в периферию мировой истории, сателлитов великих держав.

Россия не исключение. Либо частное предпринимательство, основу которого составляет частный интерес и частный эгоизм, разнесут ее на тысячи мельчайших осколков, либо эти объективно существующие центробежные силы будут компенсированы центростремительной энергией воссоединения и централизации, которая обеспечивается национальной общностью, концентрируется в энергии русской нации. Неразумно руководствоваться правилами партийного подполья столетней давности — “сначала надо размежеваться, чтобы затем объединиться”. В судьбе государств

действуют иные закономерности — после реального размежевания невозможно никакое объединение.

Что в состоянии сейчас воссоединить современную Россию? Это ее национальное русское ядро, которое имеет 89 процентов в населении РФ и 72 процента в населении Советской России (СССР). На новом историческом этапе развития России ее государствообразующему народу предстоит опять действовать в соответствии с принципом, который у Александра Васильевича Суворова, наполовину армянина, звучал так: “Мы русские — какой восторг!”

Выбора нет. Русским, которые должны политически консолидироваться, необходимо установить в своем собственном доме общерусский национальный порядок. В противном случае режим криминально-коммерческого космополитизма окончательно разрушит и разграбит страну и обратит все население в жалкое скопище нищих.

Если режим не в состоянии предотвратить национальную катастрофу, бремя спасения должна принять на себя сама нация. Поэтому Россия нуждается не в лицемерном общественном согласии, не в лишенном какого-либо смысла всепрощении, не в гармонизации интересов преступников и жертв преступления. Ее спасение в русской национальной революции, которая очистит Авгиевы конюшни страны от всей скопившейся в них нечисти.

Совокупность принципов, которыми руководствуется нация в целом в своем развитии, и является национальной идеей. Ее невозможно навязать или создать в камеральных условиях, словно партийную программу. Подобно тому, как музыка, создаваемая народом, лишь аранжируется композиторами (так считал Глинка), национальная идея, существуя объективно в общественном сознании, может формулироваться в области идеологии как миг творческого озарения. Критические моменты истории нации порождают таких деятелей, которым судьба дает необходимые слова и мысли, подобно тому как они в виде трактата появились из-под пера Сийеса, и в виде нот у Делиля во время Великой французской революции.

Стало общим местом характеризовать переживаемый Россией период как кризис или смуту. Ни тот, ни другой термин не передают сущность происходящего, являясь либо абстракцией, либо архаикой.

Нет необходимости использовать метафоры, когда язык обладает точным определением.

Россия находится в состоянии революции, сводя счеты с предыдущим строем, полностью изжившим себя, и с властью, превратившейся в тормоз для следующей исторической фазы.

Послевоенные годы оказались для Советской России сгустком противоречий. С одной стороны, обществом были созданы гигантские производительные силы, особенно в интеллектуальной сфере, превратившие ее в одну из двух сверхдержав мира, с другой — они пришли в состояние конфликта с существующими производственными отношениями, “внутри которых развивались”. Но чтобы понять природу современной революции, необходимо точно определить характеристику строя, который ей приходится отправлять в небытие.

Социально-экономические, общественно-политические отношения, существовавшие между 1935 и 1989 годами, не описываются на том доктринерском языке, которым пользовался предыдущий режим, его толкователи или ревнители марксистско-ленинских и либеральных теорий. Ни о каком социализме, ни о первоначальном, а тем более “окончательном” или “развитом” не приходится говорить. Социализм оставался в России на том уровне, который он мог занимать в силу того, что владел лишь сознанием правящей страной номенклатуры, а в последние годы — только лицемерно использовался ею.

Риторический, схоластический, официальный социализм, составлявший “идеологию” режима, не соответствовал его содержанию. То, что режим думал или говорил о себе, что он называл “социализмом”, в действительности являлось высокоорганизованным, обобществленным, полностью огосударствленным феодализмом, если угодно “феодальным социализмом”.

Благодаря относительной молодости и огромному энергетическому потенциалу, сосредоточенному в России и в ее населении, русские добились колоссального подъема на сравнительно более низком уровне общественных отношений, чем великие нации Европы и США.

Что западные страны обеспечили при буржуазно-капиталистических формах, России удалось в условиях высшей фазы феодализма.

Нация — это стиль, идеология и организация

Возникает вопрос, что такое нация? Ясности здесь не наблюдается ни в научной литературе, ни, тем более, в политических документах. Не вдаваясь в подробности я бы определил нацию как духовно-культурную общность, способную к формированию конкуреноспособной государственности.

Понятна взаимосвязь нации и государства, которые друг без друга устойчивыми быть не могут. Более сложно для понимания соотношение нации и этноса. Здесь различий чаще всего не проводят, не замечая, что этнос — явление природное (следовательно, не требующее государственности), а нация — явление историческое и цивилизационное. Чудовищным заблуждением является отождествление нации и этноса. Разрушительные процессы, распад государственности, который мы наблюдаем в России, происходит именно поэтому что страна объявлена многонациональным государством. Но ведь нация — это и есть претензия на государственность.

Если мы говорим о нации, то должны определиться, о какой нации речь идет в России. В последнее время весьма популярным становится утверждение о возникновении в России (или существовании от века) нации "россиян". Откуда они взялись, никто не знает. Более обосновано можно говорить о нации русских, объединившей в едином государстве еще и нерусские этносы. Если в европейском варианте мы видим чистые национальные государства, то в отечественном — имперскую форму государственности — государствообразующая нация плюс разнообразные этносы, которым не отказывают в их этническом бытии. в Европе же этносы в результате жесточайшей борьбы были подавлены и растворены. Хотя и не везде и не до конца.

Необходимо сказать, что попытки этносов приобрети национальное бытие есть противоестественный и абсолютно разрушительный процесс. В реальности это лишь скрытая попытка этнической элиты повысить свой статус в государстве. Как вариант можно рассматривать попытку криминальной группы прикрыться статусом политического формирования этнического характера.

Наконец, стоит вопрос о том. что такое национализм? К сожалению, тут нет единства ни в теории, ни в практике. Например, противопоставляются интересы нации и интересы государства. При

этом путаются понятия “государство” и “политический режим”. В подобных случаях национализм подменяется представлениями о племенной или этнической близости, русские низводятся до этноса и неявно лишаются права на государственность. Противоположным примером, распространенным в публицистике и “демократической” риторике является приписывание к национализму всего исключительно дурного, что встречается в российской политике. Этим самым демонстрируется отсутствие всяческого понимания национализма в трактовке, принятой в русской философии. А ведь именно она концентрирует в себе ту “русскую идею”, которую одни никак не могут найти (называя ее национальными интересами, национальной безопасностью, национально-государственной идеологией), а другие страшно боятся и желают все, чтобы Русская Идея, русский смысл не были найдены.

*** * ***

Какими только проклятиями не осыпает оппозиция власть имущих. Повторять их нет нужды — они у каждого на языке. Но любому оппозиционеру стоит между истериками взглянуть на себя в зеркало. Что там увидит русский националист выделки 90-х годов, взятый с «трудороссовского» какого-нибудь митинга? Скорее всего — неумытую и небритую рожу, неопрятную одежду, подчеркивающую дегенеративные черты — какой-нибудь грязный свитер и нечищеные ботинки. Оригиналом будет выглядеть полупьяный бритоголовый молодец, для которого годится лишь один способ воспитания — как следует вздуть, а лучше — выпороть.

Утешение одно — митинговые «демократы» не лучше митинговых «патриотов». И у тех, и у других сутулые фигуры, вздорные голоса и дурно пахнущие одеяния. Если они что-то и читают — то это заведомая пакость, если что-то говорят, то обнаруживают чудовищную безграмотность и предельное неуважение к интеллекту.

Все это проявляется в тех политических группировках которые сами себя считают националистами или благосклонно относятся к такому определению со стороны других.

То, что в современной политике называют словами “национализм”, “патриотизм” или “национал-патриотизм” к идеологии русского национализма не имеет отношения вообще или имеет весьма отдаленное отношение. Это указывает, прежде всего, на откровенную

политическую ангажированность — от невольной психологической зависимости от некоторых идеологических комплексов до открытого невежества в отношении к русской культуре. Именно поэтому русскими националистами называют уж совершенно дремучих шизофреников.

Перечислим некоторые проявления псевдонационализма:

"Патриотизм власти".Этот неоформленный внеидеологический комплекс представляет собой номенклатурное государственничество. Это скорее не идеология, а некий ритуал посвящения, клятва верности режиму, в каком бы виде он не был построен. Типичные примеры политической реализации — черномырдинский “Наш дом…” и лужковское “Отечество”.

"Демократический патриотизм".Его открытие приписывается Б.Федорову (движение “Вперед, Россия!”), но впервые возникло в послании президента России еще в 1994 году и даже раньше — в малоизвестной сегодня предвыборной программе движения “Выбор России” образца 1993 года. Тут, конечно, никакого патриотизма или национализма нет, как нет и никаких представлений о нации в России. Это скорее “западнизм” — попытка западнический либерализм привязать к идее государственности. Попытка тщетная, провалившаяся всюду.

"Коммунистическая державность".Здесь причудливо соединены марксизма-ленинизма и русский традиционализма, представляющих два принципиально противоположных мировоззрения. попытка соединить их в документах КПРФ и движения “Духовное наследие” чудовищны по своей нелепости и неуважении к русской философской традиции. Отсюда и предельная лживость — "Христос — первый коммунист", "русская идея неотделима от социализма" и т. п.

"Жириновщина".Лидер ЛДПР считают чуть ли не ведущим националистом в России. Но непредвзятый взгляд обнаруживает в полемических изысках Жириновского лишь бессистемную агрессивность в сочетании с закулисным прагматизмом. Беспочвенные агрессивные заявления угодны многим (в том числе и власти, не чувствующей здесь “посягательств на основы”) дает широкую электоральную базу из самых разных слоев общества, вконец растерявших не только самостоятельный взгляд на вещи, но и психологическую устойчивость.

"Почвенический фундаментализм”."Зарывание в почву” порой носит столь нелепый, антиисторический характер, что, при всей оригинальности, утрачивает связь с настоящим и будущим. Да и история обычно трактуется настолько своеобразно, что ссорит одну “древность” с другой “древностью”. Здесь распространены разнообразные мифы по поводу образа врага русской нации и обосновываются ксенофобские наклонности, потребные лишь для тех, кто не видит иного способа не сойти с ума. Примечателен испуг власти и журналистов, усматривающих в этих околополитических причудах подобие собственного образа.

“Этницизм”.Как уже отмечалось, некоторые российские этносы, понукаемые недобропорядочными элитами, вступают в борьбу за государственный суверенитет, не имея для этого ни экономических, ни культурно-исторических оснований. Для них грезой о национальном бытии становится “этницизм” — идеология противостояния России, без которой они превратились бы (и превращаются) в полное ничто.

Итак, мы видим много мнимых “национализмов”, использующих фрагменты русского философского наследия или западного консерватизма. Практически все мнимые формы национализма достаточно хорошо описаны в работах русских С.Булгакова, И.Ильина и многих других.

Русским националистам путаться с этим сбродом — только время зря терять. Если же русские националисты обретут свой стиль, то смогут привлечь к себе этим стилем, воспитать стилем сочувствующих и по-настоящему собрать своих соратников. Голову и бороду следует своевременно стричь и мыть, брюки — гладить, ботинки — чистить. “Береги рубаху снову, а честь — смолоду”.

Стиль, безусловно начинается с одежды. По одежде можно судить об образе мысли. Бедность или философские занятия — не повод для нечистоплотности и неопрятности. В кроссовках и джинсах идите огороды копать или мутузить обнаглевшую шпану. Мужик, не умеющий завязать галстук и заработать на костюм, женщина, не умеющая скромно и со вкусом использовать косметику — на что они могут быть способны? Если даже такая малость, как белая сорочка, становится неразрешимой проблемой, то немощь следует подозревать и во всех остальных начинаниях.

Антистиль иных «патриотов» — это постоянная истерика. Они криком отгоняют страх. Причем на трибуну лезут все больше кухарки и выжившие из ума пенсионеры. Молодежи с причесанными мыслями и холодным достоинством среди всей этой публики не встретишь. И слава Богу! Молодежь стремится приобрести профессиональные знания, сделать себя и не тратится на всю эту бестолочь.

Стиль русских националистов должен быть совершенно иным. Четкое научное мышление, вескость слова, уважение к образованности и профессионализму — вот то, что даст нам в руки неоспоримые политические аргументы. А еще — холодное презрение к врагам.

Нам нет смысла кричать друг другу в уши о том какие нам противостоят негодяи. Наш стиль — это тщательная подготовка и внезапный разящий удар по врагу.

Кстати об ударах. Настоящий русский мужик в ответ на оскорбление должен уметь одним движением уложить своего оппонента на пол. Сцена, в которой националист Н.Лысенко охаживает крестной цепью вцепившегося ему в лицо проходимца Г.Якунина, — безобразна. Короткий нокаутирующий удар в челюсть — вот чем в доли секунды должен был закончиться поединок.

Что касается женщин, то им следует уметь дать обидчику пощечину такого качества, что она не уступит зубодробительному удару кулаком. Известно, что такого рода пощечины чрезвычайно эффективны и специально тренируются мастерами каратэ.

Впрочем, мужчине тоже нужно уметь остановить хлесткой пощечиной зарвавшуюся мегеру. Таскать за волосы дуру, влезшую в мужскую разборку, как это делал Жириновский, неэстетично для стороннего наблюдателя, а потому и не стоит. Лучше бы он ей на ногу «изящно» наступил!

"Патриоты" всегда кричат о своем, не слушая друг друга, или обвиняют друг друга в «оппортунизме», «продажности» и т. п. Такое отношение может быть только к врагу. Врага, действительно, надо слышать, но не подавать виду, что хоть одно его слово может быть принято в качестве отправной точки для дискуссии.

Русские националисты, при всем разнообразии взглядов, должны сбиваться в волчью стаю. Не следует разоблачать своего соратника или уличать его в глупости. Наоборот, нужно поддержать его в главном целеполагании, сомневаясь лишь в деталях его построений. Говорить

надо не безапелляционно, а так: "мне представляется целесообразным…", "вряд ли стоит…", "не стоит абсолютизировать…" и т. д. Тогда это будет полезная дискуссия, а не склока, которую с удовольствием наблюдают и транслируют русофобы.

Как должны происходить собрания националистов? На собрание должны собраться мужчины в белых рубашках, выбритые и отглаженные. Женщины здесь должны быть скромны, аккуратны и красивы. Ведущий должен быть диктатором, пресекающим любые попытки склочничать или перетягивать одеяло на себя. Он должен поддерживать порядок словом и мирить соратников и гасить конфликты. Каждый из тех, кто пришел на собрание националистов, должен знать свое место. Воин не должен мудрствовать в присутствии специалистов, теоретики не должны "подравнивать шеренги" и командовать батальонами, финансисты не должны лезть на трибуну со своими домыслами. Если кто-то не удержал эмоции, ему надо дать прервать остальных, но потом жестко осадить. Если один говорит — все молчат. Если выступление затянулось, ведущий должен его мягко, но решительно оборвать.

Общий настрой на единство — сердцевина нашего стиля. Если единство и могущество русского движения не станет для нас высшей ценностью, если мы позволим "ярким индивидуальностям" ссорить нас — враги перегрызут нас поодиночке.

У нас должны быть общие любимые художники, музыканты, писатели, журналисты, режиссеры. Мы должны читать книги, которые пишут наши соратники, смотреть фильмы, которые они снимают, покупать их товары, аплодировать им, любить их. Мы должны помогать друг другу во всем — вплоть до разрешения бытовых проблем.

Но главное — общий стиль мышления, который определяет нацию и дает жизнь идеологии национализма со всеми его рецептами выживания страны и народа, находящимися под прессом геноцида.

*** * ***

Государство может быть деидеологизированным, как первая французская империя, и одновременно находиться в условиях деспотического режима, и следовательно, не исключено противоположное соотношение — народовластие в условиях

идеологизированности. Одно никоим образом не препятствует другому.

Если оставить за скобками духовную жизнь общества, останется одно только господство некоей части общества над всеми остальными. В технологическом отношении власть в государстве ничем не отличается от власти в банде или воровской малине.

Стоит, к примеру, избавить общественные отношения раннего средневековья от поэтических и романтических красок, появившихся на живописных и литературных полотнах в эпоху Возрождения — получится ничем не прикрытое насилие, власть, использующая силу в качестве своего единственного аргумента. Бароны, герцоги, графы и тому подобные субъекты, заполонившие Европу, представляют собой на современном языке главарей какой-нибудь солнцевской, люберецкой или чеченской группировок.

В какой момент предводители вооруженных банд периода раннего европейского феодализма перестали быть обыкновенными грабителями, насильниками и убийцами? Как только их внутренний мир оплодотворили духовные формы и прежде всего религиозные.

В подлинном смысле этого слова, Европа вновь вступала на путь цивилизационного развития, после того как прекратила свое существование Западно-Римская империя, лишь когда европейское рыцарство приняло участие в Крестовых походах — процессе, целиком опиравшемся на духовные идеалы, после которого историю новых европейских народов можно уподобить истории идей, а не истории криминальных деяний. Идеи начали управлять миром, а не одни лишь плотские удовольствия.

Отношения, свойственные варварскому периоду развития, становятся на путь цивилизованных отношений, а обыкновенное насилие превращается в государственные отношения, как только общество приступает к энергичному освоению идеального человеческого мира, как только оно начинает жить не только и не столько материальными, но главным образом духовными интересами.

Материя, оставаясь почвой для развития, уступает место для главного поля битвы миру духовных сущностей, не менее материальных, но гораздо более привлекательных для человека. Мир идей и есть тот естественный мир, в котором происходит человеческое

развитие, как только человечеству удалось вырваться из стадии дикости и варварства, преодолеть родоплеменной этап развития.

Разве идеи сами по себе угрожают человечеству? Общество обречено на “нигилизм”, если, сосредоточившись лишь на материальной стороне жизни, оно попытается исключить область идеальных интересов. Человек, который не исповедует “идеологию” — дикарь, нация без “национальной идеи” — сброд.

В принципе абсурдно утверждение, что культура, искусство, образование, мораль и нравственность могут существовать вне идей и идеологий. Чтобы стать образованной и культурной личностью, необходимо много знать и обладать способностью к саморазвитию.

Спрашивается, а что составляет содержание образования? Знание одних только естественных законов. Они бездуховны, внечеловечны, нейтральны к смыслу человеческого существования. Тогда быть может общественные закономерности? Но и они имеют содержание лишь в том случае, если наполнены идейным смыслом, вне которого у них не оказывается собственного предмета, кроме бессодержательной софистики.

Современные культура и наука, образование и воспитание, которые порой пытаются предохранить от национальной идеи, как раз являются формами, в которых она воплощается, способами, воспроизводящими духовную жизнь нации из поколения в поколение.

Не надо далеко ходить, чтобы увидеть последствия “деидеологизации”. Страной без господствующей идеи, но с множеством чуждый ей “идеологий”, является современная Россия, разорванная посткоммунистическими режимами на десятки искусственных государственных образований. Ужас современного положения страны является закономерным результатом игнорирования распавшейся властью национальной государственной идеи. Тем, в частности, что разум значительного количества людей, еще недавно считавшихся соотечественниками, не обременен никакой “идеологией”.

*** * ***

Национальная идея имеет своим предметом по крайней мере три сферы, в которых нация должна реализовывать принципы, удовлетворять потребности и обеспечивать интересы — это область экономических, общественных и духовных отношений, в конечном

счете создающих неповторимый, уникальный строй жизни, русскую цивилизацию.

Чем была экономика России, страны, жившей последние 80 лет под названием “СССР”? Народнохозяйственным комплексом, организованным как единая фабрика, внутри которой господствовали административные, внеэкономические, опиравшиеся на авторитет или насилие отношения. Ни рынка, ни денег, ни товаровладельцев, ни граждан, ни нации, ни права. Всесторонне развитая в научно-промышленном отношении, но патриархально организованная сверхдержава, живущая в условиях социально-экономического эксперимента.

Теперь вместо этих отношений создается среда, состоящая из самодеятельных товаропроизводителей и товаровладельцев, граждан и организованных ими ассоциаций, взаимодействие между которыми опирается на систему гражданско-правовых, договорных, товарно-денежных отношений. С точки зрения политической экономии такая система является капитализмом.

Русское общество на протяжении тысячелетий в своей подавляющей массе состояло из населения, образ жизни которого определялся сельским типом расселения. Разумеется, она никогда не стояла не месте и энергично развивалась. Однако развитие страны в течение нескольких столетий шло главным образом не вглубь, а вширь. Россия приобретала пространства, оставляя следующим поколениям задачу качественного преобразования русской цивилизации. Но это был такой вид развития, который ничем не напоминал средневековую Европу с ее “идиотизмом деревенской жизни” или Азию с ее безвольным подчинением населения авторитарным, деспотичным, закоснелым властителям.

Ситуация в России изменилась коренным образом только в течение нескольких последних десятилетий. Страны крестьян-земледельцев и крестьян-ремесленников, вне зависимости от того, живут они в сельских или городских поселениях, этой России больше нет. Она преобразилась благодаря стремительной индустриализации в страну городов, где утверждается господство морали и нравственности буржуазного (то есть городского) типа.

Духовная жизнь, возникновение, расцвет и гибель которой охватили краткий с точки зрения истории 80-летний период,

заключался в приспособленном к русским условиям марксизме. Его идеология, отдававшая приоритет материальным условиям человеческого существования, принципиально отрицала самостоятельный характер идеальных отношений и не признавала, в связи с этим, возможность для появления наций как новой формы человеческих общностей, возникающей как результат длительного процесса становления нового вида государства.

В начале XX столетия, когда в России начали создаваться объективные предпосылки для национального этапа развития, русский марксизм создал “теорию национального вопроса”, в которой, с одной стороны, понятие нации оказалось калькой с понятия класса, с другой — произошло отождествление понятия народа и нации. Теория классовой борьбы, доминировавшая в марксизме, сузила до минимума горизонт его возможностей в области абстрактного мышления. Таким образом, состоялось еще одно отчуждение марксизма от действительного развития, превратившегося в отвлеченную от действительной жизни схоластику.

Теперь, когда эта доктрина окончательно рухнула, превратив русскую разновидность марксизма в анахронизм, русская нация стоит перед необходимостью творческого самопознания. Если она не захочет оказаться в плену других национальных идей или искусственных фальсификатов, вроде марксизма или либерализма, ей придется встать на почву собственных национальных ценностей. Перефразируя Наполеона, можно сказать, что нация, которая не хочет жить своим умом и обеспечивать собственные интересы, будет обречена на то, что усвоит чужие идеи и обеспечивать интересы своих врагов.

Система духовных ценностей, которыми нация должна руководствоваться для исполнения своей миссии на земле, называется национализмом. Само собой разумеется, что утверждение русского национализма как господствующей системы взглядов одновременно должно означать и преодоление в общественном сознании таких его антагонистов, какими являются шовинизм, космополитизм и интернационализм, доктрин, неприемлемых вследствие их разлагающего воздействия для любой нации.

Русские в последние годы отказались от “робких сетований”, приступив к решительному преодолению отжившего прошлого. В отличие от мифического пролетариата, которому, согласно известному

девизу, нечего было терять, русским, если они будут пребывать в состоянии робости, нерешительности, покорности, могут потерять шестую часть мира, освоенную ими за более чем две тысячи лет своего цивилизационного развития. Они могут потерять Россию, если будут игнорировать специфическую, потенциально опасную, революционную, а потому переходную фазу национального развития.

Революции не совершаются ни по воле начальства, ни по воли так называемого общества, ни из-за наличия в нем так называемых революционеров. Они происходят вследствие наличия совокупности объективных факторов, которые создают революционную ситуацию.

Оказавшись в такой ситуации, задача нации как раз состоит в том, чтобы активно действовать не вопреки, а в соответствии с ее логикой. Если русским сейчас что-то и мешает, так это недостаточная радикальность в действиях, которая возникла из-за отсутствия ясного понимания цели революции и ее стратегии. Иначе говоря, вследствие недостаточной концентрации в общественном сознании революционных идей, соответствующих характеру данного этапа.

Пройдя лишь первоначальный, в значительной степени разрушительный этап, современная русская революция неизбежно преодолеет собственные недостатки, а заодно опровергнет высокомерно-покровительственные суждения о русской недоразвитости и неполноценности.

На очереди новая фаза революции, которая помимо того, что она приобретет созидательный характер, одновременно станет и периодом утверждения ценностей русской национальной идеи, реализация которой в состоянии превратить Россию в лидера XXI столетия.

Поэтому новая национальная Россия должна без какого-либо сожаления отправить на историческую свалку все, что мешает ей развиваться, и прежде всего советы впавшей в детство “народной совести” с замшелыми баснями о “государстве, стоящим с алебардой на площадях и следящим, чтобы не грабили подданных”.

*** * ***

Важнейшая проблема современной России — преодоление разложения русского ядра государственности. Надо успеть до того момента, пока не произошел необратимый распад “русскости”: по паспорту и физиономии “русский”, по менталитету — приватизированный (денационализированный) “россиянин”.

Действительно, мы живем в ситуации распада национального самосознания ("русские" и «россияне», "новые русские" и "старые русские"), а социологические данные демонстрируют основательную загаженность создания косным «европеизмом» ("правовое государство", "права человека", “интересы гражданина выше интересов государства”).

Одновременно наблюдается частичный или полный распад идентичности:

— расовой (многонациональность — распад государственности, интернационализм, евразийство — отказ от своей расовой природы),

— этнической (утрата самобытности, евро-унификация города, вымирание деревни, утрата языка),

— национальной (утрата признаков государственности, расчленение СССР, федерализм, утрата общей истории, деградация образования, исчезновение научных школ),

— цивилизационной (вырождение универсалистской парадигмы "третьего Рима" и переход к дурному “атлантизму”, утрата литературы, философии и даже политической публицистики).

Обозначившиеся пределы роста в общемировом масштабе и концепция "золотого миллиарда" для наиболее сильных держав оставляют два основных сценария для России. Либо «европеизм» и растворение в колониальной периферии атлантической цивилизации (денационализация), либо «традиционализм» и восстановление цивилизационной идентичности и вхождение в систему мировых цивилизаций с шансами выиграть конкурентную борьбу в условиях культурного и технологического кризиса. Либо мобилизующая опора на древнюю историю (без попыток ссорить одну древность с другой) и идеологию консерватизма, либо физическое вымирание в течение ближайшего столетия.

Сегодня становится ясно, что индивидуалистическая парадигма — это отказ от собственного рода, от нации, как формы родового взросления, и государства, служащего домом нации. Коммунистическая парадигма никогда не отмоется от этих грехов, от истории борьбы с русскими. Только национализм, традиционализм, консерватизм заключают в себе технологию выживания в условиях свирепой конкуренции.

Истинный русский национализм является политической реализацией “русской идеи”, идеологической и политической проекцией русского традиционного мировоззрения.

Русский национализм не может быть создан под “социальный заказ” на злобу дня. Идеология вообще не создается внезапно, но может возникнуть только на базе мощной мыслительной традиции. Более всего русская национальная традиция проявилась в русской философии XIX–XX в. Именно в ней можно найти и обоснование русского национализма, и все его особенности.

Основа русского национализма — развенчание и преодоление либерального и коммунистического мифа, демонстрация их родства в утверждении человекобожия. И русский коммунизм, и русский либерализм основаны исключительно на материализме, на мифе "идеального общества", на вольтеровской “человек по своей природе добр”, на антитрадиционализме и революционизме.

Здесь стоит упомянуть, что универсалистский либеральный миф эпохи Просвещения давно преодолен на Западе. Запад давно отказался от “общечеловечности” в пользу борьбы за ресурсы для “золотого миллиарда”. Именно поэтому либеральные концепции являются для России крайне разрушительными. Они не дают России адекватно ответить в условиях жесточайшей межцивилизационной конкуренции.

Русский национализм — это идеология цивилизационной перспективы для России. Именно он обеспечен вполне реальной технологией противостояния разрушительным внутренним и внешним процессам. Русский национализм — это культурное обоснование аскетизма и подготовки технологического прорыва. Но даже это не главное. Главное — духовное обоснование своей уникальной формы цивилизации ее нерасчлененной древности, неслучайности русской истории.

В условиях провала партийного строительства, социальной дезориентации разнообразных слоев и групп, антинациональной властной элиты как должен политически осуществлять себя русский национализм? Ответ парадоксален — он должен уйти из политики, то есть отказаться от общепринятых на сегодня технологий борьбы за власть! Это не означает отказа от борьбы вообще. Это означает уклонение от публичности и установку на работу в форме закрытых сообществ и “партизанских отрядов”.

Задача состоит в выделении «субъекта» национального строительства — особой страты или нескольких страт в хаотическом обществе. Причем эти страты должны носить элитный характер — опираться на научные и образовательные сообщества. Постепенно они должны сформировать национальную элиту — соединение доктринально сплоченных сообществ, отбросивших конфронтационность. В дальнейшем можно стремиться к соответствию культурной и социальной стратификации.

Политическая технология национальной элиты должна состоять в следующем:

— отказ от «народности» (охлократизма) и поддержки ее проявления — «общественности» или “интеллигенции”. Народ — лишь носитель генетики, но не творец культуры и политики. Необходимо отделение демоса — профессионалов и граждан, от охлоса; преодоление “гражданского общества”, вырожденного в структуры «общественности», ставшие формой охлократизации демоса;

— выстраивание "символа веры" и цензов от простых к сложным (сообщество "не читающих газет вроде МК" и т. п.): сначала "честь и Родина", лишь потом деление на «левых» и «правых», полидоктринальность;

— формирование культурных сообществ (определенный стиль жизни + механизм включения готовых его принять) и идейных доктрин для каждой страты (при непротивлении остальным доктринам, признание права на научный поиск).

— профессиональный и образовательный ценз — цеховая структура;

— отказ от комплекса оппозиционности ("служим стране, а не режиму", "не против власти, а сквозь власть", "партии — чуждое явление", “не политическая поддержка режима, а профессиональное служение Отечеству”), отказ от партийного строительства, профессиональное овладение властью;

— подобие профсоюза на низших этажах и академии на высших.

Образно говоря, русский национализм в области государственного режима предлагает вместо новой формы рабовладения (демонический капитализм) новую форму аристократии, квазикастовое структурирование демоса и подавление охлоса.

Мы должны стать настоящей корпорацией в море хаоса. Только так мы и сможем выстоять под напором враждебных сил.

Нация — это идеология, организация и стиль.

Принципы и стратегия русского национализма

(проект выхода из тупика)

Национальная идеология создается в процессе возникновения нации. Не может быть национальной идеологии, если нет субъекта, которому она необходима, если нет нации. При этом, разумеется, говоря о нации, мы должны иметь в виду не этническую категорию, не народную общность, а общность этнополитическую.

Русская нация в историческом масштабе времени только-только родилась, и, следовательно, неисторично упрекать её в том, что у неё нет национальной идеологии, что она как бы не очень развита по сравнению с теми же германцами, японцами, французами или китайцами. Великие нации возникают только в свое время и в результате великих исторических побед. У современной русской нации имеется конкретная дата рождения — 1945 год, победа в Великой Отечественной войне.

Таким образом, тот факт, что национальная идеология рождается именно сейчас — это нормально. Ничего необычного в этом нет. Русские ни от кого не отстали, просто русская нация самая молодая из великих наций мира. Упрекать же ее в молодости так же нелепо, как юношу в том, что у него нет седины в бороде.

Главная опасность для нарождающегося русского национализма, это русский этноцентризм. Для этноцентриста главное — его этнос, его народ; для русского националиста основная ценность — Государство Российское. Потому что на современном этапе развития человечества в государственности воплощается высшая форма его самоорганизации. Недопустимо противопоставлять русский национализм русскому государству. Государство является формой самоорганизации, инструментом утверждения национальных ценностей, орудием защиты национальных интересов в мире. Иначе относиться к этому вопросу было бы большой, непоправимой ошибкой.

Современная Россия — русское государство, в которой пока еще нет русской власти. Это единственная и главная проблема, если говорить о сегодняшнем дне.

Необходимо помнить: национализм как основополагающий принцип политики возникает тогда, когда власть в государстве принадлежит элите, которая исповедует идеологию национализма. На сегодняшний день все великие державы мира имеют националистические режимы, обеспечиваемые национальной элитой.

Нельзя в то же время требовать от простых людей, чтобы они поголовно были националистами. Не надо провоцировать их нелепыми вопросами бытия. К примеру: не хочет ли он, допустим, чтобы Чечня стала свободной? Для решения подобных проблем существует органы власти.

Та ситуация, которую сейчас переживает Россия, содержит все необходимые признаки революции. Она отрицает ранее существовавшие в стране политический режим и экономический строй, которые можно характеризовать как феодально-бюрократические, и утверждает принципиально новые отношения.

Раз власть являлась по своей природе феодально-бюрократической, то она, само собой разумеется, не могла быть национальной. Потому, в частности, и создавались квазигосударства на территории России. Посмотрите, как членились крупные государства в древности и в средние века — это на наши предшественники в мировом развитии.

А как поступала буржуазная революция с подобными рудиментами, например, во Франции? Она уничтожила деление на провинции и создала департаменты, которые существуют по сей день. Она провозгласила: нет бретонцев, гасконцев, эльзасцев; есть французы! Те, кто не хотел быть французами, либо уничтожались, либо смирялись. И все в конце концов стали французами. Такова закономерность любой буржуазной революции.

Другое дело, что нельзя требовать немедленного, с сегодня на завтра, превращения этнически разнородного населения в однородный национально-политический монолит. Это болезненный, но закономерный исторический процесс. Поэтому главный тезис: надо понять, что сейчас не “состоялась революция”, не “совершилась революция”, а идёт революция в России. Революция утверждает нормальное капиталистическое хозяйствование, русское буржуазное общество XXI века.

Современная русская революция не приобрела национального характера, в этом её трагедия. Проявился капиталистический характер революции, а русского национального компонента в ней еще нет. Буржуазное начало — это всегда начало эгоистическое, и если одновременно с ним отсутствует национальная идеология, начинается распад, развал, этнический и территориальный сепаратизм. Очевидно, кроме национализма ничто не сможет обеспечить целостность страны.

Главное в каждой революции — это вопрос о власти, захват государственной машины. Не отрицать государственную машину, не разрушать ее, а захватить эту машину. И пусть политические противники русской революции называют её как им заблагорассудится, так им удобно: орудием насилия, ночным сторожем. То, что хорошо марксистам или либералам, неприемлемо для националистов. Русские националисты должны овладеть государственной машиной России.

Если признать, что сейчас Россия — это Российская Федерация без Украины, Казахстана, Чечни, Татарстана, Тувы и так далее, то национальная революция закончится крахом, так и не начавшись. И тогда, действительно, русский национализм превратится в русский этноцентризм, окажется на одном уровне и в одной упряжке с этноцентризмом молдаван, чеченцев, казахов, узбеков и т. д.

У русской национальной революции должна быть духовно-нравственная основа. Я хотел бы оспорить прозвучавшее утверждение, что “антиквариат нужно выбрасывать”. Серьёзные собственники, исповедующие буржуазно-капиталистические идеи, антиквариат собирают, а не выбрасывают. Если то, что создавалось на территории России нашими предками, нашими духовными отцами — выбросить, то с чем мы останемся? У русских нет еще одной тысячи лет, чтобы создать какую-то новую духовно-нравственную основу развития. Значит, надо брать ту, которая есть.

Духовная жизнь России, зачастую подсознательно, имеет своей естественной основой православие. Нужно формулировать основы национальной русской этики на глубокой и серьезной исторической базе реальной духовности. Национальная этика пока не приобрела законченной, упорядоченной формы — её еще предстоит создать современным русским мыслителям.

Теперь о стратегических целях русской национальной революции.

Во-первых: милитаризм общества и государства. Потому что революция всегда болезнь. А раз болезнь, значит организм нации ослабевает. Что защитит ослабевшую Россию? Только милитаризация, милитаризация и еще раз милитаризация — как экономическая, так и общественная.

Во-вторых, русских должно быть пятьсот миллионов на суверенной территории России. В противном случае она всегда будет объектом притязаний. Когда русских будет пятьсот миллионов, у них хватит сил на всё. И даже Китай не полезет к нам, зная, что здесь живёт пятьсот миллионов русских. Это задача примерно пятидесяти лет, разумеется при правильной национальной политике. России нужен демографический взрыв.

В-третьих. Опрометчиво повторять вслед за нашими оппонентами, что мол, распался Советский Союз или что-то в этом роде. Распалась не Россия, а власть в России. Врагам России очень хочется, чтобы в общественном мнении сложилось представление, что распалась страна. Тогда действительно восстановить её не сможет никто. А если распалась всего-навсего власть в стране? Восстановить власть — раз плюнуть. Сменить её — тем более. Перестанем цитировать наших противников, действовать по их правилам, не будем ввязываться в их игры. Поскольку распался не Советский Союз, а имеет место разложение феодальной власти в России, естественной стратегией русской революции становится реваншизм. То есть восстановление государственной власти на её национальной территории.

Националисты должны стремиться к невозможному, чтобы получить необходимое.

Российская история последних лет перенасыщена словами о демократии. Эти слова въелись во все поры общества, разлагая его, разрушая иерархические структуры и информационную вязь современного производства, современного государства. Воспринятая, подобно туберкулезной палочке, политическая доктрина понравилась тем, кому очередной эксперимент над страной сулил материальные выгоды и удовлетворение плотоядного любопытства. Суть той формы демократии, которая была внедрена в России, состоит в ее принципиально антинациональном характере. Эта демократия не имеет ничего общего ни с одним историческим периодом страны,

абсолютно беспочвенна и сподручна только тайным замыслам ненавистников русской цивилизации.

Эта демократия вывернула Россию наизнанку и мы увидели что у нее внутри. Проблема состоит в том, чтобы вывалившиеся внутренности снова убрать на свое место, успокоить государственный организм, дав срастись переломам, нанесенным безжалостными экспериментаторами. Для этого нужно ясное видение происшедшего и мастерство хирурга, умеющего сшивать плоть и накладывать гипс.

Вряд ли есть необходимость цитировать Аристотеля или Полибия, создавших более двух тысяч лет назад теорию государственной власти, но всё-таки необходимо подчеркнуть, что власть в государстве может принадлежать либо одному, либо немногими, либо меньшинству.

При анализе власти греческие классики подчеркивали, что каждая его форма может быть по природе либо “правильной” — тогда она развивает и защищает общественный организм, либо “неправильной”, - и тогда она губит его. Власть одного может быть монархической (правильной) или тиранической (неправильной). Власть немногих может быть аристократической (правильной) или олигархической (неправильной). Правильная власть меньшинства (активных граждан, демоса) демократия, неправильная (толпы, черни, простонародья) — охлократия.

Если власть в России действует на управляемое общество разрушительно, то закономерно следует и вывод по отношению к её природе. Она — “неправильная”. Когда в 1985–1989 гг. начался объективный период смены всех общественных институтов, неправильная власть немногих была заменена неправильной властью меньшинства.

Но всё дело в том, кого представляло властное меньшинство, чьи интересы оно объективно выражало — демоса или толпы, граждан или черни. Поскольку все фундаментальные основы страны после падения партноменклатуры оказалась в фазе саморазрушения, надо признать — состояние населения страны таково, что оно представляет собой пока что толпу, чернь, подобие Панургова стада. Поэтому, после того, как формализм голосований сменился реальностью выборов, государственные должности оказались, строго говоря, в руках не народных трибунов и авторитетных общественных деятелей, в власть

перешла отнюдь не к лучшим. Ею завладели демагоги, казнокрады и предатели.

Что произошло с народонаселением России? Так ли оно безумно, как его поступки? Ясно одно — перед нами не порок, не злодейство, не безумие, а скорее свойства, присущие если и не детству, то юности нации. Когда запретный плод, в виде всеобщих выборов, оказался доступен всем, избиратели, истосковавшиеся по политической борьбе, увлеклись ею, словно дети новой игрой. Иначе говоря, подобно тринадцатилетнему ребенку, русские при первом сердечном трепете были готовы увлечься всем без разбору.

Но избирательное право не является изначальным естественным правом всех жителей. Оно представляет собой итог длительного движения от периода, когда власть принадлежала одному, к периоду, когда власть принадлежит всем — то есть от частного к единичному и от единичного к общему. Чтобы со знанием дела принимать участие в выборе лучших на государственные должности, надо иметь в наличии не только этих лучших, но также исторический опыт и сознание ответственности тех, кто выбирает.

Русским для безвредного применения всеобщего, равного, прямого избирательного права не хватает и глубокого исторического и политического опыта, и полноценных институтов гражданского общества — партий, профсоюзов, территориальных общин, мощного экономически устойчивого среднего класса. Нетрудно, к примеру, обнаружить наличие разброда и шатания в среде русских промышленников и предпринимателей, мировоззрение которых опирается не на национальную философию, а на клановый, своекорыстный интерес.

Таким образом, Россия пока ещё не в состоянии без отрицательных для себя последствий использовать приемы и методы власти меньшинства. И вовсе не потому, что русские органически несовместимы с демократией. Чтобы природа власти меньшинства могла приобрести свойства демократии, народ страны должен превратиться в активных граждан, стать демосом. А это не делается ни за год, ни за десять лет. Англичанам, прочно вставшим на этот путь раньше других, потребовалось не менее пяти веков, французам, немцам, испанцам — лет триста.

Весь период так называемой “советской власти” в сущности, являлся отрицанием власти, избираемой гражданами. Он воспрепятствовал накоплению избирательного опыта, по крайней мере, шести поколениям наших соотечественников. Не мудрено, что возможность превратиться с сегодня на завтра в полноценных избирателей оказалась для них ловушкой. Повторим еще раз: очутившись в ней, нация не могла не совершать одну ошибку за другой, избирая то ложный путь развития, то политиков, негодных к государственной деятельности.

Как можно покончить с “неправильной” властью? Установить ту или иную форму “правильной” власти. Вместе с тем должно быть ясно, что как для монархии, так и для аристократии в России имеется еще меньше предпосылок, чем для демократии. А раз так, то не остается иного пути, кроме как превращать охлократию в разумную форму национальной демократии, которая в русских условиях есть соборность. Но сделать это сразу вряд ли невозможно. Потому что в самом обществе отсутствует критическая масса активных граждан, способных на единство действий, осознающих при этом и истинные её интересы, ценности и цели, и серьёзную опасность, нависшую над отечеством.

С одной стороны, речь может идти о деспотическом вмешательстве откровенной силы в дела государственных институтов. Режим охлократии не может пасть сам собой, для этого нужны организованные усилия. В России единственными надежными союзниками могут быть, как и во времена Александра III, лишь её армия и военно-морской флот. Но меры, которые могут предпринять вооруженные силы страны для её спасения, совершенно недостаточны. Как известно, применяя штыки, можно навести порядок, но долго сидеть на них невозможно.

Беда России в “неправильных” формах власти, которые доминируют в государстве слишком часто. В текущем столетии причина подобного явления коренится в несоответствии границ активного избирательного права, предоставленного всем без разбору, и гражданством, свойства которого присущи немногим. Для того чтобы избавить страну от таких разрушительных форм, сохраняя при этом избирательные методы, принципиально важно придать статус гражданина России в пределах, подлежащих её юрисдикции, лишь тем

гражданам СССР и их потомкам, которые родились на этой территории и принадлежат к коренным народам данной территории. Лишь эта категория граждан должна приобрести право голоса. что позволит быстро оздоровит политическую жизнь в стране. Очевидно, что от участия в принятии государственных решений должны быть отстранены деклассированные, денационализированные, деморализованные элементы. В обществе необходимо создавать положительные стимулы для того, чтобы его члены стремились к приобретению статуса полноценных избирателей, имеющих формальное право реально участвовать в государственной власти.

Парадокс состоит в том, что для утверждения в России подлинного народовластия необходим на первых порах его развития период цензовой демократии. Последняя, предоставив власть в стране лучшим, будет шаг за шагом расширять свою социально-экономическую базу, преобразуясь в демократию принципиально иного, широкого типа, обоснованно признающей полноценными избирателями большинство взрослых граждан страны, то есть в строй русской соборности.

Устранить результаты варварского эксперимента над нашей страной можно только обратным политическим проектом, проектом принципиально несовместимым с антинациональной демократией — национальной диктатурой. Вопрос стоит так: либо умерщвление России теми способами, которые у нас у всех перед глазами, либо ее возрождение действиями противоположного характера.

Главное в этом проекте должно быть не всеобщее потрясение общества очередной перестройкой (что фактически предлагают коммунисты), а явление силы государства в отношении наиболее рьяных его врагов. Государственная власть должна вмешаться в политику открыто и открыто покарать предателей, преступников и откровенных врагов.

Идеология национализма — сложный мировоззренческий комплекс, над которым еще работать и работать русским мыслителям. Зато идеология национальной диктатуры может быть выражена предельно кратко, всего в нескольких пунктах:

1. Идея нации — единственная идея, способная предотвратить распад России, преодолеть идеологическую раздробленность общества и назревающий классовый конфликт. Эта идея позволяет с

минимальными потерями для России провести национальную революцию и обрести для нее достойное будущее в новом тысячелетии.

2. В России есть только один народ, способный к национальному строительству — русский народ, объединяющий великороссов, малороссов и белорусов. Остальные народы по своему культурному уровню и исторической миссии могут быть в России только национальными меньшинствами.

3. Русская нация — превыше всего. Если человеческая цивилизация собирается решать свои проблемы за счет русских, мы будем всеми силами противодействовать такой цивилизации.

4. Национальная диктатура — средство для возрождения русской нации, путь к национальной демократии. Отказаться от диктатуры, значит обречь Россию на десятилетия бесплодных поисков согласия с теми, кто ненавидит Россию и мечтает о ее уничтожении.

5. Национальная диктатура требует прихода к власти национального диктатора, который возьмет на себя всю полноту ответственности. Диктатор должен ограничивать свою власть только интересами нации.

6. Главным союзником националистов является государство. При всех недостатках государственного устройства, безнравственности чиновничества, бездарности верховного руководства, любые другие институты общества либо немощны, либо прямо антинациональны. Все то, что в государстве служит русской нации, необходимо решительно поддерживать, со всем, что направлено против русской нации, необходимо бороться.

7. Наши враги — это враги русской традиции и русской национальной перспективы:

— русофобы, страшащиеся усиления России и власти русских (особенно те, кто говорит: “Когда идея становится национальной, это означает погром”);

— этношовинисты, вынуждающие народы России к столкновению;

— политики-космополиты, насаждающие антинациональные или безнациональные идеологии от коммунизма до либерализма;

— религиозные фанаты, пропагандирующие нерусский духовный строй или не понимающие национального характера духовной жизни.

* * *

“Экономика — она и в Африке экономика”, — такое утверждение стало почти расхожей истиной в сезон радикальных реформ. Примерно так же мыслят и экономисты, чье мировоззрение сложилось в период всеобщего марксистско-ленинского единомыслия. Бряцая научными степенями, новоявленные “фридмановцы” и “хайековцы” по-прежнему уверены, что в России экономика та же, что и в Африке, та же, что и в Америке. Почему Америка живет богато, Россия бедно, а Африка голодно, они объясняют очень просто — а вот пусть и в Африке, и в России живут так, как живут в Америке, по тем же законам! Но вот парадокс — чем больше всюду в мире стремятся жить по-американски, тем больше беднеют.

Если отвлечься от неумного желания представить экономические законы универсальными и представить себе, что способы экономического обогащения зачастую предполагают изготовление специальных грабительских технологий, можно без особого труда увидеть такого рода технологии.

Наиболее явно просматривается технология неэквивалентного обмена ведущих индустриальных стран со странами, не умеющими защитить себя. Подкупая верхи экономически слаборазвитых государств, США и К° заставляют их конкурировать в самых невыгодных условиях. Соответствующие экономические теории (примитивный монетаризм) внедряются через людей типа Гайдара или Чубайса. Результат мы видим — за несколько лет вывоз капитала из России составил несколько сот миллиардов долларов, вывоз сырья не поддается точной оценке (но успел демпингом “посадить” мировые цены), вывоз мозгов — просто беспрецедентен.

Законы конкуренции на мировом рынке в настоящее время сложились. Тем не менее, национальные стратегии экономического развития определяются архетипами производительной деятельности, историческим прошлым, наличным ресурсным потенциалом каждой отдельно взятой страны. А еще интеллектом и нравственным потенциалом каждой нации. В этом смысле необходимо говорить о национальной модели экономики и экономическом национализме, как о способе избежать невыгодного положения, уберечь национальную экономику от поражения в конкурентной борьбе.

Любое государство, желающее защитить себя от разграбления под видом внедрения экономической свободы, обречено на изоляционизм, фильтрующий неблагоприятные экономические отношения, проникающие из-за границы. Пусть хоть весь мир “уходит в отрыв”! Если достаток в собственной стране нам важнее богатства лидеров прогресса (и призрачной мечты занять место в лидирующей группе лишь на основании принятия их правил игры), мы должны оградить себя от невыгодных условий конкуренции. Мы должны опереться на экономический национализм, учитывающий реальные условия хозяйствования, социальную психологию населения России, опирающийся на те преимущества, которые предоставила в наше распоряжение (а не чье-то еще) судьба.

Прежде всего, надо сказать, что климат российский не годится для серьезного наращивания скотоводства. Бифштекс с кровью — не из русских национальных блюд. Зато пищей растительного происхождения Россия может накормить впятеро большее население. А коли будет нас 500 миллионов, так не страшны никакие “общечеловеческие” неурядицы — одними талантами прокормимся, да еще другим помогать будем.

Только позабыть надо о той экономике, что цветет южнее крымских берегов (а без Аляски все США южнее Ялты!). Позабыть о массовом производстве мяса, отходами которого кормят то же стадо, что идет на убой (от чего, говорят, оно болеет всякими генетическими безобразиями). Позабыть о самостийности сельского хозяйства, которое и при более благоприятных условиях живет на дотации, а без дотаций практически всюду вымирает.

Отказываясь от “общечеловеческих” экономических законов (а вместе с ними и от прогрессирующей нищеты), придется позабыть и о просторных квартирах, собираемых как в теплых странах буквально из картона. Нам живется теснее, зато мы должны строить на века. Те же хрущебные халупы, что через 50 лет грозят завалиться — попытка воспроизвести чуждой и чуждый опыт.

Мир идет к глобальным катастрофам. У нас же есть возможность не тащиться вместе с этим миром. Среди наших преимуществ — традиционные культурные ценности, православный аскетизм, стремление к справедливости. Эти преимущества серьезно подорваны большевизмом и либерализмом, но все еще ждут, чтобы их зачерпнули

в государственную политику. Народное самосознание легко примет первенство духовного над материальным. Может “творческая интеллигенция” еще и пошумит, а остальные и так духом святым сыты с января 1992 года.

В обозримой перспективе России предстоит развиваться в условиях мобилизационного напряжения. Поэтому обязательным окажется приоритет такого экономического развития, которое обеспечивает воспитание внутренней дисциплины и утверждения трудовой морали. Либерализм на все это плюет, рассчитывая только на голый интерес. А вот с национализмом, востребующим русский национальный архетип, образ Микулы Селяниновича, у которого в заплечной сумочке вся тяжесть земная, мы свои преимущества сможем прочувствовать в полной мере.

Если же говорить о конкурентоспособности России на мировых рынках, то практический коммунизм в экономике всегда вел к бюрократической ограниченности (если за “бугром” не купят, то нашим сгодится!), а практический либерализм поставил на мелких лавочников и пустил по миру даже те предприятия, что составляли нашу гордость. Пытаясь реализовать коммунистические утопии мы утратили реальную связь с мировой экономикой (колониальные тряпки — если и связь, то порочная) и потеряли способность использовать народный творческий потенциал. Замена коммунистических утопий на утопии либеральные привела экономику России к краху — к потере половины внутреннего рынка и утрате большей части информационного пространства, формирующего русскую трудовую этику.

Экономический национализм даст другую перспективу. Стихия мелких лавочников и посредников будет обуздана мощными промышленными монополиями с преимущественно государственной формой собственности. Это будут наши транснациональные (точнее, предельно национальные!) корпорации, способные содержать научные центры и бороться за рынки сбыта.

С чем должен расправиться экономический национализм, так это с диктатурой коммерческого капитала, криминального во всех формах — от наглого обмана потребителя до измены Родине — и противостоящего не только русским традициям, но и целям модернизации российской экономики, всего российского общества.

Экономическая гражданская война всех против всех, импортированные с Запада финансовые инструменты грабежа, криминальный способ разрешения экономических конфликтов — это все чужое и вредное, подлежащее не просто вытеснению, а искоренению.

В постиндустриальном обществе конкурентные преимущества мы получим только культивируя высокотехнологичные промышленные производства, информационные и биотехнологии, высокопроизводительный промышленный и интеллектуальный труд. Сплав научно-технического прогресса и наших традиционных ценностей в сочетании с адекватной государственной политикой может дать нам выход из тупикового состояния, в котором мы находимся.

Агенты торгашеского и ростовщического космополитизма толкают Россию к экономической и политической пропасти, уводят ее от единственного и естественного пути выхода из экономического тупика — от промышленного прорыва, который может обеспечить стране конкурентоспособность, а гражданину — достаток.

Кто будет восстанавливать трудовую мораль и высокотехнологичные производства, кто будет отдавать многомиллиардные кредиты? По всей видимости, те, кто придет на смену политикам-коммерсантам и сможет защитить стратегические интересы России — русские националисты, сочетающие теологию с технократией.

* * *

Говоря очень коротко можно предложить следующую систему мероприятий национальной диктатуры, вводимых по одно за другим, выстроенных в некий план:

В области обороны и безопасности

Воссоздание единства Вооруженных Сил, подчинение всех вооруженных формирований единому командованию, унификаций их статуса. Создание мобильной армии из боеспособных частей, ликвидация разложившихся структур, аттестация генералитета и резкое его сокращение. Создание в системе прокуратуры органов безопасности, контролирующих деятельность администрации. Введение смертной казни за создание преступных сообществ вне зависимости от результатов преступной деятельности. Немедленный арест всех преступных авторитетов и заключение под стражу на 2–3

года. Установление права граждан на ношение и применение оружия самообороны.

В области политической стабилизации

Роспуск всех коллегиальных органов власти, объявление выборов в конституционную ассамблею через два года по системе цензов. Введение цензуры средств массовой информации на предмет нравственной чистоплотности и политической лояльности. Национализация телевидения. Публичное расследование событий августа — декабря 1991 и октября 1993. Подписка о невыезде с постоянного места жительства для все причастных к ним высших должностных лиц, запрет для них на занятие руководящих должностей в любых секторах экономики и управления.

В области экономики и социальной политики

Полное разделение частной и государственной собственности (продажа или принудительный выкуп соответствующих пакетов акций), мораторий на создание частно-государственных предприятий. Приостановление выплаты долгов России вплоть до решения вопроса о возвращении ей собственности, золотого запаса и вкладов Российской Империи. Отмена налогов на инвестиции отечественных производителей в основные фонды. Резкое увеличение налогового бремени на роскошь. Введение ответственности руководителей и учредителей за сокрытие налогов всем своим имуществом.

Отмена всех налоговых и социальных льгот и замена их обоснованными выплатами из бюджета. Введение налога на бездетность. В демографически неблагополучных территориях принятие третьего ребенка в семье на полное государственное обеспечение. Введение паспортного учета по национальной и этнической принадлежности с учетом знания языка, двойной идентичности (например: русский, великоросс; русский, белорус; русский, украинец; русский армянского происхождения; россиянин, татарин и т. п.).

В международных отношениях

Учреждение русских общин во всех бывших республиках СССР, превращение их в единственного экономического посредника в отношениях с Россией. Разрыв дипломатических отношений с Прибалтийскими республиками и блокада их сухопутных границ. Снижение уровня представительства во всех международных

организациях, выход из ООН и Совета Европы. Полный запрет на ввоз в Россию видеопродукции из-за рубежа.

Понятно, что большинство из мероприятий, представленных в списке, не требуют большого шума и политических деклараций. Они должны проводится спокойно, без излишней экзальтации.

Национальная диктатура не должна планироваться на неопределенный срок. Государство не должно постоянно напрягать карательные органы в открытых действиях. Достигнув определенных результатов, национальная диктатура должна уступить место национальной демократии для подавляющего большинства граждан России, а карательные операции должны стать уделом спецслужб, задачи которых точно определены.

Здесь имеется трудность. Дело в том, что диктатура нравится сама себе, но со временем исчерпывает ресурсы нации. Поэтому диктатура, не видящая своих целевых и временных пределов не может быть национальной. Ее последствием снова будет отупляющий застой и либеральная «оттепель», отбрасывающая страну вспять. Отсюда следует, что национальной может быть признана только та диктатура, которая ясно проводит границу, за которую ее мероприятия не переходят, и решительно пресекает растекание репрессивной практики.

Национальная диктатура есть восстановление справедливости. (Только не надо путать справедливость с благотворительностью.) Если несправедливость станет ее оружием диктатуры, она утратит национальный характер и превратится в орудие секты или клана. Справедливость требует прощения малой вины (которая есть почти на каждом) и наказание большой, ее истины должны быть понятны большинству и говорить на языке большинства, не выпуская научных теорий дальше специальных изданий.

Диктатура должна уметь объясниться с обществом. В этом смысле националистические издания будут наносить лишь вред национальному возрождению и вредить национальной диктатуре, если будут ратовать за то, что принципиально не может быть принято и понято большинством. Это тем более принципиально, что национальная диктатура ищет себе основания первоначально именно в слове.

И все-таки, в настоящее время любая форма диктатуры будет благом для России. Антинациональная демократия никогда не перерастет в национальную, но любая диктатура имеет шансы и внутреннюю потенцию приобрети национальную форму.

* * *

Русская религиозная и философская мысль давно уже определили судьбу русских как народа, удерживающего мир от торжества “тайны беззакония”, а потому переваривающего в себе все локальные “апокалипсисы”. Именно поэтому русские видение истории — трагический оптимизм, в котором присутствует понимание неизбежности локальных поражений и уверенность в финальной победе Христа в Своем Пришествии. От этого и традиционный образ русского человека как воина и пахаря, на котором “вся тяга земная”.

Смысл современной русской истории отражен в мысли Н.Я.Данилевского: “Прогресс состоит не в том, чтобы все шли в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности, исходить в разных направлениях”. В XX веке Россия исходила это поле вдоль и поперек, найдя для себя и других впечатляющие исторические уроки. Проблема состоит в том, чтобы усвоить эти уроки.

Вероятно главный урок русской истории XX века — трагедия утраты русскими собственного государства, своей веры и своей истории. Последние сто лет — это история отпадения русских от понимания задач государства, от православной веры и памяти предков, история трагических последствий этого отпадения и их осознания.

Смута в русском духе произошла от увлечения европейскими идеями Просвещения, либерализма и гуманизма. Внесенные на русскую почву они дали ядовитые плоды — денационализированную разночинскую интеллигенцию, породившую марксистские кружки и чудище большевизма.

Большевики не только столкнули русских между собой в гражданской войне, не только уничтожили цвет нации — ведущие сословия, но и смутили русское самосознание интернационализмом. В результате страна была разрублена этническими границами, по которым и распалась в 1991. К власти прорвались китайские добровольцы, еврейские “образованцы”, латышские стрелки и

сонмище прочих участников этого вселенского интернационала, оторвавшихся от собственной национальной почвы.

Теоретическим достижением большевиков стало уничтожение такого понятия, как “великоросс”. В результате смешались понятия об этнической и национальной природе русских. Оказалось, что малороссы — уже не русские. До сих пор мы не можем восстановить нормального понимания того, что русские — это нация, состоящая из трех основных русских этносов (великороссы, малороссы и белорусы), ряда малых этносов (русины, поморы и др.), а также из обрусевших представителей иных этносов.

На смену большевикам пришла когорта сталинских “меченосцев”, искрошившая прежний интернационал, но оставившая его политику без изменения. Россией правили нерусские люди, “великодержавный шовинизм” корчевался по-прежнему. Только в годину испытаний Великой Отечественной войны на словах Сталин вспомнил русских полководцев. Празднуя Победу он лицемерно поднял тост “за великий русский народ”. Но именно сталинские лагеря добивали цвет русской нации, русскими жизнями оплачивался авантюризм и некомпетентность советской военной верхушки. Мы должны помнить это, склоняя головы перед подвигом русского солдата.

Русский гений в послевоенные годы обеспечил технологический прорыв СССР и его ведущую роль в мировых событиях. Но советская антинациональная бюрократия выхолостила этот успех, надорвала силы русских, опоила русских лицемерием застойных лет и породила “демократическую революцию”, ни в чем не отступившую от ленинской национальной политики. Именно советская номенклатура превратила “творческую интеллигенцию” в новый пролетариат, у которого нет Отечества, а журналистику — в передовой отряд этого “пролетариата”.

Именно журналисты сегодня образовали сплоченный паразитический слой, живущий за счет разорения страны и доводящий болезнь русофобии до русофагии. “Убей в себе русского”, - вот что пропагандируют средства массовой информации на протяжении последнего десятилетия. В результате активный компонент в русском народе составляет не более 15 % осознающих себя русскими и готовых к защите своей русской идентичности.

Ужаснувшись масштабам утрат для Русской цивилизации, мы не должны впадать в пессимизм, ибо у русской истории есть и оптимистическое прочтение. Русскую историю XX века можно представить как Великую русскую революцию, которая не была более трагичной или кровавой чем европейские национальные революции.

Первый этап этой революции (1905–1935) связан с революцией ремесленников, мастеровых, которым было мало чуда русской индустриализации начала века, мало 10 % роста производства ежегодно. Стесняющая развитие бюрократическая система была отброшена, потому что не поспевала за историческим временем.

Следующий этап революции — этап становления современного воинского сословия — был поглощен войной, но дал русским не только величайший национальный символ Победы, но и образцы мощи русского духа.

Третий этап начался в 1985, когда революция интеллектуалов взломала строй советской бюрократии. Русским интеллектуалам было мало фальшивого советского благополучия, позволяющего кормить всю страну за счет нефтедолларов и отучающего людей работать. Наука и образование требовали не 5-10 %, а 30–40 % от ВВП, соответствующих современным требованиям индустриального и культурного развития.

Наконец, решающий этап — революция национального капитала — начинается сегодня, когда русское предпринимательское сословие начинает осознавать себя именно как национальное, имеющее свои интересы, отличные от интересов транснациональных корпораций и биржевых спекулянтов, прямо противоположные интересам коррупционеров и мафиози.

Русская перспектива в XXI века связана с объединением русского интеллекта и русского производителя. Именно этот союз может вывести русский народ из того состояния, в котором он уже наполовину считает себя “россиянами”. Именно этот союз даст России русскую власть в русском национальном государстве, где под покровительством русских будет место другим народам, имеющим вместе с русскими общее Отечество.

Россия, безусловно, является мононационалным государством. И не только потому, что русских в России более 85 %. Дело в том, что сам термин “нация” означает государственный суверенитет, право на

который подтверждено историей. В России нацией в этом смысле являются только русские. Поэтому русские являются единственным в России государствообразующим народом. Насколько русские являются нацией, настолько и Россия является государством. И мы на опыте убеждаемся: чем меньше в государственной политике русского, тем менее внятно явлено само государство.

Судьба России на переломе. В будущем веке Россия может быть только русской (русским национальным государством, преемницей исторических форм общежития и права Российской Империи) или ее не будет вообще.

Заключение

"…согласитесь, если на каждой российской сосне сидит по вороне, которые все в один голос кричат: посрамлены основы! потрясены! — то какую же цену может иметь мнение человека, положим, благонамеренного, но затерянного в толпе? И притом такого, который, вопреки всем вороньим свидетельствам, утверждает, что никогда околоточные надзиратели не были так деятельны, никогда основы не стояли так прочно и незыблемо, как теперь? Ведь человек-то этот, пожалуй, подозрительный! Ведь он-то, пожалуй, самый потрясатель и есть!

А сверх того, право, дело совсем не в защите основ и даже на в том, незыблемо ли они стоят или шатаются. Очень это нужно вороньему роду! Ему нужно одно: чтобы в общественном сознании произошел оптический переполох, благодаря которому и незыблемо стоящие основы казались бы расшатанными и неогражденными. Потому что переполох развязывает им руки и сообщает их крикам авторитетность. Увы! нынче даже в нашей небогатой численным персоналом литературе (еще недавно столь гадливой) завелись целые рои паразитов, которые только и живут, что переполохами да неплатежом арендных денег.

Несомненно, что эти каркающие мудрецы — просто-напросто проходимцы. Но они знают, какого рода карканье требуется в данный момент на рынке, — и это обеспечивает им успех. Не факты действительного грабежа и вопиющего предательства священных интересов страны приводят их в негодование, но попытки отнестись к этим фактам сознательно и указать их значение в связи с общим жизненным строем."

"Ложь, утверждающая, что основы потрясены, есть такая капитальная ложь, которая должна прикрыть собой все последующие лжи. Вот почему прочная постановка этой лжи прежде всего необходима каркающим мудрецам."

М.Е.Салтыков-Щедрин

Нам, дорогой читатель, довелось жить в горький период истории России — когда президента нам «делали» из Америки, а городами и весями правило откровенное ворье, когда предательство было тем больше, чем выше пост, когда без всякой войны была почти стерта в пыль русская армия, когда ложь была (да и остается) тем гнуснее, чем больше тираж. Кажется, что мы близимся к окончательному краху.

И все-таки не стоит преувеличивать наши печали. Россия переварила и выплюнула коммунистический миф, а сегодня уже в основном справилась и с мифом либеральным. Страна идет к здоровому национальному образу мысли, к идейной революции, которая призвана вывести ее в лидеры нашего усложняющегося мира. Глупость номенклатуры позволяет надеяться, что она рухнет под тяжестью собственной глупости. Вот только сохранить бы к этой моменту хоть какие-то остатки от российской государственности…

Объяснять народу что будет перспективным в будущем тысячелетии или искать у него истины, как это пытались делать народовольцы, дошедшие в этом деле до отчаяния и террора, бессмысленно. Народу нужно доказывать лишь одно: управлять страной должны лучшие, они должны быть хозяевами, пастырями, по-отечески пекущимися о населении. Что же касается самих лучших, то их историческая задача — объединение между собой и избавление от тех, кто лишь прикидывается лучшим.

В этом деле нет необходимости договариваться обо всех нюансах идеологии. Речь идет об объединении на основе понимания и готовности уступить дорогу, поддержать лучшего, чем ты. Это будет настоящая национальная элита, а не “творческая интеллигенция”.

Идейные расхождения — предмет дискуссии в процессе выработки идеологии, превращающей страну в конкурентоспособное государство, народ — в нацию. Дискуссии не должны прекращаться. Они будут бесспорно продуктивны, если вышвырнут, как ветошь, коммунистическое и либеральное “общечеловеческое” вранье. При этом речь, конечно, идет не об интеллектуальном богатстве

мыслителей, которым пришла фантазия отнести себя к тому или иному лагерю. Речь идет о помойных писаниях пропагандистов двух нерусских, антирусских течений, об их “идеологах” — этих полуобразованных ничтожествах, смеющих кичиться своими научными званиями.

Русская интеллектуальная традиция имеет огромные достижения. Достаточно востребовать их без дурного стремления превратить в единое и единственно верное учение. Для русского единства не требуется целостной идеологии, ибо русское мировоззрение выше любой идеологии и само по себе является целостным.

Нам надо не убеждать друг друга длинными разъяснениями собственной миссии, а чувствовать себя наследниками мировой Империи, которая и заключает в себе смысл человеческой истории.

Россия стояла и стоять будет. Она где-то в своих смысловых глубинах не уступила и не смирилась с поражением. Именно поэтому идет медленная, но неуклонная трансформация режима от воровского либерального беспредела к национальной форме демократии.

Лидеры новой России еще не пробили брешь в том пласте лжи, что отделяет их от народа, жаждущего правды и воли, национального достоинства и элементарной пользы от власти. Но это произойдет уже совсем скоро.

Мы будем жить в России без коммунистического вранья и “демократического” ворья, без старо-новой номенклатуры. Мы будем теми “старыми русскими”, чья история соразмерна лишь истории Рима, мы будем теми “новыми русскими”, которые очистятся от болезни столетия — интернационализма и космополитизма. А вместо номенклатуры у власти мы поставим лучших из нас — русскую элиту, готовую на служение и подвиг во имя России.